MUZEUL NAȚIONAL DE ISTORIE A MOLDOVEI

Tyragetia

Arheologie
Istorie Antică

SERIE NOUĂ

Vol. X [XXV] nr. 1

Chișinău
2016

ISSN 1857-0240 Categoria B

MUZEUL NAȚIONAL DE ISTORIE A MOLDOVEI

TYRAGETIA

Colegiul de redacţie

Redactor responsabil: dr. hab. Eugen Sava
Secretar de redacţie: dr. Aurel Zanoci
Redactori: Vlad Pohilă, Mariana Balan

Membri: dr. Marius Alexianu (Iaşi); dr. Ana Boldureanu (Chişinău); dr. Nikolaus Boroffka (Berlin); dr. Maria Danilov (Chişinău); dr. hab. Ion Eremia (Chişinău); dr. hab. Alexander Falileyev (Aberystwyth University Ceredigion); dr. Elena Izbitzer (New York), dr. hab. Elke Kaiser (Berlin); dr. Maia Kašuba (Sankt Petersburg); dr. Igor Manzura (Chişinău); dr. Eugen Nicolae (Bucureşti); dr. hab. Ion Niculiţă (Chişinău); dr. Virgil Nițulescu (București); dr. hab. Elena Ploşniţă (Chişinău); dr. Elena Postică (Chişinău); dr. hab. Gheorghe Postică (Chişinău); dr. Ion Tentiuc (Chişinău); dr. hab. Valentin Tomuleţ (Chişinău); dr. Victor Trifonov (Sankt Petersburg); dr. Lilia Zabolotnaia (Chişinău).

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialişti în domeniu.
All the papers to be published are reviewed by experts.

Revista „Tyragetia” apare de două ori pe an.
Journal „Tyragetia” appears twice a year.

Manuscrisele, cărţile şi revistele pentru schimb, precum şi orice corespondenţă se vor trimite pe adresa Colegiului de redacţie al „Tyragetiei”: *Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989 nr. 121 ”A”, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova*. Tel. (o373+22) 238279, e-mail: tyragetia@starnet.md

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the „Tyragetia”: *Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989 nr. 121 ”A”, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova*. Tel. (o373+22) 238279, e-mail: tyragetia@starnet.md

Design: Ivan Litsuk, Mihai Sava

© Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei

Verum ab Histro oppida Cremniscoe, Aepolium, montes Macrocremni, clarus amnis Tyra, oppido nomen inponens ubi antea Ophiusa dicebatur. In eodem insulam spatiosam incolunt **Tyragetae**; abest a Pseudostomo Histri ostio CXXX.

Plinii Secundi, *Naturalis Historia*, IV, 12 (26), 82

Iar de la Istru înainte se află oraşele Cremniscoe, Aepolium, munţii Macrocremni, vestitul fluviu Tyras, care dă numele şi oraşului, numit odinioară Ophiusa. Tot acolo este o insulă întinsă, locuită de **tirageţi**, la o depărtare de o sută treizeci de mii de paşi de braţul Pseudostomon al Istrului.

Pliniu cel Bătrân, *Istoria naturală*, IV, 12 (26), 82

CUPRINS
(Contents)

I. Studii (Researches)

Наталья Бурдо
Керамика «типа Кукутень С» в керамических ансамблях культурного комплекса Кукутень-Триполье (Постановка проблемы и краткая историография) (The Cucuteni C pottery in the Cucuteni-Trypillia cultural complex (Formulation of the problem and a brief historiography) 7

Ion Tentiuc, Valeriu Bubulici, Angela Simalcsik
Despre mormântul de incineraţie în situlă de bronz de la Sipoteni (sec. II-I a. Chr.) (Cremated remains in bronze situla from Sipoteni (2nd-1st centuries BC)..... 39

II. Materiale şi cercetări (Papers and surveys)

Гурам Чхатарашвили
Финальный верхний палеолит в пещере Дзудзуана (Final Upper Paleolithic assemblages in Dzudzuana Cave)..... 75

Stanislav Ţerna, Thomas Saile, Maciej Dębiec, Martin Posselt
Scanări geofizice şi cercetări arheologice pe situri din neoliticul târziu - eneoliticul timpuriu de pe teritoriul Republicii Moldova (2014-2015) (Geophysical prospections and archaeological investigations of Late Neolithic - Early Copper Age sites from the Republic of Moldova (2014-2015) 81

Stanislav Ţerna, Maciej Dębiec, Andreea Vornicu-Ţerna, Mariana Vasilache-Curoşu, Thomas Saile
Rezultatele preliminare ale cercetărilor arheologice întreprinse în anul 2016 în aşezarea neo-eneolitică de la Nicolaevca V (Preliminary results of the archaeological investigations in the Neolithic and Copper Age site of Nicolaevca V during the 2016 excavation season)..... 117

Михаил Видейко
Исследования поселения Триполье (Investigations of Trypillia site)..... 129

Дмитрий Киосак
К интерпретации кремнеобработки Прекукутень - Триполье А (On the interpretation of lithic industry of Pre-Cucuteni - Trypillia A) 147

Regina Uhl, Mariana Vasilache-Curoşu, Veaceslav Bicbaev, Mariana Sîrbu, Livia Sîrbu
Bericht über die archäologischen Arbeiten in Petreni, Republik Moldau (Raport cu privire la cercetările arheologice de la Petreni, Republica Moldova)..... 165

Сергей Разумов, Сергей Лысенко, Виталий Синика, Николай Тельнов
Ритуальный комплекс раннего бронзового века с левобережья Нижнего Днестра (Early Bronze Age ritual complex from the left bank of the Lower Dniester) 175

Mariana Sîrbu, Veaceslav Bicbaev
O groapă din perioada târzie a epocii bronzului descoperită în zona lacului „Valea Morilor" din oraşul Chişinău (A pit of the Late Bronze Age discovered near the lake of Valea Morilor in Chişinău)..... 195

Галина Кущ, Гульнара Джумабекова, Сергей Демиденко, Галия Базарбаева
Клад эпохи поздней бронзы с клепаным сосудом из Восточного Казахстана (A Late Bronze Age hoard with a riveted vessel from East Kazakhstan)..... 201

Николай Тупчиенко
Поиск географии и путей формирования мифоритуальной символики железа у населения Северного Причерноморья по данным археологии (Research of the geography and ways of formation of mythological and ritual symbolism of the iron at the population of the Northern Black Sea coast according to archaeological data) 211

Арман Бейсенов, Гульнара Джумабекова, Галия Базарбаева, Данияр Дуйсенбай
Находка костяного футляра в кургане тасмолинской культуры (Центральный Казахстан) (A find of a bone case in the Tasmola culture kurgan (Central Kazakhstan)..... 225

Octavian Munteanu
Noi descoperiri defensive în partea de vest a promontoriului Butuceni, raionul Orhei (cercetările arheologice din anul 2015) (Nouvelles découvertes défensive dans l'ouest du promontoire Butuceni, Orhei (Recherche archéologique en 2015) 237

Денис Топал, Валерий Бубулич
Уникальная находка позднелатенского кинжала типа *сика* в Республике Молдова (Unique find of late La Tène *sica* dagger from Republic of Moldova) 253

Liana Oţa, Valeriu Sîrbu
The early settlement of Sarmatians in Wallachia (Situri sarmatice timpurii în Muntenia) 261

Vlad Vornic
Chronology of Sântana de Mureş-Černjachov type necropolis from Brăviceni commune, Orhei district (Cronologia necropolei de tip Sântana de Mureş-Černjachov de la Brăviceni, r-nul Orhei)..... 285

Vlad D. Ghimpu
Biserici paleocreştine din spaţiul românesc în evul mediu timpuriu (Paleo-Christian churches in the Romanian area in the early Middle Ages) 303

Екатерина Моця
Традиции античности в военном искусстве средневековой Таврики (Traditions of antiquity in the art of war of Taurica in the Middle Ages) 315

George Dan Hânceanu
Un lot de obiecte medievale din târgul Romanului (punctul *Cuptor*) (Objets de la période médiévale de la bourgade de Roman (le point *Cuptor*) 323

Costin Croitoru
Topoare medievale identificate în judeţul Galaţi (Mediaeval axes discovered in the Galaţi County).... 333

Антон Костенко
«Утерянная коллекция» Ивана Суручана в Херсонском областном краеведческом музее ("Lost collection" of Ion Suruceanu in Kherson Regional Museum) 345

Sergiu Matveev
Începuturile arheologiei în RSSM (The beginnings of archaeology in MSSR)..... 357

Ana Boldureanu
Cronica descoperirilor monetare (X) (Chronicle of monetary findings (X)..... 369

III. Recenzii şi prezentări de carte (Paper and book review)

Bogdan Petru Niculică, Epoca bronzului în Podişul Sucevei, Suceava: Editura Karl A. Romstorfer, 2015, 622 p. ISBN 978-606-8698-06-9 *(Vasile Diaconu)*..... 377

IV. Omagieri (Homage)

Борису Раеву – 70 *(Сергей Белецкий, Лев Клейн)*..... 381

Елене Избицер – 60 *(Борис Раев, Юрий Рассамакин)* 386

V. In memoriam

In memoriam Gheorghe Dumitroaia (23.04.1949-6.04.2016) *(Vasile Diaconu)*..... 389

В память о Станиславе Никифоровиче Братченко (3.09.1936-21.02.2011) *(Яков Гершкович, Сергей Санжаров, Юрий Рассамакин, Виктор Трифонов)*..... 392

Lista abrevierilor (List of abbreviation) 409

Condiţiile de publicare în revista „Tyragetia"..... 412

The following conditions for publishing in the „Tyragetia" journal..... 413

Условия для публикации в журнале «Tyragetia» 414

КЕРАМИКА «ТИПА КУКУТЕНЬ С» В КЕРАМИЧЕСКИХ АНСАМБЛЯХ КУЛЬТУРНОГО КОМПЛЕКСА КУКУТЕНЬ-ТРИПОЛЬЕ (Постановка проблемы и краткая историография)

Наталья Бурдо

Ключевые слова: Кукутень, Триполье, керамика типа Кукутень С, импорт, влияние.

Керамика типа Кукутень С – новая разновидность «кухонной» керамики, появляющаяся в материалах Триполья В1. Термин введен Г. Шмидтом (Schmidt 1932, 43-45), разделившим на три категории, А В и С, керамику эпонимного поселения Кукутень-*Четэцуя*. Керамика типа А и В расписная, она соответствует двум основным хронологическим периодам культуры Кукутень. Керамика типа Кукутень С по технологическим, морфологическим и стилистическим признакам резко отличалась от расписной керамики типа Кукутень А и В. Она почти всегда представлялась инородным элементом в керамическом комплексе Триполья-Кукутень. Истоки ее некоторые исследователи искали на севере[1], где предположительно обитали очень слабо изученные до середины XX в. неолитические племена «восточнобалтийского круга» по Г. Шмидту (Schmidt 1932, 80-81), «*культуры дюнных поселений Северной Украины*» согласно предположению О. Кандыбы (Кандиба 2007, 115) или неолитическое население лесной зоны Европы (Crîşmaru 1977, 61-64; Marinescu-Bîlcu 1981, 88). Однако большинство специалистов полагало, что появление керамики типа Кукутень С связано со степным импульсом, и степным влияниям придавалось большое значение (Мовша 1998).

Керамика «типа Кукутень С» чаще всего рассматривается в категории «кухонной» керамики. Причем она заметно отличатся от прекукутенской керамики этой категории формовочной массой и обработкой поверхности. Считается, что одним из обязательных признаков керамики «типа Кукутень С» является наличие примеси измельченной раковины, однако это не совсем верно, так как на некоторых памятниках Триполья характерные по форме и орнаментации сосуды керамики этого типа изготовлены из массы с разными минеральными примесями (Шумова 1994, 82; Заец, Рыжов 1992, 86), но не раковины. Для керамики типа Кукутень С памятников этапа Триполья С1 характерны различные минеральные примеси, сосуды с примесью раковины составляют, например, около 10% в Майданецком (Шмаглий, Видейко 2001-2002, 91) и не более 13% в Тальянках (Рыжов 2008, 134). Наравне с раковиной в качестве примеси использован известняк. Очевидно, что сам по себе такой показатель, как примесь раковины, не может быть основанием для отнесения сосудов к керамике «типа Кукутень С». Керамика типа Кукутень С выделена на основании комплекса признаков, хотя иногда на основании примеси раковины к керамике типа С относят сосуды нескольких разных категорий керамики (например, Alaiba 2004, fig. 1; 3/3, 13; 4/5, 7, 9). Отметим также, что керамические ансамбли некоторых поселений демонстрируют смешение технологических, морфологических и стилистических характеристик посуды разных категорий. В связи с этим примесь раковины наблюдается в формовочной массе немногочисленных образцов керамики без орнаментации в поселении Прекукутень II - Триполье А Бернашевка, а также в керамике с углубленным орнаментом из памятника сабатиновского типа Тополи (Пересунчак 2015, рис. 2), с прочерченным декором из Коломийцевого Яра (рис. 3/6).

Вероятно, примесь раковины в формовочные массы в некоторых случаях можно рассматривать как естественную примесь в связи с

[1] Керамика с примесью раковины характерна для неолитических культур прибалтийской группы, встречается в керамике гребенчатой керамики в Польше. Д.Я. Телегин считает, что неолитическая керамика с большим или меньшим содержанием раковины распространена главным образом в двух регионах: степной зоне Восточной Европы и Прибалтике (Телєгін 1968, 164, 224).

использованием в гончарстве глины из водоемов. Что в особенности вероятно для керамического производства поселений, расположенных на берегах водоемов, где водились раковины. Очевидно, что использование раковины в качестве примеси было возможно и целесообразно только в соответствующих условиях наличия водоемов. Отметим, что средестоговские памятники, как и трипольские поселения коломийщинской и чапаевской групп, керамика которых содержит обильную примесь раковины, расположены на берегу Днепра или невдалеке от его притоков – рек Красной и Стугны. Анализ керамических комплексов разных поселений показывает, что раковина не являлась эксклюзивным отощителем при изготовлении керамики типа Кукутень С, другие минеральные примеси, в особенности известняк, а также дресва использовались в тех же целях, успешно заменяя раковину (например, Рыжов 2008, 135). Так в керамике среднебужских поселений разных этапов, расположенных в относительном отдалении от Южного Буга (Гусєв 1997, 44, рис. 1), обнаружены различные минеральные примеси, но не раковина (Гусєв 1997, 104).

Характерными стилистическими чертами керамики «типа Кукутень С» является использование разных способов углубленного и пластичного декора в верхней части сосуда, а также обработка внешней/ внутренней поверхности сосудов инструментами, которые оставляли характерные следы – расчесы. Такой прием обработки поверхности изделий характерен также и для днепро-донецкой (Телегін 1968, 162) и среднестоговской культур. Причем для керамики среднестоговской культуры характерно сочетание примеси раковины, расчесов, а также штампованная и прочерченная орнаментация (Телегін 1973, 81). Керамические комплексы среднестоговских памятников представлены при этом единственной категорией керамики и отличаются бедностью форм (доминируют горшки).

Синонимом термина керамика «типа Кукутень С» в трипольеведении часто выступает название «кухонная керамика» (с примесью раковины). Однако такие особенности керамики типа Кукутень С, как вариабельность размеров (от совсем небольших сосудиков объемом 200 мл до горшков вместимостью до 2 л), преимущественно незначительная доля в керамическом комплексе (1-15%), использование пластического декора и сосудов на ножках позволяют предположить, что керамика типа Кукутень С имела различные функции, в том числе и ритуальную.

Впервые вопрос о юго-восточном «степном» источнике происхождения некоторых элементов керамики типа Кукутень С поставила Т.Г. Мовша (Мовша 1961)[2]. Сходство керамики типа Кукутень С, происходящей главным образом с поселения Солончены II, и сосудов среднестоговской культуры позволило исследовательнице обосновать связи Триполья-Кукутень с синхронными племенами степного региона. В более поздних работах Т.Г. Мовша, основываясь в основном на работах В.Н. Даниленко, приводит аргументацию для отнесения начала контактов трипольцев со степью к этапам Триполья В 1 (Мовша 1961) и А (Мовша 1998). Исследовательница видела причину «продвижения» представителей среднестоговского населения в регион, занятый земледельцами, в первую очередь на Днестр, в поисках возможностей получения металла, говоря об «экспедициях стрильчанского населения в поисках готовых изделий из металла». Т.Г. Мовша полагала, что среднестоговские влияния начинались с Днестра и оттуда распространялись на Южный Буг (Мовша 1998, 127), хотя Южный Буг расположен ближе к территории распространения среднестоговской культуры.

Поднятая Т.Г. Мовшей проблема прочно вошла в историографию, однако предположение Т.Г. Мовши о связях Триполья А со среднестоговским населением на основании сходства «паркетной» орнаментации на сосудах из Луки-Врубливецкой и Ленковцев (Мовша 1998, 125) со среднестоговскими орнаментальными

[2] Керамика «типа Кукутень С», выделенная ранее Т.Г. Мовшей на поселениях Кадиевцы (Мовша 1961, 195; 192, рис. 4) и Кудринцы (Мовша 1961, 195; 192, рис. 6), которые датировались этапом Триполья В1, относится к более позднему времени. Н.М. Виноградова установила, что, как и предполагал М.Я. Рудинский, в Кадиевцах присутствуют материалы двух хронологических горизонтов – Триполья В1 и В1-В2 (Виноградова 1983, 36). Именно с периодом Триполья В1-В2 и связывается типологически керамика с примесью раковины. Фрагменты сосудов с примесью раковины, гусеничным штампом и рельефными налепными деталями из Кудринцев (Пассек 1949, 47, рис. 17/1-3), описанные Т.Г. Мовшей (Мовша 1961, 195-196), типологически сопоставимы с керамикой типа Кукутень С этапа Триполья В2. Впоследствии Т.Г. Мовша относила оба поселения к этапу Триполья В1-В2 (Мовша 1998, 150).

мотивами неубедительно. Приведенные мотивы керамики (Мовша 1998, 142, рис. 9/8-11) с прочерченным орнаментом и каннелюрами характерны для финала Триполья А и начала В1, в том числе и в расписном варианте (рис. 1/6). С появлением первой работы Т.Г. Мовши о связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века заявленная в ней тема стала достаточно популярной, однако нашлись и противники выведения традиций керамики типа Кукутень С из степного энеолита (Dodd-Opriţescu 1980; Dodd-Opriţescu 1983).

В.Н. Даниленко удревнил связи Триполья со степью, установленные Т.Г. Мовшей, и привлек внимание к восточному «степному» направлению контактов трипольской культуры в начале среднего Триполья. На основании четырех фрагментов трипольской керамики, найденных в нечетких стратиграфических условиях и относящихся к разным этапам (В1 и В1-В2) в днепровском памятнике Стрильча Скеля, В.Н. Даниленко сделал вывод о том, что «*связи населения Стрильчей Скели с Трипольем отличались особой интенсивностью в первый период аккумуляции слоя*» (то есть горизонта среднестоговской культуры). Исследователь утверждал, что «*племена скелянской фазы развития … представляли собой силу, способную оказать значительное влияние на этнокультурное развитие соседних племен*» (читай: трипольских). Один из аргументов в пользу такого мнения В.Н. Даниленко видел в процессе «*замены обычных раннетрипольских банкообразных кухонных сосудов горшками с примесью ракушки в глине и обладающими другими признаками среднестоговской посуды*» (Даниленко 1974, 71). Очевидно, что изложенные факты о керамике с примесью раковины в керамических ансамблях Триполья В1 - Кукутень А не имеют ничего общего с картиной, нарисованной В.Н. Даниленко. Основанием для таких выводов исследователю послужили единичные керамические материалы из Сабатиновки 1 и Березовской ГЭС.

К сожалению, в работе В.Н. Даниленко описание сосудов, рассматриваемых как «степные» влияния, или даже импорты, приводится суммарно по двум памятникам сабатиновского типа без четкой привязки к конкретным комплексам (Даниленко 1974, 71-72, 102-103). Сопоставление рисунков двух из приведенных фрагментов с оригиналами (рис. 1/8-9), хранящимися в Научных фондах Института археологии НАНУ (Бурдо 2015, рис. 4/7-8), показывает неполное их соответствие (Даниленко 1974, 103, рис. 68/3, 9). Это заставляет усомниться в достоверности других изображений «степной керамики» (Даниленко 1974, 103, рис. 68/1, 5, 10). Проверка сомнений невозможна из-за отсутствия прототипов. В более ранней работе В.Н. Даниленко к материалам из Березовской ГЭС причислен сосуд с расчесами, который типологически относится к более позднему периоду и не может быть в керамическом комплексе Триполья В1 (Даниленко, Шмаглий 1972, 189, рис. 7/5). В ней же речь идет о двух остродонных горшках из Сабатиновки 1, хотя на рисунке изображен только один достоверно остродонный сосуд, который фигурирует еще в нескольких изданиях (Даниленко, Шмаглий 1972, 18, рис. 7/1; Даниленко 1974, 103, рис. 68/2; Мовша 1981, 62, рис. 1/2) как доказательство контактов со степью. Этот артефакт является фрагментом черпака. Круглодонные и остродонные черпаки характерны для керамического комплекса Триполья А - Прекукутень (Зиньковская 1978, 210, рис. 2/4; 212, рис. 3/5). Полная аналогия черпаку из Сабатиновки 1 происходит из раннетрипольского поселения Слободка-Западная (Патокова и др. 1989, 16, рис. 5/9). В.Н. Даниленко пишет о «*нескольких остродонных горшках*» из Березовской ГЭС (Даниленко, Шмаглий 1972, 17, 18, рис. 7), хотя на рисунках видно, что острые донья – результат реконструкции, а не археологическая находка. Достоверные находки острых или круглых доньев для Триполья В1 неизвестны, поэтому остродонные сосуды должны быть исключены из перечня среднестоговских элементов на памятниках Триполья В1 - Кукутень А3.

Таким образом, глобальные выводы В.Н. Даниленко об этноисторическом процессе середины четвертого тысячелетия до н.э., в частности изменения под влиянием степняков хозяйства и культуры Триполья, не всегда основаны на достоверных источниках[3].

[3] Еще один пример недостаточно добросовестного отношения к подаче находок – изображение так называемой «застежки-псалии» (рис. 1/16) из Сабатиновки 1 (Даниленко, Шмаглий 1972, 10, рис. 4). В действительности выступ на этом предмете загадочного назначения (Бурдо 2015, рис. 4/5) имеет не петельку, а прорезь, поэтому никак не мог быть застежкой (рис. 1/16).

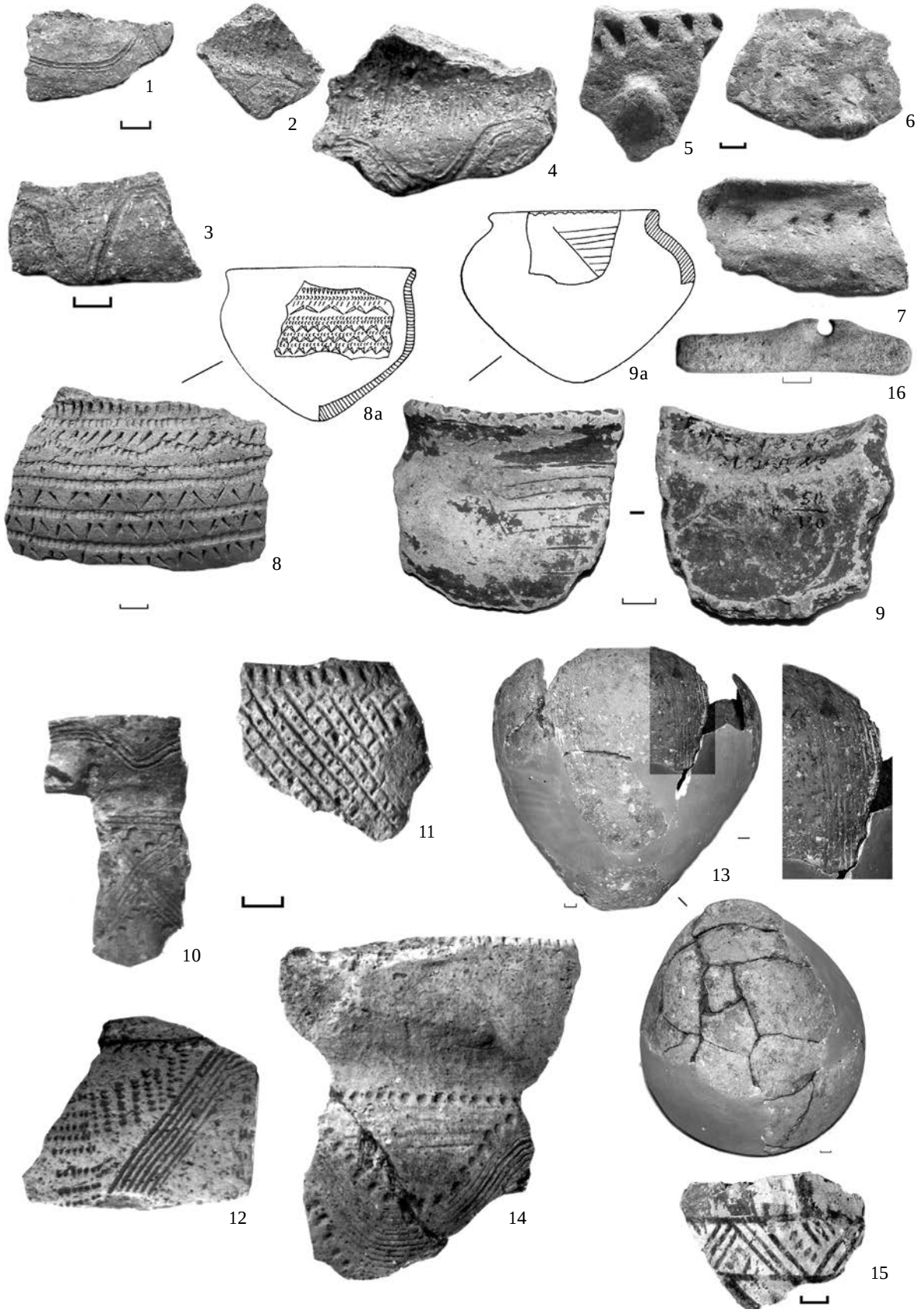


Рис. 1. Керамика поселений Триполья В1: 1-4 - Непоротово 22; 5-9 - Березовская ГЭС (8а, 9а по Даниленко 1974); 10-14 - Васильевка (по Збенович, Шумова 1989); 15 - Дарибаны; 16 - Сабатиновка 1.

Е.К. Черныш рассматривала появление керамики с примесью раковины как свидетельство контактов трипольско-кукутенских и среднестоговских племен (Черныш 1982). По мнению исследовательницы, древнейшие образцы «степной» посуды появились на Южном Буге в памятниках сабатиновского типа, и затем среднестоговского типа керамика «*очень скоро от прибугских племен попала к ближайшему населению Поднестровья, а затем и к общинам более отдаленных территорий, успешно внедрившись в быт даже некоторых кукутенских общин*». Е.К. Черныш пишет об «*остродонных сосудах с раковинной примесью в тесте, покрытых по венчику и плечикам скорописно-накольчатым орнаментом..., привезенных в Побужье из области распространения памятников раннего этапа среднестоговской культуры...*» (Черныш 1982, 198). Однако факты свидетельствуют о том, что в сабатиновских памятниках не выявлено ни образцов скорописно-накольчатого орнамента, ни остродонной посуды (Бурдо 2015), образцы которой присутствуют в керамических ансамблях некоторых поселений Триполья B1/B2.

Н.М. Виноградова также ссылается на появление «степной керамики» на памятниках сабатиновского типа. По ее мнению, «кухонная» керамика Триполья B1 с примесью раковины «*часто имитирует трипольскую кухонную посуду с примесью шамота в тесте*». В действительности речь идет о нескольких черепках типичных трипольских сосудов, но содержащих примесь раковины (рис. 1/5-7). Сосуды с примесью раковины, обнаруженные среди материалов поселений Кукутень A4, Н.М. Виноградова рассматривает как свидетельство проникновения «*степных элементов на запад*» (Виноградова 1983, 79-80).

В.Я. Сорокин полагал, что «*второй этап генезиса культуры Кукутень начинается с появлением в Северо-Западном Причерноморье степных скотоводческих племен*», которые рассматриваются исследователем как один из факторов, способствовавших процессу генезиса культуры Триполье-Кукутень (Сорокин 1993, 86-87). С этим мнением трудно согласиться хотя бы уже потому, что доля «степной» керамики в керамических комплексах редко превышает 10-15%.

А. Додд-Оприческу оказалась в меньшинстве, поставив под сомнение влияние степных керамических традиций на Кукутень. По мнению исследовательницы, все элементы, характерные для орнаментации сосудов типа Кукутень С можно вывести из традиций Прекукутень. С эти трудно не согласится, однако следует отметить, что сходные трипольские и среднестоговские технологические, морфологические и стилистические элементы выступают в различных комбинациях, специфичных для каждой из культур. А. Додд-Оприческу высказала прозвучавшее диссонансом предположение, что сходство в керамике Триполья-Кукутень и среднестоговской культуры может объясняться влиянием прекукутенского населения восточного региона на среднестоговскую культуру, а не наоборот (Dodd-Oprițescu 1980; Dodd-Oprițescu 1983). Мнение А. Додд-Оприческу получило гневную, но в целом справедливую отповедь Т.Г. Мовши (Мовша 1998, 125).

По мнению И.В. Палагуты, наличие степной керамики с ракушечной примесью на большинстве поселений в пределах всего трипольско-кукутенского ареала отмечает присутствие носителей чужой керамической традиции. Он попытался обосновать технологическую обособленность керамики типа Кукутень С, основываясь на наблюдениях способов изготовления сосудов этой категории в Друцах в технике «выбивки», чуждой трипольской. По мнению И.В. Палагуты, при использовании такой техники формовки сосудов получаются очень тонкие стенки и прослеживаются следы от ударов колотушкой, имеющие вид уплощений. По наблюдениям М.В. Палагуты, в технике выбивки изготовлена керамика на памятнике Средний Стог (Палагута 1998, 6, 11). Однако такое утверждение вызывает большие сомнения по двум причинам. Во-первых, сосуды этой коллекции весьма фрагментарны, а на фрагментах небольшого размера проследить следы «уплощений» достаточно сложно. Во-вторых, среднестоговские сосуды, в отличие от трипольских, часто бывают достаточно толстостенными, что противоречит утверждениям И.В. Палагуты о получении тонких стенок путем «выбивки». Определение способов формовки сосудов возможно только при визуальном ознакомлении с материалом, поэтому если даже признать наличие такой техники на отдельных поселениях, материалы

которых осмотрены И.В. Палагутой, что тоже выглядит не очень убедительно, то это еще не доказывает, что в других случаях использовался тот же прием. Остальные особенности керамики типа Кукутень С рассматриваются И.В. Палагутой суммарно. Ни для одного памятника не указано число найденных сосудов или фрагментов керамики с примесью раковины. Процентное соотношение их – важный показатель, но в небольших коллекциях даже единичные сосуды могут составлять ощутимый процент, не говоря уже о фрагментах. Как и в большинстве других работ на эту тему, конкретные данные о керамике отсутствуют и заменяются общими описаниями, причем не всегда точными[4], что снижает достоверность выводов о том, что распространение керамики типа Кукутень С в культуре Триполье-Кукутень «*можно рассматривать как отражение проникновения степного элемента и, в частности, как инкорпорацию носителей «степной» традиции в среду ранних земледельческих общин начиная с этапа Кукутень А3*» (Палагута 1998, 12).

В связи с идеями И.В. Палагуты приведем мнение Н.С. Котовой, которая настаивает на том, что трипольская керамика этапов Триполья В1 и В1-В2, обладающая чертами среднестоговской культуры, изготовлялась на трипольских поселениях и присущие ей «*степные традиции часто переработаны в трипольском духе*» (Котова 2006, 126).

Р. Алайба отмечает, что особенно большое количество керамики типа «С» найдено на поселениях трипольской культуры, расположенных вблизи территории степных сообществ. К степным элементам исследовательница причисляет примесь раковины, плохой обжиг, углубленные украшения, сделанные специальными инструментами, шнур, жемчужины, защипы. Ссылаясь на мнение Е.В. Цвек и данные Н.Н. Скакун, Р. Алайба полагает, что количество керамики типа «С» возрастает от периода Триполья А до Триполья В и С, а в Кукутень – с конца фазы А к АВ и В. Исследовательница справедливо предполагает, что сезонное поселение Лунка-Нямц привлекало пришельцев как с восточного региона, так и из Прикарпатской Молдовы, расположенной за 300 км, возможностью получить соль. По мнению Р. Алайбы, степные пришельцы отставили след в виде своих символов в кукутенской керамике, они распространяли в трипольско-кукутенской среде новые социальные и религиозные парадигмы. Источники появления керамики типа «С» могут быть найдены как внутри, так и вне культурного комплекса Прекукутень/Кукутень-Триполье (Alaiba 2006).

Отмеченное впервые Т.Г. Мовшей сходство определенной категории керамики Триполья-Кукутень со среднестоговской керамической традицией является свидетельством контактов трипольско-кукутенского и «степного» населения. Однако определение событий, стоящих за этим фактом, требует специального изучения с подробным анализом всех имеющихся материалов, в первую очередь керамики. На наш взгляд, значение и масштабы таких контактов не стоит переоценивать, в особенности для периода Триполья В1 - Кукутень А.

Определение роли среднестоговских традиций в формировании культуры Кукутень играет важную роль в изучении локально-хронологической структуры культурного комплекса Триполье-Кукутень, что и заставляет обратиться как к анализу трипольской керамики типа Кукутень С, так и к сравнению ее со среднестоговской и/ или керамикой других соседних культур. Сравнительный анализ керамических традиций двух культур предполагает краткую характеристику их керамики.

Керамика среднестоговской культуры

Керамика Стрильчей Скели[5], отражающая скелянский тип (этап, культура) среднестоговской культуры (Рассамакін и др. 2006, 48), изготовлена из глины с обильной примесью раковины (рис. 2/1-16). Цвет черепка варьирует в желтой и серой гамме, отдельные фрагменты черного или кирпичного цвета. Толщина стенок сосудов средняя или большая, тонкостенные экземпляры встречаются реже. Внешняя поверхность сосудов заглажена, следы полосчатого сглаживания изредка встреча-

[4] Отметим, что на карте памятников Средний Стог и Кичкас размещены на достаточно большом удалении друг от друга (Палагута 1998, 9, рис. 3), в то время как по данным Ю.Я. Рассамакина это два названия для одной стоянки (Рассамакін и др. 2006, 45). Такие промахи вводят в заблуждение читателей.

[5] Материалы из коллекции №45 Научных фондов ИА НАНУ.

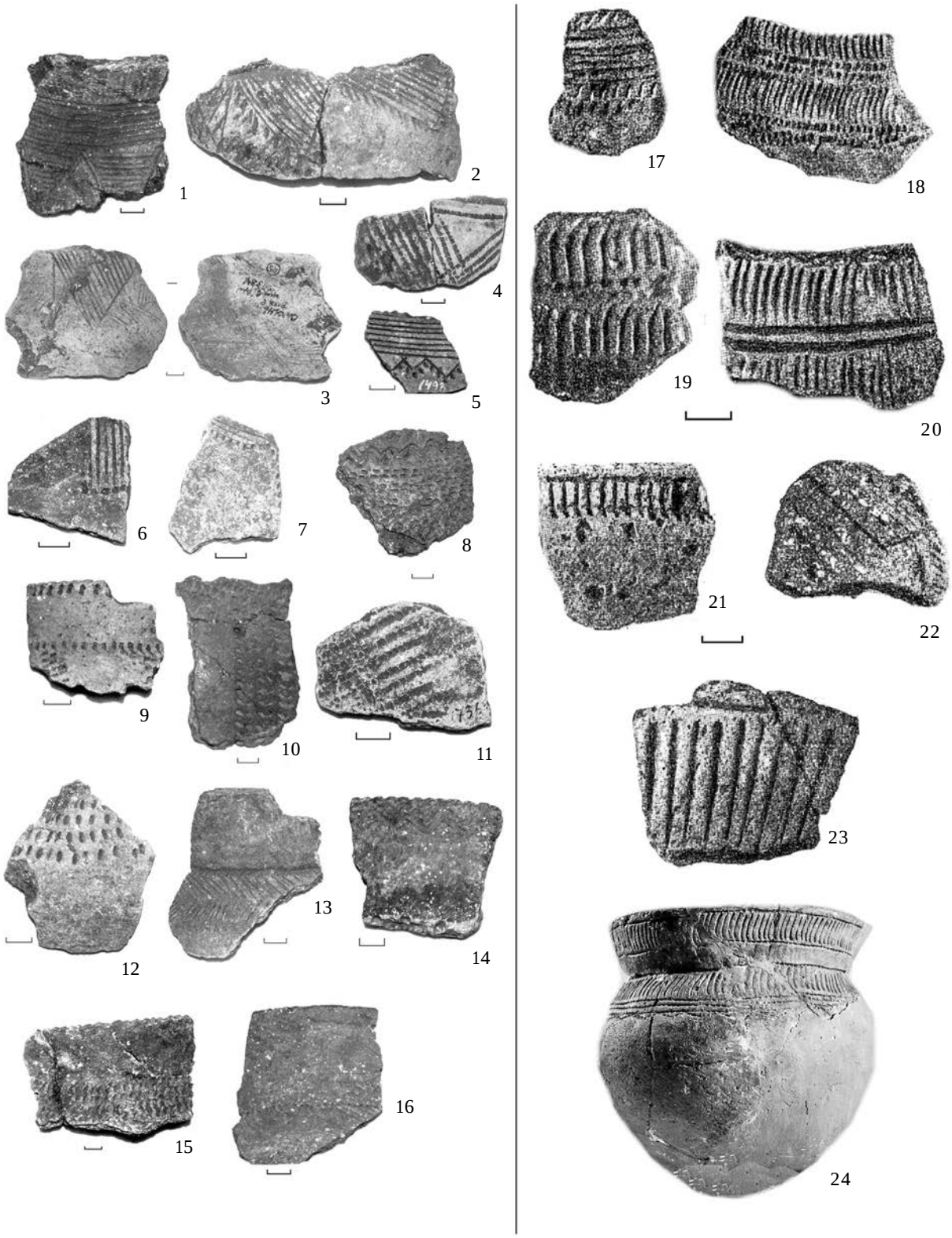


Рис. 2. Керамика среднестоговской культуры: 1-16 - скелянский этап; 17-24 - стоговский этап.

ются с внутренней стороны сосудов (рис. 2/3). Представлены преимущественно фрагменты горшков с высоким прямым или слегка выпуклым венчиком с косо срезанным краем (рис. 2/1, 10, 13-16), часто по срезу венчика нанесен орнамент в виде насечек или оттисков штампа (рис. 2/10, 13-16). Судя по имеющимся фрагментам, горшки были круглодонными и остродонными. Декор расположен только в верхней части сосудов. Преобладает орнамент из прочерченных тонких неглубоких линий (рис. 2/1, 3, 13, 16), часто в сочетании с линиями наколов, овальных и круглых ямок (рис. 2/2, 6), иногда оттисков мелкозубчатого гребенчатого штампа, квадратного или прямоугольного в сечении (рис. 2/8). Волнистые ленты выполнены более широкими и неглубокими линиями (рис. 2/8, 14). Часть сосудов украшена только штампованным орнаментом (рис. 2/4, 9, 15). Кроме гребенчатого штампа с мелкими и очень мелкими оттисками, отмечен штамп, оставляющий оттиски в виде «скобок» (рис. 2/9), серпиков маленького размера (рис. 2/15), овальные или круглые ямки (рис. 2/10). Некоторые сосуды декорированы ямочным орнаментом (рис. 2/12). Корреляция техники орнаментации и орнаментальных композиций затруднительна в связи с малочисленностью и фрагментарностью материала. Выделяется две орнаментальные зоны: на венчике (рис. 2/9, 15, 14) и на плечиках. На плечиках наиболее распространен орнамент в виде шеврона, образующего свисающие заштрихованные треугольники (рис. 2/1-4), встречается мотив «елочки» (рис. 2, 13), вертикальное построение орнамента разного типа (рис. 2/6, 10). В некоторых случаях ямки или штампованный узор сплошь покрывает плечики (рис. 2/12, 15). При внимательном осмотре фрагментов керамики на некоторых из них заметны следы красной и белой краски, что может свидетельствовать о том, что углубления заполнялись краской. Следы красной краски в углублениях узора аналитически установлены для II Хвалынского могильника (Васильева 2010, 193).

Керамика Среднего Стога[6] характеризует стоговский тип (этап, культура) среднестоговской культуры, следующий за скелянским (Рассамакін и др. 2006, 48). Технологические и морфологические особенности скелянской и стоговской керамики в целом идентичны. В орнаментации, расположенной в тех же зонах, также прослеживаются мотивы треугольников. Вместо прочерченных линий чаще всего используется мелкозубчатый гребенчатый штамп. Новым способом орнаментации, характерным для стоговской керамики, является гусеничка – особый тип штампованного декора в виде оттисков намотанного на палочку шнура (витой шнур). Гусеничка образует орнаментальные композиции и фризы. Характерны также серповидные оттиски крупного размера, вероятно, выполненные краем раковины Unio. Иногда край раковины оформлен в виде мелкозубчатого штампа[7]. Ленты из серповидных оттисков чередуются с полосами крупнозубчатого штампа (рис. 2/18) или глубоких прочерченных линий (рис. 2/20), а также треугольников, выполненных мелкозубчатым штампом (рис. 2/24).

Керамика «типа Кукутень С» в Триполье В1 - Кукутень А

Керамика с раковинной примесью («кухонная») из керамических комплексов Триполья В1 - Кукутень А представлена двумя категориями. К первой категории относится посуда, не отличающаяся по внешнему виду, морфологическим и стилистическим признакам от традиционной «кухонной» керамики Триполья А - Прекукутень - Триполья В1 - Кукутень А, для которой, как правило, характерна примесь шамота и, иногда, крупнозернистого песка. Слабо профилированные горшки отличаются бедностью оформления, которое сводится к одному – двум рядам ямок разной формы, опоясывающим плечики, а также налепным выступающим деталям (рис. 1/5-6). Такие сосуды, фрагменты которых выявлены в материалах поселений сабатиновского типа, а также в Борисовке (Радієвська 2002, 475), Дарибанах (Мовша 1961, 196), Варатик XII (Palaguta 2007, 178, fig. 102/9; 179, fig. 103/1-3), не обладают характеристиками керамики Кукутень С. Собственно керамика «типа Кукутень С» на памятниках Триплолье В1 - Кукутень А3-4 немногочисленна, составляет в керамическом комплексе менее 1% и, как правило, не более

[6] Материалы из работы Т.Г. Мовши (Мовша 1961). Названия Кичкас и Средний Стог II относятся к одному местонахождению на Днепре – Средний Стог II (Рассамакін и др. 2006).

[7] Т.Г. Мовша упоминает находку орнаментира из раковины Unio с 12 зубцами по краю.

3%. Только в жилище №3 поселения Путинешть III отмечено 8% такой керамики[8].

С керамическими ансамблями этапа Триполья B1-Кукутень A3 связаны единичные находки керамики с примесью раковины в Скынтее (Mantu 1998, 303, fig. 41/11), Мирном (Бурдо, Станко 1981, 18, рис. 1/4), Березовской ГЭС (Бурдо 2015). Немногочисленные находки времени Триполья B1 - Кукутень A4 – Дрэгушень, Берешть, Феделешень (Mantu 1998, 303, fig. 41/1-10), Друцы, Новые Дуруиторы, Варатик (Palaguta 2007, 178, fig. 102), Журы (Sorokin 2002, 372, fig. 118/7), Красноставка (Цвек 1989, 111, рис. 4/4), Путинешть II (Sorokin 2002, 335, fig. 81/3-4), Путинешть III (Sorokin 2002, 324, fig. 70/7; 117), Костештий Ной (Sorokin 2002, 347, fig. 93/11), Васильевка (Збенович, Шумова 1989, рис. 2/15-17). По данным И.В. Манзуры насчитывается более 30 памятников Триполья B1 - Кукутень A, на которых найдена керамика «типа Кукутень С» (Манзура 2000, 264), однако не обо всех находках есть содержательная информация. Количество керамики типа Кукутень С на поселениях Триполье B1-Кукутень A3-4 колеблется от единичных экземпляров в Дрэгушень (Crîşmaru 1977) до 3% в Васильевке и до 8% в некоторых комплексах поселения Путинешть 3 (Sorokin 2002).

Единичные сосуды с памятников Триполья B1 - Кукутень A, которые относятся к керамике типа Кукутень С, характеризуются серым или желтым цветам черепка, чаще тонкостенные, с хорошо заглаженной поверхностью. Обработка поверхности сосудов «расчесами» не характерна[9].

Особого внимания заслуживают наиболее ранние образцы керамики с примесью раковины с памятников сабатиновского типа, которые связывают со «степными» среднестоговскими влияниями. Один из этих фрагментов из Сабатиновки 1 (Даниленко 1974, 103, рис. 68/3; Мовша 1981, 62/1; Бурдо 2015, рис. 4/7) происходит от плечиков сосуда, изготовленного из плотной мелкоструктурной глины с добавлением мелкодробленой раковины, белых минеральных частиц и, судя по следам, выгоревшей органики. Цвет черепка ярко желтый. На внутренней поверхности видны полосы инструмента, использованного при ее заглаживании. Внешняя поверхность тщательно заглажена, подлощена. Перегиб от венчика к плечикам и плечики украшены лентами штампованного узора, в котором чередуются прямые и зигзагообразные ряды крупнозубчатого, квадратного в сечении штампа и глубокие удлиненные вертикальные, наклонные и расположенные под углом друг другу наколы (рис. 1/8). В целом внешний вид черепка не имеет ничего общего со среднестоговской керамикой. Сочетание таких особенностей, как примесь раковины и использование штампа, как будто могут указывать на среднестоговское влияние, однако аналогий среди стреднестоговских материалов нами не выявлено. Не приводят конкретных среднестоговских прототипов для такой керамики ни Т.Г. Мовша, ни В.Н. Даниленко. Отметим, что характер штампа и расположение узора горизонтальными рядами не характерны для стреднестоговской орнаментации, однако узор из горизонтальных линий наколов типичен для хвалынской культуры (Барыкин 2010, 134, 148, рис. 9/2).

Из раскопок В.Н. Даниленко в Березовской ГЭС – верхняя часть сосуда с невысоким отогнутым наружу венчиком (Даниленко 1974, 103, рис. 68/9; Бурдо 2015, рис. 4/8). Он изготовлен из плотной мелкоструктурной глины с добавлением белых минеральных частиц и мелко дробленой раковины. Срез венчика украшен ритмично чередующимися глубокими насечками. Орнаментация на венчике и плечиках нанесена тонкими неглубокими прочерченными линиями и плохо сохранилась из-за поверхностных повреждений. Реконструируется изображение равнобедренного треугольника, направленного вниз срезан-

[8] Оперируя процентными соотношениями керамических групп необходимо отметить условность использования статистических данных для небольших выборок. Некоторые коллекции состоят из небольшого количества фрагментов, иногда немногим превышающих 100 или 500 находок, что, соответственно, снижает достоверность использования статистического метода, в особенности при сопоставлении данных подсчетов по коллекциям, существенно отличающимся по объему. Например, о керамике с примесью раковины на поселении Красноставка сообщается информация, что она представлена «несколькими фрагментами» (Цвек 1979, 173), но в памятниках типа Красноставки составляет 2,7% (Цвек 1987, 9)

[9] Исключение составляет только керамика из Кукутень-Четэцуя, где на поверхности части фрагментов прослеживаются следы вертикального полосчатого сглаживания по венчику и горизонтального по тулову сосудов (Petrescu-Dîmboviţa, Văleanu 2004, fig. 225-226). Поскольку этот памятник многослойный, то нет уверенности, что керамика типа Кукутень С связана со слоем Кукутень А, а не АВ, которому она соответствует типологически.

ной вершиной на венчике и соединенного с ним одной из вершин треугольника, изображенного на плечиках. Треугольник на плечиках заштрихован семью горизонтальными параллельными линиями (рис. 1/9). Орнаментальная композиция в виде треугольника находит аналогии в Стрильчей Скеле (рис. 2/3). Отметим, что скелянская керамика отличается более обильной примесью раковины, более крупными частицами примеси, а также более высокими венчиками.

Среди трипольских материалов в Мирном[10] обнаружен один фрагмент довольно высокого венчика от сосуда с примесью раковины. По срезу венчика нанесены насечки, он орнаментирован тонкими дугообразными линиями (Бурдо, Станко 1981, 18, рис. 1/4). Этот фрагмент обладает чертами, сближающими его с керамикой среднестоговской культуры, но не находит прямых аналогий.

На поселении Непоротово (пункт 22)[11] обнаружено четыре фрагмента керамики с обильной примесью раковины. На трех фрагментах представлена система орнаментации в виде шеврона на плечиках, образованного прочерченной волнистой линией (рис. 1/1, 3, 4), на двух читаются не очень четкие отпечатки гребенчатого штампа (рис. 1/1, 4), которым в одном случае заполнено поле шеврона (рис. 1/4). Судя по фрагментам, у сосудов с примесью раковины мог быть довольно высокий венчик. Технологические, морфологические и стилистические черты сосудов из Непоротова 22 находят аналогии в керамике из Стрильчей Скели.

С памятников Триполья B1 - Кукутень A4 происходят более выразительные образцы керамики типа Кукутень С.

В Берешть обнаружен сосуд (Mantu 1998, 303, fig. 41/9), украшенный волнистыми лентами, образованными тонкими параллельными линиями (Mantu 1998, 303, fig. 41/11).

На поселении Васильевка (финал Триполья B1 - Кукутень А) найдены фрагменты, происходящие от сосудов с примесью раковины и с довольно высокими венчиками (рис. 1/10), один из которых украшен волнистой лентой. На плечиках горшков – орнаментальная композиция в виде фриза из тонких прочерченных линий в сочетании с ямками и отпечатками штампа (рис. 1/10, 11, 14). Элементы узора находят аналогии в керамике из Стрильчей Скели (рис. 2/7, 17).

Горшок с примесью раковины из Жур (рис. 1/15) отличается тонкими стенками, округлостью придонной части с плоским дном малого диаметра. Орнамент в виде вертикальных лент из тонких линий, обрамленных ямками, очень нечеткий. Орнаментальная композиция находит аналогии в Стрильчей Скеле (рис. 2/6).

Упоминаемые В.Н. Даниленко и Т.Г. Мовшей «степные керамические импорты» в Новых Русештах выделены не автором раскопок, а В.Н. Даниленко, причем без ссылок на конкретные образцы (Даниленко 1974, 102, 170), что вызывает сомнения в достоверности такой их атрибуции.

Для керамики с примесью раковины с памятников Триполья B1 характерны горшки с орнаментальной зоной на плечиках, а иногда на венчиках. Наиболее часто встречается узор из лент, образованных очень тонкими прочерченными линиями. Такие волнистые ленты опоясывают венчик или плечики горшка (Sorokin 2002, 371, fig. 117/1-7). Мотив вертикальных отрезков лент часто сопровождается обрамлением из ямок круглой или треугольной формы (Sorokin 2002, 347, fig. 93/11; 372, fig. 118/1, 7). Орнамент из дуговидных отрезков лент в обрамлении ямок (Sorokin 2002, 347, fig. 93/11; Palaguta 2007, 178, fig. 102/7; 179, fig. 103/7) находит аналогии в среднестговской орнаментации (Palaguta 2007, 181, fig. 105/5).

Угловые композиции встречаются на керамике с примесью раковины в Друцах (Sorokin 2002, 372, fig. 118/4), близкая аналогия рисунку есть в Стрильчей Скеле (рис. 2, 5). Рисунок в виде заштрихованных параллельными линиями треугольников, зафиксированный на поселении Путинешть II (Sorokin 2002, 335, fig. 81), также находит аналогии в стоговской

[10] К сожалению, немногочисленные трипольские материалы, выявленные в Мирном не связаны с определенным комплексом. Памятник расположен в Подунавье, в ареале распространения группы Болград-Алдень. Датировка комплекса периодом Триполья B1 - Кукутень A3-4 основана на анализе единичных фрагментов керамики (Бурдо, Станко 1981).

[11] Памятник многослойный, выявлен во время разведок Среднеднестровской экспедиции под руководством С.Н. Бибикова. Коллекция №624 Научных фондов ИА НАНУ.

керамике (рис. 2, 1). В орнаментальных композициях на керамике типа Кукутень С наряду с прочерченными линиями используются оттиски мелкозубчатого гребенчатого штампа (Mantu 1998, 303, fig. 41/5, 9). На некоторых сосудах узор полностью состоит из оттисков штампа (Mantu 1998, 303, fig. 41/3), или орнаментальные элементы заполнены штампованным орнаментом (Sorokin 2002, 371, fig. 117/8). Все перечисленные приемы и мотивы штампованной орнаментации характерны для керамики скелянского типа. Представлены другие виды штампа, имеющие отпечатки разной формы, в том числе в качестве орнаментира, вероятно, использовалась створка раковины Unio, при помощи которой получались серповидные оттиски (Mantu 1998, 303, fig. 41/7; Sorokin 2002, fig. 118/1, 4). Такой тип штампа (рис. 2/18, 20, 24) характерен для стоговской керамики (Рассамакін и др. 2006, 48, табл. 5). Особое внимание следует обратить на горшок из поселения Друцы (Sorokin 2002, 372, fig. 118/4), который по морфологическим и стилистическим признакам находит близкие аналогии (рис. 2/24) в Среднем Стоге II (Рассамакін и др. 2006, 55, рис. 1). В Друцах найден также фрагмент круглодонного сосуда (Palaguta 2007, 178, fig. 102/3).

Анализ керамики типа Кукутень С из керамических комплексов Триполья В1 - Кукутень А позволяет сделать следующие выводы. Керамика с примесью раковины в тесте представлена двумя категориями. Наиболее ранние образцы такой керамики не имеют морфологических и стилистических черт, характерных для керамики типа Кукутень С и «степной» керамики. Преимущественно начиная с этапа Триполье В1 - Кукутень А4 появляется керамика типа Кукутень С, в том числе и с примесью раковины, имеющая черты сходства со среденестоговскими образцами. Ни в одном из поселений такая керамика не может рассматриваться как полноценная часть керамических комплексов, так как представлена единичными экземплярами.

Образцов керамики с достоверно установленными элементами среднестоговской традиции на памятниках Триполья В1 - Кукутень А обнаружено немного. Поселения с такой керамикой разбросаны по разным регионам трипольско-кукутенской территории, однако все же тяготеют к юго-западной ее части, а не к юго-восточной, более близкой к стоговской территории.

Немногочисленные образцы керамики типа Кукутень С из керамических комплексов памятников Триполья В1 - Кукутень А обнаруживают четкие признаки, которые позволяют сопоставлять ее с традициями среднестоговской культуры.

Керамику типа Кукутень С периода Триполья В1 - Кукутень А можно назвать синкретической, поскольку в ней сочетаются как трипольские, так и среднестоговские, преимущественно скелянские, керамические традиции.

Памятников этапа Триполья В1 - Кукутень А4, на которых присутствует керамика, имеющая морфологические и стилистические черты, близкие посуде скелянского и стоговского типов, гораздо больше, чем на предыдущем этапе. Наиболее близкие аналогии со среднестоговской керамикой обнаруживают материалы этапа Триполья В1 - Кукутень А4 Путинешть II (Sorokin 2002, 335, fig. 81) и поселений южного региона Друцы и Берешть (Palaguta 2007, 179, fig. 103/5-6), Лунка.

Пространственное распределение памятников Триполья В1- Кукутень А с керамикой типа Кукутень С и памятников среднестоговской культуры, приведенное И.В. Манзурой (Мнзура 2000, 264, рис. 10), показывает удаленность этих двух культур и отсутствие между ними контактной зоны. Пространственный фактор, единичность находок «степной» посуды в Триполье В1 - Кукутень А, а также лишь приблизительное сходство большинства образцов со среднестоговской посудой ставят под сомнение моделирование системы брачных отношений и/или процесса инкорпорации среднестоговских представителей в трипольско-кукутенскую среду (Палагута 1999, 15) в период Триполья В1 - Кукутень А. В то же время наличие синкретической керамики четко фиксирует контакты земледельческого и степного населения, связанные с обменом, как предположила Р. Алайба.

Отметим, что появление керамики «типа Кукутень С» на памятниках Триполья В1 совпадает с распространением полихромной расписной керамики на этапе – Кукутень А3, а в особенности Кукутень А4 (преимущественно в

юго-западном регионе). К такому выводу пришла в свое время и Т.Д. Белановская (Белановская 1949).

Кочующие последние полвека из работы в работу утверждения о широком распространении посуды со степными элементами в конце этапа Триполья В1, «тесных контактах» или «брачных связях» трипольского и среднестоговского населения (Котова 2006, 86) выглядит преувеличением.

Керамика «типа Кукутень С» в Триполье В1-В2 - Кукутень А-В

Для керамики «типа Кукутень С», происходящей с поселений этапа Триполья В1-В2, характерны новые по сравнению с предыдущим периодом морфологические и стилистические особенности. Особенно важно, что теперь керамика такого типа составляет особую категорию («кухонная керамика с примесью раковины») в керамических комплексах – ансамблях памятников Триполья В1-В2 - Кукутень А-В. Эта категория керамики обладает особенными технологическими, морфологическими и стилистическими признаками. Технологическими признаками выступают характер глиняной массы и примесь измельченных раковин, которая придает пористость черепку, а также слабый обжиг. Технологические признаки позволяют выделить керамику типа Кукутень С лишь в комплексе с остальными признаками. В зависимости от состава глины и обилия примеси черепок бывает и плотным, и рыхлым, причем различия могут проявляться в пределах одного объекта. В качестве примера приведем образцы из Коломийцевого Яра (рис. 3/6). Использование не только толченой раковины, но и других минеральных примесей характерно для керамики «типа Кукутень С» в Клищеве (Заец, Рыжов 1992, 86), бугоднепровских памятниках, Коломийцевом Яре. В то же время, в материалах щербаневской группы, в том числе в Коломийцевом Яре, зафиксирована примесь раковины в массу сосудов других категорий, в том числе с прочерченным узором (рис. 4/8). В Мирополье примесь раковины зафиксирована для керамики с прочерченным орнаментом и с каннелюрами (Цвек, Рассамакин 2001-2002, 233).

Количественные показатели керамики типа Кукутень С разнятся не только от поселения к поселению, но иногда и между жилищами в таком памятнике, как Клищев (Заец 1974, 194). На памятниках залещицкого варианта количество керамики с примесью раковины колеблется от 2,6% в Залещиках до 14% в Поливановом Яре II 1. На памятниках солончанского варианта такой керамики всего 5-6% (Виноградова 1983).

В Клищеве в среднем керамика «типа Кукутень С» составляет 26,4% (Заєць 2001, 68). На поселении биликовского типа Контактовцы (Гусєв 2003, 310-311) керамика с примесью раковины составляет 13,8%.

В последовательно сменяющих друг друга поселениях Триполья В1-В2 буго-днепровского междуречья Шкаровка, Веселый Кут, Мирополье приблизительно одинаковое количество керамики с примесью раковины – в пределах 14-16% (Цвек 1987, 9-10).

На поселении Среднего Поднепровья Коломийцев Яр коллекция керамики из развалов сосудов и разрозненных фрагментов, относящихся к разным жилищам, получена в результате спасательных раскопок (Відейко, Бурдо 2007). Это затрудняет подсчет процентного соотношения керамических групп, но керамика «типа Кукутень С» составляет при любых комбинациях около 30%. Не все сосуды этого типа изготовлены из массы с примесью раковины. В то же время отмечена керамика с прочерченным орнаментом, в массе которой есть такая примесь. Кроме того, поверхность отдельных сосудов с углубленным узором обработана полосчатым (рис. 3/6) сглаживанием, типичным для керамика «типа Кукутень С». Таким образом, в коллекции Коломийцева Яра можно наблюдать уже отмеченное в других памятниках смешение технологических и стилистических особенностей разных групп керамики.

Основная форма керамики «типа Кукутень С» этапа Триполья В1-В2 - Кукутень А-В – горшок, редко встречаются также миски и другие формы сосудов, изготовленные из массы с примесью раковины (Виноградова 1983, 16, рис. 2/13-15). Поверхность сосудов часто заглажена или покрыта хаотично расположенными расчесами. Вертикальными или косыми расчесами иногда покрыты венчики горшков. Орнаментировалась обычно верхняя часть сосуда, чаще всего венчик и плечики.

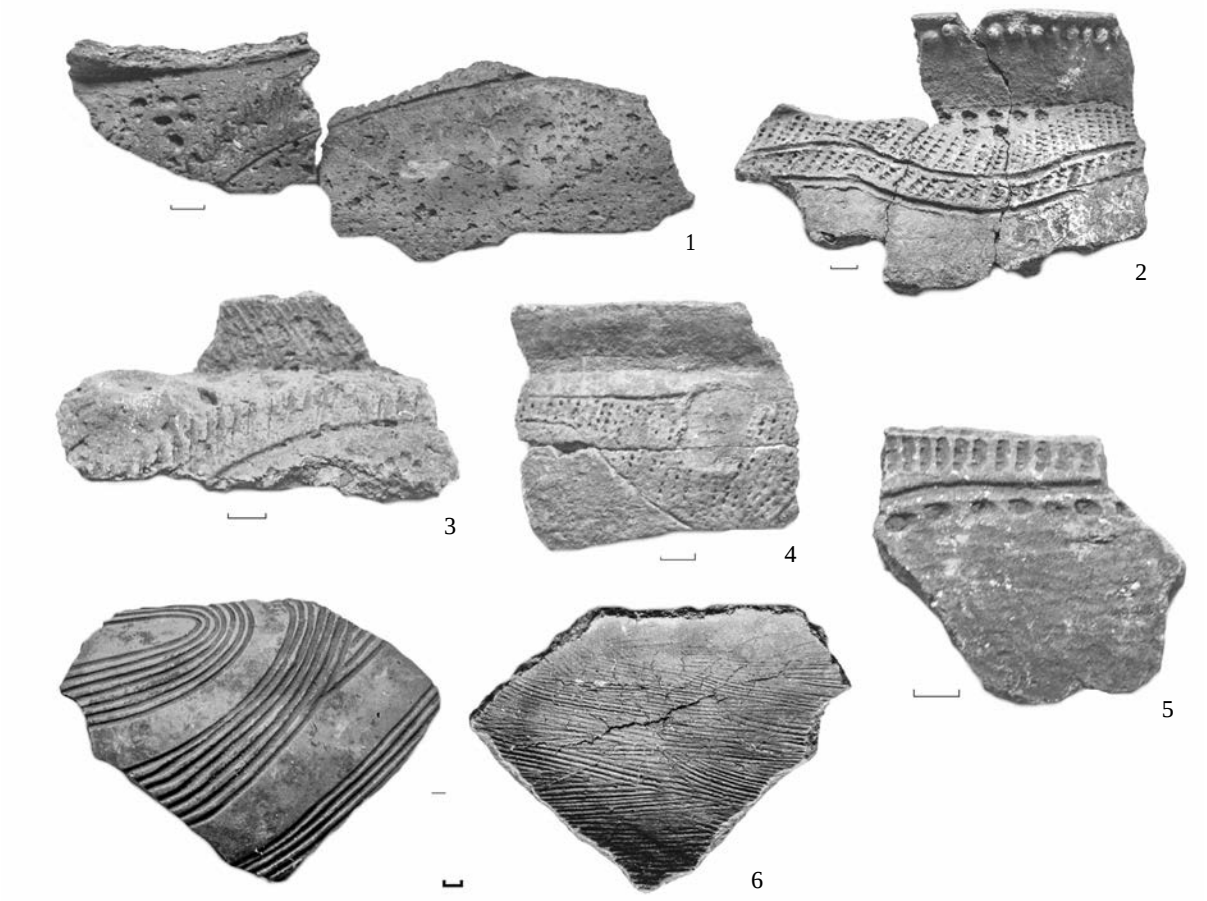


Рис. 3. Керамика «типа Кукутень С» поселения Коломийцев Яр.

В памятниках Кукутень А-В керамика «типа Кукутень С» представлена относительно небольшим количеством находок, отличающихся разнообразием стилистических признаков. Наиболее распространены сосуды, сохраняющие традиционные технологические, морфологические и стилистические признаки предыдущего этапа и находящие аналогии в керамике среднестоговской культуры. К таким признакам относится орнаментация из лент, обрамленных ямками (Mantu 1998, 309, fig. 47/5, 9), отпечатки гребенчатого штампа, расположенные рядами (Petrescu-Dimbovita, Văleanu 2004, fig. 227/7). Различные виды штампа, за исключением редко встречаемой в материалах Триполья В1-В2 - Кукутень А-В «гусенички». Оформление поверхности сосудов и горла «расчесами» становится достаточно распространенным приемом этого периода (Mantu 1998, 309, fig. 47). Перечисленные виды оформления сосудов, находящие аналогии в керамике среднестоговской культуры, сочетаются на керамике Кукутень А-В с различными рельефными деталями, маленькими выпуклыми налепами – жемчужинами, ручками, а также скульптурными выступами (Petrescu-Dimbovita, Văleanu 2004, fig. 227/1, 3, 8), которые в дальнейшем получают широкое распространение на сосудах Триполья В 2 - Кукутень В и абсолютно не характерны для среднестоговских материалов.

Данных о керамике «типа Кукутень С» залещицкого варианта немного. Колебания количественных показателей достаточно значительны: от 2,6% в Залещиках до 12% в Крутобородинцах I. По данным Н.М. Виноградовой, кроме наиболее распространенной формы – горшка – из массы с примесью раковины изготовлялись миски, а в Крутобородинцах I также и шлемовидные крышки и кубки (Виноградова 1983, 31, рис. 8/14-18; 32).

Наиболее яркая коллекция керамики «типа Кукутень С» залещицкого варианта представлена в обоих горизонтах Поливанового Яра II (Поливанов Яра II 1 – 14%, Поливанов

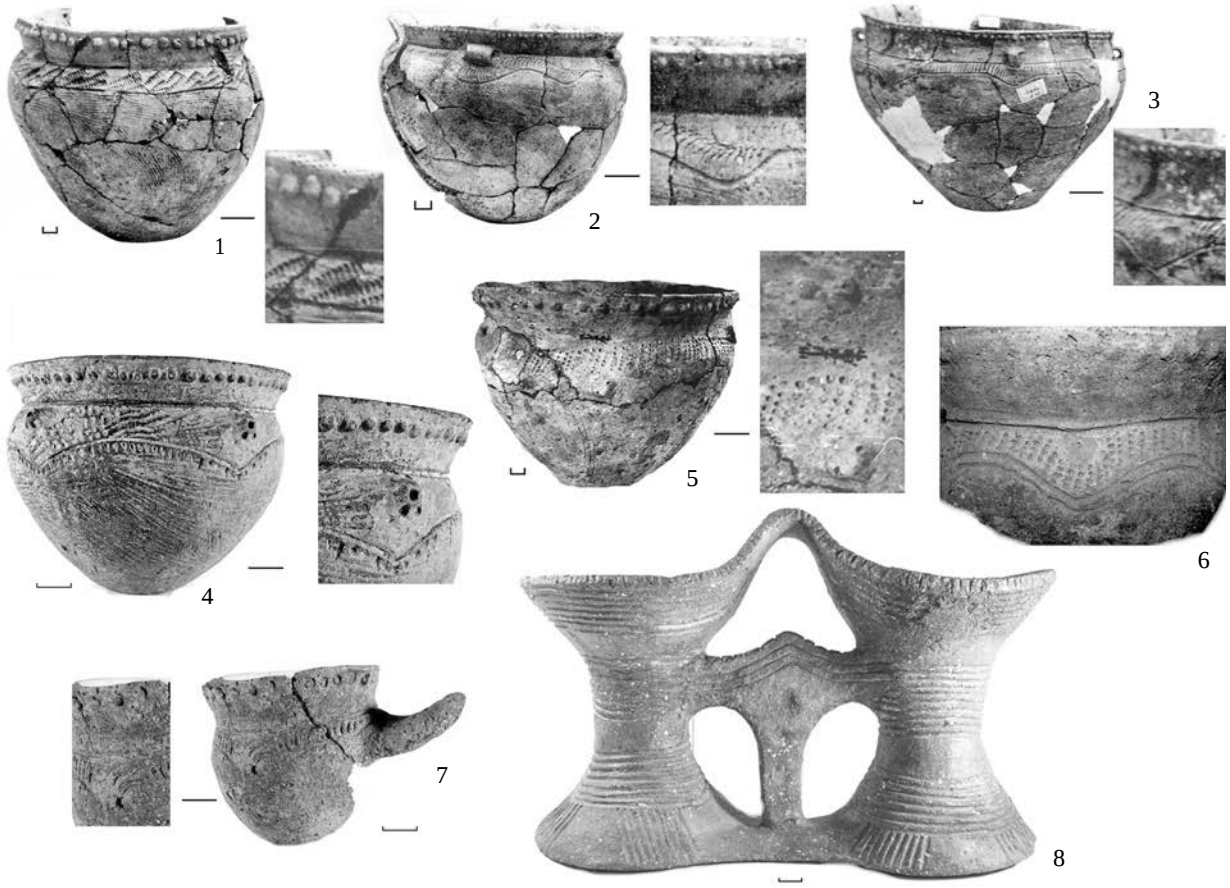


Рис. 4. Керамика «типа Кукутень С» поселений Триполье В1/В2. 1-2 - Клищев (по Заец 1974); 3, 7-8 - Поднепровье, раскопки В.В. Хвойки; 5 - Бучач.

Яра II 2 – 10%). Особое внимание в этой коллекции привлекают отдельные сосуды с примесью раковины, по форме и орнаментации соответствующие традиционной «кухонной» керамике Триполья А (Попова 2003, 95, рис. 52/2). Наиболее распространенная форма – горшок с прямым высоким венчиком, есть кратеровидные и грушевидные сосуды. Горшки отличаются разнообразием профилировки орнаментальных композиций. Вертикальные расчесы расположены на венчиках, горизонтальные – на тулове, верхняя часть венчиков опоясана рядом «жемчужин». Срез венчика орнаментирован оттисками зубчатого или треугольного штампа, насечками. Верхнюю часть плечиков опоясывает орнамент из оттисков мелкозубчатого штампа, образующего один или несколько рядов, треугольные оттиски крупного штампа, ряды из вертикальных отрезков мелкозубчатого штампа. Иногда орнамент дополнен округлыми налепными выступами (Попова 2003, 89, 92, 95, 97). Шевроны для орнаментации Поливанового Яра II 2 не характерны, эта особенность, как и налепные детали, свойственны именно керамике типа Кукутень С из Поливанового Яра II 2.

Один из горшков Поливанового Яра II 2 по плечикам украшен фризом из елочного узора, выполненного гребенчатым штампом. Аналогичные элементы отмечены в орнаментальных композициях Стрильчей Скели, а также восточного варианта среднестоговской культуры (Котова 2006, 191, рис. 18/7; 215, рис. 42/1; 297, рис. 124/2; 304, рис. 131/13). Орнаментальные композиции из мелкозубчатого гребенчатого штампа, как и отпечатки намотанного на палочку шнура, на керамике Поливанового Яра II имеют отдаленное сходство с господствующими приемами орнаментации на керамике стоговского типа (Рассамакін и др. 2006, 48, табл. 5).

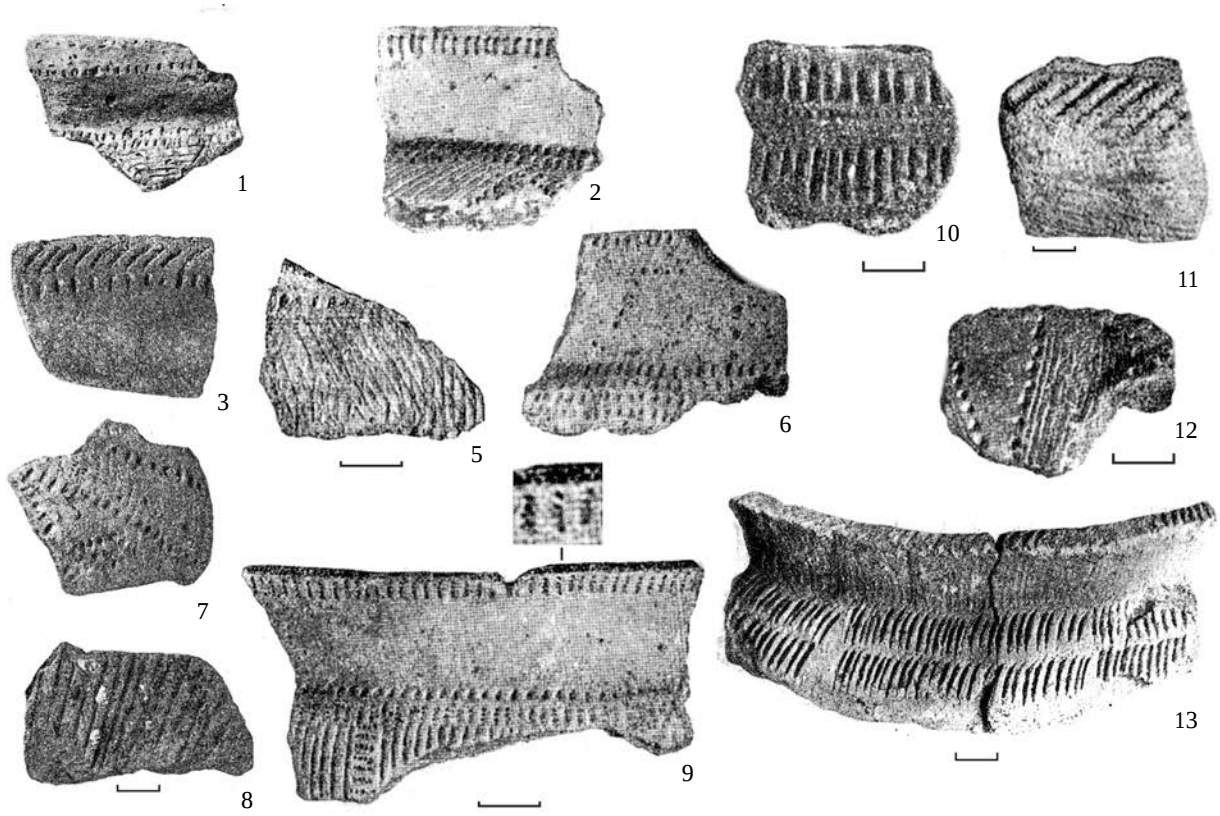


Рис. 5. Керамика «типа Кукутень С» поселений солонченского варианта.

Из Бучача происходит широкоустый приземистый горшок из массы с примесью раковины. Венчик сосуда опоясывают «жемчужины», на плечиках, украшенных гребенчатым штампом с отпечатками круглой формы, расположены две маленькие ручки, на тулове, покрытом тонкими линиями, образовавшимися в результате сглаживания поверхности, в центре между ручками размещен небольшой выступ с проколом (рис. 4/5). Подобные сосуды характерны для керамических ансамблей памятников Триполья В1-В2 Среднего Побужья, буго-днепровского междуречья и Поднепровья и не обнаружены на других памятниках залещицкого варианта.

Керамика «типа Кукутень С» выделена Т.Г. Мовшей на поселении Кадиевцы-Бавки, отнесенном Н.М. Виноградовой к залещицкому варианту Триполья В1-В2 (Виноградова 1983, 36). Здесь обнаружены фрагменты толстостенных горшков из грубой массы, часто со следами от грубого полосчатого сглаживания поверхности («расчесы»). Орнамент выполнен тонкими линиями в обрамлении ямок (рис. 5/12), штампованный, в том числе мелкозубчатый гребенчатый (Котова 2006, 302, рис. 129/2) и в виде отпечатков намотанного на палочку шнура, образующих узор из наклонных параллельных отрезков (рис. 5/11). Такой орнамент встречается в стоговской керамике (Рассамакін и др. 2006, 67, рис. 14). Орнаментация в виде рядов вертикальных параллельных оттисков (рис. 5/10) находит аналогии в Среднем Стоге (Котова 2006, 180, рис. 7/6) Присутствует полосчатое сглаживание на венчике в сочетании с жемчужным орнаментом (Котова 2006, 302, рис. 129/3).

Особого внимания заслуживает коллекция керамики типа Кукутень С с эпонимного памятника солонченского варианта В Солонченах 2 керамика с примесью раковины составляет 6%, но отличается весьма выразительными и своеобразными образцами, представленными в работах Т.Г. Мовши (Мовша 1961; Мовша 1998). Цвет такой керамики варьирует в желтых, реже серых тонах, черепок бывает иногда пористым, обжиг не всегда равномерный, поверхность горшков заглажена, полосчатое

сглаживание встречается изредка (рис. 5/8). Преобладают горшки с высоким венчиком, прямым, слегка отогнутым S-образным или выпуклым. Найдены фрагменты округлодонных горшков (Мовша 1961, 190, рис. 4). Орнаментация выполнена тонкими прочерченными линиями (рис. 5/1, 2, 5, 8), различными вариантами штампа, гребенчатым или оставляющим отпечатки в виде «скобок», гусенички, оттисками ногтя, в том числе с заполнением белой пастой, серповидными оттисками раковины (Мовша 1961, 186), а также наколами треугольной, круглой, овальной формы. В одном случае на краю венчика расположены жемчужины. Срез венчика горшков часто орнаментирован оттисками штампа или насечками. Орнамент с мотивом горизонтальной елочки (рис. 5/3), выполненный оттисками гребенчатого штампа, встречается на среднестоговской керамике (Котова 2006, 191, рис. 18/7; 215, рис. 42/1). Основная орнаментальная композиция расположена на плечиках сосудов. Выделяется несколько вариантов таких композиций, чаще всего выполненных углубленными линиями. Наиболее распространен орнамент в виде шеврона, заполненного косой сеткой (рис. 6, 1-3) или паркетным узором (рис. 6/4). Такая орнаментальная композиция широко представлена также в скелянской керамике (Рассамакін и др. 2006, 48). Фестонные схемы выполнены оттисками штампа (рис. 6/8, 9), аналогии известны в погребениях и стоянках среднестоговской культуры (Телегін 1973, 23, рис. 11, 5; Котова 2006, 295, рис. 122/2, 5, 11, 13, 14). На одном из сосудов с прямым срезом венчика орнамент в виде отрезков дуг состоит из лент, обрамленных штампом (рис. 6/10). Похожий орнамент, но в виде наклонных лент, зафиксирован в Стрильчей Скеле (Котова 2006, 188, рис. 15/3) Тремя экземплярами представлены сосуды с прямым венчиком, украшенные фризом паркетного орнамента (рис. 6/5-7), которые находят близкие аналогии в керамике поселения среднестоговской культуры Раздорское (Котова 2006, 209, рис. 36/8). Верхняя часть одного горшка, включая венчик и плечики, украшена узором, сделанным с помощью мелкозубчатого гребенчатого штампа (рис. 6/12). Такой прием орнаментации характерен для керамики стоговского типа (Рассамакін и др. 2006). На венчике этого сосуда расположены парные миниатюрные налепы, идентичные по технике исполнения жемчужинам. Некоторые сосуды из Солончен близки среднестоговской керамике по моделировке венчика (рис. 6/2, 3, 10).

По мнению Н.С. Котовой, ряд сосудов из Солончен с гребенчатым и накольчато-прочерченным орнаментом довольно близок степным сосудам, отличаясь более приземистыми пропорциями (Котова 2006, 128). Ни в одном другом памятнике Триполья B1-B2 не выявлено столько совпадающих черт трипольской и среднестоговской керамики. В Солончена мы сталкиваемся с беспрецедентным, уникальным для культурного комплекса Трипольe-Кукутень случаем такого близкого сходства технологических, стилистических и отчасти морфологических характеристик одной из групп керамического ансамбля с керамикой типа Средний Стог. Объяснение такого феномена не входит в нашу задачу, однако именно для этого конкретного поселения представляется возможным моделировать случай присутствия представителей среднестоговского населения в трипольской среде.

Данные о керамики типа Кукутень С из других поселений солончeнского варианта немногочисленны. На поселении Флорешты-Заготзерно (Мовша 1961, 194, рис. 7/9) найден фрагмент верхней части сосуда (рис. 5/13), находящего близкие аналогии среди стоговской керамики (рис. 2/24), в том числе в Среднем Стоге (Рассамакін и др. 2006, табл. XI/21)

Среди единичных находок керамики типа Кукутень С на поселении Старые Радуляны[12] в орнаментации выявлена гусеничка, есть угловые композиции из трех рядов оттисков плетеного шнура, орнаментация из оттисков штампа по срезу венчика, полосчатое сглаживание на венчиках и тулове сосудов, жемчужный орнамент (Markevici 1994, 139, fig. 9/2-4). Отметим, что это самое раннее проявление простого (не витого) шнура, отпечатки которого не зафиксированы в орнаментации среднестоговской керамики.

Таким образом, анализ керамики типа Кукутень С солончeнского варианта, прежде всего из Солончен, показывает близость присущих ей технологических, морфологических и сти-

[12] Поселение датируется финалом Триполья B1-B2 (Markevici 1994) или «переходным этапом» к Триполью B2.

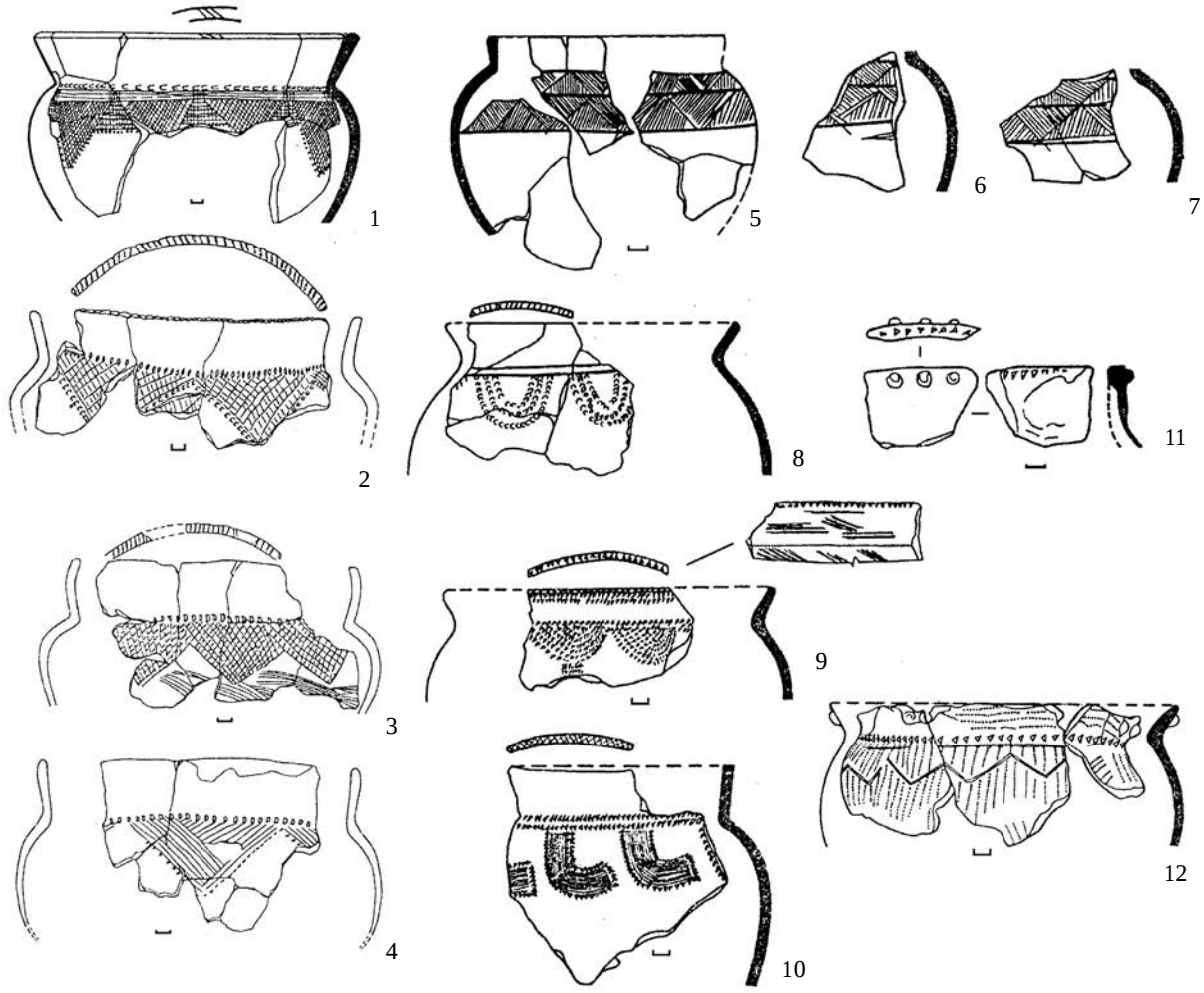


Рис. 6. Керамика «типа Кукутень С» поселения Солончены 2 (по Мовша 1998).

листических черт керамической традиции среднестоговской культуры (рис. 7), преимущественно ее скелянского этапа (или второго периода среднестоговской культуры по Н.С. Котовой). Отметим, однако, что в керамике солонченского варианта прослеживаются отдельные черты, например, изредка встречающийся гусеничный орнамент, характерные для стоговского этапа (третий период среднестоговской культуры по Н.С. Котовой).

В Среднем Побужье представительная коллекция керамики, которая может быть отнесена к типу Кукутень С периода Триполья В1-В2, происходит из Клищева. Кухонная керамика этого памятника изготовлена из массы с примесями песка, дресвы, карбонатных пород и, в гораздо меньшей степени, толченых раковин (Заец, Рыжов 1992, 86). Ведущей формой является горшок, причем среди горшков выделяется 6 подтипов, которые, в свою очередь, расчленяются на несколько вариантов (Заец, Рыжов 1992, 85-86), что показывает большую вариабельность «кухонной» керамики на этом поселении. Горшки всех типов отличаются невысоким венчиком, округлым туловом и приземистыми пропорциями. На тулове иногда четко видны следы полосчатого сглаживания (рис. 4/1-2). Край венчика украшен штампованным орнаментом, горловину часто опоясывает ряд жемчужин (рис. 4/1-3). Прослежена техника нанесения жемчужин: выпуклые бугорки получались в результате выдавливания наружу, образовавшаяся полость замазывалась. Такая техника получения жемчужин характерна для всех культур, где они зафиксированы. Орнамент расположен на плечиках сосуда в виде шеврона, который заполнен оттисками разного вида штампов,

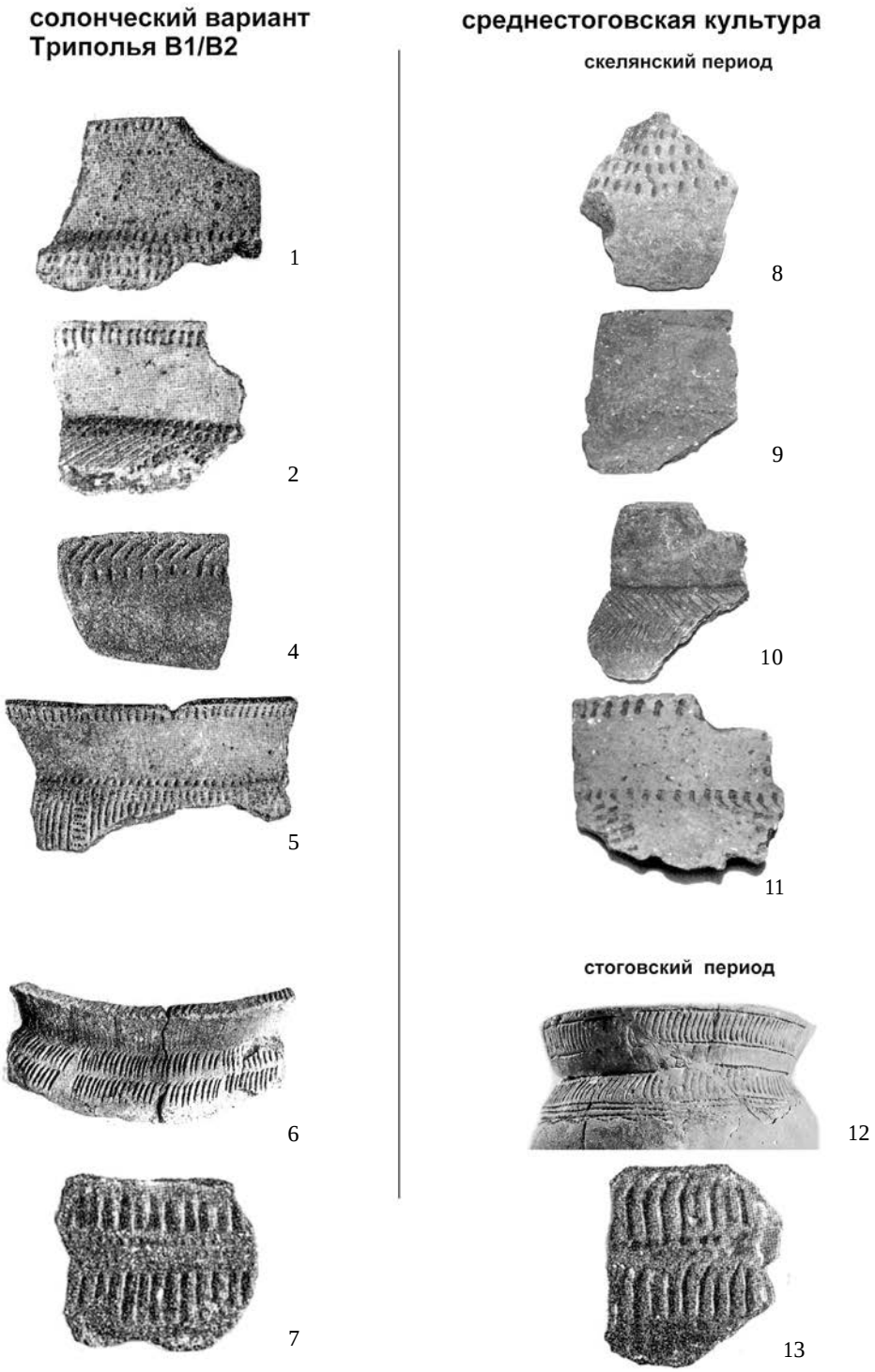


Рис. 7. Сравнительная таблица трипольской и среднестоговской керамики.

гребенчатого мелкозубчатого (рис. 4/3), отступающих оттисков гребенки (рис. 4/1), серповидных оттисков раковины Unio (рис. 4/2). В орнаментальную композицию включены рельефные символы (рис. 4/2), а также симметрично расположенные на плечиках две или четыре ручки (Заєць 2001, 78, рис. 39/1-4). На некоторых горшках представлена более простая орнаментация из треугольных ямок (Заец, Рыжов 1992, 90, рис. 45/5, 6).

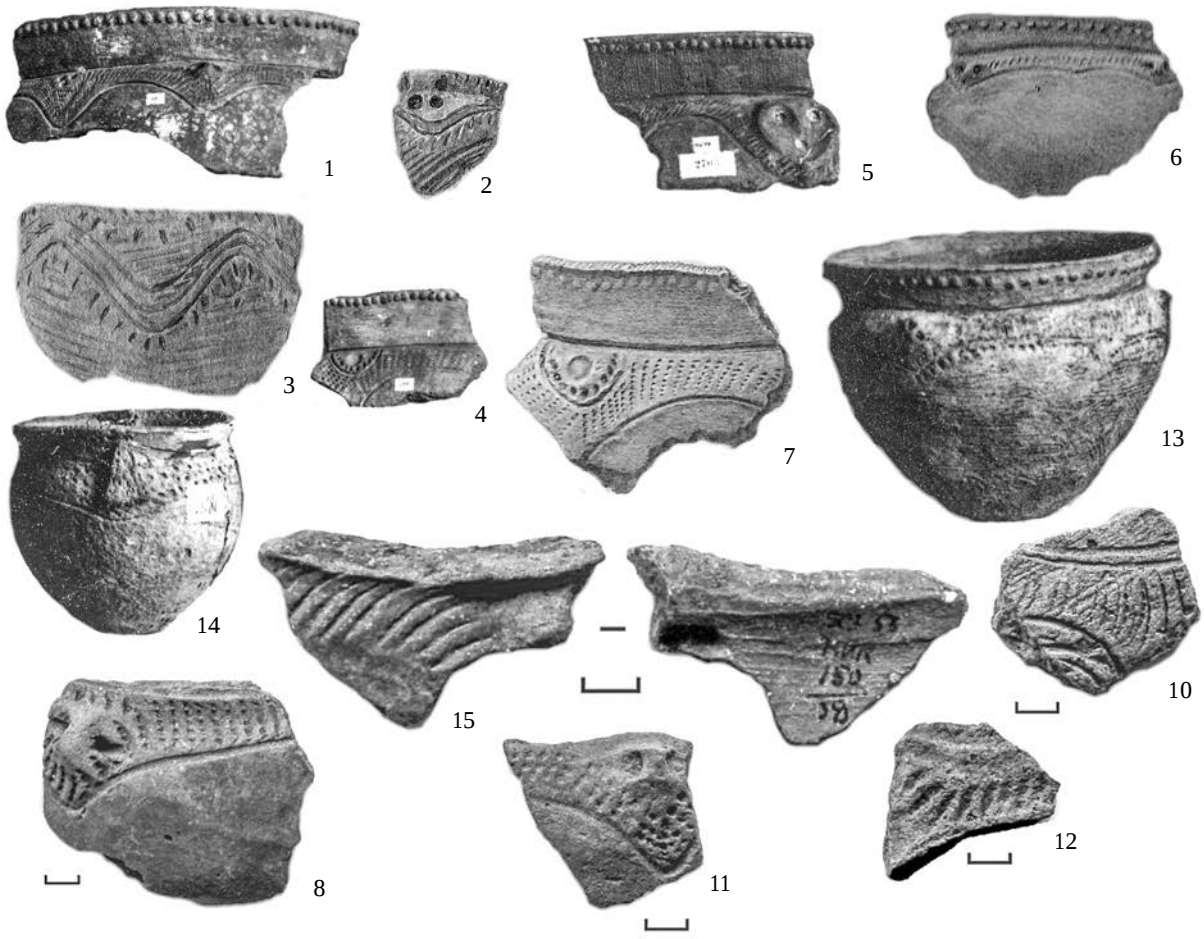


Рис. 8. Керамика «типа Кукутень С» поселений Триполье В1/В2: 1-7, 13-14 - Поднепровье, раскопки В.В. Хвойки; 8-12 - Николаевка.

Керамика «типа Кукутень С» из более позднего, чем Клищев, поселения Цвижина в целом аналогична клищевской. В формовочной массе горшков присутствует примесь минеральных частиц, шамота, песка, дресвы. Отметим, что в Цвижине выявлено два случая отпечатков гусенички, образующих узор на краю венчика или на плечиках горшков (Гусєв 1997, 103, рис. 27).

В керамических ансамблях различных региональных групп Триполья В1-В2 буго-днепровского междуречья и Поднепровья керамика типа Кукутень С представлена в целом однотипными горшками того же типа (назовем его условно тип А), что и в Клищеве и Бучаче, их вариативность проявляется только в морфологических и стилистических деталях. Горшки типа А характерны для материалов Пянишкова (Himner 1933, pl. XXI, XXII, 1-2) и других памятников (рис. 4/6) буго-днепровского региона (Цвек 1980, 176, рис. 5; Цвек, Рассамакин 2001-2002, 224, рис. 5/1, 3-8), а также щербаневской группы (Козловська 1926, рис. 14-16) в Поднепровье (рис. 4/6). Только один сосуд из Пянишкова, украшенный шевроном, заполненным оттисками штампа, имеет высокий венчик, сходный с венчиками среднестоговской культуры (Himner 1933, pl. XXII/1-3). Для керамики типа Кукутень С из памятников буго-днепровского междуречья и Поднепровья характерны расчесы на внутренней поверхности сосудов. Такой прием зафиксирован в Николаевке (рис. 8/9) и Коломийцевом Яре. В орнаментации использованы оттиски разнообразных штампов. На сосудах из Николаевки шеврон на плечиках сосудов заполнен ямками накольчатого орнамента (рис. 8/11), мелкозубчатого гребенчатого штампа (рис. 8/8), мелкозубчатого гребенчатого штампа на краю

раковины Unio (рис. 8/9), оттисками гусеницки (рис. 8/12), хаотично нанесенного мелкозубчатого гребенчатого штампа (рис. 8/10). Такой штамп встречается в орнаментации среднестоговской (Телєгін 1973, 5, рис. 5/4; 84, рис. 44/3-4, 6) и днепро-донецкой (Телєгін 1968, 39, рис. 8/4) культур. На венчиках (рис. 8/2) или плечиках горшков часто размещены миниатюрные ручки с горизонтальными отверстиями (рис. 8/6, 8, 9, 11). Горшки подобного типа широко представлены в коллекции Коломийцева Яра (рис. 3). Среди материалов коллекции В.В. Хвойки привлекает внимание необычной формы сосуд, напоминающий кружку с большой ручкой (рис. 4/7). Керамика типа Кукутень С обнаружена В.В. Хвойкой во время раскопок в усадьбе Святославского в Киеве (рис. 8/2, 3) и в районе с. Триполье (рис. 8/1, 4-7, 13, 14).

В Мирополье отмечена елочная композиция, аналогичная среднестоговским узорам (Телєгін 1973, 19, рис. 8/1; 9/1). В керамическом комплексе памятников буго-днепровского междуречья единичные фрагменты с гусеничкой встречаются в Шкаровке (Цвек 1979, 176, рис. 2/5) и Мирополье, часть сосудов отнесены к импортам с памятников стоговского типа (Цвек, Рассамакин 2001-2002, 232, рис. 10).

Для горшков самого распространенного типа А среди керамики Кукутень С из памятников Среднего Поднепровья характерно наличие рельефных деталей в виде ручек, в том числе трубчатых, объемных символов. На фрагменте сосуда из Веремья (Козловська 1926, рис. 17) такое рельефное украшение, выполненное низким рельефом и размещенное в шевроне из оттисков гребенчатого штампа, изображает антропоморфную личину (рис. 8/5). Использование в декоре керамики пластических деталей характерно для Триполья и не встречается в среднестоговской культуре. В некоторых случаях тулово сосудов покрыто расчесами (рис. 8/13).

Для наиболее поздних памятников Триполья В1-В2 - Кукутень А-В разных локально-хронологических групп, таких как Мирополье и Старые Радуляны, характерно распространение керамики «типа Кукутень С» с упрощенными орнаментальными композициями на плечиках, расчесами на тулове и венчиках, применением гусеничного штампа и шнура.

Керамика «типа Кукутень С», происходящая из поселений разных локальных групп этапа Триполья В1-В2 - Кукутень А-В, отличается некоторыми нюансами морфологии и стилистики, но наиболее распространенный тип (А) горшков с шевронным орнаментом и жемчужинами отмечен на большинстве поселений этого этапа разных локально хронологических групп, за исключением солончанского варианта.

Анализ элементов керамики типа Кукутень С, находящих аналогии в среднестоговской культуре, происходящих с разных трипольских памятников, выявляет тенденцию преобладания керамики скелянского типа на памятниках Триполья В1, а стоговского – на памятниках Триполья В1-В2. Это касается таких признаков, как гусеничный штамп и полосчатое сглаживание поверхности, распространенное на сосудах Триполья В1-В2 и характерных для стоговской керамики.

Первые контакты Триполья и скелянского типа среднестоговской культуры наиболее четко засвидетельствованы находками сосудов на памятниках Кукутень А (Mantu 1998, 303, fig. 41/10-11) и Триполье В 1 (Журы, Друцы) в южном регионе.

В следующий хронологический период отчетливые и достаточно многочисленные свидетельства контактов трипольцев и среднестоговцев наиболее полно прослеживаются на двух противоположных по региональной и хронологической позиции памятниках – Солончены (начало Триполья В1-В2 - Кукутень А-В, Поднестровье) и Мирополье (финал Триполья В1-В2 - Кукутень А-В или начало Триполья В2, буго-днепровское междуречье). Исследователи небезосновательно предполагают наличие импортов или очень близких подражаний, в первом – скелянского, во втором – стоговского, что в целом согласуется с периодизацией среднестоговской культуры (Рассамакін и др. 2006; Котова 2006). Единичные сосуды, которые можно рассматривать как результаты прямых культурных контактов, происходят с некоторых поселений Кукутень А-В (Mantu 1998, 309). То есть убедительные и многочисленные свидетельства контактов

трипольцев со среднестоговцами мы находим в памятниках солонченского варианта, менее малочисленные – в Кукутень А-В и буго-днестровских памятниках. Практически отсутствуют такие свидетельства среди материалов основной массы поселений разных локально-хронологических групп Триполья В1-В2 Побужья и Поднепровья. Здесь керамика типа Кукутень С имеет ярко выраженный трипольский облик, сочетая при этом трипольские и «переработанные» среднестоговские элементы преимущественно в орнаментации сосудов.

Таким образом, корректно говорить о среднестоговском влиянии на конкретные локально-хронологические группы Триполья В1-В2 – солонченскую и, в гораздо меньшей степени, буго-днепровскую. Однако и эти влияния носили весьма ограниченный характер и не вызвали изменений керамического ансамбля с трипольскими традициями в целом.

А. Додд-Оприческу провела сравнительный анализ форм и мотивов орнаментации керамики типа Кукутень С на разных этапах культуры Прекукутень-Кукутень (Dodd-Opriţescu 1980). В результате такого сравнения прослеживается близость орнаментальных мотивов и композиций, выполненных разными приемами орнаментации, среди которых – прочерченные линии, гребенчатый, шнуровой и другие виды штампа, расчесы, рельефные детали (Dodd-Opriţescu 1980, fig. 2). Именно приемы орнаментации выступают среди стилистических признаков хронологическим индикатором. Анализ морфологических признаков показывает, что сходные со среднестоговскими формы горшков отсутствуют в культуре Прекукутень и всех этапах Кукутень, кроме А-В1. В то же время другие подтипы горшков и другие формы керамики типа Кукутень С становятся характерной частью керамики типа Кукутень С, являющейся неотъемлемой частью керамического комплекса культуры Кукутень (Dodd-Opriţescu 1980, fig. 1).

По мнению Н.С. Котовой, к заимствованным у степного населения элементам в трипольской керамике относятся примесь раковины, треугольные наколы, короткие и средней величины гребенчатые оттиски, орнаментальные композиции в виде угловых фигур, причем форма сосудов при этом остается трипольской (Котова 2006, 128). Это наблюдение Н.С. Котовой совпадает с данными анализа изменений разных характеристик керамических ансамблей. Морфологические признаки всегда оказываются более консервативными, чем технологические и стилистические, именно формы сосудов оказываются наиболее устойчивыми при трансформации керамических традиций. Другие, по мнению Н.С. Котовой, заимствованные элементы также нельзя однозначно рассматривать как влияния.

Появлению примеси раковины в керамике придают значение большинство исследователей, однако сам по себе факт примеси раковины не может быть свидетельством культурных влияний. Например, фрагменты керамики без орнаментации с примесью раковины в формовочной массе обнаружены нами в самом раннем трипольском поселении в Украине – в Бернашевке. По данным В.Г. Збеновича, «столовая керамика» с углубленной орнаментацией поселения Берново-Лука, относящегося к Прекукутень III - Триполью А, изготовлена из массы с добавлением толченой раковины (Збенович 1989, 89). Часть сосудов с примесью раковины по морфологическим и стилистическим признакам не отличается от прекукутенской «кухонной» керамики. Выше упомянуты случаи использования раковинной примеси для формовки сосудов разных категорий на поселениях Триполья В1-В2. Все эти данные свидетельствуют о том, что использование раковины в качестве примеси в формовочную массу не следует рассматривать как какую-то особенную инновационную находку трипольцев «развитого этапа», заимствованную у «степных племен» и характерную исключительно для стреднестоговской керамической традиции.

Треугольные наколы и орнаментальные изображения в виде угловых фигур характерны для орнаментации, выполненной разными техническими приемами, как Триполья-Прекукутень-Кукутень, так и для многих земледельческих нео-энеолитических культур Юго-Восточной и Центральной Европы, связанных генетически с Трипольем.

Короткие и средней величины гребенчатые оттиски, выполненные мелкозубчатым штампом, типичны для орнаментации Триполья

A - Прекукутень, хотя и составляют несколько иные орнаментальные композиции, отличные от орнаментов на днепро-донецких и среднестоговских сосудах. Однако такие оттиски типичны для циркумсредиземноморских культур Cardium и известны, например, в культуре Пресескло в Фессалии, где присутствуют также и угловые композиции (Титов 1969, табл. 12).

Очевидно, что многие из элементов, причисляемые к «степным» влияниям, не были чуждыми и неизвестными в керамической традиции земледельческих культур. Влияние среднестоговских традиций фиксируется только как появление определенного типа сосудов, отвечающих среднестоговскому «стилю», образованному комплексом технологических, морфологических и стилистических признаков. Судя по имеющимся данным, на памятниках финального этапа Триполье B1 - Кукутень A такие сосуды немногочисленны или представлены единичными находками.

На этапе Триполья B1-B2 - Кукутень A-B («переходного») четкие среднестоговские влияния отмечены только для раннего периода в поселениях Солончены 2 и Корлетень (Mantu 1998, fig. 47/4, 5). На более поздних поселениях стиль керамики типа Кукутень C меняется, причем эти изменения приводят к утрате ее среднестоговского облика, остаются только отдельные приемы орнаментации – расчесы, штамп, восходящие, возможно, к прототипам предыдущего периода, возникшим, в свою очередь, в результате контактов Триполья-Кукутень со среднестоговской культурой. Еще более важно то, что в керамике типа Кукутень C в Триполье B1-B2 - Кукутень A-B появляются новые черты, в том числе и те, которые не могут быть связаны с восточным степным влиянием – жемчужины и ранние проявления плетеного шнура.

Т.Г. Мовша появление жемчужин на керамике пенешковсковской локальной группы Триполья B1-B2 связывала с влиянием традиций населения нижнего слоя Михайловки (Мовша 1981, 64).

Жемчужный орнамент в сочетании с расчесами встречается на керамике в поздненеолитических памятниках днепро-донецкой культуры Киевщины и Черкащины (Телєгін 1968, 115, рис. 44/15), а также в материалах нижнего слоя поселения Михайловка. Однако предполагается, что эти комплексы моложе памятников Триполья B1-B2 - Кукутень A-B[13]. Вероятно, не без основания предполагается, что и в поздних днепро-донецких памятниках типа Пустынки 5 (Телегін 1968, 114) и в Михайловке жемчужины появились под влиянием трипольской культуры (Коробкова, Шапошникова 2005, 53).

Жемчужный орнамент в нижнемихайловском и поздних днепро-донецких поселениях не имел широкого распространения, в то же время он характерен для культуры Чернавода I, в том числе и ранних поселений (Манзура 2001-2002, 474). Для керамики этой культуры типично использование примеси раковины и других минеральных частиц, шамота, песка, дресвы, а также применение шнуровой орнаментации, причем гусеничка и перевитый шнур встречаются совместно (Манзура 2001-2002, 464, 474). В бессарабском варианте культуры Чернавода I встречаются сосуды с расчесами по венчику (Manzura 1993, 45, fig. 47/9). Таким образом, наблюдается совпадение комплекса технологических и стилистических приемов – примесь раковины, расчесы, жемчужный и шнуровой орнамент – для керамики культуры Чернавода I и этапа Триполья B1-B2 - Кукутень A-B. Поселение бессарабского варианта Чернаводы I на Дунае авторы раскопок относят ко времени существования Триполья B1-B2 - Кукутень A-B - начала Кукутень B (Bruyako, Manzura, Subbotin 2005, 7). К.-М. Манту синхронизирует появление культуры Чернавода I со второй половиной Кукутень A3 (Mantu 1998, 184). Приблизительно к этому же периоду развитого энеолита относится культура Чернавода I в работе К.-М. Лазарович и Г. Лазаровича (Lazarovici, Lazarovici 2007, 399).

Таким образом, можно предположить, что жемчужины и шнуровой орнамент появляются в Триполье B1-B2 - Кукутень A-B под влиянием традиций культуры Чернавода I, однако проблема хронологического соотношения и

[13] Существование Триполья B1-B2 - Кукутень A-B определяется приблизительно в интервале 4400-4100 гг. до н.э. Для жилищ нижнего слоя Михайловки получены даты в промежутке от 4149±83 до 3676±94 cal BC (Котова 2013, 418). Таким образом, предполагается вероятность сосуществования этих культур в небольшом временном интервале.

культурно-исторических контактов этих культур требует дальнейших исследований.

Мнение о влиянии культуры Чернавода I на культуру Кукутень и возможность появления керамики с примесью раковины и шнурового орнамента в результате взаимодействия этих культур высказал П. Роман (Roman 1979).

Керамика «типа Кукутень С» в Триполье B2-C1 - Кукутень B

Керамика типа Кукутень С на этапе Триполья B2-C1 - Кукутень B в целом сохраняет технологические, морфологические и стилистические черты, присущие этой категории посуды предыдущего этапа. В керамических комплексах памятников различных локально-хронологических групп Триполья B2-C1 керамика типа Кукутень С является особой категорией и составляет от 1-2% до 17%, но на некоторых поселениях достигает 45%. Никаких локальных или хронологических закономерностей в распределении этой группы керамики не выявлено.

Особенностью керамики типа Кукутень С периода Триполья B2-C1 - Кукутень B является большая вариабельность всех признаков. Технологические признаки характеризуются использованием разнообразных примесей, причем никакой корреляции характера примеси с морфологическими, стилистическими, хронологическими или локальными признаками выявить не удалось. В некоторых керамических комплексах примесь раковины господствует. Но на многих памятниках этапа B2 примесь раковины сочетается с другими добавками, кроме того среди категории типа Кукутень С присутствует посуда с другими минеральными примесями, а на некоторых поселениях – с примесью шамота и растительности, а также смешение в одном изделии примеси раковины, растительности, шамота. Например, для Бодак выделяется три группы по примесям в пределах категории керамики типа Кукутень С (Старкова 2008, 19-20).

В Раковце Т.А. Попова выявила небольшое содержание мелкотолченой раковины и мелкого песка в керамике с прочерченным орнаментом (Старкова 2008, 20). Возможно, сочетание разных примесей может свидетельствовать об их естественном происхождении, так как для изготовления сосудов использовались отложения из водоемов.

По сравнению с предыдущим этапом керамика типа Кукутень С претерпевает некоторые морфологические изменения. Преобладают горшки, миски представлены единичными экземплярами. На памятниках Триполья B2 разных регионов – Раковец (Попова 1989, рис. 2/3), Ворошиловка, Немиров (Гусєв 1997, 125, рис. 33/2, 5-6), Вербовка (Заєць 2001, 78, рис. 40/2-6), Валява (Овчинников 2005, 206, рис. 2/2, 4, 11) – встречаются горшки, близкие к типу А, с жемчужинами по краю венчика, шевронной композицией на плечиках, иногда гусеничным орнаментом, маленькими ручками-ушками (рис. 9/9). Распространяются горшки с более высокими ребристыми плечиками (рис. 9/12) и конической донной частью. Ленточные ручки становятся более массивными. Появляются также зооморфные горшочки на четырех ножках, близкие по форме к зооморфным расписным сосудам (рис. 9/14). Такие сосуды известны в Поднепровье в Гребенях (Цвек 2006, 30, рис. 14/8), Коломийщине 2 (Пассек 1949, 71, рис. 27/5), Чапаевке (Круц 1977, 44, рис. 16/1), на памятниках Культуры Кукутень B (Cucoş 1999, 280, fig. 59/2; 281). Аналогичный сосуд происходит из поселения начала этапа C2.

Для керамики типа Кукутень С Триполья B2-C1 - Кукутень B характерны некоторые стилистические черты, появившиеся на предыдущем этапе. Присутствует декор в виде шевронов на плечиках сосуда (Цвек 2006, рис. 13/2, 4, 8). Типично оформление поверхности венчика и тулова расчесами (рис. 9/4-11, 14), использование жемчужин (рис. 9/5-6, 10) и налепных деталей, сходных с жемчужинами, иногда двойных (рис. 9/11), расположенных парами (Черныш 1962, 47, рис. 27/39) или цепочкой на плечиках сосуда (рис. 9/8), различных видов штампа (рис. 9/2, 4, 10, 13), в том числе гусеничного, чаще встречаемого на этапе B2, например, Валява (Овчинников 2005, 206, рис. 2/11), Арбузин (Цвек 2006, 30, рис. 13/9), известного в Кукутень B (Cucoş 1999, 280, fig. 59/4-5; 281, fig. 60/4-7; Lazarovici, Lazarovici, Ţurcanu 2009, 299, №339) и на поздних памятниках типа Колодяжного (Пассек 1949, 173, рис. 89/7-9). Отпечатки простого шнура (рис. 9/1, 3) пред-

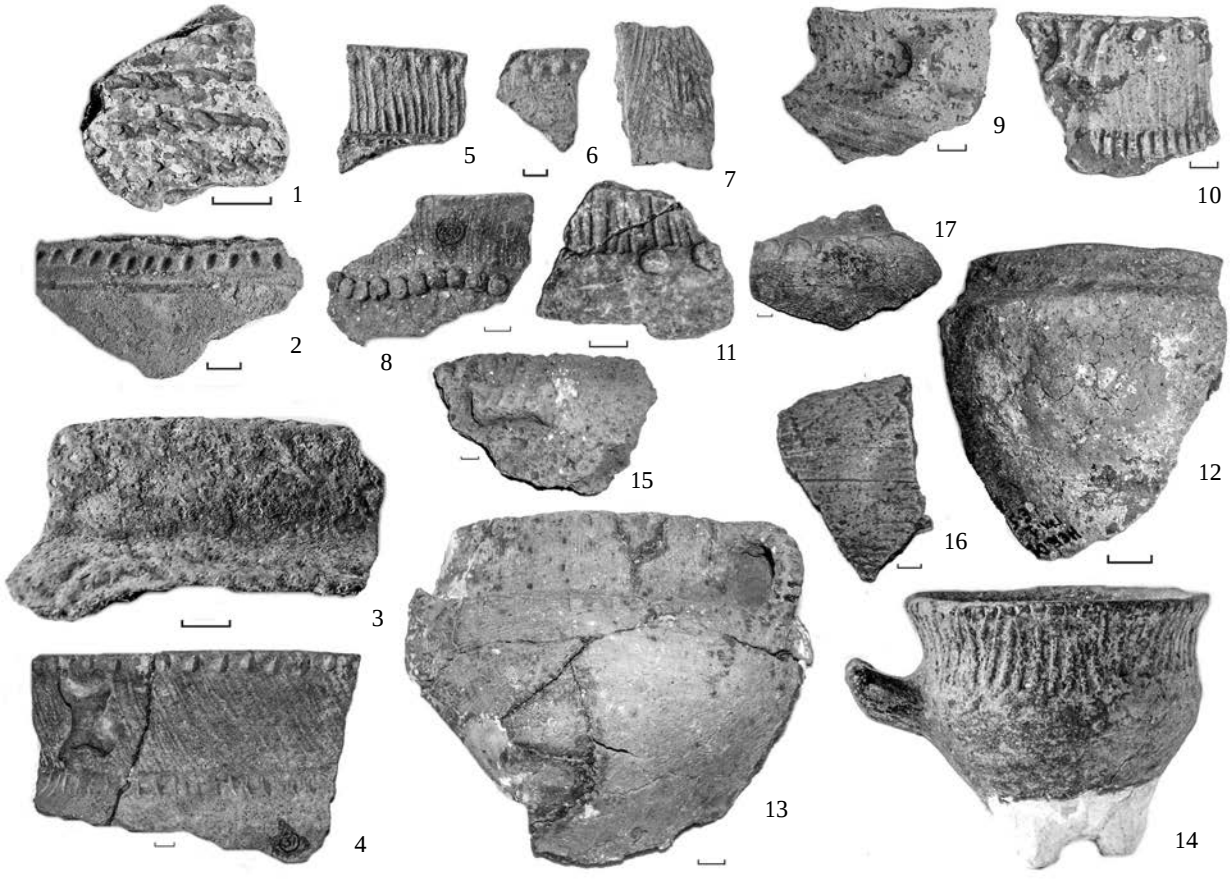


Рис. 9. Керамика «типа Кукутень С» поселений Триполье В2: 1, 3 - Немировка; 4 - Немиров; 5-7 - Станиславовка; 8 - Березова-Берег; 9-11, 13-14, 16 - Гребени; 15 - Студеница.

ставлены в орнаментации отдельных сосудов разных поселений Триполья В2: Немировка (рис. 9/1, 3), Гребени (рис. 9/16), Валява (Овчинников 2005, 206, рис. 2/15, 16), Арбузин, и памятников Кукутень В (Mantu 1998, 312, fig. 50/1). Присутствует также декор в виде серповидных оттисков края раковины (рис. 9, 17). Образцы шнурового орнамента происходят из памятников Триполья В2 и С1 в Поднепровье, представленных только углубленными объектами, Чапаевка (Круц 1977, 48-53) и Игнатенкова Гора (Відейко 2005, 195, рис. 4/2, 4-7). На этих памятниках в орнаментации керамики типа Кукутень С, составляющей значительную часть керамического комплекса (Чапаевка около 40%, Игнатенкова Гора 45,5%), встречаются разнообразные орнаментальные композиции из оттисков шнура (рис. 10/7-11), гребенчатого штампа на краю раковины (рис. 10/1), серповидных отпечатков края створки раковины (Відейко 2006а, 195, рис. 5/3, 5), накольчатый орнамент (рис. 10/2-3, 14), бугорки-выступы (рис. 10/4, 10). Один и тот же мотив шеврона или фестонов может быть выполнен углубленными линиями (рис. 10/13), шнуром (рис. 10/11) и оттисками штампа (рис. 10/14). В орнаментации сосудов иногда используется защипный орнамент на краю венчика (Овчинников 2005, 206, рис. 2/3), сочетающийся чаще всего с расчесами. На плечиках размещаются налепные скульптурные детали (Гусєв 1997, 125, рис. 33/1, 7-8).

На этапе Триполья В2 в Поднестровье и в Кукутень В на плечиках, реже на венчиках горшков появляются трубчатые ручки (Старкова 2008, 19, рис. 2) или псевдоручки – скульптурные цилиндрические налепы, а также неширокие ленточные ручки с утолщенными краями (Пассек 1949, 101, рис. 56/1, 3-5) или имитирующие их налепные полумесяцы (Старкова 2008, 21, рис. 3) или разные фигуры, выполненные невысоким рельефом.

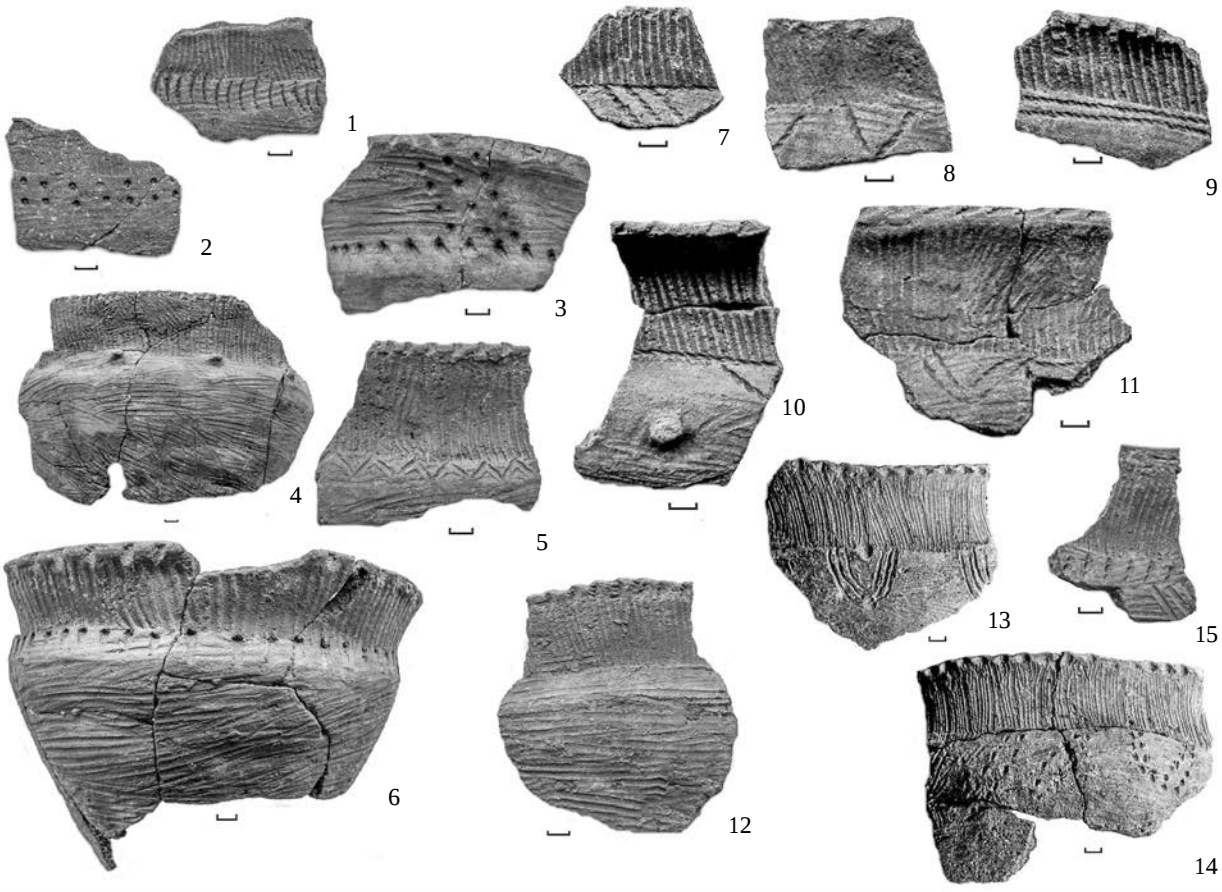


Рис. 10. Керамика «типа Кукутень С» поселения Чапаевка.

В конце этапа Триполья В2 - начале С1 - Кукутень В орнаментальные композиции на керамике типа Кукутень С становятся менее разнообразными, расчесы применяются для обработки как внешней, так и внутренней поверхности сосудов (рис. 11/1), но значительная часть сосудов имеет гладкую поверхность. Оттиски мелкозубчатого штампа известны только в Поднепровье, в остальных регионах на керамике типа Кукутень С присутствуют прочерченные линии или углубления разной формы (рис. 11/6-9; 12/2). Традиция изображать на плечиках фестоны из тонких прочерченных линий сохраняется на керамике некоторых локально-хронологических групп Триполья С1, например, в Чечельнике (Заєць 2001, 99, рис. 53/11).

Жемчужины сохраняются только на поселениях в Поднепровье, например, в Коломийщине 1 (Пассек 1949, 143, рис. 76/5).

Распространяются выполненные в низком рельефе (Пассек 1949, 47, рис. 17/1; Cucoş 1999, 280, fig. 59/7) или скульптурные зооморфные детали – букрании, изображающие головки бовинов или овидов с разной степенью стилизации (рис. 11/2, 4-7; С1, 2, 3). Возможно, столбчатые выступы (рис. 11, 2, 9), иногда парные (рис. 12, 1), являются крайней степенью схематизации зооморфных символов. В Поднепровье представлены антропоморфные скульптурные детали (рис. 12/4). В Кукутень В скульптурные зооморфные детали не характерны для керамики типа Кукутень С.

Появление и распространение в Триполье-Кукутень шнурового орнамента является отдельным сюжетом в исследовании керамики типа Кукутень С. Проблема появления и распространения шнуровой орнаментации на территории Украины была в свое время рассмотрена Д.Я. Телегиным в связи с характеристикой среднестоговской культуры (Телегін 1973, 154-158). По его мнению, впервые посуда со шнуром появилась в среднестоговской культуре при переходе от раннего (волошского,

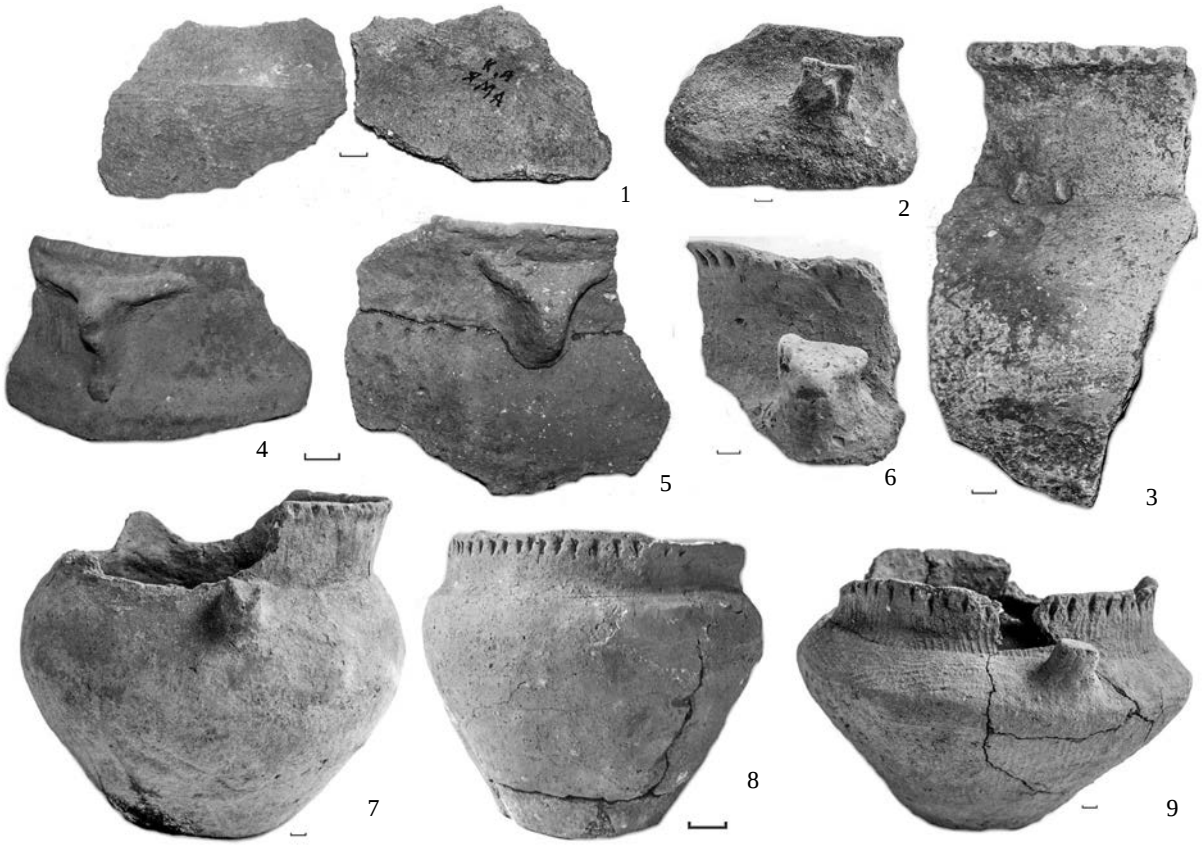


Рис. 11. Керамика «типа Кукутень С» поселения Майданецкое.

включающего скелянский и стоговский типы) к позднему периоду (дереивскому). Причем первоначально на протяжении раннего периода появились короткие оттиски перевитого шнура («гусенички»).

Под среднестоговским влиянием этот вид орнаментации, по мнению Д.Я. Телегина, распространился в среде носителей трипольской культуры этапа BII, конкретно на памятниках типа Владимировки в бассейне р. Синюхи, а затем распространился далее. Эту точку зрения поддерживала также Т.Г. Мовша. Однако отпечатки разных типов шнура известны, как показано выше, на керамике Триполья B1-B2 - Кукутень A-B. Следует также отметить, что на трипольской керамике этапа BII можно найти не только оттиски «гусенички», но и шнура, хотя такие образцы и немногочисленны. Наибольшее количество керамики со шнуровой орнаментацией обнаружено на поселении Чапаевка, где ее также связывают со «степным влиянием» (Круц 1977). Памятники чапаевской группы синхронны, если судить по находкам расписной керамики, с поселениями небелевской группы в Побужье, сменяющими на этой территории владимировские). Отметим, что в материалах небелевской группы встречается только «гусеничка», а не шнур. Поскольку В.А. Круц в свое время считал чапаевские памятники переходными к этапу CII, то их удревнение до этапа BII в целом ставит под сомнение выводы о «степных влияниях» и заставляет задуматься над источником появления шнура в комплексах трипольской культуры.

В результате лабораторных исследований выяснилось, что в среде степного населения, представленного дереивской и нижнемихайловской культурами, использовались штампы из шнура, изготовленного иным способом, чем на поселениях трипольской культуры. Совпадение отмечено лишь для одного образца. В то же время выявлена преемственность в технике изготовления шнура между степными культурами, а также отличия между ними и усатовской культурой (Burdo, Kotova, Videiko

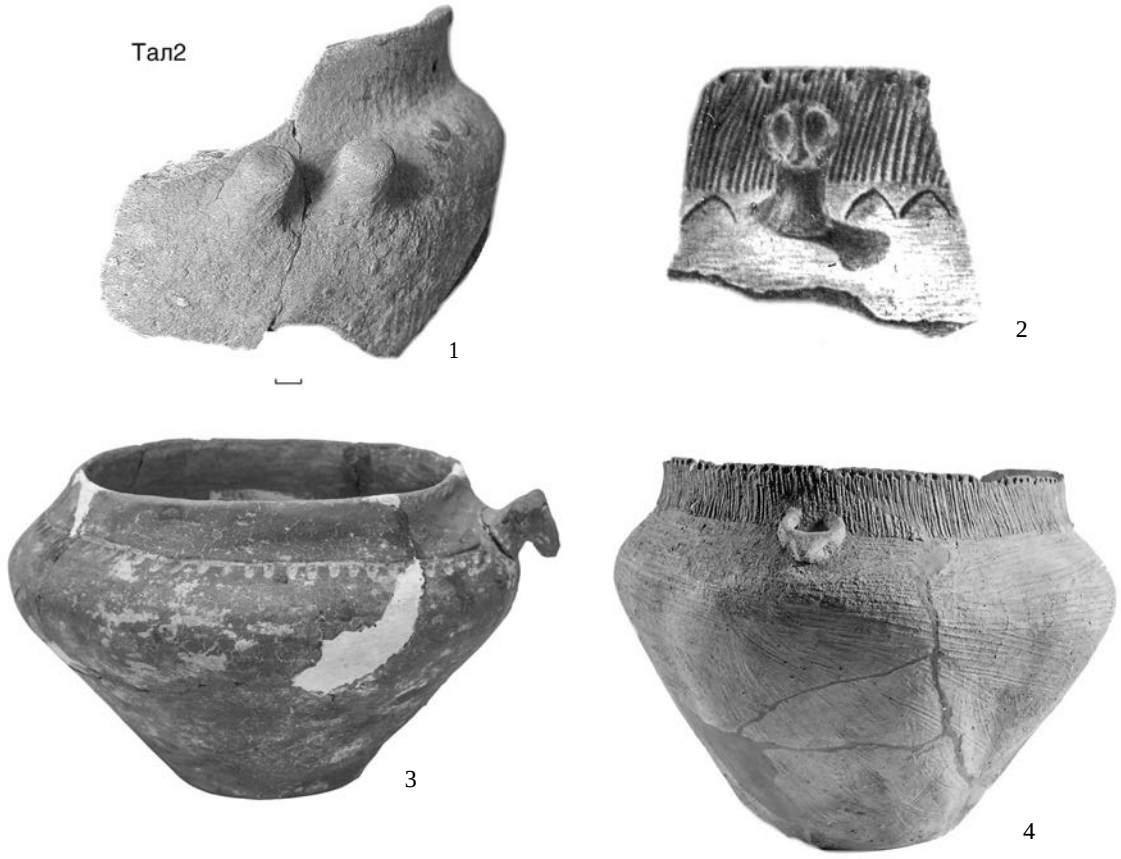


Рис. 12. Керамика «типа Кукутень С» этапа Триполья С1: 1 - Тальное 2; 2-4 - Поднепровье, раскопки В.В. Хвойки.

2010). Такая особенность шнуровой орнаментации выступает как дополнительный аргумент против предположения о появлении традиции шнурового орнамента в Триполье-Кукутень под влиянием дереивской культуры.

А. Додд-Оприческу посвятила специальное исследование шнуровому орнаменту на керамике Кукутень и Чернавода I (Dodd-Opriţescu 1981) и пришла к выводу о том, что, скорее всего, в культуре Чернавода I шнуровая орнаментация появляется раньше, чем в культуре Кукутень. По мнению исследовательницы, ложный шнур (гусеничка) и плетеный шнур появляются в Кукутень одновременно и хронологически близко с Чернаводой I, но в Чернаводе шнуровой орнамент распространен шире (Dodd-Opriţescu 1981).

Проблема культурно-исторических контактов и хронологического соотношения Триполья-Кукутень, Чернавода I, среднестоговской и других степных культур рассматривалась в румынской и советской историографии (Мовша 1998, 112-118). Однако синхронизация всех этих культур остается пока окончательно не выясненной проблемой, а без уверенности в синхронизации невозможно определить направления культурных влияний, в том числе и в керамических традициях.

А. Додд-Оприческу предположила, что особенности керамики типа Кукутень С в культуре Кукутень связаны с влиянием пограничного со степью трипольского населения, продвинувшегося к границам Кукутень под давлением Чернаводы I. Впоследствии керамика типа Кукутень С «кукутенизируется» и связана исключительно с местным производством. А. Додд-Оприческу считает вероятным влияние керамических традиций культуры Чернавода I на формирование усатовской и нижнемихайловской культур (Dodd-Opriţescu 1983).

Вероятность контактов Триполья-Кукутень и Чернаводы I косвенно подтверждаются связями между дереивской культурой и Чернаводой I, засвидетельствованные импортом чернаводской статуэтки в Дереивке (Котова 2013, рис. 3/6).

Керамика типа Кукутень С поселений Триполья В2-С1 - Кукутень В отличается своеобразием по сравнению с керамикой синхронных дереивской и нижнемихайловской культур и культуры Чернавода I. Использование таких приемов орнаментации, как отпечатки шнура, жемчужины, расчесы характерно для керамической традиций всех упомянутых культур, и достоверное установление приоритета одной из них на данном уровне исследований затруднительно. Элементы степной керамической традиции прослеживаются только в керамических комплексах отдельных памятников Триполья В1, начала В1-В2 - Кукутень А. Влияние среднестоговской культуры, таким образом, было ограниченным и относительно краткосрочным.

Анализ керамики типа Кукутень С позволяет утверждать, что в керамических комплексах разных памятников, принадлежащих к различным локально-хронологическим группам культурного комплекса Триполье- Кукутень, присутствует компонент, успешно маркирующий «общий среднетрипольский горизонт» от Триполья В1 - Кукутень А до Триполья С1 - Кукутень В, обозначенный именно, как это не выглядит парадоксальным, керамикой «типа Кукутень С». В целом типологически близкие сосуды с вариациями технологических, морфологических и стилистических признаков, обусловленные локальными и хронологическими составляющими, образуют немногочисленную, но выразительную категорию керамических комплексов, общую для памятников разных локально-хронологических групп Триполья-Кукутень от Карпат до Днепра. В отличие от расписной керамики, которая на некоторых поднепровских поселениях весьма немногочисленна, керамика типа Кукутень С составляет больший процент именно в памятниках Среднего Днепра.

Таким образом, именно керамика типа Кукутень С, которая демонстрирует в целом технологическую, морфологическую и стилистическую общность в пределах культурного комплекса Триполье-Кукутень, подчеркивает единство составляющих его локально-хронологических структур. Представляется, что только общностью сакральной традиции может объясняться относительная типологическая однородность керамики типа Кукутень С на просторах от Карпат до Днепра на протяжении сотен лет.

Библиография

Барыкин 2010: П.П. Барыкин, Керамика памятников хвалынской культуры Поволжья (к характеристике типологических связей памятников региона). В сб.: (Отв. ред. С.А. Агапов) Керамика памятников хвалынской культуры Поволжья (к характеристике типологических связей памятников региона). Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов (Самара 2010).

Белановская 1949: Т.Д. Белановская, Кухонная керамика трипольской культуры: Автореф. Дис. ... канд. ист. наук (Ленинград 1949), 1-16.

Бурдо 2015: Н.Б. Бурдо, Место памятников сабатиновского типа в структуре культурного комплекса Кукутень-Триполье. В сб.: (Отв. ред. И.В. Бруяко) Материалы по археологии Северного Причерноморья, 13 (Одесса 2015), 13-27.

Бурдо, Станко 1981: Н.Б. Бурдо, В.Н. Станко, Энеолитические находки на стоянке Мирное. В сб.: (Отв. ред. Г.Г. Мезенцева) Древности Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 17-21.

Васильева 2010: И.Н. Васильева, Технология изготовления керамики II Хвалынского могильника. В сб.: (Отв. ред. С.А. Агапов) Керамика памятников хвалынской культуры Поволжья (к характеристике типологических связей памятников региона). Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов (Самара 2010).

Виноградова 1983: Н.М. Виноградова, Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры: (Периодизация, хронология, локальные варианты) (Кишинев 1983).

Відейко 2005: М.Ю. Відейко, Трипільське поселення Ігнатенкова Гора біля с. Григорівка. В сб.: (Отв. ред. Л.Л. Залізняк) Кам'яна доба України, 7 (Київ 2005), 186-200.

Відейко, Бурдо 2007: М. Ю. Відейко, Н.Б. Бурдо, Рятувальні дослідження в ур. Коломійців Яр між сс. Копачів та Перше Травня Обухівського р-ну Київської обл. В сб.: (Отв. ред. Н.О. Гаврилюк) Археологічні дослідження в Україні 2005-2007 рр. (Київ 2007), 110-114.

Гусєв 1995: С.О. Гусєв, Трипільська культура Середнього Побужжя рубежу IV-III тис. до н.е. (Вінниця 1995).

Даниленко 1974: В.Н. Даниленко, Неолит Украины (Киев 1974).

Даниленко, Шмаглий 1972: В.М. Даниленко, М.М. Шмаглій 1972, Про один поворотний момент в історії енеолітичного населення Південної Європи. Археологія 6, 1972, 3-20.

Заєць 2001: І.І. Заєць, Трипільська культура на Поділлі (Вінниця 2001).

Заец, Рыжов 1992: И.И. Заец, С.Н. Рыжов, Поселение трипольской культуры Клищев на Южном Буге (Киев 1992).

Збенович 1989: В.Г. Збенович, Ранний этап трипольской культуры на территории Украины (Киев 1989).

Зиньковская 1978: Н.Б. Зиньковская, Глиняные черпаки, ковши и ложки из раннетрипольского поселения Александровка. В сб.: (Отв. ред. П.П. Карышковский) Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья (Киев 1978), 205-219.

Кандиба 2007: О. Кандиба, Шипинці. В сб.: (Отв. ред. Ю. Расамакін) О. Ольжич. Археологія (Київ 2007), 110-250.

Козловська 1926: В.Є. Козловська, Точки трипільської культури біля с. Сушківки на Гуманщині (Розкопи р. 1916). В сб.: Трипільська культура в Україні, 1 (Київ 1926), 43-66.

Коробкова, Шапошникова 2005: Г.Ф. Коробкова, О.Г. Шапошникова, Поселение Михайловка – эталонный памятник ямной культуры (Санкт-Петербург 2005).

Котова 2006: Н.С. Котова, Ранний энеолит степного Поднеповья и Приазовья (Луганск 2006).

Котова 2013: Н.С. Котова, Дереивская культура и памятники нижнемихайловского типа (Киев-Харьков 2013).

Круц 1977: В.А. Круц, Позднетрипольские племена Среднего Поднепровья (Киев 1977).

Манзура 2000: И.В. Манзура, Владеющие скіпетрами. Stratum plus 2, 2000, 237-295.

Манзура 2001-2002: И.В. Манзура, Проблема формирования культур раннего бронзового века на Северо-Восточных Балканах. Stratum plus 2, 2001-2002, 458-485.

Мовша 1961: Т.Г. Мовша, О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века. СА 2, 1961,186-199.

Мовша 1981: Т.Г. Мовша, Проблемы связей Триполья-Кукутени с племенами культур степного ареала. Studia Praehistorica 5-6, 1981, 61-72.

Мовша 1998: Т.Г. Мовша, Зв'язки Трипілля-Кукутені зі степовими енеолітичними культурами: (До проблеми індоєвропеїзації Європи). Записки наукового товариства ім.. Т.Г. Шевченка. Праці археологічної комісії, 235 (Львів 1998), 111-153.

Овчинников 2005: Е.В. Овчинников, Трипільське поселення біля с. Валява (до питання про походження пам'яток канівської локальної групи). В сб.: (Отв. ред. Л.Л. Залізняк) Кам'яна доба України, 7 (Київ 2005), 201-210.

Палагута 1998: И.В. Палагута, К проблеме связей Триполья-Кукутени с культурами энеолита степной зоны Северного Причерноморья, Российская археология, 1, 1998, 5-14.

Пассек 1949: Т.С. Пассек, Периодизация трипольских поселений (III-II тысячелетия до н. э.). Материалы и исследования по археологии СССР, 10, 1949.

Патокова и др. 1989: Э.Ф. Патокова, В.Г. Петренко, Н.Б. Бурдо, Л.Ю. Полищук, Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье (Київ 1989).

Пересунчак 2015: О.С. Пересунчак, Поселення трипільської культури Тополі. В сб.: (Отв. ред. И.В. Бруяко) Материалы по археологии Северного Причерноморья, 13 (Одесса 2015), 156-158.

Попова 1989: Т.А. Попова, О роли населения Поднестровья в формировании трипольской культуры Буго-Днепровского междуречья. В сб.: (Отв. ред. С.С. Березанская) Первобытная археология: Материалы и исследования (Киев 1989),142-148.

Попова 2003: Т.А. Попова, Многослойное поселение Поливанов Яр. К эволюции трипольской культуры в Среднем Поднестровье (Санкт-Петербург 2003).

Рассамакін и др. 2006: Ю.Я. Рассамакін, О.О. Якубенко, С.А. Сорокіна, Скельна стоянка доби енеоліту «Кічкас IX-II» (Середній Стог): сучасний стан вивчення колекції (до 80-річчя дослідження пам'ятки). В сб.: (Отв. ред. Н.О. Гаврилюк) Археологічні пам'ятки Хортиці та їх музеєфікація (Запоріжжя 2006), 43-89.

Рыжов 2008: С.Н. Рыжов, Кухонная керамика трипольского поселения у с. Тальянки В сб.: (Отв. ред. А. Корвин-Пиотровский, Ф. Менотти) Трипольская культура в Украине. Поселение-гигант Тальянки (Киев 2008), 132-151.

Сорокин 1993: В.Я. Сорокин, К проблеме генезиса культуры Кукутень. Revista Arheologică 1, 1993, 83-92.

Старкова 2008: Е.Г. Старкова, Керамика типа Кукутень С на трипольских памятниках периода BII-CI. PA 3, 2008, 16-25.

Телегін 1968: Д.Я. Телегін, Дніпро-донецька культура (Київ 1968).

Телегін 1973: Д.Я. Телегін, Середньостогівська культура похи міді (Київ 1973).

Титов 1969: В.С. Титов, Неолит Греции (Москва 1969).

Цвек 1980: Е.В. Цвек, Трипольские поселения Буго-Днепровского междуречья: К вопросу о вост. ареале культуры Кукутени-Триполье. В сб.: (Отв. ред. И.И. Артеменко) Первобытная археология – поиски и находки (Киев 1980), 163-185.

Цвек 1987: Е.В. Цвек, Трипольская культура междуречья Южного Буга и Днепра: (средний этап): Автореф. дис... канд. ист. наук (Киев 1987).

Цвек 1989: Е.В. Цвек, Буго-днепровский вариант восточнотрипольской культуры: К проблеме выделения культур и локальных вариантов Триполья. В сб.: (Отв. ред. С.С. Березанская) Первобытная археология: Материалы и исследования (Киев 1989), 106-117.

Цвек 2006: О.В. Цвек. Поселення східнотрипільської культури (Короткий нарис) (Київ 2006).

Цвек, Рассамакин 2001-2002: Е.В. Цвек, Ю.Я. Рассамакин, Поселение восточнотрипольской культуры Мирополье и проблема относительной хронологии памятников типа Средний Стог 2. Stratum plus 2, 2001-2002, 218-245.

Черныш 1962: Е.К. Черныш, К истории населения энеолитического времени в Среднем Поднестровье: По материалам многослойного поселения у с. Незвиско. Материалы и исследования по археологии СССР, 102, 1962, 5-85.

Черныш 1982: Е.К. Черныш, Энеолит Правобережной Украины и Молдавии. В сб.: (Отв. ред. В.М. Масон, М.Я. Мерперт) Энеолит СССР (Москва 1982), 165-252.

Шмаглий, Видейко 2001-2002: Н.М. Шмаглий, М.Ю. Видейко, Майданецкое – трипольский протогород. Stratum plus 2, 2001-2002, 44-140.

Шумова 1994: В.О. Шумова, Трипільське поселення Василівка на Середньому Дністрі. Археологія 1, 1994, 79-88.

Alaiba 2006: R. Alaiba, Ceramica de tip Cucuteni C. In: (ed. P. Radu) Cucuteni 120 – valori universale (Iaşi 2006), 181-208.

Bruyako, Manzura, Subbotin 2005: I. Bruyako, I. Manzura, L. Subbotin, Prehistoric settlement «Kartal» (Orlovka): preliminary information on the excavations in 2001-2002. In: (Eds. L. Nikolova, J. Higgins) Prehistoric Archaeology & Anthropological Theory and Education, 6-7, 2005, 13-33.

Burdo, Kotova, Videiko 2010: N.S. Kotova, M.Yu. Videiko, N.B. Burdo, Technological study of "cord" impressions on Middle and Late Eneolithic pottery in Ukraine. Baltic-Pontic Studies 15, 2010, 122-134.

Cucoş 1999: S. Cucoş, Faza Cucuteni B în zona Subcarpatică a Moldovei (Piatra-Neamţ 1999).

Crîşmaru 1977: A. Crîşmaru, Draguşeni. Contribuţii la o monografie arheologică (Botoşani 1977)

Dodd-Opriţescu 1980: A. Dodd-Opriţescu, Consideraţii asupra ceramicii Cucuteni C. SCIVA 31/4, 1980, 547-557.

Dodd-Opriţescu 1983: A. Dodd-Opriţescu, Vecinii estici şi nord-estici ai tribulor Cucuteni-Tripolie. SCIVA 34/3, 1983, 222-234.

Himner 1933: M. Himner, Etude sur la civilisation premyceniene dans le bass, ine de la Mer Noire apres des foulies personelles. In: Swiatowit, 14 (Warszawa 1933), 26-163.

Lazarovici, Lazarovici 2007: G. Lazarovici, C.-M. Lazarovici, Arhitectura neoliticului şi epocii cuprului din România (Iaşi 2007).

Mantu 1998: C.-M. Mantu, Cultura Cucuteni. Evoluţie, cronologie, legături (Piatra-Neamţ 1998).

Manzura 1993: I. Manzura, The East-West interaction in the mirror of the eneolithic and early bronze cultures in the northwest Pontic. Revista Arheologică 1, 1993, 23-53.

Marinescu-Bîlcu 1981: S. Marinescu-Bîlcu, Tîrpeşti - from Prehistory to History in Eastern Romania. BAR, international Series, 107 (Oxford 1981).

Markevici 1994: V. Marchevici, Aşezarea culturii Cucuteni-Tripolie de la Rădulenii Vechi (II), Republica Moldova. Memoria Antiquitatis XIX, 1994, 127-140.

Palaguta 2007: I. Palaguta, Tripolye Culture during the Beginning of the Middle Period (BI): The relative chronology and local grouping of sites. BAR, International Series, 1666, Hadrian Books (Oxford 2007).

Petrescu-Dîmboviţa, Văleanu 2004: M. Petrescu-Dîmboviţa, M.-C. Văleanu, Cucuteni-Cetăţuie. Monografie arheologică (Piatra-Neamţ 2004).

Schmidt 1932: H. Schmidt, Cucuteni in der oberen Moldau (Berlin-Leipzig 1932).

Sorochin 2002: V. Sorochin, Aspectul regional Drăguşeni-Jura. BMA XI (Piatra-Neamţ 2002).

Ceramica de “tip Cucuteni C” în colecţiile ceramice ale complexului cultural Cucuteni-Tripolie (Problematică şi scurtă istoriografie)

Cuvinte-cheie: Cucuteni, Tripolie, ceramică de tip Cucuteni C, import, influenţă.

Rezumat: Ceramica Cucuteni C este un nou tip de ceramică de „bucătărie” care apare în materialele fazei Tripolie B1. Termenul a fost introdus de Hubert Schmidt. Menţionată pentru prima dată de T.G. Movsha, asemănarea ceramicii de tip Cucuteni C a culturii Cucuteni-Tripolie cu cea a culturii Sredny Stog este dovada contactelor comunităţilor Cucuteni-Tripolie cu populaţiile de „stepă”. Cu toate acestea, valoarea şi amploarea acestor contacte nu ar trebui supraestimată, în special pentru perioada Tripolie B1 - Cucuteni A. În cadrul monumentelor Tripolie B1 - Cucuteni A au fost descoperite puţine mostre de ceramică cu elemente de tradiţie Sredny Stog, stabilite în mod cert. Aşezările cu astfel de ceramică sunt împrăştiate în diferite regiuni de pe teritoriul tripolian, dar totuşi, sunt mai multe în partea de sud-vest, mai degrabă, decât în partea de sud-est, mai aproape de arealul Sredny Stog. Pentru etapa Tripolie B1/B2 contacte mai intense sunt înregistrate pentru aşezările de tip Solonceni. La Solonceni a fost descoperită ceramică ce demonstrează similitudini tehnologice, stilistice şi, în parte, morfologice, caracteristice ceramicii Sredny Stog. Probabil, în această localitate a fost înregistrată prezenţa reprezentanţilor populaţiei Sredny Stog. Importuri de ceramică Sredny Stog au fost identificate, de asemenea, şi în aşezarea Miropol’e din zona dintre Nipru şi Bug. Cu toate acestea, influenţa Sredny Stog asupra culturii Cucuteni-Tripolie a fost foarte limitată şi nu a cauzat schimbări în ansamblul ceramic general de tradiţie tripoliană. Afirmaţiile despre larga răspândire a ceramicii cu elemente stepice spre finalul etapei Tripolie B1, „contactele strânse” sau „relaţiile matrimoniale” ale populaţiei tripoliene şi Sredny Stog par a fi exagerate. Cea mai probabilă explicaţie pentru prezenţa ceramicii sincretice fixată în Cucuteni-Tripolie pentru etapele finale B1 şi B1/B2 este versiunea contactelor populaţiei agricole şi de stepă asociate cu relaţiile de schimb. Utilizarea în decorarea ceramicii de tip Cucuteni C a decorului imprimat în formă de şnur sau a „perlelor” poate fi atribuită influenţei culturii Cernavoda I. Ceramica de tip Cucuteni C demonstrează caractere tehnologice, morfologice şi stilistice comune pentru toate grupurile local-cronologice din cadrul complexului cultural Tripolie-Cucuteni. Acesta acţionează ca un component care a marcat cu succes „orizontul tripolian mijlociu comun” de la Tripolie B1 - Cucuteni A până la Tripolie C1 - Cucuteni B, subliniind unitatea componentelor structurale ale complexului cultural.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Ceramică din aşezări Tripolie B1: 1-4 Neporotovo 22; 5-9 - Berezovskaya GES (8a, 9a, după Даниленко 1974); 10-14 - Vasilevka (după Збенович, Шумова 1989); 15 - Darabani; 16 - Sabatinovka 1.

Fig. 2. Ceramica culturii Sredny Stog: 1-16 - etapa Skeleansk; 17-24 - etapa Sredny Stog.

Fig. 3. Ceramică cucuteniană de „tip C” din aşezarea Kolomiicev Jar.

Fig. 4. Ceramică cucuteniană de „tip C” din aşezările Tripolie B1/B2: 1-2 - Kliščev (după Заец 1974); 3, 7-8 - bazinul Niprului, săpăturile lui V.V. Chvojka; 5 - Bugaci.

Fig. 5. Ceramică cucuteniană de „tip C” din aşezările aspectului Solonceni.

Fig. 6. Ceramică cucuteniană de „tip C” din aşezarea Solonceni 2 (după Мовша 1998).

Fig. 7. Tabelul comparativ al ceramicii tripoliene şi Sredny Stog.

Fig. 8. Ceramică cucuteniană de „tip C” din aşezările Tripolie B1/B2: 1-7, 13-14 - bazinul Niprului, săpăturile lui V.V. Chvojka; 8-12 - Nicolaevka.

Fig. 9. Ceramică cucuteniană de „tip C” din aşezările Tripolie B2: 1, 3 - Nemirovka; 4 - Nemirov; 5-7 - Stanislavovka; 8 - Berezova-Bereg; 9-11, 13-14, 16 - Grebeni; 15 - Studenica.

Fig. 10. Ceramică cucuteniană de „tip C” din aşezarea Čapaevka.

Fig. 11. Ceramică cucuteniană de „tip C” din aşezarea Maydanetskoe.

Fig. 12. Ceramică cucuteniană de „tip C” din etapa Tripolie C1: 1 - Talnoe 2; 2-4 - bazinul Niprului, săpăturile lui V.V. Chvojka.

The Cucuteni C pottery in the Cucuteni-Trypillia cultural complex (Formulation of the problem and a brief historiography)

Keywords: Cucuteni, Trypillia, Cucuteni C pottery, import, influence.

Abstract: The “Cucuteni C pottery” is a special term for a kind of Cucuteni pottery, injected by Hubert Schmidt. The earliest samples of this pottery are dated by the B1 stage. According to T. Movsha, this kind of pottery appeared at Cucuteni-Trypillia sites under the influence of Serednii Stig Culture. Another question is whether these contacts were important for developing of this kind of pottery, especially for the Trypillia B1 - Cucuteni A stages.

Samples of Serednyi Stig Culture from Cucuteni-Trypillia sites are innumerous. These sites are distributed on large area, but mainly in the western rather than eastern part, close to the Serednii Stig Culture area. For Trypillia B1-B2 - Cucuteni A-B stages the most of finds come from sites of the Soloncheny local group. At the Soloncheny and Myropillia sites this pottery is most similar to Steppe samples in terms of technology, stylistics and, partly, forms of pots. Some of samples may have been really imported of produced by the bearers of Serednii Stig Culture. But the appearing of Cucucteni C pottery at this time did not change the original Trypillia-Cucuteni traditions and the Serednii Stig Culture influence was limited. The use of cord decorations from BII stage may have been connected with the influence of Chernavoda I Culture. On the other hand, the Cucuteni C pottery was the main common feature of pottery assemblages at whole area inhabited by the Cucuteni-Trypillia people. The most realistic point of view is that the spreading of Cucuteni C pottery reflected more tribal than intercultural relations.

List of illustrations:

Fig. 1. Pottery from Trypillia B1 sites: 1-4 - Neporotove 22; 5-9 - Berezivska GES (8a, 9a after Даниленко 1974); 10-14 - Vasyliivka (after Збенович, Шумова 1989); 15 - Daribany; 16 - Sabatynivka I.

Fig. 2. Pottery of Serednii Stig Culture: 1-16 - Skelya stage; 17-24 - Stog stage.

Fig. 3. Cucuteni C pottery from Kolomyitsiv Yar.

Fig. 4. Cucuteni C pottery from Trypillia B1-B2 stage sites: 1-2 - Klishchiv (after Заец 1974); 3, 7, 8 - Dnipro region (after V. Khvoika); 5 - Buchach.

Fig. 5. Cucuteni C pottery from Soloncheny group sites.

Fig. 6. Cucuteni C pottery from Soloncheny 2 site (after Мовша 1998).

Fig. 7. Serednii Stig and Trypillia pottery.

Fig. 8. Cucuteni C pottery from Trypillia B1-B2 stage sites: 1-7, 13-14 - Dnipro region (after V. Khvoika); 8-12 - Mykolaivka.

Fig. 9. Cucuteni C pottery from Trypillia B2 sites: 1, 3 - Nemyrivka; 4 - Nemyriv; 5-7 - Stanislavivka; 8 - Berezova-Bereg; 9-11, 13-14, 16 - Grebeni; 15 - Studenitsya.

Fig. 10. Cucuteni C pottery from Chapaivka.

Fig. 11. Cucuteni C pottery from Maidanetske.

Fig. 12. Cucuteni C pottery from Trypillia CI stage: 1 - Talne-2; 2-4 - Dnipro region (after V. Khvoika).

01.02.2016

Др. Наталья Бурдо, Институт археологии, Национальная академия наук Украины, проспект Героев Сталинграда, 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: nbburdo@gmail.com

DESPRE MORMÂNTUL DE INCINERAȚIE ÎN SITULĂ DE BRONZ DE LA SIPOTENI (SEC. II-I A. CHR.)

Ion Tentiuc
Valeriu Bubulici
Angela Simalcsik

Cuvinte-cheie: situle de bronz, urne funerare, depozite stranii, spaţiul est-carpatic, bastarni, celţi.

Introducere

Cercetările sistematice din ultimele decenii au condus la acumularea unor importante materiale documentare, de natură arheologică, privind secolele II-I a. Chr. Între acestea, un loc aparte, prin importanţa lor, îl au vestigiile care reflectă procesele social-economice sau militar-politice, dar şi cele legate de riturile şi ritualurile funerare ale comunităţilor care au locuit în spaţiul est-carpatic în ultimele secole de până la Christos. Includerea lor în circuitul ştiinţific a permis elucidarea unor aspecte inedite despre cultura materială şi viaţa spirituală, dar şi despre natura contactelor şi a interferenţelor dintre comunităţile localnicilor geto-daci şi grupurile de alogeni care au lăsat urme importante în mediul autohton într-o perioadă de intense mişcări de populaţie în Europa Centrală şi de Est.

Printre populaţiile alogene care au influenţat multiple aspecte ale vieţii comunităţilor geto-dacice din spaţiul est-carpatic în această perioadă, se evidenţiază cele ale bastarnilor. Cercetarea siturilor din spaţiul dintre Carpaţi şi Nistru a permis evidenţierea zonelor de concentrare a vestigiilor bastarnilor germanici, situate preponderent în partea centrală şi de nord a hinterlandului, dar şi a zonelor de contact cu comunităţile băştinaşilor (Babeş 1993; Babeş 2010, 541-550).

Anumite particularităţi ale aşezărilor şi necropolelor bastarnilor, de al căror nume este legată cultura Poieneşti-Lucaşeuca (în continuare - P-L), (prevalarea numărului de aşezări faţă de cel al necropolelor), la fel ca şi în cazul celor geto-dacice, reprezentate şi acestea inegal ca proporţie (a fost remarcată puţinătatea mormintelor şi a necropolelor la geto-daci) (Sîrbu 1993, 18, 23-26, 41-45), par să reflecte anumite tendinţe generale care se produc în arealul Latène-ului central european, al aşa-numitei „gräberlose Zone" – „zone lipsite de morminte" (Babeş 1988, 23), dar şi procesele demografice complexe care s-au derulat în regiunile de la est de Carpaţii Orientali, fenomene resimţite în modificările social-economice, politice şi spirituale care au loc în mediul dacic răsăritean în ultimele două secole ale erei vechi.

Evidenţierea aspectului cultural P-L a fost efectuată prin cercetările întreprinse de Radu Vulpe la Poieneşti în 1949 şi de săpăturile lui Gh.B. Fedorov la Lucaşeuca în anii 1953-1954. În urma investigaţiilor a fost identificată o nouă cultură arheologică, bine delimitată, uimitor de unitară, situată în zona centrală şi de nord a regiunii carpato-nistrene (Vulpe 1949; Федоров 1960).

În prezent, în spaţiul est-carpatic sunt cunoscute mai mult de 200 de puncte cu vestigii aparţinând acestui facies cultural, dintre care circa 185 sunt reprezentate de aşezări (Babeş 2010, 543-549; Iarmulschi 2010, 159). În alte 17 puncte au fost identificate necropole plane sau morminte izolate (Babeş 1993, 31-52; Iarmulschi 2014, 9). Din categoria complexelor funerare descoperite izolat face parte şi mormântul de incineraţie în situlă de bronz de la Sipoteni.

Complexul funerar de la Sipoteni a fost descoperit în anul 1954, în timpul săpării şi amenajării unui lac de acumulare la periferia de nord-est a localităţii[1] (fig. 1). Mormântul de incineraţie a fost inclus în circuitul ştiinţific de către Gh.P. Sergheev în anul 1956 (Сергеев 1956, 135-141) şi reluat, cu mici completări şi comentarii, de către Gh.B. Fedorov (Федоров 1960, 25-26). Particularităţile complexului funerar, descoperirea aici a unui set

[1] Verificările efectuate pe locul descoperirii situlei cu resturi cinerare, nu au identificat noi materiale care să suplimenteze informaţia despre sit.

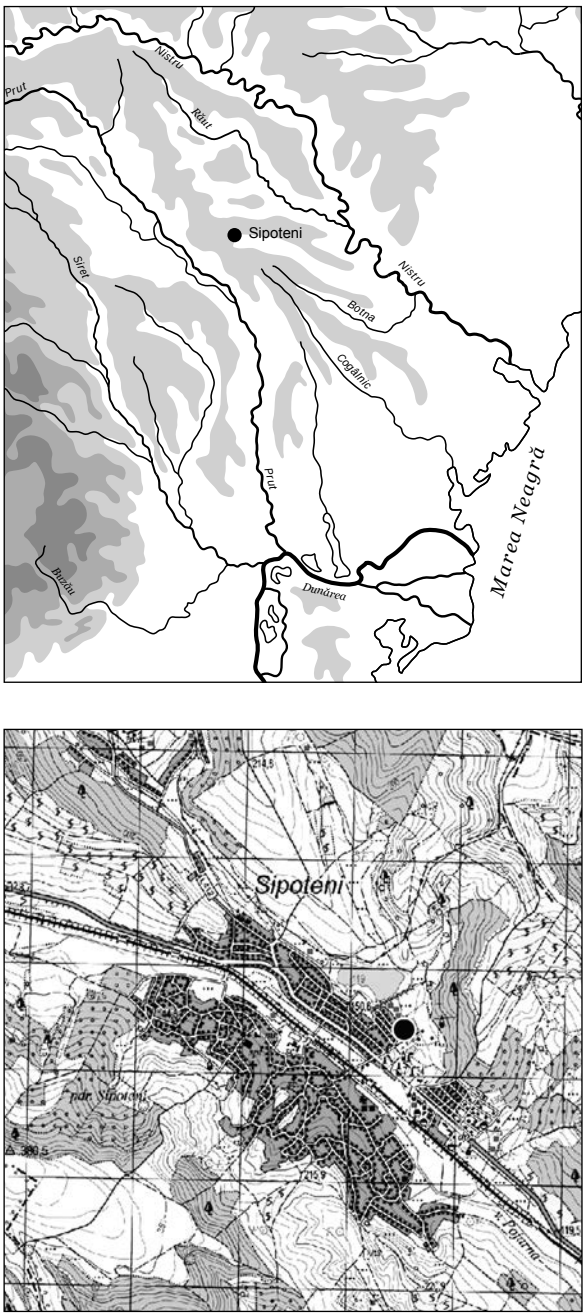


Fig. 1. Harta cu locul descoperirii mormântului de incineraţie de la Sipoteni.

alcătuit din două situle de bronz, dintre care una conţinea resturi umane incinerate şi inventar funerar, prezenţa printre piesele de inventar a unei superbe fibule de argint, dar şi ineditul vestigiilor a atras atenţia mediului ştiinţific interesat de noua configuraţie a hărţii arheologice care se prefigura la est de Carpaţii Orientali, ale cărei repere etno-culturale şi istorice erau pe cale de a fi conturate, modificând, la nivel de detaliu, percepţiile anterioare asupra proceselor istorice din regiune.

Asupra vestigiilor de la Sipoteni s-au referit, cu diverse ocazii, mai mulţi cercetători preocupaţi de contextul apariţiei şi dezvoltării culturii P-L[2], interesaţi de originile etnice ale purtătorilor ei, de formele de viaţă, dar şi de ritul şi ritualul funerar al noilor veniţi. În baza acestor descoperiri, s-a încercat decriptarea metamorfozelor etno-demografice şi culturale care au avut loc în spaţiul est-carpatic în ultimele secole ale erei vechi, dar şi cele care s-au produs la nivel continental. Totodată, prin setul de materiale descoperite se cereau analizate, dar şi explicate, particularităţile pătrunderii în spaţiul est- şi circumcarpatic a unor importuri considerate a fi italice sau celtice, între care şi cele ale vaselor metalice (Раев 1993, 160-175, Popa 2004, 491-505, Rustoiu 2005, 53-117, Симоненко 2011, 30-70); ale originii şi ale căilor de pătrundere acestora în regiune; a mijlocitorilor potenţiali care au realizat acest lucru (celţi, bastarni, sarmaţi, sciţi târzii) sau a utilizatorilor acestora în ultimă instanţă.

În cele ce urmează ne-am propus reluarea discuţiei privind complexul funerar de la Sipoteni. Demersul nostru este determinat, în primul rând, de apariţia posibilităţii de a efectua analiza osteologică complexă a conţinutului urnei funerare cu resturi umane cinerare[3]. Pe de altă parte, acumularea de noi materiale arheologice referitor la geto-dacii (Sîrbu 1993; Sîrbu 2004; Ursachi 1995; Teodor 2003; Rustoiu 2005), bastarnii (Hânceanu 2007, 277-286; Iarmulschi 2013, 29-52), sarmaţii (Bârcă 2006; Симоненко 2011) din spaţiul est-carpatic sau a celţilor din zona intra- şi circumcarpatică şi sistematizarea acestora în ultimele decenii (Babeş 1993; Babeş 2010, 541-550;

[2] Descoperirea izolata de la Sipoteni a fost interpretată diferit de către cercetători, fiind considerată drept *necropolă* (Федоров 1960, 25), parte dintr-o *necropolă distrusă* (Еременко 1997, 116) sau *necropolă mică* (Iarmulschi 2013, 37-38). M. A. Romanovskaja consideră că la Sipoteni au fost descoperite *două morminte* (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 82-83, рис. 34/3).

[3] În procesul analizei materialelor din mormântul de incineraţie realizat în situlă de bronz descoperit la Mana (Orhei), aparţinând culturii P-L, şi asociat cu arme distruse intenţionat, neam adresat, cum era şi firesc, descoperirilor de la Sipoteni în calitate de cea mai apropiată analogie pentru un mormânt de incineraţie unde, în calitate de urnă funerară, a fost utilizat un vas de metal. Spre surprinderea noastră, cele două situle de bronz, dintre care una plină cu resturi de oase umane incinerate şi fibula de argint găsită în interiorul ei, se păstrează în condiţii mulţumitoare în fondurile MNIM din Chişinău. Din inventarul funerar descris de descoperitor în 1956, nu s-a reuşit identificarea doar a fragmentului de ceramică lucrat cu mâna şi veriga de fier, descoperite în interiorul urnei funerare de la Sipoteni (Călăraşi).

Щукин 1994, 80-94; Топал 2012, 169-171), ne-a permis reluarea discuţiei privind datarea mormântului de incineraţie şi a inventarului funerar asociat lui, inclusiv originea şi căile de pătrundere a vaselor/situlelor de bronz în spaţiul est-carpatic[4]; funcţionalitatea lor de bază[5] (vase de bucătărie sau vase din setul de campanie al legionarului (?); particularităţile utilizării acestora în riturile şi ritualurile de înmormântare în calitate de urnă funerară sau de inventar în complexele funerare izolate de la Sipoteni, Mana, Bădeni, dar şi în necropola de la Poieneşti[6]; analogiile existente pentru acestea în spaţiul nord-pontic, carpato-balcanic (Siscia, Sotin-Zmajevac şi Mali Bilač în Croaţia), central-european (Pécs în Ungaria, Zubowice în Polonia, Subbotov în Ucraina) sau occidental (Villanueva de Cordoba şi Numantia în Spania; Toulouse-Estarac şi Vieille-Toulouse în Franţa, etc.) şi, totodată, prezenţa situlelor de bronz de acest tip în cadrul unor depozite din spaţiul cercetat şi cauzele depozitării acestora.

În afară de cele două situle, importantă este şi prezenţa în mormântul de incineraţie de la Sipoteni a unei *fibule filiforme* de argint, de schemă Latene mijlociu de tipul Kostrzewski B, o adevărată fosilă în opinia noastră, care îşi găseşte anumite analogii în complexe funerare geto-dacice, bastarne sau sarmatice din această perioadă. Corelarea materialelor cu valoare cronologică din regiunea amintită mai sus ne permite formularea unor precizări şi în ceea ce priveşte încadrarea temporală mai strânsă a complexului funerar de la Sipoteni, dar şi posibilitatea de a lega prezenţa lui de contextul istoric şi militaro-politic al vremii.

Abordând problema utilizării situlelor de bronz în calitate de *urnă funerară* pentru mormintele de incineraţie de la Sipoteni (Călăraşi) şi Mana (Orhei) sau de inventar funerar pentru situla de la Bădeni[7], nu putem face abstracţie de alte câteva descoperiri ale unor vase de bronz, identice ca formă, aparţinând aceluiaşi tip, care provin din cadrul unor *depozite*. Acestea au fost descoperite la Bădragii Noi (Edineţ), Veselaja Dolina (reg. Odesa), ambele situate în spaţiul pruto-nistrean, şi Mar'evka (reg. Nikolaev), la vest de Bugul de Sud. Vasele de la urmă se deosebesc de primele doar prin faptul că sunt înzestrate cu torţi. Torţile mobile ale situlelor sunt realizate din tijă de fier şi sunt prinse de un cerc, din acelaşi metal, fixat în exteriorul gâtului vasului[8]. Aceste vase de bronz au fost identificate în varii contexte arheologice din spaţiul carpato-nistrean şi din regiunea nord-pontică, fiind atestate în special în cadrul unor depozite, supranumite în literatura de specialitate *complexe stranii* (Щукин 1994, 97; Симоненко 2005, 255-260), *depozite rituale* sau *votive* (Зайцев 2012, 67-72), dar şi *tezaure* (Bârcă 2006, 93) etc.

Ţinem să menţionăm că abordând problema originii situlelor de bronz, a condiţiilor pătrunderii lor în mediul bastarnic (Sipoteni, Mana, Bădeni) şi/sau sarmatic (Bădragii Noi, Veselaja Dolina, Mar'evka) din spaţiul est-carpatic sau nord-pontic, dar şi a funcţionalităţii lor, am remarcat unele confuzii existente în literatura de profil în ceea ce priveşte încadrarea tipologică a vaselor de acest fel.

Astfel, situlele de bronz descoperite la Sipoteni şi Bădeni, dar şi cele de la Bădragii Noi, Veselaja Dolina şi Marievka, identice ca formă, au fost încadrate tipologic diferit, fiind atribuite de cercetători tipului Eggers 18-20, 21 sau 22-23 (Раев 1993, 167). Pe de altă parte, s-a acreditat ideea că ele ar aparţine doar tipului *Bargfeld* (Щукин 1994, 118; Еременко, Щукин 1998, 77; Симоненко 2011, 47), evidenţiat la începutul secolului trecut de Heindrich Willers (Willers 1901, 101).

I. Descrierea pieselor din mormântul de incineraţie

1. Situlă de bronz[9] (fig. 3). Vasul este confecţionat prin batere dintr-o singură bucată de tablă, groasă de 0,2 cm. Gâtul de formă tronconică uşor concavă, lung de 3,5 cm, se sfârşeşte cu buza îngroşată spre exterior până la 0,3 cm. Situla are formă tronconică, umerii înalţi, rotunzi şi bine profilaţi. Diametrul maxim este situat în partea superioară a vasului, la nivelul celei de a treia

[4] Descoperirea în contexte arheologice diferite a şase vase de metal de acelaşi tip – situlă de bronz (Bădeni (Iaşi), Bădragii Noi (Edineţ), Mana (Orhei), Sipoteni (Călăraşi), Veselaja Dolina (Tarutino), într-o regiune geografică relativ restrânsă ca suprafaţă, cum este spaţiul carpato-nistrean, ancorate cronologic suficient de exact (sec. I a. Chr. sau chiar prima jumătate a acestui secol), se cere a fi explicată.

[5] Cercetătorii atribuie această categorie de vase de metal domeniului domestic (vezi: M. Feugère 2016 in http://artefacts.mom.fr/rezult.phr, pagină consultată la 26.03.2016).

[6] Inedită. Nu cunoaştem tipul cărei îi aparţine. A fost descoperită în M 1094. Vezi: Babeş 1993, 32 şi nota 20).

[7] Se păstrează la Muzeul de Istorie a Moldovei din cadrul Complexului Muzeal Naţional Moldova, Iaşi. Nr. inv. 1295.

[8] Vezi *Repertoriul situlelor din spaţiul est-carpatic* la sfârşitul studiului nostru.

[9] Se păstrează în fondurile MNIM, nr. inv. 0/8268-2.

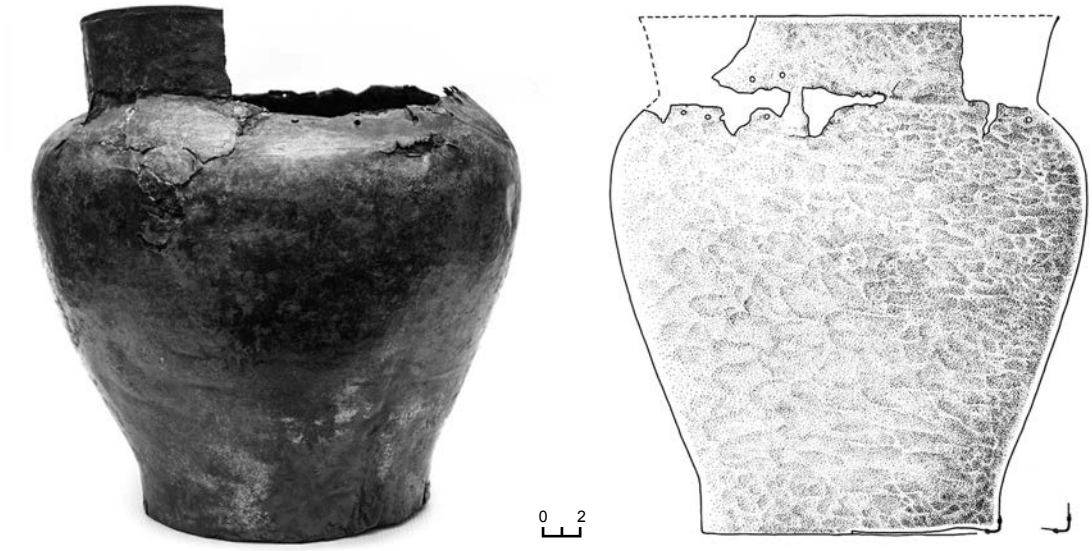


Fig. 2. Sipoteni. Situla de bronz - urna funerară (foto şi desen).

părţi a înălţimii. Pereţii se îngustează în partea de jos. Vasul are fundul plat, cu o uşoară retragere concavă pe partea de mijloc. Partea de sus a vasului a avut de suferit în procesul extragerii din sol de către descoperitori. Înălţimea situlei este de 26,7 cm, diametrul buzei este de 22,0 cm, diametrul la nivelul gâtului este de 18,5 cm, diametrul maxim (la nivelul umerilor) este de 26,6 cm, iar diametrul fundului este de 16,1 cm[10].

Suprafaţa interioară a vasului era acoperită cu un strat gros de arsură provenită de la resturile alimentare, iar cea exterioară purta urme de foc şi funingine de vatră. Situla nu poartă urme intense de foc care ne-ar face să presupunem că a fost depusă pe rugul funerar. Vasul de bronz poartă urme de utilizare îndelungată, fapt ce a condus la uzarea lui.

2. Situlă de bronz (urnă funerară)[11] (fig. 2). A fost confecţionată dintr-o singură bucată de tablă, groasă de 0,1 cm. Gâtul deteriorat are formă tronconică, este lung de 5,0 cm şi se sfârşeşte cu buza, care are o neînsemnată îngroşare spre exterior ce ajunge până la 0,2 cm. Situla are formă tronconică, umerii înalţi, arcuiţi şi bine evidenţiaţi. Diametrul maxim este situat în partea superioară a vasului, la nivelul celei de a treia părţi a înălţimii. Pereţii se îngustează spre partea de jos. Înălţimea vasului este de 29,2 cm, diametrul buzei este de 23,3 cm, diametrul aproximativ la nivelul gâtului este de 21,4 cm, diametrul maxim (la nivelul umărului) este de 26,9 cm, iar diametrul fundului este de 16,8 cm[12]. Vasul are fundul plat cu o uşoară retragere concavă pe partea de mijloc. Situla poartă urme puternice de uzură, ca rezultat al utilizării îndelungate. Cel mai mult au avut de suferit gâtul şi fundul recipientului. În consecinţă, vasul de metal a fost supus unor reparaţii repetate. Marginea fundului vasului a fost reparată în două locuri, prin adăugarea unor petice de tablă din bronz, prinse prin nituire. În afară de marginea fundului, reparată prin nituire, au fost efectuate tentative de reparare şi a părţii superioare a situlei, pe locul de trecere de la umeri la gâtul vasului. Aici s-au păstrat urmele a 22 de găuri pentru nituri, de dimensiuni egale, care însă nu au mai ajuns să fie realizate.

În perioada anterioară utilizării vasului în calitate de urnă funerară, situla a fost folosită pentru prepararea hranei. Despre aceasta mărturiseşte faptul că pe partea interioară a pereţilor s-a păstrat un strat gros de arsură provenit de la resturile alimentare, iar pe partea exterioară se văd urme afumate de foc de vatră.

[10] Autorul publicaţiei din anul 1956 a prezentat următoarele dimensiuni pentru această situlă: înălţimea = 26,5 cm; diametrul la gură = 21,5 cm; diametrul fundului = 15,5 cm. Vezi: Сергеев 1956, 135.

[11] Se păstrează în fondurile MNIM, nr. inv. 0/8268-1.

[12] În materialul publicat în anul 1956 au fost menţionate următoarele dimensiuni pentru această situlă: înălţimea = 30 cm; diametrul la gură = 19 cm şi diametrul fundului = 17 cm.

Fig. 3. Sipoteni. Situla de bronz - inventar funerar (foto şi desen).

În interiorul situlei au fost descoperite resturi de oase umane incinerate. Oasele erau parţial curăţate de resturile combustiei de rug. Deasupra oaselor incinerate se găseau: un fragment de ceramică de culoare neagră lustruită, lucrată de mână[13], o fibulă de argint, un inel din fier cu capetele apropiate, având diametrul de 3,3 cm şi un alt obiect de fier, puternic corodat şi diform. Aceste materiale, depuse peste resturile umane incinerate, nu poartă urme de ardere. De asemenea, situla de bronz nu poartă urme intense de foc, ceea ce ne determină să presupunem că nu a fost depusă pe rugul funerar.

3. Fibula de argint[14] (fig. 4). A fost descoperită în interiorul situlei de bronz care a servit în calitate de urnă funerară pentru oasele umane incinerate, fiind depusă peste acestea. A fost realizată dintr-un singur fir de metal, având resortul bilateral format din patru spire (2+2) şi coardă exterioară. Arcul fibulei, circular în secţiune, cu diametrul de 0,3 cm, este zvelt, alungit şi aplatizat. Acesta este curbat în apropierea resortului şi în apropierea portagrafei. Piciorul, circular în secţiune, cu diametrul de 0,3 cm, este întors pe deasupra arcului şi prins de acesta cu un manşon realizat prin lăţirea extremităţii piciorului (Rustoiu 1997, 33). Manşonul este lat de 0,4 cm, având diametrul de 0,4 cm (?). Acesta este situat în imediata apropiere a resortului şi este „gravat" cu linii transversale incizate adânc. Pe spatele piciorului, lângă manşonul gravat cu linii incizate adânc, au fost realizate trei incizii paralele care constituie o

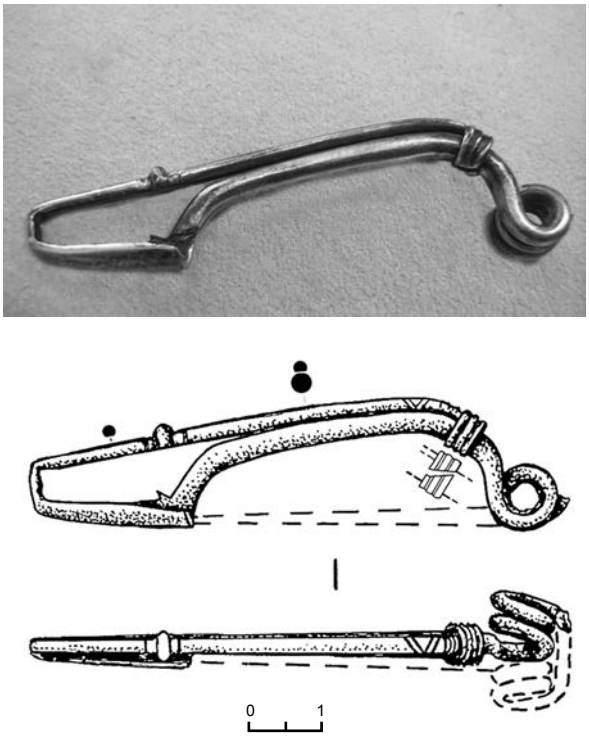


Fig. 4. Sipoteni. Fibula de argint (desen şi foto).

[13] Acesta nu s-a păstrat până azi.

[14] Se păstrează în fondurile MNIM, nr. inv. FB 7268. În urma transferurilor care au avut loc după descoperire, până a ajunge în colecţia MNIM, acul şi o parte din spire de la fibulă au fost pierdute.

prelungire a ornamentului de pe manşon. Tot aici a mai fost realizat un ornament format din patru linii incizate, dispuse două câte două, amplasate în diagonală inversă, amintind două triunghiuri suprapuse. Portagrafa, lungă de 2,0 cm, este lamelară. Pe una din marginile portagrafei a fost realizată o „aripioară" ascuţită. Piciorul cu aspect de tijă de secţiune circulară este ornamentat în partea dinspre portagrafă cu un „astragal", o nodozitate de formă sferică, flancată de câte o linie incizate transversal. Lungimea fibulei este de 7,2 cm, înălţimea piesei (de la ac până la arc) – de 1,9 cm, greutatea (fără ac şi două spire) – de 12,54 g. Calitatea argintului are titlul de 916.

4. Inel de fier. A fost realizat dintr-o tijă de fier[15], de formă circulară, groasă de 0,7 cm. Inelul are capetele rotunjite şi apropiate. Diametrul extern al inelului este de 3,3 cm.

5. Fragment ceramic. Capac pentru urna funerară. Fragmentul de strachină, cu grosimea peretelui de 0,5 cm, a fost modelat de mână, din pastă în amestec cu mici bucăţele de şamotă[16]. S-a păstrat o porţiune ce reprezintă buza vasului tăiată drept, dar şi o mică porţiune de la fundul vasului, care era plat. Pereţii recipientului de lut, lustruiţi cu grijă până la luciu metalic, au culoarea neagră, la fel ca şi spărtura vasului (Сергеев 1956, 137-138).

II. Încadrarea culturală şi cronologică a ritului funerar şi a inventarului mormântului de incineraţie

Este necesar să menţionăm că din cele peste 200 de situri ale culturii P-L cunoscute în spaţiul carpato-nistrean (Babeş 2010, 543; Iarmulschi 2010, 159), până în prezent au fost cercetate integral sau parţial câteva necropole. Cele mai cunoscute sunt cele de la *Poieneşti* (jud. Vaslui) – 275 de morminte (din ele fiind publicate 115) (Vulpe 1953; Babeş 1993, 208-214; Babeş, Miriţoiu, Istrate, Coman 1980, 38-39); *Boroseşti* (jud. Iaşi) – 150 morminte (Babeş 1993, 183-192); *Dolineni* (reg. Cernăuţi) – 58 de morminte (inclusiv trei cenotafe) (Смирнова 1981, 193-201, Smirnova, Megei 1995, 133-159; Смирнова, Мегей 2000, 156-171, Каспарова 1993, 34-36) şi *Lucaşeuca* (r-nul Orhei) – 21 morminte (Федоров 1957, 51-62, Федоров 1960, 22-25). La *Buhăieşti* (jud. Vaslui) au fost investigate trei morminte (Babeş 1993, 194). Toate necropolele au fost datate de către cercetători în intervalul secolelor II-I a. Chr. (Babeş 1993, 182-227; Babeş 2010, 548-550) sau sfârşitului secolului al III-lea - mijlocul sau sfârşitul (ultimul sfert) secolului I a. Chr. (Pačkova 2010, 542-543; Iarmulschi 2013, 41). Cercetarea lor a permis înţelegerea particularităţilor ritului şi ritualului funerar ale purtătorilor acestei culturi – bastarnii.

S-a constatat că această populaţie utiliza în exclusivitate incinerarea defuncţilor, iar resturile umane cinerare erau depuse în urnă funerară sau în groapă simplă, necropolele fiind în exclusivitate plane (Babeş 1985, 187-189).

Pe lângă necropolele plane menţionate, în spaţiul est- şi nord-est carpatic au fost identificate şi cercetate câteva morminte de incineraţie descoperite izolat, aparţinând culturii P-L. Morminte singulare de incineraţie au fost depistate la Bădeni (jud. Iaşi) (Chirică, Tanasache, 1985, 2, 365; Sanie 1973, 427)[17] (incert), Cârligi (jud. Bacău) (Mitrea 1980, 433-434), Costuleni (jud. Iaşi) (Babeş 1993, 195), Cruglic (reg. Cernăuţi) (Тимощук, Винокур 1962, 73-70), Glăvăneşti (jud. Iaşi) (Babeş 1993, 200), Grinciuk (reg. Hmelmitzki) (Пачкова 1979, 113-114), Mana (Orhei) (Tentiuc, Bubulici, Simalcsik 2015, 221-248; Bubulici, Tentiuc, Simalcsik 2016), Mihoveni (jud. Suceava) (Ursulescu, Batariuc 1978, 89-91; Babeş 1993, 206), Orheiul Vechi (Ткачук 1991, 50-52), Răcătău (Bacău) (Vulpe, Căpitanu 1971, 155-164) şi Satu Nou (jud. Vaslui) (Babeş 1993, 215). În rândul acestora se numără şi mormântul de incineraţie în situlă de bronz de la Sipoteni (Călăraşi) (Сергеев 1956, 135-141; Федоров 1960, 25-26; Babeş 1993, 182-231; Pačkova 2010, 537).

1. Materialul ceramic

Inventarul funerar descoperit în mormântul de la Sipoteni, cele două situle de bronz, fibula de argint, cât şi prezenţa în interiorul urnei cu resturi umane incinerate a unui fragment de ceramică de culoare neagră, lucrat de mână, cu suprafaţa pereţilor lustruiţi atât în exterior, cât şi în interior, având luciu metalic, s-au constituit într-un

[15] Tot aici a mai fost descoperită o piesă din fier care şi-a modificat forma în urma coroziei, fapt ce nu a permis de a înţelege utilitatea acesteia.

[16] Nu am reuşit să identificăm locul unde se păstrează fragmentul de ceramică care a fost descoperit în urna funerară, plasat deasupra oaselor umane incinerate.

[17] Conform unor autori, tot pe acest loc, în anul 1921, a fost descoperit un vas (oală) plin cu oase sfărâmate (incinerate ? - *n.n.*), o lamă de pumnal şi fragmente de brăţară (vezi: Chirica, Tanasache 1985, 365).

indicator cultural şi cronologic important. Analiza comparată a ritului şi ritualului funerar, dar şi a particularităţilor morfologice ale fragmentului ceramic descoperit în urna funerară, a cărui funcţionalitate, în acest caz, a fost al unui capac pentru urna cu resturi cinerare, i-au permis lui Gh. Sergheev să atribuie corect mormântul de la Sipoteni culturii Poieneşti-Lucaşeuca[18] (Сергеев 1956, 137-138; Федоров 1960, 26). Cele mai apropiate analogii pentru acesta au fost identificate în materialele necropolei de la Lucaşeuca (Orhei), aflată atunci în curs de investigare.

2. Situla de bronz utilizată în calitate de urnă funerară şi în practicile depoziţionale

A. Situla de bronz utilizată în calitate de urnă funerară

În absoluta lor majoritate, mormintele de incineraţie descoperite izolat, aparţinând culturii P-L în spaţiul est-carpatic, fac parte din categoria celor depuse în urnă funerară. Excepţie constituie mormântul de incineraţie de la Kruglik (Тимощук, Винокур 1962, 73-70), unde resturile umane cinerare erau depuse în groapă simplă[19]. În majoritatea cazurilor, în calitate de urnă funerară au fost folosite vase ceramice.

Dintre mormintele descoperite izolat, în care resturile cinerare au fost depuse într-un vas special, se disting complexele funerare de la Mana, Răcătău şi Sipoteni. Aici, în calitate de urnă funerară pentru oasele umane incinerate, au fost utilizate vase de bronz. În mormintele de la Răcătău şi de la Sipoteni au fost descoperite câte două vase de metal. La Răcătău vasele erau de tipuri diferite, fiind reprezentate de o căldare de bronz şi, respectiv, de un crater din acelaşi material (Vulpe, Căpitanu 1971, 155-164). Pentru mormintele de la Mana (Tentiuc, Bubulici, Simalscik 2015, 221-248) şi Sipoteni (Сергеев 1956, 135-141; Федоров 1960, 25-26), în calitate de urnă funerară au fost utilizate situle de bronz. O primă analogie pentru vasele de bronz descoperite în complexul funerar de la Sipoteni a adus-o chiar Gh.P. Sergheev. Acesta a comparat cele două situle identificate aici cu vasul de bronz, de formă identică, găsit în cadrul unui depozit de la Bulgakovka (azi Mar'evka, r-nul Domanivka, reg. Nikolaev) din fosta plasă Ananiev, reg. Herson, la vest de Bugul de Sud (Сергеев 1956, 137).

În spaţiul dintre Prut şi Nistru, situlele de la Sipoteni îşi găsesc cea mai apropiată analogie în mormântul de incineraţie cu arme distruse intenţionat, descoperit la Mana (Orhei). Aici oasele umane incinerate au fost depuse în interiorul unei situle din bronz de formă tronconică (Tentiuc, Bubulici, Simalscik 2015, 223, fig. 3). Din aceeaşi serie tipologică cu cele două situle de la Sipoteni face parte şi vasul de bronz de la Bădeni, descoperit în anul 1920 (Sanie 1973, 427, fig. 11/3; Chirica, Tanasache 1985, 365)[20]. Despre recipientul de la Bădeni (fig. 5), de asemenea, s-a acreditat ideea că ar fi fost utilizat în calitate de urnă funerară (Babeş 1993, 32 şi nota 20) sau ar reprezenta inventarul unui mormânt de incineraţie (Tentiuc, Bubulici, Simalscik 2015, 231). O situlă de bronz-urnă funerară a fost descoperită în necropola de la Poieneşti, în M 1094, rămasă inedită (Babeş 1993, 32 şi nota 20, 87 şi nota 194, 88 şi nota 196 şi 200).

Chiar şi o privire superficială asupra acestor recipiente ne permite să remarcăm asemănarea izbitoare dintre ele. Toate cele patru situle aparţin aceluiaşi şir tipologic de vase de bronz.

Este necesar să menţionăm că situlele de bronz de la Bădeni, Mana şi Sipoteni sunt în totalitate lipsite de ataşe şi torţi, au gura largă şi corpul de formă tronconică (H5 : D3 = 1,1). Diametrul maxim al vaselor este situat în partea superioară a corpului, la nivelul celei de-a treia părţi a înălţimii (H4 : H5 = 1,2). Gura vaselor este mai mare decât diametrul fundului, având proporţiile de D4 : D1 = 1,37. Înălţimea vaselor variază de la 20,0 cm pentru situla de la Bădeni, la 24,6 cm pentru cea de la Mana şi până la 26,7 şi 29,2 cm pentru recipientele de la Sipoteni[21].

După cum am amintit mai sus, situlele de bronz de la Sipoteni, dar şi cea de la Bădeni, au fost atribuite tipului Eggers 23, după unii cercetători (Редина, Симоненко 2002, 84; Симоненко 2004, 139), Eggers 20, după Eremenko (Еременко 1997,

[18] În legătură cu descoperirea de la Sipoteni s-a opinat că aici ar fi existat o necropolă care a fost distrusă (Еременко 1997, 116), sau că prezenţa a două situle de bronz ar sugera existenţa a două morminte de incineraţie (Iarmulschi 2013, 37). Menţionând complexul de la Sipoteni, Gh. Sergheev utilizează pluralul *погребения* (= mormintele) (Сергеев 1956, 139).
[19]

[20] Se păstrează la Muzeul de Istorie a Moldovei, Iaşi. Nr. inv. 1295.

[21] Nu cunoaştem parametrii tehnici şi morfologici ai situlei de bronz descoperită în M 1094 din necropola de la Poieneşti.

Fig. 5. Situla de bronz de la Bădeni (Iaşi) (foto şi desen).

177), apropiate celor de tip Eggers 20-22[22], după B.A. Raev (Raev 1988, 350) sau de tip Bargfeld (Щукин 1994, 118; Еременко, Щукин 1998, 77; Симоненко 2011, 47). Pe de altă parte, s-a acreditat şi ideea că ele nu ar aparţine nici unui dintre tipurile evidenţiate de J.H. Eggers - E18-20 sau E21-23 (Wielowiejski 1985, 157; Bolla 1991, 12; Bârcă 2009, 93). Unul dintre argumentele aduse în acest sens este lipsa acestui tip de vase în regiunile *Germaniei Magna* din perioada respectivă (Зайцев 2005, 93).

Cercetătorii au atras atenţia asupra faptului că, în pofida asemănării dintre ele, situlele de *tip Eggers* sunt înzestrate cu atașe și torţi variate morfologic şi tipologic. Ele sunt realizate din bronz sau din fier. Astfel, vasele de tip Eggers 18 şi 19 sunt înzestrate cu atașe din bronz diferite ca formă. Cele cu atașe din *bronz* în formă de delfini afrontaţi au fost încadrate în tipul Eggers 18 (prezenţa lor în spaţiul est-carpatic este demonstrată de atașul de la Bâtca Doamnei) (Sanie 1973, 426, fig. 13/4), iar cele în formă de frunze cordiforme – tipului Eggers 19. Vasele cu atașe din *fier* au fost şi ele incluse de către J.H. Eggers în tipuri diferite. Situlele cu atașe ovale au format tipul Eggers 21, iar cele rectangulare – tipul Eggers 22. Acestea de la urmă, încă la începutul secolului XX, au fost evidenţiate de Heindrich Willers în tipul *Bargfeld* (Willers 1901, 101, Taf. 111/43, apud Марченко 1996). Atașele situlelor de tip Bargfeld sunt plasate în exteriorul sau în interiorul recipientelor, fiind poziţionate pe gâtul vasului, unde sunt prinse cu nituri.

Este necesar să subliniem că situlele de la Sipoteni, Mana şi Bădeni (fig. 8) se deosebesc de cele de tip Eggers 18-22 (dar şi E 23) prin faptul că sunt mai puţin zvelte, au umerii mai puţin arcuiţi şi corpul mult mai bombat, cum au observat şi alţi cercetători (Wielowiejski 1985, 157; Bârcă 2009, 93). O altă particularitate importantă care deosebeşte aceste tipuri de vase de situlele de tip Eggers este faptul că diametrul maxim al situlelor est-carpatice se găseşte la nivelul celei de-a treia părţi a înălţimii, spre deosebire de cele romane (de tip Eggers), unde diametrul maxim al corpului recipientului se găseşte la nivelul celei de a patra parte a înălţimii. Totuşi, cea mai importantă particularitate care deosebeşte aceste tipuri de vase între ele este faptul că situlele de bronz utilizate în calitate de inventar sau de urnă funerară, descoperite la Sipoteni, Mana şi Bădeni, nu poartă urme de nituri pentru atașe sau alte semnalmente care ar demonstra că recipientele ar fi fost înzestrate cu torţi[23].

[22] Tipul Eggers 22 este identic cu tipul Bargfeld la care fac referire unii cercetători (vezi: Eggers 1951, Taf. 4).

[23] Unica variantă ipotetică posibilă în aceasta privinţă ar fi existenţa la aceste vase a unor torţi realizate din produse perisabile, sfoară sau piele, care ar imita/repeta sistemul de prindere al situlei de la Bădragii Noi prin care două semicercuri din fier, prinse pe gâtul situlei, serveau pentru fixarea unei torţi mobile, din acelaşi metal.

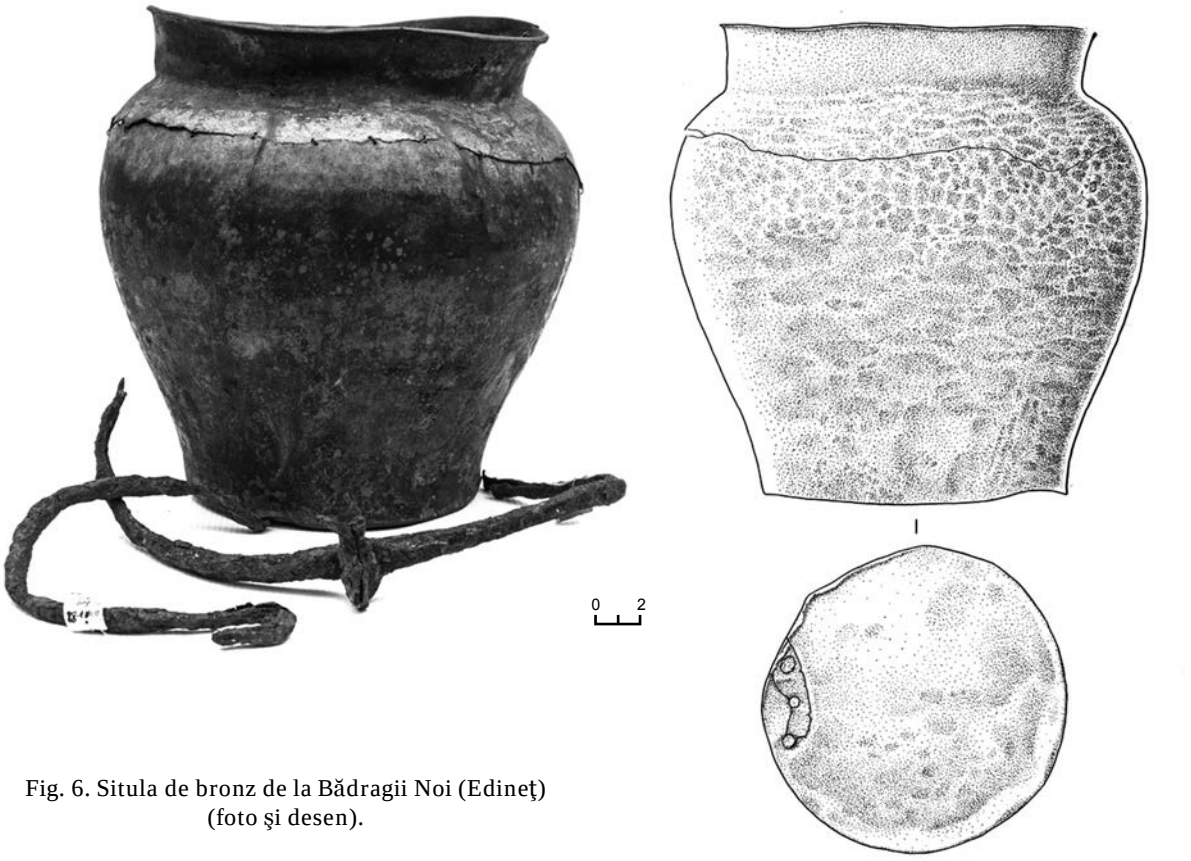


Fig. 6. Situla de bronz de la Bădragii Noi (Edineţ) (foto şi desen).

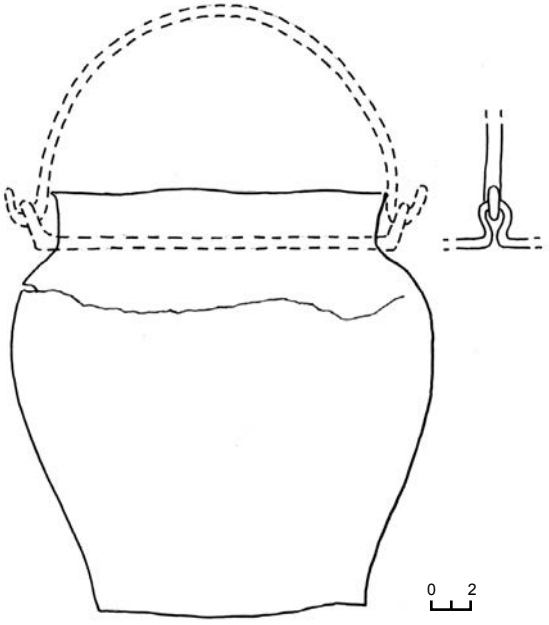


Fig. 7. Reconstituirea sistemului de prindere a torţilor situlei de la Bădragii Noi.

Elementele şi particularităţile de ordin morfologic care deosebesc situlele descoperite în spaţiul est-carpatic de cele romane, de tip Eggers 18-23, ne îndreptăţesc să evidenţiem recipientele de bronz de la Sipoteni, Mana şi Bădeni în cadrul unui tip distinct, *tipul Mana*. Ţinem să menţionăm că acestui tip îi aparţin şi situlele de bronz de la Bădragii Noi (fig. 6), Veselaja Dolina şi Mar'evka (fig. 9). Vasele de la urmă se deosebesc de situlele amintite mai sus (Sipoteni, Mana, Bădeni) doar prin faptul că sunt înzestrate cu torţi de fier prinse fără utilizarea ataşelor nituite. Pentru a fixa toarta mobilă a recipientului, s-a procedat la confecţionarea a două semicercuri din bare de fier, prinse între ele, plasate în jurul gâtului vasului, de care era legată toarta (fig. 7)[24]. Pornind de la aceste particularităţi, considerăm că situlele cu torţi mobile de fier, prinse fără utilizarea ataşelor şi niturilor, pot alcătui *varianta Bădragii Noi* a tipului Mana (fig. 9).

[24] Starea avansată de degradare a torţilor din fier, afectate de corozie, nu ne permite să înţelegem exact care a fost modalitatea de prindere a acestora de cele două semicercuri. Vezi, în acest sens, propunerea noastră de reconstituire a modalităţii de prindere a torţilor (fig. 7).

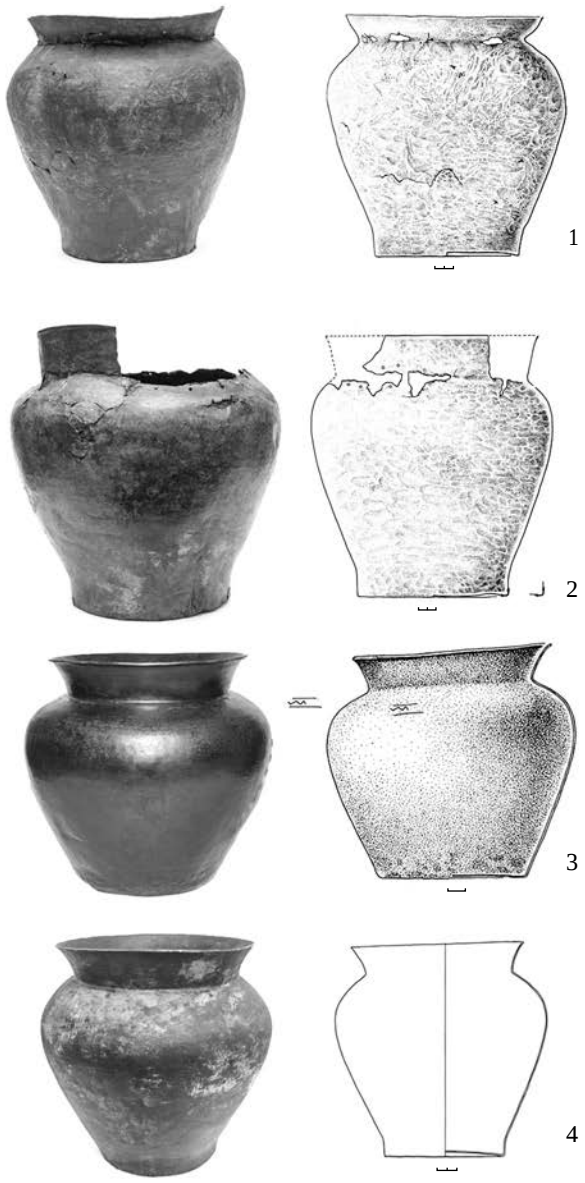


Fig. 8. Planşa tipologică cu situle de tipul *Mana* (Sipoteni, Mana, Bădeni).

Trebuie să menţionăm că mai mulţi cercetători au atras atenţia asupra lipsei unei armonizări tipologice a acestei categorii de vase de metal (Wielowiejski 1985, 157; Bolla 1991, 12; Редина, Симоненко 2002, 84; Bărcă 2009, 93). Diferenţa dintre vase rezidă atât în sistemul de prindere a torţilor, cât şi în cel al formei profilului acestor situle. Astfel, având în vedere şirurile tipologice existente pentru situlele de bronz, realizate de H. Willers, A. Radnoti, J.H. Eggers sau D. Břeščak, cercetătorii J. Wielowiejski (1985, 157), M. Bolla (1991, 12-13) şi M. Feugère (2016) au fost nevoiţi să apeleze la formulări terminologice complexe atunci când au încercat să încadreze tipologic situlele cu torţi de fier prinse cu semicercuri speciale fixate în jurul gâtului vasului. Până la urmă, aceştia au fost obligaţi să le includă într-o categorie distinctă faţă de cele din tipologia lui J.H. Eggers[25]. Autorii le-au definit drept *găleată cu anvelope de fier* (Wielowiejski 1985, 157), *situlă cu cercuri de fier* (Bolla 1991, 12-13) şi, respectiv, *situle cu guler încercuit (situle à col cerclé)* (Feugère 2016).

Situle de bronz apropiate ca formă şi modalitate de realizare a torţii, cu recipientele evidenţiate de noi drept *varianta Bădragii Noi* a tipului Mana, au fost descoperite preponderent în mediul locuit de celţii din Europa occidentală la Montefortino di Arcevia (M 8) în Italia (Bolla 1991, 13), la Villanueva de Cordoba (Wielowiejski 1985, 157 şi nota 100; Bolla 1991, 13) şi la Numantia în Spania (Wielowiejski 1985, 157 şi nota 99; Bolla 1991, 13), la Toulouse-Estarac şi Vieille-Toulouse în Franţa (Labrousse 1966, 429, fig. 20; Vidal 1991, 169-192), unde în câteva fântâni funerare au fost descoperite nu mai puţin de 12 situle de bronz (Bolla 1991, 13; Feugère 2016). Pentru Europa Centrală sunt de menţionat complexele de la Sotin-Zmajevac (Majnarić-Pandžić 1972-1973, 56, tab.1/6), Siscia (Bolla 1991, 13) şi Mali Bilač (Dizdar, Potrebica 2014, 355-373) în Croaţia şi, probabil, cele de la Belgrad (Ratković 2005) în Serbia. În necropola de la Zubowice în Polonia, atribuită unor populaţii germanice (bastarnilor), a fost descoperită o situlă asemănătoare, integrată corect de cercetători în categoria celor ovoidale (Wielowiejski 1985; Bolla 1991, 13, fig. 5). Un număr important de vase de bronz, utilizate în calitate de urne funerare, au fost descoperite în necropola de la Mutin (Ucraina), pe râul Seim, datată la cumpăna erelor. Din 14 morminte de incineraţie cu arme distruse intenţionat identificate aici, nu mai puţin de 11 au fost realizate în vase de metal. Dintre acestea, în calitate de urne funerare au fost utilizate şi cinci situle de bronz, aparţinând tipului Eggers 20 şi 22 (Терпиловский, Жаров 2013, 35-41, рис. 1).

Pentru descoperirile din Europa Occidentală, situla de bronz cu torţi de fier prinse de un cerc

[25] Este de remarcat că Margherite Bolla a introdus aceste situle în categoria celor *ovoidale*, chiar dacă este evident că vasele au forma tronconică. Doar vasul din necropola de la Subbotov (Ucraina) (Максимов 1972, табл. XXV/12) şi, posibil, cel din necropola de la Zubowice (Polonia) pot fi definite astfel.

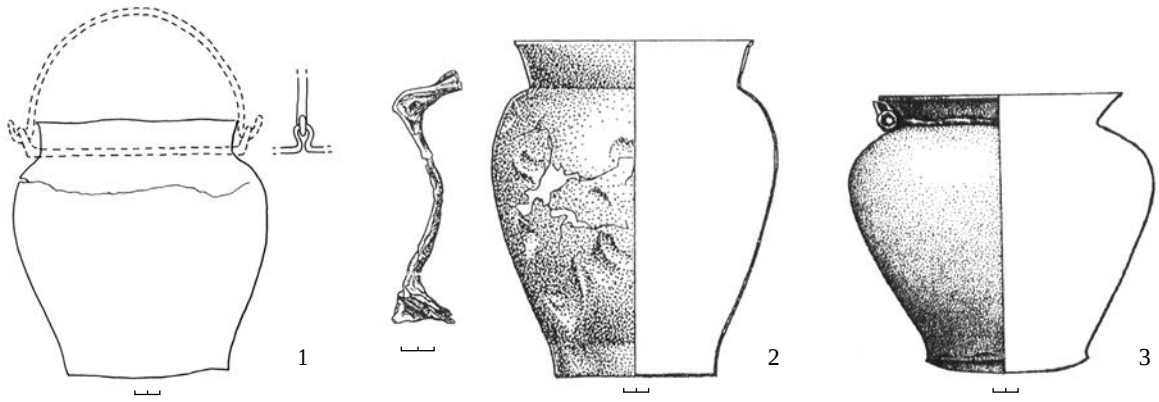


Fig. 9. Planşa tipologică cu situle aparţinând *variantei Bădragii Noi* a tipului *Mana* (Bădragii Noi, Veselaja Dolina, Mar'evka).

realizat în jurul gâtului vaselor, în absoluta majoritate a cazurilor, a fost interpretată ca servind în calitate de *depot d'offrandes* (Vidal 1991, 169-192), inventar funerar sau de urnă funerară. Astfel, spre exemplu, două situle asemănătoare ca formă cu exemplarele din spaţiul est-carpatic au fost descoperite în puţul funerar nr. XI (cu adâncimea de 10,45 m) de la Vieille-Toulouse (Labrousse 1966, 429-430, fig. 20). Vasele de aici au fost ancorate cronologic în secolul I a. Chr. sau în anii '50-'30 ai acestui secol (Labrousse 1966, 429). M. Bolla datează toate cele cinci puţuri funerare de la Vieille-Toulouse, inclusiv situlele de bronz descoperite aici, în prima jumătate a secolului I a. Chr. (Bolla, Boube, Guillamet 1991, 12).

Cele mai apropiate regiuni unde situlele de bronz, asemănătoare ca formă exemplarelor noastre, utilizate în *riturile funerare*, au fost identificate în zona Dunării de Mijloc, în mediul celtic/scordisc. Astfel, un mormânt de incineraţie în situlă de bronz, cu acelaşi sistem de prindere a torţilor, a fost identificat în necropola de la Sotin-Zmajevac (Majnarić-Pandžić 1972-1973, 56, tab. 1/6)[26], iar o alta – în mormântul de la Mali Bilac (Croaţia) (Dizdar, Potrebica 2014, 355-373). Un vas de bronz din această categorie provine din M 8 de la Pecs (Ungaria) (Dizdar, Potrebica 2014, 355-373, fig. 7). O altă situlă, de formă ovoidală, provine din mormântul de incineraţie (M. 1) de la Zubowice (Polonia), care conţine drept inventar o fibulă de tip Kostrzewski K (Wielowiejski 1985, 159, fig. 2; Dabrowska 1988, 71, fig. 12/1), acesta fiind atribuit unei populaţii germanice. După cum vedem, şi aici, în calitate de urnă funerară (sau de inventar funerar), a fost utilizată o situlă cu torţi de fier identice celor cercetate în regiunile europene occidentale amintite de noi.

În nordul şi nord-estul regiunii pontice, acest tip de situle, cu torţi de fier prinse de un cerc fixat în jurul gâtului vasului, au fost descoperite într-o ascunzătoare din mormântul sarmatic de la Severnyj (reg. Krasnodar) (Скрипкин 1984, 223, рис. 3/III), dar şi la Kileakovka şi Bol'šaja Dmitrievka (reg. Volgograd) (Мордвинцева 1994, 29-31). Despre cele de la urmă nu cunoaştem condiţiile de descoperire. O altă situlă provine dintr-un posibil depozit de la Novocerkassk (reg. Rostov) (Симоненко 2011, 46)[27].

Ţinem să menţionăm că în spaţiul est-carpatic, în calitate de *urnă funerară* sau de inventar funerar, au fost utilizate doar situle de bronz fără torţi (Sipoteni, Mana, Bădeni). O altă observaţie care se impune este faptul că acest tip de situle de metal, de *tipul Mana*, au fost identificate preponderent în zonele locuite de bastarni, în cadrul culturii P-L[28]. Analiza acestor complexe funerare, dar şi a inventarului asociat lor, demonstrează că

[26] Nu cunoaştem dacă şi situla de bronz descoperită la Sistia (Croaţia), despre care aminteşte M. Bolla (Bolla, Boube, Guillamet 1991, 13, nr. 12), provine tot dintr-un mormânt.

[27] Cele două situle din bronz, de la Kileakovka şi Bol'šaja Dmitrievka (reg. Volgograd), se păstrează în fondurile Muzeului regional de la Volgograd.

[28] O situlă de bronz cu resturi umane incinerate a fost descoperită în mormântul 1 al necropolei Subbotov (reg. Cerkassy), aparţinând culturii Zarubineţ (Максимов 1972, 57, табл. XXV/2). Este încadrată cronologic în secolul I a. Chr. (Максимов 1972, 97). Această situlă este apropiată celei de la Zubowice, având forma ovoidală.

utilizarea vaselor de metal, în cazul dat a situlelor de bronz, în riturile şi ritualurile de înmormântare, constituie un privilegiu cu totul deosebit chiar şi pentru aristocraţia barbară a acestei perioade, ele fiind un însemn de recunoaştere a înaltei poziţii ierarhice sociale, deţinute în timpul vieţii.

Pe de altă parte, în spaţiul est-carpatic şi nord-pontic, situlele de bronz cu torţi de fier care pot alcătui *varianta Bădragii Noi* a tipului Mana, au fost identificate doar în cadrul unor *depozite* şi *tezaure* şi, se pare, doar în regiunile controlate de sarmaţi (Bădragii Noi, Veselaja Dolina, Mar'evka etc.), analizate mai jos.

B. Situla de bronz utilizată în practicile depoziţionale

În spaţiul est-carpatic au fost descoperite câteva *depozite* în care erau prezente situle de bronz identice ca formă cu cele de la Sipoteni, Mana şi Bădeni (fig. 8). Acestea au fost scoase la lumina zilei, după cum am menţionat mai sus, la Bădragii Noi (r-nul Edineţ) (Яровой, Чирков 1988, 20-22; Редина, Симоненко 2002, с. 82-96, рис. 6/4, 7/3), în partea de nord a spaţiului pruto-nistrean, la Veselaja Dolina (r-nul Tarutino, reg. Odesa) (Редина, Симоненко 2002, 78-96), în partea de sud a interfluviului Prut-Nistru şi la Mar'evka (r-nul Domanivka, reg. Nikolaev), la vest de Bugul de Sud (Jakounina-Ivanova 1927, 100-109) (fig. 10). Aceste vase au gura largă şi corpul de formă tronconică. Diametrul maxim al vaselor este situat în partea superioară a corpului, la nivelul celei de-a treia părţi a înălţimii. Gura vaselor este mai mare decât diametrul fundului. Înălţimea vaselor variază de la 21,0 cm pentru recipientul de la Bădragii Noi, la 22,0 cm pentru situla de la Mar'evka şi până la 28,0 cm pentru vasul de la Veselaja Dolina. Unica particularitate care alcătuieşte diferenţa acestor vase, faţă de cele de la Sipoteni, Mana şi Bădeni, este înzestrarea lor cu torţi mobile din fier. Torţile sunt confecţionate din bară de fier şi sunt prinse de gâtul recipientelor cu ajutorul a două semicercuri din acelaşi metal, prinse între ele.

Dacă este să luăm ca bază pentru tipologie particularităţile morfologice ale vaselor, *forma* sau *profilul* corpului situlelor şi nu doar pe cea a formei şi a metalului din care sunt confecţionate atașele sau torţile, recipientele analizate de noi ar putea fi încadrate mai curând în tipul Radnoti 46 şi/sau Radnoti 48 (Radnoti 1938, pl. IX). Trebuie

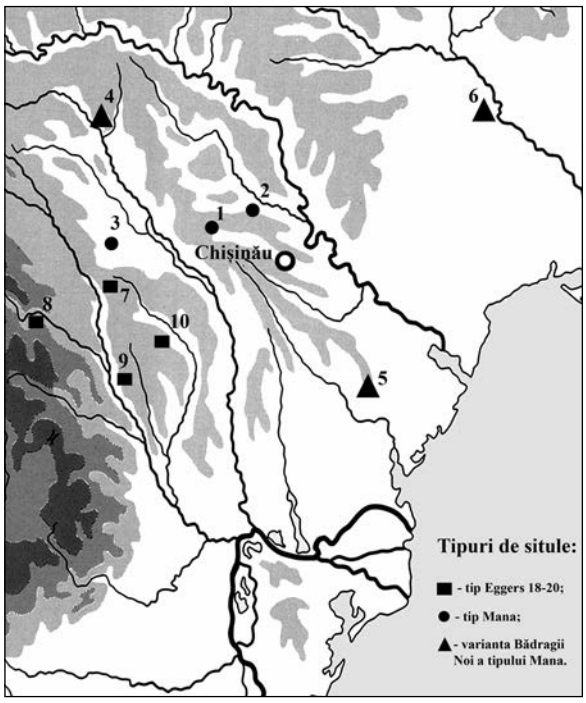


Fig. 10. Harta repartizării situlelor de bronz în spaţiul est-carpatic: 1. Sipoteni (Călăraşi); 2. Mana (Orhei); 3. Bădeni (Iaşi); 4. Bădragii Noi (Edineţ); 5. Veselaja Dolina (Odesa); 6. Mar'evka (Nikolaev); 7. Brad (Bacău); 8. Bâtca Doamnei (Neamţ); 9. Răcătău (Bacău); 10. Poieneşti (Vaslui).

să menţionăm că situlele aparţinând tipului Radnoti 46 şi 48, chiar dacă sunt identice ca formă cu cele evidenţiate de noi drept *varianta Bădragii Noi a tipului Mana*, se deosebesc prin faptul că sistemul de prindere a torţilor la aceste vase este realizat diferit în comparaţie cu torţile recipientelor descoperite în spaţiul est-carpatic (Bădragii Noi, Veselaja Dolina şi Mar'evka). Astfel, situlele aparţinând tipului Radnoti 46 şi 48 sunt înzestrate cu atașe din fier prinse cu nituri de gâtul înalt al vaselor (în interior sau exterior), spre deosebire de cele est-carpatice (varianta Bădragii Noi), care au torţile de fier prinse de cercuri realizate din acelaşi metal şi dispuse în exteriorul gâtului vaselor. Acest fapt ne îndreptăţeşte să considerăm că situlele de bronz de la Bădragii Noi, Veselaja Dolina şi Mar'evka pot constitui o variantă a tipului Mana, din al cărui şir tipologic fac parte.

Analiza vestigiilor din zonele nord-pontice, unde au fost descoperite aceste situle de bronz cu torţi din fier, identificate de noi ca varianta Bădragii Noi a tipului Mana, demonstrează că ele sunt răspândite preponderent în regiunile locuite/dominate de triburile sarmaţilor. Această ipoteză a mai

fost vehiculată în literatura de specialitate (Bârcă 2009, 94) şi pare a fi cea mai plauzibilă.

Ţinem să menţionăm că aşa-numitele *depozite stranii* sau *depozite votive*, răspândite de la Carpaţii Orientali/sau de la Prut în vest şi până la Nipru şi Don în est, despre care am amintit mai sus, au fost puse de cercetători în legătură cu participarea sarmaţilor la războaiele mithridatice, în special cu cel de al treilea război (anii 74-63 a. Chr.) sau cu acea campanie împotriva Romei, rămasă nerealizată, care urma să străbată regiunile dunărene, inclusiv cele locuite de daci, dar şi de celţii de la Dunărea de Mijloc (Симоненко 2010, 236-237).

3. Datarea, originea şi căile de pătrundere a situlelor de bronz în spaţiul est-carpatic

A. Datarea situlelor de bronz utilizate în calitate de urnă funerară şi în depozite

Atât *complexele funerare* în care au fost descoperite situle de bronz, cât şi setul de materiale identificate împreună cu recipientele asociate *depozitelor* au fost discutate în literatura de specialitate. S-au vehiculat opinii divergente, atât cât priveşte datarea acestora, cât şi originea şi căile de pătrundere în spaţiul est-carpatic şi nord-pontic (Раев, Симоненко, Трейстер 1990, 124; Щукин 1994, 97; Редина, Симоненко 2002, 78-96; Зайцев 2012, 67-72; Марченко 1996).

Realizând o încercare de sincronizare a Latèneului european cu perioada preromană recentă a culturilor latinizate din Europa Centrală şi de Răsărit, cercetătorii M. Ščukin şi V. Eremenko au încadrat cronologic situlele de la Sipoteni şi Mar'evka, dar şi recipientul din necropola de la Subbotov[29], de pe Niprul superior, în cuprinsul secolului al II-lea a. Chr. Drept argument a fost adusă fibula filiformă de argint, de schemă Latène mijlociu, de tip Kostrzewski B, descoperită în interiorul urnei funerare de la Sipoteni (Еременко, Щукин, 1998, 77). În legătură cu aceasta, situlele de la Sipoteni, dar şi cele de la Mar'evka şi Subbotov au fost atribuite *tipului Bargfeld* şi puse în legătură cu participarea bastarnilor la luptele din Balcani din anii 179 şi 168 a. Chr. (Щукин 1994, 116-118; Еременко, Щукин 1998, 73, 77-78).

Pe de altă parte, ţinem să subliniem că setul de piese de harnaşament descoperite în situla depozitată la Bădragii Noi[30] a fost datat de cercetători în prima jumătate a secolului I a. Chr. (Мордвинцева 2001, 112, рис. 3/3; Редина, Симоненко 2002, 82; Bârcă 2006, 274-275). Tot aşa şi conţinutul depozitului cu situlă de bronz de la Veselaja Dolina[31] a fost atribuit la sfârşitul secolului al II-lea - secolul I a. Chr. de unii cercetători (Редина, Симоненко 2002, 86), sau primei jumătăţi a secolului I a. Chr., de alţii (Bârcă 2006, 372-373). În cel de-al treilea depozit, de la Mar'evka[32], descoperit în dreapta Bugului de Sud, au fost găsite piese din categoria armelor ofensive şi defensive (vârfuri de lance din fier şi un coif de tip Montefortino), dar şi piese de harnaşament. M. Treister crede că acestea au ajuns la Bug împreună cu călăreţii celţi veniţi dinspre Balcani sau din zona Carpaţilor pe la sfârşitul secolului II - începutul secolului I a. Chr. Трейстер 1987, 5). Complexul/depozitul de la Mar'evka a fost datat de către cercetători în prima jumătate a secolului I a. Chr. (Симоненко 1986, 64, рис. 1/2; Bârcă 2006, 224-225, fig. 49-50).

Despre coifurile de tip Montefortino, descoperite în depozitele de la Veselaja Dolina şi Mar'evka împreună cu situlele de bronz, s-a discutat în contradictoriu în literatura de specialitate. Până la urmă, cea mai argumentată pare a fi opinia lui A.V. Simonenko, care a atribuit coifurile descoperite în complexele sarmatice primei jumătăţi a secolului I a. Chr. (Симоненко 2011, 19). Pătrunderea acestor coifuri în spaţiul est-carpatic şi nord-pontic a fost pusă de autor în legătură cu participarea sarmaţilor în calitate de aliaţi la războaiele lui Mithridates VI Eupator cu Roma, dar şi de reforma militară a regelui pontic din cursul pregătirilor pentru cel de-al doilea război (a. 83-81 a. Chr.). M. Ščukin a înaintat ipoteza că după reorganizarea şi reechiparea armatei lui Mithri-

[29] Aceasta este, după cum am menţionat mai sus, de formă ovoidală.

[30] În interiorul situlei de bronz de la Bădragii Noi au fost descoperite piese de harnaşament din argint, bronz şi fier, printre care: o faleră de argint cu diametrul de 9,0 cm, şase aplice circulare de argint cu diametrul de 3,4 cm, o aplică frontală din argint de formă triunghiulară, o aplică de bronz de aceeaşi formă, trei seturi de piese din fier de la căpăstru, reprezentate de zăbale, psalii şi obrăzare.

[31] În situla descoperită la Veselaja Dolina, în sudul spaţiului pruto-nistrean, şi lângă aceasta au fost descoperite un coif de tip Montefortino, un vârf de lance din fier, două falere, unul de argint şi altul de bronz, cinci falere mici de bronz, o aplică frontală de fier cu cârlig şi şase zăbale din fier cu muştiucul din două bare, o psalie cruciformă din fier cu spini la capătul fiecărui braţ, două mărgele bitronconice din bronz, etc.

[32] Împreună cu situla de bronz, la Mar'evka au fost găsite un coif de tip Montefortino, un vârf de lance din fier, o aplică frontală cu cârlig, psalii şi zăbale din fier, etc.

dates, o parte din echipamentul acesteia ar fi fost transmisă aliaţilor (Щукин 1994, 143). De reorganizarea armatei lui Mithridates VI Eupator se ocupau ofiţeri veniţi din Spania, unde Sertorius începuse o rebeliune împotriva lui Pompeius (Щукин 1994, 143). Se presupune că unele din coifurile de origine spaniolă, utilizate iniţial de ostaşii lui Mithridates VI Eupator, au ajuns să fie parte a echipamentului aliaţilor sarmaţi (Щукин 1994, 143).

Aşadar, opiniile cercetătorilor preocupaţi de această perioadă converg spre a ancora cronologic materialele şi piesele care alcătuiesc majoritatea *depozitelor* descoperite în spaţiul nord-pontic în prima jumătate a secolului I a. Chr., iar pătrunderea lor în spaţiul est-carpatic şi nord-pontic este pusă în cvasiunanimitate în legătură cu războaiele mithridatice din prima jumătate a secolului I a. Chr. la care au participat, în calitate de aliaţi, alături de bastarni, şi detaşamente de sarmaţi.

B. Originea şi căile de pătrundere a situlelor de bronz în spaţiul est-carpatic şi nord-pontic

Pornind de la faptul că cea mai timpurie situlă din acest şir tipologic al vaselor de bronz a fost descoperită la Montefortino, în partea centrală a Italiei, s-a presupus că aici s-ar fi aflat centrul/atelierul lor de producere, de unde au fost vehiculate spre vest, prin sudul Franţei, până în Spania, dar şi spre est, până în Croaţia, Slovenia, Serbia, Ungaria şi Polonia (Bolla 1991, 12; Dizdar, Potrebica 2014, 355-373). Pe de altă parte, descoperirea vaselor de acest tip în mediul celtic occidental, la Montefortino (mormântul 8 de aici a fost datat la sfârşitul secolului III - începutul secolului al II-lea a. Chr.), dar şi lângă Numantia (mijlocul secolului al II-lea a. Chr.) şi la Villanueva de Cordoba (sfârşitul secolului al II - începutul secolului I a. Chr.), la Toulouse-Estarac şi Vieille-Toulouse (anii ’40-’30 a. Chr. sau, după alţi cercetători – în prima treime a secolului I a. Chr.), cât şi central-european (Siscia, Sotin-Zmajevac şi Mali Balić în Croaţia; Pécs în Ungaria), permite presupunerea că acestea au fost utilizate preponderent în mediul respectiv.

În legătură cu particularităţile vehiculării situlelor spre regiunile est-carpatice şi nord-pontice, au fost enunţate câteva ipoteze. Gh.B. Fedorov punea situlele de bronz de la Sipoteni în legătură cu influenţa celtică asupra culturii getice din această perioadă (Федоров 1960, 26). M.B. Şciukin găsea analogii directe pentru situlele de bronz din spaţiul est-carpatic în complexele arheologice din Balcani. El considera că recipientele de bronz au ajuns în spaţiul est-carpatic ca rezultat al campaniei bastarnilor în Balcani din anii 179 sau 168 a. Chr. (Щукин 1994, 118), despre care am amintit deja.

Pe de altă parte, B.A. Raev consideră că vasele de bronz, inclusiv situlele de metal în discuţie, descoperite în spaţiul nord-pontic, pot fi încadrate cronologic în secolul I a. Chr. În opinia lui, nomazii din Sarmaţia au putut intra în posesia lor doar în urma contactelor cu celţii din Asia Mică. În acest fel, B.A. Raev renunţă la ipoteza sa mai veche prin care presupunea că aceste vase de bronz, de origine celtică, au pătruns în Europa de Est dinspre nordul Italiei, prin intermediul provinciilor dunărene (Раев 1993, 174). Autorul susţine că situlele au pătruns în regiunile de la nord de Marea Neagră ca rezultat al participării sarmaţilor la războaiele mitridatice. Aceste operaţiuni militare, cu implicarea detaşamentelor amintite, au avut loc doar în Asia Mică (Раев 1994, 175)[33].

C. Funcţionalitatea iniţială a situlelor de bronz

Cercetătorii au atras atenţia asupra faptului că suprafaţa interioară a situlelor de bronz descoperite la Sipoteni era acoperită de un strat gros de arsură provenită de la resturile alimentare de bucătărie (Сергеев 1956, 137), iar suprafaţa exterioară era acoperită cu urme de arsură provenită de la vatră sau de la rug[34]. Despre funcţionalitatea acestor vase s-a acreditat ideea că ele ar fi făcut/puteau face parte din setul de inventar de campanie al legionarilor (Radnoti 1938, 113; Шелов 1965, 265; Шилов 1975, 154). În calitate de argumentare au fost aduse imagini de pe Columna lui Traian (construită în anul 113 p. Chr.), pe care sunt reprezentate seturi de vase interpretate drept inventar de campanie ce aparţine legionarilor (Tucker 2012, 202, fig. 12).

4. Fibula filiformă de schemă Latène mijlociu de la Sipoteni

Fibula de la Sipoteni, descoperită împreună cu alt inventar funerar în interiorul situlei de bronz cu

[33] Nu cunoaştem situle de bronz din această perioadă descoperite în situri din Asia Mică.

[34] Cele două situle de bronz de la Sipoteni şi inventarul descoperit în ele nu au urme de ardere de la rugul funerar.

resturi umane cinerare, face parte dintr-o familie mai mare a pieselor de schemă Latène mijlociu. Acestea au avut o circulaţie şi o utilizare largă, cuprinzând arii geografice impresionante, iar din punct de vedere cronologic, au depăşit cu mult cadrul afirmat, fiind întâlnite frecvent în complexe închise şi straturi de cultură din Latène-ul târziu.

Tipul în sine cuprinde fibulele realizate dintr-un singur fir de metal; acestea au resortul bilateral simetric, alcătuit dintr-un număr variabil de spire şi coardă exterioară. Piesele au piciorul întors pe deasupra arcului (alcătuind împreună cu el corpul fibulei) şi prins de acesta cu ajutorul unui manşon realizat prin lăţirea extremităţii piciorului. În marea lor majoritate, fibulele filiforme sunt realizate din fier. Pentru arealul culturii P-L, piesele din alt material, din bronz sau argint, constituie o excepţie.

Din cele mai mult de 145 de fibule Latène mijlociu descoperite în siturile aparţinând culturii P-L (aşezări şi necropole), Mircea Babeş menţionează nu mai puţin de 58 de piese, pe care le încadrează în *tipul II3*. În lipsa unei sistematizări mulţumitoare la nivelul actual al documentării, pentru principalele forme de fibule din culturile şi grupele germanice ale epocii preromane recente, acest tip corespunde tipologiei şi nomenclaturii elaborate de J. Kostrzewski (Babeş 1985, 195 şi nota 12; Babeş 1993, 92), fiind echivalent cu *varianta Kostrzewski B*. Aceste fibule sunt caracteristice pentru culturile „est-germanice" de la est de Oder, Przeworsk (Dambrowska 1988, 305), Oksywie (Godlovski 1977, 52), dar şi culturii Zarubinec (Каспарова 1972, 86, рис. 19/7-9; Каспарова 1984, 115-116, рис. 2/8-9). În tipologia elaborată de cercetătorii V. Iarmulschi şi O. Munteanu, această categorie de fibule a fost evidenţiată în *tipul 3*, cu variantele *a* şi *b* (Iarmulschi, Munteanu 2013, 102-103).

În spaţiul nord-pontic aceste fibule sunt prezente în necropolele sciţilor târzii de la Beljaus (Crimeea) şi Krasnyj Majak (reg. Herson), unde au fost descoperite în complexe încadrate cronologic, cu precădere la sfârşitul secolului al II-lea - prima jumătate a secolului I a. Chr. (Михлин 1980, 197-200, рис. 2/3, 9; Гей, Бажан 1990, 135-138; Дашевская 1991, табл. 64/2; Дашевская 2001, рис. 3/19, 21). Tot în acest cadru cronologic au fost incluse şi fibulele din necropola de la Neapolis (Simferopol) (Сымонович 1983, 104, табл. XXV/3). Doar în unele cazuri fibulele de tip *Kostrzewski B* se întâlnesc în complexe datate în a doua jumătate a secolului I a. Chr. (Михлин 1980, 199). Pe de altă parte, unele complexe, în care au fost identificate fibule aparţinând acestui tip, cum ar fi cele din necropola sciţilor târzii de la Krasnyj Majak, au fost atribuite secolului I p. Chr., fiind găsite împreună cu fibule cu piciorul întors pe dedesubt şi prins de arc prin înfăşurare (Гей 1987, рис. 6/17; Гей, Бажан 1990, 138, рис. 2/7; Кропотов 2010, 44-46).

Pe teritoriul locuit de geto-daci acest tip de fibule este descoperit sporadic, fiind identificate doar în câteva puncte: în mormântul de incineraţie de la Corlate, în complexul de la Conţeşti-Lacul lui Bârcă (Rustoiu 1997, 33-34) sau în incinta dacică de la Pietroasele-Gruiu Dării (Dupoi, Sîrbu 2001, 35-36).

În cadrul tipologiei elaborate pentru fibulele din Dacia preromană, Aurel Rustoiu include fibulele filiforme de schemă Latène mijlociu în cadrul *tipului 2*. Autorul tipologiei atribuie variantei *Kostrzewski B* doar fibulele filiforme având resortul format din 4-6 spire; acestea au arcul scund şi curbat în apropierea resortului, fiind realizate din fier, mai rar din bronz (*varianta 2b1*) (Rustoiu 1997, 33-34). Cercetătorul menţionează că astfel de fibule au fost descoperite în aria culturii P-L. În opinia lui, trăsăturile morfologice ale acestor piese ar indica faptul că ele îşi au originea în fibulele de *tipului Mötschwil* şi le identifică cu acestea (Rustoiu 1997, 35). Pentru aceasta autorul evidenţiază *subtipul 2a*, în care sunt incluse fibulele de tip *Mötschwil*, având patru spire (2+2) şi coardă exterioară. Arcul acestor fibule este îndoit sub forma unui semicerc prelung, fiind mai gros în diametru decât piciorul repliat. Piciorul este prevăzut frecvent cu o profilatură sau cu un nod de mici dimensiuni (Rustoiu 1997, 33).

Aşadar, fibula de la Sipoteni face parte dintr-o mare familie morfologică a pieselor de schemă Latène mijlociu, fiind încadrată în *tipul II3* de M. Babeş sau în *tipul 2b1* de A. Rustoiu, tipologii care cuprind fibulele filiforme din culturile germanice ale epocii preromane recente, dar şi cele specifice ariei celtice cuprinsă între Rhin şi bazinul carpatic. În spaţiul nord-pontic acestea sunt descoperite în complexele sarmaţilor timpurii sau ale sciţilor târzii. Se cere să menţionăm că piesa noastră face parte din acelaşi grup tipologic cu fibulele

specifice grupului Padea Panagiurski Kolonii (tipul 2b, după Rustoiu) sau cele de tip Gura Padinii (subtipul 2b2) (Spânu 2001-2002, 114-115).

Fibula filiformă de argint descoperită în urna funerară de la Sipoteni este caracterizată de câteva trăsături morfologice care o departajează, într-un fel, de alte forme de fibule de schemă Latène C[35]. În primul rând, la fibulele de acest fel, corpul, format din arc şi picior, este mult mai alungit, mai zvelt şi mai dinamic decât la alte tipuri de fibule din această perioadă. În al doilea rând, piciorul, având terminaţia într-un manşon ornamentat cu linii incizate şi dispuse perpendicular lungimii lui, este prins de arc în apropierea resortului. Piciorul are pe spate, la nivelul portagrafei, un ornament format dintr-o proeminenţă sferică de dimensiuni mici. Totodată, pe piciorul fibulei, lângă manşonul gravat cu linii incizate adânc, au fost realizate trei incizii paralele care constituie o prelungire a ornamentului de pe manşon. Tot aici a mai fost realizat un ornament format din patru linii incizate, dispuse două câte două, amplasate în diagonală inversă, amintind două triunghiuri suprapuse.

În spaţiul cercetat de noi nu există o piesă perfect analogică fibulei de argint din complexul de incineraţie în situlă de bronz de la Sipoteni. Cercetătorii consideră că decorul de pe piciorul fibulei constituie elementul esenţial pentru încadrarea ei tipologică. Prezenţa ornamentului în formă de nod sau proeminenţă sferică de dimensiuni mici, amplasat pe piciorul fibulei la nivelul portagrafei, l-a făcut pe A. Rustoiu să atribuie fibulele filiforme tipului *Mötschwil* (Rustoiu 1997, 34-35). În opinia autorului, aceste fibule sunt specifice Latène-ului C2 şi se constituie într-o adevărată fosilă directoare pentru această subfază[36].

Menţionăm că pentru fibulele de *tip Mötschwil* sunt esenţiale următoarele caracteristici: 1. toate fibulele sunt confecţionate din bronz; 2. resortul este simetric şi e alcătuit din patru spire (2+2); 3. arcul este larg, alungit, frecvent faţetat, are secţiunea circulară, se lăţeşte către portagrafă; 4. portagrafa este scurtă; 5. piciorul este recurbat în unghi ascuţit (la fibula noastră unghiul este drept, luând, împreună cu portagrafa, forma unui trapez - *n.n.*), având în general un decor simplu; 6. piciorul este prins de arc cu ajutorul unei agrafe ornamentată cu un element globular (la noi manşonul are suprafaţa incizată - *n.n.*) (Márton 2004, 289).

Din punct de vedere morfologic, cu mici excepţii de detaliu, fibula de la Sipoteni ar putea fi încadrată în acest tip. Motivele gravate / incizate de pe suprafaţa piciorului fibulei de la Sipoteni o apropie de piesele din sub-grupa elveţiană a fibulelor de tipul Mötschwil, evidenţiate de A. Márton (a se vedea: Bern-Morgenstrasse, M. 4) (Marton 2004, 289 şi nota 40). Pe suprafaţa acestora se pot urmări triunghiuri dispuse antitetic sau motive gravate dispuse oblic. Spre exemplu, piesa nr. 1 de la Wylerfeld este ornamentată cu linii gravate dispuse paralel, care se regăsesc şi pe locul de legătură a piciorului cu arcul (Bern-Cedernstrasse Grab 4, nr. 1-2 şi fig. 2, Grab 4, 1-2 şi fig. 8/1) (Márton 2004, 290). Pe de altă parte, după cum am văzut, fibulele de tipului Mötschwil, în absoluta lor majoritate, sunt confecţionate din bronz. Cele realizate din fier au fost evidenţiate într-o variantă separată a acestui tip – varianta Mötschwil-Dürmentingen (Márton 2004, 291).

După cum am menţionat, în cadrul culturii P-L au fost descoperite circa 60 de fibule filiforme, aparţinând tipului *II3* sau variantei *Kostrzewski B*. Acestea, în absoluta lor majoritate, sunt realizate din fier (Babeş 1993, 90). Singurele excepţii pentru spaţiul est-carpatic le constituie fibula din M 96 a necropolei de la Poieneşti, care este din bronz şi fibula din M 13 din necropola Dolinjany. Ultima are resortul şi acul realizate din fier, celelalte componente fiind de bronz (Смирнова 1981, 198, рис. 6/1). Fibula de la Sipoteni ar fi prima în rândul celor de excepţie, fiind realizată din argint[37].

În acest context vom menţiona că fibulele filiforme aparţinând Latène-ului mijlociu, având extremitatea piciorului în formă de manşon, care era prins de arc, descoperite în *complexele sarmatice*

[35] A. Marton consideră că acest tip aparţine fazei tranzitorii între Latène C2 şi D1.

[36] Conform cercetătorilor, fibulele de tipul Mötschwil sunt specifice ariei celtice cuprinsă între Rhin şi bazinul carpatic. Cel mai frecvent acestea au fost descoperite în sudul Germaniei, în Elveţia, Moravia, Slovacia, Slovenia, dar şi în sudul Poloniei, vestul Ungariei şi în Austria (Rustoiu 1997, 34). Cea mai largă utilizare acest tip de fibule l-a avut în cadrul culturii Puchov de pe teritoriul Slovaciei. În mediul locuit de daci aceste fibule, aparţinând tipului 2a, sunt reprezentate prin exemplarele de la Panic (jud. Sălaj) (Rustoiu 1997, 34, fig. 19/1) şi Biharea (jud. Bihor) (Dumitraşcu 1985, 63, pl. XXVI-II; Dumitraşcu 1994, 123-135).

[37] O fibulă de fier, aparţinând tipului II3b, după M. Babeş, a fost descoperită în mormântul izolat de incinerare de la Trebujeni-Orheiul Vechi (vezi: Ткачук 1991, 51, рис. 4/2).

din spaţiul nord-pontic, sunt aproape în totalitate realizate din bronz. Astfel, din 55 de fibule aparţinând acestui tip, incluse în tipologia fibulelor epocii sarmatice, elaborată de către V.V. Kropotov, sunt prezentate doar cinci piese realizate din fier şi una din argint (Кропотов 2010, 45-47)[38].

Elementul distinctiv pentru fibula de la Sipoteni este prezenţa pe piciorul recurbat a unei proeminenţe sferice mici şi a ornamentului gravat din zona manşonului, unde acesta este prins de arc, dar şi pe suprafaţa manşonul propriu-zis. Menţionând unicitatea/exclusivitatea fibulei de argint în discuţie, vom aminti unele analogii apropiate pentru aceasta. Câteva fibule, întregi sau fragmentare, toate din fier, au fost descoperite în inventarul mormintelor de incineraţie a necropolei de la Lucaşeuca[39] (M 9, M 10, M 12 şi M 21).

De exemplu, fibula din M 21 de la Lucaşeuca este apropiată ca formă de piesa de la Sipoteni. Deosebirea dintre ele o alcătuieşte materialul din care este realizată, unghiul piciorului recurbat şi ornamentul. Chiar dacă piesa din fier este conservată precar, totuşi, pe spatele piciorului, dinspre portagrafă, poate fi observată o nodozitate proeminentă de mici dimensiuni care alcătuieşte ornamentul fibulei (Babeş 1993, Taf. 50/21d). O piesă de acest fel a fost descoperită în M 120 din marea necropola de la Boroseşti (Babeş 1993, Taf. 11/120c). Aceluiaşi tip pare să-i aparţină şi fibula din M 391 de la Poieneşti, care a fost realizată din fier (Babeş 1993, Taf. 33/391b).

Din aceeaşi categorie tipologică face parte şi fibula descoperită în M 13 la Dolineni. Fibula de aici este aproape identică ca formă cu piesa de la Sipoteni, fiind realizată din fier (resortul şi acul) şi bronz. Piciorul repliat formează împreună cu portagrafa un trapez (fig. 4). Pe spatele piciorului, dinspre portagrafă, a fost realizat un ornament în forma unei proeminenţe de mici dimensiuni (Смирнова 1981, 198; Babeş 1993, Taf. 48/13a). Necropola de la Dolinjany a fost atribuită ultimei faze de existenţă a culturii P-L (Babeş 1985, 205, Babeş 1993, 51-52; Каспарова 1993, 34-36; Smirnova, Megei 1995, 133-159; Pačkova 2010, 534; Iarmulschi 2013, 40-41), fiind ancorată cronologic celei de-a doua jumătăţi a secolului al II-lea – ultimului sfert al secolului I a. Chr. (Iarmulschi 2013, 39) sau chiar primelor decenii ale secolului I p. Chr. (Каспарова 1993, 34). În tabelul sinoptic al pieselor cu valoare cronologică din cultura P-L, alcătuit de cercetătorul V. Iarmulschi, fibula din M 13 de la Dolinjany a fost inclusă în faza a treia (din cele patru evidenţiate de autor), fiind atribuită sfârşitului secolului al II-lea - primei jumătăţi ai secolului I a. Chr. (Iarmulschi 2013, 40, fig. 13).

Din sudul spaţiului pruto-nistrean, din mediul sarmatic, provine o fibulă de argint, de tipul *Kostrzewski B*, descoperită în M 4 al necropolei plane de lângă Holmskoe (reg. Odesa). Aceasta a fost realizată dintr-un fir de metal, are resortul bilateral simetric format din şase spire (3+3) şi coardă exterioară. Arcul este lung, aplatizat şi îndoit în apropierea resortului. Piciorul este întors pe deasupra arcului şi este prins de acesta, în apropierea resortului, cu ajutorul unui manşon realizat prin lăţirea extremităţii piciorului. Piesa nu s-a păstrat integral, de la ea lipsind piciorul şi portagrafa. Complexul funerar şi fibula de la Holmskoe au fost ancorate cronologic la mijlocul - a doua jumătate a secolului I a. Chr. (Гудкова, Фокеев 1984, 8-10, 23-24, рис. 2), la mijlocul secolului I a. Chr. (Bichir 1993, 161) sau doar în jumătatea a doua a secolului I a. Chr. (Bârcă 2003, 97 şi nota 5). Pe de altă parte, unii cercetători consideră că fibula de la Holmskoe nu poate fi datată mai timpuriu de mijlocul secolului I p. Chr. (Кропотов 2001, 187; Кропотов 2010, 44).

Analiza comparată a categoriilor de fibule care au circulat în ultimele două secole ale erei vechi a permis cercetătorilor constatarea că fibulele filiorme cu ornament în forma unei proieminenţe sau nodozităţi de mici dimensiuni, situate în apropierea portagrafei, cu piciorul prins de arc cu ajutorul unui manşon, aparţinând Latène-ului mijlociu, au circulat până la începutul secolului I a. Chr., după care cedează locul fibulelor filiforme fără urme de ornament (Filip 1956, 107-113; Амброз 1966, 13). A.K. Ambroz menţionează că fibulele filiforme din regiunile nord-pontice aparţin perioadei târzii a pieselor cu manşon (Амброз 1966, 13).

Cercetătoarea T. Dąbrowska consideră că fibulele de tipul *Kostrzewski B* care au dimensiunille mai mici de 8 cm ar fi caracteristice fazei A2 (a doua jumătate a secolului II - prima jumătate a secolului I a. Chr.) a culturii Przeworsk (Dabrowska 1988, 305). A. Rustoiu crede că majoritatea fibu-

[38] Autorul se conduce de sistematizarea propusă de A.K. Ambroz (vezi: Амброз 1966, 12-13).

[39] Necropola şi aşezarea de la Lucaşeuca sunt situate la distanţa de circa 50 km est de situl de la Sipoteni.

lelor de schemă Latène mijlociu au fost utilizate de la sfârşitul secolului II şi până spre mijlocul secolului I a. Chr. (Rustoiu 1997, 35). Pe de altă parte, Gh. B. Fedorov atrage atenţia asupra faptului că fibulele de schemă Latène mijlociu au fost utilizate până către sfârşitul erei vechi (Федоров 1960, 26). Drept exemplu este adus M 21 din necropola de la Lucaşeuca, unde în calitate de inventar a fost descoperită o fibulă de schemă Latène mijlociu (amintită de noi mai sus), împreună cu un pandantiv dublu spiralat. Acesta de la urmă a fost utilizat până către sfârşitul secolului I a. Chr. şi chiar la începutul secolului următor[40]. În cultura Zarubinec fibulele de tipul *Kostrzewski B* se întâlnesc în complexe închise, unde apar împreună cu materiale Latène târziu (Пачкова 2006, 108-109).

Aşadar, analiza comparată a inventarului funerar al mormântului de incineraţie de la Sipoteni, fragmentul ceramic de tip bastarnic, datat în secolele II-I a. Chr., situla de bronz care nu depăşeşte limitele secolului I a. Chr., ne permit să considerăm că fibula filiformă de schemă Latène mijlociu descoperită aici este o adevărată fosilă/ relicvă, a fost utilizată în spaţiul est-carpatic şi nord-pontic până către mijlocul I a. Chr., după cum demonstrează descoperirile din diverse complexe închise aparţinând bastarnilor, sarmaţilor sau geto-dacilor.

III. Analiza osteologică a conţinutului situlei de bronz cu resturi cinerare

Una din cele două situle descoperite în 1954 la Sipoteni (raionul Călăraşi) a servit pe post de urnă funerară, în ea fiind depuse resturi osoase incinerate de origine umană. Cu toate că descoperirea a fost publicată în 1956, în acel moment nu s-a realizat şi o analiză paleoantropologică a resturilor scheletice, prezenţa acestora fiind doar semnalată, foarte succint, în articol: „*...resturile osoase umane şi obiectele din urnă au avut de suferit înainte de a fi aduse la Muzeul Republican de Etnografie. Judecând după conţinutul conservat al situlei, putem considera că în urnă se aflau resturi scheletice de mici dimensiuni, incinerate, de origine umană...*" (fragment tradus din limba rusă, din Сергеев 1956, 137).

1. Metode de analiză paleoantropologică

Etapele analizei paleoantropologice au fost următoarele: curăţarea materialului de impurităţi (cenuşă, granule de pământ şi de cărbune), categorisirea materialului pe regiuni anatomice (craniu, coloană vertebrală, centură scapulară, centură pelviană, membre superioare, membre inferioare, neidentificabile), cântărirea şi numărarea, estimarea vârstei la deces, determinarea sexului, înregistrarea caracteristicilor de ardere (gradul de incinerare, textura osoasă, modelul de fisurare / fracturare a peretelui osos, prezenţa / absenţa fenomenului „placare în alb", prezenţa / absenţa contorsionării, contracţiei şi deformării), prezenţa / absenţa traumatismelor produse *ante mortem*.

Categorisirea pe dimensiuni a fost realizată astfel: fragmente de dimensiuni mari (peste 10 mm), medii (între 5 şi 10 mm), mici (între 2 şi 5 mm) şi foarte mici (sub 2 mm). Pentru atingerea acestui obiectiv, resturile au fost triate cu ajutorul celor trei site dimensionale (cu ochiuri de 10, 5 şi 2 mm).

Estimarea vârstei biologice s-a realizat prin analiza gradului de osificare a epifizelor la diafize, a gradului de obliterare a suturilor craniene şi după dimensiunile componentelor scheletului cranian şi apendicular. S-a luat în consideraţie şi analiza dentiţiei, însă într-o măsură mai mică, pentru că în probă este prezent un singur rest dentar şi anume, un fragment radicular, probabil de la un premolar. Am recurs la metodele recomandate de Moorrees, Fanning, Hunt (1963); Ubelaker (1989); Buikstra, Ubelaker (1994); Mays (1998).

Pentru determinarea sexului am utilizat, în principal, grosimea peretelui osos cranian (la nivelul oaselor frontal, parietal şi occipital) şi post-cranian (la nivelul diafizei femurului, humerusului şi radiusului), după metoda elaborată de Gejvall şi recomandată de Wahl (1996). S-a ţinut cont şi de gradul de dezvoltare a inserţiilor musculare şi de robusticitatea osaturii. Ne-am ghidat după recomandările semnate de Brothwell (1981, 72; 1989); McKinley, Roberts (1993); Mays (1998).

Gradul de incinerare şi temperata de ardere au fost estimate morfoscopic. Pentru resturile osoase am utilizat scara coloristică Red-Green-Blue (în continuare – R.G.B.), formată din 12 trepte coloristice (de la os neincinerat până la os puternic calcinat), recomandată de Walker, Miller,

[40] A se vedea în acest sens colierul din M 16 din necropola de la Giubiasco (Pernet et al. 2006, II, 291 şi figura de la pagina 384).

Richman (2008). Pentru fragmentul dentar am utilizat scara coloristică recomandată de Sandholzer (2015, 374), bazată pe experimente privind modificarea culorii suprafeţei rădăcinilor dentare după expunerea la temperaturi de peste 400°C, în funcţie de durata de expunere (5, 15, 30 şi 45 de minute).

Modelul de fisurare / fracturare a peretelui osos a fost notat după indicaţiile oferite de Shipman (1984); Ubelaker (1989); McKinley, Roberts (1993); Mays (1998); Whyte (2001).

Aprecierea stării oaselor în momentul incinerării („verde”[41] sau „uscată”[42]) s-a realizat după metodologia recomandată de Wells (1960); Thurman, Willmore (1981); Heglar (1984); Shipman (1984); Guillon (1986); Ubelaker (1989; 2009); Buikstra, Swegle (1989); McKinley, Roberts (1993); Bondioli, Formenti, Salvadei (1994); McKinley (2000); Whyte (2001); Brickley, McKinley (2004); Devlin, Herrmann (2008); Fairgrieve (2008); Symes et al. (2012).

Prezenţa / absenţa traumatismelor produse *ante mortem* a fost evaluată conform metodologiei propuse de Pope, Smith (2004).

2. Rezultate paleoantropologice

Resturile scheletice incinerate depuse în situla-urnă descoperită la Sipoteni prezintă un grad de fragmentare mediu spre ridicat (fig. 11) şi stare de conservare moderată spre bună. Urna funerară în care au fost depuse osemintele a funcţionat ca un scut protector împotriva factorilor tafonomici ce ar fi putut duce la degradare. Unele resturi osoase prezintă pete de nuanţă verzuie (fig. 20 şi 30), altele, pete ruginii (fig. 12 şi 25) – pigmentări sau urme de oxidare provenite de la contactul cu peretele interior al situlei sau de la contactul cu obiectele din fier depuse în situlă.

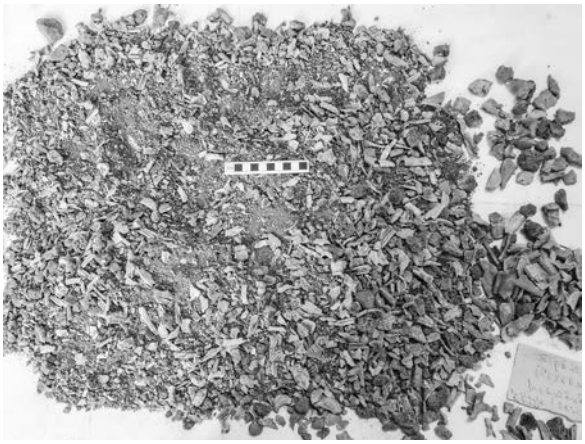


Fig. 11. Bărbat, 20-30 ani. Gradul de fragmentare a scheletului.

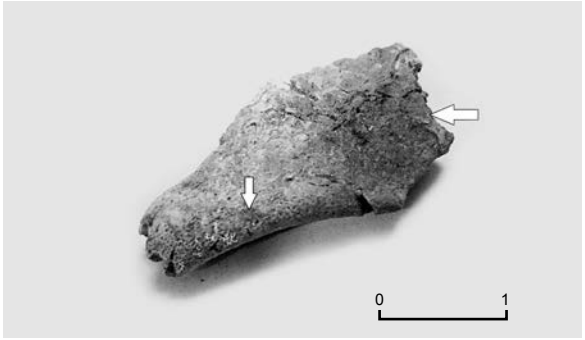


Fig. 12. Frontal, fragment. Marginea superioară a orbitei drepte. Urme de oxizi metalici.

Fig. 13. Coxal, fragment. Regiunea marii incizuri ischiatice.

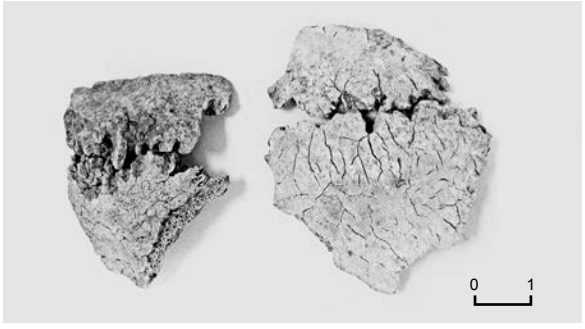


Fig. 14. Parietale, fragmente. Regiunea suturii sagitale.

[41] Termenul „os incinerat în stare verde” se referă la osul care în momentul incinerării este în stare proaspătă, adică acoperit cu muşchi şi tegumente şi cu canalul medular plin. În această categorie intră resturile osoase provenite de la subiecţi incineraţi *intra vitam* sau imediat *post mortem*, în cea din urmă categorie încadrându-se atât cadavrele, cât şi oasele parţial descarnate.

[42] Termenul „os incinerat în stare uscată” se referă la osul vechi, deshidratat, care şi-a pierdut în timp majoritatea componentelor organice, la osul care în momentul incinerării nu este învelit în ţesut muscular şi nu are măduvă. În această categorie intră doar resturile osoase incinerate *post mortem*, după ce au trecut de procesul natural de descompunere a ţesuturilor moi.

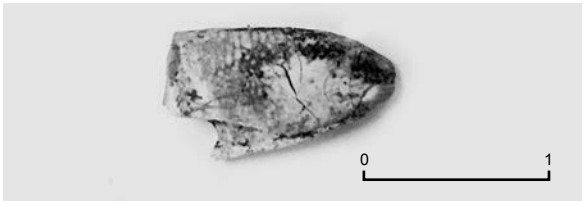


Fig. 15. Rest radicular, probabil premolar.

Fig. 16. Occipital, fragment.

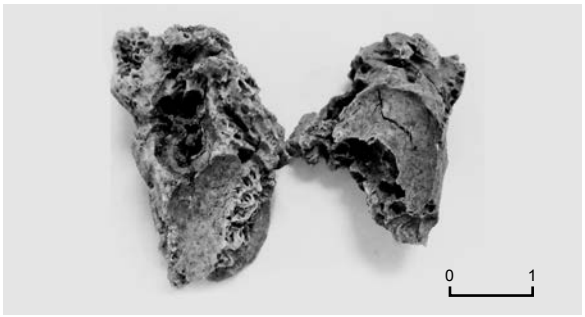


Fig. 17. Temporale, fragmente din porţiunile pietroase.

Fig. 18. Corp vertebral lombar, fragment.

Fig. 19. Arcuri vertebrale, fragmente.

Resturile scheletice analizate provin de la un singur individ – un adult tânăr, de sex masculin, cu vârsta biologică cuprinsă în intervalul 20-30 de ani.

Sexul a fost determinat după mai multe elemente. Dintre caracteristicile nemăsurabile, dar identificate cu uşurinţă prin metode morfoscopice, sunt gradul de robusticitate scheletică (moderat spre ridicat), inserţiile musculare accentuate de la nivelul treimii proximale a femurului, dimensiunile moderate spre mari ale epifizelor proximale ale humerusului, femurului, metatarsului I şi ale epifizei distale a radiusului şi, nu în ultimul rând, după două caracteristici sexuale dimorfice – marginea superioară accentuat rotunjită a orbitei (fig. 12) şi deschiderea îngustă a marii incizuri ischiatice (fig. 13). Caracteristicile biometrice utilizate la determinarea sexului au fost: grosimea osului parietal în proximitatea suturii sagitale (1a. = 4-6 mm), grosimea osului occipital lângă eminenţa cruciformă (1b. = 11-12 mm), grosimea peretelui compact al diafizei femurului (2. = 6 mm), humerusului (3c. = 4 mm) şi radiusului (4. = 3 mm).

Vârsta biologică a fost estimată după aspectul suturii craniene sagitale, în segmentele *pars obelica* şi *pars lambdica* (obliterare absentă) (fig. 14). Pentru estimarea vârstei am luat în considerare şi singurul element dentar prezent în probă – un rest radicular cu apexul închis, provenit, probabil, de la un premolar (fig. 15).

Greutatea totală a resturilor incinerate este de aproape 1000 g, la care se adaugă circa 500 g de cenuşă, granule de pământ şi de cărbune. Numărul total al fragmentelor este de circa 3000. Dacă privim proba în ansamblu, gradul de fragmentare este ridicat şi pare destul de uniform la nivelul întregului schelet. Cu toate acestea, menţionăm că, în ordinea descrescătoare a frecvenţei, predomină resturile de dimensiuni mici (între 2 şi 5 mm), urmate de cele foarte mici (sub 2 mm), medii (între 5 şi 10 mm) şi mari (peste 10 mm). Raportându-ne la un os adult integru, dimensiunile resturilor cinerare analizate sunt mijlocii spre mici, situaţie comună în cazul unei incinerări aproape complete. Scheletul este aproape complet şi foarte bine reprezentat. În inventarul osteologic au fost identificate fragmente din toate regiunile anatomice, atât din segmentul axial (craniu şi coloana vertebrală), cât şi din cel apendicular (centura scapulară şi pelviană, membrele superioare şi inferioare).

Fragmentele craniene sunt în număr de 73, cu o greutate totală de 148 g. Au fost identificate por-

ţiuni din frontal, parietale, temporale (porţiunea pietroasă) şi occipital. Cel mai mare fragment (32×31 mm) provine din occipital (fig. 16), din regiunea învecinată cu eminenţa cruciformă. De dimensiuni ceva mai mici sunt patru fragmente provenite din parietale (din proximitatea suturii sagitale) (fig. 14), un fragment din osul frontal (din regiunea supra-orbitară dreaptă) (fig. 12) şi două fragmente din temporale (din porţiunea pietroasă / stânca temporalului) (fig. 17).

Dentiţia este reprezentată printr-un singur fragment radicular provenit, probabil, de la un premolar (fig. 15). Partea conservată a rădăcinii are 13 mm lungime. Regiunea radiculară este complet dezvoltată, apexul fiind complet închis.

Segmentul post-cranian este reprezentat prin circa 2500 fragmente, cu o greutate de aproximativ 876 g. Au fost identificate fragmente din următoarele regiuni anatomice: corpuri (fig. 18) şi arcuri (fig. 19) din coloana vertebrală (în număr de 35), părţi din coxale (12), clavicule (4), scapule (4), coaste (32). La acestea adăugăm un număr considerabil de resturi provenite de la oasele membrelor superioare şi inferioare, după cum urmează: 21 fragmente din epifize, 35 fragmente din regiunile metafizare şi circa 850 fragmente din diafize.

Din totalitatea de 2500 de fragmente post-craniene, se detaşează cu claritate următoarele porţiuni: regiunea marii incizuri ischiatice (fig. 13), părţi din epifizele proximale ale humerusurilor şi ale femurelor (fig. 20), o parte din procesul coracoid al scapulei, capetele distale provenite de la metatarsienele I stâng şi drept (fig. 21), regiunea trohanterului mic al femurului stâng (fig. 22), falangele intermediară şi distală, conexate ana-

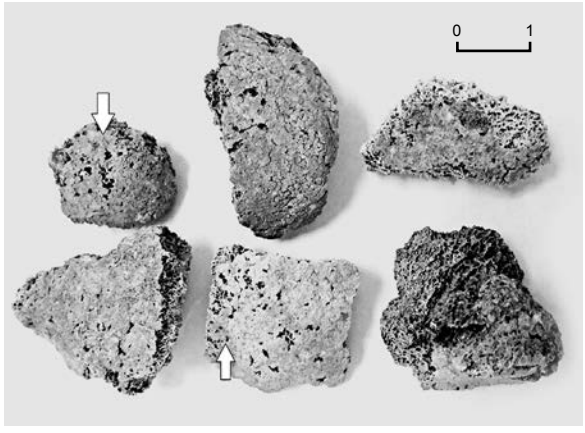


Fig. 20. Epifize, fragmente. Unele cu urme de oxizi metalici.

Fig. 21. Metatars I, fragment, capăt distal.

Fig. 22. Femur stâng, fragment, regiunea trohanterului mic.

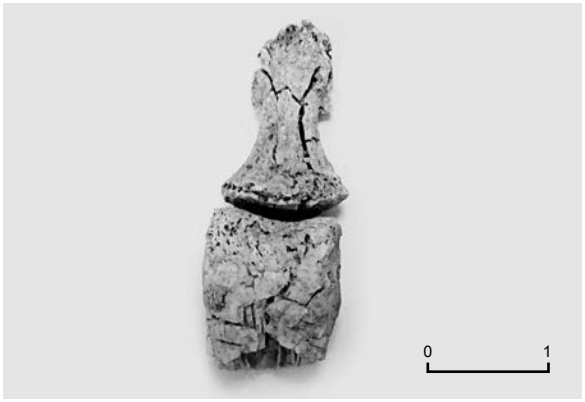


Fig. 23. Falange de la mână, în conexiune anatomică.

Fig. 24. Tibie, fragment din diafiză. Fisuri longitudinale.

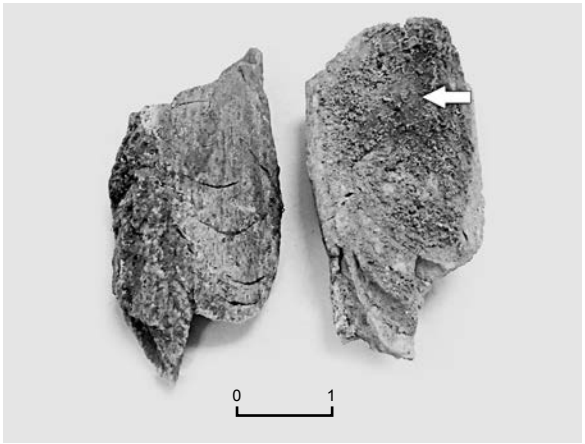


Fig. 25. Femur, fragmente din diafiză. Fisuri şi fracturi transversal curbilinii. Urme de oxizi metalici.

Fig. 26. Humerus, fragmente din diafiză.

Fig. 27. Radius, fragmente din diafiză.

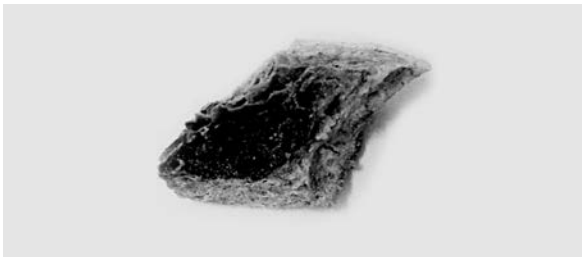


Fig. 28. Fibulă, fragment din diafiză „placat în alb”.

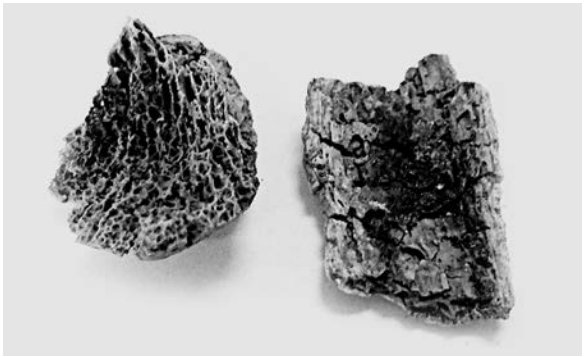


Fig. 29. Fragmente dintr-o epifiză şi o metafiză ale unui femur. Tranziţia de la carbonizare la calcinare.

Fig. 30. Fragmente contractate şi deformate provenite din diafize. Urme de oxizi metalici.

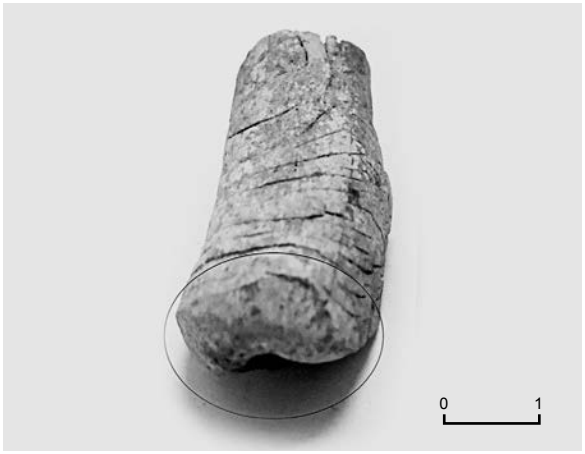


Fig. 31. Radius, fragment din diafiză, treimea distală, margine netedă (urme ale unui posibil traumatism).

tomic (fig. 23), de la una dintre mâini (probabil dreaptă). Fragmentelor identificate din punct de vedere anatomic li se adaugă circa 1500 de fragmente provenite de la acelaşi individ, neidentificabile din cauza dimensiunilor extrem de mici şi a absenţei indiciilor clare privind locaţia.

Modelul de fisurare / fracturare a peretelui osos este caracteristic oaselor expuse la temperaturi mari şi foarte mari, aflate în stare „verde / proaspătă" în momentul incinerării. Pe fragmentele provenite din calota craniană se pot distinge fisuri profunde ce formează un model reticular (fig. 14), atât pe tăblia internă, cât şi pe cea externă. Fragmentele post-craniene sunt, de asemenea, fisurate în profunzime sau fracturate, atât longitudinal superficial (pe direcţia axului osului) (fig. 24 şi 30), cât mai ales transversal. Fisurile transversale sunt curbilinii profunde, de cele mai multe ori complete, provocând fracturarea osului (fig. 25-27). Acest model de fisurare / fracturare este prezent, în special, în porţiunile scheletice care indică temperaturi ridicate de ardere, cum ar fi diafizele oaselor braţului şi antebraţului şi cele ale coapsei şi gambei. Fisuri profunde şi fracturi apar şi pe fragmentele provenite din coxale (fig. 13), scapule şi clavicule. Spre deosebire de diafize, care sunt mai compacte, epifizele oaselor membrelor sunt fisurate într-un mod asemănător tăbliei craniene externe, adică după un model reticular (fig. 20), în timp ce regiunile metafizare ale oaselor post-craniene prezintă fisuri mai mult sau mai puţin zimţate.

Temperatura de ardere, conform scării R.G.B. (Walker, Miller, Richman 2008), variază în limite destul de strânse, între minimum 500-600°C (bej cu nuanţe de gri) şi maximum 900-1000°C (alb-mat, uneori cu irizaţii albăstrui). Nu au fost identificate resturi care să fi rămas în stadiul de carbonizare, nici resturi care să prezinte aderenţe provenite de la rug (cenuşă, cărbuni). Absenţa acestor fenomene ne arată că temperatura în timpul arderii a depăşit pragul de 400-500°C.

Resturile craniene indică ardere la o temperatură de 700-900°C, iar cele provenite din coaste, 500-600°C. Valori termice ridicate au fost atinse şi la nivelul diafizelor oaselor post-craniene, de minim 700°C şi maxim 900°C, majoritatea acestor resturi fiind calcinate. Această situaţie este foarte bine ilustrată de resturile provenite de la diafizele femurului şi humerusului. Valori mai mici, cuprinse în intervalul 600-800°C, au fost înregistrate pentru resturile provenite de la oasele extremităţilor membrelor inferioare şi superioare. La nivelul coloanei vertebrale temperatura a ajuns la cel mult 700°C. Aşa cum era de aşteptat, la nivelul bazinului şi al extremităţii oaselor care se articulează la centuri (cum este cazul epifizelor proximale ale humerusului şi femurului) temperatura a atins maximum 500-600°C, acestea fiind regiunile scheletice care indică cele mai mici valori termice.

În ceea ce priveşte fragmentul dentar radicular prezent în probă, conform scării coloristice recomandate de Sandholzer (2015), acesta indică o temperatură de circa 700-800°C (fig. 15).

Privite în ansamblu, cea mai mare parte din resturile scheletice analizate se încadrează din punct de vedere coloristic în intervalul termic 700-900°C. Suntem de părere că la asemenea temperatura se putea ajunge doar în situaţiile în care rugul funerar era amenajat din lemn de esenţă tare (stejar, fag), iar în ceea ce priveşte cantitatea de combustibil utilizată, aceasta trebuie să fi fost între cel puţin 6 şi cel mult 14 metri cubi (Teleagă et al. 2014, 314).

Arderea defunctului s-a produs intens, aproape complet. Temperatura rugului a ajuns la valori foarte mari la nivelul craniului, braţelor şi coapselor. Pe fragmentele provenite din diafiza fibulei (fig. 28) este prezent fenomenul numit „placare în alb" – etapă tranzitorie de ardere ce apare doar în cazul oaselor incinerate în stare „verde / proaspătă". Din punct de vedere coloristic, tranziţia dintre etapa carbonizării (300-400°C, care indică arderea parţială a componentelor organice) şi etapa calcinării (800-900°C, care indică arderea completă a componentelor organice) este surprinsă doar în cazul unor resturi provenite din epifize sau din apropierea acestora (metafize) (fig. 29). Fragmentele provenite din diafizele oaselor lungi ale membrelor sunt calcinate şi emit sunet metalic atunci când sunt ciocnite. Sunt prezente fenomenele de contracţie, contorsionare şi deformare – din nou o dovadă a incinerării în stare „verde" (fig. 26 şi 30).

Toate fragmentele analizate prezintă margini ascuţite (tăioase), ceea ce înseamnă că fracturarea peretelui osos s-a produs în timpul arderii şi nu *perimortem*, ceea ce exclude posibilitatea morţii violente. Un singur fragment, provenit din treimea distală a diafizei unui radius (fig. 31), prezintă o margine rotunjită şi netedă, ceea ce ne determină să presupunem existenţa unui traumatism

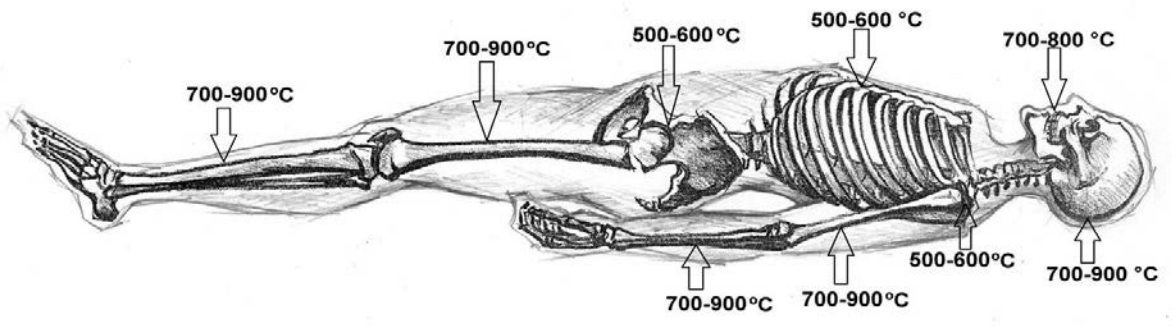


Fig. 32. Reprezentarea temperaturilor maxime de ardere, conform coloristicii şi modelului de fisurare şi fracturare ale peretelui osos.

(fractură) produs *perimortem* la nivelul unuia dintre antebraţe. Nu au fost identificate procese patologice, nici în segmentul cranian, nici în cel post-cranian.

Întregul complex de caracteristici morfoscopice descrise mai sus indică ardere mai mult sau mai puţin uniformă, aproape completă, oasele fiind în stare „verde" în momentul incinerării, adică acoperite de muşchi şi tegumente şi cu canalul medular plin. În figura 33 sunt reprezentate, pe zone anatomice, temperaturile maxime, observate conform coloristicii şi modelului de fisurare / fracturare ale peretelui osos.

3. Analogii din perspectivă paleoantropologică

Cea mai apropiată analogie pentru descoperirea de la Sipoteni (r-nul Călăraşi), atât din punct de vedere geografic, cât şi cronologic şi cultural[43], este situla de la Mana (r-nul Orhei) (Tentiuc, Bubulici, Simalcsik 2015; Bubulici, Tentiuc, Simalcsik 2016). Comparând conţinutul celor două situle (Sipoteni *versus* Mana), constatăm că în fiecare dintre ele au fost depuse resturi cinerare de la câte un individ de sex masculin, însă de vârste diferite (adult la Sipoteni şi juvenil la Mana). Scheletul bărbatului de la Sipoteni este aproape complet şi foarte bine reprezentat, situaţie uşor diferită în cazul tânărului de la Mana, scheletul căruia este mai slab reprezentat. Gradul de fragmentare este mult mai accentuat la adultul de la Sipoteni comparativ cu tânărul de la Mana, astfel încât şi numărul fragmentelor este mult mai mare în primul caz. Acest fapt este susţinut de valorile termice medii de ardere, care în cazul resturilor din urna de la Sipoteni se încadrează din punct de vedere coloristic în intervalul 700-900°C, în timp ce la Mana, în intervalul 600-700°C. În ceea ce priveşte fenomenele de contorsionate şi deformate, acestea sunt prezente în ambele cazuri, la fel ca şi „placarea în alb", doar că acest din urmă fenomen este mai frecvent întâlnit la juvenilul de la Mana, ceea ce este explicabil, pentru că „placarea în alb" este un fenomen tranzitoriu între carbonizare şi calcinare.

Caracteristicile morfoscopice ale resturilor scheletice din cele două situle / urne funerare (Sipoteni *versus* Mana) indică incinerare în stare „verde", însă limitele termice maxime sunt diferite în aceste două cazuri. Incinerarea bărbatului adult de la Sipoteni s-a produs intens şi aproape complet, la o temperatură mai mare (700-900°C) decât a tânărului de la Mana. Credem că pentru incinerarea bărbatului de la Sipoteni s-a folosit mai mult combustibil (lemn de esenţă tare) decât pentru incinerarea tânărului de la Mana, respectiv şi energia socială investită a fost mai mare în primul caz. Ţinând cont doar de aceste diferenţe, s-ar putea deduce şi diferenţa de statut social între cei doi indivizi.

Cu toate acestea, privite comparativ, obiectele funerare care au însoţit osemintele în trecerea spre „lumea celor tăcuţi" ne povestesc altceva... Tânărul de la Mana era o persoană importantă pentru comunitate, cu un statut social elevat, susţinut, din punct de vedere antropologic, şi de un alt element inedit – prezenţa în urnă, alături de resturile cinerare umane, a 10 falange distale (corespunzătoare ghearelor) de la membrele anterioare ale unui urs adult (*Ursus arctos*). Acestea provin, probabil, de la o mantie sau o pelerină pe care o purta adolescentul de 14-16 ani în momentul inci-

[43] Ne referim doar la urnele al căror conţinut osteologic a fost analizat din punct de vedere paleoantropologic şi publicat sau comunicat.

nerării (Tentiuc, Bubulici, Simalcsik 2015; Bubulici, Tentiuc, Simalcsik 2016). Credem că anume acest element – prezenţa „ghearelor" de urs – este extrem de sugestiv şi înclină balanţa statutului social către juvenilul de la Mana.

Chiar dacă în situla de la Sipoteni nu au fost identificate resturi osteologice de origine animală, iar inventarul funerar este mai sărăcăcios şi mai puţin divers decât cel de la Mana, depunerea în sine a resturilor cinerare într-o situlă-urnă de bronz, prezenţa excepţionalei fibule de argint, alături de efortul şi energia investite pentru amenajarea rugului ne sugerează rolul important al acestui bărbat adult în cadrul comunităţii şi o recunoaştere a înaltei sale poziţii ierarhice sociale deţinute în timpul vieţii.

Concluzii

Analiza conţinutului recipientului cu resturi umane incinerate de la Sipoteni arată că aici a fost înmormântat un bărbat în vârstă de 20-30 de ani. În calitate de urnă funerară pentru resturile calcinate a fost utilizată o situlă de bronz. Inventarul funerar descoperit în interiorul vasului era reprezentat de un fragment ceramic de la o strachină de culoare neagră, lucrată de mână, cu pereţii lustruiţi, aparţinând culturii Poieneşti-Lucaşeuca, atribuită bastarnilor din secolele II-I a. Chr., o verigă şi o altă piesă diformă, ambele din fier, dar şi o frumoasă fibulă de argint, de schemă Latène mijlociu. Tot aici a fost descoperită încă o situlă de bronz, identică după formă şi dimensiuni cu urna funerară.

Vase asemănătoare de bronz, utilizate în calitate de urnă funerară, sunt cunoscute în situri din nordul Italiei, sudul Franţei, în Spania şi în unele regiuni de la Dunărea de Mijloc, aparţinând celţilor. În spaţiul est-carpatic, situlele de bronz de la Sipoteni, de formă tronconică, fără torţi şi ataşe, îşi găsesc analogii în vasul de metal de la Bădeni (Iaşi), dar şi în recipientul din mormântul de incinerare în situlă de bronz, cu arme distruse intenţionat, de la Mana (Orhei).

Analiza morfologică şi parametrii tehnologici ai situlelor de la Sipoteni, Mana şi Bădeni au permis încadrarea lor într-un tip distinct – *tipul Mana*. Pe de altă parte, vase asemănătoare ca formă, însă înzestrate cu torţi de fier, au fost descoperite în componenţa aşa-numitelor *depozite stranii* la Bădragii Noi (Edineţ), Veselaja Dolina (reg. Odesa) (ambele situate în interfluviul Prut-Nistru), dar şi la Mar'evka (reg. Nikolaev), pe malul drept al Bugului de Sud. Aceste situle, de formă tronconică, erau înzestrate cu torţi de metal fără ataşe şi nituri. Pentru prinderea torţilor mobile din fier, pe exteriorul gâtului vasului erau fixate două semicercuri din bare de acelaşi metal, prinse între ele. Încercarea de a atribui aceste vase tipului Eggers 18-23 sau Bargfeld o considerăm nu tocmai reuşită. Particularităţile morfologice şi constructive ale situlelor de bronz de la Bădragii Noi, Veselaja Dolina şi de la Mar'evka, cu torţi mobile din fier, au permis evidenţierea lor în calitate de *varianta Bădragii Noi* a tipului Mana.

Pornind de la faptul că majoritatea absolută a incineraţiilor în cultura P-L din această perioadă erau realizate în urne funerare, cu utilizarea vaselor din ceramică sau cu depunerea resturilor umane cinerare în gropi simple, utilizarea de către bastarni în riturile şi ritualurile de înmormântare a situlelor de bronz, la care erau asociate (după caz) arme şi/sau podoabe, pare a fi un important însemn de recunoaştere de către comunitate a poziţiei sociale ierarhice înalte, deţinută de defunct în timpul vieţii. Folosirea vaselor de metal în calitate de urnă funerară constituia un privilegiu deosebit pentru elita aristocraţiei barbare din această perioadă.

Coroborarea vestigiilor cu semnificaţie cronologică, descoperite în calitate de inventar funerar în mormintele de incineraţie în situlă de bronz, dar şi a materialelor (piese de harnaşament din fier, bronz sau argint, arme şi podoabe) identificate în componenţa *depozitelor*, a permis datarea complexelor funerare şi, inerent, a vaselor de metal. Acestea au fost încadrate în cuprinsul secolului I a. Chr., probabil în prima jumătate a acestui interval temporal, datare susţinută de majoritatea cercetătorilor.

Cât priveşte originea şi posibilele căi de difuzare a recipientelor de bronz în spaţiul est-carpatic şi nord-pontic, situlele de *tipul Mana*, inclusiv *varianta Bădragii Noi* al acestui tip, pot fi încadrate în marele grup al vaselor de metal care pătrund în secolul I a. Chr. din nordul Italiei sau sudul Franţei spre Dacia preromană, iar de aici, în virtutea legăturilor dintre dacii de pe ambii versanţi ai Carpaţilor, şi la comunităţile limitrofe de la est de Carpaţii Orientali (bastarni şi sarmaţi).

Din punct de vedere diacronic şi al proceselor etno-culturale şi militaro-politice, vom menţiona că în urma analizei materialelor avute la dispoziţie,

a coroborării lor cu informaţiile izvoarelor scrise, dar şi cu logica evenimentelor din această perioadă, credem că situlele de bronz puteau fi vehiculate în spaţiul est-carpatic şi prin intermediul regiunilor Dunării de Mijloc, ca verigă intermediară între descoperirile din Europa Occidentală şi cea de Sud-Est, ca rezultat al participării bastarnilor şi sarmaţilor la luptele regelui Burebista împotriva celţilor din Balcani din anii 60-58 a. Chr.

Astfel, se pare că după dispariţia lui Mithridates VI Eupator, la al cărui al treilea război (a. 74-63 a. Chr.) împotriva Romei au participat în calitate de mercenari detaşamente de bastarni[44] şi sarmaţi (Appian, *Mithridates*, 15, 53), aceştia de la urmă au fost atraşi de regele Burebista în războaiele sale împotriva celţilor boii, taurisci şi scordisci. Supoziţia noastră este susţinută de evenimentele din anul 61 a. Chr., când sursele scrise menţionează biruinţa bastarnilor, în alianţă cu locuitorii oraşului Histria şi cu geţii de „lângă cetatea istrienilor" (Dio Cassius, XXXVIII, 10, 1), asupra proconsulului Macedoniei, C. Antonius Hybrida. Unii cercetători presupun că însuşi Burebista va fi fost în fruntea geţilor menţionaţi de autorii antici sub zidurile Histriei (Pârvan 1926, 77; Glodariu 2010, 674).

Este posibil că după aceste lupte victorioase împotriva armatelor romane din nord-vestul Pontul Euxin, Burebista cu armata sa şi împreună cu detaşamentele de mercenari ale bastarnilor şi sarmaţilor, va fi pornit în jurul anului 60 a. Chr. împotriva celţilor din sud-vestul Daciei.

Presupunem că în legătură cu aceste evenimente poate fi pusă prezenţa unor arme de tip celtic, asemănătoare *panopliei* utilizate de grupul *Padea-Panaghiurski Kolonii,* în mormântul de incineraţie în situlă de bronz, cu arme distruse intenţionat, de la Mana (Orhei). Tot astfel putea să ajungă în spaţiul est-carpatic şi pumnalul din fier de tip *sica*, de origine tracică, descoperit recent în situl cu locuire Poienești-Lucaşeuca de la Trebujeni-Potârca (Orhei), în partea central-nordică a spaţiului pruto-nistrean, o zonă cu totul izolată de arealul firesc de utilizare a acestui tip de armă. Tot prin intermediul bastarnilor şi al sarmaţilor, participanţi la luptele împotriva celţilor de la Dunărea de Mijloc, au pătruns în regiunea est-carpatică şi nord-pontică situlele de bronz care constituie subiectul studiului nostru.

Cât priveşte modalitatea de utilizare a recipientelor de bronz, s-a văzut că bastarnii le-au folosit cu predilecţie în riturile şi ritualurile de înmormântare în calitate de urnă funerară pentru depunerea în ele a resturilor pământeşti ale unor înalţi reprezentanţi ai aristocraţiei sociale şi/sau ai elitelor locale războinice, pe când sarmaţii au dat preferinţă situlelor cu torţi de fier prinse de semicercurile plasate pe exteriorul gâtului vaselor, pe care le-au utilizat în special pentru păstrarea şi/sau transportarea unor materiale cu valoare deosebită pentru ei: seturi de piese de harnaşament, arme şi/sau podoabe.

Analiza conţinutului situlelor de bronz utilizate în calitate de urnă funerară, descoperite în mormintele izolate la Sipoteni, Mana şi Bădeni, atribuite bastarnilor care au lăsat în partea centrală şi de nord a spaţiului carpato-nistrean monumentele culturii arheologice P-L, dar şi cazul/cazurile îngropării/ascunderii depozitelor sau a tezaurelor, împreună cu care au fost identificate situle de bronz scoase la lumina zilei în spaţiul est-carpatic şi nord-pontic, în zone dominate de sarmaţi, permit presupunerea că acestea pot fi puse şi în legătură cu campania pontică a lui Burebista din anul 55 a. Chr, şi cucerirea de către el a Olbiei la gurile Bugului, când regele dac ajunge până la Nipru, după cum consideră unii cercetători (Щукин 1994, 169).

Rămâne de domeniul ipotezelor şi al forţei presupunerilor care va fi fost cauza că Burebista începe lupta împotriva bastarnilor târzii şi a sarmaţilor timpurii[45] cu care pare să fi colaborat „sub zidurile Histriei", dar şi în lupta împotriva celţilor de la Dunărea de Mijloc. Cert este că în nordul Pontului Euxin, de la Carpaţii Orientali şi până la Nipru şi Don, au fost descoperite mai mult de 50 de depozite cu piese de harnaşament (Зайцев 2012, 67-77), arme, dar şi podoabe, unele depuse în situle de bronz, aparţinând acestei perioade şi care au fost atribuite de cercetători sarmaţilor[46]. Exact în această perioadă şi ceilalţi aliaţi ai lui Burebis-

[44] Strabon (VII, 3, 18) menţionează că aliaţi ai regatului pontic au devenit bastarnii şi scordiscii.

[45] Poate jaful la care se vor fi dedat aceştia după decimarea celţilor/boiilor la Dunărea de Mijloc, devastând regiuni aflate sub autoritatea politico-militară a regelui dac, l-au făcut pe acesta să-i respingă pe bastarni spre nord, iar pe sarmaţi până la Bug şi Nipru. Mărturie stau depozitele descoperite în câmpia Munteniei, dar şi la nordul Pontului Euxin, în cea mai mare parte ancorate cronologic de către cercetători în secolul I a. Chr.

[46] Amintim aici depozitele de la Brăviceni, Bubuieci, Truşeşti, Tvardiţa etc., ascunderea cărora poate fi pusă în legătură cu aceste evenimente.

ta, bastarnii, îşi încetează existenţa, pe la mijlocul secolului I a. Chr., prin dispariţia aşezărilor de tip P-L din partea centrală şi de nord a spaţiului carpato-nistrean, supravieţuind doar grupul septentrional al acestora, reprezentat arheologic de necropola de la Dolineany, cea mai târzie dintre cele cercetate.

Aşadar, vestigiile descoperite în complexele închise aparţinând bastarnilor şi sarmaţilor, cercetate în spaţiul est-carpatic şi nord-pontic, datate în limitele secolului I a. Chr., reflectă o perioadă de intense şi dinamice modificări ale realităţilor etno-culturale, demografice, social-economice şi militaro-politice, determinate de luptele dintre puternicii poli de putere din regiune. În această perioadă legiunile romane înaintează tot mai adânc în Balcani, iar regele Mithridates VI Eupator duce lupte grele (prin cele trei războaie succesive împotriva Romei) pentru extinderea, apoi pentru păstrarea imperiului său circumpontic. Este perioada de apariţie pe arena politico-militară a regelui Burebista, care îşi creează imensul său regat, atrăgând pentru aceasta de partea sa detaşamente de mercenari bastarni şi sarmaţi din spaţiul est-carpatic, iar după caz, luptând împotriva lor. Aceste evenimente au condus la dispariţia treptată a culturii latenizate Poieneşti-Lucaşeuca de la est de Carpaţi aparţinând bastanilor şi la infiltrarea ulterioară treptată în regiune a triburilor sarmaţilor nomazi.

Repertoriul situlelor de bronz (sec. II-I a. Chr.) din spaţiul est-carpatic

Tipul Eggers 18

1. Bâtca Doamnei-Piatra Neamţ (jud. Neamţ, România). Ataş de bronz reprezentând delfini afrontaţi.
Dimensiuni: lungimea – 12 cm; grosimea – 1,5 cm.
Datare: sec. I a. Chr. - prima jumătate a sec. I p. Chr. (Rustoiu 2005, 54).
Literatura: Sanie 1973, 427, fig. 13/4.
Păstrare: Muzeul Piatra Neamţ.

2. Poieneşti (jud. Vaslui, România). Situlă de tipul Eggers 18 sau 19. A fost descoperită în mormântul 1094 din necropola de tip P-L. Inedită.
Literatura: Babeş, 1993, 87-88 şi notele 194, 196 şi 200.

Tipul Eggers 20 (varianta cu ataşe trapezoidale)

3. Brad (jud. Bacău, România). Ataş de bronz, de formă trapezoidală. A fost descoperit în locuinţa 1/S V, (nivelul III), de pe acropola aşezării fortificate.
Datare: a doua jumătate a sec. I a. Chr. - prima jumătate a sec. I p. Chr. (Rustoiu 2005, 56).
Literatura: Ursachi 1995, 132, nr. 11, pl. 15/16; Rustoiu 2005, 55-56, fig. 2/1.
Păstrare: Muzeul Roman.

Tipul Eggers 20 (varianta cu ataşe ajurate)

4. Răcătău (jud. Bacău, România). Ataş de bronz. Descoperit în aşezarea dacică (?).
Datare: sec. I a. Chr.
Literatura: Miclea, Florescu 1980, nr. 295.

Tipul Mana

5. Sipoteni (r-nul Călăraşi, Republica Moldova). A fost utilizată, probabil, în calitate de inventar funerar.
Dimensiuni: înălţimea – 26,7 cm, diametrul la gură – 22,0 cm, diametrul maxim – 26,6 cm, diametrul fundului – 16,1 cm.
Literatura: Сергеев 1956, 135-141.

6. Sipoteni (r-nul Călăraşi, Republica Moldova). Incineraţie în urnă. Urnă funerară cu resturi umane incinerate.
Dimensiuni: înălţimea – 29,2 cm, diametrul la gură – 23,3 cm, diametrul maxim – 26,9 cm, diametrul fundului – 16,8 cm.
Materiale asociate: fragment de ceramică P-L, fibulă de argint, inel din fier cu capetele apropiate, piesă din fier, diformă.
Datare: prima jumătate a sec. I a. Chr. (Babeş 1993, 88, nota 200).
Literatura: Сергеев 1956, 135-141; Федоров 1960, 25-26.
Notă: M.A. Romanovskaja consideră că la Sipoteni au fost descoperite două morminte (Лапушнян, Никулицэ, Романовская, 1974, 82-83, рис. 34/3).

7. Mana (r-nul Orhei, Republica Moldova). Incineraţie în urnă. Situlă de bronz utilizată în calitate de urnă funerară pentru resturile umane incinerate.

Dimensiuni: înălţimea – 24,6 cm, diametrul la gură – 20,8 cm, diametrul maxim – 26,8 cm, diametrul fundului – 16,8 cm.
Materiale asociate: strachina de ceramică lucrată cu mâna de culoare neagră, lustruită, cu buza faţetată; spadă din fier cu două tăişuri; teacă pentru sabie; vârf de lance din fier; umbo din fier; pinteni din fier (2 exemplare); verigă din fier cu buton pentru centiron (agăţătoare pentru teacă de sabie); brăţară dublu spiralată din fier cu terminaţii în butoni; scoabă din fier (de la teacă - ?); falange distale de urs (10 ex.).
Datare: prima jumătate a sec. I a. Chr.
Literatura: Tentiuc, Bubulici, Simalcsik 2015, 221-248.

8. Bădeni (jud. Iaşi, România). Mormânt de incineraţie incert. Situlă de bronz.
Dimensiuni: înălţimea – 20,0 cm, diametrul la gură – 16,5 cm, diametrul maxim – 20,3 cm, diametrul fundului – 11,7 cm.
Materiale asociate: vas din ceramică cu oase sfărâmate (urnă funerară ?); lamă de pumnal; fragmente de brăţară.
Datare: prima jumătate a secolului I a. Chr.
Literatura: Sanie 1973, 427, fig. 11/3; Sanie 1981, 60, fig. 56/3; Sanie 1993, 344-351; Chirica, Tanasache 1985, 365.
Notă: Situla a fost descoperită în anul 1920. Tot aici, în 1921 a fost descoperit un vas (oală) plin cu oase sfărâmate (incinerate ?), o lamă de pumnal şi fragmente de brăţară. Pe acest loc a fost semnalată o cetate geto-dacică.
Analogii: S. Sanie, consideră ca vasele de această formă persistă şi în secolul I a. Chr., cum o dovedesc unele descoperiri din Gallia (nota 80: M. Labrousse, Gallia, 24, 1966, 430, fig. 20).

Tipul Mana, varianta Bădragii Noi.

9. Bădragii Noi (r-nul Edineţ, Republica Moldova). Depozit. Situlă de bronz cu resturi de toartă din fier. Partea exterioară (de jos) are urme de utilizare pe rug (de ardere).
Dimensiuni: înălţimea – 21,0 cm, diametrul la gură – 17,0 cm, diametrul maxim – 21,5 cm, diametrul fundului – 13,7 cm.
Materiale asociate: faleră de argint cu diametrul de 9,0 cm; aplice circulare de argint (6 ex.) cu diametrul de 3,4 cm; aplică frontală din argint de formă triunghiulară; aplică de bronz de formă triunghiulară; trei seturi de piese din fier de la căpăstru, reprezentate de psalii (obrăzar) şi zăbale.
Datare: prima jumătate a secolului I a. Chr.
Literatura: Яровой, Чирков 1989, инв. №287, 20-23, рис. 14/1; Симоненко 1993, 89-90; Редина, Симоненко 2002, 84-85, рис. 6/4; рис. 7/3; Симоненко 2011, 46-49, рис. 24/3 (aici e scris că e de la Bădragii Vechi).
Notă: Unii autori consideră că situla ar aparţine tipului Eggers 23 (cu toartă de fier) (cu trimitere la Eggers 1951, 161). Toarta era prinsă cu un cerc de fier, realizat din două bucăţi semicirculare, care era fixat în jurul gâtului situlei. Situla a fost descoperită la adâncimea de 04 m de la nivelul actual de călcare, în corpul unei ridicături/mici promontoriu natural.

10. Veselaja Dolina (r-nul Tarutino, reg. Odesa, Ucarina). Depozit. Situlă de bronz cu un fragment de toartă de fier.
Dimensiuni: înălţimea – 28 cm, diametrul la gură – 22,5 cm, diametrul maxim – 27,0 cm, diametrul fundului – 16,5 cm.
Materiale asociate: coif de tip Montefortino; două falere, unul de argint şi altul de bronz; cinci falere mici de bronz; aplică frontală de fier cu cârlig şi zăbale din fier şi din bronz; două mărgele bitronconice din bronz etc.
Datare: sfârşitul sec. II - secolul I a. Chr.
Literatura: Редина, Симоненко 2002, 78, рис. 1/2; Симоненко 2011, 233, рис. 23/1, 24/1.
Notă: Autorii o atribuie tipului Eggers 23 (cu toartă de fier) (cu notă la Eggers, 1951, 161).

11. Mar'evka (fost Bulgakovka, districtul Ananiev, gubernia Herson; astăzi r-nul Domanivka, reg. Nikolaev, Ucraina). Depozit. Situlă de bronz cu resturi de toartă din fier.
Dimensiuni: înălţimea – 22,0 cm, diametrul la gură – 18,0 cm, diametrul maxim – ?, diametrul fundului – 12,8 cm.
Materiale asociate: coif de tip Montefortino; aplică frontală cu cârlig; psalii; zăbale din fier; vârfuri de lance.
Datare: prima jumătate a secolului I a. Chr.
Literatura: Jakounina-Ivanova 1927, 100-109, fig. 9; Симоненко 2011, 218, рис. 23/2, 24/2.
Notă: Este atribuită de autori tipului Eggers 23 (cu toartă de fier) (Eggers 1951, 161).

Bibliografie

Avram 2015: A. Avram, Les premièrs peuples germaniques sur le Bas Danube. Autour du décret SEG 52,724. Studi elenistici XXIX, 2015, 27-76.

Avram 2010: A. Avram, Istoria politică a coloniilor greceşti din Dobrogea. In: Istoria românilor, vol. I, Moştenirea timpurilor îndepărtate, Ed. a II-a, revăzută şi adăugită (Bucureşti 2010), 617-644.

Avram, Bounegru 1997: A. Avram, O. Bounegru, Mithridates al VI-lea Eupator şi coasta de vest a Pontului Euxin. În jurul unui decret inedit de la Histria. Pontica 30, 1997, 155-165.

Babeş 1969: M. Babeş, Noi date privind arheologia şi istoria bastarnilor (O „fibulă pomeraniană" descoperită în România). SCIV 20, 1969, 197-217.

Babeş 1970: M. Babeş, Daci şi bastarni. Memoria Antiquitatis II, 1970, 215-236.

Babeş 1985: M. Babeş, Date arheologice şi istorice privind partea de nord-est a Daciei în ultimele secole înaintea erei noastre. SCIVA 36/3, 1985, 183-214.

Babeş 1988: M. Babeş, Descoperirile funerare şi semnificaţia lor în contextual culturii geto-dacice clasice. SCIVA 39/1, 1988, 3-32.

Babeş 1993: M. Babeş, Die Poieneşti-Lukasevka Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte im Raum ostlich der Karpaten in den letzten Jahrhunderten vor Cristi Geburt, Saarbrucker beitrage zur altertumkunde, Band 30 (Bonn 1993).

Babeş 2010: M. Babeş, Celţii în spaţiul carpato-dunărean. In: Istoria României, vol. I, Moştenirea timpurilor îndepărtate, ed. a II-a, revăzută şi adăugită (Bucureşti 2010), 530-541.

Babeş 2010a: M. Babeş, Bastarnii în răsăritul Daciei. In: Istoria României, vol. I, Moştenirea timpurilor îndepărtate, ed. a II-a, revăzută şi adăugită (Bucureşti 2010), 541-550.

Babeş et al. 1980: M. Babeş, N. Miriţoiu, M. Istrate, Gh. Coman, Raport preliminar privind reluarea săpăturilor de la Poieneşti – 1979. Acta Moldaviae Meridionalis II, 1980, 35-44.

Bârcă 2001: V. Bârcă, Vase romane de bronz din mormintele sarmatice din spaţiul pruto-nistrean. In: (Coord. G. Florea, G. Gheorghiu, E. Iaroslavschi) Studii de istorie antică (Cluj-Napoca 2001), 335-361.

Bârcă 2001a: V. Bârcă, Pătrunderea sarmaţilor la Dunărea de Jos şi de Mijloc şi relaţiile cu geto-dacii (sec. I a. Chr. - sec. I p. Chr.). Ephemeris Napocensis XII, 2002, 45-97.

Bârcă 2003: V. Bârcă, Fibulele din mediul sarmatic timpuriu din spaţiul nord-pontic (sec. II-I a. Chr.). Ephemeris Napocensis XIII, 2003, 93-115.

Bârcă 2006: V. Bârcă, Istorie şi civilizaţie. Sarmaţii în spaţiul est-carpatic (sec. I a. Chr. - începutul sec. II p. Chr.) (Cluj-Napoca 2006).

Bârcă 2009: V. Bârcă, Câteva consideraţii privind vasele metalice de import din mediul sarmatic nord-pontic. In: Cercetări arheologice XVI, Supplementum. Near and Beyond the Roman frontiers. Proceedings of a Colloquim held in Târgovişte, 16-17 october 2008 (Bucharest 2009), 85-124.

Bichir 1961: Gh. Bichir, Unele observaţii cu privire la necropolele de tip Poieneşti din Moldova şi relaţiile acestor necropole cu lumea sarmată. SCIV XII/2, 1961, 253-271.

Bichir 1976: Gh. Bichir, Relaţiile dintre sarmaţi şi geto-daci până la sfârşitul secolului I e.n. SCIVA 27/2, 1976, 203-214.

Bichir 1985: Gh. Bichir, Sarmaţii şi relaţiile lor cu geto-dacii (II). Revista de Istorie 38/12, 1985, 1164-1177.

Bichir 1993: Gh. Bichir, Date noi cu privire la pătrunderea sarmaţilor în teritoriul geto-dacic (I). SCIVA 44/2, 1993, 135-169.

Bichir 1996: Gh. Bichir, Date noi cu privire la pătrunderea sarmaţilor în teritoriul geto-dacic (II). SCIVA 47/3, 1996, 297-312.

Bolla, Boube, Guillaurnet 1991: M. Bolla, C. Boube, J.-P. Guillaurnet, Les situles. In: (Ed. M. Feugere, C. Rolley) La vaisselle tardo-republicaine en bronze (Dijon 1991), 7-22.

Bondioli, Formenti, Salvadei 1994: L. Bondioli, D. Formenti, L. Salvadei, Metodologie di analisi quantitative di resti umani combusti. Bullettino di Paletnologia Italiana 85, 1994, 385-398.

Břeščak 1982: D. Břeščak, Antično bronasto posodji Slovenije. Collectia Situla, 22/1 (Ljubljana 1982).

Brickley, McKinley 2004: M. Brickley, J.I. McKinley, Guidelines to the Standards for Recording Human Remains. Institute of Field Archaeologists (Southampton 2004), 9-13.

Brothwell 1981: D. Brothwell, Digging Up Bones: The Excavation, Treatment, and Study of Human Skeletal Remains (Ithaca 1981).

Brothwell 1989: D. Brothwell, The relationship of tooth wear to aging. In: (Ed. M.Y. Ýţcan) Age Markers in the Human Skeleton (Illinois 1989), 303-316.

Bubulici, Tentiuc, Simalcsik 2016: V. Bubulici, I. Tentiuc, A. Simalcsik, Un mormânt de incineraţie al unui călăreţ războinic (sec. II-I a. Chr.) descoperit lângă satul Mana (Orhei). Acta Musei Tutovensis XII/2, 2016, 72-110.

Buikstra, Swegle 1989: J.E. Buikstra, M. Swegle, Bone Modification Due to Burning: Experimental Evidence. In: (Eds. R. Bonnichsen, M.H. Sorg) Bone Modification (Orono: ME, Center for the Study of the First Americans 1989), 247-258.

Buikstra, Ubelaker 1994: J.E. Buikstra, D.H. Ubelaker, Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains. Arkansas Archaeological Survey Research Series, No 44, Fayetteville, 1994.

Căpitanu 1976: V. Căpitanu, Principalele rezultate ale săpăturilor arheologice în așezarea geto-dacică de la Răcătău. Carpica 8, 1976, 49-120.

Căpitanu 1985: V. Căpitanu, Unelte și arme de fier descoperite în așezarea geto-dacică de la Răcătău, com. Horgești, jud. Bacău. Carpica 17, 1985, 41-74.

Chirica, Tanasache 1985: V. Chirica, M. Tanasache, Repertoriul arheologic al județului Iași, vol. 2 (Iași 1985).

Conovici 1986: N. Conovici, Aspecte ale circulației drahmelor din Dyrrhachium și Apollonia în Peninsula Balcanică și în Dacia. Buletinul Societății Numismatice Române 77-79, 1986, 69-88.

Conovici 1992: N. Conovici, Începuturile culturii Poienești-Lucașeuca și prezența bastarnilor în Dobrogea. SCIVA 43/1, 1992, 3-15.

Crișan 1980: I.H. Crișan, Necropola dacică de la Cugir. Considerații preliminare. Apuluim XVIII, 1980, 81-87.

Crișan 1999: I.H. Crișan, Cugir. In: Enciclopedia arheologiei și istoriei vechi a României, vol. I, A-C (București 1999), 387-388.

Crișan 2000: V. Crișan, Aspecte privind relațiile dacilor din estul Transilvaniei cu ținuturile extracarpatice (sec. II a. Chr. - I. p. Chr.). Istros X, 2000, 139-149.

Dąbrowska 1988: T. Dąbrowska, Wczesne fazy kultury przeworskiey (Warsawa 1988).

Devlin, Herrmann 2008: J.B. Devlin, N.P. Herrmann, Bone colour as an interpretive tool of the depositional history of archaeological cremains. In: (Eds. W. Schmidt, S.A. Symes) The Analysis of Burned Human Remains (London 2008), 109-128.

Dizdar, Potrebica 2014: M. Dizdar, H. Potrebica, Kasnolatenski ratnički grob iz Maloga Bilača (Požeška kotlina, Hrvatska) (Povzetek), In: (Ed. S. Tecco Hvala) Studia Praehistorica in Honorem Janez Dular (Opera Instituti Archaeologica Sloveniae, 30) (Ljubljana 2014), 355-373.

Eggers 1951: H.Ju. Eggers, Der romische import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte, Bd. 1 (Hamburg 1951).

Fairgrieve 2008: S.I. Fairgrieve, Forensic Cremation. Recovery and Analysis (New York 2008).

Feugère 2016: M. Feugère, Situle a col cercle (Artefacts: SIT-3012). In: http://artefacts.mom.fr/result.php?id=SIT-3012, pagină consultată la 26/03/2016.

Filip 1956: J. Filip, Keltové ve Stření Evropě (Praha 1956).

Gebhard 1991: R. Gebhard, Die Fibeln aus dem Oppidum von Manching. In: Die Ausgrabungen in Manching, 14 (Stuttgart 1991).

Godlowski 1977: K. Godlowski, Okres latenski w Europie (Krakow 1977).

Glodariu 2010: I. Glodariu, Politica externă. Acțiunile lui Burebista în vestul Daciei. In: Istoria românilor, vol. I, Moștenirea timpurilor îndepărtate, ed. a II-a, revăzută și adăugită (București 2010), 673-674.

Guillon 1986: F. Guillon, Brules frais ou brules secs? In: Anthropologie physique et Archéologie, CNRS, 1986, 191-194.

Hâncenu 2007: G.D. Hânceanu, Ceramica bastarnică din așezarea de la Roșiori-Dulcești (jud. Neamț). ArhMold XXX, 2007, 277-286.

Heglar 1984: R. Heglar, Burned Remains. In: (Eds. T.A. Rathbun, J.E. Buikstra) Human Identification: Case Studies in Forensic Anthropology (Springfield 1984), 148-158.

Iarmulschi 2010: V. Iarmulschi, Observații privind așezările de tip Poienești-Lucașeuca. Revista Arheologică s.n. V/2, 2010, 159-168.

Iarmulschi 2012: V. Iarmulschi, Contribuții la poziția cronologică a necropolei de tip Poienești-Lucașeuca de la Dolinjany. Revista arheologică s.n. IX/1-2, 2012, 84-92.

Iarmulschi 2013: V. Iarmulschi, Unele considerații privind cronologia și periodizarea culturii Poienești-Lucașeuca. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 29-52.

Iarmulschi 2014: V. Iarmulschi, Migrația bastarnilor în spațiul carpato-nistrean (în baza necropolei de la Boroșești), Autoreferatul tezei de doctor în istorie (Chișinău 2014).

Iarmulschi, Munteanu 2013: V. Iarmulschi, O. Munteanu, Observations Regarding the Wear of Fibulae in Poienești-Lucașeuca Culture. In: Archaeological small finds and their signifiance. Proceedings of the Symposion costume as an Identity Expresion (Cluj-Napoca 2013), 101-113.

Jakounina-Ivanova 1927: L. Jakounina-Ivanova, Une trouvaille de l'âge de La Tène dans la Russie meridionale. Eurasia Septentrionalis Antiqua I, 1927, 100-109.

Levinschi, Agulnicov 1998: Al. Levinschi, S. Agulnicov, Complexe sarmatice timpurii în tumulii Nistrului de Jos. Tyragetia VI-VII, 1998, 87-93.

Majnarić-Pandzić 1972-1973: N. Majnarić-Pandzić, Kasnolatenski keltski grobovi iz Sotina. Vesnik Arheološkog Muzeja Zagrebu 6-7, 1972-1973, 55-74.

Márton 2004: An. Márton, La fibule du type de Mötschwil. Acta Archaeologica Hungarica 55, 2004, 279-322.

Mays 1998: S. Mays, The archaeology of human bones (London, New York 1998).

McKinley 2000: J. McKinley, The analysis of cremated bone. In: (Eds. M. Cox, S. Mays) Human Osteology. In: Archeology and Forensic Science (London 2000), 403-421.

McKinley, Roberts 1993: J.I. McKinley, Ch. Roberts, Excavation and post-excavation treatment of cremated and inhumed human remains. IFA Technical Paper 13, 1993.

Mitrea 1980: I. Mitrea, Şantierul arheologic Izvoare-Bahna. MCA XIV, 1980, 432-449.

Moorrees, Fanning, Hunt 1963: C.F.A. Moorrees, E.A. Fanning, E.E. Hunt, Age variation of formation stages for ten permanent teeth. Journal of Dental Research 42, 1963, 1490-1502.

Pačkova 2010: S. Pačkova, Cultura Poienești-Lucașeuca. In: Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică (până în sec. V) (Chișinău 2010), 528-543.

Pernet et al. 2006: L. Pernet, E. Carlevaro, L. Tori, G. Vietti. Ph. Della Casa, B. Schmid-Sikimić, La necropola di Giubiasco (TI), vol. II, Les tombes de La Tene finale et d'époque romaine (Zürich 2006).

Pope, Smith 2004: E.J. Pope, O.C. Smith, Identification of Traumatic Injury in Burned Cranial Bone: An Experimental Approach. Journal of Forensic Sciences 49/3, 2004, 431-440.

Ratkovic 2005: D. Ratkovic, Roman bronze vessels in the collection of the National Museum in Belgrade [en Serbe] (Beograd 2005).

Radnoti 1938: A. Radnoti, A Pannóniai Roman bronzedéniek (Budapest 1938).

Raev, Simonenko, Treister 1991: B.A. Raev, A.V. Simonenko, M.Y. Treister, Etrusco-Italic and Celtic Helmets in Eastern Europe. JbRGZM 38, 1991, 465-496.

Romanovskaja 1994: M. Romanovskaja, Aşezarea de la Ulmu. ArhMold XI, 1987, 207-226.

Rustoiu 1994: A. Rustoiu, Observaţii privind înmormântările tumulare din Dacia preromană (sec. I î.e.n. - I. e.n.). In: Studii de istoria Transilvaniei (Cluj-Napoca 1994), 33-40.

Rustoiu 1996: A. Rustoiu, Metalurgia bronzului la daci (sec. II î. Chr. - sec. I. d. Chr.). Tehnici, ateliere şi produse de bronz (Bucureşti 1996).

Rustoiu 1997: A. Rustoiu, Fibulele din Dacia preromană (Bucureşti 1997).

Rustoiu 2000: A. Rustoiu, Mercenari „barbari" la Histria şi Callatis în sec. I a. Chr. Interpretări arheologice şi istorice. Istros X, 2000, 277-287.

Rustoiu 2002: A. Rustoiu, Războinici şi artizani de prestigiu în Dacia preromană (Cluj-Napoca 2002).

Rustoiu 2009: A. Rustoiu, A Late Republican bronze situla (Eggers type 20) from Cugir (Alba County), Romania. Instrumentum 29, juin 2009, 33-34.

Rustoiu, Sîrbu, Ferencz 2002: A. Rustoiu, V. Sîrbu, I.V. Ferencz, Mormântul tumular dacic de la Călan (jud. Hunedoara). Sargetia XXX, 2001-2002, 111-127.

Sandholzer 2015: M. Sandholzer, Influence of Heating Regimes on Dimensional and Colorimetric Changes of Teeth. In: (Eds. Ch.W. Schmidt, S.A. Symes) The analysis of burned human remains (London 2015), 365-379.

Sanie 1973: S. Sanie, Importuri elenistice şi romane în cîteva cetăţi şi aşezări dacice din Moldova. SCIV 24/3, 1973, 407-434.

Sanie 1981: S. Sanie, Civilizaţia romană la est de Carpaţi şi romanitatea pe teritoriul Moldovei (sec. II î.e.n. - III e.n.) (Iaşi 1981).

Sanie 1991: S. Sanie, La civilisation romaine et la romanisation à l'est des Carpates. In: Actes du XII Congres International des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques, Bratislava, 1-2 september 1991, 3 (Bratislava 1993), 344-351.

Shipman 1984: P. Shipman, Burnt bones and teeth: an experimental study of color, morphology, crystal structure and shrinkage. Journal of Archaeological Science 11/4, 1984, 307-325.

Sîrbu, Bârcă 1999: V. Sîrbu, V. Bârcă, Daci şi sarmaţi în zona est-carpatică (sec. I a. Chr. - I p. Chr.). Istros IX, 1999, 89-98.

Spânu 2001-2002: D. Spânu, Un mormânt de epocă târzie Latène de la Dubova. SCIVA 52-52, 2001-2002, 83-132.

Smirnova, Megei 1995: G.I. Smirnova, V.F. Megei, Necropola plană de tip Poienești-Lukaševka de la Dolinjany. SCIVA 46/2, 1995, 133-159.

Symes et al. 2012: S.S. Symes, D.K. Dirkmaat, S. Ousley, E. Chapman, L. Cabo, Recovery and Interpretation of Burned Human Remains. Final Technical Report, National Institute of Justice (Washington 2012).

Szabó 1999: K. Szabó, Oldalfalán csavart árkolásos bronzvödör Albertfalváról – Un seau d'Albertfalva (Radnoti type XI, 57). Budapest Regisegei 33, 1999, 243-263.

Teleagă et al. 2014: E. Telelagă, A. Bălăşescu, A. Soficaru, W. Schoch, Die Scheiterhaufen aus Cugir und Tarinci. Ein Beitrag zu den Bestattungssitten der Balkanhalbinsel und des vorromischen Dakiens in der Spätlatenzeit. Praehistorische Zeitschrift 89/2, 2014, 305-336.

Tentiuc, Bubulici, Simalcsik 2015: I. Tentiuc, V. Bubulici, A.Simalcsik, A cremation burial of a horseman near the village of Mana (the Orhei district). Tyragetia s.n. IX/1, 2015, 221-248.

Teodor 1999: S. Teodor, Regiunile est-carpatice ale României în secolele IV-II î.d. Hr. Consideraţii generale şi repertoriu arheologic (Bucureşti 1999).

Thurman, Willmore 1981: M.D. Thurman, J. Willmore, A Replicative Cremation Experiment. North American Archaeologist 2, 1981, 275-283.

Tucker 2012: Ch. Tucker, Two roman bronze vessels from St. Nicholas at Wade, Isle of Thanet. Archaeologia Cantiana, 132, 2012.

Ubelaker 1989: D.H. Ubelaker, Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation (Washington 1989).

Ubelaker 2009: D.H. Ubelaker, The forensic evaluation of burned skeletal remains: A synthesis. Forensic Science International 183/1-3, 2009, 1-5.

Ursulescu, Batariuc 1978: N. Ursulescu, V.P. Batariuc, Cercetările arheologice de la Mihoveni (Suceava) – 1973. In: Suceava. Anuarul Muzeului Judeţean, V (Suceava 1978), 89-91.

Vidal 1991: M. Vidal, La vaisselle tardo-républicaine en bronze en Gaule du sud-ouest. Étude chronologique et jonction dans les contextes clos. In: (Dir. M. Feugère, C. Rolley) La vaisselle tardo-républicaine en bronze (Dijon 1991), 169-192.

Vulpe 1976: Al. Vulpe, La nécropole tumulaire gète de Popeşti. Thraco-Dacica I, 1976, 193-215.

Vulpe, Căpitanu 1971: Al. Vulpe, V. Căpitanu, Une tombe isolée de l'époque de Latene a Răcătău. Apulum IX, 1971, 155-164.

Vulpe, Popescu 1976: Al. Vulpe, E. Popescu, Une contribution archéologique a l'étude de la religion des Geto-Daces. Thraco-Dacica I, 1976, 217-226.

Vulpe 1949: R. Vulpe, Săpăturile de la Poieneşti din 1949 (Bucureşti 1953).

Wahl 1996: J. Wahl, Erfahrungen zur metrischen Geschlechtsdiagnose bei Leichenbränden. Homo 47/1-3, 1996, 339-359.

Walker, Miller, Richman 2008: P.L. Walker, K.W.P. Miller, R. Richman, Time, temperature, and oxygen availability: an experimental study of the effects of environmental conditions on the color and organic content of cremated bone. In: (Eds. C.W. Schmidt, S.A. Symes) The Analysis of Burned Human Remains (London 2008), 129-136.

Wells 1960: C. Wells, A Study of Cremation. Antiquity 34, 1960, 29-37.

Whyte 2001: T.R. Whyte, Distinguishing Remains of Human Cremations from Burned Animal Bones. Journal of Field Archaeology 28/3-4, 2001, 437-448.

Wielowiejski 1985: J. Wielowiejski, Dei spatkeltischen und römischen Bronzegefässe in Polen. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 66, 1985, 123-320.

Willers 1900: H. Willers, Dei römischen Bronzeeimer von Hemmoor (Hannover 1900).

Willers 1907: H. Willers, Neue Untersuchungen über römische Bronzeindustrie in Capua und in Niedergermanien; Hannover-Leipzig-Hahn, 2007.

Zanoci et al. 2015: A. Zanoci, O. Munteanu, I. Tentiuc, V. Bubulici, Noi descoperiri arheologice din epoca fierului în preajma satului Mana, raionul Orhei. Tyragetia s.n. IX/1, 2015, 209-220.

Амброз 1966: А.К. Амброз, Фибулы юга европейской части СССР. В: Археология СССР. Свод археологических источников, вып. Д 1-30 (Москва 1966).

Гей 1987: О.А. Гей, Погребальный обряд поздних скифов на Нижнем Днепре. СА 3, 1987, 53-67.

Гей, Бажан 1990: О.А. Гей, И.А. Бажан, К вопросу о времени возникновения позднескифской культуры по материалам могильника у с. Красный Маяк. В сб.: Проблемы скифо-сарматской археологии (Москва 1990), 134-139.

Гудкова, Фокеев 1984: А.В. Гудкова, М.М. Фокеев, Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э. (Киев 1984).

Дашевская 1991: О.Д. Дашевская, Поздние скифы в Крыму. В: Археология СССР. Свод археологических источников, вып. Д1-7 (Москва 1991).

Дашевская, Михлин 1983: О.Д. Дашевская, Б.Ю. Михлин, Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника. СА 3, 1983, 129-147.

Еременко 1997: В.Е. Еременко, «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура (Санкт-Петербург 1997).

Еременко, Щукин 1998: В.Е. Еременко, М.Б. Щукин, К вопросу о хронологии восточного Латена и позднего предримского времени. В сб.: Археологический сборник государственного Эрмитажа, вып. 33 (Санкт-Петербург 1998), 61-81.

Зайцев 2005: Ю.П. Зайцев, Крестовидные удила Северного Причерноморья. В сб.: Четвертая Кубанская археологическая конференция: тезисы и доклады (Краснодар 2005), 88-94.

Зайцев 2012: Ю.П. Зайцев, Северное Причерноморье в III-II вв. до н.э.: ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы). В сб.: (Ред. Н.П. Тельнов) Древности Северного Причерноморья III-II вв. до н.э. (Тирасполь 2012), 67-72.

Каспарова 1981: К.В. Каспарова, Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры. СА 2, 1981, 57-79.

Каспарова 1984: К.В. Каспарова, Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи Латена. В сб.: Археологический сборник Государственного Эрмитажа, вып. 25 (Санкт-Петербург 1984), 108-117.

Каспарова 1993: К.В. Каспарова, Могильник Долиняны и его место среди памятников Поенешти-Лукашевской культуры. В сб.: Динамика культурных традиций: механизм передачи и формы адаптации (Санкт-Петербург 1993), 34-36.

Кропотов 2001: В.В. Кропотов, Погребение с фибулой среднелатенской схемы из могильника Нейзац. В сб.: Бахчисарайский историко-археологический сборник, вып. 2 (Симферополь 2001), 182-189.

Кропотов 2010: В.В. Кропотов, Фибулы сарматской эпохи (Киев 2010).

Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: В.Л. Лапушнян, И.Т. Никулицэ, М.А. Романовская, Памятники раннего железного века. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 4 (Кишинев 1974).

Максимов 1972: Е.В. Максимов, Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры (Киев 1972).

Максимов 1982: Е.В. Максимов, Зарубинецкая культура на территории УССР (Киев 1982).

Мачинский 1966: Д.А. Мачинский, К вопросу о датировке, происхождения и этнической принадлежности памятников типа Поянешты-Лукашевка. В сб.: Археология Старого и Нового Света (Москва 1966), 82-96.

Мачинский 1973: Д.А. Мачинский, Кельты на землях к востоку от Карпат. В сб.: Археологический сборник государственного Эрмитажа, вып. 15 (Санкт-Петербург 1973), 52-64.

Михлин 1980: Б.Ю. Михлин, Фибулы Беляусского могильника. СА 3, 1980, 194-213.

Пачкова 1979: С.П. Пачкова, Урнове трупоспалення в с. Гринчук на Середньому Дністрі. Археологія 29, 1979, 113-115.

Пачкова 2006: С.П. Пачкова, Зарубинецкая культура и латенизированные культуры Европы (Киев 2006).

Полин 1992: С.В. Полин, От Скифии к Сарматии (Киев 1992).

Романовская 1969: М.А. Романовская, Об этнической принадлежности населения, оставившего памятника типа Лукашевка. В сб: Древние фракийцы в Северном Причерноморье (Москва 1969), 81-95.

Раев 1993: Б.А. Раев, Бронзовая посуда эпохи позднего латена в Сарматии. Античный мир и археология (Саратов 1993).

Раев, Симоненко, Трейстер 1990: Б.А. Раев, А.В. Симоненко, М.Ю. Трейстер, Этрусско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе. Древние памятники Кубани (Краснодар 1990).

Редина, Симоненко 2002: Е.Ф. Редина, А.В. Симоненко, “Клад” конца II-I в. до н.э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы. В сб.: Материалы и исследования по археологии Кубани, вып. II (Краснодар 2002), 78-96.

Романовская 1962: М.А. Романовская, Селище Лукашевка II. СА 2, 1962, 292-298.

Сергеев 1956: Г.П. Сергеев, Находка медных сосудов в Молдавии. В сб.: Известия Молдавского Филиала АН СССР, 4 (31) (Кишинев 1956), 135-141.

Симоненко 1993: А.В. Симоненко, “Клады” снаряжения всадника II-I вв. до н.э.: опыт классификации и этнической интерпретации. В: Вторая Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов (Краснодар 1993), 89-90.

Симоненко 2001: А.В. Симоненко, Погребение у с. Чистенькое и “странные” комплексы последних веков до н.э. В: Нижневолжский археологический вестник, вып. 4 (Волгоград 2001), 92-104.

Симоненко 2011: А.В. Симоненко, Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья (Санкт Петербург 2011).

Смирнова 1981: Г.И. Смирнова, Могильник типа Поенешть-Лукашевка у с. Долиняны на Буковине. СА 3, 1981, 193-201.

Сымонович 1983: Э.А. Сымонович, Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского) (Киев 1983).

Терпиловский 2010: Р. Терпиловский, Трупосожжение рубежа эр и памятники типа Харьевка в Среднем Посемье. In: Inter ambo maria. Contacts Between Scandinavia and Crimea in the Roman Period, International conference, October, 21-25, 2010, Gaspra, Crimea, Ukraine. Abstracts (Simferopol 2010), 146-153.

Терпиловский, Билинская 2010: Р. Терпиловский, Л.И. Билинская, Трупосожжение знатного воина рубежа эр на Сейме. В сб.: Germania-Sarmatia II. Сборник научных статей по археологии народов Центральной и Восточной Европы посвященных памяти М.Б. Щукина (Калининград 2010), 101-111.

Терпиловский, Жаров 2013: Р.В. Терпиловский, Г.В. Жаров, Металлические сосуды Мутинского могильника на Сейме. Stratum plus 4, 2013, 35-41.

Тимощук, Винокур 1962: Б. А. Тимощук, И. С. Винокур, Памятники эпохи полей погребений на Буковине. КСИА 90, 1962, 73-76.

Ткачук 1991: М. Ткачук, Новые данные к исследованию памятников типа Поянешть-Лукашевка по материалам Старого Орхея. В сб.: Археологические исследования в Старом Орхее (Кишинев 1991), 44-53.

Топал 2012: Д. Топал, Новые находки раннелатенских импортов между Днестром и Прутом. В сб.: (Ред. Н.П. Тельнов) Древности Северного Причерноморья III-II вв. до н.э. (Тирасполь 2012), 169-171.

Федоров 1957: Г.Б. Федоров, Лукашевский могильник. КСИИМК 68, 1957, 51-62.

Щукин 1991: М.Б. Щукин, Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (к методике историко-археологического сопоставлений). В сб.: Археологический сборник Государственного Эрмитажа, вып. 31 (Санкт-Петербург 1991), 90-106.

Щукин 1993: М.Б. Щукин, Проблема бастарнов и этнического определения Поянешты-Лукашевской и Зарубинецкой культур. Петербургский археологический вестник 6, 1993, 89-96.

Щукин 1994: М.Б. Щукин, На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий 3 в. до н. э. - 1 в. н. э. в Восточной и Центральной Европе (Санкт-Петербург 1994).

Щукин 2004: М.Б. Щукин, Умбон из кургана “Садовый” под Новочеркасском. В сб.: Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статьей посвященный 77-летию Л.С. Клейна (Санкт-Петербург 2004), 445-455.

Яровой, Чирков 1989: Е.В. Яровой, А.Ю. Чирков, Отчет о полевых исследованиях Прутской новостроечной экспедиции в 1988 г. (Кишинев 1989). Arhiva MNIM, nr. inv. 287.

Cremated remains in bronze situla from Sipoteni (2nd-1st centuries BC)

Keywords: Bronze situlae, funeral urns, odd hoards, East Carpathian region, Bastarnae, Celts.

Abstract: In the work on the materials of a cremation burial in bronze situla of the 2nd-1st centuries BC, which was found in Mana village (Orhei district), we have taken for comparative and anthropological analysis remains of calcined bones from the burial in situla from Sipoteni (Călăraşi district) published in 1950s (fig. 1).

Osteological research of the contents of the bronze vessel from Sipoteni (fig. 2) showed that the remains belonged to a man 20-30 years old. In the burial urn a fragment of a black-burnished vessel, a silver fibula of the Middle La Tene type (fig. 4), an iron ring, and an amorphous iron object were found. The grave goods also contain a bronze situla (fig. 3), identical in shape and size, which was found near the funeral urn. Researches attributed the Sipoteni burial to the 2nd-1st centuries BC, a period of domination of Bastarnae tribes in the central and northern part of the Carpathian-Dniester region. Our own comparative analysis of this type of bronze vessels showed that they are similar with identical containers from the Middle Danube sites, as well as from northern Italy, southern France and Spain, which were used by Celtic tribes as funeral urns.

To the east of the Carpathians identical bronze vessels were found in the village of Mana, at the site of Bădeni (Iaşi) (fig. 5), and as part of the so-called *odd hoards* from Bădragii Noi (fig. 7), Vesela Dolina, and Maryevka (fig. 10) (in the region from the Eastern Carpathians to the Dnieper and the Don at least 50 so-called hoards were found), including ones in the bronze vessels, which we have mentioned.

Some researchers' attempts to attribute the situlae from Sipoteni, Bădragii Noi, Vesela Dolina, Maryevka, etc. to the type of Eggers 18-23 or the type of Bargfeld seem to us to fail, because these bronze vessels have slender shape, riveted bronze or iron attaches and the maximum diameter of the vessels is at the height of the fourth part. The East Carpathian situlae are of less slender proportions, and the largest diameter is located at the third part of the height of the vessels. In addition, the East Carpathian vessels have no trace of riveted attaches. They either have a different system of handles attachment (Fig. 9) or have no traces of them.

Morphological features of bronze situlae found to the east of the Carpathians made it possible to attribute vessels without handles and attaches or traces of rivets to a special type – *the type of Mana* (fig. 8), and bronze containers with mobile iron handles – to the Bădragii Noi variant of the same type (fig. 9).

Most researchers dated the bronze situlae within the 1st century BC. Analysis of the grave goods from the cremation burial complexes identified at Sipoteni and Mana (bronze situlae, silver fibula, weapons of Celtic type, etc.), as well as analysis of objects from *odd hoards* confirm that they belong to the 1st century BC, likely to the first half of this chronological interval.

List of illustrations:

Fig. 1. Map of the place near Sipoteni where the cremation burial was found.

Fig. 2. Sipoteni. Bronze situla – a funeral urn (photo, drawing).

Fig. 3. Sipoteni. Bronze situla – grave goods (photo, drawing).

Fig. 4. Sipoteni. Silver fibula (photo, drawing).

Fig. 5. Bronze situla from Bădeni (Iaşi) (photo, drawing).
Fig. 6. Bronze situla from Bădragii Noi (Edineţ) (photo, drawing).
Fig. 7. Graphic reconstruction of the iron handle of the situla from Bădragii Noi (Edineţ).
Fig. 8. Typology of situlae. Type of Mana (1-2 - Sipoteni; 3 - Mana; 4 - Bădeni).
Fig. 9. Typology of situlae. Variant of Bădragii Noi, type of Mana (1 - Bădragii Noi; 2 - Vesela Dolina; 3 - Maryevka).
Fig. 10. Map of the spreading of bronze situlae to the east of the Carpathians: 1. Sipoteni (Călăraşi); 2. Mana (Orhei); 3. Bădeni (Iaşi); 4. Bădragii Noi (Edineţ); 5. Veselaja Dolina (Odesa); 6. Mar'evka (Nikolaev); 7. Brad (Bacău); 8. Bâtca Doamnei (Neamţ); 9. Răcătău (Bacău); 10. Poieneşti (Vaslui)
Fig. 11. Sipoteni. Remains of burnt human bones. Male 20-30 years old. The degree of fragmentation of the skeleton
Fig. 12. A fragment of the frontal bone, the upper edge of the right orbit with traces of iron oxide.
Fig. 13. Fragment of hip bone, close to the sciatic curve.
Fig. 14. Fragment of the parietal bone, closer to the sagittal suture.
Fig. 15. Fragment of the tooth root, perhaps premolar.
Fig. 16. Fragment of the occipital bone.
Fig. 17. A fragment of the temporal bone.
Fig. 18. Fragment of a lumbar vertebra.
Fig. 19. Vertebral arches, fragmented.
Fig. 20. Fragments of epiphyses, some with traces of metal oxides.
Fig. 21. Metatarsal bone I, fragment, distal end.
Fig. 22. Left femur, fragment.
Fig. 23. Phalanxes of fingers in anatomical order.
Fig. 24. Tibia, diaphysis fragment, with longitudinal cracks.
Fig. 25. Femur, diaphysis fragment, with transverse cracks. Visible metal oxides.
Fig. 26. Humerus, diaphysis fragment.
Fig. 27. Radial bone, diaphysis fragment.
Fig. 28. Fibula, diaphysis fragment.
Fig. 29. Fragments of the epiphysis and metaphysis of the femur. Transition from carbonization to calcination.
Fig. 30. Fragments of deformed diaphyses with traces of metal oxides.
Fig. 31. Radial bone, diaphysis fragment (with traces of possible injury).
Fig. 32. Maximum temperature mode in color and patterns of bone damage.

Трупосожжение в бронзовой ситуле из Сипотень (II-I вв. до н.э.)

Ключевые слова: Бронзовые ситулы, погребальные урны, странные клады, Восточно-Карпатский регион, бастарны, кельты.

Резюме: В процессе работы над материалами кремационного захоронения в бронзовой ситуле, обнаруженного у села Мана (р-н Орхей), которое относится ко II-I вв. до н.э., для сравнительного и антропологического анализа мы привлекли останки кальцинированных костей из погребения в ситуле у с. Сипотень (р-н Кэлэрашь), опубликованного в 50-е годы прошлого столетия (рис. 1).

Остеологические исследования содержимого бронзового сосуда из Сипотень (рис. 2) показали, что останки принадлежали мужчине 20-30 лет. В погребальной урне также были обнаружены фрагмент лепного чернолощеного сосуда, серебряная фибула среднелатенской схемы (рис. 4), железное кольцо и бесформенный железный предмет. К погребальному инвентарю относится еще одна бронзовая ситула (рис. 3), идентичная по форме и размерам, найденная рядом с погребальной урной. Погребение из Сипотень было определено исследователями как принадлежащее ко II-I вв. до н.э., периоду господства в центральной и северной части Карпато-Днестровского региона племен бастарнов. Проведенный нами сравнительный анализ этого типа бронзовых сосудов показал, что они сходны с идентичными емкостями с памятников Среднего Дуная, а также севера Италии, юга Франции и Испании, которые использовались в качестве погребальных урн кельтскими племенами.

К востоку от Карпат идентичные бронзовые сосуды были обнаружены у с. Мана, на памятнике Бэдень (Яссы) (рис. 5), а также в составе так называемых *странных кладов* из Бэдражий-Ной (рис. 7), Веселой Долины, а также Марьевки (рис. 10) (в регионе от Восточных Карпат до Днепра и Дона обнаружено не менее 50-ти т.н. кладов), в т.ч. и в отмеченных нами бронзовых сосудах.

Попытки некоторых исследователей отнести ситулы из Сипотень, Бэдражий-Ной, Веселой Долины, Марьевки и т.д. к типу Еггерс 18-23 или к типу Баргфельд кажутся нам неудачными, т. к. эти бронзовые сосуды имеют стройную форму, максимальный диаметр сосудов находится на уровне четвертой части высо-

ты, имеются приклепанные бронзовые или железные атташи. Восточно-карпатские ситулы имеют менее стройные пропорции, а наибольший диаметр находится на уровне третьей части высоты сосуда. Кроме того, на восточно-карпатских сосудах нет следов от заклепанных атташей. Они либо имеют другую систему крепления ручек (рис. 9), либо не имеют никаких следов от них.

Морфологические особенности бронзовых ситул, обнаруженных к востоку от Карпат, позволили отнести сосуды без ручек и атташей или следов от заклепок к особому типу – *типу Мана* (рис. 8), а бронзовые емкости с мобильными железными ручками – к варианту *Бэдражий-Ной* того же типа (рис. 9).

Датировка бронзовых ситул определена большинством исследователей в пределах I века до н.э. Анализ погребального инвентаря из комплексов с сожжением, выявленных в Сипотенах и Мане (бронзовые ситулы, серебряная фибула, оружие кельтского вида и др.), а также материалов и снаряжения из состава *странных кладов* подтверждает, что они относятся к I веку до н.э., скорее всего, к первой половине этого хронологического отрезка.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Карта места обнаружения погребения с трупосожжением у с. Сипотень.

Рис. 2. Сипотень. Бронзовая ситула – погребальная урна (фото, рисунок).

Рис. 3. Сипотень. Бронзовая ситула – погребальный инвентарь (фото, рисунок).

Рис. 4. Сипотень. Серебряная фибула (фото, рисунок).

Рис. 5. Бронзовая ситула из Бэдень (Яссы) (фото, рисунок).

Рис. 6. Бронзовая ситула из Бэдражий-Ной (Единец) (фото, рисунок).

Рис. 7. Графическая реконструкция железной ручки ситулы из Бэдражий-Ной (Единец).

Рис. 8. Типология ситул. *Тип Мана* (1-2 - Сипотены; 3 - Манна; 4 - Бэдень).

Рис. 9. Типология ситул. *Вариант Бэдражий-Ной*, тип Мана (1 - Бэдражий-Ной; 2 - Весёлая Долина; 3 - Марьевка).

Рис. 10. Карта распространения бронзовых ситул к востоку от Карпат: 1. Сипотень (Кэлэраш); 2. Мана (Орхей); 3. Бэдень (Яссы); 4. Бэдражий Ной (Единец); 5. Веселая Долина (Одесса); 6. Марьевка (Николаев); 7. Брад (Бакэу); 8. Бытка Доамней (Нямц); 9. Рэкэтэу (Бакэу); 10. Поенешть (Васлуй).

Рис. 11. Сипотень. Остатки сожжения костей мужчины 20-30 лет. Степень фрагментации скелета

Рис. 12. Фрагмент лобной кости, верхний край правой орбиты со следами окисла железа.

Рис. 13. Фрагмент тазобедренной кости, ближе к седалищному изгибу.

Рис. 14. Фрагмент теменной кости, ближе к сагиттальному шву.

Рис. 15. Фрагмент корня, возможно, премоляра.

Рис. 16. Фрагмент затылочной кости.

Рис. 17. Фрагмент височной кости.

Рис. 18. Фрагмент поясничного позвонка.

Рис. 19. Позвоночные арки, фрагментированы.

Рис. 20. Фрагменты эпифизов, некоторые со следами металлических окислов.

Рис. 21. Плюсневая кость I, фрагмент, дистальный конец.

Рис. 22. Левая бедренная кость, фрагмент.

Рис. 23. Фаланги пальцев рук в анатомическом порядке.

Рис. 24. Большеберцовая кость, фрагмент диафиза, с продольными трещинами.

Рис. 25. Бедренная кость, фрагмент диафиза, с поперечными сломами и трещинами. Видны окислы метала.

Рис. 26. Плечевая кость, фрагмент диафиза.

Рис. 27. Лучевая кость, фрагмент диафиза.

Рис. 28. Малоберцовая кость, фрагмент диафиза.

Рис. 29. Фрагменты эпифиза и метафиза бедренной кости. Переход от коксования к кальцинированию.

Рис. 30. Фрагменты деформированных диафизов со следами металлических окислов.

Рис. 31. Лучевая кость, фрагмент диафиза (со следами возможной травмы).

Рис. 32. Максимальный температурный режим по цветовой гамме и модели костных повреждений.

15.06.2016

Dr. Ion Tentiuc, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August 121A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: ion_tentiuc@yahoo.com

Valeriu Bubulici, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August 121A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: vbubulici@mail.ru

Dr. Angela Simalcsik, Academia Română – Filiala Iaşi, Departamentul de Cercetări Antropologice, str. Th. Codrescu 2, Iaşi, România, e-mail: angellisimal@yahoo.com

ФИНАЛЬНЫЙ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ В ПЕЩЕРЕ ДЗУДЗУАНА

Гурам Чхатарашвили

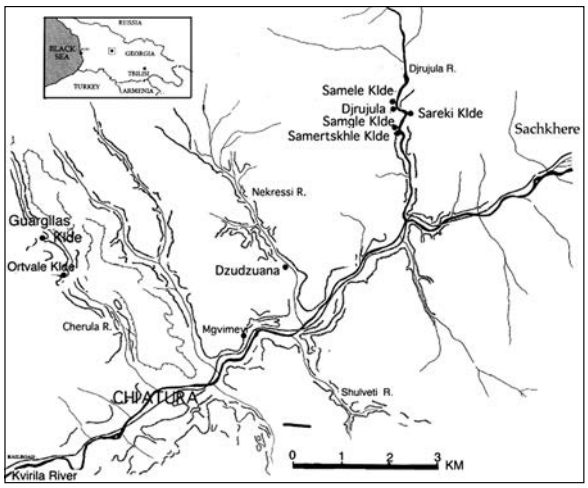
Ключевые слова: Грузия, Кавказ, верхний палеолит, каменные орудия, микрограветты.

На территории Грузии расположены сотни памятников верхнего палеолита. Их обнаружение и изучение началось с конца XIX века (Бернацкий 1884; Симонович 1872; Уваров 1881; Иоакимов 1882; Ниорадзе 1933; Замятнин 1935; Замятнин 1937; Соловьев 1961; Соловьев 1978; Киладзе-Бердзенишвили 1953 и др.). Новый этап в исследованиях верхнепалеолитической культуры начинается в конце XX века, когда грузинскими учёными был проведён ряд научных исследований, вызвавших большой интерес у западных учёных. В результате была организована совместная американо-израильско-грузинская международная археологическая экспедиция на территории верхней Имерети, которая началась в 1996 году и была посвящена исследованию пещер Дзудзуана (Meshveliani 1999) и Ортвала-Клде (Tushabramishvili 1999).

Памятник Дзудзуана находится в Западной Грузии, в регионе Имерети, на территории села Мгвимеви в ущелье реки Некриси (рис. 1). Пещера была обнаружена в 1966 г. экспедицией Государственного музея Грузии им. С. Джанашиа, занимавшейся изучением памятников каменного века (руководитель Д. Тушабрамишвили) (Тушабрамишвили 1969). С этого же года начались стационарные раскопки, продлившиеся до 1975 г. В результате раскопок были обнаружены следующие культурные слои: энеолит - ранняя бронза и верхнепалеолитический.

Следующий этап в изучении памятника Дзудзуана начался в 1983 года под руководством Т. Мешвелиани (Мешвелиани 1989), который внимательно изучил и сопоставил данные предыдущих исследований и в новом свете рассмотрел культуру Дзудзуана и в целом верхнепалеолитическую культуру Грузии.

1



2

Рис. 1. Пещера Дзудзуана (1) и её месторасположение на карте (2).

Очередной этап в изучении пещеры Дзудзуана связан с совместным американо-израильско-грузинским проектом 1996-2008 гг. под названием «Проблемы расселения человека современного физического типа на южном Кавказе» (руководитель экспедиции Т. Мешвелиани, также в проекте участвовали Офер Бар-Йозеф, Ана Белфер-Коэн, Гай Бар-Оз, Зиновий Мацкевич, Нино Джакели и др.). Во время экспедиции была раскопана террито-

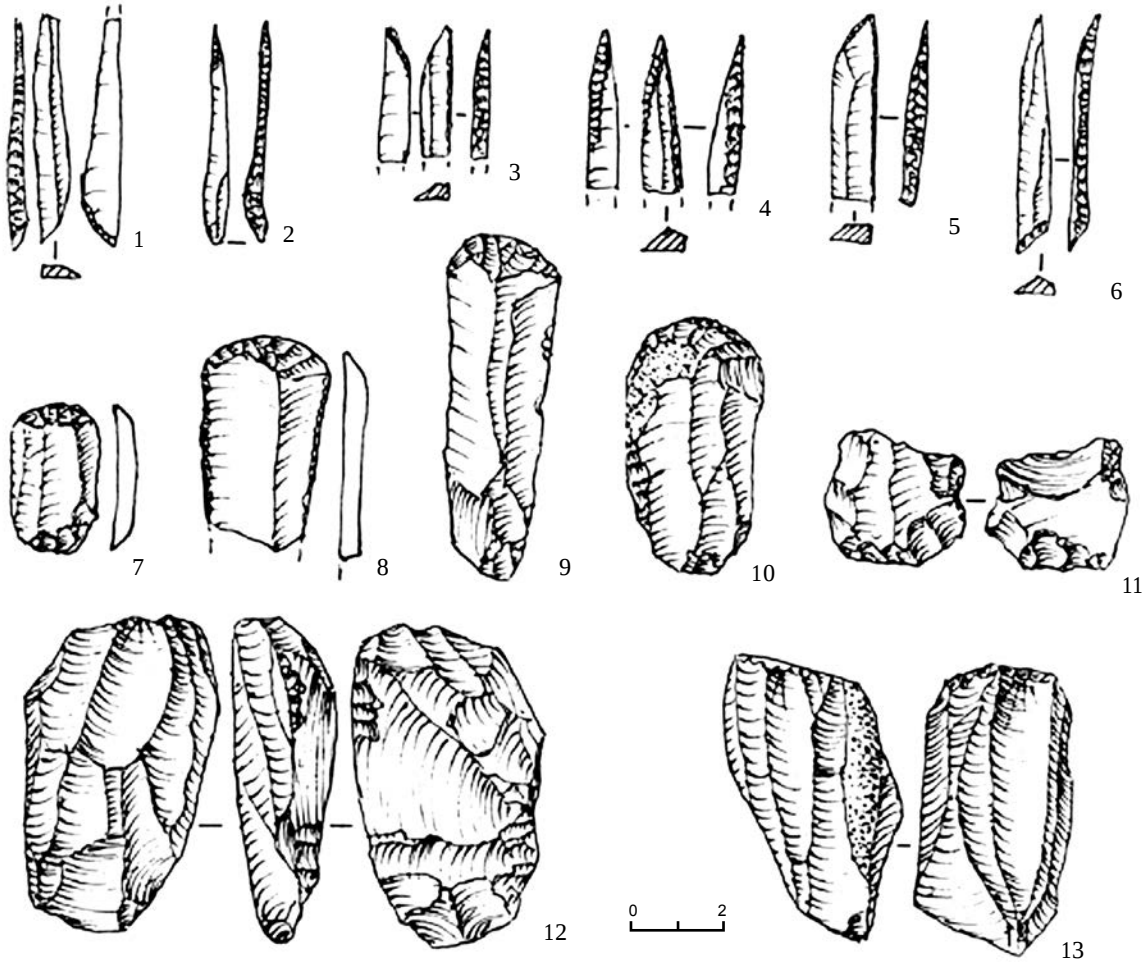


Рис. 2. Дзудзуана. Кремневый инвентарь: 1, 2, 5, 6 - микрограветы; 3, 4 - микропластинки с притупленным краем, вероятно, фрагменты микрограветов; 7-10 - скребки; 11 - piece esquillée; 12, 13 - нуклеусы (по Bar-Yosef et al. 2011, fig. 7).

рия в 24 м^2. Археологические работы проводились на участках размером 50×50 см^2 и 5 см в глубину. Обнаруженные материалы чистились и сортировались с большой тщательностью, чтобы ничего не утратить.

В результате археологических изысканий в пещере был выявлен значительный верхнепалеолитический слой (рис. 2). Датировка дала следующую картину: слой ***D*** датируется в пределах 34,5-32,2 тысяч лет ka cal BP; слой ***C*** – 27-24 тысяч лет ka cal BP; слой ***B*** – 16,5-10,2 тысяч лет ka cal BP. Что касается коллекции слоя ***A***, она относится к более позднему периоду, и поэтому мы не будем на ней останавливаться (Bar-Yosef et al. 2011, 335-336).

Как мы видим, слой ***B*** относится к финальному периоду верхнего палеолита. Общее количество изучаемых нами артефактов составляет 26219 единиц (табл. 1).

Таблица 1

№	Артефакты	Количество	%
1.	первичный отщеп	1.446	5.51
2.	первичная пластина	294	1.12
3.	другие первичные материалы	87	0.33
4.	пластины	2.032	7.75
5.	микропластины	2.244	8.55
6.	отщепы	5.379	20.51
7.	нуклеусы	354	1.35
8.	желваки	64	0.24
9.	обломки	808	3.08
10.	мелкие чешуйки	12.368	47.17
11.	другие	1143	4.3
	Всего:	**26.219**	

Нуклеусы представлены разными формами и размерами, многие из них утилизованы до конца. В слое **B** в большом количестве представлены ретушированные пластины и микропластины с притупленным краем. Количество скребков, как правило, превышает количество резцов (табл. 2). Среди них есть очень интересные экземпляры, многие из них сделаны на отщепах. В этом слое доминирующими орудиями среди микролитов являются микрограветты и удлиненные микропластинки с притупленным краем. Костяных артефактов 8 единиц, один из них декорированный.

Таблица 2

№	Артефакты	Количество	%
1.	пластина с притупленным краем	13	1.3
2.	микропластинка с притупленным краем	99	1.9
3.	фрагменты с притупленным краем	32	3.2
4.	ретушированные пластины	42	4.2
5.	ретушированные микропластинки	79	7.9
6.	ретушированные фрагменты	13	1.3
7.	скребки	232	32.3
8.	резцы	47	4.7
9.	микрограветы	66	6.6
10.	микролиты	16	1.6
11.	другие	358	35.9
	Всего:	**997**	

Что касается фауны пещеры, она представлена по меньшей мере 28 видами. Самыми многочисленными являются бизоны, кавказские туры и зубры, численность которых составляет 90% от общего состава. В слоях пещеры встречаются также останки оленя, кабана, лошади, лисы и пр. Тщательное изучение зубов животных позволило учёным предположить, что охота велась на зрелых особей (Bar-Oz et al. 2008). Это еще раз подтверждает, что верхнепалеолитические охотники и собиратели были достаточно опытными в своем деле.

На основе палинологических анализов были сделаны уникальные находки волокон дикого льна. В слое **B** их количество составляет 48 единиц (табл. 3). Некоторые экземпляры закручены и окрашены (Kvavadze et al. 2009).

Таблица 3

Слой	Кв.	Глубина, см.	льняное волокно
B	H-19	350	10
B	H-19	385	5
B	H-19	395	11
B	H-19	410	6
B	H-19	415	6
B	H-19	430	3
B	H-19	435	7
		Всего:	**48**

На основе радиоуглеродного датирования и изученных материалов можно утверждать, что слой B в пещере Дзудзуана имеет несколько аналогов. Например, пещеры Сакажия (11 700± 80 BP) (Nioradze, Otte 2000), Апианча (17,9-17,6 ka cal BP) (Коркия 1998), Сатсурблия (17,9-16,2 ka cal BP) (Pinhasi et al. 2014) и так далее.

Таким образом, культура финальной фазы верхнего палеолита в пещере Дзудзуана весьма хорошо представлена:

1. Комплекс каменных орудий богат ретушированными пластинами и микропластинками с притупленным краем, а также микрограветтами и геометрическими микролитами.

2. Фаунистические данные показывают, что наиболее многочисленные животные останки принадлежат бизонам, кавказским турам и зубрам. Этот факт подтверждает, что они широко использовались первобытным человеком.

3. Палинологические исследования указывают на наличие высокогорного темнохвойного леса с преобладанием ели, пихты и сосны.

Библиография

Бернацкий 1884: А. Бернацкий, Ископаемые остатки пещерного человека и пещерных животных на Кавказе. Кавказ, № 255, 17/XI.1884.

Иоакимов 1882: А. Иоакимов, Выписка из дневника археологических работ на Цалке. В: Известия Кавказского общества истории и археологии, т. I, вып. 1 (Тифлис 1882).

Замятнин 1935: С.Н. Замятнин, Новые данные по палеолиту Закавказья. Советская этнография 2, 1935, 116-123.

Замятнин 1937: С.Н. Замятнин, Пещерные навесы Мгвимеви близ Чиатуры (Грузия). СА 3, 1937, 57-76.

Киладзе-Бердзенишвили 1953: Н. Киладзе-Бердзенишвили, Многослойный археологический памятник «Сагварджиле». В: Моамбе, №XIV (Тбилиси 1953), 561-575 (на грузинском языке).

Коркия 1998: Л.О. Коркия, Верхнепалеолитическая культура Северо-Восточного Причерноморья Грузии (Тбилиси 1998).

Ниорадзе 1933: Г. Ниорадзе, Палеолитический человек в Девисхврели. Труды национального музея Грузии, т. VI (Тбилиси 1933) (на грузинском языке).

Симонович 1872: С. Симонович, Пила из кремния. В: Известия Кавказского отдела Русского географического общества, т. I (Тифлис 1872), 127-128.

Соловьев 1960: А.Н. Соловьев, Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 г. В: Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.Н. Гулиа, XXXII, (Сухуми 1961), 190-195.

Соловьев 1978: А.Н. Соловьев, Верхнепалеолитическая стоянка Кеп-Богаз в Абхазии. В: Пещеры Грузии, вып. 7 (Тбилиси 1978), 103-115.

Уваров 1881: А.С. Уваров, Археология России. Каменный период, I (Москва 1881).

Тушабрамишвили 1969: Д.М. Тушабрамишвили, Результаты работ археологической экспедиции на реке Квирила в 1966 году. В: Результаты работ экспедиции грузинского национального музея, т. I (Тбилиси 1969), 3-11.

Bar-Oz et al. 2008: G. Bar-Oz, A. Belfer-Cohen, T. Meshveliani, N. Jakeli, O. Bar-Yosef, Taphonomy and zooarchaeology of the Upper Palaeolithic cave of Dzudzuana, Republic of Georgia. International Journal of Osteoarchaeology 18, 2008, 131-51.

Bar-Yosef et al. 2011: O. Bar-Yosef, A. Belfer-Cohen, T. Mesheviliani, N. Jakeli, G. Bar-Oz, E. Boaretto, P. Goldberg, E. Kvavadze, Z. Matskevich, Dzudzuana: an Upper Palaeolithic cave site in the Caucasus foothills (Georgia). Antiquity 85, 2011, 331-349.

Kvavadze et al. 2009: E. Kvavadze, O. Bar-Yosef, A. Belfer-Cohen, E. Boaretto, N. Jakeli, Z. Matskevich, T. Meshveliani, 30 000-year-old wild flax fibers. Science 325(5946), 2009, 1359.

Meshveliani 1989: T. Meshveliani, About the early stages of the Upper Palaeolithic cultures in western Georgia. Sakartvelos sakhelmtsipo muzeumis moambe 90(B), 1989, 13-31.

Meshveliani et al. 1999: T. Meshveliani, O. Bar-Yosef, A. Belfer-Cohen, N. Djakeli, A. Kraus, D. Lordkipanidze, M. Tvalchrelidze, A. Vekua, Excavations at Dzudzuana Cave, Western Georgia (1996-1998): preliminary results. Préhisoire Européenne 15, 1999, 79-86.

Nioradze, Otte 2000: M.G. Nioradze, M. Otte, **Paléolithique supérieur** de Georgie. L'Anthropologie 104, 2000, 265-300.

Pinhasi et al. 2014: R. Pinhasi, T. Meshveliani, Z. Matskevich, G. Bar-Oz, L. Weissbrod, C.E. Miller, K . Wilkinson, D. Lordkipanidze, N. Jakeli, E. Kvavadze, F.G. Thomas, T. F.G. Higham, A. Belfer-Cohen, Satsurblia: New Insights of Human Response and Survival across the Last Glacial Maximum in the Southern Caucasus. PLoS ONE 9(10): e111271 www. http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0111271

Tushabramishvili et al. 1999: N. Tushabramishvili, D. Lordkipanidze, A. Vekua, M. Tvalchrelidze, A. Muskhrlishvili, D. Adler, The Paleolithic rockshelter of Ortvala klde, Imereti region, the Georgian Republic. Préhistoire Européenne 15, 1999, 65-77.

Sfârşitul paleoliticului superior în peştera Dzudzuana

Cuvinte-cheie: Georgia, Caucaz, paleoliticul superior, unelte din piatră, microgravette.

Rezumat: În acest articol se discută despre peştera Dzudzuana din epoca paleoliticului superior, situată la poalele munţilor Caucaz (Georgia). Aici, începând cu anul 1996, o echipă comună de cercetători georgieni, americani şi israelieni a întreprins săpături arheologice sistematice, care s-au soldat cu identificarea a trei etape de locuire a

peşterii pe parcursul paleoliticului superior. În articol sunt reflectate succint vestigiile ce ţin de faza finală a sitului, reprezentate de diferite piese litice: microgarvette, plăci retuşate etc.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Peştera Dzudzuana (1) şi locul amplasării ei pe hartă (2).

Fig. 2. Dzudzuana. Inventarul din silex: 1, 2, 5, 6 - microgravette; 3, 4 - microplăci cu muchia teşită; 7-10 - răzuitoare; 11 - piece esquillée; 12, 13 - nuclee (după Bar-Yosef et al. 2011, fig. 7).

Final Upper Paleolithic assemblages in Dzudzuana Cave

Keywords: Georgia, Caucasus, Upper Paleolithic, lithics, microgravettes.

Abstract: This paper discusses an upper Paleolithic cave in the foothills of the Caucasus. Since 1996 a joint team of Georgian, American and Israeli researchers has been involved in systematic archaeological excavations in Dzudzuana. Archaeological works revealed there three stages of upper Paleolithic period, but we present only final upper Paleolithic assemblages, which are characterized by the presence of microgravettes and backed and retouched bladelets. The paper further presents a lot of interesting materials.

List of illustrations:

Fig. 1. The Dzudzuana Cave (1) and its location on the map (2).

Fig. 2. Dzudzuana. Flint tools: 1, 2, 5, 6 - variants of microgravettes, with bipolar retouch; 3, 4 - backed bladelets, most probably microgravette fragments; 7-10 - endscrapers; 11 - piece esquillée; 12, 13 - core (after Bar-Yosef et al. 2011, fig. 7).

25.02.2016

Гурам Чхатарашвили, Батумский Археологический Музей, ул. Чавчавадзе, 177-А, Батуми, Грузия, e-mail: gurami.chxa87@yahoo.com

SCANĂRI GEOFIZICE ŞI CERCETĂRI ARHEOLOGICE PE SITURI DIN NEOLITICUL TÂRZIU - ENEOLITICUL TIMPURIU DE PE TERITORIUL REPUBLICII MOLDOVA (2014-2015)

Stanislav Ţerna, Thomas Saile
Maciej Dębiec, Martin Posselt

Cuvinte-cheie: Republica Moldova, neolitic, eneolitic, cultura ceramicii band-liniare, Precucuteni - Tripolie A, arhitectură, geofizică.

Introducere

Pe teritoriul actual al Republicii Moldova şi pe cel al Ucrainei sunt cunoscute circa 300 aşezări ale culturii band-liniare, primele fiind descoperite încă la sfârşitul secolului XIX. Unele dintre aceste aşezări au fost cercetate prin intermediul săpăturilor arheologice (Пассек, Черныш 1963; Ларина 1999; Охріменко 2001), însă numărul investigaţiilor de acest tip rămâne insuficient. Din punct de vedere cronologic, aşezările arealului estic al culturii band-liniare prezintă trei faze principale de evoluţie: timpurie (cultura band-liniară veche), mijlocie (ceramica cu note muzicale) şi târzie (Želiezovce). Pe teritoriul Volâniei sunt cunoscute toate cele trei faze. În spaţiul dintre Prut şi Bugul de Sud lipsesc siturile timpurii, iar decorul cu note muzicale se răspândeşte doar în perioada târzie. În acelaşi timp, influenţa Želiezovce nu este atât de accentuată.

În general, trebuie să recunoaştem că problemele arhitecturii, structurii aşezărilor şi relaţiilor cronologice dintre diverse situri rămân insuficient cercetate în arealul estic al culturii band-liniare, mai ales în comparaţie cu partea de vest a oicumenei band-liniare. Această situaţie este, în parte, condiţionată de probleme obiective legate de identificarea complexelor neolitice în solurile preponderent negre ale regiunii respective. De asemenea, multe din aşezările neolitice sunt suprapuse de straturi din epoci mai târzii, ceea ce a afectat gradul de conservare a resturilor band-liniare. Luând în calcul numărul redus al perieghezelor sistematice şi al săpăturilor arheologice de anvergură, realizarea unor investigaţii moderne pe teritoriul Moldovei şi pe cel al Ucrainei este deosebit de actuală[1].

Cu scopul clarificării unor chestiuni legate de organizarea internă a aşezărilor band-liniare din interspaţiul pruto-nistrean, între anii 2014 şi 2015 au fost realizate cercetări arheologice în cadrul unei cooperări moldo-germane. Acestea au vizat mai multe aşezări şi au decurs în două etape – cea din 2014, limitându-se la investigaţii non-intruzive de suprafaţă, şi cea din 2015 fiind urmată de sondaje arheologice. În cursul cercetării siturilor band-liniare a fost colectat material arheologic aparţinând altor epoci cultural-istorice, în special din perioada eneoliticului timpuriu, iar scanarea unor situri cu mai multe niveluri de locuire a permis obţinerea unor planuri geofizice atât pentru complexe neolitice cât şi pentru cele eneolitice. Unele rezultate ale lucrărilor se află deja sub tipar în literatura de specialitate (Saile et al. 2016; Зайле и др. 2016), mai ales în ceea ce priveşte aşezările neolitice. Prezentul articol îşi propune introducerea integrală în circuitul ştiinţific a materialelor rezultate din investigaţiile noastre, atât din neolitic şi epoca cuprului cât şi din alte epoci mai târzii.

Neoliticul din Republica Moldova – date generale şi problema arhitecturii band-liniare

În limitele periferiei estice a arealului de răspândire a culturii ceramicii band-liniare (mai departe – CCBL) sunt cunoscute câteva aglomerări de aşezări (Ларина 1999; Ларина, Охрименко 2007; Dębiec, Saile 2015). Una dintre cele mai estice corespunde Prutului de Mijloc şi bazinului mijlociu/inferior al Răutului. Astfel, pe teritoriul Republicii Moldova sunt cunoscute circa 78 aşezări band-liniare, al căror număr este aproape egal cu cel al aşezărilor Precucuteni din eneoliticul timpuriu (76), însă este mult mai mare decât cel al siturilor altor culturi neolitice – Criş (10) şi

[1] Vezi şi Saile et al. 2016

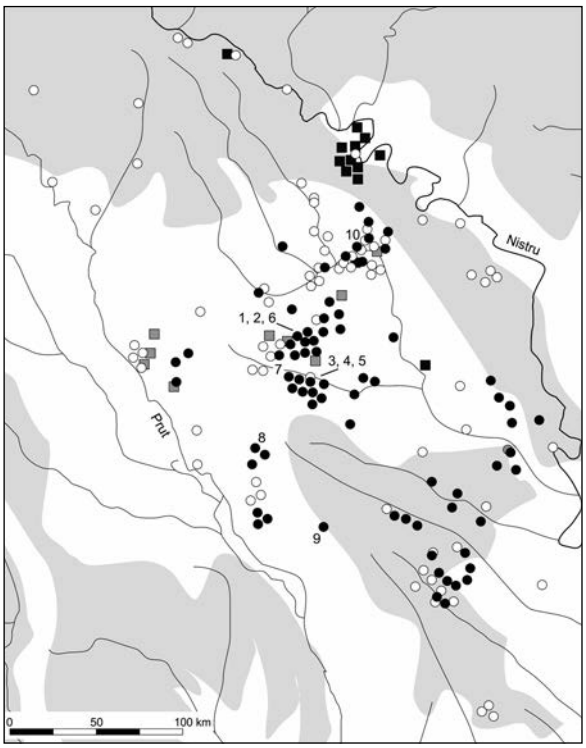


Fig. 1. Localizarea siturilor cercetate pe harta generală a aşezărilor neolitice şi eneolitice timpurii din silvostepa interfluviului pruto-nistrean (Republica Moldova). Legendă: ● - aşezări band-liniare; cercuri albe - aşezări Precucuteni; ■ - aşezări Criş; ■ -aşezări bugo-nistrene. 1 - Bilicenii Vechi I; 2 - Sîngerei XIX; 3 - Chişcăreni XIV; 4 - Iezărenii Vechi VII; 5 - Iezărenii Vechi VIII; 6 - Sîngerei XIII; 7 - Nicolaevca V; 8 - Bumbăta III; 9 - Găureni I; 10 - Floreşti I.

bugo-nistreană (13 situri) (fig. 1)[2]. Cultura Criş, care e şi cea mai timpurie purtătoare a neoliticului balcanic, a fost răspândită în partea centrală a Republicii Moldova, între Prut şi Răut, pe când aşezările culturii bugo-nistrene sunt cunoscute exclusiv în bazinul Nistrului şi nu se răspândesc mai departe spre vest (Дергачев, Ларина 2015, 341 и сл., рис. 240). Tocmai în acest mediu mezolitic târziu – neolitic timpuriu se infiltrează CCBL dinspre nord-vest, de-a lungul Carpaţilor. Sunt cunoscute doar câteva mărturii ale contactelor între CCBL şi cultura Bugo-Nistreană, precum şi formaţiunile neolitice sudice Dudeşti şi Boian (Ларина 1999, 100 и сл.). În contrast, influenţa culturii Criş asupra celei Bugo-Nistrene este mult mai accentuată şi poate fi urmărită până la Bugul de Sud (Wechler, Dergačev, Larina 1998; Товкайло 2014). În ceea ce priveşte relaţia dintre CCBL şi Precucuteni, nu avem date despre oarecare influenţe directe band-liniare asupra orizontului Precucuteni - Tripolie A (Бурдо 2001-2002, 163).

Începând cu primele descoperiri ale complexelor CCBL între Prut şi Nistru, specialiştii au abordat problema arhitecturii acestei formaţiuni culturale, mai ales, având în vedere prezenţa unor construcţii complexe din lut ars în cadrul aşezărilor eneolitice. Astfel, T. Passek interpreta gropile alungite cercetate de ea pe situri CCBL drept semibordeie de dimensiuni mari, cu fund neregulat, compuse din una sau mai multe gropi, cu resturi de vetre şi gropiţe de pari. Prin analogie cu semibordeiele lungi de la Köln - *Lindenthal*, cercetătoarea sovietică considera că complexele de locuire de la Floreşti I aveau pereţii împletiţi din nuiele şi acoperiţi cu lut (Пассек 1960, 57; Пассек, Черныш 1963).

Un alt tip de complex band-liniar a fost cercetat de L. Makarova pe situl de la Rogojeni (Макарова 1974). Ea a identificat patru gropiţe care marcau un spaţiu rectangular în care se conţinea o aglomerare de material arheologic – fragmente de lut ars cu pleavă şi amprente de nuiele, fragmente ceramice, obiecte din silex şi oase de animale. În opinia specialistei, complexul respectiv reprezenta resturile unei locuinţe de suprafaţă cu pereţii împletiţi din nuiele, gropiţele aparţinând stâlpilor de la colţurile construcţiei.

Sistematizarea datelor despre arhitectura CCBL din spaţiul pruto-nistrean a fost realizată de Olga Larina într-un studiu monografic apărut în 1999 (Ларина 1999, 34-45). În linii generale, ea urmează concepţia Tatianei Passek în interpretarea complexelor adâncite, identificând complexe de locuire şi menajere, unele dintre care erau interconecte şi formau complexe unice locativ-menajere (CLM – Ларина 1999, 40-41). Pe situl de la Floreşti, O. Larina a identificat şase CLM, în Dănceni I – nouă CLM. Construcţiile de suprafaţă, după datele O. Larina, reprezintă nu mai mult de 5% din numărul total al complexelor arheolo-

[2] În sistemul de clasificare cronologică a spaţiului nord-vest pontic, culturile Criş, Bugo-Nistreană şi CCBL corespund neoliticului, iar orizontul Precucuteni - Tripolie A este atribuit eneoliticului timpuriu. Cu o oarecare doză de relativitate şi ţinând cont de insuficienţa numărului de datări radiocarbon, pentru formaţiunile culturale sus-numite poate fi propusă următoarea încadrare absolut-cronologică: culturile Criş şi Bugo-Nistreană – circa 5800-5200 î. Hr.; CCBL – circa 5200-5000 î. Hr.; Precucuteni – circa 5000-4600 î. Hr.

gice. Aici, ea se referă la construcţia cu gropi de pari din Durleşti (Tentiuc 2012), considerând-o grânar, precum şi la complexul de la Rogojeni, descris mai sus. Fără modificări deosebite, concepţia O. Larina despre arhitectura CCBL din Republica Moldova a fost prezentată într-o lucrare recentă (Larina 2010).

Astfel, după câteva decenii de cercetări, se prezenta următoarea situaţie. Aşezările din periferia de est a arealului CCBL erau compuse din locuinţe adâncite de formă alungită, uneori interconecte cu complexele învecinate într-un unic CLM. Această concepţie contrasta mult cu datele despre arhitectura CCBL din Europa Centrală şi de Vest, unde tipul principal de locuinţă reprezintă o construcţie de suprafaţă, lungă, cu mai multe şiruri de gropi de par şi, cel mai des, cu două gropi lungi paralele aflate în afara locuinţei şi orientate pe axul lung al acesteia (Modderman 1986; Pavlů 2000, 187 и сл.; Czekaj-Zastawny 2008; Podborský 2009-2010). Apărea întrebarea – purtătorii CCBL din est aveau o tradiţie arhitecturală distinctă, diferită de alte teritorii, sau putem vorbi despre o paradigmă specifică istoriografică şi o tradiţie a interpretării contemporane, de fapt, a complexelor arheologice?

Nu este întâmplător faptul că interpretarea alternativă a complexelor CCBL din Moldova a fost înaintată de un specialist în neoliticul Europei Centrale şi de Vest, în anul 2005 (Lenneis 2005). Analizând planul săpăturilor efectuate de T. Passek, la Floreşti I, cercetătoarea austriacă a identificat în „semibordeiele alungite" perechile de gropi lungi aferente unor locuinţe de suprafaţă tipice pentru arealul vestic band-liniar. Au fost identificate trei astfel de locuinţe. În acest caz, distanţa dintre gropile lungi dintr-o singură pereche ar fi 7,5-8,5 m, iar lungimea probabilelor locuinţe ar reprezenta 20-24 m, dimensiuni care se încadrau perfect în parametrii medii ai locuinţelor lungi din Europa Centrală şi de Est. Lipsa gropilor de par putea fi datorată eroziunii solului. Cu concluziile lui Lenneis au fost de acord şi soţii Lazarovici, autorii unei monografii de sinteză pe arhitectura neolitică. Ei au presupus prezenţa unor locuinţe lungi şi pe alte situri: Dănceni şi Târpeşti (Lazarovici, Lazarovici 2006, 465-467, fig. IIIh/5a, 468, fig. IIIh/8).

Rezumând, putem observa că până la momentul actual problema tipului de complexe de locuire pe aşezările din arealul estic al CCBL rămâne una controversată. În acest context, o nouă sursă de date o puteau reprezenta cercetările geofizice pe situri band-liniare care nu s-au mai făcut pe teritoriul Republicii Moldova.

Cercetările din anii 2014-2015 – strategie şi metodologie

Strategia investigărilor de teren a constat din două etape. În prima etapă, în 2014, conceptul de cercetare a fost unul microzonal, axat pe „cuibul" de aşezări neo-eneolitice de pe Ciulucul Mare şi Mijlociu dintre localităţile Sîngerei, Bilicenii Vechi, Chişcăreni şi Iezărenii Vechi, cunoscut din literatura de specialitate (Ларина 1999, рис. 12-13). La această etapă, cercetările s-au limitat la scanări geomagnetice şi vizite pe siturile deja cunoscute. De pe suprafaţa celor trei situri, pe a căror suprafaţă s-a decis să fie realizate scanări, a fost colectat sistematic material arheologic, cu plasarea pe plan a inventarului. Toate cele trei aşezări fiind pluristratigrafice, s-a pledat pentru un asemenea sistem de documentare cu scopul de a încerca datarea anomaliilor geomagnetice în baza distribuţiei materialului de la suprafaţă. Cercetările din 2015 au fost axate pe studierea unor situri unistratigrafice, amplasate în zona centrală a Republicii Moldova. Scanări au fost realizate pe două situri, pe ambele fiind plasate sondaje arheologice cu scopul verificării anomaliilor de pe planul geofizic.

În sondajele arheologice metodologia de săpătură a fost una clasică. Amplasarea sondajelor a fost determinată de configuraţia anomaliilor geomagnetice. După înregistrarea înălţimii terenului la fiecare din cei patru ţăruşi, pământul din sondaje a început să fie îndepărtat de pe toată suprafaţa, cu prelevarea materialului arheologic pe carouri de 1×1 m. După fiecare 20 cm se efectua taluzarea întregii suprafeţe şi fotografierea sondajului. Materialul din diferite straturi de săpătură era prelevat separat. Ulterior, după conturarea complexului adâncit, strategia de săpătură a fost modificată, cercetarea fiind concentrată exclusiv pe umplutura gropii, încercându-se păstrarea malului steril al complexului. Umplutura era înlăturată urmând aceleaşi straturi de 20 cm până la dezvelirea fundului steril al complexelor adâncite şi al tuturor denivelărilor aferente acestuia.

Prezentarea materialelor cercetărilor din 2014-2015

1. Sîngerei XIX (raionul Sîngerei)

Coordonate geografice:
47°38'30.88" N, 28° 5'17.07" E.

Bazin hidrografic: Ciulucul Mare, afluent de stânga al Ciulucului Mic, afluent de dreapta al Răutului.

Localizare: situl se află la circa 1200m spre vest de la extremitatea vestică a or. Sîngerei, pe ambele părţi ale drumului Sîngerei - Bălţi, pe panta lină a văii Ciulucului Mare.

Cercetări anterioare: descoperit de V. Bicbaev în 1974. Cercetat suplimentar în 1996 de Expediţia Neolitică moldo-germană (Wechler, Dergačev, Larina 1998, 155, vezi şi Дергачев, Ларина 2015, 337-338), prilej cu care au fost colectate mai multe materiale arheologice de pe suprafaţa sitului.

Suprafaţa scanată: circa 3 ha.

Rezultatele scanării: în planul geomagnetic, pe ambele părţi ale drumului sunt vizibile anomalii de la complexe adâncite (gropi şi, probabil, bordeie). În limitele suprafeţei scanate, acestea nu formează structuri spaţiale ordonate într-un anumit mod (fig. 2-3). Distribuţia materialului arheologic de suprafaţă indică o concentrare a artefactelor lângă drum, fapt firesc, având în vedere răvăşirea straturilor culturale aferente construcţiei acestuia. Alte câteva concentrări corespund, în linii generale, poziţionării anomaliilor de la complexele adâncite (fig. 4).

Materiale arheologice şi răspândirea acestora: De pe suprafaţa sitului au fost colectate: ceramică, silex şi piese de inventar.

Ceramica poate fi atribuită neoliticului, eneoliticului, bronzului târziu, epocii romane târzii şi Evului Mediu. Ceramica neolitică este reprezentată prin câteva fragmente grosiere cu amestec vegetal în pastă (fig. 6/37-38), arse neomogen, şi câteva fragmente de vase din categoria fină, de factură Criş, de la un fund (fig. 6/35), câţiva pereţi (fig. 6/32, 34, 36) şi două buze puţin evazate (fig. 6/31, 33). Ceramica fină este ornamentată cu linii incizate orizontale şi scurte, oblice. Doar un singur fragment de perete cu buton cilindric poate fi atribuit CCBL (fig. 6/30).

Ceramica eneolitică poate fi divizată în trei categorii.

Prima, cea grosieră, este reprezentată prin câteva fragmente de culoare brună-deschisă, cu degresanţi vegetali şi şamotă în pastă, unul dintre acestea, de la vas de tip borcan, este decorat cu un şir de alveolări ovale (fig. 5/10).

A doua categorie, cea mai numeroasă, este cea semifină, de culoare cenuşie, brună-închisă sau brună-deschisă, cu minim de impurităţi în pastă, ardere omogenă. Ceramica este fragmentară, putând fi identificate doar câteva forme de vase:

- capace, de la care au fost găsite două fragmente cu buton în formă de ciupercă, unul dintre butoane fiind ornamentat pe partea superioară cu şiruri de impresiuni de tip „rotiţă", care alcătuiesc o figură bitriunghiulară (fig. 5/1-2);
- străchini cu buza evazată, reprezentate prin câteva fragmente, ornamentate cu linii orizontale incizate şi incizii scurte verticale (fig. 5/4-5) sau şiruri de impresiuni de tip „rotiţă" (fig. 5/12);
- vase cu corpul globular sau piriform şi buza dreaptă, ornamentate cu linii incizate ondulate şi verticale paralele, interspaţiul dintre care, nedecorat, formează figuri meandrate (fig. 5/3);
- vas-coşuleţ (?) reprezentat prin fragmentul unui „vârf" oblic, perforat orizontal (fig. 5/9);
- vase-suport, reprezentate prin fragmente de la buza inferioară / fund sau pereţii verticali, ornamentaţi prin linii verticale incizate, alveolări (fig. 5/16-17) sau „tablă de şah" asociată cu decor liniar oblic şi ondulat (fig. 5/26);
- vase de tip tavă, reprezentat printr-un fragment ornamentat prin şiruri scurte oblice de impresiuni de tip „rotiţă" pe buză (fig. 5/15);
- linguri, reprezentate printr-un singur fragment de mâner, nedecorat (fig. 5/22).

Pe lângă acestea, spectrul ceramic din categoria semifină include numeroşi pereţi şi funduri de la vase, a căror formă rămâne incertă (fig. 5, fig. 6). Aceştia sunt ornamentaţi prin linii incizate verticale, orizontale, oblice şi ondulate, impresiuni de tip „rotiţă" orizontale sau oblice, „tablă de şah", şiruri de impresiuni ovale şi triunghiulare, decor excizat. Fundurile sunt concave. Pe unii pereţi se întâlneşte canelura.

1

2

Fig. 2. Sîngerei XIX. Porţiunea scanată.

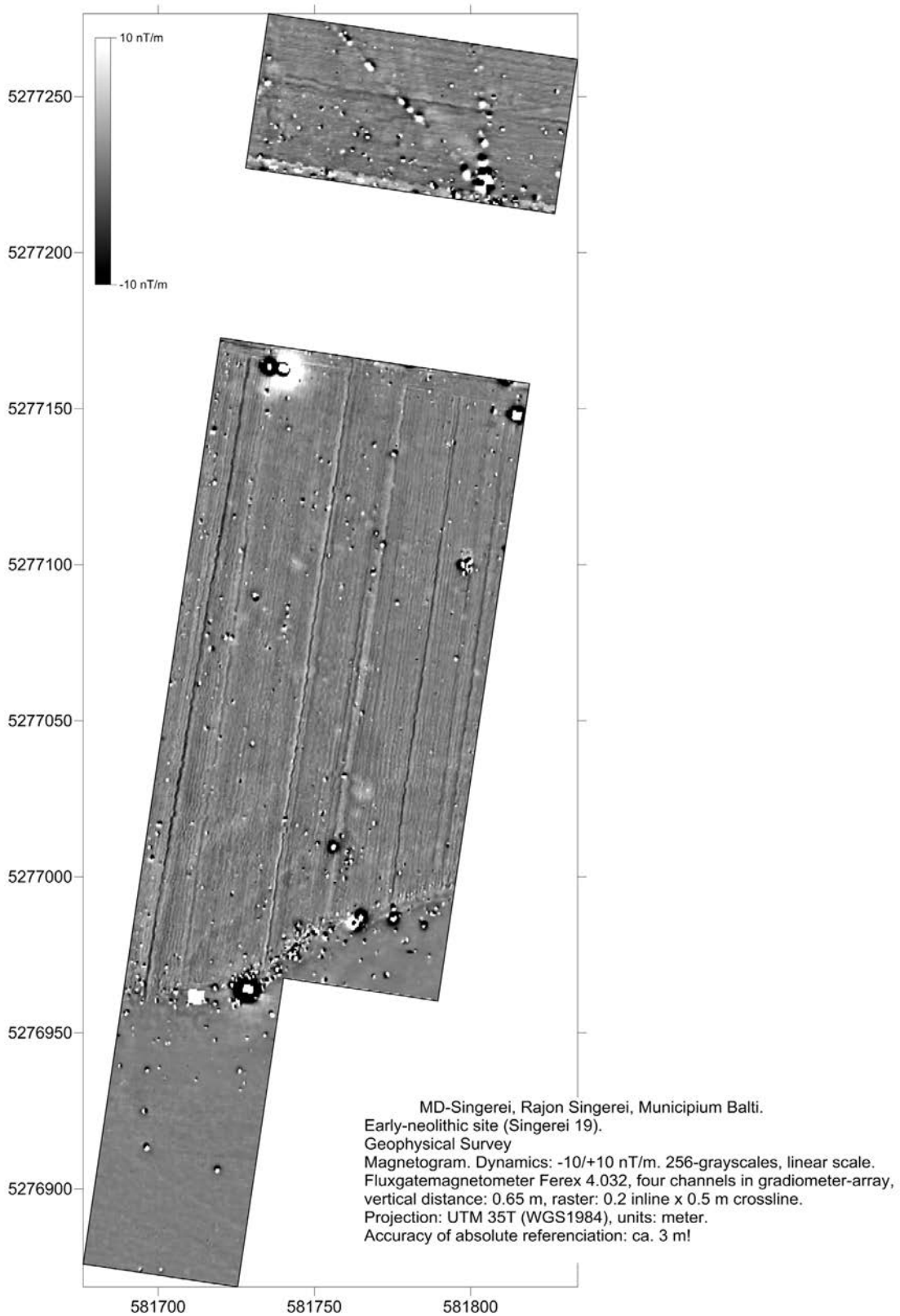


Fig. 3. Sîngerei XIX. Planul porţiunii scanate.

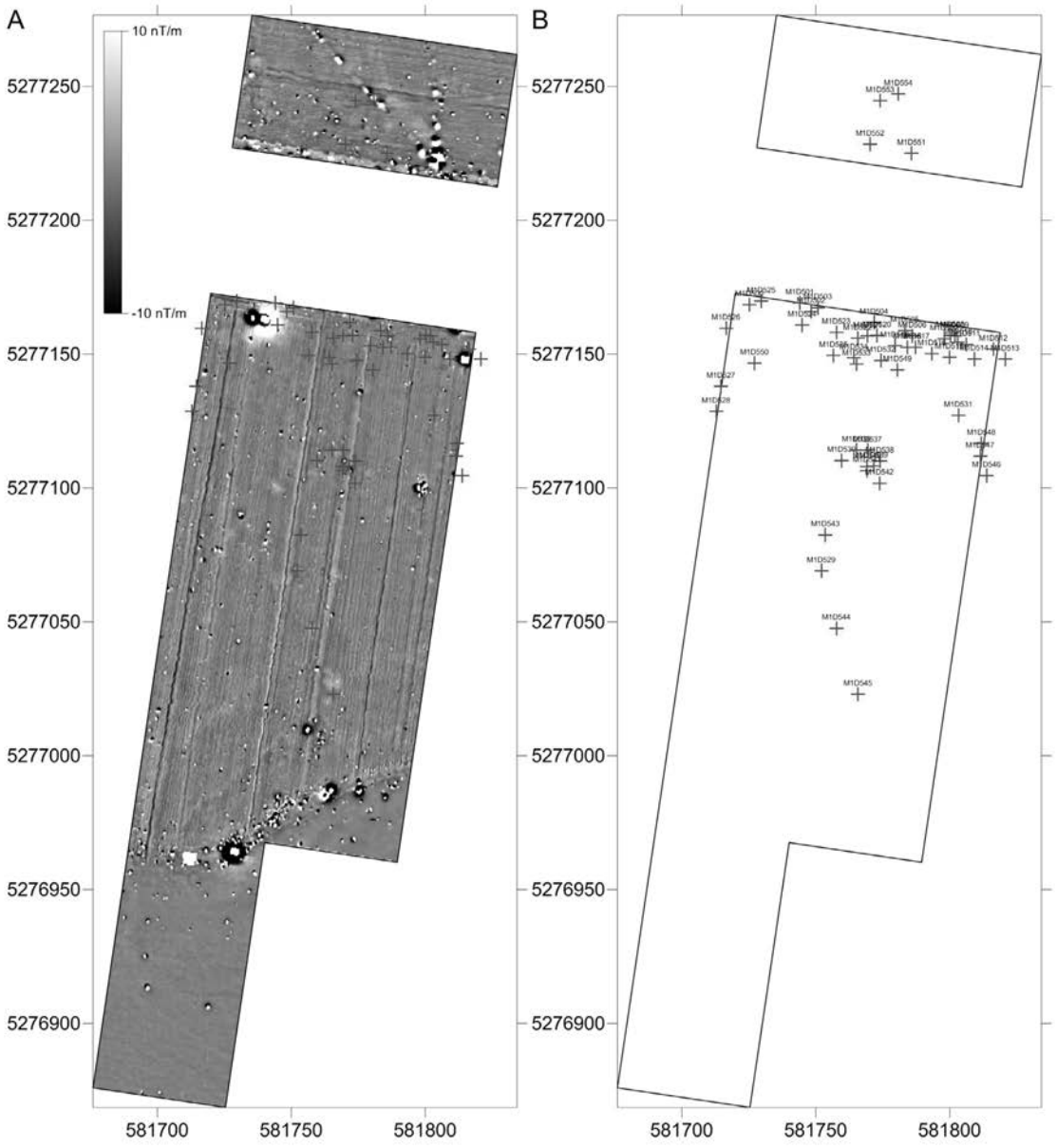


Fig. 4. Sîngerei XIX. Distribuţia materialului de suprafaţă.

A treia categorie, ceramica fină, este reprezentată prin câteva fragmente de culoare neagră sau brună-închisă, fără impurităţi, arse omogen şi calitativ. Cioburile provin de la vase de dimensiuni mici cu pereţii subţiri, cu buza dreaptă sau evazată şi decor, compus din linii incizate, caneluri, impresiuni triunghiulare şi de tip „gropiţă" (fig. 5/6-7, 11-12, 14; fig. 6/25-26, 29).

Ceramica din bronzul târziu (cultura Noua) este reprezentată prin fragmente sporadice de la vase cu brâu continuu sau alveolat, vase cu toartă şi fragmente de strecurătoare (fig. 7/2-4, 6-9)[3]. Câteva fragmente ceramice aparţin epocii romane târzii şi medievale (fig. 7/1, 5, 10-11).

Obiectele din silex sunt reprezentate prin aşchii, lame şi gratoare din silex cenuşiu, fumuriu. Remarcăm descoperirea a 11 nuclee de diverse forme şi două nuclee, reutilizate ca percutoare (fig. 8).

[3] Mulţumim şi pe această cale colegei Mariana Sîrbu de la MNIM Chişinău pentru consultaţiile privind ceramica din bronzul târziu.

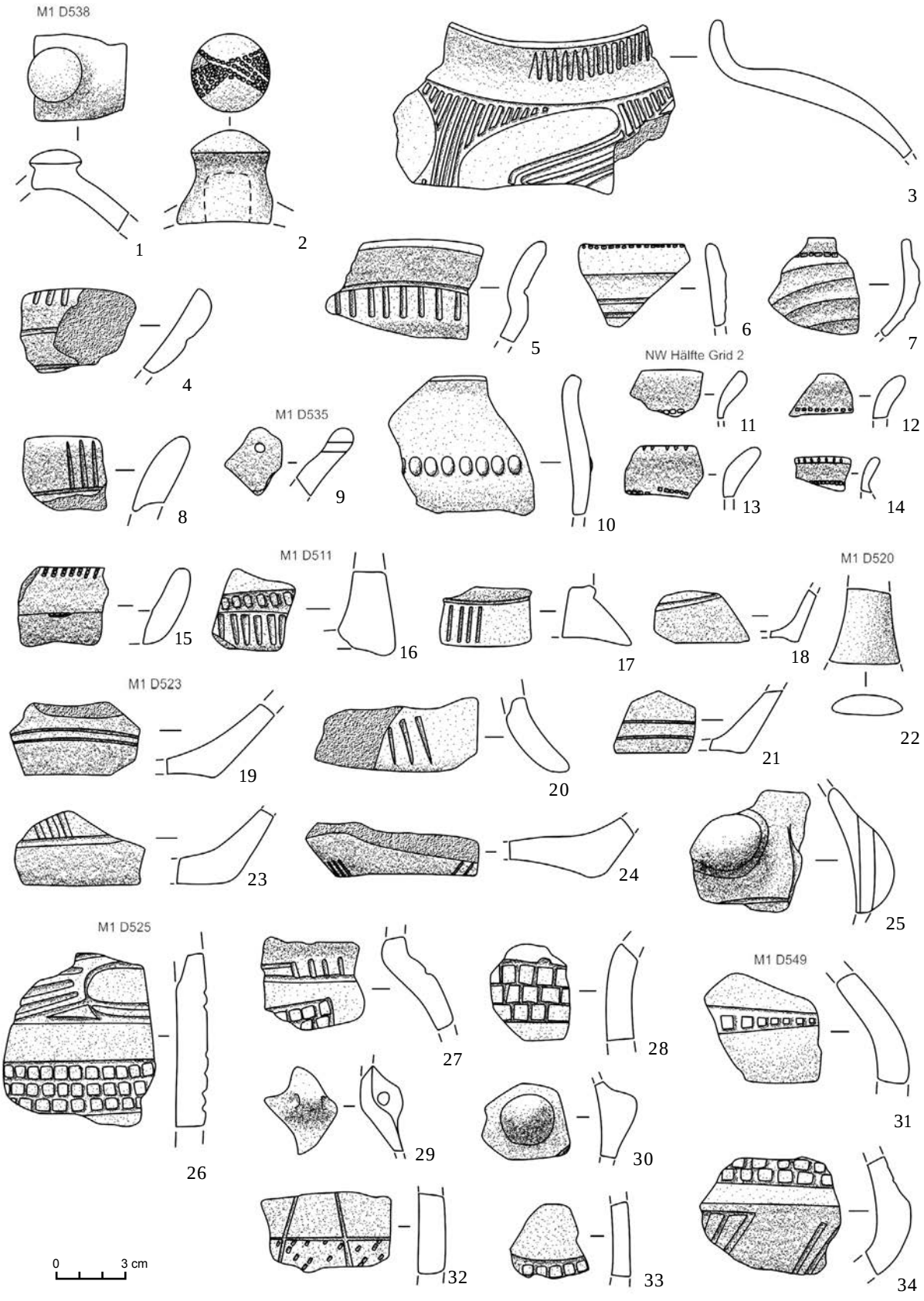


Fig. 5. Sîngerei XIX. 1-34 - ceramică.

Fig. 6. Sîngerei XIX. 1-38 - ceramică.

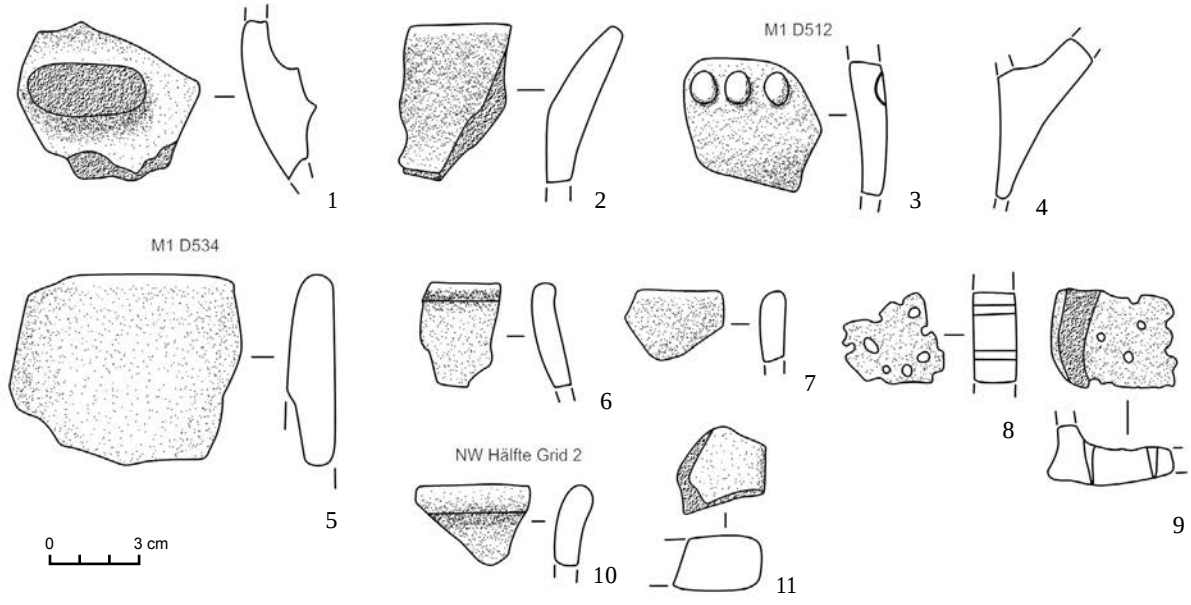


Fig. 7. Sîngerei XIX. 1-11 - ceramică.

Obiectele sunt realizate din piatră şi lut. Din piatră au fost executate două râşniţe, descoperite în stare fragmentară. Artefactele din lut includ un disc perforat realizat din peretele unui vas cu decor precucutenian (fig. 8/1), piciorul unei figurine fără decor (fig. 8/5), piciorul şi partea inferioară ale unei alte figurine / mâner antropomorpfizat (fig. 8/2) şi fragmentul unui văscior de tip „tavă", prevăzut cu urechiuşă pentru suspendare şi ornamentat cu crestături pe margini (fig. 8/3).

Marea majoritate a materialului colectat de pe suprafaţa sitului este de factură precucuteniană. Cel mai probabil, respectivei culturi pot fi atribuite majoritatea complexelor adâncite descoperite în urma scanării geomagnetice.

Interpretare şi perspective: Materialul neolitic colectat de către noi, puţin numeros, confirmă prezenţa unui nivel Criş, identificat în cercetările anilor precedenţi. Ceramică band-liniară nu a fost găsită. Marea parte a ceramicii şi artefactelor pot fi atribuite etapei Precucuteni II. Fragmentul unei reprezentări antropomorfe cu partea inferioară lărgită îşi găseşte anumite analogii în situri precucuteniene din Republica Moldova (Rogojeni I – material inedit, păstrat în fondurile MNIM) şi România (Topoliţa – Diaconu 2012, fig. 28/10). Prezintă interes fragmentul de „tavă" (opaiţ?) care, morfologic, este apropiat de un vas de la Aleksandrovka (Ucraina; vezi Патокова и др. 1989, рис. 8/19).

Scanarea geofizică a unei porţiuni din sit nu a identificat oarecare anomalii care ar putea fi puse în legătură cu locuinţele lungi liniare. Ceramica de pe suprafaţă fiind atribuită mai multor culturi din epoci diferite, datarea exactă a complexelor adâncite disperse de pe planul geomagnetic rămâne problematică. Majoritatea artefactelor aparţin eneoliticului timpuriu. Presupunem şi că multe dintre gropile de pe plan pot fi datate cu aceeaşi perioadă. În pofida rezultatelor modeste, obţinute de pe urma scanării, investigaţiile arheologice de pe sit ar trebui să fie continuate, având în vedere, mai ales, prezenţa pe acelaşi loc a unor artefacte din culturile band-liniară, Criş şi Cucuteni-Tripolie (Precucuteni), fapt pus în evidenţă şi de cercetările anterioare. În acest sens, lărgirea suprafeţei investigate geomagnetic şi plasarea unor sondaje/secţiuni arheologice peste anumite anomalii ar reprezenta două obiective pentru viitor.

2. Sîngerei XIII (raionul Sîngerei)

Coordonate geografice:
47°38'5.98" N, 28° 6'11.53" E.

Bazin hidrografic: Ciulucul Mare, afluent de stânga al Ciulucului Mic, afluent de dreapta al Răutului.

Localizare: situl se află la circa 500m spre sud-vest de la extremitatea vestică a or. Sîngerei, pe ambele părţi ale drumului care înconjoară oraşul, pe panta lină a văii Ciulucului Mare.

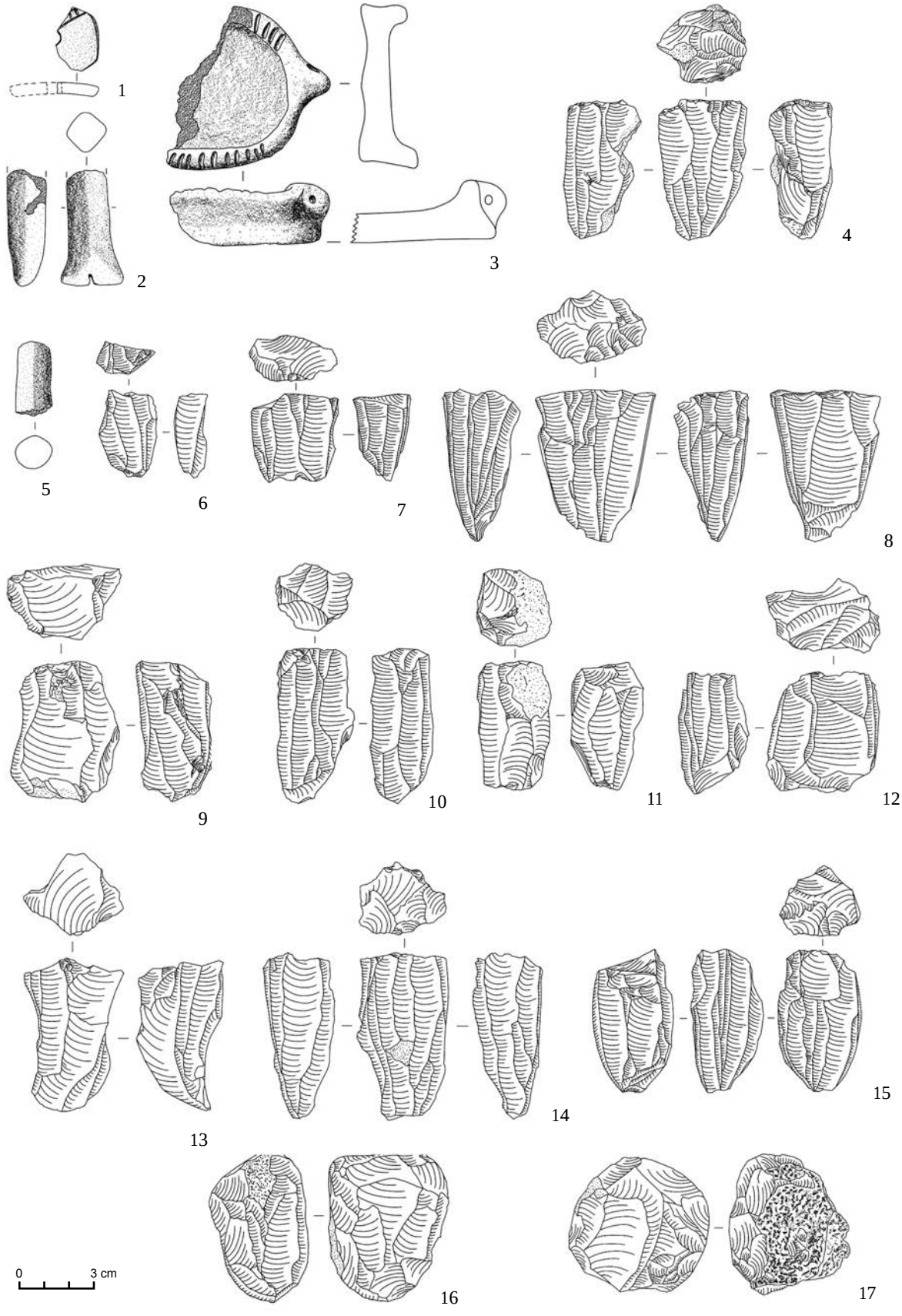


Fig. 8. Sîngerei XIX. 1-17 - piese de inventar.

Cercetări anterioare: descoperit de V. Bicbaev (Бикбаев 1981). Cercetat suplimentar în 1996 de Expediţia Neolitică moldo-germană (Wechler, Dergačev, Larina 1998), prilej cu care au fost colectate mai multe materiale arheologice de pe suprafaţa sitului.

Materiale arheologice şi răspândirea acestora: de pe suprafaţa sitului a fost colectată ceramică neolitică fină şi grosieră. Ceramica fină este subţire, de culoare gri, cu decor incizat liniar. Ceramica grosieră este realizată cu adaos abundent de vegetaţie în pastă. A mai fost găsită o râşniţă de piatră şi câteva piese din silex (lame microlitice).

Interpretare şi perspective: situl nu conţine materiale ale unor epoci mai târzii şi ar putea fi cercetat sistematic. În acelaşi timp, prezenţa drumului ce traversează situl, eroziunea parţială a părţii nordice a aşezării, parcelarea agricolă a suprafeţei fac scanările geofizice puţin promiţătoare.

3. Iezărenii Vechi VII (raionul Sîngerei)

Coordonate geografice:
47°33'13.82" N, 28° 4'16.50" E.

Bazin hidrografic: Ciulucul de Mijloc, afluent de dreapta al Răutului.

Localizare: situl se află la circa 1km spre sud-vest de la extremitatea sud-vestică a satului Iezărenii Vechi, pe malul drept al unuia dintre lacurile de baraj de pe Ciulucul de Mijloc.

Cercetări anterioare: descoperit de V. Bicbaev (Бикбаев 1981).

Materiale arheologice şi răspândirea acestora: de pe suprafaţa sitului a fost colectată ceramică neolitică fină şi grosieră. Ceramica fină este subţire, de culoare gri, cu decor incizat liniar. Ceramica grosieră este realizată cu adaos abundent de vegetaţie în pastă. A mai fost găsit un nucleu prismatic (fig. 9/1) şi câteva piese din silex (lame microlitice).

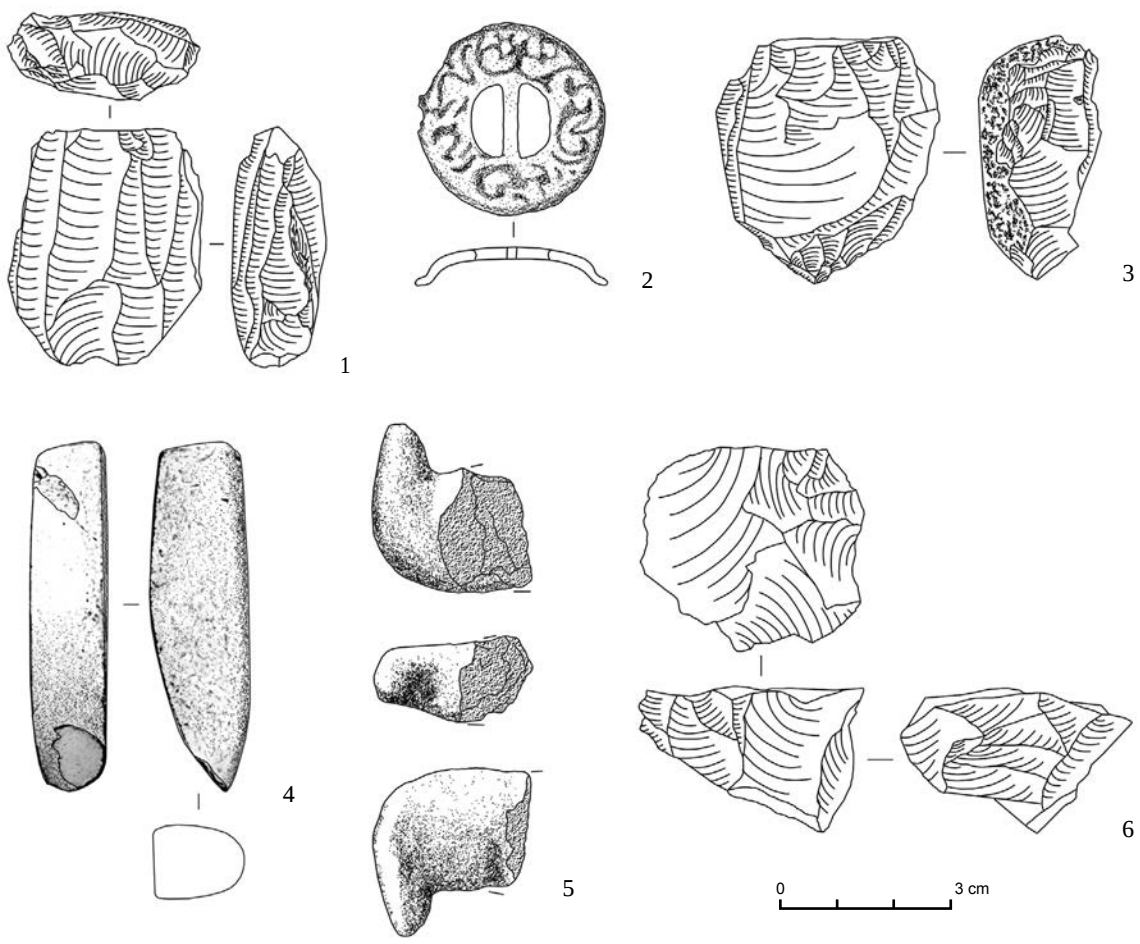


Fig. 9. Piese de inventar de pe aşezările Iezărenii Vechi VII (1), Iezărenii Vechi VIII (2), Bilicenii Vechi I (3-4, 6) şi Floreşti I (5).

Interpretare şi perspective: situl nu conţine materiale ale unor epoci mai târzii şi se află pe o porţiune deschisă, fiind de perspectivă atât pentru viitoare cercetări geofizice, cât şi arheologice.

4. Iezărenii Vechi VIII (raionul Sîngerei)

Coordonate geografice:
47°33'22.21" N, 28° 4'58.18" E.

Bazin hidrografic: Ciulucul de Mijloc, afluent de dreapta al Răutului.

Localizare: situl se află la circa 470 m spre sud de la extremitatea sud-vestică a satului Iezărenii Vechi, pe malul drept al unuia dintre lacurile de baraj de pe Ciulucul de Mijloc.

Cercetări anterioare: descoperit de V. Bicbaev (Бикбаев 1981).

Materiale arheologice şi răspândirea acestora: de pe suprafaţa sitului a fost colectată ceramică medievală, câteva lame microlitice de silex de aspect neolitic şi o cataramă medievală (fig. 9/2). Piesa de podoabă aparţine tipului pseudo-cataramelor inelate, este turnată din bronz şi are diametrul de 32 mm, putând fi datată cu sec. XV-XVI[4].

Interpretare şi perspective: aparent, aşezarea neolitică este puternic afectată de cea medievală, ulterioarele cercetări fiind puţin promiţătoare.

5. Chişcăreni XIV (raionul Sîngerei)

Coordonate geografice:
47°34'8.29" N, 28° 1'34.64" E.

Bazin hidrografic: Ciulucul de Mijloc, afluent de dreapta al Răutului.

Localizare: situl este amplasat în partea de nord-est a satului, pe un promontoriu trapezoidal format de intersecţia Ciulucului de Mijloc cu unul dintre afluenţii săi de stânga.

Cercetări anterioare: descoperit de V. Bicbaev (Бикбаев 1981).

Suprafaţa scanată: 5,2 ha.

Rezultatele scanării: claritatea planului geofizic a fost puternic afectată de prezenţa deşeurilor contemporane de pe suprafaţa sitului (fig. 10). Pe sectoarele de sud-vest şi sud-est ale suprafeţei scanate se observă unele anomalii de la complexe adâncite, fără o organizare anumită. Câteva gropi sunt vizibile şi în centrul planului. În partea de est se observă o anomalie liniară care traversează suprafaţa scanată, cel mai probabil, ea provine de la un şanţ de drenaj.

Materiale arheologice şi răspândirea acestora: De pe suprafaţa sitului au fost colectate materiale ceramice şi piese de inventar. Ceramica cea mai numeroasă aparţine neoliticului şi eneoliticului. De asemenea, au fost colectate fragmente din perioada romană şi cea medievală. Ceramica preistorică era concentrată mai ales în partea de vest şi centrală a promontoriului, pe când cea târzie – în partea de sud-est. Cartarea descoperirilor ceramice (fig. 11), realizată cu un tahimetru electronic, a arătat că fragmentele band-liniare se aflau preponderent în centrul suprafeţei scanate iar cele precucuteniene erau localizate, preponderent, în partea de sud-vest. Aici, pe un dâmb puţin supraînălţat, pot fi observate unele anomalii de la complexe adâncite, însă imaginea generală este extrem de distorsionată de deşeurile contemporane şi eroziunea pantelor. Nu este exclus ca o parte din aşezarea eneolitică să fi fost surpată de apele lacului de baraj artificial.

Ceramica neolitică poate fi divizată în două categorii:

– ceramica fină cu decor liniar şi „note muzicale" (fig. 12), unul dintre fragmente (din păcate, deteriorat) putând prezenta decor de tip Želiezovce (fig. 12/12). Alte două fragmente ornamentate cu impresiuni mici (fig. 12/32, 34) pot fi atribuite unor contacte cu cultura Vinča sau, în opinia unor cercetători, o evoluţie locală a decorului liniar. Decor similar este cunoscut şi pe teritoriul Ucrainei, în bazinul Nistrului (Dębiec 2012);
– ceramica grosieră, decorată cu şiruri de impresiuni digitale sub buză, înzestrată cu diverse varietăţi de butoane (rotunde, rotunde cu o impresiune în centru, alungite orizontale cu impresiuni mici – fig. 12/15, 20, 24, 35-38).

Din cauza fragmentării sporite nu au putut fi reconstruite oarecare forme de vase.

Ceramica eneolitică poate fi divizată în două categorii.

Prima, cea grosieră, este reprezentată prin câteva fragmente de culoare brună-deschisă, cu degresanţi vegetali şi şamotă în pastă, unul, de la vas

[4] Mulţumim şi pe această cale doamnei dr. Svetlana Reabţeva de la IPC AŞ RM pentru consultaţiile privind încadrarea tipologică şi datarea acestei piese.

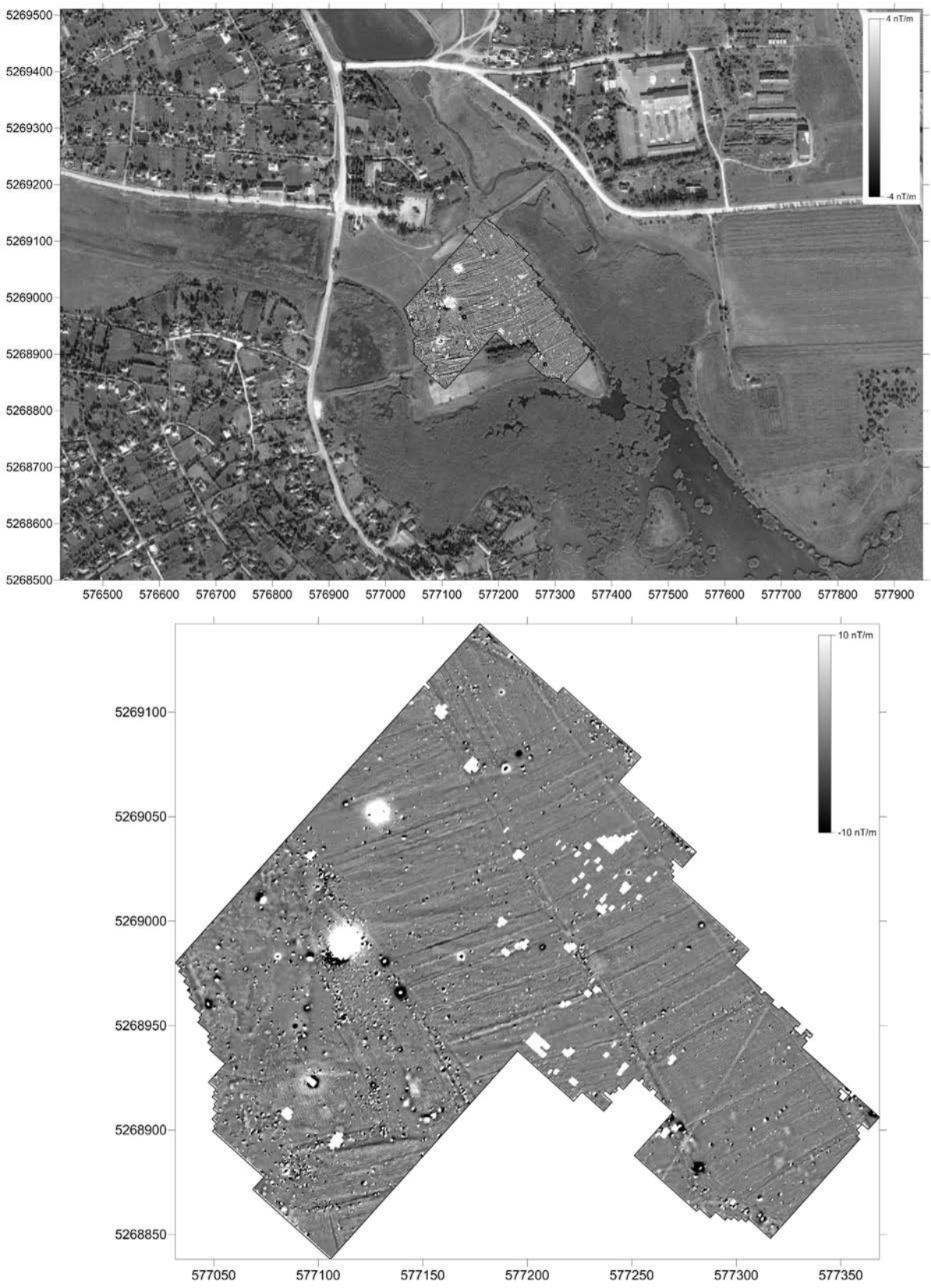


Fig. 10. Chişcăreni XIV. Porţiunea scanată şi planul geofizic.

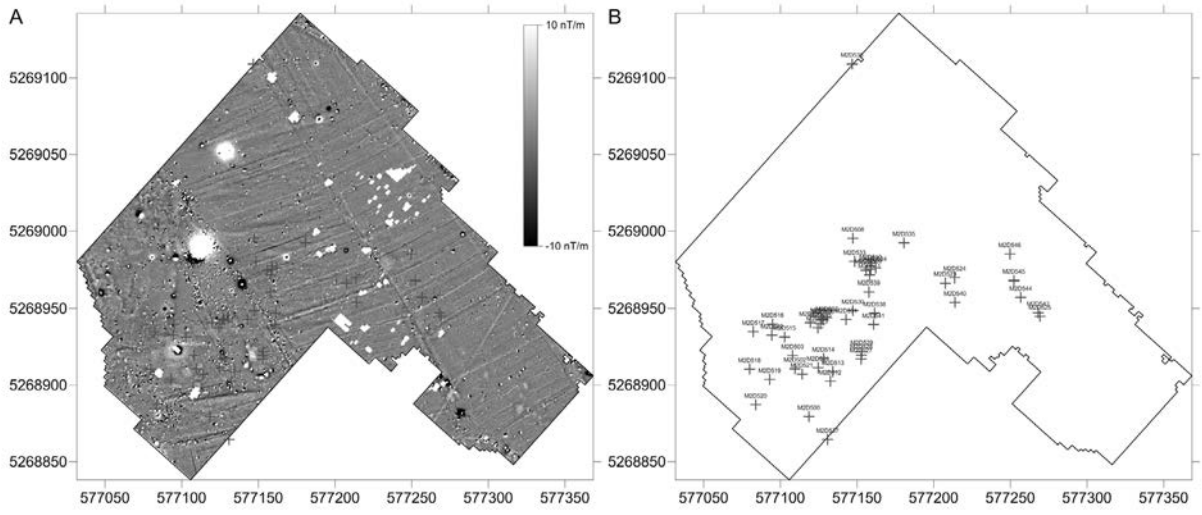


Fig. 11. Chişcăreni XIV. Distribuţia materialului de suprafaţă.

de tip borcan, este decorat cu un şir de alveolări rectangulare (fig. 13/16).

A doua categorie este cea semifină, de culoare gri/cenuşie, brună-închisă sau brună-deschisă, cu minim de impurităţi în pastă, ardere omogenă. Ceramica este puternic fragmentată, unica formă identificată fiind fragmentul unui capac cu mâner de tip ciupercă, ornamentat cu linii incizate (fig. 13/15). În rest, fragmentele precucuteniene sunt reprezentate de pereţi cu decor din linii incizate orizontale, oblice sau ondulate şi şiruri de impresiuni verticale sau oblice de tip „gropiţă" (fig. 13). Pe două fragmente sunt prezente impresiuni înguste orizontale şi verticale, cu extremităţile ascuţite (fig. 13/1, 3).

Piesele de inventar sunt 10 la număr şi includ fragmente de la două figurine antropomorfe din lut (fig. 13/23, 24), două râşniţe, o piatră de ascuţit (?) (fig. 13/20), un nucleu epuizat (fig. 13/21) şi trei nuclee reutilizate ca percutoare (fig. 13/17-18, 22). Cu excepţia pietrei pentru ascuţit/şlefuit, toate piesele aparţin neo-eneoliticului, statuetele fiind tipice pentru etapa Precucuteni. Interesant este fragmentul unei figurine de dimensiuni foarte mici în a cărei pastă, în regiunea fesei drepte, poate fi observată amprenta unei cariopse.

Interpretare şi perspective: aşezarea precucuteniană poate fi atribuită etapei Precucuteni II-III sau III timpuriu. Situl fiind puternic erodat, afectat de deşeuri şi apele lacurilor de baraj, aflându-se în limitele satului, este puţin promiţător pentru ulterioare cercetări sistematice.

6. Bilicenii Vechi I (raionul Sîngerei)

Coordonate geografice:
47°38'39.58" N, 28° 4'30.87" E.

Bazin hidrografic: Ciulucul Mare, afluent de stânga al Ciulucului Mic, afluent de dreapta al Răutului.

Localizare: situl se află la circa 450 m spre sud-est de extremitatea vestică a satului Bilicenii Vechi, pe malul stâng al Ciulucului Mare, pe partea stângă a drumului naţional Sîngerei - Bălţi, la o uşoară curbare a acestuia. Porţiunea sudică a pantei pe care se află situl este puternic afectată de eroziune.

Cercetări anterioare: descoperit de V. Bicbaev (Бикбаев 1981).

Materiale arheologice şi răspândirea acestora: de pe suprafaţa sitului au fost colectate fragmente ceramice neolitice (cu decor liniar cu capete de note muzicale) şi din epoca romană (Sântana de Mureş - Černjahov). Tot de acolo provin o teslă din piatră (de tip *Schuhleistenkeil*), din stratul band-liniar (fig. 9/4), precum şi două nuclee de silex (fig. 9/3, 6).

Interpretare şi perspective: situl este afectat de stratul din epoca romană, de eroziunea sporită a pantei şi de drumul naţional, fiind puţin promiţător pentru cercetări ulterioare.

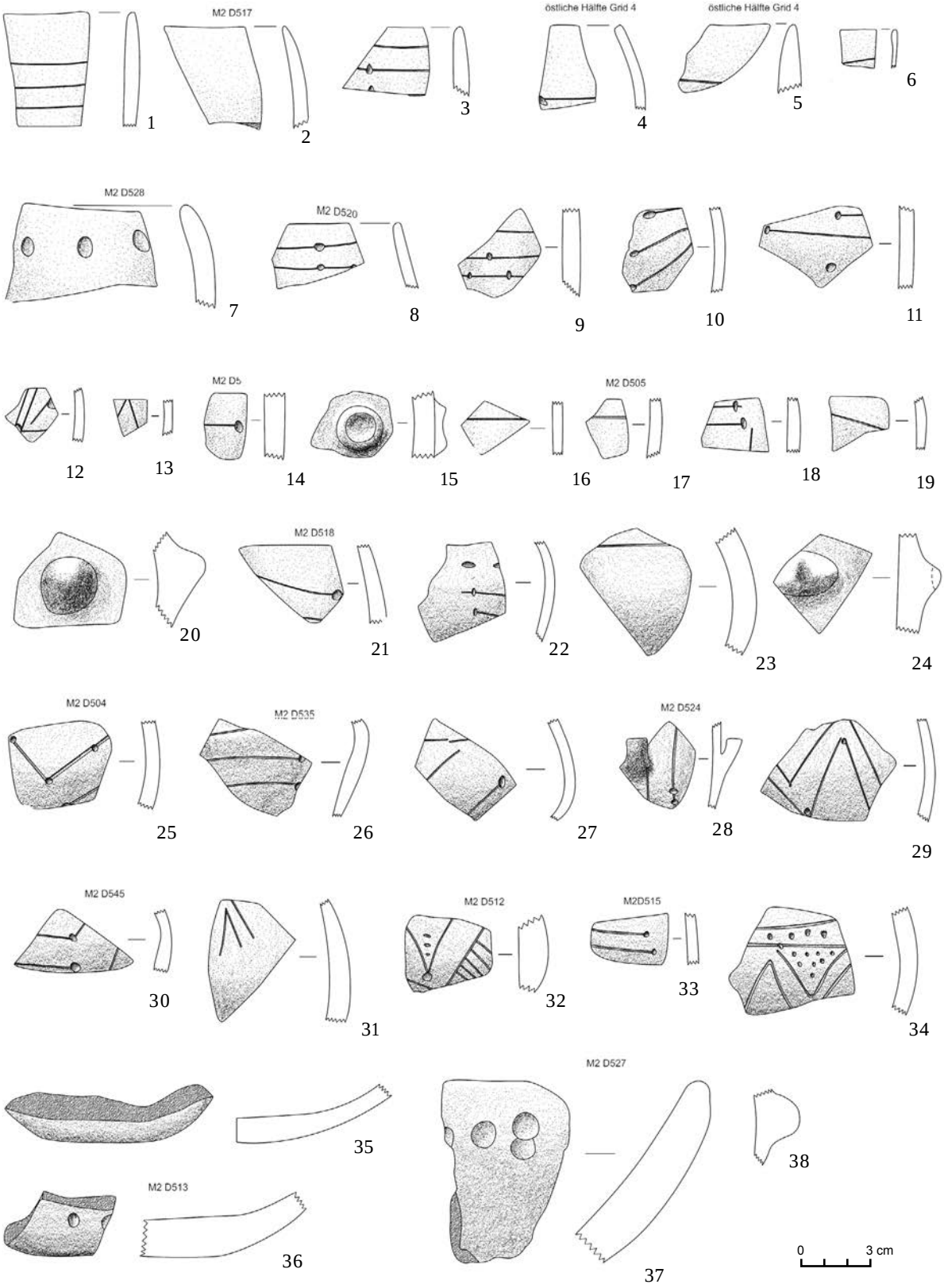


Fig. 12. Chişcăreni XIV. 1-38 - ceramică.

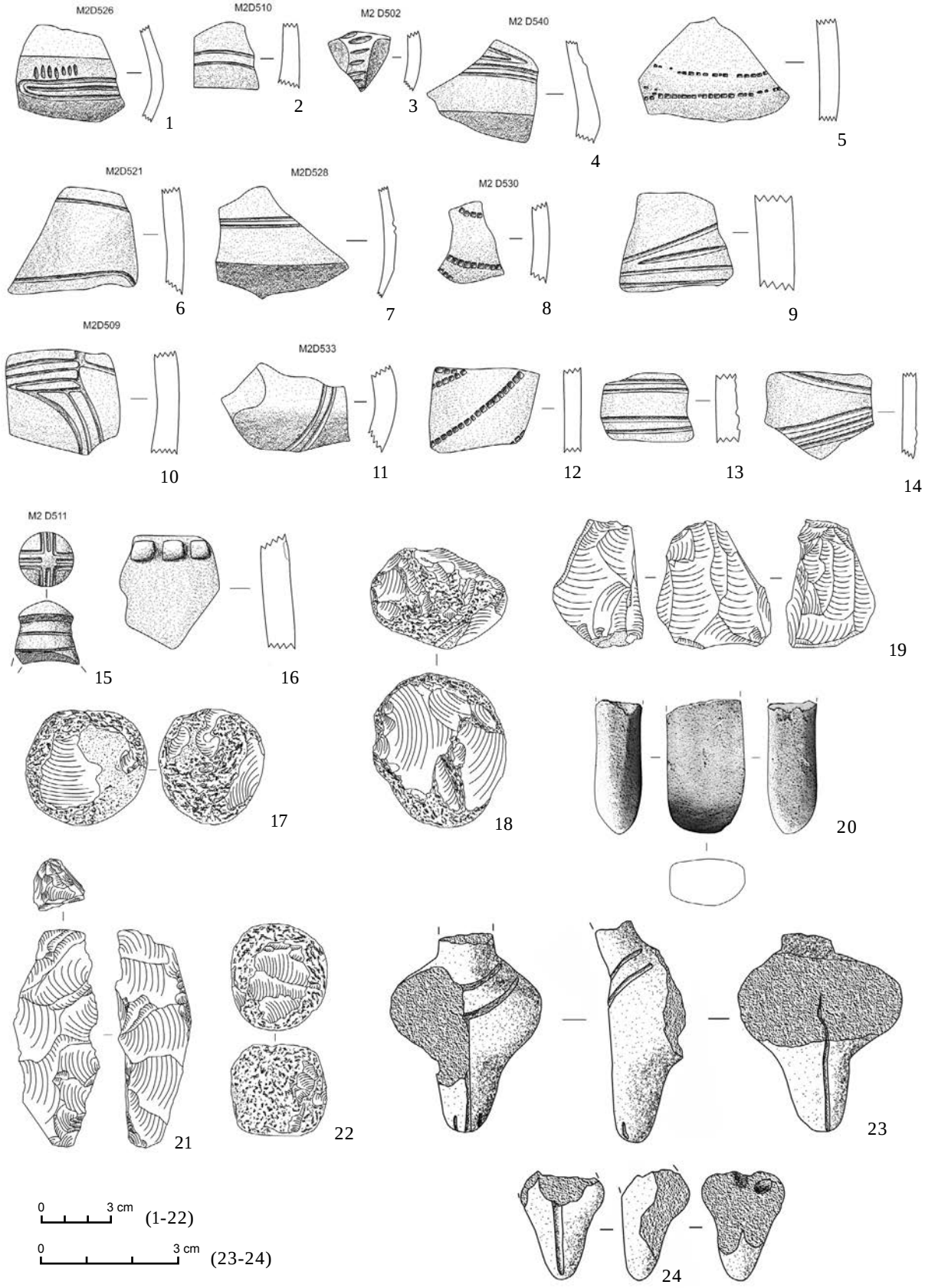


Fig. 13. Chişcăreni XIV. 1-16 - ceramică; 17-24 - piese de inventar.

7. Nicolaevca V (raionul Sîngerei).

Coordonate geografice:
47°36'15.59" N, 28° 3'10.34" E.

Bazin hidrografic: Ciulucul de Mijloc, afluent de dreapta al Răutului.

Localizare: aproximativ la 500 m spre sud-est de sat, pe panta lină a văii unui pârâu, afluent de stânga al Ciulucului de Mijloc.

Cercetări anterioare: aşezarea a fost descoperită în anii 1970 de către V. Bicbaev (Бикбаев 1981, 194; Bodean 2001, 73). La momentul descoperirii, în baza distribuţiei materialului, suprafaţa sitului a fost estimată la 6 ha. Ceramica colectată aparţinea culturilor band-liniare şi Precucuteni.

Suprafaţa scanată: circa 5 ha.

Rezultatele scanării: la sud de drumul de ţară care traversează situl au fost semnalate multiple anomalii cu amplitudine mijlocie şi înaltă, orientate pe axa NE-SV (fig. 14). Dimensiunile acestora ne permit interpretarea lor drept resturi de la cel puţin patru locuinţe lungi band-liniare. La nord de drum au fost semnalate multiple anomalii cu amplitudine diferită, majoritatea putând fi atribuite unor complexe adâncite. Distribuţia materialului de suprafaţă (pus în plan cu ajutorul unui tahimetru electronic) indică o concentrare certă a materialului precucutenian în această zonă (fig. 15). Pe planul geofizic, anomaliile cu amplituda mijlocie de la complexe adâncite sunt amplasate periferic, formând o structură apropiată de cea circulară. În partea centrală a aşezării precucuteniene au fost identificate câteva structuri cu anomalia înaltă, care pot fi atribuite unor complexe de lut ars. În partea de nord-vest a sitului, a fost semnalată o aglomerare de gropi circulare.

Materiale arheologice şi răspândirea acestora: De la suprafaţa sitului a fost colectată ceramică, obiecte din silex şi piese de inventar.

Toată ceramica este precucuteniană şi numără 33 fragmente, 16 dintre care aparţin categoriei fine, ornamentate.

Ceramica grosieră este modelată din pastă cu impurităţi vegetale şi şamotă, arderea neomogenă. Majoritatea cioburilor din această categorie sunt fragmente de pereţi, fără decor. Un fragment este cu brâu alveolat (fig. 16/7), altul este de la buza evazată a unui vas de tip borcan (fig. 16/3).

Ceramica semifină are o culoare gri/cenuşie , brună-închisă sau brună-deschisă, cu minim de impurităţi în pastă, ardere omogenă. Materialul fiind puternic fragmentat, au putut fi identificate următoarele forme:

– străchini cu buza evazată şi decor incizat sub buză (fig. 16/10);
– linguri cu incizii scurte orizontale, amplasate lateral (fig. 16/2).

Celelalte fragmente aparţin unor funduri cu baza concavă sau dreaptă (fig. 16/11-12) şi pereţilor de la vase de formă inedită. Decorul este compus din linii incizate orizontale, verticale, oblice sau circulare şi şiruri oblice alcătuite din puncte sau impresiuni de tip „rotiţă" (fig. 16). Unul dintre fragmentele de pereţi este înzestrat cu un mâner cu perforare „falsă" orizontală (fig. 16/6).

Obiectele din silex sunt 67 (50 aşchii şi 17 lame de diverse dimensiuni).

Piesele de inventar sunt reprezentate de trei nuclee, trei nuclee reutilizate în percutoare şi un percutor (fig. 16/13-18).

Interpretare şi perspective: aşezarea eneolitică poate fi atribuită etapei Precucuteni III. Situl se află într-o excelentă stare de păstrare, terenul fiind neafectat de aratul adânc, eroziune naturală sau construcţii contemporane. Pe planul geomagnetic se disting două zone clare, una dintre care conţine sigure anomalii de la complexe adâncite şi arse precucuteniene, iar a doua prezintă anomalii alungite de la probabile locuinţe band-liniare, identificate pentru prima dată pe teritoriul Republicii Moldova. Aşezarea precucuteniană este prima din întreg arealul etapei Precucuteni - Tripolie A, în cadrul căreia au fost identificate complexe adâncite amplasate circular. Astfel, continuarea cercetărilor arheologice este absolut necesară, având o importanţă majoră pentru neoliticul şi eneoliticul din interfluviul pruto-nistrean.

8. Bumbăta III (raionul Ungheni)

Coordonate geografice:
47°20'12.95" N, 27°58'55.22" E.

Bazin hidrografic: bazinul râului Delia, afluent de stânga al Prutului.

Localizare: Situl este situat la circa 250m SV de marginea satului, la 200 m SV de linia de cale fe-

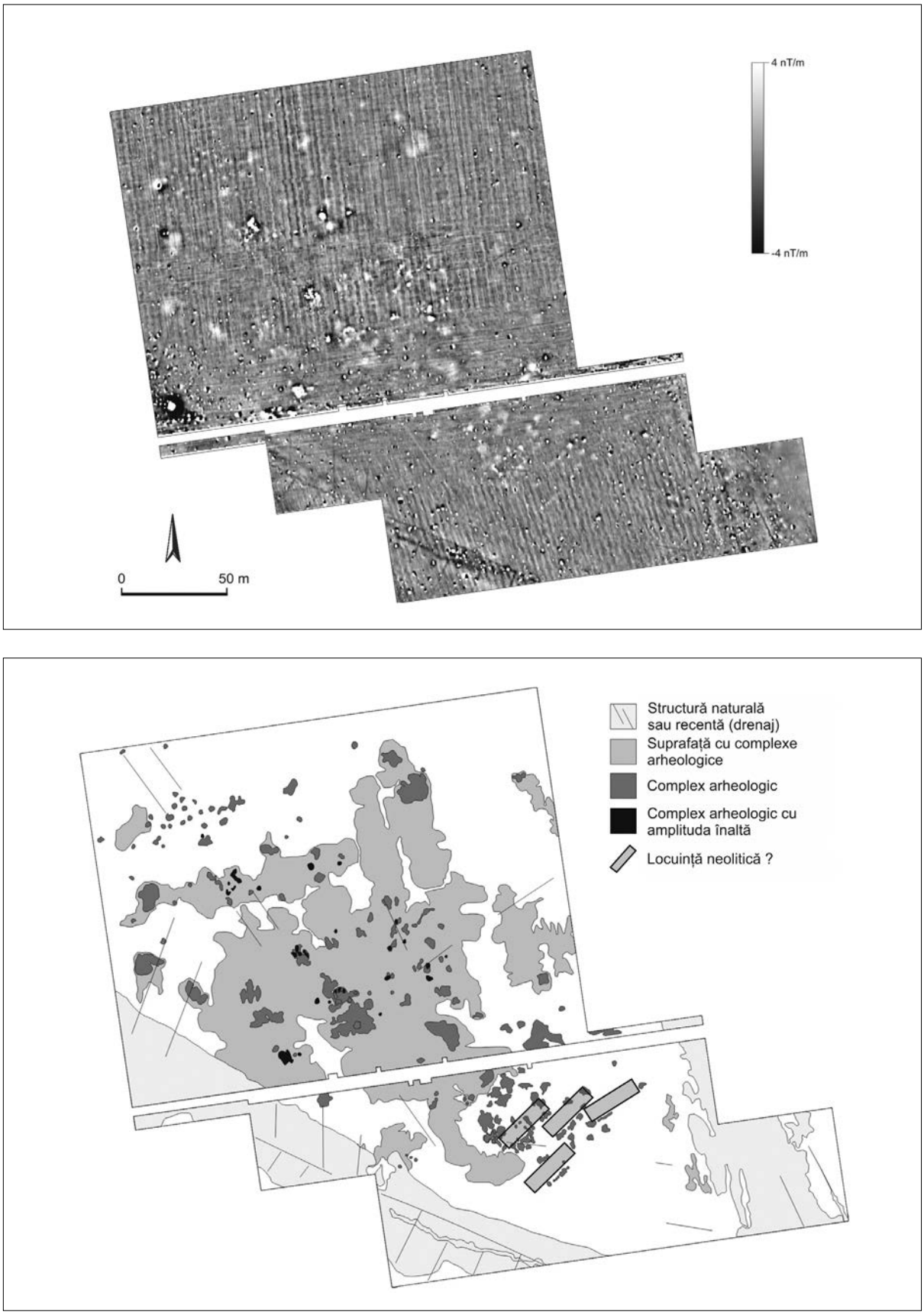


Fig. 14. Nicolaevca V. Planul geofizic şi interpretarea acestuia.

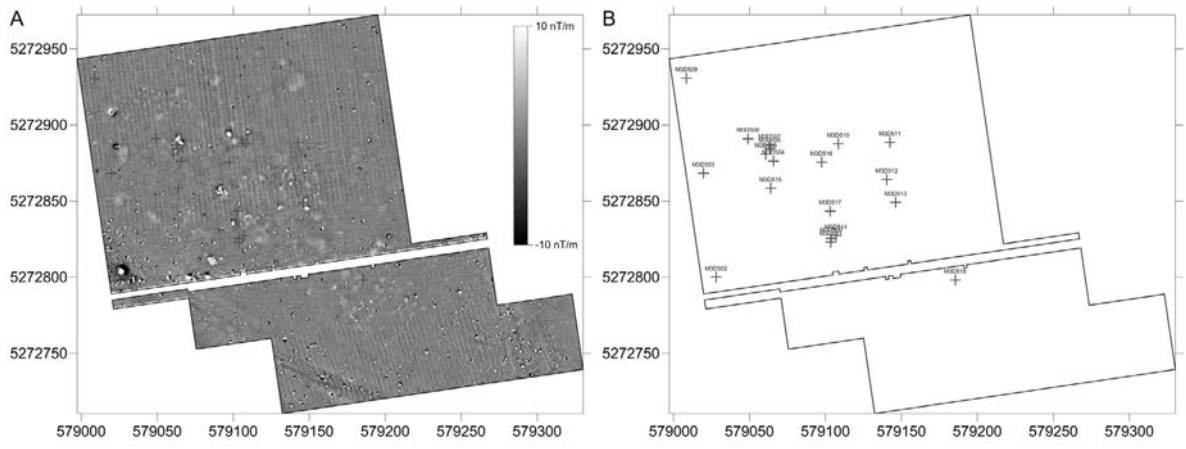


Fig. 15. Nicolaevca V. Distribuţia materialului de suprafaţă.

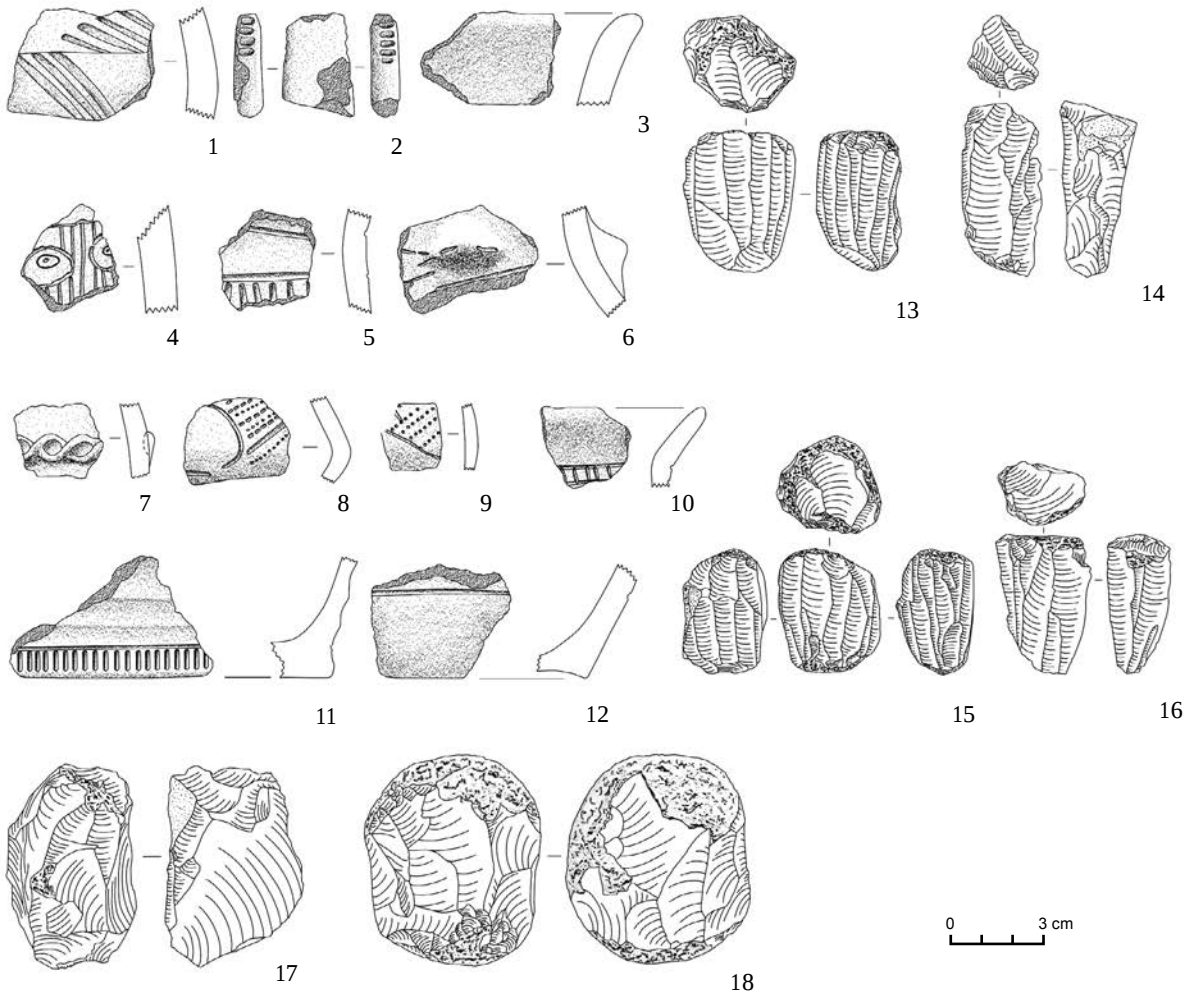


Fig. 16. Nicolaevca V. 1-12 - ceramică; 13-18 - piese de inventar.

rată Chişinău-Ungheni, anume de la locul unde aceasta este intersectată de un drum care duce din sat spre interiorul unei văi, prin care trece un pârâu. Aşezarea este amplasată pe versantul de stânga, lin, al pârâului, la o altitudine de circa 160 m şi o distanţă de circa 50-60 m de pârâu, pe linie dreaptă.

Cercetări anterioare: Aşezarea a fost identificată perieghetic de către S. Bodean, care a cules de la suprafaţă 45 fragmente ceramice şi două piese din silex (Bodean 2003, 97, fig. 1), remarcată fiind prezenţa decorului incizat cu „capete de note" pe ceramica fină şi a unui fragment cu alveole pe buză din categoria ceramicii grosiere.

Suprafaţa scanată: circa 2 ha.

Rezultatele scanării: pe planul geofizic sunt bine vizibile hotarele parcelelor contemporane şi unele structuri geologice în partea de est. Anomaliile arheologice sunt prezente mai ales în partea centrală a planului. Au fost identificate două grupuri câte trei anomalii circulare de dimensiuni mici, amplasate în două linii paralele, de la o locuinţă lungă liniară cu orientarea SV-NE. Alte câteva anomalii de la posibile locuinţe lungi (depistate în baza gropilor alungite) sunt vizibile în partea de vest a planului (fig. 17).

Materiale arheologice şi răspândirea acestora: De pe suprafaţa aşezării au fost colectate următoarele materiale arheologice: 90 cioburi, 18 piese din silex (majoritatea aşchii, câteva lame), fragmentul unei tesle neolitice din piatră (fig. 19/13). Este de remarcat prezenţa unor fragmente ceramice medievale târzii (3 la număr) la periferia sud-sud-estică a sitului. Toate celelalte artefacte pot fi atribuite locurii neolitice.

Peste zona cu şirurile de anomalii circulare a fost plasat un sondaj cu dimensiunile de 3×2 m, orientat pe axa NV-SE. Sondajul a fost divizat în şase carouri de 1×1 m. Sondajul a fost excavat pe toată suprafaţa până la solul steril şi epuizarea complexelor antropice. Excavarea a fost realizată în următorul mod: săparea unor straturi de 20 cm cu grunduire pe toată suprafaţa până la conturarea certă a unor posibile complexe adâncite, ulterior – focusarea pe cercetarea complexelor.

Sondajul a prezentat următoarea stratigrafie (descrisă conform profilului de SE, carourile A-B/3):

– sol negru arabil cu particule minuscule de lut ars: 0-25 cm;
– sol negru nearat cu fragmente mici de lut ars şi ceramică: 25-35 cm;
– strat semicompact de culoare cafenie-închisă cu fragmente mici de lut ars: 35-40/53 cm (stratul de cultură neolitic);
– strat semicompact de culoare cafenie-închisă cu incluziuni lutoase galbene, fragmente de lut ars şi cărbune: 53-168/170 cm (umplutura gropii de par neolitice);
– după 53/170 cm – lut steril.

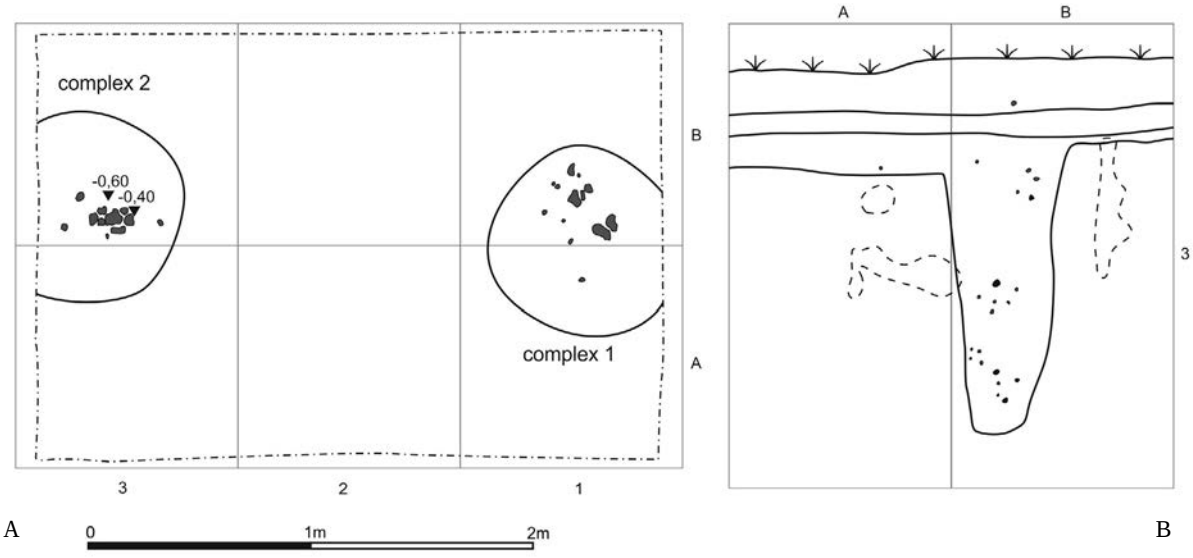
Din stratul de cultură provin 3 fragmente ceramice şi 43 fragmente de lipitură.

La adâncimea de -40, în carourile A-B/1 şi A-B/3 au fost surprinse două pete neregulate de culoare cafenie-închisă cu aglomerări de lut ars fărâmicios; la următoarea grunduire (-60) s-a stabilit că aceste pete corespund unor gropi rotunjite care au fost denumite complex 1 (carourile A-B/1) şi complex 2 (carourile A-B/3). Distanţa dintre punctele centrale ale gropilor constituia 2,3 m (fig. 18/A).

Complexul 1 corespunde unei gropi de par cu dimensiunile de circa 85×85 cm (o parte a gropii intrând sub peretele de NV al sondajului) şi adâncimea de 125-130 cm. Groapa avea o formă trapezoidală, cu fundul drept, colţurile la fund puţin rotunjite, peretele de SE aproape vertical, iar cel de NV – oblic. Umplutura gropii era alcătuită din sol semicompact de culoare cafenie-închisă cu incluziuni lutoase galbene, fragmente de lut ars şi cărbune, pietricele mici. Fragmentele de lipitură de dimensiuni mai mari erau concentrate compact în partea de sus a gropii, în caroul B/1. Inventar arheologic: 60 fragmente de lut ars şi trei oase.

Complexul 2 corespunde unei gropi de par cu dimensiunile de circa 85×85 cm (o parte a gropii intrând sub peretele de SE al sondajului) şi adâncimea de 168-170 cm (fig. 18/B-C). Groapa avea formă de pâlnie, mai lată în partea superioară şi subţiată, aproximativ cilindrică în partea mijlocie şi inferioară (diametrul în partea mijlocie fiind de circa 40cm, în cea inferioară – circa 25 cm), fundul alveolat. Umplutura gropii era alcătuită din sol semicompact de culoare cafenie-închisă cu incluziuni lutoase galbene, fragmente de lut ars şi cărbune, pietricele mici. Fragmentele de lipitură de dimensiuni mai mari erau concentrate compact în partea de sus a gropii, în caroul B/3. Inventar arheologic: cinci cioburi, 102 fragmente lipitură, două oase, o aşchie de silex.

Fig. 17. Bumbăta III. Planul geofizic şi interpretarea acestuia.



C

Fig. 18. Bumbăta III. Sondaj arheologic.

Ceramica. Materialul ceramic liniar de la Bumbăta poate fi divizat în două categorii: grosier (fig. 19/1, 2, 6, 7, 8, 14) şi fin (fig. 19/3-5, 12). Pasta ceramicii grosiere are impurităţi vegetale, şamotă şi pietricele pisate. Pasta ceramicii fine este omogenă, fără impurităţi vizibile.

Au putut fi identificate următoarele tipuri de decor:

– plastic, reprezentat prin câteva variante de butoane/mânere: alungit orizontal cu o adâncitură pe mijloc (fig. 19/1), alungit vertical (fig. 19/4) şi rotunjit cu adâncitură pe mijloc (fig. 19/7);
– decor adâncit, prezent pe un fragment de perete cu trei şiruri de impresiuni aplicate cu unghia (fig. 19/2);
– decor liniar din linii înguste sau mai largi (fig. 19/6), uneori asociat cu „capete de note” (fig. 19/3-5).

Interesantă e combinaţia, destul de rară (Dębiec 2014), dintre decorul plastic şi liniar pe un fragment din categoria fină (fig. 19/4). De asemenea, mai rar se întâlneşte aplicarea decorului liniar pe ceramica grosieră (fig. 19/6).

Fragmentele de lipitură colectate din sondaj erau destul de friabile, totuşi, pe unele din acestea s-au putut observa amprente rotunjite şi rectangulare de la structura de rezistenţă a pereţilor locuinţei de suprafaţă (fig. 19/9-10).

Insuficienţa materialului ceramic cu decor nu permite o încadrare fină relativ-cronologică a aşezării. În linii generale, aceasta poate fi datată în faza cu note muzicale.

Interpretare şi perspective: sondajul arheologic a permis verificarea şi validarea planului geomagnetic. Astfel, complexul 2, cel mai adânc, corespunde unei gropi din şirul gropilor de par centrale din locuinţă, aceasta fiind orientată pe linia SV-NE, pe când complexul 1 corespunde unei gropi din şirul lateral. În acelaşi timp, în partea vestică a planului geomagnetic sunt observate unele anomalii alungite, care pot fi atribuite gropilor lungi de la mai multe locuinţe, orientate pe linia SE-NV.

Identificarea unei locuinţe liniare cu gropi de par (pentru a doua dată în spaţiul pruto-nistrean, după cea de la Durleşti), verificarea acesteia prin intermediul sondajului arheologic, diferenţele interesante dintre orientarea ei şi a posibilelor case din vestul aşezării fac necesară continuarea cercetărilor pe situl de perspectivă majoră.

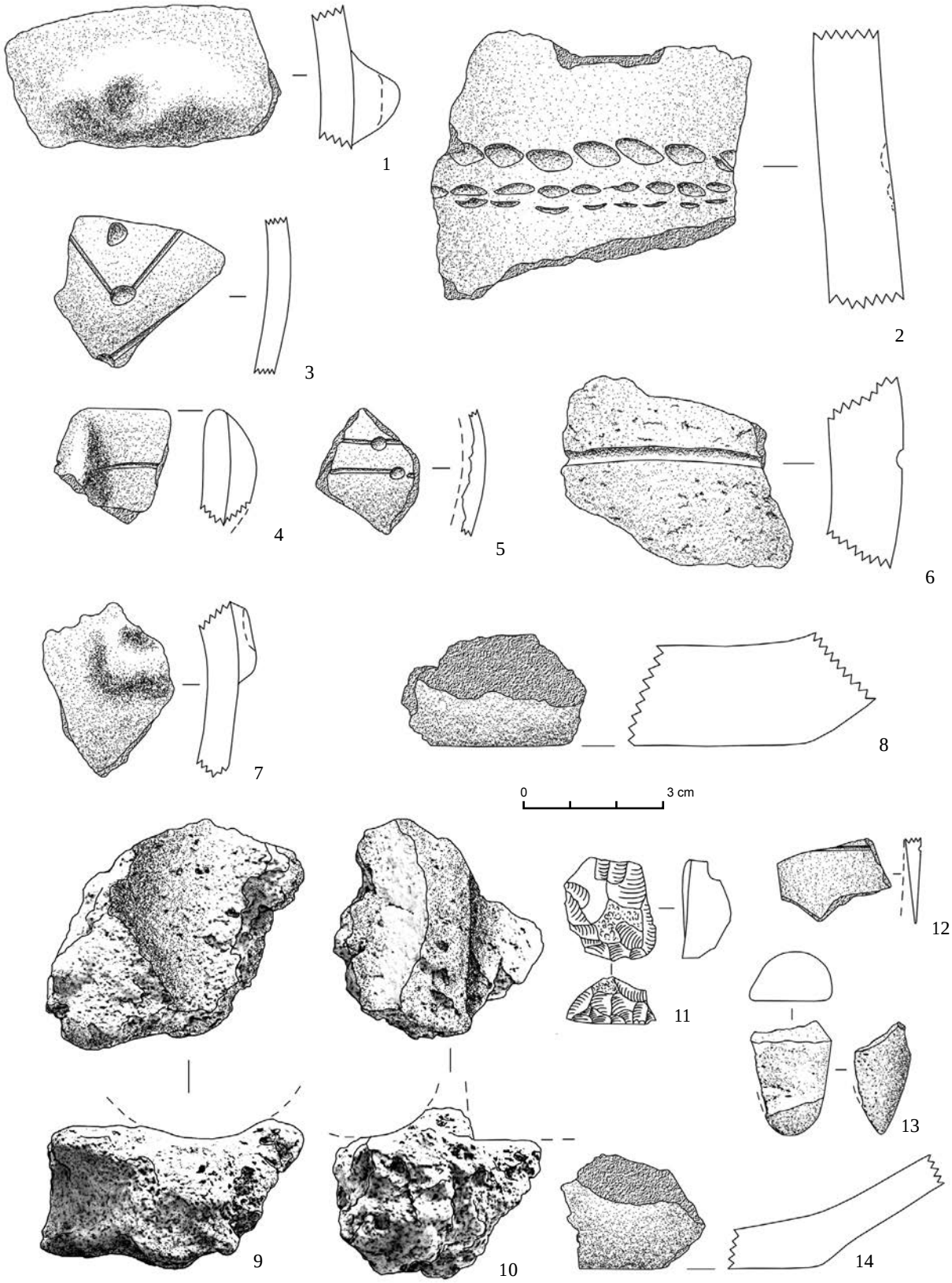


Fig. 19. Bumbăta III. Materiale arheologice.

9. Găureni I (raionul Nisporeni)

Coordonate geografice:
47°11'8.53" N, 28° 4'35.59" E.

Bazin hidrografic: râul Nârnova, afluent de stânga al Prutului.

Localizare: situl este amplasat la circa 900 m sud-vest de sat, pe partea dreaptă a drumului ce duce în Găureni, la circa 200 m nord-est de intersecţia acestuia cu drumul local L 390. Aşezarea se află pe panta lină de dreapta a văii râului Nârnova, la altitudinea de circa 150-160m, fiind supraînălţată cu 10-20 m peste nivelul actual al apei.

Cercetări anterioare: sit identificat de Gh. Postică în anii 1980.

Suprafaţa scanată: circa 3 ha.

Rezultatele scanării: cercetările geofizice au fost realizate pe ambele părţi ale drumului care duce spre sat. Materialul neolitic era concentrat pe suprafaţa sitului, la sud-est de drum. Aici scanarea a permis identificarea unor anomalii care corespund unor complexe adâncite. În pofida amplitudinii generale joase a anomaliilor şi a contururilor nu foarte clare ale acestora, pe plan pot fi observate mai multe structuri alungite, orientate aproximativ pe axa nord-sud (cu o uşoară deviere spre est), interpretate ca gropi aferente unor locuinţe lungi liniare (fig. 20). Cel mai bine sunt vizibile anomaliile corespunzătoare locuinţei estice, marcată cu nr. 1.

Materiale arheologice şi răspândirea acestora: De pe suprafaţa aşezării au fost colectate următoarele materiale arheologice: 65 cioburi, 31 piese din silex (majoritatea aşchii, câteva lame). Una dintre piesele de silex are luciu specific pentru seceri (fig. 24/2). Este de remarcat prezenţa câtorva fragmente ceramice din epoca romană. Toate celelalte artefacte pot fi atribuite locuirii neolitice.

În scopul verificării datelor planului geofizic au fost plasate două sondaje peste anomaliile cu intensitate diferită – unul peste probabila groapa lungă vestică a locuinţei 1 (anomalia cu intensitatea mai înaltă a amplitudinii) şi al doilea peste probabila groapă lungă estică a locuinţei 3 (anomalia cu intensitatea mai joasă a amplitudinii). Ambele sondaje aveau dimensiunile de 2×2 m, fiind orientate SSV-NNE în aşa mod ca să surprindă limita presupusului complex arheologic. Sondajele au fost numerotate 1 şi 2, fiecare dintre ele fiind divizat în patru carouri de 1×1 m, marcate cu litere (A-B) şi cifre (1-2). Pe toată suprafaţa sondajele au fost excavate până la solul steril şi epuizarea complexelor antropice. Excavarea a fost realizată în următorul mod: săparea unor straturi de 20 cm cu grunduire pe toată suprafaţa până la conturarea certă a unor posibile complexe adâncite, ulterior – focusarea pe cercetarea complexelor.

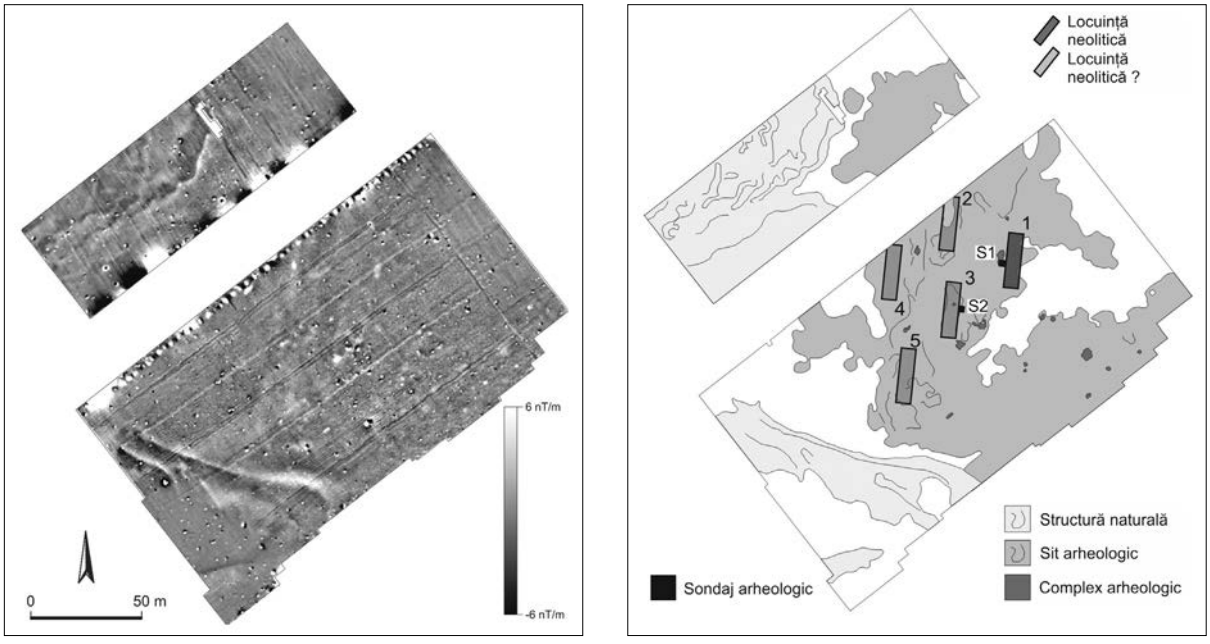


Fig. 20. Găureni I. Planul geofizic şi interpretarea acestuia.

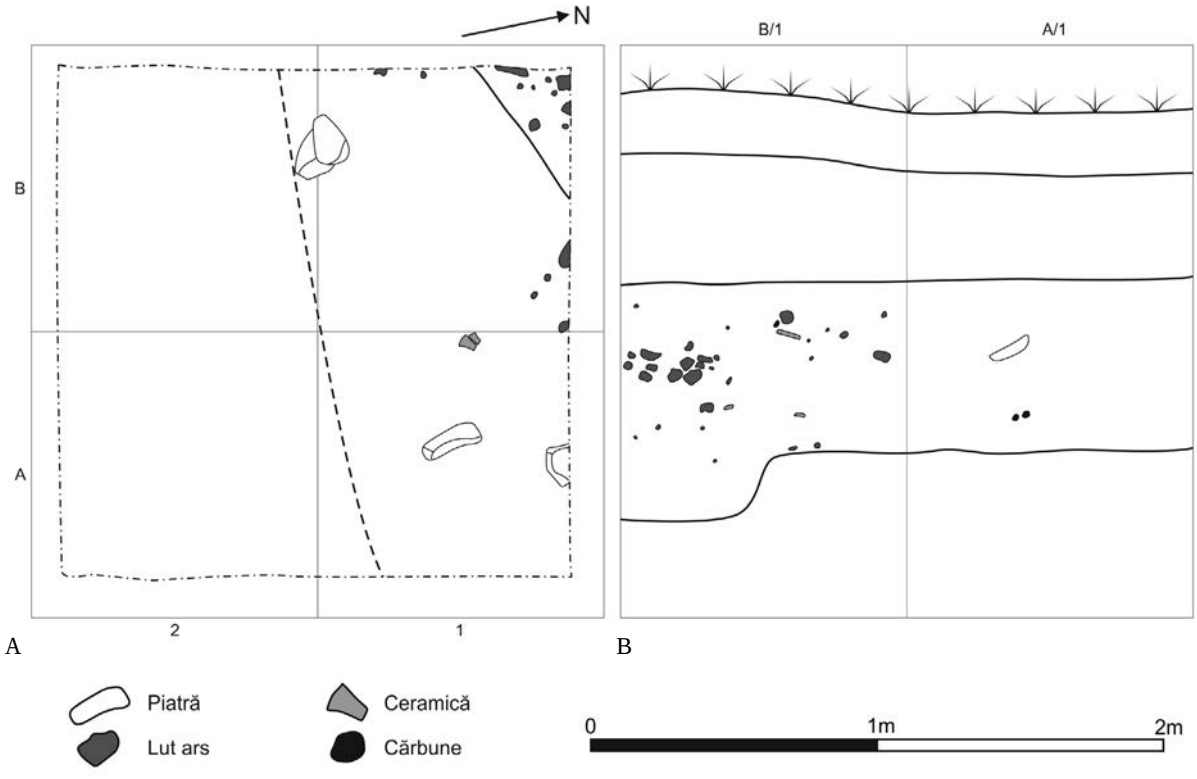


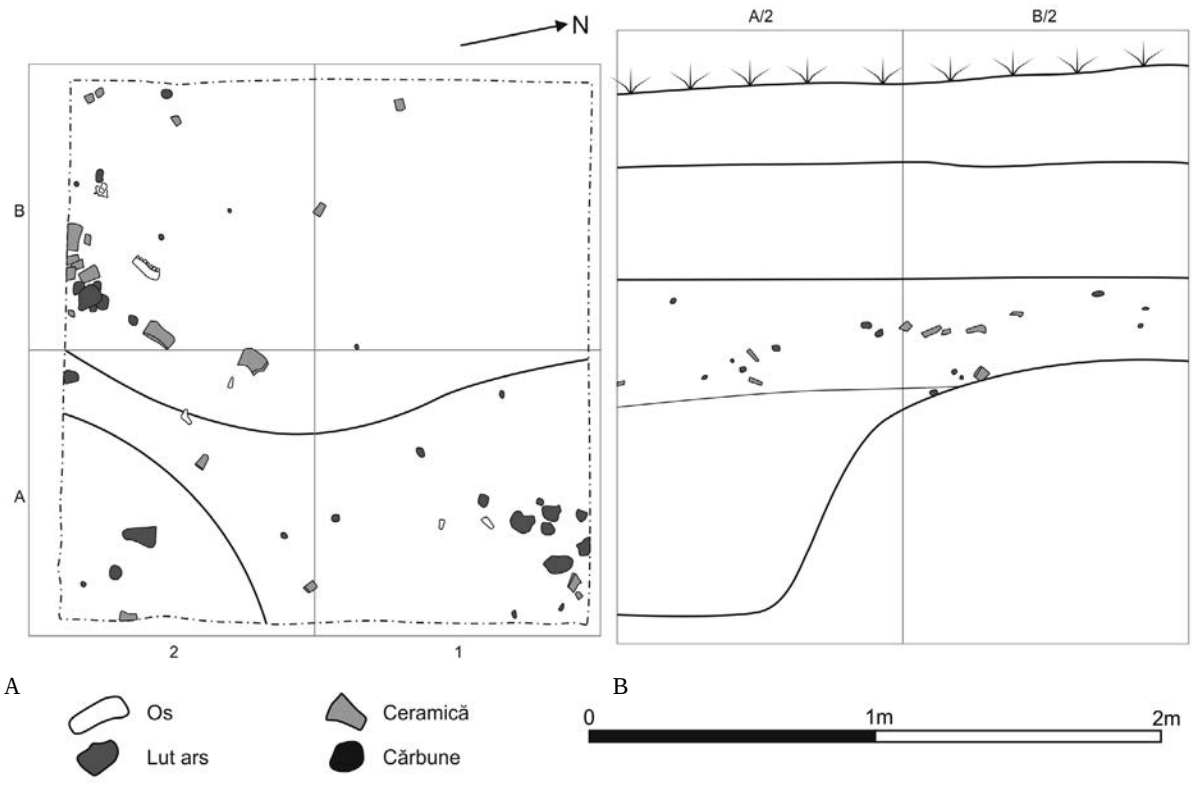
Fig. 21. Găureni I. Sondaj 1.

Sondajul 1. A fost plasat peste extremitatea sudică a unei anomalii cu amplitudine înaltă, de formă alungită (orientată SV-NE), corespunzătoare unui complex adâncit, interpretat ca groapa lungă vestică a unei locuinţe lungi. Stratigrafia sondajului (descrisă conform peretelui nordic, carourile B-A/1):

– sol negru arabil: 0-21 cm;
– sol negru nearat: 21-58/60 cm;
– strat brun-gălbui semicompact cu incluziuni calcaroase, fragmente de lut ars, ceramică şi cărbune: 58/60-118/120 cm (stratul de cultură neolitic);
– strat brun-gălbui semicompact cu incluziuni calcaroase, şi fragmente de lut ars în partea superioară: 118/120-143 cm (umplutura complexului adâncit neolitic);
– după 143 cm: lut steril.

Stratul de cultură neolitic a fost puternic afectat de bioperturbări din care cauză conturul complexului adâncit a putut fi surprins doar la adâncimea de 75/85 cm graţie distribuţiei materialului. Astfel, la această adâncime, au fost depistate patru râşniţe, câteva cioburi şi mai multe fragmente de lipitură, orientate pe linia VSV - ENE în carourile B/2 şi A-B/1. Mai jos, până la adâncimea de 120/130 cm, materialul arheologic era orientat pe aceeaşi linie. Abia la -130, în colţul de NV al sondajului (carou B/1) a putut fi depistat un contur ceva mai întunecat, excavat până la adâncimea de 143 cm, la care se epuizau depunerile antropice (fig. 21).

Din sondajul 1 provin 18 fragmente ceramice, opt oase, 50 fragmente lipitură, o piesă de silex şi patru râşniţe (fig. 24/8-11).



Sondajul 2. A fost plasat peste latura vestică a unei anomalii cu amplitudine joasă, de formă alungită (orientată SV-NE), corespunzătoare unui complex adâncit interpretat ca groapa lungă estică a unei locuinţe lungi. Stratigrafia sondajului (descrisă conform peretelui nordic, carourile B-A/1):

– sol negru arabil: 0-30 cm;
– sol negru nearat: 30-69/71 cm;
– strat brun-gălbui semicompact cu incluziuni calcaroase, fragmente de lut ars (concentrate în partea superioară) şi ceramică: 69/71-96 cm (stratul de cultură neolitic);
– strat brun-gălbui semicompact cu incluziuni calcaroase şi câteva fragmente de lut ars: 96-125/128 cm (primul strat de umplutură a complexului adâncit neolitic);
– strat brun-verzui lutos, compact, cu fragmente răzleţe de lut ars: 125/128-156 cm (al doilea strat de umplutură a complexului adâncit neolitic);
– după 156 cm: lut steril.

Şi aici, stratul de cultură neolitic a fost puternic afectat de bioperturbări. Ca şi în sondajul 1, conturul complexului adâncit a putut fi surprins doar la adâncimea de 80 cm, graţie distribuţiei materialului arheologic. Astfel, a fost surprinsă o aglomerare din fragmente de lipitură, cioburi şi oase de animale, orientată pe linia SV - NE, în carourile B/2, A/1 şi A/2. Remarcăm că anume la acest nivel era concentrată majoritatea pieselor de inventar din sondaj, printre care menţionăm un vas aproape întreg din categoria fină, ornamentat cu „note muzicale" (peretele caroului A/2 – fig. 26/1) şi o greutate de lut ars (caroul B/2 – fig. 26/3).

Fig. 22. Găureni I. Sondaj 2.

După demontarea respectivei aglomerări, excavarea a continuat pe toată suprafaţa. La adân-

cimea de 88 şi 95 cm, în carourile A/1 şi A/2 au fost găsite două pietre de circa 20×20×15 cm fără urme de prelucrare, iar la -99 cm, în caroul A/2 a fost descoperit un nucleu din silex. La 97-100 cm, taluzarea orizontală a sondajului a permis identificarea conturului unui complex adâncit în carourile A/1-2, neregulat, orientat SSV-NNE, a cărui umplutură era mai închisă la culoare. De la acest nivel, complexul a fost excavat în limitele conturului care continua cu o formă neregulată, orientată pe aceeaşi axă SSV-NNE. Materiale arheologice se întâlneau sporadic. La adâncimea de 150 cm, complexul continua doar în caroul A/2, având o formă arcuită şi continuând sub colţul de SV al sondajului (fig. 22). Fundul acestei alveolări a fost atins la -183 cm. Remarcăm lipsa aproape totală a inventarului, excepţie făcând o teslă din piatră, găsită la adâncimea de 170 cm (fig. 26/2).

Astfel, din sondajul 2 provin: 138 fragmente ceramice, 27 oase, 151 fragmente lipitură, două piese din silex, două pietre, o greutate de lut, un vas din categoria fină cu profilul întregibil şi o teslă din piatră.

Ceramica aşezării. Materialul ceramic liniar de la Găureni poate fi divizat în două categorii: grosier (fig. 24/1, 4; fig. 25/1-3, 10, 13, 15) şi fin (fig. 24/3, 5-7; fig. 25/4-9, 11-12, 14). Pasta ceramicii grosiere are impurităţi vegetale, şamotă şi pietricele pisate. Pasta ceramicii fine este omogenă, fără impurităţi vizibile.

Au putut fi identificate următoarele tipuri de decor:

– plastic, reprezentat prin butoane/mânere de diverse tipuri, unele cu adâncitură pe mijloc (fig. 24/1; fig. 25/2, 10) şi brâuri alveolate (fig. 24/4, 25/3, 15);
– adâncit, reprezentat de impresiuni circulare (fig. 25/1) şi aplicate cu unghia (fig. 25/13);
– liniar, cu note muzicale (fig. 24/3, 5-7; fig. 25/5-8, 11-12, 14; fig. 26/1).

Morfologic, au putut fi identificate doar două tipuri principale: castron semisferic (1/2 sferă) cu decor liniar incizat şi cu note muzicale (fig. 26/1), cu diametrul fundului de 5,2 cm şi al buzei de 14,4 m şi castron de 2/3 sferă (supranumit şi castron semisferic cu buza îndoită spre interior) din categoria fină (fig. 24/7) şi grosieră (fig. 25/1).

Ca şi la Bumbăta, *fragmentele de lipitură* colectate din sondaj erau friabile, totuşi, pe unele din ele s-au putut observa amprente rotunjite de la

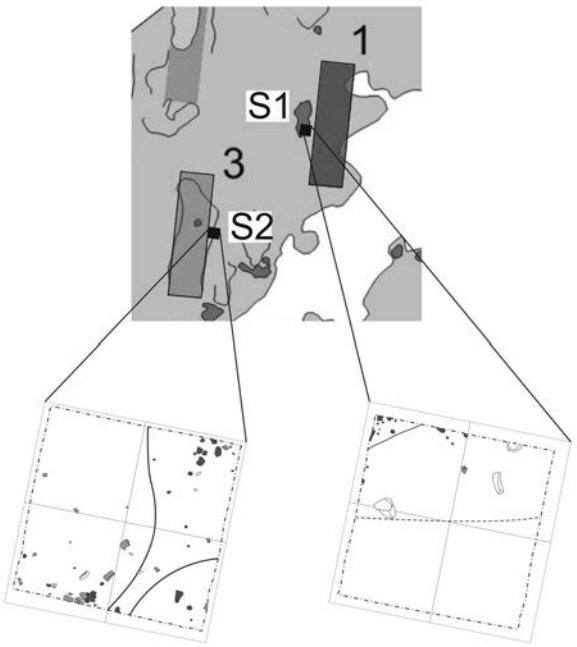


Fig. 23. Găureni I. Contururile complexelor adâncite din sondaje coroborate cu interpretarea planului geofizic.

structura de rezistenţă a pereţilor locuinţei de suprafaţă (fig. 25/16-17).

Interpretare şi perspective: sondajele arheologice au permis verificarea şi validarea planului geomagnetic. Configuraţia complexelor adâncite din ambele sondaje corespunde limitelor şi orientării gropilor lungi. În sondajul 1 a fost surprinsă extremitatea sudică a unei asemenea gropi, pe când sondajul 2 a permis documentarea laturii vestice a unei gropi similare (fig. 23). În ambele sondaje, lutul ars şi celelalte materiale arheologice sunt concentrate în partea superioară a umpluturii gropilor şi provin, cel mai probabil, din locuinţele aferente. Alte materiale din umplutură (pietrele fără urme de prelucrare, râşniţele, piesele din silex, tesla de piatră) pot fi puse în legătură cu unele activităţi casnice, desfăşurate în gropile deschise. Adâncimea gropilor sugerează utilizarea lor pentru extracţia lutului folosit la construcţia caselor.

Identificarea posibilelor locuinţe lungi pe planul geofizic, validarea acestuia prin intermediul sondajelor arheologice, conservarea foarte bună a vestigiilor neolitice sub stratul de humus, lipsa unor complexe arheologice care ar putea fi atribuite epocilor mai târzii ne permit să considerăm aşezarea de la Găureni ca una de perspectivă majoră pentru cercetări ulterioare.

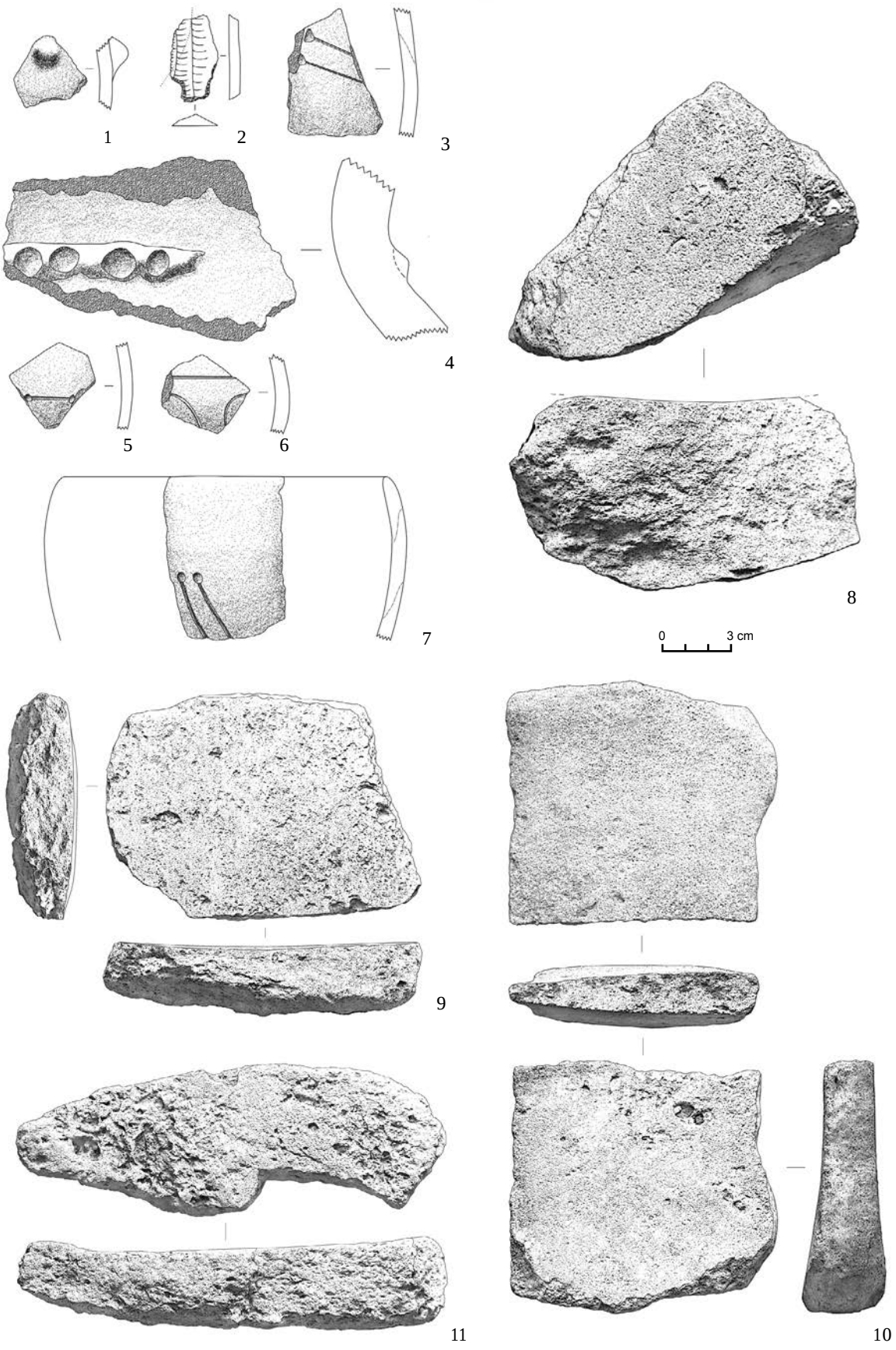


Fig. 24. Găureni I. Materiale arheologice.

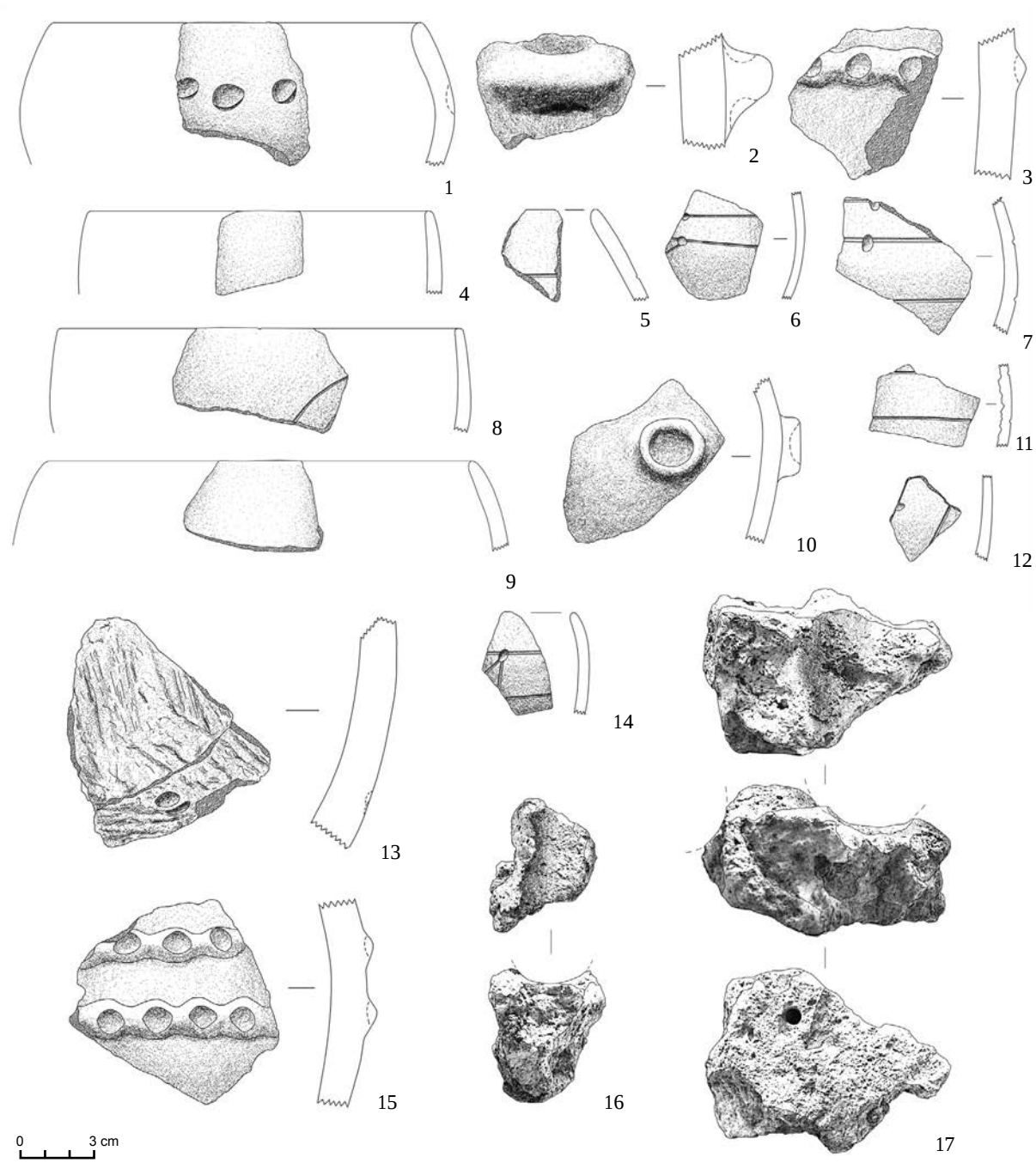


Fig. 25. Găureni I. Materiale arheologice.

10. Floreşti I

Coordonate geografice:
47°53'3.50" N, 28°15'54.41" E.

Bazin hidrografic: râul Răut.

Localizare: situl este amplasat la extremitatea vestică a oraşului, pe malul de nord (stâng) al Răutului, pe panta lină a văii riverane, la altitudinea de circa 90-95m.

Cercetări anterioare: aşezarea a fost descoperită perieghetic de către V. Marchevici în anul 1954. Cercetările ulterioare au fost realizate de Expediţia Tripoliană (ulterior – Moldovenească) a AŞ a URSS sub conducerea T. Passek, situl devenind unul de referinţă pentru istoria comunităţilor CCBL şi Precucuteni din spaţiul nord-vest pontic (Дергачев 2001-2002, 39). În 1955 au fost plasate primele sondaje; între 1956-1958 şi 1960-1961

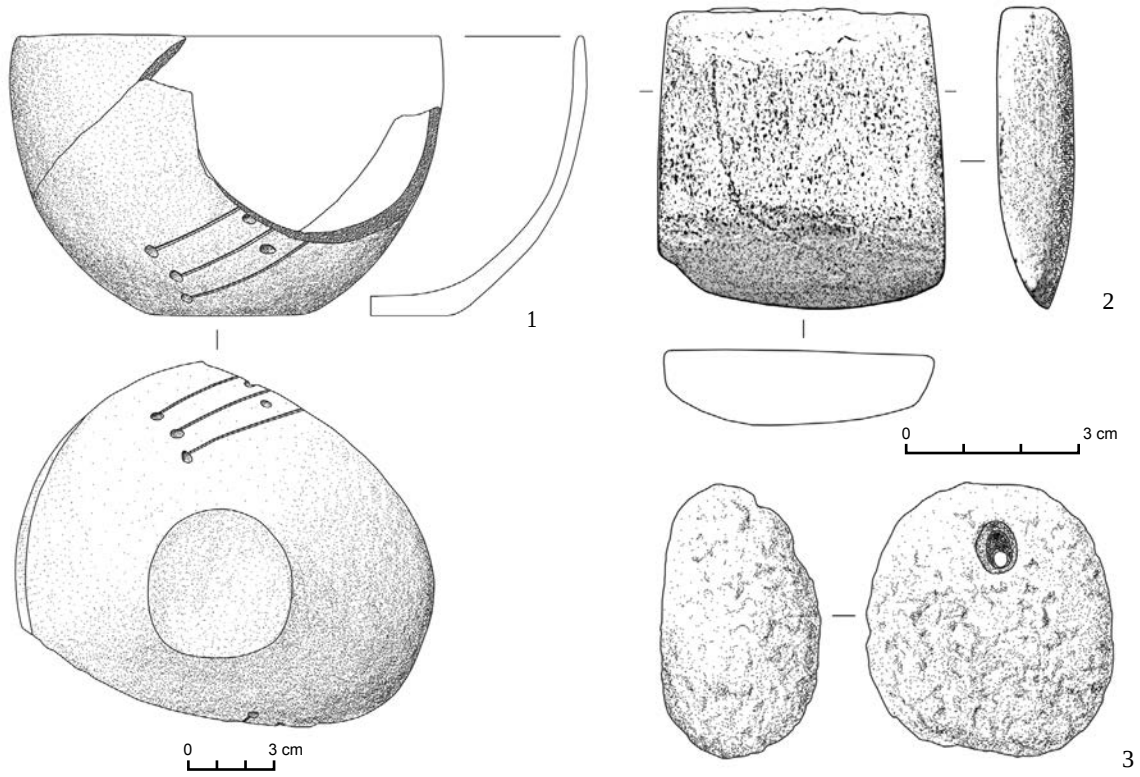


Fig. 26. Găureni I. Materiale arheologice.

situl a fost cercetat sistematic (Пассек, Черныш 1963). Sondaje ulterioare au fost realizate de E. Cernîş şi V. Marchevici în 1970, 1973 şi 1986 (Bodean 2001, 38). Săpăturile T. Passek au decopertat o suprafaţă totală de cel puţin 1500 m^2. Materialul neolitic, bogat şi reprezentativ, a fost doar sumar introdus în circuitul ştiinţific (Пассек 1960; Пассек, Черныш 1963) şi poate fi încadrat în faza cu note muzicale.

Noi cercetări şi perspective: în anul 2015 situl a fost vizitat de expediţia noastră cu scopul verificării potenţialului acestuia pentru ulterioarele prospecţiuni geomagnetice şi cercetări arheologice. Astfel s-a stabilit că suprafaţa sitului este în mare măsură potrivită pentru scanări pe cel puţin 6-7 ha, construcţiile contemporane afectând doar parţial periferia estică a aşezării. A fost colectat material arheologic precucutenian printre care remarcăm fragmentul unei figurine (fig. 9/5). Realizarea în viitor a unor scanări geofizice este de importanţă majoră, cu scopul stabilirii organizării interne a aşezărilor neolitice şi eneolitice, a relaţiei spaţiale dintre acestea şi a verificării ipotezelor E. Lenneis privind structura complexelor de locuire band-liniare (vezi mai sus).

Rezultate principale. Neolitic

Scanările geofizice şi sondajele noastre au exemplificat încă odată problemele obiective cu care se confruntă investigarea siturilor band-liniare din Republica Moldova. De regulă, aşezările din arealul estic de răspândire a CCBL sunt de mici dimensiuni, fiind des suprapuse de straturi culturale mai târzii (acestea deseori aparţinând altor comunităţi de agricultori timpurii, şi anume Cucuteni-Tripolie). Mai mult decât atât, stratul neolitic este în multe cazuri afectat de bioperturbările intensive ale cernoziomului, fapt ce duce la estomparea contururilor complexelor adâncite. Notorie este şi adâncimea sporită a complexelor care determină, pe de o parte, conservarea bună a inventarului din umplutura acestora, pe de altă parte, influenţează negativ claritatea planului geofizic.

Cercetările vechi şi mai noi arată că în arealul estic al CCBL, principiile de răspândire a aşezărilor şi structura lor internă sunt în mare măsură similare situaţiei din Occident. În acelaşi timp, dimensiunile siturilor şi densitatea localizării acestora sunt mai mici. Până la momentul actual, la est de Carpaţi lipsesc date despre existenţa unor aşezări de mari dimensiuni dens structurate, cunoscute în spaţiul intracarpatic.

Deosebit de interesantă este stabilirea faptului existenţei în arealul estic a unor locuinţe lungi, tipice pentru CCBL din Europa Centrală şi de Vest. În acelaşi timp, investigaţiile noastre încă nu au permis identificarea tuturor elementelor aferente unor asemenea construcţii, în cadrul uneia şi aceleiaşi aşezări. Şiruri de gropi pentru pari au fost identificate şi cercetate la Bumbăta. La Găureni a fost confirmată arheologic existenţa gropilor lungi aferente unor contururi rectangulare alungite de la locuinţe. Dezvelirea integrală a unei locuinţe lungi cu gropi paralele şi cu structuri de rezistenţă de la pari rămâne unul dintre obiectivele majore pentru cercetările ulterioare. În orice caz, ideea despre predominarea locuinţelor adâncite integrate în complexe locativ-menajere pare a nu mai corespunde realităţilor arheologice.

Variată este şi orientarea locuinţelor lungi, identificate pe teritoriul Republicii Moldova. Majoritatea urmează axei NE-SV sau N-S, însă la Bumbăta au fost identificate anomalii cu orientarea NV-SE. Remarcăm aici că pe aşezările CCBL din Europa de Vest şi Centrală predomină vectorul NV-SE sau N-S (exemple – Einicke 2011, Abb. 2; Czekaj-Zastawny 2008, Tab. III), pe când în Europa de Est orientarea e oarecum deplasată spre est (NNE sau NE). Această particularitate a CCBL estice este cunoscută de mai mult timp (Mattheußer 1991; Einicke 2011) şi în ultimii ani este confirmată de noi şi noi descoperiri, prezentăm aici doar câteva exemple: Fredropol-Kormanice din Polonia (Saile, Posselt, Blajer 2008, 19, Abb. 7), Štúrovo (Pavúk 1994) şi Vráble din Slovacia (Furholt et al. 2014) sau Tolna-Mözs din Ungaria (Rassmann et al. 2015, 3, Abb. 5).

În ceea ce priveşte influenţa CCBL asupra culturilor ulterioare din regiunea vizată, ea nu pare a fi una considerabilă (Pavúk 2005, 27; Pavúk 2007, 25). În acelaşi timp, sub aspect arhitectural, interesantă este locuinţa de dimensiuni mari de pe aşezarea Precucuteni I final de la Baia (judeţul Suceava, România), cu o structură complexă compusă din câteva şiruri de gropi de par combinate cu şanţuri de fundaţie paralele, orientate pe axa lungă a construcţiei (Урсу, Черна 2015; Ursu, Ţerna 2015). Structura de rezistenţă din pari a acestui edificiu este apropiată de tradiţiile de construcţie a caselor lungi neolitice, iar suprafaţa mare a locuinţei (peste 220 m^2) reprezintă un fenomen foarte rar în orizontul Precucuteni - Tripolie A, însă îşi găseşte analogii în tehnicile band-liniare de construcţie.

Rezultate principale. Eneolitic

Cu toate că datele despre organizarea internă a aşezărilor etapei Precucuteni - Tripolie A sunt încă insuficiente (Marinescu-Bîlcu 1974; Bodean 2001; Zbenovič 1996; Збенович, 1989; Дудкін, Відейко 2004), două modele principale ne sunt cunoscute: aranjarea complexelor în şiruri mai mult sau mai puţin regulate şi aranjarea „circulară", cu complexele dispuse circular/oval, cu centru şi periferie. Primul model a fost documentat atât în săpături cât şi prin scanări geomagnetice. Al doilea este mai rar, fiind şi el cunoscut în urma săpăturilor (Bernaşevka – Збенович 1980, рис. 3, Slobodka-Zapadnaia – Патокова и др. 1989, рис. 1/2) sau prospecţiunilor geofizice (Mohilna II – Дудкін, Відейко 2004, 306).

Din datele care ne stau la dispoziţie, Nicolaevca V este prima aşezare Precucuteni – Tripolie A cu complexe adâncite dispuse după modelul „circular", descoperită geofizic sau în urma săpăturilor. Toate celelalte situri „circulare" precucuteniene sunt compuse din locuinţe de suprafaţă. În ceea ce priveşte siturile alcătuite din complexe adâncite, ele sunt organizate în şiruri – ca la Lenkovtsy (Черниш 1959[5]), Bernovo-Luka (Пассек 1961, 42-60), Luka-Vrublevetskaia (Бибиков 1953) sau Floreşti (Пассек 1960). Desigur, trebuie să se ţină cont de faptul că majoritatea aşezărilor numite mai sus nu au fost cercetate integral.

Aşezări cu organizare „circulară" a complexelor adâncite sunt cunoscute şi în etapele mai târzii de evoluţie a culturii Cucuteni-Tripolie, de exemplu, la Iabloana I (Cucuteni A-B – Sorochin 1993, 78-79) sau Čapaevka (Tripolie C2 – Круц 1977, рис. 5).

Concluzii şi perspective ulterioare

Viitoarele cercetări trebuie să fie concentrate pe două direcţii principale. Prima este realizarea unor săpături arheologice pe scară largă a complexelor identificate în 2014-2015 cu scopul decopertării integrale a, cel puţin, unei locuinţe lungi cu gropi aferente. În acest context, de perspectivă majoră sunt siturile de la Găureni şi Bumbăta, unde anomaliile au fost verificate şi validate prin intermediul unor sondaje. Având în vedere problemele legate de conservarea şi identificarea contururilor complexelor neolitice, investigarea acestora se va face cu utilizarea intensivă a metodelor moderne de fixare arheologică şi a unei abordări pluridis-

[5] Aici au fost cercetate cinci locuinţe de suprafaţă arse şi cinci locuinţe adâncite.

ciplinare. A doua direcţie de cercetare ar fi continuarea scanărilor geofizice. Cum reiese din datele prezentate în acest articol, claritatea contururilor complexelor arheologice pe planul geofizic diferă de la sit la sit, astfel, scanarea unor noi aşezări putând oferi imagini mai clare ale locuinţelor lungi şi informaţii inedite despre orientarea, structura, dimensiunile şi localizarea acestora.

În ceea ce priveşte aşezarea de la Nicolaevca, aici, pe lângă verificarea probabilelor anomalii bandliniare, se impun cercetări arheologice şi în sectorul precucutenian al sitului, cu scopul validării structurii sale concentrice identificate geofizic şi a înţelegerii relaţiei interne dintre diferite tipuri de complexe arheologice.

Mulţumiri

Dorim să ne exprimăm recunoştinţa faţă de colaboratorii Universităţii „Școala Antropologică Superioară" din Chişinău (M. Tkaciuc, I. Manzura, R. Rabinovici), colegii de la Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei (E. Sava, I. Tentiuc, V. Bicbaev, M. Sîrbu, M. Vasilache), studenţii Universităţii „Școala Antropologică Superioară" şi ai Universităţii Regensburg, administraţiei locale şi locuitorilor din Sîngerei, Chişcăreni, Bălăneşti, Găureni, Bumbăta, care ne-au acordat suport şi au participat la lucrările expediţiei. Desenele pieselor au fost realizate de A. Bardetski (Dubno).

Bibliografie

Bodean 2001: S. Bodean, Aşezările culturii Precucuteni - Tripolie A din Republica Moldova (repertoriu) (Chişinău 2001).

Bodean 2003: S. Bodean, Contribuţii la repertoriul arheologic al Republicii Moldova. Tyragetia XII, 2003, 97-105.

Czekaj-Zastawny 2008: A. Czekaj-Zastawny, Osadnictwo społeczności kultury ceramiki wstęgowej rytej w dorzeczu Górnej Wisły (Kraków 2008).

Dębiec 2012: M. Dębiec, Kultura ceramiki wstęgowej rytej na Ukrainie (Rzeszów 2012) [manuscris].

Dębiec 2014: M. Dębiec, Zwięczyca 3. Eine bandkeramische Siedlung am Wisłok (Rzeszów 2014).

Dębiec, Saile 2015: M. Dębiec, T. Saile, Zu den östlichsten Siedlungen der frühen Bandkeramik. Praehistorische Zeitschrift 90, 2015, 1-19.

Diaconu 2012: V. Diaconu, Depresiunea Neamţ. Contribuţii arheologice (Piatra Neamţ 2012).

Einicke 2011: R. Einicke, Traditionen in der Orientierung bandkeramischer Häuser in Mitteldeutschland und Brandenburg. In: (Hrsg. H.-J. Beier, R. Einicke, E. Biermann), Dechsel, Axt, Beil & Co – Werkzeug, Waffe, Kultgegenstand? Aktuelles aus der Neolithforschung. Beiträge der Tagung der Arbeitsgemeinschaft Werkzeuge und Waffen im Archäologischen Zentrum Hitzacker 2010, Varia Neolithica, VII, Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 63 (Langenweißbach 2011), 171-182.

Furholt et al. 2014: M. Furholt, J. Bátora, I. Cheben, H. Kroll, K. Rassmann, P. Tóth, Vráble-Veľké Lehemby: Eine Siedlungsgruppe der Linearkeramik in der Südwestslowakei. Vorbericht über die Untersuchungen der Jahre 2010 und 2012 und Deutungsansätze. Slovenská Archeológia 62, 2014, 227-266.

Hofmann et al. 2016: R. Hofmann, S. Ţerna, C.-E. Ursu, L. Brandtstätter, H. Tiede, W. Mainusch, S. Authenrieth, Spatial organization of Cucuteni-Tripolye settlements: Results of geomagnetic surveys in Baia and Adâncata, Suceava County, Bucovina, Eastern Romania. Journal of Neolithic Archaeology 17, 2016 (sub tipar).

Larina 2010: O. Larina, Cultura ceramicii liniare. In: (red. V. Dergaciov) Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică (până în sec. V) (Chişinău 2010), 205-212.

Lazarovici, Lazarovici 2006: C.-M. Lazarovici, Gh. Lazarovici, Arhitectura neoliticului şi epocii cuprului din România. I. Neoliticul (Iaşi 2006).

Lenneis 2005: E. Lenneis, Traces du Rubané dans l'architecture Cucuteni? In: (Eds. Gh. Dumitroaia, J. Chapman, O. Weller, C. Preoteasa, R. Munteanu, D. Nicola, D. Monah), Cucuteni. 120 years of research. Time to sum up, BMA XVI (Piatra-Neamţ 2005), 55-64.

Marinescu-Bîlcu 1974: S. Marinescu-Bîlcu, Cultura Precucuteni pe teritoriul României (Bucureşti 1974).

Mattheußer 1991: E. Mattheußer, Die geographische Ausrichtung bandkeramischer Häuser. Studien zur Siedlungsarchäologie, 1, 1991, 1-49.

Modderman 1986: P. J. R. Modderman, On the typology of the houseplans and their European setting. Památky archeologické 77, 1986, 383-394.

Pavlů 2000: I. Pavlů, Life on a Neolithic site. Bylany – Situational Analysis of Artifacts (Praha 2000).

Pavúk 1994: J. Pavúk, Štúrovo. Ein Siedlungsplatz der Kultur mit Linearkeramik und der Želiezovce-Gruppe (Nitra 1994).

Pavúk 2005: J. Pavúk, Typologische Geschichte der Linearbandkeramik. In: (Hrsg. J. Lüning, C. Frirdich, A. Zimmermann), Die Bandkeramik im 21. Jahrhundert. Symposium in der Abtei Brauweiler bei Köln vom 16.9.–19.9.2002 (Rahden 2005), 17-39.

Pavúk 2007: J. Pavúk, Zur Frage der Entstehung und Verbreitung der Lengyel-Kultur. In: (Hrsg. J. K. Kozłowski, P. Raczky), The Lengyel, Polgár and related cultures in the Middle/Late Neolithic in Central Europe (Kraków 2007), 11-25.

Podborský 2009-2010: V. Podborský, Fenomén neolitického domu. Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity 14-15, 2009-2010, 17-45.

Rassmann et al. 2015: K. Rassmann, C. Mischka, M. Furholt, R. Ohlrau, K. Radloff, K. Winkelmann, G. Serlegi, T. Marton, A. Osztás, K. Oross, E. Bánffy, Large Scale Geomagnetic Prospection on Neolithic Sites in Hungary, Part 2, Hungarian Archaeology, e-journal, Summer 2015, 1-6.

Saile, Posselt, Blajer 2008: T. Saile, M. Posselt, W. Blajer, Zur Siedlungsarchäologie der Bandkeramik im Einzugsgebiet des San, Neue Ausgrabungen und Forschungen in Niedersachsen, 26, 2008, 9-23.

Saile et al. 2016: T. Saile, M. Dębiec, M. Posselt, S. Țerna, D. Kiosak, Zur Bandkeramik zwischen Pruth und Südlichem Bug, Prähistorische Zeitschrift, 91, 1, 2016 (in print)

Sorochin 1993: V. Sorochin, Modalităţile de organizare a aşezărilor complexului cultural Cucuteni-Tripolie, ArhMold XVI, 1993, 69-86.

Tentiuc 2012: I. Tentiuc, Contribuţii la istoria şi arheologia spaţiului Pruto-Nistrean. Siturile de la Durleşti şi Moleşti (Chişinău 2012).

Ursu, Ţerna 2015: C.-E. Ursu, S. Ţerna, Tracing the megastructures back in time: an exceptional building from the settlement Baia - În Muchie, Suceava county, Romania. In: (ред. М.Ю. Відейко, Дж. Чапман, І.А. Козир, В.В. Собчук), На східній межі старої Європи/ At the Eastern frontiers of Old Europe. Матеріали міжнародної наукової конференції, Кіровоград, Небелівка 12-14 травня 2015 (Кіровоград 2015), 49-50.

Wechler et al. 1998: K.-P. Wechler, V. Dergačev, O. Larina, Neue Forschungen zum Neolithikum Osteuropas. Ergebnisse der moldawisch-deutsche Geländearbeiten 1996 und 1997. Prähistorische Zeitschrift, 73/2, 1998 151-166.

Zbenovič 1996: Vl. Zbenovič, Siedlungen der frühen Tripol'e-Kultur zwischen Dnestr und Südlichem Bug (Espelkamp 1996).

Бибиков 1953: С.Н. Бибиков, Поселение Лука-Врублевецкая на Днестре (Москва 1953).

Бикбаев 1981: В.М. Бикбаев, Памятники позднего палеолита - раннего Триполья в Лазовском районе. Археологические исследования в Молдавии, 1974-1976, 1981, 191-199.

Бурдо 2001-2002: Н.Б. Бурдо, Особенности керамического комплекса Прекукутень - Триполье А и проблема генезиса трипольской культуры. Stratum Plus, 2, 2001-2002, 141-163.

Дергачев 2001-2002: В.А. Дергачев, «...в урну собрав на чужедальнем костре» (к 100-летию Т.С. Пассек). Stratum Plus 2, 2001-2002, 32-43.

Дергачев, Ларина 2015: В.А. Дергачев, О.В. Ларина, Памятники культуры Криш Молдовы (с каталогом) (Кишинэу 2015).

Дудкін, Відейко 2004: В.П. Дудкин, М.Ю. Відейко, Планування поселень трипільської культури. В: (гол. ред. М.Ю. Відейко) Енциклопедія трипільської цивілізації, том 1, книга перша (Київ 2004), 303-314.

Зайле и др. 2016: К интерпретации жилищных комплексов восточного ареала культуры линейно-ленточной керамики (новые материалы полевых исследований на территории Республики Молдова). In: (eds. S. Țerna, B. Govedarica), Interactions, Changes and Meanings. Essays in honour of Igor Manzura on the occasion of his 60th birthday (Chişinău 2016) sub tipar.

Збенович 1980: В.Г. Збенович, Поселение Бернашевка на Днестре (к происхождению трипольской культуры) (Киев 1980).

Збенович 1989: В.Г. Збенович, Ранний этап трипольской культуры на территории Украины (Киев 1980).

Круц 1977: В.А. Круц, Позднетрипольские памятники Среднего Поднепровья (Киев 1977).

Ларина 1999: О.В. Ларина, Культура линейно-ленточной керамики Пруто-Днестровского региона. Stratum Plus 2, 1999, 10-139.

Ларина, Охрименко 2007: О.В. Ларина, Г.В. Охрименко, Крайняя восточная периферия западной линейной керамики (пространственно-географический аспект). Revista Arheologică s.n. III/1, 2007, 89-109.

Макарова 1974: Л.Н. Макарова, Раскопки поселения культуры линейно-ленточной керамики у с. Рогожаны. В сб.: Археологические исследования в Молдавии в 1973 г. (Кишинев 1974), 40-45.

Охріменко 2001: Г.В. Охріменко, Культура лінійно-стрічкової кераміки на Волині (Луцьк 2001).

Пассек 1960: Т.С. Пассек, Результаты археологических раскопок у с. Флорешты в Молдавии. В: (ред. Е.В. Кондураки, Т.С. Пассек, Г.Д. Смирнов) Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики (Кишинев 1960), 49-58.

Пассек 1961: Т.С. Пассек, Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья (Москва 1961).

Пассек, Черныш 1963: Т.С. Пассек, Е.К. Черныш, Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР. Археология СССР, Свод Археологических Источников, выпуск Б1-11 (Москва 1963).

Патокова и др. 1989: Э.Ф. Патокова, В.Г. Петренко, Н.Б. Бурдо, Л.Ю. Полищук, Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1989).

Товкайло 2014: М.Т. Товкайло, Неолитизация Юго-Западной Украины в свете новых исследований поселения Гард. Stratum Plus 2, 2014, 183-273.

Урсу, Церна 2015: К.-Э. Урсу, С. Церна, Археологические исследования 2012-2013 гг. в Байя (уезд Сучава, Румыния) и некоторые новые данные о домостроительстве Прекукутень - Триполье А. In: (eds. A. Diachenko, F. Menotti, S. Ryzhov, K. Bunyatyan, S. Kadrow), The Cucuteni-Tripolye cultural complex and its neighbours. Essays in Memory of Vladimir Kruts (Киев 2015), 273-292.

Черниш 1959: К.К. Черниш, Ранньотрипільське поселення Ленківці на Середньому Дністрі (Київ 1959).

Geophysical prospections and archaeological investigations of Late Neolithic - Early Copper Age sites from the Republic of Moldova (2014-2015)

Keywords: Republic of Moldova, Neolithic, Copper Age, LBK, Precucuteni - Tripolie A, architecture, geophysics.

Abstract: Between 2014-2015, a joint Moldavian-German expedition undertook surface investigations, geophysical prospections and small-scale excavations on several LBK sites from the Republic of Moldova. This fieldwork allowed us to obtain unique data on the internal organization of Neolithic sites from the Prut-Dniester interfluve. The geomagnetic scans led to the identification of long houses, typical for the LBK from Central and Western Europe. Some of these complexes have been checked by small test-trenches. The geophysical plots also included some Copper Age structures overlapping the LBK ones. Thus, we have been able to obtain the first complete geophysical plan of a Precucuteni settlement from the territory of Moldova. The analysis of the data obtained from the field led to a reconsideration of some older conceptions regarding the architecture and internal organization of LBK settlements from the North-Western Black Sea region.

List of illustrations:

Fig. 1. Localization of investigated sites on the general map of Neolithic and Early Copper Age settlements from the forest-steppe zone of the Prut-Dniester interfluve (Republic of Moldova). Map legend: black circles - LBK settlements; white circles - Precucuteni settlements; light-grey squares - Criş settlements; dark-grey squares - Bug-Dniester settlements. 1 - Bilicenii Vechi I; 2 - Sîngerei XIX; 3 - Chişcăreni XIV; 4 - Iezărenii Vechi VII; 5 - Iezărenii Vechi VIII; 6 - Sîngerei XIII; 7 - Nicolaevca V; 8 - Bumbăta III; 9 - Găureni I; 10 - Floreşti I.

Fig. 2. Sîngerei XIX. Scanned area.

Fig. 3. Sîngerei XIX. Geophysical plot.

Fig. 4. Sîngerei XIX. Distribution of surface finds.

Fig. 5. Sîngerei XIX. 1-34 - pottery.

Fig. 6. Sîngerei XIX. 1-38- pottery.

Fig. 7. Sîngerei XIX. 1-11 - pottery.

Fig. 8. Sîngerei XIX. 1-17 - small finds.

Fig. 9. Small finds from Iezărenii Vechi VII (1), Iezărenii Vechi VIII (2), Bilicenii Vechi I (3-4, 6) and Floreşti I (5) settlements.

Fig. 10. Chişcăreni XIV. Scanned area and geophysical plot.

Fig. 11. Chişcăreni XIV. Distribution of surface finds.

Fig. 12. Chişcăreni XIV. 1-38 - pottery.

Fig. 13. Chişcăreni XIV. 1-16 - pottery; 17-24 - small finds.

Fig. 14. Nicolaevca V. Geophysical plot and its interpretation.

Fig. 15. Nicolaevca V. Distribution of surface finds.

Fig. 16. Nicolaevca V. 1-12 - pottery; 13-18 - small finds.

Fig. 17. Bumbăta III. Geophysical plot and its interpretation.

Fig. 18. Bumbăta III. Test-trench.

Fig. 19. Bumbăta III. Finds.

Fig. 20. Găureni I. Geophysical plot and its interpretation.

Fig. 21. Găureni I. Test-trench 1.

Fig. 22. Găureni I. Test-trench 2.

Fig. 23. Găureni I. Outlines of archaeological features from test-trenches and the interpretation of the geophysical plot.

Fig. 24. Găureni I. Finds.

Fig. 25. Găureni I. Finds.

Fig. 26. Găureni I. Finds.

Геофизические сканирования и археологические исследования поселений позднего неолита - раннего энеолита на территории Молдавии (2014-2015)

Ключевые слова: Республика Молдова, неолит, энеолит, культура линейно-ленточной керамики, Прекукутень - Триполье А, архитектура, геофизика.

Резюме: В 2014-2015 гг. совместная молдавско-немецкая экспедиция провела разведки, геофизические сканирования и археологические шурфовки ряда поселений культуры линейно-ленточной керамики на территории Республики Молдова. Были получены уникальные данные о внутренней структуре неолитических поселений Пруто-Днестровского междуречья. Геомагнитные исследования позволили выявить длинные дома, характерные для КЛЛК Центральной и Западной Европы. Данные геофизических планов были подтверждены небольшими шурфовками. Также были отсканированы отдельные участки энеолитических памятников, которые частично перекрывали поселения КЛЛК, что позволило получить первый полный план раннетрипольского поселения на территории Молдавии. Анализ полученных данных побудил авторов пересмотреть некоторые существующие концепции об архитектуре и внутренней структуре поселений КЛЛК Северо-Западного Причерноморья.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Расположение исследованных памятников на общей карте неолитических и раннеэнеолитических поселений лесостепной зоны Пруто-Днестровского междуречья (Республика Молдова). Символы на карте: черные кружки - поселения КЛЛК; белые кружки - раннетрипольские поселения; светло-серые квадраты - поселения Криш; темно-серые квадраты - Буго-Днестровские поселения. 1 - Биличений Векь I; 2 - Сынжерей XIX; 3 - Кишкэрень XIV; 4 - Езэрений Векь VII; 5 - Езэрений Векь VIII; 6 - Сынжерей XIII; 7 - Николаевка V; 8 - Бумбэта III; 9 - Гэурень I; 10 - Флорешть I.

Рис. 2. Сынжерей XIX. Область сканирования.

Рис. 3. Сынжерей XIX. Геофизический план.

Рис. 4. Сынжерей XIX. Распределение материала с поверхности.

Рис. 5. Сынжерей XIX. 1-34 - керамика.

Рис. 6. Сынжерей XIX. 1-38 - керамика.

Рис. 7. Сынжерей XIX. 1-11 - керамика.

Рис. 8. Сынжерей XIX. 1-17 - индивидуальные находки.

Рис. 9. Индивидуальные находки с поселений Езэрений Векь VII (1), Езэрений Векь VIII (2), Биличений Векь I (3-4, 6) и Флорешть I (5).

Рис. 10. Кишкэрень XIV. Область сканирования и геофизический план.

Рис. 11. Кишкэрень XIV. Распределение материала с поверхности.

Рис. 12. Кишкэрень XIV. 1-38 - керамика.

Рис. 13. Кишкэрень XIV. 1-16 - керамика; 17-24 - индивидуальные находки.

Рис. 14. Николаевка V. Геофизический план и его интерпретация.

Рис. 15. Николаевка V. Распределение материала с поверхности.

Рис. 16. Николаевка V. 1-12 - керамика; 13-18 - индивидуальные находки.

Рис. 17. Бумбэта III. Геофизический план и его интерпретация.

Рис. 18. Бумбэта III. Шурф.

Рис. 19. Бумбэта III. Находки.

Рис. 20. Гэурень I. Геофизический план и его интерпретация.

Рис. 21. Гэурень I. Шурф 1.

Рис. 22. Гэурень I. Шурф 2.

Рис. 23. Гэурень I. Контуры углубленных сооружений из шурфов и интерпретация геофизического плана.

Рис. 24. Гэурень I. Находки.

Рис. 25. Гэурень I. Находки.

Рис. 26. Гэурень I. Находки.

28.04.2016

Stanislav Ţerna M.A., Universitatea „Şcoala Antropologică Superioară”, str. Zimbrului 10a, MD-2024 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: ternastas@mail.ru

Prof. Dr. Thomas Saile, Catedra de Pre- şi Protoistorie, Institutul de Istorie, Universitatea Regensburg, D-93040 Regensburg, Germania, e-mail: Thomas.Saile@ur.de

Dr. Maciej Dębiec, Catedra de Pre- şi Protoistorie, Institutul de Istorie, Universitatea Regensburg, D-93040 Regensburg, Germania, e-mail: debiecmaciej@gmail.com

Martin Posselt M.A., Catedra de Pre- şi Protoistorie, Institutul de Istorie, Universitatea Regensburg, D-93040 Regensburg, Germania, e-mail: Martin.Posselt@ur.de

REZULTATELE PRELIMINARE ALE CERCETĂRILOR ARHEOLOGICE ÎNTREPRINSE ÎN ANUL 2016 ÎN AŞEZAREA NEO-ENEOLITICĂ DE LA NICOLAEVCA V

Stanislav Ţerna, Maciej Dębiec
Andreea Vornicu-Ţerna,
Mariana Vasilache-Curoşu, Thomas Saile

Cuvinte-cheie: cultura ceramicii liniare, cultura Cucuteni-Tripolie, scanări geofizice, locuinţe lungi, locuinţe arse.

Introducere

Una dintre problemele cu care se confruntă cercetarea arheologică preistorică din zona interfluviului Prut-Nistru o reprezintă numărul insuficient al aşezărilor cu date planimetrice complete. Carenţa este evidentă mai ales pentru perioada neolitică (cultura Starčevo-Criş şi cultura ceramicii band-liniare) şi cea de început a Eneoliticului (Precucuteni-Tripolie A) care în termeni de cronologie absolută acoperă un interval de peste 1000 de ani (circa 5800-4600 cal BC) (Ţerna 2016).

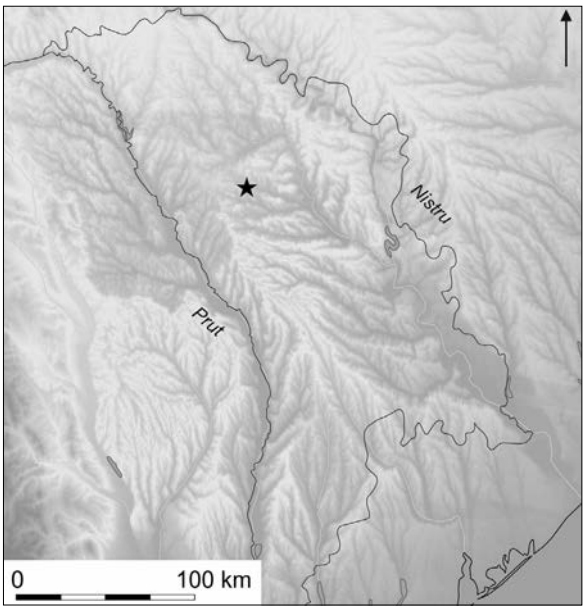
În anii 2014-2015, o serie de aşezări neolitice şi eneolitice timpurii din zonele centrală şi de sud ale Republicii Moldova au fost cercetate de o echipă mixtă moldo-germană, în cadrul unui program de colaborare ştiinţifică ce viza în principal investigarea siturilor band-liniare. Cercetarea de teren a presupus realizarea de prospecţiuni geofizice, periegheze şi sondaje pentru verificarea unor anomalii de pe planul geomagnetic. În acest context, au fost făcute prospecţiuni în cinci situri, pe două dintre acestea realizându-se şi sondaje amplasate peste structuri band-liniare. Acest tip de investigaţie ne-a permis să dovedim prezenţa în regiunea Prut-Nistru a locuinţelor lungi specifice culturii ceramice band-liniare şi, totodată, a adus în prim-plan necesitatea reevaluării datelor privind configuraţia aşezărilor cunoscute din săpături extensive mai vechi (Saile et al. 2016; Ţerna et al. 2016; Ţerna 2016; Зайле и др. 2016).

Printre siturile investigate, un caz aparte îl reprezintă cel de la Nicolaevca V (raionul Sângerei) (fig. 1/1), în care prospecţiunile geofizice realizate în anul 2014 au arătat existenţa a două zone bine individualizate interpretate astfel: o aşezare band-liniară cu locuinţe lungi şi o a doua cu complexe adâncite şi structuri arse aparţinând eneoliticului timpuriu. În vara anului 2016 au fost realizate sondaje în ambele zone ale sitului. Ne propunem în studiul prezent să expunem rezultatele preliminare ale acestor cercetări.

Nicolaevca V – localizarea sitului şi cercetările anterioare

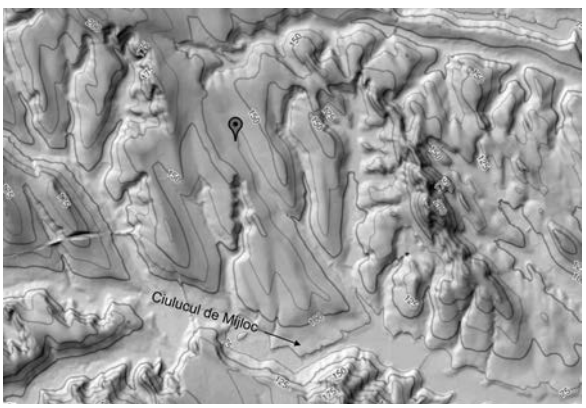
Situl este amplasat pe panta lină a văii unui mic pârâu, în bazinul Ciulucului de Mijloc (parte a sistemului hidrografic Răut-Nistru) (fig. 1/2-3). A fost descoperit de către V. Bicbaev în anii '70 prin cercetare periegheticǎ (Бикбаев 1981, 194; Bodean 2001, 73). În momentul descoperirii, suprafaţa aşezării a fost estimată la cca 6 ha.

În anul 2014, o nouă etapă a cercetării sitului este iniţiată prin realizarea prospecţiunilor geomagnetice şi colectarea organizată a materialului arheologic de suprafaţă (Ţerna et al 2016). O arie de cca 5 ha a fost scanată folosindu-se magnetometrul Förster cu 4 sonde. Situl cu cele două aşezări, Precucuteni şi band-linară, este împărţit în două zone de un drum modern (fig. 1/2A-B). La sud de acesta, anomaliile geomagnetice au în general amplitudine medie şi înaltă şi sunt orientate NE-SV. Configuraţia şi dimensiunea acestora indică existenţa a cel puţin patru locuinţe lungi band-liniare. În partea de nord a drumului de ţară au fost detectate anomalii de amplitudine variată. Analiza modului de distribuire a materialului arheologic a indicat o concentrare clară a fragmentelor ceramice precucuteniene în această zonă. Pe planul geomagnetic, anomaliile cu amplitudine mai joasă corespunzătoare complexelor adâncite sunt dispuse periferic şi aproximativ circular. În partea centrală a aşezării sunt vizibile câteva anomalii cu amplitudine înaltă sugerând prezenţa unor locuinţe arse. În partea nord-vestică a sitului se



1

2



3

Fig. 1. 1 - Localizarea sitului pe harta fizică a interfluviului pruto-nistrean; 2 - vedere dinspre est asupra terasei pe care este amplasat situl, cu aşezarea neolitică (A) şi Precucuteni (B); 3 - cadrul topografic al microzonei în care se află situl.

individualizează o aglomerare de gropi rotunde de dimensiuni mai mici (fig. 2).

Aşezarea Precucuteni-Tripolie A de la Nicolaevca V reprezintă o situaţie particulară în rândul puţinelor aşezări din această etapă a complexului Cucuteni-Tripolie a căror planimetrie este cunoscută fie prin săpături arheologice, fie prin investigaţii geofizice (Marinescu-Bîlcu 1974; Bodean 2001; Zbenovič 1996; Збенович 1989; Дудкін, Відейко 2004). Astfel, situl în discuţie constituie prima aşezare cu structuri de locuire adâncite dispuse circular, atestate geofizic sau prin săpătură. Amintim faptul că în toate siturile Precucuteni-Tripolie A cu dispunere circulară (Bernashevka, Slobodka-Zapadnaia şi Mohilna II), structurile de locuire sunt reprezentate de locuinţe de suprafaţă arse şi nu de complexe adâncite. Totodată, toate aşezările de la acest nivel cultural-cronologic care sunt formate în principal din complexe adâncite, prezintă o dispunere „în şiruri" a acestora. Aceasta este cazul aşezărilor de la Lenkovtsy (Черниш 1959[1]), Bernovo-Luka (Пассек 1961, 42-60), Luka-Vrublevetskaia (Бибиков 1953) sau Floreşti (Пассек 1960). Este de remarcat, de asemenea, prezenţa structurilor arse în partea centrală a aşezării de la Nicolaevca. Prin urmare, aşezarea de la Nicolaevca V prezintă combinaţia unică, până acum, a trei elemente: complexe adâncite, dispunere circulară, configuraţie „centru-periferie".

Nici aşezarea band-liniară din acest sit nu este mai puţin importantă, fiind una dintre puţinele cu locuinţe lungi din aria estică a culturii. (Saile et al. 2016; Зайле и др. 2016).

Cercetările din 2016

Săpăturile arheologice din vara anului 2016[2] au avut ca scop verificarea şi validarea interpretării planului geofizic, mai precis datarea exactă şi stabilirea configuraţiei anomaliilor atribuite complexelor neolitice şi eneolitice timpurii. Astfel, au fost deschise trei secţiuni mici pe diferite anomalii: două în zona nordică a aşezării (atribuită eta-

[1] În această aşezare au fost descoperite cinci locuinţe de suprafaţă şi cinci complexe adâncite.

[2] Aducem şi pe această cale mulţumiri administraţiei raionului Sîngerei şi personal dlui Mihail Bîrsan pentru suportul acordat cercetărilor de la Nicolaevca. Gratitudinea noastră se îndreaptă şi către administraţia comunei Chişcăreni, voluntarii locali (Vadim Palii, Valeria Grosul), colegii de la Institutul Patrimoniului Cultural al Academiei de Ştiinţe a Moldovei (Ghenadie Sîrbu, Sergiu Heghea, Natalia Paşenciuc) şi studenţii Universităţii Regensburg şi cei ai Universităţii de Stat din Moscova.

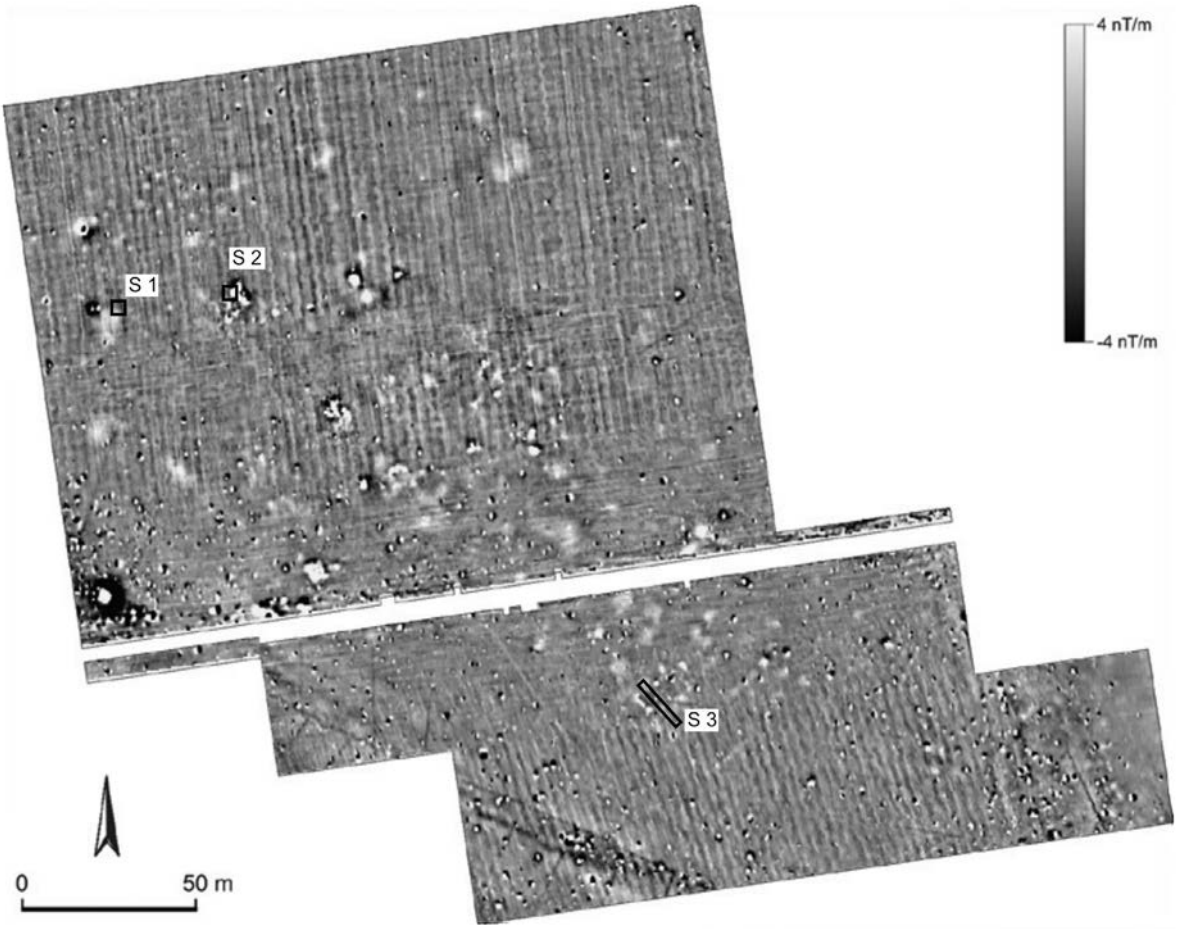


Fig. 2. Planul geofizic al sitului cu localizarea celor trei secţiuni.

pei Precucuteni-Tripolie A) şi una în cea sudică (atribuită culturii ceramicii liniare) (fig. 2).

Cele două anomalii din zona nordică prezentau pe planul geofizic amplitudine şi intensitate diferite şi au fost anterior interpretate ca locuinţă de suprafaţă arsă, respectiv, complex adâncit („bordei"). Cel din urmă a fost cercetat prin trasarea unei secţiuni de 16 m^2 (secţiunea 1) care ulterior a fost extinsă cu încă 6 m^2. Anomalia cu amplitudine mare ce indica prezenţa unei structuri arse a fost cercetată printr-o secţiune tot de 16 m^2 (secţiunea 2). Astfel, suprafaţa investigată din zona nordică a sitului a fost de 38 m^2. Necesitatea şi importanţa investigării acestei zone prin săpături arheologice rezidă în caracterul complex al aşezării cu două tipuri de structuri de locuire: adâncite la periferie şi de suprafaţă în centru.

Anomaliile din zona sudică a sitului asupra cărora a fost îndreptată cercetarea au fost interpretate conform planului geofizic, ca locuinţe lungi bandliniare cu două gropi lungi paralele dispuse lateral şi alte posibile gropi de par în interiorul locuinţei. Pentru a obţine profilul complet al posibilei locuinţe lungi, a fost deschisă o secţiune de 32 m^2 (16×2 m). Aceasta a fost trasată perpendicular pe axa lungă a locuinţei, secţionând astfel cele două gropi laterale şi spaţiul interior cu posibilele gropi de par (secţiunea 3). Importanţa realizării săpăturii arheologice în zona sudică a sitului constă în obţinerea primului profil transversal printr-o locuinţă lungă cu gropile lungi aferente din regiunea pruto-nistreană, în contextul în care sondajele precedente din alte situri contemporane au fost plasate doar pe porţiuni restrânse ale gropilor lungi fără a obţine un profil complet (vezi: Ţerna et al. 2016).

Cercetările întreprinse în toate cele trei secţiuni au avut rezultatele aşteptate. Doar secţiunea 1 a fost complet cercetată ajungându-se la solul steril arheologic. Starea foarte bună de conservare şi densitatea mare a artefactelor în cadrul complexelor ne-au determinat să conservăm secţiunile 2 şi 3 pentru cercetarea lor completă şi extinsă în campanii viitoare.

Aşezarea band-liniară

Secţiunea 3 de 16×2 m a fost trasată perpendicular pe axa lungă a celei mai sudice locuinţe, cuprinzând şi cele două gropi lungi paralele laterale. Din cauza bioperturbaţiilor puternice şi a caracteristicilor cernoziomului local nefavorabil prezervării contururilor clare ale complexelor adâncite, gropile de par nu au fost identificate. Deşi dimensiunea precisă a celor două gropi lungi nu a putut fi stabilită, s-a reuşit recuperarea unei cantităţi importante de material arheologic. Merită menţionată buna conservare a fragmentelor osteologice şi depunerea unora dintre acestea în conexiune anatomică în groapa lungă din partea de sud a locuinţei (fig. 3/2). În groapa lungă din partea de nord au fost descoperite numeroase fragmente de lut ars, unele cu amprente (fig. 3/1). Cel mai probabil acestea provin de la pereţii prăbuşiţi ai locuinţei de suprafaţă. De pe întreaga suprafaţă a secţiunii au fost colectate sute de fragmente ceramice, resturi faunistice, obiecte de piatră cioplită şi şlefuită. Ceramica prezintă decorul specific cu note muzicale (fig. 8/2-3, 5), în timp ce unele profile indică prezenţa vaselor de tip *Kumpf* şi *Flasche* (fig. 8/1, 3).

1

2

Fig. 3. Secţiunea 3. 1 - Vedere asupra aglomerării de lut ars din groapa lungă nordică; 2 - vedere asupra depunerii de oase de animale din groapa lungă sudică.

Aşezarea Precucuteni-Tripolie A

Complexe

În secţiunea 1 a fost cercetat parţial un complex adâncit care reprezintă cel mai probabil o locuinţă de tip bordei. Conform planului geomagnetic, secţiunea deschisă ar acoperi cca 20% din suprafaţa totală a complexului estimată la 7×5 m. Inventarul recuperat este sărăcăcios şi prezintă un grad mare de fragmentare. Cuprinde 77 fragmente ceramice, 9 fragmente de lut ars, 85 de fragmente faunistice şi şase piese de silex. În zona cercetată, complexul are o formă rectangulară cu colţurile rotunjite şi prezintă o „nişă" pe latura estică. La partea inferioară a umpluturii s-a remarcat prezenţa unui strat de sol compact, cu aspect bătătorit, ce conţinea urme roşietice de arsură şi densitate mare de materie organică albicioasă. Tot din această zonă a fost recuperată şi cea mai mare parte a fragmentelor faunistice, dintre care menţionăm şi prezenţa unor fragmente craniene. Adâncimea maximă a complexului este de 1,5 m de la suprafaţa actuală a solului sau 0,95-1,0 m de la nivelul antic de călcare (fig. 4/2).

În secţiunea 2 au fost cercetate parţial resturile unei locuinţe de suprafaţă arse (fig. 4/1). Materialul arheologic include 390 fragmente ceramice, fragmente de lut ars, 69 resturi faunistice, 45 obiecte de silex, câteva artefacte de piatră, miniaturi de lut (vezi mai jos).

Resturile locuinţei au început să apară sub forma unei aglomerări compacte de lut ars în nivelul 2 de săpătură, la o adâncime de cca 39-45 cm, fiind concentrate în carourile B-D/1-2 (fig. 5). Masa compactă de lut reprezintă platforma locuinţei, acoperită de material ceramic si faunistic şi resturi dispersate de chirpici cu dimensiuni de sub 7 cm (unele având amprente de nuiele) care provin de la pereţi. Pe conturul exterior al platformei, fragmentele de chirpici sunt vitrificate, indicând un regim de ardere diferit al pereţilor (fig. 6). În restul secţiunii, materialul arheologic este prezent răzleţ. Menţionăm descoperirea în caroul A/3 a unei râşniţe. După documentarea situaţiei arheologice, s-a trecut la excavarea nivelului 3 (adâncimea de 55-65 cm), implicit demontarea platformei din carourile B-D/1-2. Pe partea inferioară,

1

2

Fig. 4. 1 - Vedere dinspre sud asupra nivelului 2 de săpătură din secţiunea 2;
2 - vedere dinspre nord asupra profilului complexului adâncit din secţiunea 1.

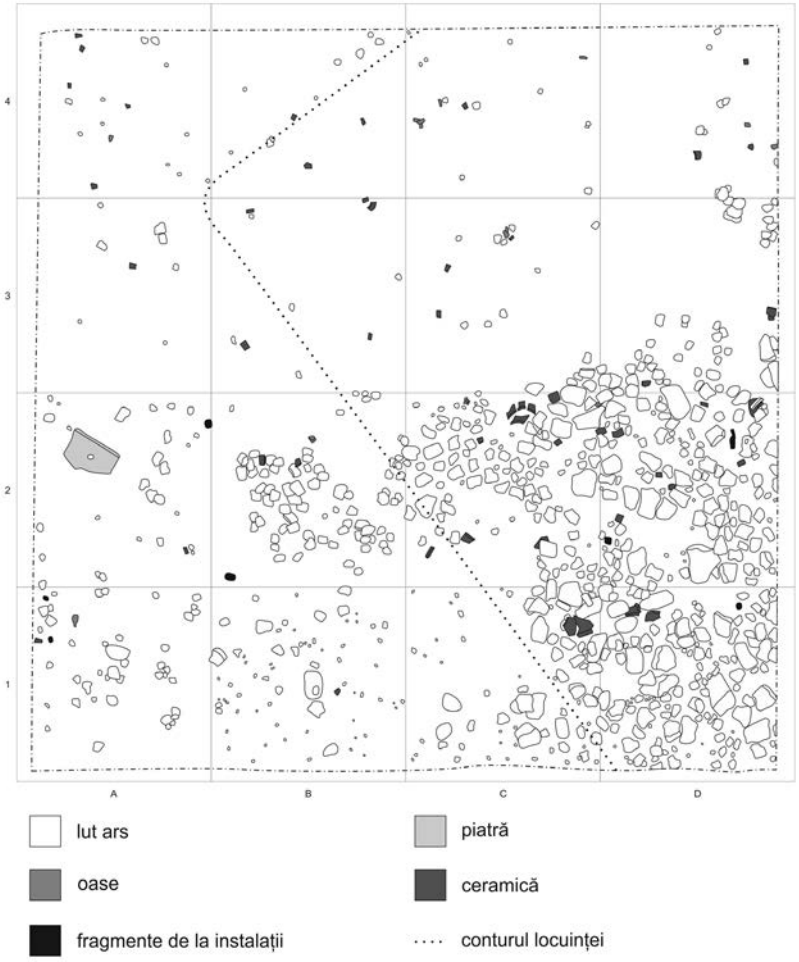


Fig. 5. Planul nivelului 2 de săpătură (adâncimea 39-45 cm) din secţiunea 2 cu indicarea resturilor locuinţei arse şi a conturului acesteia, identificat în urma cercetării incomplete al nivelului 3.

fragmentele de lut ars prezentau amprente de bârne, scânduri şi nuiele orientate SV-NE (fig. 6), adică perpendicular pe axa lungă a locuinţei (SE-NV) aşa cum aceasta este indicată de configuraţia anomaliei geofizice. Prin urmare, în secţiunea 2 a fost dezvelit colţul de NV al locuinţei. În timpul excavării nivelului 3, resturile compacte ale platformei de lut au apărut şi în partea de nord a secţiunii (carourile B-D/3-4), la o diferenţă de nivel de cca 10-20 cm (fig. 7/1). Aspectul „scufundat" al platformei în această zonă poate fi explicat doar prin prezenţa unei gropi/alveolări sub structură. Pe platforma „scufundată" a fost descoperită o aglomerare de fragmente ceramice fine şi grosiere provenite de la vase întregibile (fig. 7/2). Acestea din urmă au fost documentate şi demontate, iar secţiunea a fost conservată pentru continuarea cercetărilor în campaniile următoare.

Ceramica

Secţiunea 2 a furnizat cea mai mare parte a materialului ceramic. Vom prezenta în continuare câteva date preliminare privind caracteristicile acestei categorii de material arheologic, urmând ca o analiză completă a acesteia să fie realizată după finalizarea cercetării locuinţei.

În inventarul ceramic de la Nicolaevca V pot fi recunoscute două categorii tehnologice: grosieră şi fină. Ceramica grosieră este reprezentată de ceramica de calitate joasă, arsă inegal, cu diferite tipuri de degresant în compoziţie. Suprafaţa vaselor din această categorie este rugoasă şi prezintă crăpături largi cauzate de arderea secundară. Pe unele exemplare sunt vizibile urme de barbotină. Ceramica fină include vasele a căror pastă conţine puţin degresant sau acesta nu este vizibil. În ge-

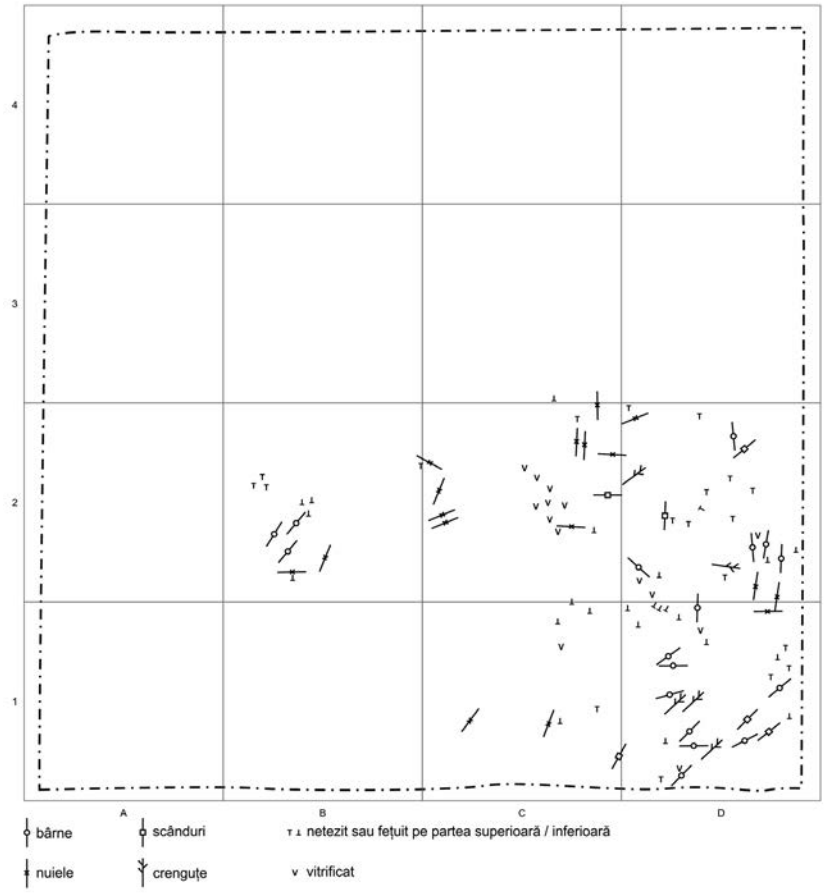


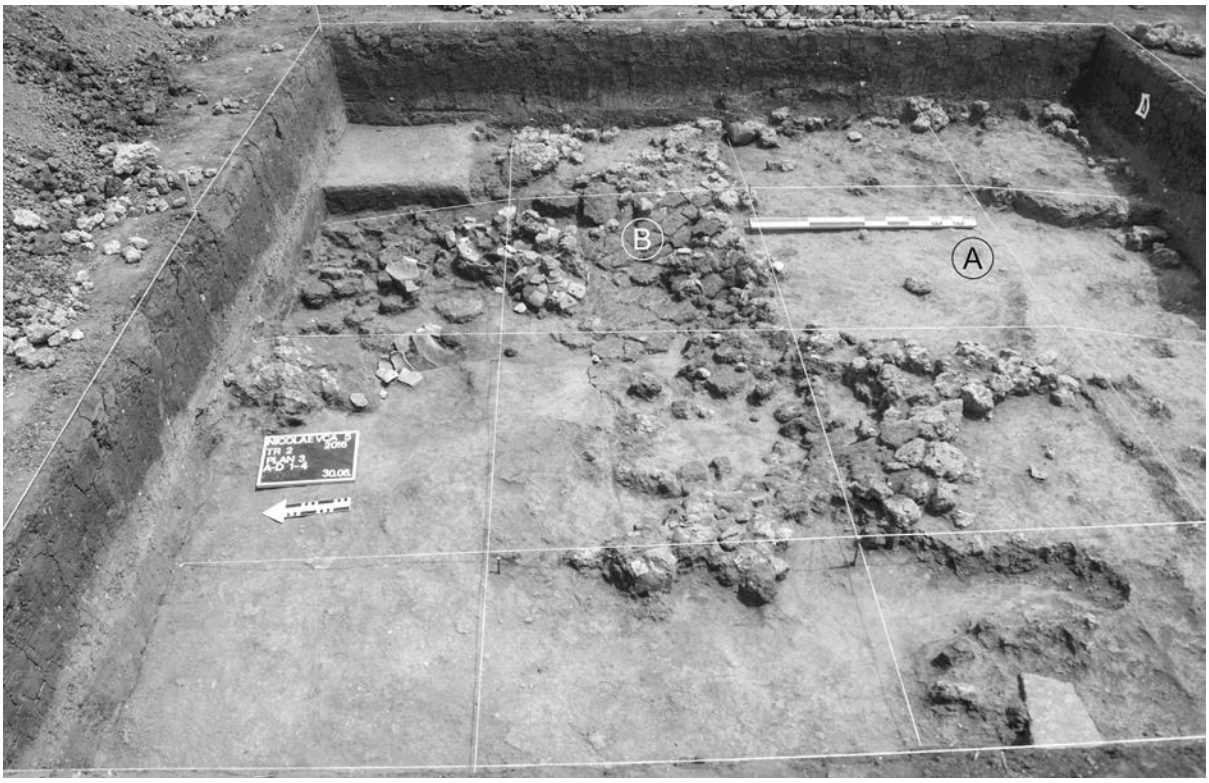
Fig. 6. Configuraţia amprentelor de pe chirpicul din porţiunea demontată a locuinţei arse din secţiunea 2 (nivelul 2 de săpătură, adâncimea 39-45 cm).

neral, pereţii vaselor sunt mai subţiri comparativ cu categoria grosieră, deşi uneori se întâlnesc şi fragmente cu o grosime mai mare. Suprafaţa vaselor este netezită şi/sau lustruită, iar când este afectată de ardere secundară, prezintă crăpături fine.

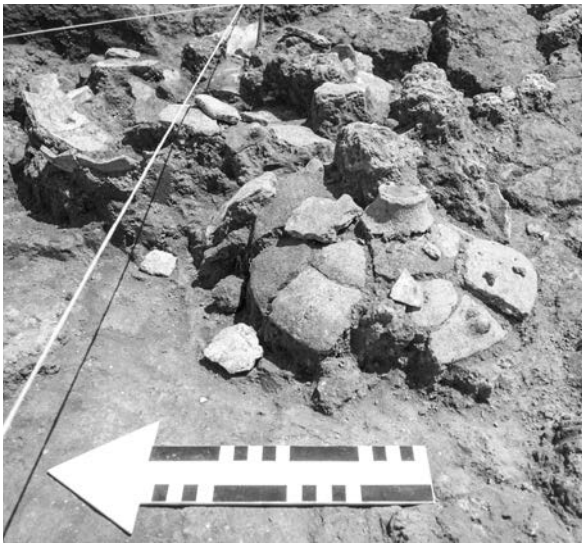
Repertoriul stilistic include diferite tipuri şi modele de ornamente. Ceramica din categoria grosieră prezintă rânduri de impresiuni rotunde, ovale sau dreptunghiulare dispuse sub gâtul vasului, dar şi decor incizat sau canelat. Un tip distinct de decor este cel obţinut prin combinarea pe acelaşi vas a diferitor moduri de tratare a suprafeţei, precum alternarea barbotinei orizontale cu tehnicile de netezire. Decorul ceramicii fine este mai diversificat (fig. 9), incluzând motive incizate, şiruri simple sau complexe de impresiuni rectangulare, decor canelat curbiliniu şi orizontal. Pe majoritatea vaselor se întâlnesc mai multe varietăţi stilistice combinate – decor meandric, spiralic, liniar – realizate prin tehnici diferite (incizie, impresiune, canelare).

În ceea ce priveşte forma vaselor, aceasta diferă de la o categorie la alta. Astfel, cele mai multe fragmente de ceramică grosieră provin de la vase cu corpul sferic sau bitronconic cu buza uşor trasă în afară şi gâtul scurt. Menţionăm prezenţa unor fragmente dintr-un vas-strecurătoare (fig. 9/11) şi partea inferioară a unui vas cu fundul ascuţit (fig. 8/12). Varietatea morfologică a vaselor din categoria fină este mare şi include capace, vase piriforme cu partea inferioară înaltă, cilindrică sau conică, cupe cu profil în „S”, diferite tipuri de castroane (fig. 8, 9).

Analogii pentru ceramica Precucuteni-Tripolie A de la Nicolaevca V se găsesc în aşezările Precucuteni III din bazinele Siretului, Prutului şi Nistrului (Bodean 2001; Marinescu-Bîlcu 1974;



1



2

Fig. 7. 1 - Vedere dinspre vest asupra porţiunii „scufundate” a locuinţei arse cu aglomerarea de ceramică (B) şi porţiunii demontate ale locuinţei (A); 2 - detaliu cu aglomerarea de ceramică.

Збенович 1989; Zbenovič 1996). O analiză mai fină a relaţiilor cronologice cu celelalte aşezări ale fazei va fi posibilă în cercetările viitoare pe măsura îmbogăţirii lotului de fragmente ceramice.

Obiecte de piatră cioplită, piatră şlefuită, lut şi cupru

Peste 55 de piese de silex provin din complexe eneolitice, cu precădere din secţiunea 2. Inventarul este alcătuit în principal din aşchii şi lame caracterizate prin microlitism.

Obiectele de piatră şlefuită sunt reprezentate de o râşniţă şi un frecător, ambele descoperite lângă locuinţa arsă din secţiunea 2.

Din aceeaşi secţiune provin şi trei miniaturi de lut – o bilă, o statuetă antropomorfă (feminină) şi un scaun miniatural. Statueta (fig. 8/11) şi scaunul au fost găsite la o distanţă de câteva zeci de centimetri una de cealaltă şi nu excludem posibila asociere dintre cele două obiecte, date fiind situaţiile similare bine cunoscute din alte aşezări ale culturii Precucuteni. Ambele elemente de plastică se încadrează în tipurile caracteristice secvenţei crono-culturale în discuţie (Pogoŝeva 1985, 97-101; Ursu 2014, 70-103; Погожева 1983, 14-48).

Un fragment dintr-un cui sau ac de cupru (fig. 8/13) a fost descoperit în secţiunea 3, deasupra nivelului cu locuinţe lungi band-liniare, în nivelul sărăcăcios aparţinând etapei Precucuteni, cu resturi dispersate. Obiectele mici şi obiectele de podoabă de cupru reprezintă un tip obişnuit de des-

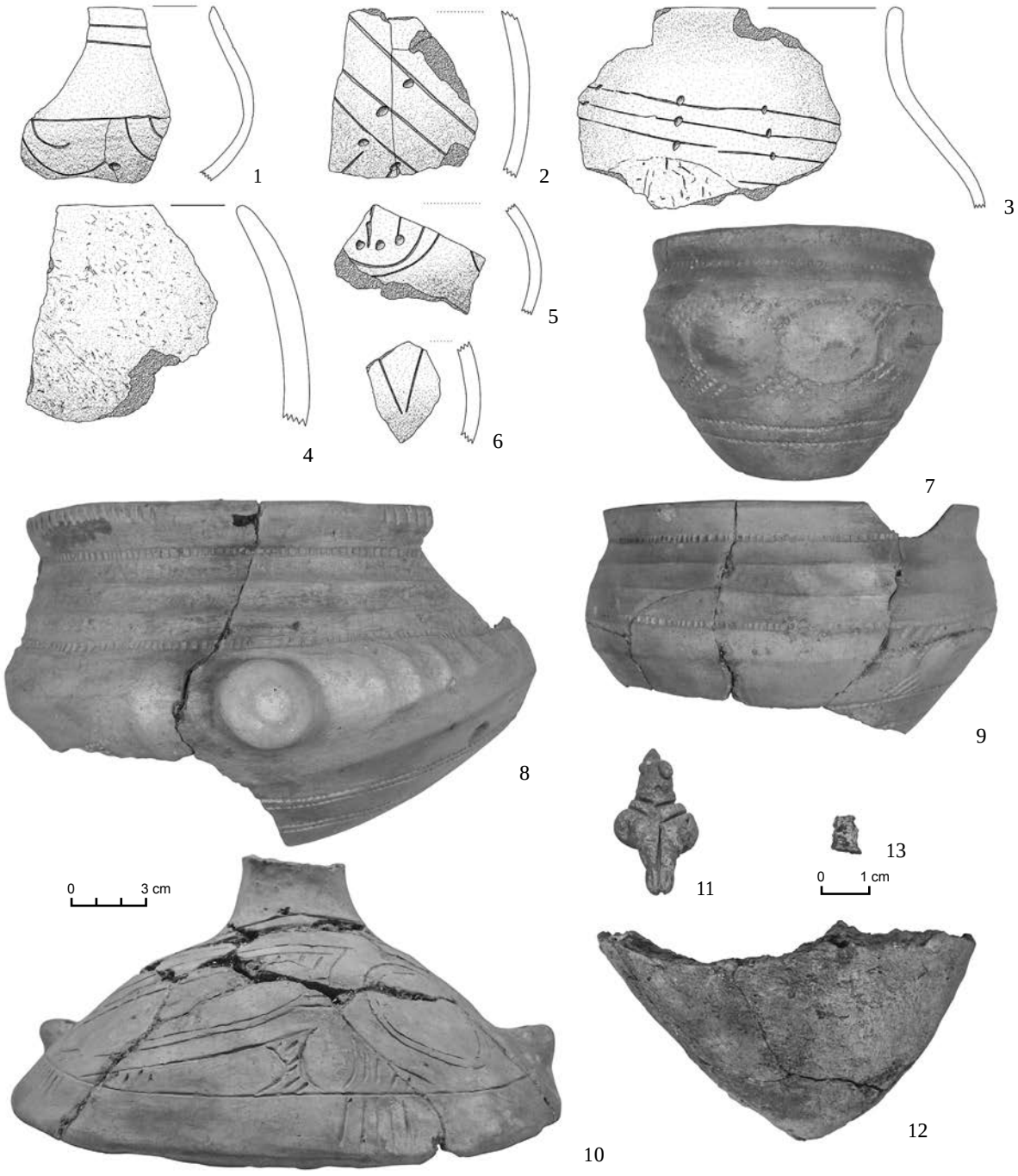


Fig. 8. Materiale neolitice (1-6) şi eneolitice (7-13) din săpătură. 1-12 - lut; 13 - cupru.

coperiri pentru etapele Precucuteni şi Cucuteni A, marcând trecerea de la Eneoliticul timpuriu la cel mijlociu în zona de silvo-stepă de la est de Carpaţi (Dergačev 2002, 82-87; Mareş 2012, 142-146).

Perspective

Săpăturile preventive realizate în anul 2016 în situl de la Nicolaevca V au confirmat interpretarea şi au dovedit acurateţea planului geomagnetic, atestând totodată buna conservare a complexelor arheologice. Cu toate că cercetarea a fost una preliminară, cele două ipoteze emise anterior pe baza investigaţiilor geofizice au fost confirmate: prezenţa locuinţelor lungi band-liniare în zona de sud a sitului şi datarea complexelor din zona nordică în Eneoliticul timpuriu. Cercetările viitoare vor furniza informaţii mai detaliate privind configuraţia diverselor tipuri de anomalii de pe planul geomagnetic.

În ceea ce priveşte cultura ceramicii band-liniare, a fost confirmată încă o dată existenţa locuinţelor

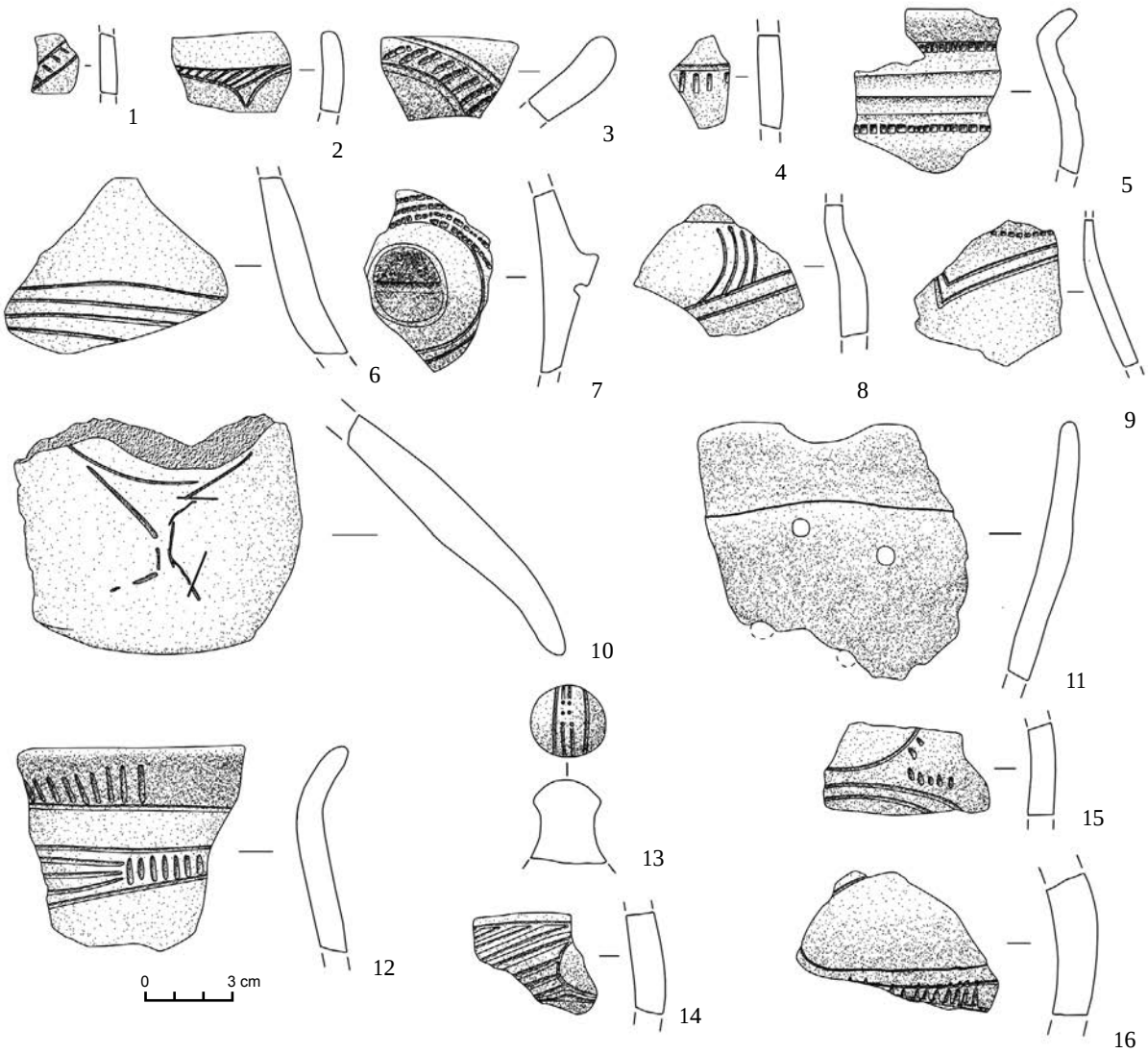


Fig. 9. Ceramică precucuteniană (1-16).

lungi de tip central-european în regiunea estică extremă a arealului culturii, adăugând informaţii substanţiale cercetărilor noastre din anii precedenţi (Saile et al. 2016; Ţerna et al. 2016; Зайле и др. 2016). Prin sondajele de dimensiuni mici realizate anterior în alte câteva situri din Moldova (Bumbăta III, Găureni I) au fost investigate gropi lungi singulare şi gropi de par asociate cu materiale band-liniare. La Nicolaevca, deschiderea unei secţiuni de dimensiuni mai mari, perpendiculară pe axa lungă a locuinţei ne-a permis identificarea ambelor gropi lungi, dar şi a altor complexe asociate locuinţei band-liniare.

Cercetarea complexelor Precucuteni-Tripolie A a furnizat date nu mai puţin importante dar în acelaşi timp a adus în prim-plan o serie de probleme spre care vor fi orientate investigaţiile viitoare. Astfel, a fost confirmată apartenenţa complexelor adâncite din zona de nord a sitului la perioada Eneoliticului timpuriu, precum şi prezenţa locuinţelor de suprafaţă arse. Se pune acum problema contemporaneităţii celor două tipuri de structuri de locuire şi, implicit, a existenţei mai multor etape de evoluţie a sitului. În acest sens, considerăm că o posibilă clarificare poate veni din cercetarea completă a situaţiei arheologice din secţiunea 2, în care modul de prăbuşire a platformei locuinţei arse ar putea indica suprapunerea acesteia peste un complex adâncit.

În ciuda caracterului limitat, cercetările de la Nicolaevca V din anul 2016 au furnizat rezultate promiţătoare. Continuarea cercetărilor în acord cu planul geomagnetic va aduce, cu siguranţă, o contribuţie importantă în înţelegerea realităţilor specifice Neoliticului şi Eneoliticului timpuriu din interfluviul Prut-Nistru.

Bibliografie

Bodean 2001: S. Bodean, Aşezările culturii Precucuteni-Tripolie A din Republica Moldova (repertoriu) (Chişinău 2001).

Dergačev 2002: V. Dergačev, Die äneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldavien. PBF XX/9 (Stuttgart 2002).

Mareş 2012: I. Mareş, Metalurgia aramei în civilizaţiile Precucuteni şi Cucuteni (Suceava 2012).

Marinescu-Bîlcu 1974: S. Marinescu-Bîlcu, Cultura Precucuteni pe teritoriul României (Bucureşti 1974).

Pogoŝeva 1985: A.P. Pogoŝeva, Die Statuetten der Tripolje-Kultur. In: Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie, 7 (Berlin 1985), 95-242.

Saile et al. 2016: T. Saile, M. Dębiec, M. Posselt, S. Ţerna, D. Kiosak, Zur Bandkeramik zwischen Pruth und Südlichem Bug. Prähistorische Zeitschrift 91/1, 2016, 1-15

Ţerna 2016: S. Ţerna, Geomagnetic investigations of Neolithic and Copper Age sites from the Republic of Moldova (1968-2016): main results, actual state and future perspectives. RAPORT, 11, 2016 (sub tipar).

Ţerna et al. 2016: S. Ţerna, T. Saile, M. Dębiec, M. Posselt, Scanări geofizice şi cercetări arheologice pe situri din neoliticul târziu - eneoliticul timpuriu de pe teritoriul Republicii Moldova. Tyragetia s.n. X/1 (sub tipar).

Ursu 2014: C.-E. Ursu, Plastica antropomorfă a culturii Precucuteni. Teză de doctorat (manuscris) (Iaşi 2014).

Zbenovič 1996: Vl. Zbenovič, Siedlungen der frühen Tripol'e-Kultur zwischen Dnestr und Südlichem Bug (Espelkamp 1996).

Бибиков 1953: С.Н. Бибиков, Поселение Лука-Врублевецкая на Днестре (Москва 1953).

Бикбаев 1981: В.М. Бикбаев, Памятники позднего палеолита - раннего Триполья в Лазовском районе. В сб.: АИМ 1974-1976, 1981, 191-199.

Дудкін, Відейко 2004: В.П. Дудкин, М.Ю. Відейко, Планування поселень трипільської культури. В: (гол. ред. М.Ю. Відейко) Енциклопедія трипільської цивілізації, том 1, книга перша (Київ 2004), 303-314.

Зайле и др. 2016: Т. Зайле, С. Черна, М. Дебьец, М. Посселт, К интерпретации жилищных комплексов восточного ареала культуры линейно-ленточной керамики (новые материалы полевых исследований на территории Республики Молдова). In: (Eds. S. Ţerna, B. Govedarica), Interactions, Changes and Meanings. Essays in honour of Igor Manzura on the occasion of his 60th birthday (Chişinău 2016) (sub tipar).

Збенович 1989: В.Г. Збенович, Ранний этап трипольской культуры на территории Украины (Киев 1980).

Пассек 1960: Т.С. Пассек, Результаты археологических раскопок у с. Флорешты в Молдавии. В: (ред. Е.В. Кондураки, Т.С. Пассек, Г.Д. Смирнов) Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики (Кишинев 1960), 49-58.

Пассек 1961: Т.С. Пассек, Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья (Москва 1961).

Погожева 1983: А.П. Погожева, Антропоморфная пластика Триполья (Новосибирск 1983).

Черниш 1959: К.К. Черниш, Ранньотрипільське поселення Ленківці на Середньому Дністрі (Київ 1959).

Preliminary results of the archaeological investigations in the Neolithic and Copper Age site of Nicolaevca V during the 2016 excavation season

Keywords: Linear Pottery culture, Cucuteni-Tripolye culture, geomagnetic research, longhouses, burnt houses.

Abstract: The small scale excavations conducted in 2016 on the site of Nicolaevca V had as objective to substantiate the existing interpretation of the geophysical plan and to date the anomalies from the two areas of the site. By making three archaeological excavations of various sizes we found out that the anomalies in the northern part of the settlement relate to the Precucuteni-Tripolye A stage of the Cucuteni-Tripolye culture, while the anomalies in the southern part date back to the Neolithic and belong to the Linear Pottery Culture. On the early Copper Age settlement there were partially investigated a large underground complex (probably dugout) and a burnt surface dwelling. The investigation of the Linear Pottery culture settlement allowed us to obtain a complete section of a longhouse with its inner space and two afferent long pits.

List of illustrations:

Fig. 1. 1 - The site's location on the Prut-Dniester interfluve physical map; 2 - view from the east to the terrace with the Neolithic (A) and Precucuteni settlements (B); 3 - the topography of the site's micro-region.

Fig. 2. The geophysical plan with the indication of excavations.

Fig. 3. Excavation 3. 1 - View of the burnt clay accumulation in the northern long pit, Linear Pottery culture; 2 - view of the deposit of animal bones in the southern long pit, Linear Pottery culture.

Fig. 4. 1 - View from the south to the second level in the excavation 2; 2 - view from the north to the profile of the dugout in the excavation 1.

Fig. 5. Plan of the second level (39-45 cm depth) in the excavation 2 with the indication of remnants of a burnt dwelling and its possible contours identified in the partial investigation of the next level.

Fig. 6. Configuration of the imprints on the burnt daub after the removal of house debris in the excavation 2 (the second level of excavation, 39-45 cm depth).

Fig. 7. 1 - View from the west to the sagging portion of the burnt dwelling with the accumulation of pottery (B) and the dismantled part of a structure (A); 2 - accumulation of pottery.

Fig. 8. Neolithic (1-6) and Copper Age (7-13) finds from the excavations. 1-12 - clay; 13 - copper.

Fig. 9. Precucuteni pottery (1-16).

Предварительные результаты археологических исследований 2016 года на нео-энеолитическом поселении Николаевка V

Ключевые слова: КЛЛК, культура Кукутень-Триполье, геомагнитные исследования, длинные дома, сожженные дома.

Резюме: Целью небольших предварительных исследований, проводившихся в 2016 году на поселении Николаевка V, явилось обоснование существующей интерпретации геофизического плана и аномалий с двух участков памятника. Путем заложения трех шурфов разных размеров удалось выяснить, что аномалии в северной части поселения относятся к раннему этапу культуры Кукутень-Триполье, в то время как аномалии в южной части датируются неолитом и относятся к культуре линейно-ленточной керамики. На поселении раннего энеолита были частично исследованы углубленный комплекс (вероятно, землянка) и наземное сожженное жилище. На поселении КЛЛК удалось получить полный профиль длинного жилища с его внутренним пространством и сопутствующими длинными ямами.

Список иллюстраций:

Рис. 1. 1 - Местонахождение памятника на физической карте Пруто-Днестровского междуречья; 2 - вид с востока на террасу, на которой находится памятник, включающий неолитическое (A) и раннетрипольское (B) поселения; 3 - топография микрозоны, в которой располагается памятник.

Рис. 2. Геофизический план поселения с расположением раскопов.

Рис. 3. Раскоп 3. 1 - Вид на скопление обмазки из северной длинной ямы КЛЛК; 2 - вид на скопление костей животных в южной длинной яме КЛЛК.

Рис. 4. 1 - Вид с юга на второй уровень зачистки в раскопе 2; 2 - вид с севера на профиль углубленного сооружения в раскопе 1.

Рис. 5. План второго уровня зачистки (глубина 39-45 см) на раскопе 2 с обозначением остатков сожженного жилища и его контуров, выявленных в ходе неполного исследования следующего уровня.

Рис. 6. Схема расположения отпечатков на обожженной глине на разобранном участке жилища из раскопа 2 (второй уровень зачистки, глубина 39-45 см).

Рис. 7. 1 - Вид с запада на просевший участок сожженного жилища со скоплением керамики (B) и разобранным участком сооружения (A); 2 - скопление керамики.

Рис. 8. Материалы эпох неолита (1-6) и энеолита (7-13) из раскопов. 1-12 - глина; 13 - медь.

Рис. 9. Раннетрипольская керамика (1-16).

18.09.2016

Stanislav Țerna M.A., Universitatea „Școala Antropologică Superioară”, str. Zimbrului, 10a, MD-2024 Chișinău, Republica Moldova, e-mail: ternastas@mail.ru

Dr. Maciej Dębiec, Catedra de Pre- şi Protoistorie, Institutul de Istorie, Universitatea Regensburg, D-93040 Regensburg, Germania, e-mail: debiecmaciej@gmail.com

Dr. Andreea Vornicu-Țerna, Muzeul Județean Botoșani, str. Unirii 15, RO-710221, Botoșani, România, e-mail: andreea.vornicu.tf@gmail.com

Mariana Vasilache-Curoşu, Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989, 121A, MD-2012, Chișinău, Republica Moldova, e-mail: marianavasilake@gmail.com

Prof. Dr. Thomas Saile, Catedra de Pre- şi Protoistorie, Institutul de Istorie, Universitatea Regensburg, D-93040 Regensburg, Germania, e-mail: Thomas.Saile@ur.de

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ТРИПОЛЬЕ

Михаил Видейко

Ключевые слова: поселение Триполье, В. Хвойка, раскопки, этап Триполье BI-II, большие поселения.

Настоящая работа предпринята накануне наступления «круглой» даты – 110-й годовщины первых раскопок В.В. Хвойки у с. Триполья, состоявшихся, судя по записям в полевом дневнике, хранящемся в Научном архиве ИА НАНУ, осенью 1897 года (Хвойка 1897, ф. 2). В дальнейшем исследователь несколько раз, возможно в 1901, 1903 и 1905 гг. возвращался к раскопкам в этом месте, о чем свидетельствуют даты на фотографиях, хранящихся в том же архиве, а также некоторые другие документы. В 1909 году был получен открытый лист, в котором среди многих населенных пунктов было упомянуто и Триполье (рис. 1), однако о проведении в этот год исследований известий не обнаружено. Со временем было забыто место раскопок, и спустя сто лет после проведения исследований пришлось провести специальные изыскания, чтобы вновь установить его, используя архивные материалы. Эти поиски описаны в настоящей статье. Общее представление о том, как проходили раскопки, а также какие при этом были сделаны находки, могут дать как записи и рисунки в полевом дневнике, так и упомянутые выше фотографии. Изложению результатов этих разысканий посвящена настоящая работа, цель которой – расширить и обобщить информацию относительно эпонимного памятника трипольской культуры. Мы рассматриваем эту работу не только как первый шаг в деле публикации забытых находок, но и демонстрацию перспективы продолжения исследований в Триполье и вокруг него.

В истории исследований каждой археологической культуры есть важный момент – это открытие и исследование эпонимного памятника. В силу различных обстоятельств об эпонимном памятнике трипольской культуры сегодня известно гораздо меньше, чем, например, о поселении Кукутень – последнему, кроме множества пбликаций и монографии Г. Шмидта, вышедшей в 1932 году, посвящена объемистая монография 2004 г., в которой изложена как история открытия, так и все последующие исследования (Petrescu-Dîmboviţa, Văleanu 2004). В публикации же доклада В.В. Хвойки на XI Археологическом съезде раскопкам у местечка Триполье посвящены едва ли две страницы текста со ссылкой на одну позицию в таблице (Хвойка 1901, 793-795, табл. XXI, 10). Материалы из Триполья были также использованы в качестве иллюстраций к статье о раскопках 1901 г. «в области трипольской культуры», которая увидела свет в 1904 году (Хвойка 1904). Отдельные места из этих публикаций были повторены исследователем в его итоговом труде, посвященном древним обитателям Среднего Поднепровья, вышедшем без единой иллюстрации в 1913 году (Хвойка 1913). Собственно, перечисленными выше тремя изданиями и ограничивается информация, опубликованная непосредственно автором раскопок. В дальнейшем так и не были предприняты попытки опубликовать материалы В.В. Хвойки из раскопок у Триполья, лишь отдельные предметы без указания места находки появлялись время от времени на страницах различных изданий.

С течением времени даже место раскопок было забыто, и уже во второй половине XX века никто из специалистов не мог указать его даже приблизительно. Вероятно, с определением места раскопок у Триполья проблемы были уже в 30-е годы: на карте памятников трипольской культуры, составленной по результатам работы Трипольской экспедиции 1934-38 гг., эпонимный памятник указан не был, хотя некоторые другие места раскопок В.В. Хвойки все же обозначены были (Пассек 1940, карта 2).

Коллекции из раскопок у Триполья преимущественно хранились в Киевском Музее Истории и Древностей, преемником которого в наши дни является Национальный музей истории Украины (Якубенко 2006). Здесь же находится часть архива исследователя, другая – в Научном архиве Института археологии НАН Украины. Материалы, преимущественно – рисунки и фотографии из личного фонда В.В. Хвойки, хранящиеся там, были использованы при написании настоящей статьи (рис. 1-4; 9-13, 15, 16). Известно также, что В.В. Хвойка щедро распределял находки между различными музеями, коллекционерами, поэтому находки из района Триполья можно ныне увидеть в самых различных музеях Европы, от Харькова до Праги. Работа с архивными материалами, а отчасти с находками из собрания Национального музея истории Украины позволяет хотя бы частично реконструировать картину исследований и представить большее число находок, чем было опубликовано ранее.

Местонахождение поселения Триполье автору удалось установить осенью 2006 года. Для этого были использованы архивные материалы – зарисовки из полевого дневника, карта с обозначением раскопок из публикации 1904 г., сопоставленная с современными спутниковыми снимками и топографическими картами.

Известно две версии панорамы места раскопок у Триполья, обе выполненные В.В. Хвойкой в технике карандашного рисунка. Первоначальная версия содержится в полевом дневнике исследователя (Хвойка 1897, мал. 79). Рисунок (рис. 2), занимающий всю страницу в тетради, представляет вид на место раскопок в поле, сделанный с возвышения. Справа изображена долина реки с высоким правым берегом, поле, разделенное яром, пересекает полевая дорога, уходящая вдаль. На заднем плане панорамы, в центре – холм с постройками, в которых можно угадать силуэт церкви с высокой колокольней, справа – восемь ветряных мельниц на высоте. Холм и высота разделены долиной, в которой показана еще одна церковь. Подпись вверху страницы, сделанная рукой В.В. Хвойки, гласит: «Вид раскопки около Триполи». Таким образом, есть основания связывать изображение на рисунке именно с эпонимным памятником.

В Научном архиве хранится еще одна версия этой панорамы, входящая в состав таблицы (Хвойка 1897, мал. 119), выполненной в технике карандашного рисунка на большом листе белой плотной бумаги формата А2 (рис. 2). Таблица выполнена в стиле иллюстраций, сопровождавших статью 1904 г., на которых в центре помещены изображения мест раскопок, а

МИНИСТЕРСТВО
ИМПЕРАТОРСКАГО
ДВОРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОММИССІЯ.

29 Мая 190 9г.
№ 919
С.-Петербургъ
Зданіе ИМПЕРАТОРСКАГО Зимняго Дворца.

Открытый листъ.

На 190 девятый годъ.

Выданъ этотъ листъ Хранителю Кіевскаго Городского Музея Викентію Вячеславовичу Хвойка

Императорскою Археологическою Коммиссіею на право производства археологическихъ раскопокъ въ теченіе 1909 года на земляхъ казенныхъ, общественныхъ и принадлежащихъ разнымъ установленіямъ въ предѣлахъ Вышгорода, Бѣлгородки, Безрадичъ, Триполья и Витачева, Кіевскаго уѣзда и

Рис. 1. Фрагмент Открытого листа, выданного В.В. Хвойке Императорской Археологической Комиссией на право раскопок, в том числе у в районе местечка Триполье в 1909 году.

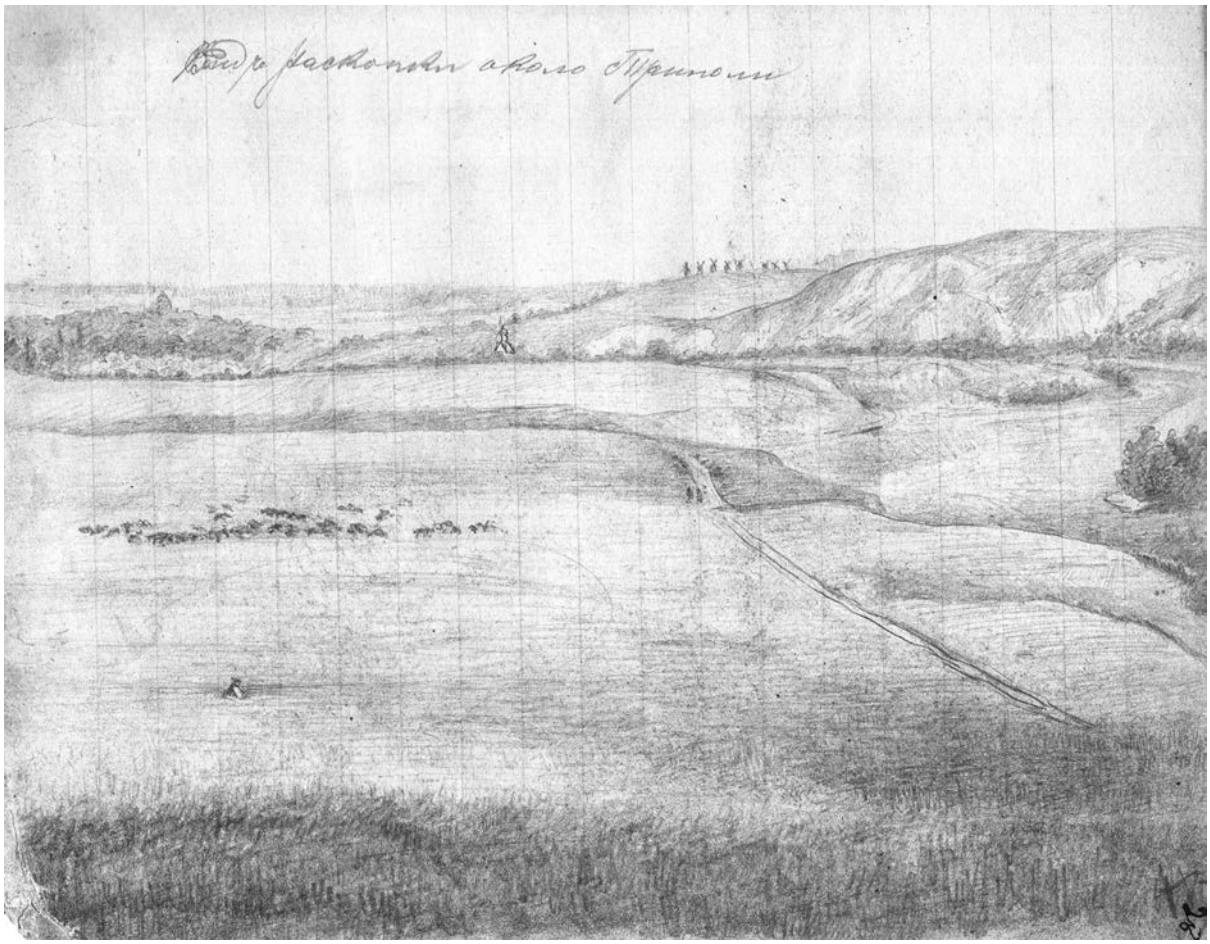


Рис. 2. Страница из полевого дневника В.В. Хвойки за 1897 год с панорамой места раскопок у местечка Триполье Киевского уезда. Научный архив Института Археологии НАН Украины, Киев.

вокруг них распределены находки, имеющие отношение к теме (Хвойка 1904, табл. V). В ее центре находится панорама места раскопок, включающая элементы описанного выше изображения, однако заметно доработанная (рис. 3). Так, на переднем плане, на склоне высоты, господствующей над полем, появились изображения двух человек. Первый стоит в полоборота к зрителю, в пробковом шлеме, с тетрадью в руке и зонтиком. Рядом, на складном стуле, спиной к зрителю – человек в пиджаке и шляпе. Первый персонаж может быть идентифицирован с В.В. Хвойкой. В поле изображены рабочие и раскопы, расположенные по кругу. Задний план также доработан и даже расширен: появилась высота слева, на ней изображены три ветряные мельницы. На холме в центре более четко прорисована церковь с колокольней, на высоте справа изображены семь ветряков (вместо восьми). За холмами прорисована долина широкой реки, которая может быть идентифицирована с долиной р. Днепр. Изображение не подписано, однако, учитывая наличие надписи на описанном ранее изображении, речь может идти о той самой местности.

Следует отметить, что сравнение дневниковых зарисовок В.В. Хвойки с последующими публикациями тех же рисунков показало: практика доработки рисунков, предназначенных для издания, была делом обыденным. То, что второй рисунок предназначался для публикации, доказывает фотография, найденная в архиве исследователя (Хвойка 1897, фото 25а). Это фотографический снимок с четырех карандашных рисунков, смонтированных в новую таблицу. Все они содержались в упомянутой ранее таблице формата А2. Самый большой рисунок, с панорамой места раскопок, размещен над тремя меньшими, на которых рисунки отдельных раскопов. Надпись в верх-

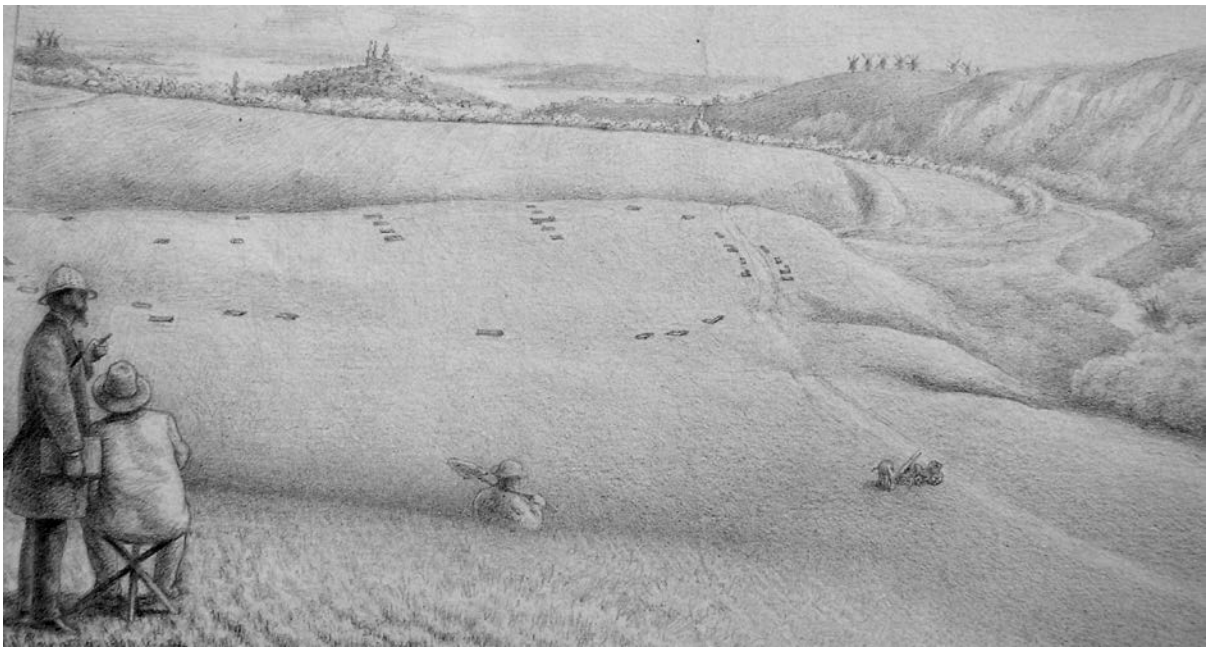


Рис. 3. Панорама раскопок у местечка Триполье работы В.В. Хвойки с таблицы, подготовленной для издания. Научный архив Института Археологии НАН Украины, Киев.

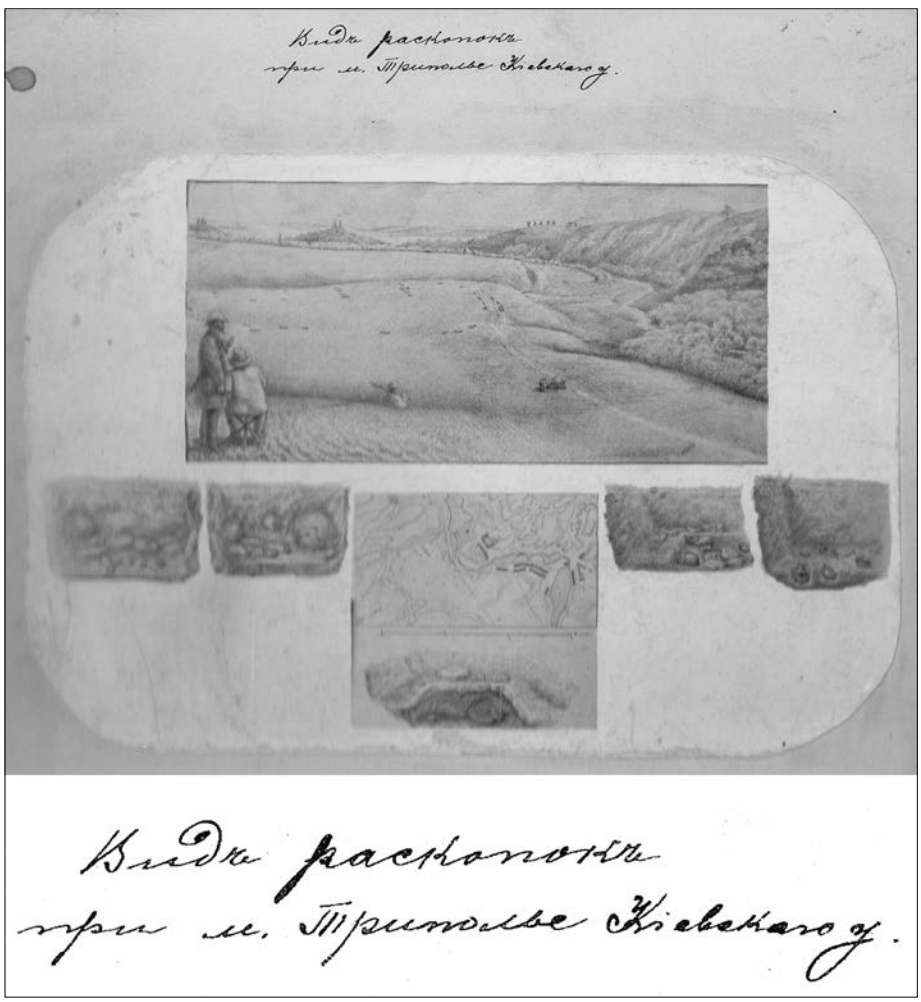
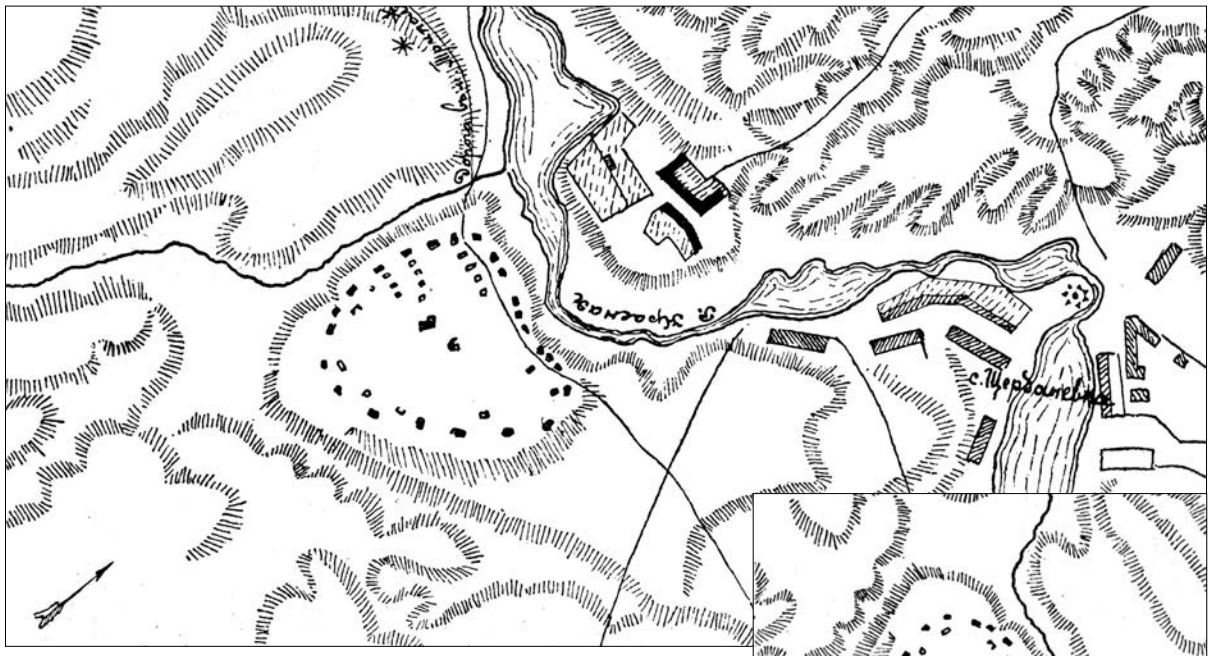
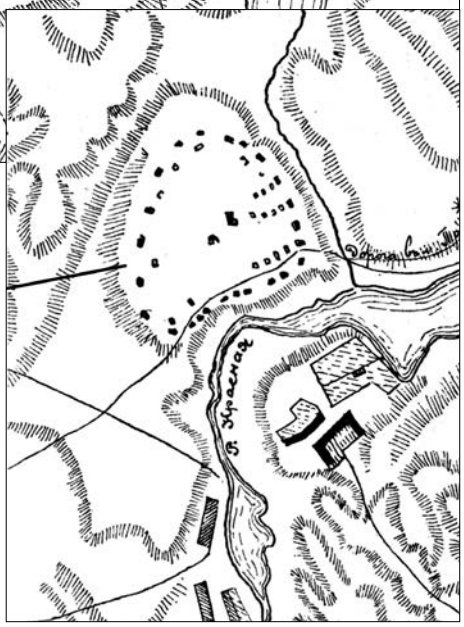


Рис. 4. Фотография с таблицы для издания, в которую включена панорама раскопок и зарисовки нескольких раскопов у Триполья, выполненные В.В. Хвойкой по материалам из полевого дневника. Научный архив Института Археологии НАН Украины, Киев.



1

2

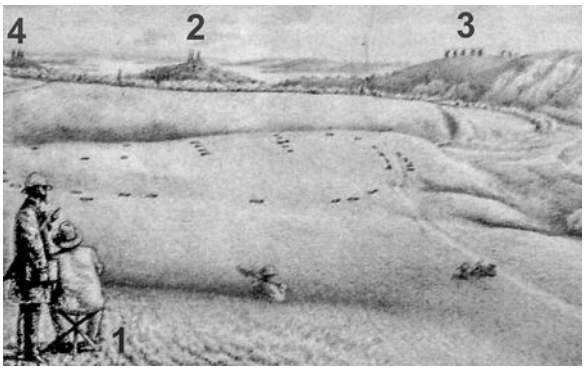


3

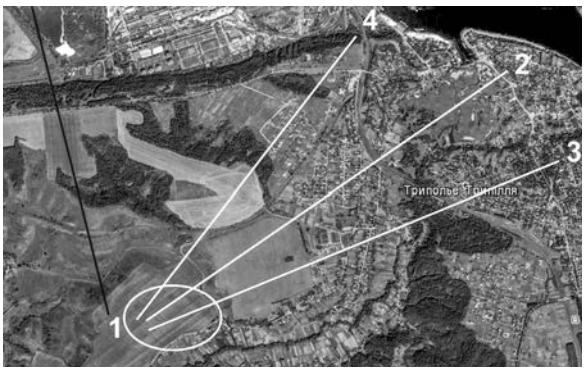
Рис. 5. Картографические материалы, связанные с раскопками у Триполья: 1 - схема расположения места раскопок, опубликованная В.В. Хвойко в 1904 г.; 2 - фрагмент карты-трехверстовки, которая была, вероятно, использована при создании схемы; 3 - фрагмент схемы В.В. Хвойки с ориентацией верхнего обреза на север. Стрелкой указано положение участка, изображенного на схеме в пределах карты.

ней части сделана рукой В.В. Хвойки: «Видъ раскопок при м. Триполье Кіевского у[езда]» (рис. 4). Этот снимок – дополнительное подтверждение того, что речь идет об одном и том же месте раскопок.

На описанных выше панорамах изображен вид Триполья со стороны долины р. Красной, впадающей в Днепр на территории этого населенного пункта. До настоящего времени ни одна из церквей не сохранилась, так же как и ветряные мельницы. Изменился вид долины Днепра, превращенной в 70-е годы XX века в водохранилище – «Каневское море», так же как и современные границы Триполья. Склоны долины р. Красной в настоящее время частично заросли лесом, частично застроены усадьбами жителей с. Триполья, границы которого продвинулись в сторону с. Щербаневка. В полном объеме увидеть тот же вид долины, что и в конце XIX века, невозможно. И даже непосредственное указание исследователя о том, что местность, где проводились раскопки, расположена «на запад от с. Триполье, в 2 верстах от местечка... над речкой Красной против с. Щербаневки», и сопутствующая ему информация (Хвойка 1901, с. 793) не дают прямых указаний о месте расположения памятника.



a



b

Рис. 6. Соотнесение панорамы места раскопок у Триполья работы В.В. Хвойки со спутниковым снимком. Цифрами обозначены: 1 - место, с которого производилась зарисовка местности; 2 - холм в историческом центре Триполья, на котором располагалась церковь; 3 - ветряные мельницы (на панораме справа), 4 - ветряные мельницы (на панораме слева) на Дивич-Горе. Место раскопок обведено белым.

С определением места раскопок непосредственно на местности помогла схема расположения поселения, опубликованная в 1904 г. В.В. Хвойкой (рис. 5/1). Она была выполнена с использованием топографической карты-трехверстовки, с которой удалось совместить очертания реки (рис. 5/2) и, соответственно, определить то самое поле, на котором проводились раскопки (рис. 5). Указание исследователя о том, что пространство, на котором расположены остатки поселения, занимает «около 2 верст в диаметре», явно не соответствует действительности, так как такой «диаметр» явно превышает всю ширину долины р. Красной. Однако наличие карты позволяет сопоставить ее с современными спутниковыми снимками и выйти на то самое поле уже от современных границ Триполья, определив ключевые позиции панорамы – высоты на заднем плане и место, с которого сделан рисунок (рис. 6).

В этом месте до настоящего времени сохранилась дорога в с. Щербаневку, пересекающая яр, показанный на рисунках В.В. Хвойки (рис. 7/с 1). Над полем есть возвышенность, с которой можно получить панораму, запечатленную на рисунках (рис. 7/a 4). В 2003 году на этом поле был заложен шурф в одном из мест скопления обмазки (Видейко 2004) (рис. 7/b). На глубине 0,3-0,4 м от современной поверхности обнаружены фрагменты обожженной

a

b

c

Рис. 7. Современные виды места раскопок В.В. Хвойки у Триполья: a - вид в сторону окраины Триполья, цифрой 4 обозначена Дивич-Гора, соответствует высоте на панораме слева; b - вид на склон плато, где расположено поселение со стороны долины р. Красной; c - вид на место раскопок со стороны окраины Триполья, цифрой 1 обозначено место, с которого могла быть произведена зарисовка панорамы; стрелкой указано место, где в 2003 г. был заложен шурф.

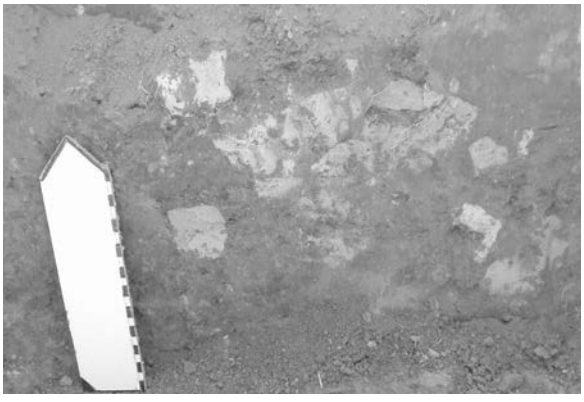
обмазки, а также керамики – с углубленным орнаментом и с росписью (рис. 8). Эти находки вполне могут быть сопоставлены с материалами, происходящими из раскопок В.В. Хвойки и отнесенными им к «культуре А», которая по современной периодизации соответствует этапу BI-II трипольской культуры. Подъемного материала на поле встречается немного, что вполне соответствует описаниям В.В. Хвойки относительно того, что многочисленные остатки построек были размыты водой и распаханы (Хвойка 1901, 793).

Из сделанных исследователем описаний раскопок можно сделать определенные выводы относительно найденных в этом месте остатков построек (Хвойка 1901, 793-795). Всего на плане в дневнике отмечены места тридцати раскопов различных размеров прямоугольной формы, что соответствует числу исследованных мест, указанных в публикации 1901 года (Хвойка 1897, мал. 98). Раскопы прямоугольной формы (кроме нескольких, где показаны небольшие прирезки), различных размеров, самый большой показан в центральной части поселения, где, по сообщению В.В. Хвойки, он обнаружил остатки строения «диаметром около 14 метров» (Хвойка 1901, 793). Если размеры раскопов отмасштабированы, то по самому большому раскопу можно определить, что их длина в среднем достигала 7, а ширина – 4 метров. Некоторые раскопы квадратной формы, возможно, достигали размеров 7×7 м. Таким образом, едва ли исследованные объекты были раскопаны полностью. Однако учитывая их плохую сохранность, установить реальные контуры разрушенных построек в то время едва ли было возможно. О раскопах можно судить по описаниям исследователя (публикация 1901 г.), а также по зарисовкам (рис. 9-12).

Остатки построек, сохранившиеся в 20 из раскопов, представляли собой скопления обожженной глины, среди которой располагались развалы сосудов различной сохранности. Глубина залегания некоторых развалов, как следует из записи в дневнике (на страницах с зарисовками указано, что это раскопки у Триполья), составляла до 65 см от поверхности.

На зарисовках из полевого дневника и на таблицах (Хвойка 1897, мал. 80, 91, 95, 119) мы видим группы сосудов различных типов. В одной из них – биноклевидный сосуд, окру-

1



2

3

4

Рис. 8. Триполье, исследования 2003 года: 1 - шурф, общий вид; 2 - культурный слой с остатками соженной постройки трипольской культуры; 3 - фрагмент грушевидного сосуда с углубленным орнаментом; 4 - фрагменты амфорки с росписью.

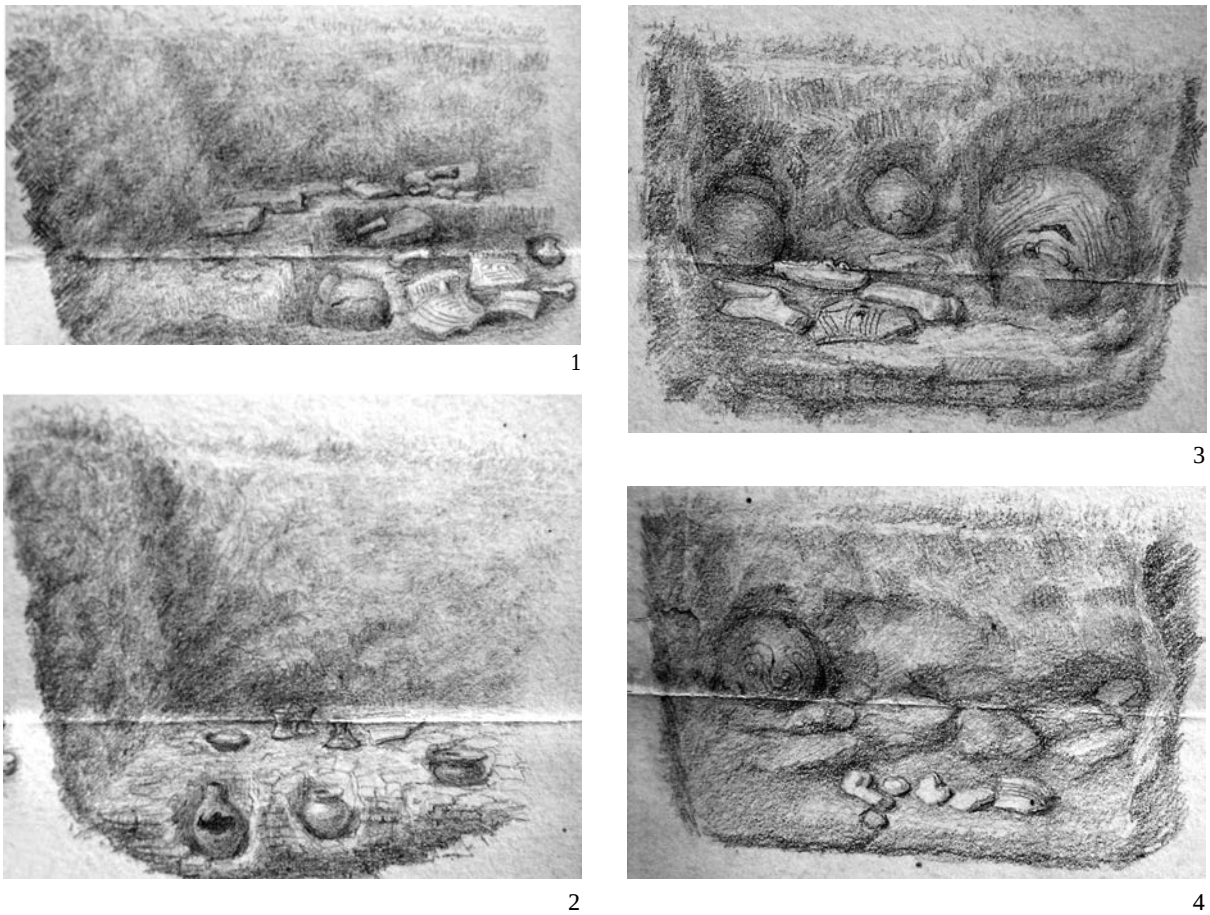


Рис. 9. Триполье, раскопы 1897 г., зарисовки В.В. Хвойки. Научный архив Института Археологии НАН Украины, Киев.

глотелый кубок и еще три изделия помельче (рис. 10). Другая включает 11 различных сосудов, в том числе два грушевидных, горшок, кувшины, кубки, крышку, три биноклевидных сосуда. На небольшом расстоянии перед этим скоплением зарисованы два человеческих черепа, рядом с которыми поставлен еще один бинокль и небольшой кубок (рис. 10). Вероятно, это именно то скопление находок, которое описано у В.В. Хвойки в издании 1901 г., где указано наличие в большом грушевидном сосуде человеческих костей – части черепа, костей рук и ног (Хвойка 1901, 794). В описании и на рисунке отмечено одинаковое число биноклевидных сосудов – три. Там же указано и расстояние от этого места до находки черепов – 2 метра, что показывает определенную условность приведенной выше зарисовки места раскопок. На другой странице, датированной 3 октября 1897 года, изображена группа сосудов, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга среди кусков обмазки – две шлемовидные крышки, грушевидный сосуд, миски, кубки разных размеров (рис. 11).

Особый интерес представляет информация о раскопанных в центре остатках постройки больших размеров – скопление обмазки имело до 14 метров в диаметре и состояло местами их 4 слоев обожженной глины. Подобные скопления в настоящее время могут быть интерпретированы как остатки межэтажного и/или межчердачного перекрытий. То обстоятельство, что обмазка в отдельных пластах имела заглаженную поверхность, указывает на то, что эта поверхность могла быть полом второго этажа постройки. Возможно, исследователь раскапывал здесь остатки строения, напоминавшего по структуре ставшие известными в последние годы как по данным магнитной съемки, так и по раскопкам «мегаструктуры», которые лишь частично состоят из завала об-

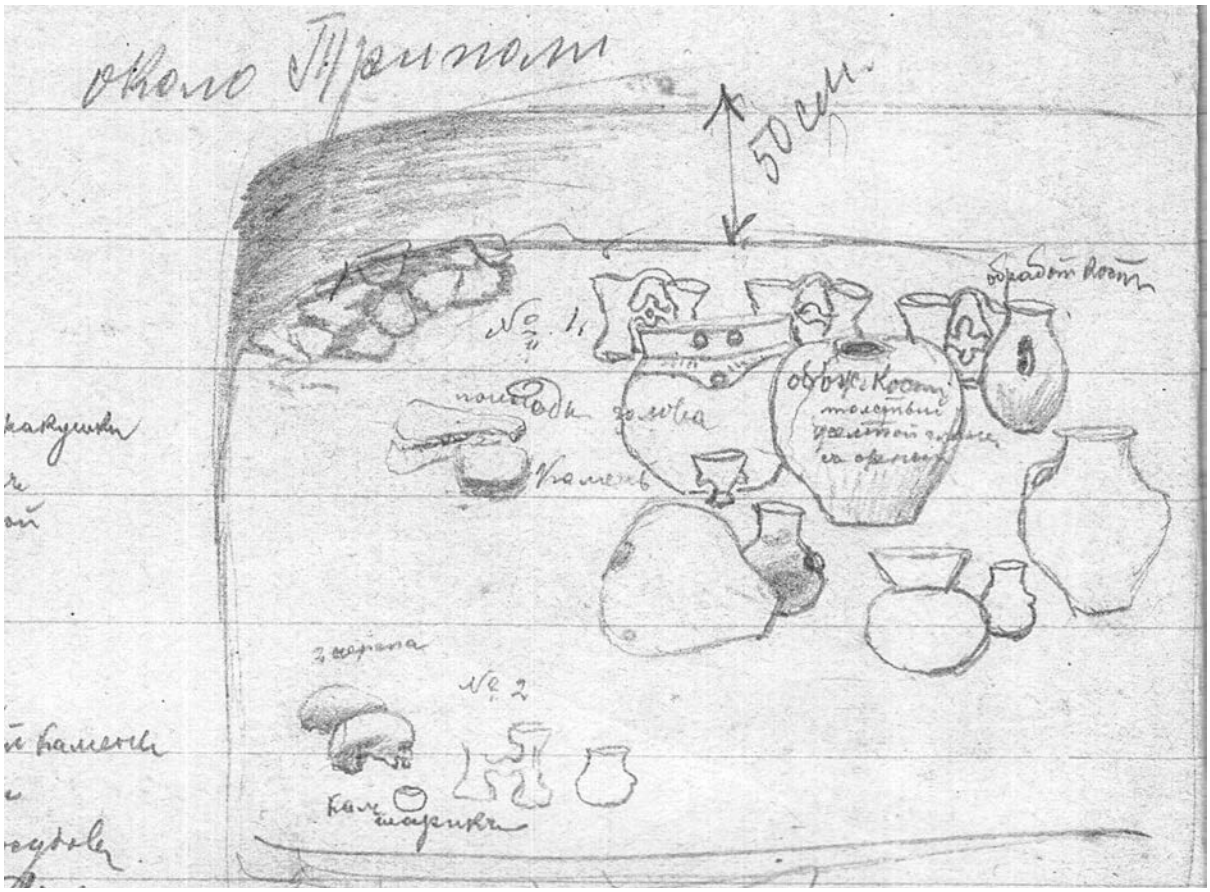


Рис. 10. Триполье, раскопки 1897 года, зарисовки В.В. Хвойки. Группа сосудов и черепа. Научный архив Института Археологии НАН Украины, Киев.

мазки, а частично представлены обмазкой, расположенной по периметру полосой в 1-2 м шириной (Відейко, Бурдо 2015). В любом случае, в Триполье было открыто неординарное строение, скорее всего двухэтажное с чердачным перекрытием, возможно, общественного назначения. Интересно то обстоятельство, что В.В. Хвойка отметил его отличие от остальных строений не только по размерам, но и по количеству слоев обмазки – на рядовых объектах она залегала лишь в один слой, который, скорее всего, был остатками чердачного перекрытия. Таким образом, рядовая застройка поселения у Триполья могла быть одноэтажной. Впрочем, здесь были также и двухэтажные постройки. С остатками одной из них, состоявшей из двух слоев обмазки, связано описанное ранее скопление из 12 сосудов.

Благодаря описаниям находок, их изображениям в дневнике, на таблицах представляется возможным вкратце охарактеризовать материальную культуру обитателей эпонимного поселения, представленную орудиями труда и керамическими изделиями.

Орудия труда представлены изделиями из кремня, камня и металла. Из кремневых орудий в текстах В.В. Хвойки упомянуты «ножи или скребки». Их твердых пород камня изготовлены зернотерки, округлые песты (исследователь именовал их «пращными камнями»). Возможно, некоторые из этих находок были нарисованы на таблице, где помещены виды раскопок у Триполья (рис. 13/1), однако полной уверенности в этом нет, поскольку там же рядом есть изображения находок из Щербаневки и Веремья. Отмечена также находка одного медного топорика, кстати сказать, единственной находки из раскопок в Триполье, опубликованной со ссылкой на нее в 1901 году (рис. 13/2).

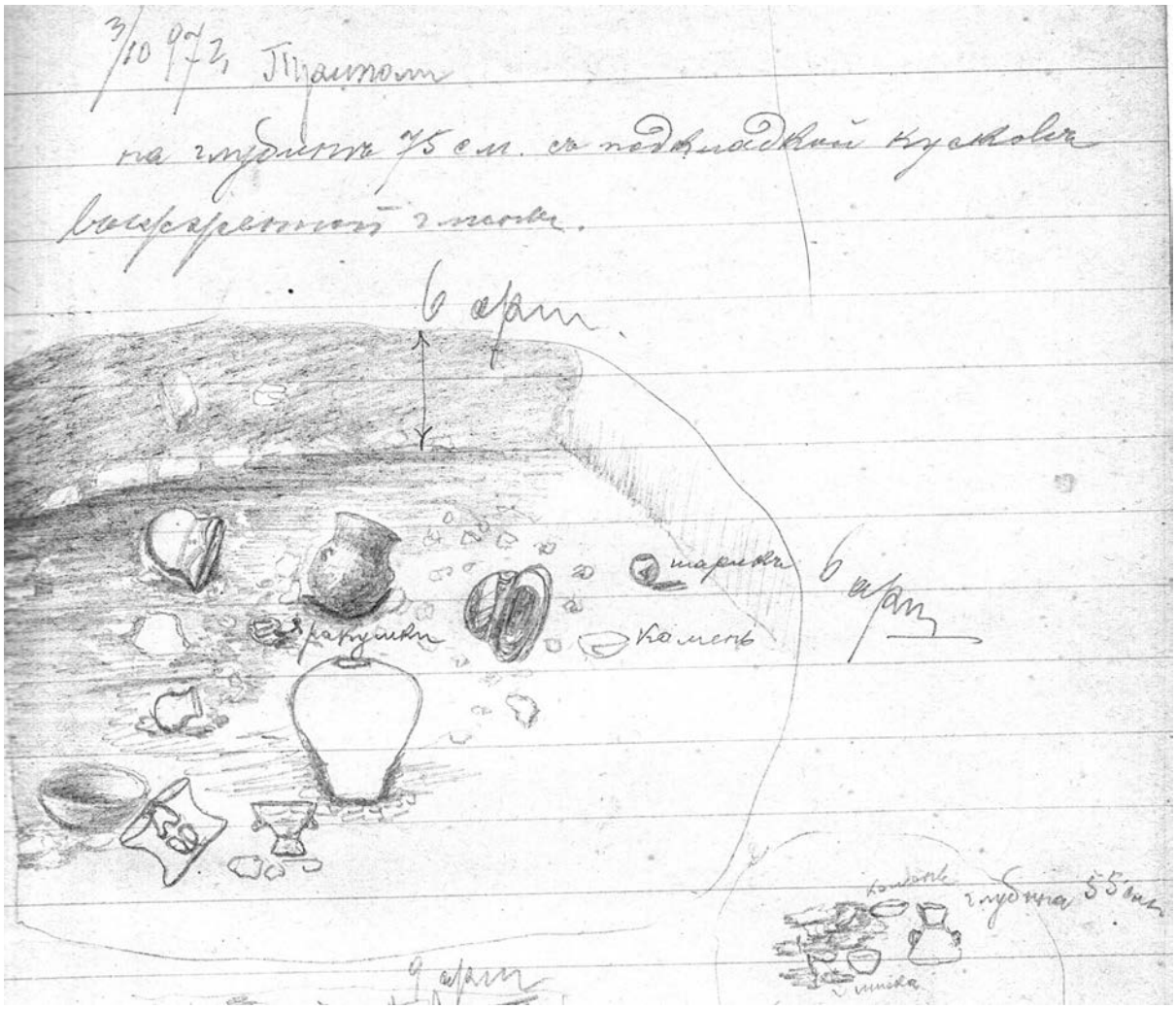


Рис. 11. Триполье, раскопки 1897 года, зарисовки В.В. Хвойки. Фрагмент страницы, датированной 3 октября 1897 года. Группа сосудов в одном из раскопов. Научный архив Института Археологии НАН Украины, Киев.

Керамика представлена т.н. «кухонной», изделиями с углубленным декором, без орнаментации, и расписными сосудами. Кухонные горшки различных размеров изображены на рисунках – в целом виде и во фрагментах (рис. 10). Их количество, судя по всему, было невелико. Они украшены обычным для такого типа изделий декором, включавшим орнаментальный фриз, обрамленный углубленными линиями с отпечатками штампа между ними, характерным для керамики этапа BI-II.

Керамика с углубленным орнаментом представлена крышками – коническими (рис. 10; 11; 16/2), шлемовидными (рис. 9/1; 10; 11; 16/3), грушевидными сосудами (большими и миниатюрными, рис. 10; 11; 16/2), «биноклями» (рис. 10; 11). Среди сосудов без орнаментации можно определить кубки и миски различных размеров (рис. 9; 10; 11).

На одной из шлемовидных крышек, хранящихся в Национальном музее истории Украины (рис. 14), сохранилась старая этикетка с надписью «около м. Триполи Кіевского у[езда]» (рис. 14/1). На фото видны следы заполнения углубленного орнамента белой пастой.

Биноклевидых сосудов в Триполье, судя по рисункам, было найдено по меньшей мере шесть. Пять из них имели простую перемычку посередине, один – антропоморфную (рис. 10, 11). Вероятно, «бинокли» эти в дальнейшем так и не были отреставрированы, поскольку позднее не были сфотографированы. Их нет

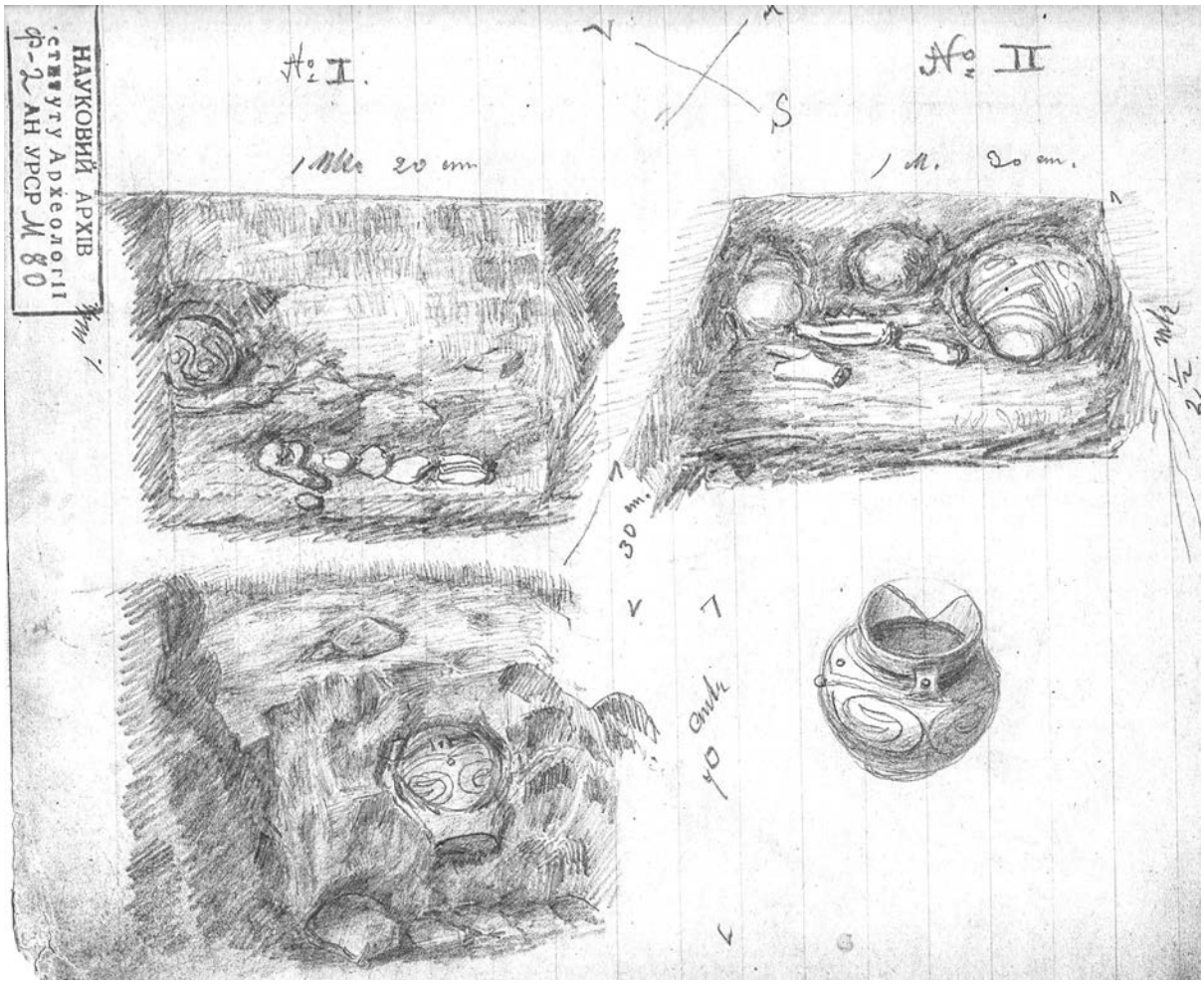


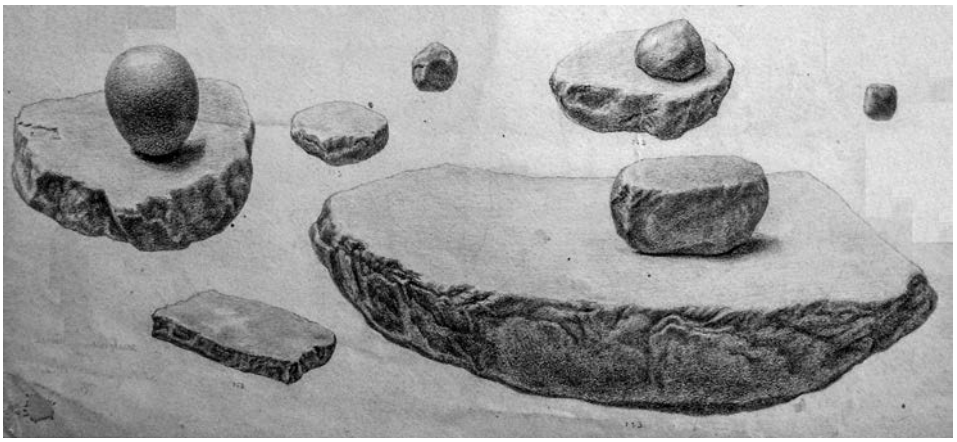
Рис. 12. Триполье, раскопки 1897 года, зарисовки раскопов, выполненные В.В. Хвойкой и впоследствии использованы для создания таблиц при подготовке материалов к публикации. Научный архив Института Археологии НАН Украины, Киев.

среди керамики «культуры А», опубликованной В.В. Хвойкой и другими исследователями. Возможно, их части есть среди фрагментов «бинoклей», изданных Е.А. Якубенко, где представлены несколько перемычек, подобных тем, что изображены на рисунках (Якубенко 2006, рис. 9/1, 3, 4, 6).

В целом керамика с углубленным орнаментом по набору форм и композициям может быть сопоставлена с материалами из раскопок таких поселений Буго-Днепровского междуречья, как Шкаровка, Мирополье и Веселый Кут (Цвек 2006).

Керамика с росписью упомянута в докладе В.В. Хвойки, причем отмечено, что она встречалась преимущественно в постройках, располагавшихся ближе к реке (Хвойка 1901, 794). Роспись нанесена красной краской и обведена черным. Амфорка именно с такой росписью была найдена в 2003 году в шурфе, заложенном на территории поселения (рис. 8/4). На одном из рисунков В.В. Хвойки есть изображение округлотелого сосуда с ручками под горловиной, украшенного росписью – вид в раскопе и отдельная прорисовка (рис. 9/4; 10). Несколько фрагментов от расписных сосудов, изображенных на таблице формата А2, вероятно происходят из раскопок в Триполье (рис. 15). На это, возможно, указывает то обстоятельство, что они не публиковались с другими материалами «культуры А», которые можно связать с раскопками в Веремье и Щербаневке.

Стиль и сюжеты росписи находок из Триполья находят аналогии на памятниках залещицкой группы, отнесенных ко второй хронологической группе (Виноградова 1983, 74;



1

2

Рис. 13. Находки у Триполья: 1 - изделия из камня; 2 - медный топорик. Зарисовки В.В. Хвойки (1) и фотография (2) из публикации 1901 г.

1

3

2

4

Рис. 14. Триполье, раскопки В.В. Хвойки.
1 - старая музейная этикетка с надписью, указывающей на то, что эта находка сделана у Триполья. 2-4 - шлемовидная крышка с углубленным орнаментом, найденная у Триполья. Национальный музей истории Украины, Киев.

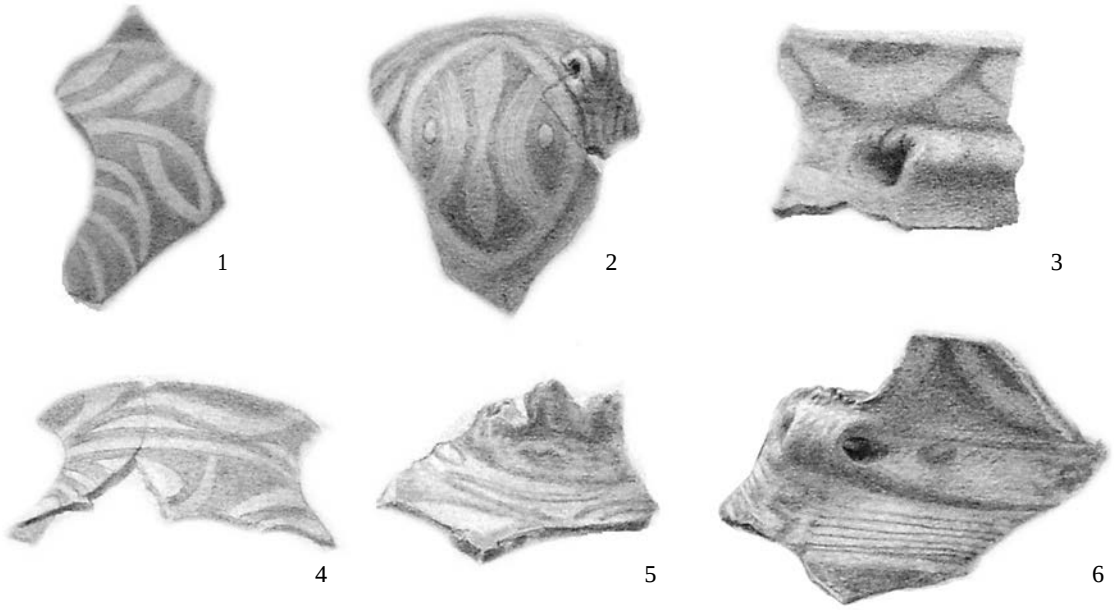


Рис. 15. Фрагменты расписной керамики, возможно найденные во время раскопок у Триполья. Рисунки из таблицы, которую В.В. Хвойка готовил для издания. Научный архив Института археологии НАН Украины, Киев.

рис. 9/9), а особенно в Клищеве (Заец, Рыжов 1992, рис. 47/5, 8-11, 14), расписную керамику из которого также связывают с этой локально-хронологической группой (Заец, Рыжов 1992, 136-137). Относительно небольшое количество расписной керамики в Триполье и на других поселениях этого времени в Поднепровье позволяет рассматривать ее как вероятный импорт, скорее всего, из бассейна Южного Буга.

Дальнейшее изучение материалов из собрания Национального музея истории Украины, работа с архивными материалами, инвентарными книгами, заполненными еще В.В. Хвойкой, в дальнейшем позволит установить большее количество находок с эпонимного памятника и ввести их в научный оборот.

Поселение в Триполье является самым крупным из числа известных нам памятников пенежковско-щербаневской локально-хронологической группы этапа BI-II в Среднем Поднепровье. Вероятно, оно было центром этой группы, включавшей более десятка разных по размеру поселений. Привлекает внимание наличие в центральной части крупной постройки, вероятно, общественного назначения, а также различия в архитектуре и инвентаре построек, в зависимости от их местоположения на поселении. В настоящее время место, где проводил раскопки В.В. Хвойка, как и столетие тому назад представляет собой пахотное поле, часть у реки занята дачными участками. Как показали раскопки 2003 г., местами на поле сохранился культурный слой. Таким образом, здесь может быть проведена магнитная съемка, а также новые исследования, представляющие интерес в самых разных отношениях: Триполье является одним из самых древних среди известных нам трипольских поселений-гигантов, о планировке и структуре которых известно пока-что лишь в самых общих чертах. Еще один важный вопрос: на этапе BII в этом регионе исчезают поселения-гиганты, в то время как на других территориях они получили широкое распространение. Кроме того, памятники этапа BI-II в Поднепровье, представляющие начальный эап заселения региона, все еще остаются почти не исследованными, а относительно немногочисленные материалы, полученные еще В.В. Хвойкой, должным образом так и не были введены в научный оборот. Есть все основания полагать перспективным дальнейшее изучение эпонимного памятника трипольской культуры и его окружения.

Рис. 16. Вид раскопок у Триполья над р. Красной, раскопки В.В. Хвойки в начале XX века: 1 - надпись, наклеенная на паспарту, к которому была прикреплена фотография; 2 - фотография рабочего момента раскопок, рамками выделены находки сосудов; 3-4 - те же находки с увеличением. Научный архив Института археологии НАН Украины, Киев.

Библиография

Відейко 2006a: М.Ю. Відейко, Місця археологічних розкопок В.В. Хвойки на трипільських поселеннях. In: (Ред. М. Відейко) Дослідження трипільської цивілізації у науковій спадщині археолога Вікентія Хвойки, частина II (Київ: Академперіодика 2006), 28-38.

Відейко 2006b: М.Ю. Відейко, Матеріали із досліджень трипільської культури на Київщині 2003-2005 років. В: (Ред. Т. Моргун, О. Бреяк, Б. Солтис, М. Відейко) Охорона культурної спадщини Київської області (Київ: Академперіодика 2006), 21-28.

Відейко, Бурдо 2015: М.Ю. Відейко, Н.Б. Бурдо, «Мегаструктура»-храм з трипільського послення біля с. Небелівка. В: (Ред. О. Дяченко, Ф. Менотті, С. Рижов, К. Бунятян, С. Кадров) Культурний комплекс Кукутень-Трипілля та його сусіди: Збірка наукових праць пам'яті В.О. Круца (Львів: Астролябія 2015), 209-336.

Виноградова 1983: Н.М. Виноградова, Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры: (Периодизация, хронология, локал. варианты) (Кишинев: Штиинца 1983).

Заец, Рыжов 1992: И.И. Заец, С.Н. Рыжов, Поселение трипольской культуры Клищев на Южном Буге (Киев: РАМУС 1992).

Пассек 1940: Т.С. Пасек, Трипільське поселення Коломийщина: (Розкопки 1934-1938 рр.). В: (Ред. М.І. Ячменьов) Трипільська культура, т. 1 (Київ: Вид-во АН УРСР 1940), 9-41.

Хвойка 1897: В.В. Хвойка, Особистий фонд. В: Науковий архів Інституту археології НАН України, фонд 2 (малюнки).

Хвойка 1901: В. Хвойка, Каменный век Среднего Приднепровья. В сб.: Труды XI Археологического съезда в Киеве в 1899 году, т. 1 (Москва 1901), 730-812.

Хвойка 1904: В. Хвойка, Раскопки 1901 г. в области трипольской культуры. В: Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества, т. 5, вып. 2 (Санкт-Петербург 1904), 12-20.

Хвойка 1913: В. Хвойка, Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (Киев 1913).

Цвек 2006: О.В. Цвек, Поселення Східнотрипільської культури (Короткий нарис) (Київ: КП «ОТІ» 2006).

Якубенко 2006: О.О. Якубенко, Колекції із розкопок В.В. Хвойки на трипільських поселеннях у Національному музеї історії України. В: (ред. М.Ю. Відейко) Дослідження трипільської цивілізації у науковій спадщині археолога Вікентія Хвойки, частина II (Київ: Академперіодика 2006), 45-70.

Petrescu-Dîmboviţa, Văleanu, 2004: M. Petrescu-Dîmboviţa, M.-C. Văleanu, Cucuteni-Cetăţuie. Monografie arheologică (Piatra-Neamţ: „Constantin Matasă" 2004).

Cercetările aşezării Tripolie

Cuvinte-cheie: aşezarea Tripolie, V. Chvojka, săpături, etapa Tripolie BI-II, aşezări de dimensiuni mari.

Rezumat: Articolul este dedicat cercetărilor aşezării care a dat nume culturii Tripolie. Primele investigaţii în cadrul acesteia au fost efectuate de către V. Chvojka în toamna anului 1897, când a studiat aşezarea din vecinătatea satului Tripolie, situat la 40 de kilometri sud de Kiev. În ciuda faptului că de la excavarea acesteia au trecut mai bine de o sută de ani, rezultatele cercetărilor, cu excepţia a două pagini într-un articol din 1901 şi două ilustraţii, nu au fost publicate. Chiar şi amplasarea secţiunii a fost uitată şi după 100 de ani a trebuit căutată din nou, folosind pentru identificarea ei materiale de arhivă. În acest articol este prezentată o scurtă istorie a „redescoperirii". Noi oferim, de asemenea, interpretarea obiectelor cercetate în lumina cunoştinţelor contemporane despre construcţiile culturii Tripolie. Este realizată descrierea descoperirilor făcute şi locul acestora în cadrul periodizării actuale a aşezărilor culturii Tripolie. La realizarea articolului au fost utilizate materiale care sunt stocate în arhiva ştiinţifică a Institutului de Arheologie a Academiei de Ştiinţe din Ucraina şi unele piese de la Muzeul Naţional de Istorie a Ucrainei. Actualmente Tripolie este cea mai mare (aproximativ 100 hectare) aşezare în regiune şi, în acelaşi timp, una dintre cele mai timpurii, încadrându-se în etapa BI-II a culturii Tripolie (aproximativ 4400-4200 BC). Lucrarea de faţă reprezintă nu doar publicarea materialelor uitate, dar, de asemenea, prezintă perspectiva continuării cercetărilor în cadrul sitului eponim şi al împrejurimilor sale.

Lista ilustraţiilor

Fig. 1. Fragment din *Autorizaţia de săpătură* acordată lui V.V. Chvojka, emisă de Comisia arheologică Imperială pentru dreptul de excavare, inclusiv în zona de lângă satul Tripolie în anul 1909.

Fig. 2. O pagină din jurnalul de câmp al lui V.V. Chvojka din 1897, cu o vedere panoramică a locului de excavare din apropierea satului Tripolie, regiunea Kiev. Arhiva ştiinţifică a Institutului de Arheologie al AŞ din Ucraina, Kiev.

Fig. 3. Panorama săpăturilor din apropierea satului Tripolie, lucrările lui V.V. Chvojka cu o planşă pregătită pentru publicare. Arhiva ştiinţifică a Institutului de Arheologie al AŞ din Ucraina, Kiev.

Fig. 4. Fotografie de pe planşa pentru publicaţie în care este inclusă panorama săpăturilor şi schiţele mai multor săpături de la Tripolie, realizate de V.V. Chvojka în baza materialelor din jurnalul de teren. Arhiva ştiinţifică a Institutului de Arheologie al AŞ din Ucraina, Kiev.

Fig. 5. Materiale cartografice legate de săpăturile de la Tripolie: 1 - schema amplasării secţiunilor, publicată V.V. Chvojka în 1904; 2 - fragment al unei hărţi Schubert, care a fost, probabil, utilizată la crearea schemei; 3 - un fragment din schema lui V.V. Chvojka orientată cu marginea superioară spre nord. Săgeata indică poziţia secţiunii reprezentată pe schemă în limitele hărţii.

Fig. 6. Corelarea panoramei săpăturilor de la Tripolie realizate de V.V. Chvojka cu imaginile satelitare. Numerele reprezintă: 1 - locul din care a fost realizată schiţa zonei; 2 - un deal din centrul istoric al localităţii Tripolie unde se afla biserica; 3 - mori de vânt (pe partea dreapta a panoramei), 4 - morile de vânt (pe partea stângă a panoramei) de pe Diviči Hora. Locul de săpătură este încercuit cu alb.

Fig. 7. Imagini contemporane ale locului săpăturilor arheologice ale lui V.V. Chvojka la Tripolie: a - vedere dinspre periferia Tripolie, numărul 4 desemnează Diviči Hora, corespunde înălţimii de pe panorama din stânga; b - vedere spre panta platoului unde este amplasată aşezarea dinspre valea râului Krasnoe; c - vedere spre şantier dinspre marginea localităţii Tripolie, numărul 1 indică locaţia din care ar fi fost produsă schiţa panoramei; săgeata indică locul în care în 2003 a fost plasat sondajul.

Fig. 8. Tripolie, cercetarea din anul 2003: 1 - sondaj, vedere generală; 2 - stratul cultural cu rămăşiţele construcţiilor arse ale culturii Tripolie; 3 - un fragment de vas piriform cu ornament adâncit; 4 - fragmentele unei amforete pictate.

Fig. 9. Tripolie, excavările din 1897, schiţe de V.V. Chvojka. Arhiva ştiinţifică a Institutului de Arheologie al AŞ din Ucraina, Kiev.

Fig. 10. Tripolie, excavările din 1897, schiţe de V.V. Chvojka. Grupul vaselor şi a craniului. Arhiva ştiinţifică a Institutului de Arheologie al AŞ din Ucraina, Kiev.

Fig. 11. Tripolie, excavările din 1897, schiţe de V.V. Chvojka. Fragmentul unei pagini cu data 03 octombrie 1897. Grup de vase în una din secţiuni. Arhiva ştiinţifică a Institutului de Arheologie al AŞ din Ucraina, Kiev.

Fig. 12. Tripolie, excavările din 1897, schiţe de săpătură realizate de V.V. Chvojka şi, ulterior, folosite pentru crearea tabelelor utilizate la pregătirea materialelor pentru publicare. Arhiva ştiinţifică a Institutului de Arheologie al AŞ din Ucraina, Kiev.

Fig. 13. Descoperiri de la Tripolie: 1 - piese din piatră; 2 - topor de cupru. Schiţele lui V.V. Chvojka (1) şi fotografie (2) din publicaţiile anului 1901.

Fig. 14. Tripolie, săpăturile lui V.V. Chvojka. 1 - veche etichetă de muzeu cu o inscripţie care indică faptul că această descoperire a fost făcută la Tripolie. 2-4 - capac în formă de „coif suedez" cu ornament adâncit descoperite la Tripolie. Muzeul Naţional de Istorie a Ucrainei, Kiev.

Fig. 15. Fragmente de ceramică pictată probabil descoperite în timpul săpăturilor de la Tripolie. Desene din planşa pe care V.V. Chvojka a pregătit-o pentru publicare. Arhiva ştiinţifică a Institutului de Arheologie al AŞ din Ucraina, Kiev.

Fig. 16. Imaginea săpăturilor de la Tripolie lângă râul Krasna, cercetările lui V.V. Chvojka de la începutul secolului XX: 1 - eticheta lipită pe rama în care a fost încadrată fotografia; 2 - fotografia din cadrul excavării, cu contur sunt evidenţiate vasele descoperite; 3-4 - aceleaşi vase în dimensiuni mari. Arhiva ştiinţifică a Institutului de Arheologie al AŞ din Ucraina, Kiev.

Investigations of Trypillia site

Keywords: Trypillia site, V. Khvoika, excavations, stage Trypillia BI-II, large settlements

Abstract: This article is dedicated to investigations of the site, which gave its name to the Trypillian Culture. For the first time it was excavated by V. Khvoika in autumn 1897, at the same time when he explored few sites around the village of Trypillia in 40 km south of Kiev. Despite the fact that since the excavation more than a hundred years has passed, the results have not been published, except a description in two pages that appeared in 1901. Later the place of excavations was forgotten, and only after 100 years it was discovered for a second time and identified using archival materials. A brief history of this "rediscovery" is presented in this article. We also propose the description of explored objects based on a modern view on the Trypillian Culture objects and interpretation of other finds from this site in the system of contemporary dating and periodization. This article mainly based on data from the Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine and some materials from the National Museum of History of Ukraine. Trypillia now is the largest (possibly up to 100 hectares) site of this culture in the Middle Dnieper region and at the same time the earliest one of these sites, dated by BI-II stage (around 4400-4200 BC).

List of illustrations:

Fig. 1. Fragment of the Open Letter of 1909 to the excavations in th Kiev region, including Trypillia. Scientific Archive, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev.

Fig. 2. Page from the field dairy by V. Khvoika (1897) with a view of the place of excavations near Trypillia. Scientific Archive, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev.

Fig. 3. Excavations near Trypillia, drawing from a table made by V. Khvoika. Drawing is based on the sketch from the field dairy, 1897. Scientific Archive, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv.

Fig. 4. Photo from a table made using field drawings. Inscription on the top: “Excavations near Trypillia, Kiev district”. Scientific Archive, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev.

Fig. 5. Maps with the place of excavations: 1 - scheme published by V. Khvoika in 1904; 2 - fragment of a map, possibly used for the scheme; 3 - fragment of a scheme. Place of excavations is marked by an arrow.

Fig. 6. Excavations near Trypillia, panorama by V. Khvoika (a) vs satellite image (b): 1 - place, from which V. Khvoika observed explored area near Trypillia; 2 - hill at the central part of Trypillia with church; 3 - windmills to the right; 4 - windmills on Divich Gora (to the left). Place of excavations marked by circle.

Fig. 7. Place of excavations near Trypillia in 2003: a - view to Trypillia, by number 4 Divich-Gora marked (on drawings to the left); b - plateau with site, view from Krasnaya river; c - view from Trypillia, 1 - place, from which V. Khvoika observed explored area near Trypillia; place of 2003 г. Excavations marked by arrow.

Fig. 8. Trypillia, 2003: 1 - test-pit, general view; 2 - cultural layer with remains of burnt house; 3 - fragment of pear-like vessel; 4 - fragments of painted pottery.

Fig. 9. Trypillia, excavations in 1897, drawings by V. Khvoika. Scientific Archive, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev.

Fig. 10. Trypillia, excavations in 1897, drawings by V. Khvoika. Croup of vessels and human bones. Scientific Archive, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev.

Fig. 11. Trypillia, excavations in 1897, drawings by V. Khvoika. Page from dairy, dated 3.10.1897. Group of vessels in test-pit. Scientific Archive, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev.

Fig. 12. Trypillia, excavations in 1897, drawings by V. Khvoika, later used for preparations of the large illustration. Scientific Archive, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev.

Fig. 13. Finds from excavations near Trypillia: 1 - stone tools; 2 - copper axe. Drawings by V. Khvoika (1) and photo (2) published in 1901.

Fig.14. Trypillia, helmet-like cap: 1 - old label with inscription, in which Trypillia mentioned as the place of finding; 2-4 - helmet-like cap, general views. National Museum of History of Ukraine, Kiev.

Fig. 15. Fragments of painted pottery, probably from Trypillia. Drawings from the large table prepared by V. Khvoika for publication. Scientific Archive, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev.

Fig. 16. View on excavations near the Krasna River by Trypillia at the beginning of the 20th century: 1 - inscription from the top of passé-partout; 2 - photo of trench, places with vessels are marked; 3-4 - finds enlarged. Scientific Archive, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev.

01.02.2016

Др. Михаил Видейко, Киевский университет имени Бориса Гринченко, ул. Бульварно-Кудрявская 18/2, Киев, Украина, e-mail: wideiko@gmail.com

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ КРЕМНЕОБРАБОТКИ ПРЕКУКУТЕНЬ - ТРИПОЛЬЕ А

Дмитрий Киосак

Ключевые слова: Прекукутень, Триполье А, кремневая индустрия, интерпретация, социальная структура

Культура Прекукутень выделена после раскопок многослойного поселения Извоаре (Marinescu-Bîlcu 1974). К востоку от Прута ей соответствует значительная группа памятников раннего этапа трипольской культуры – Триполье А, синхронного культуре Прекукутень. Этап Триполье А был выделен Т.С. Пассек в 1941 г. (Пассек 1941, 19-20). Кремневый инвентарь можно рассматривать как одну из культурно-определяющих черт раннего этапа Триполья (Шидловський, Слєсарев 2015). Он достаточно выразительно отличается как от комплексов орудий из расщепленного камня предшествующих неолитических культур, так и от кремня Триполья В1 - Кукутень А. Традиционно преобладают «культурно-исторические» объяснения этих особенностей. Культурные контакты, «скрещивания» и заимствования, безусловно, сыграли свою роль в формировании разнообразия орудийного набора Прекукутень-Триполья А. Все же многие структурные особенности раннетрипольской кремневой индустрии могут быть объяснены и с помощью иных концептов – экономики сырья, технологического репертуара и усложнения социальной организации производства в кремнеобрабатывающей отрасли.

Традиции «охотников-собирателей» и микролитический комплекс

Среди культурно-исторических общностей, вовлеченных в процесс формирования Прекукутень-Триполья А, различные исследователи называют культуры: Боян (на ее фазе Джулешть), линейно-ленточной керамики, бугоднестровскую, Дудешть, Криш, Винча-Турдаш (Збенович 1989; Бурдо 2004).

Ранняя фаза культуры Боян-Болинтиняну, ныне датируется 5050-4850 calBC, возникновение носителей фазы Джулешть в Мунтении датируют 4850 calBC, а поздние фазы Видра и Спанцов предположительно существовали вплоть до середины V тыс. до н.э. (Neagu 2003, 163). Кремневый инвентарь культуры Боян редко был предметом специального рассмотрения. По мнению А. Пэунеску, он в основном микролитичен на фазе Болинтиняну. То есть в его терминологии большинство изделий с вторичной обработкой не превышает 5 см в длину. Среди формальных типов орудий: ретушированные пластинки, вкладыши серпов, пластинки с зубчатой ретушью, с ретушированными выемками, усеченные пластинки, перфораторы, скребки – выпуклые (иногда ногтевидные), ассиметричные и симметричные геометрические микролиты в форме трапеций, изредка пластины с крутой и полукрутой ретушью. А. Пэунеску подчеркивает его «идентичность» кремневым индустриям культур линейно-ленточной керамики и Дудешть. Кремневый комплекс фазы Джулешть близок по набору типов к предыдущему этапу. Несколько больше становится орудий средних размеров (5-8 см длиной) и появляются отдельные «оригинальные» изделия – сегментовидное орудие с люстром («вкладыш серпа») и угловой резец на сломе.

Культура линейно-ленточной керамики (КЛЛК) известна в широком ареале – от Парижского бассейна до окраин Киева (Гаскевич 1997; Gronenborn 1998). Поздние памятники в Украине и Республике Молдова датируются последней четвертью VI - началом V тыс. до н.е. (Котова 2002; Ковалюх и др. 2007). Кремневый инвентарь КЛЛК достаточно изучен. Он характеризуется как индустрия с развитым пластинчатым компонентом; одно- и двухплощадочными нуклеусами, часто ре-

утилизированными в качестве отбойников; значительным процентом орудий; преобладанием среди них концевых скребков на пластинах и удлиненных отщепах, ретушированных пластин и пластинок, с присутствием «длинных» фрагментов пластин с люстром («вкладышей серпов») (Tringham 1968; Kaczanowska 1980). П. Айард полагает, что пластинчатые сколы в западной части ареала этой культуры получались в технике посредника, а наконечники метательного вооружения заимствованы у местного донеолитического населения (Allard 2004). И. Матейчукова выделяет две традиции производства пластин в кремневой индустрии культуры линейно-ленточной керамики Центральной Европы: «средиземноморскую» и «дунайскую». Первая является собственно неолитической и основывается на технике отжима, вторая – местная, характерная для охотников-собирателей региона, связана с техникой посредника (Mateiciucova 2008, 165-166). Отметим, что в украинской историографии скорее отжимная техника является признаком «мезолитического наследия».

Д.Л. Гаскевич выделяет два варианта кремневой индустрии КЛЛК Украины. Один из них связан со Средним Поднестровьем – непосредственно интересующим нас регионом. Своеобразие ему придает присутствие субконических нуклеусов, ассиметричных трапеций и параллелограммов, отдельных подокруглых скребков на отщепах. Среди «вкладышей серпов» преобладают неретушированные фрагменты пластинок. Особенности варианта объясняются влиянием неолитических культур региона (Гаскевич 2003, 6). О.В. Ларина описывает очень схоже кремневый инвентарь памятников Республики Молдова (Ларина 1999, 46-50). В большой коллекции Дэнчень 1 присутствуют правильный конусовидный нуклеус и две ассиметричные трапеции, оформленные вентральной ретушью. Материалы КЛЛК из румынского Прикарпатья описаны А. Пэунеску на примере поселений Глэвэнештий-Векь и Траян-Дялул-Фынтынилор. Он отмечает присутствие карандашевидных нуклеусов в Глэвэнештий-Векь. Геометрические микролиты представлены параллелограммами. Среди изделий с вторичной обработкой преобладают скребки на отщепах и пластинах (Păunescu 1970, 38-40). С. Цуркану считает особенностями инвентаря КЛЛК гомогенную структуру с преобладанием скребков и ретушированных пластин, почти полное отсутствие резцов, наличие геометрических микролитов, иногда (Траян-Дялул-Фынтынилор) в значительной пропорции. Более 60% орудий – микролитичны, лишь 2% макролитичны (Ţurcanu 2009). Румынские исследователи склоны отмечать архаизм (С. Цуркану), тарденуазские пережитки (А. Пэунеску) в индустрии КЛЛК. К подобным выводам приходит и О.В. Ларина (Ларина 1999, 50).

Горизонт культур с каннелированной керамикой (культуры Винча, Винча-Турдаш, Дудешть (5600-5000 лет до н.э.)) на территории Румынии характеризуется по А. Пэунеску в основном микролитическим инвентарем и орудиями средних размеров. Процент макролитов не превышает 5. Среди типов изделий присутствуют: ретушированные пластинки, вкладыши серпов, обычно на усеченных пластинках, пластинки с мелкозубчатой ретушью, усеченные пластинки, проколки, скребки. Есть и немного геометрических микролитов, трапезоидных, симметричных и ассиметричных, а также билатерально оформленные крутой и полукрутой ретушью на отщепах и пластинах узкие острия (тип Фьера-Клинов) (Păunescu 1970, 157-163).

Кремневая индустрия поздних фаз буго-днестровской культуры включает уплощенные, пирамидальные и призматические нуклеусы для пластин и пластинок, характеризуется преобладанием среди скребков боковых с приостренным лезвием, появлением многочисленных ретушированных сечений пластинок, ромбами и ассиметричными трапециями в составе микролитического набора, микрорезцовой техникой (Гаскевич 2003; Товкайло 2003; Гаскевич 2005; Товкайло 2005; Товкайло 2014).

Сравним кремневый инвентарь предшественников Прекукутень-Триполья А и орудийные комплексы ее начальных фаз. Фаза Прекукутень I известна лишь на территории Румынии. С точки зрения кремневого инвентаря ее взаимоотношения с предшествующими культурами изучены в работе С. Цуркану (Ţurcanu 2009) на примере поселения Траян-Дя-

лул-Вией. Его материалы (более 1000 единиц) представлены в основном пластинчатой индустрией с 2/3 всех орудий, изготовленными на пластинах. Пластины обычно шириной 12-17 мм, 25-40 мм в длину. Большинство изделий с вторичной обработкой менее 5 см в длину. Изделия длиннее 8 см единичны. Среди орудий преобладают скребки, хотя их процент несколько ниже, чем в культурах Боян и КЛЛК. Скребки на пластинах встречаются чаще, чем скребки на отщепах. В наличии есть и трапеции – как симметричные, так и сильно ассиметричные (близкие к типу Дялул-Вией). Иные типы – ретушированные пластины, «вкладыши серпов» на усеченных пластинах, зубчатые пластины, пластины с выемками, усечения пластин (прямые и одно вогнутое), проколки на пластинах, иногда с длинным узким выделенным крутой ретушью жалом. Кремневый комплекс Прекукутень I очень близок индустриям культур Боян (первые две фазы) и КЛЛК. Отличия с упомянутыми культурами связаны с его более развитым пластинчатым компонентом, несколько увеличенным процентом изделий на пластинах с вторичной обработкой (Ţurcanu 2009).

Отсутствие памятников фазы Прекукутень I на территории СССР никогда не мешало советским ученым изучать происхождение культурного комплекса Прекукутень-Триполья А. В советской историографии кремневый инвентарь играл в генетических студиях обычно подчиненную роль, а на первом месте было изучение керамики. В.Н. Даниленко и В.И. Маркевич находили сходство между отдельными типами изделий буго-днестровской культуры и раннетрипольскими орудиями (Даниленко 1969; Маркевич 1974а).

Опорным поселением для характеристики самой ранней трипольской кремнеобработки является Бернашевка (Триполье А - Прекукутень II2). Материалы Бернашевки из раскопок 1972-1975 гг. охарактеризованы монографически (Збенович 1980; Збенович 1989). Более чем пятитысячная коллекция, происходящая из шести жилищ, включала в себя продукты всех стадий кремнеобработки – от желваков до законченных изделий. В 2009 г. работы здесь возобновлены под руководством Д. Черновола (Чорновол и др. 2009). Применение промывки позволило дополнить характеристику кремневого инвентаря мелкими артефактами, обычно «невидимыми» при традиционных методах раскопок (Шидловський, Слєсарев 2015, 204).

Нуклеусы: призматические, конусовидные, аморфные (Збенович 1980, 67-69). В число конусовидных включены и удлиненные нуклеусы с правильной микропластинчатой огранкой, близкие к классическим карандашевидным. Они традиционно интерпретируются украинскими археологами как свидетельство отжимной техники скола (Манько 2013). Нуклеусы с исключительно правильной огранкой и уплощенными рабочими поверхностями, возможно, расщепляемые отжимом, присутствуют и среди призматических. Техника скола не столь правильно ограненных нуклеусов неясна. Возможно, это твердый отбойник (Шидловський, Слєсарев 2015, 206). В этой технике скалывались отщепы и нерегулярные пластины с широкими ударными площадками.

П.С. Шидловский и Е.С. Слесарев реконструируют процесс первичного расщепления следующим образом (Шидловський, Слєсарев 2015, 206-207). Желвак кремня оббивался бифасиально, так чтобы его опоясывали два ребра и была сформирована ударная площадка. Затем снятием ребер открывалась рабочая поверхность. Серийное скалывание пластин осуществлялось однонаправлено, при этом практически не применялись приемы редукции карниза, абразивной пришлифовки и изоляции площадки. Большинство нуклеусов односторонние. Для получения очередной пластинчатой заготовки предварительно изготовлялась фасетка на площадке нуклеуса, к которой и прикладывали отжимник. По мнению авторов, почти все пластины Бернашевки с правильной огранкой получены ручным отжимом. Но отсутствие следов редукции, изоляции, даже абразии может указывать и на применение менее требовательной к подготовке каждого снятия техники, к примеру, техники посредника, столь характерной для культур дунайского неолита, для получения хотя бы некой части пластинчатых сколов.

Пластинчатые заготовки в основном представлены пластинками и среднеширокими пластинами, правильной огранки и с парал-

лельными краями. Макропластины в основном аморфны, иррегулярных контуров. Микропластины фактически представляют собой удлиненные чешуйки и почти не использовались в дальнейшем.

Скребки в основном на отщепах, бокового и концево-бокового типов (Збенович 1980, 68). Иные типы орудий представлены скобелями, ретушированными отщепами, «ножами» (массивные нерегулярные отщепы и пластины, оформленные пологим двухступенчатым ретушированием рабочего края), ретушированные и усеченные пластины, проколки. «Вкладыши серпов» изготовлялись из медиальных сечений пластинок и пластин, иногда усеченных ретушью, с угловым люстром и ретушью использования. По-видимому, они использовались в составных орудиях «карановского типа». Резцы не составляют выраженной серии, немногочисленны и атипичны. Микролитический комплекс представлен ромбовидными остриями («ассиметричный параллелограмм»), оформленными косым усечением полукрутой ретушью острия, иногда очень плавным, и поперечным наклонным усечением основы. Присутствуют и трапеции. Для изготовления микролитов применялась микрорезцовая техника, засвидетельствованная находками микрорезцов на пластинах и отдельными остатками микрорезцовой фасетки на остриях «ромбов» (Шидловський, Слєсарев 2015, 207).

Комплекс Бернашевки относят к «позднемикролитическим» или «медиолитическим» (Шидловський, Слєсарев 2015). Для него характерна ориентация на производство пластинок и среднеширокихпластин, преобладание скребков на отщепах среди орудий, развитый набор геометрических микролитов. На фоне кремневого инвентаря раннеземледельческих культур Карпато-Подунавья он выглядит максимально «мезолитическим». Ближайшие аналогии кремневый комплекс Бернашевки находит в материалах других памятников Прекукутень II - Триполья А (Збенович 1980, 80-81).

Так, с поселением Ларга Жижия его сближает схожий набор типов орудий, преобладание скребков среди изделий с вторичной обработкой и скребков на отщепах – среди скребков. На нуклеусах Ларги Жижии наблюдались негативы «узких, тонких и стройных» пластинчатых сколов (Păunescu 1970, 169). Большее сходство с Бернашевской индустрией демонстрирует коллекция поселения Окопы (Триполье А - Прекукутень II2). Сходны типы нуклеусов, в том числе с правильной пластинчатой огранкой, соотношение основных категорий инвентаря. В комплексе Окопов столь же многочисленны скребки, в том числе скребки на отщепах. При этом, по В.Г. Збеновичу, они скорее концевого типа, чем бокового, как в Бернашевке (Збенович 1989, 51). Интересный ранний комплекс собран на поверхности поселения Нестоита IV на р. Ягорлык, левом притоке Днестра. Тут наряду с правильно ограненными призматическими нуклеусами для пластинок и преобладанием скребков на отщепах среди орудий обнаружен микрорезец на пластине (Сапожников, Полищук 1990, рис. 5, 12). В целом микрорезцы сложны к выявлению и идентификации, и их отсутствие в той или иной коллекции может быть результатом тафономических факторов. Близкие типы орудий и в близком соотношении обнаружены на поселениях Флорешты и Рогожаны (Пассек 1957; Пассек 1958; Пассек 1960; Пассек 1961b).

Выразительность комплексу придает ряд ромбовидных острий (Маркевич 1973; Маркевич 1974b, 31-35). Аналогии микролитам такого типа выявлены на раннетрипольских поселениях иных регионов. В Траян-Дялул-Вией близкое изделие было поименовано острием Вией (Păunescu 1970, fig. 28/12). Большая группа их описана недавно для Бернашевки (Шидловський, Слєсарев 2015, 207, рис. 11). Здесь отмечены и микрорезцы – следы изготовления ромбов в микрорезцовой технике. Реже они встречаются на этапе Прекукутень III (Маркевич 1974b, 32; Маркевич 1992, 31, рис. 2/12, 13). Два таких острия известны из поселения буго-днестровской культуры Сороки V (Маркевич 1974a, 108). Сериями они известны в смешанных буго-днестровских и раннетрипольских слоях группы поселений на Южном Буге – Гард, Пугач (Товкайло 2005). Иногда ромбовидные наконечники метательного вооружения встречаются и на поселениях другой неолитической культуры – культуры линейно-ленточной керамики (Păunescu 1970, fig. 23/23).

А. Пэунеску интерпретировал геометрические микролиты как свидетельство мезолитических пережитков (Păunescu 1970, 46; Ţurcanu 2009, 243). В.И. Маркевич видел в них свидетельство участия буго-днестровской неолитической культуры в формировании раннего Триполья (Маркевич 1974b, 32). По материалам Бернашевки П. Шидловский и Е. Слесарев склонны трактовать такие острия как возможное наследие некой ранненеолитической культуры, общее для буго-днестровцев и трипольцев, а именно культуры Криш в ее местном проявлении – группе Сакаровка (Шидловський, Слєсарев 2015, 209). В. Збенович полагает, что наличие «геометрических орудий» может быть объяснено и через посредство материальной культуры поздненеолитических культур Боян и линейно-ленточной керамики (Збенович 1980, 85-86).

На памятниках буго-днестровской культуры ромбовидные микролиты действительно встречаются сериями – Гайворон-Полижок (Даниленко 1969, рис. 81/26), Пугач 1, 2, Гард 3, 4 (Товкайло 2005, рис. 23/7; 27/3-5; 31/5; 37/27-30; 39/2-5). В Гарде 4 один из ромбов сохранил микрорезцовую фасетку, а вместе с ним найден был микрорезец (рис. 1/43-44) (Товкайло 2005, рис. 39/2, 6). Однако на всех перечисленных выше памятниках кроме буго-днестровской присутствует и раннетрипольская керамика (Товкайло 2004; Товкайло 2005, 49; Блажевич и др. 2007, 45). Поэтому ромбовидные острия и отходы их производства могут быть связаны именно с последней и представлять собой инородную примесь в буго-днестровских контекстах.

Поэтому, видимо, правы П.С. Шидловский и Е. Слесарев, обращаясь к материалам группы Сакаровка (Шидловський, Слєсарев 2015). Важным представляется присутствие значительной серии асимметричных трапеций на позднекришских поселениях Руптура-Селиште и Сакаровка (Дергачев, Ларина 2015, рис. 55, табл. 137, 144-145). Геометрический комплекс обоих памятников достаточно разнообразен и включает как симметричные, так и ассиметричные разновидности микролитов (рис. 1). В случае Сакаровки В.А. Дергачев связывает ассиметричные трапеции с материалами мариупольского типа, а не с кришскими (Дергачев, Ларина 2015, 93). Все же в наборе микролитов группы Сакаровка можно выделить морфологически близкие бернашевским «ромбам». Вот только изготавливались ли они в микрорезцовой технике? Ответа на этот вопрос нет. Наряду с иными «субстратными» компонентами, отмеченными в раннетрипольском комплексе материальной культуры (в первую очередь в облике кухонной посуды (Бурдо 2004)), описанные типологические соответствия могут свидетельствовать о «кришском» следе в генезисе Триполья.

Между тем другие балканские культуры (Боян, Дудешты, культура линейно-ленточной керамики), «подозреваемые в причастности» к формированию Триполья, также обладают комплексом геометрических микролитов (рис. 1), которые включают симметричные и ассиметричные трапеции (Păunescu 1970; Turcanu 2009). Таким образом, одной морфологической схожести микролитов оказывается достаточно лишь для определения общего – балканского – направления связей. Для уточнения этого тезиса необходим анализ техники изготовления микролитов в культурах, предшествующих Триполью. Микрорезцовая техника – яркий маркер технологического своеобразия раннетрипольских ромбов – пока не зафиксирована ни в одной из вышеперечисленных культур. Отсутствие микрорезцов, однако, не может быть полностью доказанным без осуществления промывки на ключевых памятниках. Микролиты и отходы их производства часто невозможно зафиксировать лишь при расчистке культурного слоя, без промывки включающих седиментов (Kiosak 2015, 68; Шидловський, Слєсарев 2015, 205). Поэтому вопрос происхождения ромбовидных микролитов раннего Триполья пока открыт, а решение его следует искать в методике раскопок с включением промывки.

Единство прекукутенско-раннетрипольской кремнеобработки в Карпато-Дунайском контексте

Как было показано выше, для первого этапа Прекукутень-Триполье А характерна особая структура кремневой индустрии. Ей присущи: использование техники ручного отжима для получения пластинок и среднеширокихпластин наряду с другими техниками (твердый отбойник, посредник?), преобладание скреб-

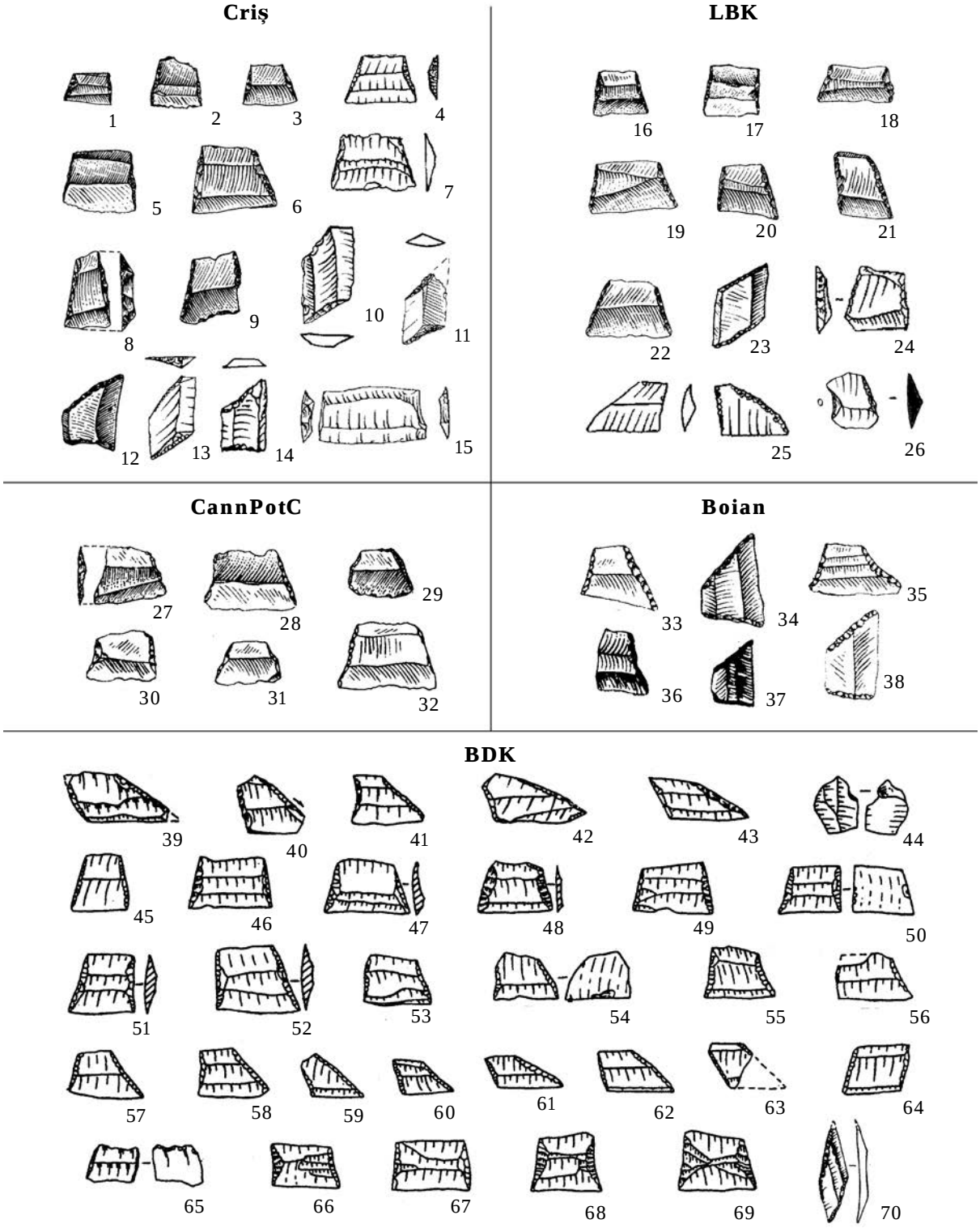


Рис. 1. Геометрические микролиты культур предшественников Прекукутень-Триполья А. Criş – культура Криш (1-15), в т.ч. группа Сакаровка (4, 7, 11, 13-15); LBK – культура линейно-ленточной керамики (16-26); CannPotC – культуры с каннелированной керамикой: Дудешть (27-29), Винча-Турдаш (30-32); Boian – культура Боян (33-38); BDK – буго-днестровская культура (39-70). 1-3, 5-6, 8 - Куина Туркулуй-Дубова; 4-7, 10-11, 13-15 - Сакаровка; 9 - Балш; 12 - Трестиана; 16-17 - Берешть; 18- 22 - Траян-Дялул Фынтынилор; 23 - Глэвэнештий Векь; 24 - Кишкэрень V; 25 - Дэнчень I; 26 - Каменное-Завалье; 27, 29 - Дудешть; 28 - Дрэгичану; 30-32 - Клянов-Фьера; 33-35, 37-38 - Черника; 36 - Джулешть-Букурешть; 39-44 - Гард 3 (44 - микрорезец), 45-69 - Гард 4, 70 - Сороки V (по: Păunescu 1970; Дергачев, Ларина 2015; Ларина 1999; Маркевич 1974; Товкайло 2005).

ков в орудийном наборе, широкое использование отходов производства (отщепов) для изготовления скребков и иных орудий, специфический набор геометрических микролитов (ромбовидные острия и трапеции), микрорезцовая техника. Предшествующие культуры позднего неолита обладали иными кремневыми индустриями. По-видимому, незначительную роль играл ручной отжим, основной заготовкой была среднеширокая пластина, скребки и иные орудия часто изготавливались на пластинчатых сколах. Отличия между ними и индустрией Прекукутень носили системный характер (Шидловський, Слєсарев 2015).

Сходные структурные сдвиги хорошо описаны для синхронных раннетрипольским памятников Нижнего Дуная и Северо-Восточной Болгарии. Там тоже наблюдается микролитизация индустрии (Гацов 1992), увеличение доли пластинок, по крайней мере, на отдельных памятниках точно полученных ручным отжимом (Sirakov 2002), большая часть орудий изготавливается на отщепах (Gatsov 1990; Скакун 1994). В комплексах культуры Хаманджия I-III могильника Дуранкулак встречается представительная серия ассиметричных микролитов (трапеций типа Вией), близких (но далеко не тождественных) морфологически раннетрипольским «ромбам» (Sirakov 2002). В Западной Болгарии и к югу от гор Стара Планина эти изменения не прослеживаются. Болгарские исследователи говорят об «упадке» кремневой индустрии в позднем неолите или приводят аналогии из ареала буго-днестровской культуры (Тодорова, Вайсов 1993, 179).

Возможно, речь идет о синхронных, стадиальных изменениях в достаточно обширном Карпато-Дунайском регионе. Во всяком случае, общность тренда изменений кремневой индустрии для Подунавья и Поднестровья делает маловероятными объяснения этих явлений исключительно с «трипольской» точки зрения. Изменения эти затронули целый ряд обществ региона и, видимо, носили социальный характер, касаясь способа организации производства и интеграции общественных усилий на надобщинном уровне. Как отжим пластинок, так и использование отходов расщепления под орудия предполагает значительное стремление экономить сырье. Видимо, это связано с концентрацией производства большинства орудий на уровне домохозяйства, когда полный или почти полный цикл кремнеобработки осуществлялся в его рамках. Сырье добывалось преимущественно на расположенных неподалеку месторождениях в ходе индивидуальных экспедиций. Акты первичного расщепления часто происходили возле жилища или непосредственно в нем, оставляя мастерам не только целевые продукты, но и множество отщепов – отходов производства, пригодных для использования как скребки. Эти слабо стандартизированные заготовки могли подгоняться под рукояти здесь же, поскольку в целом производство орудий труда происходило в домохозяйстве и для его нужд. Жизненный цикл орудия был недолог, так как зачастую проще было изготовить новый скребок, чем подправлять старый. Импортные материалы поступали лишь в виде отдельных единичных вещей. Часто речь идет об артефактах из балканского кремня. Именно с этими этапами Прекукутень-Триполья связывают нарушение поставок обсидиана через Карпаты в Сирет-Прутское междуречье (Ţurcanu 2009).

Таким образом, структурные изменения, произошедшие в индустриях многих культур Карпато-Днестровского региона в позднем неолите / раннем энеолите, мы предлагаем интерпретировать как свидетельство малого развития внутриобщинной специализации по обработке кремня и надобщинных систем поставок сырья, концентрации большей части производства орудий труда на уровне отдельного домохозяйства. В этих условиях актуальными становились до того менее востребованные компоненты технологического репертуара неолитических обществ – отжимная техника, широкое использование отщепов, микролитический набор.

Вариабельность прекукутенско-раннетрипольских кремневых комплексов и возможности ее социальной интерпретации

Территория Прекукутень III - Триполье А несколько расширяется. Кроме Поднестровья трипольцы проникают в Побужье (Макаревич 1952; Даниленко, Макаревич 1956), неожиданно глубоко продвигаясь в степь (Товкайло 2004; Товкайло 2005) и в Буго-Днепровское

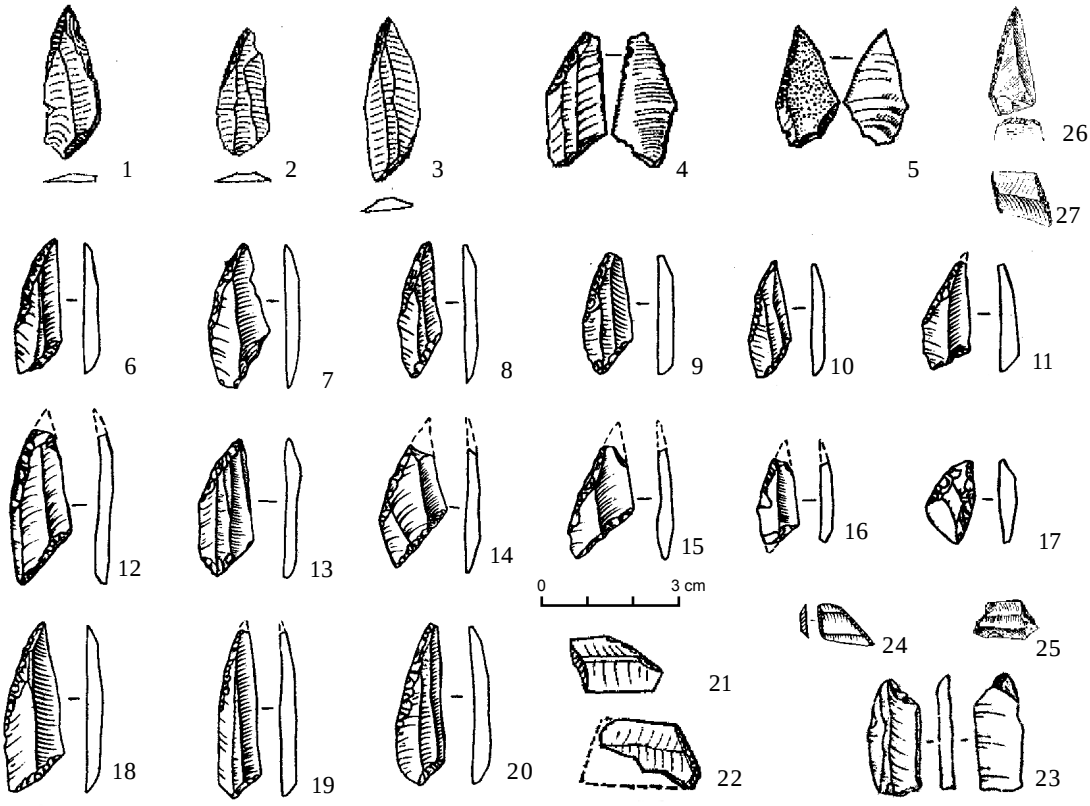


Рис. 2. Геометрические микролиты Прекукутень-Триполье А: 1-5 - Бернашевка; 6-11, 18-20 - Флорешть I; 12-17 - Рогожень; 21 - Гайворон; 22 - Сабатиновка II; 23 - Нестоита IV (микрорезец); 24 - Александровка (Кодымского р-на); 25-27 - Траян-Дялул Вией (по: Păunescu 1970; Збенович 1989; Маркевич 1974; Сапожников, Полищук 1990; Скакун 1978).

междуречье (Шмаглий, Видейко 1987). Как и в Поднестровье на первых этапах трипольского заселения, кремнеобработка здесь видимо осуществлялась в рамках отдельных домохозяйств с единичными изделиями из импортных материалов. Большинство орудий – это скребки на отщепах. Цель первичного расщепления – пластинка или пластина средних размеров, чаще всего не столь правильной огранки, как на предыдущем этапе развития (Сапожников, Полищук 1990). Утилизация нуклеусов чаще заканчивается серией отщепов, или нуклеусы ре-утилизируются как отбойники.

На самом восточном поселении раннего Триполья – Гребенюкив Яр получена достаточно многочисленная коллекция кремневого инвентаря (Шмаглий, Видейко 1987). Расщеплялся днестровский кремень (Бурдо 1993, 7). С конусовидных и аморфных нуклеусов снимались пластинки и отщепы. Большая часть формальных типов орудий – разнообразные варианты скребков на отщепах. Отмечены также развертки, резцы, пластины с люстром, ромбовидное острие.

Многочисленные выразительные материалы происходят и из памятников Гайворон и Сабатиновка 2 (Южный Буг). Здесь использовался местный кремень, в основном аллювиального вторичного происхождения. Нуклеусы основных раннетрипольских типов характерны несколько меньшим размером, чем на днестровских поселениях – вплоть до 2-3 см высоты. Часть нуклеусов вторично использовалась как отбойники. Пластинки здесь часто короче и уже, чем на Днестре. Преобладают скребки на отщепах, встречаются скобели, сверла и проколки, «вкладыши серпов», немногочисленны резцы и единичны геометрические микролиты. В Гайвороне присутствуют ромбовидные острия (рис. 2/21), в Сабатиновке II – обломок трапеции (рис. 2/22) (Даниленко 1974; Збенович 1989, рис. 1). На левых притоках Днестра расположена александровская группа раннетрипольских поселений. Ма-

териалы Александровки охарактеризованы комплексно (Скакун 1978), Нестоиты II – типологически (Сапожников, Полищук 1990). В целом они близки описанным выше. Отметим находку двусторонне обработанного наконечника дротика в Александровке (Скакун 1978, 23; Коробкова 1987, 176-177).

В Поднестровье на этапе Прекукутень III организация кремнеобработки уже изменяется (Бурдо 1993). Пластинчатые сколы становятся заметно шире и в целом массивнее. Орудия труда в целом чаще изготовляются на пластинах, чем на отщепах. Концевые скребки на пластинах превышают по количеству скребки на отщепах и становятся наиболее многочисленным формальным типом изделий с вторичной обработкой. Геометрические микролиты встречаются реже, хотя, видимо, не исчезают вовсе.

Ярким примером такой структуры кремневой индустрии является поселение Берново-Лука (Пассек 1961а). Нуклеусы – призматические, с правильной огранкой, больших размеров – из серого кремня, меньших – из черного кремня лучшего качества.

Пластинчатые сколы здесь несколько длиннее, чем в поднестровских памятниках Прекукутень II и на поселениях буго-днепровского ареала Триполья (Збенович 1989, 49-50). Более половины пластинчатых сколов шире 2 см имеют толщину в 4-6 мм и более, в основном с трехскатным сечением. Снятие их часто оформлялось ретушированием площадки нуклеуса или же снижением рельефа со стороны спинки скола. На небольшой части изделий площадка представляет собой глубокою выемку-фасетку. Карниз снимался в большей части случаев, хотя далеко не всегда. Ударные трещины отмечены на 14% пластин, две трети их – не имеют следов удара. Подобная морфология сколов характерна для скалывания их в технике посредника. Г.Н. Поплевко открыты и трасологически изучены 14 роговых посредников в коллекции Берново-Луки (Поплевко 2001; Поплевко 2002; Поплевко 2007).

Скребки преобладают среди изделий с вторичной обработкой, однако теперь это в основном концевые скребки на пластинах. Среди скребков на отщепах также больше концевых, на вытянутых, удлиненных отщепах (Пассек 1961а, 52). Иные типы представлены скобелями, перфораторами, пластинами с люстром («вкладышами серпов»). Метательное вооружение представлено не геометрическими микролитами, а иными изделиями – наконечниками дротиков и стрел, частично или полностью обработанными плоской ретушью. Тут же встречены кремневые топоры подпрямоугольного сечения (Пассек 1961а, 55).

Индустрия теряет свой «позднемикролитический» облик, характерный для Бернашевки и синхронных памятников. Такой тип раннетрипольского кремневого комплекса скорее может быть охарактеризован как «крупнопластинчатый» (Бибиков 1953).

Аналогичную структуру кремневой индустрии демонстрируют и несколько более поздние памятники Поднестровья – Кормань, Ленковцы и Лука-Врублевецкая (Збенович 1980; Збенович 1989). Если первый относят к Прекукутень III, то два последних памятника, хотя и не принесли находок расписной керамики, по-видимому, соответствуют уже периоду, когда в Прикарпатье развивалась культура Кукутень А (Бурдо 1998; Бурдо 2002).

Кремневая коллекция из раскопок Луки-Врублевецкой весьма многочисленна и многократно описана (Бибиков 1953; Збенович 1989). Пластинчатые сколы составляют более трети всей коллекции. Встречаются сколы длиной 7-9 см. Скребки в основном концевые на пластинах, широких и коротких, или на обломках пластин. Распространены пластины с боковой ретушью, со скошенным концом и с «угловой заполировкой», перфораторы и острия, единичные резцы. Двусторонне обработаны плоской ретушью наконечник дротика и наконечник стрелы. В коллекции присутствует и симметричная трапеция.

Такая структура кремнеобработки соответствует серийному производству пластин как универсальных заготовок для орудий труда. Расщепление их обеспечивалось техникой посредника – эффективной и простой, но достаточно ресурсоемкой. Пластинами и иными целевыми продуктами, видимо, обменивались, так как отходы производства (отщепы) не были непосредственно доступны потребителю орудий для ре-утилизации в качестве скребков. Эти особенности кремневой индустрии

в дальнейшем найдут свое развитие в памятниках Триполья В1 (Бурдо 1993). Скорее всего, большинство макролитических заготовок в комплексах финала Триполья А-Триполья В1 Поднестровья получены с помощью посредника, а не усиленным отжимом, как полагают П. Шидловский и Е. Слесарев (Шидловський, Слєсарев 2015).

Таким образом, раннетрипольская кремневая индустрия предстает перед нами в двух проявлениях. По аналогии с термином, примененным Я. Козловским и М. Качановской для описания схожих различий в кремневых комплексах культуры Кереш, можно назвать их модусами (Domboroczki et al. 2010). Первый модус (рис. 3А) характеризуется следующими чертами:

1. Первичное расщепление ориентировано на пластинку и среднюю пластину (до 17 мм шириной) и осуществляется в основном ручным отжимом.
2. Скребки на отщепах боковых и концево-боковых разновидностей преобладают в наборе орудий труда.
3. Наконечники метательного вооружения представлены ромбовидными остриями, оформленными двумя однонаправленными усечениями, хотя бы одно из которых – в микрорезцовой технике, и трапециями.

Второму модусу (рис. 3В) присущи такие особенности:

1. Целью первичного расщепления является среднеширокая и крупная пластина (более 17 мм шириной), при сохранении в комплексе микропластин и пластинок.
2. Расщепление осуществляется различными техниками, серийное производство пластин в основном – техникой посредника.
3. Концевые скребки на пластинах – самый распространенный формальный тип изделий с вторичной обработкой.
4. Наконечники метательного вооружения изготовляются двусторонней обработкой плоской ретушью.
5. Появляются кремневые топоры с пришлифовкой.

Отличия между кремневой индустрией поздних памятников Триполья А Поднестровья и остальных раннетрипольских памятников отмечались неоднократно. В.Г. Збенович рассматривал их как хронологический признак, разделяющий вторую и третью ступени памятников Триполья А Поднестровья (Збенович 1989, 130).

Характер отличий между индустриями скорее структурный и количественный, нежели качественный. В основном (за исключением набора метательного вооружения) одни и те же типы изделий, изготовленных в одном и том же наборе техник, встречаются в различных процентных соотношениях. Поэтому как гипотезу можно предположить и социальное объяснение изменений. Первый модус соответствует использованию местного сырья индивидуально, для изготовления орудий труда в рамках домохозяйства. Второй модус может интерпретироваться как свидетельство более сложной социальной организации кремнеобработки. Сырье поступает на поселение тестированным и, возможно, подготовленным к дальнейшей работе. Стандартные пластинчатые заготовки производятся серийно и уже затем поступают потребителю орудия. Характерно, что одновременно засвидетельствовано и производство других объектов, которые широко производились и обменивались в ареале неолита-энеолита Балкан и Центральной Европы – бифасиальных наконечников метательного вооружения и кремневых топоров с пришлифовкой. Таким образом, второй модус – результат того, что некоторая часть кремнеобработки вышла за рамки домохозяйства и осуществлялась специализировано. Специализация коснулась как выбора и доставки сырья, так и производства целевых продуктов расщепления. При этом обработка сырья в рамках домохозяйств продолжала функционировать дополнительно к специализированной. Возможно, речь идет об «общинных мастерах» (Энговатова 1993). Подобные структурные изменения наблюдаются и при переходе от позднеолитических индустрий к энеолитическому комплексу кремнеобработки культуры Гумельница и иных культур круга Караново VI на Нижнем Дунае (Тодорова, Вайсов 1993; Manolakakis 2005). Там этот процесс пришелся на конец первой половины V тысячелетия до н.э. (Higham et al. 2007; Reingruber, Thissen 2009).

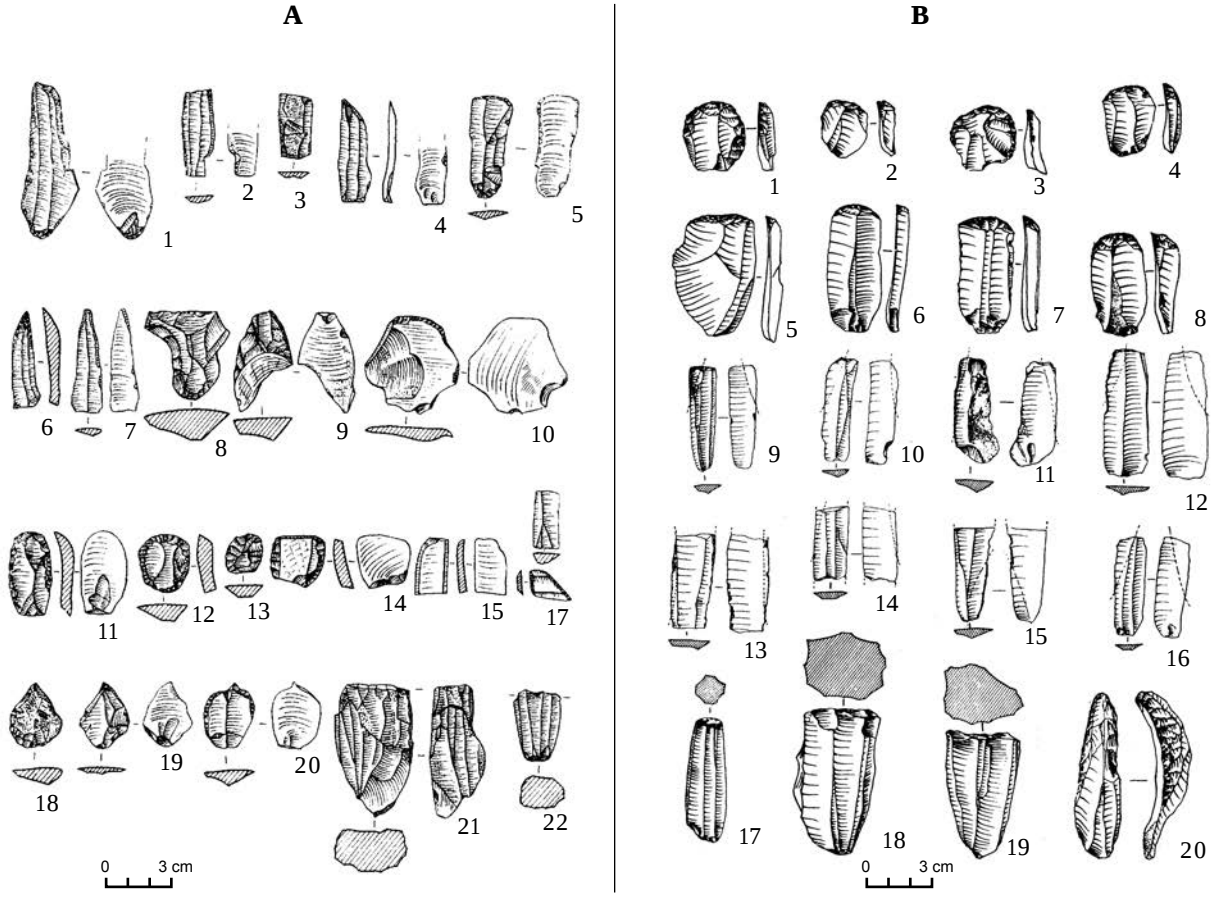


Рис. 3. Модусы кремнеобработки Прекукутень III - финала Триполья А: А - модус 1, по материалам поселения Александровка (Кодымского р-на); В - модус 2, по материалам поселения Берново-Лука (по: Пассек 1961; Скакун 1978).

Интерпретация

Рецепция пережитков мезолитической культуры традиционно предполагается для ранних этапов Триполья на основании находок правильно ограненных (в том числе карандашевидных) нуклеусов для пластинок и микропластинок и трапезоидных геометрических микролитов. В то же время оба типа изделий широко известны почти в каждой предшествующей Триполью неолитической культуре, и в каждой из них они рассматриваются как свидетельство мезолитического влияния (Mateiciucova 2008; Ţurcanu 2009). Как отжимная техника, так и геометрические микролиты известны и на Ближнем Востоке, *Heimatland* для большинства неолитических культур Юго-Восточной Европы, и могли быть принесены на Балканы в качестве части «неолитического пакета» (Tringham 1973; Залізняк 1998; Connolly 1999; Залізняк 2005a; Залізняк 2005b; Залізняк 2006). Они, безусловно, входили в технологический репертуар культур Криш-Старчево, Дудешть, Боян, КЛЛК (Păunescu 1970; Mateiciucova 2008; Ţurcanu 2009). По крайней мере, в Карпато-Подунавье нет оснований предполагать новые контакты с носителями мезолита для каждой из неолитических культур с трапециями. Возможно, умение изготовлять геометрические микролиты пришло от предыдущих, вполне неолитических общностей, без непосредственной необходимости отыскивать выжившие группы охотников-собирателей, чтобы у них учиться, чем оснащать стрелы лучников из раннеземледельческих общин.

Наличие трапеций в микролитическом наборе само по себе не может говорить о «мезолитической традиции». Гораздо информативней техника изготовления микролитов. К сожалению, материалов к ее реконструкции

в общностях предшественников Триполья мало. Известно, что микрорезцовая техника не характерна для КЛЛК Центральной Европы (Kaczanowska 1980). Наличие ее на поселениях буго-днестровской культуры сомнительно (Гаскевич 2003). В последней она сопровождается ромбовидными остриями, морфологически похожими на раннетрипольские, и практически во всех случаях – раннетрипольской керамикой (Товкайло 2004; Товкайло 2005; Блажевич и др. 2007). К тому же, ввиду недостаточной ясности хронологического соотношения поздней буго-днестровской и раннетрипольской культур (Гаскевич 2014; Товкайло 2014) решение вопроса об их связях в свете кремневого инвентаря пока не может быть сколько-нибудь окончательным.

Прекукутенско-раннетрипольская кремневая индустрия представляет собой достаточно специфическое явление в сравнении с орудийными наборами последующих этапов Кукутень-Триполья. Характер последних видимо, может быть объяснен установлением системы профессионального производства кремневых орудий (Черныш 1967; Маркевич 1981; Энговатова 1993). Специалисты обеспечивали добычу, поставку и расщепление сырья. Они обладали возможностью выбирать сырье лучшего качества, расщеплять отдельности не до полного их истощения, а лишь в рамках удобных размеров для серийного скалывания стандартизованной заготовки – пластины. Из пластин делали орудия труда нескольких установленных морфологий – скребков, ножей, перфораторов. При этом пластина была универсальной заготовкой, подходящей для изготовления инструментов многих разновидностей (Пічкур 2008). Пластины импортировались на поселения-консументы (Пічкур, Шидловський 2003; Pichkur 2008; Беленко 2010; Кіосак 2015), там они проходили череду подправок и переоформлений, которые вполне могли последовательно модифицировать один предмет в ряд формальных типов (Budziszewski 1995).

Почти на всех памятниках Триполья присутствует и иной компонент, близкий к раннетрипольской кремнеобработке – скребки на отщепах, микроскребки, пластинки и орудия на них (Sorochin 2002; Kiosak 2009). Как правило, эта составляющая кремневой индустрии Триполья связана с использованием местного сырья. Обработка его выполнялась способами малотребовательными к квалификации мастера и инвестициям труда в подготовку серийного расщепления. А. Энговатова предполагает, что «профессиональный» компонент производства кремневых изделий Триполья своей социальной сутью имел становление общинного ремесла на этапе среднего Триполья и ремесленного производства – на позднем (Энговатова 1993, 18-19).

Сейчас можно предполагать, что становление инновационного кремневого комплекса начинается еще на раннем этапе Триполья – на фазе AIII, и засвидетельствовано, в первую очередь, материалами модуса 2 кремнеобработки. В сравнении с кремневыми комплексами модуса 2 (а также и этапов Триполья B1 и позднейших) кремневая индустрия модуса 1 раннего Триполья предстает неспециализированным занятием, в основном осуществляемым силами домохозяйств для удовлетворения потребностей домохозяйств. Возможно, описанный выше «локальный» компонент на памятниках Кукутень – Триполья связан с функционированием этого уровня кремнеобработки – расщепления в рамках отдельных домохозяйств. Некоторые параметры (но не все) раннетрипольской кремневой индустрии могут быть интерпретированы как результаты именно такой социальной организации производства. Широкое применение ручного отжима обеспечивает максимальную экономию сырья в условиях, когда добывать его приходится непосредственно мастеру. Он не только приводит к получению сколов геометрически правильных очертаний, с наибольшей возможной полезной длинной рабочих краев (Станко 1982). Эта техника позволяет эффективно работать и с очень небольшими нуклеусами, обеспечивая почти полную утилизацию каждой отдельности сырья (Pelegrin 2012b; Pelegrin 2012a). Разрыв между производителем кремневого орудия и его потребителем исключал массовое использование отходов производства (отщепов) как «заготовки по случаю» для количественно самой значимой категории изделий с вторичной обработкой – скребков. Поэтому с появлением серийного изготовления крупных пластин значительно уменьшается доля скребков на отщепах.

За пределами возможностей социальной интерпретации кремнеобработки Прекукутень - раннего Триполья, очевидно, остается специфика микронабора, видимо, несущая основной эвристический потенциал для решения вопросов межкультурных взаимодействий при формировании и развитии культурного комплекса.

Выводы

Особенности кремневой индустрии Прекукутень-Триполье А частично могут являться результатом самодостаточности кремнеобработки в рамках домохозяйств для удовлетворения их потребностей. В свою очередь, видимо, формирование системы профессиональной обработки кремня приходится на конец этапа Прекукутень III - Триполье А. Оно затронуло богатые кремневым сырьем районы ареала Триполья, в первую очередь, Поднестровье. Подобные системы доставки и обработки кремня характерны для целого ряда неолитических и энеолитических обществ Ближнего Востока, Балкан и Центральной Европы (Zimmermann 1995; Connolly 1999; Lech 2013). Такая система производства и обмена кремневых изделий формируется и на Нижнем Дунае, в Добрудже на выходах кремня в Северо-Восточной Болгарии. Она обеспечивала, в первую очередь, население Караново VI-Гумельница-Коджадермен (Mateva 2011; Hansen et al. 2012). Культурный комплекс Прекукутень-Кукутень-Триполье, плоть от плоти ранних земледельческих культур, не был здесь исключением.

Библиография

Беленко 2010: М.М. Беленко, Крем'яний матеріал з поселення Небелівка. Археологія і давня історія України 3, 2010, 15-17.

Бибиков 1953: С.Н. Бибиков, Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая на Днестре. К истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на Юго-Востоке Европы (Москва-Ленинград 1953).

Блажевич и др. 2007: Н.В. Блажевич, Н.Б. Бурдо, І.С. Вітрик, А.О. Денисова, І.В. Карашевич, Є.Г. Карнаух, В.М. Корпусова, Л.В. Павленко, Н.О. Сон, Колекції Наукових фондів Інституту археології НАН України. Каталог (Київ 2007).

Бурдо 1993: Н. Бурдо, Населення раннього етапу трипільської культури межиріччя Дністра та Південного Бугу (Київ 1993).

Бурдо 2002: Н. Бурдо, Ранньотрипільське поселення Лука-Врублівецька і проблема синхронізації Прекукутені-Кукутені-Трипілля. Записки Наукового товариства імені Шевченка. Праці Археологічної комісії CCXLIV, 2002, 66-88.

Бурдо 1998: Н.Б. Бурдо, Хронологія і періодизація Трипілля А. Археологія (4), 1998, 78-88.

Бурдо 2004: Н.Б. Бурдо, Походження трипільської культури. В кн.: (Отв. ред. Л.М. Новохатько) Енциклопедія трипільської цивілізації, том 1 (Київ 2004), 98-111.

Гаскевич 1997: Д.Л. Гаскевич, Віта-Поштова-2 - найсхідніше поселення з матеріалами дунайської неолітичної культури. В сб.: Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 рр. (Київ 1997), 11-13.

Гаскевич 2003: Д.Л. Гаскевич, Крем'яний інвентар неолітичних культур України (Київ 2003).

Гаскевич 2005: Д.Л. Гаскевич, Крем'яні вироби кукрекської культурної традиції в інвентарі буго-дністровських пам'яток Побужжя. Археологія 3, 2005, 24-37.

Гаскевич 2014: Д.Л. Гаскевич, Проблеми радіовуглецевого датування буго-дністровської неолітичної культури. Археологія 4, 2014, 3-17.

Гацов 1992: И. Гацов, Производство кремневых орудий в неолите на территории Северо-Восточной Болгарии. Studia Praehistorica 11-12, 1992, 196-199.

Даниленко, Макаревич 1956: В.М. Даниленко, М.Л. Макаревич, Дослідження на II Сабатинівському ранньотрипільському поселенні в 1949 р. В: Археологічні пам'ятки УРСР, VI, (Київ 1956), 134-144.

Даниленко 1969: В.Н. Даниленко, Неолит Украины. Главы древней истории Юго-Восточной Европы (Київ 1969).

Даниленко 1974: В.Н. Даниленко, Энеолит Украины. Этноисторическое исследование (Київ 1974).

Дергачев, Ларина 2015: В.А. Дергачев, О.В. Ларина, Памятники культуры Криш Молдовы (с каталогом) (Кишинэу 2015).

Залізняк 1998: Л.Л. Залізняк, Передісторія України X-V тис. до н.е. (Київ 1998).

Залізняк 2005а: Л.Л. Залізняк, Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація (Київ 2005).

Залізняк 2005b: Л.Л. Залізняк, Чорноморський потоп та його археологічні наслідки. Археологія 3, 2005, 3-12.

Залізняк 2006: Л.Л. Залізняк, Гребениківська мезолітична культура: походження, хронологія, історична доля. Археологія 4, 2006, 3-18.

Збенович 1980: В.Г. Збенович, Поселение Бернашевка на Днестре (К происхождению трипольской культуры) (Киев 1980).

Збенович 1989: В.Г. Збенович, Ранний этап Трипольской культуры на территории Украины (Киев 1989).

Кіосак 2015: Д.В. Кіосак, Крем'яні вироби з поселення Небелівка. Археологія 1, 2015, 61-70.

Ковалюх и др. 2007: Н.Н. Ковалюх, Н.С. Котова, Г.В. Охрименко, Новые данные о хронологии неолитических памятников Волыни. Матеріали та досліження з археології Східної України. Від неоліту до кіммерійців 7, 2007, 3-7.

Коробкова 1987: Г.Ф. Коробкова, Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР (Москва 1987).

Котова 2002: Н.С. Котова, Неолитизация Украины (Луганск 2002).

Ларина 1999: О.В. Ларина, Культура линейно-ленточной керамики Пруто-Днестровского региона. Stratum plus 2, 1999, 10-140.

Макаревич 1952: М.Л. Макаревич, Середньобузька експедиція по дослідженню пам'яток трипільської культури. В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, IV (Київ 1952), 89-95.

Манько 2013: В.О. Манько, Фінальний палеоліт - неоліт Криму: культурно-історичний процес (Київ 2013).

Маркевич 1973: В.И. Маркевич, Памятники эпох неолита и энеолита. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 2 (Кишинев 1973).

Маркевич 1974a: В.И. Маркевич, Буго-днестровская культура на территории Молдавии (Кишинев 1974).

Маркевич 1974b: В.И. Маркевич, Исследования Молдавской неолитической экспедиции. В сб.: (Отв. ред. В.Л. Лапушнян) Археологические исследования в Молдавии (1972 г.) (Кишинев 1974), 26-51.

Маркевич 1981: В.И. Маркевич, Позднетрипольские племена северной Молдавии (Кишинев 1981).

Маркевич 1992: В.И. Маркевич, Раннетрипольское поселение Кошерница 1. В сб.: (Отв. ред. Н. А. Кетрару) Археологические исследования в Молдове в 1986 г. (Кишинев 1992), 28-45.

Пассек 1941: Т.С. Пассек, Трипільська культура. Науково-популярний нарис (Київ 1941).

Пассек 1957: Т.С. Пассек, Некоторые итоги раскопок в Молдавии в 1955 году (Поселение у с. Флорешты). Краткие сообщения Института истории материальной культуры 70, 1957, 86-93.

Пассек 1958: Т.С. Пассек, Новые открытия на территории СССР и вопросы поздненеолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья. СА 1, 1958, 28-46.

Пассек 1960: Т.С. Пассек, Результаты археологических раскопок на поселении у с. Флорешты в Молдавии (1955-1957 гг.). В сб.: Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынии (Кишинев 1960).

Пассек 1961a: Т.С. Пассек, Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья (Москва 1961).

Пассек 1961b: Т.С. Пассек, Раскопки на поселении Флорешты в 1958 г. Краткие сообщения Института археологии АН СССР 84, 1961, 69-82.

Пічкур 2008: Є.В. Пічкур, Виготовлення довгих крем'яних пластин в трипільській культурі (до питання про технологію розщеплення). Кам'яна доба України 11, 2008, 197-204.

Пічкур, Шидловський 2003: Є.В. Пічкур, П.С. Шидловський, Комплекс кременеобробки поселення Пекарі II. В сб.: (Отв. ред. О.Г. Корвін-Піотровський, В.О. Круц, С.М. Рижов) Трипільські поселення-гіганти. Матеріали міжнародної конференції (Київ 2003), 121-128.

Поплевко 2001: Г.Н. Поплевко, К методике определения техники скола кремневой пластинчатой индустрии (на материалах раннетрипольского поселения Бернова-Лука). В сб.: (Отв. ред. А. Маціпура) Тези доповідей Міжнародної науково-практичної конференції «Трипільський світ і його сусіди», м. Збараж 20-25 серпня 2001 року (Збараж 2001), 39-42.

Поплевко 2002: Г.Н. Поплевко, К методике определения посредников и ретушеров из рога и кости. В сб.: (Отв. ред. Е.В. Яровой) Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V век н.э.) (Тирасполь 2002), 45-49.

Поплевко 2007: Г.Н. Поплевко, Методика комплексного исследования каменных индустрий (Санкт-Петербург 2007).

Сапожников, Полищук 1990: И.В. Сапожников, Л.Ю. Полищук, Новые материалы трипольской культуры Буго-Днестровского междуречья. Вестник черноморской ассоциации археологов и любителей древности 1, 1990, 15-26.

Скакун 1978: Н. Скакун, Орудия труда раннетрипольского поселения Александровка (в свете экспериментально-трасологического исследования). СА 1, 1978, 15-23.

Скакун 1994: Н.Н. Скакун, Результаты исследования производственного инвентаря неолитического поселения Усое I (Болгария) В сб.: (Отв. ред. Г.Ф. Коробкова) Экспериментально-трасолоогические исследования в археологии (Санкт-Петербург 1994), 85-118.

Станко 1982: В.Н. Станко, Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья (Киев 1982).

Товкайло 2004: М. Товкайло, До проблеми взаємин населення буго-дністровської та ранньотрипільської культур. Археологія 1, 2004, 30-42.

Товкайло 2003: М.Т. Товкайло, Крем'яний інвентар пізньонеолітичних пам'яток степового Побужжя. Кам'яна доба України 2, 2003, 187-205.

Товкайло 2005: М. Товкайло, Неоліт Степового Побужжя (Київ 2005).

Товкайло 2014: М.Т. Товкайло, Неолитизация Юго-Западной Украины в свете новых исследований поселения Гард. Stratum Plus 2, 2014, 183-245.

Тодорова, Вайсов 1993: Х. Тодорова, И. Вайсов, Новокаменнаято епоха в България (краят на седмо-шесто хилядолетие преди новата ера) (София 1993).

Черныш 1967: Е.К. Черныш, Трипольские мастерские по обработке кремня. Краткие сообщения Института археологии АН СССР 111, 1967, 60-66.

Чорновол и др. 2009: Д.К. Чорновол, Є.В. Пічкур, О.В. Дяченко, О.Г. Корвін-Піотровський, О.С. Кириленко, Рятівні роботи поблизу с. Бернашівка. В сб.: Археологічні дослідження в Україні 2008 (Київ 2009), 463-466.

Шидловський, Слєсарев 2015: П.С. Шидловський, Є.С. Слєсарев, Технологічні особливості крем'яного комплексу ранньотрипі льського поселення Бернашівка I. Кам'яна доба України 16, 2015, 204-224.

Шмаглий, Видейко 1987: Н.М. Шмаглий, М.Ю. Видейко, Раннетрипольское поселение Гребеннюков Яр у с. Майданецкое. В сб.: (Отв. ред. Т. Л. Самойлова) Новые исследования по археологии Северного Причерноморья (Киев 1987), 87-99.

Энговатова 1993: А.В. Энговатова, Кремневая индустрия трипольской культуры (по материалам памятников Днестро-Днепровского междуречья) (Москва 1993).

Allard 2004: P. Allard, L'industrie lithique des populations rubanées du Nord-Est de la France et de la Belgique (Rahden 2004).

Budziszewski 1995: J. Budziszewski, Flint materials from cemeteries of the Sofievka type. Baltic-Pontic Studies 3, 1995, 148-189.

Connolly 1999: J. Connolly, Technical strategies and technical change at Neolithic Catalhoyouk, Turkey. Antiquity 73(282), 1999, 791-800.

Domboroczki et al. 2010: L. Domboroczki, M. Kaczanowska, J. Kozlowski, The Neolithic Settlement of Tiszaszolos-Domahaza-Puszta and the Question of the Northern Spread of the Koros Culture. Atti della Societa Preistoria a Protostoria Regione Friuli-Venezia Guilia XVII, 2010, 101-155.

Gatsov 1990: I. Gatsov, Le site neolithique de l'Oussoe, dept. de Varna. Reportitation du materiel en silex par tranchees de fondation. Caracterstiques et comparaisons des artefacts Studia Praehistorica 10, 1990, 91-102.

Gronenborn 1998: D. Gronenborn, Ältbankeramische Kultur, La Hoguette, Limburg, and ... What else? - Contemplating the Mesolithic-Neolithic transition in the southern Central Europe. Documenta Praehistorica XXV, 1998, 189-202.

Hansen et al. 2012: S. Hansen, M. Toderaş, A. Reingruber, J. Wunderlich, N. Benecke, I. Gatsov, E. Marinova, M. Muller, C. Nachev, P. Nedelcheva, D. Nowacki, A. Ropke, J. Wahl, S. Zauner, Pietrele an der Unteren Donau. Bericht über die Ausgrabung im Sommer 2011. Eurasia Antiqua 18, 2012, 1-68.

Higham et al. 2007: T.F. Higham, J. Chapman, V. Slavchev, B. Gaydarska, N. Honch, Y. Yordanov, B. Dimitrova, New perspectives on the Varna cemetery (Bulgaria) - AMS dates and social implications. Antiquity 81, 2007, 640-654.

Kaczanowska 1980: M. Kaczanowska, Steinindustrie der Kultur der Linienbandkeramik. In.: (Ed. J. Kozlowski, J. Machnik) Problemes de la Neolithisation dans certaines regions de l' Europe (Wroclaw 1980), 79-96.

Kiosak 2009: D. Kiosak, The Flint Inventory of the Sabatynivka 1 site (Trypillja B1). In: (Ed. F. Drașovean) Ten Years After: the Neolithic of Balkans as uncovered by the Last Decade of Research (Timisoara 2009), 275-288.

Lech 2013: J. Lech, Prehistoric flint mining and the enigma of early economies. In: (Ed. T. Kerig, A. Zimmermann) Economic archaeology: from structure to performance in European archaeology (Bonn 2013), 227-251.

Manolakakis 2005: L. Manolakakis, Les industries lithiques eneolithiques de Bulgarie (Rahden 2005).

Marinescu-Bîlcu 1974: S. Marinescu-Bîlcu, Cultura Precucuteni pe teritoriul României (Bucureşti 1974).

Mateiciucova 2008: I. Mateiciucova, Talking stones: the chipped stone industry in Lower Austria and Moravia and the beginnings of the Neolithic in Central Europe (LBK), 5700-4900 BC (Brno 2008).

Mateva 2011: B. Mateva, Exploiting Flint Deposits in Northeastern Bulgaria in the Chalcolithic. In: (Ed. S. Mills, P. Mirea) Lower Danube in Prehistory: Landscape Changes And Human-Environment Interactions. Proceedings of the International conference, Alexandria, 3-5 November 2010 (Bucuresti 2011), 173-178.

Neagu 2003: M. Neagu, Neoliticul mijlociu la Dunărea de Jos cu privire specială asupra centrului Munteniei (Călăraşi 2003).

Păunescu 1970: A. Păunescu, Evoluţia uneltelor şi armelor de piatră cioplită descoperite pe teritoriul României (Bucureşti 1970).

Pelegrin 2012a: J. Pelegrin, Conférence inaugurale: Grandes lames de l'Europe néolithique et alentour. In: (Ed. J.-C. Marquet and C. Verjux) L'Europe, déjà, à la fin des temps préhistoriques. Des grandes lames en silex dans toute l'Europe. Actes de la table-ronde internationale, Tours (Indre-et-Loire, France), vendredi 7 Septembre 2007 (Paris 2012), 15-44.

Pelegrin 2012b: J. Pelegrin, New Experimental Observations for the Characterization of Pressure Blade Production Techniques. In: (Ed. P. Desrosiers) The emergence of pressure blade making (2012), 465-500.

Pichkur 2008: E. Pichkur, Flint implements of the Tripolye giant settlement Talianki. In: (Ed. A. Korvin-Piotrovsky, F. Menotti) Tripolye culture in Ukraine: the giant settlement of Talianki (Kiev 2008), 159-167.

Reingruber, Thissen 2009: A. Reingruber, L. Thissen, Depending on 14C data: Chronological frameworks in the Neolithic and Chalcolithic of Southeastern Europe. Radiocarbon 51(2), 2009, 751-770.

Sirakov 2002: N. Sirakov, Flint artefacts in prehistoric grave-good assemblages from the Durankulak necropolis. In: (Ed. H. Todorova) Durankulak, Band II. Die Prähistorishen Gräberfelder. Teil 1 (Sofia 2002), 213-246.

Sorochin 2002: V. Sorochin, Aspectul cultural cucutenian Drăguşeni-Jura (Piatra Neamţ 2002).

Tringham 1968: R. Tringham, A preliminary study of the early neolithic and latest mesolithic blade industries in southeast and central Europe. In: (Ed. J.M. Coles, D.D.A. Simpson) Studies in Ancient Europe: Essays presented to Stuart Piggot. (Leicester 1968), 45-70.

Tringham 1973: R. Tringham, The Mesolithic of Southeastern Europe. In: (Ed. S. Kozlowski) The Mesolithic in Europe (Warsaw 1973), 531-550.

Ţurcanu 2009: S. Ţurcanu, Industria litică cioplită din Neoliticul Moldovei (Iaşi 2009).

Zimmermann 1995: A. Zimmermann, Austauschsysteme Von Silexartefakten in Der Bandkeramik Mitteleuropas (Bonn 1995).

Contribuţii la problema interpretării prelucrării silexului în culturii Precucuteni - Tripolie A

Cuvinte cheie: Precucuteni, Tripolie A, industria silexului, interpretare, structură socială.

În lucrare sunt propuse unele modele ce vin să explice caracteristicile structurale ale complexelor de unelte de silex din arealul culturii Precucuteni - Tripolie timpuriu. Deopotrivă cu abordarea obişnuită „cultural-istorică", pot fi luate în calcul şi alte aspecte, cum ar fi: economia materiei prime, repertoriul tehnologic de prelucrare şi diferenţierea socială a prelucrării silexului.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Microlite geometrice din perioada anterioară culturii Precucuteni - Tripolie A. Cris – cultura Criş (1-15), inclusiv grupul Săcăreuca (4, 7, 11, 13-15); LBK – cultura ceramicii band-liniare (16-26); CannPotC – culturile cu ceramică canelată: Dudeşti (27-29), Vinca-Turdaş (30-32); Boian – cultura Boian (33-38); BDK – cultura bugo-nistreană (39-70). 1-3, 5-6, 8 - Ciuna Turcului-Dubova; 4-7, 10-11, 13-15 - Săcărăuca; 9 - Balş; 12 - Trestiana; 16-17 - Bereşti; 18- 22 - Traian-Dealul Fântânilor; 23 - Glăvăneştii Vechi; 24 - Chişcăreni V; 25 - Dănceni I; 26 - Kamennoe-Zaval'e; 27, 29 - Dudeşti; 28 - Drăghiceanu; 30-32 - Kleanov-Fiera; 33-35, 37-38 - Cernica; 36 - Giuleşti-Bucureşti; 39-44 - Gard 3 (44 - microlamă), 45-69 - Gard 4, 70 - Soroca V (după: Păunescu 1970; Дергачев, Ларина 2015; Ларина 1999; Маркевич 1974; Товкайло 2005).

Fig. 2. Microlite geometrice din cultura Precucuteni - Tripolie A: 1-5 - Bernaševka; 6-11, 18-20 - Floreşti I; 12-17 - Rogojeni; 21 - Gaivoron; 22 - Sabatinovka II; 23 - Nestoita IV (microlamă); 24 - Aleksandrovka (raionul Kodym); 25-27 - Traian-Dealul Viei (după: Păunescu 1970; Збенович 1989; Маркевич 1974; Сапожников, Полищук 1990; Скакун 1978).

Fig. 3. Moduri de prelucrare a silexului în Precucuteni III - Tripolie A final: A - modul 1, în baza materialele aşezării Aleksandrovka (raionul Kodym); B - modul 2, în baza materialelor aşezării Bernovo-Luka (după: Пассек 1961; Скакун 1978).

On the interpretation of lithic industry of Pre-Cucuteni - Trypillia A

Keywords: Pre-Cucuteni, Trypillia A, flint industry, interpretation, social structure

Abstract: The paper considers some models for the explanation of variability of lithic complexes of the Late Neolithic (Early Aeneolithic) Pre-Cucuteni culture – the Early Trypillia. Along with the wide-spread "cultural-historical" approach some others could be suggested – raw material economy, technological repertoire, and social differentiation of flint-working.

List of illustrations:

Fig. 1. Geometric microliths of cultures preceding Pre-Cucuteni-Trypillia A. Cris – Criş culture (1-15), incl. Sacareuca group (4, 7, 11, 13-15); LBK – Linear Pottery Culture (16-26); CannPotC – Cannelure Pottery Culture: Dudeşti (27-29), Vinča-Turdaş (30-32); Boian – Boian culture (33-38); BDK – Bug-Dniester culture (39-70). 1-3, 5-6, 8 - Cuina Turcului-Dubova; 4-7, 10-11, 13-15 - Sacareuca; 9 - Balş; 12 - Trestiana; 16-17 - Bereşti; 18-22 – Traian-Dealul Fîntînilor; 23 - Glăvăneştii Vechi; 24 - Chişcăreni V; 25 - Dănceni I; 26 - Kamyane-Zavallia; 27, 29 - Dudeşti; 28 - Drăghiceanu; 30-32 - Clianov-Fiera; 33-35, 37-38 - Cernica; 36 - Giuleşti-Bucureşti; 39-44 - Gard 3 (44 - microburin); 45-69 - Gard 4; 70 - Soroca V (after: Păunescu 1970; Дергачев, Ларина 2015; Ларина 1999; Маркевич 1974; Товкайло 2005).

Fig. 2. Geometric microliths of Pre-Cucuteni - Trypillia A: 1-5 - Bernashivka; 6-11, 18-20 - Floreşti I; 12-17 - Rogojeni; 21 - Gaivoron; 22 - Sabatynivka II; 23 - Nestoita IV (microburin); 24 - Olexandrivka (Kodyma district); 25-27 - Traian-Dealul Viei (after: Păunescu 1970; Збенович 1989; Маркевич 1974; Сапожников, Полищук 1990; Скакун 1978).

Fig. 3. Moduses of flint-working of Pre-Cucuteni - Trypillia A: A - modus 1, as exemplified by Olexandrivka (Kodyma district); B - modus 2, as exemplified by Bernovo-Luca (Пассек 1961; Скакун 1978).

01.02.2016

Дмитрий Киосак, Одесский национальный университет имени И.И. Мечникова, ул. Елизаветинская 12, 65000-Одесса, Украина, e-mail: dkiosak@ukr.net

BERICHT ÜBER DIE ARCHÄOLOGISCHEN ARBEITEN IN PETRENI, REPUBLIK MOLDAU

Regina Uhl, Mariana Vasilache-Curoşu, Veaceslav Bicbaev, Mariana Sîrbu, Livia Sîrbu

Schlagworte: Petreni, Cucuteni-Tripol´e, Siedlungsplan, Datierung.

Einleitung

Das in Kooperation zwischen dem Nationalmuseum Chişinău und der Eurasienabteilung des DAI, Berlin geführte Projekt „Petreni“ begann im Jahr 2011 mit einer kleinen Sondage im südöstlichen Teil der Fundstelle Petreni in der Gemarkung Sofia, Rajon Drochia. Die in den Folgejahren 2012, 2013 und 2015 angelegten Grabungsschnitte orientierten sich ebenso im südöstlichen Areal der Siedlung. Ziel dieser räumlich zunächst auf nur einen Bereich des Fundplatzes beschränkten Untersuchungen sollte es sein, weiterführende Aussagen über Konstruktionsdetails, Bebauungsphasen und mögliche, sich überlagernde Baubefunde zu erhalten, sowie zu ergründen, inwiefern und wie sich diese Beobachtungen im Fundmaterial widerspiegeln, um in weiteren Kampagnen auf dieser Grundlage schließlich in anderen Siedlungsbereichen stichprobenhafter arbeiten zu können. Um eine andere Perspektive auf die zu ergrabenden Befunde gewinnen und sie *anders lesen* zu können, wurde entgegen der traditionell üblichen Grabungsmethodik auf das künstliche Aufsockeln des gebrannten Lehmdebris verzichtet und statt dessen in waagerechten Strata[1] und mit Profilstegen gearbeitet. Vor allem ungebrannte Lehmbefunde akzentuieren sich im umliegenden Lösslehm häufig erst klar in der Horizontalen und im Profilschnitt. Erst dadurch wird es möglich, tatsächliche Wandverläufe nachzuzeichnen und als Mauerbefunde freizustellen. Konnten eintiefende Befunde klar identifiziert werden, so wurden sie geschnitten und im unteren Befundbereich vereinzelt ausgelöffelt, d. h. der Kontur von Gruben oder Graben gefolgt.

[1] Die Fund- und Befundverwaltung erfolgt mittels Harrismatrix.

Im Rahmen der Untersuchungen wird eine feinchronologische Auflösung des Cucuteni-Tripol´e-zeitlichen Fundortes Petreni angestrebt, welcher auf einer Fläche von ca. 30 ha ca. 500 Häuser im Siedlungsplan umfasst. Darüber hinaus soll das vollständige Ergraben von kompletten Befundeinheiten, d. h. von Gebäuden mitsamt den dazugehörigen Gruben, und das ganzheitliche Auswerten der Gefäße je Hausbefund schließlich die Datengrundlage für konkrete Hochrechnungen zur Einwohnerzahl Petrenis bilden.

Archäologische Untersuchungen in Petreni (2011-2015)

Der geophysikalische Plan der Siedlung[2] Petreni dient als Grundlage für den in 20×20 m-Quadrate gerasterten Grabungsplan (Abb. 1). Archäologische Schnitte wurden bisher in den Arealen AE15, AG17, AH17, AD13, AD14 sowie AE14 angelegt (Abb. 2). Bislang konnten in diesen Arealen zwei Gebäude vollständig (AE150 und AE14) sowie ein weiteres Gebäude teilweise (AE151) freigelegt werden. Außerdem wurden verschiedene, eintiefende Strukturen durch Grabungsschnitte am äußeren (AG17-AH17) und inneren Graben (AE151; AE14) sowie insgesamt fünf Grubenkomplexe verschiedener funktionaler Zuordnung untersucht. Hervorzuheben sind unter diesen eine Grube mit einem menschlichen Rippenfragment, die als Teil des inneren Grabenrings im Rahmen von Besiedlungstätigkeiten der ersten Siedlungsphase angelegt wurde, sowie eine eingetiefte, fundarme Struktur, welche als eine Meilerofenkonstruktion verstanden werden kann. Da diese beiden Strukturen im Jahr 2015 nur teilweise

[2] Besten Dank an Knut Rassmann, RGK/Frankfurt für die Durchführung der großflächigen, geophsikalischen Messung sowie an Petar Zidarov, Universität Sofia/Bulgarien, welcher kleinräumige, geophysikalische Prospektionen in Petreni unternahm.

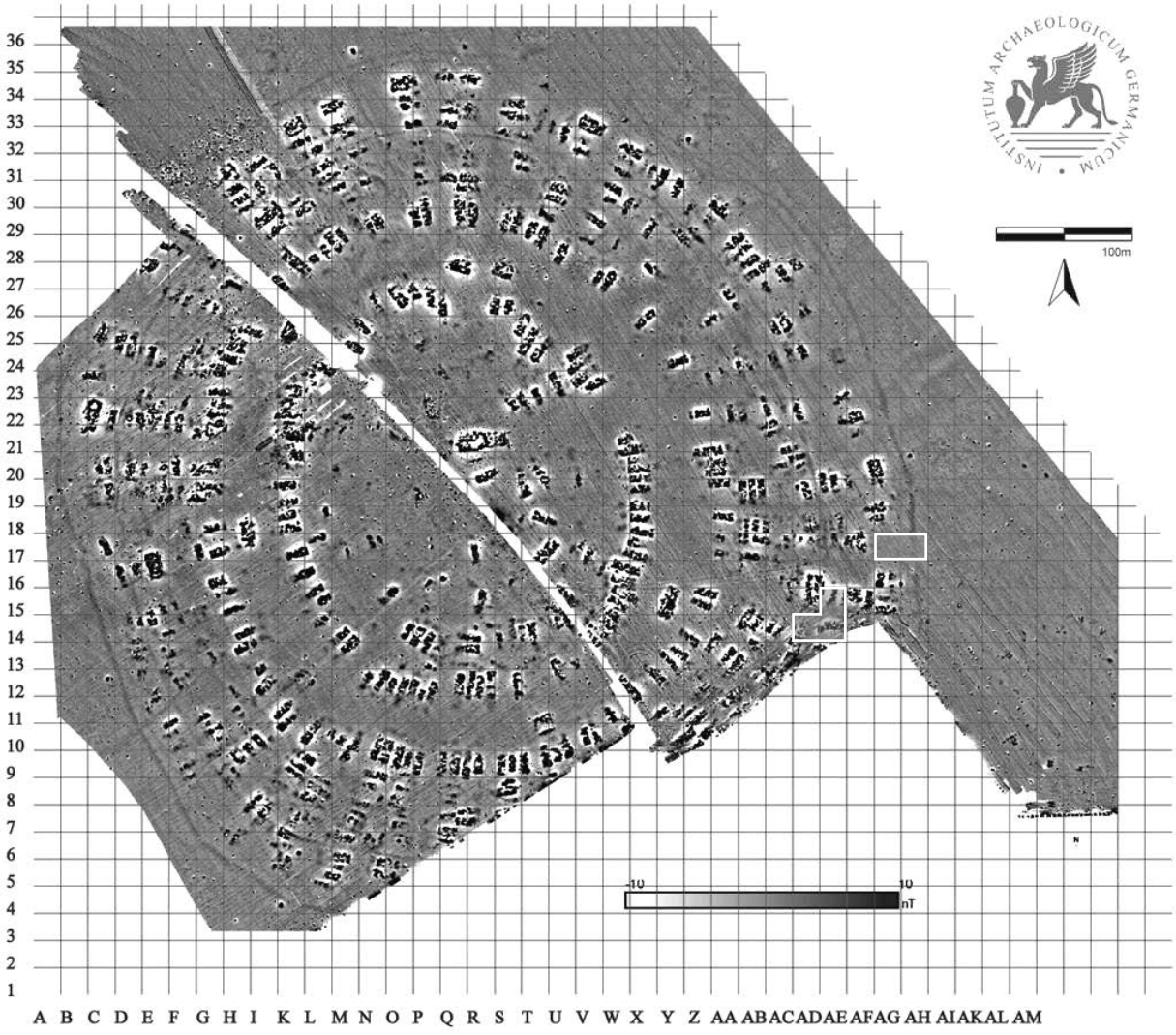

INSTITUTUM ARCHAEOLOGICUM GERMANICUM
100m
-10
10
nT
N
A B C D E F G H I K L M N O P Q R S T U V W X Y Z AA AB AC AD AE AF AG AH AI AK AL AM
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36

Abb. 1. Petreni. Geophysikalischer Siedlungsplan. Die Grabungsareale sind weiß hervorgehoben. (Geophysik K. Rassmann; Überarbeitung R. Uhl).

ausgegraben wurden, steht ihre endgültige Interpretation noch aus.

In zweierlei Hinsicht verdient der Befund aus Grabungsbereich AE151 besondere Beachtung: Zum einen schneidet der Grabungsschnitt die östliche Hausaußenmauer eines ca. 260 m² (~13×20 m) großen Gebäudes, welche im darunter verlaufenden, älteren Graben einfundamentiert ist. Zum anderen stellt diese Mauer forschungsgeschichtlich ein Novum dar, da sie in mehreren Teilabschnitten aus Lehmziegeln gebaut ist und unverziegelt freigelegt werden konnte[3].

[3] Vgl. Hansen, Uhl 2016.

Graben

Der geophysikalische Siedlungsplan der Siedlung Petreni weist zwei Grabenwerke auf, die ringförmig der Struktur der Siedlung folgen. Während der äußere Grabenring (Tiefe ab ehem. Laufhorizont: ca. 0,8-1,0 m; Breite des Grabens: ca. 3 m im oberen und ca. 1 m im unteren Bereich) nicht überbaut wurde und – soweit auf dem Siedlungsplan nachvollziehbar – mit Ausnahme von Durchgängen eine umlaufende Begrenzung um die radial orientierten Häuserreihen darstellt, so ist der innere Grabenring mehrfach durch Gebäude überlagert.

Der durch die Mauer in AE151 überlagerte (innere) Graben von Petreni konnte in den südlich an-

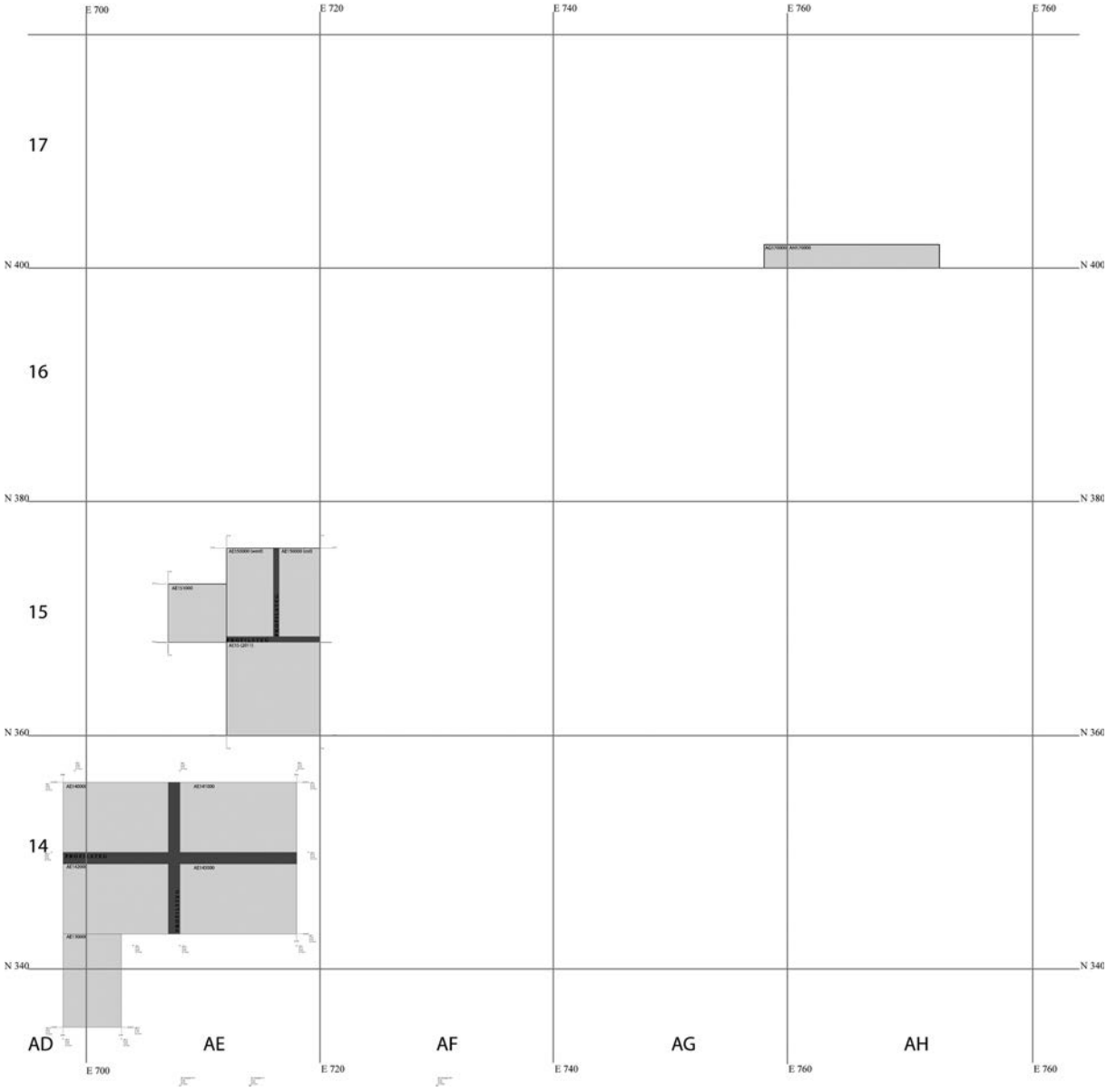


Abb. 2. Petreni. Gesamtplan der angelegten Grabungsschnitte (R. Uhl).

grenzenden Schnitten genauer (in AE140, AE142) untersucht werden (Abb. 3). Es scheint, dass er die zwei Ringe mit giebelseitig zum Zentrum ausgerichteten Häusern nach außen begrenzte, wobei noch unklar ist, wie diese Gebäude zeitlich korrelieren. Der innere Graben besteht aus zahlreichen, ineinander übergehenden Gruben und dürfte das Resultat mehrerer sukzessiver Bauphasen sein. Derartige *indirekte* Grabenkonstruktionen sind auch aus anderen Kontexten in Zentraleuropa bekannt, so beispielsweise aus den Grabenwerken der Linienbandkeramik (Zeeb et al. 2007, 199-274). Sie sprechen dafür, dass diese Struktur – und ebenso die Siedlung – sukzessive entstanden ist. Besonders die Tatsache, dass die innere Struktur, welche sich heute als *geschlossener* Graben zeigt, keine konsistent abgeschlossene, sondern eine sich beständig erweiternde Struktur darstellt, lässt eine Verteidigungsfunktion des Altgrabens nicht plausibel scheinen. Darüber hinaus konnten bislang bei beiden Grabenstrukturen (in den Arealen AE14, AE15 sowie AG17 und AH17) keine Pallisaden oder Umwallungen festgestellt werden. Ausgehend von der ehemaligen Laufoberfläche weist der innere Graben eine durchschnittliche Tiefe von 1,40-1,60 bis zu 2,40-2,60 m unter der heutigen Oberfläche auf. Auf Grund der unterschiedlich dimensionierten Gru-

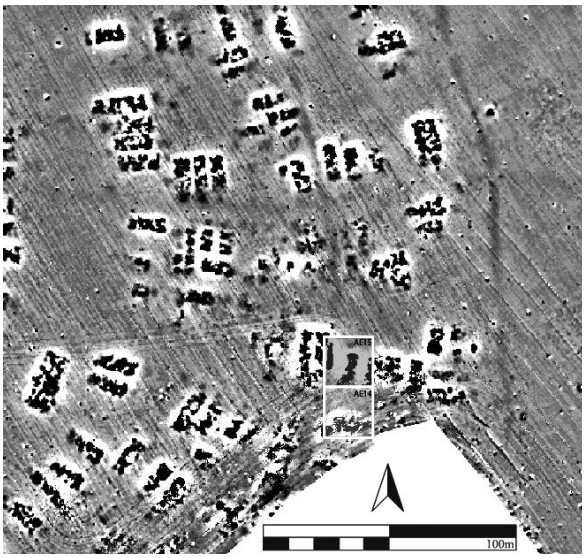


Abb. 3. Petreni. Detail der Geophysik mit den markierten Arealen, in welchen der innere Graben erfasst wurde.

ben des Grabens variiert ebenso die Grabenbreite in den untersuchten Bereichen zwischen 0,4-1,1 und 2,0-2,6 m. Der im oberen Bereich (0,4-0,6 m) flach abfallende Graben geht in eine U-förmige, rundbodige Struktur mit einer dunkelbraunen, schluffigen Verfüllung über. ^{14}C-Datierungen des inneren Grabens stehen zum gegenwärtigen Zeitpunkt noch nicht zur Verfügung. Es ist jedoch davon auszugehen, dass der innere Graben als älter zu bewerten ist als der äußere Graben, welcher 3955-3799 cal BCE (Cal 2 Sigma; Tab. 1) datiert.

Besonderes Augenmerk gilt der zum Teil ergrabenen Grube (*AE142575_10-12*) im inneren Graben: sie reicht deutlich unter das Niveau der

Abb. 4. Petreni. Unterteil eines vierfüßigen Gefäßes aus der Grube AE142575_10-12 (Foto R. Uhl).

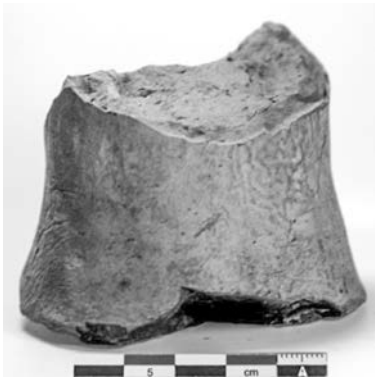


Abb. 5. Petreni. Unterteil eines massiven Standfußes aus der Grube AE142575_10-12 (Foto R. Uhl).

Abb. 6. Petreni. Menschliches Rippenfragment aus Grube AE142575_12 (Foto R. Uhl).

Grabensohle und weist eine sehr unregelmäßige Form mit einer Nische im Ostteil des Befundes auf. Weiterhin besteht das nahe des Grubenbodens deponierte Ensemble aus einem vierfüßigen Gefäßunterteil (Abb. 4), einem Gefäßboden mit massivem Standfuß, wie er eher an Briquetage erinnert (Abb. 5), sowie aus einem Teil einer Tierschädelkalotte und einem menschlichen Rippenfragment (Abb. 6). Eine Deutung des Befundes als Gründungsgrube oder Bestattung von Kremationsresten scheint denkbar; wie diese Grube zu bewerten ist, wird sich letztlich erst sinnvoll klären lassen, wenn die westwärts weiter verlaufende Struktur vollständig freigelegt wird.

Gebäude

AE150

Das erste im Jahr 2011 und 2012 freigelegte Gebäude mit einem Umfang von ca. 10×4,5 m in Areal AE150 weist eine zweigeteilte Struktur auf und orientiert sich leicht in die NNO-SSW-Achse gekippt. Zur linken des Hauszugangs im südlichen Gebäudebereich fanden sich mehrere Großgefäße, welche entlang der Hauswand im Gebäu-

Abb. 7. Petreni. Kleeblattförmige Lehminstallation (Foto: R. Uhl).

de aufgestellt waren. Ein großes Vorratsgefäß ist direkt am Eingang situiert. Des Weiteren finden sich hier eine Herdstelle und eine Art Podium entlang der westlichen Gebäudewand. Der zweite, nördliche Bereich wird durch Kleingefäße repräsentiert. Außerdem wurde in diesem Teil des Hauses eine kleeblattförmige Lehminstallation im Gebäude des Areals AE150 freigelegt. Die massive, bis zu 20 cm mächtige Lehmstruktur (Abb. 7) mit einem Durchmesser von ca. 1,30 m weist von unten nach oben einen schichtartigen Aufbau aus dickem Lehmverstrich, massiven, rechteckigen Lehmblöcken und mehreren Lagen Lehmverstrich (Abb. 8) auf und wird von einer Lehmleiste umsäumt. Beachtlich ist, dass die Lehmstruktur in Versturzlage vorgefunden wurde und unter als auch neben ihr Gefäße und Funde zu Tage kamen. Auf Grund der nicht originären Fundlage der Installation kann seine Funktion nicht eruiert werden. ^{14}C-Daten (Probe 2, Tab. 1) weisen den Gebäudekomplex in das beginnende vierte Jahrtausend v. Chr.[4]

Abb. 8. Petreni. Detail der kleeblattförmigen Lehminstallation (Foto: R. Uhl).

AE142-AE143

Ein weiteres Gebäude ähnlicher Struktur konnte in den Jahren 2013 und 2015 freigelegt werden. Es handelt sich dabei um ein ONO-WSW-orientiertes Haus von ca. 10,5×5 m Umfang, dessen teils sehr stark gebrannten Architekturüberreste zu einer mächtigen Schicht von bis zu 60cm verbacken waren (Abb. 9). Unter dieser Debrisschicht aus gebranntem Lehm konnten ähnlich wie in AE151 gebrannte als auch ungebrannte Mauerreste dokumentiert werden. In einem Teilstück der nördlichen Außenmauer wurde eine solche Mauer, welche im oberen Bereich gebrannte Lehmziegel aufweist, die in ungebrannte Elemente übergehen, erfasst (Abb. 10).

[4] Weitere Details und Keramikauswertung zu diesem Gebäude, vgl. Uhl et al. 2014 (im Druck)

Abb. 9. Petreni. Blick auf die obere Lage des freigelegten Lehmdebris´ mit Wandversturz des westlichen Gebäudebereichs in AE142 (Foto: R. Uhl).

Abb. 10. Petreni. Mauerbefund in AE142 (Foto: R. Uhl).

Auch hier lässt sich eine Zweiteilung des Gebäudes erkennen. Die Großgefäße konzentrieren sich auf den westlichen Bereich, während Figurinen und weitere Einzelfunde im nordöstlichen, zentralen Bereich festgestellt wurden. Die Installationen Herd und Ofen befinden sich ebenso im Westteil des Gebäudes, wobei der Ofen sich an der südlichen Hauswand orientiert. Absolute Datierungen liegen zu diesem Baukomplex noch nicht vor.

Abb. 11. Petreni. Mauerbefund in AE151 (Foto: R. Uhl).

AE151

Das Gebäude in AE151, das bereits im Jahr 2012 teiluntersucht wurde, sticht in der Geophysik auf Grund seiner Größe von ca. 260 m^2 heraus. Weiterhin erbrachte das Weiterführen des Grabungsschnittes im Jahr 2015 den Befund einer ungebrannten, in den Altgraben einfundamentierten Mauer zu Tage (Abb. 11). Es zeigt sich, dass lediglich die oberen Bereiche der Außenmauern des Gebäudes einem Feuer zum Opfer gefallen sind, während der innere und untere Bereich des Gebäudes nicht verziegelt sind (vgl. Hansen, Uhl 2016). Die bisherigen Arbeiten erbrachten weitere Reste von Lehmziegelmauern im Westprofil des Schnittes, welche noch mit mehreren ungebrannten Ziegellagen unverstürzt erhalten sind. Diese drei ungebrannten, ost-westwärts verlaufenden Mauern, welche im Westprofil des Gebäudes sichtbar sind, stehen in einem Abstand von nur 1 m und ca. 2,3 m sehr dicht beieinander (Abb. 12) und lassen hinterfragen, ob es sich bei diesem Bauwerk um eine Wohneinheit oder um ein Gebäude anderer funktionaler Zuordnung gehandelt haben kann. Da das Gebäude bislang lediglich durch einen 5×5 m-Schnitt in der Ostflanke des Gebäudes untersucht wurde, ist eine klare funktionale An-

Abb. 12. Petreni. Freipräparierte Mauer und Mauerbefunde im Westprofil von AE151 (Foto: R. Uhl).

Tab. 1.

Die ^{14}C-Datierungen für Befunde in der Siedlung Petreni.

Probenname	Probe (Kn)	14C Alter	±	Cal 1 sigma	Cal 2 sigma
1 - AE151651-199 Petreni (Gebäude)	Rind	5064	23	cal BC 3942-3802	cal BC 3951-3796
2 - AE150375-148 Petreni (Gebäude)	Artefakt (Schaf/Ziege)	5009	22	cal BC 3906-3715	cal BC 3933-3710
3 - AE150363_0906-205 Petreni (Grube)	Mandibula Schaf/Ziege	5090	22	cal BC 3954-3812	cal BC 3962-3801
4 - AH170628_0800-179 Petreni (Graben)	Schaf/Ziege	5074	22	cal BC 3946-3805	cal BC 3955-3799
5 - AE150363_084 Petreni (Grube)	Schaf/Ziege	5058	22	cal BC 3941-3799	cal BC 3946-3796

sprache noch ungewiss, jedoch ist zu vermerken, dass bislang keine Großgefäße aus der Grabung dieses Komplexes bekannt sind.

Chronologische Zuweisung

Die ersten AMS-Datierungen setzen die Phase Tripol´e B2-C1 (im 2-Sigma-Bereich) in Petreni absolutchronologisch an den Beginn des 4. Jahrtausends v. Chr. (Tab. 1). Da die bisher archäologisch untersuchten Areale sich auf den Südostbereich der Siedlung konzentrierten, sind die vorgelegten Datierungen vorerst eher als äußere Zeitmarke für Siedlungsaktivitäten in Petreni zu verstehen, denn gemäß dem geophysikalischen Sieldungsplan wird mehrfach die Überlagerung von Baubefunden angezeigt und es muss in Petreni daher von mindestens einer weiteren Bauphase ausgegangen werden, die den bekannten Datierungen vorausgeht.

In der feinchronologischen Auflösung zeigt sich, dass die Datierung im östlichen Teilabschnitt des Grabens in AH17 („AH170628_0800-179 Petreni“) mit der Datierung der östlichen Außenmauer des im inneren Graben gründenden Gebäudes in AE151 („1-AE151651-199 Petreni“) korrespondiert. Das Anlegen des neuen Gebäudes im *ersten*, inneren Graben scheint in diesem Abschnitt mit dem Anlegen des *neuen* (äußeren) Grabens zusammenzufallen.

Zusammenfassung und Ausblick

Die aus den letzten Jahren gewonnen Erkenntnisse, insbesondere aus dem Jahr 2015, lassen für die Architektur der Gebäude schließen, dass die Außenmauern in einem Fundament gründen und durch den schichtweisen Aufbau aus Lehmziegellagen errichtet wurden. Wie die auf der Geophysik beobachtbare, mehrfache Überlagerung von Hausbefund und Graben nahelegt, ist mit mindestens zwei Bauphasen in Petreni zu rechnen. Die Art der Überlagerung wie sie in Areal AE151 festgestellt wurde, scheint also einem Schema zu folgen: In mindestens zehn Hausbefunden deutet sich an, dass jeweils eine Gebäudelängsseite im Altgraben gründet. Das Vertiefen dieser baukundlich neuen Erkenntnisse wird in den nächsten Jahren durch weitere Grabungen in anderen Arealen der Siedlung forciert werden. Des Weiteren wird angestrebt, eine der runden Strukturen, welche als Töpferöfen bewertet werden sowie eine der im Luftbild sichtbaren *grauen* Flecken im nördlichen Bereich der Siedlung,[5] zu sondieren.

[5] V. Bicbaev (Бикбаев 2007) erörterte, ob es sich bei diesen *runden Flecken* vor der Siedlung um Türme handeln könne.

Literatur

Hansen, Uhl 2016: S. Hansen, R. Uhl, Vom Debris zum Fundament. Neue Erkenntnisse zum Bauen in der Kupferzeit südlich und östlich der Karpaten. In: (Hrsg. A. Zanoci, E. Kaiser, M. Kashuba, E. Izbitzer, M. Băţ) Mensch, Kultur und Gesellschaft von der Kupferzeit bis zur frühen Eisenzeit im Nördlichen Eurasien (Beiträge zu Ehren zum 60. Geburtstag von Eugen Sava) (Chişinău 2016), 25-39.

Uhl et al. 2014 (im Druck): R. Uhl, M. Vasilache, M. Sîrbu, L. Sîrbu, V. Bicbaev, D. Steiniger, P. Zidarov, E. Sava, S. Hansen, Petreni in der nördlichen Moldaurepublik. Bericht über die Ausgrabungen der Jahre 2011-2013. Eurasia Antiqua 20, 2014 (im Druck).

Zeeb et al. 2007: A. Zeeb-Lanz, F. Haak, R.-M. Arbogast, M. N. Haidle, Ch. Jeunesse, J. Orschiedt, D. Schimmelpfennig, Außergewöhnliche Deponierungen der Bandkeramik, die Grubenanlage von Herxheim. Vorstellung einer Auswahl von Komplexen mit menschlichen Skelettresten, Keramik und anderen Artefaktgruppen. Germania 85, 2007, 199-274.

Бикбаев 2007: В. Бикбаев, «Башни» Петрен (от археологической интерпретации аэрофотоснимков к реконструкции жизни трипольских поселений). Tyragetia s.n. I/1, 2007, 9-26.

Raport cu privire la cercetările arheologice de la Petreni, Republica Moldova

Cuvinte-cheie: Petreni, Cucuteni-Tripolie, planul aşezării, datare.

Rezumat: În articol este făcută o prezentare generală a rezultatelor investigaţiilor arheologice, întreprinse la Petreni, raionul Drochia, de către echipa de cercetători de la Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei şi de la Departamentul Eurasia (Eurasienabteilung) al Institutului German de Arheologie, în anii 2011-2015.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Petreni. Planul geofizic al aşezării (geofizica K. Rassmann, prelucrare R. Uhl).

Fig. 2. Petreni. Planul amplasării secţiunilor arheologice (R. Uhl).

Fig. 3. Petreni. Detaliu al planului geofizic al aşezării, cu indicarea locului unde au avut loc săpături arheologice.

Fig. 4. Petreni. Partea inferioară a unui vas cu patru picioruşe, descoperit în groapa AE142575_10-12 (foto R. Uhl).

Fig. 5. Petreni. Partea inferioară a unui suport de vas, descoperit în groapa AE142575_12 (foto R. Uhl).

Fig. 6. Petreni. Fragment de coastă de om, descoperit în groapa AE142575_12 (foto R. Uhl).

Fig. 7. Petreni. Amenajare din lut (foto R. Uhl).

Fig. 8. Petreni. Detaliu din cadrul amenajării din lut (foto R. Uhl).

Fig. 9. Petreni. Vestigiile laturii de vest a locuinţei, surprinse în secţiunea AE142 (foto: R. Uhl).

Fig. 10. Petreni. Partea inferioară a peretelui locuinţei, surprinsă în secţiunea AE142 (foto: R. Uhl).

Fig. 11. Petreni. Partea inferioară a peretelui locuinţei, surprinsă în secţiunea AE151 (foto: R. Uhl).

Fig. 12. Petreni. Partea inferioară a peretelui locuinţei, surprinsă în profilul de vest al secţiunii AE151 (foto: R. Uhl).

Отчет об археологических исследованиях в Петрень, Республика Молдова

Ключевые слова: Петрень, Кукутень-Триполье, план поселения, датировка.

Резюме: В статье представлены общие результаты археологических исследований, проводившихся в селе Петрень Дрокиевского района группой исследователей Национального музея республики Молдова и Евразийского отдела (Eurasien-Abteilung) Германского археологического института в период 2011-2015 гг.

Список иллюстраций:

1. Петрень. Геофизический план поселения (геофизика: К. Рассманн, обработка: Р. Ул).
2. Петрень. План расположения археологических раскопов (R. Uhl).
3. Петрень. Деталь геофизического плана поселения с указанием места проведения археологически раскопок.
4. Петрень. Нижняя часть сосуда на четырех ножках, обнаруженного в яме AE142575_10-12 (фото: Р. Ухл).
5. Петрень. Нижняя часть подставки сосуда, обнаруженного в яме AE142575_12 (фото: Р. Ул).
6. Петрень. Фрагмент человеческого ребра, найденный в яме AE142575_12 (фото: Р. Ул).

7. Петрень. Глиняная конструкция (фото: Р. Ул).

8. Петрень. Деталь глиняной конструкции (фото: Р. Ул).

9. Петрень. Остатки западной стороны жилища в раскопе AE142 (фото: Р. Ул).

10. Петрень. Нижняя часть стены жилища в раскопе AE142 (фото: Р. Ул).

11. Петрень. Нижняя часть стены жилища в раскопе AE151 (фото: Р. Ул).

12. Петрень. Нижняя часть стены жилища в западном профиле раскопа AE151 (фото: Р. Ул)

21.03.2016

Regina A. Uhl, M.A., Eurasienabteilung des Deutschen Archäologischen Instituts, Im Dol 2-6, Haus 2, 14195 Berlin, e-mail: regina.uhl@dainst.de

Mariana Vasilache-Curoşu, Nationalmuseum für Geschichte der Moldau, 31 August 1989 Str. 121A, MD-2012 Chişinău, Republik Moldau, e-mail: marianavasilake@gmail.com

Veaceslav Bicbaev, Nationalmuseum für Geschichte der Moldau, 31 August 1989 Str. 121A, MD-2012 Chişinău, Republik Moldau

Mariana Sîrbu, Nationalmuseum für Geschichte der Moldau, 31 August 1989 Str. 121A, MD-2012 Chişinău, Republik Moldau, e-mail: sirbumary24@yahoo.com

Livia Sîrbu, Institut für Kulturerbe, Ştefan cel Mare Bvd., 1, MD-2001 Chişinău, Republik Moldau, e-mail: livermur@yahoo.com

РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА С ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ НИЖНЕГО ДНЕСТРА

Сергей Разумов, Сергей Лысенко, Виталий Синика, Николай Тельнов

Ключевые слова: ранний бронзовый век, поздний энеолит, погребальный обряд, усатовская культура, Нижнее Поднестровье, погребения собак.

Летом 2015 г. сотрудники научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко провели спасательные раскопки трёх разрушенных плантажной распашкой курганов (№№ 2-4 группы «Сад»), располагавшихся севернее с. Глиное Слободзейского района в левобережье Нижнего Днестра[1].

Курганная группа «Сад» находится в 2,8 км к северу–северо-востоку от северной окраины села, примыкающей к шоссе Тирасполь - Днестровск. Группа расположена на вершине юго-западной части обширного плато, примыкающего с севера к пойме реки Красная, впадающей в озеро Красное (рис. 1). До начала 1990-х годов курганный могильник находился под сливовым садом, который к моменту раскопок частично сохранился только на западном склоне плато. В настоящее время эта территория раскорчёвана и используется как пастбище.

В состав группы «Сад» входило не менее пяти курганов. Все они сильно разрушены плантажной распашкой.

Курган № 1, исследованный в 2013 г. Днестровской археологической экспедицией, содержал 26 погребений эпохи бронзы, а также одно захоронение средневекового кочевника.

В кургане № 2 выявлено три скифских погребения, датирующихся, судя по сохранившемуся инвентарю, IV в. до н.э.

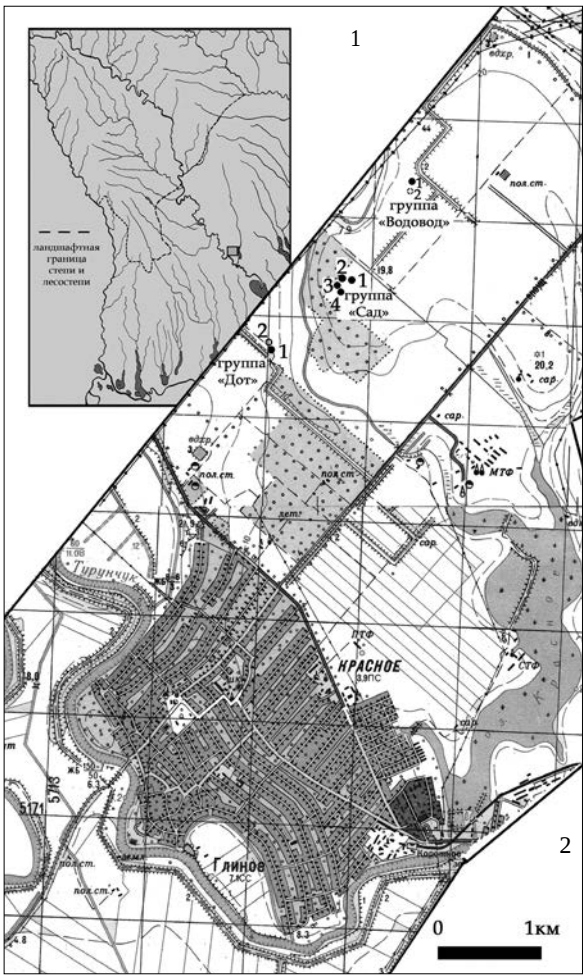


Рис. 1. Географическое и топографическое положение курганной группы «Сад» у села Глиное.

В кургане № 3 обнаружено четыре скифских погребения, также датирующихся IV в. до н.э.

Данная статья посвящена публикации ритуального комплекса эпохи ранней бронзы, исследованного в кургане № 4.

Курган копался параллельными траншеями с использованием техники. Были разбиты три бровки по линии запад – восток, ширина всех

[1] Исследования курганов группы «Сад» в 2015 г. стали возможны благодаря материальной помощи Д. Ржичана (Чешская Республика), за что выражаем ему искреннюю признательность.

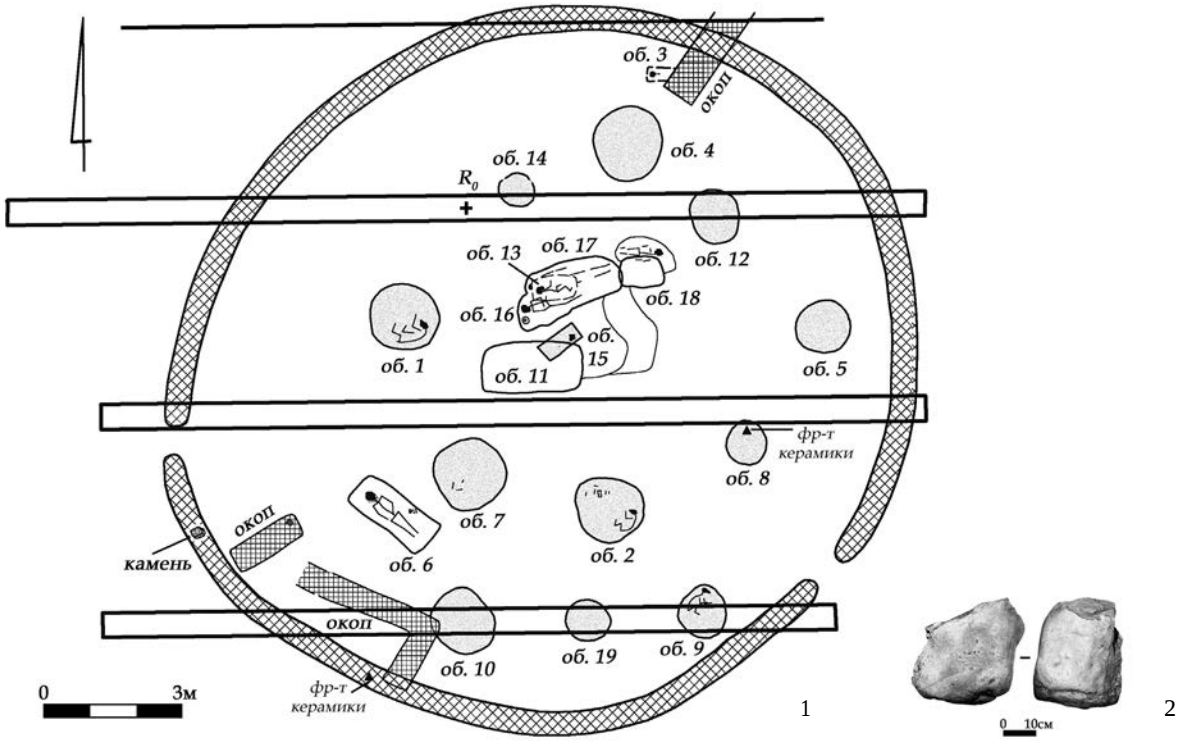


Рис. 2. План кургана 4 группы «Сад».

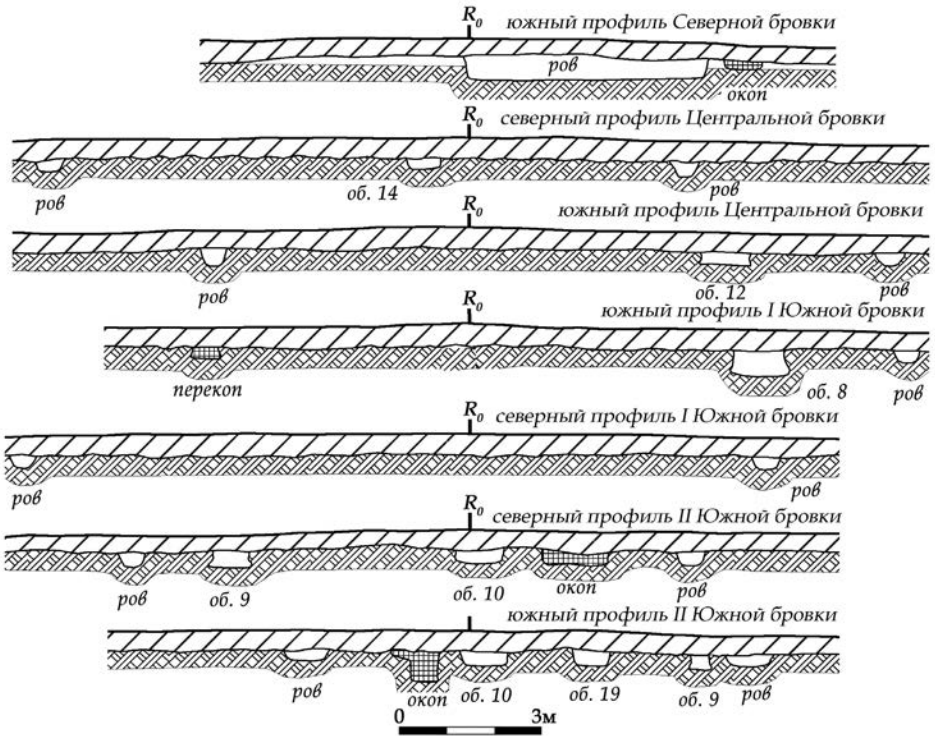


Рис. 3. Профили бровок кургана 4 группы «Сад».

бровок составляла 0,6 м, длина Центральной бровки – 20 м, двух южных бровок – по 16 м, расстояние между Центральной и I Южной, а также между обеими Южными бровками – по 4,5 м. Также был зачищен один профиль в 4,2 м к северу от Центральной бровки, длиной 14 м (рис. 2-3). Всего в кургане № 4 группы «Сад» было исследовано 20 объектов: основное погребение (объект 15), а также связанные с ним 11 ритуальных ям (объекты 1, 2, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 12, 14, 19) и кольцевой ров; три погребения новочеркасской культуры второй половины VIII - первой половины VII в. до н.э. (объекты 13, 16, 17); четыре скифских погребения IV в. до н.э. (объекты 1, 6, 11 и 18) (рис. 2). Ниже мы приводим описание объектов, предварительно датированных нами ранним бронзовым веком.

Объект 1 (ритуальная яма) находился в 2 м на юг, в 1,5 м на запад от R_0.

Яма округлой формы диаметром 1,4 м и глубиной -0,8 м от R_0 (рис. 5/1). В придонном заполнении на глубине -0,75 м от R_0 был уложен на правом боку костяк собаки, мордой на восток. Внешняя сторона правой лопатки животного окрашена ярко-красной охрой. В районе задних лап зафиксировано кострище диаметром ок. 0,3 м.

Объект 2 (ритуальная яма) находился в 6,5 м на юг, в 2,5 м на восток от R_0.

Яма округлой формы диаметром 1,4 м и глубиной -0,8 м от R_0 (рис. 5/2). В придонном заполнении на глубине -0,73 м от R_0 был уложен на правом боку костяк собаки (частично разрушен бульдозером), мордой на восток. В северной части ямы, на глубине -0,62 м, в заполнении зафиксированы отдельные кости конечностей крупного копытного животного. Под ними отмечено кострище размерами 0,7×0,35 м.

Объект 4 (ритуальная яма) находился в 0,5 м на север, в 3,5 м на восток от R_0.

Яма округлой формы диаметром 1,8 м и глубиной -1,03 м от R_0. Стенки расширяются ко дну (рис. 4/5).

Объект 5 (ритуальная яма) находился в 2,5 м на юг, в 8 м на восток от R_0.

Яма округлой формы диаметром 1,3 м и глубиной -1,11 м от R_0. Стенки расширяются ко дну. В заполнении ямы под стенками в 0,05-0,15 м выше дна лежали фрагменты костей животных: нижних челюстей и конечностей мелкого рогатого скота (МРС), крупного рогатого скота (КРС) и коня (?) (рис. 4/6).

Объект 7 (ритуальная яма) находился в 5,5 м на юг от R_0.

Яма округлой формы диаметром 1,7 м и глубиной -1,03 м от R_0 (рис. 6/1). Стенки расширяются ко дну. В заполнении ямы в 0,05-0,1 м выше дна лежали пяточная и фрагмент длинной кости крупного копытного животного. В центре ямы, на дне, отмечено кострище размерами 0,9×0,6 м.

Объект 8 (ритуальная яма) находился в 5 м на юг и в 6 м на восток от R_0.

Яма округлой формы диаметром 1,4 м и глубиной -1,15 м от R_0 (рис. 6/2). Стенки расширяются ко дну. В заполнении ямы на глубине 0,6 м от R_0 обнаружен мелкий фрагмент стенки лепного сосуда.

Объект 9 (ритуальная яма) находился в 9 м на юг и в 5 м на восток от R_0.

Яма округлой формы диаметром 1,1 м и глубиной -0,9 м от R_0 (рис. 6/5). Стенки расширяются ко дну. В северо-западной части ямы, на глубине 0,8 м, лежал костяк молодой особи мелкого рогатого скота на левом боку, мордой на восток.

Объект 10 (ритуальная яма) находился в 9 м на юг и в 1,5 м на запад от R_0.

Яма округлой формы диаметром 1,5 м и глубиной -0,84 м от R_0 (рис. 6/3).

Объект 12 (ритуальная яма) находился в 5,5 м на восток от R_0.

Яма округлой формы диаметром 1,3 м и глубиной -0,76 м от R_0. Стенки расширяются ко дну (рис. 6/6).

Объект 14 (ритуальная яма) находился в 0,5 м на север и в 1 м на восток от R_0.

Яма округлой формы диаметром 0,7 м и глубиной -0,63 м от R_0 (рис. 6/7).

Объект 15 (основное погребение) находился в 2,5 м на юг, в 2 м на восток от R_0.

Яма прямоугольной формы, размерами 0,95×0,45 м, с отвесными тщательно загла-

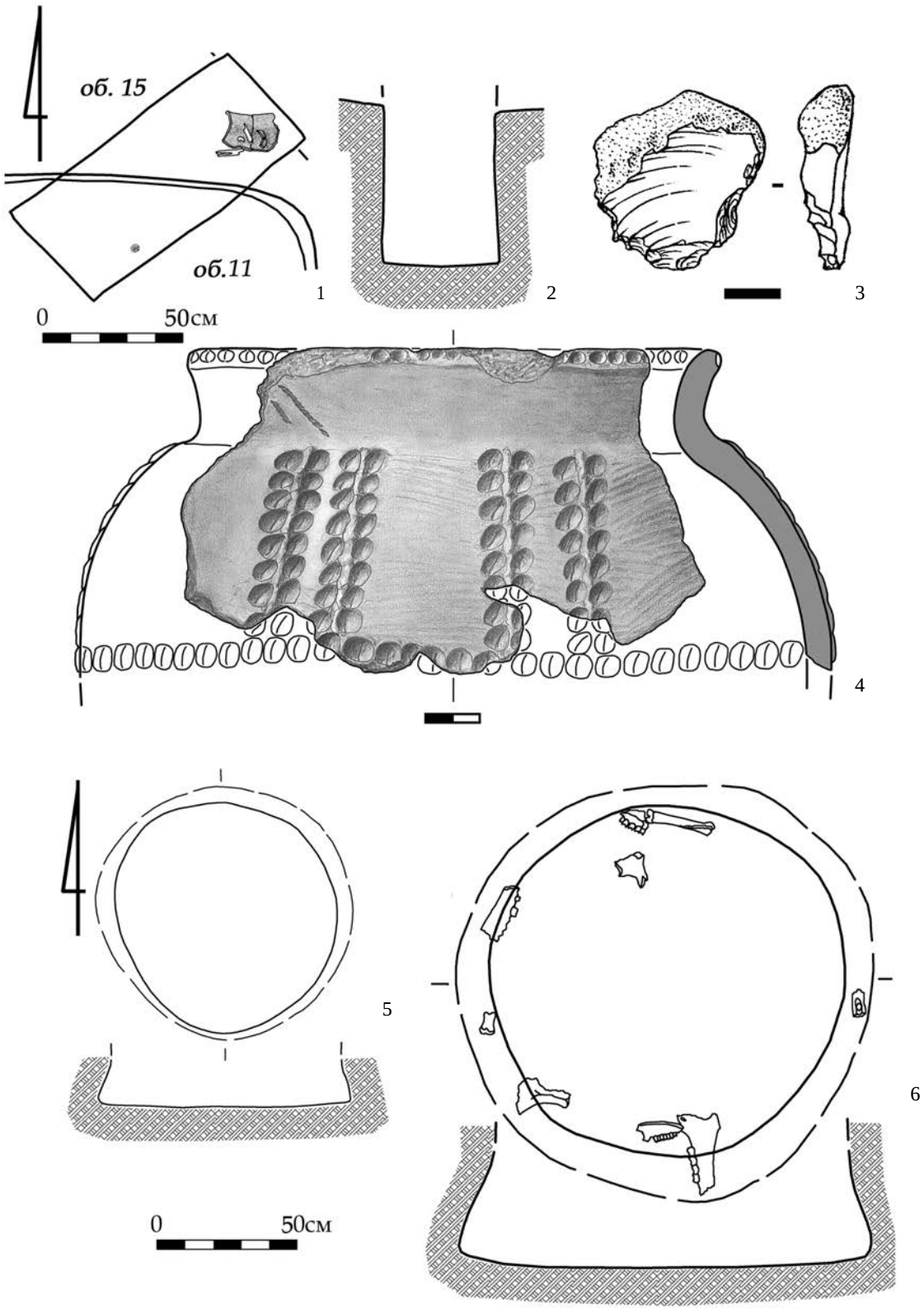


Рис. 4. Объекты раннего бронзового века кургана 4 группы «Сад»: 1, 2 - план и разрез объекта 15; 3 - кремнёвый отщеп из объекта 15; 4 - фрагмент сосуда из объекта 15; 5 - объект 4; 6 - объект 5.

женными стенками и выделенными углами, длинной осью ориентирована по линии юго-запад - северо-восток. Глубина -1,47 м от R_0 (рис. 4/1-2). Юго-западная часть ямы нарушена впускным скифским погребением (объект 11), дно которого на 0,05 м выше дна объекта 15 (рис. 2). Вероятно, объект 15 был частично разрушен и в ходе ограбления скифского погребения (объекта 11), в придонном заполнении которого были найдены фрагменты детского черепа, окрашенного алой охрой, и кремнёвый отщеп (1).

В северо-восточном углу объекта 15 лежала наружной стороной вниз боковина крупного лепного сосуда (2). Поверх неё были зафиксированы кости правой ноги и таза маленького ребёнка (возраст не более двух лет)[2]. Очевидно, погребённый был уложен скорченно на правом боку либо на спине, головой на юго-запад. В юго-западной части ямы обнаружен комок алой охры диаметром до 0,05 м. Под фрагментом сосуда зафиксированы отпечатки растительной подстилки коричневого цвета.

Описание находок:

1. Кремнёвый отщеп полупервичный, размерами 33×28 мм (рис. 4/3), без следов работы. Кремень тёмно-серый меловой.

2. Крупный фрагмент верхней части округлобокого горшка (рис. 4/4). Венчик низкий, почти цилиндрический; край венчика плавно отогнут. Шейка отделена от корпуса незначительным уступом. Цвет внешней поверхности жёлтый; внутренней – серый, желтовато-серый. На внешней поверхности местами сохранился чёрный нагар. Поверхности шероховато-заглаженные, бугристые; местами сохранились следы заглаживания широкозубой гребёнкой. Тесто рыхлое, с примесью шамота и выгоревшей органики.

Сосуд орнаментирован в верхней части корпуса, от шейки до его изгиба, группами сдвоенных вертикальных валиков, сформированных горизонтальными защипами, с глубокими пальцевыми вдавлениями по обе стороны валиков; с каждой стороны каждого валика находится по восемь вертикально расположенных пальцевых вдавлений, иногда – с вертикальным или наклонным отпечатком ногтя. По изгибу корпуса нанесён горизонтальный пояс из отступающих глубоких пальцевых вдавлений с вертикальным отпечатком ногтя. Внешний срез венчика украшен защипами, иногда – с вертикальным отпечатком ногтя. Шейка в левой части фрагмента, над одной из групп валиков, орнаментирована двумя параллельными линиями отпечатков шнура, наклонёнными вправо.

Диаметр венчика ок. 190 мм; диаметр корпуса ок. 267 мм; размеры фрагмента – 185×122 мм. Толщина венчика 9-10,5 мм; толщина шейки 13-15 мм; толщина стенок 10 мм.

Объект 19 (ритуальная яма) находился в 9 м на юг, в 2,5 м на восток от R_0.

Яма округлой формы диаметром 1 м и глубиной -0,85 м от R_0 (рис. 6/4).

Основное погребение (объект 15) было окружено *кольцевым рвом* диаметром 15 м (между зафиксированными в материке внутренними краями рва), шириной до 0,5 м по дну и глубиной до 0,9 м от R_0. Дно рва было уплощено, стенки расширялись кверху. Зафиксированы две материковые перемычки – на западе–юго-западе и на юго-востоке рва (рис. 2-3).

Описание находок изо рва:

1. Камень размерами 30×22×17 см (рис. 2/2) представляет собой многоугольный кусок плотного мелкозернистого песчаника с окатанными гранями. В двух местах находятся древние сколы. Найден в придонной части заполнения рва в 1,5 м южнее его юго-западной перемычки, на глубине около 0,8-0,9 м от R_0. Возможно, являлся частью менгира или стелы.

2. Фрагмент стенки большого лепного сосуда. Найден в придонном заполнении южной части рва, на расстоянии 1,5 м на юг от 2 м на запад II Южной бровки, на глубине -0,93 м от R_0. Тесто с примесью шамота и незначительного количества мелкого песка. Цвет поверхностей светло-коричневый; в изломе – чёрный. Поверхности заглажены, подлощены. Размеры 52,5×33,5 мм, толщина 7-8,3 мм.

[2] Выражаем искреннюю признательность за антропологические определения доктору биологии Сильвии Лукашик (Университет им. Адама Мицкевича, г. Познань, Польша).

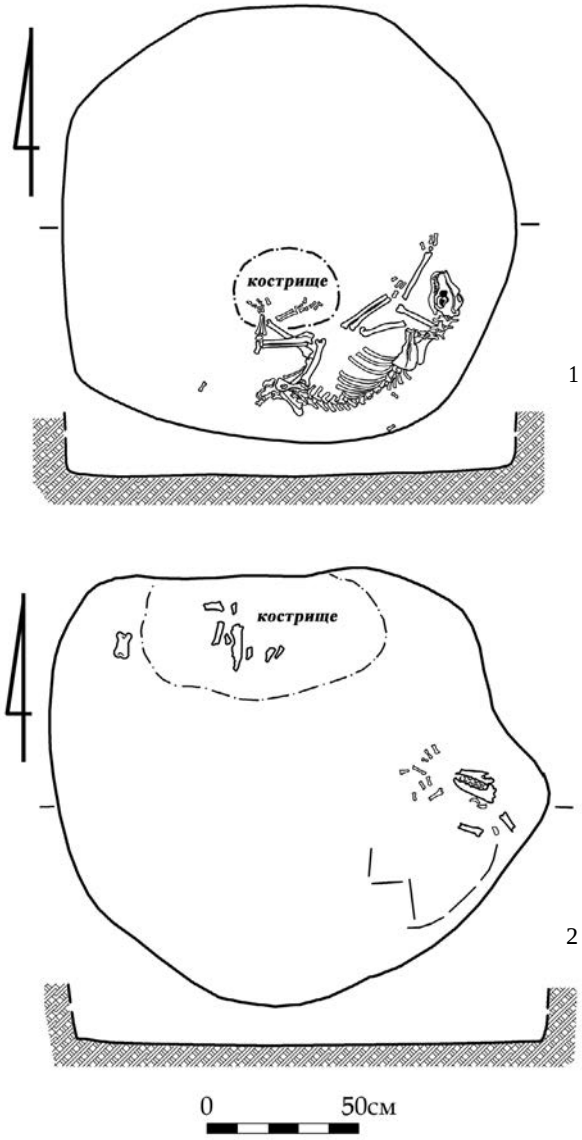


Рис. 5. Объекты раннего бронзового века кургана 4 группы «Сад»: 1 - объект 1; 2 - объект 2.

Стратиграфия кургана

Вероятно, курган 4 группы «Сад» был сооружён в один приём (рис. 2-3). Впрочем, мы не исключаем наличия небольших досыпок более позднего времени, уничтоженных плантажной распашкой, грабительской воронкой (при ограблении впускного скифского погребения 11), а также сооружениями периода Великой Отечественной войны. Сохранившаяся высота кургана 4 на момент раскопок составляла всего 0,2 м от современной поверхности. Первоначальные границы насыпи определялись внутренним краем кольцевого рва. Таким образом, максимальный диаметр кургана 4 составлял около 15 м. Установить первоначальную высоту насыпи не представляется возможным. Вероятно, она была не менее 1 м, поскольку примерно двумя тысячелетиями позднее в центр кургана, который должен был выделяться на местности, были впущены три погребения новочеркасской культуры, а ещё через полтысячелетия – четыре скифских захоронения.

Именно наличие одиннадцати ритуальных ям (объекты 1, 2, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 12, 14, 19), выкопанных, очевидно, с древней поверхности и размещённых в определённом порядке вокруг основного погребения, внутри кольцевого рва, определило во многом интерпретацию данного памятника в качестве ритуального комплекса начала эпохи бронзы. Все ямы были круглой формы, их диаметр варьировался в пределах 0,7-1,5 м, глубина – 0,63-1,15 м. Заполнение было однородным, чернозёмным.

Восемь ям (с севера на юг и слева направо – объекты 4, 12, 5, 8, 2, 7, 1, 14) на плане кургана 4 образуют «квадрат» с длиной сторон около 7 м, ориентированный относительно сторон света так же, как и основное погребение в его центре (рис. 2). При этом объект 7, расположенный посередине юго-западной стороны «квадрата», напротив головы погребённого, несколько сдвинут на юго-запад, образуя выступ. Объекты 10, 19 и 9 (в ряд с запада на восток) располагались особняком, в южной части окружённого рвом подкурганного пространства. Средний в ряду объект 19 располагался в 2 м к югу от южного угла «квадрата» (объекта 1) и в 6,5 м к югу от основного погребения.

Отметим также, что горловины по крайней мере шести ям (объекты 4, 5, 7, 8, 9, 12) наверняка были заметно *уже* придонных частей (колоколовидные в разрезе) (рис. 4/5-6; 6). Не исключено, что остальные пять ям были аналогичной конструкции, но их сохранность не позволила это зафиксировать. На дне ям 1, 2 и 7, образующих юго-западную сторону «квадрата», были расчищены остатки кострищ в виде прокалённого материкового суглинка и мелких древесных угольков. При этом объекты 1 и 2, образующие южный и западный углы, были аналогичны по размерам. В обеих ямах были найдены костяки собак, уложенных в одинаковых позах, спинами упираясь в юго-восточные стенки, на правом боку, головами

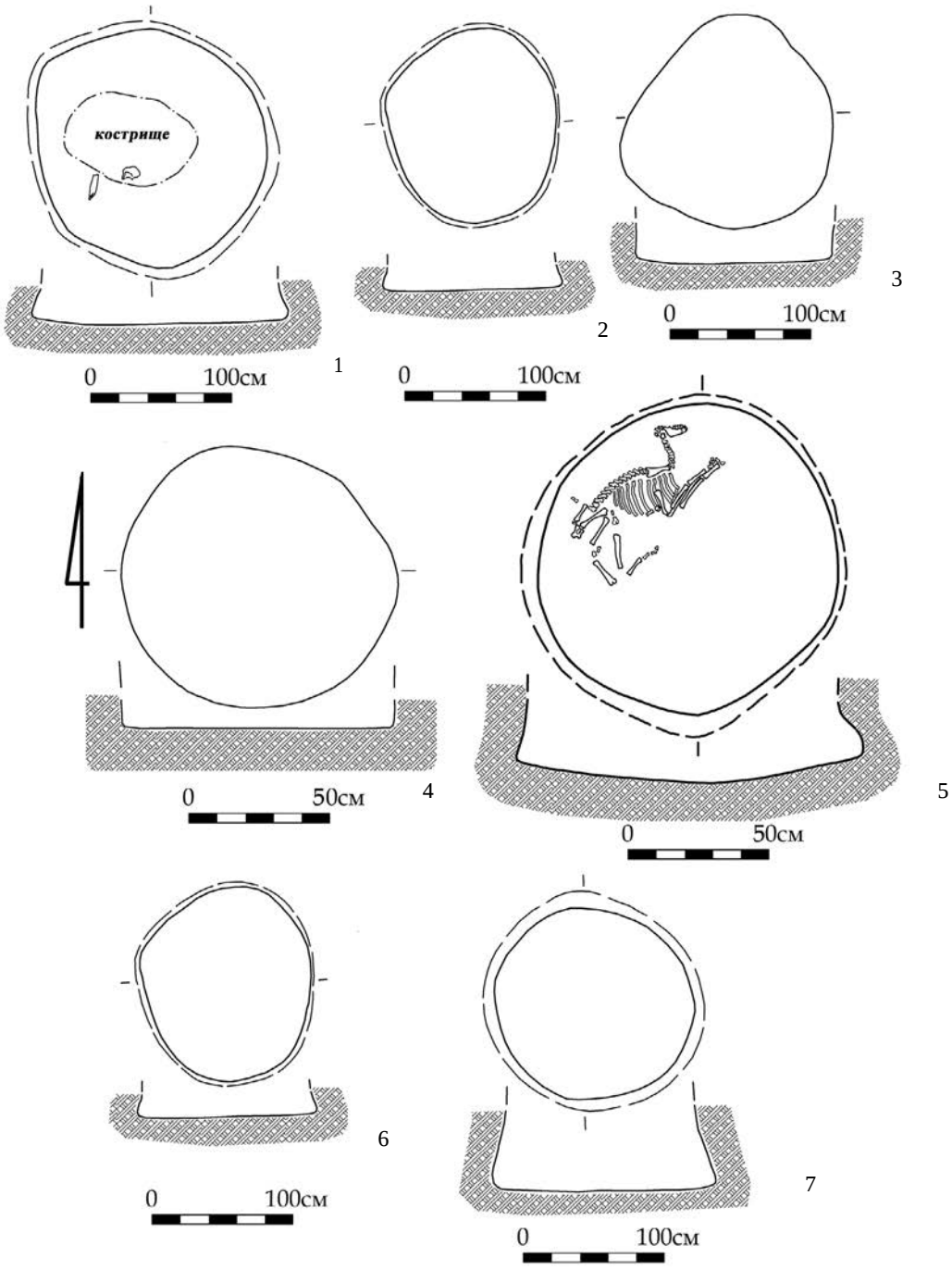


Рис. 6. Объекты раннего бронзового века кургана 4 группы «Сад»: 1 - объект 7; 2 - объект 8; 3 - объект 10; 4 - объект 19; 5 - объект 9; 6 - объект 12; 7 - объект 14.

на северо-восток, а также упомянутые кострища (рис. 5). В аналогичной позе, но «зеркально» (спиной к северо-западной стенке ямы, на левом боку, головой также на северо-восток) была уложена молодая особь мелкого рогатого скота (вероятно, овца, поскольку остатки рогов не зафиксированы) в яме 9, самой восточной в южном ряду ритуальных ям. Кроме целых костяков животных (объекты 1, 2 и 9), в ямах 2, 5 и 7, в придонном их заполнении (5-15 см выше дна), находились кости конечностей крупных копытных животных, а в яме 5 к тому же и фрагменты нижних челюстей крупного и мелкого рогатого скота.

Наиболее близкой аналогией глинянскому комплексу (расположенные на подкурганной площадке в определённом порядке круглые ритуальные ямы с костями животных, окружённые кольцевым рвом) является курган 6 у с. Никольское Слободзейского района, также

на левобережье Днестра, примерно в 15 км к северо-востоку от группы «Сад» (Агульников, Сава 2004, 46-49, рис. 22). Здесь вокруг основного погребения 2, прямоугольная яма которого длинной осью также была ориентирована по линии юго-запад – северо-восток, располагалось семь ритуальных ям (рис. 7). Все они были круглыми в плане, диаметром от 1,6 до 1,4 м, глубиной 0,85-1,21 м от $R_{0.}$ Ямы 6 и 7 расширялись ко дну. В яме 1 (восточнее погребения) была найдена челюсть волка либо собаки, в яме 5 (южнее погребения) – астрагал крупного рогатого скота, в яме 7 (юго-западнее погребения) был уложен скелет особи мелкого рогатого скота (овцы). К сожалению, на рисунках и в тексте публикации сведения о позе животного отсутствуют. Между ямами 1 и 2 на древнем горизонте был найден кусок песчаника, предположительно изображавший голову быка (Агульников, Сава 2004, 49, рис. 23/5). Ямы, по мнению авторов раскопок, образовали «достаточно чёткую окружность», в центре которой располагалось основное погребение 2. На наш взгляд, здесь скорее можно говорить о «пятиугольнике», длинная ось которого совпадает с осью погребения. Ямы 4, 2, 1 и 6 (с севера на юг и слева направо) образуют четыре угла, а яма 7 с костяком овцы юго-западнее погребения – выступающий пятый угол (рис. 7). При этом данная яма, длинная ось погребения и «букраний» располагаются на одной линии. Наконец, ямы 5 и 3 находились на одной линии южнее предполагаемого «пятиугольника».

Курган 6 у с. Никольское был окружён кольцевым рвом диаметром 15-15,5 м, с проходом в юго-западной части. В заполнении рва в трёх местах были найдены фрагменты керамики, содержавшей в тесте толчёные раковины. Зафиксированы также остатки каменной обкладки диаметром 14,5 м.

Костяк взрослого человека в основном погребении 2 кургана 6 был разрушен. Судя по сохранившимся костям, погребённый мог быть уложен скорченно на левом боку, головой на северо-восток. В заполнении погребальной ямы были найдены два фрагмента сосуда с толчёной раковиной в тесте и кремнёвое орудие. Отметим, что основное погребение кургана 6 и связанные с ним объекты авторы публикации отнесли к «доусатовскому энеолиту» (Агульников, Сава 2004, 48)

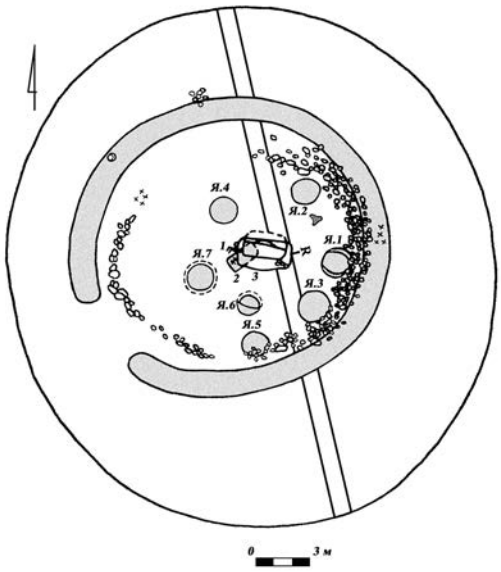


Рис. 7. План кургана 6 у села Никольское Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра (по Агульников, Сава 2004, рис. 22).

Общая схема расположения объектов под насыпью кургана 6 у с. Никольское, форма отдельных ритуальных ям, а также наличие в них отдельных костей собаки (или волка), крупного рогатого скота, скелета овцы – всё это позволяет нам рассматривать данный памятник в качестве аналога комплексу кургана 4 группы «Сад» у с. Глиное. Различаются эти комплексы количеством ям, возрастом и ориентировкой погребённых, наличием в кургане 6 у с. Никольское кольцевой каменной обкладки.

Кроме того, мы можем привести и другие, более отдалённые параллели глинянскому комплексу. В первую очередь следует упомянуть ритуальные ямы и погребения домашних животных, связанные с различными культурными группами степного энеолита, усатовской культурой, а также с памятниками ямной культурно-исторической общности Северо-Западного Причерноморья.

Наибольший интерес вызывает такая черта погребального обряда энеолита – раннего бронзового века Северо-Западного Причерноморья, как костяки собак, сопровождающие погребённых. Такие случаи единичны. Наиболее близким географически и типологически к публикуемому нами памятнику является курган 1 у с. Тудорово на правом берегу Нижнего Днестра (в верховьях Днестровского лимана, чуть более 30 км от Глиного по прямой). Здесь, в 8 м к юго-западу от основного погребения

усатовской культуры, предположительно, на древнем горизонте, была уложена на левом боку собака с подогнутыми лапами, мордой на северо-запад (Мелюкова 1962, 77). Следует обратить внимание, что на костях собаки были зафиксированы следы окраски красной охрой, как и в культовой яме 1 кургана 4 группы «Сад» у с. Глиное. Основное погребение кургана 1 у с. Тудорово, по мнению автора раскопок, было ограблено. Тем не менее, в нём сохранились часть каменного топора, долото, шило и пластина (часть ножа?) из мышьяковистой бронзы, изделие из охры (Мелюкова 1962, 75). Костей человека не выявлено, но в заполнение ямы, ориентированной длинной осью по линии юго-запад - северо-восток, было впущено погребение маленького ребёнка, уложенного скорченно на левом боку головой на юго-восток. Поверх выкида было зафиксировано сложное перекрытие из тростника и уложенных в виде решётки плах, также яма основного погребения была окружена каменным кольцом. Показательно и наличие двух круглых культовых ям, вырытых с древнего горизонта. Первая находилась северо-западнее основного погребения, в ней было кострище, а также фрагменты костей животных и сосуда. Вторая яма была расположена к востоку от центра кургана, стенки её расширялись ко дну, а в заполнении был найден миниатюрный лепной сосудик с ручкой. Северо-восточнее и западнее центра кургана были зафиксированы кострища с фрагментами костей животных. Курган был окружён каменной обкладкой, в юго-западную часть которой было «встроено» синхронное центральному погребение 1, где скорченный костяк взрослого человека, уложенный головой на восток, сопровождался пятью сосудами (в том числе ритуальным кубком с изображениями животных), бронзовым шилом, 61 подвеской из зубов оленя и изделием из охры (Мелюкова 1962, 76).

С усатовской культурой связано ещё одно захоронение собаки в основном погребении 15 кургана 5 у с. Баштановка Татарбунарского района Одесской области, в Дунай-Днестровском междуречье (Шмаглий, Черняков 1970, 77-79). Но здесь скелет собаки, уложенной на правом боку головой на северо-восток, находился непосредственно в заполнении овальной погребальной ямы (на перекрытии?). Окрашенный охрой костяк взрослого человека, уложенного скорченно на левом боку головой на восток, был всего на 15 см ниже. Отметим также, что данное погребение было окружено рвом диаметром 12,6 м, в заполнении были кости животных и обожжённые камни (Шмаглий, Черняков 1970, 77-79).

Кроме комплексов усатовской культуры, в литературе упоминаются погребения собак в курганах ямной культурно-исторической общности. В частности, С.В. Иванова перечисляет находки скелетов собак в трёх пунктах между Дунаем и Днестром: Баштановка 7/16, Нерушай 9/9, Плавни 12/2 (Иванова 2001, 121).

Впрочем, с отнесением данных комплексов к ямным есть некоторые проблемы. Так, уложенный в неглубокой яме либо, скорее, на древнем горизонте на правом боку головой на северо-восток скелет собаки в северо-восточной поле кургана 7 у с. Баштановка, очевидно, связан вовсе не с впущенным в юго-западную полу ямным погребением 16, а с основным погребением 9. Последнее, хоть оно и было ограблено, авторы раскопок предварительно отнесли к усатовской культуре (Шмаглий, Черняков 1970, 82). Оно было совершено в прямоугольной яме размерами 1,7×0,9 м, под каменной закладкой, длинной осью ориентированной по линии запад-восток с небольшим отклонением юго-запад - северо-восток. Стенки ямы были тщательно обработаны (Шмаглий, Черняков 1970, 82). Характеристики ямы погребения 9 кургана 7 у с. Баштановка и погребения 15 кургана 4 группы «Сад» у с. Глиное в целом сходны.

Несколько по иному выглядит ситуация с погребением 9 кургана 9 у с. Нерушай, также Татарбунарского района. Здесь в первоначальную насыпь усатовской культуры диаметром 15 м (в инвентаре основного погребения 82 были лепная амфорка, бронзовый кинжал с костяной рукоятью и ожерелье из морских раковин) было впущено погребение 9, сопровождавшееся досыпкой. Погребение совершено в яме с овальным в плане уступом, на котором фиксировались остатки перекрытия в виде жердей и тростниковых матов. Стенки ямы также были обложены тростниковыми матами, закреплёнными жердями. Очевидно, именно на перекрытие, головой на юго-восток, была изначально уложена собака, скелет которой осел в заполнение ямы. Погребение было парным. Костяк взрослого был уложен на правом боку

с разворотом на спину, головой на юго-восток, его правая рука вытянута перпендикулярно позвоночнику, между ней и телом были зафиксированы остатки скелета грудного ребёнка, скорченного на левом боку, головой также на юго-восток. Правее черепа первого костяка было найдено изделие из охры со сквозными отверстиями. За спиной взрослого, у его левого локтя, на дне ямы лежал фрагмент крупного шаровидного лепного сосуда со слабо отогнутым венчиком, с ручкой-налепом, внутри толстый слой охры (Шмаглий, Черняков 1970, 18-20, рис. 15/3). Другие фрагменты этого же сосуда были найдены в заполнении и у юго-западного угла погребальной ямы. Данный комплекс по чертам погребального обряда в целом вписывается в круг погребений ямной культурно-исторической общности региона. При этом следует обратить внимание, что он был впущен в центр небольшой усатовской насыпи и сопровождался значительной досыпкой. Ориентация погребённых в восточном секторе также является чертой, характерной для усатовской культуры (Патокова и др. 1989, 96). Несомненным является сходство с усатовским комплексом Баштановка 5/15 в расположении собак на перекрытиях ям. Тонкостенный крупный сосуд из хорошо отмученной серой глины, с продолговатым вертикальным налепом, фрагменты которого происходят из погребения 9, С.В. Иванова относит к единичным для комплексов раннего этапа буджакской ямной культуры формам и связывает с влиянием культур Карпато-Дунайского региона первой половины III тысячелетия до н.э., в частности, культуры Костолац (Иванова 2013, 231, рис. 4/1; 14; 18/9, 10). И.В. Манзура рассматривает продолговатые вертикальные налепы под венчиком в качестве признака культуры Чернавода I, что может свидетельствовать о более ранней датировке данного комплекса (Манзура 2013, 137, 139).

Последний из трёх названных С.В. Ивановой ямных комплексов с погребениями собак – Плавни 12/2 (Иванова 2001, 121) – при проверке оказался вовсе несуществующим. В коллективной монографии 1985 года «Курганы у с. Плавни в низовьях Дуная» погребение 2 кургана 12 описывается как захоронение средневекового кочевника (Андрух и др. 1985, 42). Не значатся здесь находки скелетов собак и в связи с другими погребальными комплексами курганного могильника Плавни.

Таким образом, на настоящее время список погребений собак в курганах позднего энеолита – раннего бронзового века Северо-Западного Причерноморья выглядит следующим образом: Тудорово курган 1; Баштановка курган 5 погребение 15; Баштановка курган 7; Нерушай курган 9 погребение 9; Глиное «Сад» курган 4, ямы 1 и 2. Видимо, к этим пяти комплексам можно добавить находку челюсти собаки или волка в круглой культовой яме 1 кургана 6 у с. Никольское. В этой связи следует упомянуть известные как в усатовских (Дергачев, Манзура 1991, 112), так и в ямных (Иванова 2001, 142) комплексах подвески-амулеты из собачьих и волчьих зубов, связываемые исследователями с погребениями служителей культа.

Отдельные «кости молодой собаки и молодой особи овцы (козы)», найденные рядом со скелетом ребёнка из перекрытого антропоморфной стелой основного погребения 1 кургана 2 у с. Оланешты на правобережье Нижнего Днестра, упоминаются в аналитической части монографии Е.В. Ярового «Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднестровья» (Яровой 1990, 212). При этом ни единого слова о костях животных не сказано в описании данного погребения (Яровой 1990, 157, 159). Судя по плану погребения 1 (Яровой 1990, 158, рис. 68/1), за спиной ребёнка действительно размещались какие-то кости животных. Погребённый был уложен скорченно на левом боку, головой на юго-запад. Впрочем, на плане кургана 2 (Яровой 1990, 156, рис. 67) ребёнок изображён ориентированным на северо-восток. Синхронными ему, по мнению автора раскопок, были четыре прямоугольных ямы без костяков («погребения» 2, 5, 6, 9), также ориентированные длинной осью по линии юго-запад - северо-восток (кенотафы?). В составе перекрытий «погребений» 2 и 5 присутствовали антропоморфные стелы (Яровой 1990, 213). С датировкой и культурной атрибуцией основного погребения 1 кургана 2 у с. Оланешты также есть определённые проблемы, которых мы коснёмся ниже.

За пределами Северо-Западного Причерноморья, на территории степной и лесостепной зон Восточной Европы, погребения собак известны на целом ряде памятников позднего энеолита - бронзового века (Ковалёва и др. 1979, 13; Берестнев 1999, 41-49; Берестнев 2001, 129-130; Лысенко, Лысенко 2004, 200).

Особый интерес вызывает одна деталь погребального ритуала в «княжеском» кургане 31 могильника «Клады» (поздний горизонт) в Прикубанье, относящемся к новосвободненской группе майкопско-новосвободненской общности. В мегалитической двухкамерной гробнице погребения 5, содержавшей костяки взрослого и ребёнка до 7 лет, уложенных скорченно на боку головами на юг – юго-восток, среди богатейшего инвентаря, связанного, в том числе, и с функциями служителя культа (лидера коллективных обрядов), были найдены бронзовая и серебряная фигурки псов, как бы охранявших входное отверстие гробницы (Резепкин 1991, 184, рис. 10/5-6). Здесь можно усмотреть некоторое сходство со структурой ритуального комплекса кургана 4 группы «Сад» у с. Глиное, где две собаки, обращённые мордами к голове погребённого ребёнка, «стерегут» с двух сторон выход из окружённого рвом пространства. Также парное погребение собак в отдельной яме было зафиксировано на позднеэнеолитическом могильнике Госпитальный Холм на левобережье Среднего Днепра (Ковалёва 1984, 28).

Находки в погребальных памятниках энеолита – раннего бронзового века Северо-Западного Причерноморья целых скелетов мелкого рогатого скота также немногочисленны. Отметим, что в отдельной культовой яме целый костяк МРС был найден лишь однажды. Мы имеем в виду упомянутую выше яму 7 в кургане 6 у с. Никольское Слободзейского района, в которую был уложен скелет овцы (Агульников Сава 2004, 46-49, рис. 22). Непосредственно в гробницах, вместе с погребёнными, скелеты МРС находились в четырёх комплексах усатовской культуры: на левобережье Среднего Прута – в погребениях 3 и 5 грунтового могильника Данку I (Дергачев, Манзура 1991, 38, 41); на правобережье Нижнего Днестра – в захоронениях Пуркары 1/11, 2/13 (ребёнок) (Яровой 1990, 62, 100).

Погребения домашних животных (свиней, крупного и мелкого рогатого скота, коней) в отдельных ямах, сопровождающие гробницы с останками людей, известны на памятниках культуры шаровидных амфор (Свешников 1983, 8-10, 18), частично синхронной усатовским и раннеямным комплексам Северо-Западного Причерноморья (Szmyt 2002, 113).

Обряд помещения чучел и целых туш животных (мелкого рогатого скота, крупного рогатого скота, лошадей) во входные колодцы и в камеры катакомб, а также в отдельные ямы, неоднократно зафиксирован и для комплексов катакомбных культур (Берестнев 2001, 129-130; Иванова и др. 2005, 85, рис. 55; Разумов и др. 2013, 326). Так, костяк сильно скорченного на правом боку ягнёнка был уложен на деревянный заслон дромоса погребения 6 ингульской катакомбной культуры, впущенного в курган 1 той же группы «Сад» у с. Глиное (Тельнов и др. 2013, 18).

Гораздо чаще в погребениях энеолита – раннего бронзового века встречаются лишь отдельные части скелетов либо кости (челюсти, конечности) копытных животных. Также отдельные кости мелкого, крупного рогатого скота, лошади и неопознанных животных, в том числе кальцинированные, неоднократно фиксировались в культовых ямах и кострищах, связанных с усатовскими и ямными погребениями. Создание полной подборки таких комплексов не входит в задачи данной публикации. Тем не менее, приведём несколько показательных, с нашей точки зрения, примеров.

В кургане 12 первого Усатовского курганного могильника в круглой культовой яме 4, вместе с остатками кострища, были найдены окрашенные охрой челюсть и кости конечностей МРС. В округлых культовых ямах 6 и 7 этого кургана также были кострища и фрагменты костей животных, Кострище с костями крупного копытного животного примыкало к основному погребению 2 кургана 3 второго курганного могильника Усатово (Дергачёв, Манзура 1991, 106-107, 113). Черепа баранов зафиксированы в юго-западной и юго-восточной частях кольцевого рва, окружавшего основное погребение 5 (подросток) кургана 3 у с. Рошканы на правобережье Нижнего Днестра. В том же рву были найдены верхняя часть антропоморфной стелы и два сосуда усатовской культуры (Дергачёв и др. 1989, 35). В кургане 1 у с. Пуркары в культовой яме, связанной с основным погребением 21 усатовской культуры, зафиксированы кости черепа, конечностей, таза и астрагал молодой лошади, большие берцовые кости двух особей быка и часть скелета одной особи МРС (Яровой 1990, 70). Кости «молодой особи овцы (козы)» упоминаются Е.В. Яровым в связи с атрибуцией описанного выше основного детского погребения 1 кургана 2 у с. Оланешты (Яровой 1990, 212). Часть

скелета МРС лежала у юго-восточной части материкового выкида из основного ямного погребения 14 кургана 1 у с. Бравичены на правобережье Среднего Днестра (Ларина и др. 2008, 11). В кургане 3 у с. Копчак (Буджакская степь) в западной поле второй насыпи прослежены две ямы (№ 1 – овальная, № 2 – прямоугольная), разделённые материковой перемычкой шириной 10 см. В яме 1 находились кострище, кости животных, фрагменты керамики (связаны с основным для третьей насыпи ямным погребением 12) (Бейлекчи 1990, 37).

Также следует упомянуть курган 23 у г. Дубоссары на левобережье Среднего Днестра, где на древнем горизонте, на ограниченной кромлехом площадке, находилось скопление костей лошади и крупного рогатого скота. При этом основное погребение в пределах кромлеха отсутствовало. Вероятно, лишь после сооружения небольшой насыпи над скоплением костей животных в неё было впущено погребение ребёнка.

Кострище с костями лошади было зафиксировано близ детского погребения 4, сопровождающего (с юго-запада) основное ямное погребение 3 кургана 3 у с. Дойбаны-2 Дубоссарского района. Аналогичное сопровождающее погребение маленького ребёнка с кострищем изучено в соседнем ямном кургане 1. Оба кургана имели кольцевые рвы (Кетрару и др. 2014, 147).

Кости конечностей быка домашнего найдены на дне кольцевого рва кургана 1 группы «ДОТ» у с. Глиное Слободзейского района (1,5 км западнее группы «Сад»), у южного края юго-западной перемычки. В непосредственной близости от костей быка, «замыкая» изнутри проход во рву, находилось погребение маленького ребёнка, перекрытое антропоморфной стелой. Оно сопровождало основное ямное погребение. В том же кургане, впущенное с древней поверхности юго-западнее рва, зафиксировано ещё одно погребение маленького ребёнка, сопровождавшее основное для второй насыпи ямное захоронение. Все упомянутые выше погребения были ориентированы в юго-западном и западном направлении (Тельнов и др. 2013, 14-15).

Напомним, что именно в юго-западном направлении был ориентирован маленький ребёнок в основном погребении 15 кургана 4 группы «Сад» у с. Глиное. В юго-западной и юго-восточной частях рва этого кургана были сделаны проходы, причём южнее юго-западной перемычки на дне рва был найден камень, возможно, являвшийся верхней частью менгира либо стелы. Исследователи неоднократно отмечали, что в курганах эпохи бронзы Северного Причерноморья и Прикарпатья элементы древних кладбищ (жертвенники, кострища, культовые ямы) располагались в основном по линии юго-запад - северо-восток по отношению к центру (Дворянинов и др. 1981, 35). Особое значение осевой линии юго-запад - северо-восток для сакрального пространства курганов усатовской культуры раннего бронзового века подчёркивал В.Г. Петренко. Именно с юго-западной стороны, по мнению автора, предусматривался вход в «иной мир», возле которого совершались важнейшие ритуальные действия, о чём свидетельствуют жертвенные ямы и погребения (Петренко 2010, 314; Петренко 2013, 177). Общая ось симметрии для объектов, связанных с основным погребением 15 кургана 4 группы «Сад» у с. Глиное, как и для близкого по устройству кургана 6 у с. Никольское, также проходит по направлению юго-запад - северо-восток.

Подобные ритуальные объекты известны на памятниках ямной культурно-исторической общности Северо-Западного Причерноморья. Кострища и кости животных на древнем горизонте, связанные с основными погребениями, фиксировались под насыпями ряда ямных курганов Дунай-Днестровского междуречья (Шмаглий, Черняков 1970, 12; Субботин и др. 1995, 31, 48, 75; Субботин и др. 1998, 8). Четыре круглые культовые ямы были зафиксированы под насыпью ямного кургана 16 у с. Никольское на левобережье Нижнего Днестра (Агульников, Сава 2004, 146). Юго-западнее основного детского погребения 1 в ямном кургане 3 группы «Спутник» у с. Ближний Хутор Слободзейского района, на дне кольцевой околокурганной выемки, находились три культовые ямы. Одна из них, подобно упомянутым выше культовым ямам под усатовским курганом 1 у с. Пуркары и под ямным курганом 3 у с. Копчак, была разделена на две части материковой перемычкой, причём в северо-восточной половине была установлена каменная плита (стела?), а в юго-западной – находилось кострище с костями животных (Синика и др. 2015, 183).

Кольцевые рвы, в том числе с одним либо двумя проходами, обычно в западном секторе,

характерны для курганов целого ряда культурных групп энеолита - раннего бронзового века Северного Причерноморья. В целом, исследователи склонны связывать кромлехи, обкладки и рвы преимущественно с различными группами степного энеолита, а также с усатовской культурой (Ларина и др. 2008, 110). Наличие подобных конструктивных элементов в ямных курганах, по мнению С.В. Ивановой, является пережитком позднеэнеолитической эпохи и одним из определяющих признаков погребений раннего этапа буджакской ямной культуры (Иванова 2013, 205). Впрочем, здесь термин «позднеэнеолитическая эпоха», как будет показано ниже, имеет характер не хронологический, а скорее типологический. Следует учитывать также, что многие основные погребения в таких курганах либо разрушены, либо безынвентарны. Следовательно, отсутствует возможность с определённостью отнести их к той или иной культуре. В целом же сочетание кольцевых рвов (часто сопровождаемых кромлехами и каменными обкладками) с культовыми ямами, кострищами, скелетами и отдельными костями животных чаще всего встречается именно в курганах, связываемых с усатовской культурой: Казаклия к. 3, Тараклия II к. 10, Баштановка к. 5, Нерушай к. 9, Тудорово к.1, Семёновка к. 1, к. 14, Маяки II к. 4, к. 5, Усатово I к. 12 (Дергачёв, Манзура 1991, 45-106), Пуркары к. 1 (Яровой 1990, 86), Рошканы к. 3 (Дергачёв и др. 1989, 35), и т.д. Диаметры рвов и кромлехов (максимальное расстояние между их внутренними краями) варьируют от 10 до 20 м, в среднем составляя 15-16 м, как и в кургане 4 группы «Сад».

Обратимся непосредственно к погребальному обряду. Поза маленького ребёнка, захороненного в основном погребении 15 кургана 4 группы «Сад» у с. Глиное, достоверно не устанавливается. Судя по сохранившимся бедренной и большой берцовой костям правой ноги, а также по остаткам таза и черепа, он был уложен скорченно на спине либо на правом боку, головой на юго-запад. Зафиксированы интенсивная окраска черепа красной охрой, остатки изделия из ярко-алой охры, очевидно, находившегося справа от черепа, коричневый органический тлен от подстилки, мелкие древесные угольки. Яма в плане имела прямоугольную форму, с выделенными углами и старательно заглаженными отвесными стенками. Инвентарь был представлен кремнёвым отщепом и крупным фрагментом лепного сосуда.

Находки древесных углей в погребениях и в культовых ямах, видимо, свидетельствующие об огненном ритуале, характерны для всех без исключения культурных групп энеолита - эпохи бронзы, и не могут служить хронологическим признаком. Отщепы и куски кремня также весьма часто встречаются как в усатовских, так и в ямных погребениях, в том числе и в детских. Очевидно, их следует рассматривать не как «инвентарь» в общем смысле этого слова, а скорее как куски ритуального вещества, которому приписывались определённые сверхъестественные свойства. Такое использование кремня, вероятно, было обусловлено представлениями о его тесной связи с огнём, в первую очередь с «небесным огнём» – молнией как оружием божества-громовержца. В качестве ближайших аналогов ритуальных веществ из погребальных комплексов энеолита - бронзового века можно привести те же древесные угли, охру, мел, серу и т.п. (Razumov 2011, 139-140).

Также следует упомянуть найденный в северо-восточной части погребальной ямы фрагмент верхней части округлобокого лепного горшка довольно больших размеров (диаметр тулова более 26 см, венчика – около 19 см), орнаментированного группами сдвоенных вертикальных валиков, сформированных горизонтальными защипами, и горизонтальным поясом из пальцевых вдавлений (рис. 4/4). Внешний срез венчика украшен защипами, шейка – двумя параллельными наклонными линиями отпечатков шнура. Тесто рыхлое, с примесью шамота и выгоревшей органики. Отметим, что фрагменты стенок лепных сосудов из южной части кольцевого рва и из заполнения объекта 8 (культовая яма) также содержали в тесте песок и шамот.

Морфология и схема орнаментации данного сосуда в целом сближают его с нерасписными сосудами из комплексов усатовской культуры. Округлобокие лепные горшки и амфоры с вертикальными полосами орнамента, сформированными обычно двойными или тройными рядами «серпиков», «личинок», «жемчужин», наколов, отпечатков шнура и прочерченных линий, составляют около 50% керамики из усатовских погребений, особенно часто встречаясь, наряду с расписными позднетрипольскими сосудами, в захоронениях высшей социальной страты (Патокова и др. 1989, 113; Яровой 1990, 215-218; Дергачёв, Манзура 1991,

38-128; Петренко 2013, 185). Сходную орнаментацию имеют также усатовские антропоморфные статуэтки и ритуальные керамические «кубики» (Петренко 2013, 192). Впрочем, есть особенности, отличающие сосуд из погребения 15 кургана 4 группы «Сад» от вышеописанной категории усатовской погребальной керамики: использование именно пальцевых защипов и вдавлений, низкое качество обжига и грубая фактура внешней поверхности, сравнительно большие размеры. Такие признаки наиболее характерны для кухонной керамики, встречающейся почти исключительно на городище Усатово-Большой Куяльник (Лагодовська 1952, 124-129, рис. 1/5-6; Патокова и др. 1989, 113; Петренко 2013, 185, рис. 35/1-4). В отличие от «парадной» погребальной посуды, в данном случае, очевидно, мы имеем дело со вторично использованным фрагментом крупного кухонного горшка. Такое использование черепков крупных сосудов в качестве жаровен, плошек для охры и т.п. было довольно распространено в погребальной практике различных культурных групп позднего энеолита - бронзового века. Отметим, что известны и отдельные случаи орнаментации сосудов из усатовских погребений рядами пальцевых вдавлений и защипов. Приведём два показательных примера: Усатово II 2/3 – у черепа взрослого стояла амфорка с вертикальными рядами отпечатков шнура и ногтевых вдавлений (Дергачёв, Манзура 1991, 112, рис. 71/20); Пуркары 5/1 (основное) – ребёнок, два из четырёх сосудов орнаментированы рядами пальцевых вдавлений (Яровой 1990, 119). Впрочем, орнаментация керамики пальцевыми вдавлениями и защипами фиксируется и для керамики из ямных погребений. Так, в погребении 5 кургана 1 у с. Терновка на левобережье Нижнего Днестра справа от погребённого была найдена донная часть крупного сосуда с песком в тесте, орнаментированная тремя горизонтальными рядами пальцевых защипов. Погребённый был уложен скорченно на спине головой на юго-запад, окрашен охрой, по углам ямы были зафиксированы углубления от кольев (Савва, Клочко 2002, 154, рис. 5/2). Следует упомянуть сосуд из погребения 7 (вероятно, основного, костяк в прямоугольной яме лежал сильно скорченно на правом боку головой на юго-юго-восток) кургана 445 у г. Каменка на левобережье Среднего Днестра (раскопки Н.Е. Бранденбурга 1899 г.), орнаментированный по плечикам горизонтальными и вертикальными рядами оттисков круглого штампа. Н.К. Качаловой он был отнесен к культуре шаровидных амфор (Качалова 1974, 12, 18, табл. 7/2).

Отметим, что главным отличием рассматриваемого сосуда из погребения 15 кургана 4 группы «Сад» от подавляющего большинства нерасписных сосудов усатовской культуры является отсутствие толчёной ракушки в тесте. По составу керамической массы он ближе к сосудам из ямных комплексов. Впрочем, и в типично усатовских погребениях известны сосуды с шамотом или песком в тесте: в Буджакской степи – Казаклия 3/11 (в погребении взрослого наряду с каменным топором и кремнёвым отщепом был найден горшок с песком в тесте); на левобережье Нижнего Днестра – Спея 1/5 (подросток скорченно на левом боку головой на северо-восток, рядом пять лепных сосудов, у четырёх в тесте толчёная ракушка, у пятого – шамот, он орнаментирован вертикальными полосами отпечатков шнура и рядами «серпиков») (Дергачёв, Манзура 1991, 44, 62, рис. 42/8); на правобережье Нижнего Днестра – уже упомянутый комплекс Тудорово 1/1, где один из пяти сосудов имел в составе теста не толчёную ракушку, а песок, при этом также был орнаментирован вертикальными полосами отпечатков шнура и рядами «серпиков», между которыми размещались прочерченные фигурки животных (лошадей или быков) (Мелюкова 1962, 76); Рошканы 5/7 – ребёнок скорченно на правом боку головой на северо-запад, рядом три сосуда, у двух (кубок и горшок) в тесте шамот, у третьего – толчёные раковины (Дергачёв и др. 1989, 50). Подчеркнём, что далеко не во всех публикациях приводится состав теста найденных керамических сосудов. Таким образом, и этот признак не является определяющим для культурно-хронологической атрибуции публикуемого нами комплекса.

Особенности погребального ритуала погребения 15 кургана 4 группы «Сад» (устройство ямы, поза, юго-западная ориентировка, охра и т.д.), на первый взгляд, наиболее характерны для памятников ямной культурно-исторической общности Северо-Западного Причерноморья (см.: Яровой 1985; Дергачёв 1986; Иванова 2001; 2013, 199-257). Тем не менее, они известны и в комплексах других культурных групп энеолита - раннего бронзового века. Так, при преобладании северо-восточной ориентировки и левобочной позы, до 5% погребённых усатовской культуры были ориентированы

в западном секторе (Патокова и др. 1989, 95, рис. 33/2), до 11% в могильниках Усатово и Маяки были скорчены на правом боку, до 21% – на спине. Охра использовалась в 40% погребений и в 20% культовых ям этих могильников, а на территории Нижнего Поднестровья и Буджака она была зафиксирована почти в 70% захоронений усатовской культуры (Патокова и др. 1989, 96-97). При этом неоднократно фиксировались изделия из охры, расположенные в районе голов погребённых.

Особый интерес вызывают усатовские погребения детей, в первую очередь основные. Грунтовый могильник Данку II п. 3 и 4 – дети с выразительным инвентарём; грунтовый могильник Данчены п. 1 – ребёнок головой на юг, сопровождался амфорой, верхней частью сосуда с шнуровым орнаментом и кремнёвым отщепом; Тирасполь II 3/27 – ребёнок на правом боку головой на юг, череп в охре, в ногах верхняя часть горшка, у таза миниатюрный сосудик, у шеи костяная булавка и пастовая бусина, 3/28 – маленький ребёнок головой на юг с сосудиком и бусиной, 3/29 – подросток скорченно на правом боку головой на юг, окрашен охрой: все три погребения основные, перекрыты общей насыпью (Дергачёв, Манзура 1991, 42, 60, 70); Рошканы 5/7 – ребёнок скорченно на правом боку головой на северо-запад, рядом три сосуда (Дергачёв и др. 1989, 50); Пуркары 2/13 (основное) – ребёнок скорченно на левом боку головой на северо-восток, скелет в охре, у черепа изделие из охры, у плеча три бронзовые пронизки, в ногах четыре сосуда, у южной стенки лопатка и кости ног МРС; 5/1 (основное) – ребёнок скорченно на левом боку головой на восток–юго-восток, скелет в охре, у левого плеча изделие из охры, в разных местах ямы четыре сосуда (Яровой 1990, 100, 119). Возможно, к усатовским либо раннеямным следует отнести и основное детское погребение 1 кургана 2 у с. Оланешты на правобережье Нижнего Днестра, перекрытое антропоморфной стелой. Здесь ребёнок был уложен скорченно на левом боку, головой на юго-запад (Яровой 1990, 157-159).

Таким образом, выделяется целая серия комплексов усатовской культуры, преимущественно основных, сочетавших детские погребения с выразительным инвентарём и такие особенности погребальных ритуалов, как рвы, кромлехи, культовые ямы, скелеты либо части скелетов животных и т.п. Часть из них отличается также позой и ориентировкой, не характерной для основной массы захоронений взрослых людей. Впрочем, упомянутые нами комплексы содержат преимущественно костяки детей возрастом от 5 до 14 лет. Исследователи отмечают, что для усатовской культуры погребения детей младше двух лет крайне редки, причём хоронили их только совместно с взрослыми. Исходя из характерной для первобытных обществ высокой детской смертности, предполагается захоронение основной массы детей по иному обряду, отличному от «взрослого» (Патокова и др. 1989, 80). Соответственно, социальный и/или сакральный статус маленьких детей из основных подкурганных погребений мог соответствовать статусу взрослых из аналогичных комплексов. Кроме того, следует упомянуть и о детских погребениях, сопровождавших основные подкурганные погребения взрослых: Тараклия II 10/2, Рошканы 3/7, Маяки II 3/7, Усатово I 2/2 (Дергачёв, Манзура 1991, 47, 64, 82, 91). Очевидно, прямоугольные «культовые ямы» в усатовских курганах, содержавшие инвентарь, аналогичный инвентарю детских захоронений (в первую очередь глиняные статуэтки и миниатюрные сосуды) (Петренко 2013, 181), также являлись сопровождающими погребениями маленьких детей. Напомним, что в круглых культовых ямах обычно находились остатки кострищ и/или костяки либо части костяков животных.

Сходная ситуация наблюдается и для ямных детских погребений. Отметим, что сооружение отдельного кургана над основным погребением маленького ребёнка в целом не было характерно для ямной культурно-исторической общности. В Северо-Западном Причерноморье известны единичные случаи: на левобережье Нижнего Дуная – Кочковатое 25/4 (ребёнок 2-4 лет скорченно на спине головой на северо-запад, яма с уступом больших размеров, ямки от кольев по углам) (Ванчугов и др. 1992, 13); Новоселица 21/3 (ребёнок 5-7 лет головой на восток–северо-восток, яма больших размеров, ямки от кольев по углам) (Субботин и др. 1995, 104); Вишнёвое 52/35 (младенец либо кенотаф, яма небольших размеров, ямки от кольев по углам) (Субботин и др. 1998, 8); в левобережном Попрутье – Яблона 1/7 (основное для второй насыпи, яма с уступом больших размеров, ребёнок лежал скорченно на спине головой на запад–юго-запад, у черепа обнаружены две серебряные подвески в полтора оборота)

(Яровой 1983, 202); на левобережье Нижнего Днестра – упомянутый выше комплекс «Спутник» 3/1 у с. Ближний Хутор (ребёнок до 7 лет лежал скорченно на спине головой на запад–юго-запад, у черепа обнаружены серебряная и медная подвески в полтора оборота, яма с уступом больших размеров, ямки от кольев по углам, чашевидное углубление в дне ямы, три культовые ямы с каменной плитой и кострищем в юго-западной части кургана) (Синика и др. 2015, 183). Размеры большинства основных детских погребальных сооружений соответствуют стандартам погребений взрослых. Ямы с уступами и наличие в дне ямок от кольев также сближают основные погребения маленьких детей с основными погребениями взрослых в ямных курганах. Следует напомнить и о ямной традиции совершения детских погребений, синхронных основным для первой и последующих насыпей захоронениям взрослых (Кетрару и др. 2014, 147; Разумов и др. 2015, 345).

Наличие неординарных детских погребений связывается исследователями с вопросом наследования социального статуса. Практически все подкурганные детские ямные погребения в группе до 5-7 лет отличны от рядовых. С.В. Иванова считает, что «в курганах погребались не все дети, а лишь определённая их часть, занимающая, по сравнению с другими детьми, более высокую социальную позицию» (Иванова 2001, 128-132). Впрочем, существует и несколько иная точка зрения. Так, В.Г. Петренко, рассматривая усатовские курганы как «специализированные обрядовые сооружения монументального типа, «святилища», имеющие сложное устройство», полагает, что они функционировали в качестве «жертвенников». Отмечая, что в ряде случаев «периферийные» погребения отличаются от синхронных им центральных большей сложностью обряда и богатством инвентаря, исследователь предположил существование в усатовской культовой практике человеческих жертвоприношений, в частности, «заместительных жертв» (Петренко 2010, 361; Петренко 2013, 182). Возможно, некоторые основные и синхронные основным детские погребения ямной культурно-исторической общности также связаны с аналогичными ритуалами. Младенческий возраст погребённого в основном захоронении 15 кургана 4 группы «Сад», небольшие размеры центральной погребальной ямы, а также отсутствие следов престижного инвентаря в сочетании со сложной конфигурацией и разнообразием подкурганных сооружений, содержавших костяки животных и остатки кострищ, свидетельствуют, по нашему мнению, в пользу интерпретации данного кургана именно в качестве культового сооружения – «жертвенника».

Если суммировать всё вышесказанное, можно отметить, что курганы, имеющие те или иные сходные с публикуемым нами особенности конструкции, погребального обряда и инвентаря, атрибутируются исследователями совершенно по-разному. Так, наиболее близкий глинянскому по устройству курган 6 у с. Никольское датируется авторами раскопок доусатовским периодом степного энеолита (времени Триполье CI) и связывается с группой памятников, называемой в публикациях тип Хаджидер, культура Хаджидер-Чернавода I или Хаджидер-Животиловка. При этом отмечается, что признаками данной группы памятников (типа, культуры) являются «подкурганные сооружения, связанные с культом домашних животных», а также кромлехи, каменные обкладки-крепиды и кольцевые рвы с проходами в западном секторе (Агульников, Сава 2004, 203-204). К типу Хаджидер-Чернавода I И.В. Манзура отнёс основные погребения курганов 1 (ров с перемычкой на юго-западе, две круглые культовые ямы с кострищами и костями животных), 3 (две круглые культовые ямы с костями животных и фрагментами керамики) и 4 (две круглые культовые ямы) у с. Саратены на левобережье Среднего Прута (Levițki, Manzura, Demcenko 1996, 61; Манзура 2013, 126-139). По мнению Е.В. Ярового, именно с доусатовской группой энеолита Хаджидер-Животиловка связаны кромлехи, каменные обкладки, все известные культовые ямы и подкурганные «святилища» (Яровой 2000, 14). Впрочем, этот постулат оспаривается другими исследователями. Так, «святилище» под курганом 1 у с. Мокра на левобережье Среднего Днестра связано с основным для второй насыпи погребением 2 (ребёнок) либо основным для третьей насыпи погребением 9, по всем признакам (ямы с заплечиками, углубления от кольев по периметру дна, поза, ориентировка) относящимися к ямной культурно-исторической общности (Кашуба и др. 2001-2002, 220). Состоявшая из сожжённых столбов конструкция с костями животных и фрагментами керамики была связана с погребением 1 кургана 1 (раскопки 2005 года)

группы I на острове Хортица (Нижний Днепр). Ю.Я. Рассамакин отнёс данное погребение к квитянской культуре позднего энеолита (Гаврилюк та ін. 2006, 26), в целом синхронной усатовской культуре и раннеямным памятникам. Таким образом, привязка таких конструкций (кольцевые рвы, культовые ямы с костями животных и кострищами, сожжённые столбы – Аккермень, к. 11 в Северном Приазовье; Кодак, к. «Сторожевая Могила», «Куклина Могила» к. 2, хут. Шевченко к. 29 – в Нижнем Поднепровье; Саратены, к. 1, 3, 4, Казаклия, к. 3, Токиле-Радуканы, к. 1, Кубей к. 1, Красное к. 9 – в Северо-Западном Причерноморье) исключительно к среднему периоду степного энеолита (3900/3800 - 3500/3400 ВС) (Черных, Дараган 2014, 272-274) является весьма спорной. Очевидно, подобные конструкции существовали длительное время и сооружались представителями различных культурных групп энеолита и бронзового века. При этом нельзя не упомянуть некоторую терминологическую путаницу, когда синхронные культурные группы, сосуществовавшие на одной либо на смежных территориях, относятся исследователями то к энеолиту (формальным признаком здесь обычно выступает наличие позднетрипольских импортов и/или подражаний), то к раннему бронзовому веку (исходя из находок предметов из мышьяковистой бронзы). Поскольку подробное рассмотрение данной проблематики выходит далеко за рамки нашей публикации, отметим лишь, что начало раннего бронзового века на территории Северо-Западного Причерноморья мы соотносим с рубежом третьей - четвёртой четвертей IV тысячелетия до н.э.

В этой связи следует вернуться и к вопросу датировки перекрытого антропоморфной стелой основного детского погребения 1 кургана 2 у с. Оланешты на правобережье Нижнего Днестра, сопровождавшегося четырьмя ямами, две из которых также были перекрыты антропоморфными стелами. Е.В. Яровой датировал данные комплексы «как минимум доусатовским временем» на основании того, что «положение погребённого и его ориентировка не позволяют отнести его ни к усатовской, ни к ямной культуре» (Яровой 1990, 212). Почему скорченность погребённого на левом боку, головой на юго-запад, свидетельствует о его доусатовской датировке, осталось для нас загадкой. Выше мы привели ряд комплексов усатовской культуры, сходных по ряду признаков с захоронением Оланешты 2/1. Ещё больше аналогий можно найти в ямных курганах (Разумов и др. 2015, 346). Очевидно, единственной причиной столь ранней датировки данного комплекса является стремление Е.В. Ярового во что бы то ни стало обосновать свой тезис о том, что все антропоморфные стелы являются исключительно принадлежностью «древнейших энеолитических святилищ». Представители ямной культурно-исторической общности будто бы «растаскивали каменные скульптуры и использовали их при сооружении собственных гробниц» как «редкий в степи камень» в качестве простого строительного материала (Яровой 1990, 212; Яровой 2000, 38). В настоящее время, после многочисленных публикаций результатов новостроечных раскопок курганов на территории Северного Причерноморья, является несомненным факт массового изготовления каменных антропоморфных стел в процессе погребального ритуала в первую очередь именно ямного населения. Заметим, что в Северо-Западном Причерноморье наличие каменных стел характерно для курганных комплексов ещё одной культуры – усатовской. Так, только в курганах первого Усатовского могильника найдено около двух десятков антропоморфных стел (Патокова и др. 1989, 93). В этой связи ещё раз упомянём ямное по всем признакам основное погребение 18 кургана 1 группы «ДОТ» у того же с. Глиное Слободзейского района, окружённое кольцевым рвом с костями животных и сопровождавшееся перекрытым каменной антропоморфной стелой захоронением младенца, «закрывавшим» изнутри юго-западный проход во рву (Тельнов и др. 2013, 14-15). Кроме перечисленных черт погребального ритуала, сближающих данный курган с усатовскими, отметим ещё одну немаловажную деталь: вплотную к бедренной кости погребённого мужчины располагалось кремнёвое изделие, которое оказалось микролитическим трансверсальным наконечником стрелы – причиной несмертельного ранения, о чём говорят кальциевые отложения на нём. Именно такие наконечники-трапеции широко известны в усатовских комплексах – как в виде единичных находок, возможно, также являвшихся причинами ранений, так и в виде целых наборов. Впрочем, подробно курган 1 группы «ДОТ» у с. Глиное будет нами опубликован в отдельной работе.

Также близкие по конструкции и инвентарю кургану 4 группы «Сад» комплексы атрибутируются исследователями в рамках усатовской культуры либо ямной культурно-исторической общности раннего бронзового века (Триполье CII и позже). Эти памятники мы неоднократно упоминали выше. В частности, наиболее близкие аналогии погребениям собак в культовых ямах кургана 4 известны именно в усатовских курганах. Отметим, что в настоящее время сосуществование и активное взаимовлияние усатовского (по крайней мере, на стадии младшей ступени данной культуры) и раннеямного населения практически не ставится под сомнение (Яровой 2000, 42; Иванова 2010, 162; Иванова 2013, 208-211; Петренко 2013, 168). На наш взгляд, именно этим взаимовлиянием и взаимопроникновением может объясняться сходство целого ряда черт погребально-поминальной обрядности, в том числе и особенности конструкции курганов-святилищ.

Одним из таких святилищ, очевидно, был курган 4 группы «Сад» у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра. Он не содержал яркого инвентаря, который бы позволил однозначно атрибутировать данный памятник. Тем не менее, особенности его устройства позволили связать его с целым рядом схожих памятников позднего энеолита – раннего бронзового века. Вся совокупность этих особенностей позволяет нам отнести основное погребение этого кургана и связанные с ним сооружения к младшей ступени усатовской культуры – ко времени, когда её носители активно контактировали с раннеямным населением. Таким образом, мы можем предварительно датировать данный памятник рубежом IV и III тысячелетий до н.э. и интерпретировать его в качестве кургана-святилища эпохи ранней бронзы, возможно, связанного с ритуалом принесения в жертву животных и человека.

Библиография

Агульников, Сава 2004: С. Агульников, Е. Сава, Исследования курганов на Левобережье Днестра (Кишинёв 2004).

Андрух и др. 1985: С.И. Андрух, А.О. Добролюбский, Г.Н. Тощев, Курганы у с. Плавни в низовьях Дуная.: Деп в ИНИОН АН СССР 13.06.1985 г., № 21110 (Москва 1985).

Бейлекчи 1990: В.С. Бейлекчи, Раскопки кургана 3 у с. Копчак. В сб.: АИМ в 1985 г. (Кишинев 1990), 34-49.

Берестнев 1999: С.И. Берестнев, О роли собаки в религиозно-мифологических представлениях древних индоевропейских племён. В: Древности – 1997-1998 (Харьков 1999), 41-49.

Ванчугов и др. 1992: В.П. Ванчугов, Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский, Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья (Киев 1992).

Гаврилюк та ін. 2006: Н.О. Гаврилюк, Ю.Я. Рассамакін, С.М. Разумов, М.А. Остапенко, М.М. Дараган, М.В. Ковальов, Н.І. Мінаєва, Розкопки та музеєфікація курганів на острові Хортиця. В зб.: (Відп. ред. Н.О. Гаврилюк) Археологічні пам'ятки Хортиці та їх музеєфікація (Запоріжжя 2006), 13-28.

Дворянинов и др. 1981: С.А. Дворянинов, В.Г. Петренко, Н.А. Рычков, К изучению ориентировки ямных погребений. В сб.: (Отв. ред. Г.Г. Мезенцева) Древности Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 22-38.

Дергачёв 1986: В.А. Дергачёв, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинёв 1986).

Дергачёв, Манзура 1991: В.А. Дергачёв, И.В. Манзура, Погребальные комплексы позднего Триполья. Свод источников (Кишинёв 1991).

Дергачёв и др. 1989: В.А. Дергачёв, И.А. Борзияк, И.В. Манзура, Рошканские курганы (Кишинёв 1989).

Иванова 2001: С.В. Иванова, Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2001).

Качалова 1974: Качалова Н.К., Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга. Эпоха бронзы. САИ В4-12 (Москва 1974).

Иванова 2010: С.В. Иванова, Торговые пути и миграции в Юго-Восточной Европе в раннем бронзовом веке. МАСП 11, 2010, 158-248.

Иванова 2013: С.В. Иванова, Культурно-исторические контакты населения Северо-Западного Причерноморья в раннем бронзовом веке: Запад – Восток. Stratum plus 2, 2013, 199-259.

Иванова и др. 2005: С.В. Иванова, В.Г. Петренко, Н.Е. Ветчинникова, Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра (Одесса 2005).

Кашуба и др. 2002: М.Т. Кашуба, С.И. Курчатов, Т.А. Щербакова, Кочевники на западной границе Великой степи (по материалам курганов у с. Мокра). Stratum plus 4, 2001-2002, 180-252.

Кетрару и др. 2014: Н.А. Кетрару, В.С. Синика, С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, Дубоссарские курганы (Археологические памятники Приднестровья, вып. II) (Тирасполь 2014).

Ковалёва 1984: И.Ф. Ковалёва, Нео-энеолитический могильник «Госпитальный холм» (предварительное сообщение). В сб.: (Отв. ред. И.Ф. Ковалёва) Проблемы археологии Поднепровья III-I тыс. до н.э. (Днепропетровск 1984), 28-29.

Ковалёва и др. 1979: И.Ф. Ковалёва, З.П. Марина, Н.В. Чернявская, С.В. Никитин, Курганный могильник эпохи бронзы у с. Хащевое. В сб.: (Отв. ред. И.Ф. Ковалёва) Курганные древности Степного Поднепровья III-II тыс. до н.э. (Днепропетровск 1979), 5-24.

Лагодовська 1952: О.Ф. Лагодовська, Усатівська експедиція 1948 р. АП УРСР 4, 1952, 124-130.

Ларина и др. 2008: О. Ларина, И. Манзура, В. Хахеу, Брэвиченские курганы (Кишинёв 2008).

Лысенко, Лысенко 2004: С.Д. Лысенко, С.С. Лысенко, Исследования на могильнике Малополовецкое-3 в 2003 г. В зб.: АВУ 2002-2003 рр. (Київ 2004), 198-210.

Манзура 2013: И.В. Манзура, Культуры степного энеолита. В сб.: (Отв. ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной Академии наук Украины) (Одесса 2013), 115-153.

Мелюкова 1962: А.И. Мелюкова, Курган Усатовского типа у села Тудорово. КСИА 88, 1962.

Патокова и др. 1989: Э.Ф. Патокова, В.Г. Петренко, Н.Б. Бурдо, Л.Ю. Полищук, Памятники трипольской культуры в Северо-Западном Причерноморье (Киев 1989).

Петренко 2010: В.Г. Петренко, Курган эпохи палеометалла на побережье Хаджибейского лимана. МАСП 11, 2010, 303-366.

Петренко 2013: В.Г. Петренко, Усатовская культура. В сб.: (Отв. ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной Академии наук Украины) (Одесса 2013), 163-210.

Разумов и др. 2015: Разумов С.Н., Смирнов А.И., Смирнов Л.И., Карнаух Е.Г. Курганы бронзового века у села Тузлы в верховьях Березанского лимана. Stratum plus 2, 2015, 329-357.

Резепкин 1991: А.Д. Резепкин, Курган 31 могильника Клады. Проблема хронологии и генезиса майкопской культуры. В сб.: (Отв. ред. В.М. Массон) Древние культуры Прикубанья. По материалам археологических работ в зонах мелиорации Краснодарского края (Ленинград 1991), 167-197.

Сава, Клочко 2002: Е.Н. Сава, Е.О. Клочко, Раскопки курганов и поселения эпохи поздней бронзы «Кривое озеро» у села Терновка в Поднестровье. В сб.: (Отв. ред. Н.А. Кетрару) Северное Причерноморье: от энеолита к античности (Тирасполь 2002), 149-179.

Свешников 1983: И.К. Свешников, Культура шаровидных амфор. САИ В1-27 (Москва 1983).

Синика и др. 2015: В.С. Синика, С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, Н.П. Тельнов, Курганная группа «Спутник» у с. Ближний Хутор на левобережье Нижнего Днестра. МАСП 13, 2015, 164-194.

Субботин и др. 1995: Л.В. Субботин, А.С. Островерхов, А.Н. Дзиговский, Археологические древности Буджака. Курганы восточного побережья озера Сасык (Одесса 1995).

Субботин и др. 1998: Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский, А.С. Островерхов, Археологические древности Буджака. Курганы у сел Вишнёвое и Белолесье (Одесса 1998).

Тельнов и др. 2013: Н.П. Тельнов, В.С. Синика, С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, Полевой отчёт о работах Днестровской археологической экспедиции у с. Глиное Слободзейского района в 2013 году. Архив Музея археологии Поднестровья ПГУ им. Т.Г. Шевченко. № 16.

Черных, Дараган 2014: Л.А. Черных, М.Н. Дараган, Курганы эпохи энеолита-бронзы междуречья рек Базавлук, Солёная, Чертомлык (Киев 2014).

Шмаглий, Черняков 1970: Н.М. Шмаглий, И.Т. Черняков, Исследования курганов в степной части междуречья Дуная и Днестра. МАСП 6, 1970, 5-115.

Яровой 1983: Е.В. Яровой, Курган эпохи ранней бронзы у с. Яблона. В сб.: АИМ в 1979-1980 гг. (Кишинев 1983), 193-210.

Яровой 1985: Е.В. Яровой, Древнейшие скотоводческие племена юго-запада СССР (классификация погребального обряда) (Кишинёв 1985).

Яровой 1990: Е.В. Яровой, Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднестровья (Кишинёв 1990).

Яровой 2000: Е.В. Яровой, Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла. Автореф. дисс. ... д.и.н. (Москва 2000).

Leviţki, Manzura, Demcenko 1996: O. Leviţki, I. Manzura, T. Demcenko, Necropola tumulară de la Sărăteni (Bucureşti 1996).

Razumov 2011: S. Razumov, Flint artefacts of Northern Pontic populations of the Early and Middle Bronze Age: 3200 - 1600 BC (based on burial materials). Baltic-Pontic studies, vol. 16 (Poznań 2011).

Szmyt 2002: M. Szmyt, Ze studiow nad kontaktami spoleczestw srodkowoeuropejskich i stepowych. Relacje ludnosci kultury amfor kulistych i kultury jamovej. В сб.: (Отв. ред. Е.В. Яровой) Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V в. н.э.). Материалы III Международной конференции. Тирасполь, 5-8 ноября 2002 г. (Тирасполь 2002), 111-114.

Complexul ritual din epoca bronzului timpuriu de pe malul stâng al Nistrului Inferior

Cuvinte-cheie: epoca bronzului timpuriu, eneoliticul târziu, ritual funerar, cultura Usatovo, Nistrul Inferior, înmormântări de câini.

Rezumat: În anul 2015 arheologii de la Universitatea de Stat din Transnistria „Taras Şevcenko" au întreprins cercetări de salvare la trei tumuli ce fac parte din grupul tumular „Sad" din preajma satului Hlinaia, raionul Slobozia. În tumulul 4, deopotrivă cu cele şapte înmormântări secundare din prima epocă a fierului, au fost cercetate mormântul principal, ce a aparţinut unui copil, şi o serie de complexe legate de această înmormântare. Complexele sunt reprezentate de 11 gropi rituale ce conţineau oase de animale şi urme de la ruguri. În două gropi au fost înmormântaţi câini, iar în una – un pui de vită cornută mică. Ritualul funerar şi inventarul înmormântării principale, precum şi specificul complexelor din preajma mormântului permit atribuirea acestui sit la cultura Usatovo timpurie, perioadă când purtătorii ei menţineau contacte intense cu populaţia culturii Jamnaja. Tumulul 4 din grupul tumular „Sad" de la Hlinaia preliminar a fost datat la cumpăna mileniilor IV-III a. Chr. Prezenţa de sacrificii ale copilului şi ale animalelor permite interpretarea acestui sit drept un tumul-sanctuar din epoca bronzului timpuriu.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Amplasarea geografică şi topografică a grupului tumular „Sad".

Fig. 2. Planul tumulului 4.

Fig. 3. Profilurile martorilor tumulului 4.

Fig. 4. Tumulul 4. Descoperiri din epoca bronzului timpuriu: 1, 2 - planul şi profilul complexului 15; 3 - lamă de silex din complexul 15; 4 - fragment de vas din complexul 15; 5 - complexul 4; 6 - complexul 5.

Fig. 5. Tumulul 4. Descoperiri din epoca bronzului timpuriu: 1 - complexul 1; 2 - complexul 2.

Fig. 6. Tumulul 4. Descoperiri din epoca bronzului timpuriu: 1 - complexul 7; 2 - complexul 8; 3 - complexul 10; 4 - complexul 19; 5 - complexul 9; 6 - complexul 12; 7 - complexul 14.

Fig. 7. Planul tumulului 6 de lângă satul Nicolscoe, raionul Slobozia (după Агульников, Сава 2004, рис. 22).

Early Bronze Age ritual complex from the left bank of the Lower Dniester

Keywords: Early Bronze Age, Late Neolithic, funerary practice, Usatovo culture, Lower Dniester, dogs' burials.

Abstract: In 2015 the employees of the Pridnestrovian State University conducted rescue excavations of three barrows from the group «Sad» near Glinoe Village, Slobodzeiya district on the left bank of the Lower Dniester. In the barrow 4, in addition to the seven secondary Early Iron Age graves, the burial of a small child and related constructions were found: 11 round ritual pits with animal bones and a fireplace located on the ancient horizon in a certain order, surrounded by a ring ditch with two gaps. Two pits contained dogs' burials, and the one pit – a young specimen of small cattle. Funeral practice and inventory of the main burial and features of the under barrow constructions allow to attribute this monument to the earliest stage of Usatovo culture – to the time, when its carriers had active contacts with the population of the Yamna cultural-historical community. Barrow 4 of the group «Sad» near Glinoe village is preliminary dated to the turn of the 4th-3rd millennia BC. The interpretation of this barrow as a sanctuary of Early Bronze Age, probably associated with the ritual sacrifice of animals and humans, is the most reasonable.

List of illustrations:

Fig. 1. Geographical and topographical location of the barrow cemetery "Sad" near Glinoe village.

Fig. 2. Plan of the barrow 4 of the cemetery "Sad".

Fig. 3. Profiles of baulks of the barrow 4 of the cemetery "Sad".

Fig. 4. Objects of the Early Bronze Age from the barrow 4 of the cemetery "Sad": 1, 2 - plan and section of the object 15; 3 - flint flake from the object 15; 4 - fragment of the vessel from the object 15; 5 - object 4; 6 - object 5.

Fig. 5. Objects of the Early Bronze Age from the barrow 4 of the cemetery "Sad": 1 - object 1; 2 - object 2.

Fig. 6. Objects of the Early Bronze Age from the barrow 4 of the cemetery "Sad": 1 - object 7; 2 - object 8; 3 - object 10; 4 - object 19; 5 - object 9; 6 - object 12; 7 - object 14.

Fig. 7. Plan of the barrow 6 near Nikol'skoe village, Slobodzeja district on the left bank of the Lower Dniester (after Агульников, Сава 2004, рис. 22).

12.04.2016

Др. Сергей Разумов, Научно-исследовательская лаборатория «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября 128, 3300 Тирасполь, e-mail: razum_22@rambler.ru

Др. Сергей Лысенко, Институт археологии Национальной Академии наук Украины, пр-т Героев Сталинграда 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: suraganga@yandex.ru

Др. Виталий Синика, Научно-исследовательская лаборатория «Археология» Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября 128, 3300 Тирасполь, e-mail: sinica80@mail.ru

Др. Николай Тельнов, Институт культурного наследия АН РМ, бульвар Штефан чел Маре 1, MD-2022 Кишинёв, Республика Молдова, e-mail: telnovnikolai@mail.ru

O GROAPĂ DIN PERIOADA TÂRZIE A EPOCII BRONZULUI DESCOPERITĂ ÎN ZONA LACULUI „VALEA MORILOR” DIN ORAŞUL CHIŞINĂU

Mariana Sîrbu
Veaceslav Bicbaev

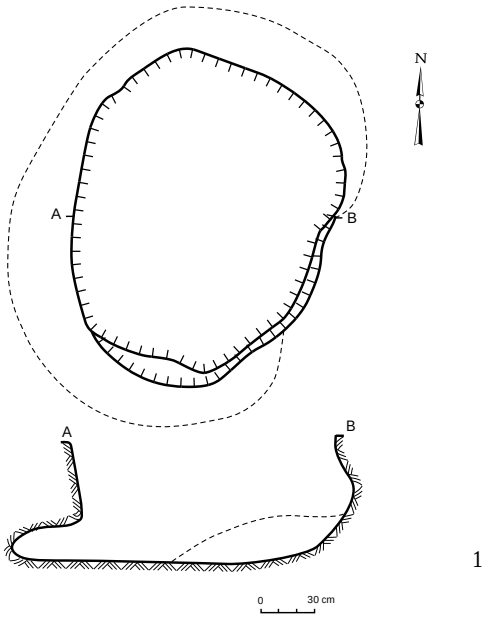
Cuvinte-cheie: Lacul „Valea Morilor”, perioada târzie a epocii bronzului, cultura Sabatinovka, groapă menajeră.

În primăvara anului 2009 au fost efectuate cercetări arheologice de salvare în cadrul staţiunii paleolitice târzii şi al aşezării cu mai multe niveluri de locuire, depistate ca urmare a lucrărilor de reabilitare şi reamenajare a lacului „Valea Morilor” din oraşul Chişinău. Pe lângă aceste două puncte arheologice, în timpul verificării terenului adiacent, V. Bicbaev a descoperit o groapă menajeră cu material din perioada târzie a epocii bronzului. Aceasta a fost localizată pe panta lină a versantului stâng al pârâului Valea Morilor, la 105 m distanţă de canalul de irigare ce traversează această porţiune a văii pe direcţia NV-SE, la circa 200 m E-S-E de şantierul din aşezarea cu mai multe niveluri de locuire şi 160 m S-V de şantierul din staţiunea paleolitică târzie. Coordonatele GPS: N - 47,018195°; E - 28,810206° (fig. 1/1).

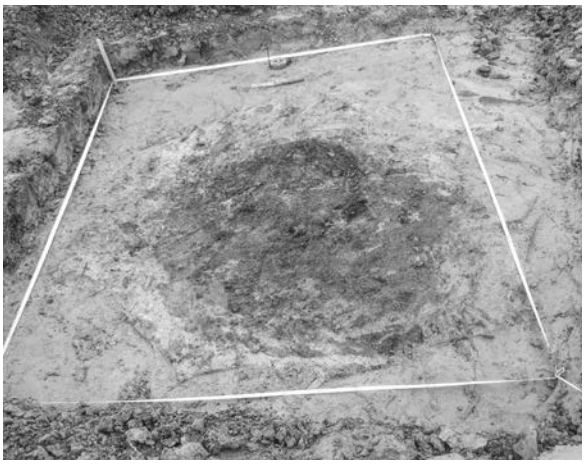
Conturul gropii prezenta o pată gri-brună de formă ovală neregulată, bine evidenţiată pe suprafaţa gălbuie a solului viu nisipos, apărută ca urmare a răzuirii cu buldozerul a terenului de pe fundul lacului. Pentru cercetarea complexului dat a fost curăţată şi nivelată zona petei, după care a fost deschisă o casetă de 2×2 m orientată conform punctelor cardinale (fig. 2/2). După curăţare, în partea centrală şi cea vestică a săpăturii s-a evidenţiat pata umpluturii gropii de culoare gri-brună cu impregnanţi galbeni de lut. Conturul acesteia a luat o formă ovală neregulată, alungită pe direcţia S-V spre N-E (fig. 2/1). Petele coloristice se explică prin prezenţa gangurilor de animale care au fost observate nu doar în perimetrul gropii dar şi în afara acesteia. În partea centrală a petei, mai aproape de marginea sud-estică a acesteia, au fost depistate urmele unui mic rug ce reprezenta o concentraţie formată din fragmente de lut ars, cărbune de lemn şi câteva fragmente ceramice de tip Sabatinovka. Prezenţa fragmentelor ceramice împrăştiate sporadic la suprafaţa gropii au permis atribuirea acesteia perioadei târzii a epocii bronzului şi anume culturii Sabatinovka în arealul căreia a fost localizată groapa. Cercetarea zonei adiacente pe rază de 100 m nu s-a soldat cu depistarea altor materiale arheologice sau construcţii.

Ca rezultat al investigaţiilor arheologice s-a stabilit că groapa avea pereţii verticali, pe alocuri uşor înclinaţi, brusc adânciţi în exterior spre baza uşor albiată. Diametrul gropii era în partea superioară de 1,7×1,4 m şi 2,15×1,75 m în partea inferioară. Adâncimea era de 0,6 m. Marginea de N-N-E a bazei gropii era prevăzută cu o nişă de formă ovală, iar în marginea de S-E cu o treaptă formată dintr-un strat de lut galben, surpat probabil din peretele gropii încă în perioada funcţionării acesteia, care a acoperit o parte din materialul arheologic aflat pe bază. În umplutura gropii a fost descoperit un număr mare de oase de animale, printre care un schelet de câine (care nu se afla în poziţie anatomică), un număr nesemnificativ de fragmente ceramice, pietre şi unelte din piatră. Acestea erau concentrate pe centrul bazei şi în partea vestică a gropii (fig. 2/3).

Fig. 1. Locul descoperirii gropii.



1



2

3

Fig. 2. 1 - Planul şi profilul gropii; 2 - conturul gropii (foto); 3 - umplutura gropii (foto).

Materialul arheologic descoperit în umplutura gropii

Piese individuale:

1. Fragment de şlefuitor (fig. 3/1) de formă neregulată în plan şi oval-alungită în secţiune, prelucrat din gresie de culoare cenuşiu-gălbuie. Are ambele laturi şi una din margini şlefuite. Lungimea – 5,4 cm; lăţimea – 5,0 cm; grosimea – 2,3 cm.
2. Piesă fragmentară (fig. 3/2) de formă trapezoidală în plan şi secţiune, prelucrată din gresie de culoare cenuşiu-brună. Are o latură şi una din margini minuţios şlefuite. Lungimea – 5,0 cm; lăţimea – 4,2 cm; grosimea – 3,0 cm.
3. Piesă fragmentară (fig. 3/3) de formă trapezoidală neregulată în plan şi secţiune, prelucrată din gresie de culoare cenuşie. Are o latură şlefuită. Lungimea – 9,5 cm; lăţimea – 4,4 cm; grosimea – 2,5 cm.
4. Polizor (fig. 3/4) de formă neregulată în plan şi trapezoidal în secţiune, prelucrat din gresie de culoare cenuşiu-gălbuie. Are suprafaţa şlefuită ca rezultat al utilizării, prevăzută pe una din laturi cu trei şanţuri canelate şi o adâncitură de formă triunghiulară cu marginile rotunjite. Pe a doua latură şi una din margini se conţin câte un şanţ canelat. Lungimea – 9,6 cm; lăţimea – 8,6 cm; grosimea – 4,5 cm.
5. Fragment de frecător (fig. 3/5) de formă trapezoidală în plan şi secţiune cu două din margini rotunjite, prelucrat din gresie de culoare cenuşie-deschisă. Are laturile şi una din margini bine şlefuite. Lungimea – 7,2 cm; lăţimea – 6,8 cm; grosimea – 2,6 cm.
6. Fragment de frecător (fig. 3/6) de formă neregulată în plan şi secţiune, prelucrat din gresie de culoare cenuşiu-cafenie. Are o latură şi una din margini bine şlefuite. Prezintă urme de ardere pe una din laturi. Lungimea – 8,8 cm; lăţimea – 6,6 cm; grosimea – 2,2 cm.

Materialul ceramic depistat în umplutura gropii reprezintă fragmente de vase modelate manual din lut de slabă calitate în amestec cu ceramică pisată. În total au fost descoperite 39 fragmente ceramice: şase buze dintre care una lustruită, trei prevăzute mai jos cu brâu continuu reliefat şi una cu brâu alveolat (fig. 4/1, 4-6); 30 fragmente de perete dintre care 18 lustruite, două prevăzute cu brâu continuu reliefat şi unul cu ornament format din două linii incizate în formă de X (fig. 4/2,3,8-

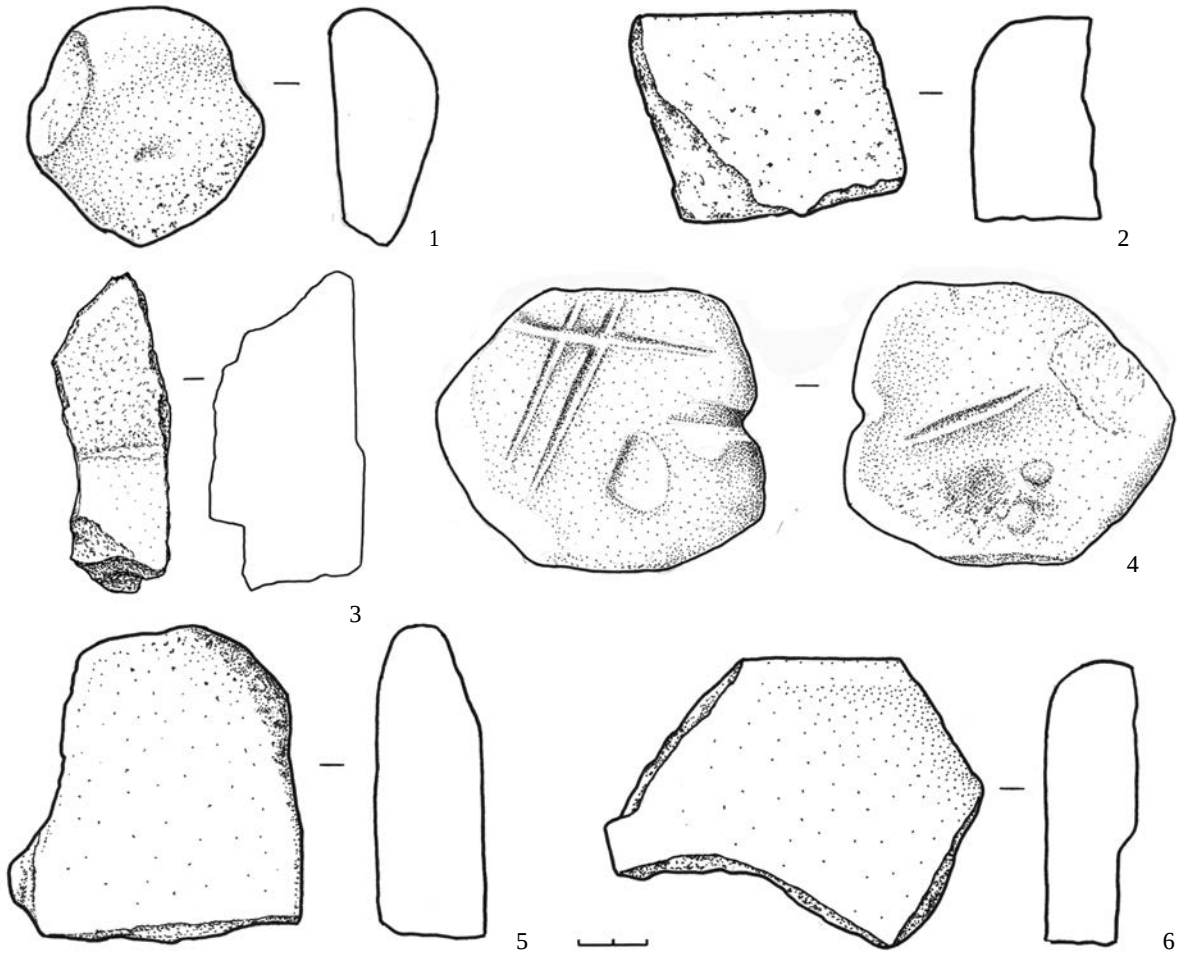


Fig. 3. Piese din piatră.

10); două fragmente de bază și o toartă (fig. 4/11). Culoarea acestora variază de la gălbui-cenușiu la brun la exterior și cenușiu-închis-negru în secțiune. Pe unele fragmente sunt observate urme de ardere secundară. A fost posibilă reconstituirea parțială a unui profil de vas cu buza dreaptă și corp conic (fig. 4/12). Printre fragmentele ceramice a fost găsit un fragment de buză de vas, neglijent lucrată, slab arsă, de culoare gălbuie-roșietică cu amprente de vegetație pe suprafață (fig. 4/7).

La baza gropii au mai fost descoperite 21 pietre de formă și dimensiuni diferite (de la 3,0×3,2 la 10,7×10,2 cm), toate cu urme de ardere intensă. Posibil acestea au fost inițial folosite la construcția unei vetre, ulterior fiind aruncate. Concentrația de oase de animale descoperită în groapă este formată din 61 oase de animale de talie mare și 376 oase de animale de talie mică. După examinarea scheletului de câine, s-a stabilit că acesta aparține unui exemplar adult, de talie mică[1].

[1] Scheletul de câine a fost examinat de către Roman Croitor.

Gropi de diferite forme și dimensiuni sunt cunoscute în majoritatea așezărilor cercetate în cadrul așezărilor de tip Noua-Sabatinovka (Мелюкова 1961, рис. 2-3; Никулицэ, Каврук 1986, 79; Агульников, Левинский 1990, 76; Тощев, Черняков 1986, 122-125, рис. 3-4; Florescu, Florescu 1990, 54; Smirnova 1993, Abb. 5; Levitsckii, Sava 1993, 127, des. 2, 4; Sava 2002, 74-77, fig. 5, 7; Сава, Кайзер 2011, 79-176; Sava 2014, 143, fig. 105-106, 11-115). De regulă, acestea au formă cilindrică sau ovală, pereți verticali și baza orizontală. Adâncimea acestora variază între 30-150 cm (Sava 2014, 426). Sunt cunoscute și gropi cu pereți neuniformi, în trepte, cu nișe și baza bombată, gropi în formă de clopot și, în cazuri mai rare, gropi de formă patrulateră (Sava 2014, 426).

Se consideră că, indiferent de formă și dimensiuni, gropile serveau la depozitarea resturilor menajere (Балагури 1980, 103). Însă, în multe din ele pe lângă pietre, oase de animale și fragmente de lut sunt descoperite piese din os, piatră, lut și

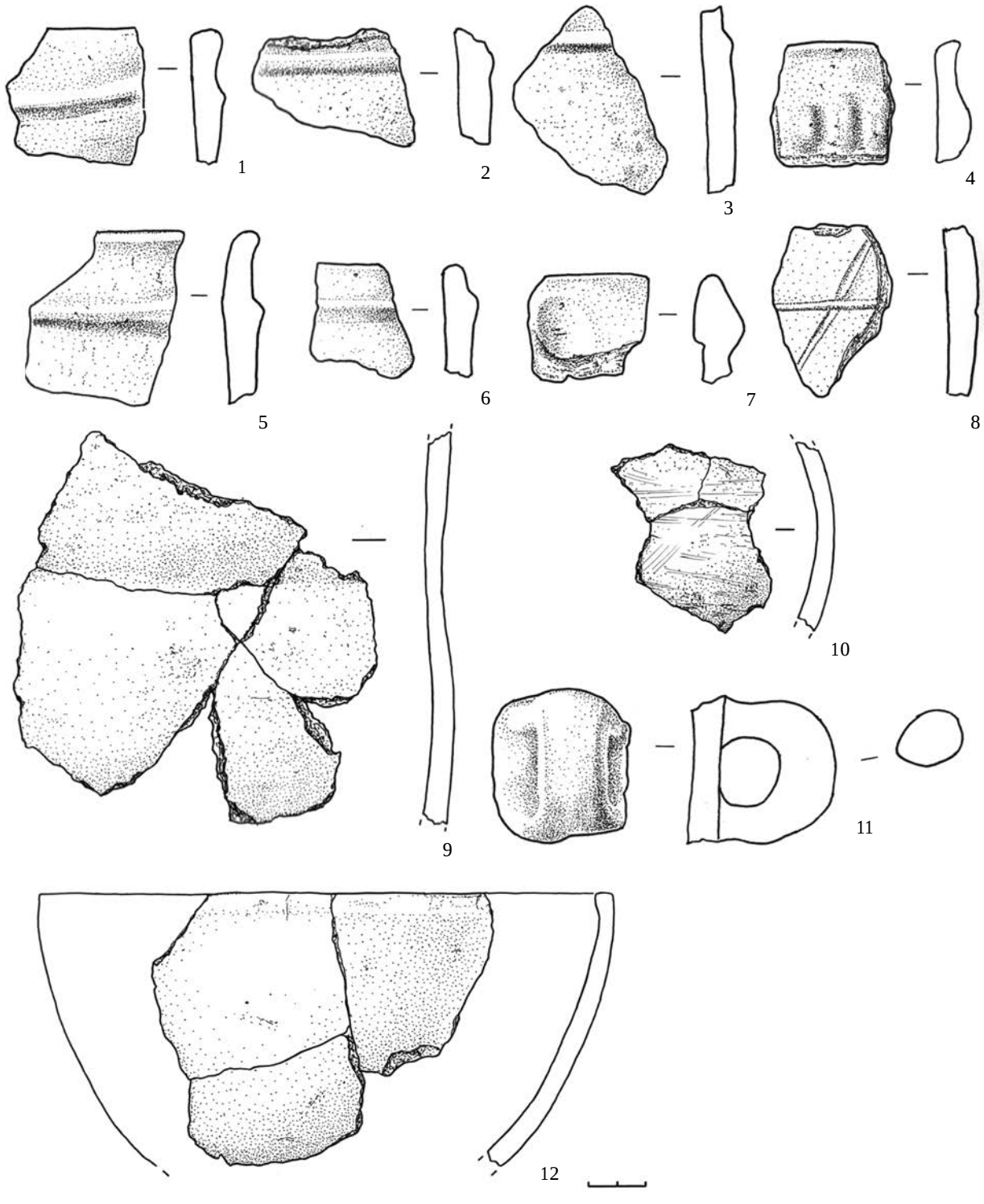


Fig. 4. Fragmente ceramice.

bronz. Posibil că în aceste cazuri, piesele au ajuns întâmplător în groapă, direct din stratul cultural, nu neapărat fiind aruncate intenţionat (Sava 2014, 426). Probabil, gropile erau săpate iniţial cu scopul extragerii lutului necesar pentru construcţia locuinţelor şi a altor construcţii gospodăreşti şi abia după aceasta erau folosite în funcţie de necesităţile cotidiene, inclusiv pentru păstrarea produselor alimentare (Sava 2014, 426). Unii atribuie gropilor şi un caracter cultic, considerând că iniţial menajere, acestea erau refolosite în practicarea anumitor ritualuri (Тощев, Черняков 1986, 134; Gerškovič 1999, 77, 82). Însă categoric, semnificaţia cultică nu poate fi atribuită decât în rare cazuri

gropilor în care materialul descoperit cât şi modul amplasării acestuia în complex prezintă anumite practici votive (Агульников, Малюкевич 2010, Florescu, Florescu 1990, 56-57; Marinescu 1985, 23,28; Gerškovič 1999, 63-64, 66; Cavruc 2000, 193; Wiettenberger 2006, 99; Renţa 2008, 32, Sîrbu 2015, 108-110).

O menţiune aparte merită prezenţa scheletului de câine în groapa dată. Oasele acestuia erau aşezate deasupra concentraţiei formată din material litic în amestec cu fragmente ceramice, lut ars şi oase de animale, aflată pe baza gropii. Reiese că, câinele reprezintă ultima depunere în groapa dată. Dacă prezenţa materialul litic şi ceramic într-o groapă menajeră nu necesită argumentări, atunci prezenţa scheletului de câine cere anumite precizări. Schelete de câini au fost descoperite şi în alte gropi datate în perioada târzie a epocii bronzului. La Mologa II a fost cercetată o groapa ritualică, la baza căreia erau presărate oase de câine (de la cel puţin trei exemplare) (Агульников, Малюкевич 2010, 152; Sîrbu 2015, 108). În cadrul culturii Srubnaja sunt cunoscute morminte simbolice de câini (Березанская 1990, 88). În mai multe culturi din epoca bronzului din Europa de Est este răspândit ritualul de înmormântare a câinilor, acesta având probabil legătură cu una din etapele ocupaţiei de bază - păstoritul, în care câinele juca un rol important (Березанская 1990, 88 şi urm.). În cazul gropii de la Valea Morilor, corpul câinelui decedat a fost depus în groapa deja funcţională, umplută parţial. Faptul că groapa nu a mai fost folosită după asta nu indică asupra unui anumit ritual cât asupra unei măsuri sanitare. Resturile de rug descoperite la suprafaţa gropii prezintă o etapă ulterioară sfârşitului funcţionării acestei gropi.

Putem presupune că groapa aparţine unei aşezări care probabil a fost distrusă complet în timpul excavării fundului lacului Valea Morilor în anii ’50 ai secolului trecut.

Bibliografie

Florescu, Florescu 1990: M. Florescu, A. Florescu, Unele observaţii cu privire la geneza culturii Noua în zonele de curbură ale Carpaţilor Răsăriteni. ArhMold XIII, 1990, 49-102.

Gerškovič 1999: Ja.P. Gerškovič, Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres., AE, Bd. 7 (Rahden/Westf. 1999).

Cavruc 2000: G. Cavruc, Groapă rituală (?) din aşezarea culturii Noua de la Zoltan. Angustia 5 (Arheologie), 2000, 193-198.

Levitsckii, Sava 1993: O.G. Levitsckii, E.N. Sava, Nouvelles recherches des établissements de la culture Noua la zone comprise entre le Prout et le Nistru. Cultură şi Civilizaţie la Dunărea de Jos 10, 1993, 125-157.

Marinescu 1985: G. Marinescu, Descoperiri de la sfîrşitul epocii bronzului (cultura Noua) în nord-estul Transilvaniei. Apulum 22, 1985, 23-29.

Renţa 2008: E. Renţa, Prima epocă a Fierului pe cursul râului Ialomiţa (Târgovişte 2008).

Sava 2002: E. Sava, Materiale din epoca bronzului târziu din aşezarea Mereni. ArhMold XXV, 2002, 69-92.

Sava 2014: E. Sava, Aşezări din perioada târzie a epocii bronzului în spaţiul pruto-nistrean (Noua-Sabatinovka) (Chişinău 2014).

Smirnova 1993: G. Smirnova, Die Siedlung Mahala IIa und IIb ein Denkmal der Noua I- und II Kultur. Cultură şi civilizaţie la Dunărea de Jos 10, 1993, 57-73.

Sîrbu 2015: M. Sîrbu, Viaţa spirituală a comunităţilor Noua-Sabatinovka-Coslogeni prin prisma elementelor nonfunerare descoperite în aşezări. Tyragetia s.n. IX/1, 2015, 91-123.

Wiettenberger 2006: M. Wiettenberger, Cultura Noua din Transilvania. Teza de doctor, manuscris (Iaşi 2006).

Агульников, Левинский 1990: С.М. Агульников, А.Н. Левинский, Исследования на поселении у г. Кэушень. В сб: АИМ в 1985 г. (Кишинев 1990), 73-89.

Агульников, Малюкевич 2010: С. Агульников, А. Малюкевич, Ритуальный комплекс периода поздней бронзы с поселения Молога II в нижнем Поднестровье. Revista Arheologică s.n. VI/1, 2010, 151-163.

Балагури 1980: Э. Балагури, Памятники племен позднебронзового периода в Среднем Поднестровье. В сб: Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя (Киев 1980), 101-116.

Березанская 1990: С.С. Березанская, Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце (Киев 1990).

Мелюкова 1961: А.И. Мелюкова, Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА СССР, 96, 1961, 5-52.

Никулицэ, Каврук 1986: И.Т. Никулицэ, В.И. Каврук, Раскопки памятников бронзового века у с. Балабанешты. В сб: АИМ в 1982 г. (Кишинев 1986), 71-83.

Тощев Черняков 1986: Г.Н. Тощев, И.Т. Черняков, Культовые зольники Сабатиновской культуры. В сб: Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья (Киев 1986), 115-138.

Сава, Кайзер 2011: E. Сава, Э. Кайзер, Поселение с «зольниками» у села Одая,Мичурин, Республика Молдова. Археологические и естественнонаучные исследования // E. Sava, E. Kaiser, Die Siedlung mit „Aschehügeln“ beim Dorf Odaia-Miciurin, Republik Moldova. Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen (Chişinău 2011).

A pit of the Late Bronze Age discovered near the lake of Valea Morilor in Chişinău

Keywords: Lake “Valea Morilor”, Late Bronze Age, Sabatinovka culture, household pit.

Abstract: In the spring of 2009, in addition to other two archaeological finds discovered and explored during the period of rehabilitation and reconstruction of the lake of Valea Morilor in Chişinău, a pit was discovered. It was revealed by V. Bikbaev during the verification of adjacent land. The pit was located on a gentle slope on the left side of the Valea Morilor creek, 105 m away from the irrigation canal that crosses this part of the valley in the NW-SE direction. The archaeological investigations proved that it was a household pit containing material of Sabatinovka culture relating to the period of the Late Bronze Age. A large number of animal bones were found in the filling of the pit, including a dog skeleton, a small number of pottery fragments, stones and stone tools.

List of illustrations:

Fig. 1. Place of discovery of the pit.

Fig. 2. 1 - Plan and profile of the pit; 2 - pit outline (photo); 3 - filling of the pit (photo).

Fig. 3. Stone objects.

Fig. 4. Fragments of pottrey.

Яма эпохи поздней бронзы, обнаруженная в районе озера Валя-Морилор в Кишиневе

Ключевые слова: Озеро Валя-Морилор, поздний бронзовый век, культура Сабатиновка, хозяйственная яма.

Резюме: Весной 2009 года в дополнение к двум другим археологическим находкам, обнаруженным и исследованным во время восстановления и реконструкции озера Валя-Морилор в городе Кишиневе, была обнаружена яма. Она была выявлена В. Бикбаевым в результате проверки прилегающего земельного участка. Яма находилась на пологом склоне с левой стороны от ручья Валя-Морилор, в 105 м от оросительного канала, который пересекает эту часть долины в направлении СЗ-ЮВ. В результате археологических исследований было установлено, что это хозяйственная яма, содержащая материал Сабатиновской культуры, относящейся к периоду поздней бронзы. В заполнении ямы было обнаружено большое количество костей животных, в том числе скелет собаки, незначительное число фрагментов керамики, камни и каменные орудия.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Место обнаружения ямы.

Рис. 2. 1 - План и профиль ямы; 2 - контур ямы (фото); 3 - заполнение ямы (фото).

Рис. 3. Предметы из камня.

Рис. 4. Фрагменты керамики.

02.02.2016

Mariana Sîrbu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: sirbumary24@yahoo.com

Veaceslav Bicbaev, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova

КЛАД ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ С КЛЕПАНЫМ СОСУДОМ ИЗ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА[1]

Галина Кущ, Гульнара Джумабекова
Сергей Демиденко, Галия Базарбаева

Ключевые слова: Восточный Казахстан, эпоха бронзы, клад, металл, орудия, котел.

Фонды Восточно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея пополнились уникальным комплексом металлических изделий, полученным в дар от жителя г. Зайсана Бакытхана Тлеужанова (Кущ, Джумабекова, Базарбаева 2016).

Клад был случайно обнаружен в обвалившемся береге реки Кендерлык между селами Даирово и Кокжыра (Зайсанский р-н, Восточно-Казахстанская обл.)[2] на глубине около одного метра и представлял собой металлический сосуд с орудиями из бронзы внутри (рис. 1). Каких-либо других артефактов, а также следов конструкций рядом не наблюдалось.

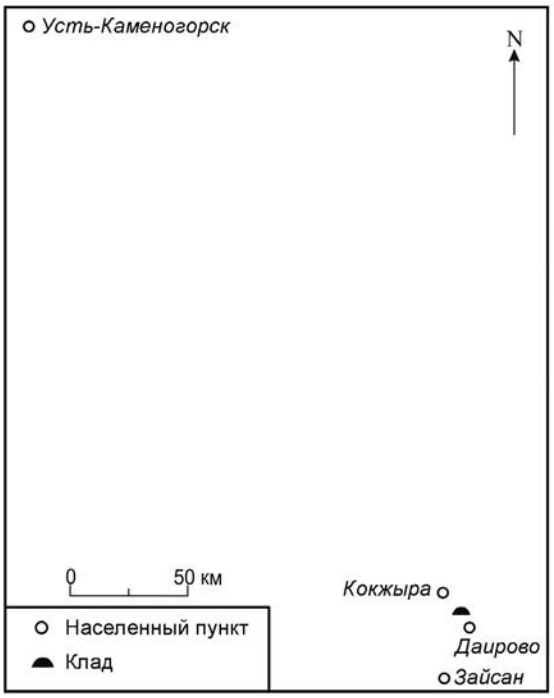


Рис. 1. Локализация местонахождения клада относительно населенных пунктов Усть-Каменогорск, Зайсан, Даирово, Кокжыра (исполнитель Д. Дуйсенбай).

В состав клада металлических изделий входят: два долота, кельтообразный молоток, кернер, вислообушный топор и фрагмент топора, тесла втульчатое и два с уступом, крючок, пять колец и сам сосуд (рис. 2-5).

1. Долото желобчатое, с конической втулкой, утолщенной валиком, в сечении округлой формы (шифр: ВКОМ КПо91-37089). Рабочая часть оформлена желобком, лезвие скруглено (рис. 2/1). Длина 168 мм, диаметр втулки – 27 мм.
2. Долото желобчатое, с конической втулкой, в сечении округлой формы (шифр: ВКОМ КПо91-37090). Рабочая часть оформлена желобком, лезвие скруглено (рис. 2/2). Длина – 148 мм, диаметр втулки – 28 мм.
3. Тесло втульчатое, клиновидной формы, с расширяющимся уплощенным рабочим краем (шифр: ВКОМ КПо91-37095) (рис. 2/3). Край втулки обломлен, размеры даются по оставшейся боковине: длина – 85 мм, ширина – 27 мм.
4. Пальставообразное тесло с уступом и петлей в средней части (шифр: ВКОМ КПо91-37096) (рис. 2/4). Длина – 155 мм, ширина рабочего края лезвия – 35 мм, толщина уступа – 15 мм.
5. Пальставообразное тесло с уступом (шифр: ВКОМ КПо91-37097) (рис. 2/5). Длина – 120 мм, ширина рабочего края лезвия – 45 мм, толщина уступа – 12 мм.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК (проект №2987/ГФ4 «Древние котлы казахской степи: анализ одной категории предмета во времени и пространстве»).
[2] Название «Восточно-Казахстанская область» далее по тексту будет дано аббревиатурой – ВКО.

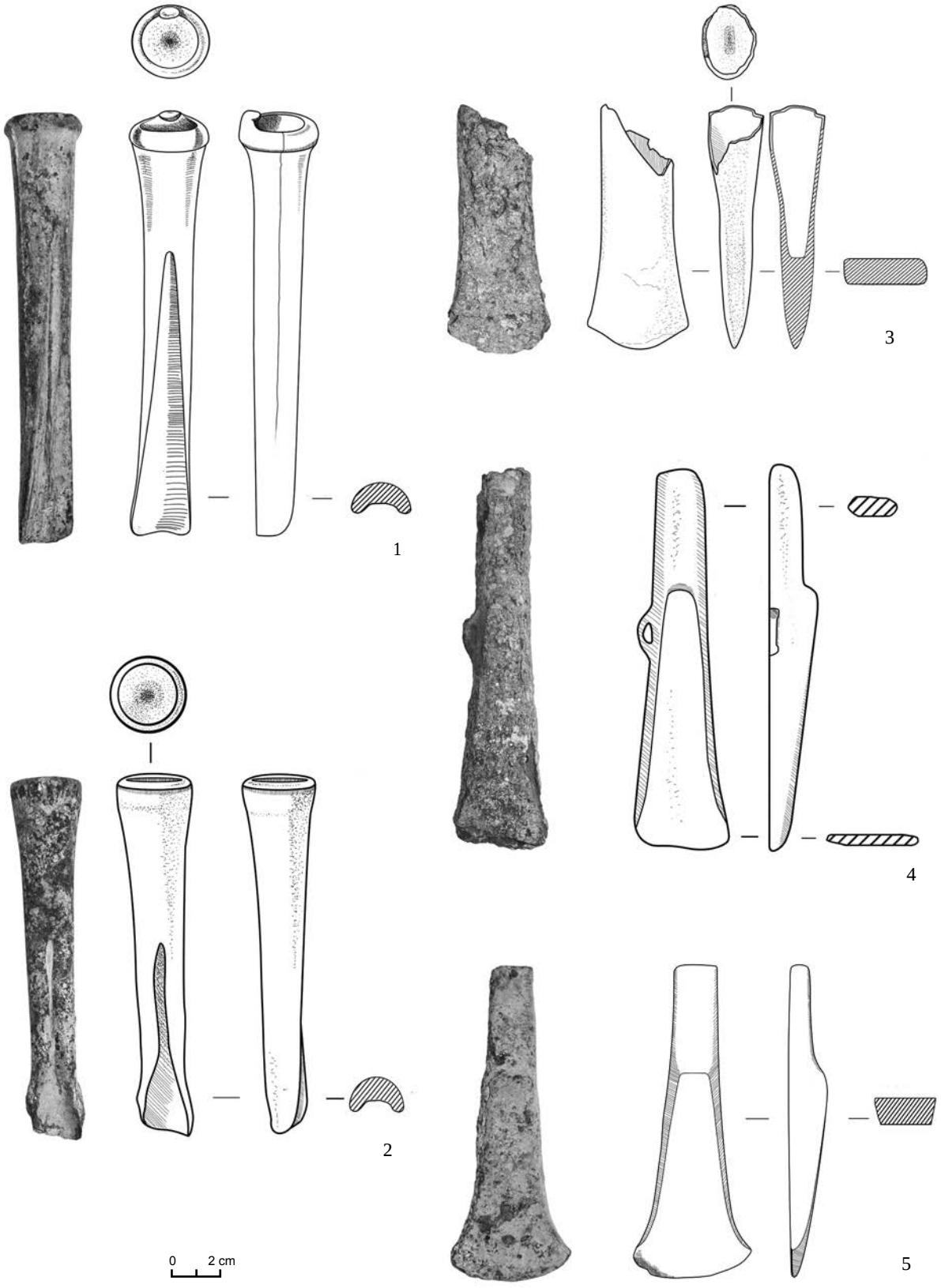


Рис. 2. Клад из Зайсанского района. 1-2 - Долота; 3-5 - тесла (фото С. Старикова).

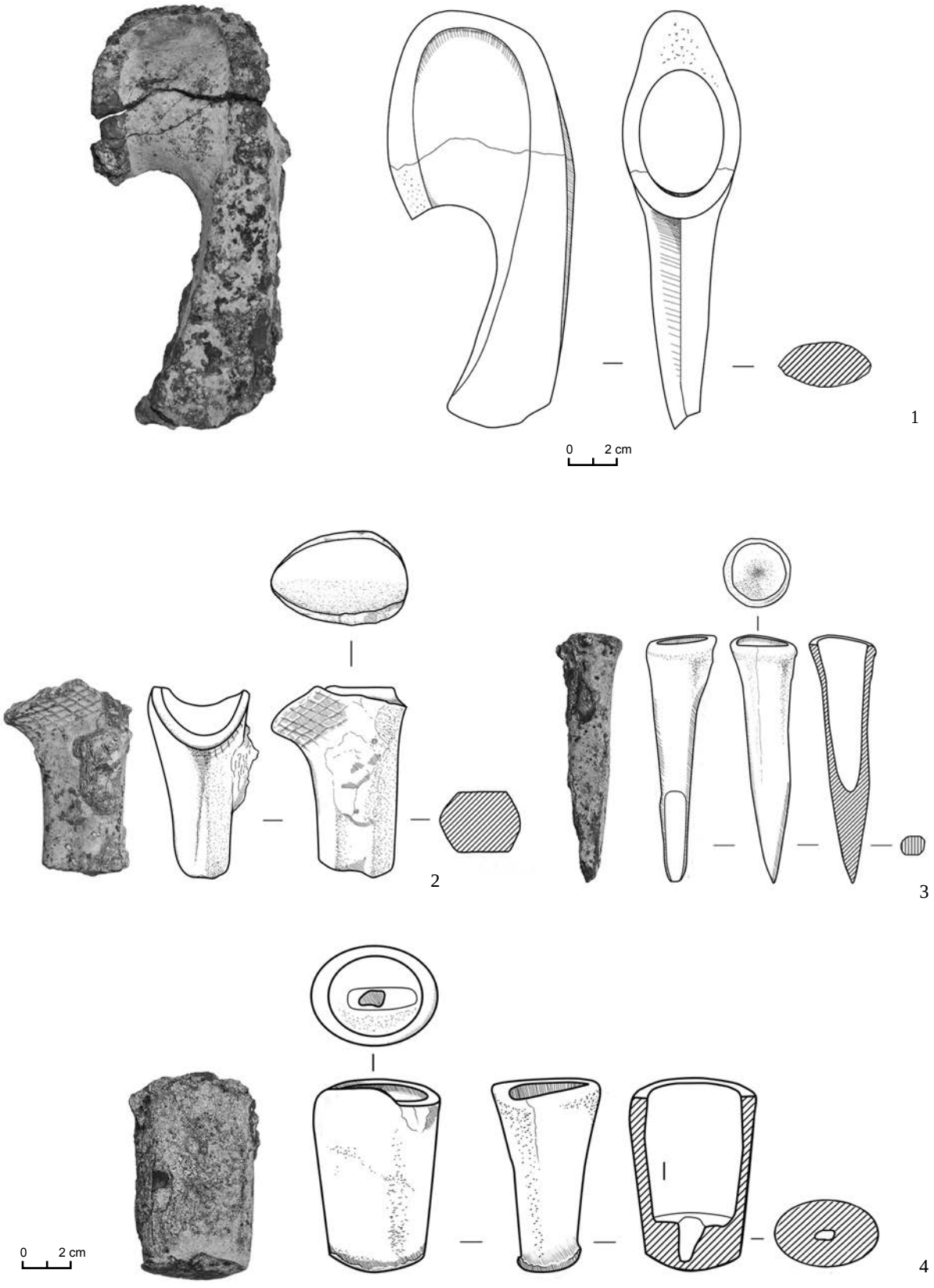
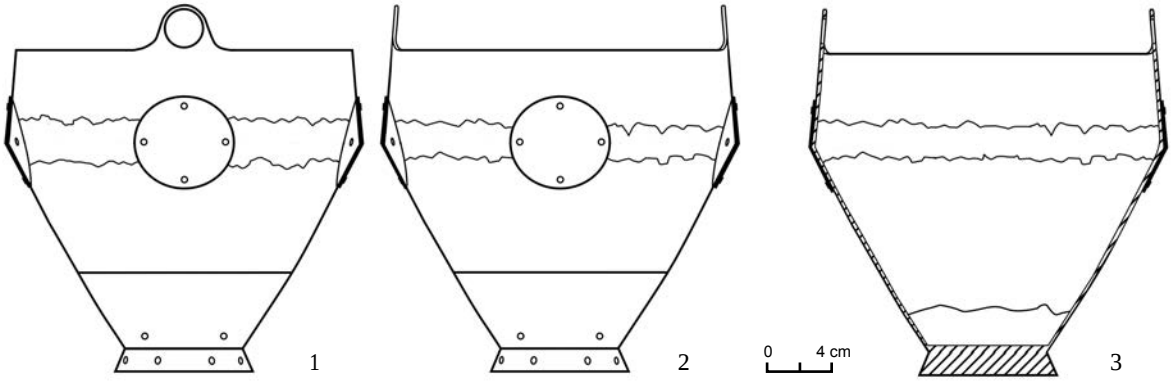


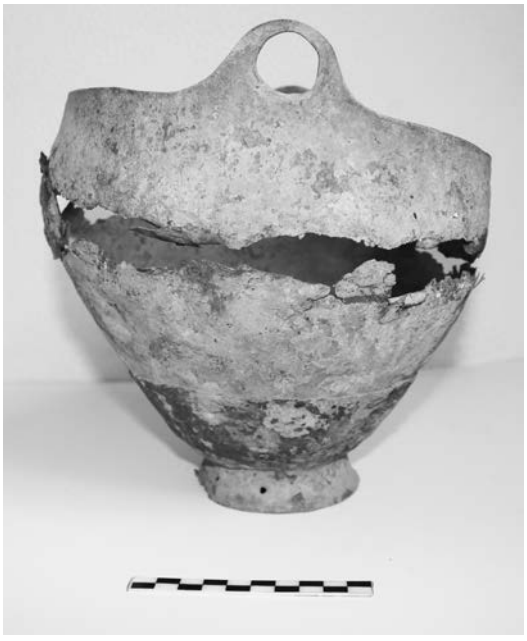
Рис. 3. Клад из Зайсанского района. 1 - Топор; 2 - фрагмент топора; 3 - кернер; 4 - кельтообразный молоток (фото С. Старикова).

Рис. 4. Клад из Зайсанского района. 1 - Крючок; 2 - бронзовые кольца (фото С. Старикова).

6. Топор вислообушный (шифр ВКОМ КПо91-37094). Втулка овальной формы. С обеих сторон обуха проходит валик-утолщение, клинок, чуть загнутый книзу, шестигранный в сечении (рис. 3/1). Длина топора – 163 мм, ширина лезвия – 53 мм.
7. Фрагмент вислообушного топора – часть втулки и рабочей части, на обухе прослеживается сетчатый орнамент (шифр: ВКОМ КПо91-37093) (рис. 3/2).
8. Кернер втульчатый (пробойник), клиновидный, рабочая часть четырехгранная в сечении (шифр: ВКОМ КПо91-37092). Длина – 101 мм, диаметр втулки – 22 мм (рис. 3/3). Рабочий край сработан, обломан.
9. Кельтообразный молоток (шифр: ВКОМ КПо91-37091). Втулка овальная в сечении, полый цилиндр слегка расширяется к втулке (рис. 3/4). Высота молотка – 75 мм, ширина рабочей части – 28 мм, диаметр втулки – 26 мм.
10. Крючок, изготовлен из округлого в сечении стержня (шифр: ВКОМ КПо91-37098). Рабочий конец округлый в сечении, заострен и загнут. Полупетля раскованная и уплощенная, загнута в той же плоскости, что и рабочий конец (рис. 4/1). Длина – 110 мм, диаметр стержня – 4 мм, ширина петли – 12 мм.
11. Кольца бронзовые (5 экз.) (рис. 4/2). Изготовлены из проволоки толщиной 3-6 мм, диаметр колец – 32-36 мм (шифры: ВКОМ КПо91-37099/1-5).
12. Сосуд металлический, тонкостенный (шифр: ВКОМ КПо91-37100) (рис. 5). Имеет биконическое тулово и низкий воронковидный поддон. Максимальный диаметр располагается в верхней трети сосуда. Венчик котла слегка утолщен и немного выступает наружу. На венчике диаметрально противоположно друг другу располагаются две кольцевидные ручки. Тулово и ручки котла изготовлены цельнолитым способом в одной литейной форме (рис. 5/4). Часть тулова в районе максимального диаметра отсутствует, вероятно, в результате длительной эксплуатации или производственного брака. Однако верхняя треть тулова в месте разлома скреплена с нижней частью округлыми литыми заплатами, которые присоединялись к нему с помощью заклепок (рис. 5/5). Возможно, средняя часть тулова дополнительно была прокована. Имеющийся в наличии поддон вместе с дном был прилит к нижней части котла (рис. 5/6, 7). Металл с внешней стороны охватил всю нижнюю треть сосуда. Кроме того, для дополнительного крепления нижней части котла и части стенок тулова с поддоном были сделаны отверстия, залитые литыми(?) «заклепками». Возможно, мы имеем дело с ремонтом сосуда, но возможно, что мастер предполагал изготовить цельнолитой сосуд вместе с поддоном, но что-то пошло не так, и он был вынужден прилить поддон с нижней частью тулова отдельно. В самом поддоне, в средней части, имеются семь отверстий, что дает возможность предположить наличие у него еще одной секции, на сегодняшний день утраченной.



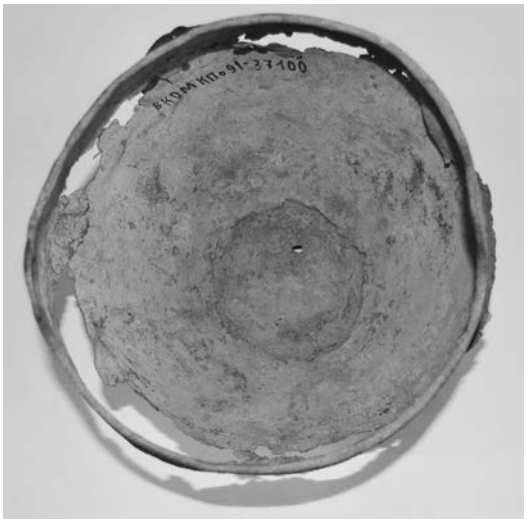
1 2 3



4

5

6



7

Рис. 5. Клад из Зайсанского района.
Сосуд металлический (фото С. Старикова).

Общая высота котла – 207 мм, высота ручек – 30 мм, диаметр венчика – 210 мм, диаметр нижнего основания поддона – 90 мм.

Анализируемый клад пополняет ряд известных комплексов случайных находок, которые являются характерными для эпохи поздней бронзы степной Евразии. В целом предметы клада из ВКО представляют типичный набор случайных комплексов эпохи поздней бронзы Жетысу, Кыргызстана и Восточного Казахстана как по составу, так и типологически. Не считаем необходимым повторять многочисленные аналогии предметам, которые приведены в обстоятельных публикациях при атрибутировании кладов (Акишев, Кушаев 1968; Арсланова 1980; Аванесова 1991; Кузьмина 1961; Кузьмина 1965; Кузьмина 1966; Кузьмина 1967; Григорьев, Чанг 2006; Сараев, Горячев 2011; Карабаспакова 2011; Джумабекова, Базарбаева 2013). Датируется XII-IX вв. до н.э.

Особенного внимания заслуживает фрагмент топора с сетчатым орнаментом. Археологические исследования показали широкое распространение вислообушных топоров, что позволяет считать их орудиями поздней бронзы, характерными для Восточного Казахстана, Алтая, Жетысу, севера Средней Азии. Исследователи пришли к выводу, что вислообушные топоры можно датировать XII-IX (VIII) вв. до н.э. (Карабаспакова 2011, 145). Случаи взаимовстречаемости вислообушных топоров с гребнем и топоров с валиковым утолщением края втулки, известным с федоровского времени, позволяют синхронизировать их. В связи с наметившейся в последние годы тенденцией к удревнению хронологических рамок федоровской и саргаринско-алексеевской культур такие комплексы, как Ростовкинский из Прииртышья, а также Предгорненский, Тюпский, Сокулукский-2 клады, исследователи относят к периоду сосуществования этих культур (XV-XIV вв. до н.э.) (Дегтярева, Нескоров 2015, 39).

Исследователь из Кыргызстана С.С. Иванов, рассмотрев находки орнаментированных вислообушных топоров (елочный, сетчатый, рельефные линии), пришел к выводу, что в целом территория их распространения охватывает Притяньшанье, Жетысу/Семиречье, Синьцзян и Алтай (Иванов 2014, 98). Отмечая, что вислообушные топоры с орнаментацией на обуховой части – сравнительно редкое явление в культурах андроновского круга, он предположил, что орнаментированные изделия представляют собой, вероятнее всего, локальную особенность части андроновской общности. Непосредственные аналогии изделию из Восточного Казахстана по характеру орнаментации – два топора из Чуйской долины. Орнамент в виде косой сетки имеется также на стенках кельтов-молотков из кладов у с. Садовое, Шамши. В верхней части орудий из Шамши и Борохудзира сохранился также одинаковый зигзагообразный знак.

Обнаруживаемые на территории Жетысу и Кыргызстана клады эпохи поздней бронзы состоят главным образом из орудий труда (серпов, ножей, тесел, долот, крючков, шильев), предметов, которые могут использоваться и как орудия труда, и как оружие (топоры, кельты и наконечники копий), и некоторых изделий, статус которых выходит за рамки чисто бытовых (зеркала, бритвы, а также кольца, булавки, бляшки).

До сих пор вызывает вопросы назначение кладов и предметов в них. Тщательное изучение орудий позволяет некоторым авторам сделать определенное заключение о назначении того или иного предмета. Так, атрибутируя шамсунский клад из Жетысу (16 предметов, в том числе серпы-косари, секачи-косари, цекан, долото, тесла, кельтообразный молоток, наконечник копья, кинжал, «утюжки», проколка, крючковидное изделие), авторы предположили, что тесло является инструментом мастера-тележника (Сараев, Горячев 2011, 41). Долото, с помощью которого можно сделать ровное и длинное отверстие, использовалось при изготовлении деревянного колеса (ступицы), ступы. Навершие рукояти долбежного инструмента – молоток (Сараев, Горячев 2011, 43). В целом орудия шамсунского клада, по мнению авторов публикации, принадлежали кузнецу-литейщику (Сараев, Горячев 2011, 46).

В настоящее время в интерпретации кладов, распространенных на территории Евразии в эпоху поздней бронзы, существует несколько точек зрения: семейные клады; клады литейщиков; кризисное состояние металлообработки в эпоху поздней бронзы вызвало сокращение производства металлических изде-

лий и образование многочисленных кладов; переход к подвижному скотоводству ускорил процесс имущественной дифференциации, а значит, и концентрацию ценностей в руках отдельных семей, военных вождей; ставшие частыми военные столкновения и походы обусловили увеличение числа кладов в конце эпохи бронзы; специализация общин и экономический обмен между ними отразились на появлении кладов металлических предметов; клады являются свидетельствами функционирования древних торговых путей (Кузьмина 1994; Березанская и др. 1986; Мерперт 1965; Морозов 1981; Массон 1976; Аванесова 1991).

Наиболее подробно и скрупулезно этот вопрос на материале кладов Восточной Европы рассмотрел В.С. Бочкарёв (Бочкарёв 2010, 159-164). Автор отмечает, что причины, по которым происходило накопление большого количества металла и последующий вывод его из обращения посредством кладов, остаются неясными. Он выделяет три основных направления характера кладов: экономическое, религиозное (вотивное), социальное. Автор привел классификацию кладов в рамках экономического направления (сокровища, клады литейщиков, странствующих мастеров, торговые клады, домашние или персональные).

Схожее мнение высказал немецкий исследователь Свенд Хансен: «Владельцы предавали все эти предметы земле, не намереваясь когда-либо снова их использовать. Заложена идея обмена дарами, от обмена дарами с богами ждали еще большего подарка» (Хансен 2013, 279).

Данной классификации придерживаются и российские исследователи: О.Н. Корочкова, В.И. Стефанов, Е.В. Усачев, С.А. Ханов (Корочкова и др. 2013). Анализируя клад из Среднего Притоболья, они подчеркивают типичный функциональный состав (серпы, ножи, кельт, долото) комплекса. Полагают правомерной и перспективной оценку гладунинского комплекса в рамках экономической концепции как персонального или домашнего клада. Датировка – в рамках алакульской культуры.

Уникальным предметом в составе клада из Восточного Казахстана является клепаный сосуд. Медные металлические сосуды эпохи поздней бронзы представляют собой редкую находку в восточной части Евразийских степей.

Основная территория их распространения располагается в западном регионе Евразии - в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе. Поэтому каждый новый экземпляр, обнаруженный еще и в комплексе, приковывает пристальное внимание исследователей. Среди кладов бронзовые сосуды встречены в составе Андреевского – котел и цедилка (Карабаспакова 2011, табл. 57/4, 5). Однако он отличается, поскольку свернут из одного бронзового листа, края которого скреплены заклепками. Заклепками же прикреплялось и дно сосуда. Дата клада – XII-IX (VIII) вв. до н.э. (Карабаспакова 2011, 163-165).

В составе предметов, выявленных на Измайловском могильнике (ограда 25), есть цедилка (Ермолаева 2012, 61, рис. 60/1). Датировка цедилки – по предметам клада и материалам могильника Измайловка – определяется переходным периодом от эпохи бронзы к раннему железу.

Металлические сосуды найдены в Центральном Казахстане в Карагандинской области в могильниках Ащису, к. 4 (Кукушкин 2011, 103-109; Кукушкин 2012, 63-80) и Нураталды-1, ограда №5 (Кукушкин и др. 2016, 85-92). Оба сосуда практически идентичны друг другу, с нашим их сближает форма тулова, повторяющая форму остроребериых «андроновских» горшков, а также наличие воронковидного поддона. В то же время котел из Зайсанского клада имеет вертикальные кольцевидные ручки, которые отсутствуют у сосудов из могильников Ащису и Нураталды-1. Отличается и способ прикрепления поддонов. Авторы исследования предполагают, что отдельно изготовленный поддон вставлялся в уже нагретую часть тулова, которая при охлаждении его плотно охватывала (Кукушкин 2011, 106; Кукушкин и др. 2016, 89). В нашем случае поддон вместе с дном был прилит к нижней части сосуда и дополнительно укреплен заклепками. По времени могильник Ащису отнесен к памятникам, близким петровской культуре, датируется рубежом III-II или началом II тыс. до н.э. Примечательно, что могильник отнесен к памятникам колесничного круга с захоронениями представителей военной аристократии (Кукушкин 2011, 106, 109). Могиль-

ник Нураталды-1, ограда №5 – XIX-XVIII вв. до н.э. (Кукушкин и др. 2016, 90). Аналогии котлу из Зайсанского клада обнаруживаются в западной части Евразии. Вопросы изучения типологии металлических сосудов эпохи поздней бронзы и начала раннего железного века анализировались в ряде работ (Бочкарьов 1972, 63-78; Демиденко 2005, 93-103; Отрощенко, Тупчієнко 2005, 176-187). Не так давно В.С. Бочкарёв предложил новую классификацию, в которой учел все достоинства и недостатки предшествующих работ (Бочкарёв 2010, 185-208). В соответствии с ней, анализируемый нами сосуд может занимать промежуточное положение между группами IIБ и IIIБ. С первыми, в частности с котлом из Аскания Нова, его сближают достаточно приземистые пропорции, общий абрис тулова, воронковидный поддон и ручки, отлитые вместе с верхней частью сосуда. С группой IIIБ Зайсанский котел объединяет также наличие ручек, отлитых вместе с верхней частью сосуда, что рассматривается В.С. Бочкарёвым как один из характерных признаков данной группы, утолщенный венчик, наличие поддона. Правда, поддоны у группы IIIБ имеют более изящные очертания (Бочкарёв 2010, рис. 3-6). Исходя из имеющихся данных, исследуемый нами котел может датироваться по В.С. Бочкарёву в рамках конца XIII-XII вв. до н.э., что не противоречит датировке остальных предметов клада.

Можно предположить характер клада из Зайсанского района как домашнего (персонального).

Библиография

Аванесова 1991: Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям) (Ташкент 1991).

Акишев, Кушаев 1968: К.А. Акишев, Г.А. Кушаев, Древняя культура саков и усуней долины реки Или (Алма-Ата 1968).

Арсланова 1980: Ф.Х. Арсланова, К датировке металлических изделий эпохи бронзы Казахстанского Прииртышья. В сб.: Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана (Алма-Ата 1980), 82-95.

Березанская и др. 1986: С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Н.Н. Чередниченко, И.Н. Шарафутдинова, Культуры эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1986).

Бочкарьов 1972: В.С. Бочкарьов, Кіммерійскі казани. Археологія 5, 1972, 63-68.

Бочкарёв 2010: В.С. Бочкарёв, О металлических котлах эпохи поздней бронзы Восточной Европы. В кн.: Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы (Санкт-Петербург 2010), 185-208.

Григорьев, Чанг 2006: Ф.П. Григорьев, К. Чанг, Клад металлических изделий эпохи бронзы из северо-восточного Семиречья. В сб.: Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья, вып. 2 (Павлодар 2006), 148-158.

Дегтярева, Нескоров 2015: А.Д. Дегтярева, А.В. Нескоров, Ростовкинский клад бронзовых изделий эпохи бронзы (культурная интерпретация). В сб.: Вестник археологии, антропологии и этнографии, №3 (30) (Тюмень 2015), 32-41.

Демиденко 2005: С.В. Демиденко, К вопросу о происхождении клепаных «киммерийских» котлов Северного Причерноморья. В сб.: Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья, посвящ. памяти В.С. Ольховского (Москва 2005), 93-103.

Джумабекова, Базарбаева 2013: Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева, Художественные бронзы Жетысу (Алматы 2013).

Ермолаева 2012: А.С. Ермолаева, Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы - раннее железо) (Алматы 2012).

Иванов 2014: С.С. Иванов, Новые находки орнаментированных вислообушных топоров эпохи бронзы из Кыргызстана. В сб.: Теория и практика археологических исследований, №1 (9) (Барнаул 2014), 91-100.

Карабаспакова 2011: К.М. Карабаспакова, Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы (Алматы 2011).

Корочкова и др. 2013: О.Н. Корочкова, В.И. Стефанов, Е.В. Усачев, С.А. Ханов, Гладунинский клад эпохи бронзы. В сб.: Уральский исторический вестник, №2 (39) (Екатеринбург 2013), 129-136.

Кузьмина 1961: Е.Е. Кузьмина, К вопросу о некоторых типах орудий Киргизии эпохи поздней бронзы (по материалам Иссык-Кульского клада). В сб.: Изв. АН КиргССР, сер. обществ. наук, т. 3, вып. 3. (Фрунзе 1961), 103-110.

Кузьмина 1965: Е.Е. Кузьмина, Хронология некоторых кладов Семиречья. В сб.: Новое в Советской археологии (Москва 1965), 106-110.

Кузьмина 1966: Е.Е. Кузьмина, Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. В сер.: Свод археологических источников, вып. В4-9 (Москва 1966).

Кузьмина 1967: Е.Е. Кузьмина, Клад у с. Предгорное и вопрос о связях населения евразийских степей в конце эпохи бронзы. В сб.: Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР (Киев 1967), 214-216.

Кузьмина 1994: Е.Е. Кузьмина, Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев (Москва 1994).

Кукушкин 2011: И.А. Кукушкин, Металлические изделия раннеандроновского могильника Ащису (Центральный Казахстан). РА 2, 2011, 103-109.

Кукушкин 2012: И.А. Кукушкин, Могильник Ащису. Курган с металлическим сосудом. В сб.: Археология и история Сарыарки (Караганды 2012), 63-80.

Кукушкин и др. 2016: И.А. Кукушкин, В.Г. Ломан, А.И. Кукушкин, Е.А. Дмитриев, Погребение с металлическим сосудом в могильнике Нураталды-1 (эпоха бронзы). В сб.: Уральский исторический вестник, №4 (53) (Екатеринбург 2016), 85-92.

Кущ, Джумабекова, Базарбаева 2016: Г.А. Кущ, Г.С., Джумабекова, Г.А. Базарбаева, Клад металлических изделий эпохи бронзы из Восточного Казахстана. В сб.: Актуальные проблемы археологии Евразии. Материалы междунар. научн.-практич. конф., посвящ. 25-летию независимости Республики Казахстан и 25-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана (18-19 октября, 2016 года) (Алматы 2016), 149-158.

Массон 1976: В.М. Массон, Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии) (Ленинград 1976).

Мерперт 1965: Н.Я. Мерперт, Сабанчеевский клад. В сб.: Новое в советской археологии (Москва 1965), 149-155.

Морозов 1981: Ю.А. Морозов, Проявление специализации производства в хозяйстве срубного населения Южного Урала. В сб.: Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала (Уфа 1981), 57-67.

Отрощенко, Тупчіенко 2005: В.В. Отрощенко, М.П. Тупчіенко, Бронзові клепані Казани та Донецький гірнично-металургійний центр. В сб.: Проблеми гірничної археології (Алчевськ 2005), 176-187.

Сараев, Горячев 2011: В.В. Сараев, А.А. Горячев, Шамсунский клад эпохи поздней бронзы у северных склонов Заилийского Алатау. В сб.: Изв. НАН РК. Сер. обществ. наук, №3 (282) (Алматы 2011), 37-47.

Хансен 2013: Св. Хансен, Клады в Европе эпохи бронзы. В кн.: Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое - первое тысячелетия до новой эры [Каталог выставки] (Санкт-Петербург 2013), 279-289.

Depozitul cu cazan nituit din perioada târzie a epocii bronzului din Kazahstanul de Est

Cuvinte-cheie: Kazahstanul de Est, epoca bronzului, depozit, metal, unelte, cazan.

Rezumat: Articolul introduce în circuitul ştiinţific un depozit din perioada târzie a epocii bronzului descoperit în Kazahstanul de Est. Analogiile pieselor din depozit se găsesc în mediul culturilor de tip Andronovo răspândite în Altai, zona Tien Shan, Žetysu, Xinjiang.

În cadrul depozitului un interes deosebit prezintă toporul cu gaura de înmănuşare transversală şi cazanul nituit. Descoperirile arheologice au demonstrat o răspândire foarte largă a topoarelor cu gaura de înmănuşare transversală, ceea ce permite să considerăm că acest tip era caracteristic perioadei târzii a epocii bronzului în Kazahstanul de Est, Altai, Žetysu şi în zona de nord a Asiei Centrale. Se poate trage concluzia că acest tip de topoare poate fi datat în sec. XII-IX (VIII) a. Chr.

Vasele de metal reprezintă o categorie de piese rar întâlnită în zona de est a stepelor eurasiatice. În afară de exemplarul prezentat, vase de metal au fost descoperite în zona centrală a Kazahstanului – necropolele Ascisu şi Nurataldy (XIX-XVIII a. Chr.). În Kazahstanul de est astfel de vase au fost atestate în necropola Izmajlovo, iar în partea de sud-est a Kazahstanului – în necropola Andreevsk, care se datează în sec. XII-IX (VIII) a. Chr.

Dar cele mai apropiate analogii ale vasului din Zajsan pot fi găsite în zona de vest a Eurasiei. Conform clasificării propuse de V.S. Bočkarev, care a evidenţiat trei grupe principale de vase de metal, exemplarul din Kazahstanul de Est poate fi plasat într-o poziţie intermediară între grupele IIБ şi IIIБ, ceea ce permite încadrarea lui între sfârşitul sec. XIII şi începutul sec. XII a. Chr. Depozitul, însă, poate datat în limita sec. XII-IX a. Chr.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Localizarea depozitului în raport cu amplasarea localităţilor Ust'-Kamenogorsk, Zajsan, Dairovo, Kokžyra (după D. Duisenbai).

Fig. 2. Depozitul din raionul Zajsan. 1-2 - Dălţi; 3-5 - tesle (foto S. Starikov).

Fig. 3. Depozitul din raionul Zajsan. 1 - Topor; 2 - fragment de topor; 3 - dorn; 4 - topor-celt (foto S. Starikov).

Fig. 4. Depozitul din raionul Zajsan. 1 - Cârlig; 2 - inele din bronz (foto S. Starikov).

Fig. 5. Depozitul din raionul Zajsan. Vas din metal (foto S. Starikov).

A Late Bronze Age hoard with a riveted vessel from East Kazakhstan

Keywords: East Kazakhstan, Bronze Age, hoard, metal tools, cauldron.

Abstract: This article presents a hoard of the Bronze Age metal objects found in the East Kazakhstan region. Parallels to the items from the hoard are found among antiquities of the Andronovo culture of the Altai, the Tien Shan area, Jetysu, Xinjiang. The assemblage from Zaisan published here enlarged the group of hoards typical for the Late Bronze Age. The most interesting objects among the ones included in the hoard are the riveted cauldron and the axe with curved butt and grid decoration.

Archaeological studies revealed the wide distribution of axes with curved butts that allow us to consider them as characteristic instruments of the Late Bronze Age period in the areas of East Kazakhstan, the Altai, Jetysu, Central Asia, and the northern part of Central Asia. Researchers came to the conclusion that this type of axes can be dated to the 12th - 9th (poss. 8th) centuries BC.

Metal vessels of the Late Bronze Age (especially, the copper ones) are rarely found in the eastern part of the Eurasian steppes. Besides the cauldron described in the article, some metal vessels were discovered in Central Kazakhstan at the cemeteries of Ashchisu and Nurataldy-1 (20th - 19th centuries BC). Also, similar objects are known among the materials of the Izmailov cemetery in East Kazakhstan, and metal items of the Andreevka hoard from south-eastern Kazakhstan dated to the 12th - 9th (poss. 8th) centuries BC.

Meanwhile, the closest parallels to the cauldron from the Zaisan hoard can be seen in the western part of Eurasia.

Taking into account V.S. Bochkarev's classification that consists of three main groups of metal cauldrons, the vessel from East Kazakhstan may occupy an intermediate position between the groups IIB and IIIB. This allows us to date the cauldron to the end of the 13th - 12th centuries BC, while the more probable date for the Zaisan hoard as a whole lays within the range of the 12th - 9th centuries BC.

List of illustrations:

Fig. 1. Localization of the hoard in relation to the settlements of Oskemen, Zaisan, Kokjyra, and Daiyr (prepared by D. Duisenbay).

Fig. 2. The Zaisan hoard. 1-2 - Chisels; 3-5 - adzes (photo by S. Starikov).

Fig. 3. The Zaisan hoard. 1 - Axe; 2 - axe fragment; 3 - punch; 4 - socketed hammer (photo by S. Starikov).

Fig. 4. The Zaisan hoard. 1 - Hook; 2 - bronze rings (photo by S. Starikov).

Fig. 5. The Zaisan hoard. Metal vessel (photo by S. Starikov).

17.10.2016

Галина Кущ, Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей, ул. К. Кайсенова, 40, 070000 Усть-Каменогорск, Казахстан.

Др. Гульнара Джумабекова, Отдел первобытной археологии, Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК, пр. Достык, 44, 050100 Алматы, Казахстан, e-mail: gdzhuma@mail.ru

Др. Сергей Демиденко, Отдел скифо-сарматской археологии, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117036 Москва, Россия, e-mail: svdemidenko@hotmail.com

Др. Галия Базарбаева, Отдел первобытной археологии, Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК, пр. Достык, 44, 050100 Алматы, Казахстан, e-mail: galiya2002@gmail.com

ПОИСК ГЕОГРАФИИ И ПУТЕЙ ФОРМИРОВАНИЯ МИФОРИТУАЛЬНОЙ СИМВОЛИКИ ЖЕЛЕЗА У НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Николай Тупчиенко

Ключевые слова: древний металл, медь, бронза, железо, символика, технологии, знания, миф, ритуал.

Значительная длительность процесса формирования мифоритуальной символики железа и железных изделий в традиционной культуре восточнославянских народов, начало которой теряется на заре знакомства человека с самородными металлами в глубине тысячелетий, обусловливает необходимость провести анализ результатов археологического изучения древностей палеометалла на территории современной Украины с точки зрения целесообразности их использования в этнологических исследованиях поиска путей формирования этой символики.

Поэтому целью данной работы выступает попытка на основании историографического анализа археологической литературы, посвященной вопросам исследования древней и средневековой металлургии в Северном Причерноморье, обобщить их результаты, выявить географию и пути распространения металлургических знаний, определить механизмы их распространения, а также определить некоторые методологические подходы к изучению символики палеометалла в археологических исследованиях.

Подавляющее большинство археологов, которые занимаются проблематикой палеометалла, обходят вопрос его символики. Предметом их научных исследований, как правило, выступают: локализация мест горных разработок, древние технологии производства, химический состав металла, пути распространения технологий и самого металла. Но результаты археологических исследований в области палеометалла могут быть использованы и при решении задач, поставленных в данной работе, особенно это касается этнокультурных связей в области распространения как металлодобывающих технологий, так и самого металла. При этом стоит принять во внимание труды, касающиеся не только археологии черной металлургии, но и металлургии в целом, поскольку, с одной стороны, это позволяет выявить закономерности и тенденции в распространении знаний, связанных с металлообработкой и горным делом дописьменного периода, а с другой стороны, железо, сначала метеоритное и самородное, а позже и сварное использовалось одновременно с цветными металлами на протяжении всего времени знакомства человечества с металлами.

Первый свод металлических изделий и литейных форм для их изготовления, открытых на территории Восточной Европы, создал финский археолог А. Тальгрен, который среди вещей Козоревского и Щетковского кладов отметил происходящие из Николалаевской и Кировоградской областей изделия эгейского и балканского происхождения (Клочко 1990). В это же время В.А. Городцов положил начало попыткам этнокультурной атрибутации и датированию случайных находок металлических изделий бронзового века, связав ряд находок бронзовых изделий из Северного Причерноморья с киммерийцами (Городцов 1928, 46-60). А.А. Иессен в ряде своих работ на примере металлических изделий рассмотрел вопрос о связях в эпоху бронзы Северного Причерноморья с Кавказом, Балканами и Малой Азией. Он ввел в научный оборот понятие «северопричерноморского очага металлообработки», объединив местные металлические изделия позднего бронзового века, а также высказав ошибочные тезисы об отсутствии местных источников сырья и о преимущественно импортном характере находок металлических изделий, что на длительное время определило направление исследований

древней металлургии Украины, в частности в трудах Н.В. Рындиной и Е.Н. Черныха (Иессен 1947, 22-45; Иессен 1935, 95).

Так, Е.Н. Черных в своих работах, посвященных районированию провинций древней металлургии, определил наличие гигантской Циркумпотийской металлургической провинции (ЦМП) раннего (РБВ) и среднего (СБВ) бронзового века, которая по существу являлась центральной системой для всего Старого мира с середины IV по начало II тыс. до н.э. В пределах этой провинции южная половина Восточной Европы, т.е. Северное Причерноморье, образовывала ее северную периферию. При этом автор придерживался концепции А.А. Иессена, о преимущественно металлообрабатывающем характере степных культур энеолита-бронзы Украины. Даже в обобщающих работах последних десятилетий восточноевропейские степи рассматриваются исследователем как «безрудная» северная зона культур скотоводов, которые потребляли металл в виде готовых изделий или слитков, поступавших из южной «металлоносной» зоны земледельческих культур (Кавказа, Балкан, Малой Азии), и которые представляли средиземноморско-ближневосточные металлургические традиции. Выделенный им раннетрипольский очаг металлообработки рассматривается в качестве крайнего восточного в системе Балкано-Карпатской металлургической провинции энеолита, которая сформировалась под воздействием исходного импульса из Малой Азии. По мнению исселдователя, металл степных древностей энеолита практически во всех случаях идентичен раннетрипольскому, что указывает на зависимость степного населения от металлоснабжения трипольцами (Черных 1978а, 58-59). Во время ранней и средней бронзы в степной части Восточной Европы среди курганных культур Е.Н. Черных выделяет несколько очагов металлургии, которые продолжают заниматься преимущественно обработкой металла, поступавшего из Кавказа и Малой Азии в виде слитков и готовых изделий. На основании статистических данных учёта находок металла в Циркумпонтийской металлургической провинции Е. Н. Черных приходит к выводу, что в период РБВ (третья четверть IV - середина III тыс. до н.э.) около 45% всей выплавленной на юге меди переправлялось за тысячи километров на север, «курганным народам», тогда как в эпоху СБВ (середина III тыс. - 18-17 в.в. до н.э.) эта часть возрастает до 60%, то есть в безрудную Восточную Европу шла преобладающая часть выплавленного на юге металла, среди которого преобладали изделия, имешие символическую функцию (Черных 1991, 165). Исследователь считает, что вместе с металлом из южных металлоносных зон на территорию Северного Причерноморья проникали и связанные с ним идеи, к которым с полным правом можно отнести и символические значения металлов. Но Е.Н. Черных полностью не отбрасывает возможность незначительных разработок местных (Донецких) месторождений руд, которые не имели значительного веса в снабжении металлом региона (Черных 1966; Черных 1976; Черных 1978а; Черных 1978б).

Взгляды Н. В. Рындиной в определенной мере совпадают с идеями А.А. Иессена и Е.Н. Черныха. На основании результатов металлографического и спектрального анализов металла, который связывается с памятниками трипольской культуры и культур шнуровой керамики, исследовательница приходит к выводу, что знакомство с самородным металлом, к которому принадлежат и железные метеориты, состоялось еще в эпоху мезолита, но появление металлических изделий на территории Украины, как из самородного, так и из выплавленного из руды металла, относится к энеолиту (пер. пол. IV тыс. до н.э.) и связана с населением трипольской культуры этапов А и В.

Доминирование холодной ковки в начале эры палеометалла, считает исследовательница, свидетельствует о применении техники изготовления каменной индустрии также к металлу. По мнению Н. В. Рындиной трипольские металлурги работали с привозным металлом из Балкан, поскольку не имели собственной сырьевой базы. При этом исследовательница утверждает, что трипольские металлурги изготовляли практически весь ассортимент металлических изделий сами, а не импортировали их в готовом виде. По мнению исследовательницы балкано-карпатские влияния имели место и в более поздний период средней бронзы среди металлургов культур шнуровой керамики, но также начинают использоваться и местные месторождения медных руд (следы

разработок одного из них выявлены около с. Большой Минск в Ровенской обл.), что означало зарождение местного горного дела (Рындина 1971; Рындина 1980; Рындина 1998).

Работы С.С. Березанской, А.Л. Нечитайло и других исследователей показали, что влияние Кавказа, Балкан да и в целом ближневосточно-средиземноморской традиции в сфере распространения металлообработки и металлургии в Северном Причерноморье не ограничивались лишь проникновением металла и изделий из него в результате торгово-обменных процессов, но и свидетельствует о присутствии самих металлургов из указанных регионов, которые непосредственно приносили с собой не только технологии производства, но и совокупность соответствующей специальной терминологии, религиозных идей и символов, связанных с металлом и металлургией. Особенно это касается кавказских металлургов во время распространения катакомбной культуры в Украине (Нечитайло 1992, 22-29; Нечитайло 1978, 16-26; Березанская 1980, 248-256; Черных 1987, 98-108; Сайко 1981, 78).

Л.С. Клейн при изучении донецкой культуры катакомбной культурно-исторической области предположил, что эта культура в целом является результатом взаимодействия разных культурных влияний, среди которых основное место могут занимать южные ближневосточные и восточно-средиземноморские (Клейн 1962, 74-87).

С.Ж. Пустовалов пошел еще дальше. Отмечая наличие у населения ингульской культуры целостной развитой религиозной системы, которая имеет параллели на Древнем Востоке, он считает маловероятным ее возникновение лишь в результате культурных влияний и заимствований. В противном случае, без носителей этих представлений имело бы место овладения местным населением одной или двумя чертами, а не наличие системы взглядов и представлений, которые базируются на культе предков. Поэтому, считает исследователь, нужно отдать предпочтение южной гипотезе происхождения ингульской культуры, а среди ее этнических компонентов важнейшее место – этносу ближневосточного происхождения, который мигрировал в Северное Причерноморье из достаточно широкой территории между Нилом на востоке и Тигром, и Евфратом на западе (Пустовалов 1993, 30- 31).

Утверждение археологов об участии в формировании катакомбной культурно-исторической области непосредственно представителей этносов Кавказа и Ближнего Востока ставит вопрос о влиянии последних не только на становление технологии металлообработки у населения Северного Причерноморья, но и привнесение ими соответствующей терминологии и системы религиозных верований и обрядов связанных с металлом и его производством, которые не прослеживаются археологически.

Металлообработке населения Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы посвящена обобщающая статья А.М. Лескова «О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы» (Лєсков 1967), в которой он отметил, что в период существования здесь племен срубной культуры, начиная с середины II тыс. до н.э. и до конца бронзового века, чётко прослеживается прогрессивное развитие форм металлических изделий, которые составляли важную часть культурного комплекса раннесрубных племен. При этом, на разных этапах развития племен срубной культуры их металлообработка была связана с разными внешними базами сырья, при отсутствии собственной. Последнее накладывало соответствующий отпечаток на формы и типы изделий. Ни отсутствие своего сырья, ни значительное расстояние, которое отделяло срубные племена причерноморских степей от центра срубной культуры в Поволжье, ни время развития на новом месте не смогли, как считает исследователь, побороть культурно-этническую общность срубных племён. Последняя выразилась в общности форм и орнаментирования металлических изделий в сходстве путей развития металлообработки в Поволжье и Причерноморье. На основании этого он возражает касательно отсутствия генетической связи сабатиновской и белозерской культур со срубной, их существования как самостоятельных культур. Автор также считает, что познесрубные племена (сабатиновского и белозерского этапов) были тесно связаны с белогрудовскими и раннечернолесским племенами лесостепи и оказали значительное влияние на формирование культурного комплекса

последних, что не могло не отобразиться и на металлообработке. Для нас интересным является вывод исследователя о возобновлении кавказского влияния в металлообработке на степные племена белозерского этапа, который фактически прекратился в сабатиновское время, уступив место влияниям Балкано-Карпатской провинции. Возобновление связей с Кавказом при этом объясняется малоазийскими походами киммерийцев, которые имели место не только в VIII в. до н.э., что нашло отражение в восточных письменных источниках, но и значительно раньше. Киммерийцы, по мнению А. Лескова, полностью соответствуют белозерскому этапу срубной культуры.

Исследование последних двух десятилетий на территории Украины откорректировали выводы о безрудности древней металлообработки в степной части Украины периода средней и поздней бронзы, что нашло отражение в третьем разделе коллективной монографии «Ремесло эпохи энеолита - бронзы на Украине» (Березанская и др. 1994, 99-132). В отличие от предыдущих исследователей автор раздела В.И. Клочко, исходя из данных геологов о металлогении Украины, утверждает, что по богатству медными рудами, равно как и рудами металлов, которые использовались в древности во время получения искусственных сплавов, – мышьяка и олова, территория Украины не уступает древней Анатолии, и существенным отличием между ними является лишь практическое отсутствие целенаправленных исследований древних разработок в Украине. О богатстве Северного Причерноморья рудами отмеченных металлов, в частности мышьяка, знали также античные авторы. В то же время, считает В.И. Клочко, в соответствии с нынешними представлениями, металлургические знания во время энеолита появились на территории нынешней Украины в готовом, относительно развитом виде, вместе с переселением на эту территорию части балканского населения, которое создало трипольскую культуру, и которое продолжало поддерживать связи с Балканами относительно металлоснабжения. Открытие в Приднестровье залежей руд богатых медью позволяет автору выразить предположение о возможности их разработок трипольским населением, но основным поставщиком металла были Балканы, откуда через посредничество трипольского населения металл попадал и в степную часть Северного Причерноморья.

В период ранней бронзы на территории Украины четко прослеживаются «сферы влияния» двух больших горно-металлургических областей этого времени – Кавказского и Балкано-Карпатского. Позднетрипольське население продолжало много традиций энеолитической металлообработки, но и вводили инновации, заимствуя их с Балкан. Степные же металлурги, развивая кавказские традиции, налаживают собственное производство металла и изделий из него. Если до недавнего времени кавказская металлургия рассматривалась лишь как экспорт готовых изделий из Кавказа в степь и дальше на север в лесостепь, то последние исследования позволяют автору утверждать, что ведущую роль в распространении приемов металлургии и металлообработки раннего бронзового века на территории Украины играли не импорты готовых изделий, а распространение профессиональных знаний, скорее всего, путешествующими группами профессиональных металлургов и кузнецов.

В эпоху средней бронзы наблюдается продолжение доминирующего влияния вышеназванных двух металлургических традиций: кавказской и европейской (балканской). Катакомбные, а потом и племена культуры многоваликовой керамики продолжали развивать кавказскую металлургическую традицию, тогда как племена культур шнуровой керамики на раннем этапе изготавливали изделия, характерные для общеевропейского «шнурового» горизонта, пользуясь преимущественно технологией балканских металлургических традиций, рядом с которыми возникали и локальные местные особенности. Постепенно металлургия шнуровых культур приобретала все более яркие локальные особенности, которые в конечном итоге, переросли в качественно новую, оригинальную технологическую традицию, что определило основные особенности металлургии позднего бронзового века в Украине.

В позднем бронзовом веке исчезает влияние кавказских металлургических традиций и преобладающими становятся местные локальные металлургические традиции, сфор-

мировавшиеся на базе культур шнуровой керамики. Металлургия племен западных областей Украины ощущала на себе существенное влияние карпатских металлургических традиций, на остальных же территориях возникли и развивались такие местные традиции, такие как сабатиновская (красномаяцкая), восточнотшинецкая (кардашинская), лобойковская (сосницкая). В конце позднего бронзового века красномаяцкий очаг практически прекратил свою деятельность на территории современной Украине, сохранившись в измененном виде на территории Румынии, тогда как остальные два продолжали функционировать и на белозерском этапе. В работе В.И. Клочко правомерно ставится вопрос о достаточно раннем использовании местных месторождений металлоносных руд на протяжении энеолита-бронзы, что способствовало формированию полного цикла технологии металлургии и металлообработки в Северном Причерноморье, включая горное дело, хотя импульсы инноваций в области металлургических знаний были связаны с внешними влияниями и заимствованиями из двух соседних областей (Кавказа и Балкан) Циркумпонтийской металлургической провинции, которые, в свою очередь, были генетически связаны с Малой Азией.

Достижения в области горной археологии стали предметом обсуждений I-го и II-го международного Картамышского полевого археологического семинара. В докладах С.И. Татаринова, Л.А. Черных, В.В. Отрощенко, Ю.М. Бровендера и других выступавших обосновывается мысль о функционировании медных рудников в пределах Донецкого и Ингуло-Красномаяцкого очагов металлургии периода средней и поздней бронзы, которая не исключает использование этих рудников и в более раннее время, по крайней мере, со времени энеолита. При этом в пределах очагов металлообработки наблюдается превышающая в 2,5 разы концентрация металлических изделий, по сравнению с остальной частью территории степи, а также наблюдаются изменения в социальной структуре местного населения, в частности, на прилегающих к рудникам территориях концентрируются захоронения металлургов, а по периметру территорий со следами древних рудоразработок наблюдается концентрация памятников, которые напоминает охрану отмеченных территорий определенной этнической или другой социальной группой. Местное сырьё давало возможность изготовлять даже такие металлосодержащие изделия, как клёпанные казаны и подобные вещи (Отрощенко, Тупчієнко 2003, 116-124; Татаринов 2003, 196-2005; Черных 2003, 213-222; Бровендер 2003, 22-35). Все это противоречит тезису Е.Н. Черныха о незначительной роли рудоразработок Северного Причерноморья в металлоснабжении местного населения, а следовательно, может подтверждать зарождение собственных металодобывающих традиций в Северном Причерноморье эпохи средней и поздней бронзы. Более того, исследования С.С. Березанской и С.И. Татаринова показали наличие прямой связи между местной технологией медеплавления и металлургией железа, как ее преемницей, в степной и лесостепной части Украины эпохи поздней бронзы, что отразилось на бифункциональности металлургических мастерских (Татаринов 1980; Татаринов 2002, Татаринов 2003). Масштабы горных работ в бассейне Северского Донца в эпоху поздней бронзы свидетельствуют о наличии достаточно сложной технологической базы и производственной системы по добыче меди, так же как и первичной обработки руды, что позволяет допускать возможность транспортировки обогащенной руды на отдаленные территории, богатые лесом (древесным углем), и приближения к численным потребителям медных изделий (Бровендер, Гайко, Шубин 2003, 39; Молодин, Пряхін 2003, 113).

Несмотря на это, местное рудоснабжение поздней бронзы не могло удовлетворить растущие потребности населения срубной культуры в меди, что оставляло Северное Причерноморье импортозависимым от традиционных поставщиков металла с юга. Поэтому и в эпоху поздней бронзы не исчезает фактор влияния ближневосточно-средиземноморской традиции в сфере металлургии, шедшего, в частности, через Северный Кавказ, тем более, что Донецкий горно-металлургический центр средней и поздней бронзы (в дальнейшем ДГМЦ) находился в непосредственной близости от последнего и испытывал влияние более развитого соседа.

В течении эпохи средней и поздней бронзы на территорию Северного Причерноморья продолжает поступать металл кавказского и балканского происхождения, тогда как металл хронологически и культурно близких восточных месторождений Каргалы, по утверждению Е.Н. Черныха, В.И. Молодина и А.Д. Пряхина, здесь отсутствует вообще (Черных 2002, 85; Молодин, Пряхин 2003, 114). Исследователи отмечают значительное разнообразие импортов из Средиземноморья, к которым принадлежит наступательное и защитное бронзовое оружие (кинжалы, двулезвийные топоры, наконечники копий, острия стрел) и сельскохозяйственные орудия (серпы), украшения (булавки «кипрского типа») (Клочко 1990, 10-17), а также кухонная принадлежность (клёпаные казаны, аналогии которым имеются среди материалов, связанных с шахтными гробницами Микен (Отрощенко, Тупчієнко 2003, 118; Naro 1930). Интересно, что два клада бронзовых изделий с вещами средиземноморского типа – Козоровский и Щетковский свидетельствуют о местном изготовлении изделий по средиземноморским образцам (Клочко 1990, 11). По поводу распространения на территории Англии, Балкан и Северного Причерноморья двулезвийных топоров эгейских типов, английский исследователь А. Хардинг допускает, что они отмечают следы деятельности торгово-ремесленных колоний крито-микенского общества и, прежде всего, мастеров-литейщиков (Клочко 1990, 11).

Таким образом, исследования археологов, которые изучают начало становления эпохи палеометалла в Восточной Европе, имеют большое значение в контексте поставленных нами задач, поскольку позволяют оценить роль массивов населения лесостепи и степи в цивилизационных процессах древнего мира с точки зрения характеристики металлопроизводства в пределах больших культурно-исторических регионов. Для археологии Северного Причерноморья актуальным является выход на новую парадигму осмысления эпохи бронзы с позиций постпервобытности, зарождения цивилизационных процессов в пределах северной периферии средиземноморско-ближневосточных цивилизаций с непосредственным привлечением самих носителей этих цивилизационных традиций, в частности, и в сфере металлопроизводства и аспектов духовной культуры, связанной с ним. Тем более, что в течении эпохи бронзы в отмеченном цивилизационном регионе также происходит становление металлургии железа.

В то же время В.И. Молодин и А.Д. Пряхин отмечают, что с концом срубной культурно-исторической общности завершается функционирование ДГМЦ и других производственных зон в Восточной Европе (Молодин, Пряхин 2003, 114), что вызывало реанимацию каменной индустрии на границе эпохи бронзы и раннего железа, в результате чего длительное время сосуществовали каменные, биметаллические и железные орудия, оружие и украшения, хотя стоит отметить, что в течении всей эпохи бронзы каменная индустрия так и не была вытеснена медью и ее сплавами.

Исследованием становления черной металлургии в Восточной Европе в эпоху раннего железного века занимались украинские археологи А.И. Тереножкин, Б.М. Граков, Б.А. Шрамко, В.І. Бидзиля, С.В. Паньков и ряд других исследователей. К сожалению, и в этом случае археологи не занимались вопросом символики древнего железа. Относительно путей возникновения и распространения черной металлургии в Северном Причерноморье выделяются две противоположных позиции.

Первую представляют публикации исследователя раннего железного века Украины А.И. Тереножкина. Он не занимался специально данной проблемой, но исследуя общекультурные процессы в предскифский период, которые нашли свое отражение в памятниках археологии, придерживался мысли о решающей роли в этом процессе первых кочевников Северного Причерноморья – ираноязычных киммерийцев, которые были главным фактором истории и культурных процессов на границе бронзового и раннего железного веков, потому что раньше других народов этого периода попали в круг непосредственных контактов с ведущими цивилизациями Восточного Средиземноморья. А. И. Тереножкин считал, что именно киммерийцы первыми с широкой производственной целью овладели приемами выплавки железа и были производителями совершенного железного вооружения, которое заимствовали и которым подражали окружающие племена (Тереножкин 1976, 20).

Таким образом, утверждение в Северном Причерноморье производства железа признается следствием прямых влияний железоделательных традиций Средиземноморских цивилизаций, которые были продолжением процессов распространения металлопроизводства, возникших еще в эпоху бронзы. Последнее закономерно касается и соответствующей идеологической части, включая символику нового металла.

Противоположной точки зрения придерживаются исследователи археологии черной металлургии в Восточной Европе Б.О. Шрамко, В.И. Бидзиля, С.В. Паньков и ряд других археологов (Граков 1954; Шрамко 1965; Шрамко, Фомин, Солнцев 1977; Паньков 1985; 1986; 1991; 1994). Взгляды этой группы археологов полнее всего отражены в трудах С.В. Панькова, который пытается дать концептуальную картину развития черной металлургии в Восточной Европе от I тыс. до н.э. вплоть до древнерусского времени. Отрицание возможности приоритета киммерийцев в освоении ими железодобычи сводятся к следующим положениям: опыт изучения памятников древнего железопроизводства убеждает в том, что металлургия развивалась прежде всего в среде племен со сравнительно оседлым характером хозяйства; самые древние остатки железодобычи зафиксированы в лесостепной области еще в раннесрубный период (Воронеж); железодобыча в Северном Причерноморье возникла на базе цветной металлургии лесостепных племен срубного времени; овладение и открытие способа железодобычи на территории Восточной Европы состоялось значительно раньше выхода киммерийцев на историческую арену; археологические свидетельства самого древнего железодобывающего производства локализуются в лесостепной и лесной зонах, тогда как в степной зоне местное производство железа к началу греческой колонизации отсутствовало (оно появляется лишь в IV в. до н.э. на скифском Каменском городище, исследованном Б. Граковым (Граков 1954, 118); ранние находки железных изделий в степи, которые датируются белозерским этапом срубной культуры эпохи поздней бронзы, могли быть импортированными или изготовленными из привозного металла С.В. Паньков объясняет это тем, что: во-первых, в степной части Украины в течении эпохи бронзы не было опыта добывания ни цветного, ни черного металла из руды, поскольку местные металлурги пользовались привозным готовым металлом из Кавказа и Приуралья; во-вторых, местные руды в пределах Большого Криворожского Бассейна характеризуются тяжёлоплавкостью и находятся на значительных глубинах, что требовало развитого горного дела и технологии железодобычи, каких здесь не могло быть. Соответственно, следует вывод, что металлурги степи работали исключительно на привозном металле, который могли получать из лесостепной территории, а в лесостепной территории Восточной Европы (в том числе и на территории юга европейской части России и Украины) железодобыча возникла самостоятельно на базе местной цветной металлургии срубных племен независимо от переднеазийского региона. Этому, по мнению археологов, способствовали как физико-географические условия (значительные залежи легкодоступной и легкоплавкой болотной руды, древесного угля), так и кризис бронзолитейного производства в конце эпохи бронзы, что способствовало возобновлению широкого использования орудий из кремня, камня и кости (Шрамко 1965, 219-220; Шрамко, Фомин, Солнцев 1977, 57-74; Граков 1954, 118; Паньков 1985, 1-13; Паньков 1991, 11-20; Паньков 1994, 48-60). Отсюда С.В. Паньков делает вывод, что заслуга киммерийцев в развитии черной металлургии заключается не в открытии железодобычи, а в качественном улучшении технологии обработки привозного железа, создании конкурентоспособного материала – стали, который качественно превосходил камень, кремень, кость, рог и бронзу, а знакомство населения Восточной Европы с образцами изделий киммерийских кузнецов стимулировало восточноевропейскую металлургию железа, сырьевая база которой была значительно шире, чем база медно-бронзовой индустрии, что определило замену бронзы железом и процесс перехода до эпохи железа, который завершился лишь в скифское время с формированием скифской культуры. В то же время С.В. Паньков отмечает, что у киммерийцев развитие железообработки стимулировали сохраненные связи с металлодобывающими комлексами лесостепи и Северного Кавказа (Паньков 1991, 16).

Таким образом, названная группа археологов склонная признать у киммерийцев наличие технологий развитой железообработки, но не возникновение железодобычи.

Приведённые С.В. Паньковим и другими археологами аргументы против первенства киммерийцев в освоении металлургии железа в Восточной Европе представляются недостаточно убедительными по нескольким причинам: 1) в степной части в эпоху бронзы, как было показано выше, всё же развивалось горное дело, с дальнейшей доставкой обогащенной руды непосредственным потребителям руды и металла, что способствовало возникновению среди населения степи соответствующих навыков; 2) железо, как отмечал С.И. Татаринов, могло изготавливаться в незначительном количестве на медноплавильных мастерских степи, что могло не отразится в археологических материалах (Татаринов 2003, 202-203); 3) опыт железопроизводства в Передней Азии показывает отсутствие прямого совпадения значительных масштабов железопроизводства, вариативности изделий из железа, представленных письменными источниками, с результатами археологических исследований (Гиоргадзе 1988); 4) киммерийские памятники принято отождествлять с белозерским этапом срубной культуры, на памятниках которой и были впервые выявлены не только железные изделия, но и следы железопроизводства; 5) А. Лесков считает, что население белозерского этапа принимало определенное участие в становлении белогрудовской и чорнолеской культур лесостепи; 6) в конечном итоге, А. Тереножкин, А. Лесков и ряд других археологов считают, что киммерийцы осуществляли походы в Переднюю Азию значительно раньше времени появления их на исторической арене под собственным именем.

Какая бы из приведенных двух позиций не была бы правильной, для нас важным является то, что ираноязычные киммерийцы поддерживали тесные связки и с Кавказом, и с Передней Азией (Виноградов, Дударев, Рунич 1980, 184-199), которые опередили Северное Причерноморье в освоении технологии сыродутного добывания железа и изготовления стали, и именно с киммерийцами связано начало массового распространения знаний черной металлообработки в Восточной Европе.

Не вызывает сомнений тезис о том, что окончательное вытеснение бронзы железом у населения Восточной Европы состоялось в скифское время, в период формирования единой скифской культуры (Паньков 1991, 16), сердцевину материальной культуры которой составляла, так называемая скифская триада (преимущественно продукция металлопроизводства): оружие, конская сбруя и предметы искусства. От себя прибавим, что формирование единой скифской культуры в пределах южной части Восточной Европы сопровождалось определенной унификацией в пределах ее функционирования, (включая территорию лесостепи), знаний и форм материальной культуры, к которым стоит отнести и металлургические, вместе с их духовной составляющей. При этом исследователи скифского периода раннего железного века свидетельствуют о наличии тесных разноплановых связей скифов с Кавказом и Ближним Востоком уже на раннем этапе становления скифской культуры (Воронов 1980, 200-218; Техов 1980, 219-257; Ильинская 1983, 55-56), что может, в определенной мере, рассматриваться как продолжение уже существующей традиции, которая не исчезла и позже, в сарматский период.

Таким образом, по нашему мнению, в начале раннего железного века доминирующую роль в распространении знаний железообработки (возможно и железодобычи) в Восточной Европе сыграли степные ираноязычные кочевые племена, которые поддерживали контакты с более древней и развитой традицией черной металлургии Кавказа и Малой Азии.

В то же время, отмечает С.В. Паньков, в течении раннего железного века на территории Украины, особенно в лесостепи, формируется своя традиция черной металлургии, которая уже существовала вплоть до XIV-XV ст. н.э., то есть до времени этнографического периода в истории Украины, хотя в ее развитии время от времени наблюдались колебательные движения. Со скифского времени металлургия и металлообработка железа становятся ведущими отраслями ремесленного производства, они стимулируют усложнение хозяйственной структуры общества, которое проявилось в второй половине I тыс. до н.э. в упрочении территориальной специализации (лесостепные племена поставляли железо, а степные

его потребляли) и, соответственно, начала складывания общего экономического рынка, который объединял разноэтничные племена, проживавшие в разных физико-географических зонах, и нивелировал их культурные особенности. А следовательно, считает исследователь, именно металлургия железа была одним из важнейших звеньев, связавшим степные и лесостепные восточноевропейские племена скифского времени. Эта связь населения двух географических регионов Украины прослеживается, по его мнению, и позже, уже во время существования племен зарубинецкой и черняховской культур.

Кризис и распад Большой Скифии в результате вторжения сарматов, привели к изменениям в культурном облике лесостепных племен, но не подорвали потенциал восточноевропейской черной металлургии, не изменили уже существующего географического распределения металлургии и металлообработки между лесостепью и степью. С.В. Паньков считает, что зарубинецкие, а позже и черняховские племена организовали товарное производство железа, которым обеспечивали не только кочевников степи, но и античные колонии Причерноморья. Стимулом для этого послужило формирование провинциально-римской экономической и политической системы, которая была потребителем «варварского» железа и соответственно стимулировала его производство. Вместе с этим наблюдается практически полное отсутствие железоделательного производства на черняховских памятниках степи, что позволяет С.В. Панькову утверждать, что во второй четверти I тыс. н.э. экономические связи основанные, в частности, на торговле оружием или обмене железа и железных изделий между населением двух географических зон, возобновились, и сформировались условия для формирования внутреннего экономического рынка – и, по нашему мнению, и единого информационно-культурного пространства.

В то же время, в технологии железодобычи, особенно в западных регионах Украины, прослеживается влияние среднеевропейской металлургической традиции, которая усложняет картину распространения металлургических знаний в Восточной Европе.

В середине I тысячелетия «большое переселение народов» повлекло очередной общий этнокультурный кризис в регионе, в результате которого были прерваны торговые и информационные связи, что неминуемо повлекло некоторый упадок производства железа. Опять наблюдается исчезновение центров его товарного производства, а в степи и лесостепи существуют две – технологически и организационно – автономные металлургические традиции: в лесостепи – славянская, связанная с памятниками пеньковской, колочинской (V-VII ст.), волинцевской, роменской культур (VI-VIII ст. и X ст.), а в степи – салтово-маяцкая (VI-X ст.), соотносящаяся с аланами и болгарами. Оба этноса, как известно, исторически связаны также с Кавказом.

Возникновение раннефеодального государства восточных славян, высокий уровень их социально-экономического, политического и культурного потенциала вновь создали благоприятные предпосылки для развития черной металлургии и ее упадок был преодолен в конце VIII - начале IX в., показателем чего стало появление больших железоделательных центров с товарным производством металла.

Говоря об истории становления черной металлурги, отображенной в археологических памятниках, С. В. Паньков затрагивает также вопрос и о социальной основе организации железопроизводства и металлургии. Он приходит к выводу, что в древнерусское время (X-XIII в.) черное металлургическое производство определялось высокой специализацией, что способствовало отделению в самостоятельные отрасли производства рудодобычи, выжигания угля, металлодобычи, и металлообработки, и сосредоточению их в городах и на городищах. Все это позволяет исследователю отрицать неотделенность черной металлургии от земледелия в южнорусских княжествах домонгольского периода, а следовательно, отрицать и ее принадлежность преимущественно, к сельским промыслам, сохранение ею общинного характера. В то же время, в предыдущие периоды, начиная от киммерийско-скифской эпохи, за исключением нескольких центров товарного производства железа зарубинецко-черняховского периода, производство железа и кузнечество могли носить общинный характер, а, следовательно, определенным образом иметь связь с земледелием. В то же время, от самого начала своего возникновения оно уже не имело характера промысла.

В целом С.В. Паньков делает вывод, что начиная с момента овладения сыродутным способом железодобычи к середине XIII в. чёрная металлургия в Восточной Европе прошла длительный путь развития, совершенствуясь как технологически, так и организационно. Её достижения совпадали, сопровождали, а иногда и обусловливали значительные сдвиги в социально-экономической и культурной жизни местного населения (Паньков 1994, 56-57).

К сожалению, автор не рассматривает в своих работах вопроса о характере и формах распространения знаний в отрасли черной металлургии в течении исследуемого им периода, поэтому придётся выразить предположение, что и во время раннего железного века, и раннего средневековья они существенно не отличались от способов передачи подобных знаний в течении энеолита – бронзы, то есть распространялись также самими мастерами, а не только благодаря импортам изделий.

Этот тезис опосредовано подтверждается и достижениями археологов в области межкультурных связей славян и скандинавов в эпоху средневековья. Немецкие авторы монографического исследования «Славяне и скандинавы» отмечают, что созданию значительных зон с похожей материальной культурой способствовал не только значительный межэтнический товарообмен, но и не менее сильное влияние путешествующих ремесленников, среди которых главное место занимали кузнецы. В иноэтническую среду они попадали различными путями: в качестве пленных, вместе с купцами и, в конечном итоге, среди состава малого двора невест, которые переезжали в другую страну для брака (Славяне 1986,118-122).

Таким образом, можно констатировать, что историографический обзор результатов археологических исследований сводится к следующему: знакомство человечества с самородными металлами, в том числе и космического происхождения, состоялось еще в мезолите; в начале освоения металла технология его обработки (холодная ковкая) подражала технологии обработки камня; металлургические знания попадают на территорию Украины в энеолите в готовом виде вместе с переселенцами с Балкан, которые продолжали металлургические традиции Малой Азии; в течение эпохи энеолита-бронзы в Северном Причерноморье металлургические знания получали с Кавказа, Балкан и непосредственно из ближневосточного региона при участии групп путешествующих металлургов, переселенцев и военных отрядов; постепенно в Северном Причерноморье формируются свои очаги металлургии с полным и неполным технологическим циклом, положившие начало местной самобытной металлургической традиции, которая на которую по-прежнему оказывали влияние традиционные южные металлургические области; черная металлургия и кузнечество зарождается на базе местной металлургии меди, о чем свидетельствуют многопрофильные мастерские, но не без влияний переднеазийской и кавказской металлургической традиции, которые распространялись через посредничество степных кочевников раннего железного века; на протяжении всего периода энеолита – бронзы медно-бронзовые изделия не смогли вытеснить на юге Восточной Европы каменную индустрию орудий и оружия, что сближало металлические и каменные орудия и оружие функционально; в конце эпохи бронзы происходит определённая реанимация масштабов каменной индустрии, что фактически приводит в начале раннего железного века к замене каменной индустрии черной металлургией; последнее указывает на существование периода, когда сосуществовали функционально близкие между собой каменные и железные изделия; металлургические знания в эпоху раннего железного века, так же как и в эпоху энеолита-бронзы, распространялись непосредственно самими металлургами и кузнецами, а не только через импорт металла и изделий; постепенно формируется своя местная традиция черной металлургии с географическим разделением труда между степью и лесостепью, между античными колониями и соседним «варварским» миром, что обеспечивало не только тесные экономические, но и информационные связи; эта традиция существует и развивается вплоть до древнерусских времен включительно; с самого начала железопроизводство не носило характера сельского промысла, но было тесно связано с жизнью сельской общины, подчиненное ее потребностям, в частности, и в сфере земледелия; окончательно железопроизводство и кузнечество приобретают признаки ремесла направленно-

го на товарное производство лишь в древнерусское время.

Все это позволяет наметить направления поиска путей формирования символики железа в восточнославянских традиционных культурах. Это касается символического сопоставления железа с камнем и другими металлами, обусловленного общностью технологий изготовления и функционирования изделий из этих материалов; использование железных изделий в обрядах календарного цикла, подчиненного земледельческим работам, а также наметить географические пределы поиска этнографических параллелей символики железа славян, в первую очередь, в пределах ближневосточно-средиземноморского региона, Кавказа и Балкан; наметить относительную хронологию появления тех или других символических значений железа у восточнославянских народов, которые нашли свое отражение в фольклоре.

К сожалению, на советском и постсоветском пространстве лишь Е.Н. Черных в ряде своих работ касался проблемы символики палеометалла (Черных 1982; Черных 1991). В статьях, посвященных проблеме символики древнего металла, он не предлагает конкретной интерпретации символического значения тех или других металлов или изделий из них. Исследователь, скорее, создаёт методологические принципы решения данной проблематики, обращая внимание на то, что символика в жизни как древних, так и современных обществ занимает настолько существенное место, что не обращать на нее внимание просто невозможно, поскольку это, как правило, приводит к заметному искривлению исторической перспективы. Кроме того, он отмечает, что любое человеческое общество обеспечивает свое физическое существование и потенциал по созданию собственной культуры благодаря затратам общественной энергии, которые идут по трем основным направлениям: 1) обеспечение витального и физического уровня бытия культуры; 2) символической деятельности и, наконец, базового для первых двух; 3) организации самой культуры. Эта система, считает автор, обеспечивает также распределение частей общественной энергии по двум основным сферам – витальной и символической. Сильные искривления в этих сферах могут иметь фатальные последствия в судьбах культур, в частности, символическая сфера могла буквально «пожирать» другие, высасывая все соки из других каналов общественной энергии, обескровить их. Тогда базовые структуры общества деформировались, и его культура разрушалась.

Граница между обоими, упомянутыми сферами, по мнению Е. Черныха, достаточно условна, поскольку они не только противостоят друг другу, но и связаны между собой, что усложняет оценку целевой направленности тех или других видов деятельности, в том числе и металлургической. Поэтому критерием подобных оценок автор считает конечный продукт производства и пропорциональную часть затрат из общего баланса общественной энергии, тратящейся на его изготовление. Соответственно, исследователь приходит к ряду важных выводов: символическая значимость того или другого металла определяется масштабами трудозатрат на его изготовление, которое нашло свое отражение в стоимости древних металлов; абсолютное преобладание среди найденных в пределах Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП) украшений и оружия над орудиями (3/4) безусловно говорит об их отнесении к разряду символических. Отсюда отбрасывается принятый в исторической науке тезис об исключительно утилитарной направленности древней металлургии и металлообработки, поскольку статистические данные показывают, что общественная энергия населения ЦМП направлялась преимущественно для наполнения так называемой символической сферы; подавляющая же часть металла из южных металлургических областей ЦМП экспортировалась на север в степную часть Северного Причерноморья лишь с целью сопровождения покойников в загробный мир, то есть для обеспечения всё той же символической сферы, о чем убедительно свидетельствуют подкурганные находки металла. В конечном итоге, индустрия палеометалла была чрезвычайно сложной системой далеких взаимосвязей разных народов, что отображала по существу систему международного разделения труда и обслуживала символическую, иррациональную сферу общественного бытия разнообразных культур древности (Черных 1991, 164-165).

Таким образом, рассматривая символику древнего металла, нужно иметь в виду, во-первых, что древняя металлургия, которая сформировалась в рамках традиционного общества с доминированием мифологического и религиозного мировоззрения, в течение всего своего существования преследовала не только прагматичные производственные цели, но и была подчинена иррациональным религиозно-символическим задачам, которые начали терять свою актуальность сравнительно недавно, с утверждением капиталистического рыночного производства, а во-вторых, что процесс формирования комплекса символических значений металла, который фиксируется этнологами, был чрезвычайно пролонгированным во времени и возникал при участии носителей иноэтнических символических традиций.

Библиография

Березанская 1980: С.С. Березанская, Первые мастера металлурги на территории Украины. В сб.: Первобытная археология. Поиски и находки (Киев 1980), 248-256.

Березанская и др. 1994: С.С. Березанская, Е.В. Цвек, В.И. Клочко, С.Н. Ляшко, Ремесло эпохи энеолита - бронзы на Украине (Киев 1994).

Бровендер 2003: Ю.М. Бровендер, Картамышский производственный комплекс Донецкого горно-металлургического центра эпохи поздней бронзы (некоторые итоги исследований). В: Доповіді ІІ-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару: Проблеми гірничої археології. с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської обл. (21-25 липня 2003) (Алчевськ 2003), 22-35.

Бровендер, Гайко, Шубин 2003: Ю.М. Бровендер, Г.І. Гайко, Ю.П. Шубін, Геологічні та технологічні особливості розробки мідних руд в стародавніх копальнях Карта миша. В: Доповіді ІІ-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару: Проблеми гірничої археології. с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської обл. (21-25 липня 2003) (Алчевськ 2003), 35- 39.

Виноградов, Дударев, Рунич 1980: В.Б. Виноградов, Л.С. Дударев, А.П. Рунич, Киммерийско-кавказские связи. В сб.: (Отв. ред. А.И. Тереножкин) Скифия и Кавказ (Киев 1980), 184-199.

Воронов 1980: Ю.Н. Воронов, О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур. В сб.: (Отв. ред. А.И. Тереножкин) Скифия и Кавказ (Киев 1980), 200-218.

Гиоргадзе 1988: Г.Г. Гиоргадзе, Производство и применение железа в Центральной Анатолии по данным хетских клинописных текстов. В сб.: (Отв. ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Г. Ардзимба) Древний Восток: Этнокультурные связи (Москва 1988), 176-194.

Городцов 1928: В.А. Городцов, К вопросу о киммерийской культуре. В: Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук, ч. 2 (Москва 1928), 46-60.

Граков 1954: Б.Н. Граков, Каменское гордище на Днепре. Материалы и исследования по археологии СССР 36, 1954, 118.

Иессен 1935: А.А. Иессен, К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Известия Российской Академии истории материальной культуры 120, 1935.

Иессен 1947: А.А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья (Ленинград 1947).

Иессен 1951: А.А. Иессен, Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. Материалы и исследования по археологии СССР 23, 1951.

Ильинская 1983: В.А. Ильинская, Скифы и Кавказ (тезисы доклада). Археологический сборник. Вопросы происхождения и хронологии скифской культуры 23, 1983, 55-56.

Клейн 1962: Л.С. Клейн, Краткое обоснование гипотезы о происхождении катакомбной культуры. Вестник ЛГУ 2, 1962, 74-87.

Клочко 1990: В.І. Клочко, «Народи моря» та Північне Причорномор`я. Археологія 1, 1990, 10-17.

Лєсков 1967: А.М. Лесков, О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы. В сб.: Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР (Киев 1967), 143-179.

Молодин, Пряхин 2003: В.И. Молодин, А.Д. Пряхин, К выделению производственных зон эпохи бронзы на пространствах Евразийской степи и лесостепи. В: Доповіді ІІ-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару: Проблеми гірничої археології. с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської обл. (21-25 липня 2003) (Алчевськ 2003), 112-116.

Нечитайло 1978: А.Л. Нечитайло, Контакты населения Украины и северного Кавказа в эпоху энеолита - ранней бронзы. В сб.: Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1978), 16-26.

Нечитайло 1992: А.Л. Нечитайло, Особливості впливу металовиробництва Кавказу на Північне Причорномор`я доби середньої бронзи. Археологія 2, 1992, 22-29.

Отрощенко, Тупчієнко 2003: В.В. Отрощенко, М.П. Тупчієнко, Проблема бронзових казанів і Донецький гірничо-металургійний центр. В: Доповіді II-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару: Проблеми гірничої археології. с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської обл. (21-25 липня 2003) (Алчевськ 2003), 116-124.

Паньков 1985: С.В. Паньков, Питання походження чорної металургії у Східній Європі. Археологія 49, 1985, 1-13.

Паньков 1991: С.В. Паньков, Металургія заліза у Східній Європі I тис. до н.е. Археологія 1. 1991, 11-20.

Паньков 1994: С.В. Паньков, Стародавня чорна металургія на території південного заходу Східної Європи (до концепції розвитку). Археологія 4, 1994, 48-60.

Пустовалов 1993: С.Ж. Пустовалов, Деякі близькосхідні елементи в ідеології катакомбного населення Північного Причорномор`я. Археологія 1, 1993, 24-33.

Рындина 1971: Н.В. Рындина, Древнейшие металоообрабатывающее производство Восточной Европы (Москва 1971).

Рындина 1980: Н.В. Рындина, Металл в культурах шнуровой керамики Украинского Предкарпатья, Подолии и Волыни. СА 3, 1980, 24-41.

Рындина 1998: Н.В. Рындина, Древнейшее металоообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (Москва 1998).

Сайко, Терехова 1981: Э.В. Сайко, Н.Н. Терехова, Становление керамического и металлообрабатывающего производства. В сб.: Становление производства в эпоху энеолита и бронзы (Москва 1981), 78.

Славяне 1986: Славяне и скандинавы: Пер. с нем. (общ. ред. Е.А. Мельниковой) (Москва 1986).

Татаринов 1980: С.И. Татаринов, Железоплавильный горн бондарихенской культуры на р. Донец. СА 3, 1980.

Татаринов 2003: С.И. Татаринов, Минерально-сырьевая база Донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы в Восточной Украине. В: Доповіді II-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару: Проблеми гірничої археології. с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської обл. (21-25 липня 2003) (Алчевськ 2003), 196-205.

Тереножкин 1976: А.И. Тереножкин, Киммерийцы (Киев 1976).

Техов 1980: Б.В. Техов, Скифы и материальная культура центрального Кавказа в VII-VI вв. до. н.э. (по материалам тлийского могильника). В сб.: (Отв. ред. А.И. Тереножкин) Скифия и Кавказ (Киев 1980), 219-257.

Шрамко 1965: Б.А. Шрамко, Появление и освоение железа в Восточной Европе. В: Из истории борьбы КПСС за построение социализма и создание коммунистического общества в СССР, вып. 4 (Москва 1965), 219-220.

Шрамко, Фомин, Солнцев 1977: Б.А. Шрамко, Л.Д. Фомин, Л.А. Солнцев, Начальный этап обработки железа в Восточной Европе. Скифский период. СА 1, 1977, 57-74.

Черных 1966: Е.Н. Черных, История древнейшей металлургии Восточной Европы. Материалы и исследования по археологии СССР 88, 1966, 228.

Черных 1976: Е.Н. Черных, Древняя металлообработка на юго-западе СССР. Материалы и исследования по археологии СССР 1, 1976, 225.

Черных 1978a: Е.Н. Черных, Горное дело и металлообработка в древней Болгарии (София 1978).

Черных 1978b: Е.Н. Черных, Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР. СА 4, 1978, 162-166.

Черных 1982: Е.Н. Черных, Отражение рационального и иррационального в археологической культуре. СА 4, 1982, 6-20.

Черных 1987: Е.Н. Черных, Культурные контакты в циркумпонтийской области. В сб.: Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии (Тбилиси 1987), 98-108.

Черных 1991: Е.Н. Черных, Древний металл и символы. СА 1, 1991, 163-169.

Черных 2002: Е.Н. Черных, Каргалы: феномен, парадоксы и модель функционирования. В: Материалы симпозиума: Древнейшие этапы горного дела и металлургии в Северной Евразии: Каргалинский комплекс (Москва 2002), 85.

Черных 2003: Л.А. Черных, О возможности использования медно-рудных источников Донбасса в период энеолита, ранней и средней бронзы. В: Доповіді II-го міжнародного Картамиського польового археологічного семінару: Проблеми гірничої археології. с. Новозванівка Попаснянського р-ну Луганської обл. (21-25 липня 2003) (Алчевськ 2003), 213-222.

Naro 1930: G. Naro, Die Schahtgreber von Miken (Berlin 1930).

În căutarea geografiei şi căilor de formare a simbolisticii mito-ritualice a fierului la populaţia din nordul Mării Negre după datele arheologice

Cuvinte-cheie: metal antic, cupru, bronz, fier, simbolstiică, tehnologii, cunoştinţe, mit, ritual.

Rezumat: În articol, pe baza studierii artefactelor arheologice ale metalurgiei fierului şi ale metalelor colorate de pe teritoriul Ucrainei, atribuite perioadei dintre epoca bronzului şi Evul Mediu, este analizată perspectiva căutării unor posibile căi de formare a aspectelor mito-ritualice a simbolisticii fierului în cultura slavilor de răsărit. Este concentrată atenţia la mecanismele de transmitere a cunoştinţelor din domeniul metalurgiei şi, îndeosebi, la importanţa prezenţei purtătorilor acestor tradiţii în mediul alogen. Este întreprinsă încercarea de a determina geografia şi căile de răspândire a cunoştinţelor metalurgice şi a semnificaţiei simbolice a fierului în mediul slavilor de răsărit şi al strămoşilor lor.

Research of the geography and ways of formation of mythological and ritual symbolism of the iron at the population of the Northern Black Sea coast according to archaeological data

Keywords: ancient metal, copper, bronze, iron, symbolism, technologies, knowledge, myth, ritual.

Abstract: Based on archaeological evidence about ancient nonferrous and ferrous metallurgy, from the Bronze Age to the Middle Ages, the author discusses perspectives in search of possible ways of forming of mythological and sacral aspects of iron symbolism in traditional culture of the Eastern Slavs. The focus is concentrated on the mechanisms of the transmission of metallurgical knowledge, and especially on a role of carriers of this knowledge in other ethnic environment, as well as on special methodological aspects of reconstruction of symbolic meaning of metal in archaeological finds. Also, an attempt has been made to define the area geographic area and ways of distribution of metallurgical knowledge and symbolic meaning of iron among the Eastern Slavs and their ancestor.

10.02.2016

Др. Николай Тупчиенко, Кировоградский национальный технический университет, пер. Спускной 30, г. Кировоград, 250015, Украина, e-mail: tupchy_mp@ukr.net

НАХОДКА КОСТЯНОГО ФУТЛЯРА В КУРГАНЕ ТАСМОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН)[1]

Арман Бейсенов, Гульнара Джумабекова
Галия Базарбаева, Данияр Дуйсенбай

Ключевые слова: Центральный Казахстан, тасмолинская культура, саки, футляр, зооморфный декор.

Тасмолинская археологическая культура сакского времени долгое время была известна по работам М.К. Кадырбаева, исследовавшего многочисленные курганные захоронения в Центральном Казахстане в 1950-1960-х гг. (Кадырбаев 1966; Кадырбаев 1968). В плане новых исследований по данной теме особенно важными являются результаты работ последних 15 лет, когда в ходе раскопок на территории Центрального Казахстана были получены данные из разных памятников. Сюда могут быть отнесены материалы по курганным захоронениям, околокурганным объектам, поселениям, каменным изваяниям, а также предметным комплексам[2]. В евразийской археологии для раннесакской эпохи (VIII - первая половина VI вв. до н.э.) приняты термины «тасмолинская культура», «улубай-тасмолинская культура», «бобров-тасмолинская культура». Ареал названных культур охватывает Центральный и Северный Казахстан, степи Южного Зауралья. Племена Центрального Казахстана были ядром большой тасмолинской историко-культурной общности, наибольший ареал которой был характерен для раннесакской эпохи[3]. По современным археологическим материалам и данным радиоуглеродных анализов (Бейсенов 2015б; Beisenov et al. 2016) дата основной массы памятников тасмолинской культуры находится в рамках периода VIII-V вв. до н.э. Согласно данным изучения памятников, открытых к сегодняшнему дню, эта культура, сложившаяся в степях Центрального Казахстана в VIII в. до н.э., характеризуется как культура степного населения, в экономике которого, по-видимому, преобладало хорошо адаптированное к экологии Казахского мелкосопочника скотоводческое, кочевое направление с дисперсным типом хозяйствования. В погребально-поминальной обрядности, в особенностях предметных комплексов прослеживаются весьма близкие параллели с раннесакскими сообществами всего Казахстана, Саяно-Алтая, которые объясняются тесными этнокультурными связями, а также и общностью происхождения. Первооткрыватель тасмолинской культуры М.К. Кадырбаев еще полвека тому назад подчеркивал, что ядром сакской общности являлись племена Казахстана и Алтая (Кадырбаев 1966).

Интересная находка, о которой пойдет речь, была сделана в кургане 7 могильника Байке-2, исследованного под руководством А.З. Бейсенова в полевом сезоне 2015 г. Этот могильник находится на территории Каркаралинского района Карагандинской области, в 14 км к юго-юго-востоку от с. Нуркен, в горной местности Каракуыс (рис. 1). В его составе – 13 курганов, насыпи которых содержат следы интенсивной выборки камней, и восемь округло-овальных жертвенных выкладок (рис. 2). Курган 7 представляет собой комплекс с каменными грядами. Курган 7 – это основное погребальное сооружение, с восточной стороны к нему примыкает курган-спутник – 7а, от которого в свою очередь на юго-восток отходят две плохо сохранившихся гряды («уса»).

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (проект 2982/ГФ4 «Сарыарка в системе культур раннего железного века степной Евразии»).

[2] С имеющимися некоторыми данными можно ознакомиться по следующим публикациям: Бейсенов 2014а; Бейсенов 2014б; Бейсенов 2015а; Бейсенов 2015б; Бейсенов, Базарбаева 2013; Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2011; Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2015; Бейсенов, Ермоленко 2014; Бейсенов и др. 2015; Бейсенов, Китов 2014; Бейсенов и др. 2011; Bejsenov 2013; Beisenov 2015a; Beisenov 2015b; Beisenov et al. 2016.

[3] Обобщающие сведения приведены в таких публикациях, как: Хабдулина 1994; Таиров 2007; Бейсенов 2015б, 11-12.

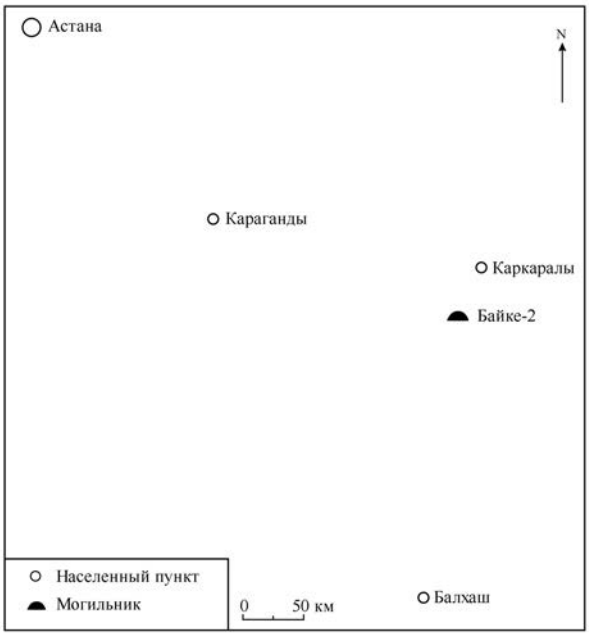


Рис. 1. Локализация памятника Байке-2 относительно населенных пунктов Астана, Караганды, Каркаралы, Балхаш (исполнитель Д. Дуйсенбай).

В кургане 7а находки отсутствовали, а в кургане 7 (параметры сохранившейся части насыпи: диаметр 12,5 м, высота – 0,35 м) вскрыто ограбленное захоронение. На дне грунтовой могилы (глубина 1,7 м) расчищена часть скелета человека, уложенного вытянуто, на спине и головой на запад. В области шеи и грудной клетки найдены: жертвенник, изготовленный из песчаника, зеркало с ручкой, две пастовые ворворки. Предмет, анализу которого посвящена предлагаемая статья, найден в заполнении могильной ямы, в районе костей левой кисти, на 0,2 м выше ее дна (рис. 3-5).

Описание футляра из Байке-2. Из фрагмента трубчатой кости искусно выполнен футляр, предназначавшийся для хранения игл (?). Его размеры: высота – 83 мм, диаметр в основании – 48×39 мм, диаметр в верхней части – 43×32 мм. Видимо, для крепления дна и крышки с противоположных сторон по длине окружности выполнено по два сквозных отверстия. Диаметр отверстий в основании – около 2 мм; в верхней, более зауженной, части предмета отверстия крупнее – диаметром 3,5 мм. Толщина стенок футляра – около 2 мм. Поверхность футляра, видимо, была окрашена (?). Большая часть предмета зеленого цвета, в углублениях – красного. Поверхность изделия декорирована многофигурной композицией, состоящей из изображений животных. Анализируемый предмет представляет собой шедевр древнего искусства. Изображения выполнены в технике художественной резьбы по кости.

По-видимому, центральным элементом сюжета является сцена терзания тремя хищниками сайгака (рис. 3). Изображение травоядного животного лаконично вписано в срединную часть предмета. Жертва показана с обращенной вправо головой и туловищем, вывернутым на 180°. Грациозное, изящное животное передано с вытянутыми вперед и назад ногами, которые показаны как бы на цыпочках. У сайгака показана типичная горбоносая морда со слегка приоткрытым ртом, круглый глаз, подокруглое ухо, вытянутый вверх и слегка изогнутый рог, короткий хвост. На холке отмечен подтреугольный выступ.

По направлению к жертве устремлены фигуры трёх животных. По размеру нападающие звери различаются в порядке убывания: большой, средний и маленький. Наиболее алчным показан самый крупный хищник. Причем среди всех персонажей многофигурной композиции, размещенной на изделии, он является единственным плотоядным, имеющим такие размеры. У хищника большая голова с оскаленной, алчущей пастью, которая вот-вот вцепится в изящную, вдвое меньшую по размерам голову сайгака. Оскал зверя направлен к нижней челюсти жертвы. Параллельно верхней линии пасти прослеживается любопытная деталь – бороздка, продолжающаяся на ¾ её длины. Такое оформление пасти больше похоже на передачу содержательных элементов клювов хищных птиц. Глаз плотоядного зверя круглый. Ухо в виде перевернутой вытянутой капли, острием обращенной к подбородку. У животного мощные грудь и загривок. Хвост длинный, S-образный, завершается кисточкой (?). Лапы большие, подобраны под брюхо. Зверь показан как бы застывшим в прыжке. На лапах очень тонкими линиями показано по два выпущенных длинных, крючкообразно загнутых когтя. На лапах проработаны выпуклости, возможно, обозначающие подушечки (?). Талия – тонкая.

Жертва мордой упирается в подбородок терзателю и, наоборот, пасть хищника устремлена к

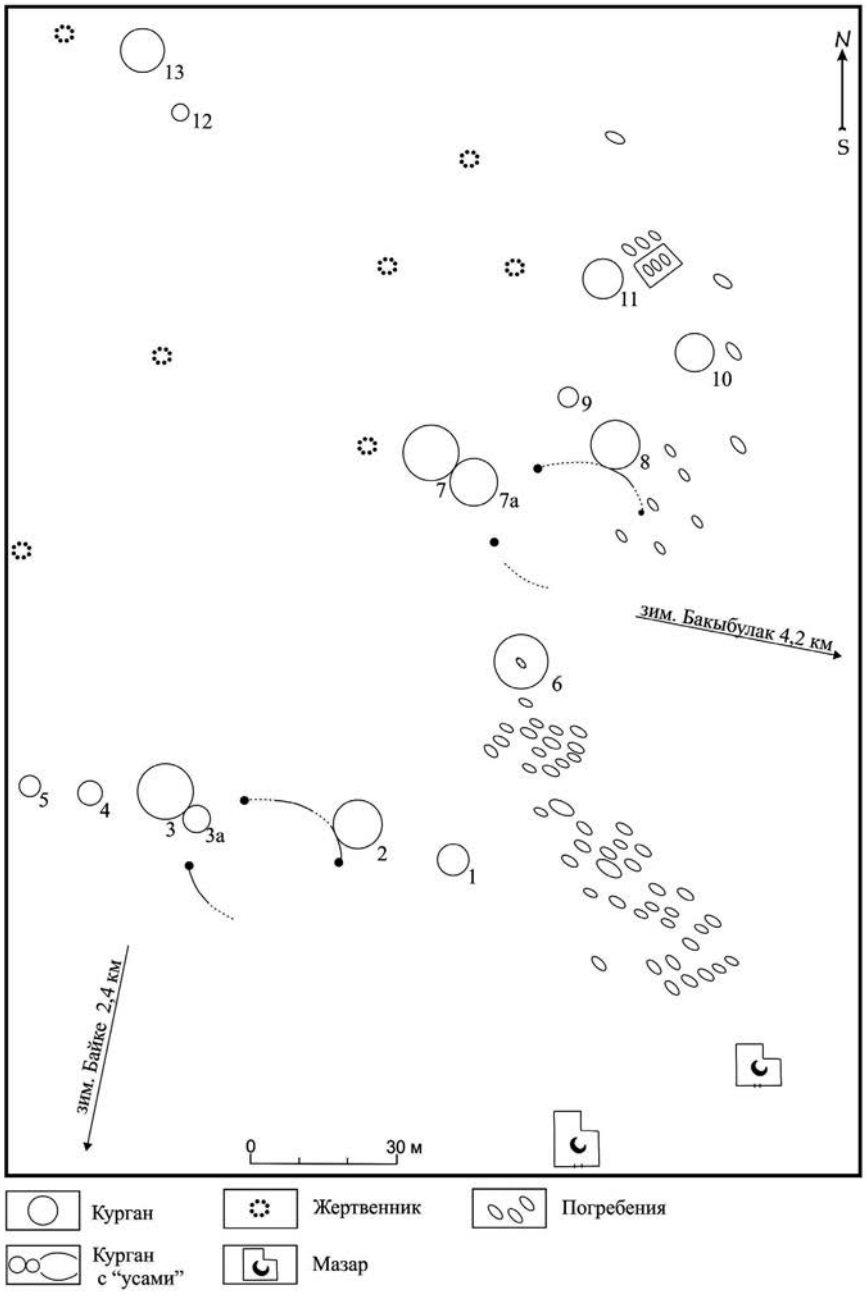


Рис. 2. Могильник Байке-2. Ситуационный план памятника (по Бейсенов, Дуйсенбай 2015).

подбородку сайгака. Таким образом, расположение морд животных напоминает знак «инь и янь», обращенных друг к другу элементов – явления широко распространенного в искусстве кочевников раннего железного века, встречающегося в вихревых композициях, спиралевидных орнаментах, знаках, располагающихся на крупе и лопатке.

Фигура животного средних размеров проработана чёткими, уверенными линиями. У зверя тонкая талия, трехпалые лапы с длинными, крючкообразно загнутыми когтями, длинный хвост, который в данном случае завершается не кисточкой, а колечком. У хищника небольшая голова, мощный загривок и широкая грудь. Абрис пасти, направленной к глазу сайгака, больше напоминает ротовое отверстие сомкнутых клювов хищных птиц. Глаз и ухо плотоядного трактованы также, как у зверя, описанного выше.

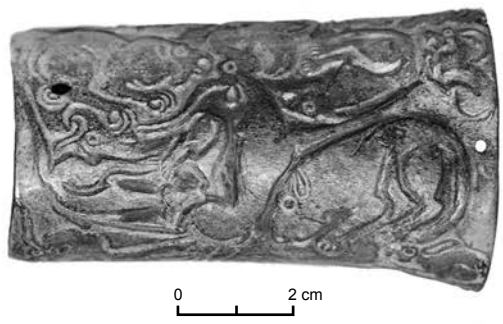


Рис. 3. Футляр из могильника Байке-2. На переднем плане центральная композиция, образованная из изображения сайгака и трех хищников (фото Д. Дуйсенбай).

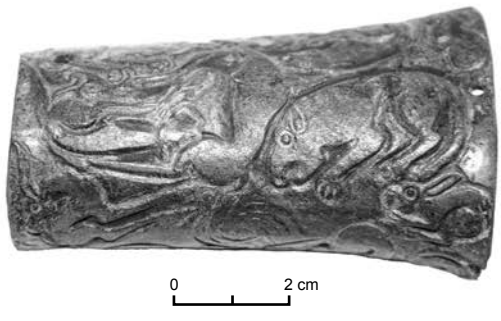


Рис. 4. Футляр из могильника Байке-2. Слева изображение оленухи, справа – зайца (?), посередине – вихревой знак (фото Д. Дуйсенбай).

Рис. 5. Футляр из могильника Байке-2 (фото Д. Дуйсенбай).

В пространство между передней ногой сайгака и головой крупного хищника вписано изображение зверька, сильно отличающегося от первых двух. Пастью животное устремлено к шее жертвы. Абрис приоткрытой пасти – полукруглый. Четкими линиями показан контур головы. У зверя тонкая талия, тонкий длинный хвост, тонкие короткие лапы, на которых показано по четыре длинных тонких когтя. Проработка лап больше напоминает руки. На макушке показан короткий, приостренный, отогнутый назад хохолок (?). Определить четкую видовую принадлежность животного сложно.

Рассмотрим остальные изображения относительно центральной фигуры, какой является классический обитатель степных просторов – сайгак.

Над сайгаком размещены изображения двух тонких животных, аналогичных зверьку из центральной композиции. Обе фигуры зверя выполнены условно, без детализации глаз, пастей, ушей. Животные обращены друг к другу ногами. По размерам они сильно различаются. Зверь, показанный непосредственно над сайгаком, мелкий. Линия его хребта параллельна хребту сайгака. Его размеры настолько малы, что древний мастер вписал его в пространство между рогом и бедром сайгака. У зверя тонкий длинный хвост, лапы с выпущенными когтями (на передней лапе – три когтя, на задней прослеживается только два). Практически вся линия туловища второго животного от головы до талии параллельна вытянутой ноге сайгака. У обоих зверей тонкие талии. На лапах второго зверя четко проработано по три выпущенных когтя.

Над рогом антилопы, в пространство между двумя когтистыми хищниками – средним по размерам хищником из центральной композиции и тонким, большим по размерам, только что описанным зверьком – вписано изображение головы травоядного животного. Зверь показан с сомкнутой пастью. У него длинное, слегка изогнутое, близкое по форме к листовидному, ухо. Параллельно линии морды, над глазом, расположен некий отросток (?). Плотно прилегающие к подбородку травоядного выпущенные, крючкообразно загнутые когти хищника одновременно воспринимаются как его бородка.

Слева от задней вытянутой ноги сайгака расположено парное изображение двух оленей с клювовидными мордами. Оба животных показаны стоящими на цыпочках. Чёткими тонкими линиями проработаны глаза, длинные, чуть изогнутые листовидные уши, изящные, грациозно изогнутые шеи, подтреугольные выступы на холках, коротенькие хвосты. Безрогое травоядное показано с обращенной

влево головой. Оно изящное. Выглядит вдвое меньшим по сравнению с изображением оленя. Крупное животное показано плотно примыкающим мордой к крупу безрогого зверя. У него миндалевидный глаз и мощная крона рога. Непосредственно надо лбом нависает длинный крючкообразно загнутый так называемый ледяной отросток рога. Линия роскошного рога параллельна линии туловища красивого животного. Поскольку сохранность предмета страдает именно на этом участке, то подсчитать точное количество отростков рога затруднительно. Уверенно прослеживается четыре, возможно, их было пять.

В пространстве между крупом сайгака и передней ногой оленя с роскошной кроной размещен вихревой знак. По направлению к центру завитка углубленными бороздками проработаны линии. Сверху – три и снизу – четыре.

По направлению к данному завитку, в пространство между передней ногой сайгака и завитком вписано изображение хищника. У него мощный загривок и тонкая талия, длинный хвост. В оскаленной пасти показаны (?) клыки. Лапы переданы четырехпалыми, с длинными выпущенными когтями. Глаз круглый, ухо ложечковидное.

По направлению к завитку показан еще один зверь. Он изображен у задних лап только что описанного хищника. Это маленький зверек с длинными ушами, коротким хвостиком. У него маленькая голова, круглый глаз. Лапы трехпалые.

В противоположной от зверька стороне расположена вереница из трех травоядных животных. Звери показаны с подогнутыми под брюхо ногами. У них короткие хвостики. Животное, которое находится первым от завитка, показано с подтреугольным выступом на холке. У него ровный круто загнутый рог. Интересна проработка уха. Оно по форме больше напоминает каплю (?). Изображение животного, расположенного посередине, видимо, неполное – незавершенное, либо плохо сохранившееся. Оно без головы. Третье животное расположилось таким образом, что занимает поверхность над самым крупным хищником из центральной композиции. Морда животного клювовидная, рог ровный, круто загнутый, глаз круглый. К этому животному обращен рогатый зверь миниатюрных размеров. У него миндалевидный глаз, листовидное (?) ухо, ровный, круто загнутый назад рог, короткий хвост. Примечательно то, что подогнутые под брюхо ноги лаконично переданы одной изогнутой линией. Линия, обозначающая передние, явно подогнутые ноги, плавно перетекает в абрис задних.

Особенный характер многофигурной сцене придает изображение разъяренного кабана. Оскалившееся животное с торчащими клыками показано в пространстве под передней лапой самого крупного хищника из центральной композиции. У животного показаны ноги с копытами и то же время выгнутая спина и тонкая талия. В изображении кабана чёткими линиями обозначен мощный загривок, проработаны суставы на нижних конечностях. Обращает на себя внимание тонкая талия.

Таким образом, на игольнике расположено 16 животных и вихревой знак (рис. 3-5). Из озвученного количества животных лишь одно показано сокращенно – в виде головы, все остальные – целые фигуры. К числу травоядных отнесено девять животных – сайгак, олень, кабан, одно безрогое животное с длинным листовидным ухом, три зверя с ровными, круто загнутыми назад рогами, копытное без головы, неопределимое травоядное животное.

В многофигурной композиции присутствует изображение шести хищников. Они все разные. Отличие проявляется в трактовке ушей, хвостов и лап. Классическая передача содержательных элементов, характерных для хищников, проявляется всего лишь один раз – в трактовке зверя с ложечковидным ухом. Более всего поражают изображения так называемых «тонких» хищников, показанные схематично, без детализации органов слуха и зрения.

Изображение одного из животных с определенной долей сомнения можно атрибутировать как зайца (?) (рис. 4; 5).

Вихревой знак (рис. 4; 5), являющийся еще одним элементом композиции, возможно, по имеющимся аналогиям в декоре предметов из памятников тасмолинской культуры является знаком присутствия орла. Например, декор уздечного набора из кургана 19 могильника Тасмола-1 (Кадырбаев 1966).

Относительно традиции изображать рога. Как правило, рога носят самцы оленей. Исключение составляет северный олень, когда рога носят оба пола. У сайгаков рога только у самцов. Самки горных козлов носят тонкие изящные рога, у самцов рога обычно мощные. У горных баранов рога круто закручены в спираль. Самки горных баранов носят рога за редким исключением.

По мнению археозоолога к. б. н. П.А. Косинцева: «В пределах Центрального Казахстана с рогами может быть: олень благородный, лось, сайгак, козел и баран. У горного козла рога имеют самки, у самцов рога значительно длиннее головы, а у самок обычно не длиннее головы. У горного барана самки тоже имеют рога, но не все. Есть самки и без рогов. Размеры рогов как у козлов»[4].

В изобразительной традиции рога горных козлов чаще всего трактуются с бугорками, имеющими полукольца, обозначающими валики на рогах. Хотя встречаются изображения с ровным краем рога. Видимо, по крутизне рога можно определить, кто изображен – горный козел или горный баран. Поскольку на рассматриваемых изображениях рога показаны по-разному, то, видимо, они передают различных животных. Так, в двух случаях линия рога имеет крутой изгиб, но он не заканчивается спиралевидным завитком. Позволим допустить, что это изображения горных козлов. У одного травоядного, завершающего вереницу из трех животных, рог образует практически кольцо. Видимо, его и можно атрибутировать как изображение горного барана. Обращает на себя внимание, что возле более крупного животного расположена фигурка более мелкого. Так, рядом с оленем присутствует изящное изображение безрогого животного, с обернувшейся назад головой. Рядом с горным козлом, по-видимому, показана самка, поскольку она меньших размеров. Если принять, что могли быть показанными детеныши зверей, то у ягнят горных козлов рожек либо нет, либо они маленькие. Видимо, в двух случаях показан олень с оленухой и горный козел с самкой.

Среди всей композиции выделяется еще одна пара животных из тех самых «тонких» хищников, которые также различаются по размерам, но, также как в случае с вышеописанными парами, образуют композицию. Они показаны обращенными друг к другу ногами. В случае с горными козлами они показаны противопоставлено. Олени также показаны обращенными друг к другу.

Анализ стиля изображений и художественных приемов. Относительно стиля изображений и художественных приемов можно сказать следующее. Изображения хищников выполнены с помощью художественных приемов, присущих раннескифским/раннесакским образам. К ним относится сама поза скребущего хищника, обозначение глаз, раскрытой пасти и ноздрей кружками, кольчатость лап и окончания хвоста. На футляре некоторым образом трактовка хищников соотносится с изображениями хищников «хэланьшаньского типа» (Богданов 2006, табл. LXXVI): большие округлые глаза с выделенным зрачком, вытянутые вперед ноги с выделенными отдельно длинными когтями, подчеркнуто разинутая пасть. Но там показана также фактура или тип шерсти, возможно, подчеркивающая вид животного (тигр, барс). Хвост опущен вниз. Его кончик оформлен поразному.

Параллели кошачьим хищникам прослеживаются в материалах могильника Южный Тагискен в Приаралье. Отличие состоит в том, что ноги у приаральских хищников сильнее подогнуты под туловище. Голова животного опущена вниз. Показан округлый глаз с выделенным зрачком, раскрытая пасть, уши выделены, окончания лап подразумевают когти, хвост прижат к туловищу, оканчивается спиральным завитком, обращенным вверх. Датируются серединой VI - началом V вв. до н.э. Лежащие животные – VII-VI вв. до н.э. (Итина, Яблонский 1997, рис. 78).

На основе анализа раннескифских изображений Е.С. Богдановым разработана схема развития основных образов (свернувшегося и припавшего к земле хищника, копытных «на цыпочках»). Автор приходит к выводу о том, что традиция прослеживается в рамках одного региона на базе двух культурных традиций: иньской и карасукской. К VIII в. до н. э. изображения копытных на цыпочках и хищников в канонических позах прослеживаются на

[4] Приводится фраза П.А. Косинцева из переписки. Пользуясь случаем, благодарим П.А. Косинцева за ценные консультации.

территории Китая и Внутренней Монголии. Такие же изображения фиксируются на оленных камнях и бронзах карасукского облика на территории Монголии, Внутренней Монголии и Минусинской котловины. Несмотря на то, что Е.С. Богданов констатирует преобладание в раннескифских материалах одиночного изолированного образа и отсутствие сюжетных композиций и сцен, где положение животного было бы обусловлено характером действия, новые находки из Центрального Казахстана, видимо, отвергают этот тезис (Богданов 2011, 26).

Изображения травоядных животных на Бухтарминском зеркале, на обломке оленного камня из кургана Аржан и др. относятся, по мнению Е.С. Богданова, к самым ранним изображениям, датируемым IX-VIII вв. до н.э. Для них характерны олени с горбиком, показаны четыре ноги, свисающие вниз, головы подняты вперед и чуть-чуть вверх, глаза круглые большие, рога с одним-двумя передними отростками.

Футляр из Байке-2 более поздний – вероятно, VII в. до н.э., но относится к раннескифскому этапу и демонстрирует наличие композиции и сюжета. Мы видим удивительное сочетание так называемой «загадочной картинки» и присутствие сюжета.

Центральным элементом-образом в композиции является сайгак. Можно отметить для него такие раннескифские художественные приемы, как особо подчеркнутые подтреугольные копыта, вытянутые вниз и чуть вперед ноги, высоко поднятая голова на длинной шее, тип рогов.

Ю.Б. Полидович выделяет для раннескифских/раннесакских изображений три основных типа полнофигурных изображений: 1) с опущенными ногами и прямо поставленной или слегка поднятой головой; 2) с подогнутыми ногами и прямо поставленной, слегка вытянутой вперед, иногда приподнятой головой; 3) с подогнутыми ногами и повернутой назад головой.

Можем сказать, что сайгак на футляре показан с опущенными ногами и со свисающими копытами – это характерно для восточных регионов Евразии в раннесакское время. Специалисты относят к ним изображения оленей на оленных камнях из тувинских курганов Аржан-1 и Аржан-2, Алтая и Монголии. К таковым относятся также изображения на бронзовом зеркале из Бухтармы, на бляшке из могильника Уйгарак, на рукоятке ножа из могильника Сяохэйшигоу и др.

Хронологически они отделяются: Первая группа относится к финалу доскифского – началу раннескифского периода, вторая – ко времени между сооружением тувинских курганов Аржан-1 и Аржан-2, третья соответствует времени сооружения кургана Аржан-2 и последующему периоду (аржано-кичигинский горизонт древностей) (Полидович 2014).

Такими же стилистическими приемами показана антилопа с повернутой назад головой. Все животные отличаются удивительной грациозностью.

Разбирая изображения горных козлов раннесакского времени из восточных регионов Евразии, Ю.Б. Полидович относит предмет из Байгетобе (стилистически сходное с центрально-казахстанскими) ко второму культурно-хронологическому горизонту (следующему после Тамды-Уйгарак). Второй культурно-хронологический горизонт – это Биже-Шиликты. Автор синхронизирует его с келермесским «культурным горизонтом» в западной части скифо-сакского мира (Полидович 2010). К этому же горизонту Ю.Б. Полидович относит комплекс кургана №2 могильника Талды-2.

Таким образом, тот набор устойчивых стилистических и композиционных признаков, который выявляется для изображений из Байке-2, находит определенные параллели в восточных регионах скифского мира. По мнению специалистов, эти предметы могут занимать более раннюю позицию по отношению к предметам торевтики из Жалаулинского комплекса и кургана Аржан-2. Так, клювовидные знаки на туловище – более поздний хронологический показатель, характерный для времени Аржана-2.

Помимо предметов мелкой пластики, раннесакские образцы звериного стиля хорошо представлены в петроглифах. Так, канонические образы известны в бестиарии комплекса Ешкиолмес (Жетысу). Среди них можно назвать сцены с изображением кошачьих хищников, припавших к земле; изображение

козла, обладающее всеми раннескифскими признаками (грацильность, вытянутая шея, поднятая голова, подогнутые под туловище ноги с тонкими выделенными копытами, возможно, выступ на плече); раннескифский козлик с «горбиком» на плече; кабаны с опущенной крупной головой и вытянутыми вперед ногами; архары с подогнутыми под туловище ногами, вытянутой шеей и головой, выделены треугольные копыта, изящные ноги (Бейсенов, Марьяшев 2014, 150-151, фото 13, 15, 16, 31, рис. 16 и др.).

Обширная коллекция изображений животных из элитного памятника алды-бельской культуры Аржан-2 разделена К.В. Чугуновым на четыре группы. Из них группу 2 образуют бляхи головных уборов в виде лошадей с подогнутыми ногами и барана из сопроводительной женской могилы. Навершие головного убора в виде стоящего оленя может восходить к наскальному искусству аржано-майэмирского стиля (например, оленный камень из Аржана-1) (Чугунов 2004, 274-275). Кошачьи хищники на навершии и перекрестье кинжала из могилы 5, только у них – запятовидные прорези на бедре и плече, тяготеют к 1 и 4 группам. Изделия группы 1 по стилистическим признакам имеют больше соответствий в искусстве казахстанско-центральноазиатского региона. Предметы, отнесенные к группе, уникальны по технологии изготовления, отчасти по стилю (Чугунов 2004, 275).

Изображения кошачьих хищников рассматриваемого футляра из Байке-2 тяготеют к горизонту Аржан-2. Известный из ранних раскопок Тасмолы-5 предмет с «загадочной картинкой» также демонстрирует присутствие центрального образа. Основным элементом-образом в композиции является кабан. Он окружен пятью головами травоядных животных.

Первоначально «загадочные картинки» были выявлены на двух костяных гребнях из могильника Хемчик-Бом-3. На одном из них представлено не менее шести фигур антилоп-дзеренов, одна из них центральная. Второй гребень из Хемчик-Бом-3 украшен фигуркой лежащего горного козла и головками копытных животных (козлов?).

Трубочки-пронизки с изображениями в стиле «загадочных картинок» известны в памятниках саков Тувы (Богданов 2006, табл. LXXIV). «Загадочные картинки» А.Д. Грач определил как особенность раннекочевнического искусства алды-бельской и саглынской культур Тувы. По мнению специалиста, такие композиции характерны именно для центральноазиатского очага раннескифского искусства (Грач 1980, 78-80).

В литературе утвердилось мнение, что в «загадочных картинках» отсутствует сюжет, мастером двигала боязнь оставить неиспользованным хотя бы небольшой участок. Однако, на наш взгляд, в этих картинках прослеживается некая закономерность, сюжет. Так, в роговой застежке из Тасмола-5, курган 3 мы видим в центре композиции изображение кабана, вокруг него – головы травоядных животных (козлы, олень, всего пять). Изображение кабана – с вытянутыми ногами, сведенными вместе копытами – ранний стилистический признак. На изделии из мог. Аймырлыг-7, сруб 4 – в центре композиции расположено изображение кошачьего хищника (тигр?), вокруг – изображения травоядных (козел, самки – безрогие животные, голова козла, сильно стилизованное изображение лежащей антилопы, всего шесть).

Могильник Аймырлыг-8, сруб 13: изображение кабана, рядом – изображения травоядных, в том числе оленя, две отдельные головы животных, всего пять.

Как видим, сюжет присутствует: в центре располагается изображение хищника либо кабана в окружении травоядных животных. В данном случае хищник и кабан близки в плане семантики как терзатели, как посредники между мирами.

В мифологическом наполнении раннесакские «загадочные картинки» могут рассматриваться как вариант или прообраз сцен терзания хищником травоядного животного. Так, например, известные бляшки с геральдической композицией – птица и два козла – тоже характерны для раннесакского искусства (Жалаулы, Талды-2, Шиликты), идея украшения выражена подобранными образами животных и организацией композиции. Позже, вероятно, подобные композиции – организация пространства – не встречаются. Также и в «загадочных картинках» – идея противостояния

копытных и хищников, терзания жертвы выражена определенным способом. Показано их противопоставление: нападающие или готовые напасть хищники традиционно агрессивны; копытные – смиренные, жертвенные животные. Это состояние, роль красноречиво выражается определенными художественными приемами, их позой: на «пуантах», с повёрнутой назад головой, с вывернутым крупом, с подогнутыми под туловище ногами.

В материалах Аржана-2 «загадочные картинки», выполненные в золоте, декорируют портупейные бляхи акинака и кинжала, золотую модель котелка.

Декор модели котла из Аржана-2 с полным заполнением поля изображениями баранов можно принять в качестве варианта загадочных картинок. Вся внешняя поверхность предмета покрыта рельефным орнаментом. Бестиарий вписывается в сюжет «загадочных картинок»: спиралевидные линии в виде сильно стилизованных изображений хищных птиц составляют изображения пяти баранов и одного кошачьего хищника. Головы и рога баранов проработаны четко, тела обозначены спиралями (Čugunov, Parzinger, Nagler 2010, Taf. 63/1b). На одного из баранов нападает спереди кошачий хищник.

Шпилька с навершием в виде полушаровидной головки; золото. Поверхность стержня украшена рельефным орнаментом (Čugunov, Parzinger, Nagler 2010, Taf. 55; 74/1). Декор представляет собой фриз с изображениями животных: коза, зебу, коза, дикий кабан, олень, коза, зебу, лошадь, баран, олень, кошачий хищник, коза, олень, дикий кабан, верблюд, олень; над фризом, а также под ним и между отдельными изображениями, изображены головы не поддающихся определению животных, возможно, копытных, может быть, козла и кабана. Эта находка дополняет связи, выявленные по найденным в Талды-2 пронизкам и т. д.

Петлевидные, орнаментированные с двух сторон обоймы от ремня кинжала; золото (Čugunov, Parzinger, Nagler 2010, Taf. 13/5-7; 39/5). Рельеф состоит из изображений кошачьего хищника, терзающего козу спереди. На передней стороне обойм расположены головы животных, на обратной стороне – касающиеся друг друга задние части тела.

Декоративная пластина на окончании ножен; золото (Čugunov, Parzinger, Nagler 2010, Taf. 13/8, 9; 39/7). Лицевая сторона пластины украшена тесно примыкающими друг к другу фигурками животных: согнувшийся кошачий хищник, копытное животное с повернутой назад головой (оленуха?), козел в позе прыжка, еще один согнувшийся кошачий хищник, копытное (оленуха?) с поднятой и слегка закинутой назад головой, дикий кабан с подогнутыми конечностями, баран в позе прыжка с повернутой на 180° задней частью тела, а также трудно распознаваемое животное (кошачий хищник или оленуха?) в скорченном положении.

По сути, это те же загадочные картинки, здесь представлены те же образы, бестиарий и стилистика.

Проанализировав предметы искусства из Аржана-2, К.В. Чугунов также справедливо отмечает, что в коллекции находок из кургана представлены «загадочные картинки» (Чугунов 2004). Несомненно, основная идея, проходящая красной нитью через искусство саков – оппозиция хищника и травоядного – является сюжетом, идеей «загадочных картинок».

Таким образом, мы видим различную организацию композиции, различные иконографические варианты, примененные при создании «загадочных картинок».

Д.Г. Савинов справедливо отмечает, что «загадочные картинки» считаются специфическими для центрально-азиатского очага раннескифского искусства. Их объединяет общий изобразительный прием и то, что все мелкие изображения группируются вокруг основного, одного центрального изображения. По мнению Д.Г. Савинова: «Вполне вероятно, что это различные формы выражения одной и той же мифологемы…» (Савинов 2012, 52).

Важно, что Д.Г. Савинов приходит к выводу о ведущей роли казахстанско-среднеазиатского региона в формировании раннескифского искусства (Савинов 2012, 51-53).

Новая находка из Центрального Казахстана, вероятно, подтверждает это предположение, учитывая наш вывод о датировке Байке-2 более ранним периодом, чем Аржан-2 – первая половина VII в. до н.э. Анализ материалов из

погребально-поминального комплекса Аржан-2 позволил К.В. Чугунову наметить два основных направления культурных контактов Тувы в раннесакское время – юго-восточное и западное (Чугунов 2011). Помимо общего направления контактов, встает вопрос о векторе этих связей. В целом новая находка, возможно, дополняет круг памятников с территории Казахстана, относящихся к наиболее раннему пласту древних кочевников наряду с Шиликты и Бесшатыром. Они демонстрируют сложившееся искусство (Шиликты, Байке-2). В то же время мы понимаем некоторую условность вывода о датировке Байке-2.

Библиография

Бейсенов 2014а: А.З. Бейсенов, Древние сокровища Сарыарки, книга-альбом на каз., рус. и англ. яз. (Алматы 2014).

Бейсенов 2014б: А.З. Бейсенов, Поселения раннесакского времени Центрального Казахстана. В сб.: Записки ИИМК, №9 (Санкт-Петербург 2014), 92-102.

Бейсенов 2015а: А.З. Бейсенов, Центральный Казахстан в раннем железном веке. В сб.: Историческая и социально-образовательная мысль, т. 7, №6, ч. 2. (Краснодар 2015), 22-31.

Бейсенов 2015б: А.З. Бейсенов, Поселения и могильники сакской эпохи Центрального Казахстана. В сб.: Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сб. статей, посвящ. памяти археолога К.А. Акишева (Алматы 2015), 11-38.

Бейсенов, Базарбаева 2013: А.З. Бейсенов, Г.А. Базарбаева, Искусство древних кочевников Центрального Казахстана: образы, сюжеты, композиции. В сб.: Вестник ЮУрГУ. Сер. Социально-гуманит. науки, т. 13, №2 (Челябинск 2013), 12-17.

Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2011: А.З. Бейсенов, Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева, Мир образов в искусстве населения Сарыарки (по материалам памятников 1 тыс. до н. э.). В сб.: Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Сб. матер. междунар. научн. конф., посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана, т. 2 (Алматы 2011), 261-273.

Бейсенов, Джумабекова, Базарбаева 2015: А.З. Бейсенов, Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева, Изучение памятников тасмолинской культуры в Западной Сарыарке. В сб.: Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Сб. статей, посвящ. 70-летию Ю.Ф. Кирюшина (Барнаул 2015), 294-297.

Бейсенов, Дуйсенбай 2015: А.З. Бейсенов, Д.Б. Дуйсенбай, Исследования на могильнике Байке-2. В сб.: Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сб. статей, посвящ. памяти археолога К.А. Акишева (Алматы 2015), 71-76.

Бейсенов, Ермоленко 2014: А.З. Бейсенов, Л.Н. Ермоленко, Новые каменные изваяния сакского времени из Сарыарки. В сб.: Вестник КемГУ, №3 (59), т. 3 (Кемерово 2014), 36-40.

Бейсенов и др. 2015: А.З. Бейсенов, А.О. Исмагулова, Е.П. Китов, А.О. Китова, Население Центрального Казахстана в 1 тыс. до н.э. (Алматы 2015).

Бейсенов, Китов 2014: А.З. Бейсенов, Е.П. Китов, Могильник тасмолинской культуры Талды II в Центральном Казахстане (краниологический анализ). В сб.: Вестник Волгоградского госуниверситета, сер. 4, История, №4 (28) (Волгоград 2014), 71-85.

Бейсенов, Марьяшев 2014: А.З. Бейсенов, А.Н. Марьяшев, Петроглифы раннего железного века Жетысу (Алматы 2014).

Бейсенов и др. 2011: А.З. Бейсенов, А.Д. Таиров, В.В. Зайков, И.А. Блинов, Состав золотых изделий из могильника Талды-2. В сб.: Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Тезисы докладов Круглого стола, посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан (Караганды 2011), 21-25.

Богданов 2006: Е.С. Богданов, Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция) (Новосибирск 2006).

Богданов 2011: Е.С. Богданов, Образы свернувшегося и припавшего к земле хищника, оленя «на цыпочках» в контексте зарождения скифо-сибирского искусства. В сб.: «Terra Scythica». Материалы междунар. симпозиума «Terra Scythica» (17-23 августа 2011 года, Денисова пещера, Горный Алтай) (Новосибирск 2011), 23-28.

Грач 1980: А.Д. Грач, Древние кочевники в центре Азии (Москва 1980).

Итина, Яблонский 1997: М.А. Итина, Л.Т. Яблонский, Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен) (Москва 1997).

Кадырбаев 1966: М.К. Кадырбаев, Памятники тасмолинской культуры. В кн.: А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев, Древняя культура Центрального Казахстана (Алма-Ата 1966), 303-433.

Кадырбаев 1968: М.К. Кадырбаев, Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннего железного века Казахстана. В сб.: Новое в археологии Казахстана (Алма-Ата 1968), 21-36.

Полидович 2010: Ю.Б. Полидович, Предметы торевтики из кургана Байгетобе (Восточный Казахстан): на стыке восточных и западных традиций. В сб.: Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии (Барнаул 2010), 148-151.

Полидович 2011: Ю.Б. Полидович, Изображения таутеке на навершиях из комплекса Биже (Жетысу) в контексте раннесакского «звериного стиля». В сб.: Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Тезисы докладов междунар. Круглого стола, посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан (23-25 ноября 2011 года) (Караганды 2011), 123-130.

Полидович 2014: Ю.Б. Полидович, Основные группы изображений оленей раннескифского времени (из восточных регионов Евразии). В сб.: Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации. Материалы Всероссийской (с международным участием) научн. конф. (12-14 ноября 2014 года) (Новосибирск 2014), 73-76.

Савинов 2012: Д.Г. Савинов, Изобразительные памятники раннескифского времени: искусство композиции. В сб.: Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. Труды САИПИ, вып. IX. (Москва-Кемерово 2012), 35-55.

Таиров 2007: А.Д. Таиров, Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII-VI вв. до н. э. (Челябинск 2007).

Хабдулина 1994: М.К. Хабдулина, Степное Приишимье в эпоху раннего железа (Алматы 1994).

Чугунов 2004: К.В. Чугунов, Звериный стиль кургана Аржан-2: к постановке проблемы. В сб.: Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематич. научн. конф. (1-4 декабря 2004 года) (Санкт-Петербург 2004), 273-276.

Чугунов 2011: К.В. Чугунов, Культурные связи населения Тувы в раннескифское время (по материалам кургана Аржан-2). В сб.: Маргулановские чтения – 2011. Материалы международной археол. конф. (20-22 апреля 201 года) (Астана 2011), 177-182.

Bejsenov 2013: A. Bejsenov, Die nekropole Taldy-2 in beziehung zu den kulturen der fruhsakishen zeit osteurasiens. In: (Ed. Z. Samashev, Th. Stoellner) Unbekanntes Kasachstan. Archäolgie im Herzen Asiens, t. II [Catalogue of the exhibition] (Bochum 2013), 595-608.

Beisenov 2015a: A. Beisenov, Studies of the Saka settlements in the East part of the Central Kazakhstan. In: Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Сб. статей, посвящ. 70-летию Ю.Ф. Кирюшина (Барнаул 2015), 289-293.

Beisenov 2015b: A. Beisenov, Monuments of Tasmola culture of Central Kazakhstan. In: Ancient cultures of the northern area of China, Mongolia and Baikalian Siberia (Huhhot 2015), 258-266.

Beisenov et al. 2016: A.Z. Beisenov, S.V. Svyatko, A.E. Kassenalin, K.A. Zhambulatov, D. Duisenbai, P.J. Reimer, First Radiocarbon Chronology for the Early Iron Age Sites of Central Kazakhstan (Tasmola Culture and Korgantas Period). In: Radiocarbon, 58 (Arizona 2016), 179-191. doi: 10.1017/RDC.2015.18.

Čugunov, Parzinger, Nagler 2010: K.V. Čugunov, H. Parzinger, A. Nagler, Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien, 26. Steppenvölker Eurasiens, 3 (Mainz 2010).

O cutie din os descoperită în tumulul culturii Tasmola (Kazahstanul Central)

Cuvinte-cheie: Kazahstanul Central, cultura Tasmola, saci, cutie din os, decor zoomorf.

Rezumat: În articol este analizată o cutie din os, descoperită în tumulul 7 al necropolei Baike-2, studiată sub conducerea lui A. Beisenov în anul 2015. Situl, atribuit culturii Tasmola, se află în localitatea montană Karakuys (r-nul Karkaraly, regiunea Karagandy), situată la 14 km sud-sud-est de satul Nurken.

Pe cutia din os pot fi urmărite imaginile a 16 animale şi a semnului viforului. Judecând după caracterul decorului, piesa poate fi încadrată în perioada scitică timpurie şi datată în sec. VII a. Chr. Conform particularităţilor stilistice şi ale compoziţiei decorul piesa de la Baike-2 are anumite analogii în spaţiul estic al lumii scitice. Această descoperire completează numărul de situri de pe teritoriul Kazahstanului care, deopotrivă cu cele de la Shilikty şi Besshatyr, pot fi atribuite orizontului timpuriu al comunităţilor nomade preistorice.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Localizarea sitului Baike-2 în raport cu localităţile Astana, Karagandy, Karkaraly, Balkhash (după D. Duisenbai).

Fig. 2. Planul necropolei Baike-2 (după Beisenov, Duisenbai 2015).

Fig. 3. Necropola Baike-2. Cutia din os. În prim-plan compoziţia centrală, constituită din imaginile unei saiga şi a trei animale de pradă (foto D. Duisenbai).

Fig. 4. Necropola Baike-2. Cutia din os. În stânga imaginea unei ciute, în dreapta – iepure (?), în mijloc – o buclă în formă de vârtej (foto D. Duisenbai).

Fig. 5. Necropola Baike-2. Cutia din os (foto D. Duisenbai).

A find of a bone case in the Tasmola culture kurgan (Central Kazakhstan)

Keywords: Central Kazakhstan, Tasmola culture, Saka, bone case, zoomorphic decoration.

Abstract: This article discusses the bone case from the kurgan 7 of the Baike-2 cemetery excavated in 2015 under the direction of A. Z. Beisenov. The site is located in the Karakuys mountainous area (Karkaraly district, the Karagandy region), 14 km to the south-southeast from the village of Nurken, and belongs to the Tasmola archaeological culture of the Saka time.

The bone case bears the images of 16 animals and one vortex sign. Based on the features of the décor, it is possible to attribute the case to the early Scythian stage? and date it to the 7th century BC. The images on the find from the Baike-2 cemetery display a number of stylistic and compositional characteristics that have certain parallels in the eastern regions of the Scythian world. This new discovery may complement the series of artifacts from the territory of Kazakhstan that, along with ones from Shilikty and Besshatyr, belongs to the earliest layer of the ancient nomadic culture.

List of illustrations:

Fig. 1. Localization of the Baike-2 kurgan cemetery in relation to the settlements of Astana, Karagandy, Karkaraly, Balkhash (by D. Duisenbai).

Fig. 2. Situation plan of the Baike-2 kurgan cemetery (after Beisenov, Duisenbai 2015).

Fig. 3. Bone case from the Baike-2. Composition depicting one saiga and three predators in the center of the foreground (photo by D. Duisenbai).

Fig. 4. Bone case from the Baike-2 kurgan cemetery. On the left – doe, on the right – hare (?), in the middle – whirl sign (photo by D. Duisenbai).

Fig. 5. Bone case from the Baike-2 kurgan cemetery (photo by D. Duisenbai).

06.10.2016

Др. Арман Бейсенов, Отдел первобытной археологии, Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК, пр. Достык, 44, 050100 Алматы, Казахстан, e-mail: azbeisenov@mail.ru

Др. Гульнара Джумабекова, Отдел первобытной археологии, Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК, пр. Достык, 44, 050100 Алматы, Казахстан, e-mail: gdzhuma@mail.ru

Др. Галия Базарбаева, Отдел первобытной археологии, Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК, пр. Достык, 44, 050100 Алматы, Казахстан, e-mail: galiya2002@gmail.com

Данияр Дуйсенбай, Отдел первобытной археологии, Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК, пр. Достык, 44, 050100 Алматы, Казахстан, e-mail: daniar_db88@mail.ru

NOI DESCOPERIRI DEFENSIVE ÎN PARTEA DE VEST A PROMONTORIULUI BUTUCENI, RAIONUL ORHEI (cercetările arheologice din anul 2015)

Octavian Munteanu

Cuvinte-cheie: sistem defensiv, fortificaţii, şanţ, val, palisadă, bermă.

Cercetări realizate anterior şi constatări

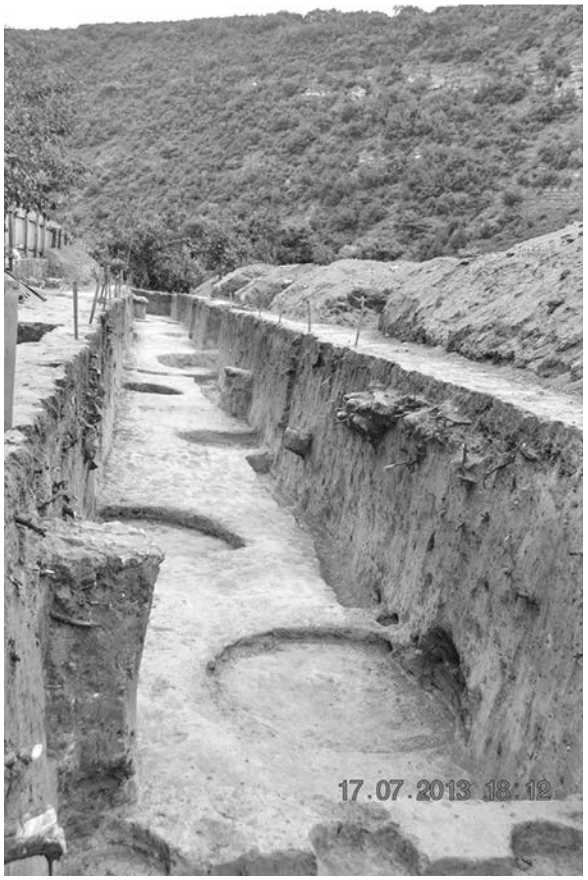
Cercetările arheologice realizate în vara anului 2015 în partea de vest a promontoriului Butuceni, raionul Orhei, au reprezentat o continuare logică a investigaţiilor ce au fost întreprinse în anii 2013-2014 (Munteanu, Iarmulschi, Popovici 2014a; Munteanu 2015). De amintit că în anul 2013, cu ocazia săpăturilor preventive, au fost identificate mai multe structuri din a doua epocă a fierului şi un sistem defensiv din aceeaşi perioadă (Munteanu, Iarmulschi, Popovici 2014b, 55-58). Complexitatea acestuia a ridicat mai multe probleme, iar în căutarea soluţiilor, investigaţiile au fost determinate de necesitatea precizării configuraţiei sistemului defensiv din extrema vestică a promontoriului şi a elementelor sale constitutive. În mod special, respectivele cercetări au fost impulsionate de faptul că o bună parte a spaţiului acoperit de fortificaţie este deja distrus de factorii antropici: construcţia podului, construcţia drumului, construcţia de spaţii locative, activitatea agricolă etc. Intensitatea acestor distrugeri, corelată cu o protecţie precară a sitului, nu exclude în viitorul apropiat distrugeri şi în spaţiile neafectate, pierzând posibilităţile de a înţelege fenomenele din perioada secolelor V-III a. Chr.

Amintim că, după cercetările din anul 2013, deopotrivă cu delimitarea clară a sistemului defensiv şi stabilirea elementelor sale constitutive, apăruse întrebarea cu privire la traiectoria liniei defensive descoperite în timpul cercetărilor de salvare. Mai mult, se impunea corelarea acesteia cu urmele unei porţiuni de fortificaţie relativ bine conservată ce se prezintă sub forma unui val cu şanţ adiacent amplasate în vârful promontoriului, pe partea stângă a drumului ce duce din staţia de autobuze spre mănăstirea Peştere (fig. 1, punct 1). Până la momentul cercetărilor din anul 2013 se considera că accesul dinspre partea vestică a promontoriului era barat cu un sistem defensiv rectiliniu, care începea anume din acel punct vizibil actualmente, urmând traiectoria spre vest până spre albia râului Răut. De menţionat că aceste raţionamente se desprindeau doar din observaţiile vizuale, fără să se fi întreprins cercetări de teren. Descoperirile sistemului defensiv din anul 2013 (fig. 1, punct 3; fig. 2), punea, în primul rând, problema corelaţiei dintre această descoperire cu porţiunea conservată a fortificaţiei din vârful promontoriului (fig. 1, punct 1). Observaţiile noastre ne-au determinat să considerăm că prelungirea liniei defensive pe care am identificat-o în anul 2013 şi pe care am cercetat-o suplimentar în anul 2014 (fig. 1, punct 4; fig. 3; fig. 4) (Munteanu, Moraru, Vetrilă 2015; Munteanu, Moraru 2015a; Munteanu, Moraru 2015b), ar fi putut să urmeze o altă traiectorie decât cea sugerată de urmele fortificaţiei conservate în vârful promontoriului, aşa cum se considera tradiţional (linie imaginară ce ar uni punctele 3 şi 1 din fig. 1).

În viziunea noastră, linia imaginară pe care am proiectat-o, ar fi trebuit să treacă mai la sud de porţiunea de fortificaţie conservată (fig. 1, punct 1). Aceste raţionamente, dincolo de traiectoria mai puţin logică ce se contura prin cele două puncte amintite mai sus (fig. 1, linia dintre punctele 1 şi 3), au fost determinate şi de faptul că a fost identificat un spaţiu care, ipotetic, ar putea fi asociat cu prelungirea liniei defensive ce pornea din vârful promontoriului. Este vorba de posibile rămăşiţe ale sistemului defensiv care se prezintă sub forma unui val aplatizat (fig. 1, punct 2). Identificarea respectivului loc s-a datorat informaţiilor venite de la locuitorii din satul Butuceni, care afirmă că, înaintea lucrărilor de amenajare a podului de beton peste râul Răut, putea fi văzut clar cum intrarea în sat era barată de un val înalt precedat de şanţ, care fiind distrus, a păstrat aceste două puncte – unul vizibil pentru toată lumea în vârful promontoriului, iar al doilea – amplasat mai înspre malul râului, ferit de ochiul neînarmat, acoperit actualmente de o fâşie forestieră de protecţie.

Fig. 1. Promontoriul Butuceni. Vedere generală dinspre nord-vest cu marcarea punctelor în care au fost identificate urme de fortificare (1-5). Linie întrerupt-punctată - traiectoria stabilită a liniei defensive; linie întreruptă - traiectoria ipotetică a sistemului defensiv.

Verificarea respectivei ipoteze, prin trasarea secţiunii nr. V în anul 2014 (fig. 1, punct 4), a avut menirea să verifice dacă elementele constitutive ale construcţiei defensive, care a fost identificată şi studiată în cadrul cercetărilor din anul 2013, au conexiune cu porţiunea defensivă conservată în vârful promontoriului din partea estică a drumului sau există o altă posibilă traiectorie, aşa cum am admis noi. Rezultatele au demonstrat că presupunerile noastre nu au fost lipsite de temei şi între segmentele cercetate în anul 2013 (fig. 1, punct 3) şi anul 2014 (fig. 1, punct 4) există o legătură directă, de fapt, reprezentând segmente diferite ale unei şi aceleiaşi linii defensive (fig. 1, linia imaginară dintre punct 3 şi punct 4). Astfel, în baza informaţiilor obţinute în urma campaniilor din anii 2013 şi 2014, se desprindea, în primul rând, ideea existenţei în partea de vest a promontoriului Butuceni a două linii defensive care sunt orientate pe axa est-vest, având şanţurile dinspre nord. Prima linie defensivă este cea care în partea de est porneşte de la segmentul conservat în vârful promontoriului şi continuă spre vest, spre rămăşiţele valului din fâşia forestieră (fig. 1, segmentul ce leagă punctele 1 şi 2). Între aceste două repere nu a mai rămas nici urmă vizibilă de fortificaţie după intervenţiile masive în sol ce au fost întreprinse odată cu amenajarea podului. Nefiind cercetată deocamdată, analiza vizuală a fortificaţiei nu poate oferi multe informaţii. Ceea ce poate fi afirmat fără echivoc, este caracterul viguros al sistemului defensiv, fără ca acesta să fie atribuit cu certitudine perioadei getice sau oricărei alteia din această perioadă (chiar dacă descoperirile de pe promontoriul Butuceni sunt atât de pronunţat legate de comunitatea getică). A doua linie defensivă este cea cercetată în anii 2013 şi 2014 (fig. 1, linia ce trece prin punctele 3 şi 4). La nivelul actual de călcare ea este slab vizibilă, fiind posibilă delimitarea doar a valului, şanţul fiind afectat de intervenţiile în sol din perioada construcţiei podului de beton. Traiectoria acestei linii defensi-



1

2

3

4

5

Fig. 2. Butuceni. Secţiunea nr. 1: 1 - vedere generală dinspre nord; 2 - vedere dinspre sud asupra şanţurilor după degajarea umpluturii; 3 - vedere dinspre nord asupra şanţurilor după degajarea umpluturii; 4 - vedere dinspre nord asupra şanţurilor la nivelul descoperirii; 5 - vedere dinspre sud asupra şanţurilor la nivelul descoperirii.

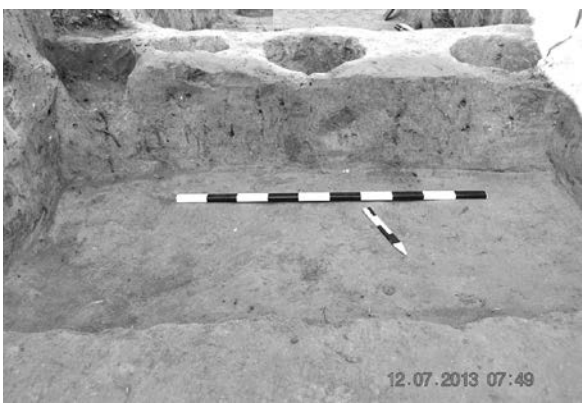
1

2

3

4

5



6

Fig. 3. Butuceni. 1 - Vedere dinspre sud asupra secţiunii nr. 1 în zona construcţiilor de piatră; 2 - profilul de est în spaţiul construcţiei de piatră; 3 - profilul de vest în spaţiul construcţiei de piatră; 4 - delimitarea aglomeraţiei de piatră în zona construcţiei litice; 5 - urmele de pari de la construcţia de lemn: privire dinspre vest; 6 - urmele de pari de la construcţia de lemn: privire dinspre nord.

ve poate fi urmărită dinspre malul Răutului prin grădinile locuitorilor din Butuceni (este adevărat că de la o distanţă destul de importantă de albia râului) până la drumul de acces în sat (fig. 1, linia întreruptă şi punctată; drumul şi parcarea auto au tăiat din sistemul defensiv), dar şi dincolo de acesta – spre interiorul promontoriului. De remarcat, că observaţiile mai atente ce au fost făcute după cercetările din secţiunea nr. V (fig. 1, punctul 4), au oferit posibilitatea urmăririi structurii defensive mai înspre est, ea mergând paralel cu valul vizibil din vârful promontoriului cam până în dreptul acestuia, după care face curba spre sud, iar la scurtă distanţă de curbură nu mai este vizibilă la nivelul actual de călcare (fig. 1, linia întreruptă de la punctul 4). Imediat după parcare

1 2

Fig. 4. Butuceni. Secţiunea nr. V. Vedere dinspre nord asupra urmelor construcţiei defensive: 1 - la nivelul descoperirii aglomeraţiei de piatră; 2 - după degajarea umpluturii.

poate fi urmărit doar valul, căci, după toate observaţiile, şanţul antic s-ar afla pe locul actualului drum ce urcă în vârful promontoriului spre intrarea în mănăstirea rupestră.

În al doilea rând, cercetările efectuate în anii 2013-2014, au oferit informaţie relativ suficientă pentru a ne forma o imagine relativ clară cu privire la tehnicile utilizate pentru ridicarea sistemului defensiv cercetat. Acum putem afirma cu certitudine că piatra a fost parte componentă a construcţiei de apărare, pe lângă materialul litic fiind utilizate masiv lemnul şi pământul. În toate cele patru secţionări ale sistemului defensiv a fost posibilă urmărirea unui tablou mai mult sau mai puţin unitar – palisadă complexă formată din trei paramente (fig. 3; fig. 4). Un parament realizat preponderent din piatră era amplasat dinspre incintă, la care se adaugă altele două realizate din lemn (pari îngropaţi, fortificaţi cu piatră) (Munteanu, Iarmulschi, Popovici 2014b; Munteanu, Moraru, Vetrilă 2015).

În al treilea rând, problema ce ţine de traiectoria sistemului defensiv cercetat, privit prin prisma noilor descoperiri şi observaţii, ne-au aprofundat vechile suspiciuni privind caracterul rectiliniu al acesteia. Schimbarea traiectoriei fortificaţiei spre sud, în partea superioară a promontoriului (fig. 1, linia întreruptă de la punctul 4), ne face să admitem că includerea părţii vestice a fortificaţiei Butuceni în tipul de promontoriu barat ar putea să nu mai fie la fel de actuală. Am admis în calitate de ipoteză de lucru, cel puţin la această etapă a cercetării, că în partea vestică ar fi putut fi ridicat un sistem defensiv semicircular sau circular (fig. 5). Avansarea acestei ipoteze s-a bazat nu doar pe descoperirile din anii 2013-2014, dar şi pe o analiză a acestor date corelate cu observaţiile de teren înregistrate în perioadele reci ale anului, atunci când vegetaţia destul de intensă din acest spaţiu nu mai putea fi o barieră atât de pronunţată. De

Fig. 5. Butuceni. Ortofotoplan în spaţiul de vest al promontoriului cu încadrarea traiectoriei ipotetice a fortificaţiei.

1

2

3

Fig. 6. Butuceni. 1-3 - Aglomeraţii de pietre pe segmentul vestic al promontoriului.

1

2

3

Fig. 7. Butuceni. Aglomeraţiile de piatră din preajma răstignirii.

luat în seamă câţiva indici suplimentari desprinşi din observaţiile de teren care ar veni în sprijinul ipotezei noastre de lucru şi care pot fi grupaţi teritorial în două: indici din partea vestică a segmentului cercetat şi cei din partea estică. Să urmărim fiecare din aceste direcţii.

Partea de vest. În primul rând, am observat că limita de vest a construcţiei defensive cercetată în anii 2013-2014 nu ajunge până la malul Răutului, dar se opreşte la o distanţă de circa 45 m de acesta. Din acel punct, la suprafaţa solului au fost observate aglomeraţii de pietre (mai mici sau

1 2

Fig. 8. Butuceni. Vedere dinspre nord asupra spaţiului prin care a fost trasată S VI.

mai mari) care se întind de-a lungul râului (fig. 1, linia întreruptă; fig. 6). Mergând pe traiectoria acestor aglomeraţii, am constatat joncţiunea lor cu o altă aglomeraţie de pietre vizibilă la suprafaţa actuală de călcare (fig. 1, punctul 5, respectiv linia dreaptă; fig. 7). Aceasta era constituită din două aliniamente situate la distanţa de circa 6 m unul de altul (fig. 8). Aliniamentele erau amplasate perpendicular pe albia râului, fiind orientate pe direcţia sud-estică şi puteau fi urmărite până la intersecţie cu drumul actual de acces în sat, joncţiunea producându-se în imediata apropiere de răstignirea amplasată pe partea dreaptă a intrării în Butuceni (fig. 1, punctul 5, respectiv linia dreaptă). Lungimea segmentului de pietre aliniate în linie dreaptă era de 57 m. Aglomeraţiile de pietre se prezentau în mod diferit pe lungimea segmentului delimitat: pornind de la pietre răzleţite aranjate în linie dreaptă, până la organizarea lor în zid care atingea în unele locuri înălţimea de 1 m (fig. 7).

Partea de est. În partea de est am acordat atenţie la o denivelare de teren care pornea din locul secţiunii nr. V (spaţiu în care au fost delimitate urmele unei construcţii defensive pe care am pus-o în legătură cu construcţiile similare descoperite anterior în secţiunile nr. I, II şi III) şi se prelungea în direcţie sud-estică. Pe suprafaţa denivelării şi imediat în apropiere, la suprafaţa solului se observau pietre de dimensiuni destul de mari. Respectivele asocieri de denivelare a solului cu pietre puteau fi urmărite până aproape în drept cu urmele valului vizibil din marginea vestică a promontoriului (fig. 1, linia întreruptă de la punctul 4).

Făcând bilanţul observaţiilor, am ajuns la următoarea concluzie: segmentul defensiv descoperit şi cercetat în anii 2013-2014 ar putea să sugereze conexiuni atât cu aglomeraţiile pietrelor din partea vestică, cât şi cu cele din partea estică (formând un tot întreg), admiţând, în acest fel, posibilitatea unei traiectorii circulare a respectivului sistem defensiv (fig. 5). Evident, afirmaţii tranşante în acest sens nu am putea admite, decât în contextul verificării acestei ipoteze, fapt pe care am început să-l realizăm în campania anului 2015.

Obiectivele cercetării arheologice din anul 2015, metodele utilizate şi rezultatele obţinute

Pornind de la cele descrise mai sus, în strategia cercetării părţii de vest a promontoriului Butuceni, prioritatea a fost determinată de verificarea ipotezei privind o altă traiectorie a liniei defensive decât cea vehiculată la momentul actual (caracte-

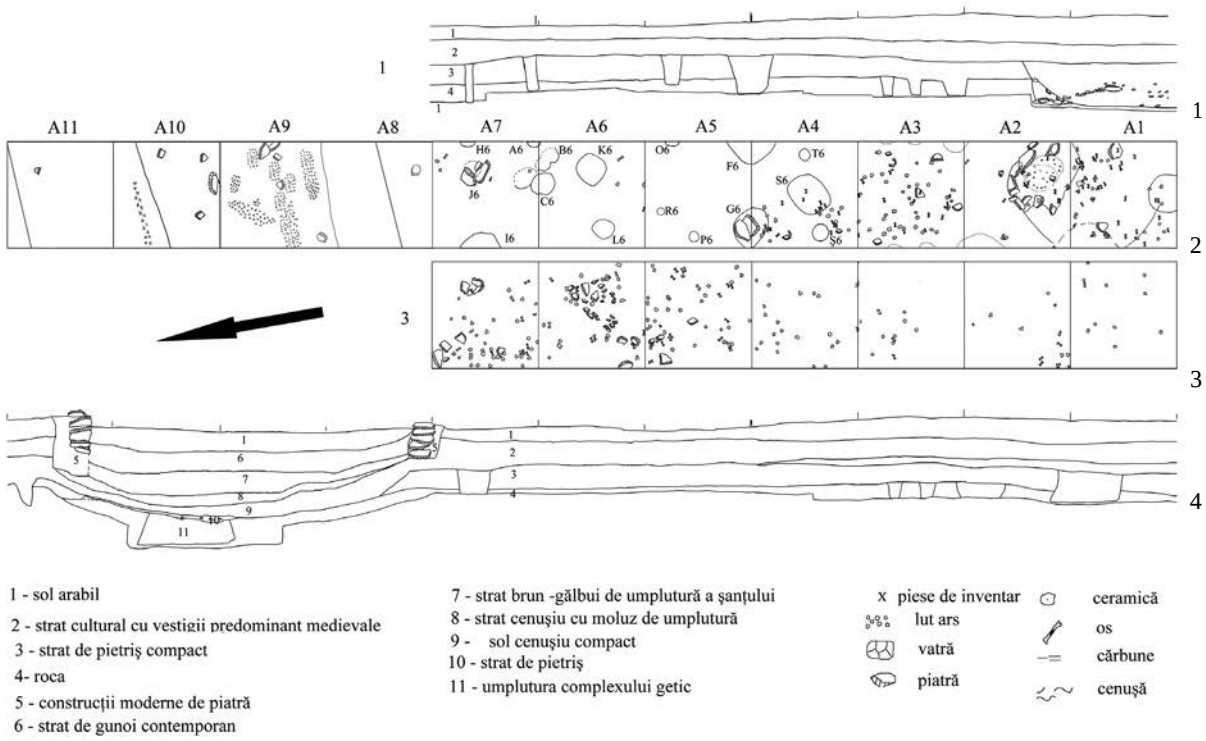


Fig. 9. Butuceni 2015. Secţiunea nr. VI: 1 - profilul de est; 2 - plan, str. 4-6; 3 - plan, str. 1-3; 4 - profil de vest.

rul rectiliniu). Ca metodă de lucru în acţiunile de realizare a strategiei a fost aleasă secţionarea presupusului sistem defensiv pe segmente restrânse ale ipoteticei traiectorii şi taluzările pentru obţinerea stratigrafiei în zonele deteriorate antropic. Respectiv, pentru anul 2015 ne-am propus să ne focalizăm atenţia asupra spaţiului în care au fost descoperite cele două aliniamente din piatră din imediata apropiere a răstignirii de la intrarea în sat. Pentru realizarea obiectivului a fost trasată o nouă secţiune (nr. VI) în imediata apropiere de intrarea în sat, urmărindu-se scopul de a cerceta partea de vest a aliniamentului de pietre (fig. 8; fig. 9). Punctul de la care a fost trasată secţiunea are coordonatele de LA47.174523201880, LN28.542642057160 (MR 99: 239953.500 / 238370.291 /109.58 R) şi se afla la distanţa de 53 m mai la sud-vest de răstignire, dincolo de gardul ce delimitează terenurile agricole de drumul satului. Din acel punct, secţiunea a fost extinsă cu 24 m spre sud-vest şi 2 m spre sud-est, formând o suprafaţă rectangulară cu dimensiunile de 24×2 m, respectiv de 48 m^2. Astfel, secţiunea a fost orientată pe axa sud-nord cu o deviere de circa 30 grade, fiind perpendiculară pe aliniamentul construcţiei de piatră şi aproape paralelă cu traseul drumului central al satului (de la intrare până la răstignire). În procesul cercetării, suprafaţă secţiunii a fost împărţită în carouri cu dimensiunile de 2×2 m, numerotarea fiind realizată după principiul tablei de şah, constituind de la sud spre nord carourile A1-A12 (fig. 9).

În urma investigaţilor arheologice au fost identificate şi cercetate mai multe vestigii arheologice (Munteanu 2016), prioritate în descrierile noastre fiind acordată acelor structuri descoperite, care ar putea fi interpretate ca urme ale unei construcţii defensive. Astfel, eforturile din această vară au scos la lumina zilei un şanţ aflat chiar sub spaţiul cuprins între cele două aliniamente de pietre (fig. 9; fig. 10) şi un şir de amenajări din preajma acestuia care pot fi puse în legătură cu o eventuală edificare a sistemului defensiv: cinci aliniamente de gropi care se află mai la sud de şanţ şi care din punct de vedere stratigrafic se leagă de acesta (fig. 9). Vom prezenta, în cele ce urmează, descoperirile structurilor defensive, continuând cu analiza acestora şi desprinderea posibilelor interpretări.

Amenajări şi construcţii ale sistemului defensiv

Existenţa sistemului defensiv a fost determinată de mai mulţi indici. Este vorba, în primul rând, de descoperirea unui şanţ, care, surprinzător, se afla chiar în spaţiul dintre cele două linii de aglomeraţii de piatră ce sunt vizibile la nivelul actual de călcare (fig. 11). În al doilea rând, de remarcat aglomeraţiile de piatră care au fost descoperite mai la sud de şanţul amintit mai sus, la nivelul de la care acesta fusese săpat (fig. 9; fig. 10). De remarcat, că aceste aglomeraţii erau amplasate în spaţiul în care ulterior, la un nivel inferior, au fost descoperite un şir de gropi care erau dispuse în câteva linii paralele şi care au fost săpate cam de la acelaşi nivel ca şi şanţul, respectiv peste acel nivel aşternându-se şi aglomeraţiile de pietre (fig. 9-15). De adăugat că în umplutura unor gropi au fost descoperite pietre, unele de dimensiuni destul de mari (fig. 12). Totalitatea acestor observaţii ne-au sugerat posibilitatea interpretării respectivelor structuri ca fiind drept gropi de par. Vom prezenta în cele ce urmează structurile menţionate mai sus pentru a le analiza ulterior şi a desprinde posibilele interpretări.

Şanţul (fig. 9; fig. 10). A fost identificat în carourile A 8-11. Delimitarea exactă a părţii superioare nu a fost posibilă din cauza intervenţiilor contemporane. Este vorba de acea amenajare a paramentelor de piatră care coincid perfect cu limitele şanţului (meditaţiile pe marginea acestei situaţii merită toată atenţia, doar că mai puţin se potrivesc contextului pe care îl analizăm). Astfel, ceea ce poate fi deslușit, e că deschiderea în partea sudică a şanţului ar putea fi urmărită cam de la adâncimea 0,6 m de la nivelul actual de călcare (în partea de sud a caroului A8), iar delimitarea nordică ar putea fi fixată la adâncimea de 0,68 m de la nivelul actual de călcare (aproximativ pe la mijlocul caroului A11, ceva mai înspre nord de aceasta). În acest mod, partea conservată a şanţului, la nivelul descoperirii, avea lăţimea de 6,9 m şi era orientată pe direcţia nord-est – sud-vest. Pereţii erau înclinaţi în interior sub un unghi de circa 45 de grade, mai accentuată fiind latura sudică. Nivelul maxim până la care se adâncea şan-

1

2

3

4

Fig. 10. Butuceni 2015. 1 - Profil de vest al secţiunii nr. VI în spaţiul şanţului; 2, 3, 4 - vedere asupra părţii inferioare a şanţului (unghiuri şi faze diverse de cercetare).

1 2

Fig. 11. Butuceni 2015. 1 - Vedere dinspre nord asupra secţiunii nr. VI la nivelul descoperirii aglomeraţiilor de piatră; 2 - vedere dinspre sud asupra secţiunii nr. VI la nivelul descoperirii aglomeraţiilor de piatră.

Fig. 12. Butuceni 2015. Urme de gropi din aliniamentul sudic care străbat stratul de pietriş (văzut în plan şi profil).

ţul era de 1,65 m de la nivelul actual de călcare, sau – circa 1 m de la nivelul de amenajare, fundul fiind uşor concav.

În umplutura şanţului pot fi delimitate mai multe straturi, dintre care două sunt mai expresive şi mai consistente. În primul rând, este vorba de stratul care se afla în partea superioară a amenajării şi care este constituit din sol lutos de culoare gălbui-cenuşie, iar în al doilea rând – un strat din sol aflat imediat sub primul, de culoare cenuşie, relativ afânat, în asociere cu o cantitate impunătoare de gunoi contemporan şi pietre, care, după toate, au căzut din construcţia ce delimita spaţiul în care s-a depozitat gunoi. Sub stratul de sol în asociere cu gunoi se delimitează un strat de sol brun-gălbui, destul de compact, care reprezintă o ultimă fază de acoperire a şanţului din perioada ce anticipează depozitarea gunoiului în acest spaţiu. Ultimele două straturi – cel cenuşiu în asociere cu moloz şi cel cenuşiu – ambele suficient de tasate, cu rare vestigii arheologice, reprezintă, după toate, straturile de astupare a şanţului după distrugerea construcţiei defensive. Atenţionăm asupra urmelor de cărbune de lemn descoperite la nivelul inferior al umpluturii şanţului. Totodată, de remarcat că sub nivelul de jos al şanţului au fost descoperite urmele unei gropi din perioada getică (evident – doar partea inferioară, cea superioară fiind distrusă în procesul de amenajare a şanţului).

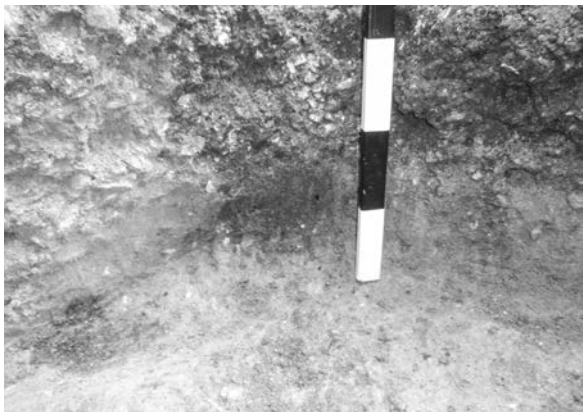


Fig. 13. Butuceni 2015. Urme de gropi din aliniamentul nr. 1.

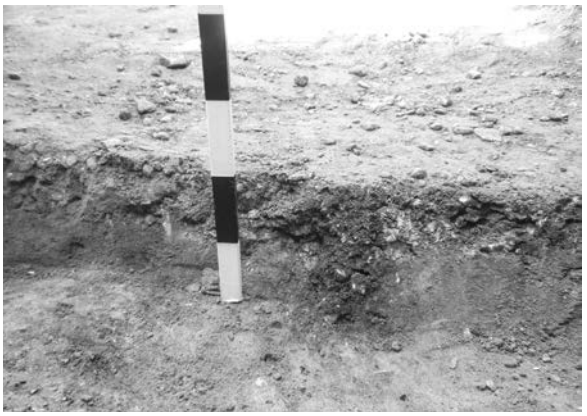


Fig. 14. Butuceni 2015. Urme de gropi din aliniamentul 2.

Fig. 15. Butuceni 2015. Urme de gropi din aliniamentul 3.

Fig. 16. Butuceni 2015. Urme de gropi din aliniamentul 2.

Complexul nr. 21. (Groapă auxiliară, fig. 16). A fost descoperit în colţul de sud al caroului A10, intrând în profilul secţiunii, la adâncimea de 1,67 m. Complexul a fost surprins doar parţial, limitele lui de vest extinzându-se în afara secţiunii. La nivelul descoperirii, complexul avea în plan forma semicirculară, cu dimensiunile de 1,54 m la nivelul superior de-a lungul profilului de vest, respectiv 0,68 m perpendicular pe acesta. Delimitarea complexului a fost posibilă imediat sub nivelul inferior al şanţului, ceea ce explică descoperirea doar parţială a gropii, partea superioară fiind distrusă în procesul de realizarea a şanţului defensiv. Pereţii gropii coborau aproape vertical, uşor înclinaţi spre exterior până la adâncimea de 0,62 m de la nivelul descoperirii, lărgind complexul în partea inferioară până la 1,74 m. Adâncimea gropii a fost fixată la 2,18 m de la nivelul descoperirii, intrând în rocă pe întreaga suprafaţă cercetată. Fundul gropii este orizontal. Umplutura gropii era relativ omogenă, constituită din sol afânat de culoare cenuşie-închisă, în asociere cu puţine vestigii arheologice, toate fiind reprezentate prin fragmente de ceramică de factură getică.

Construcţii defensive. După cum menţionasem mai sus, posibilitatea delimitării unui sistem defensiv a fost dedusă în baza asocierii şanţului cu descoperirile unor structuri din imediata apropiere a acestuia. Este vorba de câteva aglomeraţii de piatră şi de un şir de aliniamente de gropi, amplasate aproape paralel unul faţă de altul. De remarcat că aglomeraţiile de piatră care au fost descoperite mai la sud de şanţul amintit mai sus, se aflau la acelaşi nivel de la care fusese săpat şanţul, iar în straturile inferioare ale acestuia au fost descoperite şi pietre. La fel de important este că

Fig. 17. Butuceni 2015. Groapa din perioada getică secţionată de şanţul fortificaţiei.

şirul de gropi dispuse în câteva linii paralele se afla imediat sub aglomeraţiile de piatră, fiind săpate cam de la acelaşi nivel ca şi şanţul. De adăugat că în umplutura unor gropi au fost descoperite pietre, unele de dimensiuni destul de mari. Dispunerea respectivelor structuri, dimensiunile lor şi corelarea stratigrafică a acestora, ne-au determinat să le apreciem drept gropi de par şi să le abordăm ca un tot întreg împreună cu şanţul descris mai sus. Este adevărat că urme de lemn putrezit sau lemn ars nu au fost semnalate în aceste gropi, amintind, totuşi, că ele au fost descoperite la nivelul de jos al şanţului.

Având acest tablou, vom prezenta în cele ce urmează, complexele descoperite, nu înainte de a menţiona că pentru a le delimita de gropile menajere şi de alte tipuri de structuri, le-am marcat, pe măsura descoperirii, cu litere latine majuscule, începând de la litera A. Totodată, având în vedere numerotarea gropilor de la alte segmente ale liniei defensive tot cu litere latine majuscule, pentru sistemul defensiv din S VI am alăturat literei şi cifra 6 (pentru a delimita respectivele complexe de cele similare din alte secţiuni). Astfel, complexele ce reprezintă partea componentă a sistemului defensiv au fost numerotate cu litere latine majuscule însoţite de cifre arabe, începând cu A6, continuând cu B6, C6 etc. În total au fost descoperite 14 structuri, acestea fiind concentrate în carourile A4-A7. Deşi, la prima vedere, aceste complexe sunt repartizate haotic, am putea observa o anumită regularitate, fiind vorba de conturarea a patru aliniamente de gropi (la care poate fi adăugat încă unul, constituit din gropi de dimensiuni mai mici), între ele existând şi alte structuri, toate fiind amenajate aproximativ de la aceeaşi adâncime care varia între 0,7 şi 0,85 m (fig. 9). Astfel, în partea de nord a caroului A7 au fost sesizate urmele a trei gropi care erau amplasate pe direcţia est-vest: o groapă a fost surprinsă în întregime, altele două – intrau în profil. Cealaltă linie de amenajări putea fi văzută la distanţa de circa 1,8 m mai spre sud şi era constituită din două gropi descoperite la intersecţia carourilor A6 şi A7 – una surprinsă parţial (sub profilul de est), iar cealaltă în întregime, la mijlocul caroului. În preajma acestora au fost observate intervenţii în sol care ar putea sugera existenţa ipotetică a altor două gropi, fără a ne putea pronunţa cu certitudine asupra acestui aspect. La distanţa de încă 1,2 m mai spre sud au fost sesizate alte trei gropi, aranjate aproximativ paralel cu primele două şiruri, dar având dimensiuni considerabil mai mici. Următorul aliniament se afla în apropiere, la distanţa de 0,7-0,9 m de ultimele, fiind constituit din două gropi de dimensiuni mari. Ultima linie de gropi se afla la distanţa de 0,5-0,8 m de gropile mari şi era constituită din trei gropi, despre particularităţile cărora vom vorbi ceva mai jos. Umplutura gropilor era constituită din sol lutos, amestecat cu pietriş. Vestigii arheologice nu au fost descoperite decât în complexele F6 (trei fragmente ceramice de factură getică) şi în G6 (două fragmente ceramice de factură getică).

Concluzii

Făcând bilanţul celor prezentate, constatăm că în partea de sud-vest a promontoriului Butuceni poate fi admisă existenţa unui sistem defensiv care a fost constituit din palisadă complexă (4/5 rânduri de pari) şi şanţ adiacent amplasat în partea de nord a construcţiei. Aceste concluzii s-au desprins din observaţiile privind dispunerea structurilor prezentate mai sus, a dimensiunilor acestora şi datelor stratigrafice care ne-au determinat să apreciem respectivele structuri drept gropi de par şi să le abordăm ca un tot întreg împreună cu şanţul descris mai sus. De remarcat lipsa bermei, care reprezintă o particularitate a acestui segment fortificat. Totodată, nu excludem evitarea intenţionată a acestui element de construcţie, având în vedere stratul gros de pietriş în care au fost săpate gropile pentru pari, reprezentând o structură temeinică, capabilă să prevină surpările şanţului. Lăţimea construcţiei este de

circa 6 m, de altfel, ca și a șanțului. Adâncimea maximă a șanțului este de 1 m, ceea ce înseamnă că din el a fost excavată o cantitate de circa 5,2 m^3 de sol care a fost așezată între construcțiile de lemn, constituind emplectonul unei palisade complexe. Respectiva cantitate de sol, distribuită proporțional pe lățimea construcției palisadei, ar sugera o înălțime de circa 1 m a acesteia, iar dacă vom ține cont și de prezența pietrei, construcția ar depăși această înălțime. Trecând în revistă aceste observații și constatări, imediat se iscă un șir de întrebări, răspunsurile la care ar trebui să ne lămurească în privința acestor descoperiri.

1. Care este cadrul cronologic la care se raportează structurile prezentate?
2. Care sunt asemănările și deosebirile dintre elementele sistemului defensiv descris mai sus, respectiv, tehnicile utilizate pentru edificarea acestuia și cele cercetate în anii anteriori ?
3. Care este traiectoria sistemului defensiv prezentat și care este incinta acestuia?
4. Care este corelația dintre acest sistem defensiv și cele cercetate în anii anteriori?
5. Care sunt problemele depistate și ce soluții pot fi oferite?

Răspunzând la prima întrebare, vom păstra rezervele de rigoare, având în vedere atât numărul restrâns de indici, cât și valoarea redusă a acestora. Astfel, drept repere de încadrare cronologică ne pot servi câteva fragmente de ceramică de factură getică descoperite în straturile inferioare ale șanțului, dar și altele, de aceeași factură, descoperite în două dintre gropile de par. La acestea se adaugă și observațiile de ordin stratigrafic care fixează același nivel de la care au fost săpate gropile de par și șanțul. De avut în vedere și faptul valorificării respectivului spațiu în perioada getică de până la amenajarea sistemului defensiv, șanțul acestuia distrugând o groapă cu material getic. În lipsa altor informații, cu o suficientă doză de rezervă, putem atribui edificarea respectivului segment al sistemului defensiv perioadei getice, fără precizări mai exacte. Urmând șirul întrebărilor, trebuie să constatăm că există atât asemănări, cât și deosebiri ale elementelor caracteristice ce definesc segmentul defensiv cercetat în anul 2015 și cele cercetate în anii anteriori. Astfel, *la capitolul asemănări consemnăm următoarele*:

– atât la sistemul defensiv cercetat în anul 2015, cât și la cele cercetate în anii precedenți, avem aceleași componente de bază – palisadă complexă și șanț adiacent;
– și într-un caz și în altul se observă utilizarea acelorași materii prime: a pietrei, a lemnului și a pământului;
– în ambele cazuri s-a recurs la amenajarea gropilor pentru parii de lemn;
– și într-un caz și în altul piatra utilizată nu este prelucrată;
– în ambele situații nu a fost folosit vreun fel de mortar.

Și la capitolul deosebiri vom sesiza un șir de indici:

– în primul rând, de atenționat asupra lipsei unor elemente constitutive din sistemul defensiv. Astfel, în cazul fortificației cercetate în anii precedenți avem clar delimitată berma, pe când în cazul celei investigate în anul 2015 ea este lipsă;
– în fortificația cercetată în anii anteriori se observă utilizarea unei cantități foarte mari de piatră, pe când în cazul celei studiate recent – nu avem o astfel de situație (de altfel, și dimensiunile pietrelor utilizate diferă în favoare fortificațiilor cercetate anterior);
– cantitatea de piatră utilizată ne sugerează că și elementele edificării sistemului defensiv au fost diferite. Astfel, în cazurile anterioare am admis existența unor paramente din piatră, pe când în cazul investigațiilor mai târzii utilizarea pietrei poate fi admisă doar pentru fortificarea componentelor din lemn și în componența emplectonului.
– cea mai importantă deosebire, însă, rezidă în direcția de orientare a șanțului. Paradoxal, dar în cazul de față, deosebirea constă în asemănare: atât șanțul segmentului de fortificație cercetat anterior, cât și șanțul segmentului cercetat în anul 2015 se află la nord de palisadă. În această situație, când este vorba de două segmente de fortificație, care sunt amplasate paralel unul față de altul (la o distanță de circa 80-85 m), cu aceeași direcție de orientare a șanțului, se desprinde limpede concluzia că ele, chiar dacă ar fi din aceeași perioadă, nu ar putea fi percepute ca o singură linie defensivă cu caracter circular, așa cum am admis într-o etapă anterioară. Cu alte cuvinte, problema corelației dintre aceste două segmente de sisteme defensive se pune în mod categoric: fie că ele nu sunt sincrone, fie, dacă ele sunt sincrone,

ele nu fac parte din aceeaşi linie defensivă, care eventual ar avea o traiectorie circulară sau, în general, nu putem aborda ideea unei construcţii de formă circulară. În cel mai bun caz, dacă e vorba de construcţii sincrone, ar putea fi vorba despre două linii defensive consecutive care ar forma un sistem unic de apărare. Dacă este aşa, ar fi foarte problematic răspunsul la întrebarea privind traiectoria sistemului descoperit în anul 2015 şi incinta acestuia.

Făcând bilanţul, ajungem la concluzia că dintre sistemul defensiv cercetat în anul 2015 şi cele studiate anterior, dincolo de unele asemănări foarte vizibile, există substanţiale deosebiri atât din punctul de vedere al elementelor defensive, cât şi al tehnicilor utilizate. Mai mult, nu este clar, pentru moment, nici care este ipotetica traiectorie a sistemului defensiv descoperit, nici care este incinta pe care o închide, nici care este corelaţia lui cu celelalte linii cercetate anterior, ca să nu mai amintim de datarea acestuia care nu este una certă.

Pornind de la aceste constatări, considerăm că subiectul fortificării spaţiului de vest al promontoriului Butuceni trebuie lăsat deschis pentru noi investigaţii. Considerăm că pentru perioada getică, ipoteza unei construcţii defensive circulare în partea de vest a promontoriului Butuceni nu poate fi respinsă categoric (având în vedere raţionamentele expuse anterior), chiar dacă un şir de indici de care dispunem la momentul actual (în special cei delimitaţi în campania anului 2015) nu o favorizează. În acest context, este oportun să fie verificate, în mod prioritar, spaţiile vestice ale promontoriului, dinspre Răut, care menţin curba de nivel ce delimitează zonele inundabile pentru a lămuri dacă în cadrul acestuia sunt indici ale existenţei sistemului defensiv. Totodată, este necesar să fie investigate zonele estice ale posibilei traiectorii circulare ale sistemului defensiv. Este la fel de important să se întreprindă acţiuni pentru a urmări traiectoria segmentului de fortificaţie descoperit în anul 2015 şi, în măsura posibilităţilor, de insistat asupra identificării unor indici cronologici siguri. Fără îndoială că este important să fie vărsată lumină şi asupra segmentului de fortificare din zona superioară a promontoriului şi a conexiunii acesteia cu vestigiile din lunca Răutului. Evident, toate acestea, la o primă etapă ar presupune metode non-invazive, care, însă, pentru moment sunt greu realizabile din cauza plantaţiilor de vie, dar şi a altor culturi răspândite în spaţiile respective, ceea ce necesită elaborarea unei strategii şi a unui plan de acţiuni bine definit pentru aceste spaţii, în care administraţia locală şi cea a Complexului Muzeal Orheiul Vechi ar avea un cuvânt greu de spus.

Bibliografie

Munteanu 2015: O. Munteanu, Raport privind cercetările arheologice preventive realizate în anul 2014 pe teritoriul rezervaţiei cultural-naturale „Orheiul Vechi” (Chişinău 2015). Arhiva MNIM.

Munteanu 2016: O. Munteanu, Raport privind cercetările arheologice preventive realizate în anul 2015 pe teritoriul rezervaţiei cultural-naturale „Orheiul Vechi” (Raport ştiinţific) (Chişinău 2016). Arhiva MNIM.

Munteanu, Iarmulschi, Popovici 2014a: O. Munteanu, V. Iarmulschi, S. Popovici, Raport privind cercetările arheologice preventive realizate în anul 2013 pe teritoriul rezervaţiei cultural-naturale „Orheiul Vechi”, (Raport ştiinţific) (Chişinău 2014). Arhiva MNIM.

Munteanu, Iarmulschi, Popovici 2014b: O. Munteanu, V. Iarmulschi, S. Popovici, Preliminarii privind cercetările arheologice din anul 2013 de la Butuceni, raionul Orhei. Arheologia preventivă în Republica Moldova I/1-2, 2014, 55-67.

Munteanu, Moraru 2015a: O. Munteanu, S. Moraru, Remodelări ale sistemului defensiv getic de pe promontoriul Butuceni. In: Probleme actuale ale arheologiei, etnologiei şi studiului artelor. Conferinţa ştiinţifică internaţională, ed. VII-a, Chişinău 26-28 mai 2105, Programul şi rezumatele comunicărilor (Chişinău 2015), 33.

Munteanu, Moraru 2015b: O. Munteanu, S. Moraru, Noi observaţii privind fortificarea promontoriului Butuceni. In: Sesiunea ştiinţifică a Departamentului Istoria Românilor, Universală şi Arheologie, ed. a II-a, Chişinău 24 aprilie 2015 (Chişinău 2015), 24-25.

Munteanu, Moraru, Vetrilă 2015: O. Munteanu, S. Moraru, M. Vetrilă, Cercetările arheologice din anul 2014 în situl fortificat de la Butuceni, raionul Orhei. Arheologia preventivă în Republica Moldova II, 2015, 33-42.

Nouvelles découvertes défensive dans l'ouest du promontoire Butuceni, Orhei (Recherche archéologique en 2015)

Mots-clés: système défensif, fortifications, fossé, vallum, palissade, berme.

Résumé: Les recherches archéologiques menées dans l'été de 2015, à l'Ouest du promontoire Butuceni Orhei, est une suite logique des études qui ont été réalisées en 2013-2014. La complexité des résultats précédents ont soulevé plusieurs questions, et dans la recherche de solutions, les priorités ont été i déterminés par la nécessité de l'évaluation de la configuration du système de défense dans le point extrême ouest du promontoire, ainsi que l'appréciation des éléments composants ce système. Il était nécessaire de corréler les segments défensifs trouvés avec des traces d'une parcelle relativement bien préservées de la fortification, représentée comme les fossés et vallum disposés dans la partie supérieure du promontoire. Avant l'étude en 2013, on a cru que l'accès au côté ouest du promontoire a été bloqué par un système de protection rectiligne, qui commence exactement à ce point, en suivant le chemin vers l'ouest, dans la direction du canal rivière Raut. Nos observations nous ont amenés à croire que la ligne défensive, que nous avons identifiée et explorée dans les années précédentes, aurait un trajet différent de celui qui a été considéré comme traditionnel. Pour tester cette hypothèse, ont été organisées en 2015 des fouilles, à la suite desquelles est détecté un nouveau segment défensif. Il convient de noter, cependant, que les structures observées ont aucun rapport avec les précédemment étudiés et ne contribuent pas à la confirmation de l'hypothèse. Dans le même temps, il n'y a pas suffisamment de preuves pour le rejeter catégoriquement, laissant ainsi la place pour d'autres recherches plus approfondies.

Liste des figures:

Fig. 1. Promontoire Butuceni. Vue d'ensemble du nord-ouest avec les points de marquage qui ont été identifiés traces de fortification. La ligne pointillée-interrompu: la trajectoire établie de la ligne défensive; la ligne interrompu: la trajectoire hypothétique du système de défense.

Fig. 2. Butuceni. Section nr. 1. 1 - Vue d'ensemble du nord; 2 - vue du sud sur les fossés; 3 - vue du nord sur les fossés; 4 - vue du nord sur les fossés au moment de l'identification; 5 - vue du sud sur les fossés au moment de l'identification.

Fig. 3 Butuceni. 1 - Vue du sud sur la section nr. 1 dans l'espace des constructions en pierre; 2 - profil de l'Est dans l'espace des constructions en pierre; 3 - profil de l'Ouest dans l'espace des constructions en pierre; 4 - délimitation de l'agglomération des pierres dans la construction lithique; 5 - traces des pieux de la construction en bois: vue de l'Ouest; 5 - traces des pieux de la construction en bois: vue du Nord.

Fig. 4. Butuceni. Section nr. V. Vue du nord sur les traces de la construction défensive: 1 - au moment de l'identification de l'agglomération des pierres; 2 - après la évacuation de remplissage.

Fig. 5. Butuceni. Ortofotoplan de la zone de l'Ouest du promontoire avec la délimitation hypothétique de la trajectoire de la fortification.

Fig. 6. Butuceni. 1-3 - L'agglomération des pierres sur le secteur de l'Ouest de promontoire.

Fig. 7. Butuceni. L'agglomération des pierres sur le secteur de Sud-Ouest de promontoire.

Fig. 8. Butuceni. Vue du nord sur l'espace qui a été établi pour la section no. VI.

Fig. 9. Butuceni 2015. Section no. VI. 1 - Profil de l'est; 2 - plan, les couches 4-6; 3 - plan, les couches 1-3; 4 - profil de l'Ouest.

Fig. 10. Butuceni 2015. 1 - Profil de l'Ouest dans l'espace de la section no. VI; 2, 3, 4 - vue sur la part inférieure du fossé (angles et étapes différentes de recherche).

Fig. 11. Butuceni 2015. 1 - Vue du nord sur la section no. V au moment de l'identification de l'agglomération des pierres; 2 - vue du nord sur la section no. V au moment de l'identification de l'agglomération des pierres.

Fig. 12. Butuceni 2015. Traces de fosses de l'alignement du sud traversant la couche de gravier (vue en plan et profil).

Fig. 13. Butuceni 2015. Traces de fosses de l'alignement no 1.

Fig. 14. Butuceni 2015. Traces de fosses de l'alignement.

Fig. 15. Butuceni 2015. Traces de fosses de l'alignement no 3.

Fig. 16. Butuceni 2015. Traces de fosses de l'alignement no 2.

Fig. 17. Butuceni 2015. Fosse de période getique sectionnée par le fossé de la fortification.

Новые оборонительные сооружения, обнаруженные в западной части мыса Бутучень (археологические исследования в 2015 году)

Ключевые слова: оборонительная система, укрепления, ров, вал, частокол, берма.

Резюме: Археологические исследования, проведенные летом 2015 года в западной части мыса Бутучень (Старый Орхей), являются логическим продолжением исследований, которые проводились в 2013-2014 годах. Комплексность предыдущих результатов помогла выявить несколько проблем, и приоритетом в поисках их решений была необходимость определить конфигурацию оборонительной системы в крайней западной точке мыса, а также ее составные части. Была необходима корреляция обнаруженных оборонительных сегментов с относительно хорошо сохранившимися фортификационными элементами в виде рвов и валов, расположенных в верхней части мыса. До момента исследований 2013 года считалось, что доступ с западной стороны мыса был перекрыт прямолинейной защитной системой, которая начиналась именно в этой точке и продолжалась на запад в сторону русла реки Реут. Наши наблюдения привели нас к мысли о том, что оборонительная линия, которую мы идентифицировали и исследовали в предыдущие годы, могла бы иметь иную конфигурацию, чем та, которую было принято считать традиционной. Проверке этой гипотезы и были посвящены раскопки 2015 года, в результате которых был обнаружен новый оборонительный сегмент. Надо отметить, однако, что обнаруженные сооружения не имеют никакого отношения к ранее изученным и не позволяют подтвердить выдвинутую гипотезу. В то же время нет достаточных данных для того, чтобы отвергнуть ее категорически, что оставляет место для дальнейших исследований.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Мыс Бутучень. Обзор с северо-запада с указанием точек, в которых были идентифицированы следы укреплений (1-5). Прервано-пунктирная линия: установленный маршрут оборонительной линии обороны; пунктирная линия: гипотетическая конфигурация системы обороны.

Рис. 2. Бутучень. Раскоп 1. 1 - Общий вид с севера; 2 - вид с юга на рвы после зачистки; 3 - вид с севера на рвы после зачистки, 4 - вид с севера на рвы на уровне идентификации; 5 - вид с юга на рвы на уровне идентификации.

Рис. 3. Бутучень. 1 - Вид с юга на раскоп № 1 в зоне каменных структур; 2 - восточный профиль в зоне каменных структур; 3 - западный профиль в зоне каменных структур; 4 - определение границ скоплений камня; 5 - следы ям от строительства деревянных опор: вид с запада; 6 - следы ям от строительства деревянных опор: вид с севера.

Рис. 4. Бутучень. Раскоп V. Вид с севера на остатки оборонительного сооружения: 1 – на уровне обнаружения скопления камня; 2 - после расчистки заполнения.

Рис. 5. Бутучень. Ортофотокарты западной части мыса с указанием гипотетической конфигурации оборонительной системы.

Рис. 6. Бутучень. Скопление камней на западном участке мыса.

Рис. 7. Бутучень. Скопление каменных структур на юго-западе мыса.

Рис. 8. Бутучень. Вид с севера на раскоп VI.

Рис. 9. Бутучень 2015. Раскоп VI. 1 - Восточный профиль; 2 - план, слои 4-6; 3 - план, слои 1-3; 4 - западный профиль.

Рис. 10. Бутучень 2015. 1 - Западный профиль раскопа VI в зоне рва; 2, 3, 4 - вид на ров в нижней части (различные ракурсы различных фаз исследования).

Рис. 11. Бутучень 2015. 1 - Вид с севера на раскоп VI на уровне идентификации каменных скоплений; 2 - вид с юга на раскоп VI на уровне идентификации каменных скоплений.

Рис. 12. Бутучень 2015. Следы ям в южной части конструкции с пересечением слоя гравия (план и профиль).

Рис. 13. Бутучень 2015. Следы ям первой линии оборонительной конструкции.

Рис. 14. Бутучень 2015. Следы ям первой линии оборонительной конструкции.

Рис. 15. Бутучень 2015. Следы ям 3-й линии оборонительной конструкции.

Рис. 16. Бутучень 2015. Следы ям 2-й линии оборонительной конструкции.

Рис. 17. Бутучень 2015. Яма гетского времени, пересеченная рвом.

03.09.2016

Dr. Octavian Munteanu, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă”, str. Ion Creangă, 1, MD-2069 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: ocmunteanu@gmail.com

УНИКАЛЬНАЯ НАХОДКА ПОЗДНЕЛАТЕНСКОГО КИНЖАЛА ТИПА *СИКА* В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Денис Топал
Валерий Бубулич

Ключевые слова: сика, кинжал, поздний латен, культура Поенешты-Лукашевка, группа Падя-Панагюрски Колонии.

В декабре 2014 г. в Национальный музей истории Молдовы был передан железный предмет, представляющий собой однолезвийный нож-кинжал (типа *сика*[1]) с характерно изогнутой формой клинка и изломом в средней его части. На левой плоскости, как на одной, так и на другой части клинка, ближе к обуху находится дол, разделенный посередине. Дол, находящийся ближе к острию клинка, имеет 8 см в длину и около 1-1,5 мм в ширину, второй дол, находящийся ближе к пяте, имеет 6,3 см в длину и 3-4,5 мм в ширину. Между долами, на изломе находится углубленная орнаментальная розетка в виде кружочка с лучами и точкой посредине. Правая сторона лезвия абсолютно плоская. В сечении лезвие имеет клиновидную форму. Рукоять кинжала сохранилось частично: в наличии лишь передняя втулка рукояти и фрагмент хвостовика. Накладки рукояти, вероятно, были сделаны из дерева или кости. Кинжал изготовлен способом кузнечной ковки. Размеры кинжала: общая сохранившаяся длина 20,5 см, вероятная первоначальная длина около 28-29 см, длина лезвия 18 см, максимальная ширина 2,8 см, максимальная толщина обуха 0,3 см, сохранившаяся длина рукояти 2,8 см, ширина рукояти 2,2 см (рис. 1). Предмет был обнаружен в Оргеевском районе Республики Молдова, в Фурченском лесу. По словам владельца, данный предмет был найден в лесу, между валами поселения, известного в историографии как городище Потырка, которое находится 2 км севернее с. Требужены, на водоразделе правого берега р. Реут, в местности, называемой «Стынка-Корбулуй» (рис. 2). Этот памятник был открыт Г.Д. Смирновым в 1947 г. и представляет собой мысовое городище площадью 6 га, огражденное с напольной юго-восточной стороны двумя валами высотой около 2-3 м и рвами глубиной более 2 м (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 46). В 1996-98 гг. это укрепленное поселение исследовалось Т. Арнэутом (Arnăut 2003, 250-251; Haheu 2008, 14), затем раскопки были продолжены под руководством И. Никулицэ (Niculiță, Matveev, Potângă 1999, 279-343; Matveev 2004, 115-120). По утверждению исследователей данного памятника, было обнаружено три хронологических горизонта обитания: «первый относится к раннефракийским племенам, второй датируется VI-III вв. до н.э. и относится к гетским племенам, и третий, датируемый II-I вв. до н.э., представлен незначительным количеством керамики типа Поянешты-Лукашевка».

Однолезвийное оружие является одной из древнейших традиций Средиземноморья, появление которой связано с древним Востоком. Первые клинки с односторонней заточкой («секачи», «Sichelschwerter») известны в Месопотамии начиная с середины III тыс. до н.э., а в бассейн Средиземного моря они проникают на рубеже III-II тыс. до н.э. в результате вторжения гиксосов в Египет (Горелик 1993, 37-38; Vercík 2014, 62-63). К началу I тыс. до н.э. «секачи» почти полностью вытесняются из древневосточной паноплии, сохраняясь в виде парадных форм в Ассирии (Горелик 1993, 40). Наиболее ранние находки однолезвийного оружия на территории Греции связаны уже с постмикенским временем (Verčík 2014, 55; Quesada Sanz 1991, 487), а в Подунавье – с иллирийским субстратом культуры Басарабь, оставившей оригинальные боевые ножи с Т-образной рукоятью одноименного типа. Начиная с этого времени однолезвийное оружие

[1]Слово «сика» индоевропейского происхождения, связано с глаголами «резать», «рассекать» (Reinach 1873, 1300).

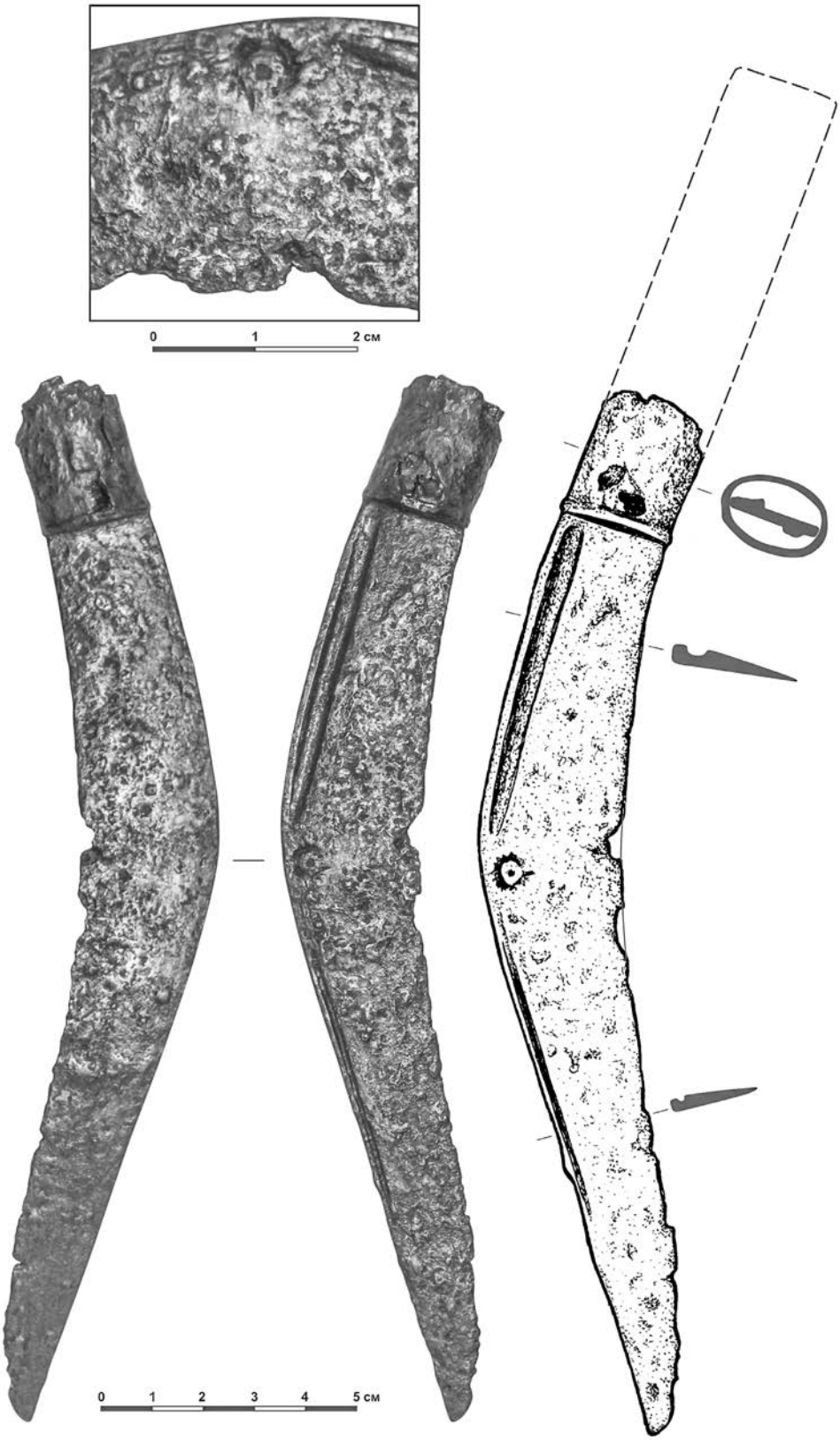


Рис. 1. Однолезвийный кинжал типа сика из Требужень-«Потырка».

становится визитной карточкой Подунавья и, трансформируясь, оказывает влияние на самые различные виды клинкового вооружения вплоть до рубежа эр. Самые ранние комплексы с однолезвийными мечами *типа Басарабь* относятся к началу HaC. Мечи данного типа встречаются от Среднего Подунавья до Приальпийской зоны, близкие по оформлению клинка и рукояти есть и на Адриатическом побережье Италии, в Пицене. По мнению П.Ф. Старе, большинство экземпляров, найденных в Пицене (из могильника Новилара-Сервичи, Верукkьо, Анконы и Сан Северино), относится к первой половине VII в., а их происхождение, вне всякого сомнения, связано с восточно-балканским регионом (Stary 1981, 261). Интересно, что уже с VI в. до н.э., когда под греческим влиянием на территории Италии появляются махайры, воинские погребения, содержащие их, также концентрируются в Пицене (Stary 1981, Kart. 22). Уже в период HaC_2 на восточном побережье Адриатического моря появляются однолезвийные мечи типа *Тржище-Донья Долина* без наверший, которые уже в HaD_1 сменяются мечами типа *Шмихель*. Схожие эволюционные процессы идут в районе Железных ворот – место мечей типа Басарабь занимают однолезвийные клинки без наверший *типа Гогошу*.

По всей видимости, уже к моменту проникновения в регион скифов часть населения культуры Басарабь переселяется севернее, в Южное Прикарпатье и Трансильванию. Пожалуй, именно этим обстоятельством можно объяснить появление однолезвийных акинаков с Т-образной рукоятью именно в предгорьях Южных Карпат и горах Апусень на юго-западе Трансильвании. Наибольшая концентрация погребений с такими мечами (типа *Тисадоб-Чепарь* по А. Вулпе (Vulpe 1990, 92-95)) – в восточной части Западно-Румынских Карпат (горы Апусень), в погребениях у с. Мирэслэу и могильников Чумбруд, Аюд и немного севернее, в могильнике у с. Бэица. Однолезвийные акинаки среднескифского времени[2] с массивным почковидным перекрестьем и изогнутым

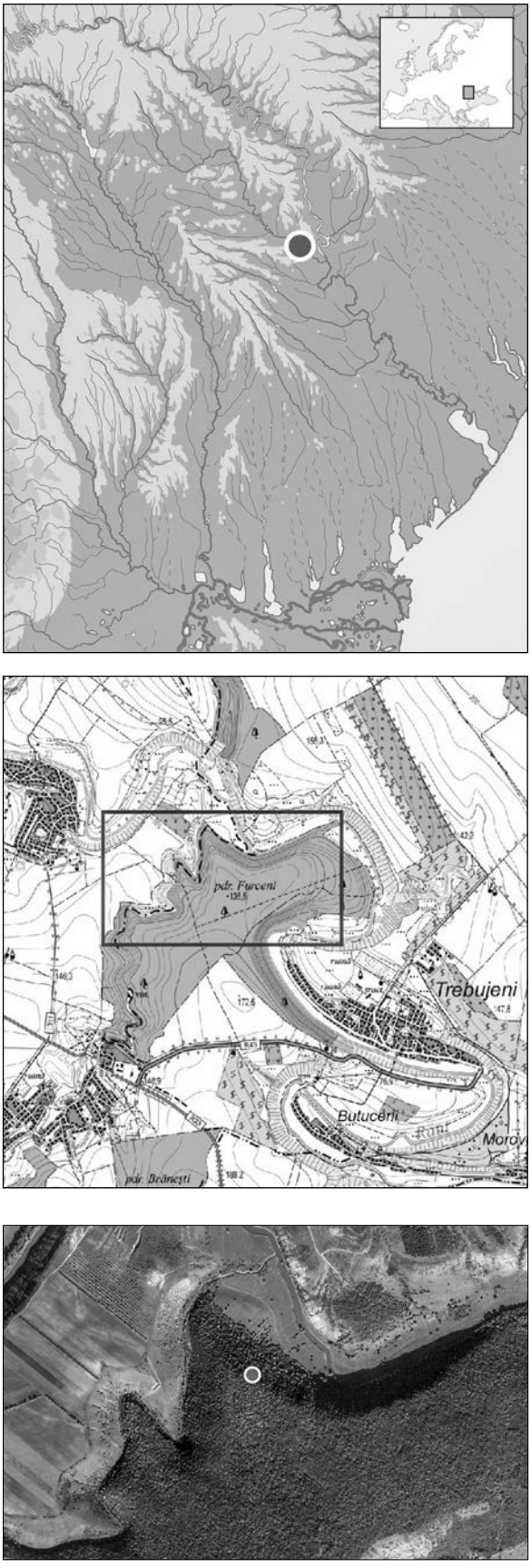


Рис. 2. Местонахождение кинжала.

[2] В классический скифский период однолезвийное оружие скифов представлено также греческими и фракийскими типами. В Карпато-Поднестровье, к примеру, обнаруживается серия т. н. боевых ножей, чье происхождение связывается с античными или фракийскими мастерскими (Бруяко 1989, 68).

клинком В. Гинтерс считал локальной формой акинака, характерной для Венгрии (Ginters 1928, 30). В. Васильев отнес данные изделия к «гибридным» и датировал временем совершения погребения 10 у с. Бэица — первой половиной V в. до н.э. (Vasiliev 1980, 85-86). Я. Хохоровский, анализируя клинковое оружие культуры Векерзуг, рассматривает однолезвийные акинаки в качестве самостоятельного типа. Польский исследователь также относит их к первой половине V в. до н.э., отмечая распространение подобных форм во второй половине VI в. до н.э. А истоки такой трансформации Я. Хохоровский видит то в поздней фазе HaD_1 могильника Гальштат, где представлены однолезвийные кинжалы с антенным навершием, то в греческих традициях, под влиянием которых, по его мнению, возникает, к примеру, фракийская махайра и иллирийская сика (Chochorowski 1985, 104).

Более сорока лет назад З. Возняк выделил в позднем латене группу «Падя-Панагюрски Колонии» II – середины I в. до н.э., основные памятники которой размещаются на территории Северо-Восточной Болгарии (концентрируясь в районе Враца) и Олтении (Woźniak 1974, 74-138; Woźniak 1976, 388-394). Появление этой группы явно воинского характера связывается с активностью скордисков и бастарнов в северной части Балкан (Woźniak 1976, 402). Комплексы представлены кладами и трупосожжениями (южнее Дуная подкурганными, севернее – в грунтовых погребениях), в состав которых входит вооружение и детали узды. Особой популярностью среди носителей культурной группы Падя-Панагюрски Колонии пользовался небольшой искривленный однолезвийный кинжал[3], находка которого рассматривается в данной работе (на данный момент единственная на территории Республики Молдова). Лезвия таких кинжалов зачастую украшены орнаментом, выполненным способом кузнечной чеканки, составляющим сложные композиции. Клинок кинжала из Потырки декорирован знаком в виде солнца с расходящимися в разные стороны лучами. Несмотря на то, что солярный орнамент (окружность с точкой посередине) – один из самых часто воспроизводимых на подобных изделиях, расходящиеся лучи встречаются довольно редко: к примеру, на кинжалах из п. 1 у Айманы-Мала Вырбица в Сербии (Stalio 1986, fig. 40, 42), Варны в Болгарии (Георгиева 1992, 77, обр. 5б), Ородела (Nicolăescu-Plopşor 1948, pl. III/5) и Булбука (Borangic 2014, 309, fig. 14) в Румынии.

Ближайшие аналогии кинжалу из Потырки обнаруживаются главным образом в южном Подунавье, на северо-западе Болгарии. Один из самых первых комплексов с подобными кинжалами был найден у г. Плевен. Кроме них (рис. 3/2, 8) (Попов 1929, 277-278, обр. 138/4, 5; 140/3, 4) в состав предполагаемого погребения входил умбон, два наконечника копья, длинный меч и среднелатенская подвязная фибула, указывающая на период LtC_2/LtD_1-LtD_1 (Łuczkiewicz, Schönfelder 2008, 197). Во «фракийском» погребении Маркова Могила у с. Оряхово был обнаружен короткий кривой однолезвийный кинжал (рис. 3/3) (Николов 1993, 19, обр. 5/в; Торбов 1997, 22, таб. III/3), длинный меч, наконечник копья и уздечка. Данный комплекс был датирован на основе уздечного набора концом II в. до н.э. (Николов 1993, 22). В состав комплекса из Монтанской области на северо-западе Болгарии кроме однолезвийного кинжала с изломом в средней части лезвия (рис. 3/4) (Łuczkiewicz, Schönfelder 2008: 165, Abb. 6) также входил длинный двулезвийный меч, умбон, пара шпор с кнопками на концах, уздечка, прямоугольный поясной крючок и наконечник копья. Погребение на основе инвентаря было отнесено авторами публикации к ступени LtD_1, при этом комплекс тяготеет скорее не к концу ступени, а к ее началу, т.к. часть вещей (поясной крючок, меч) характерна также для переходного периода LtC_2/LtD_1. В абсолютных датировках комплекс размещается в рамках 150-100 или 120-100 гг. до н.э. (Łuczkiewicz, Schönfelder 2008, 195). Два других экземпляра с территории Врачанской области Болгарии – из г. Враца (рис. 3/10) (Торбов 1997, таб. VI: 3) и Косталево (рис. 3/ 7) (Торбов 1997, таб. II/2) обнаружены в результате грабительских раскопок, поэтому их принадлежность к закрытым комплексам под вопросом. Из Трансильвании происходит комплекс из Теляка (рис. 379) (Rustoiu 2005, 115, fig. 8/1) и случайная находка из Тилишки жудеца Сибиу (рис. 3/5) (Natea 2008, 109-110,

[3] Всего по подсчетам авторов данной статьи их известно порядка 150 экземпляров.

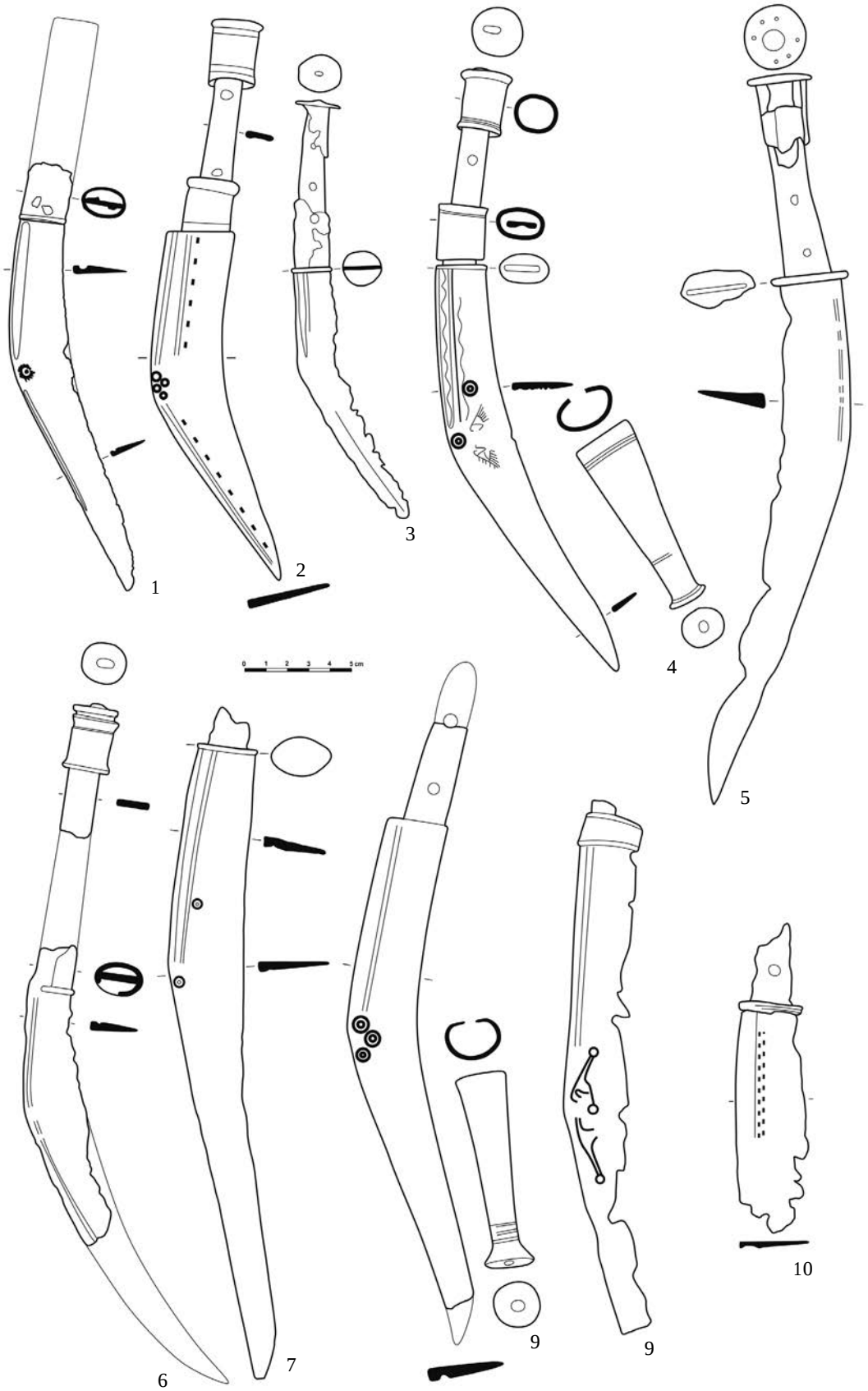


Рис. 3. Кинжал из Требужень-«Потырка» (1) и его ближайшие аналогии: 2, 8 - Плевен; 3 - Оряхово-«Маркова Могила»; 4 - Монтанская область; 5 - Тилишка; 6 - Малая Копаня; 7 - Косталево; 9 - Теляк; 10 - Враца.

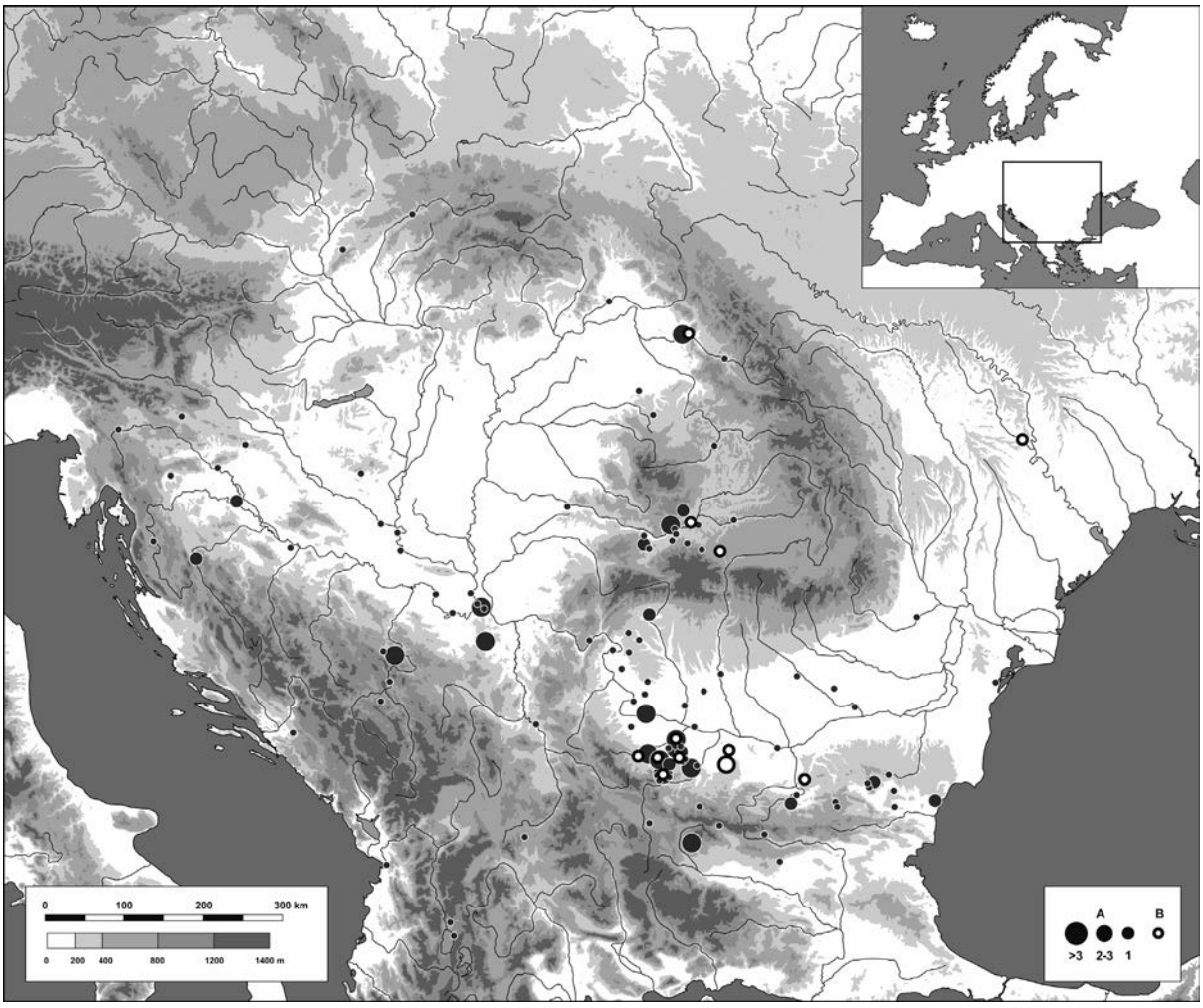


Рис. 4. Распространение однолезвийных кинжалов типа *сика* в Карпато-Балканском регионе (A) и ближайшие аналогии кинжалу из Потырки (B).

pl. 1). У Теляка, по всей видимости, в разрушенном погребении, кроме фрагмента однолезвийного кинжала типа сика были найдены лепные биконические урна и чашка, наконечник копья (Moga 1982, 87-90), что не позволяет датировать комплекс у́же, чем в рамках II-I вв. до н.э. Кроме того, еще один экземпляр (рис. 3/6) (Kotygoroshko 2009, 282, fig. 2/5), аналогичный требуженскому кинжалу, был обнаружен в Закарпатье, в комплексе 6 (скоплении предметов без костяных остатков) могильника Малая Копаня, вместе с наконечником копья, длинным мечом и умбоном (Kotygoroshko 2009, 282, fig. 4). Комплекс, как и сам могильник, относится к раннему этапу функционирования Малокопаньского городища, при этом автор раскопок датировал его первой половиной или даже второй четвертью I в. до н.э. (Kotygoroshko 2009, 283).

Картографирование находок кинжалов-*сик* (рис. 4) показало, что находка из Требуженьи «Потырки» является наиболее восточной, к тому же значительно оторванной от основного ареала подобных изделий. К сожалению, обстоятельства обнаружения не позволяют достоверно судить о контексте, однако само местонахождение на городище позволяет связать требуженский кинжал с горизонтом культуры Поянешты-Лукашевка. На основании хронологических наблюдений за подобными изделиями можно предположить, что кинжал из Потырки относится ко времени не ранее LtD_1 или к концу II - началу I в. до н.э и связан с деятельностью носителей культурной группы Падя-Панагюрски Колонии.

Библиография

Бруяко 1989: И.В. Бруяко, Предметы вооружения из Никония. В сб: (Отв. ред. Т.Л. Самойлова) Археологические памятники степей Поднестровья и Подунавья (Киев 1989), 65-70.

Георгиева 1992: М. Георгиева, Гробни находки от околностите на Варна. Известия на Народния музей Варна 28 (43), 1992, 73-80.

Горелик 1993: М.В. Горелик, Оружие древнего Востока (IV тысячелетие - IV в. до н. э.). (Москва 1993).

Златковская, Полевой 1969: Т.Д. Златковская, Л.Л. Полевой, Городища Прутско-Днестровского междуречья IV-III вв. до н.э. и вопросы политической истории гетов. В сб.: (Отв. ред. Т.Д. Златковская, А.И. Мелюкова) Древние фракийцы в Северном Причерноморье (Москва 1969), 35-53.

Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: В.Л. Лапушнян, И.Т. Никулицэ, М.А. Романовская, Памятники раннего железного века. АКМ 4 (Кишинев 1974).

Николов 1993: Б. Николов, Селища и находки от бронзовата и желязната епохи в района на Оряхово. Известия на музеите в Северозападна България 21, 1993, 11-23.

Попов 1929: Р. Попов, Новооткрити паметници от желязната епоха в България. Известия на Българския археологически институт V, 1929, 273-290.

Смирнов 1964: Г.Д. Смирнов, Археологические разведки в нижнем течении Реута. В сб: (Отв. ред. В. С. Зеленчук) Материалы и исследования по археологии и этнографии МССР (Кишинев 1964).

Торбов 1997: Н. Торбов, Криви тракийски ножове от III в. пр. Хр. - I в. открити в северозападна България. Известия на музеите в Северозападна България 25, 1997, 15-44.

Arnăut 2003: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a.Chr. în spaţiul de la răsărit de Carpaţi (Chişinău 2003).

Borangic 2014: C. Borangic, Arme şi piese de harnaşament din epoca Regatului dac, descoperite la Bulbuc, com. Ceru-Băcăinţi, jud. Alba. Consideraţii preliminare. Istros XX, 2014, 259-310.

Chochorowski 1985: J. Chochorowski, Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde. Prace Archeologiczne 36 (Warszawa, Kraków 1985).

Ginters 1928: W. Ginters, Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland (Berlin 1928).

Guštin 1974: M. Guštin, Mahaire. Doprinos k povezam Picena, Slovenje in Srednjega Podunavja v 7. stol. pr. n. št. In: Opuscula Iosepho Kastelic Sexagenario Dicata, Situla 14/15, 1974, 78-94.

Haheu 2008: V. Haheu, Sisteme de fortificaţii traco-getice de la est de Carpaţi (Chişinău 2008).

Kotygoroshko 2009: V. Kotygoroshko. Sicas of Mala Kopanja. In: (Ed. I. Cândea) The Thracians and Theirs Neighbours in Antiquity. Studia in Honorem Valerii Sîrbu (Brăila 2009), 281-288.

Łuczkiewicz, Schönfelder 2008: P. Łuczkiewicz, M. Schönfelder, Untersuchungen zur Ausstattung eines späteisenzeitlichen Reiterkriegers aus dem südlichen Karpaten- oder Balkanraum. Jahrbuch des RGZM 55, 2008, 159-210.

Matveev 2004: S. Matveev, Reconstrucţia sistemului de fortificaţie a cetăţii Potârca (jud. Orhei). Studiu de caz. In: (Ed. T. Arnăut, O. Munteanu, S. Musteaţă) Studia in honorem Gheorghe Postică. Studii de istorie veche şi medievală (Chişinău 2004), 115-120.

Moga 1982: V. Moga, Morminte dacice de incineraţie la Teleac (jud. Alba). Apulum 20, 1982, 87-91.

Natea 2008: Gh. Natea, Un pumnal curb dacic din colecţiile Muzeului Naţional Brukenthal — Muzeul de Istorie Casa Altemberger, BAM III (1), 2008, 109-114.

Nicolăescu-Plopşor 1948: C. S. Nicolăescu-Plopşor, Antiquités celtiques d'Olténie. Dacia XI-XII, 1948, 17-33.

Niculiţă, Matveev, Potângă 1999: I. Niculiţă, S. Matveev, E. Potângă, Cetatea traco-getică Potârca. In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă, vol. III (Bucureşti 1999), 279-343.

Quesada Sanz 1991: F. Quesada Sanz, En torno al origen y procedencia de la falcata ibérica. In: (Ed. J. Remesal Rodríguez, O. Musso) La presencia de material etrusco en la Península Ibérica (Barcelona 1991), 475-541.

Reinach 1873: A.J. Reinach, Sica. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, d'après les textes et les monuments (Paris 1873), 1300-1301.

Rustoiu 2005: A. Rustoiu, The Padea-Panagjurski Kolonii group in south-western Transylvania (Romania). In: (Eds. H. Dobrzańska, V. Megaw, P. Poleska) Celts on the margin. Studies in European cultural interaction 7th century BC - 1st century AD dedicated to Zenon Woźniak. (Kraków 2005), 109-119.

Stalio 1986: B. Stalio, Le site prehistorique Ajmana a Mala Vrbica. In: (Ed. V. Kondić) Ђердапске свеске. Cahiers des Portes de Fer 3, 1986, 27-35.

Stary 1981: P.F. Stary, Zur eisenzeitlichen Bewaffnung und Kampfesweise in Mittelitalien, ca. 9. bis 6. Jh. v. Chr. Marburger Studien zur Vor- und Frühgeschichte 3 (Mainz am Rhein 1981).

Vasiliev 1980: V. Vasiliev, Sciţii agatîrşi pe teritoriul României (Cluj-Napoca 1980).

Verčík 2014: M. Verčík, Die barbarischen Einflüsse in der griechischen Bewaffnung. Internationale Archäologie 125 (Rahden/Westf. 2014).

Vulpe 1990: A. Vulpe, Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien. PBF, Ab. VI, Bd. 9 (München 1990).

Woźniak 1974: Z. Woźniak, Wschodnie pogranicze kultury lateńskiej (Wrocław 1974).

Woźniak 1976: Z. Woźniak, Die östliche Randzone der Latènekultur. Germania 54, 1976, 382-402.

Descoperire unică a unui pumnal de tip *sica* din perioada Latène-ului târziu în Republica Moldova

Cuvinte-cheie: sica, pumnal, perioada Latène târzie, cultura Poieneşti-Lucaşeuca, grupul Padea-Panagjurski Kolonii.

Rezumat: În decembrie 2014, la Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei a fost transmis un pumnal din fier cu un singur tăiş, de tip *sica*, descoperit în cetatea Trebujeni-„Potârca". Cu regret, condiţiile atestării acestei piese nu permit să ne pronunţăm cu precizie asupra contextului descoperirii. Însă, credem că pumnalul de la Trebujeni poate fi încadrat în orizontul cronologic al culturii Poieneşti-Lucaşeuca. În baza tipologiei şi a diferitor indicatori cronologici ale pieselor de acest tip, se poate presupune că pumnalul de la Potârca se încadrează în perioada LtD_1 sau la sfârşitul sec. II - începutul sec. I a. Chr.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Pumnalul cu un singur tăiş, de tip *sica* de la Trebujeni-„Potârca".

Fig. 2. Locul descoperirii.

Fig. 3. Pumnalul de la Trebujeni-„Potârca" (1) şi cele mai apropiate analogii ale lui: 2, 8 - Plevna; 3 - Oriahovo-„Markova Mogila"; 4 - Regiunea Montana; 5 - Tilişca; 6 - Malaja Kopanja; 7 - Kostalevo; 9 - Teleac; 10 - Vraţa.

Fig. 4. Arealul de răspândire a pumnalelor de tip *sica* în spaţiul carpato-balcanic (A) şi cele mai apropiate analogii pentru pumnalul de la Trebujeni-„Potârca" (B).

Unique find of late La Tène *sica* dagger from Republic of Moldova

Keywords: sica, dagger, late La Tène period, Poieneşti-Lukaševka culture, Padea-Panagjurski Kolonii group.

Abstract: In December 2014 the National Museum of History of Moldova received an iron object — single edged *sica* dagger, found on the territory of Trebujeni-„Potârca" hillfort. Unfortunately, the circumstances of its finding do not permit reliably judge the context of discovery, but the location itself allows to link this finding with Poieneşti-Lukaševka cultural horizon. Basing on the chronological observations it could be assumed that the dagger from Potârca dates back to LtD_1 period or late 2nd - early 1st centuries BC and linked with the activity of Padea-Panagjurski Kolonii cultural group.

List of illustrations:

Fig. 1. Single-edged curved *sica* dagger from Trebujeni-"Potârca".

Fig. 2. Location of the discovery.

Fig. 3. Dagger from Trebujeni-"Potârca" (1) and its closest analogies: 2, 8 - Pleven; 3 - Oryakhovo-"Markova Mogila"; 4 - Montana district; 5 - Tilişca; 6 - Malaya Kopanya; 7 - Kostalevo; 9 - Teleac; 10 - Vratsa.

Fig. 4. Distribution of the sica daggers in Balkan-Carpathian region (A) and the closest analogies to the dagger from Trebujeni-"Potârca" (B).

21.06.2016

Денис Топал, Университет Высшая антропологическая школа, ул. Зимбрулуй, 10а, MD-2024 Кишинев, Республика Молдова, e-mail: denis.topal@gmail.com

Валерий Бубулич, Национальный музей истории Молдовы, ул. 31 Августа 1989, 121А, MD-2012, Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: vbubulici@mail.ru

THE EARLY SETTLEMENT OF SARMATIANS IN WALLACHIA[1]

Liana Oţa
Valeriu Sîrbu

Keywords: Sarmatians, Wallachia, Roman Empire, graves, grave-goods, Roman imports, pottery, adornments, weapons.

Started a few years ago, our research regarding the Sarmatians in Wallachia aims at going beyond the deadlock represented by synthesis studies / re-dating some finds, which some prestige scholars (Bichir 1971a, 135-145; Bichir 1971b, 275-285; Bichir 1972, 137-176; Bichir 1977, 167-197; Bichir 1985, 1164-1177; Bichir 1996, 297-312; Diaconu 1963, 323-345; Diaconu 1965, 19-29; Diaconu 1980, 275-285; Harhoiu 1993, 41-51; Harţuche 1980, 191-251; Morintz, Ionescu 1968, 95-128; Morintz, Ionescu 1970, 37-54; Niculescu 2003, 177-205) have imposed with their authority, but which seems to have reached an impasse. The finds attributed to the Sarmatians in Wallachia are much more than simple data contributing to statistics on the traits of funerary ritual. They are, in fact, the manifestations of strategies (J.P. Vernant even speaks about a 'death policy'[2] for any social group), governed by certain rules[3]. A correlation of the groups that define themselves in terms of funerary practices with other aspects of the social behaviour must be, first and foremost, explained, and not internalized straightaway (Jones 1993, 250), for there are various links between the individuals (family, profession, friendship (Luis 2003, 44), age, sex or religion) (Jones 1993, 250). One must stress from the beginning the impediment represented by the lack of settlements and the fact that the graves are only testimonies that allow for decoding, though incompletely, the existence of the Sarmatian communities in Wallachia. Nevertheless, we believe that they should not represent insurmountable obstacles in the way of a new approach to funerary finds attributed to Sarmatians in the aforementioned region. After taking all precautions, the study of the Sarmatian graves in Wallachia could provide significant details on the age ratio inside a certain group and on the manner in which one constructs graves as being 'feminine' or 'masculine' (Oţa, Sîrbu, Matei 2013, 325-352), on the structure of imports, be they from the Roman Empire or from the areas of other cultures (Oţa, Sîrbu 2009, 145-183; 2012, 125-163; Sîrbu et al. 2014, 101-119), and on the role attributed to them in the funerary ritual[4] and even on the relations between the Roman Empire and the Sarmatian communities in Wallachia (Oţa 2007, 51-55).

This study aims to analyse the finds that can be connected to what we defined as being the first stage of Sarmatian diffusion in Wallachia (Oţa, Sîrbu 2009, 178-196; Oţa, Sîrbu 2010, 191-201; Oţa, Sîrbu 2013, 292-293; Sîrbu *et al.* 2014, 122-133). The purpose is not to insist on the date of the arrival, which was debated on several occasions (Oţa, Sîrbu 2009, 178-196; Oţa, Sîrbu 2010, 191-201; Oţa, Sîrbu 2013, 292-293; Sîrbu *et al.* 2014, 122-133), for it would mean to contradict ourselves and restart a possibly endless argument on dating funerary features[5]. Instead, the purpose

[1] This study is an extended version of the article *Prima etapă de pătrundere a sarmaţilor în Muntenia* by L. Oţa, V. Sîrbu, which was published in Acta Musei Tutovensis. Istorie veche şi Arheologie, XII/2. *In Honorem Ion Ioniţă Octogenarii*, 2016, p. 147-167.

[2] Vernant 1995, 206 (*apud* Mustakallio 2005, 180, note 4).

[3] '...social groupings are defined in terms of those individuals who follow certain cultural rules. Rules of funerary behaviour can fit well into this pattern – so that people who share the same set of funerary rules define themselves as a community – at least in funerary terms.' (Jones 1993, 250).

[4] Sîrbu *et al.* 2014, 115-119; Oţa 2015a (forthcoming).

[5] Bârcă 2015, who, although plans to 're-interpret' some Sarmatian finds in the Wallachia Plains, does not provide any new meanings for the Sarmatian finds in the area in question (as he was supposed to, based on the definition of 'to interpret'). He merely adopts opinions already expressed in previously published literature, adding analogies to them, and, in some cases, slightly changing their chronology. V. Bârcă (2013, 253) has expressed before the opinion that Sarmatians could not settle down in Wallachia before the rule of Hadrian, but has not argued it, and he does the same in the article in 2015.

is to detail, as far as the funerary finds allow us to do so, the image of the Sarmatian communities that the Romans allowed to settle close to the *limes* of Moesia Inferior.

The funerary finds that can be attributed to the first stage of Sarmatian diffusion in Wallachia, fitting in the time span that starts with the last decade of the first century AD and extends throughout the second century consist of both isolated graves and clusters of graves (fig. 9). The clusters contain varying numbers of tombs, ranging from a minimum of three to a maximum of sixteen, as follows: Râmnicelu (sixteen graves)[6], Lişcoteanca-*Movila Olarului* (twelve graves)[7], Lişcoteanca-*Moş Filon* (six funerary features)[8], Lişcoteanca-*Movila din Baltă* (three interments)[9], Jugureanu (also three graves)[10]. The inventory of three, or perhaps even four of the five graves found in Ulmeni (G. 1-2, G. 4, possibly G. 5 as well) and some of the items with unclear circumstances regarding their finding (the bronze casserole and the glass *unguentarium*)[11] also point to a dating that begins with the end of the first century AD and extends throughout the next century[12]. Save for one case, the so-called 'Buzău treasure'[13], the isolated graves are also concentrated in north-eastern (Mohreanu[14], possibly also Racoviţa[15] or Roşiori)[16] or southern Wallachia (G. 2 from Măriuţa[17], Hagieni[18], Lehliu[19], Olteniţa-*Fundeneanu*[20], Vităneşti[21], perhaps also Vlădeni)[22].

There are four important conclusions that one can draw, based solely on the simple enumeration just made. First of all, there are relatively few finds, at least up until now, that can be connected to the first stage of Sarmatian diffusion in Wallachia: fifty-three / fifty-four (if we also take into account the graves that cannot be dated for sure in Racoviţa, Roşiori and Vlădeni).

Secondly, the grave clusters (six of them, containing forty-three – forty-four structures) dominate over the isolated graves (seven which are certain, plus three where there are doubts). To classify G. 2 in Măriuţa as an isolated grave, given that we know of at least another funerary structure in that site, seems like a mistake only at first. Cpl. 2/2009[23] from Măriuţa can be dated, at the earliest, to the second half of the second century AD, and a later dating, after the middle of that century, cannot be ruled out. Because questions on the chronological differences within groups such as Ulmeni, Măriuţa or Păuleasca are still waiting for a definite answer (Sîrbu et al. 2014, 127-129) – at least in the current stage of research – we only took into account G. 2 from the group in Măriuţa as belonging to the first stage.

Thirdly, given the example in Măriuţa, a tomb might have been isolated at first, but other burials were added afterwards.

Lastly, the graves that can be dated to the first stage (fig. 9) are concentrated mostly in north-eastern, eastern and southern Wallachia.

Simply by comparing their numbers and discovery contexts (isolated or in clusters), the graves generate interesting details. Most of the finds (forty-one, possibly forty-three) are concentrated in north-eastern Wallachia, and less so in the south (eight – ten), which could mean that, in the first stage, the Sarmatian communities occupied mostly the Brăila Plains. In fact, this makes sense, given the direction that the Sarmatians came from. The number differences between north-

[6] Oţa, Sîrbu 2009, 52-63, cat. no. VIII A 31-38, 113-115, cat. no. IX A 49-52, 130-132, no. 16 (with the previous bibliography).
[7] Oţa, Sîrbu 2009, 45-47, cat. no. VI B 25-26, 111-113, cat. no. VII C 42-47, 126-129, no. 13 (with the previous bibliography).
[8] Oţa, Sîrbu 2009, 39-45, cat. no. VI A 21-24, 109-110, cat. no. VII A 36-40, 124-126, no. 11 (with the previous bibliography).
[9] Oţa, Sîrbu 2009, 110-111, cat. no. VII B 41, 126, no. 12 (with the previous bibliography).
[10] Oţa, Sîrbu 2009, 108-109, cat. no. VI A 33-35, 123-124, no. 10 (with the previous bibliography).
[11] Sîrbu *et al.* 2014, 76-84, cat. no. 41 (with the previous bibliography).
[12] Sîrbu *et al.* 2014, 127-128.
[13] Harhoiu 1993, 41-51; L. Oţa, S. Oţa 2015, 537-576 (with the previous bibliography).
[14] Oţa, Sîrbu 2009, 48-52, cat. no. VII A 28-30, 129, no. 14 (with the previous bibliography).
[15] Oţa, Sîrbu 2009, 113, cat. no. VIII A 48, 129, no. 15 (with the previous bibliography).
[16] Oţa, Sîrbu 2009, 132-133, no. 17 (with the previous bibliography).
[17] Sîrbu *et al.* 2014, 54-55, cat. no. 24, 129 (with the previous bibliography).
[18] Sîrbu *et al.* 2014, 52-53, cat. no. 21, 131 (with the previous bibliography).
[19] Sîrbu *et al.* 2014, 53-54, cat. no. 23, 132 (with the previous bibliography).
[20] Sîrbu *et al.* 2014, 59, cat. no. 28-34 B, 131-132 (with the previous bibliography).
[21] Sîrbu *et al.* 2014, 85-89, cat. no. 47, 131 (with the previous bibliography).
[22] Sîrbu *et al.* 2014, 90, cat. no. 49, 132 (with the previous bibliography).
[23] Sîrbu et al. 2014, 55-57, cat. no. 24, 129 (with the previous bibliography).

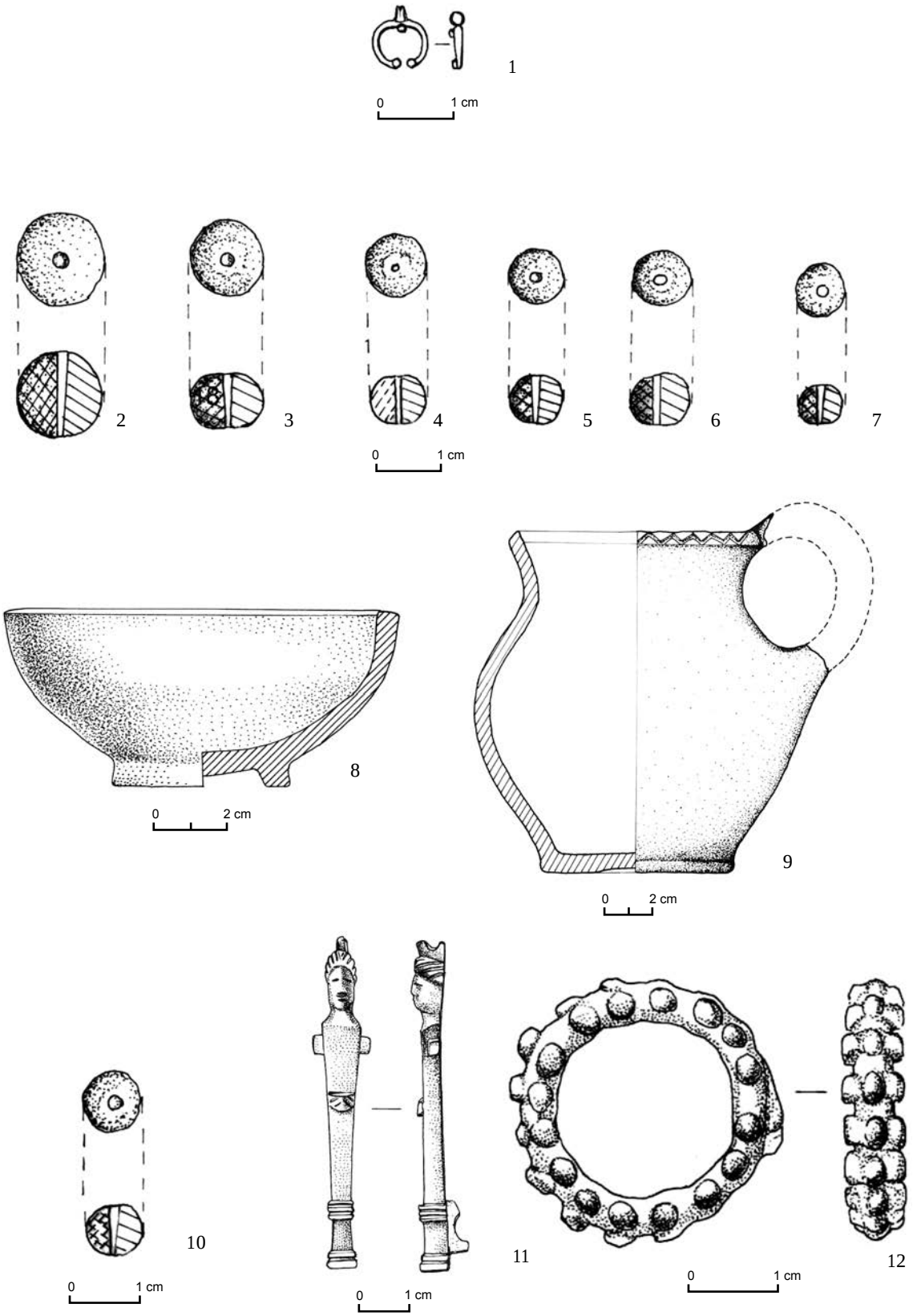


Fig. 1. 1-8 - Râmnicelu G. 14; 9 - Râmnicelu G.19; 10-12 - Mohreanu (after Oţa, Sîrbu 2009).

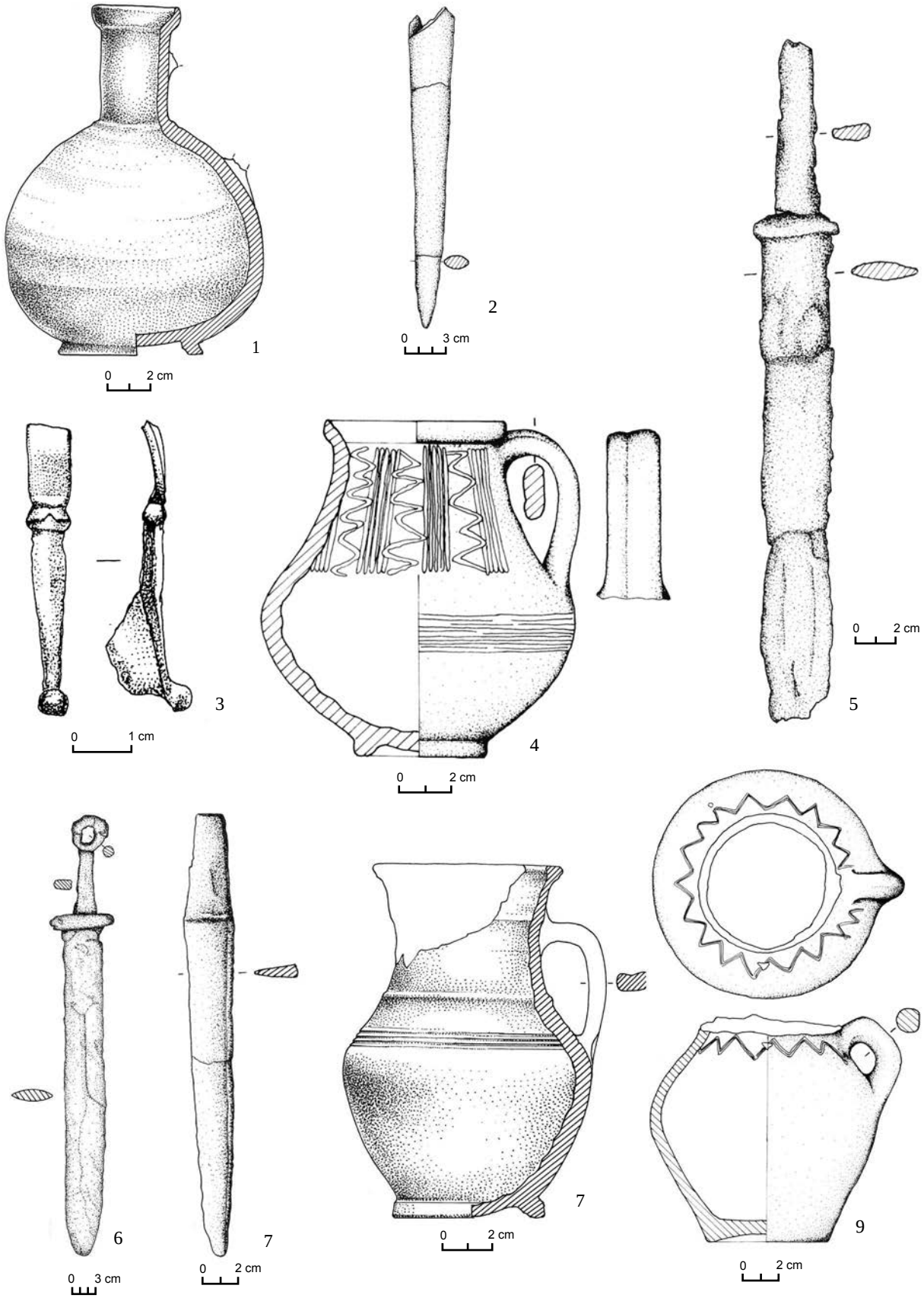


Fig. 2. 1-2 - Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 1; 3-5 - Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 7; 6, 8 - Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 7; 7, 9 - Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 17 (after Oţa, Sîrbu 2009).

eastern and southern Wallachia also applies to the discovery contexts. Whereas the grave clusters dominate in the Brăila Plains (forty funerary structures, in five clusters), some of which are the largest in Wallachia (Râmnicelu or Lişcoteanca-*Movila Olarului*, with sixteen and twelve graves, respectively), the isolated burials are the ones that define the first stage in southern Wallachia (six of them).

Another feature of the burials in Wallachia, the dating of which starts with the last decade of the first century AD and the first decades of the following century, is the preference for interment in elevated terrain. Namely, thirty-seven graves were in tells (the clusters in Râmnicelu, Lişcoteanca-*Movila Olarului*, Lişcoteanca-*Moş Filon* and Lişcoteanca-*Movila din Baltă*) and one on a terrain 7-8 m above the Ialomiţa flood basin (Vlădeni). There are four tumular graves – three secondary ones in older tumuli (Mohreanu, Hagieni and Roşiori) and only one in a specially-erected mound (Vităneşti). Eleven graves are flat: the clusters in Jugureanu and Ulmeni, the isolated structures in Măriuţa, Lehliu, Olteniţa-*Fundeneanu*, Racoviţa.

Contrary to expectations, the preferred orientation is W-E, which applies to nineteen graves (ten in Râmnicelu, six in Lişcoteanca-*Movila Olarului*, one in Lişcoteanca-*Moş Filon*, Jugureanu and Ulmeni each). Sixteen structures were oriented N-S, eleven of which in the Brăila Plains (five graves in Lişcoteanca-*Movila Olarului*, two in Râmnicelu, one in Lişcoteanca-*Moş Filon* and Lişcoteanca-*Movila din Baltă*, Jugureanu and Mohreanu each) and five in southern Wallachia (Vităneşti, Măriuţa G. 2 and three graves in Ulmeni). Significantly less frequent are the NW-SE orientations (four structures – three in Lişcoteanca-*Moş Filon* and one in Jugureanu) or the E-W ones (also four graves – two in Lişcoteanca-*Movila din Baltă* and one in Râmnicelu and Vlădeni each). G. 7 from Lişcoteanca-*Moş Filon* and the grave from Olteniţa-*Fundeneanu* were oriented NE-SW, and Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 6 and Racoviţa along the S-N axis. A burial from Râmnicelu, G. 1, was oriented SW-NE. There is no known orientation for five interments (Râmnicelu G. 14 and G. 20, Roşiori, Lehliu and Hagieni).

What stands out is the contrast between the quasi-uniformity of the graves from the first stage in southern Wallachia – mostly N-S (five structures), with the NE-SW variation (one instance) and just two exceptions (Vlădeni, aligned E-W and Ulmeni G. 5, aligned W-E) compared to the heterogeneous nature of the orientations in the Brăila Plains (W-E – eighteen graves, N-S – eleven graves, NW-SE – four graves, E-W – three graves, S-N – one definite, another two which are possible, SW-NE – one case and NE-SW – one case).

Reviewing the orientation of the graves in each cluster bring some nuance, perhaps unexpectedly, to the previous observation. At the level of each cluster of graves there is, however, a certain orientation: N-S, with the NW-SE and NE-SW orientations, in Lişcoteanca-*Moş Filon* (five out of six graves), Jugureanu (two out of three graves) and Ulmeni (three out of four graves), W-E in Râmnicelu (ten out of sixteen structures), E-W in Lişcoteanca-*Movila din Baltă* (two out of three cases). In Lişcoteanca-*Movila Olarului* there are two frequent axes: W-E (six instances) and N-S (five instances). The exceptions, at the level of each cluster of graves, amount to four in Râmnicelu (two graves oriented N-S, one E-W and one SW-NE) and one for each other cluster (one interment oriented W-E in Lişcoteanca-*Moş Filon*, Jugureanu and Ulmeni, one N-S in Lişcoteanca-*Movila din Baltă* and one S-N in Lişcoteanca-*Movila Olarului*).

What is the reason behind choosing a certain axis for most of the graves in a cluster, why is a certain orientation in a certain cluster but barely present in another cluster, what is the reasoning behind the exceptions and the diversity – these are all questions that do not have a definite answer, at least not yet. One possible explanation could come out of comparing the orientations of the graves attributed to the second and third stage of Sarmatian diffusion in Wallachia. In contrast to the diversity of orientations of the graves from the first stage, which we have just discussed, the funerary structures that come after that display the N-S orientation as either quasi-exclusive, for the Brăila Plains (17 burials, with the sole exception of the five-grave cluster in Brăila-*Hipodrom*, all of them oriented E-W), or predominant in southern Wallachia (forty-seven funerary structures oriented, with some variations, along the N-S axis; unfortunately, the orientation of thirty-six graves is unknown, and the exceptions amount to five, so far) (Sîrbu et al. 2014, 96). The change can

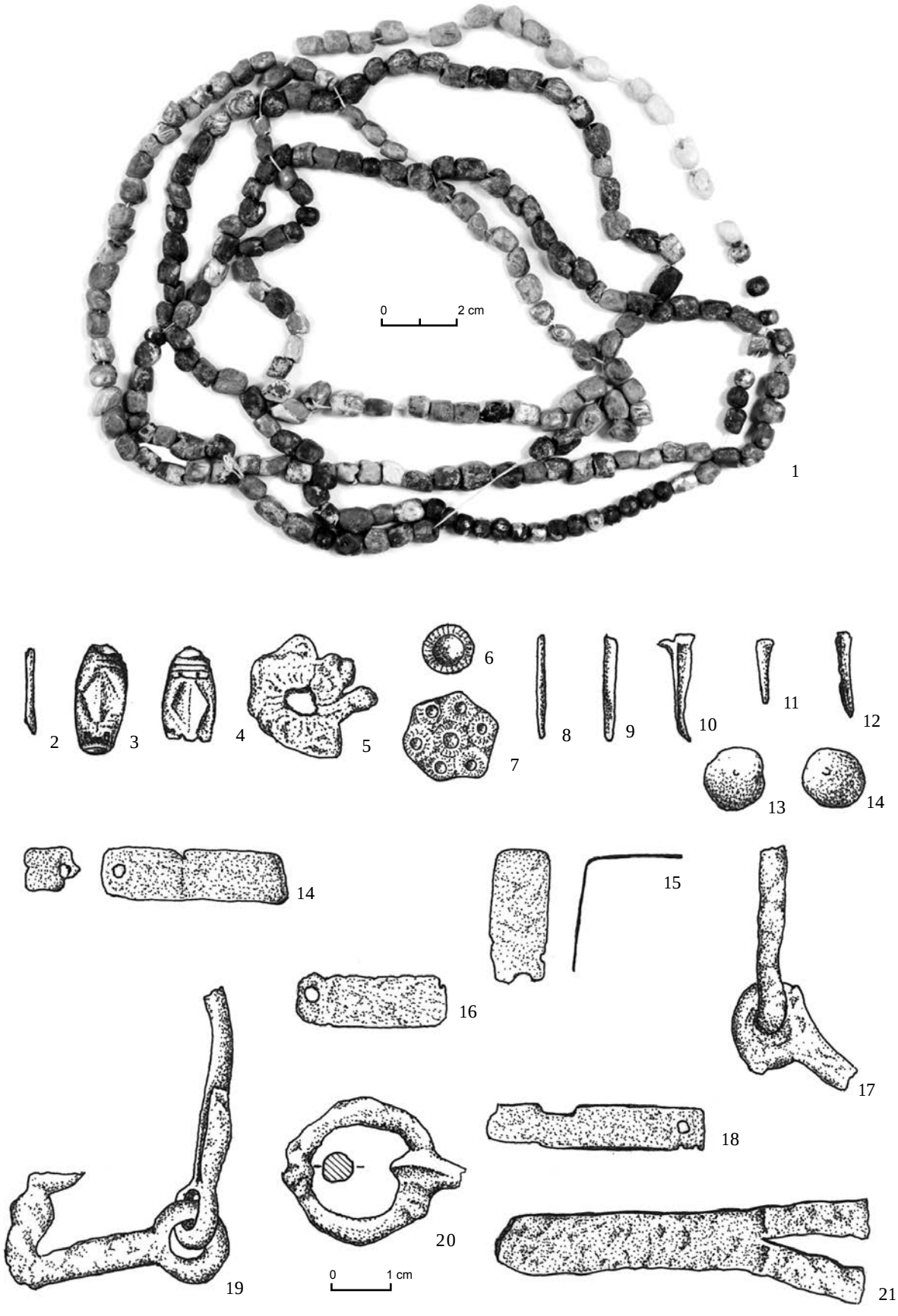


Fig. 3. 1-21 - Vităneşti (1 - after Sîrbu et al. 2014; 2-21 - after Leahu, Trohani 1979).

be clearly seen in time, but the explanation is still incomplete, because the causes of this change are not yet visible.

At first, it seems that there is great diversity in the positions of interment for the Sarmatians in Wallachia. In fact, we can speak of an actual preference only for the position that we wrote down as number 1 (lying, with outstretched legs and arms) (Oţa, Sîrbu 2009, 141-143), observed in twenty-one instances (seven graves in Lişcoteanca-*Movila Olarului* and Râmnicelu each, two in Jugureanu and only one in Lişcoteanca-*Moş Filon* and Lişcoteanca-*Movila din Baltă* each, possibly in Vităneşti, Racoviţa and Roşiori). The total number of exceptions from position 1 is quite high – twenty-three, but only three positions were registered in more than one case: position 4, lying, with the palms on the pelvis (three instances – Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 6, Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 7, Vlădeni); position 11, with both arms stretched along the body, and the legs bent at the knees and fallen to the right-hand side (Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 4 and Lişcoteanca-*Movila din Baltă* G. 6); position 14, with the right arm stretched, the left arm bent with the palm on the pelvis, and the legs bent at the knees and fallen to the right (Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 3, Jugureanu G. 1, and possibly Măriuţa G. 2). All the other positions, numbered 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 17, 18, 19, 21 and 22, were observed in only one case. For nine graves (Râmnicelu G. 14 and G. 20, all of the four structures from Ulmeni, dated to the first stage, Hagieni, Lehliu and Olteniţa-*Fundeneanu*), there is no data on the position of the dead. Insofar as the clusters are concerned, there are two situations that stand out: either extreme diversity of the positions of the dead (Lişcoteanca-*Moş Filon* and Lişcoteanca-*Movila din Baltă*, where absolutely each of the dead had a different position), or a predominant position, usually the one numbered 1 (seven funerary structures in Râmnicelu and Lişcoteanca-*Movila Olarului* each, plus two in Jugureanu) and a smaller or larger number exceptions (seven in Râmnicelu, five in Lişcoteanca-*Movila Olarului* and one in Jugureanu).

The proportion between the adult and the children graves is relatively balanced, even though it is affected by the twelve cases where the archaeologist could not even suppose the age (Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 15, G. 23-24, Jugureanu G. 12, Râmnicelu G. 14, Ulmeni G. 1-2, Hagieni, Lehliu, Olteniţa-*Fundeneanu* and Racoviţa). Adults were buried in twenty-four structures (seven in Râmnicelu, six in Lişcoteanca-*Movila Olarului*, four in Lişcoteanca-*Moş Filon*, three in Lişcoteanca-*Movila din Baltă*, one in Jugureanu, Mohreanu, Roşiori and Vităneşti each). Seventeen burials belong to children (eight in Râmnicelu, three in Lişcoteanca-*Movila Olarului*, two in Lişcoteanca-*Moş Filon* and Ulmeni each, one in Măriuţa and Vlădeni). Most of the clusters contained both adult and children graves, except for the group in Lişcoteanca-*Movila din Baltă*, where in all of the three graves were buried adults. The ratio between the two types of graves is quite balanced, even if children graves dominate in some cases (Râmnicelu) and the adult graves dominate in other situations (Lişcoteanca-*Movila Olarului* and Lişcoteanca-*Moş Filon*). Namely, in Râmnicelu there are eight children graves, seven adult graves and one undetermined; in Lişcoteanca-*Movila Olarului* there are six adult graves, three children graves and three undetermined; in Lişcoteanca-*Moş Filon* there are four adult graves and two children graves. The relatively high number of graves containing dead of undetermined age in Jugureanu (two, and only one adult grave) and in Ulmeni (also two, plus two children graves) does not allow for any definite conclusion. Although in four of the isolated graves were buried dead with undetermined age, the same balance between adults (three cases) and children (the remaining two) could be observed for the other five graves.

A genuine constant of the graves from the first stage of Sarmatian diffusion in Wallachia is the small number of inventory items, ranging from one to three, placed in each funerary structure. Higher number of items are characteristic of G. 1 and G. 4 in Ulmeni (four items each), but the real exception seems to be, at the current stage of research, just the burial in Vităneşti, which has eight items. There may have been more, but were robbed later on. We cannot estimate the number of items in the inventories of the graves from Roşiori (one recovered fragments there, probably from a sword and a knife) and the 'Buzău treasure' (two earrings, one ring, pendants potentially from a necklace and dress appliqués in the collections of the National Museum of Antiquities – fig. 7). However, even against this uniform background, one can see some subtle differences.

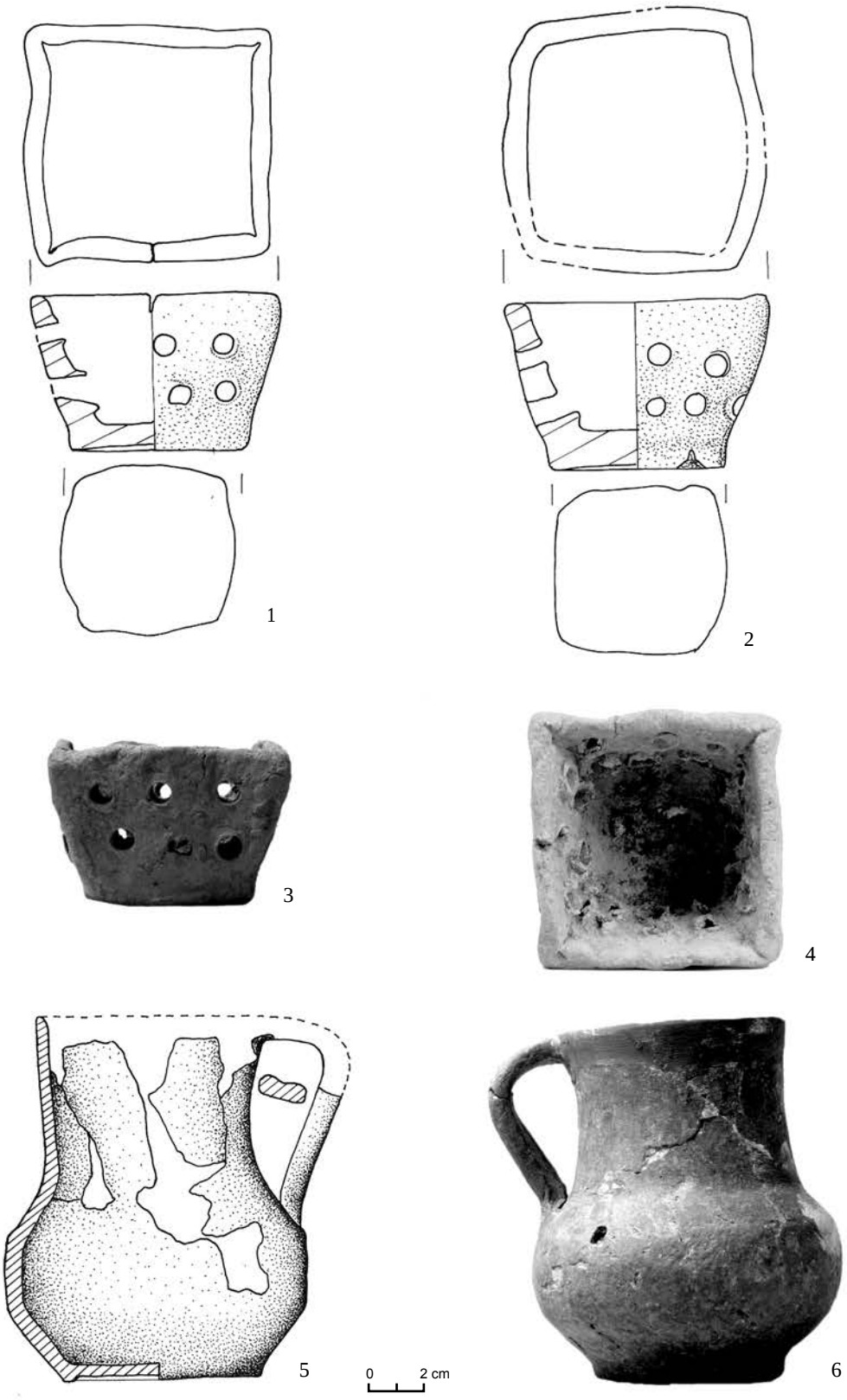


Fig. 4. 1-6 - Vităneşti (after Sîrbu et al. 2014).

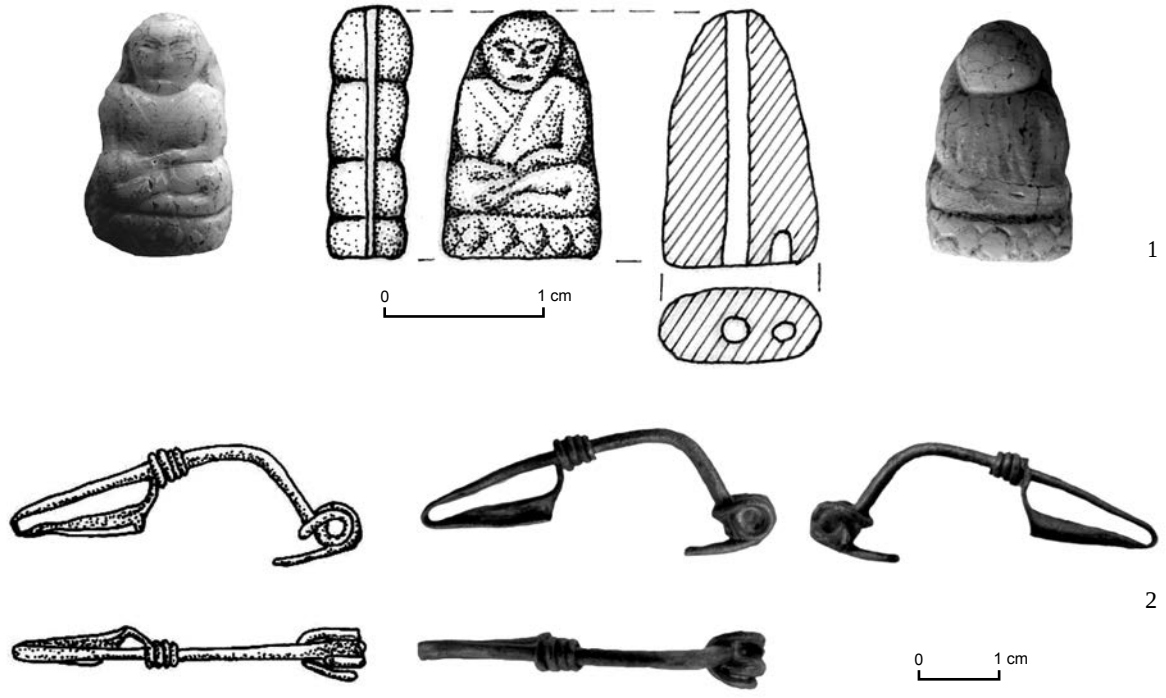


Fig. 5. 1-2 - Lehliu G1 (after Sîrbu et al. 2014).

All of the four graves from Ulmeni connected to the first stage of Sarmatian diffusion in Wallachia have three or four inventory items. The grave clusters in the Brăila Plains, on the other hand, contain varying proportions of tombs without inventory (six out of the twelve in Lişcoteanca-*Movila Olarului*, namely 50%, five out of sixteen in Râmnicelu, namely 31.25%, one out of six in Lişcoteanca-*Moş Filon*, namely 16.66%, one out of three in Lişcoteanca-*Movila din Baltă* and Jugureanu, namely 33.33%) and tombs with inventory. Six of the eleven graves with inventory from Râmnicelu contained only one item, which seems to place the cluster in question at the other end of the spectrum compared to Ulmeni. Even if half of the twelve graves in Lişcoteanca-*Movila Olarului* did not have any inventory (six of them), and one of them had a single grave-good, there is one grave that stands out, G. 17, with three inventory items. What the six funerary structures from Lişcoteanca-*Moş Filon* reveal is more of a preference for placing items in graves (three in G. 1 and G. 7 each, two in G. 3 and one in G. 2 and G. 6) than for an absence of grave-goods (G. 4).

The categories of inventory items placed in the graves analysed in this study are not very diverse. Fourteen graves out of a total estimated to be no more than 54 (which means 25.92%) did not have a funerary inventory. As for the rest of the graves, the inventory most frequently placed in them was pottery (in 18 burials).

Hand-made pottery was found in 13 of the 18 graves, mostly just one vessel, save for four cases: G. 2 in Jugureanu and G. 1 in Ulmeni (two jars each – fig. 6/5-6), G. 2 in Vităneşti (two perforated vessels) and G. 4 in Ulmeni (jar and bowl). In terms of typology, it is the jars that dominate, as they are present in eight graves. Most of the jars belong to subtype a.1 – tall and flared mouth, similar to the upper part of a funnel, rounded shoulder, a bi-truncated and elongated body and a flat bottom[24] (Ulmeni G. 1, G. 4, Jugureanu G. 1, G. 2). It is less often that one encounters sub-types a.2 – mouth slightly flared, the edge of the rim rounded or oblique towards the outside, rounded shoulder, bi-truncated and elongated body, flat bottom, sometimes very thick (Racoviţa, possibly Râmnicelu G. 16 as well) or a.3 – mouth slightly flared, short and cylindrical neck, rounded shoulder, bi-truncated body, with the lower part much taller (Vlădeni). The vessel in Râmnicelu G. 1 is

[24] For the typology of the Sarmatian pottery, see Oţa 2015b (forthcoming), but also previous contributions – Oţa, Sîrbu 2009, 151-152 and Sîrbu et al. 2014, 102-104.

fragmentary and cannot be fit in any particular subtype. It is much less frequent that we encounter hand-made mugs (three burials), with analogies either in the repertoire of Sarmatian pottery (Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 17 – fig. 2/9), or in the Dacian pottery (Râmnicelu G. 19 – fig. 1/9 and Măriuţa G. 2)[25]. The other type of hand-made vessels are the bowls, which are difficult to attribute to any particular pottery tradition (Ulmeni G. 4, perhaps also the fragmentary vessel from G. 17 in Lişcoteanca-*Movila Olarului*), the Sarmatian perforated vessels (two of them, both registered in Vităneşti – fig. 4/1-4), the spherical vessel, also Sarmatian (Olteniţa-*Fundeneanu*), and the lids, whose shape is imported from the repertoire of Dacian pottery (two, in G. 1 from Ulmeni – fig. 6/3-4).

The pottery imported from the Roman provinces was found in six graves, and their typology is very diverse: mugs (two graves, both of them in Ulmeni, G. 2 and G. 4), bowl (Râmnicelu G. 14 – fig. 1/8), pitcher (Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 7 – fig. 2/8), jug (Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 1 – Fig. 2/1), amphora (Vităneşti).

On the other hand, most of the recipients from the Dacian environment are mugs – either wheel-made (Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 7 – fig. 2/4, Ulmeni G. 2, Olteniţa-*Fundeneanu* and Vităneşti – fig. 4/5-6) or hand-made (the vessels listed previously under the general typology of hand-made pottery, from G. 19 in Râmnicelu and G. 2 in Măriuţa). Although the general typology of the Dacian pottery found in graves belonging to the first stage of Sarmatian diffusion in Wallachia shows little diversity (as it basically contains two types of recipients – mugs and bowls), it is remarkable to see the subtle differences in their shapes. In fact, each of the aforementioned Dacian recipients belongs to a separate sub-type (Oţa, Sîrbu 2009, 152-153; Oţa, Sîrbu 2012, 133-136; Sîrbu et al. 2014, 104-106). The wheel-made mugs belong to subtypes a.2.1, with bi-truncated and globular bodies, shorter necks and everted mouths (Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 7), a.2.2, with bi-truncated and globular bodies, but longer necks and slightly everted mouths (Vităneşti) and a.6, with globular bodies, short cylindrical necks, small diameter, flared mouths and everted mouths (Ulmeni G. 2). Because it is neither illustrated, nor described in detail, the mug in Olteniţa-*Fundeneanu* cannot be attributed to any particular sub-type. Although there are only two Dacian hand-made mugs, they make up two sub-types: f.1, mug with bi-truncated body, rounded shoulder, slightly flared mouth and rim oblique towards the outside (Râmnicelu G. 19) and f.2, mug with a high and concave bottom, the body strongly bi-truncated, slightly flared mouth, rounded rim and a handle higher than the mouth (Măriuţa G. 2). Even if they have the same functionality, and are placed in the same grave, the lids from G. 1 in Ulmeni illustrate, in their turn, two sub-types: g. 1, truncated lid, with concave button and g. 2, lid with flat button.

Regardless of the origin of the pottery – Roman, Sarmatian or Dacian – the recipients rarely associate with one another. Five graves contained two vessels each, either exclusively hand-made (two Sarmatian jars in G. 2 from Jugureanu; two Sarmatian jars and two hand-made lids, with analogies in the Dacian pottery, in G. 1 from Ulmeni; mug with analogies in the inventory of other Sarmatian graves and, possibly, a bowl, published without illustration, in G. 17 from Lişcoteanca-*Movila Olarului*), either hand- or wheel-made (spherical recipient with analogies in the Sarmatian environment and Dacian wheel-made mug in Olteniţa-*Fundeneanu*) or just wheel-made (Dacian mug and Roman mug in G. 2 from Ulmeni). In G. 4 from Ulmeni, the three vessels were a jar, a hand-made bowl (unfortunately, there is no description of the fabric it was made of) and a Roman mug, while the inventory of the funerary structure in Vităneşti associated Sarmatian (perforated vessels), Dacian (a mug) and Roman (the amphora) pottery.

Eleven funerary structures contained a single vessel each, compared to the seven graves with several recipients. What dominates are the hand-made recipients, be they Sarmatian (jars in G. 1 and G. 16 from Râmnicelu, G. 1 from Jugureanu, Racoviţa and Vlădeni) or with analogies in the repertoire of Dacian pottery (mugs in G. 19 in Râmnicelu – fig. 1/9 and G. 2 from Măriuţa). The only vessel in G. 7 from Lişcoteanca-*Moş Filon* was a Dacian mug (fig. 2/4), while another three graves contained a vessel produced in Roman workshops each (pitcher in G. 7 from Lişcoteanca-*Movila Olarului* – fig. 2/8, jug in G. 1 from Lişcoteanca-*Moş Filon* – Fig. 2/1 and bowl in G. 14 from Râmnicelu – fig. 1/8).

[25] For the typology of the Dacian pottery found in graves attributed to Sarmatians in Wallachia, see Oţa, Sîrbu 2012, 125-163.

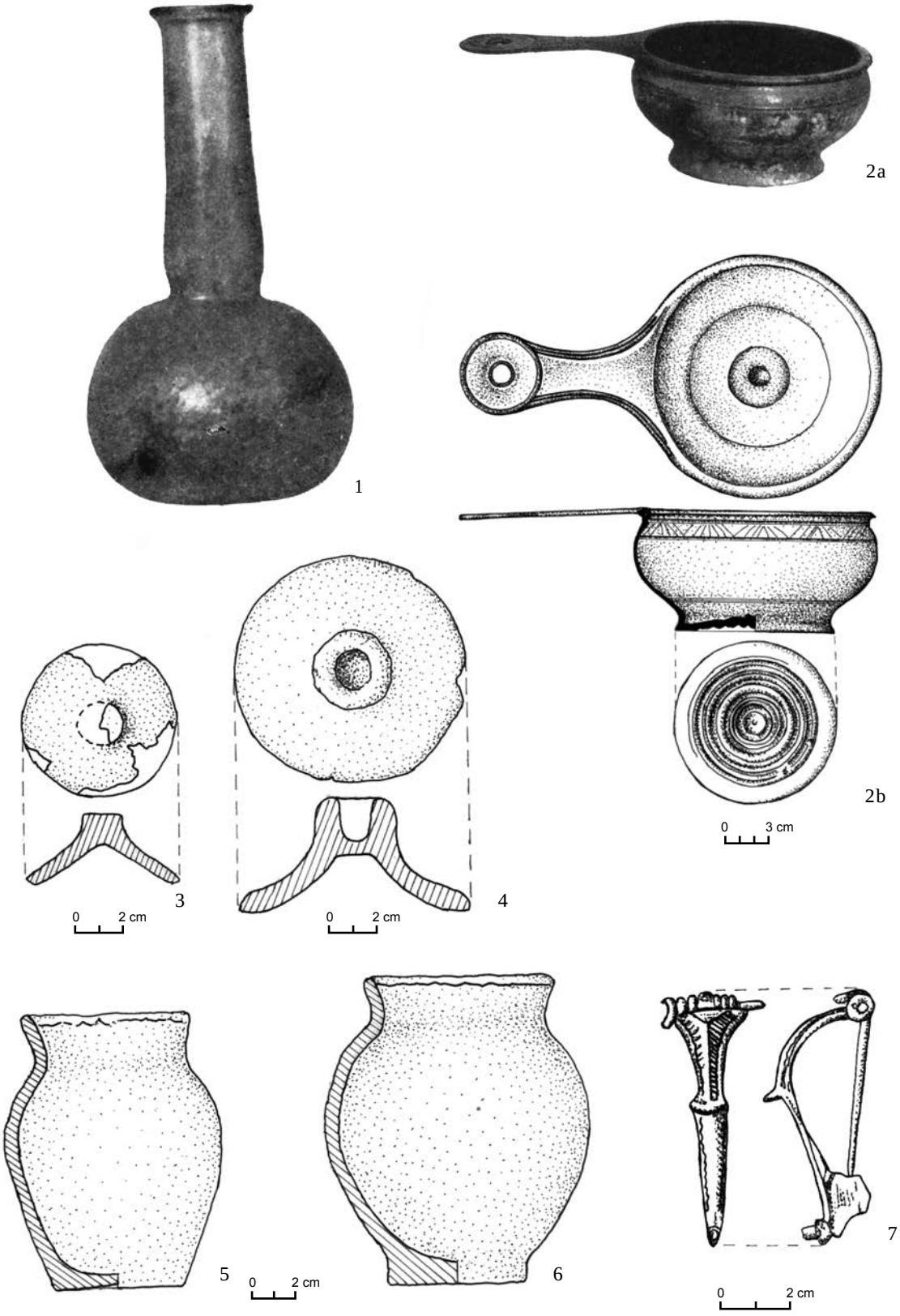


Fig. 6. 1-2 - Ulmeni – near G. 1-2 (after Morintz, Ionescu 1968; Bichir 1977); 3-7 - Ulmeni G. 1 (after Morintz, Ionescu 1970).

The positions of the vessels, regardless of their manufacture or the tradition behind them, follow the same habits. The preference seems to be for placing the vessels close to the head – eight cases in total, two of which do not mention other details (Racoviţa and all the three vessels in G. 4 in Ulmeni), four on the right-hand side (Râmnicelu G. 1, G. 16, G. 19,[26] Jugureanu G. 1) and another two on the left-hand side (both jars from G. 2 in Jugureanu and the Roman jug from G. 1 in Lişcoteanca-*Moş Filon*). It is only in five graves that vessels were placed at the feet of the dead: the Roman pitcher in G. 7 from Lişcoteanca-*Movila Olarului*, the Dacian wheel-made mug in G. 7 from Lişcoteanca-*Moş Filon*, the Dacian hand-made mug from G. 2 in Măriuţa, the Sarmatian mug in G. 17 from Lişcoteanca-*Movila Olarului* and both Sarmatian jars from G. 1 in Ulmeni. For the time being, the positions of the jar in Vlădeni (next to the right-hand elbow) and of the truncated vessel in G. 17 from Lişcoteanca-*Movila Olarului* (next to the left-hand shoulder) are unique. We do not know the position of the Dacian hand-made mug from G. 2 in Ulmeni, of the Roman bowl from G. 14 in Râmnicelu, of the spherical vessel and the Dacian wheel-made mug from Olteniţa-*Fundeneanu*, and neither do we know the position of the four vessels in Vităneşti, with the possible exception of the perforated vessels being placed on the left-hand side, close to the arm, if that is indeed the initial position in the tomb and not the result of displacements or robbery. The only exception from the grouped placing of vessels, either next to the head (Jugureanu G. 1, G. 2) or at the feet the dead (Ulmeni G. 1) is G. 17 from Lişcoteanca-*Movila Olarului*, where the mug was placed at the feet and the truncated vessel was next to the shoulder.

There are a few important conclusions on the funerary behaviour of the Sarmatian communities in Wallachia that can be drawn from the aforementioned statistics. The first conclusion is that the graves in question contained not just Sarmatian vessels (eleven burials), but also recipients made in Roman workshops (six cases) or ones that have analogies in the repertoire of Dacian pottery (another six cases). This shows that the Sarmatians in Wallachia established trade relations with both the Roman Empire and the Dacian communities. The early dating of the Roman pottery and the mugs with analogies in the Dacian environment seem to support the idea that not much time passed between the arrival of the Sarmatians in Wallachia and the establishment of the trade relations. Regardless of their origin, the pottery was placed by the same rules in the graves attributed to the Sarmatians in Wallachia – preferably a single vessel, either by itself or in association with few other inventory items, next to the head or the feet of the dead. Therefore, the meaning seems to be related to the *function* of the pottery, not to its lower or higher value, depending on how it was obtained (from local workshops or distant trade). The fact that the pottery from trade relations with other cultural environments was not treated in a different way is proven by the standard associations, either observed within the same group (in G. 1 and G. 7 from Lişcoteanca-*Moş Filon*, the brooch and the dagger were combined with a single vessel, either Dacian or Roman; the dagger and short sword from G. 7 and G. 17 in Lişcoteanca-*Movila Olarului* were associated with a Roman vessel or with two hand-made recipients) or observed in different groups (in Olteniţa-*Fundeneanu* and Râmnicelu G. 16, the spindle-whorls were combined with a jar and with a spherical vessel and a Dacian wheel-made mug respectively; in G. 14 from Râmnicelu, G. 1, G. 2 and G. 4 from Ulmeni and G. 2 from Măriuţa, the beads were associated, in the following order, with a Roman bowl; two Sarmatian jars with lids whose shape has analogies in the Dacian pottery; Dacian wheel-made mug and Roman mug; hand-made jar and bowl and a Roman vessel; Dacian hand-made mug). The only inventory of five graves was a vessel, either a jar (Râmnicelu G. 1, Jugureanu G. 1, G. 2, Racoviţa) or a Dacian hand-made mug (Râmnicelu G. 19).

The number of graves where adornments were found, apparently, is equal to the number of funerary structures that yielded pottery – eighteen. We say *apparently* because, as we also emphasized on a different occasion (Sîrbu et al. 2014, 108-110), not all the beads constitute adornment items *per se*, because some of them may have been sewn on the clothes, thus qualifying as dress items. Therefore, we excluded from the category of adornments the beads in the grave from Vităneşti, which were most likely sewn to the

[26] According to the description (Harţuche 1980, 222, 224), the vessel was found next to the occipital bone, and the skull was tilted to the left.

clothes. We also did not count the pearls from five other structures (Ulmeni G. 1, G. 2, G. 5, Mohreanu, Hagieni), whose position in the grave is unknown. However, we did include in the analysis the beads from G. 14 in Râmnicelu (fig. 1/2-7), associated with a pendant (fig. 1/1), which supports the hypothesis that they made up a necklace.

As a result, the number of graves from the first stage of Sarmatian diffusion in Wallachia that contained adornments as inventory has dropped to fourteen. The most frequent adornments are the beads worn around the neck – eight graves (Râmnicelu G. 3, G. 9, probably also G. 14, Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 13, Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 3 and G. 6, Ulmeni G. 4, Măriuţa G. 2). In decreasing order of frequency, the other adornments are the pendants (five structures – Râmnicelu G. 14, Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 15, Ulmeni G. 4, Lehliu, probably also the 'Buzău treasure'), the bead bracelets (Râmnicelu G. 5), the iron chain-link found around the neck (Râmnicelu G. 9), the ring (the 'Buzău treasure' – fig. 7/1) and earrings ('the Buzău treasure' – fig. 7/7). What is important to point out is the total absence of genuine sets of adornments, such as those encountered in graves from the Roman Empire[27]. The only exception, at least for now, is the 'Buzău treasure', where earrings, a ring and, most likely, a necklace (fig. 7/3, 6), were found together. Although pottery and adornments are the most frequent inventory items, they are associated only in surprisingly few cases – namely, four of them (Măriuţa G. 2, Vităneşti, Râmnicelu G. 14, Ulmeni G. 4).

Dress items were found in ten graves: appliqués (five cases – Râmnicelu G. 14, probably also G. 13, Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 3, Vităneşti – fig. 3/2-8, the 'Buzău treasure' – fig. 7/2, 4, 5), brooches (four cases - Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 1 and G. 7 – fig. 2/3, Ulmeni G. 1 – fig. 6/7, Lehliu – fig. 5/2), buttons (Vităneşti – fig. 3/13) and what could be a belt buckle (Râmnicelu G. 7). It is unclear whether the link with knobs from the tumulus burial in Mohreanu (Fig. 1/12) was an adornment or a dress item, since there is no information on the position in which it was found[28].

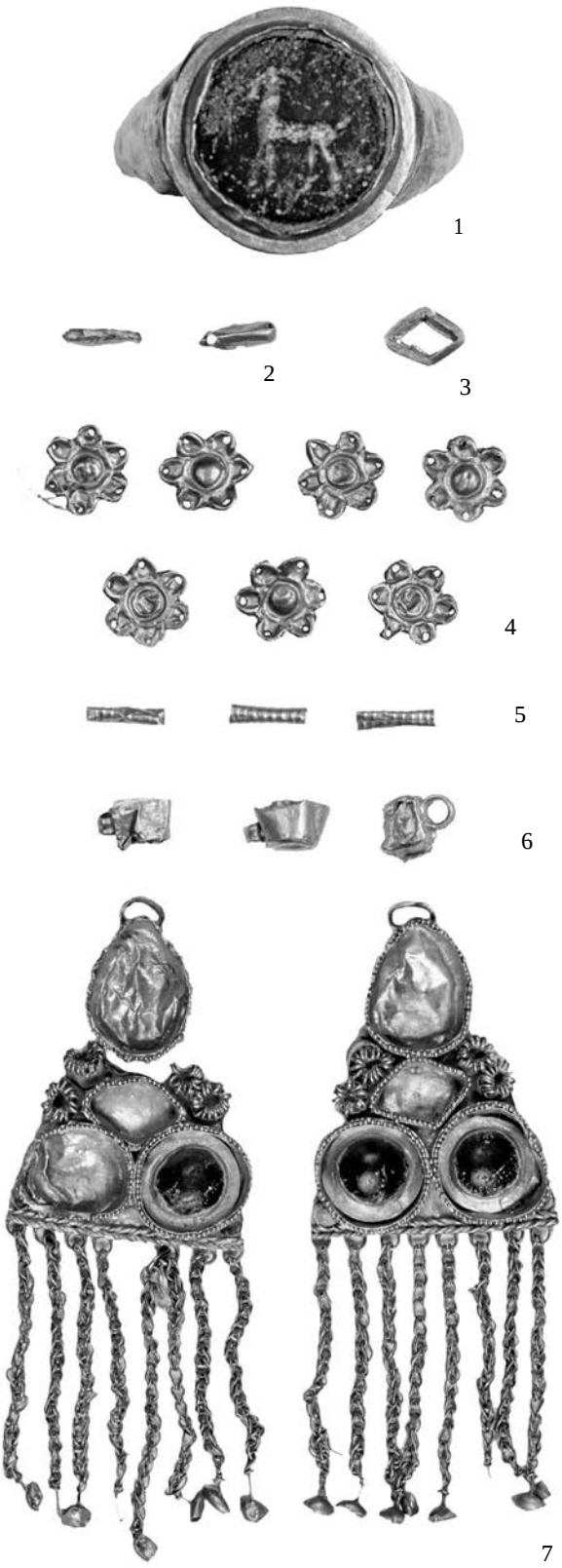


Fig. 7. 1-7. - "Treasure from Buzău" (after Oţa, Oţa 2015).

[27] See, for instance, Oţa 2013, 108-110, 127 (in regard to funerary structures from Moesia Inferior).
[28] Oţa, Sîrbu 2009, 50-51, cat. no. VII A 29.

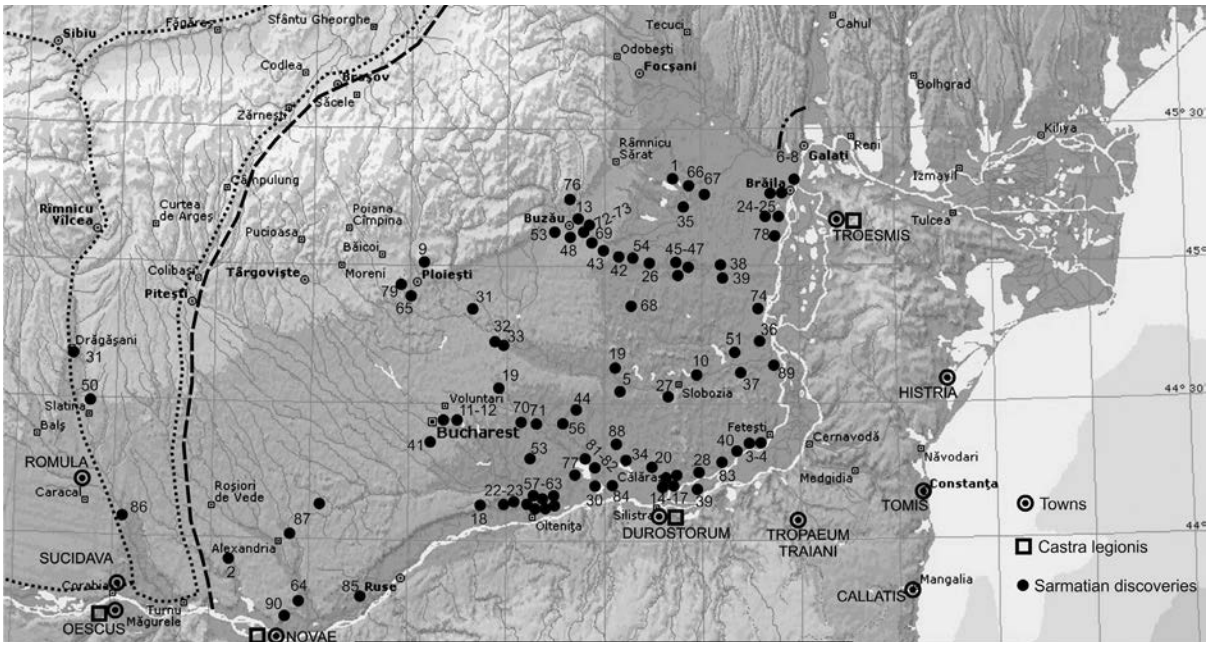


Fig. 8. Sarmatian discoveries in Wallachia

List of localities: 1 - Balta Albă; 2 - Bogdana; 3-4 - Borcea (former Pietroiu); 5 - Borduşelu; 6-7-8 - Brăila; 9 - Bucov; 10 - Bucu; 11-12 - Bucureşti; 13 - Buzău; 14-15-16-17 - Călăraşi; 18 - Căscioarele; 19 - Căzăneşti; 20 - Ceacu; 21 - Cetatea Veche; 22-23 - Chirnogi; 24-25 - Chiscani; 26 - Cireşu; 27 - Ciulniţa; 28 - Coslogeni; 29 - Grădiştea-Coslogeni; 30 - Dorobanţu; 31 - Drăgăneşti; 32-33 - Dridu; 34 - Gălăţui; 35 - Grădiştea; 36 - Gura Ialomiţei; 37 - Hagieni; 38-39 - Însurăţei; 40 - Jegălia; 41 - Jilava; 42 - Jugureanu; 43 - Largu; 44 - Lehliu; 45-46-47 - Lişcoteanca; 48 - Luciu; 49 - Măriuţa; 50 - Mărunţei; 51 - Mihail Kogălniceanu; 52 - Mihăieşti; 53 - Moisica; 54 - Mohreanu; 55 - Nana; 56 - Nicolae Bălcescu; 57-58-59-60-61-62-63 - Olteniţa; 64 - Păuleasca; 65 - Ploieşti-Triaj; 66 - Racoviţa; 67 - Râmnicelu; 68 - Roşiori; 69 - Ruşeţu; 70 - Săruleşti; 71 - Săndulita; 72-73 - Smeieni; 74 - Spiru Haret; 75 - Stejaru; 76 - Sudiţi; 77 - Sultana; 78 - Tichileşti; 79 - Târgşor; 80 - Ulmeni; 81-82 - Ulmu; 83 - Unirea; 84 - Vărăşti; 85 - Vedea; 86 - Viespeşti; 87 - Vităneşti; 88 - Vlad Ţepeş; 89 - Vlădeni; 90 - Zimnicea.

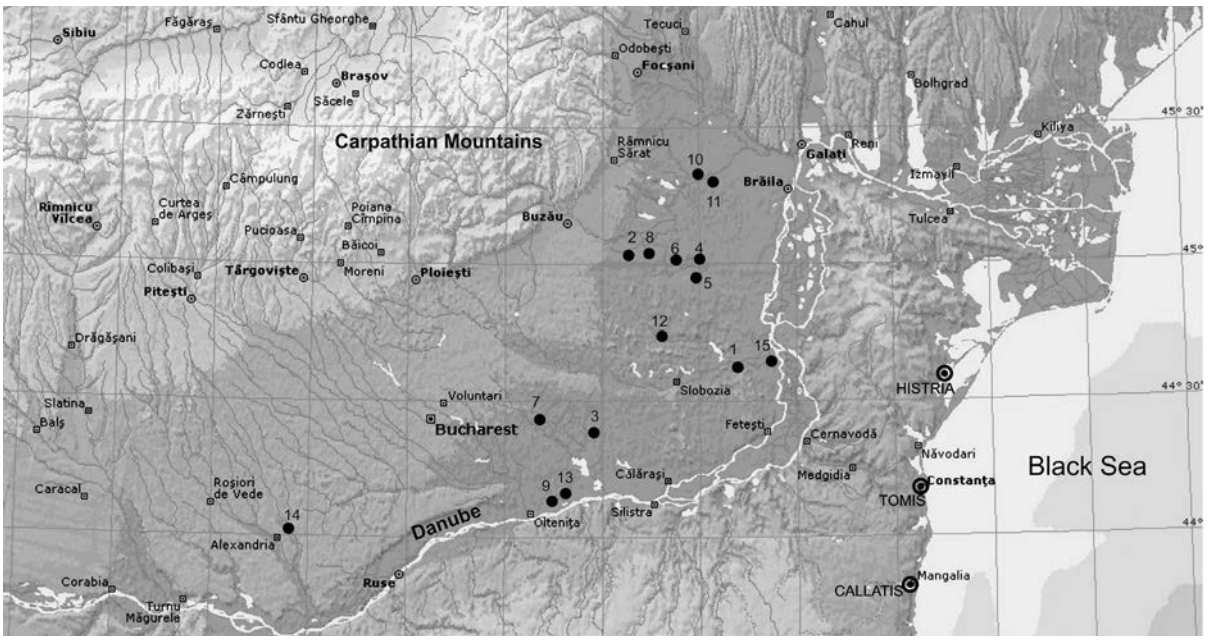


Fig. 9. The early settlement of Sarmatians in Wallachia.

List of localities: 1 - Hagieni; 2 - Jugureanu; 3 - Lehliu; 4 - Lişcoteanca-*Moş Filon*; 5 - Lişcoteanca-*Movila din Baltă*; 6 - Lişcoteanca-*Movila Olarului*; 7 - Măriuţa; 8 - Mohreanu; 9 - Olteniţa-Fundeneanu; 10 - Racoviţa; 11 - Râmnicelu; 12 - Roşiori; 13 - Ulmeni; 14 - Vităneşti; 15 - Vlădeni.

Although their percentage is not actually that large (18.51%), weapons play an important part among grave-goods in the first-stage Sarmatian graves, particularly when taking into account the low numbers of items in the inventory in general, as well as the reduced typological diversity of the items deposited with the dead. In regard to the analysis of the graves with weapons, we will highlight, from the beginning, some aspects which are not definite. The funerary structure in Roşiori, where the sword fragments were recovered, is not, in fact, clearly belonging to the first wave of Sarmatian finds in Wallachia. Other three graves (Lişcoteanca-*Movila din Baltă* G. 6, Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 15 and G. 8) have yielded arrowheads. The deposition of just one arrowhead in each of these three graves raises some questions whether those items are meant as weapons. However, the placing of very few arrowheads (one or two) was noticed also in burials from North-Pontic area (Simonenko 2001, 197; Симоненко 2015, 111-112), but more so for funerary structures from the Carpathian Basin, where the total number of finds is very low (Istvánovits, Kulcsár 2001, 153; Istvánovits, Kulcsár 2014, 143-144, 148). If we take into account the structure in Roşiori and the two graves with arrowheads (Lişcoteanca-*Movila din Baltă* G. 6 and Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 15), but rule out G. 8 in Lişcoteanca-*Movila Olarului* (the arrowhead was found between the ribs, which could indicate the cause of death, and not necessarily an intentional placement), then the number of graves where weapons were deposited goes up to ten. Except for the aforementioned arrowheads, daggers were placed in five graves, particularly on the right-hand side (*Lişcoteanca-Moş Filon* G. 1 – fig. 2/2, G. 2, G. 7 – fig. 2/5, Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 17 – fig. 2/7), and more rarely on the left-hand side (Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 3), swords, in two cases (Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 7 – fig. 2/6, found next to the right leg, and, probably, in Roşiori) and spearhead (in G. 17 from Râmnicelu, next to the right arm). An essential conclusion can be drawn from this list – placing weapons is not a custom that is present everywhere and in a uniform manner in the case of first-stage Sarmatian graves.

The absence of any type of weapons in the early Sarmatian graves from southern Wallachia is quite visible, as is the concentration of all the funerary structures with weapons in the Brăila Plains. Even here, we see the difference between the cluster from Lişcoteanca-*Moş Filon* (50% of the graves had weapons as grave-goods, and three out of four adults were buried with daggers) and the cluster of sixteen graves from Râmnicelu (a single grave with a spearhead). Although close to Râmnicelu in terms of the number of graves, the cluster from Lişcoteanca-*Movila Olarului* is more similar, insofar as weapons are concerned, to the cluster from Lişcoteanca-*Moş Filon* (out of twelve funerary structures, four had weapons as inventory – two daggers, a short sword, an arrowhead, and to these we might add the ambiguous arrowhead from G. 8, which would raise the number of graves with weapons to five).

Another interesting observation is that only one type of weapon was found in a grave – dagger, sword, spearhead or arrowhead because, so far, one has not found combinations between types of weapons or placing more than one weapon in a grave. Finally, we see some standardization in the associations of inventory items in the case of graves with weapons. The combinations of grave-goods are weapon + pottery, either hand-made (Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 17 – fig. 2/7, 9) or wheel-made, of Roman origin (Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 7 – fig. 2/6, 8). In the Lişcoteanca-*Moş Filon* cluster, the aforementioned combination is supplemented by brooches in G. 1 (together with the weapon and a Roman vessel – fig. 2/1-2) and G. 7 (together with a weapon and a Dacian wheel-made vessel – fig. 2/3-5). The weapon + knife association is registered in three cases: Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 3 (plus the animal bones), Lişcoteanca-*Movila din Baltă* G. 6 and Roşiori, all of the three weapons being of different types. Having the weapon as the sole grave-good characterizes only G. 17 in Râmnicelu and G. 2 from Lişcoteanca-*Moş Filon*, perhaps also G. 8 in Lişcoteanca-*Movila Olarului*. The only unusual inventory is observed in G. 15 from Lişcoteanca-*Movila Olarului*, where the arrowhead was associated with a stone pendant and a bronze item, somewhat similar to a bead (Oţa, Sîrbu 2009, 128).

The association, in three instances, between knives and weapons could justify classifying them as weapons themselves. However, in another two graves, (Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 3 and Lişcoteanca-*Movila din Baltă* G. 3), the knives were found together with beads next to

the neck, or together with a shell, which questions classifying them as weapons. The position of the possible sword and the knife in Roşiori is unknown, but the position of the inventory items in G. 3 from Lişcoteanca-*Movila Olarului* shows an interesting disconnection between the dagger, whose placement on the left-hand side of the dead is abnormal (given the other four examples in the Brăila Plains) and the knife placed on the right-hand side, same as the weapons in the aforementioned four cases. The animal bones were also found on the right-hand side, same as the knife, which could point to a tight connection between the animal sacrificed and the knife, as the possible implement for the sacrifice. In G. 6 from Lişcoteanca-*Movila din Baltă*, both the arrowhead and the knife were found on the left-hand side, next to the *humerus* and the ribs. Placing the knife on the left-hand side seems to be a custom of the community that buried its dead in Lişcoteanca-*Movila din Baltă* (G. 6 and G. 3). Placing the knife on the right-hand side is attested in G. 3 from Lişcoteanca-*Movila Olarului* (next to the palm) and in G. 3 from Lişcoteanca-*Moş Filon* (next to the elbow).

The spindle-whorls come from two graves – Olteniţa-*Fundeneanu* and Râmnicelu G. 16, and in each case they were associated with hand-made pottery (spherical vessel and jar, respectively).

Rarely seen in the inventory of graves from the first stage of Sarmatian diffusion in Wallachia are shells (three instances – two in Râmnicelu, one in Lişcoteanca-*Movila din Baltă*), chalk (two graves – Râmnicelu G. 3 and G. 6, each time associated with shells), animal bones (two funerary structures – Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 3 and Vlădeni), charcoal (Râmnicelu G. 9), harness items (Vităneşti – fig. 3/17, 19-21) and casket clasp (Mohreanu – fig. 1/11).

The Roman imports play a significant role in the inventory of the graves hereby analysed. Roman pottery, whose extremely diverse typology was presented in detail before, was found in six graves (Râmnicelu G. 14 – fig. 1/8, Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 7 – fig. 2/8, Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 1 – fig. 2/1, Ulmeni G. 2, G. 4, Vităneşti). Other important items are the brooch in G. 1 from Ulmeni (fig. 6/7), the gold pendant from G. 14 in Râmnicelu (Fig. 1/1), the casket clasp from Mohreanu (fig. 1/11), perhaps also the link with knobs from the same structure (fig. 1/12) and the bronze appliqué from G. 3 in Lişcoteanca-*Moş Filon*[29].

Glass beads, which cannot be attributed exclusively to Roman workshops, were found in twelve structures: Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 3 and G. 6, Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 13, Râmnicelu G. 3, G. 5, G. 9, G. 14 – fig. 1/2-7, Mohreanu – fig. 1/10, Ulmeni G. 1-2, G. 4-5, Vităneşti (fig. 3/1). Whether we take the glass beads into account or not, there are not many early Sarmatian graves with inventory items of Roman origin – eight / nine or twenty-one / twenty-two (a percentage of no more than 16.66%, which would go up to 40.74% if we take the glass beads into account). Given their proximity to the *limes*, which would be an area very favourable to trade, this rather low percentage is surprising. However, we must be cautious when assessing the relations between the Roman Empire and the Sarmatians in Wallachia based solely on the finds – we only know the tombs, not the settlements of the Sarmatians in this region. In fact, the graves might offer just a narrow view, limited to the funerary use, of the Roman imports, which might not necessarily correspond with what would be revealed by studying some settlements, even seasonal ones. Even if they are selected for inclusion in funerary inventories (and, therefore, are removed from the 'everyday service') (Forest 1998, 247), the Roman objects found in the first-stage Sarmatian graves can shed some light, partial though it may be, on the image of the Sarmatian communities established in Wallachia beginning with the first century AD, an image which still has many unknowns. Six graves contained a single item of Roman origin – pottery (Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 7, Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 1), perhaps some glass beads (Râmnicelu G. 3, G. 5, G. 9, Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 13). When we also take into account the beads and uncertain Roman items (the link with knobs from Mohreanu and the appliqué in G. 3 from Lişcoteanca-*Moş Filon*), the number of graves with more than one Roman item nears the number of funerary structures with a single import item – seven of them. The associations between the Roman items are pottery + beads (Ulmeni G. 2, G. 4, Vităneşti, Râm-

[29] An omega-shaped appliqué was also found near the left-hand elbow of the dead (same as the item in Lişcoteanca-*Moş Filon*) in a tomb (G. 70) from the necropolis of the city of Odessos (for the re-numbering of the grave and previous bibliography, see Oţa 2013, 116).

nicelu G. 14, the latter also containing an imported pendant), beads + brooch (Ulmeni G. 1), beads + appliqué (Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 3), casket clasp + link with knobs (Mohreanu). The fact that the tomb in Vităneşti is covered by a specially-erected mound, and that the one in Mohreanu was arranged in the mantle of a tumulus, support the idea that these are interments for the elite, where it is very likely that the grave-goods also played an important role in marking the status of the dead, particularly in Vităneşti (fig. 3-4). The fact that the pendant in Râmnicelu G. 14 (fig. 1/1) is the only import item made out of gold that is placed in a grave[30], but also one of the few gold items found in the Sarmatian environment from Wallachia, unlike other areas (Istvánovits, Kulcsár 2013, 202), and the fact that it is associated with a Roman bowl (fig. 1/8), perhaps also beads (fig. 1/2-7), could show a privileged access to Roman items, a possible indicator of a status above the other members of the community in question. The combination of Roman pottery with weapons in another two graves (Lişcoteanca-*Movila Olarului* G. 7 – fig. 2/6, 8, and Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 1 – fig. 2/1-2) also suggest privileged access to Roman items, which first passed through the hands of the leaders (or, in any case, of the elite) (Bloemers 1990, 114; Mráv 2005, 333; Przybyla 2011, 236) and were redistributed, eventually, to the warriors in the suite (Krekovič 2011, 83). Except for G. 2 and G. 4 in Ulmeni, the Roman pottery thus appears to be related to a particular status, which it helped to emphasize. Unlike the Roman recipients, the Dacian pottery do not seem to have always played an analogous role of emphasising the status, with the possible exception of the mug (fig. 2/4) from G. 7 in Lişcoteanca-*Moş Filon* (associated with a dagger and brooch – fig. 2/3-5), perhaps also the mug (fig. 4/5-6) in Vităneşti (but not simply because of its presence, in the latter case, but rather as part of a larger inventory – fig. 3/1-21, 4/1-6). There are two more Roman items that join the finds from graves – the glass *unguentarium* and the bronze casserole from Ulmeni (fig. 6/1-2). However, their origin from funerary structures is not definite[31]. The dating of the two items is no exactly circumscribed to the end of the first century AD and the first decades of the following century, because of some details. The stamp on the bronze casserole (fig. 6/2) was erased, which could indicate long use (Oţa, Sîrbu 2010, 192). The dating of the 'candlestick' *unguentaria* covers a rather large period, from the end of the first century AD until the beginning of the third century AD[32]. However, analogies with the glass *unguentaria* from nearby regions can considerably reduce this period. The analysis of the glass vessels found in Tomis led M. Bucovală to conclude that the semi-spherical 'candlestick' *unguentaria*, with a tall cylindrical neck, thinner or thicker, date to the first – second centuries AD (Bucovală 1968, 146). The massive proportions of the glass vessel in Ulmeni (fig. 6/1) are not an argument in favour of dating it to the beginning of the third century AD, because of certain detail differences from the Tomis *unguentaria* with a similar dating, who have their bodies squashed in the maximum diameter area and their necks stretched out at the bottom[33]. *Unguentaria* very similar to the one from Ulmeni are found in the Bosporus region, namely the necropolis from Panticapaeum, where they were dated somewhere between the middle of the first century AD and the middle of the following century[34]. In the case of some imported items, still unique in the Sarmatian environment of Wallachia, the emphasis must not be placed solely on seeking analogies, but also on the meaning of such finds and on the reason such recipients were brought into the area. The presence of the bronze vessel and the glass *unguentarium* in the Sarmatian environment of Wallachia can be explained easier in the context of the first stage, when the Roman goods were playing an essential role for the elite 'self-representation' (Brather 2008, 219, 238), rather than in the context of the second stage, when such products disappear, revealing a change in the manner of displaying the privileged status (Sîrbu *et al.* 2014, 119). The bronze casserole can be classified as 'luxury good' (Pitts 1989, 55), common in the graves of the elite (Magomedov 1995, 133), while the glass *unguentarium* was probably meaningful because of its contents (perfume or scented oil) (Krekovič 2011, 83), as the recipient itself was no more than packaging. Although it concerns main-

[30] J.Pearce (2000) considers the gold jewelry to be a considerable 'energy investment' in a grave.

[31] Oţa, Sîrbu 2010, 192; Sîrbu et al. 2014, 83, no. cat. 41. 2-3.

[32] Isings 1957, 97-98, type 82A1; Bucovală 1968, 97, no. 176, type XLV a.

[33] Bucovală 1968, 120, no. 246, type XLVI; 1991, 198-199, pl. 15 a-b.

[34] Кунина, Сорокина 1972, 165, type II, 1, рис. 5/7, 15 and 10/3, 6, 9.

ly the two aforementioned vessels from Ulmeni, the following observation can also apply to all the types of Roman imports. It is true that the products from the Roman Empire do not always provide a precise dating of the archaeological context in which they were found, probably because the barbarian markets, less demanding than the Roman ones, also accepted out-of-fashion goods, particularly in the later period (Vaday 1982-1983, 168). However, much too often one overlooks the essential fact that some time must elapse between the moment a certain group arrives in a region and the moment it establishes commercial relations with the Roman Empire. Even in territories integrated in the Empire, the Roman items appear in the native settlements after a period of about a generation (Jones 1990, 106). All the more so, for the territories outside the Roman borders, one must take into account a certain period of time, difficult to establish, between the first time a population settles in a particular region and the first graves appear, on the one hand, and the time the group includes Roman items in the daily life or the funerary ritual, on the other. If the import items from a funerary structure are dated to a later period, this does not automatically mean that the *entire* cluster of graves should be dated to that later period as well, because it would be absurd to assume that all the tombs were arranged at the same time, particularly in the case of larger clusters. Thus, funerary structures from the same cluster can mark different moments in the evolution of a community, namely before and after the establishment of trade relations with the Romans. Another distinction is required regarding Roman items, namely between the items obtained by trade in the recently settled region, on the one hand, and the Roman goods that the Sarmatians brought from their areas of origin (particularly the production of north-Pontic workshops, which may have already been under Roman control), on the other[35]. At least insofar as Wallachia is concerned, the structure and analogies of the Roman imports (particularly pottery, perhaps beads, a few dress and adornment items, which are not particularly valuable) from the east, north-east and south of the aforementioned region, indicate that those goods were obtained mostly via local trade across the border (Oţa, Sîrbu 2009, 177; Sîrbu et al. 2014, 116, 118-119). However, we believe is essential that we make a distinction between the time a population moves to another region, before they arrange any funerary structures, and the dating the of the graves of said community, very likely after some time has elapsed, although that time period must be determined on a case-by-case basis[36]. A Roman item dated to the second century AD or even later can, indeed, require that the structure in which it was found be dated somewhere in that period, but it does not automatically indicate the time that the Sarmatians started entering Wallachia, exactly because of the time that should be assumed as elapsed between different moments, most likely in a succeeding fashion, in the history of the community in question – first comes the arrival in a region (itself a long-term process), followed by the first graves and the establishment of trade relations with the Roman Empire or the Dacian communities.

It is exactly because of this misunderstanding of the way in which events took place in time that some early graves attributed to the Sarmatians (Lehliu, for instance[37]), were linked to a short-term diffusion (the result of trade or of Sarmatian attacks against the south-Danubian territories), supposed to have taken place before the actual, long-term inhabitation of said population in Wallachia, which would have happened only during the rule of Emperor Hadrian. Besides the major aforementioned flaw of mistaking the time of arrival in a region with the time the funerary structures were arranged, such a hypothesis also disregards the overall picture of the Sarmatian finds in Wallachia. The assumption of a temporary diffusion might be supported by the very small number of finds dated to the end of the first century AD and the first decades of the following century, but that is not the case (it is only in the Brăila Plains, for instance, that 56.61% of all the Sarmatian finds can be attributed to the first stage of diffusion).

Glass beads also appear in the inventory of graves which represent exceptions in terms of the orientation within the clusters (see *supra*): Râmnicelu G. 3, G. 9, Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 6, Ulmeni G.

[35] Petolescu 2010, 89 is of the opinion that, starting as early as the second half of the first century AD, the Roman control extended over some parts of the north-Pontic coast.

[36] Istvánovits, Kulcsár 2006, 236, emphasises the discrepancy between archaeological material and the literary sources regarding the settling of the Iazygians in Pannonia.

[37] Bârcă 2013, 246; 2015, 38.

5. Another two burials with orientations different from the majority, Râmnicelu G. 1 and Jugureanu G. 1, have as inventories a single vessel (a jar), in G. 7 in Râmnicelu was found a belt buckle and G. 6 from Lişcoteanca-*Movila Olarului* and G. 5 from Lişcoteanca-*Movila din Baltă* did not have gravegoods. In terms of the items placed in tombs, the aforementioned structures do not therefore stand out in any way within their clusters. A possible explanation of these exceptions could be sought in the age differences – four of the eight cases of different orientations are children graves. Even if credible, such a hypothesis explains only partially the choice of a different orientation of the funerary structure, given that all the other four graves belong to adults (Râmnicelu G. 1, G. 7, Lişcoteanca-*Moş Filon* G. 6, Lişcoteanca-*Movila din Baltă* G. 5), but also that there are five children interments in Râmnicelu and two in Lişcoteanca-*Movila Olarului* and Lişcoteanca-*Moş Filon* each that follow the majority orientation rule. As observed previously, when talking about the orientation of the graves, we do not yet have a good explanation for these exceptions. Hypotheses concerning an inferior status or different ethnical origin (Kulcsár 1998, 22, 110) continue to lack viable arguments in the case of the Sarmatian communities in Wallachia.

Another observation on the graves from the first stage of Sarmatian diffusion in Wallachia was also stressed on previously (Oţa, Sîrbu 2010, 193) – the presence of the elite burials, with the status displayed by the presence of jewels and clothes richly decorated with gold appliqués (the 'Buzău treasure'), erecting a mound, depositing a large inventory, including a Roman amphora and clothes decorated with gold appliqués (Vităneşti), interments arranged in older tumuli, the presence of weapons decorated with gold sheet, perhaps also of re-purposed Roman items (Roşiori and Mohreanu), possibly also by an inventory that cumulated several items produced in the Roman Empire (Râmnicelu G. 14).

The last observation regarding the graves from the first stage of Sarmatian diffusion in Wallachia takes into consideration the chronological differences between the burials. Not all of the funerary structures analysed here have identical chronologies. The fifty-three or fifty-four graves are stretched out over time, and there are differences between them, ranging from very short to one or two decades. Within the same stage, which does not contain just one moment, but spreads out over decades, one can see significant differences in the funerary inventory, particularly in the clothes worn by the various dead. These differences may not be connected at all to the chronological stages of a culture (Vaday, Istvánovits, Kulcsár 1989, 110), but instead reflect the age differences between various individuals in a community[38]. Even within the same chronological stage there must have been changes in the material vestiges because of the kind of events that leave their mark on a community – the gradual loss of certain features of the funerary ritual or of items characteristic of the area of origin, the appearance of new items placed in graves, taken over either from the Dacians or from the Romans. The fact that a funerary structure has an inventory consisting solely of items with analogies in the north-Pontic Sarmatian environment, while another grave also contained Dacian or Roman pottery, does not mean at all that the two interments mark two completely different chronological stages. Rather, they show the evolution and changes that can take place, within the same stage, in the material culture and mentality of a community. The 'Buzău treasure' (fig. 7) is, at least at this stage of the research, the earliest Sarmatian burial in Wallachia, a hypothesis also supported by the jewels with analogies in the north-Pontic areas and by the absence of any Roman or Dacian imports (Oţa, Oţa 2015, 549, 565-566). Although she follows the same dressing fashion, the dead in Vităneşti (fig. 3-4) seems to have been buried after the 'Buzău treasure', judging by the Dacian mug placed there (Sîrbu et al. 2014, 131). Another early-dating structure from the first stage is G. 14 in Râmnicelu (fig. 1/1-8) (Oţa, Sîrbu 2009, 187). The high degree of wear on the pendant from Lehliu (fig. 5/1) suggests a somewhat later dating for that interment, sometime in the first half of the second century AD (Sîrbu et al. 2014, 132). What is certain is that G. 7 from Lişcoteanca-*Moş Filon* (fig. 2/3-5) is one of the latest structures from the first stage of Sarmatian diffusion in Wallachia (Oţa, Sîrbu 2009, 188-189).

The similar general features (concentration in the plains, the absence of settlements, the practice

[38] See, for instance, Gáll, Gergely 2004-2007, 27, in reference to the Hungarian communities belonging to the first generation settled in the Carpathian Basin.

of inhumation, placing hand-made pottery and weapons of a particular type, the presence of female elite graves with analogies in a vast space) (Istvánovits, Kulcsár 2011, 201; Mordvintseva 2012, 260-262; Mordvintseva 2014, 50-65), which have justified grouping the inhumation graves appearing in Wallachia beginning with the last decade of the first century AD and attributing them to the Sarmatians, are only a part of the aforementioned phenomenon of Sarmatian diffusion in area around the *limes* of Moesia Inferior (fig. 8). However, the similar features are accompanied by differences in the details, which confer their own personality not only on the different regions concentrating those finds, but also on the clusters from a certain area. These emphasize the changes that took place in time in the funerary behaviour of the Sarmatian communities from Wallachia. Without being an area of high cultural diversity similar to the north-Pontic space (Mordvintseva 2013, 216), the Wallachia of the first three centuries AD appears to be a region of complex interactions between various political forces, some of which are present constantly, which certainly does not mean that their archaeological traces are unchanged over time and rigidly monolithic.

Bibliography

Bârcă 2013: V. Bârcă, The Items in the Sarmatian Grave at Lehliu (Călăraşi County) and its Dating Issue. Ephem-Napoc XXIII, 2013, 243-260.

Bârcă 2015: V. Bârcă, The Reinterpretation of the Sarmatian Finds from the Romanian Plain (I). JAHA 2/1, 2015, 35-71.

Bichir 1971a: Gh. Bichir, Sarmaţii şi pătrunderea lor la Dunărea de Jos. Peuce II, 1971, 135-145.

Bichir 1971b: Gh. Bichir, Les Sarmates sur le territoire de la Roumanie. In: Actes du VIIIe Congrès des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques, Beograd 9-15 septembre 1971, I, Rapports généraux (Belgrad 1971), 275-285.

Bichir 1972: Gh. Bichir, Sarmaţii la Dunărea de Jos în lumina ultimelor cercetări. Pontica V, 1972, 137-176.

Bichir 1977: Gh. Bichir, Les Sarmates au Bas-Danube. Dacia N.S. XXI, 1977, 167-197.

Bichir 1985: Gh. Bichir, Sarmaţii şi relaţiile lor cu geto-dacii. Revista de Istorie 38, 12, 1985, 1164-1177.

Bichir 1996: Gh. Bichir, Date noi cu privire la pătrunderea sarmaţilor în teritoriul geto-dacic (II). SCIVA 47/3, 1996, 297-312.

Bloemers 1990: J.H.F. Bloemers, Lower Germany, Military Organization and its Role in the Study of a Frontier Zone. In: (Eds. H. Vetters, M. Kandler) Akten des 14. Internationalen Limeskongresses 1986 in Carnuntum (Wien 1990), 111-120.

Brather 2008: S. Brather, Acculturation and Ethnogenesis along the Frontier. Rome and the Ancient Germans in an Archaeological Perspective. In: (S. Brather) Archaeology and Identity. Central and East Central Europe in the Earlier Middle Ages (Bucureşti 2008), 209-240.

Bucovală 1968: M. Bucovală, Vase antice de sticlă la Tomis (Constanţa 1968).

Bucovală 1991: M. Bucovală, Découvertes récentes dans les nécropoles de Tomis (I). Dacia N.S. XXV, 1991, 189-199.

Diaconu 1963: Gh. Diaconu, Despre sarmaţi la Dunărea de Jos în lumina descoperirilor de la Tîrgşor. SCIV 14/2, 1963, 323-343.

Diaconu 1965: Gh. Diaconu, Tîrgşor – Necropola din secolele III-IV e.n. (Bucureşti 1965).

Diaconu 1980: Gh. Diaconu, Roxolani sau alani la Dunărea de Jos. SCIVA 31/2, 1980, 275-285.

Forest 1998: J.D. Forest, Pratiques funéraires et jeux symboliques. In: (Eds. Sophie Marchegay, Marie-Thérèse Le Dinahet, J.-F. Salles), Nécropoles et pouvoir. Idéologie, pratiques et interpretations. Actes du colloque Théories de la nécropole antique, Lyon, 21-25 janvier 1995 (Lyon-Paris-Atena 1998), 167-190 (col. Travaux de la Maison de l'Orient méditerranéen 27).

Gáll, Gergely 2004-2007: E. Gáll, B. Gergely, Necropolele şi descoperirile izolate de la Cluj şi realităţile din Transilvania în secolul al X-lea. ActaMN 41-44, II, 2004-2007, 9-39.

Harhoiu 1993: R. Harhoiu, „Tezaurul" de la Buzău – 1941. SCIVA 44/1, 1993, 41-51.

Harţuche 1980: N. Harţuche, Descoperiri sarmatice din zona Brăilei. Istros I, 1980, 191-251.

Isings 1957: C. Isings, Roman Glass from Dated Finds (Groningen-Djakarta 1957).

Istvánovits, Kulcsár 2001: E. Istvánovits, V. Kulcsár, Sarmatians through the eyes of strangers. The Sarmatian warrior. In: (Eds. E. Istvánovits, V. Kulcsár) International Connections of the Barbarians of the Carpathi-

an Basin in the 1st-5th centuries A.D. Proceedings of the international conference held in 1999 in Aszód and Nyíregyháza (Aszód-Nyíregyháza 2001), 139-169.

Istvánovits, Kulcsár 2006: E. Istvánovits, V. Kulcsár, Az elsõ szarmaták az Alföldön (Gondolatok a Kárpát-medencei jazig foglalásról) / The first Sarmatians in the Great Hungarian Plain (Some notes on the Jazygian immigration into the Carpathian Basin). JAMÉ, XLVIII, 2006, 203-237.

Istvánovits, Kulcsár 2011: E. Istvánovits, V. Kulcsár, Satana and Others: Priestesses, Witches and Queens of the Steppe-Region. In: (Ed. D. Quast) Weibliche Eliten in der Frühgeschichte / Female Elites in Protohistoric Europe. Internationale Tagung vom 13. bis 14. Juni 2008 im RGZM im Rahmen der Forschungsschwerpunktes »Eliten« (Mainz 2011), 201-218.

Istvánovits, Kulcsár 2013: E. Istvánovits, V. Kulcsár, The "upper" class of Sarmatian society in the Carpathian Basin. In: (Eds. M. Hardt, O. Heinrich-Tamáska) Macht des Goldes, Gold der Macht. Herrschafts- und Jenseitsrepräsentation zwischen Antike und Frühmittelalter im mittleren Donauraum. Akten des 23. Internationalen Symposiums der Grundprobleme der frühgeschichtliche Entwicklung im mittleren Donauraum, Tengelic, 16.-19.11.2011 (Weinstadt 2013), 195-209 (col. Forschungen zu Spätantike und Mittelalter 2).

Istvánovits, Kulcsár 2014: E. Istvánovits, V. Kulcsár, Sarmatian archery in the Carpathian Basin – revisited. In: (Eds. R. Madyda-Legutko, J. Rodzińska-Nowak) Honoratissimum assensus genus est armis laudare. Studia dedykowane Profesorowi Piotrowi Kaczanowskiemu z okazji siedemdziesiątej rocznicy urodzin (Kraków 2014), 143-149.

Jones 1990: R.F.G. Jones, Natives and the Roman Army: Three Model Relationship. In: (Eds. H. Vetters, M. Kandler) Akten des 14. Internationalen Limeskongresses 1986 in Carnuntum (Wien 1990), 99-110.

Jones 1993: R. Jones, Rules for the living and the dead: funerary practices and social organization. In: (Ed. M. Struck), Römerzeitliche Gräber als Quellen zu Religion, Bevölkerungsstruktur und Sozialgeschichte. Internationale Fachkonferenz vom 18.-20. Februar 1991 im Institut für Vor- und Frühgeschichte der Johannes Gutenberg-Universität Mainz (Mainz 1993), 247-254 (col. Archäologische Schriften der Institut für Vor- und Frühgeschichte der Johannes Gutenberg-Universität Mainz 3).

Krekovič 2011: E. Krekovič, Romans and Barbarians: Some Remarks on Cultural Contact, Influence and Material Culture. In: (Eds. E.C. De Sena, H. Dobrzanska) The Roman Empire and Beyond: Archaeological and Historical Research on the Romans and Native Cultures in Central Europe (Oxford 2011), 81-83 (col. BAR International Series 2236).

Kulcsár 1998: V. Kulcsár, A kárpát-medencei szarmaták temetkezési szokásai / The Burial Rite of the Sarmatians of the Carpathian Basin (Aszód 1998) (col. Múzeumi Füzetek 49).

Luis 2003: J.-Ph. Luis, Les trois temps de l'histoire des élites à l'époque moderne et contemporaine. In: (Eds. M. Cébeillac-Gervasoni, L. Lamoine) Les élites et leur facettes. Les élites locales dans le monde hellénistique et romain (Rome-Clermont-Ferrand 2003), 37-49.

Magomedov 1995: B. Magomedov, La stratification sociale de la population de la culture de Cernjahov. In: (Eds. F. Vallet, M. Kazanski), La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIe siècles. Actes du Colloque International organisé par le Musée des Antiquités Nationales et l'URA 880 du CNRS, Saint Germain-en-Laye, 16-19 mai 1992, (Saint-Germain-en-Laye 1995), 133-137 (Tome IX des Mémoires publiés par l'Association Française d'Archéologie Mérovingienne).

Mordvintseva 2012: V. Mordvintseva, The Dating of Nogaĭchik Barrow and the Cultural Identity of the Elite Burials of the North Pontic Region. Anabasis. Studia Classica et Orientalia 3, 2012, 251-265.

Mordvintseva 2013: V. Mordvintseva, The Sarmatians: The Creation of Archaeological Evidence. Oxford Journal of Archaeology 32(2), 2013, 213-219.

Mordvintseva 2014: V. Mordvintseva, Barbarische Eliten im nördlichen Schwarzmeerraum. Ihr Verhältnis zu Griechen und Römern vom 3. Jahrhundert v. Chr. bis zur Mitte des 3. Jahrhunderts n. Chr. Die Krim. In: Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Eine Ausstellung unter dem Schirmherrschaft der Ministerpräsidentin des Landes Nordrhein-Westfalen Hannelore Kraft und des Botschafters der Ukraine in der Bundesrepublik Deutschland Pavlo Klimkin. In Zusammenarbeit mit dem Archäologischen Institut der Ukrainischen Akademie der Wissenschaften und der Vor- und Frühgeschichtlichen Archäologie der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn. LVK – LandesMuseum Bonn: 4.7.2013 - 19.1.2014 (Bonn 2014), 51-65.

Morintz, Ionescu 1968: S. Morintz, B. Ionescu, Cercetări arheologice în împrejurimile oraşului Olteniţa (1958-1967). SCIV 19/1, 1968, 95-128.

Morintz, Ionescu 1970: S. Morintz, B. Ionescu, Mormintele sarmatice din sud-estul judeţului Ilfov. Studii şi Comunicări Ştiinţifice ale Muzeelor de Istorie 2, 1970 (1971), 37-54.

Mráv 2005: Zs. Mráv, Ein frühkaiserzeitliches Aristokratengrab aus dem Tauriskergebiet. Der Fund 1914 von Polhov Gradec (Slowenien). Communicationes Archaeologicae Hungaricae, 2005, 309-361.

Mustakallio 2005: K. Mustakallio, Roman Funerals: Identity, Gender and Participation. In: (Eds. K. Mustakallio, J. Hanska, H.-L. Sainio, V. Vuolanto) Hoping for Continuity. Childhood, Education and Death in Antiquity and the Middle Ages (Rome 2005), 179-190 (col. Acta Instituti Romani Finlandiae 33).

Niculescu 2003: Gh. Al. Niculescu, Die sarmatische Kultur im Zusammenhang der kaiserzeitlichen archäologischen Funde aus Muntenien – unter besonderer Berücksichtigung der Funde von Tîrgşor. In: (Ed. C. von Carnap-Bornheim) Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus. Internationales Kolloquium des Vorgeschichtlichen Seminars der Philipps-Universität Marburg, 12.-16. Februar 1998 (Neumünster 2003), 177-205.

Oţa 2007: L. Oţa, Sarmaţii din Muntenia şi Imperiul Roman. Analele Banatului S.N., Arheologie-Istorie XV, 2007, 51-55.

Oţa 2013: L. Oţa, Lumea funerară în Moesia Inferior (secolele I-III p. Chr.) (Brăila 2013).

Oţa 2015a: L. Oţa, Câteva observaţii cu privire la importurile romane din mormintele sarmatice din Muntenia. Acta Terrae Fogarasiensis IV, 2015 (forthcoming).

Oţa 2015b: L. Oţa, Observations on the Sarmatian graves in Wallachia in which hand-made pottery was deposited. Thraco-Dacica S.N. VI(XXIX), 2015 (forthcoming).

Oţa, Oţa 2015: L. Oţa, S. Oţa, „Tezaurul de la Buzău" / "The treasure of Buzău". Istros XXI, 2015, 537-576.

Oţa, Sîrbu 2009: L. Oţa, V. Sîrbu, Sarmaţii din judeţul Brăila (Brăila 2009).

Oţa, Sîrbu 2010: L. Oţa, V. Sîrbu, A Few Observations on the Arrival of the Sarmatians in the Wallachia Plain. Eirene XLVI, I-II, 2010, 191-201.

Oţa, Sîrbu 2012: L. Oţa, V. Sîrbu, La céramique dacique dans les tombes sarmatiques de Valachie. Istros XVIII, 2012, 125-163.

Oţa, Sîrbu 2013: Liana Oţa, V. Sîrbu, The Bărăgan in the 1st-3rd Centuries AD: Dacians, Romans, Sarmatians. In: (Eds. V. Sîrbu, R. Ştefănescu), "Necropolises, Cult places, Religion, Mythology" – The Thracians and their Neighbors in the Bronze and Iron Ages, Proceedings of The 12th International Congress of Thracology, Târgovişte, 10th – 14th September 2013, II (Braşov 2013), 289-309.

Oţa, Sîrbu, Matei 2013: L. Oţa, V. Sîrbu, S. Matei, „Male" and „female" grave-goods in Sarmatian tombs found in Wallachia. In: (Eds. V. Sîrbu, S. Matei) Bronze and Iron Age Graves from Eurasia – Gender between Archaeology and Anthropology. Proceedings of the 13th International Colloquium of Funerary Archaeology, Buzău-Romania, 17th-21st October 2012 (Buzău 2013), 325-352 (Mousaios XVIII).

Pearce 2000: J. Pearce, Burial, society and context in the provincial Roman world. In: (Eds. J. Pearce, M. Millet, M. Struck) Burial, Society and Context in the Roman World (Oxford 2000), 1-12.

Petolescu 2010: C. C. Petolescu, Dacia: un mileniu de istorie (Bucureşti 2010).

Pitts 1989: L.F. Pitts, Relations between Rome and the German 'Kings' on the Middle Danube in the First to Fourth Centuries A.D. JRS LXXIX, 1989, 45-58.

Przybyla 2011: M. Przybyla, Migration of individuals in the Roman period. Testimonies of fine female dress in Scandinavia. ActaArch 82, 2011, 227-251.

Simonenko 2001: A.V. Simonenko, Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet. Eurasia Antiqua 7, 2001, 187-327.

Sîrbu et al. 2014: V. Sîrbu, L. Oţa, A. Vîlcu, M. Neagu, V. Oprea, Sudul Munteniei în secolele I a. Chr. – III p. Chr. Sarmaţi, daci, romani (Brăila 2014).

Vaday 1982-1983: A.H. Vaday, Das Gräberfeld der Jazyges Metanastae in Mezőcsát-Hörcsögös. MAInstUngAk 12-13, 1982-1983, 167-187.

Vaday, Istvánovits, Kulcsár 1989: A.H. Vaday, Eszter Istvánovits, Valéria Kulcsár, Sarmatian Costume in the Carpathian Basin. Klio 71/1, 1989, 107-114.

Кунина, Сорокина 1972: Н.З. Кунина, Н.П. Сорокина, Стеклянные бальзамарии Боспора. Труды Государственного Эрмитажа XIII, 1972, 146-177.

Симоненко 2015: А.В. Симоненко, Сарматские всадники Северного Причерноморья. Издание 2-е, исправленное и дополненное (Киев 2015).

Situri sarmatice timpurii în Muntenia

Cuvinte-cheie: sarmaţi, Muntenia, Imperiul Roman, morminte, inventar funerar, importuri romane, ceramică, piese de podoabă, arme.

Rezumat: Studiul de faţă îşi propune să analizeze descoperirile care pot fi puse în legătură cu ceea ce am definit drept prima etapă de pătrundere a sarmaţilor în Muntenia, datată în intervalul care începe în ultima decadă a seco-

lului I p. Chr. şi se extinde şi pe parcursul secolului al II-lea. Descoperirile (53/54 complexe funerare), concentrate cu precădere în sudul, estul şi nord-estul Munteniei, sunt reprezentate atât de morminte izolate, cât şi de grupuri de morminte. Doar 11 morminte sunt plane. Majoritatea complexelor funerare sunt orientate V-E (19 morminte) şi doar 11 sunt orientate N-S. Majoritatea decedaţilor au fost depuşi în poziţia întins pe spate, cu braţele şi picioarele întinse (21 cazuri). Balanţa dintre mormintele aparţinând unor adulţi (24) şi cele ale copiilor (17) este relativ echilibrată. O adevărată constantă a mormintelor din prima etapă de pătrundere a sarmaţilor în Muntenia este reprezentată de numărul mic (între una şi trei piese) de obiecte depuse în fiecare complex. Categoriile pieselor de inventar depuse nu sunt foarte diverse. 14 morminte nu au avut nici un fel de inventar.

Produsele din Imperiul Roman nu pot întodeauna oferi o datare precisă a contextului arheologic în care au fost descoperite. Este normal de presupus un decalaj între momente diferite, foarte probabil succesive în timp, din istoria comunităţilor respective – mai întâi pătrunderea într-o regiune (la rândul ei un proces de durată), apoi amenajarea primelor morminte şi stabilirea relaţiilor comerciale cu Imperiul Roman sau cu comunităţile dacice.

Cele 53 sau 54 de morminte se eşalonează în timp, iar între ele există diferenţe, fie foarte mici, fie mergând până la unul sau două decenii. În cadrul aceleiaşi etape, care nu cuprinde doar un singur moment, ci se desfăşoară pe o durată de câteva decenii, se pot surprinde deosebiri semnificative în ceea ce priveşte inventarul funerar.

Trăsăturile generale asemănătoare (concentrare teritorială în zona de câmpie, absenţa aşezărilor, practicarea inhumaţiei, depunerea vaselor lucrate cu mâna şi a armelor de un tip specific, prezenţa unor morminte feminine de elită cu analogii într-un spaţiu vast) care au justificat gruparea laolaltă a mormintelor de inhumaţie apărute în Muntenia începând cu ultima decadă a secolului I p. Chr. şi atribuirea lor sarmaţilor nu sunt decât o componentă a fenomenului amintit de pătrundere a sarmaţilor în zona *limes*-ului Moesiei Inferior. Caracteristicile similare sunt însă dublate prin deosebiri de detaliu, care dau o personalitate proprie nu numai diferitelor regiuni unde se concentrează descoperirile amintite, ci şi grupurilor dintr-un anume areal, şi care fac perceptibile semnificative schimbări în timp în comportamentul funerar al comunităţilor sarmatice din Muntenia.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. 1-8 - Râmnicelu M.14; 9 - Râmnicelu M. 19; 10-12 - Mohreanu (după Oţa, Sîrbu 2009).

Fig. 2. 1-2 - Lişcoteanca-*Moş Filon* M. 1; 3-5 - Lişcoteanca-*Moş Filon* M. 7; 6, 8 - Lişcoteanca-*Movila Olarului* M. 7; 7, 9 - Lişcoteanca-*Movila Olarului* M. 17 (după Oţa, Sîrbu 2009).

Fig. 3. 1-21 - Vităneşti (1 - după Sîrbu et al. 2014; 2-21 - după Leahu, Trohani 1979)

Fig. 4. 1-6 - Vităneşti (după Sîrbu et al. 2014).

Fig. 5. 1-2 - Lehliu M. 1 (după Sîrbu et al. 2014).

Fig. 6. 1-2 - Ulmeni – lângă M. 1-2 - (after Morintz, Ionescu 1968; Bichir 1977); 3-7 - Ulmeni M. 1 (după Morintz, Ionescu 1970).

Fig. 7. 1-7 - „Tezaurul de la Buzău" (după Oţa,Oţa 2015).

Fig. 8. Descoperiri sarmatice din Muntenia.

Fig. 9. Cele mai vechi morminte sarmatice din Muntenia.

Раннесарматские памятники Мунтении

Ключевые слова: сарматы, Мунтения, Римская империя, захоронения, погребальный инвентарь, римский импорт, керамика, украшения, оружие.

Резюме: Данное исследование посвящено анализу находок, относящихся к периоду последнего десятилетия I века н.э. и II века н.э., который мы определили как первый этап проникновения сарматов в Мунтению. Находки (53/54 погребальных комплекса), сосредоточенные в основном в южной, восточной и северо-восточной части Мунтении, представлены как единичными захоронениями, так и группами захоронений. Только 11 захоронений являются бескурганными. Большая часть погребальных комплексов ориентированы по линии З-В (19 погребений), и только 11 ориентированы по линии С-Ю. Большинство погребенных лежат на спине, руки и ноги вытянуты (21 случай). Количество захоронений взрослых (24) и детей (17) относительно сбалансировано. Захоронения, относящиеся к первому этапу проникновения сарматов в Мунтению, представлены небольшим количеством (от одного до трех) предметов, заложенных в каждый комплекс. Инвентарь не отличается разнообразием. 14 погребений являются безынвентарными.

Римские изделия не всегда обеспечивают точную датировку археологического контекста, в котором они были обнаружены. Естественно предположить разрыв между разными периодами в истории этих общин, вполне возможно, последовательными во времени – сначала проникновение в регион (в свою очередь, длительный процесс), затем устройство первых захоронений и установление торговых отношений с Римской империей или дакийскими общинами.

Рассматриваемые 53 или 54 захоронения относятся к разному времени, и разница между ними либо очень мала, либо составляет одно-два десятилетия. В пределах этого периода могут быть отмечены значительные различия в отношении погребального инвентаря.

Общие сходные черты (территориальная концентрация в равнинной зоне, отсутствие поселений, погребения по обряду ингумации, наличие лепных сосудов и оружия определенного типа, наличие «элитных» женских захоронений с аналогиями на обширном пространстве), объединяющие ингумационные захоронения, появившиеся на территории Мунтении с последнего десятилетия I века н.э., и позволяющие отнести их к сарматским, являются частью феномена проникновения сарматов в зону лимеса Нижней Мезии. Однако сходные характеристики дополняются различиями в деталях, которые придают индивидуальность не только разным регионам, где сконцентрированы упомянутые находки, но и группам в пределах определенного ареала, и указывают на значительные изменения, происходившие с течением времени в погребальной практике сарматских общин на территории Мунтении.

Список иллюстраций:

Рис. 1. 1-8 - Рымничелу П.14; 9 - Рымничелу П. 19; 10-12 - Мохряну (по Oţa, Sîrbu 2009).

Рис. 2. 1-2 - Лишкотянка-*Мош Филон* П. 1; 3-5 - Лишкотянка-*Мош Филон* П. 7; 6, 8 - Лишкотянка-*Мовила Оларулуй* П. 7; 7, 9 - Лишкотянка-*Мовила Оларулуй* П. 17 (по Oţa, Sîrbu 2009).

Рис. 3. 1-21 - Витэнешть (1 - по Sîrbu et al. 2014; 2-21 - по Leahu, Trohani 1979)

Рис. 4. 1-6 - Витэнешть (по Sîrbu et al. 2014).

Рис. 5. 1-2 - Лехлиу П. 1 (по Sîrbu et al. 2014).

Рис. 6. 1-2 - Улмень – возле П. 1-2 - (по Morintz, Ionescu 1968; Bichir 1977); 3-7 – Улмень П. 1 (по Morintz, Ionescu 1970).

Рис. 7. 1-7 – «Клад из Бузэу» (по Oţa,Oţa 2015).

Рис. 8. Сарматские находки в Мунтении.

Рис. 9. Древнейшие сарматские погребения в Мунтении.

14.02.2016

Dr. Liana Oţa, Institute of Archaeology “Vasile Pârvan”, 11, H. Coandă str., Bucharest, Romania,
e-mail: loredanaota@gmail.com

Dr. Valeriu Sîrbu, Museum of Brăila “Carol I”, 3, Piaţa Traian, 810153 Brăila, Romania,
e-mail: valeriu_sirbu@yahoo.co.uk

CHRONOLOGY OF SÂNTANA DE MUREŞ-ČERNJACHOV TYPE NECROPOLIS FROM BRĂVICENI, ORHEI DISTRICT

Vlad Vornic

Keywords: Sântana de Mureş-Černjachov culture, Brăviceni, necropolis, chronology, 4th century AD.

As proven by archaeological explorations conducted so far, Sântana de Mureş-Černjachov type sites dating back to Goths migration have an extremely high density between Prut and Dniester rivers, their total number exceeding a thousand. Accidental discoveries, especially systematic or rescue excavations undertaken over the past seven decades in several settlements and cemeteries have provided extensive information to our deeper knowledge of the content of the material culture of the region under consideration.

One of the important and much discussed problems in the literature is dating and periodization of Sântana de Mureş-Černjachov culture. As we know, particularly valuable scientific data for determining the chronology of this type complexes of the central part between Prut and Dniester rivers, but also to elucidate other complicated subjects as the origin and ethnicity of the respective culture bearers, were obtained by large archaeological excavations executed in cemeteries from Budeşti (Рикман 1967; Vornic 2006) and Dănceni (Рафалович 1986). Interesting material to be dated was also provided by other funerary sites in the region, such as those from Mălăieşti (Федоров 1960а, 253-302), Hansca-Lutărie (Никулицэ, Рикман 1973, 116-123), Bălţata (Федоров 1960б, 221-239; Федоров, Рошаль 1981, 89-93, Рикман 1988, 111-132), Petreşti (Kurceatov, Bubulici 2001, 33-37; Kurceatov, Vornic 2005, 87-95), Cealîc (Щербакова 1990, 141-162), Slobozia-Chişcăreni (Levinschi 1997, 117-130; Левинский 1999, 121-166) Ciocîlteni (Levinschi 1994, 21) etc., cemeteries that have been scientifically explored and exploited only partially.

One important object of Sântana de Mureş-Černjachov type, investigated by extended excavation and about which we report in this article, is the cemetery at Brăviceni (Orhei district), along the lower course of the Răut river. Discovered during some building work, the site was investigated in 1977, 1980 and 1981 by rescue excavations coordinated by the late archaeologist Vasile Grosu. Following three archaeological campaigns, a large part of the necropolis was unveiled, exactly an area of 4588 m^2, disclosing 173 (?) tombs and 53 pits (fig. 1), along with about eight burial graves destroyed by urban works. Of the 181 (?) discovered tombs, 180 (?) are burial and only one cremation, revealing the biritual character of this cemetery.

Like other cemeteries of Sântana de Mureş-Černjachov type, the great majority of burial graves in the cemetery of Brăviceni are included in two main ways of orientation, directions W-E and respectively N-S, each having some deviations. The ratio between the two types of tombs are quite different, being in favor of those oriented W-E. Therefore, it was found that out of 160 complexes with specified orientation, 89 were placed on direction W-E and 56 on axis N-S, plus six graves arranged NE-SW, six NW-SE, two SW-NE, two E-W and one S-N.

The only cremation grave (no. 96) found in the necropolis of Brăviceni contained burned human bones filed in a pot, wheel-made of rough paste, placed upside down. It is noteworthy, that the tomb was in the eastern edge of the cemetery, in an area that has not been fully researched (fig. 1).

In this context, it should be mentioned that due to presented rite elements, the complex from Brăviceni finds great similarities with the synchronous necropolis from the Middle Dnieper basin at Žuravka, of which one cremation grave, 71 burial graves oriented W-E, 52 placed N-S and one with E-W orientation were investigated (Сымонович, Кравченко 1983, 65). It is interesting to note, however, that unlike the cemetery at Žuravka, where W-E oriented graves appear grouped in

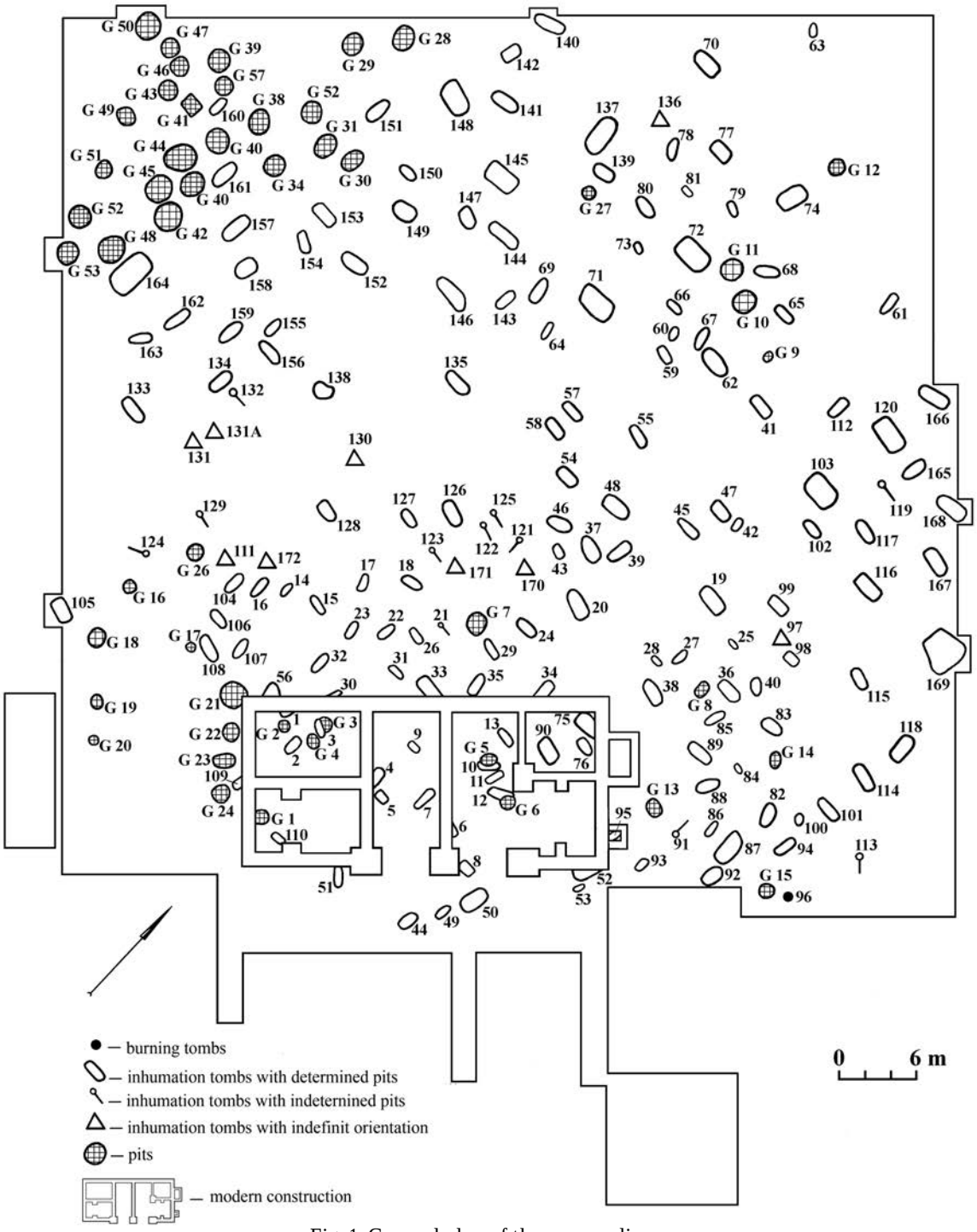

– burning tombs
– inhumation tombs with determined pits
– inhumation tombs with indeterned pits
– inhumation tombs with indefinit orientation
– pits
– modern construction
0 6 m

Fig. 1. General plan of the necropolis.

the western zone (Сымонович, Кравченко 1983, 134, табл. 8/I) at Brăviceni they are spread over the entire surface of the necropolis, like burials with orientation N-S (fig. 1).

Regarding the reported 53 graves from the mentioned cemetery, they were of circular or oval form, with dimensions ranging from 0.32×0.70 and 2.20×2.23 m and contained few archaeological remains (ceramic fragments and animal bones) or lacked altogether inventory. It should be noted that most burials were concentrated in the western edge and in the south sector of the cemetery (fig. 1).

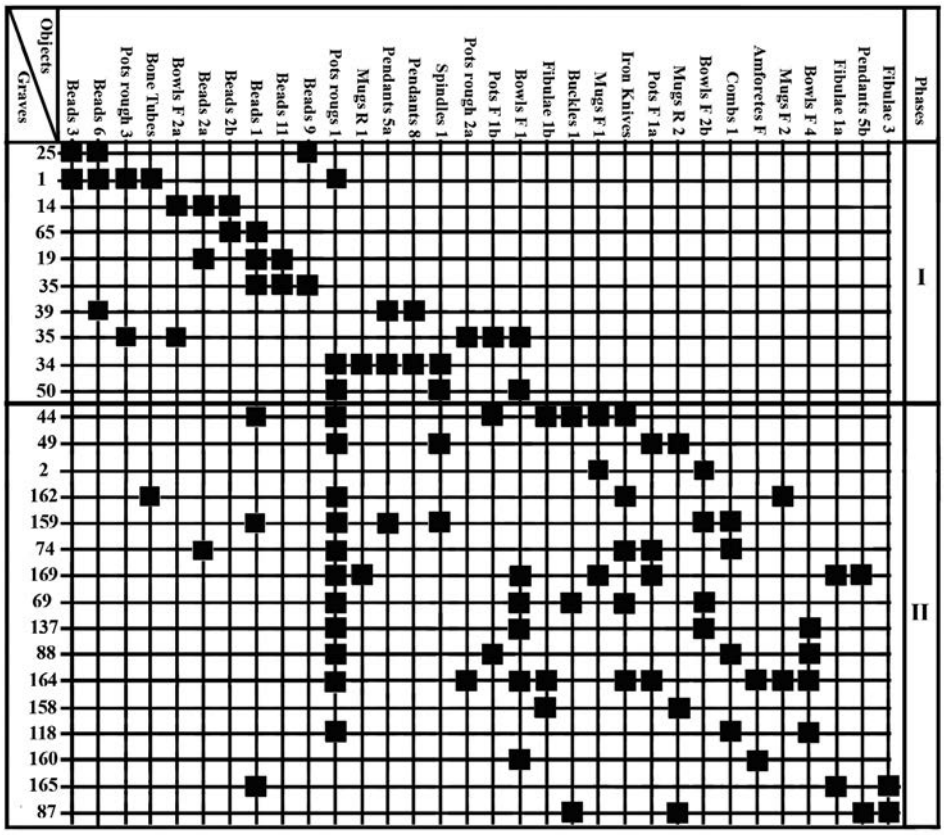


Table 1. Incidence of typological series in graves.

Unlike other complexes of Sântana de Mureş-Černjachov type, inventory found in the necropolis of Brăviceni is poorer, although is varied, comprising over 100 pottery, a glass and fragments of a glass cup (?), four silver coins, 16 bronze or silver fibulae, eight bronze, silver or iron buckles, six bone combs, about 465 glass, coral or carnelian beads, 25 pendants-amulets of metal, glass, shell or bone, three silver or bronze temple rings, seven clay spindle-whorls and a glass one, seven iron knives, two poultry bone tubes, a bronze tweezers, a bronze scissors, an iron padlock (?) and an iron arrow head. Besides, some N-S oriented graves contained animal bones and birds eggshells from food offerings.

The distribution of pottery and other categories of objects in tombs is far from uniform. Rich inventory was present only in few graves, most tombs being poor or completely lack of inventory. It is interesting to note, that of the nearly 100 graves that did not report any item inventory, about 70 were oriented W-E.

Complexes and various categories of inventory, discovered in the necropolis of Brăviceni, were analyzed more or less completely in several recent publications (Grosu, Vornic, Ciobanu 2006, 104-127; Grosu, Vornic 2009, 20-28; Vornic, Grosu 2009, 327-340; Vornic, Ciobanu 2010, 58-80; Vornic 2010a, 189-213, Vornic 2010b, 88-98; Vornic, Ciobanu, Kurceatov 2011, 95-117; Vornic, Ciobanu 2015, 337-344; Ворник, Чобану 2010, 62-90), providing a basis for establishing the internal chronology of this important archaeological object.

We mention, that for chronological ordering of discoveries, we have used the method called "automatic change of matrix", using the program PAST (Palaeontological Statistics), version 2.17c[1]. For determining the types of objects participating in the combinatorial analysis, two basic conditions were respected simultaneously: the presumptive type to be present in at least two closed complexes

[1] When drawing the diagram we were helped by dr. Vasile Iarmuschi whom we thank in this way.

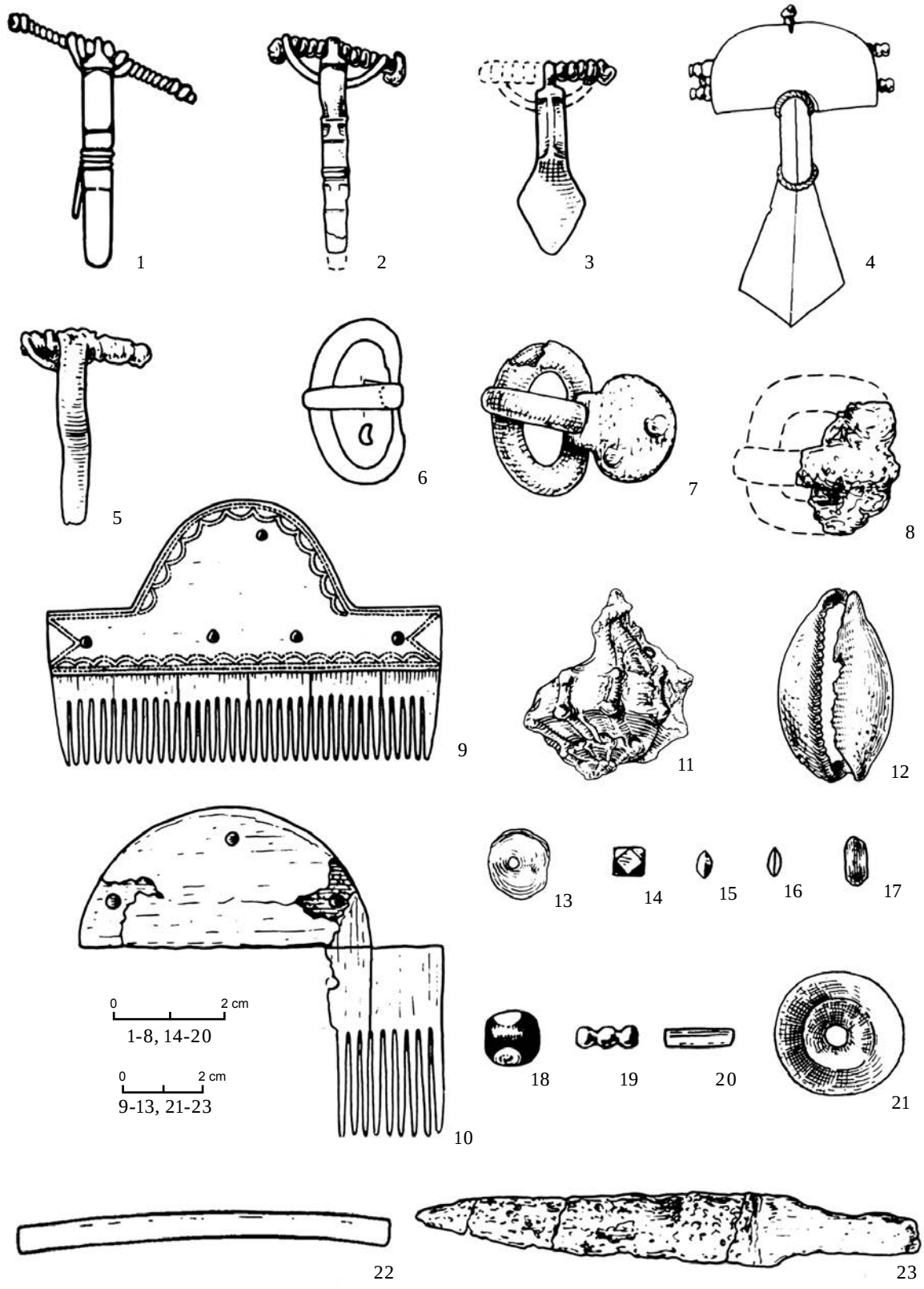


Fig. 2. Fibulae type 1 (1), 1b (2), 2a (3), 2b (5), and 3 (4), buckles tipe1 (6) 2 (7), and 3 (8), bone combs type 1 (9) and 2 (10), pendants-amulets type 5 (11), 5b (12) and 8 (13), beads type 1 (14), 2a (15), 2b (16), 3 (17), 7 (18), 9 (19) and 11 (20), clay spindle type 1 (21), poultry bone tube (22) and iron knife (23) of graves 1 (17), 14 (16), 19 (15, 20), 23 (3), 25 (18, 19), 39 (11, 13), 44 (2), 69 (23), 71 (5, 8) , 74 (15), 82 (10), 87 (4, 6, 12), 88 (10), 162 (22) and 165 (1).

and simultaneously benefit from the combination of at least one of the remaining types of objects in the complexes occurs. We also note that to "save" some types of objects for using in combinatorial analysis, in some cases we used unification of the same form variants (especially pottery).

As a result, the combinatorial diagram (table 1) includes 26 graves (no. 1, 2, 14, 25, 34, 35, 39, 44, 49, 50, 65, 69, 74, 87, 88, 118, 135, 159, 160, 162, 165 and 169) and 32 typological series of objects, namely: bronze fibulae with curved foot, band-shaped body and long spring worked of two / three segments (type 1) (fig. 2/1) or short spring worked of a single piece of wire (type 1b) (fig. 2/2), silver fibulae with a plate and semi-disc (type 3) (fig. 2/4), bronze buckles with oval frame without gasket (type 1) (fig. 2/6), bone combs worked of three rows of plates fastened with bronze rivets, with semicircular handle and straight or oblique wings (type 1) (fig. 2/9), pendants-amulets of sea-shells *Murex brandaris* (5a) (fig. 2/11) and *Cypraea panterina* (type 5b) (fig. 2/12), pendants-amulets of fish vertebrae (type 8) (fig. 2/13), polyhedral or cubical beads of blue glass (type 1) (fig. 2/14), discoid beads of blue (type 2a) (fig. 2/15) and green (2b) glass (fig. 2/16), middle-size glass ring beads (type 3) (fig. 2/17), medium spheroidal glass paste beads with decoration inlaid (type 7) (fig. 2/18), segmented beads of colored glass, overlaid with metal foil (type 9) (fig. 2/19), coral beads (type 11) (fig. 2/20), bifrustoconical clay spindle-whorls (type 1) (fig. 2/21), iron knives (fig. 2/23), bird bone tubes (fig. 2/22), spheroidal-shaped wheel-made pots of rough paste (type 1) (fig. 3/1), slender (type 2) (fig. 3/2) and bifrustoconical pear-shaped vessels (type 3) (fig. 3/3), small (type 1) (fig. 3/4) and medium or large (type 1b) (fig. 3/6) spheroidal wheel-made pots of fine paste, wheel-made mugs of fine paste, with rounded body and funnel-shaped mouth (type 1) (fig. 3/5), mugs of fine paste (type 2) (fig. 3/7), wheel-made frustoconical bowls of fine paste (type 1) (fig. 4/1), tall (type 2) (fig. 4/3) or short (type 2b) (fig. 2) wheel-made bifrustoconical bowls of fine paste, bowls with three handles (type 4) (fig. 4/4), wheel-made amforettes of fine paste (fig. 4/6) and Roman clay mugs with trilobate (type 1) (fig. 5/2) or round mouth (type 2) (fig. 5/3).

The number of complexes contained in the chart is still quite low, the 26 burials representing only 11% of closed complexes discovered in the cemetery at Brăviceni. We remind that about 100 graves are completely lack of inventory and other complexes, graves or pits contain only one piece or broken uncharacteristic ceramic vessel, which did not allow their inclusion in the combinatorial diagram. It is interesting to note, that of 26 tombs contained in the combinatorial chart, 19 are oriented on axis N-S, four have orientation W-E and three are placed on NE-SW direction.

According to the archaeologist O.L. Şovan, who applied, systematically and with revealing results, methods of statistical and combinatorial analysis and the analysis of spread of types to establish the internal chronology of the great cemetery of Sântana de Mureş-Černjachov type from Mihălăşeni, the incidents succession of typological objects series in the combinatorial diagram would indicate – from left to right – their development in time, starting from the first series of types used in the cemetery, also, each typological objects series taken vertically would show the period, when these objects were used by members of the respective community, depending on the fashion fluctuation, aesthetic tastes or conservatism manifested over time (Şovan 2005, 181). On the other hand, the chronological ordering of discoveries took into account the fact, that graves, presenting different combinations of objects types, are not always chronologically determined, they may also represent different, but contemporary social, ethnic, religious or gender groups (Бажан, Еременко 1992, 14-21).

Taking into account the inventory items association in the Brăviceni necropolis complexes introduced in the combinatorial diagram, we highlighted two main groups of tombs that would correspond to two phases of burials. The first group includes 10 complexes, and the second – 16, each group being characterized by certain typological objects series or combinations of them.

For the first group (I) the following categories and types of objects are specific: small disk-shaped green glass beads (type 2b), glass ring beads (type 3), inlaid glass beads of spherical shape (type 7), segmented glass beads coated with a metal foil (type 9), coral beads (type 11), pendants-amulets of fish bones (type 2), bifrustoconical pots made of rough paste on a wheel (type 3) and bifrustoconical high bowls of fine paste worked on a wheel (type 2a). Also, in the graves of this group

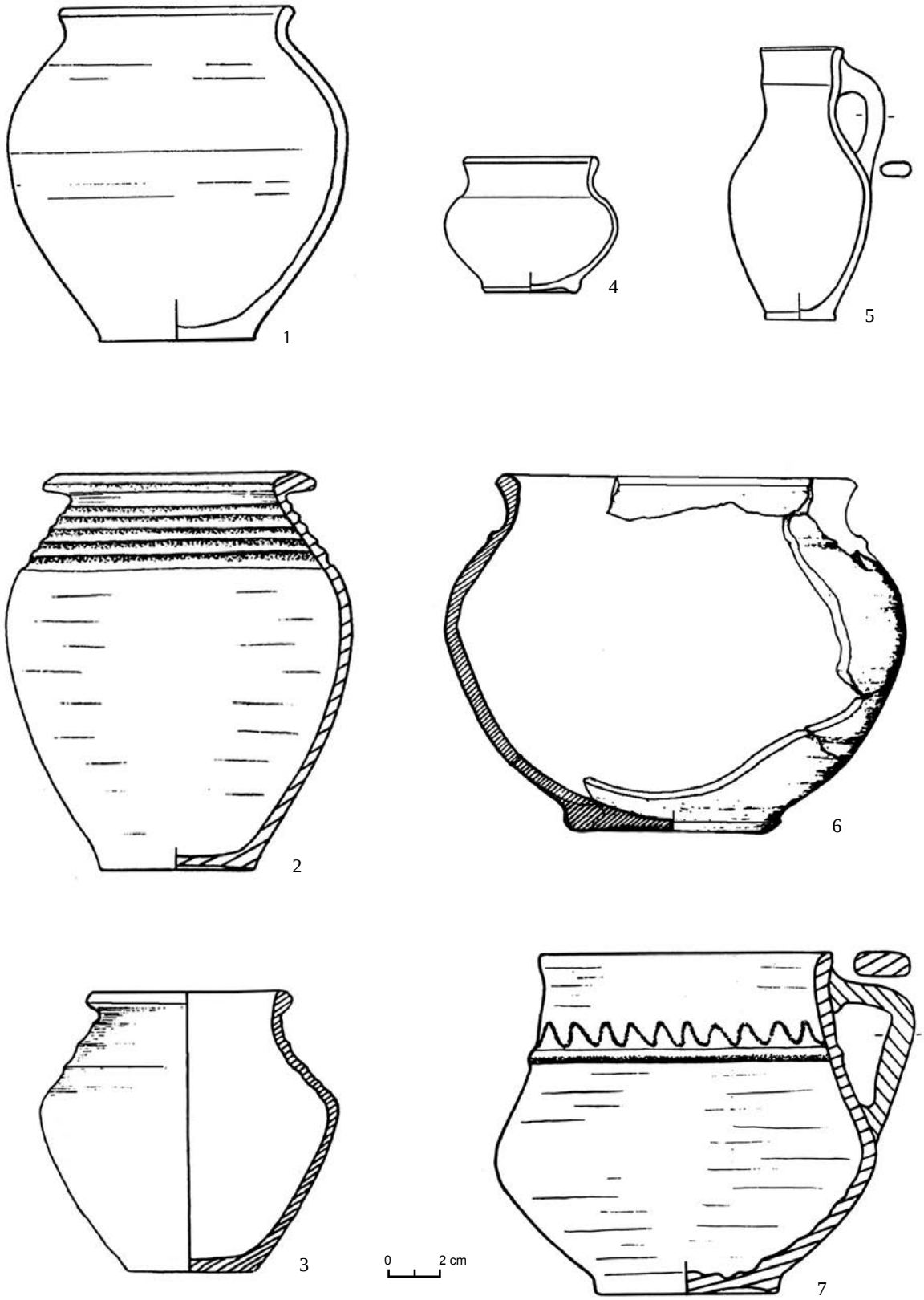


Fig. 3. Pots made on the wheel of rough paste type 1 (1), 2a (2) and 3 (3), pots made on wheel of fine paste type 1a (4) and 1b (6) and cups made on wheel of fine paste type 1 (5) and 2 (7). discovered in graves 35 (3), 44 (5, 7), 74 (1), 162 (2) and 164 (7).

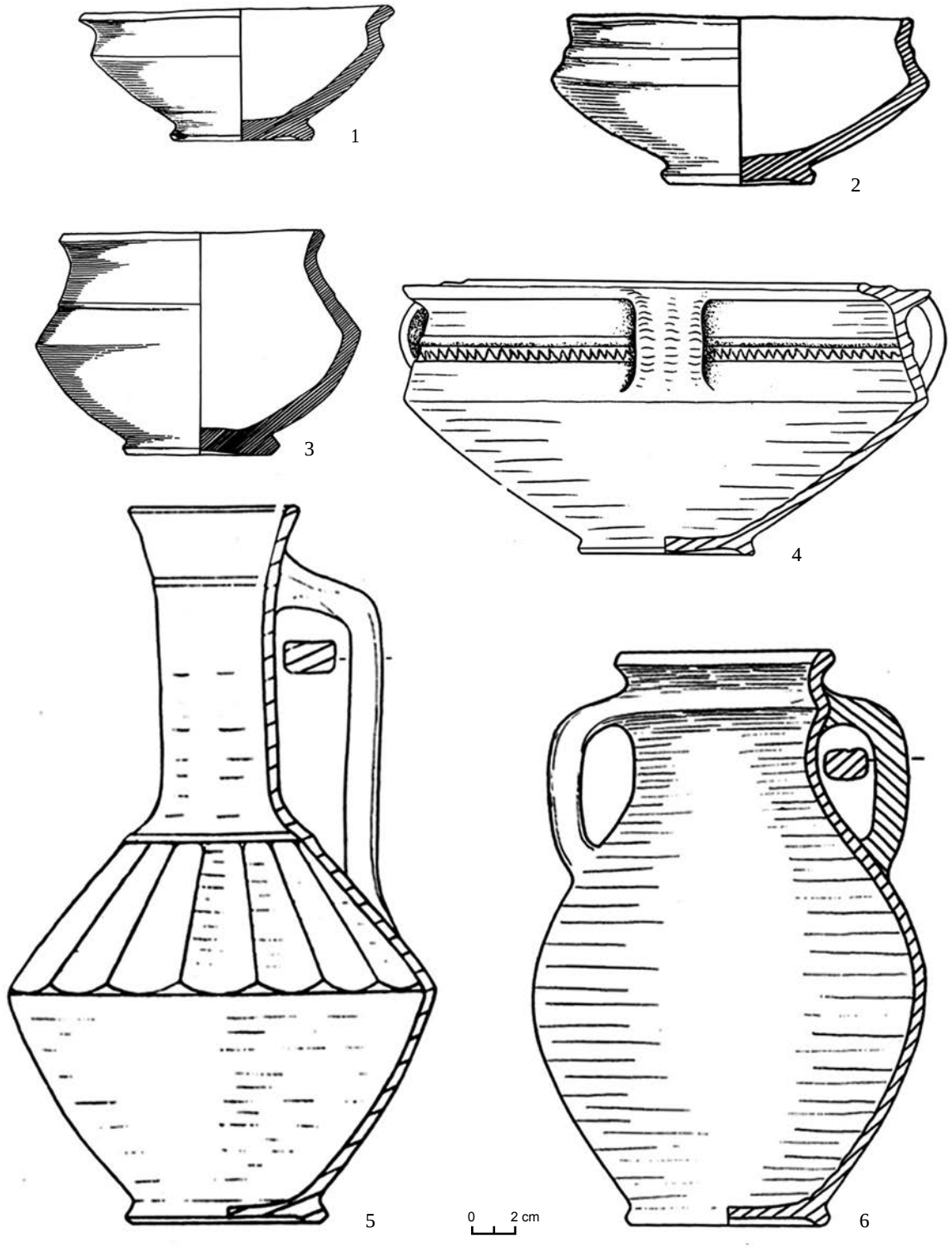


Fig. 4. Bowls made on wheel of fine paste type 1 (1), 2a (3), 2b (2) and 4 (4), mug made on wheel of fine paste type 4 (5) and amphoreta made on wheel of fine paste (6) of graves 2 (2), 14 (1, 3), 114 (5), 164 (4, 6).

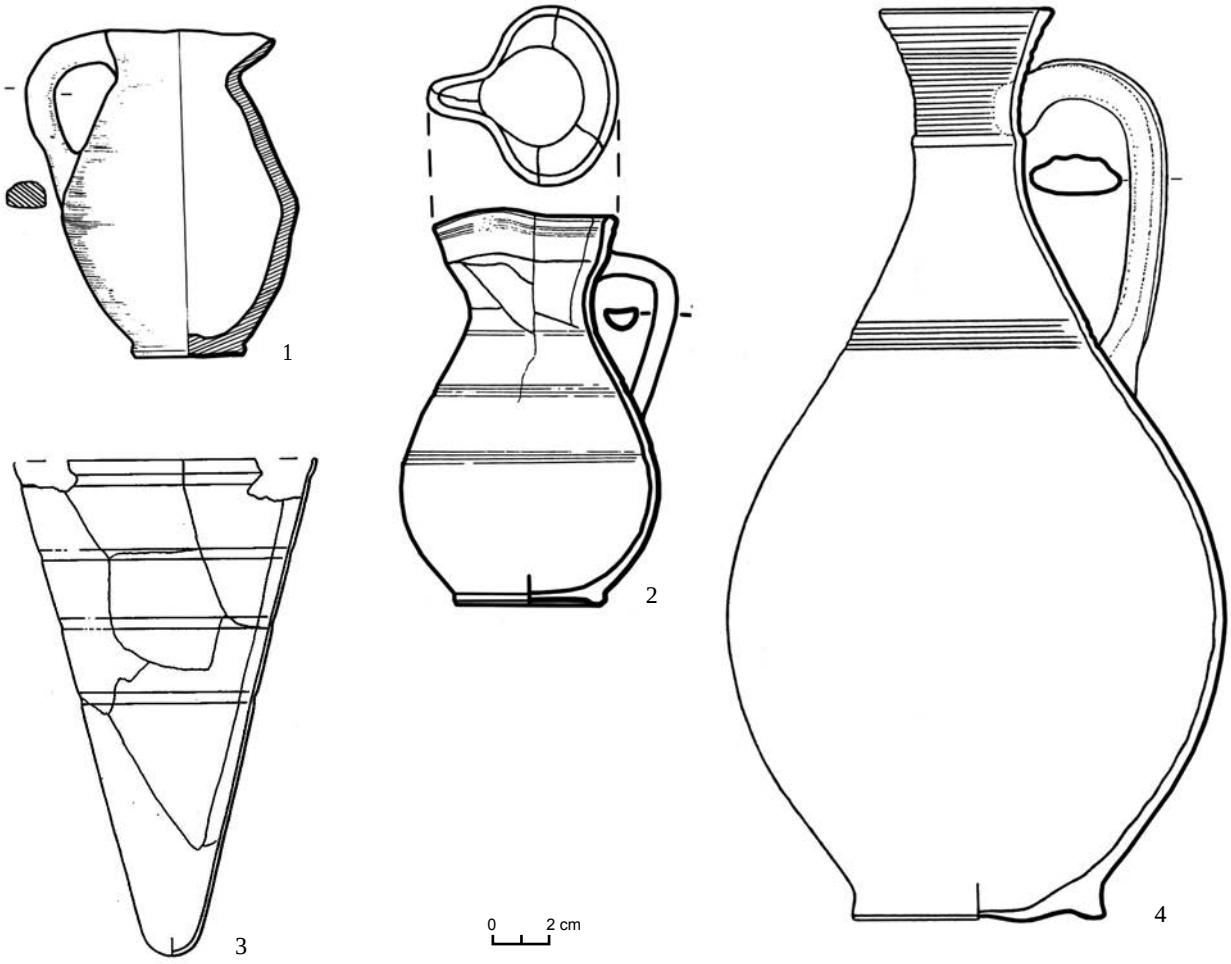


Fig. 5. Mug with trilobite mouth made on wheel of fine paste (1), Roman clay mug of type 1 (2) and 2 (3) and glass cup (4) of graves 68 (1), 87 (3) 108 (4) and 169 (2).

you can see many disc-shaped blue glass beads (type 2) and pendants-amulets of sea-shells *Murex brandaris* (5a).

The second group of graves (II) is characterized by bronze fibulae with curved foot, band-shaped body and a long (type 1) or short spring (type 1b), silver fibulae with a plate and semi-disc (type 3), bronze buckles with oval frame (type 1), bone combs having a semicircular handle and lateral wings (type 1), pendants-amulets of marine shells *Cypraea panterina* (type 5b), iron knives, spheroidal wheel-made small pots of fine paste, (type 1a), bifrustoconical low bowls worked on the wheel of fine paste, (type 2b), bowls with three handles (type 4), wheel-made mugs of fine paste (type 2) with rounded body (type 1) and Roman clay mugs with round mouth (type 2). In these tombs, the majority of wheel-made spheroidal pots of rough paste (type 1) and wheel-made bowls of fine paste having approximately frustoconical shape (type 1) are also present.

Another series of typological elements, namely polyhedral blue glass beads (type 1), bone tubes, clay spindle-whorl of bifrustoconical shape (type 1) and Roman clay mugs with three-lobe mouth (type 1) is present uniformly in both groups of graves.

Noting that the absolute majority of different types of beads appear in the first group of graves and iron knives – exclusively in the second, initially we asked the question, whether the two highlighted groups of complexes represent groups of graves of different sex without chronological relevance. After a closer examination of the chart, however, we realized that all archaeological data[2]

[2] We note in this context that, unfortunately, osteological material found in the necropolis at Brăviceni does not benefited by a corresponding anthropological study.

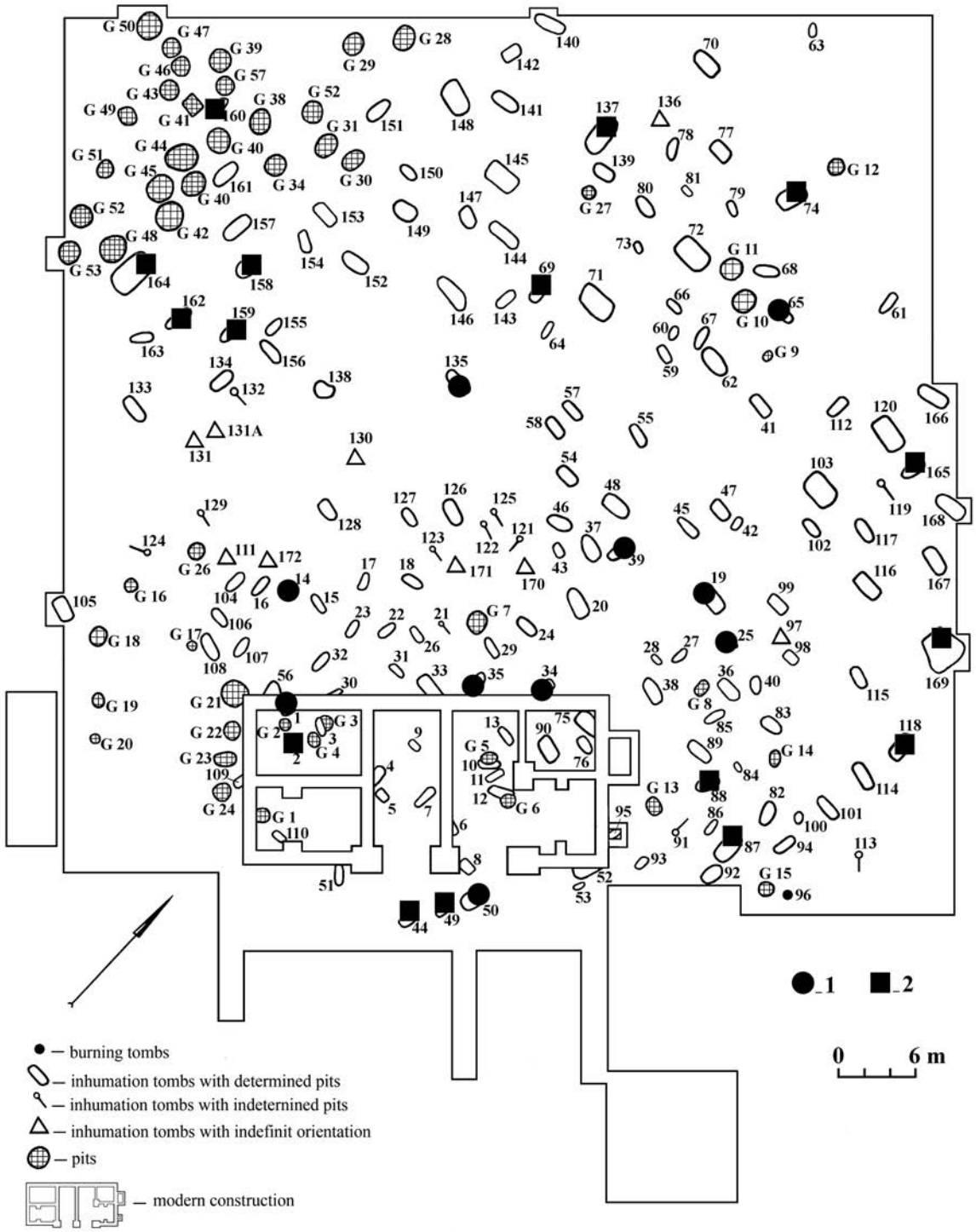


Fig. 6. Graves from phase I (1) and II (2).

refute this hypothesis. First, it should be noted that, judging by inventory, some female individuals are attributed not only graves with necklaces of beads at the top of the combinatorial chart, but most complexes, including the last from the table (no. 87), containing, among others, two silver fibulae with a plate and semi-disc, although it is well known that in Sântana de Mureş-Černjachov communities wearing fibulae in pairs was an exclusively females feature. Secondly, we note that, as proven by the finds so far, iron knives are discovered in Sântana de Mureş-Černjachov cemeteries both in graves of men and women (Tempelmann-Maczyńska 1989, 139; Магомедов

2001, 76; Şovan 2005, 204). For example, at Mihălăşeni from the total of 21 graves with knives in inventory, according to the anthropological determinations, 11 were of men, seven of women and three belonged to children (Şovan 2005, 23-143, 196, 198). As for the Brăviceni cemetery, of the five complexes with iron knives included in the diagram, female persons can be attributed to at least two graves (no. 44 and 74), in which, inter alia, one glass beads necklace was also found. It should also be noted, that spindle-whorls (pieces placed almost without exception in women graves (Şovan 2005, 23-143, 196, 198) appear near the middle of our table with the incidence of typological series of objects, being present uniformly in both groups of graves. Therefore, the two tombs groups, highlighted in the combinatorial diagram, are not of different sex, but correspond to two evolution successive phases of the cemetery from Brăviceni.

Regarding the arrangement of the two groups of tombs in the necropolis plan, we mention that they occupy distinct areas. Tombs of group I, representing the first phase of burials, are grouped almost exclusively in the southeastern part of the necropolis (fig. 6/1). Here, in the initial basic area, eight graves of 10 from group I are found. Two other tombs (no. 65 and 135) are located in the central zone or northeast. It is interesting to note, that both graves are W-E-oriented. We underline in this context that all four graves with W-E orientation meet in phase I, which surprises, because after some comments, the most head-W-oriented graves from Sântana de Mureş-Černjachov cemeteries belong to the late phase of the culture.

Tombs of group II does not appear in the initial area of funerals. Instead, they are spread both in central sectors and on the periphery of the necropolis (fig. 6/2).

Therefore, two groups of tombs contain different areas of burials, which in terms of space are evolving from south-eastern sector towards the center and periphery. This spatial development is likely to confirm the evolution in time of combinations of typological series contained in the chart, thus showing, once again, that the graves of groups I and II are actually two phases of burials.

Unfortunately, the picture rendered by the combinatorial diagram and "horizontal stratigraphy" is not confirmed by the "vertical stratigraphy" data, since none of the complexes involved in the overlapping could be integrated in the combinatorial diagram. We note, in this context, that in the necropolis of Brăviceni three cases of complexes intersection and overlap were reported: 1) grave 3 oriented W-E overlap pit 3; 2) Pit 5 overlaps tomb 10 placed SW-NE; 3) Pit 6 overlap grave 12 oriented W-E.

It is interesting to note that all these complexes are located in the south-eastern part of the necropolis, in an area with burials from the first phase (fig. 6). Undoubtedly, overlaps and penetrations of graves are due to the lasting use of the necropolis land. At such a large number of discovered complexes, however, few cases of overlap were noted, which can be explained by the fact that during the functioning of the cemetery, there was a certain system of marking graves in order not to disturb them.

***

Fixing the chronological limits of the cemetery from Brăviceni and projecting the two phases of the complex development in the absolute chronology is quite difficult. We appreciate, however, that some types of objects can give sufficient guide marks to establish, even roughly, the chronological limits between which this cemetery functioned. Besides, rites and rituals practiced by the community from which antiques from Brăviceni remained provide certain chronological clues.

Before discussing inventory items with chronological value, we do mention that four silver coins (dinars issued by the emperors Trajan, Lucius Verus, Marcus Aurelius and Commodus) discovered in graves 7 and 42, can not be considered, they representing relics. As demonstrated in literature, gold and silver coins had a very long circulation outside the Roman Empire, because of the value of the metal they were made of, being mainly used as pendants as ascertained, at least, in the case of perforated pieces of tomb 42 from Brăviceni.

Among pieces of the inventory, that can be used for dating and periodization of the investigated necropolis, there are fibulae, buckles, combs, beads, pendants, glass recipients and some types of pottery.

If we examine pieces of clothing, firstly fibulae, which are dated more exactly, we find that types,

specific for early phases of Sântana de Mureş-Černjachov culture, are missing at Brăviceni. Like the rest of Sântana de Mureş-Černjachov cemeteries, the best documented at Brăviceni is the type of fibula with leg back and wrapped (type 1, our classification), which comprises eight pieces. Of these, two items are provided with long spring and form version a, while other six have a short spring, crossbow-shaped, forming variant b. Chronologically, fibulae with oblong spring are dated usually earlier, especially in the second quarter of the 4th century AD, while those with short spring are appropriate to stage C_{3b}, corresponding to the third quarter of that century (Ioniţă 1992, 77-79, 82). However, we remind, that at Brăviceni both fibulae type 1a and 1b are characteristic of the late phase of the cemetery functioning.

Fibula type with fixed-clip holder and the type with plate and semi-disc are less represented, each comprising three samples, belonging to two variants. Fibulae chronology with fixed-clip holder (type 2, variants a and b) (fig. 2, 3, 5) is not so well defined, probably because they occur rarely in Sântana de Mureş-Černjachov culture complexes, being dated generally in the IV-th century AD. Graves 23 and 71 that contained fixed-clip holder fibulae were not included in the combinatorial chart. However, taking into account the context in which they were found (the initial sector of burials or in combination with coral beads), we believe that the fibulae with fixed-clip holder from Brăviceni date in the first phase of the necropolis functioning. As for the plate and semi-disc fibulae (type 3), they appear in the chart as the last typological series, representing one of the most important dating elements of the cemetery from Brăviceni. Being well known the fact, that they are specific to late stages of Sântana de Mureş-Černjachov culture, plate and semi-disc fibulae, along with other clues and materials, support fixing the upper chronological limit of the studied cemeteries towards the end of the 4th century or even early next century.

In turn, buckles constitute another class of inventory items that can be dated, although it is generally considered, that their chronological value is smaller than that of fibulae. Moreover, buckles are poorly represented at Brăviceni, being identified only eight such pieces. Most are made of bronze, with oval link, thickened in the front, with or without a threshold (type 1). Chronologically, buckles of this type are dated wider, generally in the 4th century AD. It is interesting to note, that bronze buckles with oval link at Budeşti cemetery occur mainly in the early stage of the complex development (Vornic 2006, 238, tab. 1), while at Mihălăşeni they are characteristic only for the final stage of the cemetery functioning (Şovan 2005, 154, 186, pl. 387). Referring to pieces from Brăviceni, they are dated in the late phase of the complex development. The only iron buckle also belongs to the late phase (type 3) (fig. 2/8), being discovered in tomb 69 in combination with a bronze buckle with oval link, an iron knife and some pottery. As for the bronze buckle with oval link, threshold based spin and circular gasket (type 3) (fig. 2/7), it dates from the first phase. Remember, that the mentioned item was identified in tomb 71 from the central area of the necropolis, along with several pieces of inventory, including two fixed-clip holder fibulae and a necklace made of coral beads. This type buckles are found less often in Sântana de Mureş-Černjachov culture complexes. Among analogies, quote those from Târgşor, dated in the middle phase of the cemetery development (Ioniţă 1986, 297, 302, 316, Taf. 1), and from Mihălăşeni, which are assigned to the late phase of the complex functioning (Şovan 2005, 154, 186, pl. 304, 23; 387).

Bone combs discovered in several graves at Brăviceni also present late forms. Most are pieces with a semicircular handle and straight or oblique wings (type 1), being dated in the late phase of the necropolis existence. In all probability, the comb with a semicircular handle and lateral straight wings, with outer plates made of two pieces, belongs to the same chronological stage (type 2). The evaluation is based on the observation that tomb 82, where in the item has been found, is located in an area with funerals from phase II. We also mention that at Mihălăşeni combs with outer plates made of two pieces are dated exclusively in the late phase of the cemetery development, projected in the Hun period of Sântana de Mureş-Černjachov culture Şovan 2005, 186, 189, pl. 387).

For dating and, especially, ascertaining the lower chronological limits of the Brăviceni cemetery, some kinds of beads, such as small discoid glass beads (type 2b), rings (type 3), spheroidal with decoration inlaid (no. 7) and segmented covered

with a metal glass (type 9) and coral foil (type 11), which are found exclusively in the first phase of the complex existence, turn out to be important. According to researcher O.V. Gopkalo, the author of a monograph devoted to beads and pendants of Černjachov culture, these types of beads are specific for the second or third quarter of the IV-th century AD (Гопкало 2008, 28-29, 45-47, 77, 106, 108, табл. II; IV; 3, 1). Referring to polyhedral blue glass beads, which are the most numerous in the necropolis of Brăviceni and appear uniformly in both phases of the functioning of the complex, they are dated by the author in a late phase of Černjachov culture, corresponding mainly to the third quarter of the IV-th century AD and synchronize, among others, with large conical glasses (Гопкало 2008, 41, 108-109, табл. 3/1, рис. 3/4). According to our observations, however, this narrow dating does not fully correspond to reality. For example, in the vast necropolis of Mihălăşeni it turned out that conical glasses date back only to the late phase of the cemetery existence, projected by O.L. Şovan in the latter part of the IV-th century AD and early next century, while polifacetted glass beads have a greater period of use, beginning with the middle phase until the final stage (graves 313, 333, 378, 409 and 477) (Şovan 2005, 158, 190, pl. 387). A similar situation occurs in the synchronous necropolis from Budeşti, where conical or tronconic glasses decorated with hexagonal facets are specific only to the final stage and polyhedral glass beads appear from the end of phase I and continue to be in use until the last step of the cemetery development (Vornic 2006, 208, 237-240, 462, tab. 1). It is important to emphasize that this broader dating of polyhedral blue glass beads is confirmed by discoveries of Roman-Byzantine necropolis from Mangalia, where beads of this type were found in graves (no. 15, 53, 356), alongside with imperial bronze coins issued in the period 330-375 year (Preda 1980, 56-57, 86, 89, 114).

Another important group of objects is the pendants-amulets, pieces that have a lower frequency than the beads in graves, but are of rather varied shapes and materials. The combinatorial diagram could include only pendants-amulets of sea-shells *Murex brandaris* (5) (fig. 2/8) and *Cypraea panterina* (type 5b) (fig. 2/9) and pendants-amulets of vertebrae of fish (type 8), the latter falling in the first phase, those of sea-shells *Cypraea panterina* in the second phase and type 5 pendants in the chronological interval between the last part of phase I and the first sequence of phase II. Other types of pendants discovered at Brăviceni are also dated differently. Thus, the iron pendant-bucket (type 2), claw-shaped blue glass pendant (type 3) and medallion-shaped bone pendant (type 7) are assigned to the first phase, since they were discovered in graves (no. 1 and 34) that could be integrated in the chart, being exactly dated in phase I. On the other hand, the two pyramidal bone pendants (type 7) come from a grave (no. 159) dated based on other inventory pieces in phase II. In all probability, silver coins from the reign of emperors Aurelius Marius (161-180 AD) and Commodus (179-180 AD), discovered in the tomb 7, are attributed to the late phase too. Our appreciation is based on the fact, that respective tomb also contained a miniature spherical pot wheel-made of fine paste (type 1), which is specific to phase II of the cemetery functioning. Regarding the two perforated silver coins from the reign of emperors Trajan (98-117) and Lucius Verus (161-167), like the hatchet-shaped silver pendant (type 1) and jug-shaped glass pendant (type 4), they can not be dated with precision, because they were found in graves (no. 7, 64 and 67) not included in the combinatorial chart and do not contain chronologically relevant inventory items. We mention in this context that, according to O.V. Gopkalo, types of pendants identified at Braviceni are dated mainly in the middle third and in the second half of the 4th century AD (Гопкало 2008, 43, 54-55, 63, 78-90, 97, 106, 108).

From the late discoveries of the Brăviceni cemetery, a glass cup with thin walls (fig. 5/4) from grave 108, oriented on W-E, is to be mentioned. According to specialists, this type of glasses of Sântana de Mureş-Černjachov culture chronologically must be attributed to the second half of the 4th century and early 5th century (Kazanski, Legoux 1988, 24, 25, 28, no. 42; 56; G. Gomolka-Fuchs 1999, 135; Гавритухин 2000, 265-269). It is interesting to note, that graves with conical glass cups from Târgşor (no. 195) and Mihălăşeni (no. 376) cemeteries were dated in the final stages of the development of complexes (Ioniţă 1986, 305; Şovan 2005, 165, pl. 387).

Finally, ceramics, whether local or imported, can be considered late as forms and technical. Regard-

ing handmade pots, it must be pointed out that pots of Germanic tradition with bent inward edge, dated in the early stages of Sântana de Mureş-Černjachov culture are missing at Brăviceni. Instead, there are present few spheroidal edge-splayed pots, characteristic of later phases of that culture (Vornic, Ciobanu, Kurceatov 2011, 96, 97). Unfortunately, complexes with such pots (graves 61 and 93) could not be included in the combinatorial analysis to be dated accurately. A very important element for determining the upper chronological limit of the Brăviceni cemetery is a wheel-made of fine gray paste cup with cylindrical neck and bifrustoconical body, decorated on top with vertical facets (fig. 4/5) from grave 114, located in an area with graves from phase II. We mention in this context, that three cups called of "Čistilov type" were identified in the necropolis of Mihălăşeni, all being dated in the late phase of the complex development (Şovan 2005, 31, 79, 116, 189, pl. 34, 7; 134A, 2; 210, 10). It seems, that a mug of fine gray paste with trefoil mouth (fig. 5/1), discovered in tomb 68 from the northern sector of the necropolis, is dating from the late phase. Appreciation is based on the fact, that this type vessel (type 8 after O.L. Şovan's classification) at Mihălăşeni was enclosed without exception in the last phase of the cemetery functioning, corresponding to the last decades of the 4th century AD and possibly the beginning of the next century (Şovan 2005, 169, 185-190, pl. 387).

In all probability, most discovered graves in the necropolis of Brăviceni are attributed to the late phase. Respective chronological placement is based on the ascertainment that the great majority of tombs are massed on the eastern edge of the cemetery, where graves are met without exception belonging to phase II. In addition, we note that a pit (no. 52) could be certainly dated in Phase II based on fragments of a bowl with three handles, which is specific to this final chronological level.

Some indices for dating and periodization of the Brăviceni cemetery are provided by funerary customs practiced by the community, which left the studied remained antiques. As recent research shows, burial rites and rituals used by carriers of Sântana de Mureş-Černjachov culture have undergone profound changes over the evolution of that culture. If early the funerary practice predilection was cremation, then in later stages – inhumation, in medium phases N-S-oriented graves are predominant, often provided with offerings of food and drinks (represented by vessels and animal bones), but in the late phase W-headed graves are predominant, generally free of inventory (Ioniţă 1989, 159-183; Ioniţă 1995, 259-261; Ioniţă 2001, 622-625; Şovan 2005, 185-190; Vornic 2006, 239, 241). By some estimations of I. Ioniţă, the first W-E-oriented burials in cemeteries of Sântana de Mureş type appear around the middle of the 4th century, becoming increasingly common in the coming decades, especially towards the end of this century and the next century (Ioniţă 1995, 261).

As we already mentioned, of the 181 graves discovered at Brăviceni cemetery one is cremation and 180 are inhumation, among them prevailing W-E-oriented complexes. In light of these data, the necropolis in question appears as one of the late objectives of the Sântana de Mureş-Černjachov culture throughout its area of distribution. In all likelihood, most of the W-E- oriented tombs in the cemetery at Brăviceni date in the late phase of the development of the complex, although the four funerals with orientation W-E (no. 19, 25, 65 and 135), contained in the combinatorial analysis, belong to the first phase. Our opinion is based on the late dating of W-E-oriented graves, found in other cemeteries of Sântana de Mureş-Černjachov type and observation that at Brăviceni graves to which we refer are placed not only in the initial area, but are spread relatively even on the entire necropolis surface. In addition, remember that two of the later inventory pieces of the Brăviceni cemetery, namely a conical glass cup and a cup of fine gray paste with faceted decor, were found in graves oriented W-E.

Taking into account all discussed elements, we consider that the lower chronological limit of the cemetery from Brăviceni could be established somewhere in the second third of the 4th century and the upper chronological limit – the end of the 4th century or early next century. As for the time duration of the two phases of cemetery evolution, considering the picture presented by the combinatorial diagram, we think that phase I was shorter, ending perhaps until the Huns invasion, and Phase II, which included a larger number of graves, covered the last part of the 4th century, possibly the first two decades of the 5th century.

Bibliography

Gomolka-Fuchs 1999: G. Gomolka-Fuchs, Gläser der Sântana de Mureş-Černjachov-Kultur aus Rumänien und der Republik Moldavien. In: (Ed. G. Gomolka-Fuchs) Die Sântana de Mureş-Černjachov-Kultur (Bonn 1999), 129-142.

Grosu, Vornic, Ciobanu 2006: V. Grosu, V. Vornic, L. Ciobanu, Ceramica romană din necropola de tip Sântana de Mureş-Černjachov de la Brăviceni. Revista arheologică s.n. II/1-2, 2006, 104-127.

Grosu, Vornic 2009: V. Grosu, V. Vornic, Necropola de tip Sântana de Mureş-Černjachov de la Brăviceni (raionul Orhei, Republica Moldova). Date preliminare. ActaMT IV, 2009, 20-28.

Ioniţă 1986: I. Ioniţă, Chronologie der Sântana-de-Mureş-Černjachov-Kultur (I). In: (Ed. J. Kmieciński) Peregrinatio Gothica I (Łódź 1986), 295-351.

Ioniţă 1989: I. Ioniţă, Verandungen der Bestatungssiten im Graberfeld von Târgşor. In: (Ed. J. Kmieciński) Peregrinatio Gothica II (Łódź 1989), 159-183.

Ioniţă 1992: I. Ioniţă, Die Fibeln mit ungeschlagenem Fuss in der Sântana-de-Mureş-Černjachov-Kultur. In: (Ed. E. Straume, E. Skar) Peregrinatio Gothica III (Oslo 1992), 77-90.

Ioniţă 1995: I. Ioniţă, Elemente creştine în practica riturilor de înmormântare din Moldova din secolele IV-V e.n. In: (Ed. S. Dumitraşcu) Din istoria Europei romane (Oradea 1995), 253-262.

Ioniţă 2001: I. Ioniţă, Populaţia locală în secolul al IV-lea în regiunile extracarpatice. In: (Ed. D. Protase) Istoria românilor. Vol. II. Daco-romani, romanici, alogeni (Bucureşti 2001), 622-625.

Levinschi 1997: A. Levinschi, Despre un grup de necropole ale culturii Sântana de Mureş-Cenjachov din interfluviul Nistru-Prut. Tyragetia IV-V, 1997, 117-130.

Kazanski, Legoux 1988: M. Kazanski, R. Legoux, Contribution a l'étude des témoignages archéologiques des Goths en Europe orientale a l'époque des Grandes Migrations: La chronologie de la culture de Černjachov récente. Archéologie Médiévale XVIII, 1988, 7-53.

Kurceatov, Bubulici 2001: S. Kurceatov, V. Bubulici, Morminte de nobii în necropola de la Petreşti. Pyretus I, 2001, 33-37.

Kurceatov, Vornic 2005: S. Kurceatov, V. Vornic, Un mormânt cu amforă romană din necropola de tip Sântana de Mureş-Čenjachov de la Petreşti (r. Ungheni). Tyragetia XIII, 2005, 87-95.

Palade 2004: V. Palade, Aşezarea şi necropola de la Bârlad – Valea Seacă (sfârşitul sec. al III-lea - a doua jumătate a sec. al V-lea (Bucureşti 2004).

Preda 1980: C. Preda, Callatis. Necropola romano-bizantină (Bucureşti 1980).

Şovan 2005: O.L. Şovan, Necropola de tip Sântana de Mureş-Černjachov de la Mihălăşeni (judeţul Botoşani) (Târgovişte 2005).

Tempelmann-Maczyńska 1989: M. Tempelmann-Maczyńska, Das Frauentrachtzubechör des mittel- und osteuropäischen Barbaricums in der Römiscen Kaieserzeit (Krakov 1989).

Vornic 2006: V. Vornic, Aşezarea şi necropola de tip Sântana de Mureş-Černjachov de la Budeşti (Chişinău 2006).

Vornic 2010a: V. Vornic, Morminte orientate V-E din necropola de tip Sântana de Mureş-Černjachov de la Brăviceni. Contribuţii la problema răspândirii creştinismului în Gothia. ArhMold XXXIII, 2010, 189-213.

Vornic 2010b: V. Vornic, Morminte răvăşite din necropola de tip Sântana de Mureş-Černjachov de la Brăviceni (r-nul Orhei, Republica Moldova). AMT V, 2010, 88-98.

Vornic 2011: V. Vornic, L. Ciobanu, S. Kurceatov, Ceramica de producţie locală din necropola de tip Sântana de Mureş-Černjachov de la Brăviceni. ActaMT VI, 2011, 95-117.

Vornic, Ciobanu 2010: V. Vornic, L. Ciobanu, Obiecte de podoabă din necropola de tip Sântana de Mureş-Cernjachov de la Brăviceni. Revista arheologică s.n. VI/2, 2010, 58-80.

Vornic, Ciobanu 2015: V. Vornic, L. Ciobanu, Obiecte de toaletă descoperite în necropola de tip Sântana de Mureş-Černjachov de la Brăviceni (r-nul Orhei, Republica Moldova). In: (Ed. C. Croitoru, G. Hânceanu) Miscellanea Historica et Archelogica. In Honorem Vasile Ursachi Octogenarii (Brăila 2015), 337-344.

Vornic, Grosu 2009: V. Vornic, V. Grosu, Fibule descoperite în necropola de tip Sântana de Mureş-Černjachov de la Brăviceni. In: (Ed. A. Zanoci, T. Arnăut, V. Băţ) Studia Archeologiae et Historiae Antiquae. Doctissimo viro Scientiarum Archeologiae e Historiae Ion Niculiţă, anno septuagesimo aetatissuae dedicator (Chişinău 2009), 327-340.

Бажан, Еременко 1992: И.А. Бажан, В.Е. Еременко, Некоторые аспекты исследования хронологии могильников по методу П. Рейнеке. В сб.: (Отв. ред. М.Б Щукин, О.А. Гей) Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени (Санкт-Петербург 1992), 14-21.

Ворник, Чобану 2010: В. Ворник, Л. Чобану, Погребения с западно-восточной ориентировкой из могильника культуры Сынтана де Муреш-Черняхов у села Брэвичень. К вопросу о распространении христианства в Готии. Revista arheologică s.n. V/2, 2010, 62-90.

Гавритучин 2000: И. Гавритухин, Финал традиций культур римского времени в Восточной Европе. In: (Ed. M. Maczyńska, T. Grabarcczyk) Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa (Łódź 2000), 265-324.

Гопкало 2008: О.В. Гопкало, Бусы и подвески черняховской культуры (Киев 2008).

Левинский 1999: А.Н. Левинский, Лазо – могильник финальной фазы черняховской культуры в Молдавии. Stratum-plus 4, 1999, 121-166.

Никулицэ, Рикман 1973: И.Т. Никулицэ, Э.А. Рикман, Могильник Ханска-Лутэрия II первых столетий н.э. КСИА 133, 1973, 116-123.

Магомедов 2001: Б.В. Магомедов, Черняховская культура. Проблема этноса (Люблин 2001).

Рафалович 1986: И.А. Рафалович, Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв. н.э. (Кишинев 1986).

Рикман 1967: Э.А. Рикман, Памятник Великого переселения народов (по раскопкам поселения и могильника у с. Будешты) (Кишинев 1967).

Рикман 1988: Э.А. Рикман, Раскопки могильника черняховского типа Балцаты II в 1963-1964 г. В сб.: (Отв. ред. В.В. Кропоткин) Могильники Черняховской культуры (Москва 1988), 111-132.

Сымонович, Кравченко 1983: Э.А. Сымонович, Н.М. Кравченко, Погребальные обряды племен черняховской культуры (Москва 1983).

Федоров 1960а: Г.Б. Федоров, Малаештский могильник (памятник черняховской культуры в бассейне реки Прут). МИА 1982, 1960, 253-301.

Федоров 1960б: Г.Б. Федоров, Два черняховских могильника в Молавии. В сб.: (Отв. ред. Е.В. Кондураки, Т.С. Пассек, Г.Д. Смирнов) Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР (Кишинев 1960), 221-239.

Федоров, Рошаль 1981: Г.Б. Федоров, М.Г. Рошаль, Раскопки черняховского могильника у с. Балцата. В сб.: АИМ в 1974-1976 (Кишинев 1981), 89-106.

Щербакова 1990: Т.А. Щербакова, Могильник черняховской культуры у с. Чалык. В сб.: АИМ в 1985 (Кишинев 1990), 141-162.

Cronologia necropolei de tip Sântana de Mureş-Černjachov de la Brăviceni, r-nul Orhei

Cuvinte cheie: cultura Sântana de Mureş-Černjachov, Brăviceni, necropolă, cronologie, sec. IV p. Chr.

Rezumat: În articol este examinată problema datării şi periodizării necropolei de la Brăviceni, r-nul Orhei. Descoperit cu ocazia unor lucrări de construcţie, situl a fost investigat prin săpături de salvare în anii 1977, 1980 şi 1981, fiind descoperite 181 de morminte şi 53 de gropi rituale (fig. 1). Din totalul de 181 morminte identificate, unul este de incineraţie, iar 180 – de inhumaţie, între care predomină cele orientate V-E, considerate creştine.

Pentru stabilirea cronologiei interne a necropolei s-a recurs la metoda numită ,,modificarea automată a matricei", fiind utilizat programul PAST (Palaeontological Statistics), versiunea 2.17c.

În diagrama combinatorie au fost incluse 26 de morminte şi 32 serii tipologice de obiecte. Ţinându-se seama de asocierea pieselor de inventar în complexele introduse în diagrama combinatorie, au fost evidenţiate două grupe principale de morminte, care ar corespunde cu două faze de înmormântări. Prima grupă cuprinde 10 complexe, iar a doua – 16, fiecare grupă fiind caracterizată prin anumite serii tipologice de obiecte sau prin combinaţii ale acestora.

Pentru prima grupă (I) sunt specifice următoarele categorii şi tipuri de obiecte: mărgele discoidale mici de sticlă verde (tip 2b), mărgele de sticlă inelare (tip 3), mărgele de sticlă sferoidale, încrustate (tip 7), mărgele de sticlă segmentate, poleite cu foiţă metalică (tip 9), mărgele de coral (tip 11), pandantive-amulete din vertebre de peşti (tip 2), oale lucrate la roată din pastă zgrunţuroasă de formă bitronconică (tip 3) şi castroane lucrate la roată din pastă fină, de formă bitronconică, înalte (tip 2a).

Grupei a doua de morminte (II) îi sunt caracteristice fibulele de bronz cu piciorul înfăşurat, corpul din bandă şi resortul lung (tip 1a) sau scurt (tip 1b), fibulele de argint cu placă şi semidisc (tip 3), cataramele de bronz cu veriga ovală (tip 1), pieptenii de os având mânerul semicircular şi aripi laterale (tip 1), pandantivele-amulete din scoici marine *Cypraea panterina* (tip 5b), cuţitele de fier, oalele sferoidale de dimensiuni mici, lucrate la roată din pastă fină (tip 1a), castroanele lucrate la roată din pastă fină de formă bitronconică, scunde (tip 2b), castroanele cu trei torţi (tip 4), cănile lucrate la roată din pastă fină, cu corpul rotunjit (tip 1) şi în formă de halbă (tip 2), şi cănile de lut romane, cu corpul piriform, gâtul îngust şi gura rotundă (tip 2).

În ceea ce priveşte dispunerea în planul necropolei, cele două grupe de morminte ocupă zone distincte. Mormintele din grupa I, reprezentând prima fază de înmormântări, sunt grupate aproape în exclusivitate în partea sud-estică a necropolei. Mormintele din grupa a II-a nu apar în sectorul iniţial de înmormântări. În schimb, ele se găsesc răspândite deopotrivă în sectoarele din centrul şi de la periferia necropolei.

Luându-se în consideraţie toate elementele, limita cronologică inferioară a necropolei de la Brăviceni este stabilită aproximativ în a doua treime a sec. IV, iar limita cronologică superioară – la sfârşitul sec. IV sau la începutul veacului următor. Cât priveşte durata în timp a celor două faze din evoluţia cimitirului, avându-se în vedere tabloul redat de diagrama combinatatorie, se constată că faza I a fost mai scurtă, încheindu-se probabil până la invazia hunilor, iar faza II, care a cuprins un număr mai mare de morminte, a acoperit ultima parte a sec. IV, eventual şi primele două decenii ale sec. V.

Lista figurilor:

Fig. 1. Planul general al necropolei.

Fig. 2. Fibule de tip 1a (1), 1b (2), 2a (3), 2b (5) şi 3 (4), catarame de tip 1 (6), 2 (7) şi 3 (8), piepteni de os de tip 1 (9) şi 2 (10), pandantive-amulete de tip 5a (11), 5b (12) şi 8 (13), mărgele de tip 1 (14), 2a (15), 2b (16), 3 (17), 7 (18), 9 (19) şi 11 (20), fusaiolă de lut de tip 1 (21), tub de os de pasăre (22) şi cuţit de fier (23) din mormintele 1 (17), 14 (16), 19 (15, 20), 23 (3), 25 (18, 19), 39 (11, 13), 44 (2), 69 (23), 71 (5, 8), 74 (15), 82 (10), 87 (4, 6, 12), 88 (10), 162 (22) şi 165 (1).

Fig. 3. Oale lucrate la roată din pastă zgrunţuroasă de tip 1 (1), 2a (2) şi 3 (3), oale lucrate la roată din pastă fină de tip 1a (4) şi 1b (6) şi căni lucrate la roată din pastă fină de tip 1 (5) şi 2 (7), descoperite în mormintele 35 (3), 44 (5, 7), 74 (1), 162 (2) şi 164 (7).

Fig. 4. Castroane lucrate la roată din pastă fină de tip 1 (1), 2a (3), 2b (2) şi 4 (4), cană-ulcior lucrată la roată din pastă fină de tip 4 (5) şi amforetă lucrată la roată din pastă fină (6) din mormintele 2 (2), 14 (1, 3), 114 (5) şi 164 (4, 6).

Fig. 5. Cană cu gura trilobată lucrată la roată din pastă fină (1), căni de lut romane de tip 1 (2) şi 2 (3), pahar de sticlă (4) din mormintele 68 (1), 87 (3), 108 (4) şi 169 (2).

Fig. 6. Morminte din fazele I (1) şi II (2).

Tabelul 1. Incidenţa seriilor tipologice în morminte.

Хронология могильника типа Сынтана-де-Муреш–Черняхов у с. Брэвичень Оргеевского района

Ключевые слова: культура Сынтана-де-Муреш–Черняхов, Брэвичень, могильник, хронология, IV в. н.э.

Резюме: В статье рассматривается проблема датировки и периодизации некрополя у с. Брэвичень Оргеевского р-на. Могильник, случайно обнаруженный во время строительных работ, был исследован в 1977, 1980 и 1981 гг., было раскопано 181 погребение и 53 ритуальные ямы. Из 181 погребения лишь одно было кремационным, остальные 180 – ингумационными, среди них преобладают трупоположения с ориентацией З-В, считающиеся христианскими.

Для определения относительной хронологии был применен так называемый метод «автоматической модификации матрицы», для которого была использована программа ПАСТ (Palaeontological Statistics), версия 2.17c.

Комбинированная диаграмма включает 26 погребений и 32 серии типологических предметов. С учетом сочетаний элементов инвентаря из комплексов, размещенных в диаграмме, были установлены две основные группы погребений, которые соответствуют двум фазам захоронений. Первая группа включает 10 комплексов, вторая – 16; каждая из них характеризуется наличием определенных типологических серий предметов или их комбинациями.

Для первой группы (I) специфичны следующие категории и типы предметов: маленькие зеленые стеклянные бусины дисковидной формы (тип 2b), стеклянные кольцевые бусы (тип 3), инкрустированные стеклянные бусы сферической формы (тип 7), сегментированные стеклянные бусы, покрытые металлической фольгой (тип 9), коралловые бусы (тип 11), амулеты из рыбьих костей (тип 2), гончарные шероховатые горшки биконической формы (тип 3) и гончарные серолощеные высокие миски биконической формы (тип 2a).

Для второй группы погребений (II) характерны бронзовые фибулы с прогнутой подвязной ножкой, с длиной (тип 1a) или короткой пружиной (тип 1b), серебряные щитковые фибулы (тип 3), бронзовые пряжки с овальной рамкой (тип 1), костяные трехслойные гребни с полукруглой спинкой и плечиками (тип 1), подвески-амулеты из морских раковин *Cypraea panterina* (тип 5б), ножи железные, гончарные серолощеные

сфероидальные маленькие горшки (тип 1a), гончарные серолощеные низкие миски биконической формы (тип 2b), трехручные вазы (тип 4), гончарные серолощеные кувшины с округлым корпусом (тип 1) и биконическим профилем (тип 2), а также римские краснолаковые узкогорлые кувшины с грушевидным корпусом (тип 2).

На общем плане некрополя эти две группы погребений занимают разные зоны. Почти все захоронения первой группы сконцентрированы в юго-восточной части могильника. Погребения второй группы не отмечены в первоначальном секторе захоронений, но распространены в центральном секторе и на периферии некрополя.

Учитывая весь комплекс элементов, в качестве нижней хронологической границы могильника типа Сынтана-де-Муреш–Черняхов у с. Брэвичень взята вторая треть IV в., а в качестве верхней – конец IV в. или начало следующего. Что касается временной продолжительности этих двух фаз в развитии некрополя, согласно данным комбинированной диаграммы первая фаза была короче и закончилась приблизительно в период нашествия гуннов, а вторая фаза, которая включает больше погребений, охватывает конец IV в. и, возможно, первые два десятилетия V в.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Общий план могильника.

Рис. 2. Фибулы типа 1a (1), 1b (2), 2a (3), 2b (5) и 3 (4), пряжки типа 1 (6), 2 (7) и 3 (8), костяные трехслойные гребни типа 1 (9) и 2 (10), подвески-амулеты типа 5a (11), 5b (12) и 8 (13), бусы типа 1 (14), 2a (15), 2b (16), 3 (17), 7 (18), 9 (19) и 11 (20), глиняные пряслица типа 1 (21), трубка из птичьей кости (22) и железный нож (23) из погребений 1 (17), 14 (16), 19 (15, 20), 23 (3), 25 (18, 19), 39 (11, 13), 44 (2), 69 (23), 71 (5, 8), 74 (15), 82 (10), 87 (4, 6, 12), 88 (10), 162 (22) и 165 (1).

Рис. 3. Гончарные шероховатые горшки типа 1 (1), 2a (2) и 3 (3), серолощеные гончарные горшки типа 1a (4) и 1b (6), кувшины типа 1 (5) и 2 (7), найденные в погребениях 35 (3), 44 (5, 7), 74 (1), 162 (2) и 164 (7).

Рис. 4. Серолощеные гончарные миски типа 1 (1), 2a (3), 2b (2) и 4 (4), кувшин типа 4 (5) и амфоретка (6) из погребений 2 (2), 14 (1, 3), 114 (5) и 164 (4, 6).

Рис. 5. Серолощеный гончарный кувшин-ойнохоя (1), римские краснолаковые кувшины типа 1 (2) и 2 (3), стеклянный кубок (4) из погребений 68 (1), 87 (3), 108 (4) и 169 (2).

Рис. 6. Погребения первой (1) и второй (2) фазы.

Таблица 1. Совпадения серийных типов предметов в погребениях.

11.03.2016

Dr. Vlad Vornic, Archaeological National Agency, 50, Mihai Eminescu street, Chișinău, Republic of Moldova, e-mail: vornic.vlad@yahoo.com

BISERICI PALEOCREŞTINE DIN SPAŢIUL ROMÂNESC ÎN EVUL MEDIU TIMPURIU

Vlad D. Ghimpu

Cuvinte-cheie: lăcaşe de cult, creştinism, Evul Mediu timpuriu, spaţiul românesc.

Problema prezenţei lăcaşelor de cult în culturile Evului Mediu timpuriu s-a pus de mai multe ori, însă fără să fie rezolvată până la acest moment. În general, se admite că românii creştini ar fi avut biserici de lemn care nu au lăsat urme semnificative în pământ şi nu pot fi depistate prin cercetare arheologică (Teodor 1991, 32). Unul din argumentele de studiu paralel, implicit, care ne poate susţine şi caracteristicile creştine ale poporului nostru, ar putea-o reprezenta cercetarea bisericilor rupestre, care, după opinia noastră, nu a beneficiat de o apreciere corespunzătoare în literatura de specialitate, decât cu unele evaluări de cartare cantitavă, aproape fără valoare cronologică. Între timp, noile acumulări de date factologice, ne permit să expunem şi alte concluzii, ce ne vor permite să ridicăm din nou importanţa lor informaţional-documentară, cu multiple consideraţii de ordin cultural, religios şi istoric general.

Una din cele mai importante trăsături ale bisericilor rupestre o constituie orientarea geografică a altarului, ce ne poate comunica valenţe cronologice foarte importante, pentru a demonstra perioada când au fost construite. Această caracteristică stă de fapt (poate sta) şi la baza cercetării bisericilor paleocreştine în general, dar căreia nu i s-a acordat întotdeauna atenţia cuvenită. O primă evaluare de sinteză, cu un succes vădit al unui studiu de monument arheologic paleocreştin, a realizat arhitectul Dinu Theodorescu la determinarea şi atribuirea componentelor bisericii de tip sirian din Callatis cu altarul orientat spre sud (Theodorescu 1963, 257-300). Acest autor a explicat atât norma orientării, cât şi excepţiile, exclusiv din punctul de vedere al posibilităţilor şi necesităţilor de construcţie, de cele mai multe ori după cerinţele arhitecturale de ansamblu ale localităţilor urbane romano-bizantine (Theodorescu 1963, 284). Lucrurile nu stau tocmai aşa, şi un punct de vedere nou a formulat alt cercetător, tot arhitect de formaţie, Silvia Păun (Academica 1999). Într-un articol cuprinzător, ea s-a oprit şi la orientarea canonică a altarelor creştine, cu referinţe de valoare arhitecturală, inclusiv prin prisma unor vederi mai largi, cosmogonice, ultimele pe noi, însă, ne preocupă mai puţin. Aceeaşi autoare a publicat în anul următor şi o lucrare monografică, aproximativ în aceiaşi termeni, însă de un volum cu mult mai mare (Păun 2000).

Orientarea altarelor creştine în biserici are o importanţă conceptuală şi de ritual cu mult mai amplă, despre care până la acest moment nu s-a scris, după cunoştinţele noastre, cel puţin nu am întâlnit în studiile de limbă română. Ea poate valorifica mai eficient, inclusiv monumentele funerare, mai cu seamă înmormântările şi cimitirele din Evul Mediu timpuriu, care nu au inventar de loc sau nu au unul creştin cert, ce concurează deseori la determinare cu cele păgâne, ori cu cele ale populaţiilor migratoare. Astfel, după cum relevă unii cercetători, fapt ce se confirmă şi din primele lăcaşuri creştine, orientarea altarului iniţial s-a făcut spre vest, conform preceptelor biblice (Păun 1999). De unde o găsim şi la cele mai grandioase catedrale, de pildă la Sf. Petru şi Pavel din Roma, ce a urmat tradiţia unei biserici vechi din secolul IV (Păun 2000, 177). Ulterior, prin Constituţiile Apostolice se hotărăşte a orienta altarele bisericilor creştine spre est, care începe, aproximativ, la sfârşitul sec. IV - secolul V. Iată cum am găsit-o formulată: „Prima condiţie este ca terenul să fie disponibil. Există unele situaţii în care nu prea ai de ales şi totuşi biserica trebuie construită. Biserica se clădeşte cu altarul spre răsărit, dar răsăritul nu e numai cel geografic. Paradisul pierdut era construit de Dumnezeu la răsărit. Era vorba de un răsărit ceresc. De aceea, Dumnezeu este numit Răsăritul de Sus, nu cel de jos, de pe pământ. „Constituţiile Apostolice“ spun că atunci când terenul nu permite îndreptarea altarului spre răsărit, se va construi biserica după

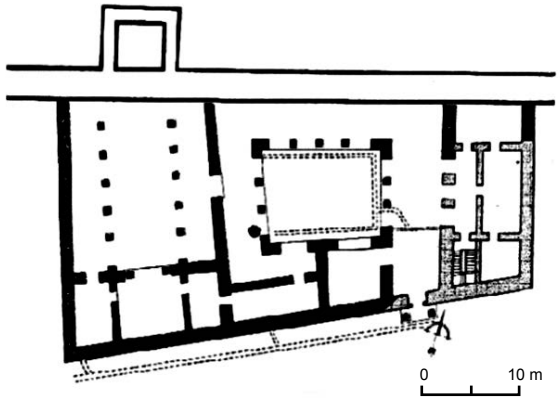


Fig. 1. Planul bisericii de tip sirian de la Callatis (apud Theodorescu 1963).

cum permite terenul, „pentru că Dumnezeu pretutindeni este“. Există excepţii în care altarul nu este îndreptat spre răsărit, dar este bine ca el să fie poziţionat astfel” (site-ul ASCOR). Între normă şi abatere (permisă cu greu) a mai fost şi practica ritualului, ce s-a materializat sinuos şi pe care îl găsim neschimbat mai pregnant în bisericile rupestre. Ce au însemnat acestea? Vom analiza în continuare.

Peştera de la Limanu, jud. Constanţa. Reprezintă poate cea mai mare peşteră (un labirint de peşteri) săpate de oameni aproape de oraşul antic Callatis (Mangalia de astăzi), în care s-a găsit material arheologic din secolele III-IV şi din secolele X-XI. Peşterile în cauză au fost vizitate de mai multe grupe de cercetători, care le-au studiat şi au emis mai multe concluzii. Se consideră să fi fost susţinute de conducerea oraşului, organizat, cu rol de apărare şi adăpost pentru cetăţenii din Callatis (Boroneanţ, Ciuceanu 1977, 49-57). În aceste galerii, nr. 9 şi 10, s-au găsit şi două camere cu altare, late de 3 m, lungi de 6 m şi înalte de aproximativ 2 m. În fundul lor se află o masă de piatră, păstrată din roca în care s-a săpat încăperea. Cea din galeria nr. 9 are pe partea de sud a mesei loc de acces până în fundul camerei. Lăţimea mesei este de 80-90 cm, la fel şi înălţimea. Pe laturile lungi ale încăperii se află câte o nişă pentru a aşeza opaiţul. Pereţii, dar mai ales tavanul sunt înnegriţi de fum, ceea ce poate fi un argument în favoarea utilizării încăperii în scopuri religioase (fig. 6) (Boroneanţ, Ciuceanu 1977, 49; Păun 2000, 101). După evaluările noastre, la Limanu avem primele biserici creştine atestate în spaţiul românesc din perioada prigoanelor împotriva adepţilor noii religii. Dacă în secolul II d. Hr. creştinii se rugau în locuinţe particulare, în secolul III deja încep să apară încăperi publice, care aparţineau unor colectivităţi. Reflectat şi de structura altarului, încă nedezvoltat cu absidă şi cu masa sfântă îndeajuns de neevoluată, în comparaţie faţă cu cadrul de biserică, având acces împrejur, pentru oficierea ritualului, sau cu lipsa locului pentru ierarhul superior din ax. Referitor la primul element de cronologie, secolul III, sau anterior actului acceptării creştinismului ca religie de stat din anul 313, pare să fie clar. După părerea noastră, aşa cum se descria monumentul încă pe la începutul secolului XX, mai putem susţine o datare din secolele VI-VII d. Hr. Şi după denumirea localnicilor, acestui stabiliment i se mai spunea Peştera de la Icoane, după imaginile a trei chipuri de oameni ce le avea pe piatră. „Aceste figuri sunt incizate larg şi profund în conturul unui cerc pe care se disting clar nasul, ochii, gura şi fruntea în genul basoreliefurilor. Alte semne incizate au forma de cruce sau linii asemănătoare arabescurilor...” (Boroneanţ, Ciuceanu 1977, 55-56), – imaginile umane coincid cu icoanele în medalioane din secolul VI, în templonul de la Sf. Sofia din Constantinopol, sau eventual şi din secolul VII, cum ar mai fi avut icoane în arhitravă, sculptate în marmură, ori realizate din metale preţioase la alte biserici din oraşele bizantine. Dacă cunoşteau creştinii de la Dunăre aceste detalii? Susţinem că da. Apropierea de oraşul Constantinopol, inclusiv experienţa de la Peştera lui Bechir de lângă Soroca, datată în secolul VII, cu templon şi cu icoane pătrate (dreptunghiulare), ca cele de lemn, sunt nişte argumente (Гимпу 2013, 135-138). Probabil, odată cu invazia triburilor bulgare, după 680, în Peştera Limanu să se mai fi ascuns o altă comunitate creştină. În ce priveşte materialul arheologic din secolul X-XI, el denotă aici existenţa în altă perioadă, fie a unei comunităţi monahale, fie ascundea, în anumite circumstanţe, un alt grup de oameni, poate mireni simpli.

Tot în Dobrogea se află şi Peştera Sf. Andrei, com. Ion Corvin, jud. Constanţa, în care se crede că s-a adăpostit unul dintre primii chemaţi, Sf. Apostol Andrei, creştinătorul românilor, fratele lui Sf. Petru, venit în peregrinările sale cu scop misionar. Descoperită în perioada interbelică, această peşteră a fost asociată cultului creştin din nou în acele vremuri, însă nu pentru mult timp. În toată perioada comunistă a fost închisă şi uitată,

ca apoi în anii '90 ai secolului trecut să renască prin construcţii suplimentare, asemănătoare unei biserici cu turlă deasupra, iar în apropiere să ia naştere un complex monahal, Mănăstirea Peştera Sf. Apostol Andrei. Din păcate, nu avem prea multe descrieri ale peşterii în detaliu. După laviţa din peretele sudic, biserica ei ar avea unele filiaţii cu Basarabi-Multfatlar, Dumbrăveni, sau Soroca şi altele – toate mănăstiri rupestre paleocreştine. Structura sa planimetrică este interesantă şi merită de a mai fi studiată (fig. 7): un altar oval alungit şi un naos aproape rotund (Păun 2000, 97). Astfel, ca şi S. Păun, considerăm şi noi că orientarea altarului spre vest ar indica o construcţie a ei veche, dintre acele lăcaşuri ce au uzitat norma biblică, după noi, cu datare plauzibilă din secolul IV d. Hr. ca instituţie monahală. În acelaşi rând cu biserica rupestră de mai sus, se află şi Peştera Sf. Grigorie Decapolitul de la mănăstirea Bistriţa. Cum se crede, în una din opinii se susţine că ea s-a construit pe la sfârşitul sec. XV - începutul sec. XVI pentru a se ascunde în ea moaştele Sf. Grigore Decapolitul cu care a înzestrat-o banul Barbu Craiovescu. Însă în istoricul cercetării ei s-au expus şi alte păreri, cu evaluări mai timpurii (Micle 1995, 44-53), biserica rupestră cu hramul (V)Ovidenia, având altarul spre vest, susţinem şi noi, ar fi fost săpată într-o perioadă de secol IV d. Hr., deoarece construcţia ei, ca şi la alte biserici, s-a impus dintr-un concept, în acelaşi timp când se puteau realiza mai multe soluţii (vezi fig. 8/A).

O mare concentrare de biserici rupestre din spaţiul românesc este considerată cea din Munţii Buzăului. Aceste complexe au atras atenţia cercetătorilor încă din sec. XIX (Ştefan 1980). Mai nou, Emil Lupu, într-o cercetare mai atentă a monumentelor, a emis nişte concluzii deosebit de importante referitoare la datarea lor (Lupu 1994, 17-25). Autorul sus-numit a evidenţiat acolo două grupe de biserici, după orientarea altarului, unele spre nord, mai vechi, şi altele spre est, mai târzii. Începutul construcţiei altarelor spre est se va face din sec. V d. Hr., existând excepţii până în sec. IX, constată el, cu trimitere la bibliografia internaţională (Cabrol, Leclrcq 1913, 2665; Lupu 1994, 23-24). De asemenea, studiind vestigiile rupestre de la Buzău, noi am găsit un indiciu şi de o orientare a altarului spre sud, în Peştera lui Iosif (Ştefan 1980, 60). În preocuparea cercetării bisericilor rupestre din Basarabia, autorul acestor rânduri a publicat şi un alt lăcaş cu orientarea spre nord a altarului, la Peştera lui Bechir de lângă Soroca (Ghimpu 1998, 43-56; Ghimpu 2012, 9-17). Tot de aici, am evidenţiat pentru prima oară în bibliografia creştină (poate unicul păstrat în lume) un templon de biserică paleocreştină bizantină, cu datarea mai strânsă şi a monumentului din sec. VII (Гимпу 2013, 135-138).

Între timp, Silvia Păun a adus mai multe imagini şi planuri ale mai multor biserici rupestre, însă fără să ia în discuţie datarea lor, inclusiv planul chiliei rupestre a lui Daniil Sihastrul de la mănăstirea Putna (Paun 2000, 87). Conform descrierilor mai timpurii, ea se prezintă astfel: „Nu departe de locul unde se revarsă pârâul Veţeul în pârâul Putna, se află pe o coastă de deal, în dreptul Veţeului, o stâncă mare de piatră. În ea este scobită cu dalta o bisericuţă cu trei despărţituri şi anume: pronaos, naos şi altar. Lungimea întregului loc scobit în piatră este de 9,25 m, iar lăţimea de 2 m. Sub stâncă se află alt loc deşert, şi acesta scobit în piatră, care se pare că a fost locuinţa sihastrului Daniil, despre care zice tradiţia că el a săpat aici în piatră atât bisericuţa cât şi chiliuţa de desubtul ei, în care să fi locuit mai mulţi ani" (Dan 1905, 113). Cunoaştem cu toţii care am vizitat Putna lui Ştefan cel Mare, inclusiv chilia lui Daniil Sihastrul, şi mai multe poveşti reale sau legendare despre întâlnirea marelui voievod cu acest înţelept. Cu toate astea, trebuie să revedem şi să reanalizăm biserica rupestră de aici, care are altarul orientat spre nord, deci este cu mult mai veche de secolul XV, când a trăit Daniil, şi ar fi putut fi săpată cel târziu în sec. IX (fig. 10). Tradiţia istorică nu poate fixa întotdeauna faptele istorice mai vechi, dar apare clară situaţia ca sihastrul Daniil să se fi stabilit într-o biserică existentă cu mai multe secole înaintea lui, într-o perioadă paleocreştină, ce a scăpat din vederea istoricilor religiei.

Aceste realităţi sunt evidente şi astăzi, mai multe mănăstiri au avut la întemeierea lor câte un sihastru în peşteră, din păcate, fie bazaţi sec pe forţa tradiţiei, ele nu s-au studiat, fie din alte cauze de lipsă a unui interes al cunoaşterii. Astfel de situaţie consemnăm, de pildă, şi la Schitul de la Sihla, unde cuvioasa Teodora a locuit mult timp într-o peşteră (Tomescu 1942, 145-150), însă pentru o femeie să realizeze un astfel de stabiliment este un lucru destul de anevoios sau imposibil. Cine a săpat peştera Teodorei de la Sihla? rămâne încă de a se studia. O altă tradiţie atribuie construcţia bisericii rupestre a mănăstirii Cetăţuia „Negru-

Vodă" (com. Cetăţeni, jud. Argeş) voievodului legendar al Ţării Româneşti Negru Vodă, în realitate situaţia de la acest lăcaş creştin pare să se fi realizat în două faze (fig. 11): în prima, mai veche, până în sec. IX, s-a utilizat numai pronaosul, ca primul şi singurul compartiment al unei bisericuţe cu altarul îndreptat spre nord, apoi în a doua fază să mai fie săpate – naosul cu un alt altar, orientat spre est.

Existând în general problema, cum se explică, totuşi, problematica apariţiei şi persistenţei orientării altarelor bisericilor creştine în mai multe direcţii cardinale? Ea nu se cunoaşte cu precizie. Cu toate acestea, înţelegerea acestor factori este necesară la studierea unor biserici, la cunoaşterea vieţii religioase, dar şi la studierea unor descoperiri arheologice funerare din evul mediu timpuriu. Ca exemplu, în monumentul arheologic Pruneni (com. Zărneşti, jud. Buzău) s-au dezvelit şase morminte de inhumaţie din sec. VI-VII d. Hr., cultura Ipoteşti-Cândeşti, orientate est-vest, de tradiţie romană târzie (Enciclopedia 2000, 390), asta înseamnă că în comunitatea creştină de aici s-ar fi construit biserici (eventual de lemn) cu altarul orientat spre vest, conform preceptelor biblice. Pe când în Obârşia Nouă (com. Obârşia, jud. Olt), într-o necropolă birituală, de sec. VIII-IX, cultura Dridu, predomină inhumaţia, cu orientare est-vest şi nord-sud (Enciclopedia 2000, 212-213). Această comunitate ar fi avut o biserică cu altarul spre vest, apoi a trecut conceptual şi în ritual la orientarea spre sud. De ce? Cum se scrie, orientarea altarelor spre est a bisericilor creştine s-a stabilit în Constituţiile Apostolice. Ele ar fi apărut în anul 380. Fără a intra în discuţiile teologice (nici nu le cunoaştem pe toate), care continuă până astăzi, ne rezumăm la nişte informaţii sumare găsite în internet. Dacă era o operă apocrifă, ea este combătută de Biserica ortodoxă ca ariană, inclusiv deoarece ar fi fost utilizată de religia catolică cu scopul de a demonstra primatul Bisericii de la Roma faţă de cea de la Constantinopol. În altă ordine de idei, unul din conceptele de bază ale Constituţiilor Apostolice în ce priveşte edificiile bisericeşti pare a impune deosebirea orientării spre Răsărit a altarului bisericii creştine, faţă de cea a templului iudaic, cum s-a urmat iniţial. A nega sau nu această lucrare constituie o problemă, însă schimbarea orientării altarului s-a produs, volens-nolens trebuie să ne referim le ea. Însă, odată cu schimbarea conceptuală a orientării, ea prevedea şi „excepţii" (vezi mai sus), acestea probabil s-au înţeles prin desprinderea de iudaism, mai întâi, de aceea întâlnim biserici orientate cu altarul spre vest, apoi spre nord şi sud, şi spre est, ca şi înmormântări, orientate cu capul la est, apoi la sud şi la nord, dar şi la vest, ultimele când biserica şi-a orientat altarul spre est. Probabil, după Constituţiile Apostolice altarele s-au orientat spre est, spre nord şi spre sud, coexistând o perioadă. Noi, astăzi putem consemna numai excepţia, pe care o putem data, până în secolul IX. De aceea, susţinem prin cele expuse mai sus, că bisericile rupestre având altarele orientate spre vest, nord şi sud reprezintă edificiile de cult cele mai vechi ale românilor. În ce priveşte excepţia orientării altarelor care a durat până în secolul IX, apoi ulterior noi putem crede că, însăşirea cerinţei de orientare spre est a altarului, s-a produs ca o afirmare în continuare a religiei creştine bine instituţionalizate – ierarhie, tratate dogmatice; inclusiv ca o necesitate mai strictă ce venea şi din practica ritualului înmormântării defuncţilor. În ce priveşte noile preferinţe, observând unele devieri ale altarului în direcţia estică, trebuie să luăm în consideraţie, aşa cum arată şi S. Păun, în solstiţiul de vară sau apropiat lui, orientarea este de 55 de grade, pe când la solstiţiul de iarnă este de 125 (Păun 1999; Păun 2000), numai în echinocţiul de primăvară şi cel de toamna direcţia este perfectă.

Unul din cele mai mari complexe monahale rupestre s-a aflat în Dobrogea, la Basarabi-Murfatlar, descoperit într-un masiv de cretă cu şase bisericuţe săpate în roca moale şi mai multe galerii adiacente, ce s-au datat în sec. X - începutul sec. XI (după unele inscripţii). Cu toate multitudinea de studii şi articole ale mai multor cercetători, acest monument important încă nu a beneficiat de un studiu monografic complet. Aşa cum îl descrie sintetic şi Mircea Păcurariu, bisericuţele au altarul orientat spre est sau sud-est. Fără planuri şi reconstrucţii ele nu se pot evalua în toată complexitatea lor. Acest autor marcant al istoriei bisericilor româneşti face referinţă la alţi cercetători, care l-ar fi datat şi în secolul IV (Pacurariu 1991, 167-169). Şi după părerea noastră sunt destui indici pentru a data bisericuţele de la Basarabi mult mai devreme de secolul X. Faptul că pentru delimitarea altarului de naos s-au folosit balustrade asemenea cu cancelli, le-ar data cel puţin înainte de construcţia bisericii Sf. Sofia din Constantino-

pol (537), care avea templon, inclusiv cu altarele nedezvoltate, cu masa sfântă lipită de axul absidei, denotă, de asemenea, o cronologie mai timpurie, sigur şi înainte de biserica rupestră Peştera lui Bechir de lângă Soroca cu templon (de fapt, o imitaţie de templon de lemn), care se datează în secolul VII.

În continuare avem prilejul de a ne opri şi la un monument zidit de piatră din arealul nostru. Începând din anii '60 ai sec. XX, arheologul sovietic E. Rikman, venit de la Moscova, a efectuat mai multe săpături la monumentul antic Sobari, raionul Soroca, în care s-a descoperit şi o construcţie de piatră (fig. 2), cercetările s-au reluat în anii '90 şi continuă până astăzi, cu multe analize polemice, tributare, în fond, concepţiilor istorice sovietice. A fost construcţie romană sau a barbarilor, mai multe erori conceptuale, dar şi în cadrul publicării neadecvate a unor materiale, cum s-a dovedit recent, printr-un studiu revăzut al unor vestigii[1]*. Este vorba de o cărămidă desenată liniar, ce s-a colectat într-un monument arheologic din localitatea Sobari (Soroca) şi a fost publicată de cercetătorul E. Rikman în anul 1970 (Рикман 1970, 180-197). Descoperită într-un sit de cultură Sântana de Mureş- Cerneahov, piesa a şi rămas încadrată cronologic acestei perioade, reprezentând un element de factură romană, cum se credea, provenind de la o construcţie din piatră şi cărămidă cu coloane, deci cu elemente arhitectonice specifice, inclusiv cu geamuri de sticlă, acoperiş de olane etc. Amestecul cu material arheologic dominant de secol III-IV nu i-a permis

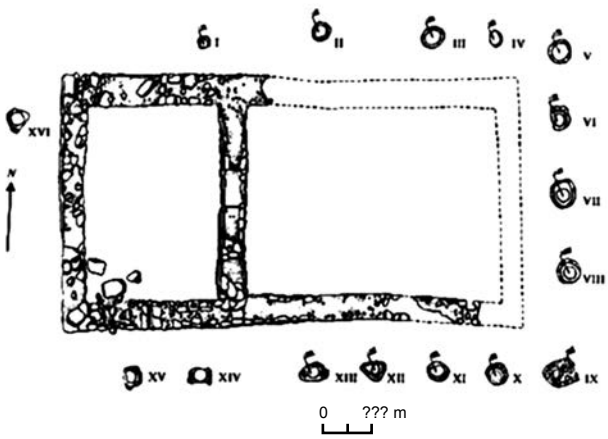


Fig. 2. Planul construcţiei de piatră de la Sobari (apud Niculiţă, Popa 2000).

Fig. 3. Construcţia de piatră de la Sobari (apud Popa 2001).

autorului să propună alte evaluări de datare, deşi sublinia că fundaţia construcţiei a tăiat stratul cultural Sântana, însă fără să lase urme culturale proprii, semn că a durat puţin timp sau nu a fost definitivată. În aceeaşi abordare culturală şi cronologică au analizat monumentul de la Sobari şi alţi arheologi care au continuat cercetările arheologice mai târziu (Niculiţă 1996; Niculiţă, Popa 2000; Popa 2001). La iniţiativa lui E. Rikman, după analiza unui număr de cărămizi cu radiocarbon la Institutul de arheologie al Academiei de Ştiinţe a URSS, ele s-ar data fie la hotarul secolului III-IV, fie la hotarul secolului VI-VII. În afară de consideraţiile cronologice rezultate din evaluarea monumentului arheologic în ansamblu, cât şi a construcţiei de piatră, E. Rikman, a publicat şi cărămida cu reprezentarea unui plu-

[1] În procesul pregătirii expoziţiei arheologice „La început a fost lutul" din primăvara anului 2015, printre alte piese ceramice s-a ales şi acest exponat cu tematică specifică. La solicitarea mea, colegii din sectorul arheologie mi-au oferit prilejul de a-l putea cerceta. Pentru posibilitatea studierii lui, ţin să mulţumesc în special dr. I. Tentiuc, şeful Sectorului de arheologie şi istorie antică al MNIM. Altă remarcă necesară (cum am aflat ulterior), ideea de a căuta această cărămidă a avut-o şi dr. S. Matveev, care continuă în prezent investigaţiile arheologice în situl Sobari.
Cum se pare, arheologul E. Rikman deliberat nu a publicat integral cărămida desenată, deoarece repetă prezentarea ei în aceeaşi termeni şi peste cinci ani, imaginea cu plugarul... Aici avem de fapt un exemplu de falsificare a istoriei dintre Prut şi Nistru în perioada sovietică (Rikman 1975, 205-214).
Odată cu relansarea săpăturilor arheologice la Sobari (Soroca), anul 1990, la care a participat şi autorul acestor rânduri, în calitatea de şef de secţie la Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei, se vorbea despre acest monument ca de ceva misterios, ce a fost închis cercetării pentru vestigiile sale, care turnau apă la moara istoricilor români, deloc întâmplătoare. Tot din aceste cauze, cum se vede, I. Niculiţă, specialist în arheologia geţilor, a reluat cercetările, pentru prestigiu, într-un sit cultural Săntana de Mureş-Černjahov.

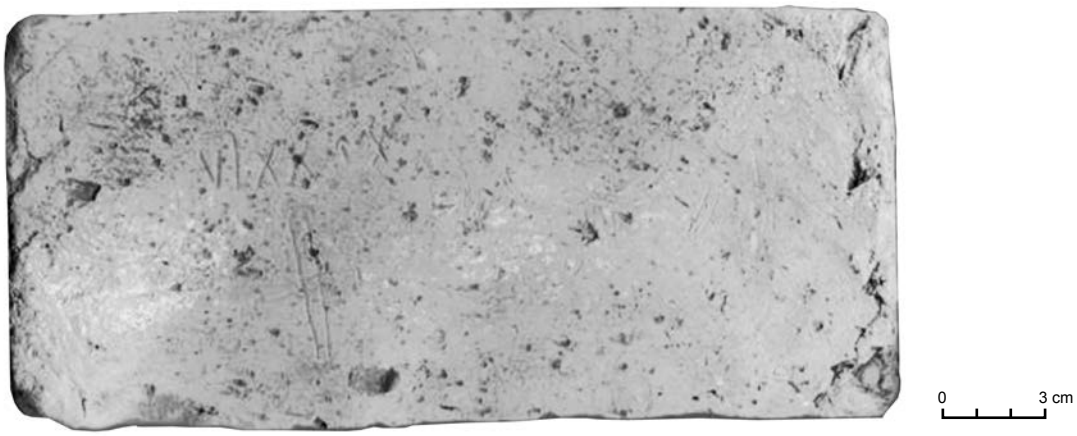


Fig. 4. Cărămida desenată liniar de la Sobari. Foto.

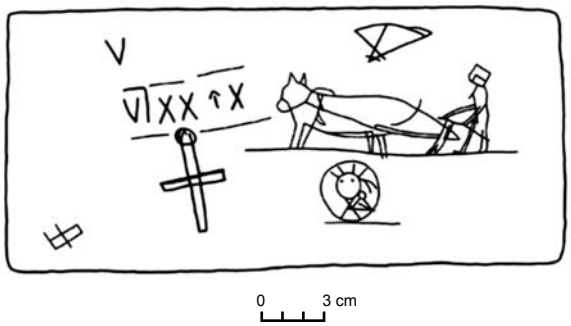


Fig. 5. Cărămida desenată liniar de la Sobari. Desen.

gar, aducând-o ca dovadă grăitoare la cultivarea pământului în comunitatea ce a locuit în această aşezare (Рикман 1970, 183). Cum s-a dovedit ulterior, autorul nu a reprodus integral imaginile de pe cărămida liniată, repetând tendenţios aceleaşi caracteristici şi peste 5 ani în altă publicaţie (Рикман 1975, 205-214), deşi piesa conţine şi alte elemente, deosebit de importante, care pot fundamenta o nouă datare, cât şi o altă apartenenţă culturală a casei de piatră de la monumentul arheologic Sobari, cu valenţe excepţionale pentru civilizaţia acestor locuri (fig. 4).

Privită (cărămida) ca o foaie de hârtie, expusă album (fig. 5), compoziţia desenului poate fi divizată în două părţi: partea stângă şi partea dreaptă. În stânga jos are reprezentată o cruce, iar deasupra, un rând de cifre şi posibil litere: ”V”, litera „v”, seamănă cu cifra 5 roman, numărul XX (20) şi IX (9). După noi, marchează o dată calendaristică, ziua de XX a lunii a IX-a, sau septembrie. „V”, despărţit de cifre printr-o linie în unghi, redă o abreviere a lui Vasile, asemenea cu Sfântul Vasile. Altă literă, singulară, „V” este inscripţionată mai sus de prima, repetând-o ca dimensiune, apropiată de marginea cărămizii. Ultima, unică, s-a scris după ardere, considerăm noi, – ea se deosebeşte prin marginile (malurile) ascuţite, spre deosebire de toate celelalte linii care s-au zgâriat pe cărămida udă şi au marginile mai rotunde. Să specificăm din caracteristica crucii – are gaură la bara de sus şi putem aprecia, că repetă un model ce se lega la gât, şi deci poate fi încadrată printre cruciuliţele pectorale. Partea dreaptă a desenului este desenată cu linii mai puţin adânci decât prima, din cauza desenului mai complicat. Jos, într-un medalion rotund este redat, destul de schematic, chipul unui sfânt, probabil Maica Domnului, alături, în stânga ei, tot în cerc, posibil pruncul Iisus, stilizat, greu vizibil, mai sigur prin triunghiul corpului. De asupra, un agricultor în picioare, cu un plug de lemn, cu două brăzdare, ce ară cu un cal, iar spre margine, sus, în a 3-a bandă este liniat un simbol astral – soarele. Plugarul cu calul şi simbolul deasupra, din margine, ultimul fără să fie numit, le-a publicat şi arheologul E. Rikman (Рикман 1970, 183), ignorând orice referire la celelalte elemente. Cărămida poartă urme de mortar, semn că a fost pusă în zid, din greşeală, posibil. Din cele relatate, prin desenul liniat, observăm nişte informaţii imaginare, consemnate artistic şi „în scris”, despre apariţia obiceiului Pluguşorului.

Aşa cum se relevă calendaristic pe cărămidă, marcarea *primei brazde* se serba la aratul de toamnă, în luna septembrie, când se celebra echinocţiul de toamnă, obicei asimilat religiei creştine, după cum ne dăm seama din crucea prezentă şi după medalionul cu sfinţi. Acest fapt ne îndrituieşte să propunem apariţia Pluguşorului, cu o evoluţie mai concretizată decât cea din studiile cercetăto-

rilor de până acum (Adăscăliţei 1987; Pop 1989, 25-131; Băieşu 2008, 249-292). Pentru început, să pornim de la calendarul concret, cel iulian, cu datarea aratului de toamnă, iar Anul Nou se schimba iarna, la sfârşitul lunii decembrie. În secolul VII în Bizanţ se trece la calendarul anului nou de la 1 septembrie (Calendarul 2003, 858-860). Drept element de datare a sărbătorii primei brazde, – o avem consemnată în scris şi imaginar-artistic în perioada de până la acest moment. Ulterior, datina înregistrată pe cărămidă s-a dezvoltat într-un obicei etnografic excepţional, aşa cum este Pluguşorul de astăzi, descris de câteva secole (cf. istoriografia cercetărilor, în Băieşu 2008, 7-35; inclusiv studii monografice – Adăscăliţei 1987; Pop 1989).

După cum l-au explicat cercetătorii etnografi, obiceiul Pluguşorului include în sine mai multe datini, primordial fiind fertilizarea ogorului cu plugul sacru, aratul primei brazde, prezent la mai multe popoare. Apărând din negura timpului, românii, probabil l-au avut încă de la geto-daci, şi el s-a perpetuat inclusiv în epoca romană. Aşa cum apreciază specialiştii, ca o sinteză într-un obicei complet, Pluguşorul s-a definitivat târziu, deoarece Dimitrie Cantemir nu-l menţionează. Cantemir, având cunoştinţe enciclopedice, a descris obiceiurile moldovenilor la general, relatând la Anul Nou manifestări bogate, atât la ţărani, cât şi la nobili. Pluguşorul, la vremea lui, trebuia deja să se transferat ca obicei la Anul Nou de 1 septembrie, – brazda cu arătură numai atunci s-a arat, nu iarna la 1 ianuarie, cum se urează astăzi, ca o reminiscenţă de la anul nou bizantin. Aici noi trebuie să ne conducem de litera Calendarului, despre care majoritatea cercetătorilor îi vedeau începutul primăvara, când Anul Nou se marca la echinocţiul din martie, ceea ce este greşit, probabil. După ce s-a trecut la calendarul iulian, pe timpul lui Cezar, Anul Nou se va marca la 1 ianuarie, iar o nouă schimbare a calendarului la 1 septembrie are loc in Bizanţ începând din secolul VII. De la schimbarea din acest secol sărbătoarea primei brazde s-ar fi adaptat de la echinocţiul de toamnă ceva mai devreme la Anul Nou din 1 septembrie. Ulterior, când se trece din nou la marcarea Anului Nou la 1 ianuarie (Dimitrie Cantemir redă sărbătorile de la această dată), ar fi putut începe transferul de sinteză cumulativă de iarnă, care s-a finalizat deja, după primul sfert al secolului XVIII, manifestat până la noi, ca obicei al Pluguşorului de Anul Nou, ce va continua într-o datină originală până în zilele noaste. Cu o precizare însemnată:

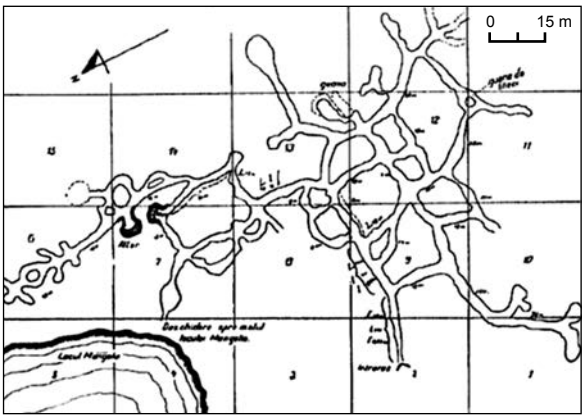


Fig. 6. Planul Peşterii Limanu, jud. Constanţa (apud Păun 2000).

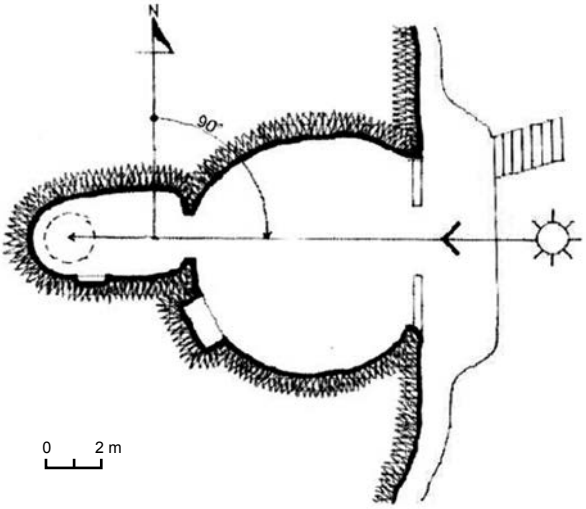


Fig. 7. Peştera Sf. Apostol Andrei (apud Păun 2000).

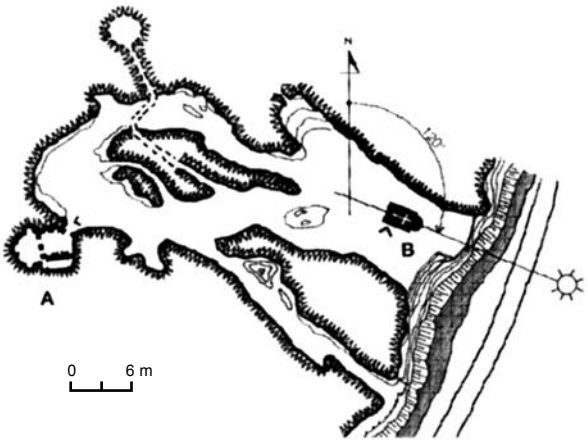


Fig. 8. Biserica rupestră (V)Ovidenia de la mănăstirea Bistriţa (apud Păun 2000).

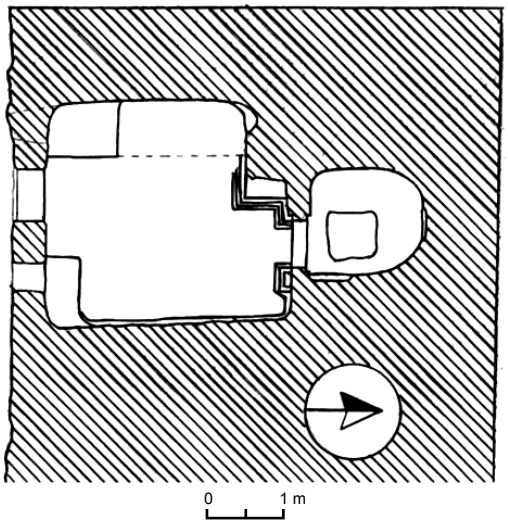


Fig. 9. Planul bisericii Peştera lui Bechir de lângă Soroca.

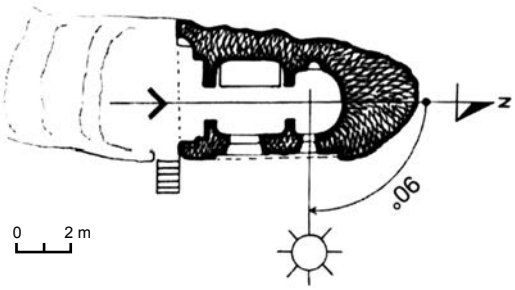


Fig. 10. Planul bisericii rupestre a lui Daniil Sihastrul (apud Păun 2000).

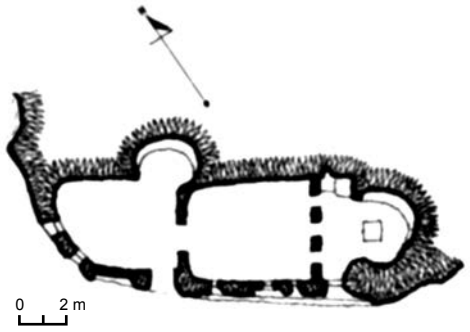


Fig. 11. Biserica rupestră Cetăţuia Negru-Vodă (apud Păun 2000).

Pluguşorul, cu toate componentele sale se va contopi şi cu obiceiul Oraţia de Anul Nou, deosebită, care a existat mai înainte la anul nou de iarnă, împreună cu jocurile cu măşti, cu prezentări satirice, având şi un accentuat caracter de cronică şi critică socială. Astfel, importanţa cărămizii desenate de la Sobari, datată plauzibil în secolul VI-VII, are valoarea de a puncta un obicei dintre cele fundamentale ale folclorului românesc, împreună cu atestarea uneia dintre primele manifestări de iconografie creştină, o operă de artă românească cu profunde semnificaţii, inclusiv ale primului document scris.

În urarea clasică a Pluguşorului protagonistul de bază este badea Vasile, moş Vasile, sau Sf. Vasile: „S-a sculat badea Vasile de dimineaţă...". Conform calendarului creştin, astăzi se face o legătură directă între sărbătoarea Pluguşorului şi ziua Sfântului Vasile cel Mare de 1 ianuarie (Farmer 1999, 316-317; Stoian 2007, 341). Dar noi nu ştim cum a ajuns la aceasta contaminare, deoarece ele nu au fost identice. Era creştină a Calendarului s-a început din secolul VIII (DŞSI 1982, 109; Calendarul 2003, 859). Sărbătoarea de Anul Nou este un prilej de veselie generală, pe când modelul de viaţă al sfântului este unul dintre cele mai exemplare, determinate de cumpătare creştinească, deci, probabil, cu atât mai mult nu la el se refereau în luna septembrie. Deoarece avem marcată, totuşi, o sărbătoare creştină, găsim în unele izvoare folclorice, relatări interesante în acest sens, de pildă, în popor se susţine că şi pe *Iisus Christos îl chema Vasile. Numele de Christos i s-a pus la 30 de ani, când s-a botezat.* Sau, în altă interpretare, *Domnul Christos s-a născut de Crăciun, iar la o săptămână, de Sf. Vasile, l-au botezat în legea cea veche şi i-au pus numele „Vasile"*. Antroponimul Vasile provine de la termenul grecesc „vasileos", cu sensul de „împărat, rege", să fi fost marcajul pe cărămida arheologică iniţial ziua lui Iisus Christos sau a împăratului? Nu ştim. Mai adăugăm şi alte interpretări populare, culese tot de Elena Niculiţă-Voronca, cu referire la persoana Sfântului Vasile, la sfârşitul secolului XIX, în Bucovina: „1. *Sf. Vasile e beţiv mare, de altfel tare bun. El s-a rugat lui Dumnezeu ca să-i deie o zi să fie a lui şi Dumnezeu i-a dat cea întâi zi, de Anul Nou. Sf. Vasile a luat un clopoţel şi a legat la toartă o crenguţă de busuioc şi s-a dus la Dumnezeu să ureze. De aceea de Sf. Vasile se urează.* 2. *Sf. Vasile şede călare pe poloboc; de aceea de ziua lui se fac veselii şi chefuri.* 3. *Sf. Vasile e holtei, atunci se fac petreceri mari. El face pozne mari, dragoste; e împăratul iubirilor. El petrece şi iubeşte, şi joacă, şi cântă – le cântă muzici, strică fete, beau, fură... Spre Anul Nou, când se deschide cerul, toate apele se prefac în vin. În ceasul acela dacă iei apă e vin...*" (Niculiţă-Voronca 2008, I, 104; II, 235). Ceea ce am putea aprecia ca naivităţi folclorice, de peste un mileniu, le gă-

sim încă la băutorii de vin la sărbătorirea zilelor lui Bacchus (Kernbach 1983, 95), la culesul viei, care aveau loc tot în luna septembrie, iar masca cu cap de cerb, purtată de bachante atunci, este menţionată şi de D. Cantemir la români în obiceiul numit Turca, care se desfăşura deja de Crăciun (Cantemir 1872, 141-142; Cantemir 1875, 155-156; Cantemir 1923, 169-171), inclusiv în altă variantă, masca cu bourul (Cantemir 1988, 175-177; Cantemir 2004, 251) sau capra, care au loc şi astăzi la sărbătorile de Crăciun şi de Anul Nou. În cazul nostru, la evenimentul însemnat, nu ştim dacă se avea în vedere ziua lui Iisus Christos, sau a împăratului, ori a Sf. Vasile, însă inscripţia s-a făcut cu siguranţă în limba română, nu în greacă şi nici în latină, care trebuia să fie Bazilius.

Probabil, în icoana din medalion avem imaginea Maicii Domnului cu pruncul, ce s-a redat destul de stilizat, şi s-a imprimat cu linii mai puţin adânci din cauza complexităţii desenului. După reprezentarea unor efigii imperiale pe monedele romane de la sfârşitul secolului IV - începutul secolului V, se crede că acestea au stat şi la baza apariţiei iconografiei paleocreştine în medalioane (Preda 1980, 55; Şovan 1987, 227-233), un medalion cu imaginea lui Daniel în groapa cu lei s-a găsit în Dobrogea, datat la mijlocul secolului V (Opaiţ 1984, 337-338). Alt exemplar s-a descoperit într-un monument mai la nord, în Moldova, datat prin analogie, tot la mijlocul sec. V (Şovan 1987, 227-233), apariţia medalioanelor cu tematică creştină a fost generală în teritoriile romane (Teodor 2001, 19-27). Ulterior, după cum s-a reconstituit de către cercetători, templonul bisericii Sf. Sofia din Constantinopol (537), avea, de asemenea icoane în medalioane (Lazarev 1967, 62-196). Acestea nu au avut o circulaţie prea lungă, deja în bisericuţa de la Peştera lui Bechir, secolul VII, în templon avem icoane dreptunghiulare (Гимпу 2013, 135-138). Icoana din medalionul de pe cărămidă s-ar data tot aproximativ în secolul VI-VII, inclusiv, coroborată şi prin cruciuliţa pectorală imitată în desen, aşa cum acestea apar în secolele VI-VII, unul dintre indicatori, care este susţinut şi de analiza cu radio-carbon. Astfel, la datarea cărămizii de la Sobari avem însemnaţi următorii indici: calendarul iulian ante secolul VII, cruce pectorală şi icoană în medalion din secolele VI-VII, corelate şi cu informaţiile etnografice.

Încercăm să ne referim şi la persoana ce a liniat cărămida de la Sobari, care era un preot cel mai probabil, român, şi reprezenta o comunitate românească, aproape de Nistru, iar cum edificiul de piatră era prea somptuos pentru o biserică simplă, s-ar putea să reprezinte autoritatea unei episcopii. Aşa cum au apreciat şi alţi autori (Teodor 1991, 82; Niculiţă 1996, 20; Niculiţă, Popa 2000, 69; Popa 2001, 153, 158), din cauza lipsei stratului cultural, edificiul de piatră de la Sobari putea fi o biserică cu altarul pătrat. În mediul romano-bizantin o aşa bazilică cu altarul neabsidat, numită siriană, s-a descoperit în oraşul Callatis, datată în secolele V-VI d. Hr. (fig. 1). La biserica din Sobari colonadele din interiorul bazilicii clasice s-au scos prin simplificare în afară (fig. 3). După afirmarea religiei creştine, ca şi în trecut, apanajul stabilirii calendarului îl aveau preoţii. Ei trebuiau să anunţe populaţia cu privire la zilele de sărbători religioase, atunci când nu se muncea, dar trebuia să se meargă la biserică. şi doar nici preoţii singuri nu fixau aceste zile individual, dar erau anunţaţi de o autoritate mai generală, care se făcea probabil la episcopie. Astfel, s-a liniat şi cărămida de la Sobari, de către un preot, abilitat cu anunţarea calendarului poporenilor, plus că s-a dovedit şi cu un oarecare talent, care ne-a lăsat o imagine sugestivă a sărbătorii Plugușorului din secolele VI-VII. Apreciind posibilitatea care ne indică o biserică somptuoasă episcopală, putem constata să se afle aici sediul unui horepiscop, termen arătat de Mircea Păcurariu pentru zone de la nordul Dunării, cu semnificaţia de episcop de ţară (adică de sate) (Păcurariu 1991, 117), aflaţi într-o relaţie strânsă, canonică şi liturgică, cu Biserica creştină bizantină.

În zona noastră un alt lăcaş cu altarul neabsidat avem şi la biserica rupestră a complexului monastic de la Butuceni (Orheiul Vechi) (Ghid 1995, 21), pe care noi am evaluat-o iniţial, să fi urmat tradiţia bisericilor de lemn (Ghimpu 2000, 133-143). Cum se vede, ea a avut o istorie mai veche, iar după ce i s-a prăbuşit calea de acces priporoasă dinspre râul Răut, a stat mult timp pustie, ca ulterior, sătenii din Butuceni să-i sape o galerie din altă direcţie şi să o tranforme în biserică parohială în anul 1821 (Курдиновский 1906, 1313-1316), provocând unele schimbări interioare. Totuşi, biserica ei cu altarul pătrat (fig.12), care are aceleaşi componente ca în altarul bazilicii din Callatis, dispuse însă nesimetric, pastoforia şi diaconiconul. Amenajată prin excavare într-un complex integral, împreună cu 12 chilii, această mănăstire se poate alinia cronologic la complexele rupestre din Munţii Buzăului ca sihăstrie cu 12 călugări (Balan 1982, 180-181), aşa cum au fost

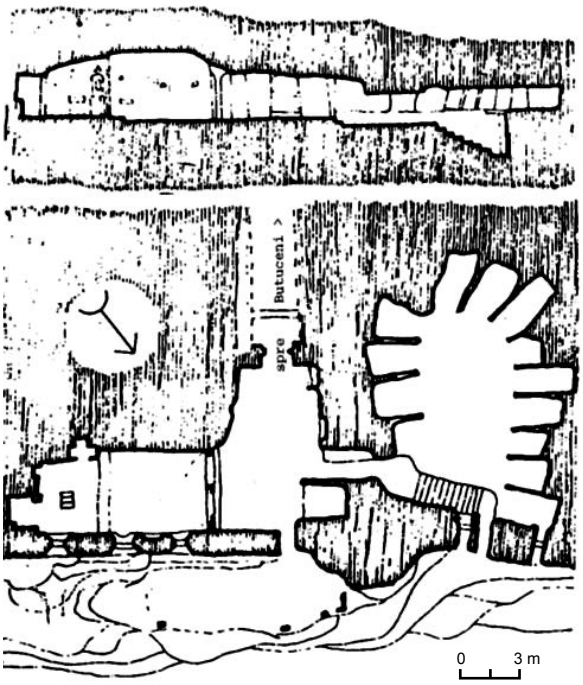


Fig. 12. Complexul rupestru de la Butuceni (Orheiul Vechi) (apud Ghid 1998).

ele orânduite de Vasile cel Mare, printre primele instituţii monahale ce urmau scriptura, conform exemplului Mântuitorului cu cei 12 apostoli.

În concluzie, după analiza mai multor monumente rupestre religioase din spaţiul românesc dobrogean şi extracarpatic, se poate afirma prezenţa unor lăcaşe creştine din cele mai vechi perioade de la apariţia creştinismului, corespunzătoare unor faze cronologice distincte – din perioada antică şi din creştinismul paleocreştin, cât şi din cea a Evului Mediu timpuriu, certificate clar pe un teritoriu mai larg, dar mai expus la atacurile migratorilor şi ale nomazilor, atât în Moldova, cât şi la sud de Carpaţi deopotrivă, ca o condiţie, probabil dictată de duritatea materială pentru comunităţile româneşti din acea vreme, aflate aproape permanent în faţa vicisitudinilor vieţii. După apariţia unor noi dovezi arheologice, se poate afirma despre existenţa în teritoriul Moldovei şi a unei episcopii, conduse posibil de un horepiscop, care păstorea comunităţile rurale din această zonă. Prin contribuţia unui exponat arheologic excepţional, sunt atestate pe o cărămidă desenată liniar primele dovezi scrise, artistice, iconografice şi folclorice ale românilor din perioada evului mediu timpuriu.

Bibliografie

Adăscăliţei 1987: V. Adăscăliţei, Istoria unui obicei: plugușorul (Iaşi 1987).

Băieşu 2008: N. Băieşu, Tradiţii etno-folclorice ale sărbătorilor de iarnă (Chişinău 2008).

Balan 1982: I. Balan, Vetre de sihăstrie românească, secolele IV-XX (Bucureşti 1982).

Cabrol, Leclercq 1913: F. Cabrol, H. Leclercq, Dictionnaire d'archéologie et liturgie, vol. XIII/1 (Paris 1913).

Boroneanţ, Ciuceanu 1977: V. Boroneanţ, R. Ciuceanu, Cercetările din Peştera de la Limanu, jud. Constanţa. In: Revista muzeelor şi monumentelor. Monumente de istorie şi de artă, nr. 2 (Bucureşti 1977.)

Calendarul 2003: Calendarul în spaţiul românesc de-a lungul timpului. In: Istoria României în date (Bucureşti 2003).

Cantemir 1872: D. Cantemir, Descriptio Moldaviae (Bucureşti 1872).

Cantemir 1875: D. Cantemir, Descrierea Moldovei (Bucureşti 1875).

Cantemir 1923: D. Cantemir, Descrierea Moldovei (Bucureşti 1923).

Cantemir 1988: D. Cantemir, Descrierea Moldovei (Chişinău 1988).

Cantemir 2004: D. Cantemir, Descrierea Moldovei (Bucureşti 2004).

Dan 1905: D. Dan, Mănăstirea şi comuna Putna (Bucureşti 1905).

DŞSI 1982 : Dicţionar al ştiinţelor speciale ale istorie (Bucureşti, 1982).

Enciclopedia 2000: Enciclopedia arheologiei şi istoriei vechi a României, vol. III, M-Q (Bucureşti 2000).

Farmer 1999: D.H. Farmer, Dicţionar al sfinţilor (Bucureşti 1999).

Ghid 1998: Ghid de monumente şi situri istorice din Republica Moldova (Chişinău 1998).

Ghimpu 1998: V. Ghimpu, Mănăstirea rupestră de la Peştera lui Bechir din Soroca. Tyragetia VI-VII, 1998, 43-56.

Ghimpu 2000: V. Ghimpu, Biserici şi mănăstiri medievale în Basarabia (Chişinău 2000).

Ghimpu 2012: V.D. Ghimpu, Un templon în biserica paleocreştină de lângă Soroca. In: Buletinul Comisiei Monumentelor Istorice, nr. 1-2 (Bucureşti 2012).

Kernbach 1983: V. Kernbach, Dicţionar de mitologie generală (Bucureşti 1983).

Lupu 1994: E. Lupu, Observaţii asupra vestigiilor rupestre din zona Carpaţilor de Curbură. Musaios IV/2, 1994.

Micle 1995: V. Micle, Peştera Sfântului Grigore de la mănăstirea Bistriţa (Bucureşti 1995).

Niculiţă 1996: I. Niculiţă, Situl de epocă romană de la Sobari şi unele aspecte ale romanizării în spaţiul de la Est de Carpaţi. In: Probleme actuale ale istoriei, economiei şi culturii moldovenilor de la Est de Prut. Romanizarea la Est de Carpaţi, caietul 2, materialele sesiunii din 3 iulie 1996 (Chişinău 1996).

Niculiţă, Popa 2000: I. Niculiţă, A. Popa, Prezenţă romană în zona nord-pontică (Chişinău 2000).

Niculiţă-Voronca 2008: E. Niculiţă-Voronca, Datinile şi credinţele poporului român: adunate şi aşezate în ordine mitologică, I; II (Bucureşti 2008).

Opaiţ 1984: C. Opaiţ, Două amulete din sticlă din nordul Dobrogei. Peuce IX, 1984.

Păcurariu 1991: M. Păcurariu, Istoria Bisericii Ortodoxe Române (Bucureşti 1991).

Păun 1999: S. Păun, De două mii de ani primim lumina din absida altarului creştin. In: Academica, revistă de ştiinţă, cultură şi artă, anul X, 1-2 (Bucureşti 1999).

Păun 2000: S. Păun, Absida altarului (Bucureşti 2000).

Preda 1980: C. Preda, Callatis. Necropola romano-bizantină (Bucureşti 1980).

Pop 1989: D. Pop, Plugușorul – sinteză folclorică românească. In: D. Pop, Obiceiuri agrare în tradiţia populară românească (Cluj-Napoca 1989).

Popa 2001: A. Popa, Romains ou barbares? Architecture en pierre dans le barbaricum à l'époque romaine tardive (sur le matériel archéologique du Nord-Ouest du Pont Euxin) (Chişinău 2001).

Stoian 2007: I.M. Stoian, Dicţionar religios. Termeni religioşi, credinţe populare, nume proprii (Bucureşti 2007).

Şovan 1987: I.O. Şovan, Un mormânt cu medalioane romane de sticlă din necropola de la Mihălăşeni (jud. Botoşani). ArhMold XI, 1987.

Ştefan 1980: C. Ştefan (colectiv), Vestigii rupestre din Munţii Buzăuluzi (Buzău 1980).

Teodor 1991: D. Gh. Teodor, Creştinismul la est de Carpaţi, de la origini până în secolul al XIV-lea (Iaşi 1991).

Teodor 2001: D. Gh. Teodor, Medaillon byzantines à simboles chrétiens des IV-VIe de l'espace carpato-danubienno pontique. In: Etudes byzantines et post-byzantines, IV (Iaşi 2001).

Theodorescu 1963: D. Theodorescu, L'edifice Romano-Byzantin de Callatis. Dacia N.S. VII, 1963.

Tomescu 1942: C. Tomescu, Scurtă povestire istorică despre Sfânta Mănăstire Neamţu şi despre aşezările monahale supuse ei (Măn. Neamţu 1942).

Site ASCOR (Asociaţia studenţilor creştini ortodocşi români), https://ascorbucuresti.wordpress.com.

Гимпу 2013: В. Гимпу, Древнейшая церковь Пещеры Бекира возле города Сорока. Археологические вести 19, 2013, 135-138.

Курдиновский 1906: В. Курдиновский, Окрестности Старого Орхея. В: Кишиневские Епархиальные Ведомости, № 41 (Кишинев 1906).

Лазарев 1967: В.Н. Лазарев, Три фрагмента расписных эпистилиев и византинский темплон. В: Византиййский временник, том XXVII (Москва 1967).

Рикман 1970: Э.А. Рикман, Поселение первых столетий нашей эры Собарь в Молдавии (о связях черняховцев с античным миром). СА 2, 1970.

Рикман 1975: Э.А. Рикман, Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры (Москва 1975).

Paleo-Christian churches in the Romanian area in the early Middle Ages

Keywords: places of worship, Christianity, early Middle Ages, Romanian space.

Abstract: Based on the research of many rock-hewn churches of the Romanian region, located in the Dobruja and around the Carpathian mountain range, the author notes the existence there of a number of Christian churches belonging to the early Christian period and the early Middle Ages. According to the author, the religious buildings were created for the most part of very strong material because of the highly volatile external environment, due to the pressure of the migratory and nomadic peoples. On the basis of new archaeological data it can be argued that in the territory of the future Moldova there was a diocese under the guidance of a chorbishop (bishop of rural settlements). The presence and discovery of a very valuable exhibit, which is a rare example of art, iconography and folklore heritage of Romanians in early Middle Ages (red brick with depictions), gives us the first written evidence of the presence of Christianity in this area.

List of illustrations:

Fig. 1. Plan of the Syrian Rite Church in Callatis (after Theodorescu 1963).

Fig. 2. Plan of a stone structure in Sobari (after Niculiţă, Popa 2000).

Fig. 3. Stone structure in Sobari (after Popa 2001).

Fig. 4. Brick with depicted lines from Sobari. Photo.

Fig. 5. Brick with depicted lines from Sobari. Drawing.

Fig. 6. Plan of the Limanu Cave, Constanţa County (after Păun 2000).

Fig. 7. Cave of St. Andrew the Apostle (after Păun 2000).

Fig. 8. The Ovidenia Cave Church of the Bistriţa Monastery (after Păun 2000).

Fig. 9. The church of Bechir's Cave near Soroca.

Fig. 10. Plan of Daniil the Hermit's cave church (after Păun 2000).

Fig. 11. Cetăţuia Negru-Vodă Cave Church (after Păun 2000).

Fig. 12. Butuceni cave complex (Old Orhei) (after Ghid 1998).

Палеохристианские церкви на румынском пространстве в период раннего Средневековья

Ключевые слова: культовые сооружения, христианство, раннее Средневековье, румынское пространство.

Резюме: На основе исследования многих скальных церквей румынского региона, расположенных на территории Добруджи и вокруг Карпатского хребта, автор констатирует наличие там целого ряда христианских храмов, относящихся к периодам раннего христианства и раннего Средневековья. По мнению автора, культовые сооружения создавались по большей части из крепкого материала по причине крайне нестабильной внешней обстановки, обусловленной натиском переселенческих и кочевнических народов. На основе новых археологических данных можно утверждать, что на территории будущей Молдовы находилась епископия под руководством хорепископа (епископа сельских поселений). Наличие и выявление очень ценного экспоната, который является редким образцом художественного, иконографического и фольклорного достояния румын периода раннего Средневековья (прорисованный красный кирпич), предоставляет нам первое письменное свидетельство о присутствии христианства на этом пространстве.

Список илюстраций:

Рис. 1. План церкви сирийского обряда в Каллатисе (по Theodorescu 1963).

Рис. 2. План каменного сооружения в Собарь (по Niculiţă, Popa 2000).

Рис. 3. Каменное сооружение в Собарь (по Popa 2001).

Рис. 4. Кирпич с прорисованными линиями из Собарь. Фотография.

Рис. 5. Кирпич с прорисованными линиями из Собарь. Рисунок.

Рис. 6. План пещеры Лиману, уезд Констанца (по Păun 2000).

Рис. 7. Пещера св. апостола Андрея (по Păun 2000).

Рис. 8. Скальная церковь Овидения (Введенская) в Бистрицком монастыре (по Păun 2000).

Рис. 9. План церкви Пещеры Бекира возле г. Сороки.

Рис. 10. План скальной церкви Даниила Сихастру (Отшельника) (по Păun 2000).

Рис. 11. Скальная церковь Четэцуя Негру-Водэ (по Păun 2000).

Рис. 12. Скальный комплекс в Бутучень (Старый Орхей) (по Ghid 1998).

04.03.2016

Dr. Vlad D. Ghimpu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August 121A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova

ТРАДИЦИИ АНТИЧНОСТИ В ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТАВРИКИ

Екатерина Моця

Ключевые слова: Таврика, Византия, оборонительные сооружения, античность, средневековье

Северное Причерноморье, или Таврика, благодаря своему выгодному геополитическому положению всегда было местом пересечения интересов, определяющих для истории государств – таких как античная Греция, Рим, Византия, Хазарский каганат, после – Киевская Русь, Турция, Российская империя. От начала основания греческих колоний в Крыму и до падения Византийской империи жизнь на краю античного мира в окружении многочисленных варварских племен диктовала свои законы. Без сомнений, во все районы Северного Причерноморья была перенесена система военного дела, сложившаяся на то время в метрополии. Следует признать, что основные изменения в характере вооружения, фортификационном строительстве и прочих аспектах военного искусства, которые выкристаллизовывались в Древней Греции, распространялись в мире колоний достаточно быстро. Вместе с тем, такие известные тактические единицы, как, например, македонская фаланга или даже строй римских манипул, в условиях Северного Причерноморья вряд ли могли быть применены успешно.

Тут следует подчеркнуть, что колонии на Северном берегу Черного моря существовали в очень специфических условиях, поскольку их соседями были не только земледельцы, но, в большей степени, кочевники. А.М. Хазанов по этому поводу указывает на то, что вплоть до нового времени, когда произошла существенная революция вооружения, оседлые государства не могли найти какое-либо надежное решение военной проблемы, связанной с защитой от нападений кочевников (Khazanov 1984, 222-223, 263), ведь движение кочевнических объединений из глубин Азии означало дестабилизацию военно-политической обстановки в Северном Причерноморье (Виноградов 2004, 11).

Кочевники, безусловно, приносили с собой из Азии новые приемы ведения боевых действий и предметы вооружения. Потому каждое вторжение определенным образом изменяло устоявшуюся систему военного дела как местных варварских племен, так и греческих колоний.

Без такого заимствования военного опыта своих вынужденных соседей существование греческих городов вряд ли было бы возможным, ведь военные силы греков в Северном Причерноморье обычно сталкивались в бою с легковооруженными соперниками, активно использовавшими метательное оружие. То есть такой характер ведения боя сильно отличался от собственно греческого. И как на развитие военного дела в метрополии огромное влияние оказали войны с фракийцами, персами и другими народами Передней Азии, так местные племена существенно повиляли на военное искусство городов Северного Причерноморья.

Однако некоторые черты, присущие исключительно античным основам военного искусства, без сомнения, прослеживаются в отдельных аспектах оборонной доктрины Крымской Таврики и в более позднее время.

Одна из таких «долгоиграющих» традиций – фортификационная. Тут следует заметить, что практичные византийцы с большой неохотой брались перестраивать монументальные греческие сооружения, построенные по всем принципам полиоркетики. Тем не менее, такие весомые причины, как рост населения сравнительно с численностью первых колонистов, сильные землетрясения и наносы земли[1], заставляли браться за усовершенствования существующей системы обороны городов. Тем

[1] Херсонеситы пытались решить эту проблему уже в середине - второй половине III века до н.э., когда стали создавать на участке 19-ой куртины систему, которая отвечала не только военным, но и гидротехническим задачам, а именно, служила плотиной, сдерживающей натиск твердых наносов со стороны тальвега соседствующего оврага.

более, что на отдельных участках (боспорский город Дия-Тиритака) стены раннего времени могли возводиться просто в интервалах между окраинными домами для экономии сил и средств (Гайдукевич 1952, 74, 88).

Оборонительные сооружения начали возводиться вокруг греческих городов в Северном Причерноморье сразу после их основания. Первые укрепления Пантикапея, остатки которых были обнаружены еще в 1949 г. на северном склоне горы Митридат, судя по всему, относятся к VI в. до н.э. (Блаватский 1951, 215). Отдельные приемы их построения просуществовали длительное время. К таковым относится протейхизма.

Протейхизма (гр. προτείχισμα) – передовая оборонительная стена, которая возводилась на расстоянии приблизительно 5-10 метров перед всей линией главных крепостных куртин и башен с целью затруднить приближение к ним соперника, его осадных машин, а также для того чтобы обеспечить скрытую от врага переброску военных отрядов до нужного места обороны. В Херсонесе Таврическом это сооружение появилось во II-III вв. вдоль южного и западного участков оборонной линии и не утратило обороноспособности вплоть до окончательного упадка города. Кстати, с появлением протейхизмы теряет актуальность существенная римская военная традиция – померium (лат. pomerium), или так называемая военная улица – незастроенное пространство, которое существовало вдоль тыльной стороны основной оборонной стены. Ее функцию принимает на себя перибол (гр. περίβολος) – внутреннее пространство между передовой и основной оборонными стенами. В нем накапливались силы для вылазок, в него загоняли скот с полей во время войны, в нем же селились окресные жители, как в Аттике, в периболе между Долгими стенами во время Пелопонесской войны, по свидетельствам Фукидида (Фукидид 1915, 3-17). Кроме того, перибол служил для скрытого сбора силы в нужном месте, подготовки военных вылазок, быстрого перемещения войск.

Кроме Херсонеса, протейхизма известна и в других городах Таврики: на Эски-Кермене, в Каламите и Алустоне. Кстати, строительство протейхизмы учитывало еще одно важное античное правило: строить оборонительные стены обязательно на скале или на материке, и несмотря на большую глубину залегания в этом месте скалы, фундаменты протейхизмы находятся на скале[2].

Другим приемом обороны, известным со времен Рима, была обитая железом решетка-катаракта, которая поднималась и опускалась в специальные пазы, описанные в трактате Вегеция (Флавий 2001, 264-382); она просуществовала в Херсонесе от античных времен до позднего средневековья. Также такие вертикальные пазы, не доведенные до самого низа, чтобы зубцы падающих врат не ломались об мостовую, известны на главных воротах Эски-Кермена.

Следует обратить внимание также на общий вид оборонной линии Причерноморских городов. Оборонительные сооружения вокруг них начали строиться сразу после их основания. Первые укрепления Пантикапея, остатки которых были обнаружены еще в 1949 г. на северном склоне горы Митридат, скорей всего относятся к VI в. до н.э. (Блаватский 1951, 215). В южной части Дии-Тиритаки была обнаружена оборонная стена обычного типа, построенная, вероятно, в первой половине V в. до н.э. (Гайдукевич 1952, 17-19). Эта стена 1,7-1,8 м в толщину состоит из двух панцирей, сложенных из достаточно больших плит неправильной формы, тщательно подтесанных с лицевой стороны, заполненных бутом и глиной. В IV-III вв. до н.э. упомянутая стена была заменена более мощной, около 3,30 м в толщину (Гайдукевич 1952, 21). Но сам характер построения этой, более мощной, стены не изменился – такая же панцирная кладка, забутованная посредине.

В римское время заметно оживление строительной деятельности. Усиленно укрепляется Танаис, ремонтируются старые и строятся новые фортификационные объекты. Надпись, найденная под Анапой, сообщает, что царем Савроматом I (93/94 - 123/124 гг. н.э.) были заново отстроены стены Горгиппии (Блаватская 1951, 117). Также появляются небольшие поселения-крепости, которые могли иметь

[2] Несмотря на то, что, к примеру, в Херсонесе для этого пришлось рыть каналы для фундаментов стены до 6 м вглубь.

стратегическое значение. Кроме того, по свидетельствам Страбона (Страбон 1964, 282-285, 291), боспорский царь Асандр (47-17 гг. до н.э.) оградил укреплениями перешеек возле Меотиды (Азовское море), чтобы помешать нападениям кочевников. Укрепления эти представляли собой стену длинной 330 стадий (приблизительно 65 км), с десятью банями, размещенными через равные промежутки расстояния. Ограждались укреплениями и другие районы. Римляне также систематизировали систему обороны Боспора, которая состояла из трех рубежей. Первая линия обороны являла собой небольшие крепости и сторожевые посты, которые были выдвинуты в горные и степные районы; второй линей выступали обновленные валы, которые сохранились с предыдущих времен, а также новые; третьим рубежом обороны стали крупные укрепленные крепости и, разумеется, города. Именно такая система, как будет понятно дальше, оказалась наиболее приспособленной к специфичным крымским условиям и с успехом использовалась византийцами в масштабах всей Таврики.

Некоторые историки (М.И. Ростовцев, В.М. Дяков) считают, что на территории Крымского полуострова во II-III вв. существовала специальная система пограничных укреплений – Таврический лимес, построенный римлянами и организованный подобно Дунайскому, Сирийскому и Британскому (Сорочан, Зубарь, Марченко 2001, 108). Но нужно помнить, что лимес – это укрепленная линия, которая создавалась на официальных границах Римской империи и состояла из системы разных укреплений – валов, рвов, сторожевых башен, крепостей, расположенных в линейном порядке. В среде научных исследователей до сих пор ведутся дискуссии, можно ли считать античные центры Северного Причерноморья входящими с состав Римской империи, или же они считались ее союзниками.

Однако, в рамках данной статьи важно не то, как именно назвать систему римской обороны Северного Причерноморья, а то, что именно она оказалась настолько жизнеспособной, что византийцы оставили ее практически без изменений. Такая ситуация вызвана, скорей всего, особенностями рельефа Крыма. Характерной особенностью Крымских гор является наличие узких долин, которые в пределах предгорных гряд имеют вид ущелий, разделяя гряды на отдельные участки, а в низинах расширяются (Павлова 1964, 27). Эти долины были относительно доступными для нападений кочевников там, где горные речки и их притоки разделяют Внутреннюю гряду. Считается, что именно здесь император Юстиниан I Великий (527-565) построил «Длинные стены», которые исполняли роль защитных систем именно в этих долинах, как бы перекрывая их, и являлись прямым продолжением вышеназванных античных укрепленных валов и стен, усиленных башнями через равные промежутки. Оборонные сооружения, которые защищали горные проходы, назывались «клейсурами» (κλεισοῦρα) (Об устройстве 2002, 356) и исполняли двойную функцию – на тактическом и стратегическом уровнях. Тактическим назначением клейсур были: местная оборона, удержание кочевников на расстоянии, защита «страны Дори». Стратегическим назначением «длинных стен» в первую очередь была охрана важных путей, которые вели из степей в гавани побережья, и прикрытие дальних подступов к главным центрам Византии в Причерноморье – прежде всего, к Херсонесу. Подобную роль «длинные стены» исполняли в обороне античных Афин. Они были построены в середине V в. до н.э. при Перикле между морской гаванью Афины – Пирей (Гелиодор[3]). Подобные сооружения построены и в других древнегреческих городах (Коринф – Лехеон, Мегары – Нисея, Аргос – Темения) (Лурье 1993, 330-332).

К сожалению, остатков крымских «длинных стен» до наших дней не сохранилось, а может быть, они просто еще не обнаружены, поэтому мы не можем наверняка знать, как именно они выглядели. Но, учитывая уважение, которое ромеи испытывали к греческому и римскому военному опыту, можно более-менее уверенно предположить, что эти стены мало отличались от известных античных укреплений. В подтверждение этого утверждения можно привести остатки одной «длинной стены», которую открыл В.А. Сидоренко в ущелье Каралез в бахчисарайском районе к северу от Мангуп-Кале (Айбабин 1999, 120; Вус 2002, 255-256; Сидоренко 1991, 114). Длинна стены

[3] http://ancientrome.ru/antlitr/heliodoros/heliod9.htm

равнялась 150 м, толщина 2,3-2, 4 м, современная высота – около 2,5 м (Вус 2004, 51). Стена была пристроена под углом 2-3 градуса к отвесным скалам с обеих сторон ущелья. В месте, где стена с левой стороны стыковалась со скалами, было оборудовано несколько боевых площадок, стрельбой из которых перекрывалось «мертвое пространство» перед оборонным рубежом (Вус 2004, 51). Эти же площадки могли использоваться и для наблюдения. Стена построена из двух панцирей – внешнего и внутреннего, посредине – забутовка из «дикого камня» и гальки на известковом растворе. В 1979 г. В.Л. Мыц открыл остатки еще одной подобной оборонной системы в ущелье Текме-Таш, неподалеку от средневекового городища Эски-Кермен (Мыц 1991, 27; Сорочан, Зубарь, Марченко 2001, 144). Ее расположение, характер оборонной способности, особенности кладки и раствора, на котором она была построена, идентичны стене в ущелье Каралез. Тактическим назначением этой постройки было также прикрытие узкого горного дефиле, которое выводило на путь к Херсонесу.

Существование еще одной клейсуры, которая преграждала каньон речки Качи, подтверждает гравюра начала XIX в., опубликованная Т. Фадеевой (Фадеева 1998, 194). Про эту клейсуру упоминает и Эвлия Челеби (Эвлия Челеби 1999, 39), подтверждая, таким образом, ее существование, ведь на сегодняшний день от стены не осталось ни следа.

Вторым рубежом обороны, после «длинных стен», как и в вышеупомянутой римской системе обороны Боспора (но уже в значительно больших масштабах), были небольшие укрепленные крепости.

Приблизительно в последней четверти VI в. одновременно с капитальным ремонтом стен Херсонеса начинается строительство дополнительных оборонных пунктов в горном Крыму. Эти комплексы строились в тылу у клейсур для усиления их обороноспособности, по внешнему периметру южно-западной части Крыма, в горных проходах, там, где противник мог легко проникнуть в Таврику.

Византийские оборонительные комплексы сооружались на плоских плато, которыми богаты крымские горы. Такие крепости отличаются продуманной фортификацией, которая синтезировала в себе каноны антично-византийского строительства и максимальное использование природных факторов: крутых склонов останцев, отвесных урочищ и т.п. Оборонные сооружения в большинстве случаев просто дополняли природные условия. Также можно смело допустить, что прирожденная практичность византийцев позволяла им использовать античные укрепленные пункты – такие как городище Тепе-Кермен, насчет которого в историографии не существует единой точки зрения. Одни относят время его существования к средневековью (Мыц 1991, 128), другие идентифицируют его укрепленным убежищем античной эпохи (Фадеева 2002, 42), третьи называют византийским пещерным монастырем (Петровский 2002, 81-98).

При всей невозможности удержать местность без мощных и продуманных фортификационных сооружений, еще более сложно сделать это без гарнизонов, которые бы несли службу в этих сооружениях. Конечно, их вооружение и тактические приемы не могли не меняться от времен античности до средневековья, однако некоторые самые удачные элементы оставались не то чтобы неизменными, но относительно устойчивыми на протяжении длительного времени.

Основой древнегреческой армии была тяжеловооруженная пехота – гоплиты, вооруженные мечами и копьями. Мечи использовались преимущественно двух видов: греческий скифос – прямой, двулезвийный, остроконечный меч, и распространенная в Греции фракийская махайра – однолезвийная, в средней части слегка расширенная. Кроме того, вероятно, что в качестве наступательного оружия употреблялось также местное оружие. К примеру, в боспорских и ольвийских погребениях известны находки акинаков (Сокольский 1954). После столкновения римской империи с сарматами короткий меч снимают с армейского вооружения, вместо него появляется парный к длинному мечу кинжал, такой длинны, что иногда не понятно, это длинный кинжал или короткий меч. Длинные мечи сарматского типа без металлического навершия и с прямым перекрестьем появляются на Боспоре, а в эпоху переселения народов вместе с эллинами распространяются далеко на запад.

Для вооружения катафрактов – тяжелых конников в империи ромеев рекомендуются так называемые парамирии. Считается, что имеется в виду изогнутый клинок подобный сабле или палаш (Никифор 2005, 76). Такие клинки, похожие на саблю, махайру или ятаган, с успехом использовались со времен Древней Греции, сначала в пешем, а потом, когда конница стала основой армии, в конном бою. Преимуществом сабли над мечом был значительно меньший вес, который позволял существенно ускорить ударно-защитные действия. Вместе с тем сила удара и глубина проникновения возмещались за счет кривизны рабочей части клинка – она позволяла во время удара использовать режущий эффект. В сравнении с палицей или прямым мечом сабля выигрывала за счет способности наносить тяжелые рубяще-колющие удары, что для скоростной конницы было главным преимуществом в подвижном бою как против вражеской конницы, так и пехоты.

Метательное вооружение легкой пехоты составляли дротики, лук и стрелы, пращи. Кроме того, византийская армия тем и отличалась от своих современников, что вооружение в одном подразделении не было однообразным. В принципе, все солдаты должны были иметь одинаковое оружие, на самом же деле, они были вооружены относительно их реальных возможностей и потребностей наилучшего использования личного состава и условий боя (Осарес 2007, 69). Все это является свидетельством достаточно рационального подхода. Поэтому пехотинцу советовалось иметь при себе и поясной меч, и секиру, и даже железные палицы (Никифор 2005, 6) на выбор. Таким образом, солдат мог выбирать, каким видом оружия ему удобней и привычней биться. И хотя античные авторы больше интересовались военным искусством метрополий и их приближенных провинций, чем приграничной Таврики, а местная письменная традиция (которая должна была существовать на территории современного Крыма) до нашего времени не сохранилась, возможно, подобная толерантность византийских военных руководств была вызвана многовековым опытом.

Скорее всего, военные силы северно-причерноморских городов в первое время их существования имели такую же организацию, как и в эллинских полисах метрополии. В государствах Северного Причерноморья не было постоянных армий, и вооруженные силы составляло ополчение горожан, которое собиралось в случае войны. Вооружение закупалось воинами за собственный счет. В такой ситуации логично представить, как более состоятельные граждане выходили в тяжелом (читай – дорогом) доспехе, а остальные составляли легковооруженные отряды. В первой половине IV в. до н.э. на Боспоре появляется существенное наемное войско, аналогичное подобным армиям метрополии того же времени (Блаватский 1954, 70-71). Это войско набиралось из греков и фракийцев.

В византийскую эпоху мы видим подобную организацию. Крымские аланы, так же как и готы, считались федератами Византии и, по свидетельству императора Константина VII Багрянородного (913-959) их войско, возглавляемое эксусиократором Алании, защищало от нападений кочевников Херсон и прочие населенные пункты (Константин Багрянородный 1991, 53). Трактат Константина Багрянородного написан в X в., однако археологические находки оружия, украшений, посуды сармато-аланского происхождения из некрополя Карши-Баир, что находится в Нахимовском районе города Севастополь, подтверждают, что подобные охранные функции крымские аланы исполняли и во время Юстиниана I (527-565 гг.) (Ушаков, Филиппенко 2004, 116-117, 313).

Кроме вышеназванных элементов вооружения, важную ступень занимали копья. Они были одним из основных элементов в комплекте вооружения как пехоты, так и кавалерии и были очень эффективным оружием. Тацит писал про сарматских катафрактариев: «... вряд ли существует войско, которое в состоянии выстоять перед натиском их конных орд» (Тацит 1993, 187). В доказательство его прозорливости можем отметить, что почти полторы тысячи лет спустя копья знаменитой польской крылатой кавалерии имели подобную длину – 4,5-5,0 м.

В анонимном трактате VI в. говорится: «Копья их должны быть такой длины, которая удобна для использования каждым солдатом, в том числе тем, кто размещен во второй, третьей и четвертой шеренгах. Копья первых

четырех шеренг должны были выступать перед фронтом всего войска, и копья первой шеренги должны выступать перед копьями второй шеренги настолько, насколько первая шеренга стоит спереди второй, и далее по порядку точно таким же образом до четвертой шеренги; в большинстве случаев в замкнутой фаланге это расстояние составляет приблизительно 1 локоть. Некоторые делали копья второй шеренги длиннее, чем копья первой шеренги на указанную длину, так чтобы выдвижение копий первой и второй шеренги было одинаковым и можно было бы биться с врагами двумя копьями одновременно» (О стратегии 2007, 90-91).

Византия считала себя преемницей Рима, который, в свою очередь, был прямым преемником Древней Греции. В условиях уважительного отношения к руководствам предков военные традиции изменялись очень медленно и только в тех сферах, которые этого требовали. Даже на периферии имперских интересов, в Северном Причерноморье, мы можем проследить сильное влияние античности на протяжении всего существования империи ромеев.

К таким долгоиграющим традициям относятся: стратегическая система обороны полуострова от кочевников, состоящая из трех поясов: длинных стен, небольших укрепленных крепостей и, собственно, городов; фортификационные сооружения, которые перестраивались редко и с минимальными вмешательствами; наемное войско, состоящее из местных племен; некоторые элементы вооружения, такие как, к примеру, длинный меч сарматского типа, лук и праща, отдельные виды метательной артиллерии.

На основании всего вышеперечисленного можно с уверенностью констатировать, что в военном искусстве Крымской Таврики в эпоху средневековья вместе с характерными, принятыми в Византии, чертами военного характера ощущается влияние античности.

Библиография

Айбабин 1999: А.И. Айбабин, Этническая история ранневизантийского Крыма (Симферополь 1999).

Блаватская 1951: Т.В. Блаватская, Строительная надпись из Горгиппии (Москва 1951).

Блаватский 1951: В.Д. Блаватский, Раскопки Пантикапея (1949 г.). Краткие сообщения Института истории материальной культуры XXXVII, 1951, 212-228.

Блаватский 1954: В.Д. Блаватский, Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья (Москва 1954).

Виноградов 2004: О.А. Виноградов, «Там закололся Митридат…» (Москва 2004).

Вус 2002: О.В. Вус, Фортифкаційна практика Візантійської імперії в гірському Криму. «Довгі стіни» Юстиніана. Народознавчі зошити: Інститут народознавства НАНУ 3-4 (45-46), 2002, 253-262

Вус 2004: О.В. Вус, військово-інженерний аспект відновлення praetentura imperii Юстиніаном I у південному Криму (VI ст.). Військово-науковий вісник 6, Львів 2004, 43-60-

Гайдукевич 1952: В.Ф. Гайдукевич, Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. Материалы и исследования по археологии СССР 25, 1952, 15-134.

Гелиодор 2001: Гелиодор, Эфиопика. Книга IX. Перевод с древнегреческого А.В. Болдырева. Комментарии А.Н. Егунова. (Москва 2001); цитируется по http://ancientrome.ru/antlitr/heliodoros/heliod9.htm

Константин Багрянородный 1991: Константин Багрянородный. Об управлении империей (Москва 1991).

Лурье 1993: С.Я. Лурье. История Греции. Курс лекций (Санкт-Петербург 1993).

Мыц 1991: В.Л. Мыц, Укрепления Таврики X-V вв. (Киев 1991).

Никифор 2005: Никифор II Фока, Стратегика (Санкт-Петербург 2005).

О стратегии 2007: О стратегии. Византийский военный трактат VI века. Изд. подг. В.В. Кучма (Санкт-Петербург 2007).

Об устройстве 2002: Об устройстве лагеря. Два византийских военных трактата конца X века (Санкт-Петербург 2002).

Осарес 2007: Ф. Осарес, Византийская армия в конце VI в. (по «Стратегикону императора Маврикия») (Санкт-Петербург 2007).

Павлова 1964: Н.Н. Павлова, Физическая география Крыма (Ленинград 1964).

Петровский 2002: В.А. Петровский, Православные памятники Тепе-Кермена. Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии. Киев 2002, 81-98.

Сидоренко 1991: В.А. Сидоренко, «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму. Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики 2, Симферополь 1991, 105-118.

Сокольский 1954: Н.И. Сокольский, Боспорские мечи. Материалы и исследования по археологии СРСР 33, 1954, 123-197.

Сорочан, Зубарь, Марченко 2001: С.Б. Сорочан, В.М. Зубарь, Л.В. Марченко, Жизнь и гибель Херсонеса (Харьков 2001).

Страбон 1964: Страбон, География (Москва 1964).

Тацит 1993: Тацит, История (Санкт-Петербург 1993).

Ушаков, Филиппенко 2004a: С.В. Ушаков, А.А. Филиппенко, Могильник Карши-Баир в Юго-Западном Крыму. Погребальный инвентарь (изделия из металла). В: Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной конференции (Киев-Судак 2004), 115-118.

Ушаков, Филиппенко 2004b: С.В. Ушаков, А.А. Филиппенко, Основы хронологии могильника Карши-Баир. В: Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской международной конференции (Киев-Судак 2004), 313-317.

Фадеева 1998: Т.М. Фадеєва, Тайны горного Крыма (Симферополь 1998).

Фадеева 2002: Т.М. Фадеева, Пещерные города и монастыри в «крепостях Бахчисарая (Симферополь 2002).

Флавий 2001: Флавий Вегеций Ренат, Краткое изложение военного дела (Санкт-Петербург 2001).

Фукидид 1915: Фукидид, История. В двух томах. Т. II (Москва 1915),

Эвлия Челеби 1999: Эвлия Челеби, Книга путешествия. О Крыме (1666-1667 гг.). (Симферополь 1999).

Khazanov 1984: A.M. Khazanov, Nomads and the Outside World (Cambridge 1984).

Tradiţii antice în arta militară a Tauridei în epoca medievală

Cuvinte-cheie: Taurida, Bizanţ, construcţii defensive, antichitate, evul mediu.

Rezumat: În articol este cercetată problema influenţelor antichităţii asupra artei militare a Tauridei în epoca medievală. Prin intermediul materialelor arheologice şi a surselor scrise este efectuată o analiză comparativă dintre construcţiile militare din metropolă şi de la periferia Imperiului Bizantin. Este prezentat un şir de exemple de edificii defensive, care au fost utilizate cu succes în Crimeea până în perioada modernă.

Traditions of antiquity in the art of war of Taurica in the Middle Ages

Keywords: Taurica, Byzantium, defensive structures, Antiquity, Middle Ages

Abstract: The article considers the problem of influence of antiquity on the example of the art of war of Crimean Taurica in the Middle Ages. The comparative analysis of the methods of warfare of the Byzantine Empire and its periphery was conducted by using of archaeological material and writing sources. There are given examples of individual methods of building of the fortifications, which successfully existed in modern Crimea.

28.01.2016

Екатерина Моця, Институт истории Украины НАН Украины, ул. Лайоша Гавро 11-В, кв. 11, 04211, Киев, Украина, e-mail: katerina83@ukr.net

UN LOT DE OBIECTE MEDIEVALE DIN TÂRGUL ROMANULUI (PUNCTUL *CUPTOR*)

George Dan Hânceanu

Cuvinte-cheie: târgul Romanului, unelte, seceră, otic, secure, cosor, dorn, cuţite, scoabe, verigi.

Introducere

În 2015, cu prilejul organizării unei expoziţii temporare, cu piese din depozitele Muzeului de Istorie din Roman, am „redescoperit" printre cutiile cu obiecte una care conţinea câteva piese de metal, în stare avansată de degradare. Marcajul lor indică strângerea pieselor cu prilejul unei lucrări administrative, din anul 1989, de pe str. Unirii, din zona unui cuptor. Perimetrul în care au avut loc astfel de lucrări, în urmă cu mai bine de 25 de ani, se află situat în spatele „Casei de Cultură".

După un interval de timp îndelungat şi fără alte informaţii privind săpătura, indicii legate de contextul descoperirii pieselor, am dorit să le facem cunoscute mai ales că printre ele sunt câteva unelte, agricole şi meşteşugăreşti, care pot contribui la cunoaşterea tipologiilor de piese pentru perioada medievală.

Un alt motiv care ne-a determinat să le luăm în calcul se datorează stadiului redus de cercetare şi cunoaştere a târgului medieval, întrucât s-au desfăşurat puţine săpături arheologice, majoritatea obiectelor provenind din descoperiri la care arheologii nu au avut acces şi din donaţii ale amatorilor (elevi, profesori etc.). Chiar şi după anii 2000, în lipsa unor legi clare, porţiuni din teritoriul târgului medieval au fost distruse de lucrări administrative (străzi, canalizări, parcări, imobile) sau private (case, clădiri de afaceri, sedii de bănci). Din aceste motive, care ne depăşesc, viaţa cotidiană a târgului Roman nu poate fi reconstituită, pe surse arheologice, decât trunchiat, pierzându-se foarte multe ocazii de a cerceta zone importante din oraş, motiv pentru care avem informaţii vagi (exceptându-le pe cele legate de Cetatea Muşatină şi Episcopie), lacunare în multe aspecte şi perioade de timp. Probabil, dacă nu erau neglijate aceste aspecte şi ar fi fost întreprinse săpături sistematice ample, riguroase, am fi avut o paletă largă de informaţii privind activitatea socio-economică şi politică a Romanului, care să completeze ansamblul cercetărilor din Moldova, efectuate în a doua jumătate a secolului trecut, la Iaşi, Suceava, Baia, Vaslui şi în alte oraşe.

Date generale

Locul descoperirii pieselor, apropiat centrului oraşului, ne indică proveniența lor dintr-un complex de locuire, mai ales că marcajul indică punctul *Cuptor*. Lipsa ceramicii (poate nestrânsă de donatorii amatori) şi prezenţa doar a obiectelor metalice ar sugera existenţa unui cuptor meşteşugăresc sau poate unul casnic, aflat în interiorul unei locuinţe. Piesele descoperite ar părea mai degrabă din componenţa gospodăriei unui localnic, mai ales că uneltele sunt însoţite de scoabe, verigi, cuţite, o ţâţână, o portiţă de sobă şi un ornament de uşă.

În lipsa unor informaţii clare despre locul şi modul descoperirii lor, fără date stratigrafice, valorificăm doar descriptiv obiectele medievale, fără alte amănunte legate de contextul arheologic.

Descrierea pieselor[1]

Din obiectele donate au putut fi selectate şi restaurate un număr de 27[2], care se încadrează următoarelor categorii: a) unelte agricole şi meşteşugăreşti; b) unelte casnice; c) obiecte din componenţa uşilor; d) obiecte de legătură în construcţii.

a) Din prima categorie fac parte şase obiecte:

a.1. *Seceră* din fier (inv. 44.323), lucrată prin turnare şi batere (fig. 1/1). De dimensiune medie, piesa are corpul curbat, cu lama ascuţită (capătul opus teşit), vârful rupt şi mânerul terminat

[1] În catalogul descrierii pieselor s-au folosit următoarele prescurtări: D – diametru; GR – grosime; H – înălţime; L – lungime; LA – lăţime.

[2] Pentru determinarea tipologică şi datarea pieselor am apelat la colegul dr. George Bilavschi, de la Institutul de Arheologie din Iaşi, căruia doresc să-i mulţumesc, şi pe această cale.

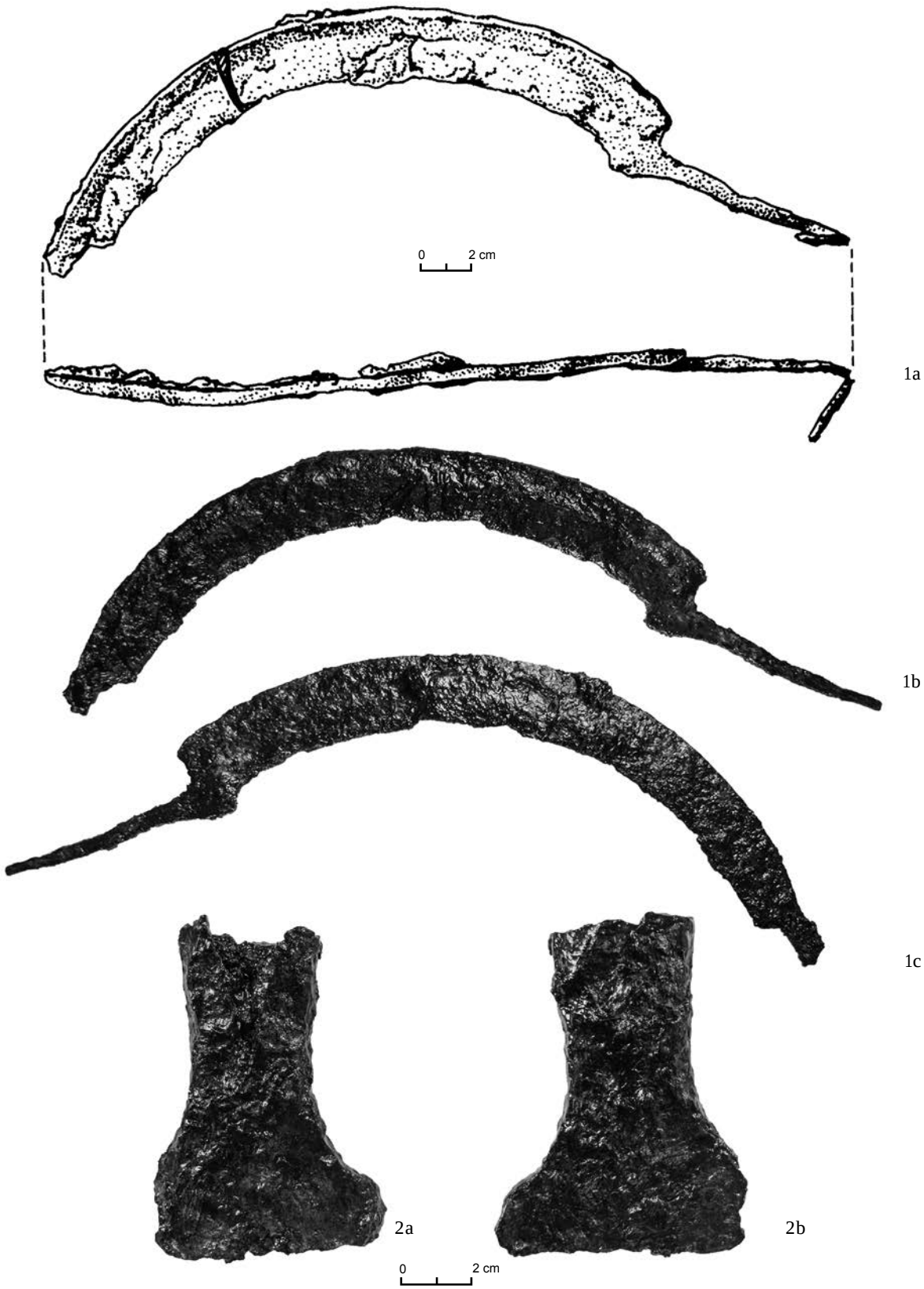


Fig. 1. Unelte de fier: 1 - seceră; 2 - otic fragmentar.

cu peduncul. Dimensiuni: L – 320 mm; LA – 30 mm; GR – 3 mm. Asemănări cu piesele de la Baia (Neamţu, Neamţu, Cheptea 1980, 166, fig. 14/3; 168, fig. 16/3) şi Tg. Trotuş (Artimon 2003, 322, fig. 24/3, 4).

a.2. *Otic* din fier (inv. 44.325), lucrat prin turnare şi batere (fig. 1/2). De mici dimensiuni, din piesă s-a păstrat doar partea superioară cu sistemul de înmănuşare oval, care se continua cu un braţ drept, gros, din care pornea corpul cu lama activă a piesei. Dimensiuni păstrate: L – 90 mm; LA – 35 mm; $D_{înmănușare}$ – 35×15 mm. Piesa aduce, în linii mari, cu exemplarele de la Zahareşti (Matei, Emandi 1982, 179, fig. 11/7) şi Tg. Trotuş (Artimon 2003, 341, fig. 43/2).

a.3. *Otic / răzuitor pielărie* din fier (inv. 44.324), lucrat prin turnare şi batere (fig. 2/1). De dimensiune medie, piesa este întreagă, cu partea de înmănuşare ovală (ruptă de jumătate), continuată cu un braţ drept, mai subţire decât al piesei precedente, din care pleacă corpul oval, cu partea activă ascuţită. Obiectul nu este simetric lucrat, una din părţi având pornirea corpului mai sus pe braţ, decât cealaltă. În timp, corpul piesei s-a perforat în patru locuri. Unealta are elemente comune ambelor categorii de piese enunţate, de aceea şi rezerva noastră în privinţa precizării ei. Dimensiuni: H – 140 mm; L_{corp} – 180 mm; LA_{corp} – 57 mm; $D_{înmănușare}$ – 20 mm – 10 mm. Analogie cu o piesă de la Vultureşti - Vaslui (Ciubotaru 1983-1984, 380, fig. 16/4).

a.4. *Mâner de cosor* din fier, lucrat prin batere (fig. 2/2). Obiectul are peduncul, iar corpul care pornea din mâner este curbat. Prin asociere cu o altă piesă (de secol XVII), de la Roman – punctul *La Bibliotecă* (Mircea, Hânceanu 2013, 71, nr. 47), care are la fel partea inferioară, şi acest mâner este de la un cosor. O altă asemănare găsim la Tg. Trotuş (Artimon 2003, 338, fig. 40/6). Dimensiuni păstrate: $L_{piesă}$ – 115 mm; $GR_{mâner}$ – 10 mm; L_{corp} – 42 mm; LA_{corp} – 33 mm. Din cauza degradării, din piesa a rămas doar „miezul metalic”.

a.5. *Manşon de hârleţ*, din care s-a păstrat doar partea din faţă a sistemului de înmănuşare (fig. 2/3). Respectiva jumătate, lungă, perforată spre capăt, poate fi din componenţa unui sistem de prindere a hârleţului (din tubul care se plia pe coada de lemn). Dimensiuni păstrate: L – 190 mm; D – 45 mm. Din păcate, starea avansată de degradare nu a permis restaurarea ei, fiind posibilă distrugerea acesteia.

a.6. *Dorn* din fier confecţionat prin batere (fig. 2/4). Mică, piesa este conică, cu unul din capete lat, teşit, iar celălalt subţire, rupt la vârf. Deşi obiectul aduce cu aspectul unui cui lucrat manual, este dreptunghiular în secţiune şi mult mai gros decât un cui, în plus, nu are floare, capătul de batere fiind teşit. Dimensiuni: L – 80 mm; LA – 60 mm; GR – 40 mm. Seamănă cu o piesă de la Baia (Neamţu, Neamţu, Cheptea 1980, 172, fig. 20/3).

b) În cea de-a doua categorie avem următoarele opt obiecte:

b.1. *Secure* din fier (inv. 44.326), lucrată prin turnare şi batere (fig. 3/1). Întreg, obiectul are corpul drept, lama dreptunghiulară în secţiune, ascuţită şi finalizată drept. Sistemul oval de înmănuşare este rupt pe jumătate. De mici dimensiuni, obiectul este comun, utilizat în gospodării. Similitudini la Iaşi (Andronic 1986, 106, fig. 21/10), Tg. Trotuş (Artimon 2003, 338-339, fig. 40/5; 41/5). Dimensiuni: H – 145 mm; $L_{lamă}$ – 95 mm; $LA_{lamă}$ – între 40-55 mm; $GR_{lamă}$ – 8 mm.

b.2. *Cuţite* din fier, lucrate prin turnare şi batere (fig. 3/2-7). Fragmentele păstrate sunt în număr de şase (resturi de la mânere şi lame), însă doar unul este concludent, păstrând chiar un nit de prindere din fier, pe mâner şi un rest din lamă. Obiectele par să aibă mânerul de tip lamă, iar lamele erau dreptunghiulare în secţiune. Aceeaşi stare avansată de degradare nu ne-a permis restaurarea lor. Dimensiuni păstrate: L – 70-110 mm; LA – 15-22 mm; GR – 2-4 mm. Seamănă cu exemplarele de la Vornicenii Mari (Matei, Emandi 1982, 177, fig. 9/10-13, 17, 18) şi din alte multe situri medievale.

Alături de uneltele casnice semnalăm şi prezenţa unei portiţe de sobă, care ne indică şi mai mult că piesele fac parte din inventarul unei locuinţe medievale:

b.3. *Portiţă de sobă*, din fier, lucrată manual (fig. 4/1). Obiectul, păstrat în mare parte, a cedat pe alocuri din cauza intensităţii focului, motiv pentru care la restaurare a fost lipit în mai multe locuri. De mici dimensiuni, piesa este de formă pătrată şi lucrată dintr-o placă, care a permis modelarea ei conform gurii de alimentare a sobei. La exterior s-au păstrat urme din cârligul de închidere al portiţei. Cunoaştem faptul că, alături de cuptorul casnic, se construia şi câte o mică sobă, pentru încălzit, din componenţa căreia poate proveni portiţa amintită. Dimensiuni: L – 120 mm; LA – 140 mm. Un obiect asemănător, dar mai

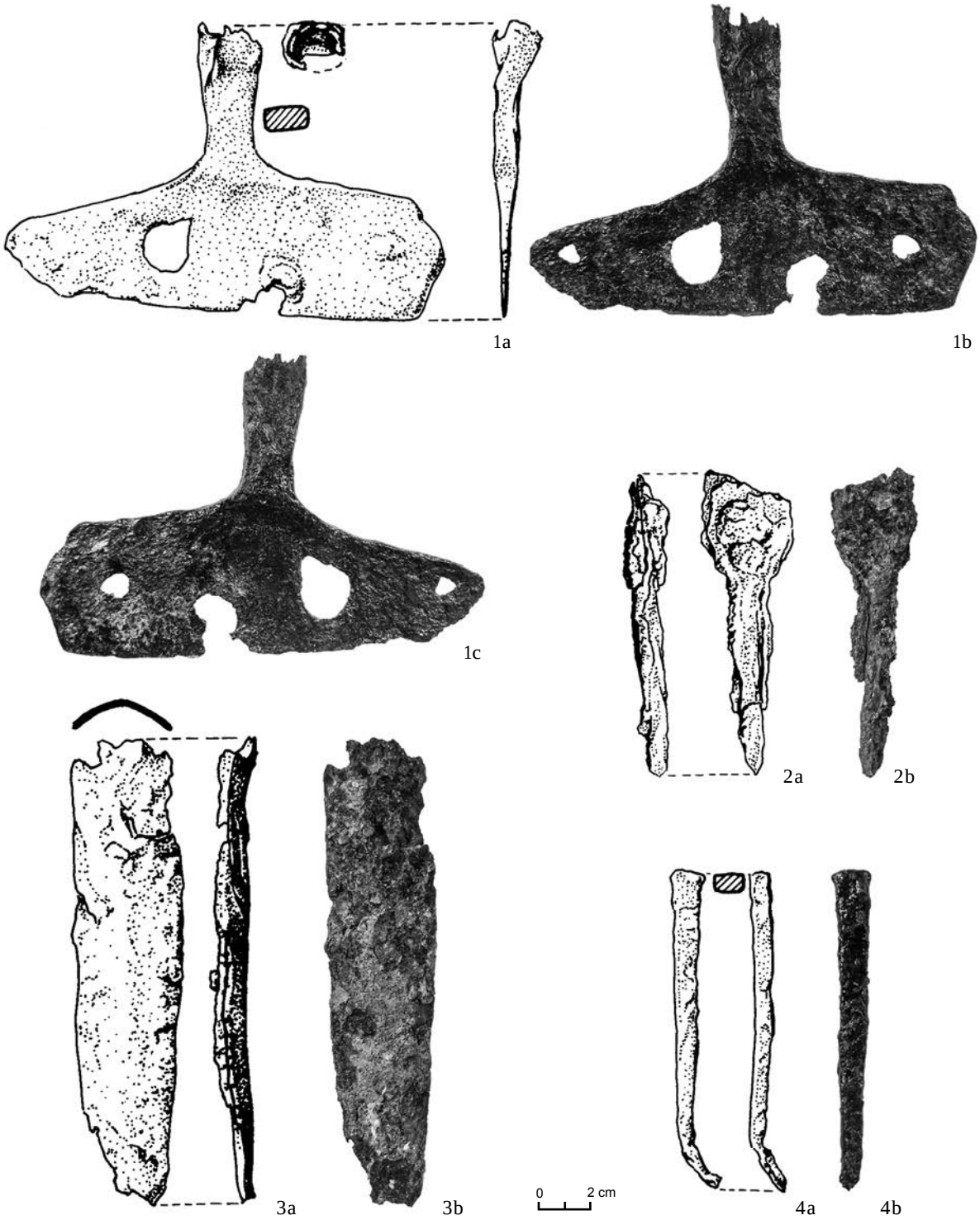


Fig. 2. Unelte de fier: 1 - otic / răzuitor de pielărie; 2 - mâner de cosor; 3 - manşon de hârleţ; 4 - dorn.

mare şi mai bine conservat, am găsit în 2012, în inventarul unui atelier meşteşugăresc din prima jumătate a secolului al XVII-lea, situat în curtea bibliotecii municipale (Mircea, Hânceanu 2013, 98-99, nr. 85). Seamănă şi cu obiectul de la Baia (Neamţu, Neamţu, Cheptea 1980, 182, fig. 30/4).

c) Din a treia categorie avem două piese:

c.1. *Ţâţână* din fier (inv. 44.327) lucrată prin batere (fig. 4/2). Obiectul este de dimensiune medie, cu corpul plat, dreptunghiular în secţiune, iar capătul este rotund. Imită forma literei L. Dimensiuni: L – 105 mm; LA – 42 mm; GR –8-

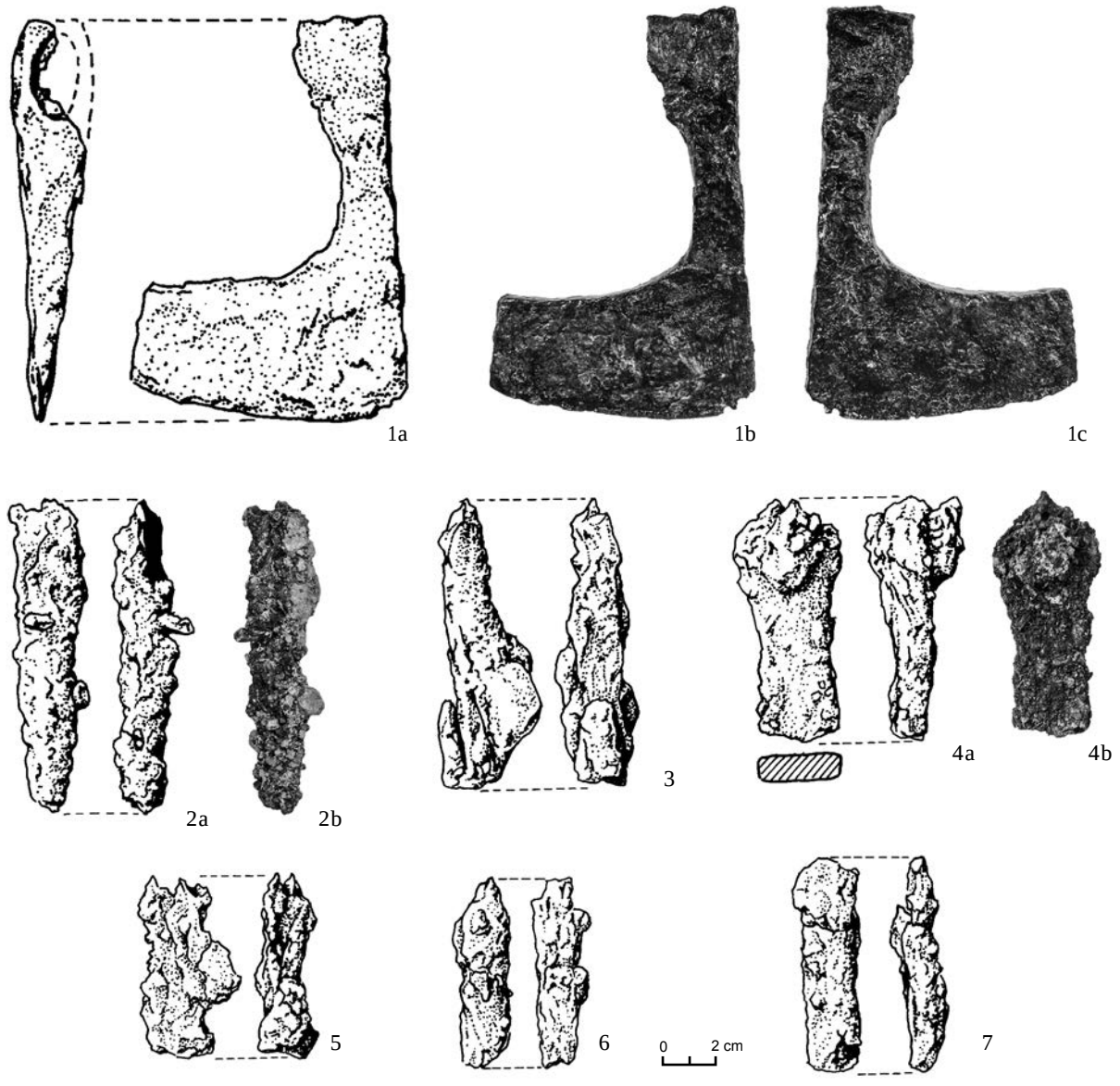


Fig. 3. Unelte de fier: 1 -secure; 2-7 - cuţite de fier fragmentare.

10 mm. Foarte des întâlnite în aşezările medievale, precum cele de la Baia (Neamţu, Neamţu, Cheptea 1980, 175-176, fig. 1; 2; 4; 5; 7; 24/11, 12), Roman-*La Bibliotecă* (Mircea, Hânceanu 2013, 82, nr. 65, 66).

c.2. *Ornament de uşă* din fier (inv. 44.328), lucrat manual, prin batere (fig. 4/3). Piesa este constituită dintr-o bandă plată, cu corpul în forma unei inimi, din care pleacă trei braţe (unul central drept, iar două pe laterale întoarse). Capătul opus al corpului este întors pentru a putea fi agăţat. Piesa are aspectul unei flori (ca un crin). Dimensiuni: L – 155 mm; LA – 60 mm; GR – 2 mm; $D_{\text{sistem prindere}}$ – 20 mm. Tot un ornament, dar de poartă, am descoperit în acelaşi atelier amintit anterior, din punctul *La Bibliotecă* (Mircea, Hânceanu 2013, 83-84, nr. 67).

d) Ultimei categorii îi corespund următoarele 11 obiecte:

d.1. *Verigi* din fier lucrate manual (fig. 5/1-4). În număr de patru, acestea erau confecţionate dintr-o bandă plată, întoarsă şi unită la capete. De dimensiuni mari şi mici, piesele erau ovale, iar datorită uzurii erau întoarse de la jumătate ori unite la mijloc, având aspectul cifrei 8. Se apropie de cele descoperite la Baia (Neamţu, Neamţu, Cheptea 1980, 175, fig. 23/6) şi Tg. Trotuş (Artimon 2003, 341, fig. 43/12). Dimensiuni: L – între 70 şi 120 mm; LA – între 10 şi 40 mm; Gr – 4-12 mm.

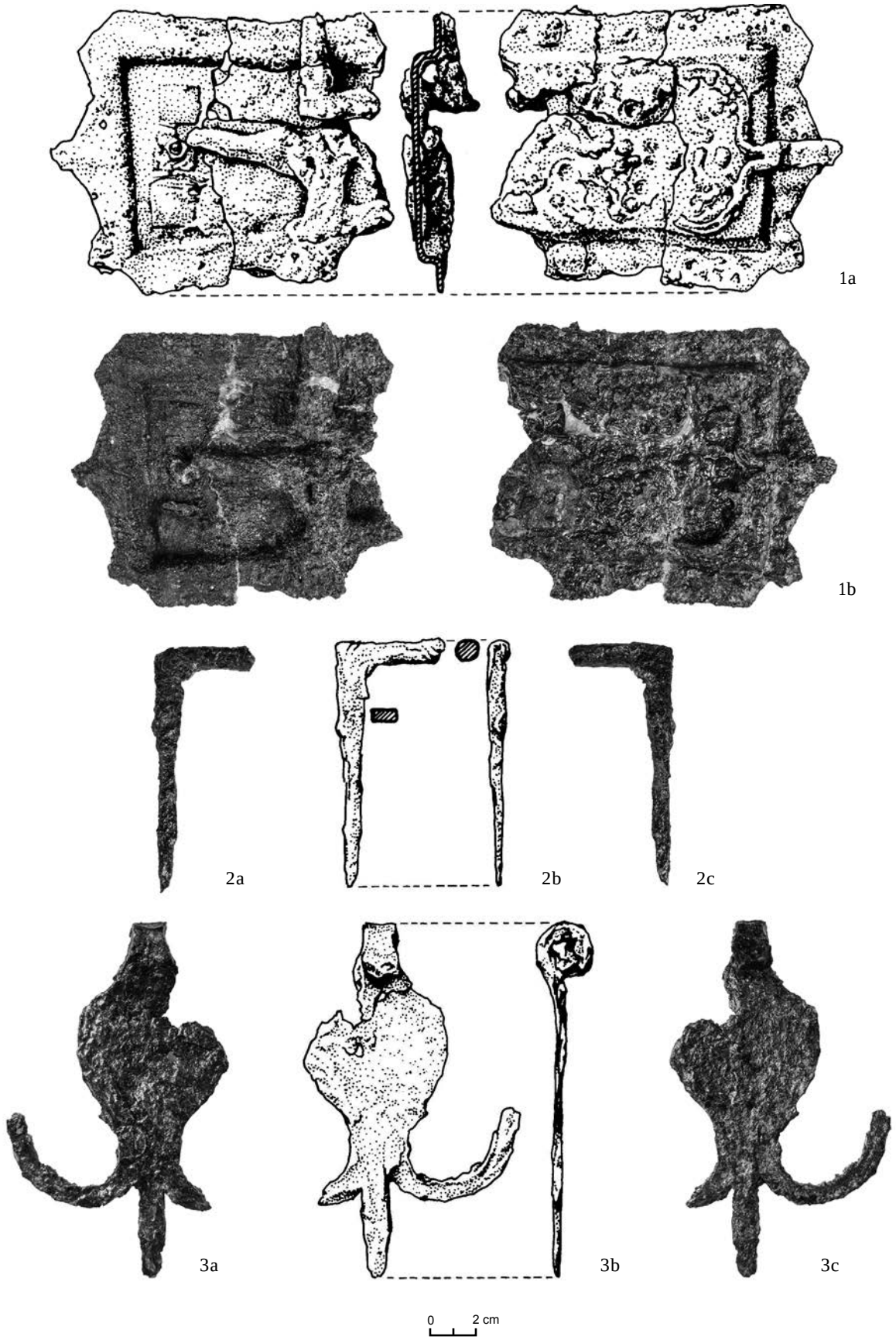


Fig. 4. Obiecte de fier: 1 - portiţă de sobă; 2 - ţâţână; 3 - ornament de uşă.

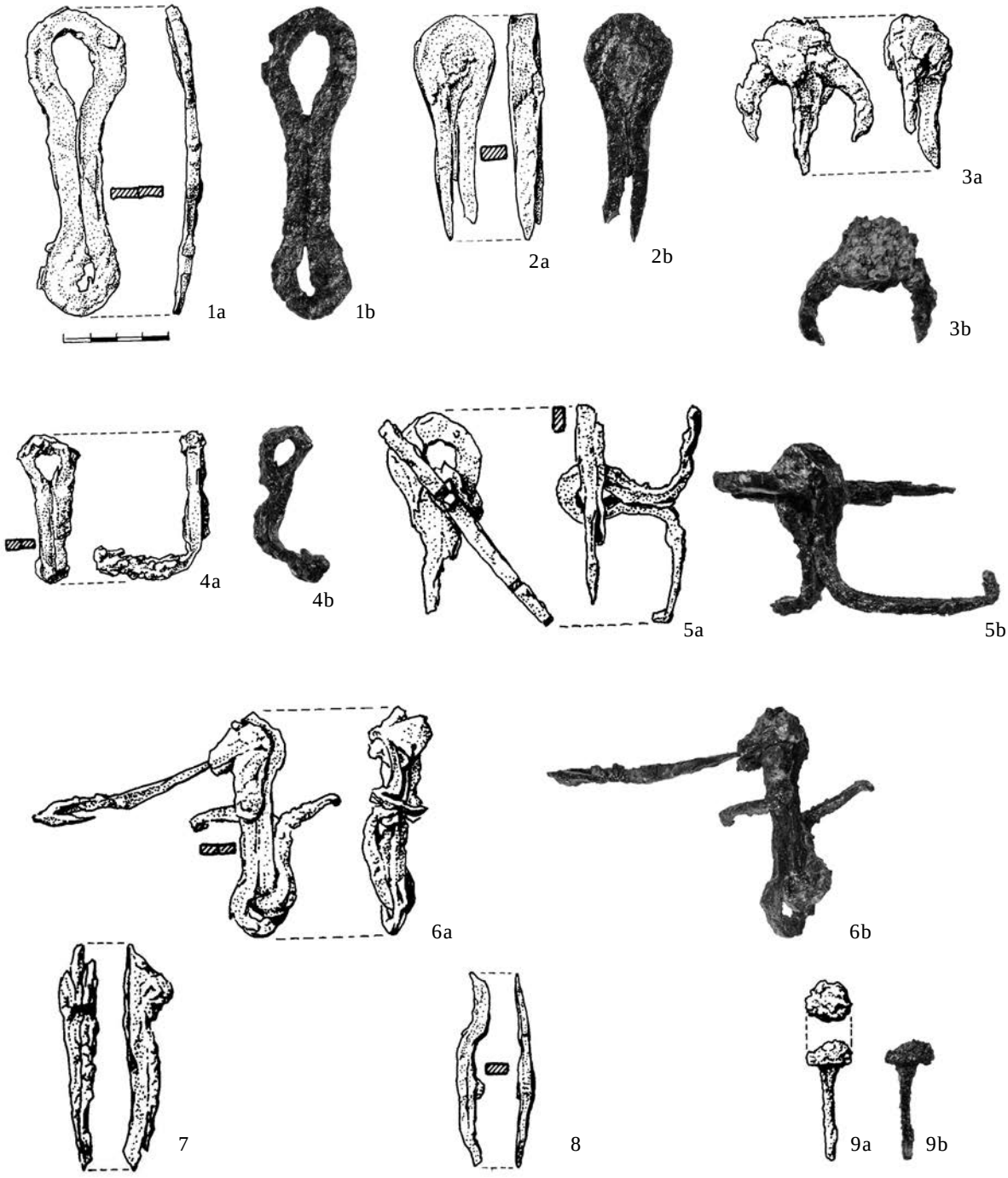


Fig. 5. Piese de fier: 1-4 - verigi; 5, 6 - scoabe şi verigi; 7-9 - cuie.

d.2. *Scoabe* din fier lucrate manual (fig. 5/5, 6). S-au păstrat două scoabe prinse în două verigi ovale, care în timp s-au „unit" între ele. Cele patru piese sunt bine conservate, verigile sunt asemenea celor anterior descrise, iar scoabele au capătul întors şi trecut prin verigă, iar braţele sunt îndoite spre exterior. Dimensiunile sunt similare verigilor, de care sunt prinse. Acestea seamănă cu cele de la Baia (Neamţu, Neamţu, Cheptea 1980, 174, fig. 22/15; 176-177, fig. 24/2, 5; 25/4-6), Tg. Trotuş (Artimon 2003, 339, fig. 41/12).

d.3. *Cuie* din fier, în număr de trei, din care unul este întreg (fig. 5/9). Acesta este mic şi prevăzut cu o floare circulară, celelalte două fiind rupte la capete (fig. 5/7, 8). Dimensiuni: L – 40 mm; GR – 2 mm; D_{floare} – 15 mm. Nu mai oferim analogii, ele fiind prezente în majoritatea siturilor medievale.

Lotul de 27 de obiecte medievale cuprinde şase unelte agricole şi meşteşugăreşti (o seceră, un hârleţ, un cosor, un dorn şi două otice), opt unelte casnice (un topor, şase cuţite şi o excepţie, o portiţă de sobă), două obiecte de la uşi (o ţâţână şi un ornament) şi 11 obiecte de legătură în construcţii (două scoabe, trei cuie şi şase verigi).

Tipologia pieselor de la Roman-*Cuptor* este comună unei perioade extinse, cuprinsă din secolele IX-XI şi până în secolul al XVIII-lea, motiv pentru care este dificil de stabilit cu exactitate circulaţia lor, într-un interval redus de timp. În lipsa unor detalii stratigrafice şi de conţinut, asocieri ceramice, ne bazăm ipoteza pe analogii cu alte piese de metal, care indică secolele XVI-XVII. De asemenea, în restrângerea cronologiei am găsit un element definitoriu în expoziţia permanentă a muzeului nostru, unde cu prilejul analizării ceramicii maiolice am dat peste un vas ceramic întreg, al cărui marcaj este identic cu al lotului de piese din depozit. Coincidenţă sau nu, vasul maiolic poate fi din aceeaşi donaţie, doar că, fiind întreg, a fost expus, comparativ cu piesele metalice corodate. Caracteristicile vasului (îndeosebi motivul „scării") sunt din perioada maiolică timpurie, care datează recipientul în secolele XV-XVI[3]. În paralel cu această „redescoperire" a vasului maiolic, am constatat într-unul din registrele de inventar că din acelaşi punct, dar din 1980, avem câteva fragmente ceramice şi două căni smălţuite cu decor pastilat, care se datează în secolul al XVII-lea.

Neavând obiecte metalice din secolul al XV-lea şi coroborând toate informaţiile menţionate, piesele descrise şi analogiile pe de o parte şi vasul maiolic cu ceramica moldovenească pe de altă parte (ultimele din acelaşi punct, doar strânse în ani diferiţi), propunem pentru lotul de obiecte medievale, de la Roman – punctul *Cuptor*, o datare cuprinsă între a doua jumătate a secolului al XVI-lea şi începutul secolului al XVII-lea.

Bibliografie

Andronic 1986: Al. Andronic, Iaşii până la mijlocul secolului al XVII-lea. Geneză şi evoluţie (Iaşi 1986).

Artimon 2003: Al. Artimon, Oraşul medieval Trotuş în secolele XIV-XVII. Geneză şi evoluţie (Bacău 2003).

Ciubotaru 1983-1984: N.Gr. Ciubotaru, Cercetări arheologice de suprafaţă în comuna Vultureşti (jud. Vaslui). Acta Musei Meridionalis V-VI, 1983-1984, 345-380.

Matei, Emandi 1982: M.D. Matei, E.I. Emandi, Habitatul medieval rural din valea Moldovei şi din bazinul Şomuzului Mare (Secolele XI-XVII) (Bucureşti 1982).

Mircea, Hânceanu 2013: O. Mircea, G.D. Hânceanu, Descoperiri arheologice din târgul medieval al Romanului (Punctul-La Bibliotecă). Catalog de expoziţie (Roman 2013).

Neamţu, Neamţu, Cheptea 1980: E. Neamţu, V. Neamţu, S. Cheptea, Oraşul medieval Baia în secolele XIV-XVII. Cercetările arheologice din anii 1967-1976 (Iaşi 1980).

Objets de la période médiévale de la bourgade de Roman (le point *Cuptor*)

Mots clef: la bourgade de Roman, outils, faucille, bêche, hache, couteau, chignoles, couteaux, brides, manilles.

Résumé: Le Musée d'Histoire de Roman a reçu en 1989 un lot d'objets en fer de la période médiévale découverts sur la rue Unirii près du centre historique de la ville. Après une série d'activités administratives de la municipalité on a découvert un four et quelques objets en métal. Une fois arrivés au musée à la suite d'une donation, les objets sont restés dans les dépôts de l'institution muséale jusqu'en 2015 quand ils nous ont retenu notre attention. En conséquence on a choisi un nombre de 27 objets pour les restaurer. Du point de vue archéologique et historique il est important de présenter ces objets en tenant compte de l'ensemble des découvertes provenant des bourgades médiévales – premièrement il s'agit des outils, pièces importantes quand on cherche d'établir une typologie générale et puis la location d'où viennent les objets, c'est à dire le centre de la bourgade.

Le contexte de la découverte, près d'un four, et la typologie des objets, outils agricoles et de l'artisanat, éléments provenant des portes et pièces utilisables dans les constructions, nous indiquent l'inventaire d'une habitation. L'absence de la céramique et des autres objets spécifiques pour les artisans démontre qu'on se trouve dans la présence d'un four simple (et pas d'un four de potier ou d'un artisan). Les caractéristiques des outils mais aussi

[3] Respectivul vas urmează să fie inclus şi prezentat într-un articol legat de ceramica maiolică de la Roman.

la présence d'un récipient céramique de type maïolique découvert dans le même lieu en 1980 nous ont permis de dater ces artefacts dans la seconde partie du XVIème siècle et le début du XVIIème siècle.

Liste des illustrations:

Fig. 1. Outils en fer: 1 - faucille; 2 - bêche fragmentaire.

Fig. 2. Outils en fer: 1 - bêche / grattoir pour le métier de cuir; 2 - 5 - manche provenant d'un couteau court; 3 - douille d'une pelle; 4 - chignole.

Fig. 3. Outils en fer: 1 - hache; 2-7 - couteaux en fer fragmentaires.

Fig. 4. Objets en fer: 1 - échappatoire d'une poêle; 2 - charnière; 3 - élément de décoration d'une porte.

Fig. 5. Objets en fer: 1-4 - éléments de liaison; 5, 6 - brides et manilles; 7-9 - clous.

Средневековые предметы из Романа (пункт «Куптор»)

Ключевые слова: средневековый город Роман, орудия, серп, лопатка для очистки земли с плуга, колун, садовый нож, бородок, ножи, скобы и звенья.

Резюме: В 1989 в фонды Исторического музея Романа поступил ряд средневековых предметов из железа, обнаруженных на улице Унирий, недалеко от старого центра города. В ходе административных работ были обнаружены печь и металлические предметы. Эти предметы, подаренные музею любителями, были вновь обнаружены в хранилище только в 2015 году. Из них было отобрано 27, поддающихся реставрации. Необходимость введения их в научный оборот обусловлена двумя факторами: первый связан с наличием предметов, важных для общей типологии, а второй – с их обнаружением недалеко от центра средневекового города.

Согласно пометкам, эти предметы были обнаружены возле печи, а категории, к которым они относятся (сельскохозяйственные и ремесленные орудия, предметы домашнего обихода, части дверей), скорее всего, указывают на инвентарь жилища. Отсутствие керамики и предметов, характерных для ремесленного производства, подтверждает предположение, что это была домашняя, а не гончарная или ремесленная печь. Характеристики орудий, аналогии, а также наличие сосуда из майолики, обнаруженного в 1980 году на том же месте, позволяют датировать данный ряд средневековых предметов второй половиной XVI - началом XVII века.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Железные орудия: 1 - серп; 2 - фрагменты лопатки для очистки земли с плуга (присоха).

Рис. 2. Железные орудия: 1 - лопатка для очистки земли с плуга (присох) / скребок для обработки кожи; 2 - рукоять садового ножа; 3 - втулка заступа; 4 - бородок.

Рис. 3. Железные орудия: 1 - колун; 2-7 - фрагменты железных ножей.

Рис. 4. Предметы из железа: 1 - печная дверца; 2 - дверная петля; 3 - дверной декор.

Рис. 5. Предметы из железа: 1-4 - звенья; 5, 6 - скобы и звенья; 7-9 - гвозди.

25.05.2016

Dr. George-Dan Hânceanu, Muzeul de Istorie din Roman (Complexul Muzeal Județean Neamț), str. Cuza Vodă, nr. 19, RO- 611009 Roman, jud. Neamț, România, e-mail: georgehanceanu@yahoo.com

TOPOARE MEDIEVALE IDENTIFICATE ÎN JUDEȚUL GALAȚI

Costin Croitoru

Cuvinte-cheie: Tuluceşti, Valea Mărului, Galaţi, topor, bardă-ciocan, medieval.

Hazardul unor descoperiri fortuite ne-a adus în ultima perioadă în faţa unor artefacte deosebite – şi pe criteriul rarităţii – , este vorba despre patru topoare din fier, medievale. Nici unul dintre acestea nu are context arheologic, noi regăsindu-le în colecţiile şcolare din două localităţi gălăţene, în care am întreprins cercetări arheologice: Tuluceşti (A) şi Valea Mărului (B). Fără a constitui neapărat rarităţi – artefacte cu o morfologie similară sunt îndeobşte cunoscute pe teritoriul Ţărilor Române dar şi la nivel general european – până în momentul de faţă sunt singurele de acest fel pe care le cunoaştem ca provenind din sudul Moldovei[1]; în plus, decorul original figurat pe două dintre ele, fără analogii în literatura care ne-a fost accesibilă, ne face să le prezentăm unitar în rândurile de faţă, deşi unele au mai fost anterior semnalate (Croitoru 2013, 253-261; Croitoru 2016, 92-106).

*

A. Comuna Tuluceşti se află în sud-estul judeţului Galaţi (fig. 1), la nord de lacul Brateş, pe terasa superioară a Câmpiei Covurluiului, care îi oferă o bună vizibilitate pe valea largă a Prutului. Condiţiile naturale deosebit de generoase au făcut ca zona să fie locuită de timpuriu, descoperirile arheologice de aici fiind în bună măsură semnalate în istoriografia românească (Chirilă 2012; Croitoru 2013a, 589-594; Croitoru 2013, 162-165).

Piesele la care ne vom referi în continuare au fost descoperite fortuit, după toate aparenţele izolat, pe teritoriul comunei Tuluceşti. Singurul reper pe care îl deţinem se referă la identificarea lor pe teritoriul vechiului sat Vorniceni, ce se afla la nord de Tuluceşi, spre Tătarca (actualmente „Satul Nou"). Nu au fost asociate cu alte materiale arheologice. Nu ştim dacă cele două topoare au fost identificate împreună sau separat.

1. bardă-ciocan din fier cu corpul îngust şi alungit, tăişul semicircular este ascuţit pe ambele feţe, bine profilat, lăţit aproape simetric faţă de corpul propriu-zis. Orificiul de fixare a cozii este de formă uşor ovală iar ceafa simplă şi dreaptă, având aspect rectangular în secţiune. Prelungirea cefei (ciocanul) nu are urme de utilizare (marginile nu sunt deteriorate), în schimb este decorat cu câte trei caneluri dispuse simetric pe fiecare muchie (excepţie face una dintre laturi pe care este dispusă şi o a patra canelură). Partea laterală a orificiului de fixare a cozii este de asemenea ornamentată cu linii frânte, incizate şi există unele indicii că şi partea superioară, între orificiu şi ceafă, ar fi avut un decor similar. A fost executat dintr-o singură bucată de fier, prin forjare şi prelucrare la cald. Dimensiunile piesei sunt următoarele: lungimea maximă = 115 mm, lăţimea lamei = 85 mm, lungimea muchiei cefei = 15 mm, lăţimea muchiei cefei = 18 mm, lungimea orificiului cozii = 16 mm; judecând după dimensiunile şi greutatea piesei, foarte probabil coada din lemn avea o lungime cuprinsă între 300 şi 400 mm (fig. 2).

Exemplare având o morfologie apropiată sunt relativ bine cunoscute pe teritoriul Moldovei; la mai vechile descoperiri de la Iaşi (Emandi 1981, 37, fig. 8/2; Ostuni 1986, 854, fig. c), Piatra Neamţ (Emandi 1981, 37, fig. 8/3; Ostuni 1986, 854, fig. a), Murgeni (Emandi 1981, 37, fig. 8/1; Ostuni 1986, 854, fig. b) şi Vaslui (Emandi 1981, 37, fig. 8/4; Ostuni 1986, 854, fig. d), adăugându-se toporul de la Mândreşti (vezi *infra*). Probabil că piesa de la Bălteni (jud. Vaslui) aparţine aceleiaşi tipologii (Teodor 1996, fig. 35/6; Hânceanu 2011, pl. XLIV/4).

Aspectul general al acestor piese sugerează o dublă utilitate, atât la tăiat-despicat cât şi la batere.

[1] O singură piesă publicată poate fi atribuită unei funcţionalităţi similare, dar este mai timpurie; este vorba despre un topor de luptă identificat în cadrul depozitului de la Gârbovăţ, vezi Teodor 2004, 395-406; Croitoru 2013, 103-104.

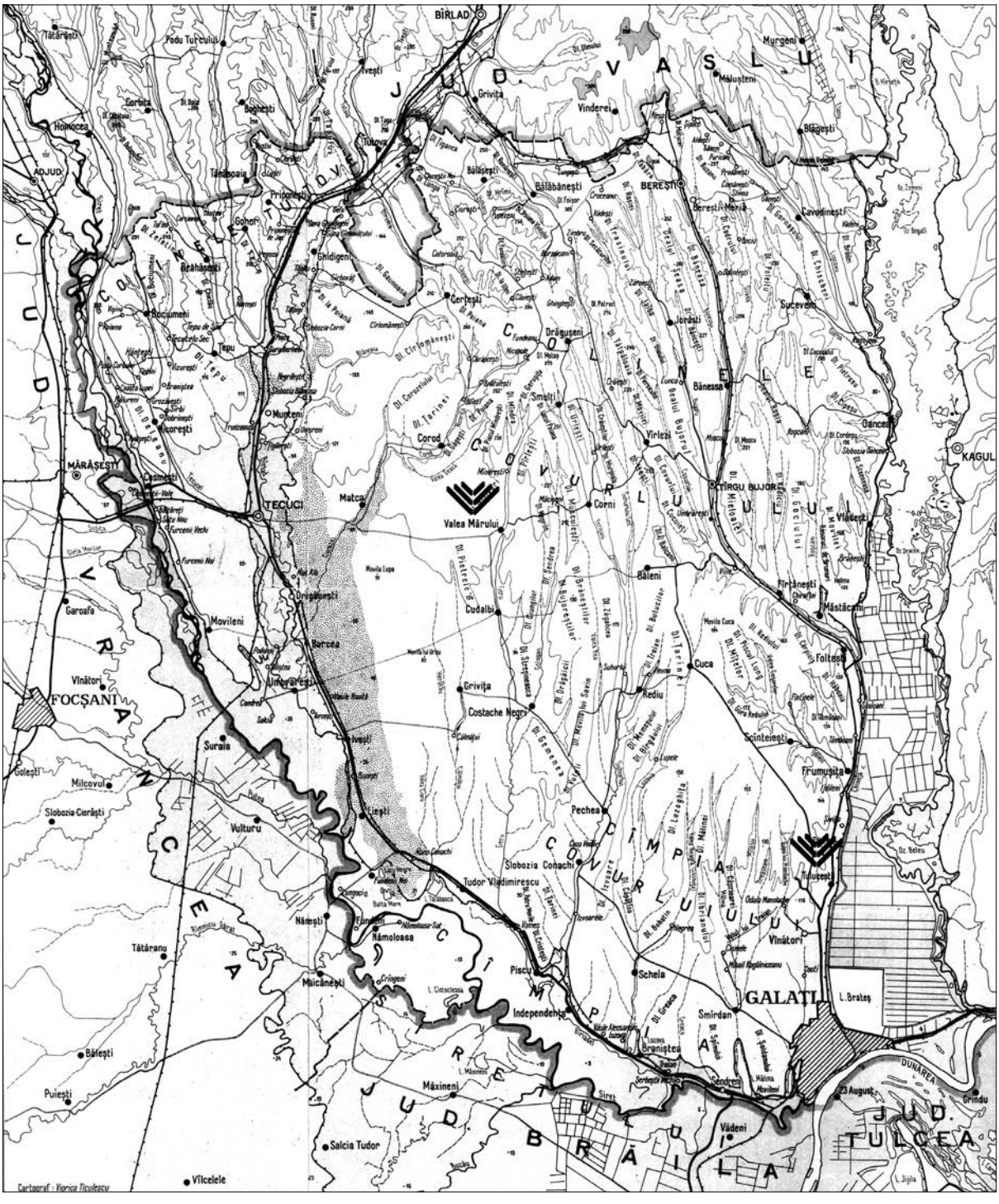


Fig. 1. Harta fizică a judeţului Galaţi cu localităţile Tulucești şi Valea Mărului marcate.

În cazul exemplarului de la Tulucești, dacă lama prezintă unele ştirbiri, posibil datorate utilizării, în schimb partea diametral opusă nu a fost utilizată ca ciocan, întrucât nu prezintă urme de batere, ornamentul canelat fiind bine conservat. A se vedea, de exemplu, diferenţa faţă de exemplarul identificat la Curcani (jud. Ilfov), care prezintă la capătul inferior urme evidente de utilizare, acele „mustăţi" laterale formate în urma deteriorării marginilor cefei, rezultate prin lovirea repetată (Comşa, Deculescu 1972, 470, nr. 7, fig. 2/2).

S-a susţinut şi interpretarea acestor tipuri de topoare ca arme şi, probabil că, mai curând, acesta este şi cazul exemplarului prezentat în rândurile

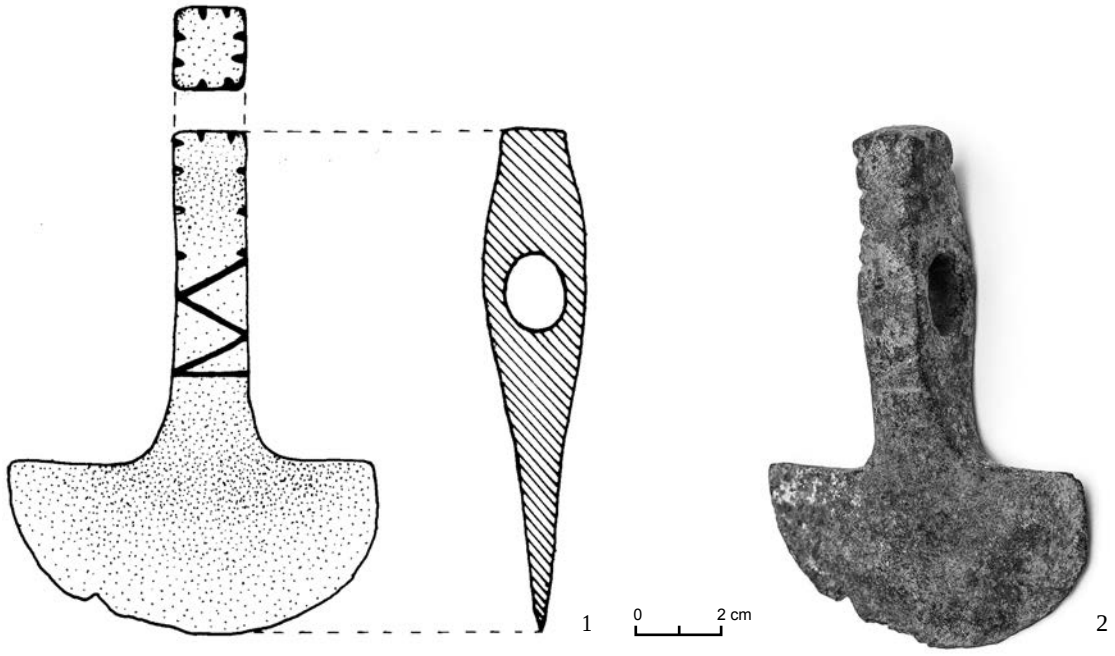


Fig. 2. Bardă-ciocan descoperită la Tulucești (foto C. Croitoru; desen C. Istrati).

de faţă. Credem că ornamentele sugerează o cu totul altă utilitate decât aceea de unealtă, fără a nega aportul piesei în anumite activităţi cotidiene. Amintim în acest context exemplarul, cu totul special, identificat la Novgorod, ornamentat cu motive geometrice aurite şi semne/simboluri nedescifrate, ce a fost interpretat ca simbol al puterii nobiliare ori regale (Колчин 1985, 148, рис. 97/17)[2]. Evident, nu poate fi exclusă, în actualul stadiu al cercetărilor, eventual aplicarea unor mărci ale atelierelor ce produceau astfel de piese, mai ales că un decor aproape identic (ne referim la registrele din zona orificiului de fixare a cozii) cu cel de pe toporul de la Tulucești, apare pe un exemplar descoperit la Gugeşti, jud. Vrancea (Paragină 2002, pl. XX/2); de remarcat este şi faptul că nici cel din urmă nu prezintă urme de utilizare la capătul inferior (ciocan). Un alt simbol interesant la toporul descoperit la Gugeşti este steaua, formată din intersecţia a trei linii, plasată în zona mediană a lamei, aproape de tăiş, decor (!?) identic cu cel aplicat pe exemplarul de la Piatra Neamţ. În fine, exemplarul de la Iaşi are dispus pe lamă acelaşi decor incizat, format din linii frânte, în forma literei „M”.

[2] Pentru discuţii relative la atribuirea exemplarelor ornamentate, uneori cu iniţiale, parţinând unor lideri politici sau militari vezi şi Emandi 1981, 37.

În ceea ce priveşte datarea acestor topoare ne aflăm încă la nivelul ipotezelor, mai ales pentru faptul că sunt lipsite de context arheologic, fiind descoperiri întâmplătoare. Exemplarele din Moldova au fost datate diferit: Bălteni (secolele VII-XI), Iaşi (secolele XIV-XV), Mândreşti (probabil secolele X-XI), Murgeni (secolele XIV-XV), Piatra Neamţ (secolele XII-XIII), Vaslui (secolele XIII-XIV). Tezaurul de la Curcani în care a apărut şi un topor aparţinând tipului de care ne ocupăm a fost datat în secolul IX. Exemplarul de la Gugeşti este figurat pe o planşă ce conţine unelte de fier din secolele XI-XV, dar semnalarea în două puncte de pe teritoriul localităţii a unor fragmente ceramice din secolele IX-XI (Paragină 2002, 117, nr. 19) ar putea sugera restrângerea cronologiei toporului.

2. Al doilea artefact pe care îl prezentăm este un topor din fier cu corpul triunghiular în secţiune longitudinală, lama îngustă, asimetrică faţă de axul longitudinal, se lăţeşte treptat spre tăişul curbat, executat pe ambele feţe. Gâtul este îngust, bine conturat, ceafa simplă, dreptunghiulară. A fost executat dintr-o singură bucată de fier, prin forjare şi prelucrare la cald. Orificiul de fixare a cozii este oval. Dimensiunile piesei sunt următoarele: lungimea maximă = 156 mm, lăţimea lamei = 140 mm, lungimea muchiei cefei = 45 mm, lăţimea muchiei cefei = 37 mm, lungimea orificiu-

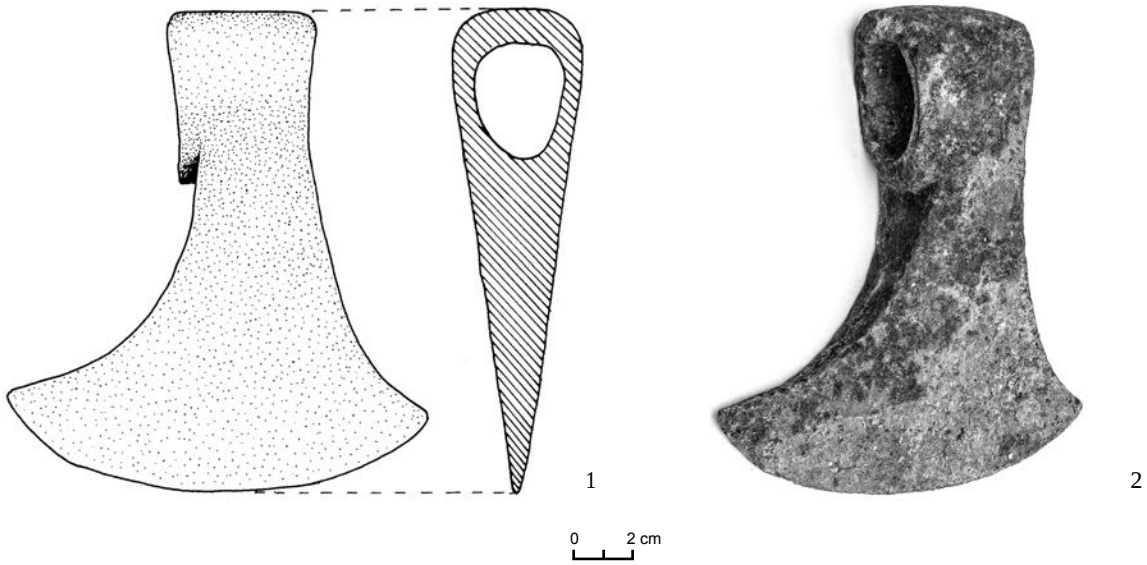


Fig. 3. Topor descoperit la Tulucești (foto C. Croitoru; desen C. Istrati).

lui cozii = 27 mm; judecând după dimensiunile şi greutatea piesei, foarte probabil coada din lemn avea o lungime cuprinsă între 800 şi 1000 mm (fig. 3).

Exemplare având o morfologie apropiată sunt relativ bine cunoscute pe teritoriul Moldovei prin descoperirile de la Baia (Neamţu, Neamţu, Cheptea 1984, 126, fig. 45/1), Belceşti (Chirica, Tanasachi 1985, fig. 57/1), Câmpulung Moldovenesc (Emandi 1981, 40, fig. 10/6), Coşna (Emandi 1981, 40, fig. 10/1), Cozăneşti (Spinei 1994, fig. 4/6), Dărmăneşti (Scorpan 1965, 450, fig. 7/4; Spinei 1970, 612-613, fig. 10/2; Spinei 1981, 115, fig. 15/2.), Fedeşti (Coman 1980, 234, fig. 154/5), Lespezi (Chirica, Tanasachi 1984, fig. 11/5), Negoieşti (Popovici 2004, 244, fig. 6/2), Pâhneşti (Coman 1980, 234, fig. 53/10), Piatra Neamţ (Emandi 1981, 40, fig. 11/5), Siret (Spinei, Asăvoaie 1993, 217, fig. 1/9), Şuletea (Emandi 1981, 40, fig. 11/4), Suceava (Emandi 1981, 40, fig. 16/1-2), Târgu Neamţ (Bătrâna, Sion 2006, fig. 5/nenumerotată), Târgu Trotuş (Artimon 1987, 329-330, fig. 13/5; 15/4; Artimon 1998, 118-120, fig. 58/11, 13; 87/5; 88/5), Vatra Dornei (Emandi 1981, 40, fig. 10/5), Vutcani (Emandi 1981, 40, fig. 10/7) etc.

Aspectul general al acestor piese şi relativ frecventa descoperire în inventarul unor locuinţe sugerează aportul lor la activităţile casnice, cotidiene. Foarte probabil topoarele acestui tip au avut un rol secundar în activităţile militare. Exemplarul de la Tulucești are ceafa rotunjită, fără urme de întrebuinţare, în schimb alte topoare păstrează urme în aceste zone care sugerează dubla lor utilitate, de tăiat şi bătut.

Majoritatea celor preocupaţi de tipologia acestor unelte le încadrează în intervalul cuprins între secolele XIII-XIV, dar unele exemplare au fost identificate în locuinţe, datate pe baza inventarului şi în veacul următor (Diaconu, Baraschi 1977, 138; Neamţu, Neamţu, Cheptea 1980, 85-86; Emandi 1981, 40; Neamţu, Neamţu, Cheptea 1984, 126; Spinei, Asăvoaie 1993, 217; Popovici 2004, 244).

B. Comuna Valea Mărului, formată din localitatea omonimă (ce cuprinde şi cătunul Coasta Văii) şi satul Mândreşti este poziţionată aproximativ în zona mediană a judeţului, la distanţă de 71 kilometri nord-vest de oraşul Galaţi. Teritoriul administrativ se învecinează la nord şi nord-vest cu cel al comunei Corod, la est cu cel al comunelor Smulţi şi Corni, la sud cu teritoriul comunei Cudalbi şi la vest cu cel al comunei Matca. Din punct de vedere geografic, aşa cum s-a remarcat, teritoriul comunei reprezintă „un pol de intensă interferenţă regională” (Edroiu et al. 2003, 9). Pe valea Gerului este localizată limita dintre Câmpia Română şi Podişul Moldovei, prin câmpia Tecuciului, respectiv prin colinele Covurluiului, poziţie care conferă localităţii o anumită demografie în variate perioade istorice (Croitoru 2013, 171-174; Croitoru, Pandrea 2015, 357-376).

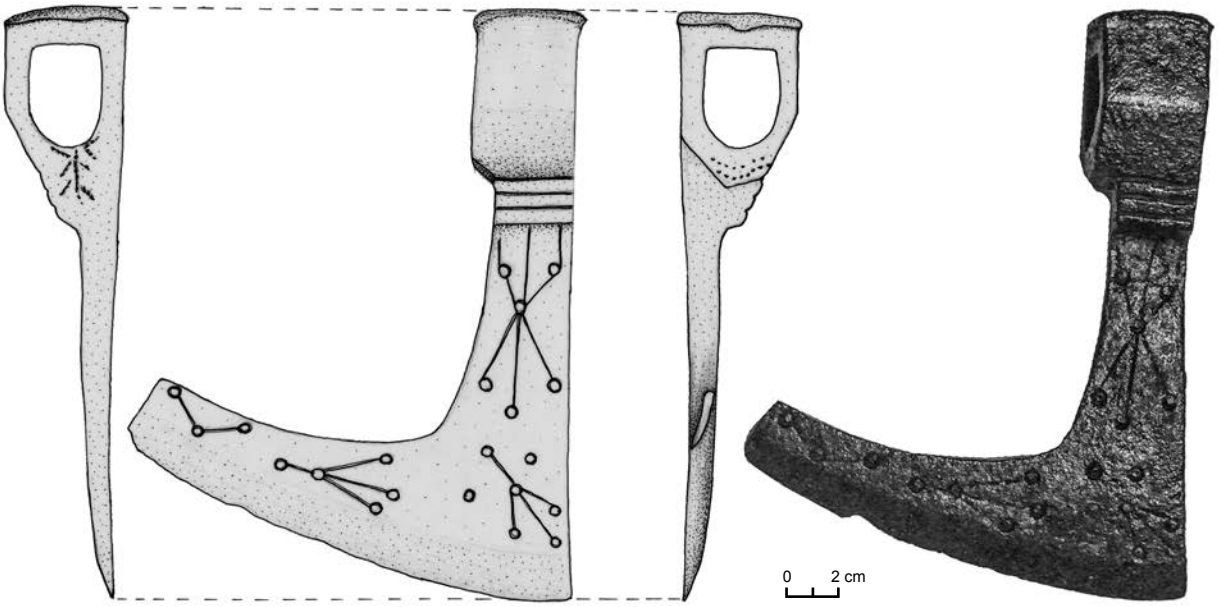


Fig. 4. Secure descoperită la Valea Mărului (foto C. Croitoru; desen C. Istrati).

3. Unul dintre cele mai interesante şi mai valoroase artefacte descoperite pe teritoriul comunei este o secure din fier. Notăm de la bun început faptul că în istoriografia românească nu se face o distincţie clară între instrumentele de tăiat/despicat, unelte cu o morfologie similară exemplarului pe care îl prezentăm fiind denumite şi topoare ori barde/bărdiţe[3]. Desigur, nu este aici locul pentru discuţii terminologice, aşa încât ne limităm la a nota că defrişarea fondului forestier reprezenta în zonă o preocupare mai veche, cunoscută încă din antichitate, atunci când denumirea de „secure" va fi fost preluată din corespondentul latin (= *sicula*, Mihăiescu 1993, 270).

Exemplarul nostru are gâtul alungit şi îngust, ce face tranziţia dintre lamă şi muchie printr-o linie oblică la contactul cu manşonul. Lama dezvoltată asimetric în jos faţă de linia muchiei, are o formă curbată; ceafa este bine profilată având aspect rectangular; corpul are profil triunghiular, iar orificiul oval; starea generală de conservare a piesei este bună, tăişul realizat pe ambele feţe prezentând unele ştirbiri, manşonul purtând urme de lovituri. Dimensiunile piesei sunt următoarele: înălţimea = 195 mm, lungimea lamei = 145 mm, lungimea manşonului = 55 mm (fig. 4).

[3] Pentru discuţii relative la atribuirea exemplarelor ornamentate, uneori cu iniţiale, aparţinând unor lideri politici sau militari vezi şi Emandi 1981, 37.

Ceea ce individualizează piesa descrisă este decorul incizat. Manşonul prezintă în zona dinspre lamă, pe o parte două rânduri de puncte dispuse neregulat, iar pe cealaltă, punctat, motivul „ramura de brad". Pe gât sunt trasate două incizii fine, iar pe suprafaţa lamei sunt dispuse patru registre formate din cerculeţe unite de linii. Nu cunoaştem analogii directe pentru acest decor, elemente oarecum similare, formate din incizii liniare şi cercuri regăsindu-se totuşi pe o bardă din secolul al XVI-lea descoperită la Bistriţa (Emandi 1976, 169, fig. 4/1).

Securi asemănătoare morfologic au fost identificate la Aldeşti (secolul XV; Ursachi 1968, 141-142, fig. 21/5), Baia Mare (secolul XIV; Emandi 1976, 43, fig. 12/3), Bârnova (secolele XIII-XIV; Chirica, Tănăsachi 1984, 69, fig. 11/7), Fundu Herţii (secolele VIII-X!?; Petrescu-Dîmboviţa, Teodor 1987, 52, fig. 29/3), curtea domnească din Iaşi (secolul XVII; Andronic, Neamţu, Dinu 1967, 263, fig. 67/14), Târgu Trotuş (secolele XVI-XVII; Artimon 1998, 141, fig. 87/5; 88/5) etc., cum se vede datate extrem de variat, în ultimă instanţă o dovadă a morfologiei conservatoare a pieselor aparţinând acestui tip. Cronologia artefactului de la Valea Mărului credem că ar trebui căutată, mai curând, după jumătatea mileniului secund.

4. În cele ce urmează vom prezenta un alt artefact, despre care deţinem, din păcate, exclusiv informaţii „literare”. Atunci când ne documentam în vederea redactării *Repertoriului arheologic al judeţului Galaţi* (Croitoru 2013; vezi şi Croitoru 2012a), am utilizat şi fondul documentar „Ion T. Dragomir”, păstrat în arhiva ştiinţifică a Muzeului de Istorie „Paul Păltănea” din Galaţi. Din cadrul acestuia, reţine atenţia pentru intervenţia de faţă o scrisoare expediată în anul 1974 de către Nicolae Ifrosie – locuitor septuagenar din satul Mândreşti, comuna Valea Mărului (fostă Puţeni), judeţul Galaţi – directorului din acea vreme a instituţiei muzeale, Ion T. Dragomir (Croitoru 2012b, 563-573). În cuprinsul acestei misive expeditorul face un „inventar” al locurilor cu potenţial arheologic – nu puţine, pe care le cunoaşte, de pe teritoriul localităţii Mândreşti, menţionând totodată şi unele descoperiri arheologice (vezi Croitoru 2012, 129-137).

La fila trei, punctul şase sunt consemnate următoarele: „*în vara acestui an, în fosta curte a lui Ştefan Pârlica, moştenit de fiica sa Nicuţa, căsătorită cu Busuioc Cojocaru, am dat peste un baltag confecţionat dintr-un fier de proastă calitate; baltagul a fost folosit şi are o înfăţişare dură. Baltagul l-am depus la micro-muzeul sătesc*”.

Vom iniţia scurtul nostru comentariu prin a menţiona faptul că, în anul 2013, când am început cercetările la Valea Mărului, piesa nu se mai afla în colecţia şcolii generale din Mândreşti, unde altminteri se păstrau o serie de „exponate”, cel puţin la fel de valoroase şi interesante. Funcţionalitatea dar şi dimensiunile sale reduse vor fi sedus deci pe unul dintre vremelnicii săi „custozi”...

Elementul cel mai important pentru excursul nostru, ce vizează reconstituirea „istoriei piesei”, îl constituie reprezentarea grafică pe care Nicolae Ifrosie a avut inspiraţia să o anexeze la finele scrisorii sale (fig. 5). Schiţa simplă, chiar dacă uşor stângace, realizată îndependent de text pe o jumătate de coală A4 este intitulată „*copia baltagului*” şi este realizată prin suprapunerea piesei pe hârtie şi trasarea conturului său, rezultatul fiind un desen la scara 1/1, fapt ce ne va permite reconstituirea dimensiunilor artefactului cu suficientă precizie.

Aşadar, din ilustraţie putem conchide că este vorba despre o unealtă/armă bivalentă, o bardă-ciocan cu corpul îngust şi alungit, tăişul semicircular, cel mai probabil ascuţit pe ambele feţe, bine profilat, lăţit aproape simetric faţă de corpul propriu-zis. Orificiul de fixare a cozii plasat în partea superioară este probabil de formă ovală (deşi pare a fi reprezentat ca fiind rectangular în desen, sau este poate doar o sugestie a locului său în cadrul morfologiei generale a piesei), iar ceafa simplă şi dreaptă, având aspect rectangular în secţiune. Prelungirea cefei (ciocanul) pare să aibă urme de utilizare (marginile sunt deteriorate); nu avem nici o sugestie cu privire la existenţa vreunui decor. După toate aparenţele şi în conformitate cu analogiile pe care le cunoaştem a fost executat dintr-o singură bucată de fier, prin forjare şi prelucrare la cald. Dimensiunile piesei sunt următoarele: lungimea maximă = 118 mm, lăţimea maximă a lamei = 105 mm, lungimea muchiei cefei = 20 mm, lăţimea muchiei cefei = 23 mm. Judecând după dimensiunile notate, sinonime exemplarului de la Tuluceşti, foarte probabil coada din lemn avea o lungime cuprinsă între 300 şi 400 mm.

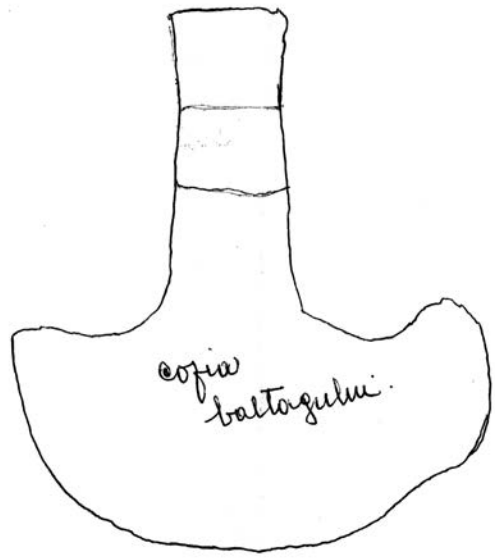


Fig. 5. Scrisoarea din 27 noiembrie 1974, anexa.

Exemplare având o morfologie apropiată sunt relativ bine cunoscute pe teritoriul Moldovei; la mai vechile descoperiri de la Iaşi (Emandi 1981, 37, fig. 8/2; Ostuni 1986, 854, fig. c), Piatra Neamţ (Emandi 1981, 37, fig. 8/3; Ostuni 1986, 854, fig. a), Murgeni (Emandi 1981, 37, fig. 8/1; Ostuni 1986, 854, fig. b) şi Vaslui (Emandi 1981, 37, fig.

8/4; Ostuni 1986, 854, fig. d), adăugându-se toporul deja menţionat de la Tuluceşti (jud. Galaţi). Cum am spus, probabil că piesa de la Bălteni (jud. Vaslui) aparţine aceleiaşi tipologii (Teodor 1996, fig. 35/6; Hânceanu 2011, pl. XLIV/4).

Consideraţiile generale notate mai sus în cazul bardei-ciocan de la Valea Mărului rămân valabile pentru tipul în discuţie astfel încât nu le mai reluam aici. Din punct de vedere cronologic ne aflăm aşadar exclusiv pe tărâmul supoziţiilor. Cum am arătat, numai piesele similare descoperite pe teritoriul Moldovei au fost încadrate între extreme date de veacurile al VII-lea şi al XV-lea. Desigur această situaţie se datorează hazardului descoperirilor fortuite, al unor carenţe de cercetare şi foarte probabil morfologiei conservatoare a unor astfel de artefacte, a „rămânerii lor în uz" pe parcursul mai multor generaţii. În cazul particular al exemplarului descoperit la Mândreşti, nu putem să nu îl punem în legătură şi cu capătul de buzdugan semnalat tot aici (Croitoru, Doca 2015, 230-239) – şi cel din urmă, din păcate, tributar unor carenţe cronologice similare (dar subscris propunerilor de datare a bardelor-ciocan) şi altor piese care vor face obiectul unor intervenţii ulterioare.

Totuşi, ca o direcţie viitoare în ceea ce priveşte interpretarea acestor descoperiri de artefacte metalice medievale timpurii, notăm şi prezenţa nu departe, la obârşia Gerului a „reşedinţei" vastului domeniu al Cernăteştilor (Orăscu 1979, 209-217), familie atestată documentar începând cu prima jumătate a secolului al XV-lea, ce a beneficiat de numeroase privilegii domneşti. Debutul acestor acumulări se datorează, după toate aparenţele, implicării în conflictul pentru domnie dintre Petru al III-lea şi Roman al II-lea, cel puţin aceasta ne-o sugerează „slujba dreaptă şi credincioasă" la care se referă Petru voievod în uricul din 1448, atunci când întăreşte Cernăteştilor cel mai vast domeniu din Moldova, cuprins între Siret şi Prut. Primul dintre cei amintiţi în documentul emis la 15 iulie 1448 este Costin Cernat, ploscar, martor în sfatul domnesc în 1445 (DIR I, 1954, 212, nr. doc. 250), confirmat stăpân pe o curte (Cernăteşti pe Corod) şi o moşie de 50 de sate trei ani mai târziu (DIR I, 1954, 229, nr. doc. 273; 328, nr. doc. 395; 361-363, nr. doc. 432). Celălalt, Ştefan Cernat (Ştefu Cernătescu), boier, martor în sfatul domnesc (1468-1471) (DIR I, 1954, 364, nr. doc. 433; 369, nr. doc. 439; 371, nr. doc. 440; 373, nr. doc. 442; 375, nr. doc. 444; 376, nr. 445; 378, nr. doc. 448; 379, nr. doc. 450; 381, nr. doc. 452; 383, nr. doc. 454; 386, nr. doc. 458; 396, nr. doc. 469; 426, nr. doc. 17; 427, nr. doc. 18), tatăl lui Ion Cernat, Solomia şi Neaga (menţionaţi la 1520), era stăpânul mai multor sate (DIR I, 1954, 229, nr. doc. 273; 328, nr. doc. 395; 361-362, nr. doc. 432), de asemenea implicat în unele tranzacţii funciare (anul 1484, DIR II, 1954, 51, nr. doc. 261).

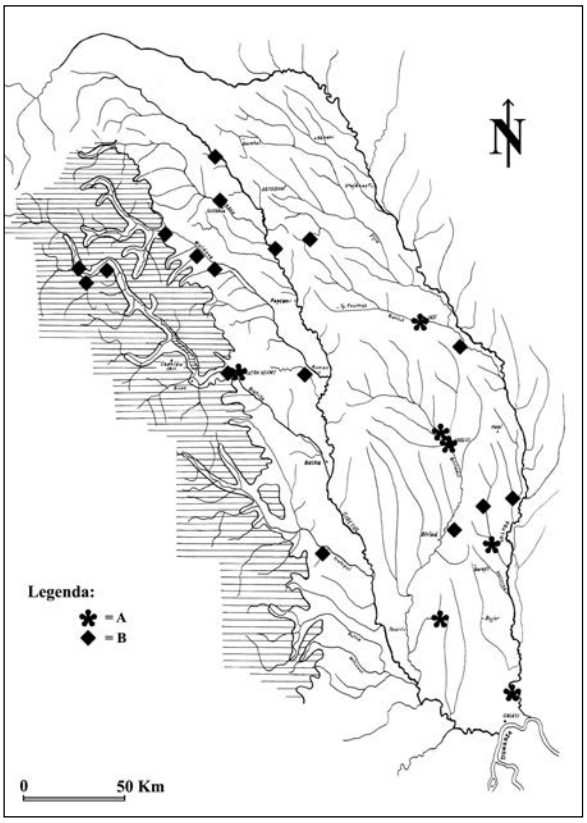


Fig. 6. Harta răspândirii topoarelor pe teritoriul Moldovei. A. barde-ciocan: Bălteni; Iaşi; Piatra Neamţ; Mândreşti; Murgeni; Tuluceşti; Vaslui. B. topoare: Câmpulung; Coşna; Cozăneşti; Dărmăneşti; Piatra Neamţ; Suceava; Şuletea; Vatra Dornei; Vutcani.

Acestea sunt scurtele consideraţii pe care le putem emite relativ la o piesă inedită, specială şi pe criteriul rarităţii în contextul descoperirilor pe care le cunoaştem. Barda-ciocan de la Mândreşti, asociată şi cu alte artefacte identificate în zonă creionează şi din punct de vedere arheologic prezenţa unui domeniu medieval puternic la izvoarele Gerului.

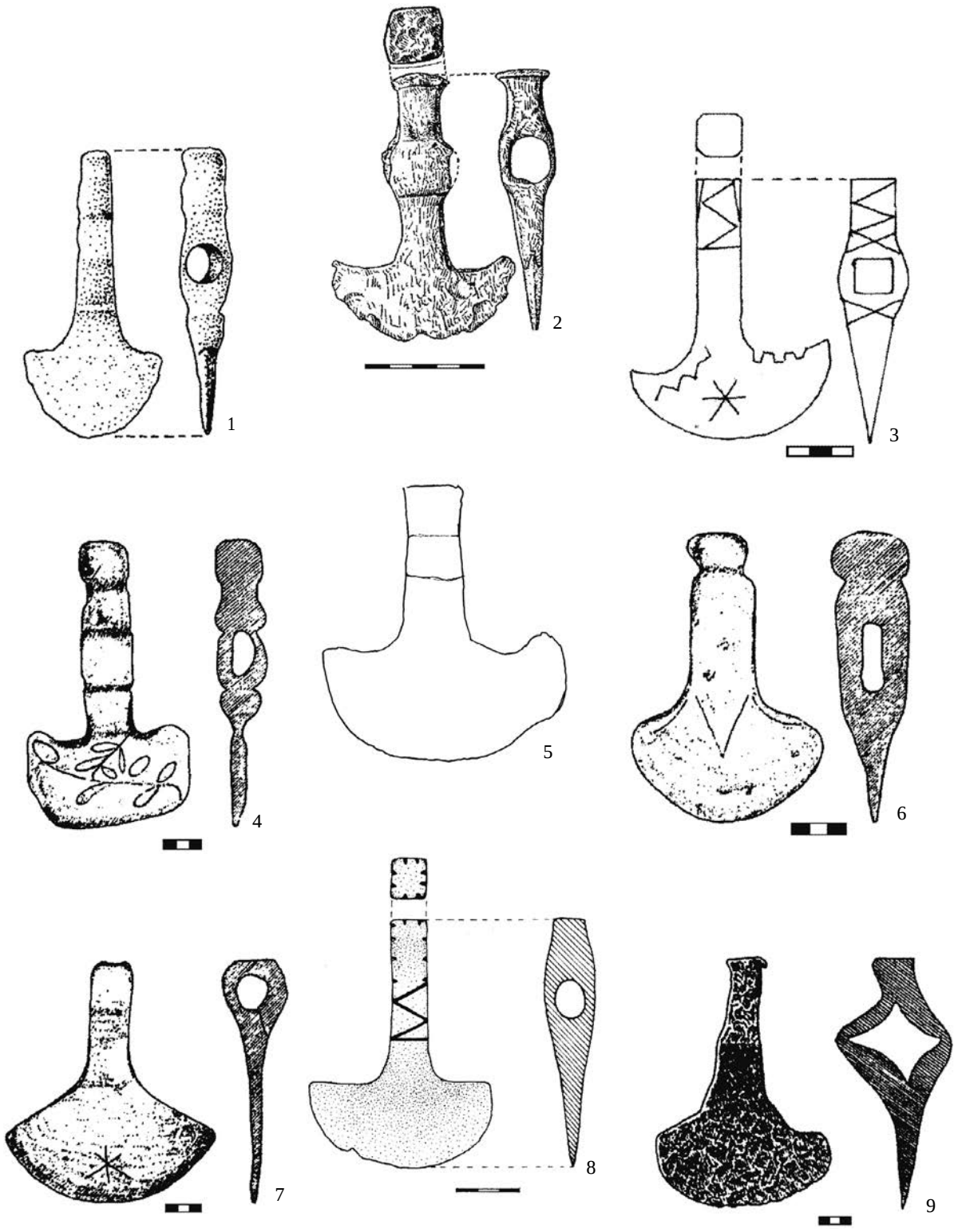


Fig. 7. Barde-ciocan descoperite la: 1 - Bălteni; 2 - Curcani; 3 - Gugeşti; 4 - Murgeni; 5 - Mândreşti; 6 - Iaşi; 7 - Piatra Neamţ; 8 - Tuluceşti; 9 - Vaslui.

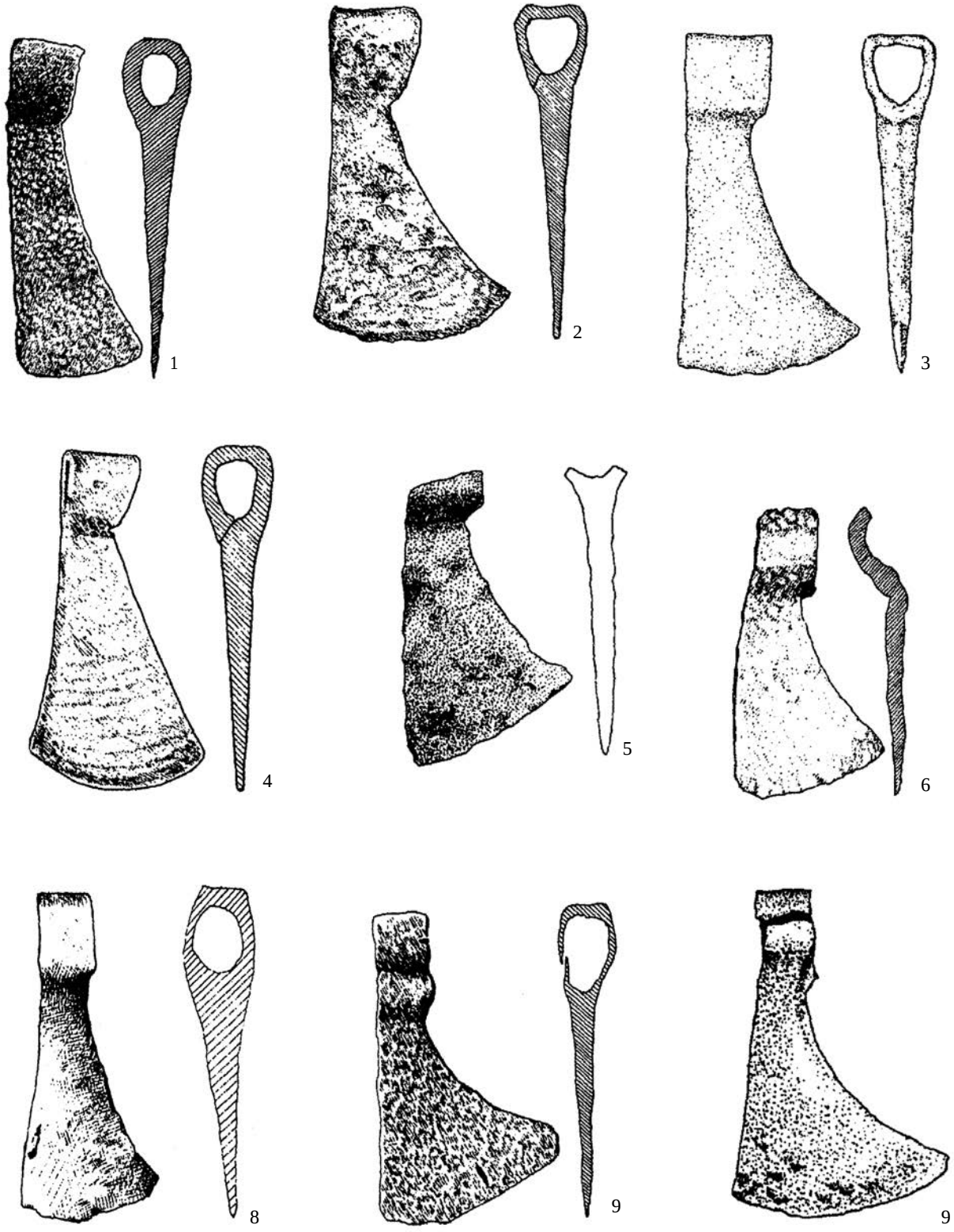


Fig. 8. Topoare descoperite la: 1 - Câmpulung; 2 - Coşna; 3 - Cozăneşti; 4 - Dărmăneşti; 5 - Piatra Neamţ; 6 - Suceava; 7 - Şuletea; 8 - Vatra Dornei; 9 - Vutcani.

Bibliografie

Andronic, Neamţu, Dinu 1967: Al. Andronic, E. Neamţu, M. Dinu, Săpăturile arheologice de la curtea domnească din Iaşi. ArhMold V, 1967, 169-285.

Artimon 1987: Al. Artimon, Descoperirile arheologice de la Tg. Trotuş din anii 1983-1986. Carpica XVIII-XIX, 1987, 318-359.

Artimon 1998: Al. Artimon, Civilizaţia medievală urbană din secolele XIV-XVII (Bacău, Tg. Trotuş, Adjud) (Bacău 1998).

Bătrâna, Sion 2006: A. Bătrâna, Gh. Sion, Locuinţa din a doua jumătate a secolului XIV de la Târgu Neamţ. SCIVA LVII/1-4, 2006, 91-111.

Chirica, Tanasachi 1984: V. Chirica, M. Tanasachi, Repertoriul arheologic al judeţului Iaşi, I (Iaşi 1984).

Chirica, Tanasachi 1985: V. Chirica, M. Tanasachi, Repertoriul arheologic al judeţului Iaşi, II (Iaşi 1985).

Chirilă 2012: A. Chirilă, Monografia comunei Tulucești (Galaţi 2012).

Cocoş 1992: Şt. Cocoş, Contribuţii la repertoriul arheologic al judeţului Neamţ. Memoria Antiquitatis XVIII, 1992, 5-61.

Coman 1980: G. Coman, Statornicie, continuitate. Repertoriul arheologic al judeţului Vaslui (Bucureşti 1980).

Comşa, Deculescu 1972: M. Comşa, C. Deculescu, Un depozit de unelte şi arme descoperit la Curcani (jud. Ilfov). SCIVA 23/3, 1972, 469-473.

Croitoru 2012: C. Croitoru, Varia memoria antiquitatis et medievalis (I). Informaţii arheologice într-un document contemporan. Studii de Istorie I, 2012, 129-137.

Croitoru 2012a: C. Croitoru, Galaţi. O bibliografie arheologică şi numismatică (Brăila 2012).

Croitoru 2012b: C. Croitoru, Ion T. Dragomir (1923-2012). A Lifetime dedicated to Archaeology and Museography. Istros XVIII, 2012, 563-573.

Croitoru 2013: C. Croitoru, Galaţi. Repertoriul descoperirilor arheologice şi numismatice (Galaţi 2013).

Croitoru 2013a: C. Croitoru, Despre descoperirile arheologice de la Tulucești, judeţul Galaţi. Note de lectură (VII). Studii de Istorie II, 2013, 589-594.

Croitoru, Apostu 2015: C. Croitoru, G. Apostu, Two Mediaeval Axes Discovered in Tulucești (Galaţi County). ArhMold XXXVI, 2013, 253-261.

Croitoru 2016: C. Croitoru, Un topor medieval descoperit la Mândreşti, judeţul Galaţi. Zargidava XV, 2016, 92-106.

Croitoru, Doca 2015: C. Croitoru, V. Doca, Un capăt de buzdugan descoperit la Valea Mărului, judeţul Galaţi. Acta Musei Tutovensis XI, 2015, 230-239.

Croitoru, Pandrea 2015: C. Croitoru, S. Pandrea, Cercetări arheologice de teren pe valea Gerului, judeţul Galaţi. Danubius XXXIII, 2015, 357-376.

Diaconu, Baraschi 1977: P. Diaconu, S. Baraschi, Păcuiul lui Soare. II. Aşezarea medievală (Bucureşti 1977).

DIR I, 1954: Documente privind istoria României, Veacul XIV-XV. A, Moldova, 1, 1384-1475 (Bucureşti 1954).

DIR II, 1954: Documente privind istoria României, Veacul XIV-XV. A, Moldova, 2, 1476-1500 (Bucureşti 1954).

Edroiu et al. 2003: N. Edroiu, M. Pintilie, D. Pintilie, Gh. P. Ionică, Comuna Valea Mărului. Studiu monografic complex – Puţeni şi Mândreşti (Cluj 2003).

Emandi 1976: E.I. Emandi, Topoare din fier – tip bardă cu tub de înmănuşare din Europa centrală în perioada evului mediu dezvoltat. Memoria Antiquitatis VI-VIII, 1974-1976, 163-184.

Emandi 1981: E.I. Emandi, Cercetări privind uneltele de tăiat de pe teritoriul României în perioada secolelor IX-XVII. In: Istoria civilizaţiei, II (Sibiu 1981), 19-65.

Hânceanu 2011: G.D. Hânceanu, Evoluţii etno-demografice şi culturale în bazinul Bârladului (secolele VI-XI) (Iaşi 2011).

Mihăiescu 1993: H. Mihăiescu, La romanité dans le sud-est de l'Europe (Bucureşti 1993).

Neamţu, Neamţu, Cheptea 1980: E. Neamţu, V. Neamţu, S. Cheptea, Oraşul medieval Baia în secolele XIV-XVII, I (Iaşi 1980).

Neamţu, Neamţu, Cheptea 1984: E. Neamţu, V. Neamţu, S. Cheptea, Oraşul medieval Baia în secolele XIV-XVII, (II). Cercetările arheologice din anii 1977-1980 (Iaşi 1984).

Orăscu 1979: Ş. Orăscu, Generalul Alexandru Cernat şi ascendenţii săi. Danubius VIII-IX, 1979, 209-217.

Ostuni 1986: G. Ostuni, Les outils dans les Balkans du Moyen Âge à nos jours, II, Planches (Édition de l'École des Hautes Études en Sciences Sociales et Maisonneuve et Larose 1986).

Paragina 2002: A. Paragină, Habitatul medieval la curbura exterioară a Carpaţilor în secolele X-XV (Brăila 2002).

Petrescu-Dîmboviţa, Teodor 1987: M. Petrescu-Dîmboviţa, D. Gh. Teodor, Sisteme de fortificaţii medievale timpurii la est de Carpaţi. Aşezarea de la Fundu Herţii (jud. Botoşani) (Iaşi 1987).

Popovici 2004: R. Popovici, Negoieşti, un village de la zone de Neamţ dans les XIe-XVIIe siècles. ArhMold XXV, 2004, 237-251.

Scorpan 1965: C. Scorpan, L'ensemble archéologiques féodal de Bâtca Doamnei. Dacia (NS) IX, 1965, 441-454.

Spinei 1970: V. Spinei, Unele consideraţii cu privire la descoperirile arheologice din Moldova din secolul al XII-lea pînă în prima jumătate a secolului al XIV-lea. SCIVA XXI/4, 1970, 595-618.

Spinei 1981: V. Spinei, Contribuţii la istoria spaţiului est-carpatic din secolul al XI-lea pânp la invazia mongolă din 1241. Memoria Antiquitatis VI-VII, 1981, 93-162.

Spinei 1994: V. Spinei, Moldova în secolele XI-XIV (Chişinău 1994).

Spinei, Asăvoaie 1993: V. Spinei, C. Asăvoaie, Date preliminare privind rezultatele săpăturilor din 1992 de la Siret. ArhMold XVI, 1993, 215-227.

Teodor 1996: D. Gh. Teodor, Meşteşugurile la nordul Dunării de Jos în secolele IV-XI d. Hr. (Iaşi 1996).

Teodor 2004: D. Gh. Teodor, Depozitul de unelte şi arme medievale timpurii de la Gârbovăţ, jud. Galaţi. Memoria Antiquitatis XXIII, 2004, 395-406.

Ursachi 1968: V. Ursachi, Cercetări arheologice efectuate de Muzeul de Istorie Roman. Carpica I, 1968, 111-188.

Колчин 1985: Б.А. Колчин, Древняя Русь: город, замок, село (Москва: Наука 1985).

Mediaeval axes discovered in the Galaţi County

Keywords: Tuluceşti, Valea Mărului, Galaţi, axe, axe-hammer, the Middle Ages.

Abstract: Random discoveries have allowed us to discover some very interesting artifacts – four iron axes, relating to the period of the Middle Ages. None of them has archaeological context; they were found in the collections of two school museums from the villages in the county of Galaţi, where we carried out archaeological research: Tuluceşti (A) and Valea Mărului (B).

These items are not rarities (such artifacts are known in Romania, as well as in Europe), but to date it is the only finds of this kind in southern Moldova. In addition, the presence of the original ornamentation on two axes, which has no analogies in the literature available to us, prompted us to present them in this publication, although some of these items have already been published.

List of illustrations:

Fig. 1. Physical map of the Galaţi County indicating the villages of Tuluceşti and Valea Mărului.

Fig. 2. Axe-hammer found at Tuluceşti (photo by C. Croitoru; drawing by C. Istrati).

Fig. 3. Axe found at Tuluceşti (photo by C. Croitoru; drawing by C. Istrati).

Fig. 4. Axe found at Valea Mărului (photo by C. Croitoru; drawing by C. Istrati).

Fig. 5. Letter from 27 November 1974, the annex.

Fig. 6. Distribution map of axes on the territory of Moldova. A. hammer-axes: Bălteni; Iaşi; Piatra Neamţ; Mândreşti; Murgeni; Tuluceşti; Vaslui. B. axes: Câmpulung; Coşna; Cozăneşti; Dărmăneşti; Piatra Neamţ; Suceava; Şuletea; Vatra Dornei; Vutcani.

Fig. 7. Hammer-axes discovered at: 1 - Bălteni; 2 - Curcani; 3 - Gugeşti; 4 - Murgeni; 5 - Mândreşti; 6 - Iaşi; 7 - Piatra Neamţ; 8 - Tuluceşti; 9 - Vaslui.

Fig. 8. Axes discovered at: 1 - Câmpulung; 2 - Coşna; 3 - Cozăneşti; 4 - Dărmăneşti; 5 - Piatra Neamţ; 6 - Suceava; 7 - Şuletea; 8 - Vatra Dornei; 9 - Vutcani.

Средневековые топоры, обнаруженные в уезде Галац

Ключевые слова: Тулучешть, Валя-Мэрулуй, Галац, топор, топор-молоток, Средневековье.

Резюме: Случайные открытия позволили нам обнаружить весьма интересные артефакты – речь идет о четырех железных топорах, относящихся к периоду средневековья. Ни один из них не имеет археологического контекста; они были найдены в коллекциях школьных музеев двух населённых пунктов уезда Галац, где мы проводили археологические исследования: Тулчешть (А) и Валя-Мэрулуй (В).

Эти предметы не являются раритетами (подобные артефакты известны на территории Румынии, как, впрочем, и в Европе), но на сегодняшний день это единственные находки такого рода, идентифицированные

на юге Молдовы. Кроме того, наличие оригинального декора на двух топорах, не имеющего аналогов в доступной нам литературе, побудило нас представить их в данной публикации, хотя о некоторых из этих предметов ранее сообщалось.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Физическая карта уезда Галац с указанием сел Тулчешть и Валя-Мэрулуй.

Рис. 2. Топор-молоток, обнаруженный в Тулчешть (фото: К. Кроитору; рисунок: К. Истрати).

Рис. 3. Топор, обнаруженный в Тулчешть (фото: К. Кроитору; рисунок: К. Истрати).

Рис. 4. Секира, обнаруженная в Валя-Мэрулуй (фото: К. Кроитору; рисунок: К. Истрати).

Рис. 5. Письмо от 27 ноября 1974 г., приложение.

Рис. 6. Карта распространения топоров на территории Молдовы. А. Топоры-молоты: Бэлтень; Яссы; Пьятра-Нямц; Мындрешть; Мурджень; Тулчешть; Васлуй. В. топоры: Кымпулунг; Кошна; Козэнешть; Дэрмэнешть; Пьятра-Нямц; Сучава; Шулетя; Ватра-Дорней; Вуткань.

Рис. 7. Топоры-молотки: 1 - Бэлтень; 2 - Куркань; 3 - Гуджешть; 4 - Мурджень; 5 - Мындрешть; 6 - Яссы; 7 - Пьятра-Нямц; 8 - Тулчешть; 9 - Васлуй.

Рис. 8. Топоры: 1 - Кымпулунг; 2 - Кошна; 3 - Козэнешть; 4 - Дэрмэнешть; 5 - Пьятра-Нямц; 6 - Сучава; 7 - Шулетя; 8 - Ватра-Дорней; 9 - Вуткань.

30.05.2016

Dr. Costin Croitoru, Muzeul Brăilei „Carol I”, Piaţa Traian, nr. 3, 810153 Brăila, România,
e-mail: costin_croitoru1@yahoo.com

«УТЕРЯННАЯ КОЛЛЕКЦИЯ» ИВАНА СУРУЧАНА В ХЕРСОНСКОМ ОБЛАСТНОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Антон Костенко

Ключевые слова: И.К. Суручан, В.И. Гошкевич, Херсонский музей, история археологии, музееведение.

Из всех археологических музеев Северного Причерноморья, основанных в XIX веке, наиболее драматически сложилась судьба кишиневского Музея древностей Понта Скифского. Один из лучших музеев региона после смерти своего основателя прекратил деятельность, а его коллекции оказались распыленными в собраниях других музеев или частных лиц. Наиболее значительной для исследования истории Северного Причерноморья была уникальная коллекция лапидарных памятников, которая практически полностью хранится сейчас в археологических фондах Херсонского областного краеведческого музея. Эта коллекция, как и весь Музей древностей Понта Скифского, является интересной не только сама по себе. История ее формирования и дальнейшего поступления в Херсон представляет не меньший интерес.

I. Иван Касианович Суручан и его музей

Музей древностей Понта Скифского в Кишиневе появился по инициативе коллекционера древностей, археолога и знатока античной истории Ивана Касиановича Суручана (Ion Casian Suruceanu; 1851-1897 гг., рис. 1). Свой музей он начал формировать в 1870-х гг., но его окончательное название начинает широко использоваться уже после 1887 г., когда экспозиция музея открылась в отдельном доме в центре Кишинева (Кетрару 2011, 20).

Музей поражал специалистов наличием большой античной коллекции. Одних лишь античных монет в фондах музея И.К. Суручана насчитывалось больше двенадцати тысяч, среди них было немало уникальных. Во дворе музея находились лапидарные памятники. Среди последних были и подделки, что дало повод отдельным современным исследователям утверждать: музей И.К. Суручана состоял из них больше чем наполовину. Но в действительности, как доказано основательными исследованиями археологов и историков, подделки составляли лишь незначительную часть богатого музейного собрания (Кетрару 2011, 22).

Осенью в 1897 г. во время археологических исследований в Южной Бессарабии И. К. Суручан простудился и тяжело заболел. 18 ноября в 1897 г. он умер, не дожив несколько дней до своего 46-летия. Преждевременная смерть И.К. Суручана не дала ему возможности должным образом проработать свое собрание или принять меры для его сохранения в будущем. Он не успел даже составить каталог своих коллекций, лишь часть из которых (речь не идет о больших каменных формах) опубликовали другие исследователи, в частности – П.В. Беккер (Беккер 1879). Незначительное количество лапидарных памятников были изданы отдельной книгой, составленной самим И.К. Суручаном и В. В. Латышевым (Surutschan, Latyschev 1894).

Судебный пристав, приглашенный вдовой И.К. Суручана Ольгой Христофоровной для описания музейных фондов, ограничился общим подсчетом количества предметов в шкафах и комнатах музея. Этот список, начатый 27 и законченный 29 ноября 1897 г., позволяет представить объем археологических фондов Музея древностей Понта Скифского: всего было учтено 90 443 предмета. Следовательно, к 1897 г. это музейное учреждение было одним из крупнейших на территории юга Российской империи.

II. Судьба коллекции И. К. Суручана после его кончины

В губернском Кишиневе не было ни организаций, ни частных лиц, которые могли бы продолжить дело И.К. Суручана и сохранить Музей древностей Понта Скифского. Такие

Рис. 1. Иван Касианович Суручан.

шаги ожидались от Бессарабской губернской ученой архивной комиссии, но ее финансовое и организационное положение оставляло желать лучшего. То, что коллекции И.К. Суручана необходимо сохранить для научной общественности, понимали и в Петербургской академии наук и в Императорской археологической комиссии.

Председатель Комиссии граф А.А. Бобринский (1852-1927 гг.) послал О.Х. Суручан, вдове археолога, письма с просьбой уступить собрание в пользу правительства для дальнейшего размещения в одном из значительных музеев, на что получил принципиальное согласие. Однако отсутствие средств не позволило и Комиссии приобрести коллекцию, поэтому в 1908 г. О.Х. Горонович (эту фамилию она приобрела во втором браке) поручила известному посреднику в торговле древностями Ш.Д. Гохману продать коллекцию.

В том же году Ш.Д. Гохман предложил Императорской археологической комиссии приобрести лапидарные памятники, которые оставались в собственности О.Х. Горонович (в своем рапорте в Министерство императорского двора с просьбой финансовой помощи для осуществления этой операции граф Бобринский говорит о двухстах мраморных и каменных памятников).

Императорская археологическая комиссия предлагала приобрести коллекцию Императорскому Русскому историческому музею и Музею Одесского общества истории и древностей, но они отказались из-за нехватки средств. Тем временем, в 1900 г. Б.В. Фармаковский, который осмотрел коллекцию в суручановском имении в Вадул-луй-Водэ, где она в это время находилась, утверждал, что «памятники древностей не вызывают сомнений в их подлинности и большею частью удовлетворительной сохранности» (Власова 1999, 366).

В 1908 г. Ш.Д. Гохман извещал Императорскую археологическую комиссию о том, что значительная часть предметов из музея И.К. Суручана (в частности стекло и терракота) продана одесскому меценату – купцу Иосифу Львовичу Конельскому. Известно, что в имении И.Л. Конельского хранилась одна из лучших художественных коллекций Южной Украины, но после 1917 г. она была потеряна. Исследователям не удалось найти предметы из коллекции И.К. Суручана в Одесском археологическом музее, куда попала часть предметов из собрания И.Л. Конельского (Кетрару 2011, 23).

В 1909 г. Ш.Д. Гохман продал египетские древности (42 предмета) из музея И.К. Суручана Борису Александровичу Тураеву (1868-1920 гг.), основоположнику русской египтологии и хранителю московского Музея изящных искусств. Сегодня большая часть всего собрания Б.А. Тураева хранится в петербургском Эрмитаже (Стабровский 1994, 49).

Значительная часть коллекции И.К. Суручана оказалась в археологических фондах Музея истории Пермского государственного национального исследовательского университета. В ноябре 1918 г. исполняющий обязанности хранителя пермского Музея древностей и изящных искусств, ученик Б.А. Тураева, Алексей Викторович Шмидт (1894-1935 гг.) находился в командировке с целью сбора материалов для своего музея. В Петрограде он приобрел у Аарона Фроловича Ельтермана большое собрание греческих и египетских предметов из бронзы, стекла, кости, глины. Предметов насчитывалось 1 800, среди них и выразительные терракотовые фигуры. А.Ф. Ельтерман был часовщиком, который, очевидно, занимался также торговлей антиквариатом, в том числе и археологическими предметами (Колпаков 2004а, 60).

В Эрмитаж несколько предметов из музея И.К. Суручана попали и другим путем. В 1938 г. туда поступило собрание академика Николая Петровича Лихачева (1862-1936 гг.), в нем были и восемь фрагментированных надписей,

идентифицированных как часть коллекции И.К. Суручана. Установлено, что эти надписи Н.П. Лихачев приобрел у неизвестного петербургского антиквара (Власова 1999, 368).

Сегодня известен ряд других мест пребывания материалов из коллекции И.К. Суручана. Да, несколько амфор с клеймами находились в археологических фондах Историко-краеведческого музея Молдавской ССР, откуда их передали в археологические фонды Национального музея истории Молдовы. Часть предметов из коллекции И.К. Суручана попала в киевский музей Церковно-исторического общества, но их дальнейшая судьба остается неизвестной. Другая часть коллекции попала в один из музеев Бухареста, но проследить ее судьбу тоже не удается (Кетрару 2011, 24).

Ряд предметов из музея И.К. Суручана продали на аукционах в Берлине. Очевидно, что часть из них попала в коллекцию Ф.Л. Ганса, которая сейчас хранится в Античном собрании Пергамского музея, но исследователям удалось идентифицировать лишь один предмет – гребень с надписью KURIAI DWRON, опубликованный еще при жизни И.К. Суручана (Власова 1999, 367).

III. Поступление коллекции И.К. Суручана в археологические фонды Херсонского музея древностей

Пока длились переговоры относительно продажи тех или других частей коллекции И.К. Суручана, ее лапидарным собранием заинтересовался Виктор Иванович Гошкевич (1860-1928 гг., рис. 2). К этому времени он был уже хорошо известным в Южной Украине археологом. Но главное, еще в 1890 г. В.И. Гошкевич учредил Археологический музей Херсонского губернского статистического комитета (1890-1898 гг.). Музей впоследствии прошел ряд организационных трансформаций, став Археологическим музеем Херсонской губернской ученой архивной комиссии (1898-1909 гг.), а впоследствии – Херсонским городским музеем древностей и изящных искусств (1909-1923 гг.).

Подобно И.К. Суручану В.И. Гошкевич был не только основателем, но долгое время и единственным сотрудником собственного музея. Беспокоясь о его пополнении, он не мог не заинтересоваться возможностью приобрести часть коллекций Музея древностей Понта

Рис. 2. Виктор Иванович Гошкевич.

Скифского, невзирая на крайне неблагоприятное время – началась Первая мировая война, а вслед за ней и Февральская революция. В.И. Гошкевич дважды посетил О.Х. Горонович летом 1917 г.

В результате этих поездок в Херсон поступило небольшое количество античных древностей Пантикапея, а именно гончарные и стеклянные сосуды, ряд бусин синего стекла, терракота, женский торс и прочие предметы, подаренные О.Х. Горонович Херсонскому музею древностей.

Но основные переговоры о приобретении лапидарной коллекции Музея древностей Понта Скифского продолжались. В конечном итоге, необходимая сумма денег для этой операции была собрана среди жителей Херсонской губернии и органов местного самоуправления. Херсонские газеты сообщали читателям, что «в деле приобретения Херсоном этих научных и художественных драгоценностей добрый почин сделан братьями Тростами, землевладельцами нашей губернии, пожертвовавшими на это тысячу руб.; херсонское городское управление взяло на себя обязательство в сумме 8 тыс. руб.; херсонское губернское собрание (1916 г.) ассигновало 500 р., днепровское уездное – 100 р.» (Херсонский музей 2012, 168).

Заметим, что шла Первая мировая война и гражданские лица не могли воспользоваться железной дорогой для транспортировки тя-

Рис. 3. Лапидарий Херсонского областного краеведческого музея (первый зал). Памятники из коллекции И.К. Суручана.

желых каменных предметов приобретенной коллекции И.К. Суручана. Здесь В.И. Гошкевичу помогло знакомство с археологом-любителем Никандром Александровичем Марксом (1861-1922 гг.), командующим войсками Одесского военного округа. По его распоряжению управление автомобильных частей IX армии позволило В.И. Гошкевичу воспользоваться грузовыми военными автомобилями для транспортировки коллекции из имения О.Х. Горонович в Вадул-луй-Водэ к железнодорожной станции в Кишиневе. Управление же военных перевозок юго-западного фронта предоставило железнодорожный вагон для транспортировки коллекции в Херсон.

Так в 1917 г. Херсонский музей древностей обогатили более чем 300 предметов античной культуры: поступили главным образом античные скульптуры, надписи, стелы, саркофаги, между которыми немало уникальных вещей; среди них – мраморная скульптура «Ольвийского льва», жертвенник Ахилла, стела в честь богини Кибелы, декрет в честь гражданина Ольвии Карзоаза и много других. В составе этой коллекции не только лапидарные памятники, но и повседневные античные вещи – черепицы, глиняные грузила и т. д. (Костенко 2014, 191).

Пополнение Херсонского музея древностей коллекцией И.К. Суручана сразу же повысило его уровень в научном мире. В октябре 1918 г. для ознакомления с музейными коллекциями в Херсон прибыли директор Берлинского музея («Пергамон») Теодор Виганд (1864-1936 гг.) в сопровождении Петра Амвросиевича Маврогордато (1870-1946 гг.), археолога, действительного члена и казначея Одесского общества истории и древностей, известного коллекционера предметов античности. Гости, которых принимал В.И. Гошкевич, с сожалением отметили, что лапидарные памятники коллекции И.К. Суручана оставлены под открытым небом на музейном дворе – во время войны на первом этаже музея городская власть обустроила школу, и места для их размещения в музейном здании не было.

Впоследствии часть этих лапидарных памятников была использована в музейной экспозиции, но большинство попало в закрытые археологические фонды. Здесь они и находились до 1978 г., когда решением областной власти музей разместили в другом здании (на ул. Соборной). В последние годы началось обустройство в отдельном, смежном с главным корпусом музея, помещении современного Открытого археологического фондохранилища «Лапидарий – Амфорный зал» (укр. Відкрите археологічне фондосховище «Лапідарій – Амфорний зал» Херсонського обласного краєзнавчого музею, рис. 3). Здесь

лапидарные памятники из коллекции И.К. Суручана (кроме использованных в основной обзорной экспозиции) стали доступными и заинтересованным исследователям, и рядовым посетителям музея.

В то же время перед исследователями истории коллекции И.К. Суручана появилась другая проблема. Херсонский областной краеведческий музей понес большие потери в годы Второй мировой войны. Тогда же исчезло и немало важных документов. Среди них, как считалось, и документация В.И. Гошкевича на коллекцию И.К. Суручана. Лишь в 2014 г. проработка неразобранных после войны документов Научного архива археологических фондов Херсонского областного краеведческого музея позволила выявить музейную Книгу поступлений 1917-1919 гг., а в ней – полный перечень 338 предметов из коллекции И. К. Суручана, которые поступили в Херсонский музей древностей (Книга надходжень 1919, 618-658).

Анализ этого списка позволяет утверждать, что самые ценные материалы музея И.К. Суручана не исчезли бесследно, а доныне хранятся в археологических фондах Херсонского областного краеведческого музея и могут быть идентифицированы.

IV. Античная коллекция И.К. Суручана в археологических фондах Херсонского областного краеведческого музея

Если следовать хронологии исторических эпох, коллекцию И.К. Суручана в археологических фондах Херсонского областного краеведческого музея открывают три предмета, идентифицированные как кремневые орудия эпохи энеолита-бронзы.

Но подавляющая часть предметов коллекции – это античные материалы, значительная часть из которых была собрана И.К. Суручаном во время исследования Ольвии. В целом античную коллекцию И.К. Суручана в археологических фондах современного Херсонского областного краеведческого музея можно разделить на следующие группы.

– *Бытовые вещи* античного мира – среди них предметы обихода и орудия труда. Это, в частности, каменное блюдо и две каменных чаши; грузила без клейм (четырнадцать) и с клеймами (девять). Примером последних является грузило усеченно-пирамидальной формы I-II вв. н. э. из Ольвии (инвентарный номер – ХКМ-а-9556). Его высота – 10,2 см, ширина – 5,3 см. Верхняя плоскость прямоугольная, с овальным углублением; нижняя – квадратная. Поверхность тщательным образом заглажена, глина коричневая. На одной стороне оттиснут тамговидный знак (рис. 4).
– Предметы, связанные с *практиками захоронений*, а именно: три оссуария, из них один – в форме саркофага, а также другие материалы.
– *Строительные керамические предметы* (три кирпича, семьдесят две черепицы с клеймами, пять орнаментированных черепиц, восемь стандартных гладких черепиц – всего 88 предметов).
– *Строительные каменные предметы* (40 экземпляров): фрагменты мраморных архитектурных украшений (двадцать четыре), фрагменты известняковых архитектурных украшений (три), части колонн (семь), плиты и блоки (шесть).
– *Декоративные предметы* (одиннадцать): терракотовые украшения (семь) и глиняные статуэтки (четыре). Среди последних и глиняная голова женщины VI-V вв. до н. э. (инвентарный номер – ХКМ-а-8996). Ее высота – 10 см, ширина – 7,3 см. Голова массивная и объемная, лицо с низким лбом, глубоко посаженными глазами, толстыми губами, массивным округлым подбородком; прическа едва намечена. Глина красно-коричневая, с примесями песка и частями шамота; на оборотной стороне – отверстие (рис. 5).
– *Скульптуры и барельефы* (двадцать пять) античного времени: плиты с барельефами без надписей (семь), известняковые статуи (четыре), мраморные статуи (четырнадцать).

  Среди них выделяются некоторые яркие памятники, например, мраморная скульптура льва из Ольвии, найденная там в 1890-х гг. (рис. 6), которая, вероятно, была надгробным памятником. Интересно отметить, что части скульптуры (правая задняя лапа и хвост) были переданы антикваром Л.Д. Гохманом, который и продал скульптуру И.К. Суручану, на сохранение в Одесский археологический музей. Л.Д. Гохман был младшим братом Ш.Д. Гохмана, а последний, как мы уже упоминали, был предста-

Рис. 4. Античное грузило из коллекции И.К. Суручана.

Рис. 5. Глиняная голова женщины из коллекции И.К. Суручана.

Рис. 6. Скульптура льва из Ольвии из коллекции И.К. Суручана.

Рис. 7. Мужская полуфигура из коллекции И.К. Суручана.

вителем О.Х. Горонович в деле продажи коллекций ее мужа. Он и сообщил В.И. Гошкевичу, что недостающие фрагменты скульптуры, отсутствовавшие и в собрании И.К. Суручана, находятся в Одессе. Через семь лет, в конце 1924 г., преемница В.И. Гошкевича на должности хранителя Херсонского музея древностей И.В. Фабрициус посетила Одесский археологический музей и добилась передачи недостающих фрагментов «ольвийского льва» в Херсон.

Другое интересное скульптурное изображение (рис. 7) – надгробная статуя (мужская полуфигура, одетая в хитон и плащ-гиматий). Правая рука, согнутая в локте и прижатая к груди, поддерживает складки гиматия. Согнутая в локте левая рука протянута вперед, держит цилиндрический предмет, возможно, свиток. В целом полуфигура статуарная, с грубой обработкой поверхности; предназначалась для установки в нише. Изготовлена на Боспоре местными мастерами.

– *Эпиграфические памятники* (всего их насчитывается 94) из Ольвии (сорок три), Херсонеса (тринадцать) и неустановленных мест Северного Причерноморья (тридцать восемь). Эта часть херсонской античной коллекции является, без сомнения, наиболее известной и неоднократно публиковалась – на-

чиная с труда В.В. Латышева (Latyschev 1916) до последних научно-популярных изданий Херсонского областного краеведческого музея, поэтому мы считаем возможным не останавливаться на ней детально. Отметим лишь наиболее значительные памятники: декрет в честь гражданина Ольвии Карзоаза, жертвенник Ахилла Понтарха, стела с изображением богини Кибелы.

– Античные предметы *неустановленного назначения*, работа над идентификацией отдельных из них продолжается (во времена И.К. Суручана и В.И. Гошкевича они оставались неатрибутированными).
– *Подделки* античных предметов (не менее десяти). Следует отметить, что границы этой группы не до конца определены. Некоторые предметы, признанные во времена И.К. Суручана и В.И. Гошкевича подлинными, сегодня могут быть идентифицированы как продукт фальсификаторов XIX в. Именно поэтому мы остерегаемся указывать точную численность этой группы, ведь вместе с дальнейшим научным исследованием этой группы ее границы (как и других групп этой коллекции) могут меняться.

V. Лапидарная коллекция Средневековья и Нового времени из собрания И.К. Суручана в археологических фондах Херсонского областного краеведческого музея

В отличие от античных материалов, памятники позднейшего времени (все они являются частью лапидарного собрания музея) из коллекции И.К. Суручана практически не введены в научный оборот, поэтому мы считаем возможным остановится на них более детально. Эту группу предметов можно разделить на три неравномерные части.

Средневековые греческие памятники представлены единственной каменной плитой (инвентарный номер – i-15256, высота – 80 см, ширина – 46 см, рис. 8) с изображением двух фигур и греческой надписью в шесть строк. Сохранилась лишь нижняя часть изображений фигур – мужской и женской – в средневековом европейском наряде с длинными рукавами (у женщины).

Лапидарные исламские памятники составляют довольно внушительную часть коллекции.

Рис. 8. Средневековый лапидарный памятник из коллекции И.К. Суручана.

Первая попытка выделить группу исламских древностей в материалах археологических фондов Херсонского областного краеведческого музея из коллекции И.К. Суручана была ранее предпринята автором в изданной на украинском языке статье (Костенко 2015). Однако весь комплекс исламских древностей из коллекции И.К. Суручана как единое целое в науке не рассматривался. Поэтому, желая представить все памятники этой группы отдельно, мы используем далее стилистику каталожных очерков и будем использовать условные обозначения, где h – высота, a – ширина, a1 – толщина памятника.

– Надгробная мраморная плита (h – 75 см, a – 21 см, a1 – 12 см), имеющая завершение в виде круглой чалмы на шейке (рис. 9/1). На лицевой поверхности надпись арабской графикой в шесть строк. В последней написано «аль-Хиджра» (что обычно стоит перед годом), но нижняя часть плиты (где и указан год) потеряна.
– Надгробная мраморная плита (h – 74,5 см, a – 21 см, a1 – 9 см) в форме суженной книзу трапеции с треугольным завершением

(рис. 9/2). На лицевой поверхности четырехстрочная надпись арабской графикой. Ниже видим пятую строку, где указан год «1173» по Хиджре (в 1759/60 г.).

– Надгробная мраморная плита (h – 59 см, a – 13 см, a1 – 13 см), которая является квадратным в пересечении мраморным надгробным столбом (рис. 9/3); чалма, которая завершала надгробие, утеряна. На лицевой стороне надпись арабской графикой в шесть строк. В последней, которая имеет завершение в виде нижней части гербового щита, арабской графикой указан год «1060» по Хиджре (1650 г.).
– Фрагмент надгробной мраморной плиты (h – 33 см, a – 25 см), а именно – мраморная чалма с цилиндрическим завершением и вертикальными складками (рис. 9/4); завершение типичного османского надгробия с «шейкой». По характеру материала (мрамору с серо-синими прожилками), вероятно, является верхушкой плиты, изображенной на рис. 9/5.
– Фрагмент надгробной мраморной плиты (h – 70 см, a – 26 см, a1 – 15 см). Верхняя часть потеряна, левая сторона и нижняя часть повреждены (рис. 9/5). На лицевой стороне шестистрочная надпись арабской графикой. От первой строки сохранилась лишь нижняя часть; в последней, в виде картуша, указан год «1198» по Хиджре (в 1783/84 г.) и цифры «52» около геометрически стилизованного под треугольник дерева. По характеру материала (мрамор с серо-синими прожилками) можно сделать вывод о том, что эта плита завершалась чалмой, изображенной на рис. 9/4.
– Фрагмент надгробной мраморной плиты (h – 53 см, a – 20 см, a1 – 10 см) (рис. 9/6). Верхняя часть, вероятно, в виде чалмы, потеряна. Надгробие было найдено расколотым на две части, которые склеили во время работ по обустройству Лапидария реставраторы музея. На лицевой стороне – надпись арабской графикой в четыре строки, в последней из них видим год «1174» по Хиджре (1760/61 г.).
– Фрагмент надгробной мраморной плиты (h – 60 см, a – 25 см, a1 – 11,5 см), который является ее нижней частью (рис. 9/7). Основание надгробия – в виде квадратного в пересечении столбика. Сохранились две строки надписи арабской графикой и год «1169» по Хиджре (1755/56 г.) в отдельном прямоугольном картуше.
– Фрагмент надгробной мраморной плиты (h – 24,5 см, a – 20 см, a1 – 10,5 см), на лицевой стороне которого сохранились две строки надписи арабской графикой и верхняя часть третьей строки (рис. 9/8).
– Фрагмент надгробной мраморной плиты (h – 23 см, a – 25 см, a1 – 14,5 см) в виде чалмы с цилиндрическим завершением и декоративными складками в форме ромба – околотое навершие турецкого надгробия (рис. 9/9). Сверху, на крышке цилиндра, вырезан знак (клеймо) мастера.
– Фрагмент надгробной мраморной плиты (h – 23 см, a – 19 см, a1 – 9,5 см), на лицевой стороне которого частично сохранились две строки надписи арабской графикой (рис. 9/10).
– Фрагмент надгробной мраморной плиты (h – 17,5 см, a – 26 см, a1 – 15,5 см) в виде чалмы овальной формы (рис. 9/11) – околотое навершие турецкого надгробия (также сколоты части поверхности).
– Известняковая плита (рис. 10) с изображением поединка (h – 93 см, a – 73/91 см, a1 – 13/15 см), поступившая в музей в составе коллекции И.К. Суручана. Плита в форме трапеции с расширенной основой. На поверхности плиты – резное изображение поединка воина в восточной одежде (в шароварах и чалме), вооруженного булавой и саблей, и воина в европейской одежде со шпагой и боевым топором или алебардой.

Фигуры и рамка изображения были раскрашены в красный и темно-синий цвета. Одежда европейца позволяет, во-первых, отнести его к первой половине XVI в., во-вторых, исключить его принадлежность к польскому войску. Наконец, боевой обоюдоострый топор или алебарда в его руках свидетельствует или об обороне европейского города, или об охране непосредственно королевского лица.

Вероятно, на стеле отобразились события 1520-х гг., когда Османская империя во главе с Сулейманом I пыталась подчинить Центральную и Центрально-Восточную Европу, вышла на рубежи империи Габсбургов (битва под Мохачем в 1526 г., осада Вены в 1529 г.) и до 1699 г. владела Венгрией. В любом случае, стела

Рис. 9. Исламские лапидарные памятники из коллекции И.К. Суручана.

Рис. 10. Османская плита с изображением поединка из коллекции И.К. Суручана.

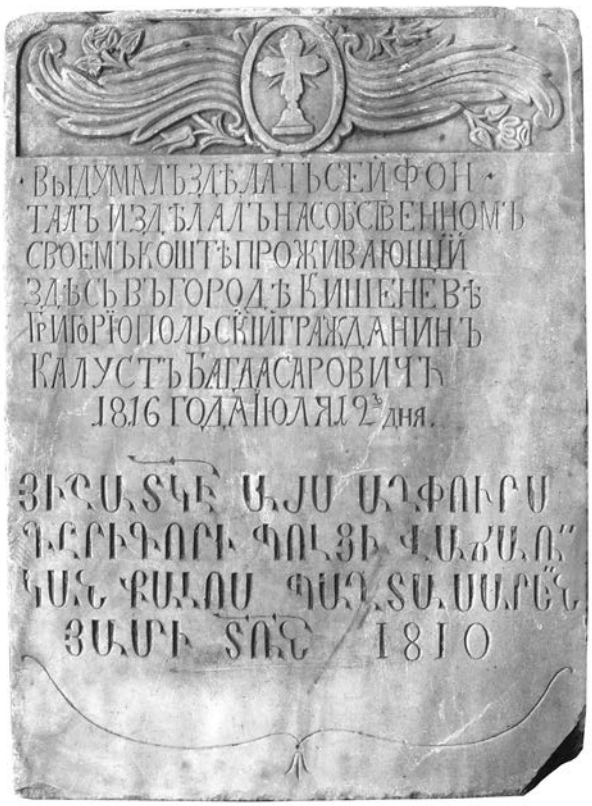


Рис. 11. Мраморная плита из коллекции И.К. Суручана.

рассказывает о противостоянии христианского и мусульманского миров в начале Нового времени. Она могла находиться в стене османской крепости над вратами или на башне.

Среди исследователей длительное время бытовала ошибочная мысль, что этой крепостью мог быть Газы-Кермен (современный Берислав) – считалось, что памятник найден на территории Херсонской области, логично было связать ее с крупнейшей на Херсонщине крепостью османского времени (120 раритетів 2010, 56). Однако, установленный нами факт ее поступления из коллекции И.К. Суручана (Книга надходжень 1919, 656) вынуждает отказаться от этой гипотезы.

Итак, сегодня в археологических фондах Херсонского областного краеведческого музея хранится двадцать один исламский лапидарный предмет. Из этого количества двенадцать предметов поступило в музей в составе коллекции И.К. Суручана. Таким образом, можно утверждать, что материалы Музея древностей Понта Скифского стали основой не только античного лапидарного, но исламского лапидарного собрания Херсонского областного краеведческого музея.

Эти памятники представляют исламскую традицию обитателей Северного Причерноморья времен османского господства в этом регионе и имеют большие резервы последующей научной проработки археологами, историками Нового времени и филологами восточных языков – в первую очередь османского («старотурецкого на арабской графике»). Полагаем, что в них могут оказаться сведения, которые не только дополнят общеизвестную историческую информацию, но и откроют новые факты истории исламской культуры на территории Южной Украины и Молдавии.

Лапидарные памятники времен Российской империи составляют последнюю хронологическую группу предметов коллекции И.К. Суручана. Как и средневековые древности, эти материалы из коллекции И.К. Суручана практически неизвестны. Наиболее интересной из них несомненно является мраморная облицовочная плита кишиневского городского фонтана (инвентарный номер – А-5286, h – 82 см, a – 59,5 см, a1 – 7,5 см, рис. 11). На ней, под изображением креста в овале на фоне волнистой ленты из растений, две надписи – на русском (7 строк) и армянском (4 строки) языках («Выдумал зделать сей фон/тал и зделал на собственном / своем коште проживающий / здесь в городе Кишиневе / Григориопольский гражданин / Калуст Багдасарович / 1816 года Июля 12-го дня»).

Таким образом, сохранившаяся в археологических фондах Херсонского областного краеведческого музея часть музейного собрания И.К. Суручана состоит не из одних лишь античных древностей (эти материалы достаточно известны). Коллекция лапидарных памятников из собрания И.К. Суручана представляет и более поздние исторические эпохи.

Выводы

Современными исследователями высказывалась мысль, что «остатки музейных коллекций делись неизвестно куда во время Первой мировой войны и революции. Так огромный музей исчез, не оставив по себе упоминания ни в одном музее Кишинева, городов Юга Украины или Румынии» (Лежух, Черняков 2001, 148). Впрочем, более детальное ознакомление с темой позволяет отрицать этот тезис.

Невзирая на потерю значительного количества предметов Музея древностей Понта Скифского и невозможность идентифицировать отдельные из них в современных музейных собраниях, можем утверждать следующее: основные коллекции, в первую очередь уникальное античное собрание, сейчас находятся в археологических фондах ряда музеев Восточной Европы, где с ними легко можно ознакомиться.

Таким образом, можно утверждать, что Херсонский областной краеведческий музей имеет в своих археологических фондах ценнейшую часть «утерянной» коллекции И.К. Суручана – его собрание лапидарных памятников, но также и другие предметы его музея. В этой статье мы попытались впервые представить эту коллекцию научному сообществу в систематизированном виде. Отметим, что дальнейшие исследования этой коллекции представляются очень перспективными и позволят окончательно прояснить ряд вопросов, оставшихся вне поля нашего исследования.

Библиография

Абікулова 2011: М.Й. Абікулова, Лапідарій Херсонського краєзнавчого музею (Херсон 2011).

Абікулова, Лопушинський, Сікоза 2015: М.Й. Абікулова, А.І. Лопушинський, Д.М. Сікоза, Антична колекція Херсонського краєзнавчого музею (Херсон 2015).

Беккер 1879: П.В. Беккер, О надписях на ручках греческих амфор из собрания И.К. Суручана. ЗООИД 11, 1879, 13-50.

Власова 1999: Е.В. Власова, И.К. Суручан и его музей. Stratum plus 6, 1999, 362-368.

Кетрару 2011: Н.А. Кетрару, Иван Касианович Суручан: первый молдавский археолог и его музей. Stratum plus 6, 2011, 17-26.

Книга надходжень 1919: Книга надходжень Херсонського музею 1917-1919 рр. (Херсон 1919).

Колпаков 2004а: И.С. Колпаков, Потерянная коллекция Суручана. В сб.: Новый Гиперборей: межвузовский сборник научных трудов (Пермь 2004), 59-66.

Колпаков 2004б: И.С. Колпаков, Преодоления культурного шока: некоторые аспекты взаимоотношений эллинов и варварского населения в Северном Причерноморье (на материале художественного фонда Музея истории Пермского университета). Вестник Пермского университета. История 5, 2004, 22-29.

Костенко 2014: А.В. Костенко, Лапідарій Херсонського краєзнавчого музею як відкрите фондосховище. Праці Центру пам'яткознавства 26, 2014, 187-199.

Костенко 2015: А.В. Костенко, Ісламські лапідарні пам'ятки XVI-XIX ст. в фондах археології Херсонського краєзнавчого музею. Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні 24, 2015, 561-567.

Лежух, Черняков 2001: І. Лежух, І. Черняков, Перший молдавський археолог навчався і копав в Україні (до 150-річчя з дня народження И.К. Суручана). Археологія 4, 2001, 147-148.

120 раритетів 2010: 120 раритетів Херсонського краєзнавчого музею: під ред. Т.Г. Братченко (Херсон 2010).

Саідов 2007: З.А. Саідов, Арабські біографічні словники як джерела з історії ісламу та арабо-мусульманської культури на Східному Кавказі у VII-XIII ст. Автореферат дис. канд. іст. наук (Київ 2007).

Стабровський 1994: А.С. Стабровский, Из истории собрания древностей художественного фонда музея истории Пермского университета. В сб.: Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья (Москва 1994), 49-50.

Херсонский музей 2012: Херсонский музей древностей. Сборник газетных статей и заметок. 1871-1928 гг. / сост., подгот. текста, предисл., прим. В.Л. Черникова (Херсон 2012).

Latyschev 1916: B. Latyschev, Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. primum. Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae, aliorum locorum a Danubio usque ad regnum Bosporanum continens (Petropoli 1916).

Surutschan, Latyschev 1894: I. Surutschan, B. Latyschev, Inscriptiones Graecae et Latinae novissimis annis (1889-1894) museo Surutschaniano quod est Kischinevi inlatae (Petropoli 1894).

„Colecţia pierdută" a lui Ion Suruceanu în Muzeul Regional din Herson

Cuvinte-cheie: I.C. Suruceanu, V.I. Goshkevici, muzeul din Herson, istoria arheologiei, muzeologie.

Rezumat: În articol se relatează despre soarta colecţiei arheologice a lui I.C. Suruceanu, după decesul lui, în 1897. Sunt adunate informaţii despre muzeele actuale, în care se mai păstrează până astăzi piese din colecţia lui I.C. Suruceanu. O atenţie deosebită este acordată monumentelor lapidare din colecţia lui I.C. Suruceanu, care sunt depozitate în fondurile Muzeului Regional din Herson. De asemenea, este publicată lista categoriilor de antichităţi din colecţia lui I.C. Suruceanu păstrate în muzeul de la Herson.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Ion Casian Suruceanu.
Fig. 2. Victor Ivanovici Goshkevici.
Fig. 3. Lapidariul Muzeului Regional Herson (prima cameră). Piese din colecţia lui I.C. Suruceanu.
Fig. 4. Greutate antică din colecţia lui I.C. Suruceanu.
Fig. 5. Cap de femeie modelat din lut din colecţia lui I.C. Suruceanu.
Fig. 6. Sculptura unui leu de la Olbia din colecţia lui I.C. Suruceanu.
Fig. 7. O jumătate de figură de bărbat din colecţia lui I.C. Suruceanu.
Fig. 8. Monument lapidar medieval din colecţia I.C. Suruceanu.
Fig. 9. Monumente lapidare islamice din colecţia I.C. Suruceanu.
Fig. 10. Placă otomană din colecţia lui I.C. Suruceanu.
Fig. 11. Dală din marmură din colecţia lui I.C. Suruceanu.

"Lost collection" of Ion Suruceanu in Kherson Regional Museum

Keywords: I.C. Suruceanu, V.I. Goshkevich, Kherson Museum, history of archaeology, museology.

Abstract: The article tells about the history of the archaeological collection of I.C. Suruceanu after his death in 1897. It contains information about modern museums, where part of the collection is stored today. Particular attention is paid to the I.C. Suruceanu's collection of lapidary monuments, which is almost completely preserved in the Kherson Regional Museum. Also there is presented a list of groups of antiquities from the collection of I.C. Suruceanu in Kherson.

List of illustrations:

Fig. 1. Ion Casian Suruceanu.
Fig. 2. Victor Ivanovich Goshkevich.
Fig. 3. Lapidarium of the Kherson Regional Museum (the first room). Monuments from the collection of I. C. Suruceanu.
Fig. 4. Ancient Greek weight from the collection of I.C. Suruceanu.
Fig. 5. Clay female head from the collection of I.C. Suruceanu.
Fig. 6. Sculpture of a lion from Olbia from the collection of I.C. Suruceanu.
Fig. 7. Men's half-figure from the collection of I.C. Suruceanu.
Fig. 8. Medieval lapidary monument from the collection of I.C. Suruceanu.
Fig. 9. Islamic lapidary monuments from the collection of I.C. Suruceanu.
Fig. 10. Ottoman plate from the collection of I.C. Suruceanu.
Fig. 11. Marble slab from the collection of I.C. Suruceanu.

05.06.2016

Др. Антон Костенко, Херсонский областной краеведческий музей, ул. Соборная 9, 73010 Херсон, Украина, e-mail: anthonyvkostenko@mail.ua

ÎNCEPUTURILE ARHEOLOGIEI ÎN RSSM

Sergiu Matveev

Cuvinte-cheie: istoria arheologiei, RSSM, Echimăuţi, Gradişte, Ofatinţi, Saharna

Problema istoricului cercetărilor arheologice în studiile de specialitate pe parcursul deceniilor postbelice au devenit o prezenţă aproape axiomatică. În ciuda acestui fapt, o sinteză complexă a istoriei cercetărilor arheologiei din spaţiul dintre Prut şi Nistru nu există. În anul 1967, odată cu împlinirea a 50 de ani de la revoluţia bolşevică din octombrie 1917, au apărut mai multe studii de istorie a arheologiei în republicile fostei URSS, inclusiv a celei din RSSM (Смирнов, Полевой 1967, 73-81). O lucrare separată dedicată acestei probleme, dar limitată de cerinţele seriei în care şi-a făcut apariţia, îl are drept autor pe dr. N. Chetraru (Chetraru 1994). Volumul, cu unele completări, a fost publicat ulterior şi în limba rusă (Кетрару 2005). Lucrarea cuprinde diverse informaţii despre cercetări de istorie veche şi arheologie între anii 1715-1945, unul dintre reperele importante evidenţiate de autor privind începuturile arheologie în spaţiul dintre Prut şi Nistru fiind data de **4 aprilie 1904** – înfiinţarea Societăţii Bisericeşti Istorico-Arheologice din Basarabia (Chetraru 1994, 109). În anul 2009 prof. Ion Eremia identifica în documentele medievale moldoveneşti o primă informaţie privind săpături la o movilă străveche, într-o *Mărturisire* datată cu **14 septembrie 1635**, soldată cu descoperirea unei pietre (Eremia 2009, 415-418). Documentul păstrat în două versiuni îl are drept protagonist pe Gheorghe Corobca, locuitor al satului Căpoteni, azi dispărut, dar care s-ar fi aflat în apropierea or. Cupcini (Republica Moldova). Ultima lucrare de sinteză, studiul „Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică (până în sec. V)", în partea introductivă rezervă problemei respective spaţiul cuprins între paginile 46-56 (Istoria 2010, 46-56), cu completări în limitele altor capitole. În lucrarea respectivă se afirmă că din anul 1947 şi-au început lucrările mai multe expediţii arheologice cu scopul de a cerceta monumente preistorice (Istoria 2010, 50). De asemenea, detalii preţioase cu privire la istoria arheologiei din RSSM găsim şi în studiile lui A. Pelivan (Pelivan 2010a, 108-124; Pelivan 2010b, 5-11).

Totuşi, cercetările istoriografice în domeniul istoriei investigaţiilor arheologice în spaţiul prutonistrean au identificat drept început al unei dintre etapele importante anul 1946, an când au fost realizate primele investigaţii arheologice în acest spaţiu (Matveev 2009, 139). Documentele păstrate în arhivele Republicii Moldova vin să aducă lumină în această problemă.

Problema cercetărilor arheologice ale spaţiului indicat a fost pusă în discuţie la Comitetul Central al Partidului Comunist (bolşevic) din Moldova deja în a doua jumătate a anului 1945, când un grup de arheologi din RSS Ucraineană a început să parcurgă anumite zone ale RSSM. Prima ieşire pe teren documentată a unor arheologi, după încheierea celui de-al Doilea Război Mondial s-a realizat la finele lui octombrie - prima jumătate a lui noiembrie 1945, la solicitarea Institutului Moldovenesc de Istorie, Economie, Limbă şi Literatură (IMIELL)[1]. Atunci, cercetătorul ştiinţific superior de la Institutul de Arheologie din Kiev I.V. Fabricius, secondată de doctoranda V.A. Ilinskaja au realizat o periegeză pe malul drept al Nistrului, în special, în regiunea Copanca-Chiţcani-Parcani, numită în raport, uşor pretenţios, Expediţia Moldo-Nistreană (Молдавско-Днестровская экспедиция) (Фабрициус 1945).

În hotărârea privind îmbunătăţirea activităţii IMIELL, adoptată de CC al PC (b) al Moldovei, semnată de secretarul Comitetului Central N. Salagor, din **17 decembrie 1945**[2], se stabilea formarea directoratului Institutului, a bibliotecii ştiinţifice, a grupului administrativ-tehnic şi a trei sectoare de cercetare, dintre care unul de Istorie

[1] Rus. Молдавский Научно-Исследовательский Институт истории, экономики, языка и литературы.

[2] Depozitul Special de Stat al MAI al RM, Fond 16, inv. 1, d. 24, f. 30-31.

şi Arheologie. Numărul angajaţilor Institutului urma să crească de la 27 la 55 de persoane, iar pe lângă Institut urmau să fie deschise studii doctorale. Obiectivul Sectorului de Istorie şi Arheologie urma să fie ancorat în cercetarea monumentelor arheologice, colectarea folclorului şi studierea istoriei RSSM. În planul propus pentru anul 1946 se recomanda continuarea studierii istoriei poporului moldovenesc, publicarea izvoarelor, alcătuirea unor colecţii de documente şi crestomaţii la istoria Moldovei, realizarea unui studiu rezumativ al istoriei Moldovei. Urma să fie solicitat Comitetul Central al PC(b) al URSS pentru a ordona Prezidiului AŞ a URSS de a ataşa IMIELL în calitate de consultanţi şi redactori ştiinţifici cercetători precum V. Pičeta, V. Šišmarev, A. Udal'cov şi M. Sergievskij. Fiecare dintre cele trei Sectoare urma să editeze un anuar în volum de până la 3 coli de autor fiecare.

În continuarea deciziei respective, la **21 decembrie 1945** Consiliului Comisarilor Poporului al RSS Moldoveneşti i-a fost înaintată pentru aprobare decizia sub nr. 1236, *„Despre pregătirea pentru cercetări arheologice pe teritoriul RSS Moldoveneşti în anul 1946"*, care urma să fie semnată de preşedintele Consiliului Comisarilor Poporului al RSSM N. Koval' şi de şeful Cabinetului Consiliului Comisarilor Poporului al RSSM L. D'jačenko[3], decizie care viza concret cercetările arheologice în RSSM. Mai multe discuţii care au conturat aceste documente au fost publicate şi analizate de către A. Pelivan (Pelivan 2010a, 109-110).

Preambulul documentului porneşte de la ideea precum că teritoriul RSSM nu a fost supus în trecut unei cercetări arheologice serioase[4], fapt care provoca piedici considerabile la studierea istoriei şi culturii poporului moldovenesc. Din aceste motive Consiliul Comisarilor Poporului al RSSM ia un şir de decizii, însumate în 8 puncte, însoţite de 4 anexe.

1. De a obliga IMIELL de a organiza cercetări arheologice pe teritoriul RSSM şi de a efectua săpături arheologice. Pentru dotarea cu cadre a Sectorului de Arheologie, se propunea IMIELL în persoana directorului instituţiei V. Senkevič, care probabil se regăsea printre autorii documentului, sau cel puţin a oferit informaţiile necesare, să fie invitaţi la loc permanent de muncă în RSSM nu mai puţin de doi savanţi specialişti în arheologie. Pentru realizarea planului de cercetări arheologice în anul 1946 se stabilea încheierea unor acorduri cu savanţi, specialişti în arheologie din cadrul Institutului de Arheologie al Academiei de Ştiinţe a RSS Ucrainene (IA AŞ RSSU), Institutul de Istorie a Culturii Materiale „Ja.N. Marr" din Moscova (IICM) şi Muzeul Istoric de Stat din Moscova (MISM). Obligaţia de a asigura cu apartamente pentru trai era pusă în sarcina preşedintelui Comitetului Executiv al or. Chişinău – Nicolai Vizitei.

Grupul de iniţiativă al acestei decizii, coagulat din cercetători din RASSM, ori şi-a dorit monopolizarea cercetărilor arheologice în RSSM, ori a realizat proiectul deciziei mult mai devreme de luna decembrie 1945, dar a ignorat alte instituţii de profil din Chişinău, precum Muzeul Republican al Ţinutului Natal, unde din 25 aprilie 1945 este angajat cercetătorul G. Sergeev, care din 23 mai 1945 deţinea şi funcţia de director-adjunct interimar pentru activitatea ştiinţifică[5].

2. Era aprobat planul cercetărilor arheologice pentru anul 1946, propus de IMIELL, şi devizul de cheltuieli pentru pregătirea şi desfăşurarea cercetărilor, în suma de 415.000 ruble, detaliate în anexele 1 şi 2. Aici apare prima necorespondenţă bugetară, suma finală indicată la sfârşitul anexei doi era de 415.550 rub.

3. Comisariatul Poporului pentru Finanţe al RSSM, în persoana lui N. Mozolevskij, era obligat să prevadă în bugetul pentru anul 1946 cheltuieli pentru desfăşurarea cercetărilor arheologice, conform anexei 2.

4. Comitetul Planificării de Stat pe lângă Consiliul Comisarilor Poporului al RSSM, în persoana lui Gr. Čeremisin, era obligat să asigure IMIELL în primul semestru al anului 1946 cu materiale şi instrumente necesare pentru pregătirea şi desfăşurarea expediţiilor arheologice, conform anexelor 3 şi 4.

5. Pentru asigurarea cu transport a lucrărilor expediţiei şi cercetărilor pe teren IMIELL primea un camion asigurat cu carburanţi.

[3] ANRM, F. 2848, inv. 22, d. 18, f. 195-205. Ambele documente au fost oferite de dr. Mihai Taşcă, cărui îi aducem mulţumiri şi pe această cale.

[4] Idee care ulterior a fost des vehiculată de către cercetătorii sovietici (Сенкевич 1953, 63; Гросул, Мохов 1958, 33).

[5] Arhiva MNEIN, inv. 1л, d. 5, f. 126-139.

Tabelul 1

Planificarea cercetărilor arheologice pentru anul 1946

Nr.	Descrierea lucrărilor	Componența	Nr. zile	Termen
1	Periegeză în valea Nistrului	1 – şef exped. 1 – asistent 1 – practicant 6 – muncitori	60	1.05 - 30.06
2	Periegeză arheologică în regiunea construcției hidrocentralei de pe Nistru	1 – şef exped. 1 – asistent 6 – muncitori	60	1.05 - 30.06
3	Expediție arheologică pentru investigarea unui tumul în regiunea Orheiului Vechi	1 – şef exped. 1 – practicant 6 – muncitori	25	15.05 - 15.06
4	Expediție arheologică pentru investigare în regiunea cetății Bender	1 – şef exped. 1 – asistent 1 – practicant 20 – muncitori	60	1.07 - 30.08
5	Expediție arheologică pentru investigare în regiunea cetății Belgorod-Dnestrovsk	1 – şef exped. 1 – asistent 1 – practicant 10 – muncitori	60	1.07 - 30.08
6	Expediție arheologică pentru investigare a unui tumul în regiunea s. Chițcani	1 – şef exped. 2 – practicanți 6 – muncitori	25	1.07 - 30.07
7	Expediție arheologică pentru investigarea cetățuii Costești	1 – şef exped. 1 – asistent 1 – practicant 15 – muncitori	60	1.09 - 30.10
8	Expediție arheologică pentru investigarea cetățuii Stolniceni	1 – şef exped. 1 – asistent 1 – practicant 15 – muncitori	60	1.09 - 30.10
9	Expediție arheologică pentru investigarea unui tumul în valea r. Bâc în apropiere de Chișinău	1 – şef exped. 1 – practicant 6 – muncitori	30	1.09 - 30.10

6. IMIELL primea permisiunea, ca din sumele de bani planificate pentru munca științifică să redirecționeze pentru inventar pentru expediția arheologică suma de 50.000 rub.

7. Comisariatul Poporului pentru Comerț al RSSM, în persoana lui Gr. Akimov, să asigure cu hrană membrii expedițiilor arheologice conform normelor stabilite.

8. Comitetele executive ale județelor, orașelor și raioanelor erau obligate să acorde tot ajutorul posibil IMIELL la realizarea cercetărilor arheologice, să asigure forța de muncă necesară pentru săpături și alte lucrări legate de investigațiile arheologice.

Anexa 1 prevedea planul cercetărilor arheologice pentru anul 1946, care conținea descrierea lucrărilor planificare (fig. 1), componența echipelor de lucru, numărul zilelor planificate, perioada de derulare a cercetărilor și note (tab. 1).

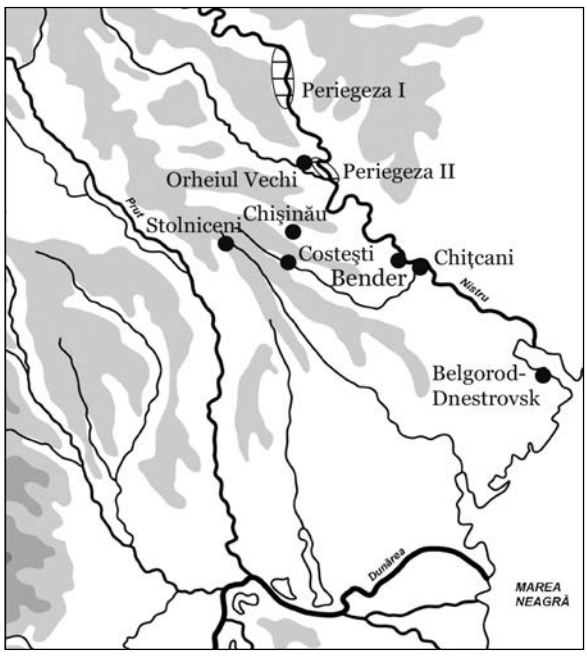


Fig. 1. Cercetările planificate pentru anul 1946.

Tabelul 2

Planificarea cheltuielilor pentru cercetările arheologice pentru anul 1946

Nr.	Descrierea lucrărilor	Echipa	Tratarea preventivă	Ambalarea	Transport	Total
1	Periegeză în valea Nistrului	17.660*	1.000	1.000	2.000	**26.660****
2	Periegeză arheologică în regiunea construcţiei hidrocentralei de pe Nistru	15.720	1.500	1.500	1.500	**20220**
3	Expediţie arheologică pentru investigarea unui tumul în regiunea Orheiului Vechi	***	500	500	500	**10.120**
4	Expediţie arheologică pentru investigarea în regiunea cetăţii Bender	38.480	3.000	2.000	2.000	**45.480**
5	Expediţie arheologică pentru investigarea în regiunea cetăţii Belgorod-Dnestrovsk	23.480	2.000	2.000	1.500	**28.980**
6	Expediţie arheologică pentru investigarea unui tumul în regiunea s. Chiţcani	***	500	500	500	**10.120**
7	Expediţie arheologică pentru investigarea cetăţuii Costeşti	30.980	3.000	1.500	2.000	**37.480**
8	Expediţie arheologică pentru investigarea cetăţuii Stolniceni	30.980	3.000	1.500	2.000	**37.480**
9	Expediţie arheologică pentru investigarea unui tumul în valea r. Bâc în apropiere de Chişinău	***	500	500	500	**10.120**

* Spre deosebire de echipa planificată iniţial în buget se stabilea formarea a încă două echipe, fiecare fiind compusă dintr-un şef de expediţie, un asistent, un practicant şi erau planificate 300 zile de muncă plătite cu 30 rub./zi pentru muncitori.
** Din suma totală de 26.660, pentru deplasarea participanţilor la expediţia pe teren (automobil, tren, vapor, luntre, căruţă) erau prevăzute 5.000 rub.
*** Pentru cercetarea tumulilor era prevăzută suma fixă de 10.120 rub. per tumul, din care 1.500 pentru prelucrarea vestigiilor şi transport. Nu s-a ţinut cont că echipele au fost constituite din categorii diferite de angajaţi, astfel urma să apară o necorespundere a sumei planificate şi a celei spre plată.

După cum reiese din termenele planificate ale deplasărilor în câmp a celor nouă ieşiri ar fi putut face cu succes faţă trei detaşamente, astfel încât numărul minim al persoanelor antrenate ar fi de trei şefi de expediţii, doi asistenţi şi trei practicanţi, muncitorii fiind angajaţi din rândurile localnicilor. Prima ieşire oficială la o cercetare arheologică în perioada postbelică urma să fie data de **1 mai 1946**. Cât priveşte zonele de interes, cu siguranţă existenţa siturilor menţionate era cunoscută cu mult timp înainte de anul 1945[6], spre exemplu, în cazul cetăţuii de la Costeşti, repertoriul din 1974 nu indică anul descoperirii, dar trimiterea la lucrarea din anul 1934 a lui T. Porucic confirmă presupunerea noastră (Полевой, Бырня 1974, 28-29). Şi în cazul cetăţuii de la Stolniceni primele cercetări documentate au fost realizate încă în anul 1929 (Sîrbu, Arnăut 1995, 378), în ciuda acestui fapt repertoriul din 1974 îl indică drept descoperitor pe G. Smirnov (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 49). Tumulul de la Chiţcani a fost introdus în listă probabil drept urmare a periegezei efectuate de I. Fabricius la finele anului 1945. Se remarcă includerea în rândul obiectivelor de cercetare forti-

[6] Un raport privind starea monumentelor istorice şi arheologice din siturile arheologice din RSSM a fost alcătuit până la 1 ianuarie 1946 de V. Adiasevici (Pelivan 2010a, 115).

ficaţiile din Cetatea Albă (Belgorod-Dnestrovsk), chiar dacă legea prin care a fost fondată RSSM, din 2 august 1940, lăsa sudul Basarabiei în componenţa RSSU. Era de fapt o pregătire a terenului pentru scrisoarea din 12 iunie 1946 semnată de N. Salagor şi N. Koval', către I. Stalin, de revenire la subiectul teritorial (Dezmembrarea 2015, 74-75).

Anexa 2 conţinea devizul de cheltuieli pentru expediţiile arheologice ale IMIELL planificate pentru anul 1946. Salarizarea angajaţilor urma să fie efectuată după formula: salariu+cazare+transport. Astfel pentru şeful expediţiei era prevăzută formula 2.000 × 2 luni + 210 + 150 = 4.360 rub.; asistent: 1.000 × 2 luni + 210 + 150 = 2.360 rub.; laborant: 700 × 2 luni + 210 + 150 = 1.760 rub., salariul lunar al unui muncitor era evaluat la 750 rub. Din datele următoare reiese că muncitorii angajaţi ca săpători ziua de muncă urma să fie plătită cu 30 rub. Sumele sunt mari în condiţiile când salariul mediu al unui muncitor în RSSM la acel moment era de 150-200 rub. lunar; pentru munca în colhoz un ţăran era salarizat cu mai puţin de o rublă pentru o zi de muncă, iar preţul a unui kg de grâu pe piaţă ajungea la 20 rub. (Caşu 2014, 218). Mai multe notiţe lăsate cu creionul pe marginea documentului, atenţionează că tocmai salarizarea echipei a provocat discuţii. Sume de bani erau prevăzute încă pentru trei compartimente: tratarea primară a vestigiilor[7], ambalarea colecţiilor şi transportarea lor la IMIELL. La aceste categorii sumele variau, fiind puse în legătură importanţa sitului şi timpul planificat pentru cercetare (tab. 2).

Anexa 2 continua cu enumerarea inventarului necesar pentru buna desfăşurare a cercetărilor planificate (tab. 3). Compartimentul respectiv are cele mai multe notiţe pe margine care indicau alte preţuri, deseori mai mici, alteori mai mari, decât cele stabilite în varianta trecută prin Comitetul Central.

Tabelul 3

Planificarea cheltuielilor pentru inventarul arheologic

Denumirea	Cantitatea	Preţ
Tărgi	10	1.000
Ţăruşi (?) (rus. выступы)	130	400
Lopeţi	15	300
Sape	5	125
Nivele cu bulă	8	400
Rigle de 2 m	10	200
Metru pliant	5	250
Rulete, 30 m	2	1500
Rulete, 20 m	4	
Rulete, 10 m	4	
Spatule	10	100
Cuţite, diferite	20	600
Târnăcoape	5	150
Busole	3	200
Planşete duble din placaj	10	1000
Perii	20	100
Corturi de câmp	8	5000
Foaie de cort	5	4000
Pelerine de ploaie din pânză	10	3000
Costume de pânză	10	3000
Încălţăminte, perechi	20	1400
Foale manuale	5	500
Măturici	20	300
Scăunele pliante	5	500
Umbrele din pânză, 1½, 2 m	5	1500
Ciocane	5	100
Topoare	5	250
Cordon	100 m	200
Sfoară	15 kg	300
Hârtie de ambalat	20 kg	300
Caiete	50	100
Carnete		100
Hârtie de scris	50	250
Hârtie de desen	50 foi	250
Pile cu 3 laturi	5	250
Truse de desen	5	250
Rigle, 1 m	5	25
Rigle mici	10	20
Echere de lemn	10	50
Creioane simple	50	50
Radiere	10	10
Peniţe	1 cutie	30
Cerneală	2 flacoane	30
Tuş, diferit	10 flacoane	50
Hârtie milimetrică	50 m	500
Total		**28.590**

Ultima parte a Anexei 2 oferă informaţii despre amenajarea unu cabinet fotografic şi dotarea lui cu instrumente şi consumabile (tab. 4, 5). Din totalul de cca 28 de denumiri atrage atenţia aparatul foto de tip „Leica" şi lampa cu kerosen tip „Petromax", ambele de producţie germană. Lămpile brandului respectiv au fost considerate unele dintre cele mai luminoase la începutul secolului al XX-lea, iar seriile moderne de instrumente ale

[7] Rus. камеральная обработка.

companiei „Leica” erau piese dorite, dar nu tot timpul accesibile mediului arheologic şi la începutul secolului XXI. Cel care a evaluat lista respectivă a pus semnul întrebării în faţa primelor şapte denumiri din tabelul 4.

Tabelul 4

Amenajarea cabinetului fotografic

Denumirea	Preţ
Cameră universală, 9 × 12 cu optică la schimb şi accesorii	10.000
Aparat de tip „Leica” cu set de optică şi accesorii	25.000
Cameră de câmp, 18 × 24	8.000
Aparat de reproducere	15.000
Dispozitiv de mărire pentru plăci	8.000
Dispozitiv de mărire pentru peliculă	2.000
Diferite obiective pentru aparate (p. 1, 3, 4, 5)	40.000
Dispozitiv de copiere, 18 × 24	3.000
Trepied, diferite	4.000
Dispozitiv de retuşare 18 × 24	500
Lupă aplanatică	500
Rezervoare pentru developarea peliculei, 3 buc.	1.000
Cuve de diferite dimensiuni	3.000
Tăietor mare	1.500
Iluminatoare, stativ, suspendat şi portabil	5.000
Flash de magneziu, 2 buc.	400
Lampă cu kerosen, tip „Petromax” sau carbid, 4 unit.	3000
Diferite accesorii	10.000
Total	**137.900**

Tabelul 5

Consumabilele pentru cabinetul fotografic

Denumirea	Cantitatea	Preţ
Peliculă de import pentru „Leica”	3000 m	4.500
Peliculă plată de import		2.500
Panglică de magneziu		1.000
Flash de magneziu		2.000
Metol	1 kg	1.000
Hidrochinonă	2 kg	1.500
Sulfit	20 kg	600
Hiposulfit	50 kg	1.500
Bicarbonat sau carbonat de potasiu	20 kg	800
Hârtie bromură 50 × 60	100 foi	7.000
Total		**22.400**

Anexa 3 a documentului conţinea materialele care urmau să fie alocate în primul semestru al anului 1946 (tab. 6).

Tabelul 6

Materialele planificate pentru alocare în semestrul I al anului 1946

Denumirea	Cantitate
Cherestea	4m.c.
Cuie	50 kg
Clei	40 kg
Sfoară	15 kg
Alcool rectificat	5 dal
Alcool brut	5 dal
Alcool metilic denaturat	3 dal
Hârtie de scris	50 kg
Hârtie de desen	10 kg
Hârtie milimetrică	5 rul.
Hârtie de calc	5 rul.
Parafină	20 kg
Tifon	50 m
Săpun de rufe	50 kg
Încălţăminte	20 per.
Stofă (foaie de cort) pentru corturi şi pelerine	100 m
Topoare	5
Sape	5
Cazmale	10
Pile cu 3 laturi	10

Anexa 4 enumera materialele care urmau să fie alocate în semestrele II şi III ale anului 1946 (tab. 7).

Tabelul 7

Materialele planificate pentru alocare în semestrele II şi III ale anului 1946

Denumirea	Cantitate
Stofă (foaie de cort)	100 m
Ciocane	5
Topoare	5
Metol	2 kg
Peliculă dimensionată	20 m.p.
Hiposulfat	3 kg
Plăci foto de diferite forme	10 amb.
Acid clorhidric tehnic	10 kg
Alcool brut	5 dal

Documentele de arhivă demonstrează fără echivoc că demararea cercetărilor arheologice în RSSM-ul postbelic a fost iniţiată şi promovată de către organele de partid, inclusiv pentru pregătirea temeliei de revendicare a unor teritorii incluse abuziv în anul 1940 în componenţa RSS Ucrainene. La prima etapă, în calitate de experţi, urmau să fie invitaţi specialişti din centrele ştiinţifice de prestigiu din URSS, în special din Moscova, în perspectivă urmând să se formeze cadre locale. Pentru anul 1945, când pe plan global se încheia cel de-al Doilea Război Mondial, apăruse problema bombei atomice, iar pe plan local, în Basarabia, încă nu erau lichidate consecinţele operaţiei Iaşi-Chişinău: câmpuri minate, tehnica distrusă, realităţi însoţite de deportări, criză economică, foamete şi epidemii, obiectivele puse în faţa mediului ştiinţific impresionează. Astfel se confirmă încă o dată ideea că forţele care deţin puterea politică într-o regiune contestată recurg la realizările ştiinţei pentru confirmarea drepturilor politice (Matveev 2009, 129). Şi inventarul, consumabilele, dar şi dotarea atelierului foto solicitate în cadrul deciziei corespundeau unui nivel tehnic înalt pentru perioada respectivă la nivelul URSS. Din listele de dotare se remarcă cei 180 litri de alcool de diferite categorii. Totuşi, numărul mare de notiţe făcute cu creionul pe decizie generează rezerve mari că ele au fost şi îndeplinite în viaţă. Rezervele sunt confirmate de lipsa semnăturilor pe exemplarul studiat, chiar dacă a fost aplicată ştampila Secţiei de protocol a CC al PC(b)M, cât şi de avizul aplicat pe antet, datat cu 13 ianuarie 1946, din care ar reieşi că discuţiile privind organizarea primei expediţii arheologice din RSSM şi dotarea Sectorului de Istorie şi Arheologie al IMIELL au fost continuate. Cel mai curând baza materială reală a viitoarelor expediţii au format-o în mare parte articolele enumerate în anexele 3 şi 4, sistematizate în Tab. 6 şi 7.

Cele câteva Rapoarte privind săpăturile arheologice realizate în anul 1946, din Arhiva MNIM, vin să facă lumină asupra îndeplinirii Hotărârii Consiliului Comisarilor Poporului al RSSM din 21 decembrie 1945. Singurul Raport care face trimitere la decizia respectivă a fost semnat de G.D. Smirnov (Смирнов 1953). Din textul lui G.D. Smirnov reiese că, conducătorul cercetărilor din RSSM în anul 1946 a fost academicianul P.P. Efimenko, numit în anul 1945 director al IA AŞ RSSU. Cercetările au demarat pe **30 iunie 1946**, când pe teren au ieşit mai multe grupuri de arheologi. Primul grup era condus de şeful-adjunct al cercetărilor arheologice din Moldova – G.D. Smirnov (IA AŞ URSS), c.ş.s. I.I. Meščeriuk (IMIELL), c.ş.i. V.M. Adiasevici (IMIELL), doctorandele IICM AŞ URSS A.V. Gusarkina şi O.D. Daşevskaja, cât şi A.I. Meljukova, doctorandă la Universitatea din Moscova. Scopul acestui grup a fost realizarea unei periegeze pe ruta Chişinău-Criuleni-Dubăsari-Ofatinţi-Râbniţa-Rezina-Saharna-Horodişte-Orhei-Trebujeni-Chişinău. Un alt traseu pe care a realizat cercetări periegetice acelaşi grup a fost: Chişinău-Bender-Copanca-Căuşeni. După care se revine prin valea Botnei până la Costeşti, de unde s-a trecut pe valea Cogâlnicului până la Stolniceni. Traseul încheindu-se prin parcurgerea spre valea Botnei pe la Horodca la Chişinău. Între 29 august şi 30 septembrie 1946, grupul lui G.D. Smirnov, din care lipsea I.I. Meščeriuk, a realizat săpături arheologice în apropierea s. Saharna (r-nul Rezina).

În acelaşi an, la finele lui octombrie, un grup condus de candidatul în ştiinţe istorice de la Academia din Kiev I.M. Samojlovskij a realizat săpături de probă la cetăţuia medievală de la Echimăuţi (r-nul Orhei), descoperită de grupul condus de G.D. Smirnov (Самойловский 1946).

În ciuda faptului că nu avem dovezi de participare la organizarea expediţiei din 1946 a lui G. Sergeev de la Muzeul Ţinutului Natal din Chişinău (MŢNC), tocmai el a condus grupul care a realizat cercetările arheologice ale grotei de la Ofatinţi în vara anului 1946. Un Raport semnat de G. Sergeev nu a fost identificat în Arhiva MNIM, dar din 2 noiembrie 1946 datează un Raport semnat de A. Černyš, care, la solicitarea IMIELL şi a lui P.P. Efimenko, a efectuat lucrări arheologice pe teritoriul s. Ofatinţi şi a vizitat locul săpăturilor efectuate de G. Sergeev. Concluzia lui a fost că cercetările din vară au dus la distrugerea unei părţi importante a sitului (Черныш 1946). Critica faţă de metoda de cercetare a lui G. Sergeev a fost repetată de A. Černyš în anul 1948, pe paginile unui articol păstrat în manuscris în Arhiva MNIM (Черныш 1948), reiterând că actele privind distrugerea sitului de către grupul condus de G. Sergeev au fost depuse la IMIELL. Articolul a fost publicat în KSIIMK din 1949, dar fără aprecierile critice respective (Черныш 1949). Posibil şi acest fapt a determinat implicarea modestă ulterioară a Muzeului Ţinutului Natal din Chişinău la cercetări arheologice, chiar în ciuda faptului că

Fig. 2. Cercetările de la Gradişte, de la stânga la dreapta: D.T. Berezovec, I.F. Mester (?) şi T.G. Oboldueva (Оболдуева 1946).

timp îndelungat în fondurile lui se vor depozita o bună parte a colecţiilor arheologice.

Ultimul grup de arheologi, care a realizat cercetări ale unui tumul din apropierea s. Gradişte (r-nul Cimişlia) a fost condus de T.G. Oboldueva. Arhiva MNIM păstrează două versiuni de Raport al acestor investigaţii, unul prealabil, semnat de responsabilul de cercetare (Оболдуева 1946) şi altul detaliat, semnat de D.T. Berezovec şi T.G. Oboldueva (Березовец, Оболдуева 1947). Din ele aflăm că cercetările de la Gradişte au avut loc între 3 octombrie şi 23 noiembrie 1946, fiind dirijate de şeful expediţiei T.G. Oboldueva (IA AŞ RSSU) şi cercetătorii ştiinţifici D.T. Berezovec (IA AŞ RSSU) şi I.F. Mester din Chişinău (fig. 2; 3). Tot ei anunţă, din informaţiile oferite de I.M. Suhov[8], că în anul 1938, lângă Cimişlia, în valea Cogâlnicului, au fost realizate cercetări arheologice la un tunul de dimensiuni mari, iar materialele colectate au fost duse la Universitatea din Cernăuţi.

Rapoartele din Arhiva MNIM documentează activitatea a două grupuri primare: cel care realiza periegeza în valea Nistrului Mijlociu, spre nord-est şi spre sud-est de Chişinău, şi cel care investiga tumulul de la Gradişte, niciunul din ele nu era preocupat de săpături sistematice, respectiv, aveau o finanţare redusă. Se remarcă şi două grupuri secundare care au realizat cercetări la situri cartate de grupul condus de G.D. Smirnov, dar care, din motive de incompetenţă (Ofatinţi), sau deschidere târzie a şantierului (Echimăuţi), au fost relativ restrânse, cât şi cele realizate în microzona Saharna, realizate de grupul condus de G.D. Smirnov.

După cum reiese din materialele de arhivă cunoscute, în ciuda optimismului prezentat în decizia Consiliului Comisarilor Poporului al RSSM, din 21 decembrie 1945, cercetările arheologice în anul 1946 au început abia la 30 iunie, în loc de 1 mai. Comparativ cu cele nouă obiective planificate de cercetare (2 periegeze şi 7 situri) au fost realizate două periegeze, dintre care una la nord-est de Chişinău pe un areal mult mai mare care depăşea cele două planificate iniţial, şi alta spre sud-est, spre Bender; a fost cercetat un singur tumul (Gradişte), în loc de trei planificate (Orheiul Vechi, Chiţcani şi Chişinău).

Pentru anul 1946 nu deţinem informaţii despre cercetări în limitele cetăţii Tighina şi ale cetăţuii de la Coşteşti. Aici au fost semnalate doar periegheze, fără intervenţie în sol.

De asemenea, este ambiguă informaţia cu privire la studierea cetăţuii de lângă Stolniceni în anul 1946. Regretatul coleg, Tudor Arnăut, care a avut la dispoziţie arhiva personală a lui G. Smirnov (Arnăut 2000, 93), apelând la studiul lui G. Smirnov din 1949 (Смирнов 1949), afirma că în anul 1946 la cetatea de lângă Stolniceni ar fi fost realizat un sondaj, prin intermediul a două secţiuni (Sîrbu, Arnăut 1995, 379). Într-adevăr, în articolul lui G. Smirnov se vorbeşte de două sondaje, realizate în timpul periegezei la Stolniceni, însă fără a indica suprafaţa lor (Смирнов 1949, 198). Din cantitatea ceramicii descrise rezultă că intervenţiile au fost minore, doar de verificare a nivelelor de locuire a sitului. Ulterior, G. Smirnov, cu mici modificări, repetă textul într-un *Raport* cumulativ pentru anii 1946-1953, unde pe lângă cele două sondaje evocă şi un al treilea, fără a preciza dacă a fost realizat tot în anul 1946 (Смирнов 1953, 12-14). În articolul despre istoria arheologiei în RSSM, semnat de G. Smirnov şi L. Polevoj, autorii menţionează pentru anul 1946 doar cercetări la Ofatinţi, Gradişte şi Saharna (Смирнов, Полевой 1967, 73).

În ceea ce priveşte cercetările de la Cetatea Albă situaţia apare confuză, deoarece deja la finele anului 1945, L.D. Dmitrov de la IA AŞ URSS, a realizat cercetări arheologice periegetice şi intervenţii în sol, în colaborare cu Muzeul Regional

[8] Unul dintre fondatorii ştiinţei geologice în RSSM, asistent la Politehnica din Timişoara în perioada interbelică şi primul decan al Facultăţii de Geologie a USM în 1946; descoperitor al cuibului fosilier de la Cimişlia la începutul anilor '30 ai secolului XX.

Fig. 3. Cercetările de la Gradişte. Conducerea şantierului împreună cu lucrătorii (Оболдуева 1946).

al Ţinutului Natal din Ismail şi cu participarea IMIELL (Капошина 1946, 227), pe care le-a continuat şi în anii următori. Astfel, motivele reale ale încercării de a prelua controlul asupra cercetărilor arheologice de la Cetatea Albă sunt greu de identificat. Pe de altă parte, în anul 1946, au fost realizate cercetări neplanificate – inclusiv cele realizate la Ofatinţi, Saharna şi Echimăuţi (fig. 4).

În pofida recomandărilor de a angaja pe post de conducători reprezentanţi ai mai multor instituţii de profil, precum IA AŞ RSS Ucrainene, IICM „Ja.N. Marr" din Moscova şi MIS din Moscova, cercetările în anul 1946 au fost monopolizate de specialişti de la Institutul de Arheologie din Kiev, iar implicarea într-un singur caz a angajaţilor MŢN din Chişinău a provocat o critică dură privind metodele de cercetare. Abia începând cu 1947 conducerea săpăturilor arheologice în RSSM va fi preluată de specialişti sosiţi din Moscova, T.S. Passek şi M.V. Voevodskij (Засурцев 1947), iar din 1950, după decesul lui M.V. Voevodskij (1903-1948), şi de G.B. Fedorov (Ткачук 1999, 8).

Astfel, în urma studierii istoriei cercetărilor arheologice în spaţiul pruto-nistrean au fost identificate unele date care ar putea servi drept platformă de discuţii pentru comunitatea arheologică din ţară în vederea stabilirii unei zile profesionale a arheologului în Republica Moldova.

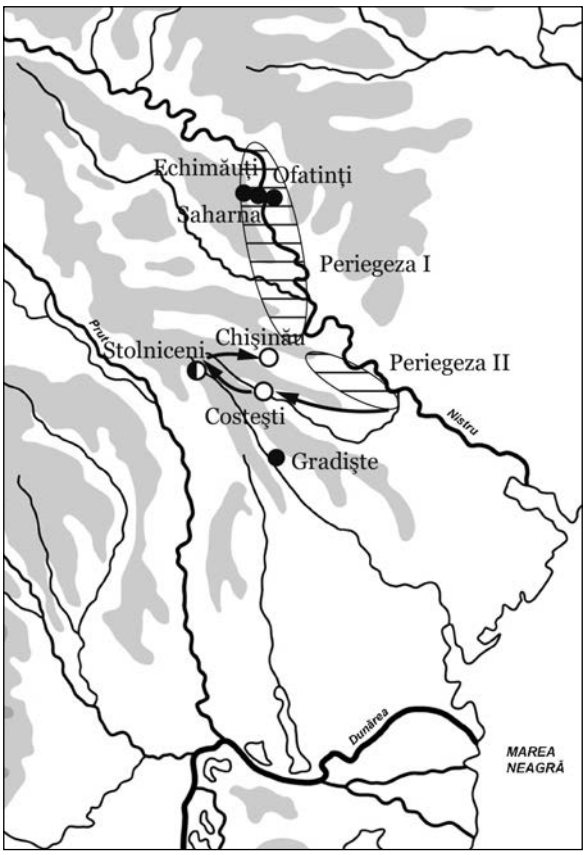


Fig. 4. Cercetările realizate în anul 1946.

Bibliografie

Arnăut 2000: T. Arnăut, Aşezarea forticată Saharna Mare. Istro-Pontica (Tulcea 2000), 93-104.

Caşu 2014: Ig. Caşu, Duşmanul de clasă. Represiuni politice, violenţă şi rezistenţă în R(A)SS Moldovenească, 1924-1956 (Chişinău 2014).

Chetraru 1994: N. Chetraru, Din istoria arheologiei Moldovei (Chişinău 1994).

Dezmembrarea 2015: Dezmembrarea României. Anexarea de către URSS a Basarabiei, Nordului Bucovinei şi Ţinutului Herţa (lucrare îngrijita de Mihai Taşcă şi Wolfram Niess) (Chişinău 2015).

Eremia 2009: I. Eremia, La începuturile arheologiei moldoveneşti. In: Studia archeologiae et historiae antiquae (Chişinău 2009), 415-418.

Istoria 2010: Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi antică (până în sec. V) (Chişinău 2010).

Matveev 2009: S. Matveev, Procesele etno-culturale din spaţiul carpato-nistrean în secolele II-XIV. Istoriografia sovietică (Chişinău 2009).

Pelivan 2010a: A. Pelivan, Cercetarea paleoliticului în spaţiul pruto-nistrean (1923-1973). Revista arheologică s.n. VI/1, 2010, 108-124.

Pelivan 2010b: A. Pelivan, Debutul ştiinţei arheologice în Republica Sovietică Socialistă Moldovenească. Studia Universitatis. Nr. 4(34), 2010, 5-11.

Sîrbu, Arnăut 1995: V. Sîrbu, T. Arnăut, Incinta fortificată de la Stolniceni, raionul Hânceşti - Rep. Moldova. CAANT I, 1995, 378-400.

Гросул, Мохов 1958: Я.С. Гросул, Н.А. Мохов, Историография Молдавской ССР. В сб.: Ученные записки Кишиневского Университета, т. 33 (Кишинев 1958), 33-54.

Капошина 1946: С.П. Капошина, Пленум Ленинградского отделения Института истории Материальной Культуры, посвященный Северному Причерноморью. ВДИ 3, 1946, 220-233.

Кетрару 2005: Н.А. Кетрару, Очерки истории археологии Молдовы. 1715-1945 (Кишинев 2005).

Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: В.Л. Лапушнян, И.Т. Никулицэ, М.А. Романовская, Памятники раннего железного века (Кишинев 1974).

Полевой, Бырня 1974: Л.Л. Полевой, П.П. Бырня, Средневековые памятники XIV-XVII вв. (Кишинев 1974).

Сенкевич 1953: В.М. Сенкевич, К вопросу о происхождении молдавской народности в свете учения И.В. Сталина о языке. В сб.: Ученные записки Кишиневского Университета, т. 6 (Кишинев 1953), 1953, 63-78.

Смирнов 1949: Г.Д. Смирнов, Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. В сб.: Ученые записки Института Истории, Языка и Литературы Молдавской научно-исследовательской базы АН СССР, т. II (Кишинёв 1949), 189-202.

Смирнов, Полевой 1967: Г.Д. Смирнов, Л.Л. Полевой, Археология Молдавии в годы Советской власти. СА 3, 1967, 73-81.

Ткачук 1999: М.Е. Ткачук, Георгий Борисович Федоров (1917-1992), Stratum plus 5, 1999, 7-13.

Черныш 1949: А.П. Черныш, Новые палеолитические местонахождения на территории МССР. КСИИМК XXVI, 1949, 15-21.

Materiale de arhivă nepublicate

Березовец, Оболдуева 1947: Д.Т. Березовец, Т.Г. Оболдуева, Раскопки кургана на р. Когылник 1946 г. В: Отчеты экспедиций Института Истории, Языка и Литературы МФ АН СССР за 1945-1947 гг. Arhiva MNIM, nr. inv. 491.

Засурцев 1947: П.И. Засурцев, Отчет о работе славянского отряда Молдавской археологической экспедиции 1947 г. В: Отчеты экспедиций Института Истории, Языка и Литературы МФ АН СССР за 1945-1947 гг. Arhiva MNIM, nr. inv. 491.

Оболдуева 1946: Т.Г. Оболдуева, Предварительный отчет о работе Градешенской археологической экспедиции Молдавского научного и исследовательского института, 1946 г. В: Отчеты экспедиций Института Истории, Языка и Литературы МФ АН СССР за 1945-1947 гг. Arhiva MNIM, nr. inv. 491.

Самойловский 1946: И.М. Самойловский, Славянское городище у с. Екимоуцы Оргеевского уезда Молдавской ССР (Отчет за пробные раскопки организованные Институтом Истории, Языка и Литературы Молдавской Базы Академии Наук СССР. В: Отчеты экспедиций Института Истории, Языка и Литературы МФ АН СССР за 1945-1947 гг. Arhiva MNIM, nr. inv. 491.

Смирнов 1953: Г.Д. Смирнов, Отчет об археологических исследованиях в Молдавии за 1946 г. В: Отчетные материалы по археологическим исследованиям Молдавии за 1946-1953 годы (Кишинев 1953). Arhiva MNIM, nr. inv. 507.

Фабрициус 1945: И.В. Фабрициус, Отчет о разведке Молдавско-Днестровской экспедиции в 1945 г. В: Отчеты экспедиций Института Истории, Языка и Литературы МФ АН СССР за 1945-1947 гг. Arhiva MNIM, nr. inv. 491.

Черныш 1946: А.П. Черныш, Отчет о работе, проведенной в селе Выхватинцы Резинского р-на МССР. В: Отчеты экспедиций Института Истории, Языка и Литературы МФ АН СССР за 1945-1947 гг. Arhiva MNIM, nr. inv. 491.

Черныш 1948: А.П. Черныш, Новые палеолитические местонахождения обнаруженные в 1946-1947 г.г на территории МССР. В: Отчеты экспедиций Института Истории, Языка и Литературы МФ АН СССР за 1945-1947 гг. Arhiva MNIM, nr. inv. 491.

The beginnings of archaeology in MSSR

Keywords: history of archaeology, MSSR, Echimăuţi, Gradişte, Ofatinţi, Saharna.

Abstract: For several decades after the Second World War the problem of the history of archaeological research is constantly present in the special studies. However, a comprehensive analysis of the history of archeology in the Prut-Dniester space for a long time was not performed. The first work devoted to studies of ancient history and archeology in the period between 1715 and 1945 was carried out by N. Chetraru.

The light on the events that took place in the MSSR after the Second World War is shed due to the documents stored in the archives of the Republic of Moldova. In this paper there are presented two important documents: the first one regarding the reforming of the Moldavian Institute of History, Economics, Language and Literature with the creation of a sub-department for History and Archaeology, dated December, 17 1945; the second one is the decision of the Council of People's Commissars of the Moldavian SSR from December 21, 1945 "On preparation for archaeological research on the territory of the Moldavian SSR in 1946".

According to the latter document, for 1946 the holding of two archaeological investigations along the course of the Middle Dniester and the exploration of seven archaeological sites were planned. Towards this, a well developed budget was proposed, providing tools, instruments and supplies, as well as the creation of a photographic cabinet and its supplying with all the necessary equipment. In the first stage experts from scientific centers of the USSR had to be invited, and then the Institute should prepare local professionals.

Several reports from the archive of the National Museum of History of Moldova on the excavations carried out in 1946 bring more detail on the implementation of the decisions of the December 1945. Archaeological research in 1946 began only on June 30 instead of the planned May 1. Of the nine planned works (2 archaeological reconnaissance and excavations at 7 archaeological sites), two archaeological reconnaissance were produced on a modified route and only one tumulus was investigated instead of three as planned. However, the same year several unplanned investigations were carried out. In 1946 field investigations were conducted by experts from the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, and only since 1947 archaeological excavations in MSSR were conducted by researchers from Moscow.

List of illustrations:

Fig. 1. Research planned for 1946.

Fig. 2. Research on the Gradişte, from left to right: D.T. Berezovec, I.F. Mester (?) şi T.G. Oboldueva (Оболдуева 1946).

Fig. 3. Research on the Gradişte. The heads of the survey and the employees. (Оболдуева 1946).

Fig. 4. Research carried out in 1946.

Начало археологии в МССР

Ключевые слова: история археологии, МССР, Екимэуць, Градиште, Офатинць, Сахарна.

Резюме: На протяжении нескольких послевоенных десятилетий проблема истории археологических исследований постоянно присутствовала в специализированной литературе. Однако комплексный анализ истории археологии на пруто-днестровском пространстве долгое время не проводился. Первые работы, посвященные исследованиям древней истории и археологии в период между 1715-1945 годами, были проделаны Н. Кетрару.

Свет на события, происходившие в МССР после Второй мировой войны, проливают документы, хранящиеся в архивах Республики Молдова. В данной работе представлено два важных документа: первый – от 17 декабря 1945 года, указывает на формирование секции истории и археологии в Молдавском институте истории, экономики, языка и литературы; второй – решение Совета народных комиссаров Молдавской

ССР от 21 декабря 1945 года «О подготовке к археологическим исследованиям на территории Молдавской ССР в 1946 году».

Согласно последнему документу, на 1946 год было запланировано проведение двух разведок по течению Среднего Днестра и исследование семи археологических памятников. Для достижения цели прилагался детальный бюджет с описанием необходимых инструментов и расходных материалов, планировалось создание фотографического кабинета. На первом этапе проведения экспедиций в качестве экспертов должны были быть приглашены специалисты из авторитетных научных центров СССР, впоследствии Институт должен был формировать местные кадры.

Несколько отчетов из архива НМИМ о раскопках, проведенных в 1946 году, указывают на реализацию декабрьских решений 1945 года. Археологические исследования в 1946 году начались только 30 июня вместо запланированного 1 мая. Из девяти запланированных исследований (2 разведок и раскопов на семи археологических памятниках) были выполнены две разведки с изменением маршрута; был исследован один курган вместо трех запланированных. Кроме вышеупомянутых исследований были проведены и некоторые незапланированные работы. В 1946 году полевые исследования проводились специалистами из Института археологии Академии Наук УССР, и только с 1947 года руководство археологическими раскопками в МССР перейдет к московским исследователям.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Исследования, запланированные на 1946 г.

Рис. 2. Исследования у с. Градиште, слева направо: Д.Т. Березовец, И.Ф. Местер (?) и Т.Г. Оболдуева (Оболдуева 1946).

Рис. 3. Исследования у с. Градиште. Руководство раскопок вместе с работниками (Оболдуева 1946).

Рис. 4. Исследования, проведенные в 1946 г.

20.04.2016

Dr. Sergiu Matveev, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: sssmatveev@yahoo.com

CRONICA DESCOPERIRILOR MONETARE (X)

Ana Boldureanu

Cuvinte-cheie: descoperiri monetare, siliqua, denar, lingou, groş, ducat.

În ediţia curentă a cronicii, prezentăm date referitoare la unele descoperiri monetare din Republica Moldova, aflate de la descoperitori sau preluate din unele comunicări sau publicaţii din a doua jumătate a anului 2015 şi prima jumătate a anului 2016. Ca şi în ediţiile precedente, descoperirile sunt grupate cronologic conform epocilor istorice, iar locul descoperirilor este notat în ordine alfabetică.

În perioada avută în vedere au fost înregistrate mai multe monede ale Imperiului Roman. Menţionăm dintre acestea un tezaur de *siliquae*, descoperit la Lărguţa, raionul Cantemir, conţinând exemplare bătute sub Constantius II (337-361), Valentinian I (364-375) şi Procopius Uzurpatorul (365-366) şi altul descoperit la Capaclia, raionul Cantemir, din componenţa căruia este cunoscută o siliqua de la Constantius II.

Dintre descoperirile întâmplătoare de monede romane putem nominaliza trei monede provenite, conform spuselor descoperitorilor, de la Costeşti, raionul Ialoveni. Două dintre ele sunt emisiuni din metal comun, una de la Constantius II (337-361), bătută la Siscia, anii 341-348, iar a doua este un *nummus* de la Licinius II Caesar (317-324), bătut la Nicomedia, în anii 318-320, de tip Providentiae Caess. În ce priveşte a treia piesă, aflarea ei la Costeşti este nesigură, căci ulterior deţinătorul a spus că moneda ar proveni din altă parte. Cu toate acestea, moneda fiind o emisiune mai rară, am inclus-o în această publicaţie. Este vorba despre denarul hibrid de la împăratul Domitian[1].

Printre emisiunile medievale, menţionăm un lingou de argint de tip *sommo*, care ar fi fost descoperit în deceniile 5 sau 6 ale secolului XX undeva în zona Orheiului Vechi. Ţinem să menţionăm că din această zonă provine tezaurul de sommi, încă inedit, descoperit în anul 2004 lângă cetatea de piatră, alcătuit din 65 de exemplare. Sunt prezentate şi câteva mici complexe provenite de la Costeşti (r-nul Ialoveni), Orheiul Vechi, Alcedar (r-nul Şoldăneşti), precum şi emisiunile monetare descoperite în timpul săpăturilor arheologice la cetatea Soroca în anul 2015.

I. Monede antice

1. *Capaclia*, raionul Cantemir. La distanţa de 2 km de localitate a fost descoperit un tezaur alcătuit din cca 100 de *siliquae* romane. Din componenţa lui a fost recuperată poza unui exemplar de la Constantius II, emisă la Constantinopol.
Bibliografie: Dergaciova 2016, 91.

2. *Costeşti*, raionul Ialoveni. În toamna anului 2015 un elev al şcolii din localitate a adus la Muzeu spre identificare mai multe monede antice şi medievale şi obiecte de podoabă pe care le-ar fi găsit pe teritoriul localităţii.
IMPERIUL ROMAN
Domitianus (91-96 p. Chr.)
Denar hibrid
Roma
Av. IMP CAES DOMIT AVG GERM P. M. TR. P. XII; capul laureat spre dreapta.
Rv. IMP XXI COS XV CENS (PPP); Minerva spre dreapta aruncând sulița.
1. AR ↙3,37 g; 17,3×16,5 mm.

cf. RIC 171, Roma, anii 92-93; BMC II, 200, anii 92-93, iar pentru revers cf. RIC 147, 152 sau 156, anii 90-91; cf. BMC II, 164 sau 176, anii 90-91.

[1] Mulţumim şi pe această cale domnului dr. Theodor Isvoranu de la Institutul de Arheologie „Vasile Pârvan" din Bucureşti pentru ajutorul acordat la determinarea emisiunilor antice.

Constantius II (337-361 p. Chr.)
Siscia, anii 341-348
Av. CONSTANTIVS PF AVG; bust drapat şi cuirasat spre dreapta.
Rv. VICTORIAE DD AVGG Q NN; două victorii faţă în faţă ţinând în mâini coroane de flori.
2. AE ↑ 1,74 g; 16,4×15 mm.

RIC VIII, 184; LRBC I, 792.

Licinius II Caesar (317-324 p. Chr.)
Nummus
Nicomedia, anii 318-320, tip Providentiae Caess.
Av. D N VAL LICIN LICINIVS NOB C; cap laureat, bust cuirasat şi drapat spre dreapta.
Rv. PROVIDENTIAE CAESS; Jupiter ţinând sceptru şi Victorie pe glob, încadrat de ramură de palmier; marca oficinei: A, delta sau Z cu punct deasupra.
3. AE ↑ 3,51 g; 20 mm.

RIC VII, 605, 34.
Informaţie: Ana Boldureanu.

3. *Hânceşti*, oraş. La intrarea în localitate, în dreapta şoselei, în locul numit *Limba soacrei*, a fost descoperită o monedă romană de argint.
IMPERIUL ROMAN
Antoninus Pius (138-161), Marcus Aurelius, Caesar, 153-154 AD.
Denar
Roma
Av. AVRELIVS CAE - SAR AVG PII FIL; cap spre dreapta.
Rv. TR POT VIII COS II; Genius Exercitus în picioare spre stânga, sacrifica din patera peste altarul luminat şi ţine vulturul legionar. RIC III, 458; BMC IV, 804, Roma, anii 152-153.
AR ↑ 2,90 g; 18,1 mm.

Informaţie: Ana Boldureanu.

4. *Lărguţa*, raionul Cantemir. Tezaurul alcătuit din 86 de *siliquae* romane a fost descoperit în perioada 2007-2008 pe teritoriul localităţii. A fost recuperată informaţia referitoare la 76 de exemplare.
IMPERIUL ROMAN
Siliquae
Constantius II (337-361 p. Chr.) – 65 ex.: Constantinopol (42 ex.), Sirmium (20 ex.), Siscia (2 ex), atelier neprecizat (1 ex.).
Valentinian I (364-375 p. Chr.) – Constantinopol (10 ex.).
Procopius Uzurpator (365-366 p. Chr.) – Constantinopol (1 ex.).
Bibliografie: Dergaciova 2016, 91.

5. *Pănăşeşti*, raionul Străşeni. În primăvara anului 2016 ne-a fost adusă spre identificare o monedă romană, care ar fi fost găsită undeva pe teritoriul localităţii Pănăşeşti.

IMPERIUL ROMAN
Gordian III (238-244 p. Chr.)
Roma
Antoninian
Av. IMP GORDIANVS PIVS FEL AVG; bust radiat, drapat si cuirasat si legenda.
Rv. Virtus spre stânga ţinând ramură si suliţa, la picior scut si legenda VIR-TV-S AVG.
RIC IV/3, 23, nr. 71, emisiunea a 3-a, Roma, anul 240.
AR ↑ 4,69 g; 14,5×21,9 mm.

Informaţie: Ana Boldureanu.

6. *Popeasca*, raionul Ştefan Vodă. În primăvara anului 2016, în grădină, elevul şcolii din localitate Dorin Postică a găsit două monede romane de argint. La îndemnul profesoarei lui de istorie le-a adus la Muzeu pentru identificare.

IMPERIUL ROMAN
Av. HADRIANVS - AVG [COS III P P]; cap spre dreapta.
Rv. PROVIDE - [NTIA AVG]; Providentia spre stânga, cu mâna dreaptă îndreptată spre glob iar cu stanga ţinând sceptru lung.

RIC II, 261, Roma, anii 134-138; BMC III, 695, Roma, anii 134-138.
AR ↓ 2,26 g; 16,3×15,7 mm.

Commodus (180-192 p. Chr.)
Av. [M COMM] ANT P - FEL AVG BRIT P P; cap laureat spre dreapta.
Rv. neprecizat/
Cf. RIC III, 386-392, Roma, anii cca 189-191.
AR ↑ 2,69; 17,5×16,3 mm.
Informaţie: Ana Boldureanu.

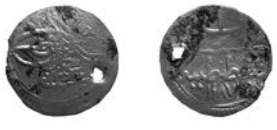
7. *Trinca*, raionul Edineţ. Cu ocazia unor cercetări perieghetice, efectuate după arăturile de toamnă de la sfârşitul anului 2015, în aşezarea de tip Sântana de Mureş-Černjachov de la Trinca-*Valea Copacului*, deopotrivă cu alte vestigii, a fost descoperit şi un denar roman de argint, emis în numele împăratului Vespasian (69-79 p. Chr.).
Bibliografie: Vornic, Ciobanu 2016, 44.

II. Monede medievale şi moderne

1. *Alcedar*, raionul Şoldăneşti. În vara anului 2015 în împrejurimile localităţii au fost găsite câteva parale otomane din secolul al XVIII-lea.

IMPERIUL OTOMAN
Abdülhamid I 1774-1789 (1187-1203 AH)
Parale
Mısır
Av. Tugra
Rv: Duri be / fi/ Mısır / sene 1187
Pere 1968, 683.
1. AR 0, 30 g; 15,1 mm.

Kostantiniye
Av. Tugra
Rv: Duri be / fi/ Kostantiniye / sene 1187
Pere 1968, 682.
2. AR 0,25 g; 15,3 mm.



Atelier neprecizat
Av. Tugra
Rv. Ilizibil; dublă frapă? Tocit; din componenţa anului se văd ultimele două cifre 87.
3. AR, 0,27 g, 15 mm.

Informaţie: Lilia Dergaciova şi Ana Boldureanu.

2. *Ciobruciu*, raionul Ştefan Vodă. Locuitorul satului Ciobruciu a găsit în pădure, după ploaie, o monedă pe care a donat-o Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei.
RUSIA
2 copeici
Ekaterininburg, 1865
Av. Stema Imperiului Rus
Rv. 2 / КОПЕЙКИ /1865; în exergă E.M.
1. AE ↑10,18 g; 28,9 mm.
Informaţie: Ana Boldureanu.

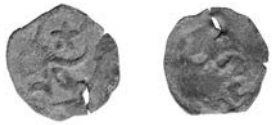
3. *Costeşti*, raionul Ialoveni. Ca şi descoperite în împrejurimile localităţii, ne-au fost aduse la Muzeu pentru identificări cinci monede medievale[2].
Un groş şi jumătate
Av. +WD•MOLDAVIENSIS; cap de bour cu stea între coarne, la dreapta roza, la stânga semiluna.
Rv. +MONE•ALEXANDRI; scut despicat: I trei grinzi, II şase flori de crin dispuse 3/3; capul de bour deasupra şi parţial suprapus peste scut; T la stânga scutului.
MBR, cf. nr. 406 (tipul IV); Iliescu 2000, 80-81, nr. 10 (faza a III-a (1409-1431), emisiunea a V-a (1415-1425).
1. ↓ 1,80 g; 20,5 mm, perforată.

MOLDOVA, Alexandru I (1400-1432)
Un groş şi jumătate
Av. +WD•MOLDAVIENSIS Cap de bour cu stea între coarne, la dreapta roza, la stânga semiluna.

[2] Mulţumim şi pe această cale doamnei dr. Lilia Dergaciova, Institutul Patrimoniului Cultural al AŞM, pentru ajutor la determinarea emisiunilor moldoveneşti.

Rv. +MONE•ALEXANDRI Scut despicat: I trei grinzi, II şase flori de crin dispuse 3/3; capul de bour deasupra şi parţial suprapus peste scut; N întoarsă la stânga scutului.
MBR, nr. 398 (tipul IV); Iliescu 2000, 80-81, nr. 10 (faza a III-a (1409-1431), emisiunea a V-a (1415-1425)).
2. ↗ 1,30 g; 22,5 mm, perforate.

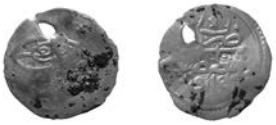
MOLDOVA, Alexandru I (1400-1432)
Pul moldovenesc
Av. Cap de bour cu stea între coarne, la dreapta roza, la stânga semiluna.
Rv. Scut despicat: I trei grinzi, II şapte flori de crin dispuse 4/3; A la dreapta scutului.
MBR, nr. 418 (tip V, jumătate de groş); Iliescu 1970, 28, jumătate de groş (seria V – 1430); Iliescu 2000, 82, nr. 21, jumătate de groş (faza a III-a (1409-1431), emisiunea a IX-a (1425-1430)); Dergaciova 2013-2014, 154-173 (pul moldovenesc).
3. 0,42 g; 13,5 mm, rv. Incusum.



4. ↖ 0, 39 g; 13,5 mm.

POLONIA, Coroana
Sigismund III (1587-1632)
3 groşi
Av. S III D....X PO MDL
Rv. III/GROS ARG/ TP POLON/IA...
5. AR ←1,61 g; 22×21,2 mm.

4. *Lăpuşna*, raionul Hânceşti. Pe teritoriul localităţii Lăpuşna în anul 2014 a fost găsită o monedă otomană.
IMPERIUL OTOMAN
Mahmud I 1730-1754 (1143-1168 AH)
Para
Kostantiniye
Av. Tugra
RV. Duri be / fi / Kostantiniye /1143
Pere 1968, 580.
1. AR, 0,21 g, 15×15,2 mm.



Informaţie: Lilia Dergaciova şi Ana Boldureanu.

5. *Pănăşeşti*, raionul Străşeni. În primăvara anului 2016 în zona localităţii a fost găsită o monedă de cupru bătută la Şehr al-cedid.
HOARDA DE AUR
Kutluğboğa
Av. bo / Kutluğ / ğa
Rv. Duri be / Şehr al-cedid.
Nicolae 2003, 168-171, fig. 1.
AE → 1,32 g; 16,3 mm.

Informaţie: Ana Boldureanu.

6. *Orheiul Vechi* (Trebujeni), raionul Orhei.

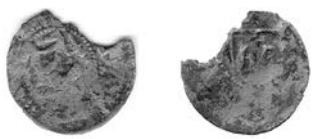
I. În primăvara anului 2016 cetăţeanul Albert Galben din Chişinău s-a adresat la muzeu cu rugămintea de a i se oferi informaţii referitoare la un lingou de argint, găsit în zona Orheiul Vechi, pe care l-a moştenit de la străbunicul său, locuitor al satului Trebujeni.
1. AR 202 g, lungimea 100 mm, înălţimea 16 mm, lăţimea bazei de 20 mm.
Informaţie: Ana Boldureanu.

II. În luna mai 2016 ne-au fost aduse pentru identificare cinci monede descoperite la Orheiul Vechi.
HOARDA DE AUR
Pul
Kutluğboğa
Av. Neclar
Rv. Duri be / Şehr al-cedid. Nicolae 2003, 168-171, fig. 1.

1. → 1,45 g; 16,8 mm.

Beylikul ERETNA
Tokat sau Kangarı
2. 1,07 g; 17,5×19,8 mm. Cf. Кривенко, Гончаров 2015, 72-73, nr. 35-54.

MOLDOVA
Iliaş (1432-1433, 1435-1442)
Groş
Av. Călăreţ cu armură, spre stânga, purtând coif cu cap de bour, iar în mâna stângă ţine o spadă ridicată, legendă ilizibilă.
Rv. Edificiu cu două turnuri schematizat însoţit sus de cruce; legenda ilizibilă.
MBR, tipul V, p. 68, nr. 500.
3 AR↗ 0,96 g; 19,7 mm; ruptă dintr-o parte.



Fals după un denar unguresc al lui Ferdinand II (1619-1637), Ferdinand III (1637-1657) sau Leopold I (1657-1705), bătut la Kremniţa.
Av. ...FER...OVB•RD•G... Scut despicat: I cruce dublă, II patru fascii; K-B.
Rv. ...TRON 166? ... Madona cu pruncul.
4. 0,38 g si 14,6 mm.

Neprecizată
Av. Neclar
Rv. Cruce „potencée”, sigle neclare în cantoane.
5 AR 1,54 g; 16,5×18 mm.

Informaţie: Ana Boldureanu.

7. Republica Moldova, passim. Ne-au fost aduse spre identificare două monede medievale provenite de pe teritoriul Republicii Moldova, dar fără a se cunoaşte locul exact de descoperire.

HOARDA DE AUR
Canibec (741-758 AH / 1341-1357)?
Pul
Krım, 743 AH?
Av. Urme ale imaginii vulturului; urmă de contramarcă.
Rv. Rămăşiţe de legendă; contramarca Al-adil?
AE 5,3×14,7 mm.

OLEŚNICA (ducat)
Ducat
Ian Podebrag (1536-1562)
Av. .... REICHSTEIN; imaginea sf. Cristofer.
Rv. IO(ACH HENRY KARL D) G DVS MUNSTR; stema heraldică a ducatului de Oleśnica, 1561.
1. AV 21,3 mm.

Informaţie: Ana Boldureanu.

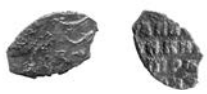
8. *Soroca*, oraş. În timpul săpăturilor arheologice efectuate în exteriorul turnului trei al cetăţii Soroca, au fost descoperite şapte monede.

UNGARIA
Matia Corvin (1458-1490)
Denar
1. AR 0, 45 g; 16,5×15,3 mm; secţiunea XII, adâncimea 120 cm, carou IV.

Huszar 1979, 113, nr. 719.

SUEDIA
Şiling
Gustav Adolf (1611-1632)
Elbing
Av. + GVS•ADO D G REX S; în centru monograma GA
Rv. +SOLIDVS ....ELBING 3...
2. Bi 0,33 g; 16 mm; dublu perforată.

RUSIA
Copeică
Petru I (1700-1725)
Av. Neclar
Rv. HO/HKH/TPA
3. AR 0, 27 g; 11,2×6,8 mm; lângă scară.



POLONIA
Solid
Ioan Casimir
4. AE 0, 78 g; 15 mm.

ROMÂNIA
Carol II (1930-1940)
10 lei
K N (King's Norton Metal Company – I.C.I. metals Limited, Birmingham, 1930
Av. CΔROL II REGELE _ROMΔNILOR; efigie spre stânga; pe cerc Δ. L ΔVRILLIER.
Rv. Stema mică a ţării, purtând scut cu cifrul regal, în loc de scut cu armele ţării. În părţi valoarea nominală 10 – LEI. Dedesubt milesimul 1930, având în dreapta iniţialele KN. MBR, 267, nr. 97b.
5. AE ↓ 4, 83 g; 23 mm; m. z.; secţiunea XII, stratul IX, carou III.

Neprecizate
Av şi Rv tocit
6. AE 9, 69 g; 27 mm.
7. AE 0, 75 g; 15,5 mm.
Informaţie: Ana Boldureanu.

Bibliografie

BMC: Coins of the Roman Empire in the British Museum, 6 vol. (Londra 1923-1962).

Dergaciova 2013-2014: L. Dergaciova, New coin hoard findings of Moldovan divisional specimens. Contributions to the knowledge of monetary system of Alexander I (1399/1400-1432). In: Oltenia. Studii şi comunicări. Istorie-arheologie, vol. XX-XXI (Craiova 2013-2014), 154-173.

Dergaciova 2016: L. Dergaciova, Noi tezaure monetare cu siliquae descoperite în Republica Moldova. In: Arheologia mileniului I p. Chr., V (Brăila 2016), 89-105.

Huszár 1979: L. Huszár, Münzkatalog Ungarn (Budapesta 1979).

Gumovski 1960: M. Gumovski, Handbuch der polischen Numismatik (Graz 1960).

Iliescu 2000: O. Iliescu, Aspecte ale economiei monetare în Moldova sub domnia lui Alexandru cel Bun. Revista istorică s.n. 11/1-2, 2000, 59-95.

LRBC: Late Roman Bronze Coinage A.D.324-498: I-P.V. Hill, J.P.C. Kent, The Bronze Coinage of the House of Constantine A.D. 324-336; II – R.A.G. Carson, J.P.C. Kent, Bronze Roman Imperial Coinage of the Later Empire A.D. 346-498 (London 1965).

Nicolae 2003: E. Nicolae, Monedele de cupru bătute în Oraşul Nou. In: Simpozion de numismatică dedicat împlinirii a 125 de ani de la proclamarea Independenţei României (Chişinău, 24-26 septembrie 2002). Comunicări, studii şi note (Bucureşti 2003), 167-179.

MBR: G. Buzdugan, O. Luchian, C.C. Oprescu, Monede şi bancnote româneşti (Bucureşti 1977).

Pere 1968: N. Pere, Osmanlılarda madenî paralar (Coins of the Ottoman Empire) (Istanbul 1968).

RIC: The Roman Imperial Coinage, I-X (London 1923-1994).

Vornic, Ciobanu 2016: V. Vornic, L. Ciobanu, Descoperiri din aşezarea de tip Sântana de Mureş-Černjahov de la Trinca-Valea Copacului, r-nul Edineţ. In: Conferinţa ştiinţifică internaţională „Patrimoniul cultural: cercetare, valorificare, promovare", ediţia a VIII-a (Chişinău, 31 mai - 2 iunie 2016). Programul şi rezumatele comunicărilor (Chişinău 2016), 44.

Кривенко, Гончаров 2015: А. Кривенко, Е. Гончаров, Восточные монеты XIII - первой четверти XV в. из находок в междуречье Прута и Днестра. In: Средневековая нумизматика Восточной Европы, 5 (Москва 2015), 64-87.

Chronicle of coin findings (X)

Keywords: coin findings, siliqua, denarius, ingot, groschen, ducat.

Abstract: The author presents data on coin findings in the Republic of Moldova, about which there are known from the discoverers or from some communications or publications of the second half of 2015 and the first half of 2016.

Among the ancient coin issues there are a hoard of *siliquae* found at Lărguţa (Cantemir District) and some isolated finds of Roman coins.

The Middle Ages are represented by an ingot of the *sommo* type, originated from the Old Orhei area, a few small complexes from Costeşti (Ialoveni District), Old Orhei, and Alcedar (Şoldăneşti District), and the coins found during excavations in the Soroca Fortress in 2015.

Хроника монетных находок (X)

Ключевые слова: монетные находки, силиква, денарий, слиток, грош, дукат.

Резюме: Автор представляет данные о монетных находках в Республике Молдова, которые были получены от открывателей или из сообщений и публикаций второй половины 2015 года и первой половины 2016 года.

Среди античных эмиссий упоминаются клад *силикв*, обнаруженный в селе Лэргуца Кантемирского района, и несколько отдельных находок римских монет.

Средневековье представлено слитком типа *соммо* из Старого Орхея, несколькими небольшими комплексами из села Костешть Яловенского района, Старого Орхея и села Алчедар Шолдэнештского района, а также монетами, найденными при раскопках в Сорокской крепости в 2015.

01.09.2016

Dr. Ana Boldureanu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, e-mail: anaboldureanu@yahoo.com

***Bogdan Petru Niculică*,**
EPOCA BRONZULUI ÎN PODIŞUL SUCEVEI

Suceava: Editura Karl A. Romstorfer, 2015, 622 p. ISBN 978-606-8698-06-9

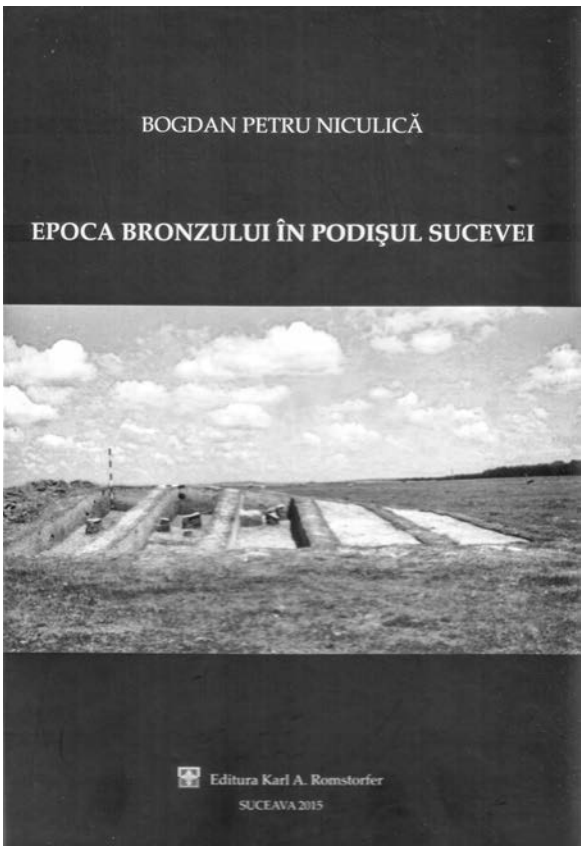
Recent, literatura arheologică românească s-a îmbogăţit cu o lucrare de referinţă, care este rodul unei munci susţinute şi de durată a arheologului Bogdan Pentru Niculică de la Muzeul Bucovinei Suceava. Cartea pe care o prezentăm în rândurile de faţă este varianta îmbunătăţită a lucrării de doctorat, susţinută de autor la Universitatea „Al. I. Cuza" din Iaşi, în anul 2006. Pentru că am avut prilejul să cunoaştem şi conţinutul tezei, dar am parcurs şi varianta publicată, putem spune că domnul Niculică a plecat de la un stadiu al cercetărilor, pe care, în ultimul deceniu, l-a completat şi l-a aprofundat în deplină concordanţă cu tendinţele actuale din arheologie. Fără să folosim cuvinte mari, cartea este, probabil, una dintre cele mai valoroase contribuţii dedicate epocii bronzului din spaţiul est-carpatic, deşi, suntem convinşi că multe dintre opiniile autorului îşi vor găsi utilitate şi aplicabilitate pe spaţii mult mai largi.

Având în vedere că este un volum foarte amplu, vom încerca o succintă prezentare a sa, din dorinţa de a stârni interesul celor preocupaţi de epoca bronzului, deşi, ca mod de abordare, poate fi un model util pentru orice arheolog, indiferent de etapa cronologică asupra căreia îşi concentrează atenţia.

În *Cuvânt înainte*, dr. Mircea Ignat, mentor al autorului şi bun cunoscător al epocii bronzului din nord-estul României, punctează cele mai importante elemente din structura cărţii, accentuate ulterior şi în prezentarea colegei dr. Roxana Munteanu, intitulată *O carte pentru o epocă*.

Volumul are o structură complexă, aşa cum bine se observă din cele şapte mari capitole, în care este abordată o problematică amplă, strâns legată de manifestările epocii bronzului din Podişul Sucevei.

Partea introductivă a cărţii a constituit un bun prilej pentru autor să explice necesitatea unui astfel de demers, etapele pe care le-a parcurs, metodologia abordată, dar şi problemele cu care s-a confruntat în intenţia sa de a creiona o imagine cât mai completă a epocii studiate.



Primul capitol este dedicat, firesc de altfel, cadrului natural specific spaţiului de lucru, respectiv Podişului Sucevei, subunitate geografică ale cărei limite au fost foarte corect trasate şi care se individualizează în peisajul zonei de nord a României. După o amănunţită descriere a reliefului, sunt punctate şi aspecte legate de reţeaua hidrografică, vegetaţie, faună şi soluri. Un subcapitol extrem de util este cel rezervat materiilor prime şi surselor de aprovizionare din Podişul Sucevei, mai ales că prin diferite tipuri de analize pluridisciplinare, prezentate pe parcursul lucrării, a fost confirmată exploatarea diferitelor categorii de resurse naturale din arealul aflat în studiu.

Istoricul cercetărilor, care formează al doilea capitol al cărţii, constituie un exerciţiu ştiinţific extrem de dens. Punctăm aici interesul autorului, lesne de observat şi în alte contribuţii ale sale, pentru istoriografia sec. XIX şi de la începutul ce-

lui următor, când o serie de personalităţi au desfăşurat o muncă susţinută pe tărâmul arheologiei bucovinene. Respectând criteriul cronologic, autorul jalonează cele mai importante descoperiri şi contribuţii legate de epoca studiată, dar printr-o permanentă raportare la cadrul mai larg al epocii bronzului de la răsărit de Carpaţi. Conform celor scrise de colegul Niculică, contribuţiile istoriografice care se leagă de epoca bronzului pot fi structurate în trei etape principale, în funcţie de modul în care descoperirile acestui segment cronologic au fost abordate şi valorificate ştiinţific.

Perioada bronzului timpuriu este analizată în capitolul al III-lea al lucrării, unde autorul discută o serie de descoperiri care, tradiţional, au fost încadrate într-o etapă post-eneolitică, dar fără să fie subliniată clar apartenenţa lor la epoca metalelor. Colegul Bogdan Petru Niculică include aici şi descoperirile culturii Amforelor Sferice, cele Jamnaja, manifestările de tip Izvoare III-Târpeşti-Dolheştii Mari-Bosanci sau ale culturii Ceramicii Şnurate, pentru fiecare dintre acestea întocmind un catalog al punctelor în care au fost cercetate sau semnalate astfel de vestigii. Este demnă de remarcat încercarea autorului de a schiţa o cronologie mai precisă a bronzului timpuriu, prin divizarea acestuia în trei secvenţe temporale distincte.

Următorul capitol, al IV-lea, reprezintă o sinteză a tot ceea ce se cunoaşte în prezent referitor la bronzul mijlociu din Podişul Sucevei, îndeosebi vestigiile culturii Komariv. Facem precizarea absolut necesară conform căreia în cadrul acestui capitol o bună parte a datelor sunt rezultatul muncii de teren a autorului, care a cercetat sistematic mai mulţi tumuli şi o aşezare a culturii amintite. Repertoriul descoperirilor, deşi nu prea amplu (39 de situri plus câteva piese metalice izolate), este în schimb foarte detaliat, ceea ce face ca acest corpus să fie unul de referinţă. Urmează apoi o prezentare a aşezărilor, o analiză complexă şi detaliată a comportamentului funerar, inclusiv determinări antropologice, pentru ca, spre final, să fie discutat inventarul arheologic din aşezări şi spaţiile mortuare. Este demn de reţinut că în acest capitol sunt valorificate şi rezultatele unor analize fizico-chimice efectuate pe loturi de piese litice, ceramice, sau pe eşantioane de cărbuni şi sol. Deosebit de importante sunt şi cele două datări ^{14}C pentru necropola de la Adâncata, care completează setul de datări absolute cunoscute în prezent pentru zona dintre Siret şi Carpaţi. În încheierea acestui capitol au fost făcute o serie de precizări legate de poziţia cronologică a culturii Komariv în ansamblul manifestărilor bronzului mijlociu din arealul est-carpatic.

Capitolul V cuprinde un studiu amplu, dedicat topoarelor de piatră din Podişul Sucevei. Foarte bine documentat şi însoţit de determinări petrografice, credem totuşi ca acest segment al lucrării ar fi putut să fie unul de final, deoarece reuneşte piese care, tipologic, se regăsesc pe tot parcursul epocii bronzului. Prin determinările geochimice sunt aduse informaţii preţioase despre tipurile de roci şi sursele de materii prime care au putut fi exploatate, ceea ce reprezintă un demers absolut necesar, în condiţiile în care astfel de analize sunt foarte puţine în spaţiul dintre Carpaţi şi Prut.

Perioada bronzului târziu este discutată în cel de-al VI-lea capitol al cărţii şi care este probabil unul din cele mai consistente. Repertoriul descoperirilor, cu aproximativ 150 de puncte (situri şi descoperiri izolate) este, de asemenea, foarte bine documentat. Aşezările culturii Noua au fost discutate într-un subcapitol distinct în care autorul a făcut o analiză amănunţită, luând în considerare mai mulţi vectori de ordin geografic, precum altitudinea relativă şi absolută, ordinul cursurilor de apă şi expunerea terenului. Descoperirile funerare, extrem de puţine, nu au permis o analiză prea amplă, iar demersul autorului de a le discuta în raport cu cele din zonele învecinate este pe deplin justificat. Un spaţiu editorial distinct a fost rezervat pentru inventarul arheologic specific perioadei bronzului târziu; cele mai consistente discuţii privesc artefactele metalice, structurate pe criteriul tipologic. Într-un subcapitol separat, autorul îşi îndreaptă atenţia asupra ceramicii culturii Noua. Deşi nu au fost efectuate foarte multe săpături sistematice în situri ale culturii Noua din Podişul Sucevei, autorul a reuşit să întocmească o schiţă tipologică viabilă, pe baza materialului studiat. Desigur, pe lângă aceste repere tipologice, o importanţă ştiinţifică deosebită o au determinările privitoare la temperatura de ardere a unui eşantion ceramic din situl de la Cumpărătura (jud. Suceava). Subliniem şi în acest caz valoarea ştiinţifică a unor astfel de analize, în condiţiile în care, pentru Moldova de până la Prut, mai există doar un singur set de determinări de acest fel. Nu credem că mai trebuie evidenţiată necesitatea unor astfel de studii, pentru că doar în baza lor

vom avea suficiente informaţii pentru o reconstituire fidelă a tehnologiilor preistorice.

În fine, ultimul capitol este o încercare, zicem noi, reuşită, de reconstituire a relaţiei om-mediu în perioada epocii bronzului. Desigur, informaţiile inegale l-au determinat pe autor să privească lucrurile din spaţiul de referinţă într-un cadru mai cuprinzător. Conştient că prin abordări pluridisciplinare va completa anumite goluri în cercetarea epocii bronzului, autorul a iniţiat sau a luat parte, alături de specialişti din alte domenii, la variate investigaţii menite să reconstituie mediul natural preistoric, pentru a putea înţelege corect influenţa acestuia asupra comunităţilor umane, dar şi procesul invers, respectiv, impactul omului asupra hinterlandului în care trăia.

Concluziile lucrării sintetizează cele mai importante idei care privesc manifestările culturale ale epocii bronzului din Podişul Sucevei, evoluţia şi specificul lor, raporturile cu entităţile din vecinătate, dar şi plasarea lor corectă în schema cronologică a zonei nord-vest pontice.

Un consistent rezumat în limba engleză face ca lucrarea domnului Bogdan Petru Niculică să poată fi accesibilă şi cercetătorilor străini, care, cu siguranţă, vor găsi în structura ei un model interesant de abordare a unei analize arheologice zonale.

Amplitudinea subiectului cărţii, dar mai ales sârguinţa autorului pentru a lămuri cât mai bine variatele subiecte abordate, se observă foarte bine şi în bibliografia lucrării, care cuprinde aproximativ 800 de titluri. Merită subliniată întrebuinţarea bibliografiei la zi a problematicii întâlnite pe parcursul cărţii, ceea ce întăreşte convingerea noastră că volumul prezentat este un câştig pentru literatura arheologică românească dedicată epocii bronzului.

Consistentul material informaţional este completat şi cu o ilustraţie vastă, reprezentând figuri inserate în text, dar şi un set bogat de planşe care conţin hărţi, planuri, aspecte de şantier şi materiale arheologice sugestive pentru subiectul cărţii.

Parcurgerea lucrării ne-a dat prilejul să constatăm că domnul Bogdan Petru Niculică a depus un efort considerabil, încununat de o realizare importantă, o adevărată sinteză care, dincolo de caracterul ei regional, poate fi extrapolată ca model de abordare pentru teritorii mult mai vaste. Claritatea analizei, caracterul inedit al multor informaţii, alocarea unui spaţiu important contribuţiilor pluridisciplinare sunt doar câteva elementele definitorii ale volumului, ceea ce îl recomandă ca un instrument de lucru absolut necesar tuturor celor care se ocupă de studierea epocii bronzului.

25.02.2016

Dr. Vasile Diaconu, Complexul Muzeal Judeţean Neamţ, Muzeul de Istorie şi Etnografie Târgu Neamţ, str. Ştefan cel Mare, 37, Târgu Neamţ, România, e-mail: diavas_n82@yahoo.com

БОРИСУ РАЕВУ – 70

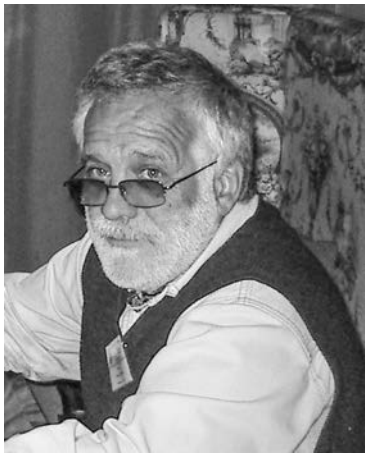
О Борисе Раеве, о себе и немножко о «московской эмиграции»

Семьдесят лет – это полноценный юбилей. Не то, что полтинник или шестьдесят. Даже произнести хочется с придыханием – Семь-де-сят! Так и представляешь себе почтенного старца, сидящего в кресле и благожелательно внимающего панегирическим речам в стиле чеховского Гаева: «Дорогой многоуважаемый шкап!».

Вот только Борис Раев ну никак не соответствует этому пасторальному образу: он продолжает оставаться таким же молодым и энергичным, каким я знаю его последние сорок пять лет. Именно столько лет назад, в начале 70-х годов, мы познакомились. Оба тогда учились на истфаке Ленинградского университета.

Правда, в университете общались нечасто, сказывалась разница в возрасте – я пришел на кафедру сразу после школы, а Борис уже успел отслужить в армии. Близко сошлись только в 80-е – в годы моей и его «московской эмиграции». Сблизило нас, среди прочего, общее «ленинградство» – кафедралы, из одного гнезда, мы с тобой одной крови etc. В атмосфере «посконной столицы» (цит. по: Симоненко 2006, 11) общение с себе подобными было как глоток свежего воздуха. Именно в те годы у нас, кстати говоря, появился тост: «Выпьем за Москву, которая научила нас любить Питер».

Я тогда работал в Институте археологии АН СССР и, в силу разных обстоятельств, жил то на съемных квартирах, то у родственников на Арбате, то прямо на работе – в благоустроенном институтском подвале на улице Гарибальди. Борис снимал жилье в разных районах Москвы – помню, как бывал у него на Щербаковской, да еще в памяти отложился микротопоним «Кокосово-Раево», так что он, очевидно, какое-то время жил и в Орехово-Борисово. Это были те самые годы, которые Борис назвал «время разведок и писания паспортов» (цит. по: Симоненко 2006, 11). В 1981 г., в частности, мы прошли разведкой окрестности средневекового Псковского пригорода Велье близ Пушкинских гор, а в 1982 г. – окрестности Новоржева на средней Псковщине, и памятники, открытые в те годы, вошли, среди прочих, в число паспортизированных. Застольные байки о той паспортизации давно стали апокрифами (см.: Белецкий 2006, 23-27).



Круг общения в Москве в основном был сосредоточен вокруг подвала на Гарибальди, в котором размещались два отдела Института археологии – отдел археологических сводов и отдел охранных раскопок. Большинство сотрудников собиралось где-то часам к двум дня, зато сидели и работали допоздна – до десяти-одиннадцати вечера. Так, чтобы успеть в метро. Бывало – не успевали, и тогда оставались ночевать прямо на рабочих местах. В комнатах за стеллажами прятались раскладушки, а на стеллажах вместе с книгами, папками бумаг и ящиками с находками лежали спальные мешки. Часто работали по ночам, тогда наутро «дядя Митя» (Дмитрий Александрович Крайнов), живший в том же доме, жаловался директору Института археологии Б.А. Рыбакову на стук пишущих машинок в подвале, мешающий спать. Здесь, в подвале на Гарибальди, делали чертежи и писали паспорта, а когда приезжали питерские друзья пили «Эрети», «Цинандали» и «Цоликаури», чай «со слоном», кофей. Часами говорили. «Московские кухни» были не только на кухнях.

В Москве я впервые столкнулся с предательством и подлостью. Было больно. В Питере такого, к счастью, не случалось, и к ударам в спи-

ну я, честно говоря, не был подготовлен. Слава Богу, в трудные минуты рядом был Борис. Он был всегда готов подставить плечо и прикрыть спину. Помню наши долгие ночные телефонные разговоры «ни о чем». А однажды после такого разговора, уже под утро раздался звонок в дверь – Боря с бутылкой вина приехал на такси с другого конца Москвы. Как он объяснил потом, ему не понравилось мое настроение.

В середине 80-х годов я несколько лет подряд ездил по приглашению своего давнего приятеля, профессора Ивановского университета Кирилла Балдина с гастрольными лекциями из Москвы в Иваново. В 87-м поехали читать лекции вместе с Борисом: я – о русской средневековой сфрагистике, он – об исторической географии южнорусских степей. Необходимую для подготовки к занятиям литературу везли с собой из Москвы. График жесткий: утро – лекции, день и вечер – подготовка к лекциям. Но вмешались непредвиденные обстоятельства – сразу по приезде в Иваново у Бори подскочила температура. Продуло в поезде, да и февральская слякоть, что называется, поспособствовала. Строго говоря, Борису надо было отлеживаться, а о лекциях речи и быть не могло. Но куда там. Утром Борис читал свои две пары, потом шел в гостиницу, горстями пил таблетки и валился пластом. На подготовку к занятиям сил уже не оставалось – лекции он читал, фактически, экспромтом. Не знаю, сумел бы я отчитать восемь, а то и десять пар на одной эрудиции. Борис сумел. При этом студенты даже не заметили, что преподаватель был болен. А восторженные воспоминания о лекциях по исторической географии, читанных Борей, по рассказам бывших слушателей, они сохранили до сих пор.

В 87-м году я единственный раз побывал в экспедиции Раева. Полевой лагерь стоял на берегу Аксая в заповеднике «Золотые горки». Раскапывали курганы близ станицы Бессергеневской и у хутора Ягодинка. В тот год я оценил не только организаторские способности Бориса, но и его умение вести раскопки. Нет, копать мы все умеем, этому не только учились в годы студенчества, но продолжали учиться и после окончания университета. Да, по сути дела, учимся всю жизнь. Но так виртуозно расчищать погребения и пространство погребальной камеры, так филигранно выявлять следы инструментов на стенках погребального сооружения, как это делал Раев, могут далеко не все. По-хорошему завидовал этому его умению.

В конце 80-х я, наконец, сумел вернуться из московской эмиграции в Питер. Незадолго до этого Борис также покинул Москву и перебрался в Краснодар. В 90-е и нулевые годы мы встречались уже значительно реже. По сути дела, только тогда, когда Раеву удавалось вырваться в Питер. Встречались в библиотеке ИИМК, в залах и фондах Эрмитажа, на конференциях и семинарах. Изредка, если позволяло время, сидели в кафе – в «Бочке» на Миллионной, «У террориста» на Большой Конюшенной. К сожалению, теперь такие встречи происходят редко. Чаще перезваниваемся или переписываемся в Интернете. Но каждая из встреч – это праздник дружеского общения.

Ну, и в завершение еще несколько слов. Я ничего не написал о научных заслугах Бориса Ароновича Раева, ибо я не являюсь специалистом ни в исследовании сарматских древностей, ни в разработке хронологии римских импортов, и просто не способен в полной мере оценить тот огромный вклад Раева в изучение европейского Барбарикума, о котором уже написано и много, и подробно. Но хотелось бы думать, что мои сумбурные воспоминания добавят несколько штрихов к портрету юбиляра. Удачи тебе, Борис, счастья, радости новых научных открытий и, конечно, здоровья.

Библиография

Белецкий 2006: С.В. Белецкий, Б.А. Раев и «сказка о викингах в Восточной Европе» А. Павлова. В сб.: Liber archaeologicae. Сборник статей, посвященный 60-летию Бориса Ароновича Раева (Краснодар - Ростов-на-Дону 2006).

Симоненко 2006: А.В. Симоненко, Парадоксы Раева. В сб.: Liber archaeologicae. Сборник статей, посвященный 60-летию Бориса Ароновича Раева (Краснодар - Ростов-на-Дону 2006).

Др., проф. Сергей Белецкий, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая набережная, 18, 191186, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: serge_beletsky@mail.ru

Раев, курганы и города

Борис Раев – из первых поколений моих учеников, и отмечая его 70-летие, я, естественно, вспоминаю, что нас связывает и что нас объединяет.

Родившись в Кузбассе (Кемерово), он прибыл из Донбасса поступать в Ленинградский университет 18-летним в 1964 году, когда я уже преподавал на кафедре археологии третий год. А еще будучи аспирантом я организовал при кафедре кружок школьников. Этот кружок к тому времени уже прошли Глеб Лебедев, Владимир Назаренко, Юрий Пиотровский и стали моими студентами, а также моими студентами уже были Марк Щукин и Саша Козинцев. Борис с первого раза не поступил. Меня работать в приемной комиссии никогда не направляли, но я, если не был в экспедиции во время приема, всегда интересовался, кого к нам комиссия пропустит. Очень расстроился, что Бориса не приняли: он уже имел за плечами работу в экспедициях, в Кузбассе и в Донбассе, с 7 класса увлекался археологией. Естественно было позаботился, чтобы этот парень поступил к нам в кружок школьников. Стали его готовить к поступлению, и в 1965 году он поступил. Так что нашему знакомству больше полувека.

Вероятно, из-за этого сближения он выбрал меня своим руководителем. Активно участвовал в моем Проблемном семинаре. Ребята тогда помогали мне оформлять первый сборник семинара «Проблемы археологии» (вышел в 1968 году), рисовали составленные мною таблицы и карты по Карбунскому кладу. Уже тогда выяснилось, что Раев отлично рисует. А через много лет я заметил, что и Раеву эта практика помогла: его сравнительные таблицы и карты по античным импортам были похожи на мои по Карбунскому кладу.

Но пребывание его на кафедре застопорилось: загремел на три года в армию и окончил только через 10 лет после поступления – в 1975. Но еще до этого, студентом, стал ездить со мной в мою Новочеркасскую экспедицию. Очень скоро он и его сокурсник Саня Семенов стали у меня начальниками отрядов. У меня были за плечами работа (в 1962 г.) в большой Кобяковской экспедиции С. И. Капошиной и конфликт с ней из-за того, кто должен считаться открывателем Садового кургана, раскопанного мною с моим помощником Щукиным.

Б.А. Раев и Л.С. Клейн, 1971 г.

Нужно было вообще решать этот вопрос: кто в принципе должен считаться открывателем – начальник большой экспедиции или начальники ее самостоятельных отрядов. Чтобы всё было ясно, я с самого начала обозначил принцип работы: право на полную публикацию принадлежит не мне, а начальникам отрядов. Это, на мой взгляд, было справедливо и повышало их ответственность и заинтересованность. Раев сразу же проявил великолепные организационные способности и стал моей правой рукой.

Наши краткие совместные сообщения о раскопках стали появляться с 1971 года, а Раевская публикация богатого сарматского кургана появилась в Вестнике Ленинградского университета уже в 1972 году, а анализ бронзового таза из этого кургана – в Советской Археологии в 1974. Есть еще одна черта, которую Раев, по-видимому, заимствовал у своего руководителя: владея иностранными языками, он не пасуя перед колоссальными препонами и без дрожи в коленях, отправлял свои работы за рубеж и входил в мировую науку. Уже в 1974 году появилась его статья в Брюссельском Бюллетене Королевского музея. Все это еще когда Раев был студентом. Но в виду затяжного студенчества, к моменту окончания это был 29-летний вполне сформировавшийся исследователь, с публикациями, вводившими в науку эталонный памятник. Определилась и его основная тематика: античные импорты в сарматских курганах. Тема вполне определенно эрмитажная, да и для Института археологии важная – для античного сектора или скифо-сарматской группы.

Встал вопрос о его устройстве на работу. На кафедру к тому времени были приняты преподавателями три моих ученика – Лебедев, Булкин и Дубов, и в аспирантуре был четвертый: Виноградов. Об устройстве Бориса Ароновича на кафедру, нечего было и думать: на кафедре было два еврея: Столяр и Клейн, это был и так перебор. Удалось принять только в заочную аспирантуру. Ни в Эрмитаж, ни в Институт археологии Раева не брали. Он был для них буквально *слишком хорош*: там предпочитали юных и не слишком продвинувшихся, чтобы их можно было долго держать в лаборантах на вспомогательных работах. Со своими 9 публикациями (из них одна в Брюсселе) Раев явно не годился.

Он утроился в Ленинградскую инспекцию по охране памятников – заполнять паспорта. Работа неплохо оплачиваемая, но не исследовательская. Тут он продержался всю вторую половину 70-х. За это время «на досуге» от основной службы выпустил ряд исследовательских работ по античным импортам. В 1979 году защитил кандидатскую диссертацию. Но это ничего не изменило в его перспективах.

В 1981 году (когда я был арестован) 35-летний кандидат забрал некоторые наши находки (чтобы не стали бесхозными) и уехал в Новочеркасск, в центр наших прежних археологических работ, где организовал снова Новочеркасскую экспедицию, но пока не постоянную. Для заработков вместе с несколькими ленинградскими коллегами нанялись в московскую инспекцию составлять паспорта памятников по Псковской и Ростовской областям. Жили в Москве. Но в 1985 году бросил это дело и переселился в Новочеркасск, где устроился в местном Музее истории донского казачества (там есть и большой археологический отдел). Это было смелое и радикальное решение. Он оставил оба столичных города с «большой наукой», где ему не было места, и поселился в провинции, в небольшом городе без научной среды, но близко от памятников и от раскопок. От музея он сумел добиться продолжения экспедиции и под городом на Малом Мишкином хуторе основал экспедиционную базу, постоянно действующую.

Он постоянно ездил в Ленинград – в библиотеку и архив, поддерживал связи с коллегами. Компьютеров и Интернета еще не было. Всё это время продолжали выходить его работы, богатые аналогиями, а в 1986 его монография о римских импортах на Нижнем Дону вышла в Оксфорде (в серии BAR). Теперь это был провинциальный ученый с международной репутацией. Именно таким он вошел в эпоху «перестройки» и либерализации. В этом же году он основал семинар «Античная цивилизация и варварский мир», на заседания ежегодно съезжались участники со всей России (потом приезжали и зарубежные участники). В какой-то мере это был дальний отзвук моего проблемного семинара 60-х - 70-х годов. Из него отпочковались семинары Глеба Лебедева и Марка Щукина, вот и Раев почувствовал нужду в обкатке и экспансии своих идей. Правда, это был не совсем семинар: он собирался не еженедельно, а ежегодно. Скорее это можно назвать симпозиумами. Впрочем, собрания Кондакова в Праге назывались же «Семинариум Кондаковианум». Раевский семинар (так сказать, «Раевианум») действовал по 2001 год – 15 лет.

В 1994 году, уже в новой России и в эпоху компьютеров Раев, приближавшийся к 50-летию, переместился дальше на юг – в Краснодар. Преподавал в должности доцента в Краснодарском университете культуры и искусств, потом возглавлял экспедицию от организации «Наследие Кубани», а с 2005 г. числится сотрудником Южного Научного Центра РАН.

Здесь у него сложилась прочная семья, и здесь он живет и в настоящее время, приезжая по нескольку раз в год в Петербург для чтения литературы (несмотря на Интернет) и для общения с коллегами. Его основная тема исследований продолжает пополняться новыми работами, но появляются и новые темы. Так ему пришло в голову, что те богатые курганы, которые дали сокровища на Дону и Волге, это не какие-то неопределенные сарматы, а аланы. Доказательствам этого посвящены некоторые его работы конца 80-х – начала 90-х. Живя в Краснодаре, он, естественно, заинтересовался и местными древними племенами – в первом десятилетии 2000-х выходят его работы о меотах.

В последние годы получили развитие его старые работы каталожного характера – изданный им каталог Новочеркасского музея и др. Раев вошел в команду лучших знатоков

античных древностей, организованную немецкими исследовательскими институтами и проводящую каталогизацию этих древностей Восточной Европы. Раев и еще несколько человек ездят по музеям страны и проводят полную фиксацию этих материалов. Всё это будет издано. Раев вправе гордиться тем, что он один из основных участников этой замечательной затеи.

Ныне в результате изменений всей жизни в стране после падения советской власти и распада СССР заметно ослабели столичные археологические центры и усилились провинциальные очаги археологии. Теперь международные связи и авторитет археологических команд из провинциальных городов никого не удивляет. Раев был пионером этого тренда. За десять лет до начала этих изменений в стране он стал действовать так, как если бы эти изменения уже произошли или были неизбежны. Сейчас он, можно сказать, ветеран этого тренда.

Здесь его перемещения по стране обобщены и несколько спрямлены. На деле были и зигзаги. По своим матримониальным приключениям (женился несколько раз) жил и в Москве, в Софии и в Париже, не только в Ленинграде. Когда я приезжал в Москву после освобождения из лагеря, гостил у Раева.

Сейчас заканчиваю книгу о курганах сарматской знати, в том числе о тех, которые мы копали вместе с Борисом. Он часто приезжает из Краснодара, привозит и присылает фото, которых у меня недостает, помогает вспоминать детали событий. Борис – был одним из самых активных героев этих событий и он – один из самых симпатичных героев моей книги.

Др., проф. Лев Клейн, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: lsklejn@gmail.com

ЕЛЕНЕ ИЗБИЦЕР – 60

Хоть тяжело подчас в ней бремя, телега на ходу легка[1]

Университетские экспедиции 60-70-х годов прошлого века отличала исключительная бедность. На практиканта выдавалось то ли 50, то ли 48 копеек в день на «прокорм», да еще оплачивалась дорога. Но практиканты ехали на практику, чтобы получить представление о работе археолога и некоторые навыки такой работы. Собственно археологические работы могли вести только те, кто несколько лет ездил в экспедиции, знал специфику памятников, особенности работы с ними. Это могли быть не только студенты-археологи, но и «сателлиты» (М.П. Грязнов), являющиеся костяком экспедиций. А вот на какие деньги везти и кормить «костяк» было головоломной проблемой начальника. Кроме того, практиканты уезжали, отбыв срок, а завершали работы на памятнике люди с опытом.

Решение, которое позволяло что-то сэкономить, было принято в 1973 году нашим начальником – Львом Самуиловичем Клейном. Оно было необычайно простым, а потому особенно гениальным. Речь шла о том, чтобы пригласить в экспедицию провалившихся абитуриентов из южных районов. Экспедиция наша работала под Новочеркасском в августе–октябре, то есть как раз тогда, когда неудачники возвращались домой, что освобождало куцый бюджет от оплаты дороги.

Осуществляя идею, мы повесили на двери кафедры археологии написанное от руки объявление, и в августе 1973 года в Новочеркасскую экспедицию попала девочка с удивительно внимательными глазами – Лена Избицер. В тот год она предприняла первую попытку поступить на кафедру археологии «идеологического факультета» – с такой-то фамилией и происхождением! И ведь как в воду глядели, с марксистским предвидением нарекая исторический факультет «идеологическим». Прошло 40 лет, и кажется, что Клио

и пол и амплуа сменила, столько в ней теперь от Марса…

Но вернемся в Новочеркасск. Приехав в экспедицию, Лена как-то незаметно, но очень органично в нее влилась. Она очень быстро освоила всякие премудрости полевой работы, оказалась просто незаменимым человеком на кухне и на вечерних посиделках. Теперь-то понятно, что внимательно присматривалась она ко всему не без пользы для себя. Отмечая про себя разные стороны рабочего и бытового существования коллектива – со всеми нюансами, включая некоторые излишества – она не испугалась их, а участие в раскопках на всех этапах, от съемки плана могильника до отправки багажа со станции Ростов-Товарный, утвердило Лену в желании стать археологом.

Она им и стала.

Со следующего года она продолжила штурм кафедры и в конце концов добилась того, что была принята на нее. Поступила она на вечернее отделение, требовавшее обязательной работы, которая меньше времени оставляла для учебы, но уж если студент достигал каких-то результатов, то цена их была неизмеримо

1 А.С. Пушкин. Телега жизни.

выше! Выбор темы специализации – археология эпохи бронзы степной зоны Восточной Европы – не был для Лены случайным. Свою роль сыграли и первые, самостоятельно расчищенные погребения, и творческое сотрудничество с уже определившимися «бронзовиками» – В. Трифоновым и В. Зельдиной (Стеганцевой), – да и малая родина, которая находилась в самом центре этих степей.

А вот конкретную тему внутри проблематики эпохи бронзы Лена выбрала вполне оригинальную: она занялась колесным транспортом. Этот элемент погребального обряда никогда специально не изучался, в лучшем случае авторы раскопок описывали и реконструировали повозки в силу своего разумения. При этом повозки вовсе не рядовой элемент погребального инвентаря, а один из основных показателей статуса покойного. И вообще неизвестно: смогли бы без повозок носители катакомбной культуры освоить такие огромные пространства? Лена собирала свод погребений, осваивала материал, летом в экспедициях когда-никогда и сама «причащалась» к колесам и повозкам. Диплом – ровный, добротно сделанный на обширном фактическом материале – был защищен, но тема не исчерпана.

Как удачно и вовремя для юбиляра грянула перестройка, с ее пусть и декларативно-декоративной отменой тавра «пятым пунктом»! У Лены появилась возможность продолжить исследование колесного транспорта, работая по специальности в ЛОИА. Конечно, это были временные договорные работы с зарплатой в 65-75 р.; напомню: хлеб 14 коп., 0,5 литра молока 30 коп., так что без излишеств! Тем не менее, своим путем Лена продолжала идти так же целеустремленно и упорно. Загруженность полевыми работами летом, а потом камеральными зимой практически не оставляла времени на любимые колеса и повозки. Но умение организовать свое время, унаследованное от рациональных родителей и выработанное за годы учебы в университете, позволяло, пусть и с перерывами, двигаться к следующему рубежу – защите диссертации.

Она ее и защитила.

Собрав максимально возможное количество раскопанных повозок и их деталей (как правило – колес), Лена создала их типологию, попробовала очертить круг связей и влияний, и на этой основе – относительную хронологию колес и повозок. Впрочем, на мой взгляд, одно из основных, если не основное достоинство работы Елены Владимировны (теперь так нужно?) – это реконструкции устройства колес и самих повозок. Основой послужили находки сравнительно полно сохранившихся и описанных в отчетах и публикациях повозок. Для этого пришлось проделать огромную работу по восстановлению реальных обстоятельств находок и отказаться от большинства неверных, а порой и фантастических реконструкций.

Здесь следует особо остановиться на некоторых особенностях как исследовательского метода, так и черт характера Лены, которые дополняют друг друга. Я говорю об упомянутом выше рационально организованном мышлении и ее реалистично-саркастической оценке не только работ предшественников, но и вообще окружающей действительности. Что может быть более востребованным для критики источников? Результатом была хорошо написанная, обеспеченная аргументированными выводами диссертация.

Жаль, до сих пор она не опубликована в полном объеме. Прошло время, материал количественно вырос, но и он сейчас собран и обработан Еленой Владимировной. Ведь те несколько статей, которые она опубликовала, старательно забыты ничего не читающим поколением, и вновь появляются фантастические реконструкции, сделанные на основе невнятных описаний. При современных средствах коммуникации даже там, где она живет последние 20 лет, Лена не оторвана от отечественной науки, она постоянно общается с коллегами, следит за литературой. И не просто следит. Она реализовала свои возможности в прекрасно написанных рецензиях на работы, в том числе и в смежных отраслях археологии. Возражая авторам, Елена Владимировна убедительна в аргументах и саркастична в оценках, что абсолютно необходимо хорошей рецензии!

Не обделил господь Лену и другими достоинствами. Музыкальное дарование, ставшее у младшего брата профессией (ах, как Саша Избицер играет Листа!), воплотилось у Лены в

слухе, умении играть и даже петь. Слушавшие вряд ли забудут печальные народные песни в Ленином исполнении, с обязательным придыханием, вздохами и дрожью в голосе.

Я надеюсь все-таки, что доживу до того времени, когда работа о колесном транспорте бронзового века, на котором «арии пришли в Индию» (Л.С. Клейн), увидит свет в полном объеме. Этого ждет не столько «отечественная археология» (как же юбиляр ненавидит пафос подобных выражений!), сколько ее друзья и коллеги. Я не ошибусь, если от их имени пожелаю Лене долгих и плодотворных лет работы, а нам всем – приятного и полезного общения.

Др. Борис Раев, Отдел археологии, Южный научный центр РАН, пр. Чехова 41, 344006 Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: boris_raev@mail.ru

Жизнь на колесах

Меньше всего хотелось бы останавливаться на сухих биографических фактах и на официозной торжественности. Жизнь юбиляра разделилась на две части – ленинградско-питерскую и заокеанскую нью-йоркскую. Важно, что в первый период она уже стала известным и, без преувеличения, уникальным специалистом в области изучения древнейших транспортных средств не только степной евразийской зоны, но и других областей их распространения. Собственно, она по багажу знаний и пониманию проблемы остается одним из лидеров в этой области археологических исследований до настоящего времени. Во второй, заокеанский период она находит возможность пополнять и развивать свои идеи, имея доступ к широкому кругу источников, длительное время работая в библиотеке Метрополитен-музея и сохраняя контакты с многочисленными коллегами и друзьями на постсоветском пространстве. Но и живя в Нью-Йорке, она всегда выступает гостеприимным хозяином для постсоветской археологической «братии», вольно или невольно попавший в Соединенные Штаты. В помощи она никогда не отказывает.

Благодаря своим знаниям Елена смогла получить стипендию по программе имени сенатора Фулбрайта в качестве уже американского исследователя, что дало ей возможность непосредственно общаться в течение почти двух лет с коллегами из Украины, Молдовы и России.

Нельзя сказать, что Елена Избицер так уж много публикуется, хотя и имеет солидную монографическую рукопись, которую ей хочется все время совершенствовать. Но она из тех замечательных исследователей, которых трудно заставить печатать свои работы, если они не доведены до «нужной кондиции». Но и после публикации они будут сохранять в себе чувство неудовлетворенности, чувство чего-то до конца не высказанного.

Всегда с удовольствием читая и перечитывая лаконичные публикации юбиляра, понимаешь, что они написаны талантливым археологическим эссеистом, будь это рецензии или дискуссионные статьи. Например, вспоминается сюжет с оригинальным авторским анализом известного изображения повозки на сосуде из Броночиц или замечательный критический «этюд» о тормозе на колесницах или отсутствии такового у исследователей, увлекающихся эффектными реконструкциями. А недавно опубликованная статья, посвященная дискуссии вокруг книги о средневековом памятнике Мощевая Балка, раскрывает новые грани ее исследовательского таланта.

Хотелось бы пожелать Елене Владимировне Избицер не терять вдохновения и продолжать радовать нас своим творчеством. И хотя мы всегда можем общаться, видя друг на друга на экранах своих компьютеров, было бы хорошо встречаться в «теплой домашней обстановке».

Др. Юрий Рассамакин, Институт археологии НАН Украины, пр. Героев Сталинграда 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: eneolith@i.com.ua

IN MEMORIAM
GHEORGHE DUMITROAIA
(23.04.1949-6.04.2016)

Nu este deloc simplu să sintetizezi viaţa unui om în doar câteva pagini, mai ales dacă ai fost în preajma lui şi ai cunoscut complexitatea personalităţii sale. Este cu atât mai greu dacă ai fost beneficiarul sfaturilor, al demersurilor şi ideilor unui astfel de om. Dar pentru că efemeritatea vieţii este un fapt care nu poate fi schimbat, nu îmi rămâne decât să aştern aici câteva gânduri despre cel care a fost dr. Gheorghe Dumitroaia.

S-a născut la 23 aprilie 1949 în comuna Drăguşeni (jud. Suceava), unde a şi urmat studiile gimnaziale şi liceale, cele superioare fiind parcurse în cadrul Facultăţii de Istorie şi Filosofie a Universităţii „Alexandru Ioan Cuza” din Iaşi.

Pasiunea pentru istorie l-a determinat să activeze ca muzeograf la Muzeul de Istorie şi Etnografie Târgu Neamţ, în anii 1976-1980, de unde se va transfera la Muzeul de Istorie şi Arheologie Piatra Neamţ. Aici a ocupat funcţia de muzeograf-arheolog, iar din anul 2000 a devenit cercetător ştiinţific.

Pentru că a dispus de calităţi umane şi profesionale deosebite, a parcurs rapid ierarhia din instituţia în care a lucrat, devenind şef de secţie (1990-1991), director adjunct (1992), iar apoi, vreme de 23 de ani, a fost director-manager al Complexului Muzeal Judeţean Neamţ.

Ca o încununare a unei cariere ştiinţifice bogate, în anul 1999 a obţinut titlul ştiinţific de doctor în istorie, sub îndrumarea prof. dr. Petre Roman. La rândul său, a fost membru în mai multe comisii de doctorat, pentru specialişti în arheologia preistorică din România şi din Republica Moldova.

Competenţa ştiinţifică, precum şi capacitatea de valorificare a patrimoniului arheologic şi istoric, l-au aşezat în rândul arheologilor-experţi (Registrul Arheologilor din România), dar şi al experţilor în bunuri culturale. Tot din aceleaşi considerente a fost membru al Comisiei Naţionale de Arheologie (1995-1999 şi 2003-2016), al Comisiei Zonale a Monumentelor Istorice (2004-2007) şi

al Comisiei Naţionale a Muzeelor şi Colecţiilor (2009-2013).

Dr. Gheorghe Dumitroaia a fost preşedintele Fundaţiei Cultural-Ştiinţifice „Constantin Matasă” (încă din 1994), dar şi fondatorul şi coordonatorul Editurii „Constantin Matasă”. Sub egida acesteia din urmă a publicat şi editat o serie vastă de lucrări ştiinţifice, majoritatea cu specific arheologic, dintre care, o bună parte, se regăsesc în faimoasa colecţie *Bibliotheca Memoriae Antiquitatis*.

Interesul pentru valorificarea şi difuzarea informaţiei ştiinţifice s-a concretizat inclusiv în coordonarea şi menţinerea la cote înalte a revistei *Memoria Antiquitatis*, al cărei redactor-şef a fost vreme de mai bine de două decenii.

A fost profesionistul care a ştiut să îmbine foarte bine munca de teren cu cea de birou, activitatea arheologică cu cea de muzeograf, demersul ştiinţific cu efortul cultural dedicat publicului. În domeniul muzeografiei, dincolo de lucrurile specifice acestui domeniu, a avut realizări care, cu siguranţă, îl vor aşeza pe un loc binemeritat. Nu a fost simplu coordonator, ci, mai presus de toate, a fost creator de muzee. Astfel, a întemeiat o instituţie unică – Muzeul de Artă Eneolitică Cucuteni (2005), şi a pus bazele *de facto* ale Muzeului

Cetăţii Neamţ (2009). În plus, din dorinţa de a menţine la un nivel onorabil şi chiar de a propulsa unităţile din componenţa Complexului Muzeal Judeţean Neamţ, în ultimul deceniu a făcut eforturi mari şi s-a dedicat efectiv reorganizării multora dintre acestea, astfel încât să corespundă tendinţelor actuale din muzeologie. A ştiut, inclusiv în acest domeniu, să mobilizeze oameni, să ceară sfatul colegilor de breaslă, să se implice efectiv, astfel încât rezultatul proiectelor sale să fie unul viabil şi mulţumitor pentru toţi, atât pentru cei care slujesc muzeul, cât şi pentru cei care îi trec pragul.

Este greu să amintesc în detaliu tot ce a însemnat munca sa în domeniul muzeologiei, dar numeroasele expoziţii naţionale şi internaţionale, la care şi-a adus contribuţia, sunt edificatoare în acest sens. O recunoaştere a acestei munci a reprezentat-o obţinerea a două distincţii importante, decernate de Ministerul Culturii şi Cultelor, respectiv premiul „Adrian Rădulescu" (2003) pentru expoziţia şi volumul *Poduri-Dealul Ghindaru. O Troie în Subcarpaţii Moldovei* şi premiul „Iulian Antonescu" pentru management muzeal (2006), acordat pentru proiectul *Primul Muzeu Cucuteni în România*.

Arheologia a slujit-o cu o dăruire la fel de mare; a coordonat şi activat pe mai mult de 20 de şantiere arheologice, cele mai multe fiind în judeţul Neamţ. Şi-a dedicat o mare parte din timp studierii comunităţilor neo-eneolitice din zona subcarpatică a Moldovei, dar a avut câteva situri de care s-a simţit profund ataşat. Aş aminti aici faimoasa aşezare de la Poduri (jud. Bacău), sau staţiunea legată de exploatarea sării de la Lunca (jud. Neamţ). Trebuie subliniat faptul că dr. Gheorghe Dumitroaia a fost unul dintre promotorii a ceea ce astăzi numim ,,arheologia sării", iar în acest sens a făcut numeroase investigaţii de teren. Dacă pentru o bună perioadă de timp, pe această direcţie de cercetare a avut o fructuoasă colaborare cu regretatul dr. Dan Monah, în ultimul deceniu a reuşit să aibă alături şi specialişti străini, cu multă experienţă în acest domeniu. Dorinţa de a promova în mediile ştiinţifice naţionale şi internaţionale potenţialul arheologic legat de exploatarea preistorică a sării din spaţiul est-carpatic a reprezentat un alt deziderat al său, pe care l-a îndeplinit cu determinarea binecunoscută.

Ca rod al muncii de cercetare în cele patru decenii de activitate, dr. Gheorghe Dumitroaia a întocmit numeroase lucrări şi studii de specialitate, dedicate cercetării arheologice sau muzeografiei. A fost autor sau coautor a nouă volume, a editat peste 40 de cărţi, şi a semnat, singur sau în colaborare, peste 180 de studii, articole şi note.

În cei peste 20 de ani cât a condus destinele muzeelor nemţene a trebuit să caute soluţii variate pentru a le menţine la un nivel onorabil. Diplomaţia de care a dat dovadă, profesionalismul şi rezultatele muncii, au constituit câteva atuuri care i-au permis să aibă o relaţie cordială cu membrii breslei din care a făcut parte, dar şi o comunicare eficientă cu autorităţile locale. Din păcate, în ultimii ani, interese meschine, străine de actul cultural, au exercitat o presiune constantă asupra sa. Faptul că nu a precupeţit nici un efort pentru a menţine într-o formulă unitară muzeele din judeţul Neamţ, dorinţa de a valorifica eficient patrimoniul aflat în posesia acestora, implicarea extrem de activă în viaţa culturală locală, dar şi dificultăţile întâmpinate, mai ales din partea unor entităţi care nu au înţeles corect rolul instituţiilor muzeale, au dus, în cele din urmă, la un sfârşit prematur al acestui mare om!

Cei care l-au cunoscut şi i-au fost aproape ştiu că dr. Gheorghe Dumitroaia a fost, dincolo de un mare profesionist, un om cu un caracter pliabil pe nevoile celor din jur. Pentru oamenii cu care a colaborat în instituţie a fost mai mult decât director; le-a înţeles problemele, le-a acordat tot sprijinul său şi, nu puţin lucru, s-a preocupat ca mulţi dintre ei să îşi perfecţioneze pregătirea profesională. Din păcate, au fost şi oameni care, după ce s-au bucurat din plin de ajutorul său, au preferat să ignore sprijinul primit, ceea ce constituie, probabil, măsura calităţii lor. A trecut peste astfel de momente cu speranţa că oamenii pe care îi avea alături îl vor sprijini. Cei mai mulţi au făcut-o!

Personal, am fost unul dintre numeroşii beneficiari ai sfaturilor şi încurajărilor sale colegiale, transmise cu multă sinceritate. Deşi ne despărţeau ani buni de vârstă şi experienţă, nu a lăsat niciodată să se vadă asta şi m-a tratat ca pe un coleg în care şi-a pus mari speranţe. A sprijinit, la fel ca în cazul multor colegi de la muzeele nemţene, toate iniţiativele care aveau ca scop promovarea patrimoniului, cercetarea şi valorificarea acestuia, iar interesul nostru comun pentru arheologia

preistorică nu a făcut decât să ducă la îndeplinirea unor proiecte care au făcut cinste instituţiei. Faptul că mi-a facilitat publicarea unor volume cu tematică arheologică şi că m-a îndemnat să continui săpăturile sistematice în situl de la Răucești, pe care l-a cercetat parţial în anii ’80, constituie doar câteva repere ale generozităţii sale.

Din păcate, elanul creator al dr. Gheorghe Dumitroaia s-a curmat într-un moment prea timpuriu, când avea încă multe proiecte pe masa de lucru. A lucrat cu dăruire până aproape de ultimul moment, şi, cu siguranţă, a plecat dintre noi cu regretul că nu a reuşit să îşi valorifice integral munca de teren.

Odată cu trecerea sa la veşnicie, arheologia românească a pierdut un mare specialist, dar a câștigat o bază ştiinţifică, chiar dacă regională, pe care se vor putea clădi lucruri admirabile.

Dr. Gheorghe Dumitroaia rămâne un model de om, coleg, prieten, profesionist, director de muzeu, care va trebui urmat, astfel încât eforturile sale să nu fi fost zadarnice.

Odihnă veşnică în pământul ale cărui taine a încercat să le cunoască!

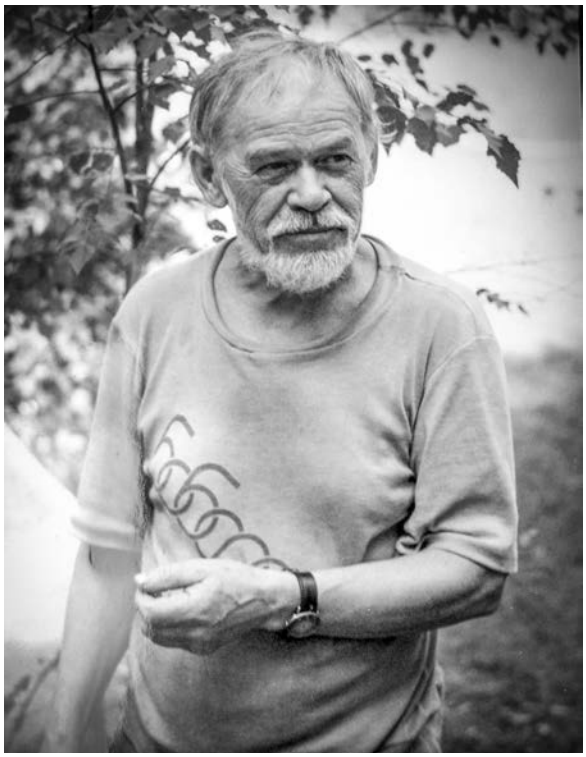
Dr. Vasile Diaconu, Complexul Muzeal Judeţean Neamţ, Muzeul de Istorie şi Etnografie Târgu Neamţ, str. Ștefan cel Mare, 37, Târgu Neamţ, România, e-mail: diavas_n82@yahoo.com

В ПАМЯТЬ О СТАНИСЛАВЕ НИКИФОРОВИЧЕ БРАТЧЕНКО (3.09.1936-21.02.2011)

С.Н. Братченко, советский, украинский археолог, специалист по изучению степных восточноевропейских культур эпохи бронзы. Автор классического исследования катакомбных культур в Нижнем Подонье (1976 г.). Один из основателей современной школы полевых исследований степных курганов

Вспоминая Станислава Никифоровича Братченко

Воспоминаниями о Станиславе Никифоровиче Братченко меня время от времени просят поделиться археологи Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, вот сейчас – Кишинева. География запросов понятна: в Ростове-на-Дону он учился, работал, в Санкт-Петербурге продолжил учебу, археологи-бронзовики Молдовы всегда были тесно связаны с ИИМК РАН, многие из них работали в экспедициях, возглавляемых С.Н. Братченко. Другой вопрос: почему обращаются и ко мне? Ведь официально я работал с С.Н. Братченко всего пять лет, а с 1981 года, после безумного «разгона» нашей экспедиции, пришлось проводить раскопки в других областях Украины и даже сменить сферу научных интересов. Для себя ответ на поставленный вопрос нахожу в том, что мое сотрудничество с этим человеком не прерывалось никогда и, уверен, о последних годах его жизни я знаю больше других. Вот об этом и хочу кратко рассказать.



С.Н. Братченко. 2000 год. Поселение Круглое (фото из архива С.Н. Санжарова).

Последние годы своей жизни С.Н. Братченко сильно болел: у него развилась глаукома, наверняка была сердечная недостаточность. Он жил один в крохотной гостинке на проспекте Науки, обустройством своего быта не занимался. Обстановка в квартире была почти полевой, разве что палатки в ней не было. Он пользовался экспедиционной посудой, старый поломанный телевизор стоял где-то наверху книжного шкафа рядом с погнутым уличным громкоговорителем, зачем-то привезенным им из экспедиции у хутора Веселый возле Мариуполя. Пока позволяло зрение, пользовался допотопной пишущей машинкой «Москва», а на уговоры освоить компьютер потирал руки (его традиционный жест) и посмеивался, что означало категорический отказ. Никто ничего в такой обстановке изменить не мог. Когда группа молодых сотрудников ИА НАНУ предложила своими силами сделать в его квартире ремонт, отказался самым решительным образом. Так и жил.

Свою экспедиционную привычку (наверное, не только экспедиционную, но и заложенную где-то на генетическом уровне) заниматься огородом перенес в Киев. Недалеко от его дома был лес, он нашел там поляну, на которой выращивал молодую редиску, картошку, иногда помидоры и огурцы. А еще – топинамбуры! Последние приносил в Институт и раздавал сотрудникам. Иногда, когда я с ним не встречался, на следующий день находил на своем столе пакет с топинамбурами – своеобразный привет от Станислава Никифоровича. Кстати, кто не пробовал, рекомендую – вкусно и полезно.

Сперва, после выхода на пенсию, в Институт приходил довольно часто, принимал участие в заседаниях Отдела энеолита-бронзового века. Одно из них хорошо помню именно из-за выступления С.Н. Братченко. В очередной раз обсуждалась докторская диссертация сотрудника, увлеченного созданием ямно-катакомбного государства, что было невозможно без решительного отказа от очевидных фактов курганной стратиграфии. Особой поддержки в Отделе, сотрудники которого раскопали не один десяток курганов, у него не было, и за это они были неудачливым соискателем заклеймены как «стратиграфисты». Выступление С.Н. Братченко было кратким и закончилось буквально следующими словами: «Все это очень интересно, но когда мы начнем заниматься археологией?»

С.Н. Братченко, как никто другой, понимал абсурдную систему организации полевых (в первую очередь – новостроечных) археологических исследований в бывшем СССР и всегда думал о путях исправления ситуации. Мы с ним много говорили об этом. Общий вывод заключался в том, что рано или поздно историки науки отметят тот грустный факт, что с начала 1970-х годов, на пике новостроечного бума, мы оказались к нему абсолютно неподготовленными ни в кадровом, ни в техническом отношении. В отличие от наших западных коллег, приученных к полному циклу исследований, от раскопок до полной публикации полученных материалов, мы обеспечить такой цикл, как это ни трудно сейчас признать, не смогли. В результате полноценные ежегодные научные труды новостроечных экспедиций существуют лишь в виде научных отчетов.

Понятно, почему последние годы своей жизни С.Н. Братченко посвятил изданию материалов своих раскопок в виде статей в серии «Материалы и исследования по археологии Восточной Украины» под редакцией профессора Восточноукраинского национального университета им. В. Даля С.Н. Санжарова. Уже после смерти С.Н. Братченко отдельной книгой была издана известная Левенцовская крепость. Не скрою, значительная часть технической подготовки этой книги к изданию была проведена и мной. Если кто-то нашел неудачным рисунок на ее обложке, то претензии должны быть адресованы не к автору книги, а ко мне.

Из сказанного должно быть понятно, почему С.Н. Братченко мало или почти не заботился о себе и своем быте. Ему важно было сохранить темп подготовки новых работ, особенно осознавая, что времени для этого оставалось все меньше и меньше.

Последний год жизни С.Н. Братченко был очень тяжелым. Он никогда ни у кого не просил помощи. И можно себе лишь представить, насколько ему стало плохо, если он сам попросил отвезти его в Больницу ученых НАНУ. В первый раз, когда всеми правдами и неправдами удалось оформить его туда (конечно, никакой амбулаторной карточки у него не было), ему стало заметно лучше. Он приободрился, несколько поправился, исчезла отечность. Говорил, опять же потирая руки: «Я тут, як на курорті». Очень обрадовался радиоприемнику (его старая экспедиционная «Спидола» давно не работала) и считал необходимым делиться услышанными новостями. Договорились, что мы с Ю.Я. Рассамакиным забираем его из больницы и отвозим домой. Вдруг звонок по телефону: «Я вже дома, все гаразд. Доїхав автобусом та метро. Відпочив, підлюкувався, не турбуйтесь».

После этого С.Н. Братченко был в больнице еще два раза. Несмотря на лечение, болезнь усиливалась. Врачи традиционно говорили, что делают все, что могут, но могут далеко не все.

Станислав Никифорович умер в больнице, находясь в полном сознании, рядом с ним были его бывшая жена Л.Ф. Константинеску и сын Тарас.

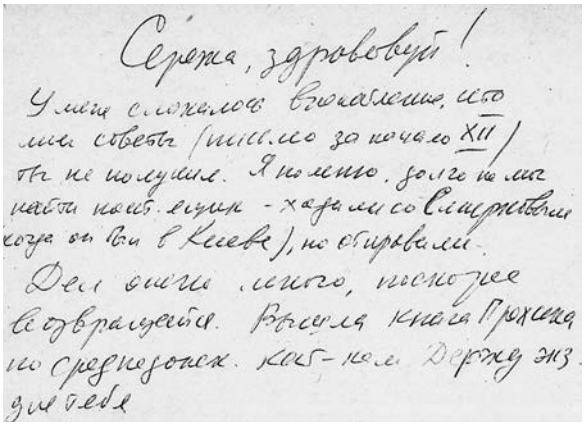
С.Н. Братченко похоронен в колумбарии Байкового кладбища.

В Отделе энеолита-бронзового века ИА НАНУ висит портрет Станислава Никифоровича. Он напоминает нам о том, что нельзя допускать фальши ни в науке, ни в жизни, о тяжелом посохе пилигрима и о том, что «мы все движемся и движемся вперед, но если кто-нибудь когда-нибудь помрет, о нем расскажет нам история, история, которая ни слова, ни полслова не соврет».

Др. Яков Гершкович, Институт археологии НАН Украины, пр. Героев Сталинграда 12, 04210 Киев, e-mail: yager@voliacable.com

Письмо от С.Н. Братченко – крик души

Станислав Никифорович Братченко ушел от нас пять лет назад. В этом году ему исполнилось бы 80. Кажется, еще недавно, в 1996 году, я издал сборник в честь 60-летнего юбилея С.Н. Братченко, в 2006 году – второй сборник в честь его 70-летнего юбилея. А в 2011 году пришлось размещать в нашем сборнике «Материалы и исследования по археологии Восточной Украины» – обширный некролог. И по прошествии пяти лет мне больно писать о С.Н. Братченко в прошедшем времени. С момента наших совместных раскопок Славяногорского катакомбного поселения на Северском Донце летом 1981 года мы не просто сдружились, а породнились духовно. Вероятно, оказались сходные характеры, воспитание, отношение к археологии и к людям вообще. У меня много личных писем от С.Н. Братченко. Среди них есть одно очень эмоциональное, написанное им в январе 1983 года и отправленное мне в Уфу, где я проходил срочную воинскую службу. В письме подняты острые вопросы качества археологических раскопок и уровня профессионализма людей, занимающихся археологией – вопросы, волновавшие С.Н. Братченко и как ученого, и как человека, вопросы, которые и сегодня актуальны не меньше, чем тридцать лет назад.


Сережа, здравствуй!
У меня сложилось впечатление, что мои советы (письмо со начала XII) ты не получил. Я не помню, долго не мог найти почт. ящик - ходили со Смирновым (когда он был в Киеве), но отправили.
Дел очень много, поскорее возвращайся. Вышла книга Пряхина по среднедонск. кат. Держу экз. для тебя

Сережа, здравствуй!

У меня сложилось впечатление, что мои советы (письмо от начала XII) ты не получил. Я не помню, долго не мог найти почт[овый] ящик – ходили со Смирновым[1] (когда он был в Киеве), но отправили.

Дел очень много, поскорее возвращайся. Вышла книга Пряхина[2] по среднедонск[им] кат[акомбни]кам. Держу экз[empляр] для тебя.

Не с кем работать над кат[акомбни]ками. А на 1983-1985 гг. наш шеф навязывает коллективную монографию «Проблемы катак[омбной] области», то есть дать обоснование и харак[теристи]ку культур, прежде всего, ну и прочее (происхождение) – это всего кат[какомбно]го региона! А коллектива – то нет. Все ударились в позднюю бронзу (и Усачук[3] даже).

Только по С. Донцу до 1000 кат[акомбных] погреб[ений]; еще больше на Н. Дону и в Днепро-Азовском регионе. А копают все кто угодно, кроме детсада.

Наша задача с тобой будет дифференциация донецких и харьковско-воронеж[ских] кат[акомбник]ов. Последних много у меня было в Сватово, Н. Ник[ольск]ом, Астрахани. Ну и у Клименко[4] Балаклея.

Тебе вскоре надо определить и утвердить тему. У нас, в Ин[ститу]те, скоро обещают ставки под новостройки. Но только в Киеве. Можно было бы сюда (и идеальнее), но прописка?

На реставрацию экспедиции в Вор[ошиловгра]де никаких надежд. 130 тыс. [рублей] на этот год! Область отдана КГУ[5]. То, что ходят слухи об уничтожении курганов – ужасно. Я не знаю как подступиться (Всякая критика, сигналы на эту тему от меня – оборачиваются для меня неприятностями). Ведь даже мой звонок к тебе в Енакиево[6] относительно

[1] Смирнов Александр Михайлович, археолог – в 1983 г. аспирант Н.Я. Мерперта в ИА РАН в Москве; с 1972 по 1981 гг. – сотрудник Северско-Донецкой экспедиции ИА АН УССР под руководством С.Н. Братченко.
[2] Пряхин Анатолий Дмитриевич, археолог. Речь идет о книге: А.Д. Пряхин, Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья (Воронеж 1982).
[3] Усачук Анатолий Николаевич, археолог; принимал участие в четырех полевых сезонах Северско-Донецкой экспедиции.
[4] Клименко Виктор Федорович (1937-2011), археолог.
[5] Киевский государственный университет.
[6] После совместных раскопок Славяногорского катакомбного поселения в июле-августе 1981 г. я был распределен на работу учителем в г. Енакиево, где и заканчивал отчет по итогам раскопок.

иллюстрац[ий] Славяногорс[ка]- I – был Писларием[7] дешифрован как вербовка тебя на дачу свидетельств о его фин[ансовых] нарушениях (бухгалтерия дала ему № тел[ефона], он узнал кому я звонил, сделал вывод и сообщил дир[ек]ции). На меня же смотрят как на опасного критикана; дир[екто]р[8] ставит всяческие препятствия, угрожает. К сожалению, курганы пущены под откос. Ведь в ин[ститутс]ких экспедициях нередко погребения летят. Экспедиции не обеспечены квалиф[ицированными] сотрудниками. Часто 1 сотрудник – нач[альни]к на 10-30 курганов. Мои кадры, попадая туда (Гошко, Будьласка, Шкарбан, П.Корниенко и др. – все недовольны), плакались, возмущены. Им в ответ: молчите – задавим.

К сожалению, правят карьеристы, которым наплевать на качество, суть дела. «Аби була галачка про виконання і формальний звіт». А потом масса находок теряется, гибнут коллекции или недоучтены вообще, в отчетах выборочные иллюстр[ации]. В итоге – обесценка, гибель результатов исследований.

Колоссальные денежные средства выбрасываются по сути более чем на ½ на ветер. Но за это рук[оводст]во еще получает премии от Президиума (часть суммы сдается туда – за экономию).

Ар<u>хео</u>логия – наука малограмотных.

Самое ужасное сейчас для меня – заставляют закрывать на это глаза, но вешать на меня (без сотрудников) выполнение тем по этим несовершенным раскопкам, где зачастую перепутано, нет необходимых данных и т.п.

Необходим отдел по спасению спасенного.

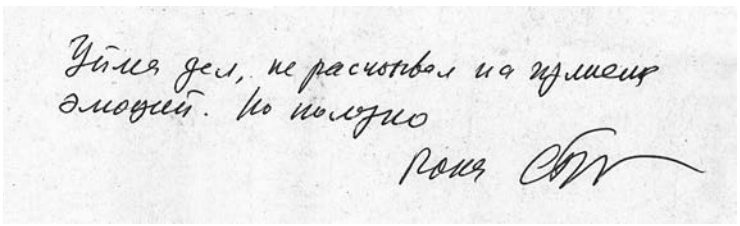
В шутку, иногда в серьез, я каркаю, что будет Нюрнбергский процесс над нами. Что там граф Уваров или Веселовский. В руках совр[еменных] «археологов» – арх[еологические] танки-бульдозеры.

Т.А. Шаповалов защищается в этом году. Оппонент один – Э.С. Шарафутдинова. Ребятам в Ворош[иловгра]де советую связаться с Обществом[9] (там по части арх.[еологии] оно не функционирует) с Упр[авлением] культуры. Бить на то, что памятники гибнут и выбивать экспедицию... Стыдно, за родной город. (Сравни Донецк, Ростов, Куйбышев). А Красильников[10] не хочет, и все. КГУ эти памятники не интересуют, только деньги, как способ существования новостр[оечной] группы.

Меня дир[ектор] соб[ирает]ся сунуть в кач[ест]ве нач[альни]ка автономного отряда в Черк[асскую] обл. Я упираюсь, но деньги не возьму, если пошлет (одного, конечно, на 10-15 курганов).

Ну не бардак ли это? И жаловаться некому. Это самодержавие, не просвещение. Делают лишь видимость работы, кипучей и т.п.

Уйма дел, не рассчитывал на излияние эмоций. Но полезно. Пока.



Др., проф. Сергей Санжаров, Луганский национальный университет им. В. Даля, кв. Молодёжный, 20-а, г. Луганск, e-mail: sansn58@yandex.ua

[7] Писларий Иван Афанасьевич. В 1981 г. начальник Северско-Донецкой экспедиции. И.А. Писларий решил переехать в Киев и ликвидировать постоянную базу в Ворошиловграде, с последующим увольнением всех сотрудников. Это вызвало коллективную жалобу сотрудников экспедиции в Президиум АН УССР. Инициатором этой жалобы И.А. Писларий объявил С.Н. Братченко. Экспедицию все равно сократили, всех сотрудников уволили, в том числе и самого И.А. Пислария, а находки без составления научного отчета по итогам раскопок 1981 года были переданы на хранение в Ворошиловградский областной краеведческий музей.

[8] Директор – Артеменко Иван Иванович.

[9] Ворошиловградское областное отделение Общества охраны памятников истории и культуры.

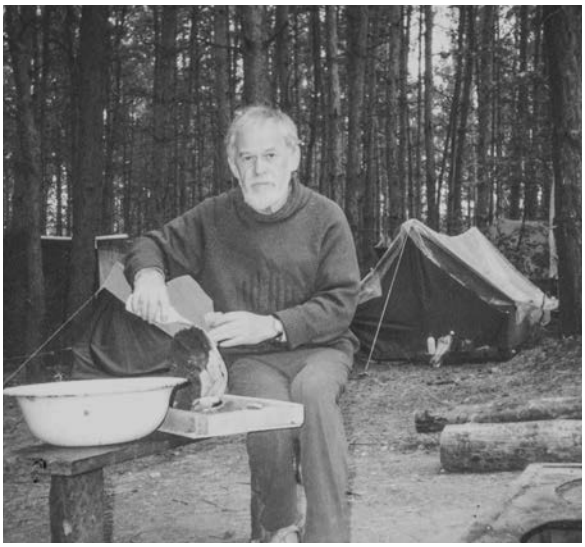
[10] Красильников Константин Иванович – преподаватель археологии Ворошиловградского государственного педагогического института.

«Тезова хвороба»

Станислав Никифорович не так часто приходил в Институт, угощая при этом коллег выращенными им топинамбурами. Ему, естественно, хотелось общаться и обсуждать наболевшие темы. Это касалось не только археологии. Тем не менее, он всегда возвращался к качеству раскопок, отчетов и публикаций. Всем известно его внимание к археологическим источникам. Те, кто работал с отчетами об исследованиях курганов в Научном архиве Института археологии НАН Украины, проводимых в зонах мелиорации, обязательно встречал, особенно в альбомах иллюстраций, на чертежах, его короткие карандашные специфические примечания и вопросы. В этой связи его начала «гложить», и очевидно давно, одна наболевшая тема, которой мы привычно, как впрочем и многому другому, не придавали особого значения, и даже наоборот, использовали по полной программе с целью увеличить число собственной издательской продукции.

Как-то он пришел в отдел и со свойственной ему интонацией и стилем, а говорил он чудесно на украинском языке, спросил, знаю ли я до чего мы докатились. Предугадать, о чем дальше будет идти разговор после такого вступления было сложно. Собственно, так часто бывало в разговорах со Станиславом Никифоровичем (иногда он мог, например, вдруг во время общения прочитать фрагмент стихотворения или прозаического произведения). А далее он продолжил: «Смотри, кроме тезисов на 1-2 страницы ничего найти нельзя. Это же какая-то тезисная болезнь» – в оригинале на украинском: «Це якась тезова хвороба» – Что с этим делать? Смотришь на ссылки – одни тезисы. А как же работать?» Даже периодически попадая на заседание Отдела энеолита-бронзы, Станислав Никифорович не раз увлекался, и от темы заседаний мог вдруг перейти к дискуссии по этому волнующему его вопросу. Это высказывалось с возмущением, но так, как его мог высказать С.Н. Братченко. Возмущаясь, он как-бы устанавливал неутешительный диагноз. Правда, не все его понимали, и выражали недовольство, мол, опять он о своем, чудак.

А ведь интересно, какую долю опубликованных работ занимают у исследователей 70-90 гг. одно- или двухстраничные тезисы докладов к довольно частым в то время конференциям, в которых принимать участие было необязательно, а тем более, издавать затем полноценную статью. Но часто можно было услышать в дискуссиях ссылки – а я уже писал/а на эту тему в таких-то тезисах. Поэтому Станислав Никифорович совершенно справедливо, но по своему, возмущался. Можно сказать, что это был тихий протест. Человек, работающий всю жизнь над археологическими источниками, со всей требовательностью относившийся к методике и качеству исследований, к публикации их результатов, вправе был говорить, что то, что мы имеем – это катастрофа.



С.Н. Братченко. 1999 год. Кременная, Глебова гора. Во время реставрации сосудов из погребений (фото из архива С.Н. Санжарова).

Действительно, смотришь дома на ряд полок, заставленных изданиями не самого высокого качества тезисов конференций, или заходишь в библиотеку Института, где есть специально отведенный стеллаж «под тезисы», и думаешь: «Хорошо бы видеть вместо них полноценные качественные издания».

Это лишь один из этюдов к воспоминаниям о Станиславе Никифоровиче Братченко. Другим таким этюдом были дискуссии об археологической терминологии на украинском языке. Например, введенное Станиславом Никифоровичем понятие чаши-курушки. Но это уже другая история.

Др. Юрий Рассамакин, Институт археологии НАН Украины, пр. Героев Сталинграда 12, 04210 Киев, e-mail: yuri.rassamakin@gmail.com

Письмо С.Н. Братченко от 07.06.1985 о проблемах, итогах и перспективах изучения раннекатакомбных погребений эпохи бронзы

Поводом для этого письма С.Н. Братченко стала его работа над подготовкой сборника, посвященного изучению раннекатакомбных памятников эпохи бронзы по всему ареалу их распространения. Возможно, подобные письма он отправил и другим потенциальным участникам этой, как он планировал, коллективной работы.

В письме изложена программа изучения ранних «катакомбников», подведены некоторые итоги, перечислены проблемы, намечены наиболее перспективные направления и даже описаны некоторые приемы описания, типологизации и анализа материалов. Вот почему, несмотря на частный характер письма, оно, на мой взгляд, заслуживает публикации. Многое из высказанного в письме актуально и сегодня, тем более, что в полном объеме проблема пока так и не решена.

Некоторые из изложенных соображений, Станислав Никифорович проиллюстрировал небольшими, но типологически точными рисунками, размещенными прямо в тексте. Кроме этого, к тексту письма он приложил копии двух схем, поясняющих принципы описания катакомб и положения погребенного. Рисунки и схемы воспроизведены в факсимильной копии письма.

Текст письма публикуется в полном объеме, встречающиеся в нем сокращения раскрыты в квадратных скобках. Пояснения к тексту вынесены в примечания.

Письмо написано С.Н. Братченко 7 июня 1985 г. в Киеве. На конверте указан его обратный домашний адрес.

Стоит напомнить, что в 80-е годы выделение ранних катакомбных памятников было одной из актуальных тем в изучении культур эпохи бронзы восточноевропейской степи и как следствие – предметом острых дискуссий.

Причин для дискуссий было несколько, в том числе результаты систематизации материалов с использованием метода сравнительной стратиграфии и типологии погребальных сооружений. Этот метод, успешно примененный еще В.С. Городцовым, безотказно работал при выделении хронологических обрядовых групп, но оказался мало пригодным для определении ключевых рубежей культурной изменчивости. Парадокс состоял в том, что по всей области распространения ранних погребений в катакомбах, именно катакомба появлялась позднее всех остальных региональных культурных признаков – большинства типов погребального инвентаря и даже позы погребенных. Из письма С.Н. Братченко становится понятным, что этот парадокс он воспринимал как стимул к поиску эпицентра возникновения катакомбной культурной традиции, которого, на самом деле, может и не быть, а вся проблема сведется к необходимости пересмотра «городцовских» признаков культур.

К моменту отправки письма у С.Н. Братченко уже была репутация одного из лидеров в области исследований бронзового века в европейской степи. Его приверженность доказательной археологии была бескомпромиссной. Научный авторитет С.Н. Братченко в равной степени базировался на всесторонней аргументированности его аналитических выкладок и эталонном уровне методики археологических раскопок. Он был одним из создателей признанной школы полевых исследований степных курганов. Разработанная в Северско-Донецкой экспедиции методика и приемы раскопок, формы полевой документации по качеству и полноте намного опережали официально принятые стандарты того времени.

Прорывной характер исследований в степной археологии во многом был связан с массовыми «новостроечными» раскопками и значительным количеством участвующих в них профессиональных археологов. Невиданные прежде объемы материалов требовали статистических методов их обработки, невозможных без строгой процедуры выделения, описания и систематизации признаков. Такая работа объективно требовала объединения усилий многих заинтересованных исследователей, но в условиях 80-х научная кооперация с таким размахом, как разочарованно отметил в своем письме С.Н. Братченко, была иллюзией.

Работа по систематизации ранних катакомбных погребений в том объеме, как себе представлял С.Н. Братченко, не завершена и сегодня, а перспективы объединения усилий, как и в прежние годы, остаются иллюзорными.

В существующей сегодня грантовой системе исследования, подобные намеченному С.Н. Братченко, если и не считаются откровенно старомодными, то в список приоритетных научных задач точно не входят. Это принципиальное, обременительное и, надеюсь, временное заблуждение тормозит развитие археологии, так как полевые исследования и пространственно-временная систематизация явлений культуры составляют ее фундаментальную часть – основу для моделирования процессов культурной изменчивости и понимания их исторического смысла.

Вот почему задача тотальной культурно-хронологической типологизации, которой С.Н. Братченко посвятил свою жизнь, должна оставаться в повестке дня современной археологии под номером 1.

Здравствуй, Витя!

Спасибо за сборничек и напоминание, подталкивание… Я еще в конце 84 г. собирался выслать в некотором роде программу по ранним катакомбникам, но задерживало размножение всяких схем – табл[иц] погр[ебального] обряда, способов замеров и т.п. Была идея (иллюзия!) объединить всех в работе над этим пластом в разных регионах и соответственно работать по общим принципам в анализе и подаче новостройками (как и я в свое время).

Твой автореферат у меня постоянно на столе. Но как все закодировано. Я в общем закончил анализ р[анне]кат[акомбного] пласта на Донце, коснулся Н. Дона, Северного Приазовья, немного Калмыкии. Вопросов, проблем стало много (решены немногие, хотя и важные).

Итак, прежде всего, отвечаю.

Объем статьи 1 п.л. (максимум 1,5), количество иллюстраций 0,3 (т.е. на 1 п.л. можно до 5-6 иллюстр[аций] в табл[ичном] измерении, текст около 15-16 стр. – все ориентировочно).

Сноски постранично, текст в 2 экз., аннотации к рис. (табл.), подписи на обороте рис(унк)ов карандашом (название статьи, автор, рис. №).

О содержании.

1. *Историография – кратко и применительно к южному кубанскому предкавказскому) региону – чтобы не повторяться (с вступлением не более 1 стр. машинописи). Сжато о ближайшей территории – Н. Дону – Кияшко*[11]*, я.*

Кстати, у меня у меня р[анне]кат[акомбный] пласт включен в донецкий тип, но на стр. 144[12] *я указал на возможность выделения раннего, сославшись на Кияшко В.Я. (откровенно – не хотел забирать его тему – он должен был обстоятельно осветить). Но и на С. Донце, когда я писал работу «Нижнее Подонье» было всего лишь 5-6 погребений этого пласта, к тому же растерзанных комплексов, плохо зафиксированных.*

Сейчас я провел основательные сопоставления р[анне]кат[акомбных] памятников С. Донца, Н. Дона (правда, здесь материал лишь по 1968 г. + то, что опубликовано), Приазовья Северного и убедился, что на Донце – это ранний этап донецкой кат[акомбной] к[ульту]ры (или донецко-донской с двумя лок[альными] вариантами), в С. Приазовье – Н. Подонье – днепроазовской кат[акомбной] к[ульту]ры.

[11] Кияшко Владимир Яковлевич, археолог, автор периодизации культур Нижнего Подонья в эпоху энеолита – бронзы (1974 г.).
[12] Имеется в виду книга: С.Н. Братченко, Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (Киев: Наукова думка 1976).

Термин «преддонецкий» горизонт, особенно распространяемый Сафроновым[13], неудачный, лишен смысла. Следует говорить о раннекатак[омбном] пласте, гориз[он]те, пам[ятни]ках. Фиктивна и его «приазовск[ая] кул[ьту]ра».

2. Высылаю схемы некоторых замеров. Схема замеров кат[акомбного] погребального сооружения сложна, но необходима. Кроме того, я фиксировал сохранившуюся высоту стенок входн[ой] шахты. Замеры произведены на верхн[ем] уровне (т.е., с которого шахта исследовалась), а также на уровне заплечиков, над лазом. Результаты близки, но есть и расхождения.

3. Сообщу о некоторых результатах.

Основным критерием выделения р[анне]кат[акомбных] погребений является[14] «Т»-видная катакомба с длинным лазом в шахте (по бокам по одному или двум заплечикам-ступенькам). Непонятное исключение – 2-3 катакомбы с окр[углыми]-прямоуг[ольными] небольшими шахтами без лаза (на Н. Дону также прямоуг[ольные] шахты без лаза. Но все они, эти аномалии хар[актер]ны лишь для детских погребений. Отнесены к р[анне]кат[акомбному] периоду по сопровождающему инвентарю. ~~идентичному~~

«Т»-видные без лаза, или с коротким лазом более позднiе. Входная шахта прямоугольная, т.е. с камерой под узкой стенкой[15] (если скошенные углы – то это срезанные ступени)[16]. Различаю лаз в шахте (см. схему) и лаз в простенке. Соотношение длины лаза к длине шахты [L_3/L_2] определял без учета тыльной ступени, т.е. на ур[овне] заплечиков (так как какая-то часть ступени или ступеней бывает несколько ~~нередко~~ срезана, а иногда и вся). Индекс L_3/L_2 у меня для раннедонецкой к[атакомбной к[культуры] = 1 – 0,5. Катакомбы с меньшим индексом (<0,5) относятся уже к среднему периоду – по всему контексту, а те, у которых он около 0,5[17] – к поздней фазе раннего периода.

Также катакомбы «Н»-видной формы, т.е. с камерой под широкой (продольной) стенкой шахты – более поздние (это преобладающий тип для донецк[ой] к[атакомбной] к[ульту]ры среднего и позднего периодов. Лаз в основном у них короткий, очень редко длинный. Вход в камеру (иначе лаз в простенке) – это узкий или широкий во всю стену[18].

Камеры, как на Донце, так и на Н. Дону преоблад[ают] овальные, затем ПУ или ОВ (окр[углые]) – ПУ (прямоуг[ольные]).

Удивительно, что ранние катакомбы такие сложные по конструкции! На С. Донце (реже на Н. Дону) лаз завален в больш[инстве] случаев камнями (иногда и вся шахта), а вход в камеру – плитами, в том числе и антропоморфными (есть и настоящая стела с вторичн[ой] обработкой). Это отмечено и в С. Приазовье.

Положение погреб[енны]х слабо скорченное (от 170°), очень важен угол в коленях – тупой, прямой, реже 60-40° (замеры по пр[авой] ноге).

Погреб[альное] приданое – не во всех катакомбах, сосуды относительно редки, Ж (жаровни) всего в 5 погребениях на 70 (на Н. Дону – очень мало).

[13] Сафронов Владимир Александрович (1934-1999), археолог, специалист по культурам эпохи бронзы Восточной Европы и Северного Кавказа. Имеется в виду работа: Н.А. Николаева, В.А. Сафронов, Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе. В: Катакомбные культуры Северного Кавказа (Орджоникидзе 1981), 4-26.
[14] Зачеркнуто «вх[одная] шахта».
[15] Рисунок в тексте.
[16] Рисунок в тексте.
[17] Возможно, имелся в виду индекс 0,05, т.е. те случаи, когда лаз в 4 раза короче длины шахты.
[18] Рисунок в тексте.

Однако почти 1/3 погр[ебений] с бр[онзовыми] ножами и стержнями[19]*. Это самая высокая встречаемость для кат[акомбных] памятников всей кат[акомбной] культ[урно]-ист[орической] обл[асти] всех периодов.* Прочее:[20]

Совершенно нет молоточков[идных] булавок и пронизей (на Н. Дону ряд комплексов есть).

Любопытно, что единственные на Донце на более 1000 кат[акомбных] погр[ебений] 2 молоточков(идных) булавки с сигаровидн[ым] стержнем (подобные комплексу из Бородаевки и предкавказским) происходят из комплексов среднего этапа (тоже отмечает Кияшко и для Н. Дона). В Сев. Приазовь[е] – Н. Поднепровье сигаров[идных] булавок вообще нет (здесь все стержнев[идные] из ямных и р[анне]кат[акомбных] погр[ебений]). На Донце булавок вообще нет и в ямных комплексах.

В отношении керамики. На 20 сосудов – 7 круглод[онных[ямного типа, остальные – р[анне[кат[акомб]ные[21] *и лишь 3 хар[актер]ные для среднего периода*[22]*. На Н. Дону ямных сосудов меньше, а в Приазовье – Н. Поднепровье – уйма. Связь с ямным миром повсюду безусловна – и по керамике, и по положению костяков, размещению приданого, его ассортименту и типолог[ическому] облику (даже по размерам ям и входных шахт).*

Меня заинтересовало то обстоятельство, что в Н. Прикубанье молот[очковидные] булавки с сигаров[идным] стержнем[23] *появляются уже в твоей предкат[акомбной] группе* (*как и бр[онзовые] бляхи – очевидно не медальоны? и роговые посошковидные) и есть в р[анних] кат[акомбах], как и бр[онзовые] посошковидные.*

Очевидно, В.А. Сафронов не совсем прав в отношении эволюции молт[(очковидных] рог[овых] булавок[24]*. Они, вероятно, сосуществуют (хотя с прямым стержнем появляются раньше).*

Любопытно, что бронз[овые][25] *на Н. Дону выезжают* [?] *в ср[едний] (на Донце их нет) период (в раннем, по моим данным нет), а на Донце*[26] *сигар[овидные] и сосуды с лощеной поверх[ностью] (амфоры)*[27] *встречены также в комплексах среднего периода (но ранней фазы), как бы запаздывание (а на Ср. Дону спирали, но с петлев[идным] окончанием*[28] *– в ср[еднем] периоде.*

По моим заключениям в Калмыкии р[анне]кат[акомбного] пласта нет (лишь 5-6 погребений с его чертами в «Т»-видных шахтах, но лаз?) Фиксация недостаточная. Во всяком случае [неразборчиво – *В.Т.*] *слабое и редкое?*

Интересно территориальное распределение р[анне]кат[акомбных] погребений. Убывают к северу, востоку и к западу. На Донце их концентрация в ср[еднем] течении реки (район Ворош[иловгра]да) выше, в районе раскопок В.А. Городцова всего 5, на лев[обержье] Донца – 3, на Ср. Дону нет вообще, на Правобер[ежье] Днепра очень мало (Ингул, Ю. Буг - около 7% от всех кат[акомбны]х). Районы исследованы достаточно (не менее 200 погр[ебений], [неразборчиво – *В.Т.*] *> 1000).*

На С. Донце – в зоне концентрации к[оличест]во р[анне]кат[акомбны]х погребений совпало совпало с количеством позднеямных (! – что? как это интерпретировать?). Частотность р[анне]кат[акомбны]х погр[ебени]й я определял в % от общего числа кат(акомбны)х

[19] Видимо, имеются в виду шилья.
[20] Рисунок с пояснениями в тексте.
[21] Рисунок с пояснениями в тексте.
[22] Рисунок в тексте.
[23] Рисунок в тексте.
[24] Имеется в виду статья: Н.А. Николаева, В.А. Сафронов, Происхождение костяных молоточковидных булавок. КСИА, вып. 142, 1975, 11-17.
[25] Рисунок бронзовой посошковидной булавки в тексте.
[26] Рисунок молоточковидной булавки с сигаровидным стержнем в тексте.
[27] Рисунок в тексте.
[28] Рисунок в тексте.

погр(ебени)й (с ± –в зависимости от выборки). В луганском, основном районе они составляют 12±2,7% (60 на 510 всех кат[акомбны]х), на Н. Дону 18,5±5,2% (40 на 210, Правобережье) и 10,5±4% (21 на 200 – Левобережье, Цимлянск – ниж[ний] Маныч).

Однако в Сев. Приазовье их % намного выше – 40±11% (60 на 149 погр[ебений] – выборка неполная, есть еще).

Интересно определить частотность и для Н. Прикубанья (правда я задумываюсь над оправданностью методики – ведь на % в данном случае влияет количество погребений и ср[еднего] и позд[него] периодов: заселенность могла измениться. Так в Сев. Приазовье мне показалось мало поздних кат[акомбных] захоронений).

Это важно для определения первичной зоны, эпицентра р[анне]кат[акомбных] образований (их ареал уже (меньше) ямной области. Лишь на ср[еднем[этапе он значительно расширяется).

Интересно, что и чаши на 4-х ножках (курильницы?) есть только на С. Донце, Н. Дону (по 1 экз.) и у вас[29].

Хотя они ближе всего к михайловским[30] (но разница в месторасполож[ении] орн[амен]та), но их нет здесь[31] в р[анне]кат[акомбных] погр[ебени]ях (редки в ямных, угли, зола в них не встречены – они близки баденским и др[угим] дунайского круга – там есть они и из дерева - напр. см. Behrens H. Die Jungsteinzeit im Mittelelbe-Saale-Gebiet. Veröffentlich, 1973[32]. Культура шнуровой керамики. Из дерева где-то я видел и на Сев. Кавказе – кажется в СА[33], ближе к Дагестану).

Хорошо бы дать схему (в рис[ун]ках) – предшеств[ующих] групп – предкат[акомбн]ой, н[ово] титаровской, ямной и что связывает р[анне]кат[акомбный[пласт с ними.

Лето у меня пока неопределенное. Поэтому надежнее присылать в конце сентября – октябре, когда я точно буду в Киеве.

Привет всем.

7.VI-1985

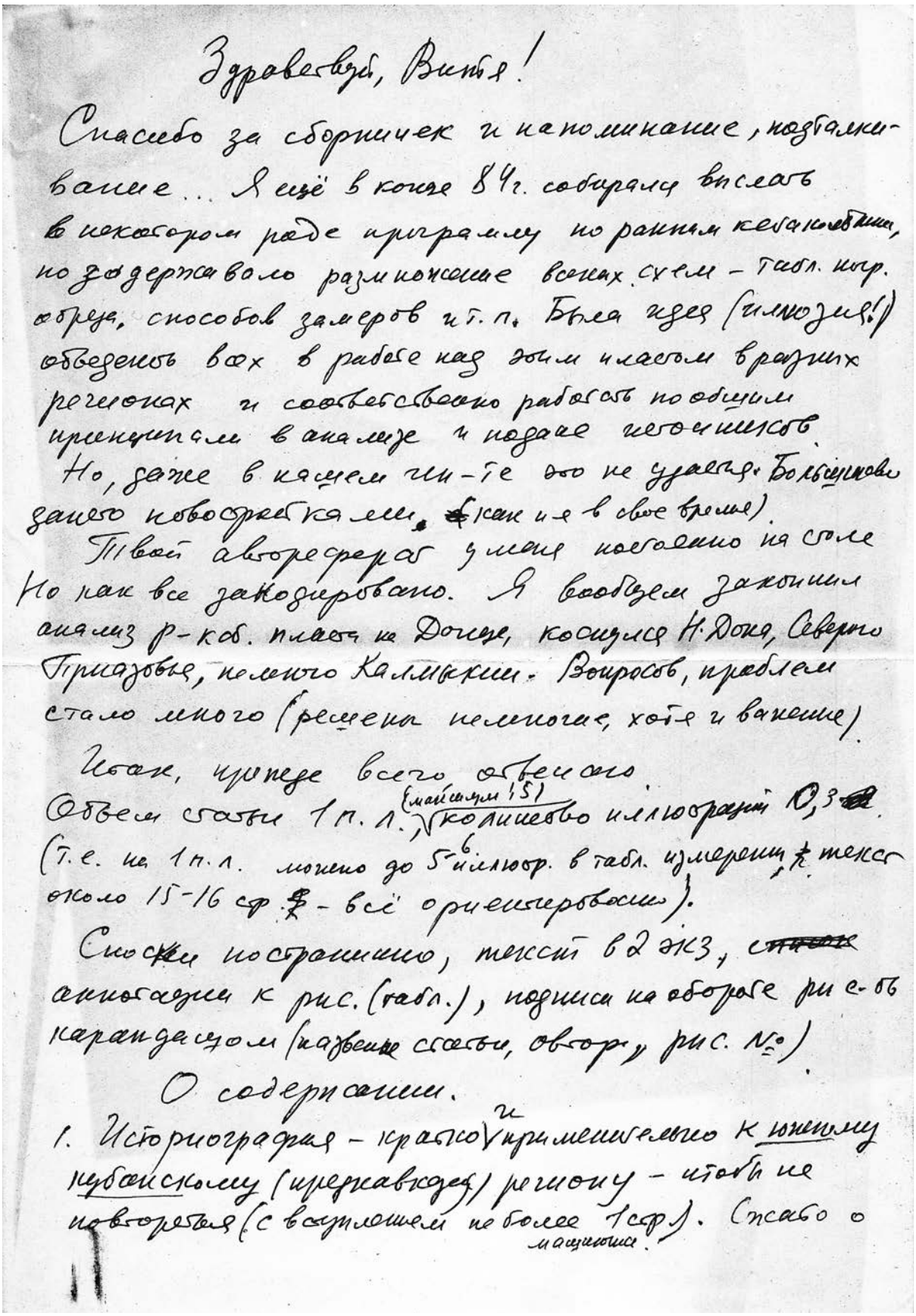
См. на обороте

Любопытна эта фляга из Костромской, 1897 (см. кальку). Меня она заинтересовала, так как это единств[енная] близкая аналогия фляге из р[анне]кат[акомбного] погребения на Н. Дону (Семикаракорская ½ - Археологические памятники Н. Подонья, ч.1, 1974[34])[35]

Если будет возможность выяснить в архиве ЛОИА какой это комплекс сообщи.

[29] Имеется в виду Нижнее Прикубанье.
[30] Имеется ввиду поселение Михайловка в Нижнем Поднепровье.
[31] Имеется ввиду Нижнее Поднепровье.
[32] Полное название: H. Behrens, Die Jungsteinzeit im Mittelelbe-Saale-Gebiet. Veröffentlich. d. Landesmus. f. Vorgeschichte in Halle 27 (1973).
[33] Журнал «Советская археология».
[34] Полное название: Археологические памятники Нижнего Подонья, ч.1 (Москва: Наука, 1974).
[35] Рисунок с пояснениями в тексте.

Факсимильная копия письма С.Н. Братченко адресованного В.А. Трифонову



Здравствуй, Витя!

Спасибо за сборничек и напоминание, подталкивание... Я ещё в конце 84 г. собирался выслать в некотором роде программу по ранним кеба колебаниям, но задерживало размножение всяких схем – табл. погр. обреза, способов замеров и т. п. Была идея (иллюзия!) объединить всех в работе над этим пластом в разных регионах и соответственно работать по общим принципам в анализе и подаче источников.

Но, даже в нашем ин-те это не удастся. Большинство занято новостройками, (как и я в свое время).

Твой автореферат у меня постоянно на столе. Но как все закодировано. Я вообще закончил анализ р-ков. пласта на Донце, коснулся Н. Дона, Северного Приазовья, немного Калмыкии. Вопросов, проблем стало много (решены немногие, хотя и важные).

Итак, прежде всего отвечаю.

Объем статьи 1 п. л. (максимум 1,5), количество иллюстраций 10,3 (т. е. на 1 п. л. можно до 5-6 иллюстр. в табл. измерении, текст около 15-16 стр. – всё ориентировочно).

Сноски постраничные, текст в 2 экз., ~~[illegible]~~ аннотации к рис. (табл.), подписи на обороте рис-ов карандашом (название статьи, автор, рис. №).

О содержании.

1. Историография – кратко и применительно к южному кубанскому (предкавказскому) региону – чтобы не повторяться (с вступлением не более 1 стр. машинки). Сжато о

2

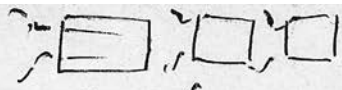
ближайшей территории – Н. Дону – Киешко, я,
Кстати, у меня р-каб. пласт. включен в донецкий тип,
но на стр. 144. я указал на возможность выделения раннего,
сославшись на Киешко В.Я. (откровенно – не хотел
забирать его тему – он должен был обстоятельно осветить)
Но и на С. Донце, когда я писал работу „Нижние Подонье"
было всего лишь 5-6 погр. этого пласта, к тому же
растерзанных комплексов, плохо зафиксированных.
Сейчас я провел основательные сопоставления
р-каб. пам-ов С. Донца, Н. Дона (правда, здесь материалы
лишь по 1968 г + то, что опубликован), Приазовья Северного
и убедился, что на Донце и Н. Дону – это ранний
этап. донецкой каб. к-ры (или донецко-донской – общий лок. вариант), в С. Приазовье – Н. Подонье
– днепро-азовск. каб. к-ры.

Термин „преддонецкий" горизонт, особенно
распространяемый Сафроновым неудачный,
лишен смысла. Следует говорить о раннекатан.
пласте, гориз-те, пам-ках. Фиктивна и его „приазовск.
кул-ра"

2. Высылаю схемы некоторых замеров
(схема замеров каб. погр. сооружения сложна, но необходима
Кроме того, я фиксировал сохранившуюся высоту стенок входн. шахты
Замеры произведены на верхн. уровне (т.е., с которого шахта
исследовалась) а также на уровне заплечиков, над лазом.
Результаты близки, но есть и расхождения

3. Сообщу о некот. результатах.
Основным критерием выделения р-каб. погребений является
~~в шахте~~ „Т"-видная катакомба с длинным лазом
в шахте (по бокам ~~[illegible]~~ по одному или двум заплечикам-ступенькам)

Непонятное исключение – 2-3 катакомбы с окр.-прямоуг.
небольшими шахтами без лаза (на Н. Дону также
прямоуг. шахты без лаза). Но все они, эти аномалии
хар-ны лишь для детских погребенных. Отнесены к
р.каб. периоду по сопровождающим инвентарю. ~~[illegible]~~
„Т"-видные, без лаза, или с коротким лазом более поздние

т.е. →  т.е. с камерой под узкой стенкой

(3

Вх. шахта прямоугольная, трапециевидная (если скошены углы – то это срезанные ступени). Различаю лаз в шахте (см. схему) и лаз в простенке. Соотношение длины лаза к длине шахты [L_3/L_2] определял. без учета тыльной ступени, т.е. на ур. заплечиков (так как какая-то часть ступени или ступеней – бывает несколько – ~~перед~~ срезана, а иногда и вся). Индекс L_3/L_2 у меня для ранне донецкой к.к = 1 – 0,5. Катакомбы с меньшим индексом (< 0,5) относятся уже к среднему периоду – по всему контексту, а те, у которых он около 0,5 – к поздней фазе раннего периода. Дно лаза преимущ. наклонное, реже горизонт-ое.

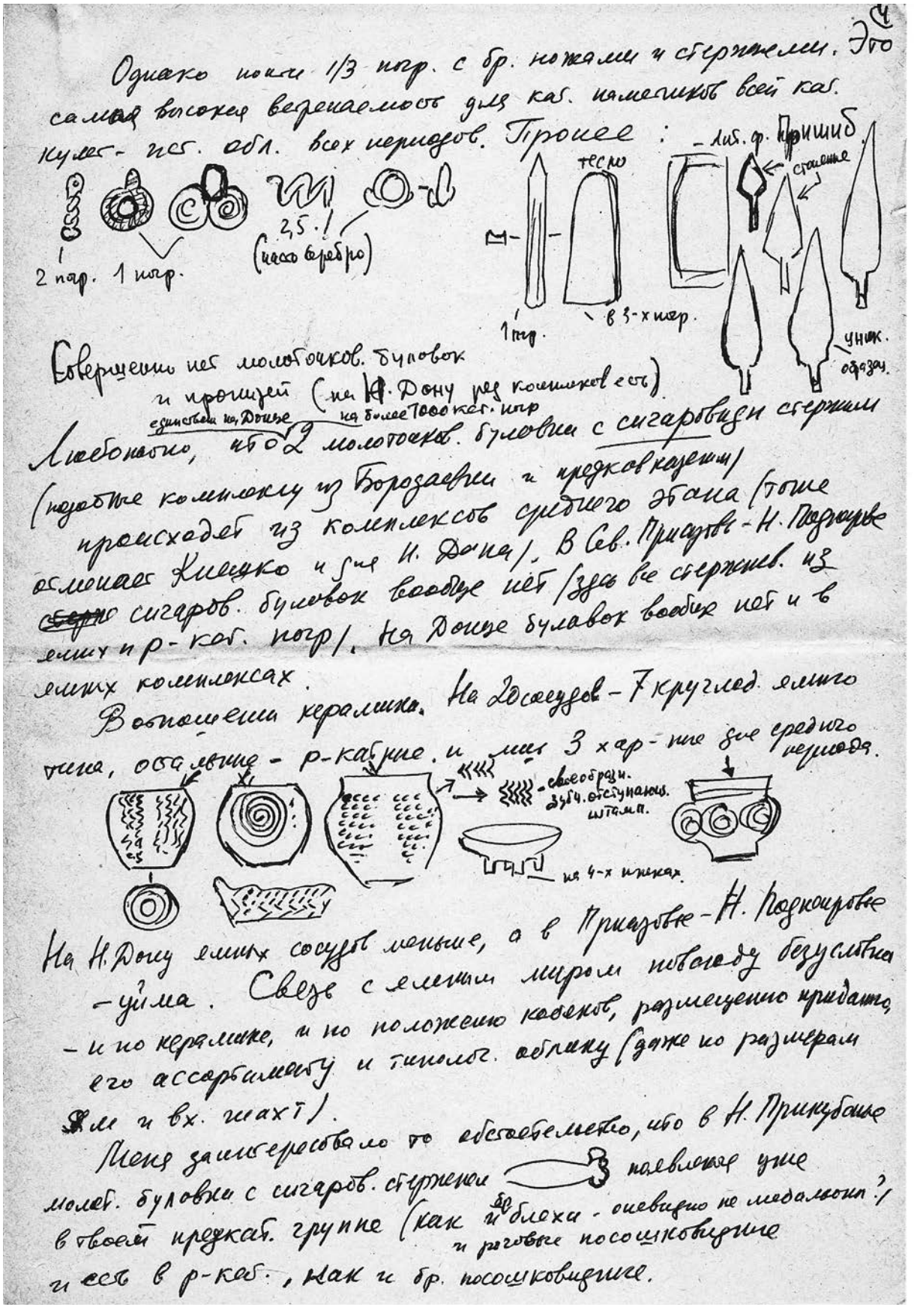
Также катакомбы с „Н"-видной формы, т.е. с камерой под широкой (продольной) стенкой шахты – более поздние (это преобладающий тип для донецк. к.к-ры среднего и позднего периодов). Лаз в основном у них короткий, очень редко длинный. Вход в камеру (иначе лаз в простенке) узкий или широкий, во всю стенку. это

Камеры, как на Донце, так и на Н. Дону преоблад. овальные, затем ПУ или ОВ.(окр.) – ПУ (прямоуг.)

Удивительно, что ранние катакомбы такие сложные по конструкции! На С. Донце (реже на Н. Дону) лаз завален в больш. случаев камнями (иногда и вся шахта), а вход в камеру – плитами, в том числе и антропоморфными (есть и настоящие стела со вторичн. обработкой). Это отмечено и в Сев. Приазовье.

Положение погреб-х слабо скорченное (от 170°), очень важен угол в коленях – тупой, прямой, реже 60-40° (замеры по кр. ноге).

Погреб. приданное – не во всех катакомбах, сосуды относительно редки, Ж (жаровни) всего в 5 погр. на 70 (на Н. Дону – очень часто)



Однако почти 1/3 погр. с бр. ножами и стержнями. Это самая высокая встречаемость для каг. наметников всей каг. культ.-ист. обл. всех периодов. Прочее:

2 погр. 1 погр. 2,5 (часто серебро)

тесло 1 погр. в 3-х погр. — лит. ф. Пришиб. стоянка. уник. образец.

Совершенно нет молоточков. буловок и пронизей (на Н. Дону ред. комплексов есть).

Любопытно, что единственно на Донце 2 молоточков. буловки с сигаровидн. стержнем на более 1000 каг. погр. (подобные комплексу из Бородаевки и предкавказским) происходят из комплексов среднего этапа (тоже отмечает Кнешко и для Н. Дона). В Сев. Приазовье-Н. Подкаирове сигаров. буловок вообще нет (здесь все стержнев. из ямных и р-каг. погр.). На Донце булавок вообще нет и в ямных комплексах.

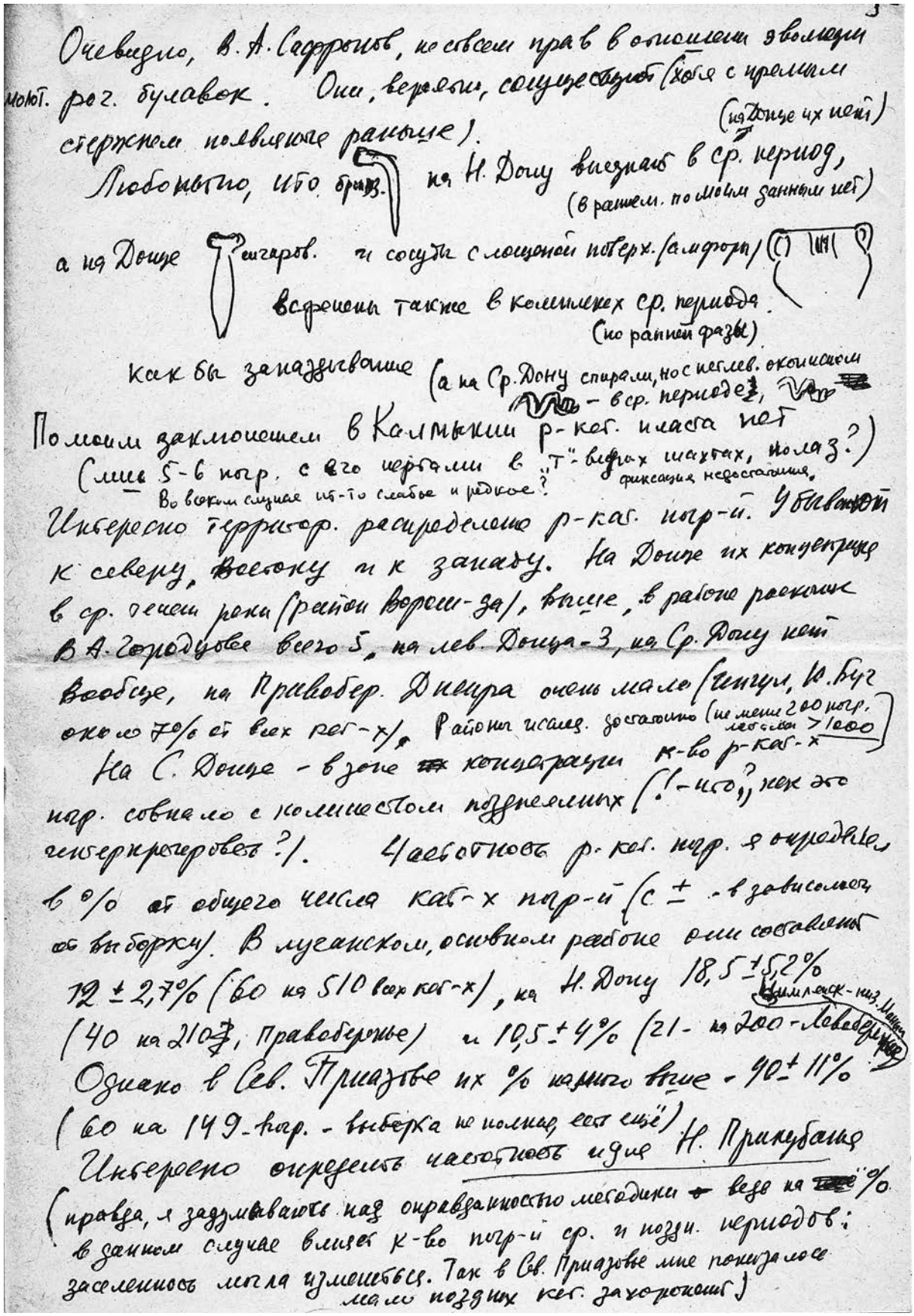
В отношении керамики. На 20 сосудов — 7 круглод. ямного типа, остальные — р-катные. и лиц 3 хар-ные для среднего периода.

— своеобразн. зубч. отступающ. штамп. на 4-х ножках.

На Н. Дону ямных сосудов меньше, а в Приазовье-Н. Подкаировке — уйма. Связь с ямным миром повсюду безусловна — и по керамике, и по положению кобяков, размещению придатка, его ассортименту и типолог. облику (даже по размерам ям и вх. шахт).

Меня заинтересовало то обстоятельство, что в Н. Прикубанье молот. буловки с сигаров. стержнем появляются уже в твоей предкат. группе (как и бр. блехи — очевидно не медальоны?) и роговые посошковидные и есть в р-каг., как и бр. посошковидные.

3



Очевидно, В. А. Сафронов, не совсем прав в отношении эволюции молот. рог. булавок. Они, вероятно, сосуществуют (хотя с прямым стержнем появляются раньше).

Любопытно, что бриз. на Н. Дону выезжают в ср. период, (на Донце их нет) (в раннем. по моим данным нет)

а на Донце сигаров. и сосуды с лощеной поверх. (амфоры) (?)

всфечены также в комплексах ср. периода. (по ранней фазы)

как бы запаздывание (а на Ср. Дону спирали, но с неглев. окончанием – в ср. периоде,

По моим заключением в Калмыкии р-кат. пласта нет (лишь 5-6 погр. с его чертами в „Т"-видных шахтах, полаз?) фиксация недостаточна. Во всяком случае что-то слабое и редкое?

Интересно территор. распределение р-кат. погр-й. Убывают к северу, востоку и к западу. На Донце их концентрация в ср. течении реки (район Ворош-за), выше, в районе раскопок В. А. Городцова всего 5, на лев. Донца – 3, на Ср. Дону нет вообще, на Правобер. Днепра очень мало (Ингул, Ю. Буг около 7% от всех кат-х). Районы исслед. достаточно (не менее 200 погр. лесами > 1000)

На С. Донце – в зоне концентрации к-во р-кат-х погр. совпало с количеством позднеямных (!-что?, как это интерпретировать?). Частотность р-кат. погр. я определял в % от общего числа кат-х погр-й (с ± – в зависимости от выборки). В луганском, основном районе они составляют 12 ± 2,7% (60 на 510 всех кат-х), на Н. Дону 18,5 ± 5,2% (40 на 210, Правобережье) и 10,5 ± 4% (21 – на 200 – Левобережье) Цимлянск-низ. Манычи

Однако в Сев. Приазовье их % намного выше – 40 ± 11% (60 на 149 – погр. – выборка не полная, есть ещё)

Интересно определить частотность и для Н. Прикубанья (правда, я задумываюсь над оправданностью методики – ведь на % в данном случае влияет к-во погр-й ср. и поздн. периодов: заселенность могла измениться. Так в Сев. Приазовье мне показалось мало поздних кат. захоронений)

6

Это важно для определения первичной зоны, эпицентра р-каб. образований (их ареал уже (меньше) ямной области. Лишь на ср. этапе он знач. расширяется)

Интересно, что и чаши на 4-х ножках (курильн.?) есть только на С. Донце, Н. Дону (по 1 экз.) и у Вас. Хотя они ближе всего к михайловским (но разница в месторасположе. орн-та), но их нет здесь в р-каб. погр-ях (редки в ямных, учли, зола в них не встречены — они близки баденским и др. дунайского круга — там есть они и из дерева — напр., см. Behrens H. Die Jungsteinzeit im Mittelelbe-Saale-Gebiet, 1973 к-ра шнур. кер-ки из дерева где-то я встречал и на Сев. Кавказе — Кажется в СА, ближе к Дагестану).

Хорошо бы дать схему (в рис-ках) предшеств. групп — пред. каб-ой, н-титаровск. ямной — и что связывает р-каб. пласт с ними.

Лето у меня пока неопределенное. Поэтому надежнее присылать в конце сентября — октябре, когда я точно буду в Киеве. рок присылки

Привет всем

7.VI-1985 [подпись]

См. на обороте

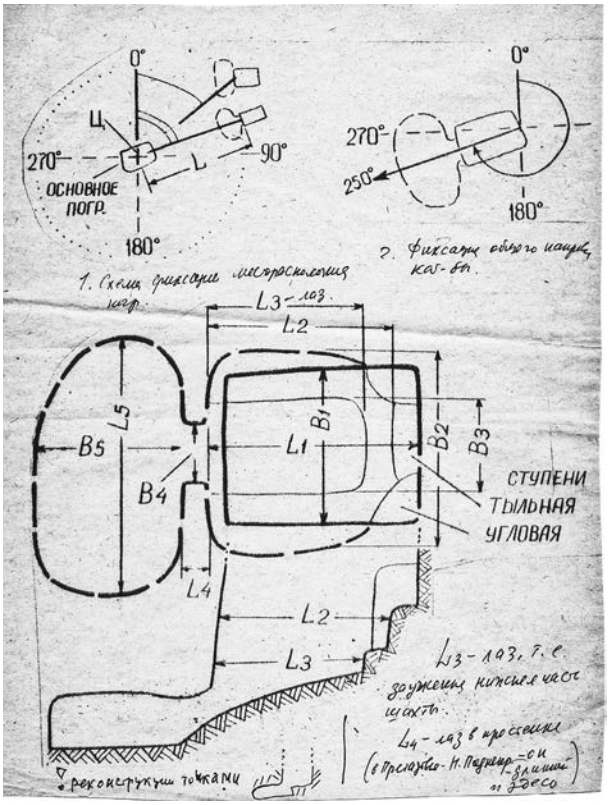
Любопытна эта флага из Костромской, 1897г (см. кальку) Меня она заинтересовала, так как это единств. близкая аналогия флага из р-каб. погр. на Н. Дону (Семикаракорская 1/2 ⇨ Арх. нам-ки Н. Подоля ч. I, 1974г.)

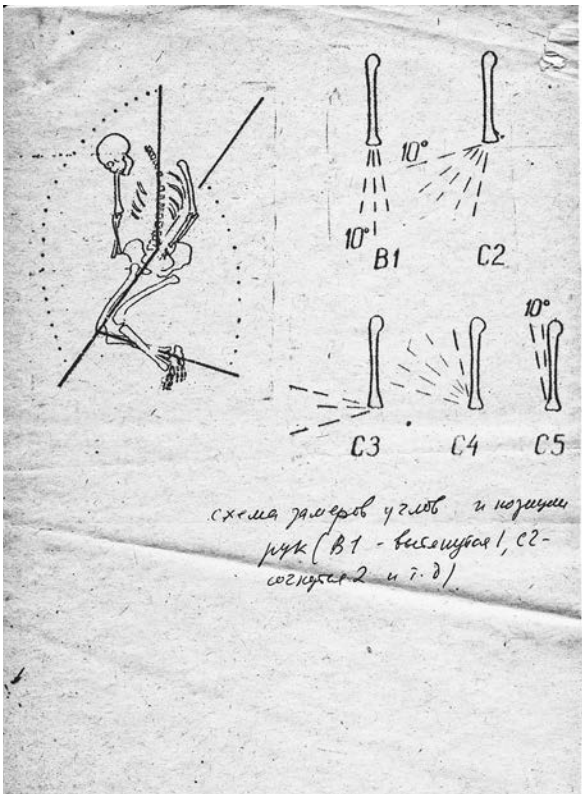
— эти ушки там интерпретируют как ножки

Если будет возможность выяснить в архиве ЛОИА какой это комплекс сообщи

Приложение к письму С.Н. Братченко:

1. Схема фиксации месторасположения погребения.
2. Фиксация общего направления катакомбы.
3. Схема основных обмеров катакомбы (L_3 – лаз, т.е. зауженная нижняя часть шахты; L_4 – лаз в простенке (в Приазовье – Н. Поднепровье он длинный).
4. Схема замеров углов и позиции рук (В1 – вытянутые 1; С2 – согнутая 2 и т.д.)





Др. Виктор Трифонов, Институт истории материальной культуры, Российская академия наук, Дворцовая набережная 18, 191186 Санкт-Петербург, e-mail: viktor_trifonov@mail.ru

Lista abrevierilor

AAC	Acta Archaeologica Carpathica. Kraków
ACSS	Ancient civilizations from Scythia to Siberia. Leiden
ActaMM	Acta Moldavie Meridionalis. Anuarul Muzeului Judeţean Vaslui, Vaslui
ActaMN	Acta Musei Napocensis. Muzeul Naţional de Istorie a Transilvaniei, Cluj-Napoca
ActaMP	Acta Musei Porolissensis. Zalău
AÉ	Archaeologiai Értesítő. Budapest
AIIA Iaşi	Anuarul Institutului de Istorie şi Arheologie „A.D. Xenopol", Iaşi
AISC	Anuarul Institutului de Studii Clasice Cluj , Sibiu
AJA	American Journal of Archaeology, Boston
AMIT	Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan, Berlin
ArchÉrt	Archaeologiai Értesítő, Budapest
L'Anthropologie	L'Anthropologie, Paris
Apulum	Acta Musei Apulensis. Arheologie, Istorie, Etnografie
ArhMold	Arheologia Moldovei. Institutul de Arheologie, Iaşi
Athenaeum	Athenaeum. Studi Periodici di Litteratura e Storia dell'Antichità
BAI	Bibliotheca Archaeologica Iassiensis, Iaşi.
BAVA	Beiträge zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. München.
BerRGK	Bericht der Römisch-Germanischen Kommission des Deutschen Archäologischen Institutes, Frankfurt am Main
BMA	Bibliotheca Memoriae Antiquitatis, Piatra-Neamţ
BPS	Baltic-Ponties Studies, Poznan
Britannia	Britannia. A Journal of Romano-British and Kindred Studies
BSNR	Buletinul Societăţii Numismatice Române, Bucureşti
Byzantinobulgarica	Byzantinobulgarica, Sofia
CA	Cercetări arheologice. Bucureşti
Carpica	Carpica. Muzeul de Istorie şi Artă, Bacău
CAANT	Cercetări arheologice în aria nord-tracă. Institutul Român de Tracologie, Bucureşti
CCA	Cronica cercetărilor arheologice
CCDJ	Cultură şi Civilizaţie la Dunărea de Jos, Călăraşi
Chiron	Chiron. Mitteilungen der Kommission für Alte Geschichte und Epigraphik des Deutschen Archäologischen Instituts, München
Codrul Cosminului	Codrul Cosminului, Universitatea „Ştefan cel Mare" Suceava
Current Anthropology	Current Anthropology. Boston University, Boston
Dacia N.S.	Dacia. Nouvelle Série: Revue d'archéologie et d'histoire ancienne, Bucureşti
Eurasia Antiqua	Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens, Berlin
FA	Folia Archaeologica. Budapest.
Hierasus	Hierasus. Acta Moldaviae Septentrionalis, Botoşani
Hyperboreus	Hyperboreus. Bibliotheca Classica Petropolitana, St. Petersburg
Historia	Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte, Wiesbaden
Ialomiţa	Ialomiţa (Studii şi comunicări). Muzeul Judeţean Ialomiţa, Slobozia

ISM	Inscripţiile din Scythia Minor, Bucureşti
Istros	Istros, Buletinul Muzeului Brăilei, Brăila
KözlKolozsvár	Közlemények az Erdély Nemzeti Múzeum, Érem- és Régiségtárából, Kolozsvár. Cluj-Napoca
LGPN	A Lexicon of Greek Personal Names, Oxford
LIMC	Lexicon iconographicum mythologiae classicae, Zürich
MAVA	Materialien zur Allgemeinem und Vergleichenden Archäologie. Mainz am Rhein
MCA	Materiale şi cercetări arheologice, Bucureşti
Memoria Antiqvitatis	Memoria Antiqvitatis. Acta Musei Petrodavensis, Piatra Neamţ
MMJ	Metropolitan Museum Journal
MitteArchIst	Mitteilungen des Archäologischen Institutes der Ungarischen Akademie der Wissenschaften, Budapest.
Mousaios	Mousaios. Muzeul Judeţean Buzău, Buzău
PBF	Prähistoriche Bronzefunde. Stuttgart
Peuce	Peuce. Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, Tulcea
Pontica	Pontica. Studii şi materiale de istorie, arheologie şi muzeografie, Constanţa
Prehistoire Europeenne	Prehistoire Europeenne. Études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège, Liège
Przeglad archeologiczny	Przeglad archeologiczny, Poznan
PZ	Prähistorische Zeitschrift, Berlin
Quaternaire	Quaternaire, Paris
RE	Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
Revista arheologică	Revista arheologică. Institutul de Arheologie şi Istorie Veche, Chişinău
Revista arheologică S.N.	Revista arheologică S.N. Institutul Patrimoniului Cultural, Chişinău
Revista Muzeelor	Revista Muzeelor, Bucureşti
SAA	Studia Antiqua et Archaeologica. Universitatea „A.I. Cuza", Iaşi
SCIV(A)	Studii şi cercetări de istorie veche (şi arheologie), Bucureşti
SCN	Studii şi Cercetări de Numismatică, Bucureşti
Slovenska Archeologia	Slovenska Archeologia, Bratislava
Stratum plus	Stratum plus. Şcoala Antropologică Superioară, St.-Peterburg-Chişinău-Odessa
Thetis	Thetis. Mannheimer Beiträge zur Klassischen Archäologie und Geschichte Griechenlands und Zyperns, Mannheim
Thracia	Thracia, Sofia
Thraco-Dacica	Thraco-Dacica. Institutul Român de Tracologie, Bucureşti
Tibiscus	Tibiscus. Muzeul Banatului, Timişoara
Tyragetia	Tyragetia. Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, Chişinău
UPA	Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Bonn
Zargidava	Zargidava, Bacău
ZPE	Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

АЛЛУ	Археологічний Літопис Лівобережної України. Полтава
Археология	Археология, София
Археологія	Археологія, Кїив
Археологические вести	Археологические вести, Москва
АИМ	Археологические исследования в Молдавии, Кишинев
АКМ	Археологическая карта Молдавской ССР, Кишинев
АО	Археологические Открытия, Москва
АСГЭ	Археологический Сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград/Санкт Петербург
БКПЧП	Бюллетень Комиссии по изучению Четвертичного периода, Москва
ВАУ	Вопросы археологии Урала. Свердловск
ВДИ	Вестник древней истории, Москва
ГИМ	Государственный исторический музей
ЗООИД	Записки Одесского общества изучения древностей, Одесса
Карпатика	Карпатика. Институт Карпатоведения, Ужгород
КСИА	Краткие сообщения Института Археологии АН СССР, Москва
КСИИМК	Краткие сообщения Института Истории Материальной Культуры, Москва-Ленинград
КСОГАМ	Краткие сообщения Одесского Археологического Музея, Одесса
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук
ИГАИМК	Известия государственной академии материальной культуры
МАК	Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР	Материалы по археологии России. Санкт-Петербург
МАСП	Материалы по археологии Северного Причерноморья, Одесса
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР, Москва-Ленинград
МИАЭ МССР	Материалы и исследования по археологии и этнографии МССР, Кишинев
МИИКНСК	Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Москва
ПАЗ	Полтавський археологічний збірник. Полтава
РА	Российская Археология, Москва
РАЕ	Российский археологический ежегодник
РСМ	Раннеславянский мир
Сборник МАЭ	Сборник Музея антропологии и этнографии, Санкт-Петербург
СА	Советская Археология, Москва
СГЭ	Сообщения государственного Эрмитажа
САИ	Свод археологических источников, Москва
ССПК	Старожитності Степового Причономор'я і Криму, Запоріжжя
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа
Труды ГИКМ	Труды Государственного Историко-Краеведческого Музея, Кишинев
Тр. ГИМ	Труды Государственного исторического музея
Труды СУАК	Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов
УАВ	Уфимский археологический вестник. Уфа
Ученые записки	Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР

Condiţiile de publicare în revista „Tyragetia”

Stimaţi colegi,

Revistă prevede publicarea studiilor arheologice, istorice, muzeografice, rezultatele cercetărilor ştiinţelor interdisciplinare în domeniul arheologico-istoric, ocrotirea patrimoniului.

Articolele şi alte tipuri de lucrări ştiinţifico-muzeografice vor reflecta din punct de vedere geografic spaţiul balcanico-carpato-pontic şi teritoriile limitrofe.

Articolele pot fi prezentate în limbile română, rusă, engleză, germană, franceză.

Toate materialele prezentate spre publicare urmează a fi recenzate de membrii Colegiului de redacţie precum şi de alţi specialişti în domeniu.

În cazul unui aviz negativ, Colegiul de redacţie nu este obligat să comenteze decizia sa.

Volumul manuscriselor nu va depăşi 100 mii caractere, (aproximativ 2,5 c.a.), inclusiv bibliografia, rezumatele şi ilustraţiile. Textul lucrărilor trebuie prezentat în formă de manuscris şi în format electronic: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5.*

Articolele trebuie să fie însoţite de un rezumat în trei limbi: română; rusă; engleză (germană sau franceză).

Planşele (ilustraţiile), în format A4, se vor prezenta în formă grafică clară, cu numerotarea poziţiei fiecărui obiect. Materialul ilustrativ trebuie să fie însoţit de o lista a planşelor cu o legendă exhaustivă (tradusă şi în limbile rezumatului). Planşele (TIF, JPG – nu mai puţin de 300 dpi) şi lista lor (*Microsoft Word*) se va prezenta şi în format electronic.

Notele bibliografice se prezintă în original în textul manuscrisului: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Explicaţiile, comentariile, precum şi referinţele la fonduri de arhivă, muzee etc. se vor face la subsolul paginii.

Bibliografia se prezintă în ordine alfabetică, la sfârşitul textului.

Modul de citare a monografiilor:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).
Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Київ 1974).

Modul de citare a articolelor publicate în culegeri de lucrări ştiinţifice:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.
Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Modul de citare a lucrărilor publicate în ediţii periodice (reviste, anuare etc):

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.
Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Modul de citare a materialelor publicate în volumele simpozioanelor şi conferinţelor ştiinţifice:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.
Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Київ, 1968), Київ 1972, 106-110.

În cazul utilizării unor prescurtări în text, precum şi în bibliografie, se anexează o listă de abrevieri.

La sfârşitul textului se anexează date despre autor: numele, prenumele; gradul ştiinţifico-didactic; funcţia; instituţia; adresa; telefon, fax, e-mail.

Anual, termenul de prezentare a materialelor este 1 decembrie

The following conditions for publishing in the „Tyragetia" journal will apply

Dear Colleagues,

The journal provides publications on various aspects of archaeology, history, museology, results of scientific researches in interdisciplinary sciences in the field of archeology and history, protection of cultural heritage.

Contributions and other types of scientific-museological works should reflect the Balkan-Carpathian-Pontic regions and the neighboring territories from the geographic point of view.

Contributions should be submitted in Romanian, Russian, English, German and French.

All material presented for publication will follow review by the Editorial Board members and other specialists.

The Board is not obliged to comment negative reviews.

The volume of the manuscripts shouldn't exceed 100,000 signs, (approximately 2,5 ens), including bibliography, summaries and illustrations. The texts of the contributions should be submitted in the form of manuscripts and in electronic format: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5.*

Articles should be accompanied by a summary in three languages: Romanian, Russian, English (German or French).

Illustrations should be provided in A-4 format with all the objects supplied by numbers. The tables themselves should be numbered; a complete list of the tables should be offered and accompanied by relevant information (translated in the language of the summary).Tables (TIF, JPG - not less than 300 dpi) and lists (*Microsoft Word)* of illustrations should be provided in electronic format.

Bibliographical notes in the text of the manuscript should be presented in the original: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Bibliography should be provided at the end of a contribution in the alphabetical order.

Monographs:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).

Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Київ 1974).

Samples of articles published in scientific collections:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Articles published in journals:

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.

Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Contributions to conference proceedings:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.

Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Київ, 1968), Київ 1972, 106-110.

If abbreviations are used, a list of them should be provided.

Personal data about the author should be provided at the end of the text: name, surname; academic degree; function; institution; address; phone and fax numbers and e-mail.

The deadline for contributions to be published: 1 December

Условия для публикации в журнале «Tyragetia»

Уважаемые коллеги,

В журнале будут опубликованы научные статьи по археологии, истории, музеологии, результаты междисциплинарных научных исследований в этих областях, а также работы по охране культурного наследия.

Статьи и другие типы научно-музееведческих работ должны отражать территорию балкано-карпато-понтийского региона и соседние территории.

Статьи могут быть представлены на румынском, русском, английском, немецком и французском языках.

Материалы представленные к публикации, рецензируются членами редакционной коллегии, а также другими специалистами.

Коллегия не обязана комментировать негативные рецензии.

Объем рукописи не должен превышать 100.000 знаков (примерно 2,5 авторских листа), включительно библиография, резюме и иллюстрации. Тексты статей должны быть представлены в виде рукописи и в электронном формате: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5.*

Статьи должны сопровождаться резюме на трех языках: румынском, русском, английском (немецком или французском).

Иллюстрации (таблицы) в формате A4 должны быть представлены в четкой графической форме с указанием номера каждого предмета. Иллюстрации должны сопровождаться списком таблиц с полной информацией (переведенным на языках резюме).

Таблицы (TIF, JPG - не менее 300 dpi) и списки (*Microsoft Word*) иллюстраций должны быть представлены в электроном формате.

Библиографические сноски представляются в тексте рукописи в оригинале согласно следующим критериям: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Библиография должна быть дана в конце текста статьи, в алфавитном порядке.

Примеры для монографий:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).

Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Примеры для работ, опубликованных в сборниках:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Примеры для работ, опубликованных в периодических изданиях:

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.

Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Примеры для работ, опубликованных в материалах конференций и семинаров:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2o04, 332-337.

Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

Если в статьи использованы сокращения, тогда список сокращений прилагается.

В конце текста статьи прилагается также краткая информация об авторе: фамилия, имя, ученая степень, должность и место работы, адрес, телефон, факс, e-mail.

Ежегодно последний срок представления рукописей 1 декабря

BONS OFFICES
Casa Editorial Poligrafică

Casa editorial-poligrafică „Bons Offices”
mun. Chişinău, str. Feredeului 4/6, MD-2005
tel/fax.: 500-894; tel.: 500-895, 500-578
e-mail: ion@bons.md